ПАМЯТНИКИ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ
XII век

ПАМЯТНИКИ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ
XII
ВЕК

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПАМЯТНИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЙ

РУСИ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1980

ПАМЯТНИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЙ

РУСИ

XII век

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1980

Р1
П15

Вступительная статья
Д. С. ЛИХАЧЕВА

Составление
и общая редакция
Л. А. ДМИТРИЕВА
Д. С. ЛИХАЧЕВА

Оформление
художника
В. ВАГИНА

П $\frac{70301\text{-}356}{028(01)\text{-}80}$ 50-79

ЛИТЕРАТУРА
ЭПОХИ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Эпоха, которой принадлежит гениальный памятник «Слово о полку Игореве», противоречива и трагична в своей основе. С одной стороны, она отмечена высоким развитием искусств: живописи, архитектуры, прикладного искусства, литературы, а с другой — она характеризуется почти полным распадом Русского государства на самостоятельные княжества, отмечена разорявшими страну междоусобными войнами князей и чревата крайним ослаблением Руси как единого целого в военном отношении. В свое время — в конце XI и в первой четверти XII века — Владимир Мономах вносил сильное сдерживающее начало в процесс дробления Русской земли. Ему удалось глубокими походами в степь утишить половцев. Со смертью Владимира Мономаха в 1125 году вражда между отдельными русскими князьями усиливается, а через некоторое время возобновляются и набеги половцев. Вплоть до татаро-монгольского нашествия междоусобия отдельных ветвей княжеского рода становятся все более и более частыми. Воюют в основном потомки Владимира Мономаха — «мономаховичи» — с потомками постоянного противника Мономаха Олега Святославича — «ольговичами». Но внутри каждого из этих родов возникают собственные противоречия интересов. Слабеет значение Киева как объединяющего центра Руси, особенно после тех разорений, которым подвергли его сами русские князья. Возникают новые сильные центры притяжения — Владимир-Залесский во Владимиро-Суздальской земле, Чернигов, Владимир-Волынский и Галич на юго-западе Руси, Новгород и Смоленск на севере и северо-западе. Появляется тенденция к еще более мелкому дроблению. Политическое и военное единство Руси фактически перестает существовать. Однако не прекращается сознание исторического, языкового и культурного единства всего русского народа на огромном пространстве северо-востока Европы. Развивается трагическое противоречие между осознанием себя как единого целого и фактическим положением дел. В этих условиях особую роль суждено было сыграть литературе.

*

Литература народа — это не простая совокупность литературных произведений. Сами по себе отдельные произведения еще не создают литературы как единого целого. Произведения составляют литературу, когда они связаны между собой в некое органическое единство, влияют друг на

друга, «общаются» друг с другом, входят в единый процесс развития и несут совместно более или менее значительную общественную функцию.

Уже в XI веке началось «взаимообогащение литературных произведений», которое в условиях Древней Руси сводилось главным образом к заимствованию из одного произведения в другое целых отрывков или отдельных фраз, к присоединению произведений друг к другу, к их включению друг в друга, к составлению их новых редакций и новых памятников на основе старых.

Вся литература XII — начала XIII века является единым реальным целым, в котором произведения объединяются, соединяются между собой, продолжают друг друга, составляются на основе переписки нескольких писателей, живущих в разных концах Русской земли. При этом она становится литературой единой темы — темы Русской истории, литературой единой идеи — идеи необходимости единения. Вся русская литература XII — начала XIII века по существу одно произведение, которое мы могли бы назвать своеобразной проповедью единства Русской земли,— проповедью, составленной в разных концах Руси и в едином стиле монументального историзма, который, возникнув в XI веке, именно в XII и начале XIII века достигает своего особенно активного и действенного расцвета.

Академик М. Н. Сперанский писал о «нескольких типах литературы» в период раздробленности Руси. «И типы эти,— добавлял он,— будут основаны, между прочим, на различиях племенных, также и областных (государственных). Несомненно, что благодаря различной культуре отдельных племен и христианская литература распространялась далеко неравномерно, иначе сказать: перед нами этнографический принцип развития нового миросозерцания»[1].

Представления о том, что литература была так же «раздроблена», как был раздроблен на отдельные феодальные княжества весь государственный строй Древней Руси, стали общим местом всех историй литературы. Однако, в отличие от М. Н. Сперанского, все последующие исследователи главное значение придавали не «этнографическому принципу», а политическому, и разделение русской литературы в XII и в начале XIII века вели главным образом по княжествам, а не по племенам.

Между тем русская литература этого периода не только развивается как единое целое, но и не обнаруживает никаких признаков стремления к самостоятельному и замкнутому развитию в отдельных областях и княжествах. Ни одно из произведений не выступает с проповедью разделения Руси, выделения того или иного княжества в самостоятельное государство, не отражает стремления к культурному отъединению. Напротив, писатели этого периода как бы устремляются друг к другу через огромные расстояния, пытаются установить между собой связи, вступают в переписку, ощущают свою общность и избегают творческого одиночества.

---

[1] М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. Пособие к лекциям в университете. Введение. Киевский период. Изд. 3-е. М., 1920, с. 282.

Стремление к преодолению расстояний определяет весь характер литературы этого периода. Каждое из княжеств дорожит своею исторической общностью с другими княжествами. Монументально-исторический стиль определяет содержание, форму и самые способы ведения летописания, составления литературных произведений, отношение писателей к окружающему миру и характер литературной традиции.

*

Начнем с летописания, которое в силу своего местного происхождения, казалось бы, должно было более всего отразить местный характер литературы, если бы он действительно существовал. Между тем именно летописям принадлежала главная роль в деле взаимообогащения литературы в XI—XIII веках.

«Повесть временных лет», составленная в самом начале XII века, подвела своеобразный итог литературному развитию предшествующего времени. Она явилась своего рода «литературной антологией» русских и переводных произведений. Помимо предшествующих летописных сводов и византийских хроник в «Повести временных лет» были отражены идеи и отдельные выражения из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Поучение о казнях божиих» Феодосия Печерского, жития первых русских святых и сказания о первых насельниках Киево-Печерского монастыря, повесть об ослеплении Василька Теребовльского и многое другое[1]. В XII веке происходит дальнейшее развитие объединяющего значения «Повести временных лет». Она ставится в начало многих местных летописей. По-видимому, «Повесть временных лет» начинает собой Черниговское летописание князей «ольговичей» (потомков Олега Святославича). Она появляется в Переяславле-Южном, во Владимире-Волынском и во Владимире-Залесском. В последнем княжестве в один из списков «Повести временных лет» включается собрание сочинений Владимира Мономаха — его «Поучение», его автобиография и его письмо к Олегу Святославичу. И это включение сочинений Мономаха становится важнейшей символической акцией, знаменуя собой принятие политических и моральных заветов Мономаха во Владимиро-Суздальском княжестве.

Движение «Повести временных лет» по всему горизонту Русской земли не было только историко-литературным фактом. Это был факт политического самосознания.

В XII веке многие летописи, продолжающие общерусское летописание, составляются в разных городах и монастырях Руси. Летописи ведутся не только в Киеве, но и в Чернигове, в Переяславле-Южном (летопись княжеская и летопись епископская), в Новгороде (и при владычнем дворе в Святой Софии, и в небольшой уличанской церкви Якова в Неревском конце Новгорода), и во Владимире-Залесском, и в Ростове, и во Владимире-Волынском, и в Смоленске, а возможно, и во многих других городах Руси.

[1] А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. IV. М. — Л., 1940.

При этом замечательным свойством русского летописания оставалось его стремление охватить все русские события, всю Русскую землю. В Киевской летописи, начиная со второй половины XII века, мы находим черниговскую летопись и летопись Переяславля-Южного, извлечения из северо-восточного летописания. В летописи Переяславля-Южного отражается Киевская летопись. В новгородском летописании, открывавшемся киевским Начальным летописным сводом XI века, в начале XIII века отражается рязанское летописание и постоянно делаются попытки выйти за пределы только новгородских событий.

В летописание Владимира-Залесского включаются обе летописи Переяславля-Южного — епископская и княжеская, а через них и Киевская летопись.

Выходило за пределы местных событий и летописание Владимира-Волынского.

Летописцы как бы ищут друг друга, их летописи постоянно переписываются и перевозятся из одного княжества в другое. В этом сказываются объединительные тенденции летописцев, их замечательное стремление к «преодолению пространства».

В разнообразии манер, в которых написаны дошедшие до нас летописи (из них главные рукописи — Ипатьевская XV века, Лаврентьевская XIV века и Синодальный список Новгородской первой летописи XIII века), сказываются не столько местные черты, так называемое «областническое начало», сколько разнообразие жанров вошедших в них произведений, разнообразие социальной принадлежности летописцев и разнообразие литературных и «деловых» влияний, которое они испытали.

В Киевский свод 1200 года (он читается ныне в составе Ипатьевской летописи) вошли не только летописи других летописных центров Руси, но и особый жанр семейных хроник князей — Ростиславичей (потомков Ростислава Мстиславича), Святослава Ольговича и его сына Игоря Святославича (героя «Слова о полку Игореве»), вошли повести о княжеских преступлениях — Повесть об убийстве Игоря Ольговича и о преступлении Владимирки Галицкого. Заключался свод торжественной речью игумена Выдубецкого монастыря Моисея по случаю построения монастырской стены над Днепром. Этим обилием и жанровым разнообразием источников определилось в значительной мере литературное богатство сохранившейся до нашего времени Ипатьевской летописи за XII век.

Летопись Владимира-Залесского (она сохранилась в составе Лаврентьевской) велась при храме Успения богородицы и поэтому отразила стремление своих церковных составителей видеть в каждом знаменательном событии заступничество богородицы, ее особое покровительство городу Владимиру и владимирскому князю. Летопись Владимира-Залесского отразила влияние главным образом церковной литературы: Паримийника, Жития Бориса и Глеба, слова Феодосия Печерского о «казиях божиих», «Слова о Законе и Благодати» и проч.

Значительно меньше литературных источников отразила Новгородская летопись. Ее язык ближе всего деловой прозе — языку берестяных грамот и «Русской Правды».

Замечательно, однако, что литературные источники летописей также свидетельствуют об их распространении по всей Русской земле. Так, например, киевское «Слово о Законе и Благодати» оказывает воздействие на летопись и на северо-востоке Руси во Владимире-Залесском, и на юго-западе — во Владимире-Волынском. Характерно также, что наиболее детальный рассказ об убиении Андрея Боголюбского попал не в летопись Владимира-Залесского, где события происходили, а в киевскую (сейчас этот подробный рассказ читается в Ипатьевской летописи, а более сжатый — в Лаврентьевской).

Своеобразную местную ограниченность можно усмотреть лишь в некоторых частях новгородского летописания, но объясняется это тем, что одна из новгородских летописей велась в небольшой церкви уличан на Яковлевой улице Неревского конца Новгорода ее попом Германом Воятой. Священники уличанских церквей в Новгороде выбирались жителями улицы, и этим, очевидно, объясняется, что Герман Воята (Воята — сокращение языческого имени Воислав) был носителем полуязыческих представлений. Записи этого священника с двойным — христианским и языческим — именем имеют отчасти личный характер. Так, например, под 1138 годом Герман Воята записывает, что 9 марта «бысть гром велий, яко слышахом чисто в истьбе седяще». В тот же год 23 апреля «пополошишася людье: сългаша бо, яко Святопълк у города с пльсковици (псковичами. — *Д. Л.*), и высушася вьсь город к Сильнищю, и не бы ничто же». В стилистическом отношении очень интересна запись 1143 года, в некоторых своих частях передающая даже короткий ритм устной речи: «...стояше вся осенина дъждева, от Госпожина дни до Корочюна, тепло, дъжгь». Обращает на себя внимание в этой записи также и замена в определении времени христианского Филиппова заговенья языческим «Корочюном».

Общественный строй Новгорода отразился и на других новгородских летописях, вошедших в состав новгородского летописания при новгородском Софийском владычнем дворе. Язык новгородских летописей простой, с малым количеством церковнославянизмов. В этой же летописи сильнее, чем в каких-либо иных, могут быть отмечены языковые диалектизмы. Элементы новгородского говора выступают в новгородских рукописях вообще довольно рано (так, например, они есть уже в новгородской Минеи 1096—1097 гг.), но и эти диалектизмы не служат еще признаком «областного этнографического» принципа в развитии литературы. Это все свидетельства только языковых различий, но не появления областного самосознания.

В идейном отношении отдельные летописи, как и отдельные повести о княжеских преступлениях, могли стоять за своего князя, за своих местных князей, высказывать различные политические убеждения (летопись была далеко не бесстрастной и равнодушной к добру и злу), но ни один летописец никогда не высказывался за отделение своего княжества в самостоятельное государство, за сепаратистский принцип в жизни страны. Напротив, спор шел только о том, кто из князей, какая из княжеских родовых линий лучше всего служит единству Русской земли.

Та же постоянная общерусская интеграция пронизывает собой и наиболее значительный памятник историко-церковной литературы начала XIII века — Киево-Печерский патерик.

Он создавался постепенно в разиых концах Русской земли, иа основании различных предшествующих ему литературных памятников и был проникнут идеей общерусского зиачеиия Киево-Печерской обители.

Патерик возник в двух крайних концах Русской земли — из переписки киево-печерского моиаха Поликарпа с владимиро-суздальским епископом Симоиом. В своем письме из Киева во Владимир Поликарп пожаловался Симону, что его обходят в церковных изиачениях. Симои ответил Поликарпу наставительным письмом на тему о великой чести подвизаться на Киево-Печерской земле и к своему письму присоедииил иесколько коротких рассказов о жизни печерских монахов. Письмо, очевидно, подействовало иа Поликарпа, и он дополнил рассказы Симоиа своими собственными в письме к печерскому игумену Акиндину. Письма Симона и Поликарпа были объединены в XIII веке со сказанием Нестора о первых черноризцах Печерских, которое в свое время было включено в состав «Повести временных лет» со сведениями из ие дошедшего до нас Жития Аитония Печерского, а также Житием Феодосия Печерского и иекоторыми другими литературиыми материалами. Так создалось сводиое произведеиие, ие совсем похожее по форме и жанровым признакам на византийские патерики, но тем не менее названное в поздних своих списках именно патериком, чтобы как-то ввести его в привычные церковные жанры.

В Киево-Печерском патерике сказались разнообразные влияния: и влияние эпистоляриой практнкн своего времеин, н воздействне тех же греческнх патернков, отразнлнсь летопнсиая форма нзложеиня, стнль жнтнйной лнтературы, стнль учнтельиых сочнеинй н, иакоиец, содержаине устных слухов, преданнй н другнх жаиров восточио-славяиского фольклора. В лнтературиой нсторни Киево-Печерского патерика можио проследить удивительный процесс формирования оригинального по своим жанровым признакам большого памятника на основании множества самых разнообразных и порой неожиданных влияний. Одиако ие меиее оригинальным явился Кнево-Печерскнй патернк и в идейном отношении. Христианские представления соединились в его идейном содержании с древним культом Земли[1], который также в какой-то мере отразился на идейной стороне монументально-исторической стилистической формации.

В патерике подчеркивается, что Киево-Печерская Успенская церковь воздвигнута «от Севера» и «от Юга»: варягами, давшими материальные средства, и греками, чудесным образом посланными из константинопольского монастыря Влахерны, чтобы построить монастырскую церковь и расписать ее.

---

[1] О культе Земли см. подробиее в работе: В. Л. Комарович. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. XVI. М.—Л., 1960.

Место, иа котором построеиа церковь — свято. Оио указаио чудесами. Чудесно указана и мера церкви. По ней, этой мере, выстроены Успенские же церкви богоматери в Ростове и Суздале. Из Печерского монастыря выходят епископы, а иноки его строят монастыри по всей Руси — вплоть до далекой Тмуторокани на Черном море. Монастырь как бы распространяет знаки святости по всей Русской земле. Это святыня всерусская и всесветная.

Всякая местность освящается построеиием в ией моиастыря или церкви, историческими или церковио-историческими воспомииаииями. По сути дела иа этом строилось и поиятие «Святой Руси»: каждое место в ией утверждалось в своей абсолютиой цеииости благодаря этим «отметкам» — освящеиию их воспомииаииями и строеииями.

Характерио, что владимирский епископ Симои в своем письме в Киев к Поликарпу пишет о «Русском мире» и о той роли, которую играет в ием Киево-Печерский моиастырь. Имеиио отсюда, из Киево-Печерской обители, вышли русские церковные иерархи — Киева, Переяславля, Ростова, Новгорода, Владимира, Юрьева, Полоцка, Тмуторокаии, Чериигова, Турова, Белгорода, Суздаля. «И аще хощеши вся уведати, почти летописца стараго Ростовьскаго». В этом летописце Симои отмечает 30 имеи русских иерархов, вышедших из Киево-Печерского моиастыря, а всего, считая и тех, кто жил позднее, «и до нас, грешных», отмечает Симои, было их около пятидесяти.

При этом обратим виимание вот на что: чтение, и особеино чтение летописи, по словам Симоиа, виушает мысль о зиачеиии Печерской обители для всего «Русского мира». Такова же роль чтеиия и в проповеди мира, как тишины и спокойствия, братолюбия князей. «Русский мир» и «мир в Русской земле» — это по существу нечто общее. Эта идея роли чтеиия — по своему замечательиа и очеиь действеииа. Ни один из писателей XII — начала XIII века не опускался до высказываний за разделение Русской земли. Летописцы и отдельные книжники могли ошибаться и могли находить именно своего князя правым в создававшихся конфликтах, считая его первым среди русских князей и наиболее достойным занять в Русской земле или в том или ином княжестве руководящее место, однако в целом русская литература на всем протяжении ее вплоть до Батыева нашествия проповедовала только одно: необходимость «блюсти Русскую землю».

Киево-Печерский патерик не только служил идее единства Руси, но и утверждал самобытность этой Руси, способствовал формированию в ней церковного идеала поведения, своих русских церковных обычаев, монашеского «этикета». Так, например, в патерике рассказывается, как родился русский обычай вкладывать в руку умершего написаииую молитву с просьбой о прощенин ему грехов. Авторы патерика сознавали, что этого обычая нет в других землях.

Авторы патерика стремились создавать идеал чинного образа жизни не только в монастыре, но и за его пределами. В патерике рассказывается, например, на основании Жития Феодосия, как киевский князь Изяслав, иавестив однажды Феодосия, спросил у иего: почему так вкусиа пища

в его монастыре, тогда как на его собственных пирах, где пища различна и многоценна, она «не суть такова сладка, яко же сна». Феодосий разъяснил князю: потому, что она готовится в монастыре благоговейно и по обрядам, описал эти обряды, а у князя пища приготовляется рабами, которые работают «сварящеся (ссорясь. — *Д. Л.)* и шегающе (насмехаясь. — *Д. Л.)* и кленуще друг друга, и многажды же биеми суть от приставник, и тако вся служба их с грехом съвръшаеться».

Патерик относится к тому времени, когда происходило становление феодального быта, устанавливался этикет — этикет поведения, этикет воинский, княжеский, монашеский. Каждое сословие в это время предстает в литературе как бы в своем геральдическом знаке, изображающем его в момент исполнения им его высшего сословного долга: князь выезжает на битву впереди войска и первым ломает в битве копье (т. е. начинает битву); подручные князя ездят у стремени своего главы; отроки предстоят перед князем; бояре заседают в совете («бояре думающие»); крестьяне пашут и т. д. Характерен тот образ работающего монаха, который дает Киево-Печерский патерик: «Многажды же великому Никону седящу и строащу книгы, и блаженому (Феодосию. — *Д. Л.*) въскрай его седящю и прядущу вервие еже на потребу таковому делу. Таково бе того (Феодосия. — *Д. Л.)* смирение и простота». Сравните в патерике другую идиллическую сцену с тем же Феодосием: Ларион «бяше бо книгам хитр писати, и съй по вся дъни и нощи писаше книгы в келии блаженнаго отца нашего Феодосиа, оному же (т. е. Феодосию. — *Д. Л.*) псалтыр поющу усты тихо и рукама прядуща вълну или ино кое дело...» «Делание» книг (их писание, переплетание и проч.) — это одно из важнейших монашеских занятий. Но есть и другие. Патерик замечателен тем, что живописует и эти занятия монахов помимо молитвы и бдения — в садоводстве, в приготовлении пищи, а иногда и в руководстве строительными работами. В последнем случае описываются в патерике и конфликты, возникающие между работниками, нанятыми со стороны, и монастырем. Не всегда идеально ведут себя и сами монахи. В них сказываются и дурные черты характера, и разные слабости. Однако конфликты в конце концов прекращаются и монашеская идиллия восстанавливается.

Патерик, с одной стороны, показывает нам становление на Руси нового литературного жанра, с другой же стороны, параллельно этому — становление на Руси феодального быта и феодальных идеалов поведения. Восхваляя или осуждая, авторы патерика и в том, и в другом случае пропагандировали идеальные с их точки зрения отношения внутри монастыря и с окружающим его обществом — князем в первую очередь.

*

Становление литературных жанров, как и становление опять-таки быта, в целом рисует нам и другое знаменитое произведение того времени — «Моление Даниила Заточника». Это произведение во многом загадочное, но и безусловно замечательное. Не ясен прежде всего главный персо-

наж — он же и предполагаемый автор «Моления» — Даниил Заточник: кто он по своему социальному положению, чьи интересы он выражает, какому князю служит. Не ясна и жанровая принадлежность произведения. «Загадочность» «Моления» не случайна — это результат того, что сама литература находилась в XI—XIII веках в процессе жанрообразования, а общество было обществом несформировавшимся, становящимся, находящимся в процессе классообразования. Если принять во внимание эту неустойчивость общества и всеобщее стремление обрести эту устойчивость, в частности в литературе, где шли поиски новых жанров, отвечающих задачам русской действительности, то объяснение «Молению» может быть дано такое.

В византийской и древнерусской литературе еще в XI веке существовали сборники изречений. В частности, известен был в Древней Руси «Стословец» Геннадия — сочинение, возможно, и древнерусское. Но в этих сборниках изречения не располагались в каком-либо стройном порядке. Каждое изречение имело самодовлеющее значение. «Моление» — это тоже в какой-то мере сборник изречений, но нанизанных на определенный и довольно острый сюжет: бедный, зависимый, а может быть, и сосланный человек размышляет над тем, как ему выбраться из своего тяжелого положения, прикидывает различные жизненные ситуации, которые помогли бы ему выбраться из его унижений, и обращается к князю с разными мольбами. Положение, знакомое различным эпохам, но особенно острое для эпохи совершающегося классообразования. Мысленно примеривая себя к разным жизненным ситуациям, Даниил шутит над собой. Он вымаливает у князя милость, может быть — подачку, стремится рассмешить князя или поразить остроумием. Среди его шуток — предложение жениться на богатой, но «злообразной» жене и изображение этой жены: это как бы сценки для пирушек, на которых присутствуют только мужчины. Восхваляя силу князя и преувеличивая, может быть, свою нищету, Даниил вносит оттенок иронии и в свои похвалы князю.

И все же заканчивается «Моление» вполне серьезным превознесением силы князя и мольбой к богу дать «князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову (Александра Македонского. — *Д. Л.*), Иосифль разум, мудрость Соломоню и хитрость (искусность. — *Д. Л.*) Давидову и умножи, господи, вся человекы под нози его». Последняя просьба к богу особенно характерна. В огромных пространствах Русской земли людей было немного. Обязанностью князя было привлечь в свои владения как можно больше крестьян, «блюсти смерд», то есть умерять их эксплуатацию отдельными феодалами в интересах всего класса феодалов в целом, и давать крестьянам надежную защиту от набегов половцев.

*

Широкое видение Русской земли, как бы «панорамное зрение», которое, с одной стороны, охватывало Русь одновременно в разных ее концах и заставляло воспринимать происходившие в ней события в глубокой исторической перспективе (основные признаки монументально-исторического

стиля), с другой — заставляло писателей и читателей древнерусских произведений XII — начала XIII века интересоваться и окружающими Русь странами. Этот интерес особенно характерен для Галицко-Волынского летописания, вошедшего в состав сохранившейся до нашего времени Ипатьевской летописи. В последней мы постоянно находим сведения об отношениях с Венгрией, Польшей, Литвой, Византией, половцами. Русская земля мыслится не только во всей ее широте, но и как часть вселенной, во всяком случае — как часть христианского мира.

Этому осознанию Руси как части вселенной служил жанр «хождений» в «Святую землю» и в Царьград. Это были два центра мировой истории и мира в его целом. Приобщение к этим центрам воспринималось как приобщение к мировому единству. Паломники и простые путешественники как бы удостоверялись в своих путешествиях, что мир как целое существует, существует и «священная» история мира.

Первым из «хождений» было «Хождение в Святую землю игумена Даниила». Путешествия в Палестину, на Афон и в Константинополь совершались и до XII века. На Афоне был, например, основатель Киево-Печерского монастыря Антоний, путешествовал туда же игумен Варлаам, но только игумен Даниил оставил об этом своем путешествии в Палестину подробные и знаменательные записки. Его записки обращены ко всем русским, кто хотел бы вслед за ним совершить паломничество в те же места. Это своего рода путеводитель: подробный и наставительный. Он свидетельствует о чувстве неразрывной связи всей Русской земли с тогдашним религиозным центром мира, и не случайно, что в Иерусалиме игумен Даниил возжигает кадило у гроба господня «от всей Русской земли», а не только от своего монастыря или княжества. Даниил был в Палестине, когда она находилась в руках крестоносцев. Он был принят королем Балдуином как представитель Русской земли с особенным почетом. Он пишет сам о себе как об «игумене русском», а не какого-то отдельного монастыря.

В «Хождении» Даниила поражает его подготовленность к этому путешествию. Он знает историю тех мест, где он бывал, и соответственно сам выбирает свой маршрут. Такую же осведомленность он предполагает в своих читателях. В своем сочинении он как бы сверяет свои знания с виденным и дополняет уже известные сведения сообщением о сохранности памятников, их размерах, расстояниях между памятными местами, о почитании их среди местного населения и у паломников.

По многим признакам можно считать Даниила выходцем из одного из южных княжеств, однако это никак не сказывается «идеологически». В конце XII века ходил в «Святую землю» и в Царьград новгородец Добрыня Ядрейкович, и он также составил описание своего путешествия — как своего рода путеводитель будущим русским ходокам.

Когда в 1204 году крестоносцы захватили и разграбили Константинополь,— это событие глубоко потрясло Русь. Один из русских, находившихся в это время в Константинополе, составил о взятии Константинополя крестоносцами подробную повесть — одно из самых детальных и обстоятельных описаний этого события. Русский автор этой повести показал

свою глубокую осведомленность в византийских событиях, описал мотивы тех или иных действий обеих сторон и остро почувствовал трагичность происходящего. Повесть составлена одновременно и умело и просто. Автор не только видел некоторые из событий собственными глазами, но и слышал о них от других — от греков. Впоследствии повесть была включена не только в сочинения по всемирной истории («Еллинский и Римский летописец»), но и в Новгородскую летопись: Новгород, стремившийся к церковной самостоятельности от Киева, был особенно тесно связан с Константинополем, несмотря на свою крайнюю отдаленность от него, и новгородцев глубоко интересовало все, что там происходило.

Интерес к мировой истории отразился также в распространении переводных и компилятивных сочинений по всемирной истории — особенно по истории библейской и византийской — с захватом истории Греции и Рима. Особенно большое значение имел в это время «Еллинский и Римский летописец». Под «Еллинским летописцем» разумелось описание языческой части мировой истории, под «Римским» — история христианских государств: Рима Первого, западного, и Рима Второго, восточного, связь с которым ощущалась на Руси не только по церковной линии, но и, в широком смысле,— по культурной.

О мудрости мироустройства подробно говорил «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского. Это сочинение оказывало сильное влияние на всю русскую литературу и отчасти на изобразительное искусство вплоть до XVIII века. Это было любимое произведение русских читателей, интересовавшихся смыслом не только всего преходящего, но и всего «вечно» устроенного. «Шестоднев» рассказывал о творении мира в шесть дней (отсюда и его название) и о целесообразности всего в нем существующего, о саморегулировке всего в природе и самоочищении мира, о круговороте воды, о целесообразности всего живущего, о красоте моря — его набегающих на песчаный берег волнах,— разумности расселения в мире рыб и птиц и о многом другом. Человек был представлен в этом сочинении как центр вселенной, ради которого живет и совершается все в природе и который нравственно отвечает поэтому за все то, что его окружает и ему, в сущности, принадлежит и подчиняется.

Все переводные или перешедшие к нам из Болгарии сочинения как нельзя лучше соответствовали стилю монументального историзма, в рамках которого воспринимался мир в Древней Руси XII—XIII веков. Большинство апокрифов, патеричных рассказов Синайского или Азбучного патериков, сборников изречений учили древнерусского читателя тому же широкому видению, умению за случайным и преходящим угадывать нечто значительное и «вечное».

В тесной связи с произведениями, перенесенными к нам из Болгарии и Византии, находились те русские оригинальные сочинения, которые были написаны в строгих рамках традиционных жанров.

Русская литература в XII и начале XIII века, как мы уже видели, постоянно пыталась создать и развивать свои собственные жанры, способные наилучшим образом ответить потребностям русской действительности. Даже многие традиционные жанры претерпевали значительные измене-

ния — как, например, жития святых, проповеди, поучения, в которые все сильнее и сильнее вторгались политические мотивы. Однако жанр торжественной проповеди сохранился почти без изменений, и в нем древнерусские писатели достигли большого искусства. Таковы были, например, «Слова» Кирилла, епископа Туровского, переписывавшиеся в древнерусских и южнославянских рукописях наряду с произведениями лучших древнехристианских и византийских ораторов: в первую очередь — наиболее авторитетного в Древней Руси отца церкви — Иоанна Златоуста.

«Слова» Кирилла Туровского, посвященные тем или иным церковным праздникам, составлены по самым высоким канонам византийского ораторства, отличаются удивительным изяществом языка, расчетливо учитывающего устное произнесение в церкви при большом стечении молящихся. По-своему — это тоже произведения монументально-исторического стиля и монументально-исторического мышления. Кирилл в каждом из своих «Слов» напоминает слушателям о «вечном смысле» происходящего, о своеобразном священном круговороте праздничного годового цикла. Он приглашал своих слушателей воспарить умом и сердцем, взглянуть на совершающийся праздник как на своего рода вечное действо, существующее «ныне и присно» (т. е. сейчас и всегда).

Очень мало дошло до нас от писаний Климента Смолятича — митрополита из русских, поставленного в Киеве, как в свое время и Иларион, без санкции константинопольского патриарха. Сохранилось лишь его послание некоему священнику Фоме. Это — часть их переписки (а переписка была очень характерна, как уже говорилось, для этого времени), которая велась киевским митрополитом Климентом Смолятичем (он был одно время епископом в Смоленске) с князем Ростиславом Мстиславичем и его священником Фомой. Но эта часть позволяет говорить, что переписка в целом велась по общемировоззренческим вопросам и касалась литературных принципов. Фома обвиняет Климента в том, что он увлекается языческой философией, и, в частности, высказываниями Гомера, Аристотеля и Платона. Это не означает, что Климент хорошо их знал. По-видимому, Климент цитировал греческих философов по сборникам изречений, которые были широко распространены в то время, но все же отзывы летописи о Клименте как о «книжнике» и «философе» свидетельствуют о высокой культуре этого писателя, сочинения которого, к сожалению, в основном до нас не сохранились, хотя летопись и говорит о том, что он был автором «многих» произведений.

*

Кульминация всех идейно-стилистических особенностей литературы XII века — гениальный памятник «Слово о полку Игореве».

По своим идеям «Слово о полку Игореве» не было одиноким памятником. В сущности, вся русская литература XII века пронизана идеей необходимости единения,— особенно единения княжеского, сплочения военного и прекращения усобиц. Литература противостоит печальной действительности. Она отталкивается от нее, призывает к ее исправлению. В этом

своеобразная диалектика отношений литературы и действительности. С одной стороны, она порождена действительностью и не может сказать ничего, чего бы не было в этой действительности или в существующей в это время литературной традиции («вторичной действительности» своего времени); с другой стороны — литература идет впереди своего времени. Это особенно характерно для русской литературы, которая всегда стремилась к исправлению общественных недостатков. На этом передовом характере литературы строился весь общественный авторитет русской литературы. И этот общественный авторитет она стала завоевывать с самого начала, но особенно в XII веке, в эпоху, когда литература составила большую общественную силу, — эпоху «Слова о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» посвящено походу 1185 года на половцев новгород-северского князя Игоря Святославича и написано, очевидно, под свежим впечатлением от его поражения. Но по существу настоящим героем этого произведения является вся Русская земля, взятая в широчайших географических и исторических пределах. Вот в этом широком охвате Русской земли и заключена конкретность призыва автора к единству всех русских княжеств: автор сознает реальное и художественное их единство, их историческую общность и, следовательно, трагичность разрыва между печальной действительностью Руси, ввергнутой в раздоры князей, и идеальным и возможным величием ее истории, ее природы, находящейся в сочувственном единении с русским народом.

Повествование в «Слове о полку Игореве» непрерывно переходит из одного географического пункта в другой. Автор «Слова» постоянно охватывает крайние географические точки своими призывами к единению, обращениями к отдельным князьям. «Золотое слово» Святослава Киевского обходит всю Русскую землю по окружности — ее самые крайние точки. Мифическое существо «Див» кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Сурожу, и Корсуню, и Тмутороканскому болвану на Черном море. Жена Игоря Ярославна плачет на самой высокой точке Путивля, в котором она скрывалась во время пленения Игоря,— на крепостной стене, над заливными лугами Сейма, обращаясь к солнцу, ветру, Днепру. Девицы после возвращения Игоря из плена поют на далеком Дунае, их голоса вьются через море[1] до Киева. Каждое действие воспринимается как бы с огромной высоты. Благодаря этому и сама битва Игоря с половцами приобретает всесветные размеры: черные тучи, символизирующие врагов Руси, движутся от самого моря. Дождь идет стрелами с Дона великого. Ветры веют стрелами с моря. Битва как бы наполняет собой всю степь.

«Слово» постоянно говорит о «славе» князей — нынешних и умерших — и также в этих широчайших пределах. От войска Романа и Мстислава дрогнула земля и многие страны — Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела, и

[1] Хотя между Дунаем и Киевом лежит суша, но автор «Слова», согласно представлениям своего времени, видит пространство по путям передвижения. Путь же от Дуная до Киева шел по морю, а затем по Днепру.

половцы копья свои повергли и головы свои склоиили под те мечи булатные. Князю Святославу Киевскому поют славу немцы и венецианцы, греки и моравы. Пространственные формы приобретают в «Слове» и такие понятия, как «тоска», «печаль», «грозы»: они текут по Русской земле, воспринимаются в широких географических пределах, почти как нечто материальное и ландшафтное.

Стиль монументального историзма сказывается в «Слове» и в попытках передать действие как столкновение сил, как передвижение больших масс. Действующие лица переносятся в «Слове» с большой быстротой: постоянно в походе Игорь, парадируют в быстрой езде «кмети» — куряне, в быстрых переездах Олег Гориславич и Всеслав Полоцкий. Последний, обернувшись волком, достнгает за одну иочь Тмуторокани, слышит в Киеве колокольиый звои из Полоцка и т. д.

Неподвижен великий киязь Святослав Киевский, не его «золотое слово» обращено с Киева «на горах», где он сидит, ко всем русским князьям и обходит по кругу всех русских князей по границам Руси. Движется не он, но зато движется все вокруг него. Он господствует над движением русских князей, управляет их движением. То же самое н Ярослав Осмомысл. Он неподвижен высоко на своем златокованом столе в Галиче, но его железные полки подпирают горы угорские, он мечет бремены через облаки, рядит суды до Дуная, грозы его по землям текут, и он отворяет врата Киеву.

В таком же церемониальном положении изображен и Всеволод Суздальский, готовый вычерпать шлемами Дон, расплескать веслами Волгу, полететь к Киеву. Великий князь церемониально неподвижен, но он среди движения.

Вообще церемониальность играет существенную роль в стиле монументального историзма и, соответственно,— в «Слове о полку Игореве». Не случайно в «Слове» так часто говорится о таких церемониальных формах народного творчества, как слава и плач. Боян поет славу старому Ярославу и храброму Мстиславу, он свивает славы «оба полы сего времени» и исполняет славу князьям на своем струнном музыкальном инструменте. Славу поют Святославу иноземцы. Говорится в «Слове» о плаче русских жен, о пении славы девиц на Дунае, приводится плач Ярославны.

Описан и упомянут в «Слове» целый ряд церемониальных положений: обращение Игоря к войску, звон славы в Киеве: «Звенить слава въ Кыевѣ... стоять стязи въ Путивлѣ». Игорь вступает в золотое стремя — момент тоже церемониальный. После первой победы Игорю подносят «черьленъ стягъ, бѣлую хорюговь, черьлену чолку, сребрено стружие». В церемониальном положении изображен «на борони» Яр-Тур Всеволод. О пленении Игоря сообщается как о церемониальном пересаживании из золотого княжеского седла в седло кощеево (рабское). Своеобразио церемоииальиое положение Всеслава Полоцкого: ои добывает себе Киев, как «девицу любу», скакиув иа коие и дотроиувшись стружием (древком копья) до золотого киевского стола, что иапомииает сватовство к иевесте в русской сказке (Иваиушка скачет иа коне и успевает снять кольцо

с руки царевны, сидящей высоко в тереме). Церемониален плач Ярославны. Она плачет открыто, при всех, на самом видном месте Путивля. Наконец завершается «Слово» великолепной церемонией въезда Игоря в Киев и пением ему славы в разных концах Руси.

Церемониальность и монумеитализм XII века сочетается в «Слове» и с тем, что каждое событие восприиимается в ием в большой исторической перспективе. В «Слове» постояиио говорится о дедах и виуках, о славе дедов и прадедов, об «Ольговом гиезде» (Олег Святославич — дед Игоря). Сам автор «Слова» — внук Бояна, ветры — «Стрибожи внуци», русское войско — «силы Даждьбожа внука», Ярослав Черниговский с подвластными ему войсками ковуев звонят в «прадѣднюю славу». Изяслав Василькович «притрепал» славу деду своему Всеславу Полоцкому. Внуков последнего призывают понизить свои стяги — признать себя побежденными в междоусобных битвах и т. д. и т. д.

Для того, чтобы опоэтизировать события, современные походу Игоря, автор привлекает русскую историю XI века. Свои поэтические сопоставления автор «Слова» делает с историей Олега Святославича и Всеслава Полоцкого, с битвой Бориса Вячеславича на Нежатиной Ниве, с гибелью в реке Стугне юноши князя Ростислава, с поединком Мстислава Тмутороканского и Редеди. Это все события XI века — «дедовские» по времени. Автор вспоминает певца Бояна — также XI века.

В «Слове о полку Игореве» остро ощущается воздух русской истории. Повторяем: «Слово» принадлежит монументально-историческому стилю, который не только определял внешнюю форму произведений, но был глубоко идеологичен и лучше всего мог выразить представления о единстве Руси — в географическом и историческом осмыслении этого понятия. Впоследствии, когда «Задонщина» заимствовала из «Слова» ряд формул, образов и положений, она оказалась неспособной заимствовать от него эту самую характерную и самую важную черту художественной системы «Слова» — его монументальность и глубокий средневековый историзм, придающий «Слову» при всей его лиричности своеобразную эпичность: это как бы плач и слава всей Русской земле в ее огромных пределах и в ее глубокой исторической перспективе.

Монументально-исторический стиль возник вместе с русской литературой. На первых порах (в XI в.) он выражал собой преодоление страха перед пространством, появление широкого вйдения мира, возникновение исторического сознания и ощущение своей связи с окружающим Русь миром, с мировой историей. В эпоху усиленного дробления Руси на отдельные княжества монументально-исторический стиль усложнил свои «идеологические функции»: он был идеальным выражением сознания единства всей Русской земли. В «Слове о полку Игореве» он был теснейшим образом связан с его призывом к единению, к защите пространства Русн, к дннамизму обороны. Благодаря тому, что монументализм выражался в эту эпоху по преимуществу с помощью изображення быстроты передвижения в огромных пространствах,— очень небольшое по своим размерам «Слово» пронзводнло нсключнтельно снльное впечатленне непосредственным ощущеннем единства всей Русской землн как жнвого огромного суще-

ства. Оно сумело соединить лирическое отношение к Руси с эпическим, историю Руси с походом Игоря Святославича, рассказать о несчастных последствиях одного, казалось бы небольшого, похода для всей Руси. По точному определению академика А. С. Орлова: «Героем «Слова» является *«Русская земля»,* добытая и устроенная трудом великим *всего Русского народа»* [1].

«Слово о полку Игореве» не было одиноким памятником своего времени. Это ясно не только потому, что оно принадлежало тому же стилю монументального историзма, к которому принадлежали и все другие произведения того же времени. Это ясно и не потому также, что в нем отразилось то же сознание единства Руси, которым жили все русские произведения XII — первой трети XIII века. В «Слове о полку Игореве» есть и прямые совпадения с летописью (главным образом с Киевской в составе Ипатьевской) и с отдельными произведениями.

Стоит в этой связи остановиться на слове, которое было произнесено 2 мая 1175 года в день празднования памяти Бориса и Глеба в черниговском соборе неизвестным автором,— «Слове о князьях». Оно, очевидно, не случайно предшествует «Слову о полку Игореве» и при этом возникает в том самом родовом гнезде «ольговичей», с которыми были тесно связаны герои «Слова» — Игорь Святославич Новгород-Северский, Святослав Всеволодович Киевский и брат Игоря — Всеволод Буй-Тур. В «Слове о князьях» Борисе и Глебе, погибших мученической смертью от руки подосланных их старшим братом Святополком убийц, восхваляется безропотное подчинение старшему брату и осуждаются княжеские усобицы — усобицы, возникающие иногда «за малую обиду» (ср. в «Слове о полку Игореве»: «И начяше князи про малое се великое млъвити»). В междоусобиях князья лишаются «чести славы» (ср. в «Слове...»: «...уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ»).

Даже в службе XII века «Покрову», празднику русскому по своему происхождению, мы находим поэтические строки, осуждающие братоубийственные раздоры князей. В службе этой говорится о вражеских стрелах, летящих «во тьме разделения нашего».

*

Несомненно, что период со второй четверти XII века и по 1237 год (год нашествия Батыя) был периодом самого интенсивного становления жанровых и идейных особенностей русской литературы на всем обширном пространстве Русской земли — от Новгорода на севере и до ее границы со степью на юге, от Галича и Владимира-Волынского на юго-западе и до Минска, Турова и Витебска на северо-западе, а оттуда — до Волги на востоке. Литература разнообразна по жанрам, по стилистическим особенностям языка и вместе с тем удивительно едина по своим идеалам и политическим устремлениям: она не имеет одного центра и вместе с тем не провинциальна, она продолжает традиции XI века и одновременно

[1] А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М. — Л., 1946, с. 48.

обогащает эти традиции различными новизнами. Старое и новое, чужеземное и свое — местное, возникшее в самых различных, раскинутых по всей Русской земле городских и монастырских центрах, церковное и светское в самых различных сочетаниях — определяют удивительное богатство литературы этого периода.

В пору, когда между отдельными княжествами распадались экономические и политические связи, в литературе возникло прямо противоположное явление — стремление к объединению, утверждались идеи объединения Руси, развивались конкретные литературные связи, стремление к переписке, к взаимопополнению отдельных произведений в разных частях Русской земли. Вопреки утвердившемуся в литературоведении мнению о делении литературы на «областные кусты» [1], литература на самом деле сильнейшим образом тяготела к «перекрестному творчеству».

Литература мыслится в этот ответственнейший период ее истории прежде всего как общение людей между собой, как укрепление единомыслия, как проповедь идей единства. Одной из форм этого общения становится переписка, другой — устное, прочитанное слово, обращенное к многочисленным слушателям, третьей — обращение к потомкам, попытка закрепить настоящее и прошлое для будущего. Во всех этих случаях это общение коллективное или становящееся коллективным в процессе переписки — многих летописцев, многих авторов, многих переписчиков и редакторов произведений, стремившихся вложить в произведение свой личный опыт и при этом пишущих в разных концах Русской земли — «Русского мира», как его называл Киево-Печерский патерик. Коллективность (в авторстве и в чтении произведения), разнотерриториальность создания — важная черта стиля монументализма, сложившегося в своих существенных чертах еще в XI веке, но в XII веке приобретшего особенно острое идеологическое наполнение.

Литературное самосознание, начиная со второй четверти XII по начало XIII века, не только определялось монументально-историческим стилем, но в значительной мере накладывало свой отпечаток на этот стиль, сообщало ему не только внешнюю монументальность, но и монументальность идейного воздействия на русскую действительность. Исторический монументализм согласовывался с той громадной обязанностью, которая легла на литературу,— сохранение единства Руси. Именно эта обязанность объясняет нам то, что за перо брались люди, облеченные властью и авторитетом,— киевский князь Владимир Мономах, а может быть, и его сын Мстислав Великий — новгородский, возможно — владимирский князь Андрей Боголюбский (гипотеза Н. Н. Воронина), митрополит Климент, владимирский епископ Симон и многие другие.

Если можно говорить в XII веке о Русской земле как о едином целом, то это целое было воплощено прежде всего в языке, в исторической и куль-

[1] Мнение о делении литературы по областям возникло под влиянием ложного представления о том, что литература должна непременно пассивно следовать за действительностью. На самом деле литература определяется действительностью, но в иные исторические периоды идет впереди действительности, выражая ее скрытые тенденции.

турной общности, однако самосознание этого единства было выражено только в литературе — единой и зовущей к единству. Литература явилась живым воплощением единства Руси.

Краткий разрыв между единством всей русской литературы и отсутствием этого единства в политической и экономической жизни страны, военная слабость как следствие этого разъединения,— придали русской литературе особый трагический характер, сильнее всего выразившийся в характернейшем произведении этого периода — «Слове о полку Игореве». Однако этот же разрыв способствовал росту общественного авторитета литературы. Она становится важнейшим фактором сохранения единства, значительной исторической силой.

Все изложенное объясняет нам ту особую роль, которую отныне стала играть русская литература в русской истории, и то обстоятельство, почему так высоко был поднят ее моральный авторитет в русском обществе. Эту роль и этот авторитет русская литература сохранит и впоследствии — вплоть до нашего времени.

Период литературного развития, начавшийся непосредственно после смерти Владимира Мономаха, когда утеря единства Руси стала несомненным фактом, и закончившийся с полным разгромом Руси во время нашествия Батыя, подготовил собой ту мужественность, с которой в русской литературе были встречены эти катастрофические события разгрома Руси. Сознание своего долга, сознание единства, вера в будущее освобождение — все это оказалось как никогда важно в пору страшного иноземного владычества.

Д. С. Лихачев

ЛИТЕРАТУРА
ДРЕВНЕЙ
РУСИ
XII ВЕК

«ХОЖДЕНИЕ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА

ЖИТЬЕ И ХОЖДЕНЬЕ ДАНИЛА РУСЬСКЫЯ ЗЕМЛИ ИГУМЕНА

Се азъ недостойный игуменъ Данил Руския земля, хужши во всѣх мнисѣх, съмѣреный грѣхи многими, недоволенъ сый во всяком дѣлѣ блазѣ, понужен мыслию своею и нетрьпѣнием моимъ, похотѣхъ видѣти святый град Иерусалимъ и землю обѣтованную. И благодатию божиею доходихъ святаго града Иерусалима и видѣх святаа мѣста, обиходих всю земьлю Галилѣйскую и около святаго града Иерусалима по святымъ мѣстом, куда же Христос богъ нашь походи своима ногама и велика чюдеса показа по мѣстом тѣмъ святым. И то все видѣх очима своима грѣшныма. Безлобивый показа ми богъ видѣти, его же жадах много дний мыслию моею.

Братиа и отци, господие мои, простите мя грѣшьнаго и не зазрите худоумью моему и грубости, еже писахъ о святѣмъ градѣ Иерусалимѣ, и о земли той блазѣй, и о пути еже к святымъ мѣстом. Иже бо кто путемъ симъ ходил съ страхом божиимъ и смѣреньем, не погрѣшить милости божия николи же. Аз же неподобно ходих путем симъ святым, во всякой лѣности и слабости и во пьяньствѣ и вся неподобная дѣла творя. Но обаче надѣяся на милость божию и на вашу молитву, да ми простить Христос богъ моихъ грѣховъ безщисленых, да си исписах путь си и мѣста сии святаа, не возносяся ни величаяся путем симъ, яко что добро створивъ на пути семъ, не буди то: ничто же бо добра створих на пути сем; но любве ради святых мѣстъ сихъ, исписах все, еже видѣхъ очима своима, дабы не в забыть было то, еже ми показа богъ видѣти недостойному. Убояхся оного раба лѣниваго, скрывшаго талантъ господина своего и не створившаго прикупа им, да сие написах вѣрных ради человѣкъ. Да кто убо, слышавъ о мѣстѣх сихъ святыхъ, поскорблъ бы ся душею и мыслию къ святым симъ мѣстом,

«ХОЖДЕНИЕ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА

ЖИТИЕ И ХОЖДЕНИЕ ИГУМЕНА ДАНИИЛА ИЗ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Вот я, недостойный игумен Даниил из Русской земли, худший из всех монахов, отягченный грехами многими, неспособный ни к какому делу доброму, будучи понуждаем мыслью своею и нетерпением моим, захотел видеть святой город Иерусалим и землю обетованную. И, благодатью божьею, дошел я до святого города Иерусалима, и видел святые места, обошел всю землю Галилейскую и около святого города Иерусалима святые места, куда Христос бог наш ходил своими ногами и где, по местам тем святым, он показал великие чудеса. И то все видел я глазами своими грешными: незлобивый бог показал мне, чтобы я видел то, чего желал я много дней мыслью моею.

Братья и отцы, господа мои, простите меня, грешного, и не попрекните за скудоумие и грубость того, что написал я о святом городе Иерусалиме, о земле той благой и о пути, ведущем к святым местам. Ведь кто совершает этот путь со страхом божиим и смирением, никогда не погрешит против милости божией; я же неподобающе ходил путем тем святым, во всякой лености, слабости, пьянствуя и всякие неподобающие дела творя. Но, надеясь, однако, на милость божию и на вашу молитву — что простит мне Христос бог мои грехи бесчисленные, описал я этот путь и места те святые, не возносясь, не величаясь этим путем, будто что-нибудь доброе сотворил на этом пути,— да не будет того, ибо никакого добра не сотворил я на пути том,— но по любви к святым тем местам описал я все, что видел глазами своими, дабы не забыто было то, что дал бог видеть мне, недостойному. Убоялся я осуждения раба того ленивого, скрывшего талант господина своего и не получившего на него прибыли, и написал это для верных людей: может, кто-нибудь, слыша о местах этих святых, потянется душой и мыслью к этим святым местам

и равну мзду приимуть от бога с тѣми, иже будуть доходили святыхъ сих мѣстъ. Мнози бо, дома суще в мѣстѣх своих, добрии человѣци мыслию своею и милостынею убогых, добрыми своими дѣлы, достигають мѣстъ сихъ святых, иже болшую мзду приимуть отъ бога спаса нашего Иисуса Христа. Мнози бо, доходивше святых сих мѣстъ и святый град Иерусалимъ и възнесшеся умом своим, яко нѣчто добро створивше, и погубляють мьзду труда своего, от них же пръвый есмь азъ. Мнози бо, ходивше святаго града Иерусалима, поидуть опять, многа добра невидѣвши, тщаще опять вскорѣ. А сего пути нелзѣ въскорѣ створити ни истоком тог... щ... и вся святаа та мѣста и въ градѣ и внѣ града.

О ЕРУСАЛИМѢ, О ЛАВРѢ

Азъ недостоин игуменъ Данил, пришед въ Иерусалимъ, пребых мѣсяць 16 в мѣстѣ в лаврѣ святаго Савы, и тако могох походити и испытати вся святая си мѣста. Невозможно бо без вожа добра и безь языка испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣстъ. И что имѣя в руку моею худаго моего добыточка, то от того все подавах вѣдущиимь добрѣ вся святаа мѣста в градѣ и внѣ града, да быша ми указали все добрѣ, яко же и бысть. И пригоди ми богъ налѣсти в лаврѣ мужа свята и стара деньми, и книжна вельми; тому святому мужеви вложи богъ въ сердце любити мя худаго, и тъи указа ми добрѣ вся святаа та мѣста: и въ Иерусалимѣ и по всей земли той поводи мя, и до Тивириадъскаго моря поводи мя, и до Фаворы, и до Назарефа, и до Хеврона, и до Иордана, и по всѣмъ тѣмъ мѣстом поводи мя, и потрудися со мною любве ради. И ина святаа мѣста видѣх многа, яже послѣди скажу.

О ПУТИ *В* ИЕРУСАЛИМ

А се есть путь къ Иерусалиму. От Царяграда по лукоморию ити 300 верстъ до Великаго моря. До Петалы острова 100 верстъ. То есть 1 островъ на узьцѣм мори; и ту есть лимен добръ, и ту есть град Ираклия Великаа; и противу тому граду святое миро выходит из глубины морьскыа; ту святии мученици погружени суть мнози от мучителевъ. От Петалы острова до Калиполя 100 верстъ, а от Калиполя до Авида града 80 верстъ. Противу тому граду лежить святый Еуфимие Новый. А оттудѣ до Крита 20 верстъ, и ту есть на Великое море внити: на шюе въ Иерусалимъ, а на десно к Святѣй Горѣ, и к Селуню, и к Риму. А от Крита до Тенеда острова верстъ 30. То есть 1 островъ на Велицѣм мори, и ту лежит святый Навгудимос мученикъ. И противу тому

и равную мзду примет от бога с теми, кому удается дойти до этих святых мест. Ибо многие добрые люди, находясь дома, в своих местах, мыслью своею и милостыней к убогим, добрыми своими делами, достигают святых этих мест, и большую мзду примут они от бога спаса нашего Иисуса Христа. Многие же, дойдя до мест этих святых и до святого города Иерусалима и вознесшись умом своим, будто нечто доброе сотворили, теряют награду за свой труд, из них же первый есть я. Многие же, сходив в святой город Иерусалим и многого хорошего не увидев, опять идут, стараясь опять пройти быстро. А этим путем нельзя пройти быстро и смочь толком рассмотреть все те святые места в городе и вне города.

О ИЕРУСАЛИМЕ, О ЛАВРЕ

Я, недостойный игумен Даниил, придя в Иерусалим, пробыл шестнадцать месяцев на одном месте, в лавре святого Саввы, и потому смог обойти и рассмотреть все святые эти места. А так как невозможно без хорошего проводника и без знания языка разыскать и увидеть все святые места, то я, что имел под рукой из бедного моего добыточка, всё для того подавал знающим хорошо все святые места в городе и вне города,— чтобы показали мне все хорошо; как оно и было. И помог мне бог встретить в лавре мужа святого, и старого днями, и очень книжного; тому святому мужу вложил бог в сердце любить меня, худого, и он указал мне хорошо все святые те места: и в Иерусалиме, и по всей земле той поводил меня, и до Тивериадского моря проводил меня, и к Фавору, и в Назарет, и до Хеврона, и до Иордана, и по всем тем местам поводил меня, и потрудился со мною, движимый любовью. И другие святые места я видел многие, о чем после скажу.

О ПУТИ В ИЕРУСАЛИМ

А вот каков путь к Иерусалиму. От Царьграда надо идти по морскому берегу триста верст до Великого моря. До Петалы-острова сто верст; это первый остров на узком море; там залив хороший и там находится город Ираклия Великая. А против того города святое миро выходит из глубины морской: тут много святых мучеников утоплено мучителями. От Петалы-острова до Калиполя сто верст, а от Калиполя до города Авида восемьдесят верст. Против того города лежит святой Евфимий Новый. А оттуда до Крита двадцать верст, и там — выход в Великое море: налево — к Иерусалиму, а направо к Святой горе, к Солуни и к Риму. А от Крита до острова Тенеда верст тридцать. Это первый остров на Великом море, и там лежит святой Навгудимос-мученик. И против того

острову на брезѣ град великъ был именем Троада, и ту есть Павелъ апостолъ приходил и научил ту страну всю и крестил. А от Тенеда острова до Метании острова верстъ 100; и ту лежит святый митрополит Мелетиньскы. А от Мелетинии до Ахия острова верстъ 100; и ту лежить святый мученикъ Исидоръ, и в том островѣ ражаеться мастика, и вино доброе, и овощь всякий.

О ЕФЕСѢ ГРАДѢ

А от Ахиа острова до Ефеса града верстъ 60. И ту есть гроб Иоанна Богословца, и исходит персть святаа из гроба того на память его, и взимают вѣрнии человѣци персть ту святую на исцѣление всякого недуга; и свита Иоаннова ту лежит, в ней же ходил.

И ту есть близь пещера, идѣ же лежать тѣлеса 7-ми отрок, иже спали 300 и 60 лѣт; при Декии цари успоша, а при Феодосии цари явишася. В той же пещерѣ 300 святых отець лежит; и святый Александръ лежит ту, и гроб Магдалыни Марьи и глава ея, и святый апостолъ Тимофѣй, ученикъ святаго апостола Павла, в ветсѣмъ гробѣ лежить. И ту есть в ветсѣй церкви икона святыя Богородица, ею же святии препрѣша Несториа еретика. И ту есть баня Диоскоридова, иде же работал Иоаннъ Богослов с Прохором у Романы. И видѣхом пристанище то, иде же Иоанна Богословца море изверже; ту стояхом три дни, и зоветься пристанище то Мореморное. Ефесъ же град есть на сусѣ, от моря вдале 4 верст, в горах; обилен же есть всѣм добромъ. И ту *поклонихомся* святому гробу тому и, благодатию божиею храними и молитвами святаго Иоанна Богословца, идохомъ, радующеся. А от Ефеса до Сама острова верстъ 40. И в том островѣ рыбы многы всякы и обилен есть всѣм остров-от. А от Сама до Кария острова верстъ 20.

О ПАТМѢ ОСТРОВѢ

А отъ Кариа до Патма острова верстъ 60. На странѣ далече в мори Патмъ остров. В томъ островѣ Иоаннъ Богословець Еуангелие написал, егда заточен бысть с Прохором. Таже оттуда Леросъ островъ, таже Калимнос островъ, таже Нисера островъ, таж и Кос островъ, велик зѣло. Тот островъ богатъ велми всѣмъ, и людьми, и скотом. Таже Тилос островъ: и въ сѣм островѣ мука Иродова кипит сѣрою горящею; и ту сѣру, варяче, продають, мы же огнь вытинаемъ. Таже Харкия островъ. И ти острови вси с людми и скотом близь себе суть по ряду, яко по десяти верстъ или болши межи собою.

острова на берегу был город большой, названием Троада. Туда Павел-апостол приходил, и научил ту страну всю, и крестил. А от Тенеда-острова до острова Метании сто верст; там лежит святой митрополит Мелетинский. А от Мелетинии до острова Ахия сто верст; и там лежит святой мученик Исидор. И родится на том острове мастичная смола, и вино хорошее, и плоды всякие.

О ГОРОДЕ ЕФЕСЕ

А от Ахия-острова до города Ефеса верст шестьдесят. Там находится гроб Иоанна Богослова. И исходит прах святой из гроба того в день памяти его, и собирают верные люди прах тот святой на исцеление всякого недуга. И плащ Иоанна тут лежит, в котором он ходил.

И там поблизости есть пещера, где лежат тела семи отроков, что спали триста шестьдесят лет: при Декии-царе уснули, а при Феодосии-царе явились. В той же пещере триста святых отцов лежат; тут и святой Александр лежит, и гроб Магдалины Марии, и голова ее; и святой апостол Тимофей, ученик святого апостола Павла, в ветхом гробе лежит. И есть там в старой церкви икона святой Богородицы, с помощью которой святые переспорили Нестория-еретика. И есть там баня Диоскоридова, где работал Иоанн Богослов с Прохором у Романы. И видели мы ту пристань, где Иоанна Богослова море извергло; там стояли три дня; а называется та пристань Мраморная. Город же Ефес расположен на суше, в четырех верстах от моря, в горах; он изобилует всяческим добром. И мы поклонились там святому тому гробу и, хранимые благодатью божиею и молитвами святого Иоанна Богослова, шли, радуясь. А от Ефеса до Сама-острова верст сорок. На том острове много всякой рыбы, и всем изобилует этот остров. А от Сама до острова Кария двадцать верст.

ОБ ОСТРОВЕ ПАТМЕ

А от Кария до острова Патма верст шестьдесят. В стороне, далеко в море остров Патм. На том острове Иоанн Богослов написал Евангелие, когда был заточен с Прохором. Далее оттуда — остров Лерос, затем остров Калимнос, затем остров Нисера, а также и остров Кос, очень большой. Тот остров весьма всем богат: и людьми, и скотом. Далее — остров Тилос, на этом острове мука Иродова кипит горящею серою; и эту серу, сварив, продают, мы же ею огонь высекаем. Далее — Харкия-остров. И все те острова, полные людьми и скотом, стоят в ряд, близко один к другому, примерно по десять верст или больше имея между собою.

Таже Род островъ, велик и богатъ всѣм велми. И в томъ островѣ был Олегь князь русский 2 лѣтѣ и 2 зимѣ. А от Сама до Рода острова 200 верстъ; а от Рода до Макрии 60 верстъ. И въ том градѣ и по земли той по всей, нолны до Миръ, ту ражаеться темьянъ черный игоифит.

И тако ражаеться темьанъ черный игофит: из древа исходит аки мезга, и снимают желѣзом острым. Имя древу тому зигия, и есть яко олха образом древо то. А другое древце есть мало, образом яко осина, но есть имя древцю тому рака; и есть въ древци том червь великъ, яко поноровъ вболѣ есть, за корою древца того; и точит древце то черв-етъ, и исходит из древца того червоточина та, яко отруби пшеничны, и падают от древця того, яко клей вышневый. И то сбирают людие и смѣшивают с перворeченнымъ древом и, вложивше в котел, и тако варят темианъ гоифит, и кидають в мѣхи, продають купцем.

А от Макрии до Патера града верстъ 40, и ту есть рожество святаго Николы, то его есть и отчина и род — Петера. А от Патеры до Миръ, идѣ же гробъ святаго Николы, есть верстъ 40; а от Миръ до Хилидония верстъ 60; а от Хилидония до Кипра великаго острова верстъ 200.

О КИПРЬСТѢМ ОСТРОВѢ

Кипръ есть островъ великъ зѣло, и множество в нем людии, и обиленъ есть всѣм добром. И суть в нем епископи 24, митрополия же едина, а святыхъ въ нем бе-щисла лежит: и ту лежит святый Епифание, и апостолъ Варнава, и святый Зинон, и святый Трифолие епископъ, *и святый Филагриос епископ,* его же крестилъ апостолъ Павелъ.

О ГОРѢ, ИДѢ ЖЕ СВЯТАА ЕЛЕНА КРЕСТЪ ПОСТАВИЛА

И ту есть гора высока зѣло, и на той горѣ святаа Елена крестъ поставила кипарисенъ велик на прогнание бѣсомъ и всякому недугу на исцѣление; и вложила въ крестъ честный гвоздь Христовъ. И бывають ту, на мѣстѣ том у креста того, знамения велика и чюдеса и до нынѣ. Стоит же на въздусѣ крест-отъ, ничим же не придержится к земли, но тако духомъ святымъ носимъ есть на въздусѣ. И ту недостойный азъ поклонихся святыни той чюдной, и видѣхъ очима своима грѣшныма благодать божию на мѣстѣ том, и походих островъ тъи весь добрѣ.

О ФИНИЯНѢ

И ту ражаеться темиянъ, ладан; спадает с небесе, и тако взимают на древцих. Суть бо по горамъ тѣмъ древца многа и низка, с травою равна, и на том падаеть темианъ тъ добрый,

Далее — остров Род, большой и очень всем богатый. На том острове был Олег, русский князь, два лета и две зимы. А от Сама до острова Рода двести верст, а от Рода до Макрии шестьдесят верст. И в том городе, и по всей той земле до самых Мир — там родится черный фимиам гомфит.

Вот как добывается черный фимиам гомфит: из дерева исходит как бы смола, и ее снимают острым железом. Называется то дерево зигия, а по виду оно похоже на ольху. А другое небольшое деревце похоже на осину, но название того деревца рака; в том деревце водится большой червь, по величине как попоров, за корою того деревца. И точит этот червь то деревце, и исходит из этого деревца труха, как пшеничные отруби, и падает с деревца того, словно вишневый клей, и люди собирают его, смешивают с вышеназванным деревом и, положив в котел, так варят фимиам гомфит; и кладут в мешки, продают купцам.

А от Макрии до города Патера верст сорок. Здесь родился святой Никола; это его отчизна и родина — Патера. А от Патеры до Мир, где гроб святого Николы, сорок верст. А от Мир до Хилидония шестьдесят верст. А от Хилидония до Кипра, великого острова, верст двести.

О КИПРСКОМ ОСТРОВЕ

Кипр — очень большой остров, и множество на нем людей, и изобилует он всяческим добром. На нем двадцать четыре епископа, митрополия же одна. И святых на нем лежит без числа; там лежат святой Епифаний, и апостол Варнава, и святой Зинон, и святой епископ Трифолий, и святой Филагриос епископ, которого крестил апостол Павел.

О ГОРЕ, ГДЕ СВЯТАЯ ЕЛЕНА ПОСТАВИЛА КРЕСТ

И есть там очень высокая гора, а на той горе святая Елена крест поставила кипарисный большой для прогнания бесов и исцеления всякого недуга и вложила в крест честной гвоздь Христов. И бывают там, на том месте, у креста того, знамения великие и чудеса и доныне. Стоит же тот крест на воздухе, ничем не будучи прикреплен к земле, но так, духом святым носим в воздухе. И тут я, недостойный, поклонился святыне той чудной, и видел глазами своими грешными благодать божию на месте том, и исходил весь тот остров как следует.

О ФИМИАМЕ

И там родится фимиам, ладан: он спадает с небес, и его собирают на деревцах. Много ведь в тех горах деревцев низких, с травой равных, на них и падает фимиам тот хороший.

и емлють его июля мѣсяца и августа; въ иныя же мѣсяци не спадывает, но токмо в та два ражаеться.

А Кипра до Яфа града верстъ 400, все по морю ити; от Царяграда до Рода острова 8 сот верстъ; а от Рода до Афа 8 сот верстъ; то ти всего пути по морю до Афа есть верстъ 1000 и 600. Яфъ же есть град на брезѣ близь Иерусалима, и оттоли поити по суху къ Иерусалиму. И есть от Афа до Иерусалима верстъ 30, по полю 10 верстъ ити до святаго Георгиа: ту была церковь велика создана во имя святаго Георгиа, ту бо и гроб его во олтари был, ту же есть мученикъ святый Георгие. И воды многи суть ту; и ту опочивають странници у воды тоя, но съ страхом великим: есть бо пусто мѣсто то, и близь есть Асколонь град, выходять бо оттуду срацини и избивають странныя на путѣхъ тѣх, да ту есть боязнь велика, от мѣста того входя в горы. И есть от святаго Георгиа до Иерусалима верстъ 20 великих, но все въ горахъ каменых; и тий путь тяжекъ и страшенъ зѣло.

О ГОРѢ АРМАФЕМ

И ту есть гора высока, близь Иерусалима, на десной руцѣ тамо идуще отъ Афа, имя горѣ той Армафемъ. На той горѣ той Армафемъ — на той горѣ есть гробъ святаго пророка Самоиля, и отца Елъкана, и Марьи Египтяныни; ту бо святых было село и домъ. И есть мѣсто то градом оделано, да тако зоветься град-от Армафемъ.

О ЕРУСАЛИМѢ

Есть же святый град Иеросалим в дебрех, около его горы камеными высокы. Да нолны пришедше близь ко граду тоже видѣти пръвое столпъ Давидовъ и потом, дошедше мало, увидѣти Елеоньскую гору, и Святаа Святых, и Въскресение церковь, идѣ же есть Гробъ Господень, и узрѣти потом весь град. И ту есть гора равъна о пути близь града Иерусалима яко версты вдале; на той горѣ ссѣдают с конь вси людие и поставляють крестьци ту и покланяются святому Въскресению на дозорѣ граду. И бываеть тогда радость велика всякому християнину, видѣвше святый град Иерусалимъ; и ту слезамъ пролитье бываеть от вѣрных человекъ. Никто же бо можеть не прослезитися, узрѣвъ желанную ту землю и мѣста святаа вида, идѣ же Христосъ богъ нашь претрьпѣ страсти нас ради грѣшных. И идуть вси пѣши с радостию великою къ граду Иерусалиму.

И ту есть на левой руцѣ у пути, тамо идучи, церкви святаго Стефана Первомученика; на том мѣстѣ побиенъ бысть камениемъ Стефанъ Прьвомученикъ от июдѣй, и ту есть гроб его. И ту есть гора камена плоска просѣлася в

Собирают его в июле месяце, и в августе; в другие же месяцы не выпадает; но только в те два родится.

А от Кипра до города Яффы верст четыреста, все по морю. От Царьграда до острова Рода восемьсот верст, и от Рода до Яффы восемьсот верст. Всего же пути по морю до Яффы тысяча шестьсот верст. Яффа же — город на берегу недалеко от Иерусалима; оттуда посуху надо идти к Иерусалиму. По полю десять верст ходу до святого Георгия: тут была большая церковь, построенная во имя святого Георгия, там же и гроб его был в алтаре, тут ведь и замучен был святой Георгий. И воды там много. И там отдыхают странники, у той воды, но — с большим страхом, ибо место это пустое и близок город Аскалон, а оттуда выходят сарацины и избивают странников на тех путях. Так что очень боязно от места того входить в горы. От святого Георгия до Иерусалима двадцать больших верст, но все в горах каменных. Путь тут и тяжел, и очень страшен.

О ГОРЕ АРМАФЕМ

И есть там гора высокая около Иерусалима, с правой стороны, если идешь от Яффы; название той горы Армафем. На той горе Армафем находится гроб святого пророка Самуила, и отца Елкана, и Марьи Египтянки, ибо тут было село и дом святых. И обнесено то место оградой, и это огороженное место тоже называется Армафем.

О ИЕРУСАЛИМЕ

Святой город Иерусалим расположен в теснине, вплотную около него — высокие каменные горы. Подходя уже к самому городу, видишь сначала столп Давидов, а потом, пройдя немного, видишь Елеонскую гору, и Святая Святых, и церковь Воскресения, где находится гроб господен, и потом видишь весь город. И есть там пологая гора вблизи от дороги, на расстоянии примерно версты до Иерусалима,— на той горе ссаживаются с коней все люди, и кладут там крестные поклоны, и поклоняются святому Воскресению на виду у города. И испытывает тогда всякий христианин огромную радость, видя святой город Иерусалим, и слезы льются тут у верных людей; никто ведь не может не прослезиться, увидев эту желанную землю и видя святые места, где Христос бог наш претерпел страсти нас ради, грешных. И идут все пешком с радостью великою к городу Иерусалиму.

И стоит здесь, по левую руку от дороги, когда там проходишь, церковь святого Стефана Первомученика: на том месте Стефан Первомученик был побит иудеями, там находится и гроб его. И тут есть гора каменная плоская — она просела во время

распятие Христово; то зоветься Адъ; есть близь стѣны градныя, яко доверъжет.

И потом входять въ святый град Иерусалимъ вси людие с радостию великою враты, сущими близь сына Давыдова, и та суть врата от Вифлеома лиць, и ту суть врата Вениаминова. Яко воидуче въ градъ, путь есть сквозѣ град въ Святаа Святыхъ на правую руку, а на левую къ святому Въскресению, иде же есть гроб Господень.

О ЦЕРКВИ ВЪСКРЕСЕНЬЯ ГОСПОДНЯ

Есть церкви Въскресениа Господня всяка образом: кругло создана, столповъ имат 12 обьлых, а 6 зданыхъ; мощена же есть дъсками мраморяными красно; двери же имат шестеры; а на полатех столповъ имат 16. А над полатьми под верхом исписани суть пророци святии мусиею, яко живи стоятъ, а над олтарем написан есть Христос мусиею. Въ олтари же велицѣм написано есть Адамово воздвижение мусиею; горѣ верху написано есть мусиею възнесение господне; оба полы олтаря на обою столпу написано есть мусиею благовѣщение. Врьхъ же церковный не до конца сведенъ каменемъ, но тако сперенъ есть древом тесаным, яко полъстичнымъ образом; и тако есть безъ верха, не покрыта ничим же. Под тым самым врьхом непокрытым Гробъ Господень.

Есть же сице Гробъ Господень: яко печерка мала у камени сѣчена, дверци имущи малы, яко можеть человѣкъ влѣсти на колѣну поклонься; възвыше же есть мала, всямокачна 4 лакоть и в длину и в ширину. И яко влѣзуче в пещерку ту дверцами малыми, и на деснѣй руцѣ есть яко лавица засѣчена въ том же камени пещерьнѣмъ, и на той лавицѣ лежа тѣло господа нашего Иисуса Христа. Есть нынѣ лавица та святая покрыта дъсками мраморяными. Суть на странѣ продѣлана оконца 3 кругла, и тѣми оконци видиться святый тъ камень, и тудѣ цѣлують вси христьяне. Висит же в Гробѣ Господни 5 кандил великих с маслом, и горят беспрестани кандила свята день и нощь. Лавица же та святаа, идѣ же лежало тѣло Христово, есть в длину 4 лакот, а в ширину 2 лакти, а възвыше полулакти. И пред дверми пещерными предлежить камень, треи стопъ вдале от дверецѣ тѣх пещерных; на том камени аггелъ, сѣдя, явися женамъ и благовѣсти има въскресение Христово.

Есть пещерка та святаа одѣлана около красным мрамором, яко имѣнъ, и столпьци около мрамором красным стоят числом 12. Верху же над пещеркою сдѣланъ яко теремець красенъ на столпѣх, верху круголъ и сребреными чешюями позлащеными покован; и на връхъ того теремца стоит Христос, сдѣланъ сребром яко в мужа болѣе, и то суть фрязи сдѣлали, и нынѣ есть

распятия Христова; то место зовется Ад. Оно находится около городской стены, на расстоянии примерно броска.

И потом все люди с великой радостью входят в святой город Иерусалим через ворота, находящиеся около столпа Давидова. Те ворота — со стороны Вифлеема; там ворота Вениаминовы. Войдя в город, видишь по правую руку дорогу через город в Святая Святых, а по левую — к святому Воскресению, где находится гроб господен.

О ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Церковь Воскресения господня такова. По форме она круглая; в ней двенадцать круглых цельных столпов, а шесть квадратных сложенных; она красиво вымощена мраморными плитами; дверей у нее шесть; а на хорах у нее шестнадцать столпов. А над хорами на потолке мозаичное изображение святых пророков — как живые стоят. А над алтарем мозаикой изображен Христос. В алтаре же великом мозаика изображает воздвижение Адама, дальше кверху — мозаичное изображение вознесения господня; на обоих столпах по сторонам алтаря изображено мозаикою благовещение. Верх же церкви не до конца сведен камнем, но расперт каркасом из тесаного дерева, так что она без верха, ничем не покрыта. Под самым же тем непокрытым верхом — гроб господен.

Гроб же господен собою таков. Это как бы маленькая пещерка, высеченная в камне, с небольшими дверцами, через которые может, став на колени, войти человек. В высоту она мала, а в длину и в ширину одинаково четыре локтя. И когда входишь в эту пещерку через маленькие дверцы, по правую руку — как бы скамья, высеченная в том же пещерном камне: на той скамье лежало тело господа нашего Иисуса Христа. Сейчас та святая скамья покрыта мраморными плитами. Сбоку проделаны три круглых оконца, и благодаря этим оконцам виден этот святой камень, и туда целуют все христиане. Пять больших лампад с маслом висят в гробе господнем, и горят беспрестанно лампады святые день и ночь. Скамья же та святая, где лежало тело Христово, в длину четыре локтя, в ширину два локтя, а по высоте пол-локтя. Перед дверьми пещеры лежит камень — на расстоянии трех стоп от тех пещерных дверец: на том камне, сидя, ангел явился женам и благовествовал им о воскресении Христовом.

Пещерка же та святая отделана снаружи красным мрамором наподобие амвона, и столбики из красного мрамора стоят вокруг числом двенадцать. Сверху же над пещеркой построен как бы теремец красивый на столбах, а наверху того теремца стоит Христос, изваянный из серебра, выше человеческого роста; это фряги сделали; и ныне он стоит под

под самым врьхом тѣмъ непокрытымъ. Суть двери 3-и у теремца того учинени хитро, яко и решето крестьци; и тѣми дверми влазят люде къ Гробу Господню. Да то есть Гробъ Господень был пещерка та, яко же то сказах: испытах добрѣ от сущих ту издавъна и вѣдущих по истиннѣ вся та святаа мѣста.

Есть же церковь та Въскресение образомъ кругла, всямокачна: и в длѣ и въ преки имать же сажень 30. Суть же в ней полати пространьны, и тамо горѣ живет патриархъ. И есть же отъ дверей гробных до стены великого олтаря саженъ 12. Ту есть внѣ стѣны за олтаремъ Пупъ земли, и создана над нимъ комарка, и горѣ написан Христос мусию, и глаголеть грамота: «Се пядию моею измѣрих небо и землю».

О МѢСТѢ СРЕДИ ЗЕМЛЯ, ИДѢ ЖѢ РАСПЯТЬСЯ ХРИСТОС

А отъ Пупа земнаго до Распятия господня и до Края есть саженъ 12. Есть же Распятие господне къ встоку лиць, есть же на камени высоко было яко стружия выше. Камень же тый был круголъ, яко горка мала. А посреди камени того, на самом врьху, высѣчена есть скважня лакти воглубле, а вширѣ мний пяди кругъ; и ту был въдруженъ крестъ господень. Исподи же под тѣмъ каменемь лежить прьвозданаго Адама глава, и в распятие господне, егда на крестѣ господь нашь Иисус Христос предасть духъ свой, и тогда раздрася церковная катапетазма и камение распадеся; тогда же и тъ камень просѣдеся над главою Адамлею, и тою разсѣлиною сниде кровь и вода изъ ребръ владычень на главу Адамову, и омы вся грѣхы рода человѣча. И есть разсѣлина та на камени том и до днешняго дне: знати есть на деснѣй странѣ Распятиа господня знамение то честное.

О МѢСТѢ ЛОБНѢМ

Есть Распятие господне и камен-ет святый озданъ стѣною все; горѣ над распятиемъ создана комара хитро, исписана мусиею дивно; и от встока лиць на стѣнѣ написано есть мусиею Христос на крестѣ распят хитро и дивно, прям яко живъ, и вболѣ и възвыше, яко же был тогда; а полудне лиць написано есть снятие тако же дивно. Двери же имат двои; възлѣсти же есть горѣ по степенемь; до дверей 7 степеней, а въ двери вшед 7 степеней. Помощено же есть мраморными дъсками красными.

Сподн же под Распятиемъ, идѣ же есть глава, тако же приздано есть яко церквица мала, и красно исписана есть мусиею и помощена есть красным мрамором; да то зовется Крайниево мѣсто, еже есть Лобное мѣсто; а горѣ, идѣ же есть Рас-

самым верхом тем непокрытым. Есть три двери у теремца того, устроенные хитро — как решетка из крестов: через те двери люди входят к гробу господню. А что гробом господним была та пещерка, как я сказал, я хорошо разузнал от живущих здесь издавна и по-настоящему знающих все те святые места.

Церковь же Воскресения по форме круглая, а в длину и в ширину равно имеет тридцать саженей. В ней устроены просторные помещения, и там наверху живет патриарх. Расстояние же от дверей гроба до стены великого алтаря двенадцать саженей. Здесь же, за стеной, вне алтаря, находится Пуп земли; над ним сделан свод, и сверху мозаикой изображен Христос, и надпись гласит: «Вот пядью моей я измерил небо и землю».

О МЕСТЕ СРЕДИ ЗЕМЛИ, ГДЕ БЫЛ РАСПЯТ ХРИСТОС

А от Пупа земного до Распятия господня и до Края двенадцать саженей. Распятие господне находится с восточной стороны на камне. Оно было высоко, выше копья. Камень же тот был круглый, вроде маленькой горки. А посреди того камня, на самом верху, высечена скважина локтя два глубиной круглая, в ширину меньше пяди: тут был водружен крест господен. В земле же под этим камнем лежит голова первозданного Адама. А во время Распятия господня, когда господь наш Иисус Христос предал свой дух на кресте, тогда разорвалась церковная завеса, и камень тогда же распался. И разошелся тот камень над головой Адама. И через ту расселину кровь и вода из ребер Владыки сошли на голову Адама и омыли все грехи рода человеческого. И есть расселина эта на камне том и до сегодняшнего дня. С правой стороны Распятия господня знамение то честное.

О ЛОБНОМ МЕСТЕ

Распятие господне и тот святой камень кругом обнесены стеной. Сверху над Распятием создан замысловатый свод, чудесно украшенный мозаикой. И с восточной стороны на стене мозаикой изображен Христос, на кресте распятый, искусно и удивительно, прямо как живой, и по величине и в высоту — каким был тогда. А с южной стороны написано снятие со креста, так же чудесно. Дверей же две. Входить надо вверх по ступенькам: до дверей семь ступеней, и в двери войдя семь ступеней. Пол вымощен красными мраморными плитами.

Снизу под Распятием, где лежит голова Адама, тоже пристроена как бы церковка маленькая, красиво украшенная мозаикой и вымощенная красным мрамором. Это и называется Краниево место, что значит Лобное место. А выше, где Рас-

пятие,— то зоветь Голгофа. А отъ Распятия господня до Снятия есть сажень 5. И ту есть у Распятия господня близь мѣсто къ полунощию лиц, идѣ же раздѣлиша ризы его; и ту другое мѣсто, иде же възложиша вѣнець трьновъ на главу господню и в багряницу поругания облекоша.

О ЖЕРСТВЕНИЦѢ АВРАМОВѢ

И ту есть близ жрьтвенник Авраамовъ, иде же положи жрьтву богови Авраамъ и закла овенъ въ Исаака мѣсто; на то же бо мѣсто възведен бысть Исаакъ, иде же Христосъ възведен бысть на жертву и закланъ бысть нас ради грѣшных. А оттолъ есть близь мѣсто, яко двою сажень далее, иде же заушен бысть Христос богъ нашь. А оттолѣ есть далѣе 10 сажень святая темница, иде же всаженъ бысть Христос, и ту посидѣл мало, дондеже приспѣють июдѣи и поставять крестъ, да распнуть и. И та святаа мѣста вся под одиным покровом суть, по ряду вся к полунощию лиць. А отъ темници Христовы до мѣста, иде же святаа Елена налѣзла честный крестъ, гвоздия, и вѣнець, и копие, и губу, и трость, есть сажень 20 и 5. Есть же гроб Господень, и Распятие, и та святаа мѣста вся на удолнѣмъ мѣстѣ суть; и есть вгорие от запад лиць над гробом и над Распятием.

И ту есть мѣсто на пригории; на то мѣсто притече скоро святая богородица. Тщаше бо ся, текущи вслѣд Христа, и глаголаше, в болѣзни сердца своего слезящи: «Камо идеши, чадо мое? Что ради течение се скорое твориши? Еда другий бракъ в Кана Галилеи, да тамо тщишися, сыну и боже мой? Не молча отъиди мене, рожшаа тя, дажь ми слово, рабѣ своей». И пришедши на мѣсто то святаа богородица, и узрѣ с горы тоя сына своего распинаема на крестѣ, и видѣвши, ужасеся, и согнуся, и сѣде, печалию и рыданиемъ одръжима бѣаше. И зде събысться пророчество Симеоне, яко прежь рече святѣй богородици: «И се лежит на встание и на падение многим въ Израили, и тебѣ же самой оружие душу проидетъ, егда же узриши сына своего закалаема». Ту же стояху мнози на мѣстѣ том, друзи и знаниа его, издалеча зряще: Мария Магдалыни и Мария Ияковля и Саломии,— идѣ же стояху вси, иже от Галилея пришедше и съ Иоанном и съ материю Иисусовою. Стояху же вси знаемии друзи Иисусови, зряще издалеча, яко же пророкъ глаголеть о том: «Друзи же мои и ближники моя издалеча мене сташа». И то мѣсто есть подаль от Распятия Христова, яко полутораста сажень есть на запад лиць мѣсто то от Распятия Христова; имя мѣсту тому Спудий, иже ся протолкуеть Тщание богородично. И есть на мѣстѣ томъ нынѣ манастырь, церкви святаа Богородица клѣтьски верхъ въсперенъ.

пятие — то зовется Голгофой. А от Распятия господня до Снятия господня расстояние пять саженей. И есть там, близко от Распятия господня, место с южной стороны, где разделили ризы его. Там и другое место, где возложили венец терновый на голову господа и в багряницу поругания облекли его.

О ЖЕРТВЕННИКЕ АВРААМА

И там поблизости находится жертвенник Авраамов, где Авраам положил жертву богу и заклал барана вместо Исаака. Ведь Исаак был возведен на то самое место, куда возведен был Христос закланным быть нас ради, грешных. А оттуда близко место — примерно на две сажени дальше — где заушен был Христос бог наш. А дальше через десять саженей — святая темница, куда был посажен Христос и где посидел немного, пока иудеи успеют поставить крест, чтобы его распять. Все же эти святые места находятся под одним покрытием, все стоят в ряд по направлению к югу. И от темницы Христовой до места, где святая Елена нашла честной крест, гвозди, венец, копье, губку и трость, саженей двадцать пять. Гроб господен, Распятие и все эти святые места расположены на ровном месте; взгорье же подымается над гробом и над Распятием с западной стороны.

И есть там на склоне место, на которое прибежала святая богородица, торопясь следом за Христом и говоря в болезни сердца своего сквозь слезы: «Куда идешь ты, дитя мое? Чего ради движение твое так быстро? Или снова брак в Кане Галилейской, и туда торопишься, сын и бог мой? Молча не уходи от меня, родившей тебя. Промолви мне слово, рабе своей». И придя на то место, святая богородица увидела с горы той сына своего, распинаемого на кресте, и, видев, ужаснулась, и содрогнулась, и села, одержимая печалью и рыданием. И здесь сбылось пророчество Симеона, как он прежде сказал святой богородице: «Этот лежит на восстание и на падение многим в Израиле. И тебе же самой оружие душу пронзит, когда увидишь сына своего, приносимого в жертву». Тут же стояли многие, на месте том, друзья и знавшие его, издали смотря: Мария Магдалина, и Мария Иаковля, и Саломия,— где стояли все из Галилеи пришедшие с Иоанном и с матерью Иисусовой. Стояли же все знакомые и друзья Иисуса, смотря издали, как пророк говорит о том: «Друзья же мои и близкие мои вдали от меня стали». И расположено то место поодаль от Распятия Христова; примерно полтораста саженей на запад это место от Распятия Христова. Называется то место Спудий, что переводится как «Поспешание богородицы». А ныне на том месте стоит монастырь и церковь святой Богородицы с поднятым клетью верхом.

О СТОЛПѢ ДАВЫДОВѢ

А оттуда есть до столпа Давыдова и до дому 200 сажень. Столпъ же то есть святаго пророка Давыда; ту есть и дом его был. В том столпѣ Давыд пророкъ и Псалтырю сставил и написал. Дивен есть столпъ тъ, великим камениемъ сдѣлан высоко вельми, на 4 углы созданъ, и весь есть черствъ и днероден; и камень уродился; посредѣ его воды в немъ многи. Двери же имать 5-ры желѣзны и степеней имать 200, по нима же взити горѣ. И жита в нем бес числа желитъ. И есть много твердъ ко взятию, и то есть глава всему граду тому; и блюдуть его велми и не дадять влѣсти никому же во нь лапь. Мнѣ же, худому, недостойному, пригоди богъ в столп-от святый, одва могох ввести с собою единого Издеслава.

О ДОМУ УРИЕВѢ

А от столпа того близь был домъ Уриевъ, его же Урию уби Давыд и поя жену его, видѣвъ ю мыющюся в бани. И ту есть новѣ метохия святаго Савы, и есть же близь от столпа, яко можеть довеpeчи. Есть знати, гдѣ же была баня та до днесь: есть же, иде же святаа Елена крестъ честный налѣзла, близ Распятиа господня къ встоку лиць сажень 20 вдалѣе. И ту есть была на мѣстѣ том церкви создана клѣтски велика велми, нынѣ же мала церквица. Ту суть двери великия къ встоку лиць: к тѣмъ дверем прииде святаа Мария Египтяныпа, и хотѣ влѣсти; и цѣловати хотѣ, и не впустя ея сила святаго духа въ церковь. И потом помолися святѣй богородицѣ, то бо стоаше икона святая богородица въ притворѣ том, близь дверии тѣх, и потомъ возможе ити въ церковь и цѣловати честный крестъ. Тѣми же пакы дверми изыдохъ въ пустыну Иорданскую.
А отъ тѣхъ дверей близь мѣсто, идѣ же искуси святаа Елена крестъ господень честный, абие вста мертваа дѣвица. А оттуду есть, поидучи мало ко востоку лиць, притории, идѣ же воини приведоша Христа къ Пилату. И ту руцѣ свои умывъ Пилатъ и рече: «Чистъ есть отъ крове сего праведника». И бивъ Иисуса и предасть июдеомъ. Ту жь есть темница июдейска; ис тоя темници изведе ангелъ святаго апостола Петра в нощи. И то есть былъ дворъ Июдинъ, предателя Христова. Есть пусто и нынѣ дворище то проклятое: никто же не смѣетъ на мѣстѣ томъ сѣсти клятвы ради. А оттуда мало придучи ко встоку лиць, есть мѣсто, идѣ же Христось кровоточивую исцѣли. И ту есть ровъ близь, идѣ же ввер-женъ бысть Еремиа пророкъ; ту и домъ его былъ. Ту жь и Павла апостола дворъ был прежь, егда бяше въ жидовствѣ. А оттуды мало поидучи ко востоку лиць, уступить мало съ того пути: ту есть домъ был святаго Иоакима и Анны.

О СТОЛПЕ ДАВИДА

А оттуда до столпа Давидова и до дома двести саженей. Столп этот святого пророка Давида; тут же и дом его был. В том столпе пророк Давид составил и написал Псалтырь. Чудесен этот столп, из больших камней сложен, очень высок, сделан о четырех углах, и весь крепок и прочен, и камень отборный. Внутри в нем воды много. Дверей же у него пять железных, а ступеней двести, по которым поднимаются наверх. И хлеб в нем без числа лежит. Очень он труден для взятия и главенствует над всем тем городом, и охраняют его очень, и не дают никому войти в него просто так. Мне же, дурному и недостойному, дал бог возможность войти в тот святой столп; с собой я смог ввести одного только Изяслава.

О ДОМЕ УРИИ

А от столпа того близко был дом Урии — того Урии, которого убил Давид, и взял жену его, увидев ее моющейся в бане. Там сейчас метох монастыря святого Саввы; близко он от столпа, можно до него добросить. А где баня та была, известно доныне: от того места, где святая Елена нашла честной крест — вблизи Распятия господня — двенадцать саженей на восток. Здесь, на том месте, была построена клетская церковь очень большая, а теперь — маленькая церковка. Там стоят большие двери, обращенные на восток: к тем дверям пришла святая Мария Магдалина, и хотела войти в церковь, и хотела поцеловать крест, но не впустила ее сила святого духа. И тогда она помолилась святой богородице, ибо здесь, в притворе у этих дверей, стояла икона святой богородицы, и после этого смогла войти и целовать честной крест. Этими же дверьми вышла она потом в пустыню Иорданскую.

А от тех дверей близко место, где святая Елена проверяла крест господен честной: тотчас встала мертвая дева. А если оттуда пойти немного к востоку,— претория, куда воины привели Христа к Пилату; и здесь, руки свои умыв, Пилат и сказал: «Чист я от крови этого праведника». И, бив Иисуса, передал его иудеям. Тут находится темница иудейская: из этой темницы ангел вывел святого апостола Петра среди ночи. И тут же был двор Иуды, предателя Христова. Стоит пустым и ныне дворище то проклятое: никто не смеет на месте том поселиться из-за проклятия. А если оттуда немного пойти к востоку, будет место, где Христос кровоточивую исцелил. И тут поблизости ров, куда брошен был Иеремия-пророк; там и дом его был. Там же и Павла-апостола двор был прежде, когда он был в иудействе. А если оттуда немного пойти к востоку и чуть сойти с той дороги, то там был дом святого Иоакима и Анны.

Ту есть печера мало исподи подъ олтаремъ въ камени: въ той печерѣ родилася святая богородица, въ той же печерѣ есть гроб святаго Акима и Анны.

О ОВЧИИ КУПѢЛИ

А оттуду есть близь приторъ Соломонь, идѣ же есть Овча купѣль, идѣ же Христосъ разслабленного исцѣли. И есть мѣсто то къ западу лиць о Акима и Анны, близь яко довержет человѣк. Оттуду на востокъ лиць близъ суть ворота городнаа, теми вороты исходятъ къ Гепсимании.

О ЦЕРКВИ СВЯТАА СВЯТЫХ

А отъ Въскресениа Христова до Святаа Святыхъ есть вдалѣе яко дважди дострѣлити можеть. Есть церкви Святаа Святыхъ дивно и хитро создана моисиею издну, и красота ея несказанна есть; кругла образом создана; извну написана хитро и несказанна; стѣны ей избьены дъсками мраморными другаго мрамора; и помощена есть красно мраморными дъсками. Столповъ же имать под верхом, кругом стоящих, облых 12, а зданых столповъ 8, двери же имат 4-рь; мѣдию позлащеною покованы суть двери ты. И връх исписанъ издну мусиею хитро и несказанно, а звну врьхъ побиенъ есть былъ мѣдию позлащеною. Под верхом же тѣм самѣм есть пещера, в камени изсѣчена, и в той пещерѣ убиенъ есть Захария пророкъ; ту же и гробъ его был, и кровь его ту же есть была, нынѣ же нѣсть ту. И есть ту камень внѣ пещеры тоя под верхом же, и на том камени Ияковъ сон видѣл: и се лѣствиця бяше до небеси и аггели божии всхожаху и низъхожаху по ней; и ту бралься съ аггелом Ияковъ, и вста от сна Ияковъ, и рече: «Се мѣсто домъ божий, и се врата небеснаа суть». И на том же камени пророкъ Давидъ видѣ аггела, стояща съ оружием нагим и сѣкуща люди израилевы, и влѣзъ в ту же пещеру плакаше, моляся богу, и рече: «Господи, не овца согрѣшиша, но азъ согрѣших». Есть же церкви та всямокачна, сажень 30 и в преки, и в длѣ; всходы же 4-ри. Ветхая же церкви Святая Святыхъ рена есть, и нѣсть ничто же от прьваго здания Соломоня знати, и токмо знати насопъ церковный, еже Давидъ пророкъ начал здати; и пещера та днѣ въ церкви и камен-еть, иже то есть под врьхом, то есть ветхаго здания толко. А сиа церкви нынѣшняя создана есть от старѣйшины страциньскаго именемъ Аморъ.

Там есть пещера немного ниже алтаря, в камне: в той пещере родилась святая богородица; в той же пещере находится гроб святого Акима и Анны.

ОБ ОВЧЕЙ КУПЕЛИ

А оттуда близок притвор Соломонов, где Овчая купель, где Христос расслабленного исцелил. Место то к западу от Акима и Анны,— ближе, чем может бросить человек. Оттуда, на восток, близко ворота городские; теми воротами выходят, идя к Гефсимании.

О ЦЕРКВИ СВЯТАЯ СВЯТЫХ

А от Воскресения Христова до Святая Святых расстояние подальше, чем можно два раза дострелить. Церковь Святая Святых чудесно и искусно построена, украшена изнутри мозаикой, и красота ее непередаваема словами. Построена она круглой по форме, снаружи покрыта изображениями искусно и несказанно, стены ее облицованы мраморными плитами другого мрамора, и вымощена она красиво мраморными плитами. Столпов же в ней под крышей кругом стоящих круглых цельных двенадцать, а квадратных сложенных столпов восемь. Дверей же у нее четыре; окованы позолоченной медью те двери. И купол покрыт изнутри мозаикой искусно и непередаваемо в словах, а снаружи, сверху, был обит позолоченной медью. Под самым же куполом тем — высеченная в камне пещера, а в пещере той был убит Захария-пророк. Тут же был он и погребен, и кровь его тут была, теперь же ее здесь нет. И есть там вне той пещеры под куполом же камень, на котором Иаков видел сон: лестница, достигающая неба, а ангелы божии восходят по ней и нисходят. Здесь же боролся Иаков с ангелом. Восстал от сна Иаков и сказал: «Это место — дом божий, и это — врата небесные». На том же месте и пророк Давид видел ангела, стоящего с обнаженным оружием и поражающего людей Израилевых, и он вошел в ту пещеру с плачем, молясь богу, и сказал: «Господи, не овцы согрешили, но я согрешил». Церковь же та тридцать саженей равно вдоль и поперек. Входов же у нее четыре. Старая же церковь Святая Святых разрушена, и ничего не осталось от первого здания Соломонова, что можно видеть. И только видна насыпь под церковь, что начал делать пророк Давид. И пещера та теперь в церкви, и камень тот; это теперь под крышей, и это все, что осталось от старого здания. А эта нынешняя церковь построена старейшиной сарацинским по имени Амор.

О ДОМУ СОЛОМОНѢ

Ту же был домъ Соломонь, и силно было здание его, и велико велми, и зѣло красно. Мощенъ был весь мраморными дъсками и есть на комарах утверженъ, и воды исполнен весь дом-отъ был. Храми же создани были краси зѣло, и хитро мусиею украшено изрядно и столпи мраморяни драгаго мрамора и красно поставлени стоят по ряду; и комары на столпѣх тѣхъ создани суть хитро, и покрыт оловом весь. И ту суть врата дому того, красно зѣло и хитро покрыта оловом, мусиею иcписана и покована мѣдию позлащеною, и та врата зовуться Красная, иде же Петръ и Иоаннъ исцѣлиста хромца одного; и есть мѣсто то у врат тѣхъ и до нынѣ.

А иныя врата суть троя кромѣ тѣх, а 5-я врата суть Апостольская. Та бо врата Давидъ пророкъ създалъ есть. Твердо и дивно хитростию врата суть сдѣлана: мѣдию позлащеною покована была, издну исписана хитро была по мѣди, а извну желѣзы покована была твердо. И суть 4-ры двери у вратъ тѣх. И та бо суть врата осталася толко ветхаго здания, тий столпъ Давидовъ, а ино здание все ново есть. Ветхий бо град Иерусалимъ разоренъ есть весь не единою. И тѣми враты вшелъ есть Христос в Иерусалимъ от Вифаниа с Лазаремъ, егда въскресила Лазаря Христос. Вифаниа на всток лиць противу Елеоньстѣй горѣ. И есть отъ тѣх вратъ до церкви Святаа Святыхъ сажень 100 и 50.

О ВЕСИ ВИФАИНѢ

Вифаниа же от града Иерусалима вдалѣе двою версту, за горою во удолнѣ мѣстѣ. И есть Вифаниа градок малъ к полуденью лиць от Иерусалима. И влѣзучи есть во врата градка того, на деснѣй руцѣ есть пещера, и в той пещерѣ есть гробъ святаго Лазаря; и в той келии Лазарь болѣлъ, ту же и умерлъ был. И есть посрѣдѣ градка того церкви велика, создана вверхъ и исписана добрѣ была вся. И есть отъ церкви тоя до гроба Лазарева сажен 12; и есть гробѣ Лазаревъ от церкви к западу лиць, а церковь къ встоку лиць. И пред градом к западу лиць есть вода добра зѣло, и есть глубоко в земли, по степенемъ влѣсти къ ней. А оттуда есть къ Иерусалиму лиць столпъ от Вифаниа вдалѣ версты; и на том мѣстѣ усрѣла Марфа Иисуса; ту паки на осля всѣл Христос, егда Лазаря въскресивъ.

О ВЕСИ ГЕПСИМАИНѢ

Фепсиманиа же есть село, идѣ же есть гробъ святыя богородица, близь града Иерусалима на потоцѣ Кидарьстѣмъ въ удолѣ плачевнѣм, и есть отъ Иерусалима межи встока лиць лѣтнимъ и зимным.

О ДОМЕ СОЛОМОНА

Там же был дом Соломона. Крепким было это здание, велико весьма и очень красиво. Весь он был вымощен мраморными плитами, утвержден на сводах, и весь дом был снабжен водой. Были сделаны прекрасные помещения и искусно украшены мозаикой. И мраморные столпы из дорогого мрамора были красиво поставлены в ряд, а на тех столпах искусно возведены своды. И весь дом был покрыт оловом. Там есть ворота того дома, очень красиво и искусно облицованные оловом, покрытые мозаикой и окованные позолоченной медью. А называются те ворота Красные. И доныне известно место у тех ворот, где Петр и Иоанн исцелили одного хромого.

И трое других ворот есть, кроме тех. И пятые ворота — Апостольские. Те ворота построил пророк Давид. Крепко и удивительно искусно сделаны ворота. Они были окованы позолоченной медью, изнутри были искусно расписаны по меди, а снаружи крепко окованы железом. Четверо дверей у тех ворот. Только те ворота и остались от древних строений — они и столп Давидов. А иные постройки все новые. Ведь древний город Иерусалим неоднократно был разорен. Теми воротами и вошел Христос в Иерусалим с Лазарем со стороны Вифании, когда воскресил Христос Лазаря. Вифания с восточной стороны от города, напротив Елеонской горы. Расстояние же от тех ворот до церкви Святая Святых сто пятьдесят саженей.

О СЕЛЕ ВИФАНИЯ

Вифания же находится от города Иерусалима на расстоянии двух верст за горою на ровном месте. Вифания — это городок небольшой к югу от Иерусалима. Когда входишь в ворота того городка, то по правую руку пещера, а в той пещере гроб святого Лазаря. В той самой келье Лазарь болел, тут же и умер. Посреди того городка большая церковь, вытянутая вверх и вся хорошо расписанная. От той церкви до гроба Лазаря двенадцать саженей. Лазарев гроб от церкви — по направлению к западу, а церковь от гроба — к востоку. И есть с запада перед городом очень хорошая вода глубоко в земле; спускаются к ней по ступенькам. А по направлению оттуда к Иерусалиму — от Вифании побольше версты — стоит столп: на том месте Марфа встретила Иисуса, и тут снова сел Христос на осла по воскрешении Лазаря.

О СЕЛЕ ГЕФСИМАНИЯ

Гефсимания же, село, где находится гроб святой богородицы, близко от Иерусалима, на потоке Кедронском, в долине плача, и расположено в среднем направлении между востоком летним и зимним.

О ВРАТѢХЪ ГРАДНЫХ

И есть от врат градных сажень 8 до мѣста, иде же Охония жидовинъ хотѣ свращи тѣло со одра святыя богородица, егда несяхуть е погребать апостоли въ Гепсиманию, и утя ему аггелъ обѣ руцѣ мечем, и положи я на нем. И есть на мѣстѣ том был монастырь женьский, и нынѣ же разорено есть от поганых.

О МѢСТѢ ГРОБА СВЯТЫА БОГОРОДИЦА

И оттуда до гроба святыя богородица есть сажен 100. И есть гробъ святыя богородица въ удолнѣ мѣстѣ: пещерка была мала в камени изсѣчена, дверци имущи малы, яко можеть человѣкъ влѣсти наклоньси; и во днѣ в пещерѣ той противу дверцам яко лавица засѣчена в том же камени пещернѣмъ, и на той лавици положено бысть тѣло честьное пречистыя владычица нашеа богородица, и оттуда же взято бысть въ рай, нетлѣнно суще. И есть пещерка та днѣ мужа възвыше, а вширѣ 4 лакоть всямокачна, а около теремцем одѣлана красно мраморными дъсками. А врьху, над гробом святыя богородица, создана была церкви велика велми клѣтьски, во имя святыя богородица Успения; нынѣ же разорено есть от поганых мѣсто то. И есть гробъ святыя богородица исподи под великим олтаремъ тоа церкви.

О ПЕЩЕРѢ, ИДѢ ЖЕ ПРЕДАН БЫСТЬ ХРИСТОСЪ

А от гроба святыя богородица есть сажень 10 до пещеры, иде же преданъ бысть от Июды жидом на 30 сребреницѣх. И есть пещера та об онъ пол потока Кѣдарьскаго при горѣ Елеоньстѣй.

И ту есть мѣсто близь пещеры тоя, яко доверждеть человѣкъ каменемь малымъ, и есть къ полуденью лиць мѣсто то, идѣ же помолися Христос отцу своему в нощи, в ню же преданъ бысть на распятие июдѣем, и рече: «Отче, еще возможно есть, да минеть чаша си от мене». И есть на мѣстѣ томъ нынѣ создана церквица мала. А оттуда есть дострѣла вдалѣе до гроба Асафатова; и то есть былъ царь Июдѣйскъ и потому зоветься та дебрь Асафатова. И ту есть близь в той же дебри гробъ святаго Иякова, брата господня.

Елеоньскаа же гора есть от Иерусалима на лѣтний встокъ лиць. От Гепсимании полѣсти есть на гору Елеоньскую высоко велми, яко может на ню 3-жды встрѣлити едва, но до Отче нашь толко можеть въстрѣлити отъ Гепсимании.

О ГОРОДСКИХ ВОРОТАХ

От городских ворот восемь саженей до места, где Охония-еврей хотел стащить с постели тело святой богородицы, когда несли ее погребать апостолы в Гефсиманию. И отсек ему ангел обе руки мечом, и положил их на нем. Был на том месте монастырь женский, а теперь оно разорено погаными.

О МЕСТЕ ПОГРЕБЕНИЯ СВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

И оттуда до гроба святой богородицы саженей сто. Расположен гроб святой богородицы на ровном месте. Была высечена в камне небольшая пещерка с маленькими дверьми, чтобы мог, наклонясь, войти человек, а в глубине той пещеры, напротив дверец, как бы скамья высечена в том же пещерном камне,—на той скамье и было положено тело пречистой владычицы нашей богородицы, и оттуда же взято было в рай, оставаясь нетленным. По высоте пещерка та повыше человеческого роста, а в ширину четыре локтя и так и так. Снаружи она, как терем, красиво отделана мраморными плитами. А сверху над гробом святой богородицы была выстроена очень большая клетская церковь во имя святой Богородицы Успения, ныне же разорено погаными то место. Расположен гроб святой богородицы внизу под великим алтарем этой церкви.

О ПЕЩЕРЕ, ГДЕ БЫЛ ПРЕДАН ХРИСТОС

А от гроба святой богородицы десять саженей до пещеры, где предан был Христос Иудой евреям за тридцать сребреников. Находится же та пещера по другую сторону потока Кедронского при горе Елеонской.

И есть здесь место близ той пещеры — человек может добросить небольшим камнем, в южном направлении то место,— где помолился Христос отцу своему той ночью, когда предан был на распятие иудеям, и сказал: «Отец, если возможно, пусть минует меня чаша сия». Теперь на том месте построена церковка маленькая. А оттуда перестрел расстояние до гроба Асафата,— это был царь иудейский, и потому зовется та теснина Асафатова. И тут же поблизости, в той же теснине, гроб святого Иакова, брата господня.

Елеонская же гора расположена от Иерусалима в направлении на юго-восток. От Гефсимании лезть на гору Елеонскую очень высоко: едва ли возможно за три раза дострелить на ее верх; но только до «Отче наш» можно дострелить из Гефсимании.

О ПЕЩЕРѢ, ИДЕ ЖЕ НАЧА ХРИСТОС УЧЕНИКЫ СВОЯ УЧИТИ

И ту есть создана церкви велика, и пещера подо олтарем есть исподи; в той пещерѣ Христос научи ученики своя пѣти «Отче нашь». А оттуда *до* врьха самого Елеоньскыя горы, иде же есть Възнесение господне, есть сажень 90.

О ГОРѢ ЕЛЕОНЬСТѢЙ

Възнесение же господне есть на врьхъ Елеоньския горы прямо къ стоку, и есть яко горка мала; и на той горцѣ был камень круголъ, выше колѣ; с того камени възнеслъся Христос богъ нашь на небеса. И есть мѣсто то оздано все комарами около, и верхъ на комарахъ тех созданъ есть, яко дворъ камень кругомъ, и помощень есть весь двор-от мраморными дъсками. И посрѣди того двора есть созданъ аки теремець кругло, и есть без верха; тако и во днѣ теремца. И в том теремци под самым врьхом тѣмъ непокрытым лежит камен-етъ святый, идѣ же стоястѣ и нозѣ пречистѣи владыки нашего и господа. И есть под каменем темъ трапеза сдѣлана дъсками мраморными, и на той трапезѣ литургисають нынѣ. Есть исподи под святою трапезою камен-етъ, оделан весь около дъсками мраморными, толико врьхъ его видѣти мало, и ту цѣлують вси християне. Двери же имат 2-и термец-етъ. Възлѣсти же есть по степенем къ Възнесению господню, и есть же степеней тѣх 22. И есть гора Елеоньскаа высока над градом Иерусалимом и видети с неа все въ градѣ Иерусалимѣ, и Святаа Святыхъ, и до Содомскаго моря и до Иордана с нея дозрѣти, и всю ту землю, и об онъ пол Иордана, все с неа видѣти: вышьши бо есть всѣх Еленьскаа гора сущих горъ около Иерусалима.

О ГРАДѢ ЕРУСАЛИМѢ

Иерусалимъ же град есть велик и твердь стѣнами, всямокаченъ: на 4 углы крестьным образом созданъ есть. Дебри суть многи около его и горы каменыя. Безводно мѣсто то есть: ни рѣки, ни кладязя, ни источника нѣсть близь Иерусалима, но токмо едина купѣль Силоамля. Но дъждевою водою живуть вси людие и скоти въ градѣ том. И жита добра ражаються около Иерусалима въ камении том без дождя, но тако, божиимъ повелѣниемъ и благоволением: родиться пшеница и ячмень изрядно. Едину бо кадь всѣявъ и взяти 90 кадей, а другоици 100 кадей по единой кади, то нѣсть ли то благословение божие на земли той святѣй? Суть винограда мнози около Иерусалима и овощнаа древеса многоплодовита, смокви и агодичия, и масличие, и рожци; и ина вся различнаа древеса бес

О ПЕЩЕРЕ, ГДЕ ХРИСТОС НАЧАЛ УЧИТЬ СВОИХ УЧЕНИКОВ

И там возведена большая церковь, и есть под алтарем изнутри пещера: в той пещере Христос научил своих учеников петь «Отче наш». А оттуда до самого верха Елеонской горы, где Вознесение господне, девяносто саженей.

О ГОРЕ ЕЛЕОНСКОЙ

Вознесение же господне находится на верху Елеонской горы, прямо к востоку, и выглядит как небольшая горка. На той горке был круглый камень повыше колен: с того камня вознесся Христос бог наш на небеса. И все то место обнесено вокруг сводами, и сверху на тех сводах сделан как бы двор каменный круглый, и вымощен весь тот двор мраморными плитами. А посреди того двора сделан как бы теремок круглый, без верха; такое же отверстие и в дне теремка. А в том теремке под самым верхом тем непокрытым лежит камень святой, на котором и стояли пречистые ноги владыки нашего и господа. И сделана над камнем тем трапеза из мраморных плит, и на той трапезе служат теперь литургии. Камень же тот находится внизу, под святой трапезой, вокруг он весь обложен мраморными плитами, только верх его виден немного, и его целуют все христиане. Дверей же двое у того теремка. Подходить надо по ступеням к Вознесению господню, а тех ступеней всего двадцать две. Гора Елеонская возвышается высоко над городом Иерусалимом, и видно с нее все в городе Иерусалиме; и Святая Святых, и до Содомского моря, и до Иордана с нее можно доглядеть; и всю ту землю, даже и по ту сторону Иордана — все с нее видно; ибо Елеонская гора выше всех гор, что у Иерусалима.

О ГОРОДЕ ИЕРУСАЛИМЕ

Иерусалим же большой и крепкий город; стены его равны друг другу; построен он о четырех углах в форме креста. Ущелья во множестве вокруг него и горы каменные. Безводно то место: ни реки, ни колодца, ни источника нет вблизи Иерусалима, но только одна купель Силоамская. Но дождевой водой живут все люди и скоты в городе том. И хлеба хорошие родятся около Иерусалима в камнях тех без дождя, но так, божиим повелением и благоволением. Родятся изрядно пшеница и ячмень: ведь одну кадь посеяв, берут девяносто кадей, а другой раз сто кадей за одну кадь. Это ли не благословение божие земле той святой! Много виноградников около Иерусалима и деревьев многоплодных, смокв, шелковиц, маслин, рожков; и другие все различные деревья без числа

числа по всей земли той суть. И на той же горѣ Елеоньстѣй есть пещера глубока, близъ Възнесения господня на полудне лиць, и в той пещерѣ и гроб святыя Пелагии блудници. И ту есть столпникъ близь, муж духовенъ велми.

О ПУТИ КЪ ЕРДАНУ

И есть путь от Иерусалима къ Иордану чресь Елеоньскую гору на лѣтний всток лиць, и есть пут-ет тяжек велми и страшенъ и безводенъ: суть бо горы высокы камены, и суть разбои мнози, и разбивають въ горахъ тѣх и въ дебрех страшных. И есть от Иерусалима до Иордана 26 верстъ великих: 15 верстъ до Кузивы, иде же постился святый Иоакимъ неплодства ради своего; и есть мѣсто то въ потоцѣ глубоко у пути близь на лѣвой руцѣ, тамо идуче. А отъ Кюзивы до Иерихона 5 верстъ, а от Иерихона до Иордана 6 верстъ великых, все поравну въ пѣсцѣ; путь тяжекъ велми; ту мнози человѣци задыхаються отъ зноя и ищезають, от жажи водныя умирають. Ту бо море Содомское близь от пути того, изходит духъ зноенъ смердящь, зноит и попаляеть всю землю ту. И ту есть, недошедше Иордана, близь на пути, монастырь святаго Иоанна Предтечи; и есть горѣ въздѣлан.

О ГОРѢ ЕРМОНЪСТѢЙ

И ту есть гора Ермонъ близь у манастыря того вдалѣе яко 20 сажень; и есть на лѣвѣй руцѣ, тамо идучи, у пути близь; и есть песочна горка та не велика, но мала.

А отъ Ермона до ветхаго манастыря Иоаннова вдалѣе дващи дострѣлити гораздо; и ту есть была церкви велика создана во имя Предтечи Иоанна.

О МѢСТѢ, ИДЕ ЖЕ МОРЕ ВИДѢ ПОБѢЖЕ И ЕРДАН ВЗРАТИСЯ ВСПЯТЬ

А за олтаремъ тоя церкви близь встоку лиць на пригории есть созданъ яко олтарець и комара мала, и на том мѣстѣ есть крестилъ Предтеча Иоаннъ господа нашего Иисуса Христа. До того бо мѣста изиде Иордан от ложа своего, возвратився, видѣвъ творца своего, пришедша крестится, и убоявся, възъвратися вспять и прииде до того мѣста. И ту есть море Содомьское близь купѣли тоя было, нынѣ же есть дале от крещениа, яко 4 версты вдалеѣ отбѣгло; тогда убо узрѣв море наго божество, стояще в водах Иорданьскых, и убоявся, и побѣже; Иордан възвратися вспять, яко же пророкъ глаголеть о том: «Что ти есть, море, да побѣже, и ты, Иордане, възвратися вспять?»

по всей земле той растут. И на той же горе Елеонской есть пещера глубокая близко от Вознесения господня с южной стороны, и в той пещере — гроб святой Пелагии-блудницы. И там есть столпник поблизости, муж духовный весьма..

О ПУТИ К ИОРДАНУ

Путь от Иерусалима к Иордану лежит через Елеонскую гору на юго-восток, и путь этот очень тяжел, страшен и безводен. Ибо горы здесь высокие каменные и разбойников много, и они разбойничают в тех горах и ущельях страшных. Расстояние от Иерусалима до Иордана двадцать шесть больших верст. Пятнадцать верст до Кузивы, где постился святой Иоаким из-за своего неплодства,— есть здесь это место в глубоком ущелье близко у дороги, по левую руку, когда там идешь. И от Кузивы до Иерихона пять верст, а от Иерихона до Иордана шесть верст больших. Тут многие люди задыхаются от зноя и гибнут—от жажды без воды умирают. Там ведь море Содомское близко от той дороги: исходит дух знойный и смердящий — жжет и попаляет всю землю ту. И здесь, не доходя до Иордана, близко от дороги, находится монастырь святого Иоанна Предтечи, устроен в горе.

О ЕРМОНСКОЙ ГОРЕ

И есть там гора Ермон, вблизи от того монастыря, на расстоянии примерно двадцати саженей. Она по левую руку, когда там идешь, близко от дороги. И горка эта песчаная не велика, но мала.

А от Ермона до старого монастыря Иоаннова два хороших перестрела. Там была возведена большая церковь во имя Предтечи Иоанна.

О МЕСТЕ, ГДЕ МОРЕ ВИДЕЛО ХРИСТА И ПОБЕЖАЛО И ИОРДАН ВОЗВРАТИЛСЯ ВСПЯТЬ

А близко за алтарем той церкви, с восточной стороны на пригорке, построен как бы алтарик и свод небольшой: на том месте Иоанн Предтеча крестил господа нашего Иисуса Христа. До того ведь места дошел Иордан, выйдя из своего ложа, когда повернул при виде творца своего, пришедшего креститься: убоявшись, обратился он вспять и дошел до этого места. И тут близко от той купели было Содомское море, а ныне оно далеко от Крещения — на четыре версты отбежало. Ибо узрело тогда море нагое божество, стоящее в водах иорданских, и убоялось; и Иордан побежал, обратился вспять; как пророк говорит о том: «Что же ты, море, побежало, и ты, Иордан, обратился вспять?»

О МѢСТѢ, ИДѢ ЖЕ КРЕСТИСЯ ХРИСТОС

От того, иде же ся крестил есть Христос, есть до самыя рѣки Иордановы вдале, яко можеть доверечи мужь каменемь малым.

О КУПѢЛИ

И ту есть купѣль на Иорданѣ, и ту ся куплють христиане приходяще, ту же есть брод чрес Иордан во Аравию. На томь же мѣстѣ Иордан раступися древле сыномъ израилевым, и проидоша людие по суху; ту же и Елѣсѣй удари милотию Илииною в воду, и проидоша Иордан по суху: на той же купѣли и Мария Египтяныни преиде по водам къ отцю Зосимѣ, и приять тѣло Христово, и пакы по водам же преиде в пустыню.

О ЕРДАНѢ

Иордан же рѣка течет быстро, бреги же имать об онъ полъ прикруть, а отсуду пологы; вода же мутна велми и сладка пити, и нѣсть сыти пиюще воду ту святую; ни с нея болѣть, ни пакости во чревѣ человѣку. Всѣмъ же есть подобенъ Иордан к рѣцѣ Сновьсѣй — и вширѣ, и въглубле, и лукаво течет и быстро велми, яко же Сновь рѣка. Вглубле же есть 4 сажень среди самое купѣли, яко же измѣрих и искусих сам собою, ибо пребродих на ону страну Иордана, много походихомъ по брегу его; вширѣ же есть Иордан яко же есть Сновь на устии. Есть же по сей странѣ Иордана на купѣли тои яко лѣси древо не высоко, аки вербѣ подобно есть, и выше купѣли тоя по брегу Иорданову стоитъ яко лозие много, но нѣсть яко же наша лоза, но нѣкако аки силяжи подобно есть; есть же и тростие много; болоние имать, яко Сновь рѣка. Звѣрь мног ту, и свинии дикии бе-щисла много, и пардуси мнози ту суть, лвове же.

Об онъ пол Иордана горы высокы каменыя; и суть подаль от Иордана; а под тѣми горами другыя горы близь суть бѣлы; и ты суть близь Иордана; и то есть земля Заулоня и Неффалимьля об онъ пол Иордана.

О ПЕЩЕРѢ ИОАНА КРЕСТИТЕЛЯ

И ту есть близь мѣсто къ встоку лиць яко двою дострѣлу вдалѣе от рѣки, иде же Илиа пророкъ всхищенъ бысть на колесници огньнѣй. Ту же и пещера святаго Иоанна Крестителя. И ту есть поток, воды исполненъ, и течет красно по камению во Иордан; и вода та студена зѣло и сладка велми; и ту воду пил Иоаннъ Предтеча Христовъ, егда жилъ в пещерѣ той святѣй.

О МЕСТЕ, ГДЕ КРЕСТИЛСЯ ХРИСТОС

От того места, где крестился Христос, до берега реки Иордан расстояние — как может докинуть муж небольшим камнем.

О КУПЕЛИ

И есть здесь купель на Иордане, и там окунаются христиане приходящие. Там же брод через Иордан в Аравию. На том месте Иордан расступился в древности перед сынами Израилевыми, и прошли люди посуху. Тут же и Елисей ударил милотью Илии по воде, и перешли Иордан посуху. У той же купели и Мария Египетская прошла по воде к отцу Зосиме и, приняв тело Христово, обратно по воде же ушла в пустыню.

О ИОРДАНЕ

Иордан-река течет быстро, берега же ее с той стороны круты, а с этой пологи. Вода очень мутная и вкусная для питья; не насытиться, когда пьешь воду ту святую; от нее — ни болезни, ни расстройства желудка у человека. Во всем похож Иордан на реку Сновь — и шириной, и глубиной, и тем, что петляет и очень быстро течет, как и Сновь-река. Глубина же четыре сажени посреди самой купели, как я измерил и проверил сам, ибо я перебродил на ту сторону Иордана и много походил по его берегу. Шириной же Иордан — как Сновь в устье. На этой стороне Иордана около купели той — вроде леса; деревья невысокие, похожие на вербу. А выше той купели по берегу Иордана стоит во множестве своего рода лоза, но она не такая, как наша лоза, несколько похожа на кизил; много и тростника. Затоны есть, как у Снови-реки. Зверей много тут: и свиней диких без числа много, и барсов тут много, и львов.

По ту сторону Иордана горы высокие каменные; они поодаль от Иордана. А под теми горами другие горы близко, белые, и те горы вблизи от Иордана. То земля Завулонова и Неффалимова по ту сторону Иордана.

О ПЕЩЕРЕ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ

И поблизости там есть место к востоку, примерно в двух перестрелах от реки, где Илья-пророк восхищен был на колеснице огненной. Там же и пещера святого Иоанна Крестителя. И полноводный ручей красиво течет там по камням в Иордан. Вода та весьма холодна и очень вкусна. Эту воду пил Иоанн Предтеча Христов, когда жил в той святой пещере.

О ПЕЩЕРѢ ИЛЬИ ПРОРОКА

И ту же есть другая пещера дивна, иде же жилъ святый Илия пророкъ съ Елисѣем, учеловѣкомъ его. И то все благодѣтию божиею видѣхом очима своима грѣшныма и недостойныма. И сподоби мя богъ трижды быти на святѣмь Иорданѣ, и в самы водокрещеный праздникъ быхом на Иорданѣ, видѣхом благодать божию, приходящюю на воды Иорданьскыя, и множьство народа бес числа тогда пришедших к водѣ. Всю нощь ту пѣние бываетъ изрядно и свѣщь бес числа горящих, и в полунощи бывает крещение водѣ, тогда бо и духъ святый приходит на воды Иорданьскиа, и видять достойнии человѣци добрии, а вси народи не видят ничто же, но токмо радость и веселие бываеть тогда въ сердци всякому християнину. И егда рекуть: «Во Иорданѣ крещьшутися, господи»,— тогда все людие в воду и крестяться в полунощи въ Ierданьстѣй рѣцѣ, яко же и Христос въ полунощи крестился есть. И ту есть гора, высока зѣло, об онъ пол Иордана; видѣти ю есть отвсюду издалеча; и на той горѣ пророкъ Моисий преставился есть, видѣвъ землю обѣтованую. А от манастыря святаго Иоанна до Герасимова манастыря есть верста едина, а от Герасимова манастыря до Каламонии, до манастыря святыя Богородица, есть верста едина.

И на том мѣстѣ святая богородица съ Иисусом Христомъ, и съ Иосифом, и съ Ияковом, егда бѣжаху въ Египетъ, то на том мѣстѣ нощлѣг створиша; тогда святаа богородица нарече имя мѣсту тому Каламонии, еже ея протолкует «Доброе обителище». Ту нынѣ сходит духъ святый ко иконѣ святыя Богородица. И есть манастыр-етъ на устьи, иде же входить Иорданъ въ море Содомское, и есть градом одѣлан весь около монастыр-ет; черноризець же в нем 20. А оттуда до манастыря Иоанна Златоустаго врьстѣ двѣ, а тый манастырь тако же градом одѣлан весь и есть богатъ велми.

О ГРАДѢ ИЕРИХОНѢ

А оттуда до Иерихона есть верста едина. Иерихонъ же тый был прьвѣе градъ велик и твердъ велми; того Иерихона Иисус Навгинъ взял и разорил до конца; нынѣ же ту есть село срациньское. И ту есть дом Затхѣевъ и пень древа того и до нынѣ стоитъ, на нь же бяше възлѣзлъ, хотя видѣти Христоса. Ту же есть былъ и домъ оноя сумантяныни, идѣ же Иелѣсѣй отрочища въскресилъ. Есть же около Иерихона земля добра и многоплодна, и поле красно и равно, и около его финици мнози стоятъ высоци, и всякаа древеса многоплодовита суть; и воды многы текут, разведены по всей земли той; ти суть воды Иелисѣевы, их же ослади Иелисѣй пророкъ.

О ПЕЩЕРЕ ИЛЬИ-ПРОРОКА

И тут же находится другая удивительная пещера, где жил святой Илья-пророк с Елисеем, учеником его. И то все, благодатию божиею, мы видели глазами своими, грешными и недостойными. И сподобил меня бог трижды быть на святом Иордане. Даже в самый праздник водоосвящения мы были на Иордане: видели благодать божию, приходящую на воды иорданские, и множество народа, без числа тогда пришедшее к воде. Всю ночь пение бывает изрядное и свечи без числа горят, а в полуночи бывает крещение воды. Тогда дух святой и приходит на воды Иорданские; и видят достойные люди добрые, а все народы не видят ничего, но только радость и веселие бывает тогда на сердце у всякого христианина. И когда произнесут: «Во Иордане крещающуся тебе, господи», тогда все люди идут в воду и крестятся в полуночи в Иордане-реке, как и Христос в полуночи крестился здесь. И есть тут гора весьма высокая, по ту сторону Иордана, ее отовсюду издалека видно: на той горе Моисей-пророк преставился, увидев землю обетованную. А от монастыря святого Иоанна до Герасимова монастыря одна верста, и от Герасимова монастыря до Каламонии, до монастыря святой Богородицы, одна верста.

На том месте святая богородица с Иисусом Христом, с Иосифом, и с Иаковом, когда они бежали в Египет,— на том месте ночлег устроили. Тогда святая богородица дала название месту тому — Каламония, что переводится как «Добрая обитель». Туда ныне сходит дух святой к иконе святой богородицы. И стоит монастырь тот на устье, где Иордан впадает в море Содомское; и оградой обнесен весь вокруг монастырь тот; черноризцев же в нем двадцать. А оттуда до монастыря Иоанна Златоуста версты две, а тот монастырь так же оградой обнесен весь; и он очень богат.

О ГОРОДЕ ИЕРИХОНЕ

А оттуда до Иерихона одна верста. Иерихон же тот был прежде городом большим и весьма крепким. Иисус Навин взял тот Иерихон и разрушил до основания. Теперь тут находится сарацинское село. И есть там дом Закхея; и пень того дерева доныне стоит, на которое он залез, чтобы видеть Христа. Тут же был и дом известной сонамитянки, в котором Елисей воскресил отрока. Земля же вокруг Иерихона хорошая и плодоносная, и поле красивое и ровное, а около него фиников много стоит высоких и всяких деревьев многоплодных; и воды во множестве текут, разведенные по всей земле той. Это Елисеевы воды, которые опреснил Елисей-пророк.

И ту есть мѣсто близь Иерихона, врьста едина вдалѣе на лѣтний вста лиць, и на том мѣстѣ явися святый Михаил архистратиг Иисусу Навгину пред полком израилевым; и възвед очи свои Иисус, видѣ пред собою мужа страшна въоружена, и рече Иисус: «Наш ли еси, или от супостат наших?» И рече ему архистратиг: «Азъ есмь Михаил, воевода божьи, послан есмь на помощь тебѣ. Дерзай и побѣжай супостаты твоя». И рече ему: «Изуй сапогъ от ногу твоею; мѣсто бо, на нем же стоиши, свято есть». И паде Иисус на лици своемъ, и поклонися. И есть на мѣстѣ том нынѣ манастырь, и церкви создана во имя святаго Михаила. Въ церкви той лежита 12 камени, и то камение тогда есть взято на днѣ Иордановѣ, егда раступисе Иордан людем израилевым; и взяша камение то иерѣи, носящеи кивот завѣта господня, по числу колѣнъ сыновъ израилевъ на память роду их. Имя мѣсту тому Галганий, на том бо мѣстѣ сташа сынове израилевы, прешедше Иордан.

О ГОРѢ ГАВАОНСТѢЙ

И от того мѣста есть гора высока и велика велми к западу лиць, имя горѣ той Гаваонъ, и над тою горою Гаваонъскою солнце ста и пожда, яко полудне, дондеже Иисус Навгинъ побѣди враги своя, егда биашеся с ним Огъ, царь Васанескъ, и вся царьствиа Хананѣйска. И побѣди Иисус до конца, и тогда солнце заиде.

О ПЕЩЕРѢ, ИДЕ ЖЕ ХРИСТОС ПОСТИСЯ 40 ДНИ

В той же горѣ Гаваонъстѣй есть пещера высока зѣло, и в той пещерѣ постился есть Христос богъ наш 40 дний, послѣди же взалка; и ту прииде дияволъ, искусити хотя, и рече ему: «Аще еси сынъ божий, рци да камение се хлѣби будут».

Ту есть близъ был домъ Елисѣя пророка, и пещера его, и кладязь есть къ встоку лиць отъ Гаваона, а вдалее яко пол версты.

И есть отъ Иерусалима верстъ 6 до Федосиева манастыря. Манастыр-ет на горѣ градом оделанъ был, и видѣти от Иерусалима. И ту есть пещера велика посреди манастыря, и в той пещерѣ волсви нощьлѣг сътвориша, егда уклонишася от Ирода. И ту нынѣ лежить святый Феодосие, и мнози святии отци ту лежать, в той пещерѣ лежит мати святаго Савы, и Феодосиева мати ту лежит.

О ЛАВРѢ СВЯТАГО САВЫ

И от того манастыря до лавры святаго Савы есть връстъ 6. Манастыря же та оба на полуденье лиць. Лавра же святаго

И есть тут место вблизи Иерихона, верста одна на юго-восток: на том месте явился святой Михаил-архистратиг Иисусу Навину перед войском Израилевым; и поднял глаза свои Иисус, и увидел перед собой мужа страшного вооруженного, и сказал Иисус: «Наш ли ты или из врагов наших?» И сказал ему архистратиг: «Я — Михаил, воевода божий, послан на помощь тебе. Будь смел и побеждай врагов твоих». И сказал ему: «Разуй сапог с ноги твоей, ибо место, на котором стоишь, свято». И упал Иисус на лицо свое, и поклонился. И стоит на месте том теперь монастырь, и церковь построена во имя святого Михаила. В церкви той лежат двенадцать камней; а камни те были взяты со дна Иордана, когда расступился Иордан перед людьми Израилевыми; и взяли камни те священники, носящие кивот завета господня, по числу колен Израилевых на память роду их. Называется место то Галганий, ибо на том месте стали сыны Израилевы, перейдя Иордан.

О ГОРЕ ГАВАОНСКОЙ

И от того места на запад есть гора высокая и большая очень; имя горе той Гаваон; над той самой горой Гаваонской солнце остановилось и ждало примерно полдня, пока Иисус Навин не победил врагов своих, когда бился с ним Ог, царь Васанский, и все царства Хананейские. И победил Иисус до конца, и тогда солнце зашло.

О ПЕЩЕРЕ, ГДЕ ХРИСТОС ПОСТИЛСЯ СОРОК ДНЕЙ

В той же горе Гаваонской есть очень высокая пещера, в которой постился Христос бог наш сорок дней, после же взалкал. И туда пришел дьявол, искусить хотя, и сказал ему: «Если ты сын божий, скажи, пусть камни эти хлебами будут».

Там поблизости был дом Елисея-пророка и пещера его, и колодец есть на восток от Гаваона на расстоянии примерно полверсты.

А от Иерусалима до Феодосиева монастыря верст шесть. Тот монастырь на горе обнесен оградой и виден от Иерусалима. И там есть пещера большая посреди монастыря, в которой волхвы ночевали, когда избегали Ирода. И там ныне лежит святой Феодосий, и многие святые отцы там лежат; мать святого Саввы в той пещере лежит, и Феодосия мать тут лежит.

О ЛАВРЕ СВЯТОГО САВВЫ

А от того монастыря до лавры святого Саввы верст шесть. Оба же те монастыря к югу от Иерусалима. Лавра святого

Савы есть на дебри Асафатовѣ, во удоли плачевнѣй, яже дебрь отъ Иерусалима поидет; от Гепсимании бо дебрь поидеть сквозѣ лавру и приходить к Содомьскому морю. Лавра же святаго Савы есть уставлена от бога дивно и несказанно: поток бѣ нѣкако страшенъ и глубокъ зѣло и безъводень, стѣны имя бѣ высоки, и на тѣх стѣнахъ лпять кѣлии прилѣплены и утвержены от бога нѣкако дивно и страшно; на высотѣ бо той стоятъ келии по обѣма странама потока того страшнаго и лпят на скалах, яко звѣзды на небеси утвержены. Суть же 3 церкви. Посредѣ же кѣлей техъ к западу лиць, ту пещера дивна под скалою каменою, и в той пещерѣ церкви святыя Богородица: и ту пещеру показа богъ святому Савѣ столпом огненым, преже живущу ему единому в потоцѣ том. И есть же первая келиа святаго Савы, иде же жилъ един, подаль отъ лавры нынѣшняя, яко полверсты вдалѣе; и оттуда показа ему богъ столпом огненым над мѣстом тѣмь святым, идѣ же есть нынѣ лавра святаго Савы. И есть дивно мѣсто и несказанно отнудь. И ту есть гробъ святаго Савы посредиѣ церквий тѣх трий, вдалее отъ великия сажень 4; и есть теремець над гробомъ святаго Савы; учинено красно. Ту же лежат мнози святии отци, телесы яко живи: святый Иоаннъ епископъ Исихастъ ту лежить, святый Иоаннъ Дамаскинъ ту лежит, и святый Феодоръ Едесский ту лежитъ и Михаилъ сыновець его, Афродитианъ святый ту лежит, и инии мнози святии ту лежат, телесы яко живи; и благоухание от них исходить несказанно. И видѣх кладязь святаго Савы, его же показа ему в нощи осля дикое в потоцѣ том, противу келии его; пихом от кладязя того воду сладку и студену зѣло. В мѣстѣ бо том нигде же нѣсть рѣки, ни потока, ни кладязя, но токмо един кладязь святаго Савы; есть бо мѣсто то безводно в горах каменых, и есть пустыни та вся суха и безводна, но токмо дъждевою водою живи суть сущии отцы въ пустыни той.

И ту есть близь лавры мѣсто на полудне лиць от лавры, имя мѣсту тому Рува, и есть близь моря Содомьскаго. И суть горы высоки каменыя, и пещеры многы ту суть в горах тѣх; и ту суть жили святии отцы в горах тѣхъ, в пустыни той страшнѣй безводнѣй. И ту суть жилища пардусом, и осли дивии мнози суть.

Море же Содомьское мрьтво есть, не имать в себѣ никако же животна, ни рыбы, ни рака, ни сколии. Но обаче внесеть быстрость Иорданьская рыбу в море то, то не можеть жива быти ни мала часа, но вскорѣ умираеть: изходит бо из дна моря того смола чермная верху выды тоя, и лежит по брегу тому смола та много; и смрад исходит из моря того, яко от сѣры горяща; ту бо есть мука под морем тѣмъ.

Саввы находится в долине Иосафата, в юдоли плача, которая начинается от Иерусалима: идя от Гефсимании, эта долина проходит сквозь лавру и доходит до Содомского моря. Лавра же святого Саввы устроена богом чудесно и непередаваемо словами. Тек некогда поток страшный и очень глубокий и обезводел. Берега у него были высокие. На тех обрывах и лепятся келии — прилеплены и утверждены от бога каким-то чудесным и страшным образом. На высоте ведь той стоят келии по обоим берегам потока того страшного и лепятся на скалах, будто звезды на небе утверждены. Церквей же три. Среди же келий тех западнее есть пещера чудесная. Пещеру ту бог показал святому Савве столпом огненным, когда он сначала жил один на месте того потока. Первая же келья святого Саввы, где он жил один, находится поодаль от нынешней лавры, примерно на расстоянии полверсты. Оттуда он увидел показанный ему богом столп огненный над местом тем святым, где есть ныне лавра святого Саввы. Чудесно это место и совершенно непередаваемо словами. Находится там и гроб святого Саввы между тех трех церквей, от большой на расстоянии саженей четырех. И есть теремок над гробом святого Саввы; сделано красиво. Там же лежат многие святые отцы, как живые телами: святой Иоанн епископ Исихаст тут лежит, святой Иоанн Дамаскин тут лежит, и святой Феодор Едесский тут лежит, и Михаил племянник его; Афродитиан святой тут лежит, и иные многие святые тут лежат, телами как живые, и благоухание от них исходит непередаваемое. И видел я колодец святого Саввы, который ему ночью показал дикий осел в потоке том против его кельи; пили мы из колодца того очень вкусную и холодную воду. В месте же том нигде нет ни реки, ни ручья, ни колодца, но только один колодец святого Саввы. Место ведь то безводное, в горах каменных, и вся пустыня та суха и безводна. Только дождевой водой и живы отцы, находящиеся в пустыне той.

И есть там вблизи лавры место, с южной стороны от лавры, под названием Рува; оно расположено вблизи моря Содомского. И горы там каменные высоки, и пещер много в горах тех. И тут, в этих горах, в пустыне той страшной безводной жили святые отцы. И там находятся жилища барсов, и ослов диких много.

Море же Содомское мертво, не содержит в себе ничего живого: ни рыбы, ни рака, ни устрицы. И если течение Иорданское выносит рыбу в то море, то она не может быть живой даже небольшое время, но вскоре умирает. Ибо исходит из дна того моря смола красная на поверхность воды, и лежит по берегу тому смола та во множестве; и смрад исходит из моря того, как от серы горящей: тут ведь находится место мучений, под морем тем.

О МАНАСТЫРѢ СВЯТАГО ЕВФИМЬЯ

А лавры святаго Савы на всток лиць за горою манастырь святаго Еуфимья, 3 версты вдалее отъ лавры; и ту лежит святый Еуфимие, и ини мнози святии отци ту лежат, телесы яко живи. И есть же манастыр-ет на удолнѣ мѣстѣ, и горы суть около его каменыя подаль, манастырь же был градом одѣланъ и церкви же была добра вверхъ. И ту есть близъ был манастырь святаго Феоктиста под горою на полудни лиць от манастыря Еуфимиева. И то все нынѣ разорено от поганных.

О ГОРѢ СИОНЬСТѢЙ

Сион же гора есть велика и высока есть, от юга лиць, а от Ерусалима полога и равна. И на той горѣ Сионьстѣй первое был град Иерусалимъ ветхий, и того града ветхаго разорил Навходносоръ, царь вавилонесъ, при Еремѣи пророцѣ; а нынѣ Сионъ гора внѣ стѣны градныя есть, на югъ лиць от Иерусалима Сионъ. И ту есть был дом Иоанна Богословца на горѣ Сионьстѣй, и на томъ мѣстѣ создана была церкви велика клѣтьски; и есть от стѣны градныя яко довержет мужь каменемь малым до церкви святаго Сиона.

И в той церкви Сионьстѣй ту есть храмина, за олтаремъ тоа церкви, и в той храминѣ Христос умы ногы учеником своим.

О ДОМУ ИОАНА БОГОСЛОВА, ИДѢ ЖЕ ХРИСТОСЪ ВЕЧЕРЯЛ

Ис тое храмины на югь лиць поидучи, възлѣсти есть по степенем яко на горницю; ту есть храмина создана красно, яко на столпии и с верхом, исписа муисиею и помощена красно, и олтарь имать яко церкви на всток лиць: и то есть келиа была Иоанна Богословца, и в той кѣлии Христос вечерял со ученики своими: ту же Иоаннъ възлеже на перси его и рече: «Господи, кто ест предаяй тя?» На том же мѣстѣ сшествие святого духа бысть на апостолы в Пентикостию.

В той же церкви есть другая храмина долѣ на земли, и низка есть храмина та, на югь лиць: и в ту храмину прииде Христос къ учеником своим, дверем затвореным, и ста посредѣ их, и рече: «Миръ вам»; ту же и Фому увѣрил есть въ 8-й день. Ту же есть святый камень, принесенъ аггелом с Синайскиа горы.

А на друзѣй странѣ тоа же церкве, к западу лиць, есть другая храмина на земли низка, тѣм же образом; и ту в той храминѣ преставилася святаа богородица. И то все ся дѣяло в дому Иоанна Богословца.

О МОНАСТЫРЕ СВЯТОГО ЕВФИМИЯ

А от лавры святого Саввы на восток за горою монастырь святого Евфимия, три версты расстояние от лавры. И там лежит святой Евфимий, и иные многие святые отцы там лежат, телами как живые. И стоит тот монастырь на ровном месте, и горы вокруг него каменные поодаль. Монастырь же был оградой обнесен, и церковь была хорошая высокая. А поблизости тут был монастырь святого Феоктиста, под горою, на юг от монастыря Евфимия. И все то ныне разорено погаными.

О ГОРЕ СИОНСКОЙ

Гора Сион высокая и большая, если смотришь с юга; а со стороны Иерусалима пологая и ровная. На той горе Сионской и был первоначально древний город Иерусалим. Тот древний город разорил Навуходоносор, царь Вавилонский, при Иеремии-пророке. А ныне гора Сион вне городской стены, на юг от Иерусалима Сион. Здесь, на горе Сионской, был дом Иоанна Богослова; на этом месте была создана большая клетская церковь. А расстояние от городской стены до церкви святого Сиона — как может добросить мужчина небольшим камнем.

И в той церкви Сионской есть, за алтарем той церкви, комната, где Христос умыл ноги ученикам своим.

О ДОМЕ ИОАННА БОГОСЛОВА, ГДЕ ХРИСТОС ВЕЧЕРЯЛ

Пойдя из той комнаты на юг, поднимаешься по ступенькам в своего рода горницу. Там находится комната, красиво сделанная, как бы на столбах, и с покрытием, украшенная мозаикой и вымощенная красиво, и алтарь есть, как в церкви, с восточной стороны. Это бывшая келия Иоанна Богослова, и в той келии Христос вечерял с учениками своими; тут же Иоанн возлежал на груди его и сказал: «Господи, кто — предающий тебя?» На том же месте сошествие святого духа было на апостолов в пятидесятницу.

В той же церкви есть другая комната, внизу, на земле; и низко помещение то, с южной стороны. В то помещение и пришел Христос к ученикам своим, когда были двери закрыты, и стал посреди них, и сказал: «Мир вам»; тут же и Фому уверил в восьмой день. Тут же хранится святой камень, принесенный ангелом с Синайской горы.

А на другой стороне той же церкви, с западной стороны, есть на земле другая комната низкая, такая же по виду: в том помещении преставилась святая богородица. Все то происходило в доме Иоанна Богослова.

И ту есть былъ домъ Каиафинъ. И ту ся Петръ отврьглъ Христа трижды, дондеже куръ възгласит. И есть мѣсто на всток лиць отъ Сиона.

ИДѢ ЖЕ ПЕТРЪ, ОТВРЬЖЕСЯ ХРИСТА ТРИЖДЫ, ПЛАКАСЯ ГОРКО

И оттуда есть близь паки мѣсто на странѣ горы, къ въстоку лиць, и ту есть пещера глубока велми, слѣсти в ню степеней 30 и 2; и в той пещерѣ плакася Петръ горко отврьжениа своего. И над тою пещерою церковь есть создана во имя святаго апостола Петра.

О КУПѢЛИ СИЛОАМСТѢЙ

А оттуда на полудне лиць долѣ под горою есть купѣль Силоамля, иде же Христос слѣпцю очи отверзе.

О СЕЛѢ СКУДЕЛЬНИЧИ

И ту есть под тою же горою Сионьское село Скудиельниче, еже его купиша цѣною Христово на погребание странным; и есть об он пол дебри под горою Сионьскою, на югъ лиць от Сиона. И суть пещеры многи на странѣ горы у камени изъсѣчены, и в тѣх пещерах днѣ суть гроби устроены, у камени изсѣчены дивно и чюдно; ту ся погребають страньни пришельци туне, так; ничто же не даютъ отъ мѣста того святаго: искуплено бо есть кровию Христовою.

О ВИФЛЕОМѢ

Вифлеем же святый есть на югь лиць отъ Иерусалима святаго, 6 верстъ вдалее. По полю 2 верстѣ до Ссѣданиа Авраамля, идѣ же отрока своего остави съ ослятемъ Авраамъ и поя сына своего Исаака на жертву, и задѣ ему дрова понести и огнь. И рече ему: «Отче, се дрова и огнь, а кое овча?» И рече ему Авраам: «Богъ покажет, чадо, намъ овча». И идяше Исаакъ, радуяся, путемъ темъ къ Иерусалиму лиць. На том же бо мѣстѣ приведенъ бысть Исаакъ, иде же Христос распят бысть.

И оттуда есть верста едина вдалее до мѣста, идѣ же святаа богородица видѣ двои люди, едины смѣющася, а другиа плачющася. И ту есть была церкви создана, манастырь был святыя Богородица, нынѣ же разорено есть от поганых.

А оттудѣ до гроба Рахилина, матери Иосифовы, еста верстѣ 2.

О ВЕРТЕПѢ, ИДѢ ЖЕ ХРИСТА РОДИ СВЯТАЯ БОГОРОДИЦА

И оттуда верста едина есть до мѣста, идѣ же ссѣла святаа богородица съ осляти, егда понуди сущее въ чревѣ еа, хотя

И тут же был дом Каиафин, где Петр отрекся от Христа трижды, прежде чем петух пропел. И есть место то в восточном направлении от Сиона.

ГДЕ ПЕТР, ТРИЖДЫ ОТРЕКШИСЬ ОТ ХРИСТА, ГОРЬКО ПЛАКАЛ

И оттуда, к востоку, опять же близко есть место на склоне горы, где находится очень глубокая пещера: спуск в нее — тридцать две ступени. В этой пещере Петр горько оплакивал свое отречение. Над этой пещерой создана церковь во имя святого апостола Петра.

О КУПЕЛИ СИЛОАМСКОЙ

А оттуда на юг, внизу под горой, находится купель Силоамская, где Христос слепцу глаза открыл.

О СЕЛЕ СКУДЕЛЬНИЧЕМ

И тут, под той же горой Сионской, находится село Скудельничье, которое купили на полученные за Христа деньги для погребения странников. Оно по ту сторону ущелья, под Сионской горой, на юг от Сиона. И много пещер высечено на склоне горы в камне, и в тех пещерах теперь гробы устроены, в камне высечены удивительно и чудесно. Тут погребаются пришлые странники бесплатно, так: ничего ведь не дают за то святое место, ибо оно выкуплено кровью Христа.

О ВИФЛЕЕМЕ

Вифлеем же святой на юге от святого Иерусалима, в шести верстах. По полю — две версты до спешения Авраама, где Авраам оставил слугу своего с ослом, а сына своего взял для жертвы и дал ему понести дрова и огонь, и тот сказал ему: «Отец, вот дрова и огонь, а где же овца?» И сказал ему Авраам: «Бог покажет нам овцу, чадо». И Исаак шел, радуясь, путем тем по направлению к Иерусалиму. Ведь на то самое место приведен был Исаак, где Христос был распят.

И оттуда верста одна расстояния до места, где святая богородица видела два рода людей: одних смеющихся, а других плачущих. И тут была церковь создана, монастырь был святой Богородицы. Ныне же разорено все от поганых.

А оттуда до гроба Рахили, матери Иосифа, две версты.

О ВЕРТЕПЕ, ГДЕ ХРИСТА РОДИЛА СВЯТАЯ БОГОРОДИЦА

И оттуда верста одна до места, где святая богородица сошла с осла, когда находящееся во чреве ее, желая выйти, прину-

изыти. И ту есть камень великъ, и на том камени почивала святая богородица, тогда ссѣдши со осляти; и от того камени, вставши, шла есть пѣша до вертьпа святаго, и ту родила есть Христа в том вертьпѣ святая богородица. И ту есть близъ рождество Христово от камени того, яко можеть дострѣлити добръ стрѣлець.

О ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

И есть ту над вертепом тѣмъ святым рождества Христова создана есть церкви велика крестом, и верхъ ея клѣтьски въсперенъ. Покрыта же есть вся оловом церкви та Рождества Христова, исписана есть мусиею вся, столповъ же имать 8 облых мраморяных; помощена же есть дъсками мрамора бѣлаго; двери же имат трои; есть же вдалѣе 50 сажен до великаго олтаря, а ширѣ 20 сажен. Есть же вертепъ и асли, иде же было рождество Христово, под великим олтарем, яко пещера велика, создана красно, и степеней имать 7, куда же слѣсти есть къ дверемъ святаго вертьпа святаго; имат двери двои, въ других дверии 7 же степеней. И есть, всточными дверми влѣзучи въ вертепъ, на левѣй руцѣ есть мѣсто на земли долѣ, и на том мѣстѣ родился Христос богъ нашь; и есть надъ мѣстомъ тѣмъ въздѣлана трапеза святаа, и ту на той трапезѣ литургисаюҭь.

О ЯСЛѢХ ХРИСТОВЫХЪ

И ту есть мѣсто къ встоку лиць, а противу тому мѣсту на правѣ руцѣ ясли Христовы; къ западу лиць под скалою каменою суть ясли Христовы святыа; и в тѣх яслех положенъ бысть Христос богъ, в рубища повит нашего ради спасениа, все претрьпѣ. Близь же себе еста мѣста та, и рождество и ясли, яко три сажени вдалѣе межи има еста; въ единой пещерѣ оба мѣста та. Исписана же есть пещера та мусиею и помощена же красно. Церкви же исподи дупляста есть вся; и мощи святыхъ ту лежать.

И поидучи изъ церькви, на правую руку вылѣзучи, и есть пещера глубока под церковь лиць, и в той пещерѣ лежали мощи святых младенець, и оттуда взяты суть святии младенци въ Царьград. Созданъ же есть градок высокъ около всея церкви тоя. И есть мѣсто то было рождества Христова на горѣ, кромѣ людей, в пустыни; да то ся зоветь нынѣ Вифлеем, кдѣ то есть нынѣ Рождество Христово и градок-от, а ветхий Вифлеем кромѣ того мѣста был напреди, не дошедше Рождества Христова; и ту есть столпник нынѣ, и камень святыя богородица; то на той горѣ есть был первый Вифлеемъ. И та земля вся около Вифлеема зовется Ефрантъ, земля Июдина, и о том пророкъ

дило ее. И там есть камень большой, на котором отдыхала святая богородица тогда, сойдя с осла; от того камня, встав, шла она пешком до вертепа святого, и там, в том вертепе, родила Христа святая богородица. И тут, близко от камня того, рождество Христово, так что может дострелить хороший стрелок.

О ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

И там, над вертепом тем святым рождества Христова, выстроена большая церковь в форме креста с прямоугольным, высоко поднятым верхом. Покрыта же оловом вся та церковь Рождества Христова, вся украшена мозаикой, столпов же у нее восемь цельных мраморных; вымощена плитами белого мрамора; дверей же у нее трое; в длину она пятьдесят саженей до великого алтаря, а в ширину двадцать саженей. Вертеп же и ясли, где было рождество Христово, находятся под великим алтарем. Как бы пещера большая сделана красиво, и семь ступенек у нее, по которым сходят к дверям вертепа святого. Дверей у нее двое; ко вторым дверям — тоже семь ступеней. И если восточными дверьми входишь в вертеп, по левую руку есть место на земле внизу, на котором и родился Христос бог наш. Над местом тем святым возведена трапеза святая, и тут, на той трапезе, служат литургию.

О ЯСЛЯХ ХРИСТОВЫХ

И там, к востоку, есть место, напротив которого справа — ясли Христовы. С западной стороны под каменной скалой находятся ясли Христовы святые, в которые положен был Христос бог, в рубища повит. Нашего ради спасения все претерпел. Близко друг от друга находятся места те — рождество и ясли: примерно три сажени расстояние между ними; в одной пещере оба места эти. Исписана же пещера та мозаикой и вымощена красиво. Под церковью же все выдолблено, и мощи святых тут лежат.

И если пойти, выйдя из церкви, на правую руку, то там есть пещера глубокая, уходящая под церковь: в той пещере лежали мощи святых младенцев, и оттуда взяты были святые младенцы в Царьград. Создана же ограда высокая вокруг всей той церкви. И находится место то, где было рождество Христово, на горе, в стороне от людей, в пустыне. Теперь это место, где сейчас рождество Христово, и городок тот называется Вифлеем, а древний Вифлеем был за пределами этого места, впереди, не доходя до рождества Христова. Там сейчас обретается столпник и находится камень святой богородицы; на той-то горе и был первый Вифлеем. И вся та земля около Вифлеема называется Ефрант, земля Иудина. И о том пророк

глаголеть: «И ты, Вифлееме, земле Июдова, ничим же менши еси в тысящах Июдовах, ис тебе бо изыдеть вожь, иже упасеть люди мои Израиля». И есть земля та около Вифлеема красна зѣло въ горах, и древеса многоплодовита овощнаа стоатъ по пригориемъ тѣмъ красно: масличие, и смоквие, и рожцие много бес числа, виногради мнози суть около Вифлеема и нивы по удолиемъ многи суть.

И близь церкве Рождества Христова, внѣ стѣны градныя, к полудню лиць дострѣла вдалѣе на горѣ есть велика пещера, в той пещерѣ жила святая богородица съ Христосомъ и со Иосифомъ.

О ДОМУ ИЕСЕОВѢ, ОТЦА ДАВИДОВА

И ту есть мѣсто на странѣ града къ встоку лиць, от града вдалѣе, яко дострѣлить; имя мѣсту тому Вифиль. И ту был домъ Иесѣевъ, отца Давидова; и в тот домъ прииде Самоилъ пророкъ и ту помаза Давида на царство во Израили, в Саула мѣсто.

О КЛАДЯЗѢ ДАВИДОВѢ

Ту кладязь Давидовъ, его же пити древле Давыд вжадася.

О МѢСТѢ, ИДЕ ЖЕ БЛАГОВѢСТИША АГГЕЛИ ПАСТУХОМЪ РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

А оттуда есть мѣсто подъ горою на поли, версты вдалѣе от Рождества Христова, на встокъ лиць, на том мѣстѣ святии аггели благовѣстиша пастухом рождество Христово. И есть ту была пещера; над тою пещерою создана была церкви добра во имя святаго Иосифа, и ту былъ манастырь добръ; нынѣ же разорено есть от поганых мѣсто то. И есть около мѣста того поле красно велми и нивы многоплодны, и масличья много; и то ся мѣсто зоветь Агиапимина, еже протолкуется «Святаа паства». И ту есть село святаго Савы к Вифлеему лиць под горою.

О ПЕЩЕРѢ И О ДУБѢ МАМРИЙСТѢ

А от Вифлеема есть на югь лиць Хевронъ, пещера Сугубаа и дубъ Мамбрийский. И есть отъ Иерусалима до Хеврона верст 28, и есть путь мимо Вифлеема к Хеврону, ити до Вифлеома 6 верстъ, от Вифлеема до рѣки Афамьскиа суть версты 3. В той рѣце Афамьстѣй пророкъ глаголеть Давыдъ въ Псалтири :«Ты исуши рѣки Афамля, твой есть день и твоя есть нощь». И есть рѣка та нынѣ суха: под землею течеть рѣка та, и явится у моря Содомьскаго, ту бо входить в море Содомьское. И ту есть об онъ полъ рѣки тоя гора камена

говорит: «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше среди тысяч Иудиных, ибо из тебя выйдет вождь, который упасет людей моих Израилевых». И земля та около Вифлеема очень красива среди гор, и деревья многоплодные фруктовые стоят по пригорьям тем красиво: маслины, и смоквы, и рожки — много, без числа; виноградников много вокруг Вифлеема; и нив по долинам много.

А близ церкви Рождества Христова, за стеной городской к югу, на расстоянии выстрела, есть в горе большая пещера: в той пещере жила святая богородица с Христом и с Иосифом.

О ДОМЕ ИЕСЕЯ, ОТЦА ДАВИДА

И тут есть место с восточной стороны города; от города на расстоянии примерно выстрела; название места того Вифиль: там был дом Иесея, отца Давида. В этот дом пришел Самуил-пророк и там помазал Давида на царство в Израиле вместо Саула.

О КОЛОДЦЕ ДАВИДА

Там колодец Давидов, пить из которого в древности Давид возжаждал.

О МЕСТЕ, ГДЕ БЛАГОВЕСТИЛИ АНГЕЛЫ ПАСТУХАМ РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

А на восток оттуда есть место под горою на поле, на расстоянии версты от рождества Христова: на том месте святые ангелы благовестили пастухам рождество Христово. И была там пещера; над тою пещерою была создана хорошая церковь во имя святого Иосифа, и был там монастырь хороший. Ныне же разорено погаными место то. И около того места поле очень красивое, и нивы многоплодные, и масличных деревьев много. А называется то место Агиапимина, что переводится «Святая паства». И там находится село святого Саввы, ближе к Вифлеему под горою.

О ПЕЩЕРЕ И О ДУБЕ МАМВРИЙСКОМ

А от Вифлеема на юг — Хеврон, пещера Сугубая, и дуб Мамврийский. Расстояние от Иерусалима до Хеврона двадцать восемь верст, путь идет мимо Вифлеема к Хеврону; ходу до Вифлеема шесть верст, от Вифлеема до реки Афамской три версты. О той реке Афамской пророк Давид говорит в Псалтыри: «Ты иссушил реки Афамские, твой есть день, и твоя есть ночь». И ныне река та суха, под землею течет та река, выходит у моря Содомского, ибо там она впадает в море Содомское. А по другую сторону той реки очень высокая каменная гора;

высока велми, лѣсъ на горѣ той велик и частъ. И есть путь сквозѣ гору ту страшную; неудобь проходно есть; есть бо ту твердь велика, и биють срацины в горѣ той. Иже кто в малѣ хощеть пройти, то не можеть пройти; мнѣ же богъ добру дружину и многу зѣло, и тако могохомъ прейти бес пакости мѣсто то страшное. Ту бо прилежить Асколонь градъ, да оттуда выходять погании и мнози и биють на пути том злѣ. В той же горѣ, в том же лѣсѣ, убиенъ бысть Авесаломъ, сынъ Давидовъ; туда бо бѣжаше отъ бѣды отца своего, и ту внесе его мска в чащю лѣса того, и я главу его за власы, и съя съ мщате, и повисе на древѣ высоко, и ту устрѣленъ бысть въ сердце 3-ми стрѣлами, и тако умре на древѣ томъ.

А оттуда до клятвенаго кладязя Авраамова есть версть 10, а от кладязя того до дуба Мамъбрийскаго есть верст 6.

О ТОМ ЖЕ

Есть же дуб-от святый у пути на близу, тамо идучи на правой руцѣ; и стоит красенъ на горѣ высоцѣ, и есть около корения его долѣ от бога помощено мраморомъ бѣлым; яко же помостъ церковный помощено есть около дуба того всего добраго, и есть посредѣ помоста того выраслъ дуб-от святый, ис-камени того, дивенъ есть. На врьху горы тоя около дуба того уродилося яко дворище, равно и чисто бес камениа, и ту стоялъ шатеръ Авраамовъ близь дуба того къ встоку лиць. И есть дуб-от не велми высокъ, кроковат велми, и частъ вѣтми, и многъ плод на нем есть; вѣтьви же его близ земли приклонилися суть, яко мужь можеть, на земли стоя, досячи вѣтви его. Втолще же есть двою сажень моихъ около его, а голомя възвыше до вѣтвѣй его полуторы сажени. Дивно же и чюдно есть толь много лѣт стоящу древу тому, на толь высоцѣ горѣ, не вредися, ни испорохнѣти, но стоитъ утверженъ от бога, яко то перво насаженъ. И под тый дубъ прииде святаа троица к патриарху Аврааму и ту обѣда у него под тѣмъ дубомъ святым; и ту благослови святаа троица Авраама и Сарру, жену его, и вда има родити Исаака на старость; ту и воду показа святаа троица Авраамови, и есть кладяз-етъ и доднесь под горою тою у пути близь. И та земля вся около дуба того зовется Мамбрия; да потому зовется дуб-отъ Мамбриский. А от дуба того до Хеврона есть двѣ верьстѣ.

О ГОРѢ ХЕВРОНѢ

Хеврон же гора есть велика, и град был на горѣ той велик и твердъ велми, и здания его суть ветхаа силно. Множьство людей сѣдѣло прьво по горѣ той, и нынѣ же есть пусто.

лес на горе той большой и густой; и дорога идет через ту страшную гору. Идти плохо, ибо там есть большая крепость и сарацины разбойничают на той горе. Если кто в небольшом числе хочет пройти, то не может пройти. Мне же бог дал хороших попутчиков, и очень много, и потому смогли мы пройти без ущерба то страшное место. Там ведь недалеко лежит город Аскалон, вот оттуда-то и выходят поганые и многих избивают на той дороге нещадно. На той же горе, в том самом лесу, убит был Авессалом, сын Давидов, ибо он бежал туда после победы отца своего, и туда внес его мул — в чащу того леса; и зацепилась голова его волосами, и сняло его с мула, и он повис на дереве высоко, и застрелен был в сердце тремя стрелами; и так и умер на том дереве.

А оттуда до клятвенного колодца Авраама десять верст. А от колодца того до дуба Мамврийского шесть верст.

О ТОМ ЖЕ

Дуб же тот святой рядом с дорогой; когда там идешь, по правую руку; и стоит, красив, на высокой горе. А вокруг корней его внизу бог вымостил мрамором белым как пол церковный. Вымощено около всего дуба того хорошего: посреди этого помоста вырос дуб святой из камня этого, удивительный! На верху той горы около этого дуба получилось как бы дворище — ровно и чисто, без камней; тут и стоял шатер Авраамов, близ того дуба к востоку. Дуб этот не очень высок, раскидист очень и густ ветвями, и плодов на нем много. Ветки же его низко к земле склонились, так что муж может, на земле стоя, достать его ветки. Окружность его в самом толстом месте две сажени, а высота его ствола до ветвей — полторы сажени. Удивительно и чудесно, что столько много лет стоит дерево то на такой высокой горе и не повреждено, не искрошилось! Стоит утвержденный богом, словно теперь посажен. Под тот дуб и пришла святая троица к патриарху Аврааму и тут обедала у него, под тем дубом святым. И тут благословила святая троица Авраама и Сарру, жену его, и дала им родить Исаака на старость. Тут и воду показала святая троица Аврааму, и есть колодец тот и доныне под той горой, близко у дороги. И вся та земля около дуба того называется Мамврия; потому и дуб тот зовется Мамврийским. А от дуба того до Хеврона две версты.

О ГОРЕ ХЕВРОН

Хеврон — гора большая; и город был на горе той большой и крепкий весьма. Строения его ветхи. Великое множество людей жило прежде по горе той, а ныне все пусто.

На той бо горѣ Хевроньстѣй и первое сѣлъ внук Ноевъ, сын Хамовъ, Ханаонъ, по потопѣ пришед отъ столпотворения; и населил был землю ту всю около Хеврона; да тако земля та зоветься Хананѣя. И ту землю обѣща богъ Аврааму, и еще ему сушу въ Месопотамии и в Хараонѣ; ту бо есть был домъ отца Авраамля. И рече богъ Авраамови: «Изиди от земля твоея, и от дому отца твоего, и иди в землю Хананѣйскую, и тобѣ дам землю ту и сѣмени твоему до вѣка и азъ буду с тобою». И нынѣ по истиннѣ есть земля та богомъ обѣтованна и благословена есть от бога всѣм добром: пшеницею, и вином, и маслом, и всяким овощом обилна есть зѣло, и скотом умножена есть; и овци бо и скоти дважди ражаются лѣтом; и пчелами увязло ту есть в камении по горамъ тѣмъ красным; суть же и виногради мнози по пригорием тѣмъ, и древеса много овощнаа стоятъ бес числа, масличие, смокви, и рожцы, и яблони, и черешни, инородия, и всякий овощь ту есть; и есть овощетъ лучи и болий всѣхъ овощий, сущих на земли под небесемъ, нѣсть такого овоща нигде же. И воды добры суть в мѣстѣ том и всѣмъ здрави, и есть мѣсто то и красотою и всѣмъ добром. Неисказанна есть земля та около Феврона! И ту есть был домъ Давидовъ на той горѣ Февроньстѣй; и ту бо есть был Давидъ 8 лѣт, егда бяше выгнал сынъ его Авесалом.

А от Феврона до Сугубыа пещеры Авраамовы близь яко полъ врьсты ближе. Сугубаа пещера в каменѣй горѣ есть и в той пещерѣ есть гроб Авраамовъ, Исааковъ и Яковль. Ту бо пещеру Сугубую Авраамъ купил у Ефронь Хетфѣянина на погребение всему роду своему, егда прииде от Месопотамиа в землю Хананѣскую, и ино не притяжа ничто же прьвѣе, но токмо пещеру Сугубую на погребение себѣ и всему роду своему. И есть нынѣ созданъ градокъ малъ около пещеры тоя, но твердъ зѣло; и есть градок созданъ есть великим каменем, чюдно и несказанно хитростию, и стѣны его высокы суть велми. Посредѣ градка того днѣ утвержена есть пещера твердо. И помощенъ есть градокъ тъ весь дсками мраморными, бѣлаго мрамора. И есть пещера та под мостом исподи утвержена велми, иде же лежит Авраам, Исаакъ, Иаков, и вси сынове Ияковли; и жены их ту лежат, Сарра, Ревѣка; а Рахиль кромѣ лежить на пути у Вифлеема. Суть же въ градцѣ том днѣ над пещерею создани гроби разно себѣ; над гробы тѣми созданы церковци малы круглы. И есть близь себе гробъ Авраамовъ и жены его, Сарринъ; и гробъ Исааковъ и жены его, Ревекинъ, близь себе; гробъ Ияковль и жены его, Илиинъ, близь себе еста.

Первым на той горе Хевронской поселился после потопа внук Ноев, сын Хамов, Ханаан, придя со строительства вавилонского столпа. И населил он землю ту всю около Хеврона, и так и зовется земля та: Хананейская. И ту землю обещал бог Аврааму, когда он еще жил в Месопотамии и в Харране, ибо там был дом отца Авраамова. И сказал бог Аврааму: «Выйди из земли твоей, из дома отца твоего, и иди в землю Хананейскую, и дам тебе землю ту и семени твоему до века, и я буду с тобою». И ныне поистине земля та богом обетованна, и благословенна от бога всем добром: пшеницей, и вином, и маслом, и всяким плодом обильна весьма, и множеством скота богата, и овцы и скот дважды родятся летом, и пчел много в камнях по горам тем красивым, также и виноградников много по тем пригориям, и деревьев много плодовых стоит — без числа: маслины, смоковницы, и рожки, и яблони, и черешни, и прочие. И всякий плод тут есть, и плод тот лучше и больше всех плодов, сущих на земле под небом. Нет таких плодов нигде больше. И вода хороша в месте том и всячески полезна. И само то место превосходит все красотою и всяческим добром. Несказанна земля та около Хеврона! И там был дом Давидов — на этой горе Хевронской; и жил там Давид восемь лет, когда выгнал его сын Авессалом.

А от Хеврона до Сугубой пещеры Авраама близко, ближе чем полверсты. Сугубая пещера находится в каменной горе, а в той пещере — гроб Авраама, Исаака и Иакова. Эту пещеру Сугубую Авраам купил у Ефрона Хеттеянина для погребения всего рода своего, когда пришел из Месопотамии в землю Хананейскую. И сначала ничего не купил, кроме пещеры Сугубой для погребения себе и всему роду своему. И ныне вокруг той пещеры построена крепость небольшая, но весьма прочная. Сложена крепостица из больших камней чудесно и с непередаваемым искусством, а стены ее очень высоки. Находясь посреди той крепостицы, пещера теперь хорошо защищена. И вымощена вся та крепостица плитами мраморными, белого мрамора. Пещера же та, где лежат Авраам, Исаак, Иаков и все сыновья Израилевы, находится внизу под вымосткой, хорошо укреплена; и жены их тут лежат, Сарра, Ревекка. А Рахиль отдельно лежит у дороги около Вифлеема. И сделаны теперь над пещерою в крепостице той гробы отдельные; над гробами теми выстроены церковки маленькие круглые. И близки между собой гроб Авраама и жены его Сарры; и гроб Исаака и жены его Ревекки близки между собой; гроб Иакова и жены его Лии близко друг к другу стоят.

О ГРОБѢ ИОСИФОВѢ

Иосифа Прекраснаго гробъ внѣ градка того, кромѣ пещеры Сугубыя вдалѣе, яко довержеть до градка того; и то мѣсто нынѣ — святый Авраамъ. И ту есть близь гора высока, на полудне лиць, отъ Сугубыя пещеры вдалѣе верста едина; и на ту гору взиде святая троица со Авраамом; до тоя бо горы проводи Авраамъ святую троицу от дуба Мамврийскаго. И ту есть мѣсто на верху горы тоя, красно и высоко зѣло, и на том мѣстѣ Авраамъ, пад на лици своемъ, поклонися святѣй троици, моляшеся и глаголаше:

О МОЛИТВѢ АВРААМЛѢ

«Господи! Да не погубиши праведнаго с нечестивыми в пагубу! Но еще, господи, обрящеши 50 праведник в Содомѣ, не помилуеши ли, господи, всего града того 50 ради праведникъ?» И рече господь Авраамови: «Аще обряшу в содомлянех 50 праведникъ, не погублю всего града того, 50 дѣля праведникь». И паки поклонився Авраамъ богови и рече: «Аще обрящется в содомѣхъ 30 праведникъ, не помилуеши ли всего града того?» И рече господь богъ Аврааму: «Аще обрящется 30 праведникъ в содомѣх, не погублю всего града того». И поклонився Авраамъ господеви, и рече: «Многомилостиве и трьпеливе о беззакониих наших, господи! Да не прогнѣваешися на мя, раба твоего, и възглаголю еще единою: Аще обрящется в содомѣх 15 праведник, не помилуеши ли, господи, всего града того, 15 ради праведник?» И рече господь богъ къ Авраамови: «Аще обрящется в содомѣх 15 праведник, не погублю всего града того, 15 дѣля праведник, ни 5 ради праведник, не погублю всего града того». И умолче Авраам, и не приложи к тому глаголати ничто же. С тоя же горы посла святаа троица два аггела в Содом, да изведуть Лота сыновьца Авраамова. Ту, на томъ мѣстѣ, тогда Авраамъ жертву принесе богови пшиницею, всыпавъ на огонь; и тѣмъ зоветься мѣсто то Жертва Авраамова. И есть мѣсто то высоко велми, и видѣти есть оттуда всю ту Хананѣйскую.

И отъ Жертвы Авраамовы до дебри Грезновы верста едина, а от дебри Грезновыя до гумна Анататова веръста 1.

О ГРОБѢ ЛОТОВѢ, ИЖЕ ВЪ СИГОРѢ

А оттуда до Сигора есть двѣ верстѣ. И ту есть гробъ Лотовъ и обою дщерю его, 2 гроба еста. И в той же горѣ пещера велика, и в ту пещеру въбѣглъ Лотъ со дщерма своима. Ту

О ГРОБЕ ИОСИФА

Иосифа Прекрасного гроб вне городка того, за пределами Сугубой пещеры; расстояние как камнем добросить до городка того. Называется теперь это место «Святой Авраам»: поблизости тут есть гора высокая, на юг от Сугубой пещеры, расстояние одна верста; на ту гору взошла святая троица с Авраамом, ибо до той горы Авраам проводил святую троицу от дуба Мамврийского. И там есть место на верху той горы, красивое и высокое очень, на каковом месте Авраам, пав на лицо свое, поклонился святой троице, молился и говорил:

О МОЛИТВЕ АВРААМА

«Господи! Да не погубишь праведного при погибели нечестивых! Но если, господи, найдешь пятьдесят праведников в Содоме, не помилуешь ли, господи, всего города того, пятидесяти ради праведников?» И сказал господь Аврааму: «Если найду среди содомлян пятьдесят праведников, не погублю всего города того, пятидесяти ради праведников». И снова поклонился Авраам богу и сказал: «Если найдется среди содомлян тридцать праведников, не помилуешь ли всего города того?» И сказал господь Аврааму: «Если найдется тридцать праведников среди содомлян, не погублю всего города того». И поклонился Авраам господу и сказал: «Многомилостивый и терпеливый к беззакониям нашим, господи! Не прогневайся на меня, раба твоего, и скажу еще раз: если найдется среди содомлян пятнадцать праведников, не помилуешь ли, господи, всего города того, пятнадцати ради праведников?» И сказал господь бог Аврааму: «Если найдется среди содомлян пятнадцать праведников, не погублю всего города того, пятнадцати ради праведников, ни пяти ради праведников не погублю всего города того». И замолчал Авраам, и не прибавил к сказанному ничего. С этой горы послала святая троица двух ангелов в Содом, чтобы они вывели Лота, племянника Авраама. Там, на том месте, тогда Авраам жертву принес богу, пшеницу посыпав на огонь. И потому называется то место «Жертва Авраама». И место то высоко весьма, и видна оттуда вся земля Хананейская.

А от жертвы Авраама до теснины Грезновой одна верста, и от теснины Грезновой до гумна Атанатова одна верста.

О ГРОБЕ ЛОТА, НАХОДЯЩЕМСЯ В СИГОРЕ

А оттуда до Сигора две версты. И там находится гроб Лота и обеих дочерей его; два гроба всего. В той горе ведь большая пещера, в которую вбежал Лот с дочерьми своими. И там

есть градищо близь первых людий, и был на горѣ той высокь, и то зоветься Сигоръ.

А оттуда есть верьсты вдалѣе мѣсто на взгории, к полуднию лиць от Сигора, и ту стоитъ жена Лотова столпом каменым. А от жены Лотовы до Содома есть двѣ верстѣ. И то все видѣхом очима своима, а ногама своима не могохомъ дойти до Содомскаго мѣста, боязни ради поганых; и не даша ны ити тамо правовѣрнии человѣци, рекоша ны тако: «Ничто же вы тамо видѣти добра, но токмо муку, и смрад исходить оттуду, и болѣти ти будет, рѣша ны, от смрада того злаго». Да ту ся възвратихомъ опять къ святому Аврааму и, благодатию божиею съблюдаеми, проидохомъ по здраву в Сугубую пещеру, в градок, и ту поклонихся святымъ мѣстом всѣмъ, и почихом ту два дни. Благодатию божиею обрѣтохомъ добру дружину многу, идущу въ Иерусалимъ; и ту пристахом мы к нимъ, и идохомъ с радостию с ними безь боязни, и доидохомъ по здраву святаго града Иерусалима, и похвалихомъ бога, сподобившаго нас недостойных видети святаа та мѣста, и неизреченнаа, и не сказаннаа.

И есть на полудне лиць отъ Вифлеема манастырь святого Харитона, на той же рецѣ Афамьстѣй; и есть близь моря Содомьскаго в горах каменых, и пустыни около его. Грозно и безводно есть мѣсто то, и сухо; есть под ним дебрь камена и страшна зѣло; около был весь градом одѣланъ, посрѣдѣ же града того есть 2 церкви, в велицѣй есть церкви гробъ святаго Харитона. Внѣ же есть града усыпалница, создана гораздо, и в той усыпальници лежат святии отци, телесы яко живи; и лежит ихъ ту болѣ 7-сот; ту лежит святый Кириякъ Исповѣдник, тѣлом весь цѣлъ; ту лежита Ксенофонтова сына, Иоаннъ и Аркадие, и благоюхание чюдно от них исходит. И ту поклонихомся на мѣстѣ том святомъ, и взидохом я на гору на угь лиць, от манастыря того верста едина вдалее.

И ту мѣсто есть равно на нивѣ, и на том мѣстѣ всхищен бысть пророкъ Аввакум, идущу ему на поле к женцемъ съ брашном и с водою; и несе его аггелъ в Вавилон к Данилови пророку в ровъ; и ту накормивъ Данила и напоивъ, и паки всхищенъ бысть аггелом; в то же час, в том же дни, паки опять бысть на том же мѣстѣ у жнець и дасть им обѣд. И нынѣ есть на мѣстѣ том аки теремець созданъ, знамениа ради. Есть же Вавилон оттуду вдале 40 дний.

И от того мѣста близь церкви велика, клѣтьски создана, во имя святыхъ пророкъ. И ту есть исподи под церковию тою пещера велика, и в той пещерѣ лежита 12 пророка въ трех раках: Аввакум, Наумъ, Михей, Иезекий, Авдий, Захария, Иезекия, Измаил, Савеиль, Варухъ, Амос и Осий.

И ту есть близь на горѣ село велико велми, и сѣдят в немь срацини мнози, и христиане суть же ту, въ селѣ томъ, мнози,

поблизости есть городище древних людей; был на горе той город высокий. Вот что называется Сигор.

А на расстоянии версты оттуда, на взгории, к югу от Сигора, стоит жена Лота столпом каменным. А от жены Лота до Содома две версты. И все то мы видели глазами своими, а ногами своими не могли мы дойти до места, где был Содом, так как боялись поганых. Не дали нам идти туда правоверные люди, сказали нам так: «Ничего вы там не увидите, но только серу. И смрад исходит оттуда. И болеть ты будешь,— сказали нам,— от смрада того злого». Так что оттуда мы возвратились опять к святому Аврааму и, благодатью божией соблюдаемы, прошли поздорову в Сугубую пещеру, в крепостицу. И там поклонились всем святым местам и отдохнули там два дня. Благодатью божией там мы обрели множество хороших попутчиков, идущих в Иерусалим. И мы присоединились к ним, и шли с радостью с ними без боязни, и дошли поздорову до святого города Иерусалима, и похвалили бога, сподобившего нас, недостойных, видеть святые те места, неизреченные и несказанные.

Есть к югу от Вифлеема монастырь святого Харитона на той же реке Афамской, вблизи от моря Содомского в горах каменных: и пустыня вокруг него. Грозно и безводно место то и сухо. Под ним находится очень страшное каменное ущелье. Вокруг он был весь обнесен оградой; посреди же огороженного места две церкви; в большей церкви находится гроб святого Харитона. А вне ограды есть усыпальница, сделанная умело. В той усыпальнице лежат святые отцы, телами — как живые. И лежит их там более семисот. Тут лежит святой Кириак Исповедник, телом весь цел; тут лежат сыновья Ксенофонта Иоанн и Аркадий, и благоухание чудное от них исходит. И мы поклонились там, на месте том святом, и пошли на гору, к югу от монастыря того, верста одна расстояние.

И там есть место ровное в поле, на котором восхищен был пророк Аввакум, когда он шел на поле к жнецам с едой и водой. И принес его ангел в Вавилон к Даниилу-пророку в ров, и оттуда, накормив Даниила и напоив, он вновь был восхищен ангелом, и в тот же час, в тот же день, вновь, опять был на том же месте у жнецов и дал им обед. И ныне стоит на месте том как бы теремок, построенный в честь знамения. До Вавилона же оттуда расстояние сорок дней.

И от того места близко церковь большая, клетски построенная, во имя святых пророков. И там внизу, под церковью той, есть пещера большая, в которой лежат двенадцать пророков в трех раках: Аввакум, Наум, Михей, Иезекий, Авдий, Захария, Иезекииль, Измаил, Савеил, Варух, Амос и Осий.

И близко там на горе есть село большое весьма; и живет в нем сарацин много; и христиан тут же, в селе том, много.

И то село есть святыхъ пророкъ: ту ся суть родили святии пророци, и то их есть отчина село то. И ту лежахом нощь едину въ селѣ том, божиею благодатию храними, и почестиша ны добрѣ в селѣ том Християне. И ту опочивше добрѣ нощь ту, и заутра вставше рано, идохом к Вифлеему. Старѣйшина бо срациньский сам со оружиемъ проводи ны олне до Вифлеема, и та мѣста вся тоже ны проводил. А лапь не дойти до тѣхъ мѣстъ, поганых ради: туда бо ходять мнози срацини и разбивають в горахъ тѣх. И доидохом по здраву до святаго града Вифлеема, и ту поклонихомся Рождеству Христову и, ту почише, идохомъ с радостию въ святый град Иерусалимъ.

ИДѢ ЖЕ УБИ ДАВИДЪ ГОЛИАФА

И есть ту мѣсто близь Иерусалима, на всток лиць отъ столпа Давыдова яко дострѣлить, и на том мѣстѣ уби Давыд Голияда. И есть мѣсто подобно близь истерны, и ту есть нынѣ нива добра.

И оттуда дострѣла есть вдалее до пещеры, и в той пещерѣ лежат мощи многих святых мученик, избиеных въ Иерусалимѣ во царство Ираклиево; и зовется мѣсто то Агаиа Мамила.

ИДѢ ЖЕ ВЗРАСТЕ ЧЕСТНОЕ ДРЕВО

И от того мѣста до честнаго Креста есть врьста едина; и есть мѣсто за горою, на запад лиць от Иерусалима, и на том мѣстѣ посѣчен есть подножекъ Христовъ, на нем же пригвоздиша пречистѣи нозѣ господа нашего Иисуса Христа. И есть мѣсто то градом одѣлано, и посредѣ града того создана есть церкви велика вверхъ во имя честнаго креста, исписана есть добрѣ вся. И под великым олтарем, под трапезою глубоко, и есть пень древа того честнаго; и утвержено есть велми, и покрыто есть над пнемъ тѣм дъсками мрамора бѣлаго. И оконце продѣлано противу древу тому, и есть кругло. И то есть манастырь Ивѣрьский.

О ДОМУ ЗАРЬИНѢ

И от того манастыря до дому Захариина суть версты 4, и есть мѣсто то под горою, к западу лиць от Иерусалима. В тот домъ Захариинъ прииде святаа богородица в подгорие къ Иелисавефи и цѣлова Иелисавефь; и бысть, яко услыша Иелисавефь цѣлованье Марьино, и взыграся младенець, радущами въ утробѣ ея, и рече Иелисавефь: «Откуду се прииде ко мнѣ мати господа моего? Благословена еси в женах, и благословенъ плод утробы твоея». В том же дому Иоаннъ Предтеча родился есть. И есть нынѣ на мѣстѣ том создана была церькви вверхъ; идуще въ церковь ту, на левѣй руцѣ

А село это — родина святых пророков: там рождались святые пророки, и это отчина их — то село. И там мы спали одну ночь, в селе том, божьею благодатию хранимые. И приняли нас христиане в том селе хорошо. И оттуда, хорошо опочив ту ночь и наутро рано встав, пошли мы к Вифлеему. Старейшина же сарацинский сам с оружием проводил нас до самого Вифлеема; и тамошними местами всеми тоже нас проводил. А без охраны не дойти до тех мест из-за поганых, ибо туда многие сарацины ходят разбойничать, в горах тех. И мы дошли поздорову до святого города Вифлеема, и там поклонились Рождеству Христову, и, переночевав там, пошли с радостью в святой город Иерусалим.

ГДЕ УБИЛ ДАВИД ГОЛИАФА

И есть там место близ Иерусалима, на восток от столпа Давида, можно дострелить: на том месте убил Давид Голиафа. Место это вблизи цистерны, там сейчас хорошая нива.

И оттуда расстояние выстрел до пещеры, в которой лежат мощи многих святых мучеников, избитых в Иерусалиме в царствование Ираклия; а называется место то Агаия Мамила.

ГДЕ ВЫРОСЛО ЧЕСТНОЕ ДРЕВО

А от того места до Честного Креста одна верста. И есть за горою, на запад от Иерусалима, место, где было высечено подножие Христово, к которому пригвоздили пречистые ноги господа нашего Иисуса Христа. Место то огорожено стеной, и внутри выстроена церковь большой высоты, во имя Честного Креста; исписана красиво вся. А под великим алтарем, глубоко под трапезой, и находится пень древа того честного. И хорошо укреплено и облицовано над пнем тем плитами белого мрамора, и оконце проделано против дерева того, по форме круглое. Это Иверский монастырь.

О ДОМЕ ЗАХАРИИ

И от того монастыря до дома Захарии версты четыре, а место дома — под горой, к западу от Иерусалима. В тот дом Захарьин к Иелисавети пришла под гору святая богородица и поцеловала Иелисаветь. И случилось, что, едва почувствовала Иелисаветь целование Марии, взыграл младенец, радуясь, в утробе ее, и сказала Иелисаветь: «Откуда это пришла ко мне мать господа моего? Благословенна ты в женах и благословен плод утробы твоей». В том же доме Иоанн Предтеча родился. И теперь на месте том возведена церковь высокая. Когда идешь в ту церковь, по левую руку,

под малым олтарем есть пещерка мала, и в той пещерѣ родился Иоаннъ Предтеча. И есть мѣсто то было одѣлано градом каменым все.

О ГОРѢ, ИДЕ ЖЕ БѢЖА ЕЛИСАВЕФЬ СЪ ПРЕДТЕЧЕЮ

А оттуда есть полъверсты чресъ дебрь горы, въ ню же гору прибѣже Иелисавефь и рече: «Горо, приими матерь с чадомъ!» И абие разступися гора и приятъ ю. Слуги же Иродовы, иже гна вслѣд ея, пришедшие до мѣста того, не обрѣтоша ничто же и возвратишася томлены. И есть мѣсто то знати на камени томъ и до нынѣшняго дне. И есть над мѣстом тѣм нынѣ создана церквица мала; исподи под церквицею тою пещерка мала, и церквица другая пред пещеркою тою приздана. Ис тоя пещеры исходить вода добра зѣло, и ту воду пила святаа Иелисавефь, съ Иоанномъ ту сущи, в горѣ той; ту бо есть была до умертвия Иродова, аггель бо ю набдяше в горѣ той. И есть же гора та велика велми и лѣсъ по ней есть многъ, и около ея дебри суть многи, и есть на запад от Иерусалима; имя мѣсту тому — Орини. В ту же гору вбѣглъ Давидъ пророкъ изъ Иерусалима, от Саула царя.

О РАМѢ

А от тоя горы къ западу лиць есть двѣ верьстѣ до Рамы, и о той Рамѣ пророкъ Иеремѣя глаголеть: «Глас в Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыдание во ушию ею, Рахиль плачющюся чад своих и не хотяше утѣшитися, яко не суть». И есть Рама та дебрь велика, и по дебри той сѣдѣла села многа. И та земля вся около дебри тоа нынѣ зоветься Рама, и то есть область Вифлеемьскаа. И ту Ирод царь посла воя своа в Раму избить святых младенець.

О ЕЛЬМАУСѢ

А от Рамы к западу лиць суть версты 4 до Елъмауса, и ту Христос въ 3-тий день по въскресении явися Луцѣ и Клеопѣ, идущима има от Иерусалима на село, и ту познася има Христос в преломлении хлѣба. И есть ту было село то велико; на мѣстѣ же томъ была церкви создана; нынѣ же есть разорено все от поганых и село то есть Елъмаусъ пустъ. И есть сторонь пути того, за горою было то, на правой руцѣ тамо идуще от Иерусалима къ Яфу.

под малым алтарем, есть пещерка маленькая, в той-то пещере и родился Иоанн Предтеча. И место то все обнесено оградой каменной.

О ГОРЕ, КУДА БЕЖАЛА ИЕЛИСАВЕТЬ С ПРЕДТЕЧЕЙ

А оттуда — полверсты через ущелье до той горы, к которой прибежала Иелисаветь и сказала: «Гора, прими мать с ребенком!» И тотчас расступилась гора и приняла ее. Слуги же Иродовы, гнавшиеся по следу ее, придя до места того, не нашли ничего и возвратились усталые. И известно место то на том камне и до нынешнего дня. И есть над местом тем ныне церковка небольшая; внизу под церковкой той пещерка маленькая; и церковка другая перед пещеркой той пристроена. Из той пещеры вытекает очень хорошая вода; эту воду пила святая Иелисаветь, с Иоанном тут будучи в горе той, ведь тут она жила до смерти Ирода, ибо ангел ее хранил в той горе. Гора же та велика весьма, и лесу на ней много, и вокруг нее ущелий много. А находится она на запад от Иерусалима. Называется то место Орини. На ту же гору бежал Давид-пророк из Иерусалима от Саула-царя.

О РАМЕ

А от той горы к западу две версты до Рамы, о которой пророк Иеремия говорит: «Голос в Раме слышен был, плач и рыдание во ушах ее: Рахиль оплакивает детей своих и не хочет утешиться, ибо их нет». Рама та представляет собой большое ущелье, по которому разбросано много сел. И вся та земля около того ущелья теперь называется Рама и принадлежит к Вифлеемской области. Сюда-то, в Раму, Ирод-царь и послал своих воинов избить святых младенцев.

О ЕЛЬМАУСЕ

А от Рамы к западу четыре версты до Ельмауса, где Христос в третий день по воскресении явился Луке и Клеопе, когда они шли из Иерусалима в село, и где ими узнан был Христос по преломлению хлеба. На этом месте находилось то большое село. На том месте была построена церковь. Ныне же разорено все погаными, и село то Ельмаус пусто. А место, где оно было, в стороне от проходящей там дороги за горою; по правую руку, когда идешь от Иерусалима к Яффе.

О ЛИДДѢ

А от Елмауса до Лидды суть 4 версты, по полю все доити Лидды. И ту есть был град великъ велми, имя ему Лидда, нынѣ же зовется Рамбилий. И в той Лиддѣ Петръ исцѣлилъ есть Ению на одрѣ лежаща.

О ОПИИ

А от Лидды до Опии есть верстъ 10, все по полю ити. В том градѣ во Опии святый Петръ апостолъ Тавифу въскресилъ. В том же градѣ постившю Петру на горници въ 9 час, видѣ плащаницю с небеси сходящу, на 4 краи поврьжено; и пришедшю до него, и възрѣвъ Петръ, и видѣвъ плащаницю ту исполнь сущу четвероногых и всякого гада. И рече ему гласъ с небеси: «Петре, вставѣ, заколи и яжь!» И рече Петръ: «Господи, николи же скверно и нечисто вниде въ уста моя». — И рече ему глас с небеси: «Еже богъ очистилъ, ты не оскверняй». И на том мѣстѣ нынѣ церкви создана во имя святого Петра. Есть же гряд-от Опия у моря близь, и приходит море к стѣнам его, и тако нынѣ зовется град-от Яфъ фряжьскиинѣм языкомъ. А от Яфа до Тарсуфа есть верстъ 6.

О КЕСАРИИ ФИЛИПОВѢ

А от Тарсуфа до Кесария Филиповы суть версты 24, все подлѣ море ити. В той же Кесарии святый Петръ апостолъ крестилъ Корнилия. Ту же есть близь гора, двою версту вдалее от града того на полудне лиць, и в той горѣ жилъ отецъ Маркиянъ, к нему же прииде жена блудница искуситъ его.

О КАПЕРНАУМѢ

А от Кесариа Филиповы до Капернаума града есть верстъ 8. И есть Капернаумъ был град велик велми, и людий множество в немъ было, нынѣ же есть пусть град-от, и есть близь моря Великаго. И о том Капернаумѣ глаголет пророкъ: «О, горе тебѣ Капернаумѣ! Възнеслъся еси до небесъ и до ада снидеши». Ис того бо града изити хотяшеть антихристъ, да того ради нынѣ фрязи отпустили суть весь град-от Капернаумъ.

О ГОРѢ КАРЛИНЬСТѢЙ

А от Капернаума до Карьмильския горы есть верст 6. И в той горѣ святый пророкъ Илиа жилъ есть в пещерѣ, и той враном бысть прекормленъ Илия пророкъ; на той же горѣ жерьци Вавиловы исклалъ ножем и рече Илиа: «Ревнуя поревновах по господи бозѣ моем». И есть гора та Карьмильскаа высока

О ЛИДДЕ

А от Ельмауса до Лидды четыре версты. По полю надо идти до Лидды. На этом месте был очень большой город под названием Лидда, а теперь называется Рамблий. В этой Лидде Петр исцелил Ению, лежащего на постели.

ОБ ОПИИ

А от Лидды до Опии верст десять, все по полю. В том городе Опии святой Петр-апостол Тавифу воскресил. В том же городе, постясь на крыше в девятый час, Петр увидел плащаницу, с небес сходящую, за четыре конца повешенную, и когда она дошла до него, взглянул Петр и увидел, что плащаница та полна четвероногих и всякого гада. И сказал ему голос с небес: «Петр, встав, заколи и ешь!» И сказал Петр: «Господи, никогда скверное и нечистое не входило в рот мой». И сказал ему голос с небес: «Что бог очистил, ты не почитай нечистым». И на том месте ныне церковь создана во имя святого Петра. Стоит же город Опий у моря близко, и приходит море к стенам его. И называется ныне тот город Яффа фряжским языком. А от Яффы до Тарсуфа шесть верст.

О КЕСАРИИ ФИЛИППОВОЙ

А от Тарсуфа до Кесарии Филипповой версты двадцать четыре, все вдоль моря. В той Кесарии святой Петр-апостол крестил Корнилия. Тут же близко гора в двух верстах от города того на юг, где жил отец Маркиан, к которому пришла женщина-блудница искусить его.

О КАПЕРНАУМЕ

А от Кесарии Филипповой до города Капернаума верст восемь. Капернаум был город очень большой, и людей множество в нем было, ныне же пуст тот город. А расположен вблизи моря Великого. Об этом Капернауме говорит пророк: «Капернаум! Ты вознесся до небес, и до ада сойдешь». Ибо из этого города должен выйти антихрист. Вот из-за этого фряги и опустошили весь этот город Капернаум.

О ГОРЕ КАРМИЛЬСКОЙ

А от Капернаума до Кармильской горы шесть верст. В этой горе святой пророк Илья жил в пещере; и там вороном был питаем тот Илья-пророк. На той же горе жрецов Вааловых исколол ножом Илия и сказал: «Ревнуя, поревновал по господе боге моем». Гора же та Кармильская весьма высока,

велми, и море Великое близь горы тоя, яко версты вдалее. От горы Кармильскиа до града до Кифы есть верста едина.

О АКРѢ ГРАДѢ

А отъ Кифы до Акры есть верстъ 15. И есть градъ тъ Акра великъ велми и твердъ зданиемъ, и лимень добръ под градом тѣмъ есть. И то град есть срациньский, нынѣ же фрязи держат. А от Акры до Тирова града есть верстъ 10, а от Тира до Сидона есть верстъ 10. И ту есть близь село Сареффа Сидонъскаа; в том селѣ Илиа пророкъ въскресилъ сына вдовича.

О ВИРИТѢ ГРАДѢ

И от Сидона до Вирита града есть верст 15. В том градѣ жидове прободоша образъ Христовъ копиемъ, изиде кровь и вода; и тогда мнози вѣроваша и крестишася во имя отца и сына и святаго духа. И в от же град Вирит Ксенофонтова сына Иоаннъ и Аркадие пошъла бяста учить философии. А отъ Рита до Зевеля 20 верстъ; а от Зевеля до Триполя 40 верстъ; а от Триполя до рѣки Судии 60 верстъ.

О ВЕЛИЦѢ АНТИОХИИ

На той бо рѣцѣ есть Антиохия Великаа. И есть от моря подале Антиохиев град 8 верстъ. Вдалее Адекия 100 верстъ, таже Малаа Антиохия, таже Каниноросъ, таже Мавроноросъ, таже Сатилия градок, таже Хидониа островець малъ. И ти вси гради суть подлѣ море, да тѣ грады вси минухомъ, по морю не приставающе, и приидохомъ близь къ градомъ тѣмъ; боязни ради ратных не пристахомъ в Хилидонии. И оттуда идохомъ в Мира, таже к Патеру граду; и у того града срѣтоша нь хусареве въ 4-хъ галиахъ, и яша ны, и излупиша всѣх. А оттуда доидохомъ къ Царюграду, и доидохом по здраву Царяграда.

О ГАЛИЛЕИ И О МОРИ ТИВИРИАДЬСТѢМ

И есть путь от Иерусалима в Галилею к Тивериадьскому морю, и к Фаорьстѣй горѣ, и к Назарефу; та бо земля около Тивириадьскаго моря вся зовется Галилея, и есть земля та от Иерусалима на лѣтний въстокъ лиць. И есть Тивириада град 4 дний вдалее от Иерусалима пѣшему человѣку ити, и есть путь страшен вельми и тяжекъ зѣло; в горах каменых ити 3 дни, а четвертый день подлѣ Иорданъ по полю ити все къ всходу лиць, олне до верха Иорданова, отнюду же поиде Иордан рѣка.

и море Великое близ горы той, примерно в версте. От горы Кармильской до города, до Кифы, одна верста.

ОБ АКРЕ-ГРАДЕ

А от Кифы до Акры пятнадцать верст. Город же тот, Акра, весьма велик и крепок строением, и залив хороший есть под тем городом. Это сарацинский город, ныне же им владеют фряги. А от Акры до Тира-города верст десять, и от Тира до Сидона верст десять. И есть тут близко село Сарефта Сидонская: в том селе Илья-пророк воскресил сына вдовицы.

О ГРАДЕ ВИРИТЕ

И от Сидона до Вирита-города верст пятнадцать. В том городе евреи проткнули образ Христов копьем: изошла кровь и вода, и тогда многие уверовали и крестились во имя отца и сына и святого духа. И в тот же город Вирит Ксенофонтовы сыновья Иоанн и Аркадий пошли учиться философии. А от Вирита до Зевела двадцать верст, а от Зевела до Триполя сорок верст, а от Триполя до реки Судии шестьдесят верст.

О ВЕЛИКОЙ АНТИОХИИ

На той-то реке стоит Антиохия Великая. А от моря Антиохиев город подалее восьми верст расстоянием. До Адекия сто верст, затем Малая Антиохия, затем Канинорос, затем Мавронорос, затем Сатилия-городок, затем Хидония — островок небольшой. И те все города стоят около моря; и все те города мы минули по морю, не приставая, хотя и подходили близко к тем городам. Боясь ратных, не пристали в Хидонии. И оттуда мы шли до Мира, затем — к Патаре-городу, а у того города встретили нас корсары на четырех галерах, захватили нас и ограбили всех. А оттуда мы пришли к Царьграду и поздорову дошли до Царьграда.

О ГАЛИЛЕЕ И О МОРЕ ТИВЕРИАДСКОМ

И есть путь от Иерусалима в Галилею, к Тивериадскому морю, и к Фаворской горе, и к Назарету. Вся ведь эта земля около Тивериадского моря называется Галилеей, и лежит та земля по направлению от Иерусалима на юго-восток. И находится город Тивериада в четырех днях пути от Иерусалима, если пешком идти. И путь этот весьма страшен и очень тяжел: в горах каменных идти три дня, а четвертый день вдоль Иордана по полю идти, все на восток вплоть до верховий Иордана, откуда берет начало Иордан-река.

И пригоди ми богъ пут-ет исходити тако: поиде бо князь Иерусалимьский Балдвинъ на войну к Дамаску путем тѣм к Тивирьядьскому морю, туда бо есть путь к Дамаску мимо Тивириадьское море; то азъ увѣдах, оже хощеть князь путем тѣмъ к Тивириадѣ, идохъ ко князю тому, и поклонихся ему, и рекох: « И азъ бых хотѣл поити с тобою к Тивириадьскому морю, да бых походил святаа та мѣста вся около Тивириадьскаго моря. Да бога дѣля поими мя, княже!» Тогда княз-етъ с радостию повелѣ ми поити с собою и приряди мя къ отрокомъ своим. Тогда азъ с радостию великою наях под ся. И тако проидохомъ мѣста та страшная с вои царьскими бес страха и без пакости; а без вои путемъ тѣмъ никто же может проити, но токмо святаа Елена путем тѣм ходила, а инъ никто же.

Да се есть путь к Тивириадѣ: а от Иерусалима до кладязя святыя Богородица верстъ 10; а от кладязя того до Гельвуньских горъ суть версты 4. И на тѣх горах Гелвуньских убиенъ бысть Саулъ, царь Июдѣйскый, и сынъ его Анафанъ ту же убиен бысть. И суть же горы велики, камены, сухи, безводны, нѣсть бо росы на них никогда же. А горъ тѣх до кладязя Давыдова есть верстъ двѣ; а от кладязя того до пещеры Давыдовы суть версты 4; в той пещерѣ дал бяше богъ Саула царя в руцѣ Давыдови, и не уби его, оному спящу, но урѣза скуть окройнища его и взя мечь его и покровъ ручный. А от тѣх горъ до Сихемьских горъ и до рова Иосифова суть версты 4; и на тѣх горах сынове Ияковли пасяху стада отца своего Иякова; на тѣ горы прииде Иосифъ Прекрасный къ братьи своей, от отца своего посланъ к ним, нося миръ и благословение от отца своего Иякова; они же, видѣвше брата своего Иосифа, вставше и яша и, и ввергоша и в ровъ, иже и до днешняго дне есть ров-отъ, яко и стѣна глубока создана камением великым, и твердъ велми. И ту угоди ны ся ночьлѣгъ лежати на мѣстѣ том; есть бо мѣсто то близь пути людскаго, на правой руцѣ, тамо идучи.

О КЛАДЯЗИ ИАКОВЛИ

И оттуда до вси Иосифовы, иже нарицаеться Сихарь, есть верстъ 10. И ту есть кладязь Ияковль, глубокъ и великъ, и вода студена зѣло и сладка; и у того кладязя Христос бесѣдовал с женою самарянынею; и ту лежахом ночьлѣгь.

О САМАРИИ

И ту есть близь град Самариа яко полверсты вдалее от кладязя того. Град же Самариа великъ есть велми и обиленъ есть всѣм добром. Град-от Самария стоитъ межи двѣма

И дал мне бог пройти путь тот так: пошел князь иерусалимский Балдвин на войну к Дамаску путем тем, к Тивериадскому морю, ибо там проходит дорога к Дамаску, мимо Тивериадского моря. Я узнал, что хочет князь идти путем тем к Тивериаде, пошел к нему, поклонился ему и сказал: «И я бы хотел пойти с тобою к Тивериадскому морю, чтобы походить по тем всем святым местам около Тивериадского моря. Бога ради, возьми меня, князь!» Тогда этот князь с радостью повелел мне пойти с собою и пристроил меня к своим слугам. Тогда я с радостью великою нанял под себя на чем ехать. И таким образом прошли мы места те страшные с воинами царскими без страха и без ущерба. А без воинов той дорогой никто не может пройти; но одна только святая Елена путем тем ходила, а другой никто.

И вот каков путь к Тивериаде: от Иерусалима до колодца святой богородицы верст десять, а от колодца того до Гельвунских гор версты четыре. И на тех горах Гельвунских убит был Саул — царь Иудейский, и сын его Анафан тут же убит был. Горы же эти велики, каменны, сухи, безводны, ибо нет росы на них никогда. А от гор тех до колодца Давида две версты, а от колодца того до пещеры Давида версты четыре. В той пещере дал бог Саула-царя в руки Давида, и он не убил его, когда тот спал, но отрезал лоскут одеяла его и взял меч его и полотенце. А от тех гор до Сихемских гор и до рва Иосифова версты четыре. На тех горах сыновья Иаковлевы пасли стада отца своего Иакова, на те горы пришел Иосиф Прекрасный к братьям своим, отцом своим будучи послан к ним, неся им мир и благословение от отца своего Иакова. Они же, видя брата своего Иосифа, встали и схватили его, и бросили его в ров, каковой ров и до сего дня существует,— как стена углубленная, сложенная из больших камней, и крепок весьма. И там пришлось нам на ночлег ложиться, на месте том. Ибо находится это место вблизи пути людского, на правую руку, когда там идешь.

О КОЛОДЦЕ ИАКОВА

И оттуда до жилища Иосифова, что называется Сихарь, верст десять. И там есть колодец Иаковлев, глубокий и большой, и вода очень холодна и вкусна. У того колодца Христос и беседовал с женщиной-самарянкой. И мы там лежали ночь.

О САМАРИИ

И оттуда недалек город Самария — примерно полверсты расстояние от того колодца. Город же Самария большой весьма и изобилует всем добром. Тот город Самария стоит между

горама высокима, источници воднии мнози студени посредѣ града того текуть красно, и древеса овощная бе-щисла ту суть всяка: смокви, орѣшие и рожци, масличие, яко дубравы, яко лѣси суть по всей земли той около Самария; по краемъ нивы многоплодовиты суть по полем тѣмъ; и есть земля та около Самариа красна и чюдна зѣло. И есть мѣсто то обилно всѣм добром, маслом и вином, пшоницею и овощомъ, и, просто рещ, оттуда есть живъ Иерусалимъ всѣмъ добром. И тъ нынѣ град Самарийский зовется Неаполи. А оттуда есть мѣсто, двою версту к западу лиць от града Самариа, имя мѣсту тому Севастополи; и есть ту градокъ малъ созданъ, и то есть темница святаго Иоанна Крестителя Христова; и в той темници усѣченъ Иоаннъ Предтеча Христовъ от Ирода царя; и ту есть гробъ святаго Иоанна Предтеча, и есть на мѣстѣ том церковь создана добра во имя Предтеча Иоанна; и есть нынѣ ту манастырь фряжьский, богат зѣло.

О АРИМАФЕИ ГРАДѢ

А оттуда есть 4 версты до Аримафѣя, и ту есть гробъ святаго Иосифа и святаго Малелеиля. И есть мѣсто к западу лиць от Самариа в горах, есть градок мал созданъ над мѣстом; церкви добра клѣтьски создана над гробом святаго Иосифа; и то ся мѣсто зоветь Аримафѣй. А от Самариа путь есть к Тивириадьскому морю на встокъ лиць на лѣтний.

О ГРАДѢ ВАСАНЬСТѢ

И есть от Самариа до Васана града верстъ 30. В том градѣ Васаньстѣ Огъ, царь Васаньский, был, его же уби Иисус Навгинъ у Иерихона. И есть мѣсто то страшно и гроздно велми. Исходит из градища того Васаньскаго 7 рѣкъ, и стоитъ тростие велико по рѣкам тѣм, и финици мнози стоятъ высоци по градищу тому, яко лѣсъ частый. И есть мѣсто то страшно и неудобь проходно: ту бо живуть срацини силнии погании и биют на рѣках тѣхъ на бродѣхъ. И лвове мнози ту ся ражают. И есть бо мѣсто то близь Иордана рѣки и болоние велико прилежить от Иордана къ градищу тому Васаньскому. И ты рѣки текуть от Васана въ Иорданъ; да тѣм лвове мнози суть въ мѣстѣ том.

И ту есть близь под градомъ тѣм къ востоку лиць, пещера дивна, крестным образом уродилася; ис тоя пещеры исходит источникъ; и есть ту купѣль чюдна, сама уродилася и яко создана от бога. В той купѣли самъ Христос купался съ ученики своими: и есть знати до днешняго дне мѣсто то, иде же Христос сѣдѣл на камени; ту купахомся и мы грѣшнии недостойнии. Въ том же градѣ Васаньстѣмъ жидове искаху Христа, показаша ему кинисъ, и рекоша: «Достоит ли дань дати

двумя высокими горами; много источников вод холодных красиво течет посреди того города. И деревья плодовые всяческие там без числа: смоквы, орешник, рожки и маслины,— как дубравы, как леса по всей земле той около Самарии. По краям тех полей плодородные нивы. И земля та около Самарии прекрасна и весьма удивительна. И изобильно место то всем добром: маслом и вином, пшеницей и плодами. И проще говоря, оттуда получает Иерусалим все то добро, которым он жив. И ныне город тот Самарийский называется Неаполи. А оттуда в двух верстах, к западу от города Самарии, есть место, которое называется Севастополи; и выстроено тут укрепление небольшое, это и есть темница святого Иоанна Крестителя Христова: в этой темнице усечен был Иоанн Предтеча Христов Иродом-царем. И там гроб святого Иоанна Предтечи, и создана на том месте хорошая церковь во имя Предтечи Иоанна. И ныне там фряжский монастырь, очень богатый.

ОБ АРИМАФЕЕ-ГРАДЕ

А оттуда четыре версты до Аримафея. Там находится гроб святого Иосифа и святого Малелеила. Находится это место к западу от Самарии, в горах. Ограда небольшая построена над местом; церковь хорошая клетская построена над гробом святого Иосифа. То место и зовется Аримафей. А от Самарии путь к Тивериадскому морю на юго-восток.

О ГРАДЕ ВАСАНСКОМ

От Самарии до города Васана тридцать верст. В том городе Васанском Ог, царь Васанский, был, которого убил Иисус Навин у Иерихона. Выглядит место то страшно и весьма грозно. Вытекает из городища того Васанского семь рек; и стоит тростник большой по рекам тем, и фиников много стоит высоких по тому городищу, как лес густой. И место это страшное и негодное для прохода, ибо там живут сильные сарацины поганые и разбойничают на тех реках, на бродах. И много львов тут водится. И большое болото прилегает со стороны Иордана к градищу тому Васанскому. А те реки текут от Васана в Иордан. Оттого много львов в месте том.

И есть там, под тем городом на восток, пещера удивительная. Она получилась в форме креста. Из той пещеры вытекает источник, и есть там чудесный водоем, сам образовавшийся и как бы созданный богом. В том водоеме сам Христос купался с учениками своими. И известно до сего дня место то, где Христос сидел на камне. Там купались и мы, недостойные. В городе же том Васанском евреи испытывали Христа: показывали ему динарий и говорили: «Следует ли дань давать

или ни?» Рече же имъ: «Чий есть образ и написание? Въздадите кесарева кесареви, а божиа богови». И рече Христос, обращься къ Петру: «Иди верзи удицу в море; ю же преже имеши рыбу, разверзи уста ея, изми статиръ и вдай за мя и за ся». У того же града Васана Христос ицѣли два слѣпца, иже зваста въ слѣд его идуща.

О ИОРДАНѢ РѢЦѢ

А от Васана до врьха Иорданова и до мытници Матфѣевы есть верстъ 20; и есть пут-ет все по полю ити подлѣ Иордан, пиюще Иорданову воду,— сладка зѣло и чиста,— все къ восходу лиць ити отли до верха Иорданова. Иордан же поиде из моря Тивириадьскаго, от двою источнику кипит зѣло чюдно; имя источнику единому Иоръ, а другому имя источнику Данъ. И оттуда поиде Иордан двѣма рѣками из моря Тивириадьскаго; и еста подалѣ себе, яко трижды перестрѣлит межи има. И поидета рѣцѣ тѣ разно себѣ мало яко полверсты вдалѣе, и потомъ сонметася обѣ рѣцѣ въ едину рѣку и то ся зоветь Иордан по имени двою источнику. Течеть же Иорданъ быстро и чисто водою, и лукаряво велми. И есть всѣм подобен Сновѣ рецѣ, в ширѣ и в глубину, и болонием подобенъ есть Иорданъ Сновѣ рѣцѣ; и рыбы многи суть на верху его зѣло. И есть на самомъ верху Иордановѣ, на обою потоку, еста 2 моста камена, создана на комарах твердо велми, и под та моста течеть Иорданъ сквозѣ комары мосту тою.

О МЫТНИ МАТФЕОВѢ

От тою мосту близь была мытница Матьфиева, апостола Христова; ту бо ся сходять путье вси чресъ Иорданъ к Дамаску и в Месопотамию. И ту в тою мѣсту ста обѣдати князь Балдвинъ с вои своими; ту же и мы стахом с нимъ у самово верха Иорданова, купахомся на самом версѣ Иордановѣ в мори Тивириадьстѣмь. И походихомъ тогда около Тивириадьскаго моря бе-страха и без боязни. Вся та святаа мѣста, куда же Христос богъ нашь походил своима ногама, ту же и мене худаго и грѣшнаго сподоби богъ походити и видѣти всю ту землю Галилѣйскую. Его же не надѣяхомся николи же видѣти, то же ми показа богъ видѣти и обиходити ногама своима недостойныма. И видѣхъ очима своима грѣшныма всю ту землю святую и желанную. Не ложно, по истинѣ, яко видѣхъ, тако и написах о мѣстѣхъ святыхъ. Мнози друзии, доходивше мѣстъ сих, не могоша испытати добрѣ, блазнятся о мѣстѣх сих, а инии, не доходивше мѣстъ сих, лжуть много и блядуть. Мнѣ же худому богъ показа мужа свята и стара деньми, и книжна велми, и духовна, живша

или нет?» Он же им: «Чей здесь образ и надпись? Воздайте кесарево кесарю, а божие богу!» И сказал Христос, оборотясь к Петру: «Иди, забрось удочку в море, и той рыбе, которую первой поймаешь, открой рот, вынь статир и отдай за меня и за себя!» У того же города Васана Христос исцелил двух слепцов, которые взывали, идя за ним следом.

О ИОРДАНЕ-РЕКЕ

А от Васана до верховий Иордана и до мытницы Матфеевой двадцать верст; и весь путь тот все по полю идешь около Иордана, пия воду из Иордана, очень вкусную и чистую, все к востоку идешь до самого верховья Иордана. Иордан же берет начало из моря Тивериадского, из двух истоков; кипит чудесно весьма. Название одного источника Иор, а другого источника название Дан. Оттуда и выходит Иордан двумя реками из моря Тивериадского. Они вдали друг от друга, примерно три перестрела между ними; и текут те реки порознь немного, примерно полверсты, а потом сливаются обе реки в одну реку, и она называется Иордан — по названиям двух источников. Течет же Иордан быстро, чистою водою, и очень извилисто. Всем похож он на Сновь-реку: по ширине, и по глубине, и заводями подобен Иордан Снови-реке. И очень много рыбы в его верховьях. А в самом верховье Иордана есть два моста каменные через оба потока, выстроенные на сводах крепко, и под теми мостами течет Иордан, сквозь пролеты тех мостов.

О МЫТНИЦЕ МАТФЕЕВОЙ

От тех мостов близко была мытница Матфея, апостола Христова, ибо тут сходятся все пути, ведущие через Иордан к Дамаску и в Месопотамию. И там, в том месте, остановился на обед князь Балдвин с воинами своими. Тут же и мы остановились с ним у самого верховья Иордана. Купались мы у самого верховья Иордана в море Тивериадском. И походили тогда около моря Тивериадского без страха и без боязни по всем тем святым местам. Где Христос бог наш походил своими ногами, там же и меня, худого и грешного, сподобил бог походить и дал видеть всю ту страну Галилейскую. Чего не надеялся я никогда видеть, то показал мне бог, чтобы я видел, обходя ногами своими грешными всю ту землю святую и желанную. Не ложно, по истине, как видел, так я и написал о местах святых. Многие другие, доходившие до этих мест и не смогшие разузнать хорошо, обманываются относительно этих мест, а иные, не доходившие до этих мест, лгут много и выдумывают. Мне же, дурному, бог показал мужа святого и старого днями, и книжного весьма, и духовного, жившего

в Галилеи лѣт 30, а у святаго Савы въ лаврѣ живша лѣтъ 20, и тый ми мужь указа все по истинѣ, от святых книгъ испытавъ добрѣ. Да что въздасть мнѣ грѣшному толико добра видѣти?

И ту стояхом у мосту тою весь день тъ, и к вечеру князь Балъдвинъ поиде за Иордан к Дамаску с вои своими. Мы же идохомъ в град Тивириадьский и ту пребыхом 10 дний въ градѣ том, дондеже прииде князь Балъдвинъ с войны тоа от Дамаска. Мы же дотолѣ походихом во вся мѣста та святаа около Тивериадьскаго моря.

О МОРИ ТИВИРИАДСТѢМ

Тивириадьское есть море обиходичаво яко озеро, и вода его сладка зѣло, и нѣсть сыти, пиюще воду ту. По длѣ же есть 50 верстъ, а въ преки 20 верстъ. Рыбы же в нем много зѣло, и ту есть рыба едина, дивна и чюдна зѣло, и ту рыбу Христос любил ясти; и есть сладка въ ядь рыба та паче всякоя рыбы. Образом же есть яко коропичь. И яхъ сам рыбу ту многажды, ту буда въ градѣ. Ту же рыбу по въскресении Христос ялъ есть, егда прииде къ ученикомъ своим, ловящим имъ; и рече: «Дѣти, имате ли что снѣдно?» Они же рекоша: «Ни». И рече имъ: «Верзите одесную страну мрежа».

О ВЕРСѢ ИОРДАНОВѢ

И есть от верха Иорданова и от мосту тою до бани Христовы и до бани святыя богородица, и до бани апостольскиа верстъ 6, а от бани святыхъ до града Тивериады есть верста едина.

И есть был град Тивириада великъ велми, двѣ верстѣ вдалѣе, а вширѣ версты. И есть подале море Тивириадьское. В том градѣ многа чюдеса створих Христос богъ нашь. Ту бо есть мѣсто посредѣ града того, идѣ же Христос прокаженаго очисти. Ту есть был домъ тещи Петровы апостола; и ту Христос вниде в дом тый и цѣли от болѣзни огьныя тещю Петрову. И ту на том мѣстѣ церкви создана во имя апостола Петра, кругла образом. Ту есть и домъ Симона прокаженаго был, иде же блудница на вечери омочи слезами нозѣ пречистѣи господа нашего Иисуса Христа и власы своими отре и прия отпущение бе-щисленых грѣх. И в том же градѣ и слукую жену ицѣли: ту же есть было сотниче чюдо; ту же одръ свѣсиша с больным отроком, покровъ прокопавше; ту же ханаоныню помилова. Ту есть пещера и вода в ней сладка зѣло, и студена, в ту же пещеру Христос вбѣглъ, егда хотѣша и царя поставити в Галилеи; и ина чюдеса многа Христос створи въ градѣ том. В том градѣ

в Галилее тридцать лет, а у святого Саввы в лавре жившего двадцать лет; и тот муж показал мне все поистине, по святым книгам разузнав основательно. И за что это мне, грешному, столько хорошего видеть?

И там стояли у моста того весь тот день. А к вечеру князь Балдвин пошел за Иордан к Дамаску с воинами своими, мы же пошли в город Тивериадский и там пробыли десять дней в городе том, пока не пришел князь Балдвин с той войны от Дамаска. Мы же за то время обошли все места те святые около Тивериадского моря.

О МОРЕ ТИВЕРИАДСКОМ

Тивериадское море можно обойти, как озеро; и вода его так вкусна, что никак не насытится пьющий ту воду. В длину же оно пятьдесят верст, а поперек двадцать верст. Рыбы в нем очень много; и есть там одна рыба весьма удивительная и чудесная, которую Христос любил есть; и вкусна для еды рыба та больше всякой другой рыбы, по виду же она как карп. И ел я рыбу ту многократно, находясь там, в городе. Ту же рыбу и по воскресении Христос ел, когда пришел к ученикам своим во время ловли, и сказал: «Дети! Есть ли что поесть?» Они же сказали: «Нет». И сказал он им: «Бросьте с правой стороны сети».

О ВЕРХОВЬЕ ИОРДАНА

Расстояние от верховья Иордана и от мостов тех до бани Христа, и до бани святой богородицы, и до бани апостолов верст шесть; а от бани святых апостолов до города Тивериады одна верста.

Был прежде город Тивериада очень большим: две версты в длину, а в ширину верста; а несколько дальше — море Тивериадское. В том городе многие чудеса сотворил Христос бог наш: там ведь находится место, посреди города того, где Христос прокаженного очистил; там был дом тещи Петра-апостола, и там Христос вошел в дом тот исцелить от болезни огненной тещу Петрову; и здесь, на том месте, церковь создана во имя апостола Петра, круглая по форме. Там и дом Симона-прокаженного был, где блудница на вечере омочила слезами ноги пречистые господа нашего Иисуса Христа, и волосами своими отерла, и приняла отпущение бесчисленных грехов. В том же городе он и согбенную женщину исцелил. Тут же было чудо с сотником. Тут же постель свесили с больным юношей, крышу разобрав. Тут же он хананеянку помиловал. Есть там пещера с очень вкусной и холодной водой, куда Христос вбежал, когда хотели его царем поставить в Галилее. И другие многие чудеса Христос сотворил в городе том. В том городе

есть гробъ Елисѣя пророка, сына Асафатова. Ту же есть близь при пути гробъ Иисуса Навгина. И есть ту камень великь у моря близь, къ стоку лиць, от града вдалѣе дострѣла; и на том камени стоялъ Христос, и ту учил народы, иже бяше пришли к нему от помория Тирьскаго и Сидоньскаго, и Декаполя, и от всея Галилея; и оттуда отпусти народы и ученики своя, идоша на ону страну моря в кораблих; и сам Иисус ту оста и послѣди оттуда преиде по морю, яко по суху ходивъ ногама своима, и бысть об онъ полъ моря пред народом; они же, пришедше, обрѣтоша Иисуса, тамо ходяща, и глаголаша: «Учителю, когда сѣмо прииде?» Он же рече им: «От бога вся возможна суть, а от человѣкъ невозможна». Есть верстъ 10 от Тавириады до того мѣста по морю, и есть мѣсто на пригории вдалеѣ от моря версты единоя.

ИДЕ ЖЕ ХРИСТОС НАПИТА ПЯТЬ ТЫСЯЩЬ МУЖ

И есть мѣсто то равно и травно, и на том мѣстѣ Христос питал народы 5 тысящь 5-ю хлѣбъ, кромѣ женъ и дѣтий, и остася укроховъ 12 коша.

ИДЕ ЖЕ ХРИСТОС ТРЕТЕЕ ЯВИСЯ УЧЕНИКОМ СВОИМ, ВСТА ОТ МЕРТВЫХ

И ту есть близь мѣсто под горою моря того Тивириадьскаго, и на том мѣстѣ явися Христос ученикоm своим по въскресении третиее, и прииде Христос, и ста при езерѣ, рече: «Дѣти, имате ли что снѣдно?» Они же рекоша: «Ни». И рече имъ Иисусъ: «Възверзите одесную страны мрежа, по глаголу моему и обрящете». Они же въвергоша и к тому не можаху еа привлещи отъ множества рыбъ, извлекоша на сухо мрежу, полну великых рыбъ 100 и 50 и 3; и видѣша у мрежи огнь и хлѣбъ, и рыбу печену, и ту ядъ Христос, прочее дасть им. Ту создана есть церкви во имя святыхъ апостолъ. А оттуда есть близь был домъ Марии Магдалыни, ту ицѣли ю Христос от 7-ми бѣсовъ; и то ся мѣсто зоветь Магдалия.

О ВИВСАИДѢ ГРАДЕ

А оттуда есть близь в горѣ Вифсаида градок Андрѣев и Петров; и ту есть мѣсто, иде же приведе Нафанаила к Петрови и къ Андрѣю.

ИДЕ ЖЕ ХРИСТОС ПРИДЕ КО УЧЕНИКОМ, ЛОВЯЩИМ ИМЪ РЫБ

И ту есть мѣсто на мори, иде же прииде Христос к Зеведѣеви и къ Андрѣеви и к Петрови, они же влечаху мрежа и завязываху. И ту познаста Христа Андрей и Петръ, и ту остависта

находится гроб Елисея-пророка, сына Асафата. Здесь же близко при дороге гроб Иисуса Навина. И есть там камень большой вблизи моря, к востоку от города, на расстоянии выстрела: на том камне стоял Христос и учил здесь народы, что пришли к нему из поморья Тирского и Сидонского, из Декаполя и со всей Галилеи; и отсюда отпустил он народы и учеников своих, и они пошли на ту сторону моря в кораблях. А сам Иисус здесь остался, а затем отсюда перешел по морю, как посуху ходив ногами своими, и оказался по другую сторону моря перед народом. Они же, придя, обнаружили Иисуса, там ходящего, и говорили: «Учитель, когда ты сюда пришел?» Он же сказал им: «У бога все возможно, а у людей невозможно». Десять верст от Тивериады до того места по морю; и находится то место на склоне горы на расстоянии одной версты от моря.

ГДЕ ХРИСТОС НАПИТАЛ ПЯТЬ ТЫСЯЧ МУЖЕЙ

Место это ровное и травянистое; на этом месте Христос напитал народу пять тысяч пятью хлебами, не считая жен и детей; и осталось двенадцать корзин ломтей.

ГДЕ ХРИСТОС В ТРЕТИЙ РАЗ ЯВИЛСЯ УЧЕНИКАМ СВОИМ, ВОССТАВ ИЗ МЕРТВЫХ

И там вблизи от моря Тивериадского есть место под горой, где явился Христос ученикам своим по воскресении в третий раз: пришел Христос и, став около озера, сказал: «Дети, есть ли что поесть?» Они же ответили: «Нет». И сказал им Иисус: «Забросьте с правой стороны сети, как я вам говорю, и поймаете». Они забросили, и оказалось, что не могут ее подтащить из-за множества рыбы; вытащили на сушу сеть полную больших рыб — сто пятьдесят три всего. И увидели у сети огонь, и хлеб, и рыбу печеную, и тут-то Христос дал им еду. Там создана церковь во имя святых апостолов. А близко оттуда был дом Марии Магдалины; там исцелил ее Христос от семи бесов; и зовется то место Магдалия.

О ГРАДЕ ВИФСАИДЕ

А оттуда близко, на горе, Вифсаида, городок Андреев и Петров. И есть там место, куда Филипп привел Нафанаила к Петру и к Андрею.

ГДЕ ХРИСТОС ПРИШЕЛ К УЧЕНИКАМ, КОГДА ОНИ ЛОВИЛИ РЫБУ

И есть там место на море, где Христос пришел к братьям Зеведеевым и к Андрею с Петром, когда они тащили и чинили сети; и тут узнали Христа Андрей и Петр, и оставили там

лодию и мрежа, идоста в слѣд Христа; и ту сѣлъ был близь моря Зеведѣева отца Иоаннова, и ту есть был домъ Богословца Иоанна. И ту Христосъ изгна человѣка легион бѣсов, и повелѣ им влѣсти въ свиния, и ту истопаша свиниа в мори. И ту есть близь село Капернаумъ.

А оттуда есть близь рѣка велика, и та рѣка поиде изь езера Генисаритьскаго, и входить рѣка та в море Тивириадьское. Езеро же Генесаритское велико вельми, 40 верстъ вширѣ, всямокачно кругло, рыбы в немъ множество есть. И ту есть близь езера того град, имя ему Генисира; да потому ся тако зовет Генисаритьское.

О ГРАДѢ ДЕКАПОЛИИ

И ту есть другий град велик зѣло, имя ему Декаполий. И ту есть мѣсто равно близь езера того, и на том мѣстѣ Иисус стояше, уча народы, пришедша от Декаполя и помория Тирьскаго и Сидоньскаго, о томъ бо мѣстѣ въ Еуангелии глаголет. И ина многа чюдеса створи Иисус около езера того.

О ГОРѢ ЛИВАНСТѢЙ

И ту есть об онъ пол езера того, на лѣтний встокъ лиць, гора высока велми и велика зѣло, и снѣзи на ней лежат чрес лѣто; имя горѣ той Ливан; на той горѣ ражается ливанъ и темианъ былый. И с тоя бо горы Ливаньскыя идета 12 рѣцѣ велицѣ; и идетъ 6 рѣкь къ встоку лиць, а 6 рѣкъ на угъ лиць; и входят рѣкы ты въ езеро Генисаритьское, а 6 рѣкь идут к Велицѣй Антиохии; да то ся мѣсто зоветь Месопотамия, еже есть Сердорѣчие. И ту есть межю тѣми рѣками Харъранъ, отнюду же изиде Авраамъ. Отъ тѣх рекъ наполняется езеро Генисаритьское вод многъ. А ис того езера идеть рѣка велика в море Тивириадьское, и умножаеться вода тою водою в мори Тивириадьстѣмь. А из моря того идеть Иордан. Яко же и преже сказахъ о Иорданѣ, то тако по истинѣ есть.

Горы же тоя Ливаньския не могох дойти ногами своими страха ради поганых, но сказаша ны добрѣ о горѣ той иже водяху ны християне, живущии тамо; и не даша ны тамо ити к горѣ той Ливаньстѣй, много бо поганых ту живут в горѣ той; но токмо очима своима видѣли есмы гору ту и та мѣста около езера того Генисаритьскаго. И есть же близь езера того от Тивириадьскаго моря, яко двою версту межи вдалѣе, есть на лѣтний встокъ лиць отъ Тивириады езеро Генисаритьское.

О ФАВОРСТѢЙ ГОРѢ

Фаворьскаа же гора и Назареф от Тивириадьскаго моря на запад лиць, 8 верстъ великых до Фаворьскиа горы ити: токмо едину гору взити, а другую малу гору възлѣсти,

лодку и сети, и пошли вослед Христа. Там вблизи моря и село было Зеведея, отца Иоанна. И был там дом богословца Иоанна. И Христос изгнал там из человека легион бесов и повелел им войти в свиней; тут и утонули свиньи в море. А поблизости там село Капернаум.

А оттуда близко река большая, которая течет из озера Генисаритского, а впадает в море Тивериадское. Озеро же Генисаритское очень велико, сорок верст в ширину, по форме круглое, рыбы в нем множество. И там, поблизости от озера того, есть город по имени Генисира; потому-то оно так и называется — Генисаритское.

О ГРАДЕ ДЕКАПОЛИИ

И есть там другой город очень большой под названием Декаполий. И есть там ровное место вблизи того озера: на том месте Иисус стоял, уча народы, пришедшие из Декаполя и с поморья Тирского и Сидонского; о том ведь месте в Евангелии говорится. И иные многие чудеса сотворил Иисус около того озера.

О ГОРЕ ЛИВАНСКОЙ

И там есть, на другой стороне, на юго-восток от того озера, очень высокая и весьма большая гора; снег на ней лежит все лето; название горы той Ливан. На той горе родится ливан и фимиам белый. И текут с той горы Ливанской двенадцать рек больших: шесть рек текут к востоку, а шесть рек на юг. И втекают реки те в озеро Генисаритское. А шесть рек идут к Великой Антиохии. Потому то место называется Месопотамия, что значит Средоречие. И там, между теми реками, находится Харран, откуда вышел Авраам. Те реки наполняют озеро Генисаритское множеством вод. А из того озера течет большая река в море Тивериадское, и восстанавливается тою водою вода в море Тивериадском. А из моря того вытекает Иордан. Как прежде сказал я об Иордане, так оно поистине и есть.

До горы же той Ливанской я не смог дойти ногами своими из-за боязни поганых. Но мне хорошо рассказали о горе той живущие там христиане, которые нас водили; они и не дали нам туда идти, к горе той. Так что только глазами своими мы видели гору ту и те места около озера того Генисаритского. А до озера того от Тивериадского моря близко, примерно две версты расстояние; на юго-восток от Тивериады озеро Генисаритское.

О ФАВОРСКОЙ ГОРЕ

Фаворская же гора и Назарет от Тивериадского моря на запад; восемь верст больших ходу до Фаворской горы: на одну только гору подняться, на другую небольшую гору забраться,

а ино все по полю ити, оли до Фаворьскиа горы ити. Фаворьская же гора чюдно и дивно, и несказанно, и красно уродилася есть; от бога поставлено есть красно и высоко велми и велика; и есть посреди поля того красного, яко же стог круглол; гора та уродилася есть красно; и есть кромѣ всѣх горъ подале. И течет рѣка подлѣ гору ту по полю долѣ. И есть по всей горѣ Фаворьстѣ росло древо всякое: смоковь, рожьци и масличие много зѣло. Вышши же есть Фаворьскаа гора всѣх, сущи окресть ея, и есть уединена кромѣ всѣх горъ, и стоитъ посреди поля красно зѣло, яко стогъ будеть гораздо здѣлан, кругло и высоко велми и великъ ободом; възвыше есть яко же можеть 4-жды с нея стрѣлити; а еже горѣ на ню, то ни осмижды не может на ню възстрѣлити. Есть гора та вся камена, лѣсти же на ню трудно и бѣдно велми по камению, луками на ню лѣсти, путь тяжек велми; едва бо на ню възлѣзохом: от 3-го часа до 9-го часа, борзо идуще, едва взидохом на самый врьхъ горы тоя святыа. И есть же на самом врьсѣ горы тоя мѣсто высоко ко встоку лиць къ зимнему, аки горка камена, мала, островерха; и на том мѣстѣ преобразился есть Христос богъ нашь. И ту есть церкви добра создана на мѣстѣ том во имя Преображениа, а другаа, во имя святых пророк Моисия и Илии, подаль того мѣста есть создана церкви на сѣверъ лиць от Преображениа.

О МѢСТѢ, ИДѢ ЖЕ ХРИСТОС ПРЕОБРАЗИЛСЯ

Мѣсто же то святаго Преображениа одѣлано есть около градом каменым твердо, врата же имат желѣзна град-от; и то есть прьвѣе было епископиа, нынѣ же есть монастырь латыньский. И есть пред градом тѣм полце красно уродилося на версѣ горы тоя. То есть чюдно и дивно божие устроение, еже есть на толь высоцѣ, иже водѣ быти ту; много бо воды есть на горѣ той на самом врьсѣ, то и нивы суть, и виногради добрии, и древеса овощнаа многа суть по горѣ той. И видѣти с нея далече вельми.

В ПЕЩЕРѢ МЕЛЬХИСЕДЕКОВѢ

Ту есть на той же горѣ Фаворстѣй пещера чюдна зѣло на равнѣ: тако есть, яко погребець малъ въ камении иссѣченъ; и оконце мало было на версѣ пещеры тоя святыя; трапеза создана днѣ в пещерѣ той на встокъ лиць; дверци имат малы, слѣсти же в пещеру ту по степенемь от запада лиць. И пре-дверми же пещеркы тоя стоятъ смоковици малы; около ея стоятъ древца мала всякаа. Прьвое же был лѣсъ велик ту около пещеры тоя, нынѣ же мала и худа древца суть ту. И в той пещерици жилъ святый

а остальное все по полю идти — до самой до Фаворской горы. Фаворская же гора чудесно и удивительно и невыразимо словами прекрасно получилась у бога: поставлена она красиво, и высока очень, и велика, и стоит среди поля того красивого, как стог круглый. Получилась гора та красивой. А стоит в стороне от всех гор. И течет река около горы той по полю внизу. И выросли по всей горе Фаворской деревья всякие: смоковницы, рожки и маслины — очень много. Фаворская гора выше всего, что вокруг нее, одна стоит, в стороне от всех гор, и стоит среди поля очень красиво, как искусно сделанный стог — круглый, очень высокий и большой в окружности. Высота ее такова, что можно с нее четыре раза выстрелить; а если вверх на нее, то даже за восемь раз невозможно до ее верха дострелить. Вся эта гора каменная, залезать на нее трудно и весьма неудобно, цепляясь за камни руками приходится на нее лезть. Путь весьма тяжел, так что я с трудом на нее взобрался. С третьего до девятого часа, быстро идя, мы едва взошли на самый верх горы той святой. А на самом верху той горы, к северо-востоку, есть место высокое, как маленькая каменная островерхая горка: на том месте и преобразился Христос бог наш. И там церковь хорошая построена, на том месте, во имя Преображения, а другая церковь, во имя святых пророков Моисея и Илии, выстроена поодаль от того места, на север от Преображения.

О МЕСТЕ, ГДЕ ХРИСТОС ПРЕОБРАЗИЛСЯ

Место же то святого Преображения крепко ограждено вокруг каменной оградой. Железные ворота у той ограды. Раньше здесь была епископия, ныне же латинский монастырь. А перед оградой той польце красивое получилось на верху той горы. Чудесно и удивительно устроено богом, что на такой высоте имеется здесь вода; ибо много воды на той горе на самом ее верху. Потому по той горе есть и нивы, и виноградники хорошие, и деревьев плодовых много. И видно с нее очень далеко.

В ПЕЩЕРЕ МЕЛХИСЕДЕКА

Тут же, на той же горе Фаворской, есть весьма чудесная пещера на ровном месте. Она похожа на небольшой погреб, высеченный в камне. И окошко маленькое было на верху пещеры той святой. Трапеза сделана на дне той пещеры с восточной стороны. Дверцы у нее маленькие; вход в эту пещеру по ступеням с запада. А перед дверьми пещерки той стоят маленькие смоковницы. Вокруг нее стоят всякие маленькие деревца. Прежде же был там лес большой, около той пещеры, а ныне там маленькие и слабые деревца. В той пещере жил святой

Мелхиседекъ, и ту прииде к нему Авраам и возва 3-жды, и рече: «Человѣче божий!» Изиде Милхиседекъ, и изнесе хлѣбъ и вино, и созда жерътовник ту въ пещерѣ той, створи жертву хлѣбом и вином, и абие взяться жертва на небеса к богу. И ту благослови Мелхиседекь Авраама, и остриже и Авраам, и обрѣза нокти его, и бѣ бо косматъ Мелхиседек. И то бысть начатокъ литургиам хлѣбом и вином, а не опрѣсноком. О том пророкъ глаголеть: «Ты еси иерѣй в вѣкы по чину Мелхиседекову». И есть пещерка та вдалѣ от Преображениа, яко дострѣлить добрѣ, и есть къ западу лиць мѣсто то святое.

И ту почьстиша на добрѣ в манастыри том у святого Преображенья, и ту обѣдахом; и опочивше добрѣ, и вставше, идохомъ въ церковь святаго Преображения, и поклонихомся на мѣстѣ святѣмь, иде же преобразися Христос богъ нашь, и облобызавше мѣсто то святое с любовию и радостию великою, и вземше благословение от игумена и от всее братии, изидохом из манастыря того святого, и обиходивше вся мѣста святаа по всей горѣ той святѣй. Туда бо путь есть мимо пещеру ту Мелхиседекову к Назарефу. Назарефъ есть на запад лиць от Фавора. И второе паки любовию влѣзохом в пещеру ту святую и поклонихомся святѣй той трапезѣ, ю же создалъ Мелхиседекъ со Авраамом. И есть до дняшняго дне трапеза та в пещерѣ той. И нынѣ приходить ту святый Мелхиседекъ часто и литургисает в пещерѣ той святѣй, и почивают вси вѣрнии, иже ту живут, въ горѣ той святѣ; ти же ми повѣдаща о том по истинѣ. И похвалихом бога, сподоблешаго нас, худых и недостойных, видѣти та святаа мѣста и облобызати устнами недостойными.

И прочее снидохомъ с горы Фаворски доловь на поля и идохом по полю двѣ верстѣ к Назарефу на запад лиць. И есть от Фарския горы до Назарефа 15 верстъ великых; по полю двѣ верстѣ, а 3 в горах; путь тяжекъ велми и тѣсенъ, зѣло непроходен: туды бо погании срацини мнози сѣдят в горах тѣхъ, и по полю тому села суть многа срациньская, и ти биють, выходяще из селъ тѣх, в горѣ той страшной. И бѣдно ми ити в малѣ путем тѣмъ. Но ли со многою дружиною, то тако может проити путем тѣмъ бе-страха; нам же не пригодишася дружина, но сами едини тако, толко 8 нас, и то же худа и безъ оружия, на бога надѣющеся, проидохом, божиею благодѣтию храними и молитвами святыя владычица нашея богородица сблюдаеми, бес пакости по здраву доидохом святаго града Назрефа, идѣ же бысть святое благовѣщение святѣй госпожи богородици от аггела Гавриила; ту же и Христос въскормлен бысть.

Мелхиседек. И сюда пришел к нему Авраам и воззвал трижды, сказав: «Человек божий!» Вышел Мелхиседек и вынес хлеб и вино, сделал здесь, в пещере той, жертвенник, и принес жертву хлебом и вином; и тут же была взята жертва на небеса к богу. И там благословил Мелхиседек Авраама, а Авраам его постриг и обрезал ему ногти, ибо космат был Мелхиседек. И это было начало литургиям хлебом и вином, а не опресноками. О том пророк говорит: «Ты архиерей вовеки по чину Мелхиседекову». Расположена пещерка та на расстоянии примерно с хороший выстрел от Преображения; в западном направлении оно, место то святое.

Хорошо приняли нас там, в монастыре том у святого Преображения, и мы там обедали. А поспав хорошо и встав, пошли в церковь святого Преображения, и поклонились на месте святом, где преобразился Христос бог наш, и поцеловали место то святое с любовью и радостью великою, и, взяв благословение от игумена и от всей братии, вышли из монастыря того святого и обошли все святые места по всей горе той святой. Ибо там, мимо той пещеры Мелхиседека, идет путь к Назарету. Назарет же лежит на запад от Фавора. И опять, во второй раз, вошли мы с любовью в ту святую пещеру и поклонились святой той трапезе, которую создал Мелхиседек, будучи с Авраамом. И стоит до сего дня трапеза та в той пещере. И ныне приходит туда часто святой Мелхиседек и служит литургию в пещере той святой, и почивают тогда все верные, что живут на горе той святой. Они мне и поведали о том поистине. И мы похвалили бога, сподобившего нас, худых и недостойных, видеть те святые места и целовать их устами недостойными.

А затем сошли мы с горы Фаворской вниз на поля и шли по полю две версты к Назарету, на запад. И от Фаворской горы до Назарета пятнадцать верст больших: по полю две версты, а три в горах; путь весьма тяжел и узок, очень редко туда ходят, ибо много поганых сарацин сидит в горах тех, а по полю тому сел много сарацинских, и они убивают, выходя из сел тех, на той страшной горе. И боязно мне было идти с малым числом спутников тем путем. Вот с большим отрядом можно было бы пройти путем тем без страха, у нас же не оказалось отряда. И мы сами, одни — а всего-то нас восемь, и те слабые и без оружия — на бога надеясь, прошли. Божиею благодатию хранимые и молитвами святой владычицы нашей богородицы соблюдаемые, без пакости поздорову дошли до святого города Назарета, где было святое благовещение святой госпоже богородице от ангела Гавриила. Тут же и Христос вскормлен был.

О ГРАДѢ НАЗАРЕФѢ

Назарефь же градок малъ есть в горах на удолнѣ мѣстѣ, да оли надшед над онь то же узрѣти. И посредѣ градка того церкви создана велика вверхъ о трех олтарех. И, влѣзучи в церковъ ту, на лѣвѣй руцѣ есть яко пещерка мала глубока пред малым олтарцем; имать же двери малы двои пещера та, едины дверци от запада, а другии дверци къ встоку лиць; слѣсти по степенемъ въ пещеру ту и во обоих дверцих тѣх. Влѣзучи в пещеру ту западными дверми, на правой руцѣ есть келия создана, дверци малы имущи; и в той келийци жила святаа богородица со Христомь, ту въскормленъ бысть Христос, в святой той храминци; и ту ложица его, иде же лежал Иисус, ту в келийци той ложицею тако низко на земли создано.

О ГРОБѢ ИОСИФА *ОБРУЧНИКА*

В той же пещерѣ, западными дверми влѣзочи, на лѣвѣй руцѣ есть гробъ святаго Иосифа, обрученика Мариина; ту его Христос самъ погреблъ своима рукама пречистыма. Исходит у гроба его от стѣны яко миро, вода святаа бѣла, и взимають на ицѣление недужнымъ.

О ПЕЩЕРѢ, ИДѢ ЖЕ СѢДЯШЕ СВЯТАА БОГОРОДИЦА

Ту есть мѣсто в той же пещерѣ у дверей западных близь, на том мѣстѣ сѣдяше святаа богородица при дверех тѣхъ близь и скаше кокнит, еже есть червленица. И ту прииде Гаврил архаггелъ, посланъ от бога къ дѣвици Марии.

ИДѢ ЖЕ БЛАГОВѢСТИ АРХАГГЕЛЪ СВЯТѢЙ БОГОРОДИЦИ

И ста пред нею, яви очи вѣсть, подаль мало от мѣста, идѣ же сѣдяше пречистая девица; яко 3-и столпъ вдалѣ есть мѣсто то от дверей пещерных, иде же стояше Гавриилъ. Ту поставлена трепезка мала, кругла, мраморяна, объ едином столпци; и на той трапезѣ литургисають.

О ДОМУ ИОСИФА ОБРУЧЕНИКА

И ту есть был домъ Иосифовъ, и где то есть пещера та святаа: все ся то дѣяло в дому Иосифовѣ, обрученика Мариина. И ту есть церкви создана над пещерою тою святою во имя святаго Благовѣщениа. То было мѣсто святое опустѣло прьвѣе, нынѣ же фрязи обновили мѣсто то суть и устроили добрѣ. И есть ту епископъ латиньский, богатъ зѣло, и то владѣеть мѣстом

О ГОРОДЕ НАЗАРЕТЕ

Назарет же представляет собой маленький городок в горах на низком месте, так что, только оказавшись над ним, можно его увидеть. Посреди городка того церковь выстроена большая и высокая о трех алтарях. И когда входишь в ту церковь, по левую руку как бы пещерка маленькая глубокая перед малым алтарем. Две двери маленькие у пещеры той: одни двери с запада, а другие — с востока. Вход в ту пещеру по ступенькам в обе те двери. Когда входишь в пещеру ту западными дверями, по правую руку — келия выстроенная с маленькими дверьми: в той келейке жила святая богородица со Христом, здесь вскормлен был Христос, в святом том помещеньице; тут и ложице его, на котором лежал Иисус, — тут, в келейке той, ложице его сделано так низко над землей.

О ГРОБЕ ИОСИФА ОБРУЧНИКА

В той же пещере — когда западными дверьми входишь в нее, по левую руку — есть гроб святого Иосифа, обручника Марии. Тут Христос сам погреб его своими руками пречистыми. Исходит около гроба его от стены как бы миро, вода святая белая, и берут ее для исцеления недужных.

О ПЕЩЕРЕ, ГДЕ СИДЕЛА СВЯТАЯ БОГОРОДИЦА

Есть там место в той пещере — близко от западных дверей: на том месте сидела святая богородица, близко у дверей, и сучила кокнит, что значит багряницу. Сюда и пришел архангел Гавриил, посланный от бога к девице Марии.

ГДЕ БЛАГОВЕСТИЛ АРХАНГЕЛ СВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

И стал перед нею, сделавшись виден очам, чуть поодаль от места, где сидела пречистая девица. Примерно три столпа расстояние от дверей пещерных до того места, где стоял Гавриил. Тут поставлена маленькая круглая мраморная трапеза об одном столпце, и на той трапезе служат литургию.

О ДОМЕ ИОСИФА ОБРУЧНИКА

Был дом Иосифов там, где находится пещера та святая: все то происходило в доме Иосифа, обручника Марии. И тут церковь создана над пещерою тою святою во имя святого Благовещения. Это место святое опустело было прежде, ныне же фряги обновили и устроили хорошо то место. И там пребывает епископ латинский, богатый весьма, и владеет местом тем

тѣм святым. И почьстиша нас добрѣ питием и ядениемъ, и всѣм. И лежахом ту нощь едину в градцѣ том. И почивше добрѣ, и заутра вставше, идохомъ въ церковь ту и поклонихомся святому тому мѣсту. И, вшедше въ святую ту пещеру, и ту поклонимся святымъ тѣмъ мѣстом всѣмъ. И изидохом из града того, и поидохом мало на лѣтний встокъ лиць, и обрѣтохом кладязь чюденъ, и глубок, и студен зѣло; и слѣсти есть по степенемъ к водѣ той глубоко. И есть надъ кладязем тѣм создана церкви во имя архаггела Гавриила, и есть кругла образомъ.

О КЛАДЯЗИ, ИДЕ ЖЕ АНГЕЛЪ ПРЬВОЕ БЛАГОВѢСТИ

Есть же отъ града Назарефа вдале яко дострѣлити добрѣ до кладязя того святаго: у того бо кладязя бысть прьвѣе благовѣщение святѣй богородици от архаггела. Пришедши бо ей по воду, и яко почерпе водоносъ свой, възгласи ей аггелъ невидимо и рече: «Радуйся, обрадованнаа, господь с тобою!». Озрѣвся Мария сюду и сюду, ни видѣ никого же, но токмо глас слыша, и вземше водоносъ свой, идяше, дивящися во умѣ своем, рекущи: «Что се будеть глас, еже слышах, никого же не видѣхъ?» И вниде в Назарефь, и вниде в дом свой, и сѣде на прежереченномь мѣстѣ, и начат скати кокнитъ; и тогда явися архаггелъ Гавриилъ явѣ, стоя на прежереченном мѣстѣ; тогда ей благовѣсти рождество Христово.

И есть же от Назарефа до села Исавова 5 верстъ.

О КАНИ ГАЛЕЛѢИСТѢИ

А от села того до Кана Галилеи полторы версты. Кана Галия же есть на людском пути, и ту Христос воду в вино преложи. И ту обрѣтохом дружину многу, идущу въ Акру, и пристахомъ к ним съ радостию великою, идохом с ними въ Акру.

Акра же град есть был срациньский, нынѣ же фрязи державь. Есть же градок-отъ Акра на Велицем мори, и лимень под нимь добръ велми; всѣм обиленъ есть градок. А от Назарефа до Акры есть верстъ 28 великих, есть же Акра к полудньюлиць от Назарефа. И ту пребыхом во Акрѣ 4 дни, и опочивше ту добрѣ, и обрѣтохом дружину многу, идущю въ святый град Иерусалимъ, и пристахом къ дружинѣ той и поидохом с ними с радостию, веселящеся, и придохом в Каифу. А оттуда идохом къ горѣ Карьмильстѣй, и туда идохом. И ту есть в горѣ той пещера святого Илии пророка; и ту поклонихомся, и оттуда идохом в Капернаум. А от Капернаума приидохом в Кесарию Филипову. И туда есть путь все ити подлѣ Великое море по полю, а другое по пѣском оли до Кесария. Ту пребыхом 3 дни в градѣ томъ Кесарийстѣм. И ту есть былъ Корнилие,

святым. И почтили нас там хорошо питием, и едой, и всем. И спали мы там одну ночь, в городке том. И, поспав хорошо и наутро встав, пошли в ту церковь, и поклонились всем тем святым местам. И выйдя из города того, пошли мы немного на юго-восток и нашли колодец чудесный, и глубокий, и очень холодный; и надо спускаться к той воде глубоко, по ступенькам. А над колодцем тем создана церковь во имя архангела Гавриила, и она круглая по форме.

О КОЛОДЦЕ, ГДЕ АНГЕЛ В ПЕРВЫЙ РАЗ БЛАГОВЕСТИЛ

От города Назарета расстояние приблизительно в хороший выстрел до колодца того святого. Ведь у того колодца было первое благовещение святой богородице от архангела. Ибо пришла она по воду, и, когда зачерпнула водонос свой, возгласил ей ангел невидимо, сказав: «Радуйся, обрадованная, господь с тобою!» Оглядевшись туда и сюда, Мария никого не увидела, но только голос слышала и, взяв водонос свой, пошла, удивляясь и говоря в уме своем: «Что это за голос, который я слышала, никого не видя?» И вошла в Назарет, и вошла в дом свой, и села на вышесказанном месте, и начала сучить кокнит, и тогда явился архангел Гавриил явно, стоя на вышесказанном месте. Тогда он ей благовестил рождество Христово.

От Назарета же до села Исавова пять верст.

О КАНЕ ГАЛИЛЕЙСКОЙ

А от того села до Каны Галилейской полторы версты. Кана Галилейская стоит на людном пути, и там Христос воду в вино превратил. И там обнаружили мы отряд большой, идущий в Акру, и пристали к ним с радостью великою, и пошли с ними в Акру.

Акра же был город сарацинский, а ныне владеют им фряги. Расположен городок этот Акра на Великом море, и залив под ним очень хорош. Всем изобилует городок. А от Назарета до Акры двадцать восемь больших верст. Акра находится к югу от Назарета. И мы пробыли там, в Акре, четыре дня. И отдохнув там хорошо, и найдя отряд большой, идущий в святой город Иерусалим, пристали к отряду тому и пошли с радостью, веселясь. И пришли в Каифу. А оттуда шли к горе Кармильской,— и туда пошли. И есть там, в горе той, пещера святого Ильи-пророка. И мы поклонились там, а оттуда пошли в Капернаум. А от Капернаума пришли в Кесарию Филиппову. А путь туда идет все подле моря Великого по полю, а затем — по пескам до самой Кесарии. Пробыли мы там три дня, в городе том Кесарийском. Там и жил Корнилий,

его же Петръ апостолъ крестилъ. А от Кесариа идохом в Самарию: налево от Кесария в Самарию путь есть в горы; есть верстъ 20 от Кесария до Самарии. И быхом другаго дне полудне в Самарии, но по тиху идуще; и зноа ради и не можаху людие пѣши ходити въ зной. И ту нощь прележахом пред градом тѣмъ Самариею у кладязя Ияковля, иде же Христос бесѣдова съ женою самарянынею.

О ЕРУСАЛИМѢ

И оттуда вставше поидохом путем своим, им же бяхом пришли изъ Ерусалима; и доидохом святаго града Иерусалима с радостию великою по здраву.

Ничто же зла не видѣхом на пути сем, но все добро показа намъ богъ видѣти очима своима. Вся святаа та мѣста, куда Христос богъ нашь походил нашего дѣля спасения, туда же и нас грѣшных сподоби походити и видѣти святаа та мѣста. И чюдную ту землю Галилейскую видѣхом очима своима, всю землю Палестину богъ сподоби мя обиходити. И божиею благодатию хранимии, и походихом бес пакости, молитвами святыя богородица съблюдаеми; и походихом всю Палестиньскую землю; та бо земля вся зовется около Иерусалима Палестина.

Божиею помощию укрѣпляем, походих мѣста та святаа, не видѣх нигде же поганых, ни лютаго звѣри, ни пригоди ми ся видѣти иного зла ничто же, ни немощи малы не почютих в тѣлѣ моем; но всегда, яко орелъ облегчеваем, божиею благодатю съблюдаем и силою вышняго укрѣпляемъ. Аще и похвалити ми ся подобает, но силою Христа моего похвалюся; о немощи же моей похвалюся: «Сила бо моя в немощи свершается»,— апостолъ глаголеть Павел. Да что въздамъ господеви за вся, яже въздасть мнѣ, худому и грѣшному и недостойному, толику благодѣть видѣти, и походити по святым симъ мѣстом, и исполнити ми желание сердца моего! Его же есмь сподобился видѣти, то же ми показа богъ видѣти недостойному рабу и худому.

Да простите мя, братие и отци и господие мои, и не зазрите худоумию моему, еже написах се не хитро, но просто, о мѣстѣх сих святых, и о Иерусалимѣ, и о земли сей обѣтованнѣй. Обаче аще и не мудро написах, но не ложно: яко же видѣх очима своима, тако и написах.

О СВѢТѢ НЕБЕСНѢМ: КАКО СХОДИТ КО ГРОБУ ГОСПОДНЮ

А се о свѣтѣ святѣмъ, како сходит къ Гробу Господню. Се ми господь показа видѣти худому и недостойному рабу. И видѣх очима своима грѣшныма по истинѣ, како сходит святый свѣт къ Гробу животворящему господа нашего Иисуса Христа.

которого крестил апостол Петр. А от Кесарии пошли в Самарию. Налево от Кесарии дорога в Самарию, через горы; верст двадцать от Кесарии до Самарии. И были на другой день в полдень в Самарии. Но из-за зноя медленно шли: не могли люди идти пешком в зной. А ту ночь мы провели перед городом тем Самариею у колодца Иакова, где Христос беседовал с женщиной самарянской.

О ИЕРУСАЛИМЕ

И оттуда, встав, пошли мы путем своим, которым прежде пришли из Иерусалима. И дошли до святого города Иерусалима с радостью великою поздорову.

Никакого зла не видели мы на пути этом, но все хорошо показал нам бог, чтобы мы видели глазами своими все те святые места. Где Христос бог наш ходил нашего ради спасения, туда же и нас, грешных, сподобил сходить и дал нам видеть те святые места. И чудную ту землю Галилейскую видели мы очами своими; всю землю Палестину бог сподобил меня обойти. И, божиею благодатию хранимые, исходили без пакости, молитвами святой богородицы соблюдаемые, и обошли всю Палестинскую землю. Ведь та земля вся вокруг Иерусалима называется Палестина.

Божиею помощью укрепляем, обошел я места те святые, не встретив нигде ни поганых, ни лютого зверя, не пришлось мне увидеть и иного зла никакого, ни немощи малой не почувствовал я в теле моем, но всегда был, как орел облегчаем, божиею благодатию соблюдаем и силою вышнего укрепляем. Хотя и надо бы мне похвалиться, но только силой Христа моего похвалюсь: ибо сила моя в немощи совершается, как апостол говорит Павел. И что воздам господу за все, что он дал мне, плохому, грешному и недостойному,— дал столькую благодать видеть и походить по святым этим местам и исполнить мне желание сердца моего? Ведь то, что я сподобился видеть, это же мне показал бог, чтобы я видел, недостойный раб и дурной.

И простите меня, братья, отцы и господа мои, и не попрекните худоумие мое, что написал не хитро, но просто о местах этих святых, и о Иерусалиме, и о земле этой обетованной. Однако же хоть и не мудро написал, но и не ложно: как видел глазами своими, так и написал.

О СВЕТЕ НЕБЕСНОМ: КАК СХОДИТ КО ГРОБУ ГОСПОДНЮ

А это — о свете святом: как сходит ко гробу господню. Это мне господь дал видеть, худому и недостойному рабу. И видел очами своими грешными поистине, как сходит святой свет ко гробу животворящему господа нашего Иисуса Христа.

Мнози бо странници неправо глаголють о схожении свѣта святаго; инъ бо глаголеть, яко святый духъ голубем сходит къ Гробу господню, а друзии глаголють: молнии сходить с небесе, и тако вжигаются кандила над Гробом господнимь. И то есть лжа и неправда: ничто же бо есть не видѣти тогда, ни голубя, ни молнии, но тако, невидимо сходит с небеси благодатию божиею и вжигает кандила в Гробѣ Господни. Да и о том скажю, яко видѣх по истинѣ.

В Великую пятницю по вечерни потирають Гробъ Господень, и помывают кандила та вся, и вливають масла честнаго без воды, единого масла того токмо; и вотъкнувше свѣтилна во оловца, и не вжигають свѣтилен тѣх, но тако оставляють кандила та невожжена. И запечатають гробъ въ 2 час нощи. И тогда изгасять вся кандила и свѣщи по всѣм церквамъ въ Иерусалимѣ.

Тогда азъ худый, недостойный, в ту пятницю, въ 1 час дни, идох къ князю тому Балъдвину и поклонихся ему до земли. Он же, видѣв мя худаго, и призва мя к себѣ с любовию, и рече ми: «Что хощеши, игумене руськый?» Познал мя бяше добрѣ и люби мя велми, яко же есть мужь благодѣтенъ и смѣрен велми и не гордить ни мала. Аз же рекох ему: «Княже мой, господине мой! Молю ти ся бога дѣля и князей дѣля русских: повели ми, да бых и азъ поставил свое кандило на гробѣ святѣмь от всея Русьскыя земля!» Тогда же онъ со тщанием и с любовию повѣле ми поставити кандило на Гробѣ Господни и посла со мною мужа, своего слугу лучьшаго, къ иконому святаго Въскресения и к тому, иже держить ключь гробный. И повѣлѣста ми иконом и ключарь святаго Гроба принести ми кандило свое с маслом. Аз же поклонився има, идохъ с радостию великою, и купих кандило стькляно, велико велми, и налиавъ масла честнаго все, принесох ко Гробу Господню, уже вчеру сущу. Упросихъ ключаря того, единого внутрь Гроба суща, и обѣстихся ему; он же отврьзе ми двери святыя, и повелѣ ми выступити ис калиговъ, и тако босого введе мя единого въ святый Гробъ Господен и с кандилом, еже нося с собою, и повелѣ ми поставити кандило на Гробѣ Господни. И поставих своима рукама грѣшныма в ногах, иде же лежаста пречистѣи нозѣ господа нашего Иисуса Христа; в главах бо стояше кандило гречьское, на персехъ поставлено бяше кандило святаго Савы и всѣхъ монастырей; тако бо обычай имут: по вся лѣта поставляють кандило гречьское и святаго Савы. И благодѣтью божиею та ся 3 кандила вожгоша тогда; а фряжьская каньдила повѣшана бяху горѣ, а от тѣх ни едино же възгорѣся.

Аз же тогда, поставивъ кандило на Гробѣ святѣмь, и поклонився честному Гробу тому, и облобызавъ мѣсто то святое

Многие ведь странники неправду говорят о схождении света святого: ведь один говорит, что святой дух голубем сходит ко гробу господню, а другие говорят, молния сходит с небес, и так зажигаются лампады над гробом господним. И то ложь и неправда, ибо ничего не видно тогда — ни голубя, ни молнии. Но так, невидимо, сходит с небес благодатию божиею и зажигает лампады в гробе господнем. Да и о том скажу, как видел, поистине.

В Великую пятницу после вечерни протирают гроб господен, и вымывают лампады те все, и вливают масла чистого без воды — одного только масла того. И, воткнув светильники в оловцы, не зажигают светильников тех, но так оставляют лампады те незажженными. И запечатывают гроб в два часа ночи. И тогда гасят все лампады и свечи по всем церквам в Иерусалиме.

Тогда я, дурной и недостойный, в ту пятницу в час дня, пошел ко князю тому Балдвину и поклонился ему до земли. Он же, видя меня, дурного, подозвал меня к себе с любовью и сказал мне: «Чего хочешь, русский игумен?» Он меня хорошо узнал и полюбил меня очень, поскольку муж он добродетельный, и смиренный весьма, и ничуть не гордый. Я же сказал ему: «Князь мой, господин мой! Молю тебя бога ради и князей ради русских: повели мне, чтобы и я поставил свою лампаду на гробе святом от всей Русской земли!» Тогда он серьезно и с любовью повелел мне поставить лампаду на гроб господен, и послал со мной мужа, своего лучшего слугу, к эконому церкви святого Воскресения и к тому, кто держит ключ от гроба. И повелели мне эконом и ключник святого гроба, чтобы я принес лампаду свою с маслом. Я же, поклонившись им, пошел с радостью великой и купил лампаду стеклянную, очень большую, и, налив полную масла чистого, принес ко гробу господню, когда уже наступил вечер. Упросил я ключника того, одного тогда внутри гроба бывшего, и кое-что обещал ему, и он открыл мне двери святые, велел мне снять сапоги, и так босого ввел меня одного в святой гроб господен с лампадой, которую я нес с собой, и повелел мне самому поставить лампаду на гроб господен. И я ее поставил своими руками грешными в ногах — где лежали пречистые ноги господа нашего Иисуса Христа. Ибо в головах стояла лампада греческая, на грудях же поставлена была лампада святого Саввы и всех монастырей. Ведь такой здесь обычай: каждый год ставят греческую лампаду и святого Саввы. И благодатию божиею те три лампады загорелись тогда. А фряжская лампада повешена была сверху, а из тех ни одна не загорелась.

Я же тогда, поставив лампаду на гробе святом, и поклонившись честному гробу тому, и облобызав с любовью и со

с любовию и съ слезами, иде же лежало тѣло господа нашего Иисуса Христа, изидох из Гроба святаго с радостию великою и идохъ в келию свою.

Заутра же в великую суботу въ 6 час дне сбираются вси людие пред церковь святаго Въскресениа. Бесщисленое множьство народа, от всѣх странъ пришелци и тоземци: и от Вавилона, и от Египьта, и от всѣх конець земли ту ся сбирають во тъ день, несказанно множьство. И наполнятся вся та мѣста людий около церкви и около Распятиа Христова; и велика тѣснота и томление лютѣ людемъ ту бываеть; мнози бо человѣци ту задыхаются от тѣсноты людий бещисленных. И ти людие вси стоятъ съ свѣщами не вожженами и ждуть отврьзениа дверий церковных. Внутрь же церкви тогда токмо попове едини суть. И ждуть попове и вси людие, дондеже прииде князь съ дружиною; и тогда бывает отврьзение дверемъ церковным, и входять людие въ церковь в тѣснотѣ велицѣ и въ гнетении, и наполняють церковь ту; и полати вси полны будуть. Не могуть бо ся вмѣстити вси людие въ церковь ту, но ту стоять внѣ церкви людие мнози зѣло, около Голгофы и около Краниева мѣста и дотуда, иде же кресты налѣзени; и все то полно будеть людий бе-щисла много множьство. И ти людие вси въ церкви и внѣ церкве иного не глаголють ничто же, но токмо «Господи, помилуй!» зовут неослабно и вопиють силно, яко тутнати и гремѣти всему мѣсту тому от вопля людий тѣх. И ту источници слезам проливаются от вѣрных людий. Аще бо кто окаменено сердце имат, но тогда можеть прослезити. Всякъ бо человѣкъ зазрит в себѣ тогда, и поминаеть грѣхи своя, и глаголеть в собѣ всякъ человѣкъ: «Еда моих дѣля грѣхов не снидет свѣт святый?» И тако стоать вси вѣрнии людие слезни и скрушенным сердцемъ, и тъ самъ князь Балъдвинъ стоитъ съ страхом и смирениемъ великим, источници проливаются чюдно от очию его, тако же и дружина его около его стоятъ прямо Гробу, близь олтаря великаго, вси бо сии стоят съ смѣрением.

И яко бысть 7 час дне суботнаго, тогда поиде Балъдвинъ князь ко Гробу Господню и з дружиною своею, из дому своего, и вси бо сии пѣши. И присла въ метохию святаго Савы и позва игумена того святаго Савы и съ черници его. И поиде игуменъ с братиею къ Гробу Господню, и азъ худый ту же поидох съ игуменом тѣмъ и з братиею. И придохом ко князю тому и поклонихомся ему вси; тогда и онъ поклонися игумену и всей братии и повелѣ игумену святаго Савы и мнѣ худому близь себе поити повелѣ, а иным игуменом и черньцем всѣм повелѣ пред собою поити, а дружинѣ своей повелѣ позаду поити. И приидохомъ къ церкви Въскресения Христова к западным дверем, и се множьство людии заступили двери церковныя, и не могохомъ тогда

слезами место то святое, где лежало тело господа нашего Иисуса Христа, вышел из гроба святого с радостью великою и пошел в свою келью.

Назавтра же, в Великую субботу, в шестой час дня, собираются все люди перед церковью святого Воскресения — бесчисленное множество народа; жители той земли и пришельцы из всех стран: и из Вавилона, и из Египта, и со всех концов земли. Собирается там в тот день несказанное множество. И наполняются людьми все те места около церкви и около Распятия Христова. И великая теснота и давка жестокая среди людей бывает, так что многие люди тогда задыхаются от тесноты народа бесчисленного. И те люди все стоят со свечами незажженными и ждут открытия церковных дверей. Внутри же церкви тогда одни только попы находятся. И ждут попы и все люди, пока придет князь с дружиной; и тогда бывает открытие дверей церковных, и входят люди в церковь в тесноте великой и в давке, и наполняют церковь ту и хоры. Всюду делается полно, ибо не могут поместиться все люди в ту церковь, но остается очень много людей вне церкви около Голгофы и около Краниева места, и вплоть до того места, где были найдены кресты. И все то делается полно бесчисленно многим множеством людей. И те люди все в церкви и вне церкви ничего другого не говорят, кроме: «Господи, помилуй!» Взывают неослабно и кричат громко, так что гудит и гремит все то место от вопля тех людей. И тут ручьями проливаются слезы у верных людей. Даже с каменным сердцем человек может тогда прослезиться. Ибо каждый заглядывает тогда в себя, и вспоминает свои грехи, и говорит каждый в себе: «Неужели из-за моих грехов не сойдет свет святой?» И так стоят все верные люди в слезах с сокрушенным сердцем. И сам тот князь Балдвин стоит со страхом и смирением великим, и ручьи чудесно текут из очей его. Также и дружина его стоит около него напротив гроба, вблизи алтаря большого; и все они стоят со смирением.

И когда наступил седьмой час дня субботнего, тогда пошел князь Балдвин ко гробу господню с дружиной своею из дома своего. Пешком ведь все пошли. И послал князь в метох святого Саввы, и позвал игумена того святого Саввы с чернецами его. И пошел игумен с братией ко гробу господню. И я, худой, тут же пошел с игуменом тем и с братиею. И подошли мы к князю тому, и поклонились ему все. Тогда и он поклонился игумену и всей братии, и повелел игумену святого Саввы и мне, худому, пойти рядом с ним, и иным игуменам и чернецам всем повелел перед собой пойти, а дружине своей повелел сзади пойти. И пришли мы к церкви Воскресения Христова, к западным дверям. И вот множество людей закрыло собой двери церкви, и не смогли мы тогда

въ церковь внити. Тогда князь Балдвинъ повелѣ воином, и разгнаша люди насалие, и створиша яко улицю олне до гроба, и тако могохом проити сквозѣ люди ольне до гроба. И приидохом къ восточным дверемъ святаго Гроба Господня, и князь по нас прииде и ста на мѣстѣ своем, на деснѣй странѣ у преграды великаго олтаря, противу всточным дверем и гробным; ту бо есть мѣсто княже, создано высоко. И повелѣ князь игумену святаго Савы стати над гробом с своими черньци и с правовѣрными попы; мене же худаго повелѣ поставити высоко над самыми дверми гробными, противу великому олтарю, яко дозрѣти ми лзѣ бяше въ двери гробныя. Двери же ты гробныя всѣ трои запечатаны бяху, и запечатаны печатию царскою. Латиньстии же попове в велицѣм олтари стояху. И яко бысть 8 час дне и начаша вечернюю пѣти на гробѣ горѣ попове правовѣрнии; и черноризци, и вси духовнии мужи, и пустынници мнози ту бяху; латина же в велицѣм олтари начаша верещати свойскы. И тако поющим имъ всѣм, аз ту стоях, прилѣжно зрях ко дверем гробным. И яко начяша чести паремии тоя суботы великиа, на первих пареми изиде епископъ с дьяконом из великого олтаря, и приде къ дверем гробным, и позрѣ въ Гробъ сквозѣ крестець дверей тѣхъ, и не узрѣ свѣта в Гробѣ, и възвратися опять. И яко начаша чести 6-ю паремию, тот же епископъ прииде къ дверем гробным и не видѣ ничто же. И тогда вси людие възпиша съ слезами «Кирие, елеисонъ», еже есть «Господи, помилуй!». И яко бысть 9-му часу минувшую и начаша пѣти пѣснь проходную «Господеви поим», тогда внезавпу прииде туча мала от встока лиць и ста над верхом непокрытым тоа церкве, и дождь малъ над Гробом святымъ, и смочи ны добрѣ стоящих на Гробѣ. И тогда внезаапу восиа свѣтъ святый во Гробѣ святѣмь: изиде блистание страшно и свѣтло из Гроба Господня святаго. И пришед епископъ съ 4-рми дияконы, отверзе двери гробныя, и взяша свѣщу у князя того у Балдвина, и тако вниде въ Гробъ, и вожже свѣщу княжю первѣе от свѣта того святаго; изнесше же из Гроба свѣщу ту и даша самому князю тому в руцѣ его. И ста княз-ет на мѣстѣ своемъ, свѣщю держа с радостию великою. И от того вси свои свѣщи въжгохомъ, а от наших свѣщь вси людие вожгоша свои свѣщи, по всей церкви друг отъ друга вожгоша свѣщи.

Свѣт же святы не тако, яко огнь земленый, но чюдно инако свѣтится изрядно, и пламянь его червлено есть, яко киноварь, и отнудь несказанно свѣтиться.

И тако вси людие стоят съ свѣщами горящими, и вопиють вси людие велегласно «Господи, помилуй!» съ радостию великою и с веселием. Така бо радость не можеть быти человѣку,

войти в церковь. Тогда князь Балдвин отдал приказ воинам, и они силой разогнали людей и сделали как бы улицу до самого гроба, и тогда мы смогли пройти между людьми прямо до гроба. И подошли к восточным дверям святого гроба господня, и князь за нами подошел и стал на месте своем с правой стороны у преграды великого алтаря против восточных дверей и дверей гроба, ибо тут место княжее, построенное высоко. И повелел князь игумену святого Саввы стать над гробом со своими чернецами и с православными попами. Меня же, дурного, приказал поставить высоко над самыми дверьми гроба против великого алтаря, чтобы мне возможно было заглядывать в двери гроба. Двери же гроба все три запечатаны были, и запечатаны царскою печатью. Латинские же попы в великом алтаре стояли. И когда наступил восьмой час дня, начали вечерню петь на гробе вверху попы православные, и черноризцы, и все духовные мужи; и пустынники многие тут были; латиняне же в великом алтаре начали верещать по-своему. И так пели они все, а я тут стоял, прилежно глядя на двери гроба. И когда начали читать паремии той Великой субботы, во время первой паремии вышел епископ с дьяконом из великого алтаря, подошел к дверям гроба, и заглянул в гроб сквозь крестец дверей тех, и не увидел света в гробе, и возвратился на место. И когда начали читать шестую паремию, тот же епископ подошел к дверям гроба и опять ничего не увидел. И тогда все люди возопили со слезами: «Кирие, елейсон!», что значит «Господи, помилуй!» И когда минул девятый час и начали петь проходную песнь «Господу поем», тогда внезапно пришла небольшая туча с востока и стала над непокрытым верхом той церкви, и пошел дождь небольшой над гробом святым, и смочил нас хорошо, стоящих на гробе. И тогда внезапно воссиял свет святой в гробе святом, вышло блистание страшное и светлое из гроба господня святого. И подойдя, епископ с четырьмя дьяконами открыл двери гроба, и взял свечу у князя того, у Балдвина, и с нею вошел в гроб, и первым делом зажег свечу князя от того святого света. Вынеся же из гроба ту свечу, дал самому князю тому в его руки. И стал князь на месте своем, держа свечу с великой радостью. И от него мы все зажгли свои свечи. А от наших свечей все люди зажгли свои свечи по всей церкви, друг от друга зажигая свечи.

Свет же святой не так, как огонь земной, но чудесно, иначе светится, необычно; и пламя его красно, как киноварь; и совершенно несказанно светится.

И так все люди стоят со свечами горящими, и вопиют громогласно все люди «Господи, помилуй!» с радостью великою и веселием. Такая радость не может быть у человека

ака же радость бываетъ тогда всякому християнину, видѣвши свѣтъ божий святый. Иже бо не видѣвъ тоа радости въ тъ день, то не иметь вѣры сказающим о всемъ том видѣнии; обаче мудрии и вѣрнии человѣци велми вѣрують и въсласть послушають сказаниа сего и истины сеа и о мѣстѣх сих святыхъ. Вѣрный в малѣ и во мнозѣ вѣренъ есть, а злому человѣку невѣрну истина крива стваряються. Мнѣ же худому богъ послух есть и святый Гробъ Господень и вся дружина, русьстии сынове, приключьшиися тогда во тъ день ногородци и кияне: Изяславъ Иванович, Городиславъ Михайлович Кашкича и инии мнози, еже то свѣдають о мнѣ худомъ и о сказании семъ. Но възвратимся на прежереченную повѣсть.

Егда же свѣтъ восия въ Гробѣ святѣмъ, тогда же и пѣние преста, и вся возпиша «Кирие, ейлеисонъ» и поидоша въ церковь съ свѣщами горящими и с радостию великою, сблюдающи свѣщи свои от угашения вѣтреняго, и идоша кождо их въ свояси. И от того святаго свѣта вжигают кандила въ своих церквахъ и канчивають пѣние вечернее дома; а в велицѣй церкви, у Гроба Господня, сами попове едини, безъ людий, канчивають пѣние вечернее. Тогда и мы съ игуменом и съ братиею въ своей манастырь идохом, несуще свѣщи горящи, и ту кончахом пѣние вечернее, и идохом в келии свои, хваляще бога, показавша недостойным нам ту благодѣть божию видѣти.

И на утрени въ Святую недѣлю, отпѣвше заутренюю и бывшю цѣлованию съ игуменом и съ братиею, и отпущению бывшю въ 1 час дне, и веземше крестъ, игуменъ и вся братия, идохом къ Гробу Господню, поюще кондакъ сий: «Аще и въ гробъ сниде, безмертне». И вшедше в святый Гробъ животворящий, и облобызавше святый Гробъ Господень с любовию и со слезами теплыми, и насладившеся ту благоуханныя воня тоя святаго духа пришествиемъ; и кандилом тѣмъ еще горящим свѣтло и чюдно. Та бо 3 кандила бяху вожьглися тогда, яко же повѣда ны иконом и ключарь Гроба Господня; ко игумену глаголаста оба: «Долѣ стаащеа на Гробѣ Господни, та 3 кандила възгорѣстася». А иных 5 кадилъ виситъ над гробомъ; но горяху тогда; свѣтъ ихъ инакъ бяше, не якоже онѣхъ 3-хъ кадилъ, изрядно и чюдно свѣтится.

И потомъ изыхомъ из Гроба въсточными дверми, и вшедше въ великый олтарь, и ту створивше цѣлование съ правовѣрными, и бывшу отпущению, игуменъ же и братиа, изыдохомъ изъ церкви святаго Въскресения и идохомъ во свой манастырь, и ту опочивше до литургии.

И по 3-емъ дни Въскресения господня, по литургии, идохомъ къ ключареви Гроба Господня и глаголахъ ему: «Хотѣлъ быхъ взяти кадило свое». Онъ же съ любовию поимъ мя, введе въ Гробъ одиного токмо. Азъ же вшедъ въ гробъ и видѣхъ кадило свое, стояща на гробѣ святѣмъ

в другом случае, какая радость бывает тогда у всякого христианина, видевшего свет божий святой. А кто не испытал той радости в тот день, не верит говорящим о всем том виденном. Однако мудрые и верные люди охотно верят и с радостью слушают рассказ об этом истинном событии и об этих святых местах. Верный в малом и во многом верен, а злому человеку, неверному, истинное представляется кривым. Мне же, дурному, бог свидетель, и святой гроб господен, и все спутники, русские сыны, случившиеся тогда в тот день там, новгородцы и киевляне: Изяслав Иванович, Городислав Михайлович Кашкича и другие многие, которые знают обо мне, дурном, и об этом рассказе. Но возвратимся к прерванному повествованию.

Когда же свет воссиял в святом гробе, тогда пение прекратилось и все воскликнули: «Кирие, елейсон!», и пошли из церкви с горящими свечами и с радостью великою, храня свои свечи, чтобы не погасил их ветер, и шли каждый из них восвояси. И от того святого света зажигают лампады в своих церквах, и пение вечернее кончают у себя дома. А в великой церкви у гроба господня сами попы одни без людей кончают вечернее пение. Тогда и мы с игуменом и с братиею пошли в свой монастырь, неся горящие свечи, и там окончили вечернее пение, и пошли в свои кельи, хваля бога, давшего нам, недостойным, видеть эту благодать божию.

И на утрене в святое воскресенье, отпев заутреню, и после целования с игуменом и с братиею, по отпущении, бывшем в час дня, взяв крест, игумен и вся братия, пошли мы к гробу господню, поя этот кондак: «Хотя и в гроб сошел, бессмертный!» И войдя в святой гроб животворящий, поцеловали святой гроб господен с любовью и со слезами теплыми и насладились тут благоуханным ароматом тем святого духа пришествия; а лампады те еще горели светло и чудесно. Три ведь те лампады зажглись тогда, как сказали нам эконом и ключник гроба господня. К игумену обращаясь, говорили они оба: «Внизу стоящие на гробе господнем, те три лампады загорелись». А иных пять лампад висит над гробом. Но они горели тогда, хотя свет их и был иным, не таким, какой у тех трех лампад, необычно и чудесно светящихся.

А потом мы вышли из гроба восточными дверьми и, войдя в великий алтарь, сотворили там целование с православными, и, по отпущении, игумен и братия, вышли мы из церкви святого Воскресения, и пошли в свой монастырь, и там отдохнули до литургии.

И через три дня после Воскресения господня, по литургии, пошли мы к ключнику гроба господня, и я сказал ему: «Я хотел бы взять свою лампаду». Он же с любовью принял меня, ввел в гроб, и я увидел свою лампаду, стоящую на святом гробе

и еще горяще свѣтомъ тѣмъ святымъ, и поклонився Гробу тому святому, и облобызавъ с любовию и слезами мѣсто то святое, идѣ же лежало тѣло господа нашего Иисуса Христа пречистое; и тогда измѣрих собою Гробъ вѣдлѣ и вширѣ и выше же, колико есть; при людех бо невозможно есть измѣрити его никому же. И почьстих Гроба Господня по силѣ моей, яко мога, и тому ключареви подах нѣчто мало и худое благословение свое. Он же видѣ любовь мою сущую к гробу Господню, и к тому ми удвигнувъ дощъку, сющую во главах Гроба Господня святаго, и уятъ ми того святаго камени мало благословение, и запрѣтивъ ми с клятвою никому не повѣдати въ Иерусалимѣ. Азъ же, поклонився Гробу Господню и ключареви, и веземъ кандило свое съ масломъ святымь, изидох из Гроба святаго с радостию великою, обогатився благодатию божиею и нося в руку моею даръ святаго мѣста и знамение святаго Гроба Господня, и идох, радуяся, яко нѣкако скровище богатьства нося, идох в келию свою, радуяся великою радостию.

И богъ тому послух и святый Гробъ Господень, яко во всѣх мѣстѣх святых не забых именъ князь русскых, и княгинь, и дѣтей ихъ, епископъ, игуменъ, и болярь, и дѣтей моих духовных, и всѣх христианъ николи же не забыл есмь; но во всѣх святыхъ мѣстѣх поминалъ есмь: первѣе поклонялъся есмь за князей за всѣх, и потомъ о своих грѣсѣх помолился есмь. И о сем похвалю благаго бога, яко сподоби мя худаго имена князей рускых написати в лаврѣ у святаго Савы; и нынѣ поминаются имена их во октении, с женами и с дѣтьми их. Се же имена их: Михаил Святополкъ, Василие Владимеръ, Давидь Святославич, Михаилъ Олегъ, Панъкратие Святославич, Глѣбъ Менский. Толко есь ихъ помнѣл имѣнъ, да тѣх вписах. Опрочѣ всѣхъ князь русскых,— и о болярех у Гроба Господня и во всѣх мѣстѣх святых. И отпѣхом литургии за князи русскыя и за вся християны, 50 литургий; а за усопшаа 40 литургий отпѣхом.

Буди же всѣмъ, почитающим писание се с вѣрою и с любовию, благословение от бога и от святаго Гроба Господня и от всѣх мѣстъ сих святыхъ: приимут мзду от бога равно с ходившими мѣста си святаа. Блажени же видѣвше вѣроваша, треблажени не видѣвшие вѣровавше. Вѣрою бо прииде Авраамъ в землю обѣтованную. Поистинѣ бо есть вѣра равна добрым дѣлом.

Бога ради, братие и господье мои, не зазрите худоумию моему и грубости моей. Да не будет в похуление написание се, мене ради и Гроба Господня и святыхъ ради мѣстъ сих. Кто любовию почтеть, да мьзду прииметь от бога спаса нашего Иисуса Христа. И богъ мира со всѣми вами в вѣки, аминь.

и еще горящую светом тем святым. И я поклонился тому святому гробу и облобызал с любовью и слезами то святое место, где лежало пречистое тело господа нашего Иисуса Христа. И тогда я сам измерил гроб в длину, ширину и высоту, каков он. При людях ведь невозможно измерить его никому. И я почтил гроб господен по силе моей, и тому ключнику подал кое-что немногое, а также худое благословение свое. Он же, видя мою любовь ко гробу господню, отодвинул тогда дощечку, находящуюся в головах гроба господня святого, и отделил мне от того святого камня небольшое благословение, запретив мне с клятвой кому-либо говорить об этом в Иерусалиме. Я же поклонился гробу господню и ключнику и, взяв лампаду свою с маслом святым, вышел из гроба святого с радостью великою, обогатясь благодатью божиею, неся в руке моей дар святого места и знамение святого гроба господня. И шел, радуясь, как некое сокровище богатства неся. Шел в келью свою, радуясь великой радостью.

И бог тому свидетель, и святой гроб господен, что, находясь во всех местах святых, я не забыл имен князей русских, и княгинь, и детей их, епископов, игуменов и бояр, и детей моих духовных; и всех христиан никогда не забывал; но во всех святых местах поминал. В первую очередь я кланялся за князей за всех, а потом о своих грехах молился. И за то хвалю благого бога, что сподобил меня, худого, имена князей русских написать в лавре у святого Саввы. И ныне поминаются имена их в ектенье, с женами и с детьми их. Вот имена их: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давид Святославич, Михаил-Олег, Панкратий Святославич, Глеб Минский. Только их имена я и помнил, их и вписал. Помимо всех князей русских, и о боярах я молился у гроба господня и во всех местах святых. И отпели мы литургии за князей русских и за всех христиан — всего пятьдесят литургий. А за усопших сорок литургий отпели.

Да будет же всем, читающим писание это с верою и с любовию, благословение от бога, и от святого гроба господня, и от всех мест этих святых; примут они награду от бога наравне с ходившими по местам этим святым: блаженны, увидев, поверившие, втройне же блаженны, не видя, верующие. Веруя, пришел ведь Авраам в землю обетованную. Поистине ведь вера равна добрым делам.

Бога ради, братья и господа мои, не попрекните меня за скудоумие мое и грубость мою! Да не поругано будет писание это ради меня, и гроба господня, и ради святых этих мест. Кто с любовью прочтет, да примет награду от бога спаса нашего Иисуса Христа. И бог мира со всеми вами вовеки — аминь!

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Слово 55 Единъ отьць повѣда шьдъшемъ намъ въ Фиваиду, яко старьць сѣдяше вънѣ града Антинъ Великый, сътворивъ въ клѣтъцѣ своей лѣтъ 60. И имяше же ученикъ 10 и единого же имяше зѣло лѣнящася. Старьць же мъногашьды учаше и, глаголя и моляше и: «Брате, съмотри своей души, умерети имаши и въ муку ити!» Братъ же въину прѣслушаше старьца, не приемля глаголемыихъ от него. Прилучи же ся нѣ по комь лѣтѣ умерети брату. Мъного же печалова о немь старьць, *вѣдяше* бо, яко въ мнозѣ унынии и лѣности изиде отъ мира сего. И нача старьць молити и глаголати: «Господи Исусе Христе, истиньный боже нашь! Яви ми яже о души братьни». И се узьрѣ въ мьчьтѣ и яко въ въстързѣ бывъ, видѣ рѣку огньну и множьство въ томь огни, и посредѣ брата, погружена до выя. Тогда глагола ему старьць: «Не сея ли мукы дѣля моляхъ тя, да посмотриши своей души, чадо?» Отъвѣща братъ и рече старьцю: «Благодарьствую бога, отче, яко понѣ глава ми отърадy имать: тако ми молитвы твоея на врьсѣ епискупу стою!»

Слово 98. И се съказа нъ тъ же Паладий глаголя, яко: «Слышахъ повѣдающю нѣкому кораблю старѣйшинѣ таково, яко единою пловущю мнѣ, имѣхъ въсядьникы мужя и жены. И пришьдъше на пучину,— и вьсѣмъ добрѣ пловущемъ: овѣмъ въ Костянтинъ градъ, овѣмъ въ Алексаньдрию, другымъ же другоямо, вѣтру же не напокось сущю имъ плути. И прѣбыхомъ дьний пять, не поступяще от мѣста иде же бѣхомъ. Бѣхомъ же въ мънозѣ сътужении и недомышлении: чьто се убо есть. Азъ же, яко *въ снѣ,* навъклиръ, имы печаль о корабли, и иже суть въ немь вьси, начяхъ ся молити богу о томь. И единою приде ми гласъ невидимо глаголя: «Съврьзии Марию

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Слово 55. Когда мы шли в Фиваиду, один святой отец рассказал нам о старце Антине Великом, который, сделав маленькую келью, жил в ней за городом шестьдесят лет. Было у него десять учеников, а один из них — очень ленивый. Много раз старец выговаривал ему, и поучал его, и умолял: «Брат, позаботься о своей душе, ведь умрешь — и на мучение идти!» Брат же всегда ослушивался старца, не принимая сказанного им. Случилось же в каком-то году умереть брату. Много печалился о нем старец, зная, что в великой беспечности и лености ушел тот из мира сего. И начал старец молиться и просить: «Господи, Иисус Христос, истинный бог наш! Дай мне увидеть душу брата». И вот взглянул в воображении, как будто в забытьи будучи, и увидел реку огненную, и много в ней пламени, а посредине брата, погруженного по шею. Тогда сказал ему старец: «Не этой ли муки ради молил я тебя позаботиться о душе своей, чадо?» Отвечал брат, сказав старцу: «Слава богу, отче, что, по крайней мере, голова моя в покое находится: так по молитвам твоим на голове епископа стою!»

Слово 98. И вот рассказал нам тот же Палладий, говоря: «Слышал я, как поведал начальник одного корабля следующее: «Когда плыл я однажды, были со мною спутники, мужчины и женщины. Как вышли в открытое море — все благополучно плыли: те в Константинополь, те в Александрию, другие же в иное место, хотя ветер и не был им благоприятен. Мы же простояли дней пять, не сходя с места, где были. Впали мы в большую скорбь и в недоумение: что же это такое? Я же, начальник, как в сновидении, озабоченный кораблем и теми, кто на нем, начал молиться богу об этом. И однажды раздался голос, невидимо говорящий: «Сбрось Марию

долу, да и стройно ти ся пopловеть!» Азъ же помышляхъ, рекы: «Чьто се си убо будеть? Кто есть Мария?» Ти, яко же себе недомышляхъ о семь, пакы приде ми гласъ, рекы: «Глаголахъ ти, съврьзи Марию долу, и гонезнете!» Тогда азъ умыслихъ сице и възъвахъ напрасно, вельми рекы: «Мария!» Она же възлежаше на постели своей, да и озъва ся рекущи: «Чьто велиши, господи?» Тогда рѣхъ еи: «Сътвори любъвь, доиди сьде». Она же въставъши приде, и яко приде, поимъ ю и отведохъ одину и рѣхъ еи: «Видиши ли, сестро Марие, какы грѣхы имамь азъ, и мене ради вьси имате погыбнути». Она же, вельми въздъхнувъши, рече: «По истинѣ, господи науклире, азъ есмь грѣшьница». Пакы же азъ къ ней рѣхъ: «Жено, кыя грѣхы имаши?» Она же рече: «Лютѣ мнѣ, яко нѣсть грѣха, его же нѣсмъ не сътворила; и моихъ ради грѣхъ вьси имате погыбнути». Таче по томь рече, съповѣда ми жена, сице рекущи: «По истинѣ, господи науклире, азъ оканьна и зълогрѣшьна! Мужа имѣхъ и дъва дѣтища, пьрвый девяти лѣть, а другы — пятию. Таче по томь умьре мужь мой. Живяше же въскрай мене воинъ, да хотѣхъ да бы мя поялъ женѣ, и посълахъ къ нему нѣкого. Воинъ же рече: «Не поиму жены, имуща дѣтий отъ иного мужа!» Тогда азъ яко то слышахъ, яко не хощеть меня пояти дѣтий дѣля, къ тому же и любящи и, заклахъ дѣтища своя оба, оканьная, и вѣсть ему посълахъ рекущи: «Не имамь уже дѣтища, ни единого». Яко то слыша воинъ тъ, о дѣтищю тою, еже есмь сътворила, рече: «Живъ господь, живый на небеси! — яко не поиму ея». Да тѣмь убоявъшися, еда се увѣдять и уморять мя, да тѣмь бѣжахъ». Се слышавъ азъ отъ жены тоя, и тако не рачихъ ея въврещи въ пучину морьскую, нъ сице умыслихъ рече и рѣхъ ей: «Се азъ прѣбываю въ корабли, да вѣси убо жено: аще не пойдеть корабль, — то мои грѣси дрьжять корабль», — таче възъвахъ корабльникы утрьнии корабль. Яко же сънидохъ въ кораблиць, то не бы ничьсо же не поступи, ни великый корабль не поступи. Тогда вълѣзъ въ великый корабль, глаголахъ женѣ: «Съниди ты въ кораблиць», она же съниде.

И егда же тъчию съниде та, абие кораблиць нѣ до пятишьды обрьтѣвъ ся, стрьмо дьну иде и погрязе; великый же корабль поплу стройно, и трьми дьньми по немь прѣидохомъ пловуще, еже быхомъ прѣшли и 15 дьний».

Слово 99. Азъ же и господь мой Софронии идоховѣ въ домъ философа Стефана да прѣбудемъ: бѣ же пладьнуя. Живяше же идуще къ святѣй Богородици, юже създа блажены папа Еулогий на въстокы великаго Тетрафола. Яко же въсклепаховѣ въ домъ философа, приниче дѣвица, глаголющи нама: «Възлежить, нъ мало потьрпита». Тогда глаголахъ господи моему Софронию: «Поидивѣ къ Тетрафолу,

в море, и свободно тебе поплывется!» Я же поразмыслил, сказав: «Так что же это будет? Кто такая Мария?» И, так как я не понял этого, снова раздался голос, говоривший: «Сказал я тебе: сбрось Марию в море, и спасетёсь!» Тогда понял я наконец и воскликнул внезапно, громко сказав: «Мария!» Она же лежала на постели своей, да и откликнулась, говоря: «Что хочешь, господин?» Тогда сказал я ей: «Сделай милость, подойди сюда». Она же, встав, подошла, а как подошла, взял ее, и отвел одну в сторону, и сказал ей: «Видишь ли, сестра Мария, какие на мне грехи, из-за меня и все можете погибнуть». Она же, сильно вздохнув, сказала: «Действительно, господин кормчий, я грешница». И снова я ей сказал: «Женщина, какие на тебе грехи?» Она же ответила: «Горе мне, ибо нет греха, которого я бы не сотворила; и моих ради грехов все вы погибнете». И после этого раскрыла и поведала мне женщина, так говоря: «Действительно, господин кормчий, я несчастная и злогрешная! Был у меня муж и двое детей, первый девяти лет, а второй — около пяти. А потом умер муж мой. Жил же по соседству со мною воин, и захотела я, чтобы взял он меня в жены, и послала к нему кое-кого. Воин же сказал: «Не возьму женщину, у которой дети от другого мужа!» Тогда я как услышала, что не хочет меня брать из-за детей, да к тому же и любя его, убила детей своих обоих, несчастная, и сообщила ему, говоря: «Нет у меня больше ребенка, ни единого». Как услышал то солдат, о детях-то, что я наделала, воскликнул: «Жив господь, живущий в небесах! — ибо не возьму ее». Потому испугалась я, что узнают и умертвят меня, да так и убежала». Такое услышав от женщины той, не решился я ввергнуть ее в пучину морскую, но так надумал и сказал ей: «Вот я спускаюсь в лодку, так знай же, женщина: если не тронется корабль, значит — не мои грехи держат его», то же сказал и корабельщикам на корабле. Когда же сошел я в лодку, ничего не случилось, корабль не тронулся с места. Поднялся я тогда на корабль, сказал женщине: «Спустись и ты в лодку», и она спустилась.

И как только она спустилась, тотчас лодка, раз пять перевернувшись, стремительно пошла ко дну и затонула, корабль же поплыл быстро, и за три дня пришли мы, плывя на нем, куда нужно было бы плыть пятнадцать дней!»

Слово 99. Я же и господин мой Софроний пошли в дом мудреца Стефана, чтобы побыть там: был уже полдень. Жил же он по дороге к церкви святой Богородицы, которую создал блаженный папа Евлогий на восток от большого Тетрафола. Когда же постучались мы в дом мудреца, выглянула служанка, говоря нам: «Он еще лежит, немного подождите». Тогда сказал я господину моему Софронию: «Пойдем к Тетрафолу

да ту прѣбудевѣ». Есть же мѣсто Тетрафола зѣло чьстимо от александрѣнъ, глаголють бо, яко мощи пророка Иеремия от Египта възьмъ, Александръ зиждитель ту я положи. Яко же идоховѣ къ Тетрафолу, не обрѣтоховѣ никого же, тъкмо три слѣпьца; полудьне бо бѣ. Идоховѣ же близь слѣпьць, и съ безмлъвиемь и съ мълчаниемь сѣдоховѣ, имуща кънигы наю. Глаголаху бо слѣпьци много, и глагола другъ къ другу: «Воле, ты како бы слѣпъ?» Отвѣща, глаголя: «Корабльникъ бѣхъ, и яко же бѣхъ унъ, и от Африкия пловяхомъ на пучинѣ призьрѣхь ся, и не имы како ся быхъ уцѣлилъ. Бѣльма начяхъ имѣти въ очию моею». Глаголахъ же и другому слѣпьцю: «Ты како же ослъпе?» Отвѣща и онъ, глаголя: «Стькляничьную хытрость бѣхъ имы, и от огня истечение ми бысть обѣма очима моима, и ослъпохъ». Глаголаста же ему и она: «Ты же како бысть слѣпъ?» Отвѣща: «Сущу ми азъ вама глаголю. Егда же бѣхъ унъ, възненавидѣхъ дѣлати зѣло, быхъ же и не спасенъ. И не имѣхъ, откуду ясти — абие же крадяхъ. Въ единъ же от дьнии по сътворении моемь мъного зъла, стоящю ми на мѣстѣ, иде же мучать, и видѣхъ мьртвьць износимъ, добромь покръвена. Идохъ же въ слѣдъ носимааго, да быхъ видѣлъ, къде и хотя погрести. Си же доидоша зади святого Иоана Великааго и положиша и въ гробѣ и отидоша. Азъ же, яко видѣхъ отшьдъшея, вълѣзохъ въ гробъ и съвлѣкохъ ии, въ не же бѣ одѣнъ, оставивъ на немь одину тъчию поняву. Хотящю же ми излѣсти из гроба, възьмъ много зѣло, зълое мое зьдание глагола ми: «Възьми и поняву его, яко красьна есть». Обратих ся, лишеникъ, яко же съвлѣкохъ поневу съ него, да и быхъ нага оставилъ, въздвигъ ся сѣде прѣдъ мьною мьртвьць, и, простьръ обѣ руцѣ свои на мя, пьрсты своими одьра лице мое и изятъ обѣ очи мои. Тогда азъ, лишеникъ, оставивъ вься, съ мъногою бѣдою и скрьбию изидохъ отъ гроба. Се повѣдахъ вамъ и азъ, как быхъ слѣпъ». Се слышавъшема нама, поману ми Софроний и отидоховѣ отъ нихъ, и глагола ми: «Воле, господи и авва Иоаний, не съдѣивѣ дьньсь зъла, вельми бо пользу обрѣтоховѣ», пользу же приимъша, напьсаховѣ, да и вы пользу приимете, яко никъто же творя зъло утаить ся бога.

Слово 119. Тъ же отьць нашь Георгий архимандритъ повѣдаше намъ о аввѣ Иулиянѣ, глаголя: бывъшиимь епискупѣ Вострѣнемъ. Яко егда ити ему отъ манастыря и быти епискупу въ Вьстрѣнѣхъ, нѣкыя богатины того же града, ненавистьници, въсхотѣша отравами погубити и. И прѣглаголаша чьваньчию его, имѣние дающу, и даша ему съмьртьно, да чьванующю митрополиту, вложить отраву въ чашю его. Отрокъ же яко наученъ бысть, тако сътвори, и, придавъ чашю, отрокъ божьствьнуму Иулияну отраву възятъ. И отъ бога разумѣвъ съвѣту, иже сътвориша, възьмъ чашю, постави ю

да там и побудем». Тетрафол — место, очень чтимое александрийцами, говорят даже, что мощи пророка Иеремии, в Египте взяв, Александр, основатель города, тут положил. Пока шли мы к Тетрафолу, не встретили никого, только трех слепцов, ибо был полдень. Прошли мы вблизи слепцов и в безмолвии и в молчании сели, раскрыв наши книги. Слепцы же много говорили и расспрашивали друг друга: «Ну-ка, как ты ослеп?» Отвечал один, говоря: «Я был моряком, и, когда был молод, плыли мы от Африки морем, занедужил глазами и не знал, как исцелиться. Бельма появились в глазах моих». И спросил другого слепца: «А ты как ослеп?» Отвечал и тот, говоря: «Был я стеклодувом, и вытекли от огня оба моих глаза, и ослеп я». Спросили они и третьего: «Ты же как ослеп?» Отвечал он: «Раз уж я здесь, то расскажу вам. Будучи юным, очень презирал я работу, потому и не спасся от беды. Не знал я, где достать еды — тотчас же крал. В один из дней, уже наделав много зла, когда стоял я на месте, где казнят, увидел, как выносят мертвеца, богато накрытого. Пошел я вслед покойному, чтоб посмотреть, где его погребут. Итак, зашли они за церковь святого Иоанна Великого, и положили его в склепе, и отошли. Я же, как увидел ушедших, влез в гробницу и снял одежду, в которую был тот одет, оставив на нем одно лишь покрывало. Когда же хотел я покинуть склеп, взяв уже очень много, злое мое естество подсказало мне: «Возьми и покрывало его, уж очень красиво». Повернулся я, несчастный, и лишь только снял с него погребальное покрывало, оставляя его нагим, как, поднявшись, сел предо мною мертвец и простер обе руки свои ко мне, пальцами оцарапал мне лицо и выдрал оба глаза мои. Тогда я, несчастный, оставив все, в великой беде и печали вышел из склепа. Вот рассказал я вам, как и я ослеп». Когда мы услышали это, поманил меня Софроний, и отошли мы от них, и сказал мне: «Ну-ка, господин и отец Иоанн, не совершим же сегодня недоброго, ибо большое благо сыскали»; пользу же получив, записали, чтобы и вы это восприняли: никто из творящих зло не утаится от бога.

Слово 119. Тот же отец наш, Георгий-архимандрит, поведал нам об отце Юлиане, рассказав, как был он епископом в Востренах. Когда пришлось идти ему из монастыря, чтобы стать епископом в Востренах, некие вельможи этого города, недоброжелатели, захотели отравой погубить его. И подговорили виночерпия его, посулив мзду, и дали тому яд, чтобы, прислуживая митрополиту, всыпал отраву в чашу его. Слуга, как научен был, так и сделал, и, положив в чашу, слуга божественному Юлиану отраву поднес. Но от бога постигнув заговор, который содеяли, взяв чашу, поставил Юлиан ее

предъ собою, ничьсо же рѣхъ бьхъма отрочищю и, пустивъ, призва богатины, въ ни же бѣша и иже на нь съвѣтъ сътвориша. Божьствьный же Иулиянъ, не хотя обличити сътворьшихъ, кротъко глагола вьсѣмъ: «Аще мьните съмѣренааго Иулияна отравлениемь уморити, се предъ вьсѣми вами испиваю». И, знаменавъ тришьды чашю прьсты своими и, рекъ: «Въ имя отьца и сына и святого духа испиваю сию чашю», и предъ вьсѣми испивъ ю,— без врѣждения пребысть. И, видѣвъше, поклониша ся ему до земля.

Слово 134. Яко отъ единого попьрища святого Иердана рѣкы лавра есть, авва Герасима нарицаема. Въ ту лаврю прѣходящемъ намъ повѣдаша сѣдящии ту старьци о аввѣ Герасимѣ, яко ходя единою по блату святого Иердана, усърѣте и львъ, зѣло рыдая отъ ногы своея; имяше бо трьстяну трѣску, уньзъшю ему. Яко отъ сего отещи ему нозѣ и плънѣ гноя быти. Яко же узьрѣ львъ старьца, показаше ему ногу, яже бѣ язвьна отъ уньзъшая порѣзи, плачя ся яко и нѣчьсо и моля ся ему, исцѣленъ от него быти. Яко же видѣ и старьць въ такой бѣдѣ, сѣдъ и имъ и за ногу и роздвигъ мѣсто, изя трьсть съ мъногомь гноимь. И, добрѣ очистивъ струпъ и обязавъ платомь, пусти и. Львъ же ицѣленъ по семь не оста старьца, нъ яко свой ученикъ, ямо же идяаше ему, яко чюдити ся старьцю, толику разуму звѣри, и прочее. Оттолѣ старьць питаше и, помеща ему хлѣбъ и мочена сочива. Имяше же та лавра одинъ осьлъ, на немь же приношааше воду въ потрѣбу отьцемъ святого Иердана, отнюду же пиють воду; отстоить же от лавры рѣка попьрище одино. Обычай же имяху старьци даяти льву, да ходить и пасеть и по краю святого Иердана. Одиною же пасомъ осьлъ отъ льва, отиде отъ него не маломь отшьствиемь. И се мужь съ вельблуды отъ Аравия иды и обрѣтъ и поятъ и въ своя си. Львъ же, погубивъ осьла, приде въ лавру зѣло унывъ и дряхлъ къ авва Герасиму. Мьняше же авва Герасимъ, яко изѣлъ есть осьла львъ, глагола ему: «Къде есть осьлъ?» Сь же, яко человѣкъ, стояше млъчя и долу зьря. Глагола ему старьць: «Изѣлъ ли и еси? Благословенъ господь, еже творяше осьлъ, отселѣ тебѣ есть творити». Отътолѣ же млъвльшю старьцю ношаше канпилий комърогы имущь четыри и приношаше воды. Приде же одиною воинъ молитвы дѣля къ старьцю и, видѣвъ льва, носяща воду и увѣдѣвъ вину, помилова й, и, выньмъ три златьникы, дасть старьцемъ, да купять осьлъ въ потрѣбу себѣ и свободять отъ таковыя работы льва. Вельблудьникъ же, иже бѣ осьла поялъ, идяше пакы пьшеницю продаять въ святый градъ, имы осьлъ съ собою. И прѣшьдъ святого Иердана, усърѣте ся по сълучаю съ львомь, и видѣвъ и, оставивъ вельблуды, бѣжа. Львъ же, познавъ осьлъ, тече къ нему и усты имъ и, яко же бѣ обыклъ,

пред собою, совершенно ничего не сказал слуге, и, послав, призвал он вельмож, среди них и тех, которые на него устроили заговор. Божественный Юлиан, не желая обличать заговорщиков, кротко сказал всем: «Коли надеетесь смиренного Юлиана уничтожить отравой, вот перед всеми вами и пью». И, перекрестив трижды чашу перстами своими, и сказав: «Во имя отца и сына и духа святого пью эту чашу», и выпив ее перед всеми,— остался он невредим. И видевшие это поклонились ему до земли.

Слово 134. В одном поприще от святого Иордана-реки есть лавра, называемая лаврой отца Герасима. Когда перешли мы в ту лавру, рассказали нам живущие тут старцы об отце Герасиме, как ходил он однажды по болоту у Иордана, и встретил его лев, громко ревевший из-за лапы своей: вонзилась в нее тростниковая щепка. От этого распухла лапа и наполнилась гноем. Как увидел лев старца, показал ему лапу, пораненную вонзившейся занозой, плача и как бы умоляя его исцелить. Как увидел старец его в такой беде, сел и, взяв его за лапу, раздвинул рану и вынул тростинку с обильным гноем. Хорошо очистив язву и завязав ее платком, отпустил его. Исцеленный же лев потом не оставил старца, но, как ученик, куда бы ни шел тот, следовал за ним, так что дивился старец и впоследствии такому разуму зверя. С тех пор старец кормил его, бросал ему хлеб, давал чечевичную похлебку. Был же в той лавре один осел, на котором приносили воду для нужд святых отцов из святого Иордана, откуда пьют воду; отстоит же от лавры река в одном поприще. Вошло у старцев в обычай льва посылать, чтобы ходил он и пас осла по краю святого Иордана. Однажды, пасясь, отошел осел ото льва довольно далеко, и вот человек с верблюдами, из Аравии идущий, нашел его и взял с собою. Лев же, утратив осла, вернулся в лавру, очень печальный и угрюмый, к отцу Герасиму. Решил же отец Герасим, что съел осла лев, и спросил: «А где осел?» Тот же, подобно человеку, молча стоял, глядя в землю. Сказал ему старец: «Съел ли его ты? Благословен господь: все, что делал осел, отныне делать тебе». С тех пор, как и сказал старец, таскал он короб с четырьмя кувшинами и приносил воду. Пришел же однажды воин к старцу молиться и увидел льва, носящего воду, а узнав причину, сжалился над ним и, вынув три золотых, дал старцам, чтобы купили осла для своих надобностей и освободили бы от такой работы льва. Владелец же верблюдов, который похитил осла, вновь возвращался, чтобы продать пшеницу в святом граде, и осел был при нем. Перейдя святой Иордан, случайно тот встретился с львом: увидел его и, оставив верблюдов, бежал. Лев, признавши осла, помчался к нему и, взяв его пастью за холку, как делал обычно,

ведяше и-съ трьми вельблуды, радуя ся въкупѣ и зовы, яко осьла, его же погуби, обрѣтъ, приведе и къ старцю. Старьць бо мьняше, яко львъ изѣлъ осьла. Тогда старьць, увѣдѣвъ, яко облъганъ бысть львъ, положи же имя льву Иерданъ. Сътвори же въ лаврѣ львъ вяще пяти лѣтъ, не отлучая ся отъ него присно. Егда же къ господу приде авва Герасимъ и отьци погребены бысть, по съмотрению божию львъ не обрѣте ся въ лаврѣ. По семь же мало приде львъ въ лавру и искаше старьца своего. Авва же Севатий киликъ, ученикъ авва Герасима, видѣвъ и, глаголаше ему: «Иердане, старьць нашь остави насъ, сиры, и къ господу изиде,— нъ възьми ѣжды». Львъ же ѣсти не хотяше и начатъ стоя очима своима сѣмо и онамо чясто възирати, ища старьца своего, рикая вельми и не трьпя отъчаяти ся. Авва же Севатий и прочии старьци, гладяще и по хрьбьту, глаголаху: «Отиде старьць къ господу, оставивъ ны». Ни тако имъ глаголюще къ нему, не можяху его отъ въпля и от рыдания уставити. Нъ елико же мьняху его словомь утѣшити и прѣмѣняти, толико же онъ паче рыдаше и въпля больша движаше, и рыданию притваряше, показая гласы и измѣнуя гласы,— и лицьмь, и очима печаль, юже имяше, не видя старьца. Тогда глагола ему авва Севатий: «Поиди съ мьною, поне же не имеши намъ вѣры, и покажю ти, къде лежить нашь старьць». И поимъ веде и, иде же бѣша погребли его. Отстояше же отъ церкве полъ попьрища. Ставъ же авва Севатий врьху гроба авва Герасима, глагола льву: «Се старьць нашь сьде погребенъ бысть». И прѣклони колѣнѣ авва Саватий врьху гроба старьча. Яко же слыша львъ и видѣ, како поклони ся авва Саватий врьху гроба и плакаше ся, поклони ся и сь, и, ударяя главою о землю зѣло и ревы. И тако абие скоро умретъ врьху гроба. Се же вьсе бысть не яко душю словесьну имѣюща, нъ яко богу хотящю славящимъ его прославити не тъкмо въ житии семь, нъ и по съмрьти, и показати намъ, како повиновение имяаху звѣрие къ Адаму прѣжде ослушания его заповѣди и еже въ породѣ пища.

Слово 148. Повѣда намъ авва Данилъ старьць отъ Егупта, глаголя, яко възиде старьць одиною въ Терфинъ рукодѣлания своего продаятъ. Уноша же нѣкъто моляше старьца, глаголя: «Бога дѣля, калогере, поиди въ домъ мой и сътвори надъ женою моею молитву, зане неплоды есть». Старьць же, понуженъ отъ уноша, иде въ домъ его, и сътворь молитву женѣ его. И богу въсхотѣвъшю имяше жена въ чревѣ. Нѣции же мужи, не бояще ся бога, начяша облъгати старьца, и глаголати, яко уноша бещадьнъ есть, нъ отъ авва Данила брежа есть жена. Приде же слухъ къ старцю и възвѣсти старьць мужю жены: «Яко егда родить жена твоя, възвѣсти ми». Егда же роди жена, възвѣсти ему уноша въ скутъ рекы: «Бога дѣля

привел — с тремя верблюдами, одновременно и радуясь, и возглашая, что осла, которого потерял, отыскав, привел к старцу. Старец же думал, что лев съел осла. Тогда старец, узнав, что оболган был лев, дал имя льву Иордан. Находился же в лавре лев свыше пяти лет, не отлучаясь из нее никогда. Когда же к богу отправился отец Герасим и погребен был отцами, по божьему усмотрению не было в лавре льва. Немного спустя вернулся он в лавру и искал старца своего. Отец Севатий, ученик отца Герасима, киликиец, увидя его, сказал: «Иордане! Старец наш оставил нас, сирот, и отправился к господу,— но возьми и поешь!» Лев же есть не хотел и начал, стоя, глазами своими туда и сюда часто поводить, ища старца своего, громко рыча, но не теряя надежды. Отец же Севатий и прочие старцы, гладя его по спине, говорили: «Отошел старец к господу, оставив нас». Но хотя ему так они говорили, не могли его от воплей и рыдания отвратить. Только думали его словом утешить и успокоить, как он лишь пуще рыдал, и вопли сильней испускал, и стоны издавал, перемежая их криками,— и мордой, и глазами выражая печаль, какую испытывал, не видя старца. Тогда сказал ему отец Севатий: «Пойди со мною, потому что не веришь нам, и покажу тебе, где лежит наш старец». И взяв, повел его туда, где того погребли. Находилось это от церкви за полпоприща. Став над могилой отца Герасима, отец Севатий сказал льву: «Вот, старец наш здесь погребен был». И преклонил колени отец Севатий над гробом старца. Лишь услышал лев и увидел, как склонился отец Севатий над гробом, оплакивая, наклонился и он, сильно ударяя головою о землю и ревя. И так очень скоро умер над гробом. Все это было с бессловесной душой, как если бы бог желал прославить его почитающих не только в сей жизни, но и после смерти, и показать нам, как повиновались звери Адаму до ослушания им божеской заповеди и до лишения блаженства в раю.

Слово 148. Поведал нам отец Данил, старец из Египта, рассказав, как вышел однажды старец в Терфин, чтобы продать плоды своих трудов. А некий юноша умолял старца, говоря: «Ради бога, отец, пойди ко мне в дом, помолись над моею женою, так как бесплодна она». Понуждаемый юношей, старец пошел в его дом, сотворив жене его молитву. И когда бог пожелал, женщина зачала. Некие же люди, не боясь бога, начали клеветать на старца и говорить, что юноша бездетен, и от отца Данила беременна его жена. Дошел слух до старца, и попросил старец мужа женщины: «Когда родит твоя жена, сообщи мне». Когда же родила женщина, дал знать ему юноша тайно, говоря: «Благодаря богу

и молитвъ твоихъ, отьче, дѣтищь ны ся роди». Тогда авва Данилъ глаголаше къ уноши: «Сътвори бракъ крыщению и призови родъ твой и другы твоя». И яко же обѣдоваху, възьмъ старьць дѣтищь въ руцѣ свои предъ вьсѣми, глагола отрочяти: «Къто есть отьць твой, дѣтищю?» Глагола дѣтищь тако, показа прьстомь ручьныимь уношю. Бѣ же дѣтищь дьни 12.

Слово 234. Глаголаше Саватий рекы, яко: «Сѣдохъ въ лаврѣ отьца Фирьмина, приде разбойникъ къ отьцю Зосимѣ и моляше старьца, рекы: «Сътвори любъвь бога ради, имь же мънога убийства сътворилъ, да мя бы чрьноризьца сътворилъ и умлъкъ быхъ, и осталъ ся своего зъла». Старьць же, наказавъ и, сътвори чрьноризьца, давъ ему и образъ. Потомь же скоро рече старьць: «Ими ми вѣру, чядо, яко сьде прѣбывати не можеши, аще бо тя услышить кый кънязь, то иметь тя и глаголющеи на тя побьють тя. Нъ послушай мене и веду тя въ манастырь подаль отсуду». И веде и въ Дорофеовъ манастырь въскрай Газы. И сътвори ту 9 лѣтъ, и навыче Пьсалтырь и вьсь строй чрьньчьскыи, и пакы възиде къ старьцю въ Фирмине мѣсто и рече ему: «Господи, отьче, сътвори въ милость и дажь ми ризы моя мирьскыя, и възьми си чрьноризьчьскыя». Старьць же съжали си, рече къ нему: «Чьсо ради, чядо?» Отвѣща ему братъ, рекы: «Се, яже вѣси, отьче, 9 лѣтъ имамь въ манастыри, и, елико же могы, алъкахъ и въздрьжахъ ся, и съ вьсѣмъ млъчаниемь и страхомь божиемь жихъ, повинуя ся. И вѣдѣ же, яко благыни его приятъ мя мъногымь моимь зъломь. Обаче вижю присно въ сънѣ, въ црькви и яко поиду комъкати, и въ обѣдьници — дѣтищь глаголющь ми: «Почьто мя еси убилъ?» И ни въ единъ часъ не попустить ми. Сего ради убо хощю ити, отьче, да дѣтища ради умьру, без ума бо и убихъ». И, възьмъ ризы, облѣкохъ ся въ ня, изиде из лавры, и, яко приде къ Диополу граду, другый дьнь яша и убиша и».

Слово 258. Глаголаше намъ и се о томь же *тъ же* Дионисий прозвутеръ, яко одиною хожаше старьць въ прѣдѣлѣхъ Сохуста села, еже ему бѣ и пещера. И ходя велика льва узьрѣ противу идуща. И идяше путьмь тѣснъмь зѣло межю дъвѣма огражениема, яко же е обычай дѣлателемъ огражавати нивы своя, търъновьная дрѣва садяще. И толику тѣсноту путь имѣ, яко единому комужьдо пѣшему ничьсо же носящю одъва проити; поне же отсудѣ трьние бѣ ся сърасло, и неудобь яко хотяще путьмь минути мимо ходящю ему. Яко же другъ друзѣ приближиста ся старьць же и львъ, старьць ся увративъ въ распутие уступити льву: ни за тѣсноту пути львъ можаше съвратити ся, ни минути ся има бѣ льзѣ. Видѣвъ же львъ, божия угодьника проити хотяща и никако же обратити

и молитвам твоим, отче, младенец родился у нас». Тогда отец Данил попросил юношу: «Устрой пир в честь крещения, созови твоих родственников и друзей». И во время обеда перед всеми взял старец младенца на руки, спросив его: «Кто здесь отец твой, младенец?» И ответил младенец этот, пальцем руки указав на юношу. Было же ему всего двенадцать дней.

Слово 234. Рассказывал Савватий, говоря: «Был я в лавре отца Фирмина, пришел разбойник к отцу Зосиме и умолял старца, говоря: «Сделай милость бога ради! Совершил я множество убийств, позволь мне быть монахом, и прекратил бы я, и отстал бы я от своего зла». Старец же, прочтя ему наставление, поставил его черноризцем, подавая ему пример во всем. Но вскоре же сказал старец: «Верь мне, чадо, что здесь ты оставаться не можешь, ибо если услышит о тебе какой-нибудь правитель, то схватит тебя, и обвиняющие тебя убьют. Но послушай меня: отведу тебя в монастырь, подальше отсюда». И отвел его в Дорофеев монастырь возле Газы. И провел он тут девять лет, изучил Псалтырь и всю монашескую службу, и снова вернулся к старцу в фирминскую лавру, и сказал ему: «Господи, отче, сделай милость и верни мне одежды мои мирские, возьми себе монашеские». Старец же опечалился и молвил ему: «Зачем, чадо?» Отвечал ему брат, говоря: «Вот, как ты знаешь, отче, девять лет я в монастыре, и, насколько мог, я постился и воздерживался, и в полном молчании и в страхе божьем жил, повинуясь. И познал я, что благость бога меня приняла со всем моим злом. Однако вижу всегда — и во сне, и в церкви, и как пойду причащаться, и за едой — младенца, спрашивающего меня: «За что ты меня убил?» И ни на один час не отпускает меня. Вот почему и хочу я, отче, идти, чтоб умереть за младенца, ведь я и убил-то его бессмысленно». И, взяв одежды, облекся в них и покинул лавру, а как пришел в город Диапол, на другой день схватили и убили его».

Слово 258. Рассказывал нам о том же и тот же Дионисий-пресвитер, как однажды ходил старец по полю Сохусты, где и была его пещера. И двигаясь, увидел огромного льва, навстречу идущего. А шел он очень узкой дорогой между двумя изгородями, ибо принято было у земледельцев огораживать свои поля, терновые кусты насаживая. Дорожка была настолько узкой, что лишь одному пешему, ничего не несущему, едва пройти: поскольку терновник сильно разросся и нельзя было разминуться при встрече, если кто-то проходил мимо. Когда же сблизились друг с другом старец и лев, старец отклонился на перекрестке, чтобы уступить льву: из-за узости дороги ни лев не мог пройти, ни разминуться им нельзя было. Увидев, что божий угодник хочет пройти и никак

ся хотяща, на задьнею ногу ставъ простъ ошюю старьца и граждения, и тяжьствомь и силою тѣлесьною мало пространьство сътворивъ, бес пакости правьдьнуму путь сътвори. И тако мину старьць, задьнихъ прикасай ся льву, и по миновении его въставъ львъ отъ гражения *своимъ* путьмь отиде.

Слово 266. Въ самомь островѣ повѣда намъ боголюбивая и нищелюбивая Мария, мати Павля канъдита, глаголющи, яко: «Егда бѣхъ въ градѣ Ниесиви, бѣ ту жена крьстияна, имущи мужа елина. Бѣста же убога, имяста же серьбрьниць великыхъ 50. Одиною же рече мужь женѣ своей, яко: «Дадивѣ сребрьникы сия въ заимъ, да понѣ малу утѣху имавѣ отъ нихъ. Аще ли по единой изъмъ я, и не будеть ихъ». Отвѣщавъши же жена та добрая, глагола ему: «Аще велиши дати я въ заимъ, прѣдажь я въ заимъ богу крьстьяньску». Глагола ей мужь: «То къде е богъ крьстьяньскъ, да ему давѣ въ заимъ?» Глагола ему жена: «Азъ тобѣ и покажю, аще бо сему даси въ заимъ, не тъчию не погубиши ихъ, нъ и лихвы тебѣ подасть, и главьства усугубить». Онъ же рече ей: «Пойди покажи ми, и дамь ему въ заимъ». Она же, поимъши мужа своего, веде и въ црькъвь святую. Имать же цьркы Нисийская пятера врата великая: яко же въведе и въ врата црькъвьная, иде же суть великыя двьри, показа ему нищая рекъши ему: «Симъ аще подаси, богъ крьстьянь се въземлеть, вьси бо си того суть». Онъ же абие съ радостию подасть *три десяти* сребрьникъ убогымъ, и идоста въ домъ свой. По трьхъ же месяцихъ оскудѣвъшема пищами, глагола мужь женѣ: «Сестро, не хоще ли богъ крьстьяньскъ подати нама ничьсо же отъ длъга оного?» Отвѣщавъши же, жена рече ему: «Еи, иди иде же еси положилъ и подасть ти съ вьсею волею». Онъ же, текы, иде въ святую црькъвь и бывъ на мѣстѣ, иде же сребрьниця дасть *убогымъ;* и, походивъ црькъвь вьсу, сумьняся видѣти, не видѣ никого же, хотяща ему чьто подати, нъ тъчию едины убогыя сѣдяща. Пакы мыслящю ему въ себѣ: «Кому рещи? кого истяжеть?» — видѣ прѣдъ ногама своима на мороморѣ одину сребрьницю велику лежащю, отъ нихъ же бѣ раздаялъ братии. Прѣклонивъ ся, възьмъ ю, иде въ домъ свой и глагола женѣ своей: «Ходихъ въ црькъвь вашю, вѣру же ми ими, жено, не видѣхъ, яко же ты ми рече, бог крестьяньска, и никто же ми дасть ничьто же, тъчию сию сребрьницю обрѣтохъ, лежящю ту, иде же азъ дахъ 50 сребрьникъ». Тогда рече ему чюдьная та жена: «Тъ есть, иже невидимо тебѣ подасть, невидимъ бо есть и невидимою силою и рукою миръ строить. Нъ иди, господи мой, купи намъ нѣчьто да ѣмы дьньсь, и тъ пакы дасть тебѣ». Онъ же шьдъ купи *имъ* хлѣбы и вина и рыбы и принесъ дасть женѣ своей. Она же възьмъши рыбу, начятъ ю омывати и,

не желает возвращаться, лев, доверчиво на задние лапы став слева от старца и изгороди, тяжестью тела и силой образовал небольшой проход, безвредно праведному проделал дорогу. И так прошел старец, к задним ногам прикасаясь льва, а потом и лев, отойдя от изгороди, своим путем пошел.

Слово 266. На острове Самосе поведала нам боголюбивая и нищелюбивая Мария, мать кандидата Павла, говоря: «Когда была я в городе Ниесевии, жила там женщина-христианка, имевшая мужа язычника. Жили же они бедно, но было у них пятьдесят больших сребреников. Однажды сказал муж жене своей: «Отдадим сребреники эти взаймы, по крайней мере, какую-то пользу получим от них. А если по одному их истратим, то не станет их вовсе». Отвечая, та добрая женщина сказала ему: «Если велишь отдать их взаймы, передай их взаймы богу христианскому». Сказал ей муж: «Где же тот бог христианский, чтобы дать ему взаймы?» Ответила ему жена: «Я тебе покажу его; если же этому богу дашь ты взаймы, не только не потеряешь деньги, но с процентами тебе их вернет и капитал приумножит». Он же попросил ее: «Пойди, покажи мне, и дам ему взаймы». И она, взяв мужа своего, повела его в святую церковь. Есть же в церкви Ниесевийской пять огромных притворов; и как ввела его в притворы церковные, где огромные двери, показала ему нищих, промолвив: «Если этим отдашь, бог христианский возьмет сие, ибо все они — божьи слуги». И он тотчас с радостью подал пятьдесят сребреников убогим, и вернулись оба домой. Но через три месяца, как кончилась у них еда, сказал муж жене: «Сестра! Не желает ли бог христианский вернуть нам что-нибудь из того долга?» Отвечая, жена сказала ему: «Да! иди туда, где положил, и подаст он тебе с полным желанием». Он же, торопясь, пришел в святую церковь и стал на месте, где отдал нищим сребреники; и, обойдя всю церковь, усомнился, не видя никого, кто хотел бы подать что-нибудь, одних лишь сидящих нищих. Но лишь снова подумал он про себя: «Кому сказать? с кого стребовать?», как увидел под ногами своими на мраморе один большой сребреник, из тех, что он роздал нищим. Наклонившись и взяв его, вернулся домой и сказал жене своей: «Ходил я в вашу церковь, поверь мне, жена, не видел я бога христианского, как ты обещала, и никто мне не дал ничего, только этот сребреник нашел я лежащим там, где сам я роздал пятьдесят сребреников». Тогда сказала ему та удивительная женщина: «Он есть тот, кто невидимо подал тебе, ибо невидим он и незримою силою и рукою мир созидает. А теперь иди, господин мой, купи нам что-нибудь, чтобы поесть сегодня; он же снова подаст тебе». Тот же, пойдя, купил хлеба, и вина, и рыбы и, вернувшись, дал жене своей. А она, взяв рыбу, начала ее мыть и,

роспоръши ю, обрѣте утрь въ ней камыкъ зѣло чюдьнъ. Яко женѣ почюдити ся ему, тъчию не вѣдяше, чьто есть, обаче съхрани и. Пришьдъшю же мужю ея, ядущемъ имъ, показа камыкъ, его же обрѣте, глаголющи: «Се сь камень обрѣтохъ въ рыбѣ». Онъ же, видѣвъ, чюди ся добротѣ его, не вѣдя же, чьто есть. Глагола ей *ядъшемъ* имъ: «Даждь ми, да продамь и шьдъ, аще бо обрящю на немь, чьто възяти». Не вѣдяше бо, яко же рѣхъ, чьто е невѣжа сы. Възьмъ же камыкъ, иде къ трапезьнику, еже есть сребропродавьчи: «Хощеши ли купити камыкъ сь?» Видѣвъ же и сребропродавьчи, глагола ему: «Чьто хощеши на немь възяти?» Глагола ему продаяй: «Дажь, еже хощеши». Глагола ему онъ: «Възьми пять сребрьникъ». Продаяй же, мьнѣвъ, яко играеть ему, глагола ему то: «Даси ли селико на немь?» Сребропродавьчии же сребро, мьнѣвъ яко ругаеться, тако отвѣщавъ, глагола ему: «То възьми 10 сребрьниць». Продаяй же мьнѣвъ, пакы имь луковати, умлъча. Глагола сребродавьчи: «Възьми 20 сребрьникъ на немь»; онъ же млъчаше, ничьсо же отвѣщавая, яко и до 30 и до четыръ десятъ и до 50 сребрьникъ възиде сребропродавьчии. Сии хотя дати, кльняше ся въ истину. Тогда продаяй, пришьдъ въ ся, помысливъ, яко аще бы сему не бы велика цѣна была, пятидесятъ сребрьникъ не бы далъ на немь. Начя же паче тяжьчити е, помалу же сребропродавьчии възнося дасть ему до три сътъ сребрьникъ великъ. И се възьмъ и камень давъ, приде къ женѣ, радуя ся. Она же, видѣвъши, рече ему: «На колицѣ прода?» — мьнѣвъши, яко или на пяти, или на 10 мѣдьниць продасть и. Онъ же изнесъ три съта сребрьникъ великъ, дасть ей, рекы: «На толицѣ продано бысть». Она же человѣколюбивуму богу, чюдивъши ся, благовѣсти, глагола къ нему: «Вижь, мужю, богъ крьстьяньскъ коль есть благъ, и благоразумьливъ, и богатъ. Видиши ли, яко не тъчию 50 сребрьникъ, нъ и лихву тебѣ далъ есть, въ заимъ ему давъшю, нъ въ мало-дьнъ шестерицю тебѣ дасть. Вѣжь же, яко нѣсть бога иного на земли и небеси, нъ тъ единъ». Вѣру же имъ, симъ чюдесемъ и искушениемъ навыкъ истинѣ, бысть крьстиянинъ абие и прослави Христа бога нашего съ отьцьмь и святымь духомь, много хваля съмысльство своея жены, ею же бысть ему дано въ истину бога познати».

Слово 270. Идохомъ въ Аскалонъ, въ гостиницю отьць, и повѣда намъ авва Евьсевий прозвутеръ, яко купьць града сего, плувъ и потубивъ своя и чюжая, самъ тъчию спасенъ бысть. Пришьдъ же сѣмо, ятъ бысть отъ давъшихъ въ заимъ ему, въсаженъ бысть въ тьмьницю и разграбиша домъ ему. И въ нихъ же хожаше жена ему, она же отъ мънога сътужения тѣснотою заповѣдь възимааше, да понѣ хлѣбомь питаеть мужа. Сѣдящи же ей

вспоровши ее, нашла внутри рыбы камень, весьма удивительный. Жена лишь подивилась ему, не зная, что это, но сохранила его. Когда же вернулся ее муж, за едой показала она камень, который нашла, говоря: «Вот этот камень нашла я в рыбе». И он, посмотрев, дивился его красоте, также не зная, что это. После того, как они поели, сказал он: «Дай мне, пойду продам его; может быть, и дадут за него что-нибудь». Ибо не ведал, как я сказал, этот невежда, что это такое. Взяв камень, пошел он к меняле, который торговал и серебром: «Хочешь ли купить камень этот?» Увидев камень, торговец серебром сказал ему: «Что хочешь за него взять?» Ответил ему продающий: «Дай сколько хочешь», и ответил ему меняла: «Возьми пять сребреников». Продающий же, думая, что шутит он над ним, спросил: «Да дашь ли столько за камень?» Торговец же серебром, полагая, что тот так негодует, отвечая, сказал: «Ну, возьми десять сребреников». Продающий же, решив, что снова над ним смеются, промолчал. Сказал торговец: «Возьми двадцать сребреников за него»; тот снова молчал, ничего не отвечая, пока и до тридцати, и до сорока, и до пятидесяти сребреников не поднял цену торговец серебром. Клялся он, что взаправду хочет так дать. Тогда продающий, придя в себя, подумал, что, если бы камню не была велика цена, пятидесяти сребреников за него бы не дали. Начал он снова наценивать камень, и, постепенно цену все увеличивая, дал ему торговец триста больших сребреников. Взяв их и камень отдав, пришел тот к жене своей, радуясь. Она же, увидев это, спросила: «За сколько продал?» — думая, что или за пять, или за десять медных монет продал его. Он же вынул триста больших сребреников, отдал ей, сказав: «За столько продано было». Та же, человеколюбивого бога дивясь благости, сказала мужу: «Видишь, муж, бог христианский сколь благ, и благоразумен, и богат. Видишь ли, что не только пятьдесят сребреников, но с процентами дал тебе, взаймы ему давшему, в малый срок в шесть раз тебе воздал. Знай же, что нет бога иного на небесах и на земле, но только этот один». И принял он веру, этим чудом и опытом наученный истине, стал христианином тотчас же и прославил Христа бога нашего с отцом и святым духом, много похваляя мудрость своей жены, ибо благодаря ей дано было ему воистину бога познать».

Слово 270. Пришли мы в Аскалон, в гостиницу при лавре, и поведал нам отец Евсевий, священник, как купец из этого города, плывя, потерял и свое, и чужое, сам лишь спасен был. Вернувшись сюда, схвачен был заимодавцами, посажен в темницу, а дом его был разграблен. И в темнице посещала его жена, которая, придя в большую печаль от нужды, испросила разрешения хотя бы хлебом кормить мужа. Сидела она

единою и ѣдущи съ мужьмь въ тьмьници, вьниде великъ чьстьнъ мужь — дати хотя благотворьство въсаженымъ, и, узьрѣвъ свободьну жену, съ своимь мужьмь сѣдящю, упаде ся на ню, бѣ бо красьна зѣло. И възвѣсти ей тьмьничьникомь. Она же съ радостию приде, мьнящи любъвь възяти, и поимъ ю одину, рече ей: «Чьто ти е и почьто еси сьде?» И повѣда ему вьсе. Глагола ей: «Аще искуплю вы длъгу, ляжеши ли съ мною въ сию нощь?» Въ истину красьна и съмысльная глагола ему: «Слышахъ, владыко, апостола, глаголюща, яко жена не владеть своимь тѣлъмь, нъ мужь. Пожиди же, владыко, да въпрошю мужа моего, и, яко же рече, сътворю». И пришьдъши, повѣда мужю вься. Онъ же, плънъ сы разума и съмотрения своей женѣ не въстъща ся, да бы избылъ тьмьниця, нъ въздъхнувъ, съ сльзами рече женѣ своей: «Иди, сестро, отрьци ся человѣкови, и надѣевѣ ся господи нашемь Исусѣ Христѣ, яко не оставить насъ до коньчины». И въставъши отпусти человѣка рекъши: «Рѣхъ мужю моему, то не рачи». Въ то же врѣмя бѣ земьникъ въ ту же тьмьницю и прѣже *даия* купьчя. И вься съблюдаше и слышаше жены и мужа, и въздъхну, въ себѣ глаголя: «Вижь, в какой напасти сия еста, и свободы своея не продаста имѣния дѣля възяти и пущенома быти, нъ съмысльство паче богатьства избьраста и о сей жизни не родиста. То чьто сътворю азъ, страстьны, иже николи же въ разумѣ своемь помянувъ, яко аще богъ, сего дѣля и разбою быхъ достоинъ». И призъвавъ къ себѣ двьрцами клѣтьца, иде же бѣ въсаженъ, глагола имъ: «Азъ разбойникъ есмь и разбою виньнъ, и въ нь же часъ придеть игемон, умерети имамь, яко убийца. Видѣвъ же съмысльство ваю, съмѣрихъ ся. Нъ идѣта на се мѣсто стѣны градьскыя и, копавъша, възьмѣта имѣние, еже обрящета. Имата и по искуплении, и ино мъного благословение, и молита за мя, да обрящю и азъ милость». И по дьньхъ пришьдъ игемонъ, повелѣ разбойника извести и заповѣда юсѣкнюти его. И по единомь дьни глагола жена мужю: «Велиши ли, господи мой, да иду, ямо же рече разбойникъ? Аще буде истиньствовалъ?» Онъ же рече: «Яко ти годѣ». Она же, възьмъши малу мотычицю вечеръ и, ставъши на мѣстѣ и копавъши, обрѣте грьньць открьвенъ, и, вьзьмъши, иде. И мудростию начьнъши помалу, малы дающи, яко отъ сего и отъ иного приемлущи, искупи ся и изведе мужа своего. И глаголаша повѣдавъй: «Вижь, яко же съхраниста си заповѣдь господа нашего Исуса Христа,— тако и сь увеличи милость свою на нею».

Слово 271. Повѣдаше намъ Афанасий, иже въ Зимархѣ антиохѣнинъ, глаголя о аввѣ Врохатѣ егуптѣнинѣ, яко пришьдъшю ему от Егупта вь Селеукия, близь Антиохия, обрѣте вънѣ града мѣсто пусто, искаше себѣ сътворити малу клѣтьцю.

однажды и ела с мужем в темнице, как вошел знатный вельможа, желавший оказать милости узникам, и, увидев свободную женщину, рядом с мужем сидящую, ею увлекся, ибо была она очень красива. И позвал ее через тюремщика. Она же с радостью пришла, думая получить милость, но, оставив ее одну, сказал ей вельможа: «Кто ты и почему здесь?»,— и поведала ему все. Он предложил: «Если выкуплю ваш долг, ляжешь ли со мною в эту ночь?» Воистину красивая и мудрая ответила ему: «Слышала я, господин, апостол говорил, что жена не владеет своим телом, но муж. Подожди здесь, господин, спрошу я мужа своего и, как он скажет, сделаю». И, вернувшись, рассказала все мужу. Он же, полный рассудительности и заботы о своей жене, не заторопился, чтобы покинуть темницу, но, вздохнув, сказал жене своей: «Иди, сестра, откажи человеку, будем надеяться на господа нашего Иисуса Христа, не оставит нас до конца». И, вернувшись, отпустила она человека, сказав: «Говорила я это мужу моему, но не согласился он». Тогда же посажен был в ту же темницу разбойник, еще до ареста купца. И все наблюдал он, и слышал жену и мужа, и вздохнул про себя, говоря: «Смотри, в какой беде эти двое, но и свободы своей не отдают за богатство, чтобы, взяв его, откупиться, предпочитая благоразумие, и за жизнь свою не тревожатся... Что же сделаю я, несчастный, никогда и не вспомнивший, что существует бог — почему и разбойником стал?!» И подозвал их к себе, позванивая дверцами решетки, за которую посажен был, и сказал им обоим: «Я разбойник и виновен в разбое; сейчас придет начальник, и умру я как убийца. Увидев же благоразумие ваше, смирился я. Так идите на эту сторону городской стены и, выкопав, возьмите сокровище, какое найдете. Хватит и на выкуп, и на другое доброе дело, молитесь и за меня, пусть и я получу прощение». Через несколько дней пришел начальник, велел разбойника вывести и приказал отрубить ему голову. Еще через день сказала жена мужу: «Прикажешь ли, господин мой, идти, куда указал разбойник? Может быть, он и правду сказал». Тот же ответил: «Если тебе угодно». Она же, вечером взяв небольшую мотыгу и став на указанном месте, копая, отыскала спрятанный горшок и, взявши, ушла. Хитроумно начав с малого, давая понемногу, как будто получала от того и иного, выкупила и освободила мужа своего. И добавил рассказчик: «Видишь: сохранили те двое заповедь господа нашего Иисуса Христа — и преумножил он милость свою на них».

Слово 271. Поведал нам Афанасий, по рождению антиохиянин, говоря об отце Врохате, египтянине, что, когда пришел тот из Египта в Селевкию близ Антиохии, нашел вне города место пустынное и хотел себе построить маленькую келью.

И създавъ, не имяше чимь покрыти ея. И вълѣзъ одиною въ градъ, обрѣте Анатолия, ему же имя гръбаваго дѣлателя суща, селеуки и антиохи, вънѣ дому своего сѣдяща. И пришьдъ къ нему, глагола ему: «Сътвори любъвь, владыко, дажь ми мало древьце, да покрыю клѣтьцю мою». Онъ же вельми съгнѣва ся, глагола ему: «Се дрѣво, възьми — и иди»,— показавъ ему велико древо, еже имѣ прѣдъ домомь своимь лежаще, еже творяше кораблю на потрѣбу пяти тьмъ. Глагола ему авва: «Благослови и *възьму* же». Глагола ему Анатолий пакы, кручиньствуя: «Благословенъ богъ». Онъ же, възьмь дрѣво и възложивъ на плещи свои, иде въ клѣтьцю свою. И чюдивъ ся о прѣславьнѣмь чюдеси Анатолий, дарова ему толико дрѣво въ потрѣбу, ему же и хотяше. Отъ него же не тъчию реченую клѣтьцю покры, но ина мъногая же въ манастыри сътвори отъ него дѣла.

Слово 284. Повѣдаше нѣкъто отъ отьць, яко нѣкогда каменьникъ, его же наричють кавидарионъ, имы камень мъногоцѣньнъ и бисьръ, възиде въ корабль съ отрокы своими, хотя ити на куплю. Прилучи же ся по съмотрению възлюбити отрока нѣкого корабльника, иже творяше ему службьу и почиваше. И сь отъ него яды, отъ нихъ же ѣдяше. Въ единъ же дьнь слышить отрокы шьпъчюща, утвьрдивъшемъ се, да врьгуть кавидара въ море камения дѣля многоцѣньнаго. Абие же отроку съ мъногомь унынием по обычаю сътворити ему службьу, глагола ему: «Чьто унылъ еси дьньсь, дѣтищю?» Онъ же потай рекы: «Ничьто же». Пакы же въпрашаше его, глаголя: «Въ истину рьци ми, чьто ти есть?» Тъгда ражьже ся плачьмь и глагола ему, яко: «Тако съвѣтъ сътворишя корабльници на тя». Глагола ему, опасьно отъвѣща *ему* тако: «Утвьрьдиша ся о тебѣ». Тогда призъва отрокы своя и рече имъ: «Еже вы реку сътворите без лѣности и безъ размышления нѣкого». Тогда простьреть поняву и начатъ глаголати имъ: «Принесѣте музикия»,— и принесоша. И отврьзъ, начя распростирати камения, и егда положиша вься, начя тако глаголати: «Се ли е животъ? сихъ ли дѣля бѣду приемлю въ мори и стражю, и по семь умираю, ничьсо же възьмъ съ собою отъ мира сего?» И глагола отрокомъ своимъ: «Исыплѣте вься въ море». И чюдиша ся корабльници, и разиде ся съвѣтъ ихъ.

Построив же, не знал, чем покрыть ее. Однажды вошел он в город и встретил Анатолия, так звали селевкийца и антиохийца, гробовщика, который сидел возле дома своего. И, подойдя к нему, сказал: «Сделай милость, господин, дай мне маленькое деревце, чтобы покрыть мою келью». Тот же очень разгневался и крикнул: «Вот дерево, бери — и иди!», указав на огромное дерево, перед домом его лежащее, достаточное, чтобы построить корабль для пятидесяти тысяч. Ответил ему святой отец: «Благослови, и возьму». Снова крикнул ему Анатолий язвительно: «Благословен бог!» Тот же, взяв дерево и возложив на плечи свои, пошел к себе в келью. И дивился преславному чуду Анатолий, подарил ему то дерево на нужды, какие были. Он тем деревом не только помянутую келью покрыл, но и многое другое для монастыря устроил таким поступком.

Слово 284. Поведал некий святой отец, как некогда каменщик, называемый гранильщиком, с драгоценным каменьем и бисером взошел на корабль с помощниками своими, собираясь торговать. Случилось же, по предначертанию, что сдружился он с неким слугой корабельщика, который прислуживал ему и отдыхал с ним. И от гранильщика тот кормился, и от корабельщика. Однажды слышит слуга, как шепчутся помощники корабельщика, решившие сбросить гранильщика в море из-за драгоценных камней. И так как в тот день, как обычно исполняя свои обязанности, слуга выглядел очень унылым, то спросил его гранильщик: «Что ты печален сегодня, сын мой?» Тот же тихонько ответил: «Ничего». Снова спросил гранильщик, говоря: «Правду скажи мне, что с тобой?» Тогда разразился он плачем и сказал ему: «Такой заговор устроили корабельщики на тебя». Когда переспросил гранильщик, осторожно ответил ему: «Так решились поступить с тобою». Тогда призвал гранильщик слуг своих и сказал им: «Что скажу вам, исполните быстро и без рассуждения всякого». Расстелил он полотно и приказал им: «Принесите ларцы»,— и принесли. И, раскрыв их, начал раскладывать каменья, а разложив все, произнес: «Это ли — жизнь? их ли ради несчастье приму я в море и пострадаю, а потом и умру, ничего не взяв с собою из этого мира?» И сказал своим слугам: «Высыпьте все в море!» И дивились корабельщики, и разрушился заговор их.

АПОКРИФЫ

БЕСЕДА ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ

Григорий рече: Кто первый наречеся на земли? — Василий рече: Сатанаилъ наречеся первый и причтенъ бысть... ко ангеломь, за гордость же его нареченъ бысть сатана — диаволъ, изверженъ ангеломъ съ небесе на землю прежде создания Адамля за 4 *дне*.

Василий рече: Что высота небесная, широта земная, глубина морская? — Иоаннъ рече: отец, сынъ и святой духъ.

Василий рече: Гдѣ богъ первѣя жилъ, иже не бысть свѣта? — Иоаннъ рече: Суть каморы три на воздусѣхъ, ту бяше господь въ трехъ каморѣхъ, агнцемъ, а свѣту тогда не бысть.

Григорий рече: Протолкуй ми троицу въ трехъ каморехъ. — Иоаннъ рече: отецъ, сынъ и святый духъ, единъ свѣтъ, а трое огнь.

Василий рече: Отъ чего суть ангели сотворены? — Григорий рече: Отъ духа господня, отъ свѣта и отъ огня.

Василий рече: Отъ чего солнце сотворено бысть? — Иоаннъ рече: Отъ выспренныя ризы господни.

Григорий рече: Отъ чего луна сотворена бысть? — рече: Отъ аера и отъ воздуха и отъ престола господня.

Иоаннъ рече: Отъ чего громъ и молния сотворено бысть? — Василий рече: Гласъ господенъ въ колесницѣ огненной утверженъ и ангела громная приставлена.

Григорий рече: Колико вѣтровъ? — Иоаннъ рече: 12 вѣтровъ.

Соломонъ рече: Что суть 4 рози на земли? — Иоаннъ рече: Четыре евангелисты, на востоцѣ Матфей, человѣческимъ; на западѣ Марко, телчимъ; на сѣверѣ Иоаннъ, орлимъ; на юзѣ Лука, лвовымъ образми, вси бо крылати.

Григорий рече: Отъ колнкихъ частей сотворенъ бысть Адамъ?

АПОКРИФЫ

БЕСЕДА ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ

Григорий спросил: «Кто первым явился на земле?» Василий ответил: «Первым явился Сатанаил и причтен был к ангелам, а за гордость его назвали сатаной-дьяволом, и он был низвержен ангелом на землю за четыре дня до создания Адама».

Василий спросил: «Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская?» Иоанн ответил: «Отец, сын и святой дух».

Василий спросил: «Где жил бог сначала, когда не было света?» Иоанн ответил: «На небесах есть три свода, и там был агнцем господь в трех сводах, а света тогда не было».

Григорий спросил: «Объясни мне троицу в этих трех сводах». Иоанн ответил: «Отец, сын и святой дух; один — свет, а все трое — огонь».

Василий спросил: «Из чего созданы ангелы?» Григорий ответил: «Из духа господня, из света и из огня».

Василий спросил: «Из чего сделано солнце?» Иоанн ответил: «Из верхнего плаща господня».

Григорий спросил: «Из чего сделана луна?» Ответил: «Из аера, и из воздуха, и из престола господня».

Иоанн спросил: «Из чего сделаны гром и молния?» Василий ответил: «Голос господен утвержден в огненной колеснице, и приставлены ангелы грома».

Григорий спросил: «Сколько ветров бывает?» Иоанн ответил: «Двенадцать ветров».

Соломон спросил: «Что такое четыре образа на земле?» Иоанн ответил: «Четыре евангелиста: на востоке Матфей в человеческом образе, на западе Марк в образе тельца, на севере Иоанн в образе орла, на юге Лука в образе льва, все же крылаты».

Григорий спросил: «Из скольких частей был сотворен Адам?»

Василий рече: Отъ осми частей: 1, отъ земли тѣло; 2, отъ камня кости; 3, отъ Чермнаго моря кровь; 4, отъ солнца очи; 5, отъ облакъ мысль; 6, отъ востока дыхание власы; 7, отъ свѣта дух; 8, самъ господь вдохнулъ ему душу и покори ему всяческая видимоя и невидимоя въ водахъ и въ горахъ, на земли и по воздуху.

Иоаннъ рече: Колико пребысть Адамъ въ раю? — Василий рече: Отъ шестаго часа до 9-го.

Григорий рече: Гдѣ вселися Адамъ, егда изгнанъ бысть изъ рая? — Иоаннъ рече: Вь земли мадимстѣй, тамо созданъ, тамъ же и умре и погребенъ бысть, в той же земли здѣлан бысть ковчегъ Ноевъ.

Василий рече: Колико горъ высокихъ, и морей и рѣкъ великихъ? — Григорий рече: Горъ великихъ 12, а морь 20, а рѣкъ великихъ 30, а изъ рая идутъ 4 рѣки, Тигръ, Фисонъ, Ефратъ, и Геилъ.

Григорий рече: Колико островов великихъ? — Василий рече: 72, а въ тѣхъ островахъ 72 языковъ разныхъ.

Григорий рече: Колико костей въ человѣцѣ? — Иоаннъ рече: 295, а составовъ толкожъ.

Василий рече: Кому богъ сослалъ первѣя грамоту? — Григорий рече: Къ Сифу сыну Адамову, 10 заповѣдей.

Иоаннъ рече: Кий гласъ изыде отъ востока до запада? — Григорий рече: Уби Каинъ Авеля, брата своего.

Григорий рече: Когда возрадовася весь миръ? — Василий рече: Егда изыде Ной изъ ковчега.

Иоаннъ рече: Который звѣрь въ ковчезѣ не былъ? — Василий рече: Рыба китъ.

Василий рече: Который градъ стоялъ между небомъ и землею? — Григорий рече: Ковчегъ Ноевъ.

Иоаннъ рече: Кто ся научи первѣе на земли богу кланятися на востокъ? — Григорий рече: Моисей пророкъ на горѣ, егда видѣ неопалимую купину.

Иоаннъ рече: Который пророкъ не погребенъ бысть? — Григорий рече: Моисей на горѣ Афавеи, и внесе его ангелъ въ рай.

Василий рече: Водянъ замокъ, древянъ ключь, заяцъ убѣглъ, а ловецъ утоплъ? — Иоаннъ рече: Моисей удари жезломъ и проведе люди своя сквозѣ Чермное море. Тогда начаше пещи опрѣсноки на главахъ отъ солнца, господеви на службу.

Василий рече: Кая два супостата борется на свѣтѣ день и нощь? — Иоаннъ рече: Смерть и животъ.

Григорий рече: Кая мати дѣти своя съѣсть? — Иоаннъ рече: Море рѣки.

Василий ответил: «Из восьми частей: 1) от земли взято тело, 2) от камня — кости, 3) от Красного моря — кровь, 4) от солнца — глаза, 5) от облаков — мысли, 6) от дыхания — волосы, 7) от света — душа, 8) сам господь вдохнул в него душу и дал власть над всем видимым и невидимым в водах и в горах, на земле и на небе».

Иоанн спросил: «Сколько времени провел Адам в раю?» Василий ответил: «От шестого часа до девятого».

Григорий спросил: «Где Адам поселился, когда был изгнан из рая?» Иоанн ответил: «В земле мадиамской, там он был создан, там он и умер и похоронен, в той же стране был сделан и Ноев ковчег».

Василий спросил: «Сколько высоких гор, и морей, и больших рек на свете?» Григорий ответил: «Гор высоких двенадцать, а морей двадцать, а рек больших тридцать, а из рая вытекают четыре реки: Тигр, Фисон, Евфрат и Геил».

Григорий спросил: «Сколько в мире крупных островов?» Василий ответил: «Семьдесят два острова, а на тех островах живут семьдесят два разных народа».

Григорий спросил: «Сколько костей в человеке?» Иоанн ответил: «Двести девяносто пять костей, и столько же суставов».

Василий спросил: «Кому первому написал бог послание?» Григорий ответил: «Сифу, сыну Адама — десять заповедей».

Иоанн спросил: «Чей голос разнесся от востока до запада?» Григорий сказал: «Убил Каин Авеля, брата своего».

Григорий спросил: «Когда возрадовался весь мир?» Василий ответил: «Когда Ной вышел из ковчега».

Иоанн спросил: «Какого зверя не было в ковчеге?» Василий ответил: «Рыбы кита».

Василий спросил: «Какой город стоял между небом и землей?» Григорий ответил: «Ноев ковчег».

Иоанн спросил: «Кто первым на земле научился кланяться богу на восток?» Григорий ответил: «Моисей-пророк на горе, когда увидел неопалимую купину».

Иоанн спросил: «Который пророк не был похоронен?» Григорий ответил: «Моисей на горе Афавеи, ангел отнес его в рай».

Василий спросил: «Что значит — замок водяной, ключ деревянный, заяц убежал, а охотник утонул?» Иоанн ответил: «Моисей ударил жезлом и провел свой народ через Красное море. Тогда они начали печь пресные хлеба на головнях от солнечного огня, на служение богу».

Василий спросил: «Какие два врага борются в мире день и ночь?» Иоанн ответил: «Жизнь и смерть».

Григорий спросил: «Какая мать сосет своих детей?» Иоанн ответил: «Море — реки».

Иоаннъ рече: Что есть гробъ хождаше, а въ немъ мертвецъ пояше? — Василий рече: Китъ въ мори хождаше, а Иона во чревѣ пѣснь богу пояше.

Григорий рече: Видѣхъ змия лежаща при пути, хотяше коня за ногу ухватить, конь же пады на заднюю пяту, жды избавления отъ господа бога своего? — Иоаннъ рече: Конь есть правая вѣра християнская, а путь — миръ сей, а змий — антихристъ, а пята послѣдния дни вѣка сего.

Василий рече: Яко вода покры море? — Григорий рече: Вода — учение книжное, а море миръ наречеся.

Иоаннъ рече: Будутъ въ лузѣхъ ограды овцамъ? — Василий рече: Лугъ нарицается рай, а ограды — райския мѣста, а овцы — вѣрныя люди, работаютъ богу, а не диаволу.

Василий рече: Егда разбогатѣетъ человѣкъ, или умножится славы дому его? — Григорий рече: Июда, приемъ цѣну, и удавися, а присное остави; такожъ и вси избираютъ неправдою, умираютъ отъ богатства своего, а все останется.

ИНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ОТВѢТАМЪ, ВЪ КИ ДЕНЬ И ЧАС СОТВОРИ ГОСПОДЪ ПЕРВАГО АДАМА И ПРОТЧАЯ ПО СИХЪ

Отъ чего сотворенъ бысть Адамъ? — Отъ осьми частей, въ шестой день сотворения земли, въ 6-й часъ дне, а мѣра тѣла его 24 лакти.

Который первый пророкъ на земли? — Адамъ.

Что есть, пророчествова Адамъ? — Егда сотвори господь Адама отъ земли, и дуну на него богъ и оживе Адамъ, и посади его господь богъ на престолѣ и рече богъ: благослови, владыко, и воста Адамъ отъ престола и рече: благословенно царство отца и сына и святаго духа, и первое пророчество далъ о святѣй троицы; и егда заснувъ Адамъ въ раю, и воста отъ сна, и рече ему господь: «Адаме, что еси видѣлъ во снѣ?» Адамъ же рече: «Видѣхъ, господи, Петра идуща въ Римъ, а Павла въ Дамаскъ, а Иоанна Богослова во Ефесъ, а тебя, господи, видѣхъ распята на крестѣ во Иерусалимѣ, на Голъховѣ». То есть пророчество Адамово.

За колико лѣть до распятия Христова пророчествовалъ? — За 5538 лѣть.

Что есть, стоитъ древо цвѣту полно, подъ нимъ корыты, а на древѣ сидитъ голубь, и цвѣту урвавши въ корыто мещеть, цвѣту не умаляется, а корыто не наполнится? — Древо — земля, и цвѣтъ — людие, а корыты — могилы, а голубь — смерть.

Что есть божие въ мѣрахъ и что безъ мѣры? — Милость божия безъ мѣры, а наказание въ мѣрахъ.

Иоанн спросил: «Что значит блуждающий гроб, а в нем поющий мертвец?» Василий ответил: «Кит плавал по морю, а Иона в его чреве пел песнь богу».

Григорий спросил: «Я видел змея, лежащего у дороги, который хотел схватить за ногу коня, а конь припал на заднюю ногу, ожидая спасения от господа бога своего. Что это означает?» Иоанн ответил: «Конь — это правая вера христианская, дорога — этот мир, а змей — антихрист, а нога коня — последние дни нашего века».

Василий спросил: «Как вода покрыла море?» Григорий ответил: «Вода — учение книжное, а морем называется мир».

Иоанн спросил: «Будут ли в лугах поставлены загородки для овец?» Василий ответил: «Лугом называется рай, а загородки — райские места, а овцы — верные люди, трудятся для бога, а не для дьявола».

Василий спросил: «Когда человек разбогатеет, умножится ли слава дома его?» Григорий ответил: «Иуда, взяв плату, удавился, а вечное оставил; также и все наживаются неправдой, умирают от богатства своего, а все останется».

ИНЫЕ ВОПРОСЫ, В КАКОЙ ДЕНЬ И ЧАС СОЗДАЛ ГОСПОДЬ ПЕРВОГО АДАМА И ПРОЧЕЕ ОБ ЭТОМ

Из чего был создан Адам? Из восьми частей, в шестой день сотворения земли, в шестой час дня, а мера его тела — двадцать четыре локтя.

Кто первый пророк на земле? Адам.

О чем пророчествовал Адам? Когда господь бог сотворил Адама из земли, дунул на него бог, и Адам ожил, и посадил его господь бог на престоле, и сказал господь: «Благослови, владыко»,— Адам встал с престола и сказал: «Благословенно царство отца и сына и святого духа», и первое пророчество произнес Адам о святой троице; когда Адам заснул в раю и проснулся, господь спросил его: «Адам, что ты видел во сне?» Адам ответил: «Видел, господи, Петра, идущего в Рим, а Павла — в Дамаск, а Иоаннна Богослова — в Эфес, а тебя, господи, видел распятого на кресте в Иерусалиме, на Голгофе». Это и есть пророчество Адама.

За сколько лет до распятия Христа он пророчествовал? За пять тысяч пятьсот тридцать восемь лет.

Что означает: стоит дерево в цвету, а под ним корыто, а на дереве сидит голубь, и, срывая цветы, кидает их в корыто, цветов не уменьшается, а корыто не наполняется? Дерево — земля, а цветы — люди, корыта — могилы, а голубь — смерть.

Что есть божие в мерах и что без меры? Милость божия без меры, а наказание в мерах.

Что есть: ни отъ двоего мочно убѣжати, ни двоего мочно постигнути? — Смерти не мочно убѣжати ни старости; а младости, ни живота не достигнути.

Что есть: два стоятъ, два идутъ, два минуются? — Два стоять, — небо и земля, а два идутъ — солнце и луна, а два минуются — день и нощь.

Что есть ни небо, ни земля, но животъ, и видомъ сотворено бысть, на немъ же раждаются птицы пернаты, и отъ тѣхъ птицъ два назираютъ, три созидають, единъ повелѣваетъ? — Видомъ сотворенъ бысть человѣкъ, а птицы пернаты, то есть очи, руцѣ, языкъ: егда начнеши писать, то очи созираютъ, руцѣ созидаютъ, языкъ повелѣваетъ.

Рай ли прежде Адама сотворенъ, или Адамъ прежде рая? — Рай прежде Адама уготова ему бог жилище, а потомъ Адамъ сотворенъ, и введенъ бысть въ рай, и пребысть въ немъ отъ шестаго часа до 9-го; такожде и муки уготованы прежде грѣшниковъ.

Чего ради бог родися отъ жены и водою крестися и на древѣ распять бысть? — Якоже женою прелсти Адама, и отпаде рая, тако и бог, отместие творя диаволу, того ради отъ жены родися; Адамъ отъ древа вкуси и породы отпаде, а богъ, на древѣ руцѣ распростеръ, диавола побѣди древомь; и водою грѣхъ ради потопи весь родъ человѣческий, того ради бог водою крестися, и обновление всему миру дарова.

Которы 3 вещи не имуть сытости? — Око зрѣния, ухо — слышания, гортань — сладости.

Что есть мѣра отъ востока до запада? — Солнце и луна и звѣзды.

Который первый грѣхъ на земли? — Зависть и превозношение.

Что есть падения великая человѣку? — Славолюбие, сластолюбие, сребролюбие.

Что есть лутчея всего человѣку? — Лутчие всего человѣку — богу угодити и душа спасти; не тотъ есть мудръ и хитръ, кто грамотѣ умѣет и языкомъ речевитъ: аще и всю землю обладаетъ, а душу свою погубитъ, ничто же есть; тотъ и хитръ, мудръ кто душу свою спасетъ и живъ будетъ во вѣки.

Что есть хуждши всего человѣку? — Отчаяние, непокаяние: тотъ человѣк не наслѣдить царства небеснаго, а кающагося богъ любитъ: ни отецъ до дѣтей, что бог до людей.

Что есть лучши всего человѣку и корыстнѣе? — Здравие тѣлесное и счастие доброе; аще лежитъ человѣк при смерти, тогда богатство и брашно не угодно ему есть.

Что есть сладчае всего человѣку? — Сладчае всего человѣку грѣхъ: въ малѣ сластитъ, а во вѣки мучитъ.

Что есть пловущее у человѣка? — Пловущѣе всего — слово у человѣка да огнь, словомъ бо погибаютъ многия царства, и добрая и злая сотворяются, а отъ огня, отъ единыя искры, всякия вещи пополяются.

Что означает: от двоих нельзя убежать, двоих нельзя догнать? От смерти невозможно убежать и от старости, а молодость и жизнь невозможно догнать.

Что значит: двое стоят, двое идут, двое расходятся? Двое стоят— небо и земля, двое идут — солнце и луна, двое расходятся — день и ночь.

Что такое: ни небо, ни земля, но живое и имеет внешний образ, на нем рождаются пернатые птицы, и из тех птиц двое смотрят, трое созидают, одна повелевает? Имеет облик человек, а пернатые птицы — это глаза, руки, язык; когда начнешь писать, глаза смотрят, руки созидают, язык повелевает.

Рай создан раньше, чем Адам, или Адам раньше рая? Рай сотворен раньше Адама как жилище для него, уготованное богом, а потом создан Адам, и введен был в рай, и пробыл в нем от шестого часа до девятого; также и муки уготованы раньше грешников.

Почему бог родился от женщины, крестился водою и распят был на древе? Как Адам был прельщен женщиной и изгнан из рая, так и бог, мстя дьяволу, родился от женщины; Адам вкусил от древа и изгнан из рая; бог на древе распростер руки, дьявола победил древом; водою потопил он весь человеческий род за грехи его, потому и бог крестился водою и обновление даровал всему миру.

Какие три вещи чем не могут насытиться? Глаз — зрением, ухо — слухом, гортань — сладостию.

Что есть мера от востока до запада? Солнце, луна и звезды.

Какой первый грех на свете? Зависть и превозношение.

В чем самая большая погибель для человека? Славолюбие, сластолюбие, сребролюбие.

Что для человека лучшее? Лучшее для человека — угодить богу и спасти душу; не тот мудр и хитер, кто грамотен и речист,— если и владеет он всей землей, а душу свою погубит, он ничтожен; тот и хитер и мудр, кто свою душу спасет и будет жив вечно.

Что самое худшее для человека? Отчаяние, непокаяние. Такой человек не наследует царства небесного, а кающегося бог любит: больше бог для людей, чем отец для детей.

Что для человека лучше и полезнее? Телесное здоровье и доброе счастье,— если человек находится при смерти, то богатство и сытость не нужны ему.

Что для человека слаще всего? Слаще всего человеку грех: не надолго сладок, а навеки мучает.

Что есть подвижного у человека? Подвижнее всего у человека слово да огонь, ибо от слова погибают многие царства и творится добро и зло, а от огня, от одной искры его, сгорает все.

Что есть всего быстрѣя и рѣзвѣя у человѣка? — Очи у человѣка и мысль, во мгновение ока доиде до небеси.

Что есть: ни псомъ, ни свиниямъ не угодно злато и сребро? — Безумнымъ человѣкомъ и жестокосердымъ драгая слова.

Кто родися прежде Адама съ брадою? — Козелъ.

Отъ чего звѣрие и скоти сотворены суть? — Отъ земли, прежде Адама и по Адамѣ.

Что есть птица съ воробья, а мяса въ ней съ яловицу? — Во азбукѣ словъ немного, а складомъ книгъ премножество много.

Что есть: четыре орлы едино яйцо снесли? — Четыре евангелисты написали святое Евангелие.

Что есть: 12 кузнецовъ въ 12 молотовъ на единомъ наковолнѣ куютъ? — Наковолна — слово божие; а 12 кузнецовъ — апостоловъ, 12 на четыре страны слово божие по всей вселеннѣй, и во второе Христово пришествие поставятся престоли, тогда и они сядутъ на 12 престолахъ, судяще обѣманадесяте колѣнома иизраилевыма.

Что есть: стоитъ конь на голѣ гумнѣ, не имѣя ни травы, ни жита, а всегда сытъ? — Нищий человѣкъ, не имѣя у себя ничего, а бога славитъ,— всегда сытъ бываетъ.

Горе граду тому, въ немъ же царь юнъ и бояре его рано пиютъ и ядятъ? — Градъ — человѣкъ, а царь юнъ — непостояненъ умъ, а бояре его — помыслы: помышляше земная и небесное сѣмо и овамо.

Что есть ковчегъ, и въ немъ Ной, и голубь, и листъ и сучецъ масличный? — Ковчегъ есть церковь, а Ной — Христосъ, а голубь — духъ святый, а листъ, масличный сучецъ — человѣколюбие божие на насъ и милость испущаетъ.

Что есть: стоитъ бѣлъ щитъ, а на немъ сидитъ соколъ, и прилетѣла злая сова и отгнала сокола? — Бѣлъ щитъ — свѣтъ сей, а на немъ сидитъ соколъ — то есть правда; а прилетѣла злая сова — то есть кривда, и отгнала правду, а лжи — кривда осталася.

Что человѣку силнѣя всего? — Силнѣя всего человѣку правда и любовь: тотъ человѣкъ не убоится ничего; правда и любовь человѣка отъ смерти избавляетъ,— аще человѣкъ мертвыя воскрешаетъ и горы преставляетъ, а любви и правды не имѣеть, ничто же есть.

Что есть дивнѣя всего человѣку? — Небо и земля дивно и все дѣло вышнего.

Что есть человѣку тяжелѣя всего носить? — Тяжелѣя всего глупство и упрямство учить человѣка: вода великия корабли поднимаетъ, а малого камня всѣмъ моремъ не подъиметъ; ни моря пречерпати, ни мертвеца воскресити, ни утла судна налити; тако и глупова и упрямова человѣка всѣмъ миромъ не научитъ.

Что всего быстрее и резвее у человека? Глаза и мысль человеческая, в мгновение ока доходящая до небес.

Что значит: ни псам, ни свиньям не нужно золото и серебро? Безумным и жестокосердным людям не нужны дорогие слова.

Кто раньше Адама родился с бородой? Козел.

Из чего созданы звери и скот? Из земли, до Адама и после Адама.

Что значит: птица ростом с воробья, а мяса в ней как в телке? В азбуке слов немного, а написанных книг великое множество.

Что значит: четыре орла снесли одно яйцо? Четыре евангелиста написали святое Евангелие.

Что означает: двенадцать кузнецов куют двенадцатью молотами на одной наковальне? Наковальня — слово божие, а двенадцать кузнецов — двенадцать апостолов несут на четыре стороны света слово божие по всей вселенной, и во второе пришествие Христа будут поставлены престолы, тогда они сядут на двенадцати престолах и будут судить двенадцать колен Израилевых.

Что значит: стоит конь на пустом гумне, нет у него ни травы, ни жита, а он всегда сыт? Нищий человек, не имеющий ничего, славит бога — и всегда бывает сыт.

Что значит: горе тому городу, где царь юн и бояре его рано пьют и едят? Город — человек, а царь юный — непостоянный ум, а бояре его — помыслы, обдумывающие земное и небесное там и здесь.

Что такое: ковчег, и в нем Ной, и голубь, и лист и сучок масличный? Ковчег есть церковь, а Ной — Христос, а голубь — святой дух, а лист и масличный сучок — это милость даруется нам человеколюбием божиим.

Что значит: стоит белый щит, а на нем сидит сокол; прилетела злая сова и отогнала сокола? Белый щит — этот свет, а на нем сидит сокол — это правда; а прилетела злая сова — это кривда, и отогнала правду, а ложь — кривда осталась.

Что сильнее всего в человеке? Сильнее всего в человеке правда и любовь; такой человек не побоится ничего; правда и любовь спасает человека от смерти, а если человек воскрешает мертвых и передвигает горы, но нет в нем ни любви, ни правды, то он — ничто.

Что человеку удивительнее всего? Небо и земля и все дела всевышнего.

Что тяжелее всего переносить человеку? Тяжелее всего учить глупого и упрямого: вода поднимает большие корабли, а малого камня не поднять и целому морю; невозможно ни моря вычерпать, ни мертвеца воскресить, ни наполнить дырявое судно,— так и глупого и упрямого человека всем миром не научить.

Что человеку крѣпчае всего? — Крѣпчае всего человѣку добрый разумъ: умнаго человѣка и на чужѣ странѣ знаютъ, а безумнаго и глупова и во своемъ градѣ ненавидятъ; что кораблю добрый вѣтръ красота, тако и человѣку добрый разумъ красота.

Что есть: нѣкий градъ бяше, а въ немъ царь съ царицею и съ любовными други; и приде ко граду высокоумный велможа и взятъ весь градъ, а царя изъ града изгна; и любовныя его други разыдутся, тогда во градѣ томъ восплачется едина царица, аки заключенная голубица? — Градъ убо — человѣкъ, а царь — умъ, а царица — душа, а друзи — мысли, а высокоумный велможа — хмель.

Коль велицы планиты? — Философи намъ повѣдаютъ, еже луна столь широка, яже всю землю кромѣ рѣкъ и морь покрыетъ; а солнце величествомъ вдвое, а планѣты якоже луна.

Како намъ мнится, звѣзды мали суть? — Сия есть тварь земная высота, яко аще бы стояло солнце толь высоко, что и звѣзды, и нам бы такожъ видѣлось, что и звезды.

Нынѣ повѣждь о лунѣ. — Луна есть меншая планита и течетъ нижеи къ землѣ, того *ради* судится по ней весь миръ. Аминь.

Что для человека надежнее всего? Надежнее всего для человека добрый разум, умного человека и в чужой стране знают, а глупого и безумного и в своем городе ненавидят; как попутный ветер — радость кораблю, так и добрый разум — украшение человеку.

Что значит: был некий город, и в нем жили царь с царицею и любимыми друзьями; и пришел в город высокоумный вельможа, и захватил город, а царя из города выгнал; а когда его любимые друзья разбегутся, тогда в том городе заплачет царица, одна, словно плененная голубица? Град этот — человек, а царь — ум, а царица — душа, а друзья — мысли, а высокоумный вельможа — хмель.

Как велики планеты? Мудрецы нам сообщают, что луна столь широка, что закрывает всю землю, кроме рек и морей; а солнце вдвое больше луны, а планеты такие же, как луна.

Отчего нам кажутся звезды маленькими? Высота — земное творение, и как если бы солнце стояло так же высоко, как и звезды, то нам бы таким же оно казалось, как и звезды.

Теперь расскажи о луне. Луна меньше других планет и проходит ближе всех к земле, оттого весь мир судят по ней.

Аминь.

СКАЗАНИЕ, КАКО СОТВОРИ БОГЪ АДАМА

...Создати въ земли Мадиамстей человѣка, веземъ земли горсть ото осьми частей: 1) отъ земли — тѣло, 2) отъ камени — кости, 3) отъ моря — кровъ, 4) отъ солнца — очи, 3) отъ облака — мысли, 6) отъ свѣта — свѣтъ, 7) отъ вѣтра — дыхание, 8) отъ огня — оттепла. И поиде господь богъ очи имати отъ солнца, и остави Адама единаго лежаща на земли; прииде же окаянный сотона ко Адаму и измаза его каломъ и тиною и возгрями. И прииде господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити во Адама, и видѣ его мужа измазанна; и разгнѣвася господь на диявола и нача глаголати: «Окаянне дияволе, проклятый, не достоить ли твоя погибель? Что ради человѣку сему сотворилъ еси пакость, измаза его? и проклять ты буди»,— и дияволъ исчезе, аки молния, сквозь землю отъ лица господня. Господь же, снемъ съ него пакости сотонины, и въ томъ сотвори господь собаку, и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и теслою очисти его аки зерцало отъ всѣхъ скверн ъ, и постави собаку и повелѣ стрещи Адама, а самъ господь отъиде въ горний Иерусалимъ по дыхание Адамлево. И прииде вторые сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежаща, и убояси вельми сотона. Собака начала зло лаяти на диавола, окаянный же сотона, веземъ древо, и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недугов. И прииде Исусъ изъ горнево Иерусалима, и видѣ Адама древомъ исколота, и милосердова о немъ и рече сотонѣ: «Проклятый дияволе, что сотворилъ человѣку сему, почто вложилъ недуги сия?» Тогда отвѣща дияволъ, окаянный сотона, господу, глаголя: «Аще приидетъ кая болѣзнь человѣку сему, да не постигнетъ, до скончания всего тобя не помянетъ; аще ль поболитъ, кой недугъ въ немъ постраждетъ, тогда всегда тебя

СКАЗАНИЕ, КАК СОТВОРИЛ БОГ АДАМА

...Создать в Мадиамской земле человека, взяв земли горсть от восьми частей: 1) от земли — тело, 2) от камня — кости, 3) от моря — кровь, 4) от солнца — глаза, 5) от облака — мысли, 6) от света — свет, 7) от ветра — дыхание, 8) от огня — теплоту. И стал господь бог глаза ему доставать от солнца, оставив Адама лежать одного на земле; и пришел окаянный сатана к Адаму и вымазал его калом, тиной и соплями. Вернулся к Адаму господь и хотел вложить в Адама глаза, но увидел его всего вымазанного в нечистотах; и разгневался господь на дьявола, и стал говорить ему: «Окаянный дьявол, проклятый, разве ты не заслужил гибели? Зачем напакостил ты этому человеку, вымазав его? Будь ты проклят!» И дьявол исчез сквозь землю как молния от лица господнего. Господь же, сняв с Адама всю грязь сатанинскую и смешав со Адамовыми слезами, сотворил собаку, и теслом очистил Адама, как зеркало, от всех скверн. И, поставив собаку, повелел ей стеречь Адама, а сам господь пошел в горний Иерусалим за дыханием для Адама. И во второй раз явился сатана, и хотел напустить на Адама злую скверну, но увидел собаку, лежащую у ног Адама, и очень испугался. Собака стала зло лаять на дьявола, а окаянный сатана взял палку и истыкал всего человека Адама и впустил в него семьдесят недугов. Когда Иисус возвратился из горнего Иерусалима, он увидел Адама, истыканного палкой, и стало ему его жалко, и сказал он сатане: «Проклятый дьявол, что ты сделал с человеком, зачем эти недуги впустил в него?» Тогда ответил дьявол, окаянный сатана, господу: «Если какая-нибудь болезнь подступит к этому человеку, но минует его, то он до конца тебя не вспомнит; а если заболеет, перестрадает каким-нибудь недугом, тогда всегда

имать на помощь призывати въ недузехъ сихъ». И отгна господь диявола и исчезе дияволъ, прогнанъ аки тма свѣтомъ, и обороти вся недуги въ него.

И посла господь ангела своего, повелѣ взяти «азъ» на востоцѣ, «добро» на западѣ, «мыслете» на сѣверѣ и на юзѣ. И бысть человѣкъ въ душу живу, нарече имя ему Адамъ. А костей сотвори богъ во Адамѣ 345, и бысть Адамъ царь всѣмъ землямъ и птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ и рыбамъ морскимъ, и самовласть дасть ему богъ. И рече господь Адаму, глаголя: «Тебѣ работаетъ солнце и луна и звѣзды, и птицы небесныя и рыбы морския, и птицы и скоты и гади». И насади господь богъ рай на востоцѣ, и велѣ Адаму пребыти, а жена Адаму еще не сотворена бысть. И вложи господь богъ сонъ во Адама, и усне Адамъ, и взятъ его ребро лѣвое, и въ томъ ребрѣ протяже руцѣ и нозѣ и главу, и созда ему жену въ шестый день, и показа ему господь свою смерть и распятие и воскресение, и провидѣ вознесение за полшесты тысящь лѣть. И видѣ Адамъ господа распята, а Петра въ Римѣ ходяща, а Павла въ Дамасцѣ учаща народъ и проповѣдующе твое воскресение, и вознесеся господь...

И воста Адамъ отъ сна своего и трепетень бысть во ужасѣ велицѣ о провидѣнии. И вожда господь Адама въ рай ходящя и рече ему: «Адаме, Адаме, повѣждь ми». Адамъ же убояся велми, не смѣя богу повѣдати того видѣния. И рече ему господь богъ: «Адаме, Адаме!» — Адамъ же рече ему: «Господи владыко, тебе видѣхъ на крестѣ распята во Иерусалимѣ, а ученики твоя видѣхъ ходяща — Петра въ Римѣ, а Павла въ Дамасцѣ, проповѣдующе твое распятие и воскресение». И рече ему господь: «Подобаетъ ми тебе ради снити на землю и распяту быти и въ третий день воскреснути; а ты же не повѣдай никому же видѣния сего, дондеже увидиши мя въ раю сѣдяща одесную отца, и ты о томъ поскорби, Адаме».

И бысть Адамъ въ раи 7 дний, прообразуя господь богъ житие человѣческое: десять лѣтъ исполнится рожение, 20 лѣтъ — юноша, 30 лѣтъ — свершение, 40 лѣтъ — средовѣчие, 50 лѣтъ — сѣдина, 60 лѣтъ — старость, 70 лѣтъ — скончание.

И сотвори господь богъ всю тварь, море и рѣки и скоти своею хитростию, а та 7 дней противъ седми тысящь лѣтъ. И постави господь богъ двѣ свѣтилѣ велицѣ на тверди небеснѣй освѣтити землю, и разлучи между днемъ и нощию да будетъ во знамении дне и лѣта, а будетъ просвѣщение на тверди небеснѣй: свѣтила великая въ начатокъ дни, второе свѣтило — въ начатокъ нощи. И звѣзды постави господь богъ на тверди небеснѣй, яко свѣтити по земле и обладати днемъ и нощию, и разлучити между днемъ и нощию и свѣтомъ.

И бысть вечеръ и бысть утро — день четвертый.

будет он в страданиях призывать тебя на помощь». И прогнал господь дьявола, и дьявол исчез, словно тьма от света, а все недуги вернулись к нему.

И послал господь своего ангела, повелев ему взять «аз» на востоке, «добро» на западе, «мыслете» на севере и на юге. И оживил душу в человеке, и дал ему имя Адам. А костей бог создал в Адаме триста сорок пять, и стал Адам царем над всеми землями, и птицами небесными, и зверями земными, и рыбами морскими, и дал ему бог власть надо всем. И сказал бог Адаму: «Тебе служат солнце, луна и звезды, и птицы небесные, и рыбы морские, и птицы, и животные, и гады». Господь бог на востоке насадил рай и велел Адаму там жить, а жена Адаму еще не была создана. И наслал бог на Адама сон, и Адам уснул, и бог взял его левое ребро, а из ребра выпростал руки, и ноги, и голову, и создал жену в шестой день; и предсказал господь Адаму свою смерть, и распятие, и воскресение, и предвидел он вознесение за пять тысяч пятьсот лет. И увидел Адам господа распятого, Петра в Риме, а Павла в Дамаске, обучающих народ и проповедующих его воскресение, и как вознесся господь...

Проснулся Адам в сильном волнении и страхе великом из-за вещего сна. Увидел господь Адама, ходящего по раю, и сказал ему: «Адам, Адам, расскажи мне». Но Адам сильно испугался, не смея рассказать богу свой сон. И сказал ему господь бог: «Адам, Адам!» Адам же ответил ему: «Господи владыко, я видел, что тебя распяли на кресте в Иерусалиме и что ученики твои — Петр в Риме, и Павел в Дамаске,— ходят и проповедуют твое распятие и воскресение». И сказал ему господь: «Мне следует ради тебя, Адам, сойти на землю, и быть распятым, и воскреснуть в третий день, а ты никому не рассказывай этот сон, покуда не увидишь меня, сидящего в раю справа от отца,— и ты о том поскорби, Адам».

И был Адам в раю семь дней, чем предсказывал господь бог человеческую жизнь: десять лет — это ребенок, двадцать лет — юноша, тридцать лет — зрелость, сорок лет — средовечие, пятьдесят лет — седина, шестьдесят лет — старость, семьдесят лет — смерть.

И создал господь бог своим умением всю тварь, море, и реки, и зверей, а те семь дней сообразны семи тысячам лет, и поставил господь бог два светильника больших на тверди небесной, чтобы освещали землю, и разделил день от ночи, в ознаменование дней и лет. И чтобы было просветление на тверди небесной — большой светильник, обозначающий начало дня, а другой — начало ночи. И звезды поместил господь бог на тверди небесной, чтобы им светить над землей, владеть днем и ночью, и разделять день от ночи и света.

И был вечер, и было утро — день четвертый.

Постави господь богъ планиты и облацы зарьныя и дуги на облацѣхъ, еже пущати дожди, и громи, и молния человѣкомъ всея земли просвѣщати древа плодовитая. И рече господь богъ: «изведу воды живыхъ во вѣки, птицъ перящеся по заводемъ на тверди небеснѣй».

И бысть, яко сотвори господь богъ четыре киты великия, изведе отъ нихъ всяку птицу и всякъ гадъ на земли; и иныя благослови ясти, и глаголя: «раститеся и умножитеся и наполните *землю* и обладайте ею».

А в семъ бо дней обходитъ кругъ, а 7 лѣтъ за всю 7000 лѣтъ, и осмой тысящи нѣсть конца, еще есть безконечный.

Въ недѣлю, день рекомый недѣля, въ той же день воскресе Христосъ от мертвых, и в той же день господь на облацѣхъ судити всему миру, иже не имать конца свѣта, и воздастъ комуждо по дѣломъ его.

Устроил господь бог планеты, и зоревые облака, и радуги на облаках, которые пускают дожди, и громы, и молнии, чтобы людям всей земли озарить плодовитые деревья. И сказал господь бог: «Сотворю вовеки животворные воды, птиц, обитающих по заводям и в небесных пределах».

И как создал господь бог четырех громадных китов, пустил от них всяких птиц и гадов по земле, а других благословил съедать их и сказал: «Растите, размножайтесь, наполняйте землю и владейте ею».

А в семь дней совершается круг, а семь лет за все семь тысяч лет, и восьмой тысяче нет конца, так как свет бесконечен.

В воскресенье, в день, называемый неделя, в тот день воскрес Христос из мертвых, и в тот же день будет господь на небесах судить весь мир, который не имеет конца, и воздаст каждому по делам его.

СЪКАЗАНИЕ ОТЦА НАШЕГО АГАПИЯ ЧЬСО РАДИ ОСТАВЛЯЮТЬ РОДЫ И ДОМЫ СВОЯ И ЖЕНЫ И ДѢТИ И ВЪЗЬМЪШЕ КРЬСТЪ И ИДУТЬ ВЪ СЛѢДЪ ГОСПОДА ЯКО ЖЕ ЕВААНГЕЛИЕ ВЕЛИТЬ

Господи, благослови, отче!

Агапии отець нашь из млада начатъ бога бояти ся и заповѣди его хранити. Живъ въ дому своемь шесть на десяте лѣтъ. И тако изиде въ манастырь, и прѣбысть въ манастыри шесть на десяте лѣтъ моля ся господу день и нощь глаголя: «Господи, съкажи ми чьсо ради оставляють домы своя и роды и въ слѣдъ тебе идуть». Тако же ему молящу ся, услышана бысть молитва его въ девятыи час нощи. Гласъ бысть къ нему глаголя: «Агапие, рабе мои, молитва твоя въшьдъши къ мнѣ прията бысть, и се извожю тя изъ манастыря, и веду тя въ пути моя. И егда изидеши из манастыря и узьриши орьлъ, и амо же тя ведеть, иди по немь».

Агапии же рече: «Буди имя господне благословлено отселѣ и до вѣка». И въставъ излѣзе ис церкве. И събьра вься калугеры и рече имъ: «Братия, кого хощете да поставлю вам игумена въ себе мѣсто?» Братия же рекоша къ нему: «А ты ся камо хощеши дѣти отъ насъ?» Агапии же рече къ нимъ: «Господь богъ отводить мя отъ васъ, и азъ иду въ пути господня. Вы же кого хощете да поставлю вам старѣишину?» Калогери же рекоша: «Его же ты изволиши, и поставиша намъ игумена». Агапии же постави имъ игумена брата старѣишаго, и устроивъ я и цѣловавъ ѣ, изиде изъ манастыря. Рек: «Миръ вамъ, и господь съ вами». И егда поиде путьмь, узьрѣ и орьлъ идущь съ небесе къ себѣ, и испълъни ся духъмь святыимь Агапии. Орьлъ же пришьдъ къ нему поиде прѣдъ нимь, путь кажа. Агапии же идяаше съ тъщаниемь по пути въ слѣдъ его. И доведе и орьлъ морьскыя лукы, и отиде от него.

Агапии же стояше на мори, мысля, камо бы прѣшьлъ морьскую глубину, бяше бо и звѣрь лютъ въ лукахъ морьскыихъ, иже изѣдаше человѣкы. Агапии же ужасьнъ бысть вѣльми. И яко же отиде от него орьлъ и не домышляше ся камо ити.

СКАЗАНИЕ ОТЦА НАШЕГО АГАПИЯ, ЗАЧЕМ ОСТАВЛЯЮТ СВОИ СЕМЬИ, И ДОМА, И ЖЕН, И ДЕТЕЙ, И, ВЗЯВ КРЕСТ, СЛЕДУЮТ ЗА ГОСПОДОМ, КАК ВЕЛИТ ЕВАНГЕЛИЕ

Господи, благослови, отче!

Отец наш Агапий с детства привык бояться бога и хранить его заповеди. Прожил он дома шестнадцать лет, и ушел в монастырь, и провел там еще шестнадцать лет, ежедневно и еженощно молясь господу и говоря: «Господи, скажи мне, для чего оставляют домá и семьи свои и следуют за тобою?» И так он молился. Была услышана богом его молитва в девятом часу утра. Сказал ему голос: «Агапий, раб мой, внял я молитве твоей, и вот увожу тебя из монастыря и веду тебя по путям моим. Когда выйдешь из монастыря, увидишь орла, и куда он поведет тебя, следуй за ним».

Агапий же сказал: «Да будет имя господа благословенно отныне и вовеки». И, поднявшись, вышел из церкви. Он собрал всех монахов и сказал им: «Братья, кого вы хотите, чтобы я поставил игуменом вместо себя?» Братья ответили: «А куда сам ты собираешься от нас?» Агапий сказал им: «Господь бог уводит меня от вас, и я иду по пути господнему. А вы кого хотите, чтобы я поставил старшим над вами?» Монахи же ответили: «Кого тебе угодно, того и поставь игуменом». Агапий назначил им игуменом самого старого монаха и, устроив так и поцеловав их, ушел из монастыря. Сказал: «Мир вам, и господь с вами». И когда он пошел по дороге, увидел, что орел слетает к нему с небес, и Агапий преисполнился святым духом. Орел же, слетев к нему, полетел перед ним, указывая путь. Агапий точно следовал по пути за ним. И орел привел его к морскому заливу, а сам улетел от него.

Агапий стоял на берегу, раздумывая, как бы ему перебраться через море, так как в морских заливах обитали дикие звери, которые поедали людей. Агапий сильно испугался. И когда от него улетел орел, он не мог решить, куда же ему идти.

Стоя бо узьрѣ корабль плавающь и въздрадовася вельми и приближися къ морю. И видѣ въ корабли дѣтищь и дъва мужа велика. И егда поклонити ся хотѣ и рещи: «Добрѣ ходите и добръ вы путь буди», тъгда малыи-дѣтищь пьрьвѣе рече къ Агапию: «Агапие, съдравъ ли еси, чьто дѣеши сьде въ лукахъ сихъ морьскыихъ, и не вѣси ли, яко звѣрь лютъ есть сьде и изѣсть тя?» Агапии же рече къ младому дѣтищу: «Къто ти имя мое повѣда, како ли мя знаеши?» Малыи же дѣтищь рече: «Агапие, а ты не знаеши ли мене? Нѣсмь ли азъ близь манастыря твоего сусѣдѣхъ? Нѣ ли мнѣ отець оньсиця имя ему рекъ, и братия моя, не вѣси ли, яко учать ся у тебе въ манастыри?» И вьсѣмъ имена повѣда. Агапии же въздѣвъ руцѣ помолися господу глаголя: «Прославлю тя, господи, яко съподобилъ мя еси, господи, обрѣсти человѣка своего племеньника въ пустыняхъ сихъ и въ глубинахъ морьскыихъ». Малыи же дѣтищь рече: «О Агапие, чьто есть путь твои и камо хощи ити?» И рече Агапии: «Не вѣмь мѣста ни нарока, камо хощю ити нъ господь богъ мои путь есть». Малыи же дѣтищь рече: «Агипе, вълѣзи къ намъ въ корабль и прѣвеземъ тя амо же хощеши ити». Агапии же вълѣзъ въ корабль и посѣдѣвъ мало, от пути и от труда въздрѣмавъ ся и усьпе. И егда усъпе, повелѣ малыи дѣтищь великыима мужема възьмъша и прѣнесѣта чрѣсъ море. И положыше и, и се ищезоша от него.

Агапии же убудивъ ся от съна и не видѣ корабля, ни малаго дѣтища. И въставъ, оттудѣ приде въ мѣста нѣкая не вѣдома. И обрѣте ту дрѣва различьна, и цвѣты цвьтуща различьны, и овоща различьны, ихъ же не видѣ никъто же николи же. Сѣдяху же пътицѣ на дрѣвѣхъ тѣхъ, различьны имуща одежда. Овѣмъ бяше яко злато перие, а другыимъ багъряно, инѣмъ чьрьвлено, а другыимъ сине и зелено и различьныими красотами и пьстротами украшены. Другыя же бѣлы яко и снѣгъ. Вьсѣхъ бо гласи бяху различьни и щьбьтаху сѣдяще друга къ друзѣ и пояху пѣсни различьны — ова великъмь гласомъ, а другыя льгъкъмь гласомь, а другыя тънъкъмь гласомь и пѣниемь, ины же дивьнъмь гласомь яко бо каяжьдо по ряду ихъ и по подобию, пѣсни же ихъ и слава велика, ако яже никъто же слышалъ на семь свѣтѣ ни видѣти имать. Агапии же напослушавъ ся и напитавъ ся отъ овоща и испочивъ от труда. Глагола въ себѣ: «Сего ради господь богъ мои привелъ мя есть сѣмо и не имамъ отити отсюду нъ обрящю си мѣсто подобьно, иде же вьртоградъ сътворивъ. И сьде животъ свои съконьчаю». И тако похажая къде сътворить вьртоградъ свои и обрѣте путь подъ овощьмь, и сѣде при пути глаголя: «Подобаеть человеку приити по пути сему, иже ми съкажеть мѣста си кая суть». И посѣдѣвъ мало и узьрѣ идуща 12 мужа въ бѣлахъ ризах, идуща къ себѣ путьмь. Въздрадова ся радостию великою. И егда приближи ся къ нему,

Стоя на берегу, он увидел, что плывет корабль, очень обрадовался и подошел ближе к морю. Он увидел на корабле мальчика и двух взрослых мужей. И когда Агапий хотел поклониться им и сказать «Добрый путь вам!», тогда отрок сказал Агапию: «Агапий, здоров ли ты, что ты тут на берегу морском делаешь? Разве не знаешь, что здесь водятся дикие звери и они могут съесть тебя?» Агапий ответил ребенку: «Кто сказал тебе мое имя? Откуда ты меня знаешь?» Отрок сказал: «Агапий, а ты не узнаешь меня? Разве не я живу по соседству с твоим монастырем? Не мой ли отец тот, имя кого ты назвал, и не мои ли братья послушничают у тебя в монастыре?» И назвал отрок всех по именам. Агапий, воздев руки, помолился господу, говоря: «Господи, прославляю тебя за то, что послал мне встречу со своим сородичем в этом пустынном и диком месте». Отрок спросил его: «Агапий, куда держишь путь и куда хочешь идти?» И ответил Агапий: «Не знаю я ни места, ни цели, куда идти, но путь мой — божий путь». Отрок сказал ему: «Агапий, ступай к нам на корабль, и перевезем тебя, куда ты хочешь». Агапий перебрался к ним на корабль и, посидев немного, вскоре от усталости и долгой дороги захотел спать и уснул. А когда уснул, отрок велел мужам взять его и перенести через море. И там его положили и ушли все от него.

Когда Агапий проснулся, он не увидел ни корабля, ни отрока. И, встав, пришел он оттуда в совсем незнакомое место. И увидел Агапий там различные деревья и цветы разные цветущие, и разнообразные плоды, которых никто никогда не видел. На деревьях тех сидели птицы в разнообразных опереньях. Перья у одних были подобны золоту, у других — багряные, у третьих — красные, у иных — синие и зеленые, и все они различными красотами и пестротами украшены. А еще другие птицы белые как снег. И голоса у всех птиц разные, и они щебетали, сидя друг перед другом, и пели разные песни, одни — громким голосом, другие — тихим, а третьи — тонким, иные — нежным, ибо каждая птица пела согласно и в лад; песни же их и все великолепие такое было, какого никто не слыхивал и не видывал на этом свете. Агапий послушал птиц, и напитался плодов, и поспал после трудов. И сказал он себе: «Для того и привел меня сюда господь бог мой, чтобы найти мне здесь подходящее место, где насадить сад. И я не уйду отсюда; здесь я и умру». И так ходил он в поисках места, где бы ему насадить сад свой, и увидел дорогу под плодовым деревом, и сел у дороги, говоря: «По этому пути должен прийти человек, который скажет мне, что это за место». Посидел он немного и увидел двенадцать человек в белых одеждах, идущих к нему по дороге. Возрадовался он радостью великой. И когда те приблизились к нему, он

узърѣ Исуса въ славѣ велицѣ. Въставъ же Агапии прииде къ нимъ. И егда хотѣ поклонити ся рещи: «Добрѣ вы буди путь», тъгда великыи мужь рече: «Съдравъ ли еси Агапие и чьто есть путь твои?» И рече Агапии: «Господь богъ мои путь есть». И постоявъ мало Агапии видѣ окрьстъ его лиця человечьска многа и пътиця перьнаты, и пѣсни и славу велику. И падъ поклонихъ ся прѣдъ нимь глаголя: «Господи, къто ты еси и сия 12 мужа? И яко вижю окрьст тебе лиця человечьска мънога и пътицѣ перьнаты и славу велику, и сия мѣста кая суть, въ нихъ же се азъ есмь?» Рече же великыи мужь: «О Агапие, по чьто тако дьрьзаеши и по чьто мене въпрошаеши, нъ обаче съкажю ти вься да ся не блазниши. Азъ есмь глас глаголавый тебѣ въ манастыри: «Изиди въ путь мои», азъ есмь орьлъ иже стѣньмь путь тебѣ казахъ. Азъ есмь дѣтищь малыи, иже тя чрѣсъ море прѣвезохъ. Азъ есмь господь богъ творьць небу и земли и вьсея видимыя и невидимыя. Си же 12 мужа апостоли суть. Си же лица, яже видиши хѣровими и серафими суть. Слава же си юже видиши, въсылаема есть сѣдящуму на семѣмь небеси. Мѣста же си раиская суть. Овоща же си пища апостольская и правьдьныихъ душь есть. Пътиця же, яже слышиши, небесьныя суть. Слава же ихъ и пѣния на небеса въсылаеть ся сѣдящуму на прѣстолѣ хѣровимьстѣ». Рече же Агапии: «Господи, помилуй мя и дажь ми да не излѣзу из дрѣвъ сихъ, нъ да сьде съконьчаю животъ свои». Господь же рече къ нему: «Нѣсмь тебе сего ради привелъ сѣмо, нъ оже рече семъ оставихомъ вься и въ слѣдъ тебе идохомъ и чьто ны будеть,— то се иди и узьриши славу божьства сего». И рече Агапии: «Господи, камо ми велиши ити?» И рече господь: «Идеши по пути сему, по нему же мы приидохомъ къ тебѣ, и шьдъ приидеши къ стѣнамъ яже суть от землѣ до небесе и обрящеши стьжицю малу и по стьжици тои идеши. И обрящеши окъньце мало въ стѣнѣ. И тълкнеши въ не, и изидеть къ тобѣ человѣкъ старъ и поимъ тя въведеть въ стѣну, ижи ти съкажеть тамо вься. И егда изидеши и идеши пакы по стьжьцѣ и доидеши лукы морьскыя и узьриши кораблиць малъ въ мори и 12 мужа въ немь и вълѣзеши къ нимъ, и доидете въ градъ въ нь же хотять ити. И егда изидуть гражане противу вамъ изидеть и жена съ ними въ скврьньнахъ ризахъ простовласа, и оже ти начьнеть велѣти, сътвори еи». Агапии же поклонивъ ся поиде по пути, по нему же настави и господь. И шьдъ много обрѣте стѣну яже стоить до небесе. И пришьдъ обрѣте стьжицю малу и по стьжици шьдъ обрѣте окъньце мало въ стѣнахъ и тълкнувъ възьва. И изиде къ нему человѣк и рече ему: «Чьто есть путь твои?» Агапии же рече: «богъ тъ мои путь есть». И рече ему: «человѣк сьде не приходилъ въ плъти сы ни прѣже тебе ни по тебѣ имать прити». Агапии же съказа ему вься елико съказа ему господь.

узрел Иисуса в великой славе. Агапий встал и подошел к ним. Когда он хотел поклониться им со словами: «Добрый путь вам!», великий муж сказал: «Здоров ли ты, Агапий, и куда лежит путь твой?» И ответил Агапий: «Путь мой — господь бог». И, немного постояв, Агапий увидел вокруг себя много и лиц человеческих, и птиц пернатых, и услышал пение и сияние великое. Упав ниц, поклонился он Христу со словами: «Господи, кто же ты и кто эти двенадцать мужей? И почему вижу я вокруг много человеческих лиц, и птиц пернатых, и что это за место и сияние великое, где я нахожусь?» И сказал великий муж: «О Агапий, почему ты осмеливаешься выспрашивать у меня? — но, однако, скажу тебе все, чтобы не вводить тебя в заблуждение: я — голос, говоривший тебе в монастыре: «Иди путем моим», я — орел, который полетом своим указывал тебе дорогу, я — отрок, что перевез тебя через море. Я есмь господь бог, творец неба и земли и всея видимыя и невидимыя. Эти двенадцать мужей — апостолы. Эти лица, что видишь вокруг,— херувимы и серафимы. Сияние же, которое видишь, освещает сидящего на седьмом небе. Место же это — рай. Плоды эти — пища апостолов и душ праведных. Птицы, чье пение слышишь ты,— птицы небесные. Сияние их и пение к небесам летят, к сидящему на престоле херувимском». Сказал Агапий: «Господи, помилуй меня и не дай мне покинуть этот сад, да окончу здесь жизнь свою». Господь же сказал ему: «Не для того я привел тебя сюда, но если сказал: «Оставили все и пошли за тобой, что бы ни ожидало нас»,— то так и иди, и увидишь славу божию». И ответил Агапий: «Господи, куда велишь мне идти?» И сказал господь: «Иди той дорогой, по которой мы пришли к тебе, и придешь к стенам высотой от земли до небес. Там найдешь маленькую тропку, и иди по ней. Увидишь крохотное оконце в стене. Постучи в него, и выйдет к тебе старик, который впустит внутрь, и там тебе все расскажет. И когда ты выйдешь за ограду, пойдешь снова по тропинке и дойдешь до залива морского, где увидишь небольшой корабль в море и двенадцать мужей в нем, и ты взойди к ним, и вы приплывете в город, куда им надо. И когда жители выйдут навстречу вам, среди них будет бедно одетая и простоволосая женщина, и что она ни велит, сделай для нее». Поклонившись, Агапий отправился по дороге, которую показал ему господь. Пройдя большое расстояние, нашел стену, высотою до неба. И, подойдя, увидел тропинку, и, пройдя по тропинке, увидел оконце в стене, и, постучавшись, стал звать. И вышел к нему человек и сказал: «Куда идешь?» Агапий же ответил: «Путь мой — божий путь». И сказал ему человек: «Человек во плоти сюда еще не приходил до тебя и не придет после». Агапий поведал ему все, что сказал господь.

И како изведенъ бысть изъ манастыря, и како орьлъ казаше ему путь стѣньмь, и како прѣведенъ бысть море, и како явися ему господь 12 те апостолома въ славѣ велицѣ. «Отнюду бо посъла мя сѣмо, рекъ: «Иди путьмь симь и обрящеши стѣны высокы и глядаи стъжицѣ мали по неи шьдъ обрящеши окъньце мало въ стѣнѣ. И тълъкнувъ възовеши, и изидеть къ тобѣ человѣкъ·старъ, иже въведеть тя тамо и съкажеть ти вься». Рече же старыи человѣк: «Буди воля господня» и имъ за руку Агапия проведе и стѣны. И егда въниде Агапии вънутрь узьрѣ свѣтъ седмерицею свѣтлѣи сего свѣта, очи же его не можаста зьрѣти на свѣтъ. И паде ниць на земли. Поимъ же мя человѣкъ старый приведе къ хрѣсту, его же бяше высота до небесе и бльщаше ся паче солнця. И поклониста ся прѣдъ крьстомъ и сътвориста молитву. И тако начать Агапии търьпѣти свѣт. И поимъ приведе и иде же стояше одръ ему и трьпеза украшена отъ камения драгааго. И лежаше хлѣбъ на неи бѣлѣи снѣга, видѣхъ бо у одра кладязь бѣлѣи млѣка и слажьи меду. Виногради же стояху различьно имуще грьздовие: ово багъряно, ово чьрьвлено, ово бѣло, и овоща имуща различьны, и цвѣтьци и житие его же не видѣ никъто же. И рече Агапии старому человѣку: «Господи, съкажи ми, чьто се, еже вижю?» И рече ему: «О брате мои Агапие, по чьто глаголеши ми господи, ельма же жидове не нарекоша бога нашего богомъ, нъ рекоша льстьць есть и злодѣи. И имъше убиша и распяша и на крьстѣ, али ты мнѣ глаголеши господи а хотящу умрѣти и съ пьрьстию съмѣсити ся, нъ обаче съкажю ти да ся не блазниши, азъ есмь Илия Тезвитѣнин, его же възнесоша колесниця огньны и кони огньни, и господь благослови мя подъ небесьмь. И съниде и посади мя сьде, и сьде живу до вътораго пришьствия господня. Си же вься яже видиши душѣ суть человечьскыя, тобѣ явилыся грьздовиемь, поне бо живь человѣкъ не можеть видѣти душь человечьскъ. Сь же кладязь порода ся нарицеть и исходить въ дрѣва раиская, сь же свѣтъ ангельскъ есть и правьдьныихъ душь. Сь же одръ и трьпеза творение руку господию. Хлѣбъ же сь небесьныи есть и правьдьныихъ душь, источьникъ же сь ангели пиють и правьдьнии человѣци. Видѣхъ же и ина брашьна ихъ же сласти нѣсть удобь съказати, нѣсть бо имъ притъча на семь свѣтѣ. Их же бо сласти и вонѣ человечьска уста не могуть исповѣдати. Простая же ядь яко и млѣко и медъ». И възьмъ дасть ми отъ источника въкусити. И просвьтѣ ми ся умъ и поимъ мя приведе къ трьпезѣ. И видѣхъ хлѣбъ цѣлъ и яко не уломлено отъ него ничьто же. Илия же съказа ми вся ихъ же не удобь съказати никому же и приведе мя пакы къ хрѣсту и сътвори молитву съ мною. И изведе мя изъ окъньця и яко поклониховѣ и целовахове,

И как был уведен из монастыря, и как орел указывал ему дорогу полетом своим, и как был перевезен через море, и как явились ему господь и двенадцать апостолов в сиянии великом. «Оттуда и послал он меня сюда, и сказал: «Иди этим путем, и найдешь высокую ограду, ищи тропинку, и, идя по ней, найдешь оконце маленькое в стене. Постучавшись, позови, и выйдет к тебе старик, который введет тебя внутрь и скажет тебе все». Старец ответил: «Да будет воля господня», и, взяв Агапия за руку, провел за стену. Когда Агапий вошел внутрь, он увидел сияние в семь раз светлее света, так что глазам невозможно было смотреть на него. И Агапий пал ниц на землю. Взяв за руку, старец привел меня к кресту, что возвышается до небес и сверкает ярче солнца. И поклонились перед крестом, и сотворили молитву. И так Агапий начал привыкать к сиянию. И привел его старец к месту, где стояла скамья и стол господень, украшенный драгоценными каменьями. На столе лежал хлеб белее снега, а у скамьи был источник белее молока и слаще меду. На столе лежали гроздьями множество ягод — и багряные, и красные, и белые, и были там разные плоды и цветы, и вещи никем не виданные. И сказал Агапий старцу: «Господи, скажи мне, что это я вижу?» И он ответил ему: «О брат мой Агапий, почему ты говоришь мне «господи», ведь евреи не назвали бога нашего богом, но сказали: «льстец он и злодей». И, схватив, убили его и распяли на кресте,— а ты говоришь мне «господи», тому, кто умрет и смешается с землею; но, однако, назовусь тебе, чтоб ты не обманывался. Я — Илия Тезвитянин, которого огненные кони в колеснице вознесли на небо, и господь благословил меня на небесах. И сошел он ко мне, и оставил меня здесь, и вот я живу тут до второго пришествия господня. Все, что видишь ты здесь,— это души человеческие явились тебе в виде плодов, так как живой человек не может увидеть душ человеческих. Этот источник называется «Раем» и вытекает от райских деревьев, свет этот — свет ангелов и праведных душ. Эти скамья и стол — творение рук господних. Хлеб — это хлеб небесный праведных душ, и из этого источника пьют ангелы и праведники. Ты видел и другие яства, их вкус невозможно передать словами, нет им ничего подобного на этом свете. О их сладости и запахе нельзя рассказать человеческим языком. А простая еда здесь — как молоко и мед». Он дал мне испить из источника. И ум мой просветлел, и, взяв за руку, он подвел меня к столу. Я увидел, что хлеб цел, словно от него не отламывали ни кусочка. А Илия рассказал мне все, но это не следует говорить никому, потом он снова привел меня к кресту и сотворил молитву вместе со мной. Он вывел меня через отверстие в стене, и мы поклонились друг другу и поцеловались.

И рече ми Илия: «Миръ ти буде, Агапие, иди въ пути господня и господь богъ съ тобою». Азъ же поклонивъ ся поидохъ по пути, иже ми показа Илия. И тако шьдъ многы дни доидохъ моря и поглядахъ по морю, и видѣхъ корабль идущь къ себѣ и 12 мужа въ немь. И егда приближиша ся къ мнѣ глаголахъ имъ: «Добрѣ ходите и добръ вы буди путь». Отвѣщаша и рекоша: «Послушаи тебе богъ твои добрыи старьче». Агапие же рече къ нимъ: «Възьмѣте мя съ собою въ корабль и иду съ вами въ градъ въ нь же хощете ити». Они же глаголаша къ нему: «Мы се третиее лѣто заблудихомы въ мори и не вѣмы камо ити. Братия же наша измьроша отъ глада и зимы и отъ бурѣ морьскыя. Мы же доселѣ живи есмъ, яко ни хлѣба ни воды многы дни не насытихомъ ся, и нѣ днесь нѣ ночьсь умремъ. И аще тя приимемъ и ты съ нами умреши и болии намъ грѣхъ приложиши». Агапии же рече къ нимъ: «Възьмѣте мя съ собою; господь богъ печеть ся животъмь нашимь».

И глаголаша ему корабльници: «Въниди рабе божии къ намъ, аще имаши брашьно съ собою, да понѣ ты спасенъ будеши». Агапий же въниде къ нимъ и видѣв я яко зѣло немощьни суть и милосьрьдовавъ о нихъ сътвори молитву. И посадивъ я въ корабли възя укрухъ иже ему дасть Илия въ раи, и прѣломи и на четыри части, и хвалу въздавъ, въдасть и 12 те мужема. И ѣша и насытиша ся и четвьртую часть юже остави цѣла бысть пакы, яко и не уломлено отъ нея ничьто же. Видѣвъше же корабльници славу божию, възъпиша къ Агапию глаголюще: «Рабе божии, помилуй ны, не ходи отъ насъ, да о укрусѣ семь плаваемъ глубины морьскыя». Агапий же рече: «Буди воля господня». И рече корабльникомъ: «Поставите вѣтрила». Они же поставиша. Приде же вѣтръ волею божиею и принесе я единомь часѣ въ градъ свои, отъ него же плаваша укияна не вѣдяще камо ити. И егда присташа у града, изидоша гражане противу имъ, въпиюще: «Изидѣте яко и братия наша придоша, ихъ же се тртиее лѣто гласа не слышахомъ», и шьдъше цѣловаша я. Глаголаху же къ нимъ корабльници: «И еще бысте гласа нашего не слышали, аще не бы богъ посълалъ раба своего къ намъ, его же ради принесени быхомъ въ градъ». Гражане же прославиша бога, и изиде жена изъ града въ скврьньнахъ ризахъ простовласа. Пришьдъши поклони ся прѣдъ Агапиемь, плачющи ся и глаголющи: «Рабе божии Агапие, помилуй мя». Агапий же глаголаше: «*Чьто* деши къ мънѣ?» Жена же въпияше прѣдъ въсѣмь народъмь: «Поиди, рабе божии, яко сынъ мои се пятыи на десяте дьнь мьрътвъ лежить. Господь бо не да ми его погрети глаголя: «Пожиди 3 дьни донъдеже придеть корабль и 12 те мужа въ немь, и калугеръ съ ними

А Илия сказал мне: «Мир тебе, Агапий, иди путем божиим, и господь бог с тобою». И я, поклонившись ему, пошел по дороге, которую указал мне Илия. Идя так много дней, я пришел к морю, окинул море взором и увидел корабль, плывущий мне навстречу, а в нем двенадцать мужей. И когда они приблизились ко мне, я сказал им: «Добрый путь вам!» Они ответили: «Да внемлет тебе бог твой, добрый старец». Агапий попросил их: «Возьмите меня с собою на корабль, и я поплыву с вами в тот город, куда вы направляетесь». Они ответили ему: «Уже третье лето мы блуждаем по морю и не знаем, куда плыть. Братия наша обессилела от голода и холода и от морских бурь. И хоть мы пока живы, но уже много дней ни хлебом, ни водой не насыщались и не сегодня — завтра умрем. Если же возьмем тебя с собою, то и ты с нами умрешь, а нам большой грех причинишь». Но Агапий попросил их: «Возьмите меня с собою, господь бог заботится о нас».

И сказали ему корабельщики: «Входи, раб божий, к нам, если есть у тебя еда с собою, то хоть ты будешь спасен». Агапий взошел к ним и увидел, как сильно они истощены, и он помолился о них, жалея их. Агапий взял с собой в корабль ломоть хлеба, который дал ему в раю Илия, разломил его на четыре части и, воздав хвалу богу, раздал их двенадцати мужам. Они съели хлеб и насытились, а четвертая часть, которую Агапий оставил, снова стала целым хлебом, словно от него никто не отламывал ни куска. Корабельщики увидели милость божию и воскликнули, обратясь к Агапию: «Раб божий, помилуй нас, не уходи, с помощью этого ломтя хлеба мы будем плавать по волнам морским». Агапий сказал: «Да будет воля господня». И велел корабельщикам: «Поставьте паруса». Они поставили. И задул ветер по воле божией, и через один только час пригнал их в свой город, из которого уплыли они в океан и не знали, куда идти. Когда они пристали к городу, навстречу им вышли его жители, восклицая: «Выходите все, так как пришли те, чьих голосов не слышали мы уже три года», и, подойдя, они целовали их. А корабельщики сказали горожанам: «Вы могли еще дольше не слышать голоса нашего, если бы не послал нам бог своего раба, благодаря которому мы приплыли в город». И горожане прославили бога, и из стен городских вышла простоволосая, бедно одетая женщина. Подойдя, поклонилась Агапию и с плачем сказала ему: «Раб божий, Агапий, помилуй меня». Агапий спросил ее: «С чем ты идешь ко мне?» Женщина возопила перед всем народом: «Пойдем, раб божий, так как сын мой пятнадцатый день лежит мертв. Господь бог не дал мне его похоронить, сказав: «Подожди три дня, пока не придет корабль и в нем двенадцать мужей, а с ними монах,

имя ему Агапии, того поимъши веди, да въскрѣсить сына твоего». Агапии же помяну, еже рече ему Исусъ. И въставъ иде въ слѣдъ жены водимъ ею, и 12 корабльника, и вьси гражане. Агапии же въниде въ хлѣвину, иде же лежааше сынъ ея на одрѣ и сътворивъ молитву, и възя укрухъ, иже ему дасть Илия, и положи на лици его. И сѣде отрочищи на одрѣ. И имъ и за руку въдасть матери. Мати же его прослави бога, и вьси гражане глаголаху къ Агапию: «Рабе божии, не ходи отъ насъ, и яко мы обычаи имамъ, да иже умреть, погрѣбаемъ. А ты имаши обычаи, да иже умьреть, пакы оживишии». И не дадяху ему изити изъ града. И корабльници не рачаху остати его, глаголюще: «Идемъ и мы съ тобою, любо по суху, любо по водѣ, ямо же хощеши ити». Прѣбы же ту семь дьнии. Въ едину же нощь приде ангелъ господень къ нему и изведе и изъ града и рече ему: «Иди подълъгъ моря, и донъдеже обрящеши мѣсто уготованое тебѣ, иде же бо сѣдъ, напишеши, яже ти съказа господь видѣния и яже походи мѣста господня». И то рекъ ангелъ господень, отиде отъ него. Агапий же иде подълъгъ моря многы дьни и обрѣте стѣны высокы, и видѣ двьрьця въ стѣнахъ. И вълѣзе въ ня по степеньмъ. И видѣ хлѣвину устроену и одръ въ неи, и постеля на одрѣ. И вълѣзъ въ хлѣвину сътвори молитву и сѣдъ написа чьтение се. И егда съконьча, волею божиею привьрьженъ бысть вѣтрьмь къ нему корабль. И излѣзъ Агапий въдасть корабльникомъ чьтение се глаголя: «Несъше въдадите патриарху в Иерусалимѣ, да е въдасть въ вься церкви, да е чьтуть». Блаженыи же Агапий прѣбысть въ хлѣвиници тои 40 лѣтъ и съконча животъ свои о укрусѣ иже ему дасть Илия. И прѣдасть духъ свои славя прѣсвятую троицю, отця и сына и святаго духа ныня и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

имя его Агапий; взяв его, приведи к себе, чтобы он воскресил твоего сына». Агапий вспомнил, что говорил ему Иисус. И, поднявшись, отправился следом за женщиной, которая повела его, а за ними двенадцать корабельщиков и все горожане. Агапий вошел в дом, где на кровати лежал ее сын. Сотворив молитву, он взял хлебный ломоть, который дал ему Илия, и положил на лицо умершего. И отрок сел на постели. Агапий, взяв его за руку, подвел к матери, мать его прославила бога, и все горожане сказали Агапию: «Раб божий, не покидай нас, ведь есть у нас обычай, если кто умрет, погребать того. А ты умеешь оживить снова того, кто умер». И они не дали Агапию уйти из города. Корабельщики не хотели расставаться с ним, говоря: «И мы пойдем с тобой и по суху, и по воде, куда ты захочешь пойти». Агапий пробыл в городе семь дней. Однажды ночью к нему явился ангел господен, и вывел его из города, и сказал ему: «Иди вдоль моря, пока не увидишь место, тебе уготованное, где сядешь и напишешь, какие видения показал тебе господь и в каких господних местах ты пребывал». Сказав это, ангел господен отлетел от него. Агапий шел вдоль моря много дней и увидел высокие стены и дверцу в них. И вошел в нее по ступенькам. И увидел он приготовленный дом, а в нем кровать и постель на кровати. Войдя в дом, он помолился и, сев, написал повесть сию. А когда окончил, волей божией пригнало к нему ветром корабль. Агапий вышел и отдал это сказание корабельщикам со словами: «Отвезите его патриарху в Иерусалиме, чтобы он раздал во все церкви и чтобы все читали». Блаженный Агапий пробыл в том доме сорок лет и окончил жизнь свою у ломтя хлеба, который дал ему Илия. Он испустил дух, славя пресвятую троицу, отца и сына и святого духа ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМЪ

Хотѣ святая богородица помолитися къ господу богу нашему на горѣ Елионстей: во имя отца и сына и святаго духа, да снидетъ архангелъ Михаилъ, да повѣсть о муцѣ небеснѣй и о земнѣй. Слово возвѣщавши, сниде архангелъ Михаилъ и 400 ангелъ съ нимъ: 100 отъ востока, 100 отъ запада, 100 отъ полудни, 100 отъ полунощь, и цѣлова благодатную Михаилъ со ангелы и рече: «радуйся, отче исполнение; радуйся, сыновне пребывание; радуйся, святаго духа похвало; радуйся Христови... и утвержение; радуйся, Давидово проречение; радуйся, святое поклонение; радуйся, пророчьска проповѣдания; радуйся, превышняя всѣхъ у престола божия».

Рече же благодатная ко архангелу Михаилу: «радуйся ты, архистратиже, первый воинъ, невидимаго отца служителю и свѣтильниче; радуйся, Михаиле, первый воинъства, святаго духа повелѣние; радуйся архистратиже, шестокрылству похвала; радуйся, Михаиле архистратиже, мучителемъ попрание, а престолу владыкы достоино стоиши; радуйся, Михаиле, просвѣщения никакого же угасая; радуйся, архистратиже, первыи воине, хотя вострубити и убудити отъ вѣка умершая; радуйся, Михаиле, первыи всѣмъ небеснымъ силамъ, первыи же и до престола божия вся ангели прославльшаго».

Богородица, хотящи, дабы видѣла, како ся душа мучать, и рече Михаилу архистратигу: «Исповѣмся, исповѣждь ми, яже суть на земли всяческая». И рече к ней Михаилъ: «Яко же... речеши, благодатная, азъ всяческая тебѣ исповѣмъ». И рече къ нему святая богородица: «Колко есть мукъ, идѣже мучится родъ христьянскии?» И рече къ ней архистратигъ: «Неизрекомыи суть мукы». Рече же къ нему благодатная: «Исповѣжь ми на небеси и на земли».

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ

Святая богородица хотела помолиться господу богу нашему на горе Елеонской, чтобы во имя отца и сына и святого духа сошел архангел Михаил и поведал о муке, небесной и земной. И когда известили о слове этом, архангел Михаил сошел с небес, и четыреста ангелов с ним: сто с восточной стороны, сто — с западной, сто — с южной, сто — с северной. И поцеловали благодатную Михаил и ангелы, и сказал архангел: «Радуйся, завершение отца, радуйся, обитель сына, радуйся, похвала святого духа, радуйся, Христово... и утверждение, радуйся, Давидово пророчество, радуйся, святое поклонение, радуйся, пророками провозглашенная, радуйся, стоящая всех выше у престола божьего».

Ответила благодатная архангелу Михаилу: «Радуйся ты, архистратиг, первый воин, служитель невидимого отца и светильник, радуйся, Михаил, первый в воинстве, повеление святого духа; радуйся, архистратиг, похвала серафимам, радуйся, Михаил-архистратиг, побеждающий мучителей, а пред престолом владыки достойно стоящий. Радуйся, Михаил, свет непрестанный, радуйся, архистратиг, первый воин, хотевший вострубить и разбудить мертвых от века; радуйся, Михаил, главный над всеми небесными силами, первый, кого прославили до престола божьего все ангелы».

Богородица хотела увидеть, как мучаются души человеческие, и сказала архистратигу Михаилу: «Поведай мне обо всем, на земле сущем». И ответил ей Михаил: «Что просишь, благодатная, я все тебе расскажу». И спросила его святая богородица: «Сколько мук, какими мучится род христианский?» И ответил ей архистратиг: «Не назвать всех мук». Попросила его благодатная: «Расскажи мне, какие они на небесах и на земле?»

Тогда повелѣ архистратигъ явитися ангеломъ отъ полудне, и отверзеся адъ, и видѣ во адѣ мучащаяся, и бяше ту множество мужъ и женъ, и вопль много бяше. И воспроси благодатная архистратига: «Кто си суть?» И рече архистратигъ: «Сии суть, иже не вѣроваша во отца и сына и святаго духа, но забыша бога и вѣроваша юже ны бѣ тварь богъ на работу сотворилъ, того они все боги прозваша: солнце и мѣсяць, землю и воду, и звѣри и гади, то святѣи человѣкы, камени ту устроя, Трояна, *Хърса*, Велеса, Перуна, но быша обратиша бѣсомъ злымъ и вѣроваша, и доселѣ мракомъ злымъ содержими суть, того ради здѣ тако мучатся...».

И видѣ на друзѣмъ мѣстѣ тму велику, и рече святая богородица: «Что сии есть тма сии, и кто суть пребывающи въ ней?» И рече архистратигъ: «Многи душа пребываютъ въ мѣстѣ семъ». И рече святая богородица: «Да отымется тма сии, да быхъ видѣла и ту муку». И отвѣщаша ангели, стрегущии муку: «*пореченно* есть, да не видять свѣта, дондеже явится сынъ твои благыи, паче 7 солнцъ свѣтлийщи»,— и прискорбна бысть святая богородица, и ко ангеломъ возведе очи свои, и возрѣвъ на невидимыи престолъ отца своего, и рече: «Во имя отца и сына и святаго духа, да отимется тма сии, и да быхъ видѣла сию муку». И отъятся тма си и 7 небесъ явися, и ту пребываше множество народу, мужъ и женъ, вопль многии бысть и гласъ велик... исхожаше. И видѣвши я пресвятая богородица, и рече къ нимъ, плачющися со слезами: «Что сотворили есте, бѣдницы окаянии, недостойнии, како вы сѣмо приидосте?» И не бысть гласа отъ нихъ, ни отвѣта, и рекоша ангели стрегуще: «Почто не глаголите?» Рекоша мучащиися: «О благодатная, отъ вѣка нѣсмь свѣта видѣли, да не можемъ зрѣти горѣ». И возрѣвши на ня святая богородица, и восплакася велми, и видѣвши ю мучащиися, и рекоша къ ней: «Како ны еси присѣтила, святая богородица, но сынъ твой благодатныи на землю приходитъ, и не воспроси насъ, то ни Авраамъ прадѣдъ, ни Моисѣи пророкъ, ни Иоаннъ креститель, то ни апостолъ Павелъ, возлюбленникъ божии, но ты, пресвятая богородице, заступнице,— ты еси роду христьянскому стѣна, ты молишь бога, како еси насъ присѣтила бѣдныхъ?» Тогда рече святая богородица ко архистратигу Михаилу: «Что есть согрѣшение техъ?» И рече Михаилъ: «Сии суть, иже не вѣроваша во отца и сына и святаго духа, то ни въ тя, святая богородица, не хотяща проповѣдати имени твоего, якоже родися отъ тебе нашъ Исус Христос, плоть приимъ, освяти землю крещениемъ,— да того дѣля въ томъ мѣстѣ мучатся». И паки прослезися святая богородица и рече къ нимъ: «Почто ся соблазнисте, не вѣсте ли вы, якожъ мое имя чте все создание?»

Тогда архистратиг велел явиться ангелам с юга, и разверзся ад, и увидела богородица мучающихся в аду, и было тут множество мужей и жен, и вопили они. И спросила благодатная архистратига: «Кто это такие?» И ответил архистратиг: «Это те, кто не веровали в отца и сына и святого духа, забыли бога и веровали в то, что сотворил нам бог для трудов наших, прозвав это богами: солнце и месяц, землю и воду, и зверей и гадов; все это те люди сделали из камней,— Траяна, Хорса, Велеса, Перуна в богов превратили, и были одержимы злым бесом, и веровали, и до сих пор во мраке злом находятся, потому здесь так мучаются».

В другом месте она увидела тьму великую, и спросила святая богородица: «Что это за тьма такая и кто находится там?» И ответил архистратиг: «Много душ пребывает в том месте». И сказала святая богородица: «Пусть разойдется тьма, чтобы видела я и те мучения». Ангелы, стерегущие их, отвечали: «Сказано, что не увидят они света, пока не явится твой благостный сын, светлее чем семь солнц». Огорчилась святая богородица, подняла на ангела свои глаза и, взглянув на невидимый престол своего отца, сказала: «Во имя отца и сына и святого духа пусть рассеется тьма сия, чтобы я видела это мучение». И распалась тьма, и показалось семь небес, и было тут множество народу, мужей и жен, и доносился вопль сильный и плач. Увидев их, пресвятая богородица воскликнула со слезами: «Что вы сделали, несчастные, окаянные, как попали вы сюда, недостойные?» Но ни голоса, ни ответа не слышно было, и сказали ангелы, стерегущие их: «Почему не отвечаете?» Тогда мученики сказали: «О благодатная, мы никогда света не видели, не можем смотреть наверх». Святая богородица взглянула на них и горько заплакала. И увидели мученики ее, и сказали ей: «Почему ты пришла к нам, святая богородица? Твой сын благодатный приходил на землю и не спросил нас ни о чем, ни прадед Авраам, ни пророк Моисей, ни Иоанн Креститель, ни апостол Павел, божий любимец, но ты, пресвятая богородица, заступница, ты, стена роду христианскому, молишь бога, как же ты пришла к нам, бедным?» Тогда спросила святая богородица у архистратига Михаила: «В чем их грех?» И ответил Михаил: «Это те, кто не верил в отца и сына и святого духа, и в тебя, святая богородица. Они не хотели проповедовать имени твоего и что родился от тебя наш Иисус Христос, воплотился и освятил землю крещением — вот из-за этого и мучаются они там». И вновь заплакала святая богородица, и спросила их: «Почему вы впали в соблазны, разве не знаете, что вся тварь чтит мое имя?»

То рекше святая богородица, и паки тма нападе на нихъ. Рече къ ней архистратигъ: «Куды хощешь, благодатная, да изидемъ на полудне, или на полунощь?» И рече благодатная: «Изыдемъ на полудни». Тогда обратишася херувимы и серафимы и 400 ангелъ, изведоша богородицу на полудьнь, идѣжь рѣка огненая жжаше, и ту бяше множство мужъ и женъ, бяху погружении ту, овии до пояса, овии до пазуху, овии до шия, а друзии до верха.

И видѣвше святая богородица, возопи гласомъ великимъ, и воспроси архистратига: «Которыи суть си, иже до пояса во огни погружении?» И рече къ ней архистратигъ: «Се суть, иже отецъ и матерей своихъ клятву прияша, да за то здѣ мучатся, яко прокляти суть». И паки рече богородица: «Иже суть подъ пазусѣ въ огни, котории суть?» И рече къ ней архистратигъ: «Сия суть присныя куми были, карящеся, а другия блудъ творяху, да за то ти здѣ мучатся». И рече пресвятая богородица: «А иже суть до шия во пламени огню, котории суть?» И рече къ ней архангелъ: «Сии суть, иже мяса ядшая человѣча, да за то ти здѣ мучатся тако». Рече святая богородица: «А сии до верха суть ввержении во пламени огню, которыи суть сии?» И рече архистратигъ: «Си суть, госпоже, иже крестъ честныи держаще, кленутся лжами,— таковыми силы честнаго креста, его же ангели зряще трепещутъ и со страхомъ поклоняются ему,— того жъ человѣцы держаще, кленутся имъ, не вѣдуще, какова мука ожидаетъ ихъ: того ради тако мучатся».

И увидѣ святая богородица мужа висяща за нози, и червии ядяху его, и воспроси ангела: «Кто сей есть? что ли грѣхъ сотворилъ есть?» И рече къ ней архистратигъ: «Сии есть, иже приклады имаше на злато свое и на сребро, да за то на вѣки мучится».

И видѣ жену, висящу за зубъ, и различныя змия исхожаху изо устъ ея и ядяху ея. И видѣвши пресвятая, и воспроси ангела: «Что есть жена сии, что ли грѣхъ ея?» И отвѣща архистратигъ и рече: «Та есть, госпоже, еже хожаше по ближная своя и по сусѣдомъ, послушающи, что глаголютъ, и слагающи словеса неприязнена, сважающии на сварѣ, да того ради сице мучится». И рече святая богородица: «Добро было человѣку тому, да ся бы не ражалъ». И рече къ ней Михаилъ: «И еще, святая богородица, нѣсть видѣла великихъ мукъ». И рече святая ко архистратигу: «Изыдемъ да походимъ, да видимъ вся муки». И рече Михаилъ: «Куды хощеши, благодатная?» И рече святая: «На полунощь». И обратишася херувими и серафими и 400 ангелъ, изведоша благодатную на полунощъ, и бысть облакъ огненъ распростертъ, посреди его одрове, яко пламеныи огнь, и на нихъ лежаше множство мужъ и женъ.

Прорекла это святая богородица, и снова застлала их тьма. Архистратиг спросил ее: «Куда хочешь теперь, благодатная, на юг или на север?» И ответила благодатная: «Пойдем к югу». Тогда повернулись херувимы и серафимы и четыреста ангелов, привели богородицу на южную сторону, где протекала огненная река, там было множество мужей и жен, все погружены в реку — одни до пояса, другие до подмышек, третьи по шею, а иные с головой.

Увидев их, святая богородица заплакала громким голосом и спросила архистратига: «Кто это, по пояс в огонь погруженные?» И сказал ей архистратиг: «Это те, кого прокляли отцы и матери, за это здесь, про́клятые, мучаются». Снова спросила богородица: «А кто те, что до подмышек в огне?» И ответил ей архистратиг: «Это были близкие кумовья, а меж собой враждовали, а другие блуд творили, за это здесь и мучаются». И спросила пресвятая богородица: «А кто те, что по шею в огненном пламени?» И сказал ей архангел: «Это те, кто ел человеческое мясо, за то здесь и мучаются так». И спросила святая богородица: «А кто те, что с головой ввержены в огонь?» И ответил ей архистратиг: «Это те, госпожа, которые, крест честной держа, ложно клялись силами честного креста, а даже ангелы при взгляде на него трепещут и со страхом поклоняются ему. Эти же люди, держа крест, клянутся на нем, не зная, какая мука их ожидает, потому-то так и мучаются».

И увидела святая богородица мужа, висящего за ноги, поедаемого червями, и спросила ангела: «Кто это? Какой грех он совершил?» И сказал ей архистратиг: «Это человек, который получал прибыль за свое золото и серебро, за то он навеки мучается».

И увидела богородица жену, подвешенную за зубы, разные змеи выползали из ее рта и поедали ее. Видя это, пресвятая спросила ангела: «Что это за женщина и в чем грех ее?» И отвечал архистратиг, и сказал ей: «Эта женщина, госпожа, ходила к своим близким и к соседям, слушала, что про них говорят, и ссорилась с ними, распуская сплетни. Из-за этого и мучается». И сказала святая богородица: «Лучше бы такому человеку не родиться». Михаил сказал ей: «Еще не видела ты, святая богородица, великих мук». Святая сказала архистратигу: «Пойдем и увидим все муки». И сказал Михаил: «Куда ты хочешь идти, благодатная?» Святая ответила: «На север». И, повернувшись, херувимы и серафимы и четыреста ангелов вывели благодатную на север. Там расстилалось огненное облако, а посреди него стояли раскаленные скамьи, и на них лежало множество мужей и жен.

И видѣвши святая, и воздохнувъ, и рече ко архистратигу: «Кто си суть, что суть согрѣшили?» И рече архистратигъ: «Сии суть, госпоже, иже во святую недѣлю на заутреню не воставають, но лѣнящеся лежатъ, яко мертви, да за то тѣ мучатся». И рече святая богородица: «Да аще кто не можетъ стати, да что сотворили?» И рече Михаилъ: «Послушаи, святая, аще кому загорится храмина на четверо, и обыдеть и огнь и згоритъ не мога востати, таковъ не имать грѣха».

И видѣ на друзѣмъ мѣстѣ столы огнены и на нихъ множство народу мужъ и женъ, згараху на нихъ, и воспроси архистратига святая... «иже поповъ не чтуть, то ни встають имъ и егда приходять оть церкви божии, да того ради мучатся».

И увидѣ святая богородица древо желѣзно, имѣюще отрасли и витвии желѣзныи, и вершие вѣтвия того имѣяше уды желѣзныя, и бяше множство висящии, мужъ и женъ, за языки. И видѣвши святая, прослезися и воспроси Михаила: «Кто си суть, что ли согрѣшении ихъ?» И рече архистратигъ: «И се суть клеветницы и свадницы, иже разлучиша брата отъ брата и мужъ отъ женъ своихъ». И рече Михаилъ: «Послушаи, пресвятая, да ти азъ скажу и о сихъ: аще кто хотяше креститися и покаятися грѣховъ своихъ, то ти разглаголаху и не поучаху спасению, да того ради тако мучатся на вѣкъ».

И видѣ святая на друзѣмъ мѣстѣ висяща мужа за четверо, за вся края ноготь его, исхожаше кровь велми зѣло, и языкъ его вязашеся отъ пламени огненаго, не можаше воздохнути, ни рещи: «Господи, помилуй мя». И видѣвши его пресвятая богородица, и рече: «Господи, помилуй», 3-ю и сотвори молитву. И приде къ ней ангелъ, иже обладаше муками, отрѣшити языкъ мужеви тому. И воспроси святая: «Кто се есть бѣдныи человѣкъ, приемля сию муку?» И рече ангелъ: «Се есть икономъ и церкви служитель, и не творя воля божия, но да продаяше сосуды, имѣние церковное, и глаголаша: иже церкви работаеть, то отъ церкви питаеться, и того ради мучится здѣ». И рече святая: «Якоже есть сотворилъ, тако приемлетъ». И паки ему ангелъ связа языкъ.

И рече архистратигъ: «Поди, госпоже, да ти покажу, гдѣ мучать ерѣи», и видѣ попы висяща отъ краи ногти, исхождаше огнь отъ тѣмяни ихъ и опаляше я. И видѣвши пресвятая, и рече: «Кто си суть, что ли согрѣшеньи ихъ?» И рече Михаилъ: «Си суть литоргии служители и предстоящи престолу божию и достоинии ся творящи, да егда проскомисаху просвиру, и не храняху, и роняху крупицы на землю, яко звѣзды божия: тогда страшный престолъ колебашеся, и подножие божие трепеташе, да того ради тако мучатся».

Увидев это, святая вздохнула и сказала архистратигу: «Кто это такие, в чем согрешили?» Архистратиг сказал: «Это те, кто в святое воскресение не встают на заутреню, ленятся и лежат, как мертвые, за это они мучаются». И сказала святая богородица: «Но если кто не может встать, то какой грех сотворили они?» И ответил Михаил: «Послушай, святая, если у кого загорится дом с четырех сторон, и обойдет его огонь кругом, и сгорит этот человек, так как встать не сможет, то он не грешен».

В другом месте богородица увидела огненные столы и горящих на них многих мужей и жен, и святая спросила архистратига: ...«Те, кто попов не почитает, не встает им навстречу, когда они идут из церкви божией,— из-за этого и мучаются».

И увидела святая богородица железное дерево, с железными ветвями и сучьями, а на вершине его были железные крюки, а на них множество мужей и жен, подвешенных за языки. Увидев это, святая заплакала и спросила Михаила: «Кто это, в чем их грехи?» И сказал архистратиг: «Это клеветники и сводники, разлучившие брата с братом и мужа с женой». И сказал Михаил: «Послушай, пресвятая, что я тебе скажу о них. Если кто-то хотел креститься и покаяться в своих грехах, то эти клеветники отговаривали их и не наставляли их к спасению. За это они навек мучаются».

А в другом месте святая увидела мужа, подвешенного за ноги и за руки с четырех сторон, за края ногтей его. Он сильно исходил кровью, а язык его от огненного пламени скрутился, и не мог он ни вздохнуть, ни сказать: «Господи, помилуй меня». Глядя на него, пресвятая богородица сказала: «Господи, помилуй» — трижды — и сотворила молитву. К ней подошел ангел, владеющий муками, чтобы освободить этому человеку язык. И спросила его святая: «Кто этот бедный человек, который так мучается?» И сказал ангел: «Это эконом и служитель церкви, он не волю божию творил, но продавал сосуды и церковную утварь и говорил: «Кто работает в церкви, тот от церкви и питается», поэтому он и мучается здесь». И сказала святая: «Что заслужил, то и получает». И ангел снова связал ему язык.

И сказал архистратиг: «Пойдем, госпожа, покажу тебе, где мучаются иереи». И она увидела попов, подвешенных за края ногтей, от их голов исходил огонь и опалял их. Увидев это, пресвятая спросила: «Кто они и в чем согрешили?» И ответил Михаил: «Это те, кто служили литургию, и пред престолом божьим предстояли, почитая себя достойными. А когда совершали проскомидию, не хранили просвиру, роняли крупинки ее, как звезды божии, на землю. И тогда колебался страшный престол и подножие божие дрожало, за то они теперь так мучаются».

И видѣ святая мужа, змии крылатъ имѣющь 3 главы, едина же бѣ глава ко очима мужа, а 2-я ко устомъ его. И рече архистратигъ: «Се есть бѣдныи человѣкъ, яко не можетъ отдохнути отъ змию сего». И рече архистратигъ: «Се есть, госпоже, и святыя книги прочиташе и евангелия, а самъ не послушаше; люди учаше, а самъ не творяше воля божия, блудомъ и всѣмъ безакониемъ».

И рече архистратигъ силы господня: «Поди, пресвятая, да ти покажу, гдѣ ся мучитъ чинъ ангельски и апостольски». И увидѣ святая, гдѣ лежаху на пламени огненемъ и ядяше ихъ червь не усыпая. И рече святая: «Кто си суть?» И отвѣща Михаилъ: «Сии суть, иже образъ ангельски носять и апостольски, на земли величающися, патриархи и епископи, славнии имены, и словяху: благословити отцы святии, но на небеси не звашеся святии, не сотвориша бо, яко бо ангельски и апостольски образъ носиша, да того ради тако мучатся».

И видѣ пресвятая жены висяща за вся ногти и пламени исхожаше изо устъ ихъ и опаляше вся, и змия исхожаше изъ пламени того и прилѣпяху къ нимъ, и вопияху, глаголаше: «Помилуйте насъ, яко мы едины мучимся паче всѣхъ мукъ». И рече святая, прослезившися: «Что есть согрѣшении тѣхъ?» И рече архистратигъ: «То суть попадьи, иже поповъ своихъ не почтоша, и по смерти ихъ идоша за мужъ, да того ради мучатся».

И видѣ другия жены во огни лежаша и различныя змия ядяху ихъ, и рече святая: «Что согрѣшение ихъ?» И отвѣща Михаилъ: «То суть монастыря черницы, яже тѣлеса своя продаша на блудъ, да того ради здѣ мучатся».

И рече архистратигъ: «Поди, пресвятая, и покажу ти, гдѣ ся мучитъ множство грѣшникъ». И видѣ святая рѣку огненую, и видѣние рѣки тоя яко кровь текущи, и пояда всю землю, и посредѣ волны тоя множство грѣшникъ. И видѣвши богородица прослезися и рече: «Что есть согрѣшение ихъ?» Рече архистратигъ: «То суть блудницы и любодѣицы, татие, иже послушають отаи, что суть ближнии глаголють, сваднецы и клеветницы, иже чужие нивы ужинаху, или уроя́ху, иже брени си остани дожидають, иже ядять труды чюжы, и мал-жены разлучаютъ, пьяницы, иемилостиви князи, епископи и патриарси, и цари, иже не сотвориша воля божия, сребролюбци, иже лихву емлють, беззаконницы». Слышавше то, пречистая богородица прослезися и рече: «О лютѣ грѣшникомъ!» и рече ко архистратигу: «Тяжко согрѣшающимъ, да бы ся не ражали».

И рече къ ней Михаилъ: «Почто ся плачеши, святая? Нѣси ли видѣла великъ мукъ!». И рече пресвятая: «Поведи мя, да вижю вся мукы». И рече къ ней Михаилъ: «Куды хочеши, благодатная, да изыдемь на востокъ или на западъ,

И увидела святая мужа и крылатого змея с тремя головами — одна голова была обращена к глазам мужа, а другая — к его губам. И сказал архистратиг: «Этот бедный человек не может отдохнуть от змея». И добавил архистратиг: «Он, госпожа, и святые книги, и Евангелие прочитал, а сам не следовал им. Учил людей, а сам не волю божию творил, а жил в блуде и беззаконии».

И сказал предводитель господних сил: «Пойдем, пресвятая, я покажу тебе, где мучается чин ангельский и апостольский». И святая увидела, что они лежали, объятые огненным пламенем и поедаемые червем неусыпающим. Святая спросила: «Кто это такие?» И отвечал ей Михаил: «Это те, кто имеет образ ангельский и апостольский, на земле называются славными именами патриархов и епископов, и говорили им: «Благословите, отцы святые»; но на небесах они не звались святыми, так как не сделали ничего, чтобы иметь ангельский и апостольский образ, за это и мучаются так».

И увидела пресвятая женщин, подвешенных за ногти, и пламя выходило у них изо рта и опаляло их, а змея выползала из пламени того и обвивала их. Они вопили: «Помилуйте нас, так как мы одни мучаемся тяжелее всех». И, заплакав, спросила святая: «В чем их грехи?» И ответил архистратиг: «Это попадьи, которые не почитали своих попов и после их смерти выходили замуж, поэтому и мучаются».

И увидела богородица других женщин, лежащих в огне, поедаемых разными змеями, и спросила святая: «В чем их грехи?» И ответил Михаил: «Это монастырские черницы, которые тело свое предавали блуду, потому здесь они мучаются».

И сказал архистратиг: «Пойдем, пресвятая, я покажу тебе, где мучается множество грешников». И святая увидела реку огненную, и словно кровь текла в той реке, которая затопила всю землю, а посреди ее вод — многих грешников. Увидев это, богородица прослезилась и сказала: «В чем их грехи?» Ответил архистратиг: «Это блудники и прелюбодеи, воры, тайно подслушивающие, что говорят близкие, это сводники и клеветники, и те, кто пожинали чужие нивы и срывали чужие плоды, те, кто питается чужими трудами, разлучают супругов, пьяницы, немилосердные князья, епископы и патриархи, цари, не творившие волю божью, сребролюбцы, наживающие деньги, беззаконники». Услышав это, пречистая богородица заплакала и сказала: «О горе грешникам!» И добавила архистратигу: «Лучше таким грешникам и не рождаться!»

И спросил ее Михаил: «Отчего плачешь, святая? Разве ты не видела великих мучений?» И ответила пресвятая: «Поведи меня, чтобы я увидела все мучения». И сказал ей Михаил: «Пойдем, благодатная, куда хочешь, на восток или на запад,

или в раи, на десно или на лѣво, идѣже суть великия муки?» И рече пресвятая: «Изыдемъ на лѣвую страну». Слово рѣкше пресвятѣй, и обратишася херувими и серафими и 400 ангелъ, изведоша пресвятую отъ востокъ на лѣвую страну, и близъ тоя рѣки бяше тма мрачна: ту лежаше множество мужъ и женъ, и клоктаху яко въ котлѣ и яко морския волны, и ображаются надъ грѣшники, да егда волны возхождаху, и погружаху грѣшники 1000 локоти, не можаху рещи: «Праведный судья, помилуи ны». Ядяше же червии неусыпаяи, и скрежетъ зубомъ. И видѣвше пресвятую ангели стрегуще, и возопиша вси едины усты, глаголюще: «Святъ, святъ, святъ еси, боже святый, и ты, богородице, благословимъ тя и сына божия, родившагося отъ тебе, яко бо отъ вѣка не видѣхомъ свѣта, и днесь видимъ свѣтъ тебе ради, богородице». И паки возопиша вси единѣмъ гласомъ, глаголюще: «Радуйся, благодатная богородице; радуйся, просвѣщение свѣта вѣчнаго; радуйся, святыи архистратиже Михаиле, моляся владыцѣ за весь миръ, мы убо видимъ грѣшныя мучащияся, и зѣло скорбимъ».

Видѣвши богородица ангелы скорбныи и уныли грѣшникъ ради, и возплакася пресвятая, и возопиша вси единымъ гласомъ, глаголюще: «Добрѣ есте пришли во тму сию, да ны видить како ны есть мука; помолись, пресвятая, со архистратигом». И слыша плачъ и гласъ грѣшныхъ, воздвигоша плачъ свои, вопиюще и глаголюще: «Господи, помилуй ны», да яко опростиша молитву, уставися буря рѣчная и волны огненыя, и явишася грѣшницы, яко зерна горюшична. И видѣвши святая, прослезися и рече: «Что есть рѣка си и волны ея?» И рече къ ней архистратигъ: «Сии рѣка вся смолена, а волны ея вся огнены, а иже ся мучатъ, то суть жидове, иже мучиша господа нашего Исуса Христа, сына божия, и вси языцы, иже крестишася во имя отца и сына и святаго духа, иже крестьяне суще, ти вѣруютъ въ дѣмоны и отвергошася бога и святаго крещения, и еже блудъ створиша по святомъ крещении, и съ кумы... своими и съ матерьми своими и со щерьми своими, и отравницы, иже ядями уморяютъ человѣки, и оружьемъ убиваютъ человѣки, и давятъ дѣти своя, и того ради мучатся противу дѣломъ своимъ». И рече святая: «По дѣломъ ихъ буди тако». И паки наиде на ня бурна рѣка и огнена волны, и тма покры я. И рече Михаилъ к богородицы: «Аще ся кто затворитъ во тмѣ сей, нѣсть памяти о немъ отъ бога». И рече пресвятая: «О лютѣ грѣшникомъ, яко неусыпаемыи есть пламы огня сего!»

И рече къ ней архистратигъ: «Поди, пресвятая, да ти покажу озеро огнено, да видиши, гдѣ мучатся родъ христьянскии». И видѣ, и услыша плачъ и вопль отъ нихъ, а онѣхъ не бѣ видѣти, и рече: «Котории си суть, что ли согрѣшение ихъ есть?»

в рай, направо или налево, где великие мучения?» И ответила пресвятая: «Пойдем на левую сторону». Херувимы и серафимы и четыреста ангелов услышали пресвятой слово и, повернувшись, вывели ее от востока в левую сторону, а около той реки была глубокая тьма; там лежало много мужей и жен. И вокруг клокотало, словно в котле и словно морские волны разбивались над грешниками, и когда волны вздымались, то погружались грешники на тысячу локтей, не в силах сказать: «Праведный судья, помилуй нас». Их непрестанно ели черви, и был слышен скрежет зубовный. И увидели пресвятую сторожившие грешников ангелы, и вскричали в один голос: «Свят, свят, свят, боже святый, и ты, богородица, благословляем тебя и сына божия, родившегося у тебя, так как спокон века не видели света, а сейчас видим свет благодаря тебе, богородица». И снова вскричали они все вместе: «Радуйся, благодатная богородица, радуйся, сияние света вечного, радуйся, святой архистратиг Михаил, молящийся владычице за весь мир, мы же видим мучающихся грешников и сильно скорбим».

Богородица увидела, что ангелы печальны и грустны из-за грешников, расплакалась пресвятая, и вскричали все в один голос: «Хорошо, что вы пришли в эту тьму увидеть нас и наше мучение, помолись, пресвятая, с архистратигом». И, слыша плач и крик грешников, сама зарыдала, причитая и говоря: «Господи, помилуй нас», чтобы, когда кончила молитву, утихла речная буря и огненные волны; и явились грешники, словно семена горчичные. Увидев это, заплакала святая и спросила: «Что это за река и волны ее?» И ответил ей архистратиг: «Это река вся смоляная, а волны ее все огненные, а те, кто в них мучается, это евреи, которые мучили господа нашего Иисуса Христа, сына божия; это все народы, которые крестились во имя отца и сына и святого духа и, называясь христианами, веруют в демонов и отказались от бога и святого крещения; здесь те, кто блуд творил после святого крещения с кумами своими, с матерями своими и дочерьми, и отравители, которые морят людей ядами, оружием убивают людей и удушают своих детей, за свои дела и мучаются они так». И сказала святая: «Пусть будет так по заслугам их!» И снова залила их бурная река и огненные волны, и тьма покрыла их. И сказал Михаил богородице: «Если кто попадет в эту тьму, не будет бог помнить его». И сказала пресвятая: «О, горе грешникам в неугасимом пламени сего огня!»

И сказал ей архистратиг: «Пойдем, пресвятая, я покажу тебе огненное озеро, где мучается род христианский». И она увидела и услышала их плач и вопль, а самих грешников не было видно, и спросила: «В чем грех тех, кто здесь находится?»

И рече къ ней Михаилъ: «Сии суть, иже крестишася и крестъ словомъ нарицаху, а дияволя дѣла творяще: и погубиша время покаянию, и того ради мучатся тако здѣ».

И рече просвятая ко архистратигу: «При единои молитвѣ молютися, да вниду и азъ, да ся мучу со крестьяны, и понеже нарекошася чада сына моего». И рече архистратигъ: «Почиваи въ раи». И рече пресвятая: «Молю ти ся, и подвигни воинства 7-ми небесъ и вся воинства ангели, да ся помолимъ за грѣшники, не бы ли насъ услышалъ господь богъ и помиловалъ ихъ».

«Живъ господь богъ, имя его велико, 7-жды на день и 7 на нощь, егда хвалу приносимъ владыцѣ и за грѣшники, госпоже, господеви поклоняемся, да ни худѣ насъ послушаетъ владыко». И рече пресвятая богородица: «Молим ти ся, повели ангельскому воинству, и вознесете мя на высоту небесную и поставите мя предъ невидимымъ отцемъ».

И повелѣ архистратигъ, и предсташа херувими и серафими, и вознесоша благодатную на высоту небесную, и поставиша ю предъ невидимымъ отцемъ у престола, и воздѣ руцѣ свои ко благодатному сыну своему, и рече: «Помилуи, владыко, грѣшныя, яко видѣхъ я, и не могу терпѣти, да ся мучю и азъ со крестьяны». И прииде гласъ къ ней, глаголя: «Како хощу тыя помиловати? А вижу гвоздия во дланехъ сыну моему, да не имамъ я како тѣ помиловати». И рече: «Владыко, не молюся за невѣрныя жиды, но за крестьяны молю твое милосердие». И прииде гласъ, глаголя: «Азъ вижу, яко братия моея не помиловаша, да нѣсть ми како тѣхъ помиловати». И рече паки пресвятая: «Помилуй, владыко, грѣшныя; помилуй, господи, тварь руку своею, яко по всей земли твое имя нарицаютъ и въ мукахъ и на всякомъ мѣстѣ, *и по всеи земли* глаголюще: пресвятая госпожа богородице, помогаи намъ, *и* егда ражается человѣкъ, и глаголетъ: «Святая богородице, помози ми». Тогда рече къ ней господь: «Послушай, пресвятая богородице, владычице,— нѣсть того человѣка, иже не молить имени твоего; азъ же не оставляю тѣхъ то ни на небеси, ни на земли».

И рече пресвятая богородица: «Гдѣ есть Моисѣи пророкъ, гдѣ ли суть вси пророцы, и вы, отци, иже грѣха не сотвористе николиже; гдѣ *ли* Павелъ возлюбленикъ божий; гдѣ есть недѣля, похвала христьянская; гдѣ ли есть сила честнаго креста, иже Адама и Евгу отъ клятвы избави?» Тогда Михаилъ *архистратигъ* и вси ангели рекоша: «Помилуй, владыко, грѣшныя». Тогда Моисѣи возопи, глаголя: «Помилуй, владыко, *яко* азъ законъ твой дахъ имъ». Тогда Иоаннъ возопи, глаголя: «Помилуй, владыко, азъ Евангелие твое проповѣдахъ имъ». Тогда Павелъ возопи, глаголя: «Помилуй, господи владыко, яко азъ епистолья твоя принесохъ церквамъ». И рече господь бог: «Послушайте вси вы: аще по Евангелию моему или по закону

И сказал ей Михаил: «Это те, что крестились и крест поминали, а творили дьявольские дела и не успевали покаяться, из-за этого они так мучаются здесь».

И сказала пресвятая архистратигу: «Единственную молитву обращаю к тебе, чтобы и я могла войти и мучиться с христианами, потому что они назвались чадами сына моего». И сказал архистратиг: «Будь в раю». И ответила пресвятая: «Молю тебя, чтобы ты позвал воинство семи небес и все воинство ангелов для того, чтобы помолиться за грешников, и пусть услышит нас господь бог и помилует их».

«Жив господь бог, имя его величественно, мы поклоняемся господу, семижды днем и семижды ночью, когда хвалу возносим владыке и за грешников просим, госпожа, но нисколько нас не слышит владыка». И сказала пресвятая богородица: «Молим тебя, вели ангельскому воинству вознести меня на небесную высоту и поставить перед невидимым отцом».

И архистратиг повелел, и появились херувимы и серафимы, и вознесли благодатную на высоту небесную, и поставили ее перед невидимым отцом у престола; богородица воздела руки к благодатному сыну своему и сказала: «Помилуй грешников, владыка, так как я видела и не могу переносить их мучений, пусть буду и я мучаться вместе с христианами». И раздался голос, ей говоривший: «Как я помилую их? Вижу гвозди в дланях сына моего, и не знаю, как можно их помиловать». И сказала богородица: «Владыка, я не прошу за неверных евреев, но прошу милосердия твоего для христиан». И раздался голос, говоривший: «Вижу, что братию мою не помиловали, и не могу тех помиловать». И снова сказала пресвятая: «Помилуй, владыко, грешников, помилуй, господи, сотворенных твоими руками, потому что они по всей земле произносят твое имя, и в мучениях, и во всех местах по всей земле, говоря: «Пресвятая госпожа богородица, помоги нам», и когда человек рождается, говорит: «Святая богородица, помоги мне». Тогда сказал ей господь: «Послушай, пресвятая богородица, владычица, нет того человека, кто не молился бы имени твоему, и я не оставлю их ни на небесах, ни на земле».

И сказала пресвятая богородица: «Где пророк Моисей, где все пророки и вы, отцы, которые никогда не грешили, где Павел, божий любимец, где воскресение, христианская похвала, где сила честного креста, которая избавила Адама и Еву от проклятия?» Тогда архистратиг Михаил и все ангелы сказали: «Помилуй, владыко, грешных». Тогда Моисей возопил, говоря: «Помилуй, владыко, ведь я дал им закон твой». Тогда Иоанн вскричал, говоря: «Помилуй, владыко, я твое Евангелие им проповедовал». Тогда и Павел возопил, говоря: «Помилуй, господи владыка, так как я церквям дал твое послание». И сказал господь бог: «Послушайте вы все:

моему, и аще есть по евангельскому проповѣданию, еже проповѣдаше Иоаннъ, епистольямъ, яже принесъ Павелъ, то тако судъ приимутъ,— имѣеши чсо ради рещи ангели, толико «Помилуй господи — праведны еси». И рече пресвятая богородица: «Помилуй, владыко, грѣшныя, яко ти Евангелие прияша и законъ твой сохраниша». Тогда рече къ ней господь: «Послушай, пресвятая, аще кто тѣхъ сотвори зло, но не каются ни отъ работы, да добрѣ глаголеши, яко закону твоему поучишася, и паки сотвориша злое, егда *не* отдаша злаго, азъ что *да* реку, яко есть речено, подасть тѣмъ противу злобѣ ихъ». Тогда вси святии, слышавше владыку глаголюще, не смѣша что отвѣщати.

И видѣвше пресвятая, яко вси не успѣша ничто же и господь святыхъ не послуша, но удаляетъ милость свою отъ грѣшникъ, и рече пресвятая: «Гдѣ есть архистратигъ Гаврилъ, иже возвѣсти мнѣ,— радуися, якоже преже всѣхъ вѣкъ внемляше отца,— и нынѣ на грѣшники не призираеть; гдѣ есть велики, иже градъ носить на версѣ своемъ *и* на единой земли, за неприязнена дѣла человѣческая искаляна бысть земля,— и посла господь богъ сына своего и утверди плодъ земьныи; гдѣ суть служители престолу, гдѣ есть Иоаннъ Богословець? почто не явистеся съ нами на мольбу владыцѣ за крестьяныя грѣшники? Не видите ли мене плачющуся за грѣшныя? Приидѣте вси ангели и сущии на небесѣхъ; приидѣте вси праведнии, яже господь оправди, и вамо дано есть молитися за грѣшныя. Прииди ты, Михаиле,— ты еси первый безплотнымъ и до престола божия,— повели *и* всѣмъ, да припадемъ предъ невидимымъ отцемъ, и не подвижемъ себе, дондеже послушаетъ насъ богъ и помилуетъ грѣшныя». Тогда падеся Михаилъ ницъ лицемъ своимъ предъ престоломъ, и вся лики небесныя, и вси чини безплотныхъ. И видѣ владыко молбу святыхъ, умилосердися сына ради своего единороднаго, и рече: «Сниди, сынъ мой возлюбленный, виждь молбу святыхъ, и яви лице свое на грѣшники».

И сшедъ господь отъ невидимаго престола, и увидѣша *и* во тмѣ сущии, и возопиша вси единымъ гласомъ, глаголюще: «Помилуй ны, сыне божий; помилуй ны, цьсарю всѣхъ вѣкъ». И рече владыка: «Слышите вси, рай насадихъ и человѣка создахъ по образу своему и поставихъ *и* господина раеви, и животъ вѣчный дахъ имъ, они же ослуху створиша и въ своемъ хотѣнии согрѣшиша, и предашась смерти; азъ же не быхъ хотѣлъ обозрити дѣла руку своею мучима отъ диявола, снидохъ на землю и воплотихся во дѣвицу, и вознесохся на крестъ, да свобожу ся отъ работы и отъ первыя клятвы; воды испросихъ, и даша ми желчи со оцетомъ смѣшено; руцѣ мои создаста человѣка, и во гробъ вложиша мя; да и во адъ снидохъ и врага своего попрахъ, избраны своя воскресихъ, Иорданъ

если по Евангелию моему или по закону моему и если по евангельской проповеди, которую провозгласил Иоанн, по посланиям, которые принес Павел, судить — то такой суд и примут. И имеют ангелы, за что просить, только: «Помилуй, господи,— праведны мы». И сказала пресвятая богородица: «Помилуй, владыка, грешников, так как они Евангелие приняли и закон твой сохранили». Тогда господь сказал ей: «Послушай, пресвятая, если кто-то из них сделал зло, но не покаялся в рабстве — а ты верно говоришь, что они закону твоему научились,— и снова они сделали зло, когда не отплатили им за зло, что говорю — уже сказано, и воздастся им по злобе их». Тогда все святые, слышавшие владыку, говорящего это, не смели ничего ответить.

И увидела пресвятая, что никто ничего не сказал и господь святых не послушал, но удаляет от грешников свою милость, и сказала пресвятая: «Где архистратиг Гавриил, который возвестил мне: «Радуйся, так как ты прежде всех услышала отца, он теперь на грешников не смотрит»; где великий, тот, кто носит город на вершине своей и на единой земле, а земля из-за гнусных человеческих дел раскололась, и послал господь бог своего сына, и утвердил земной плод? Где служители престола, где Иоанн Богослов? Почему не молитесь с нами владыке за христианских грешников? Разве вы не видите, что я плачу о грешниках? Придите все ангелы и все, кто на небесах, придите все праведные, кого оправдал господь, вам позволено молиться за грешников. Приди и ты, Михаил, ты — первый среди бесплотных, стоящих у престола божия,— вели всем припасть к невидимому отцу, и не подымемся, пока не послушает нас бог и не помилует грешников». Тогда Михаил пал ниц пред престолом, и с ним все лики небесные и все чины бесплотных. И увидел владыка моление святых, смилостивился ради сына своего единородного и сказал: «Сойди, сын мой возлюбленный, посмотри на моление святых и яви лицо свое грешникам».

И сошел господь с невидимого престола, и его увидели сидящие во тьме, и возопили в один голос, говоря: «Помилуй нас, сын божий, помилуй нас, царь всех времен!» И сказал владыка: «Слушайте все. Я рай насадил и создал человека по образу своему, и сделал его хозяином рая, и дал им вечную жизнь, они же ослушались и в своем желании согрешили, и предались смерти; я не хотел видеть, как дьявол мучает творение моих рук, сошел на землю и воплотился в деву, вознесся на крест, чтобы их освободить от рабства и от первого проклятия; просил воды, а дали мне желчи, смешанной с уксусом; руки мои создали человека, и они положили меня во гроб, и сошел я в ад, победил своего врага, избранных своих воскресил, благословил Иордан,

благословихъ, да вы прощу отъ первыя клятвы,— и вы не брегосте покаятися грѣховъ своихъ, но крестьяне ся творяще словомъ точию, а заповѣдей моихъ не соблюдосте; да того ради обрѣтостеся во огни негасимомъ, да не имамъ васъ помиловати. Нынѣ же за милосердие отца моего, яко посла мя къ вамъ, и за молитвы матери моея, яко плакася много за васъ, и за Михаила архистратига завѣту и за множство мученикъ моихъ, яко многа трудишася за васъ, и се даю вамъ *мучащимся* день и нощь отъ Великаго четверга до святыя пянтикостия, имѣте вы покои и прославите отца и сына и святаго духа». И отвѣщаша вси: «слава милосердию твоему».

Слава отцу и сыну и святому духу, и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

чтобы искупить ваше первое проклятие, а вы пренебрегли покаянием в грехах своих. Христианами вы называетесь только на словах, а заповедей моих не соблюдаете — поэтому и находитесь в огне негасимом, и не помилую вас. Теперь же ради милосердия моего отца, который послал меня к вам, ради молитв матери моей, которая много плакала о вас, ради завета архистратига Михаила и ради многих моих мучеников, которые много страдали за вас,— я даю вам, мучающимся день и ночь, покой от Великого четверга до Троицына дня, прославьте отца и сына и святого духа». И все отвечали: «Слава милосердию твоему».

Слава отцу и сыну и святому духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ИЗ «ШЕСТОДНЕВА» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

ПРОЛОГ

Что краснѣе, что ми сладчайше боголюбцемъ, иже поистиннѣ жадят жизни вѣчныя, не ежели присно бога не отступити мыслию и поминати его добрыя твари? Яко и се ты, господи мой, княже славный Симеоне христолюбче, не престаеши възыская повелѣний его и твари, хотя ся ими красити и славити, тако бо и в нас обычай бываетъ. И егда видит рабъ приязнивый господина своего добро что сотворша, то не точию самъ бы хотѣлъ, единъ вѣдый, радоватися и красити, но аще бы лзѣ, хотѣлъ бы да и миръ слышит. Елико бо питиа и ядения насыщающеся румяни бываютъ и свѣтли и весели, то колико паче иже ся кормит мысльми, на божиа дѣла възирая и красяся ими. Хотѣл бы да быша и инии видѣли и прилѣпилися их. Тацы бо иже будутъ, яко же Писание глаголетъ, перие возрастут, яко же орли, тещи же имут и не трудитися, радость бо ни труда вѣсть и крилѣ раститъ. И како не хотятъ радоватися, възыскающии того и разумевше, кого дѣля се есть небо солнцемъ и звѣздами украшено, кого ли ради и земля садом и дубравами и цвѣтомъ утворена и горами увяста, кого ли дѣля море и рѣки и вся воды рыбами исполнены, кого ли ради рай и самое то царство уготовано? — Таче разумѣвше яко не иного никого же ради, но тѣхъ, како ся не имутъ радоватися и веселити, славящеи. К тому нужда и се помыслити, кацѣмъ суть образомъ сотворени, что ли имъ есть санъ, на что ли суть позвани. И все помысливше, аще и друзи, како себе не имут красити и радовати! Здѣ же азъ поминая всю, 6 словесъ скратя, в малѣ проиду. Год же и послѣди отити, о добрѣй сей твари побесѣдовавше.

Сотвори богъ, не аки человѣцы, зиждюще, или корабли творяще, или мѣдницы, или златари, или поставы ткущеи, или

ИЗ «ШЕСТОДНЕВА» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

ПРОЛОГ

Что прекраснее, что сладостнее для боголюбивых, поистине жаждущих вечной жизни, нежели всегда держаться мыслью бога и помнить благие дела его? И раз уж ты, господин мой, славный князь Симеон-христолюбец, непрестанно познаешь заповеди его и творения, дабы тем украсить и прославить себя, того же и мы держимся правила. А доброжелательный раб, видя добрые дела господина своего, не только сам бы хотел, об этом ведая, радоваться и веселиться, но желал бы, если возможно, чтобы и мир о том услышал. Сколь румяны, радостны и веселы бывают те, кто насыщает себя питьем и пищей! Но еще более — тот, кто питает себя мыслями, взирая на дела божии и радуясь им! Хочет тот, чтобы и другие видели и полюбили их. У таких людей, как говорит Писание, крылья вырастут, как у орлов, и полетят они без труда, ибо радость не знает тягот и крылья растит. И как же им не радоваться, ища и постигая, для кого это небо украшено солнцем и звездами, ради кого земля покрыта садами, дубравами и цветами и увенчана горами, для кого море и реки и все воды наполнены рыбой, кому рай и само то царствие уготованы? Как им не радоваться и не веселиться, славословя, постигая, что это — не для кого-либо иного, но для них самих! А нужно еще и о том помыслить, каким образом сами они сотворены, каков их сан, на что они позваны. И помыслив так, пусть они на деле и не таковы, как им не радоваться и не веселиться! Я же здесь быстро в шести кратких словах все это напомню. А о добром этом творении побеседовав, подобает и последить за ним.

Творил бог не так, как люди, возводящие здания или строящие корабли, или медники, или золотых дел мастера, или ткачи

усмаре, или инацѣ и козненицы, вещи ты събирающе, готовы образы творят, яцы же имъ суть требѣ, а сосуды и сѣчива другъ от друга въземлюще, ими же то творити. Но богъ и кде помысли, то и сотвори, а прежде имъ не бывшемъ. Не бо требуетъ ничто же богъ, а человѣческыя хитрости другъ друга требуетъ. Требѣ бо есть кормнику, корабль творящу, иже древо сѣчетъ, и корчия, и иже пеклъ творитъ; и паки сѣяй что-любо земля требуетъ, и садове, и сѣмена, наводнения; и иже корчиа дѣлают вещь требуютъ корчии зиждющаго; и подобнаго сосуда кождо требуетъ еже комуждо ся ключитъ на дѣло. А творецъ великий ни сосуда требуетъ, ни вещи, ни бо в него мѣсто есть. Инѣмъ козникомъ вещи сосудъ, еще же и лѣто, и трудъ, и хитрость, и поспѣшение; се богови — хотѣние. Всё бо еже восхотѣ господь, и сотвори — въ мори и въ всѣх безднахъ, яко же глаголютъ чистая словеса. Восхотѣ бо сотворити не елико може, но елико же вѣдяше, яко довлѣетъ. Удобь бяше ему утварий сихъ, рекше миръ, сотворити и тму, и двѣ свѣтилѣ велицѣи. Се же есть паче восхотѣниа удобѣе и творение. Намъ бо всего удобѣе есть иже восхотѣти чесому, неже творити, не бо можем творити еже хотяще. А богу творцю все мощьно иже хощетъ. Хотѣнию бо божию сила припряжена, да елико хощетъ творити. Тѣм же иже и твореное ово есть нами видимо и знается, ово же разумно. Тих разумных есть ефир и небо причастие. Ово земное, ово же небесное. На требу и животы сотвори чювьствены, овы же и разумны. Разумнымъ небо и ефира, а земным землю и море дастъ жилище. Тии же разумнымъ друзи на золь ся совратиша и изгнани быша съ небесных мѣстъ, и на воздусѣ и на земли часть имъ отлучи: не яко же да съвершаютъ еже аще умыслятъ на человѣки зло,— воздражает бо я аггелское сохранение и стража,— но да тѣмъ представлениемъ разумѣють, колико ти зло обрѣтает презорьство и нырение. Но понеже надвое раздѣли чювьственаго рода, ти ов осмысленъ и словесенъ сотвори, ов же бе-смысла. И повину смысленому роду бесловеснаго естества. Пакости же обаче друзии бесловесных творят и, супротивящеся, востаютъ на своя властели. Не бо но и сих властели си же такожде творят, и смыслом, и словесем почесть приемше, и бѣсятся на творца своего. Да сего ради и сии бесловеснии востаютъ, яко да еже сами творятъ. То от того разумѣютъ, колико зло есть еже свой чинъ комуждо преступати и уставныя предѣлы без боязни миновати. Сия же предѣлныя уставы вѣдѣти есть како ти бездушныа вещи хранятъ.

шерсти, или кожевники, или, скажем, художники. Те создают свои изделия, какие им нужно, по готовым образцам, запасаясь материалом и беря орудия труда друг у друга. Богу же достаточно что-то помыслить, чтобы то сотворить, чего прежде не бывало. Ибо богу для созидания ничего не нужно, а человеческие искусства нуждаются друг в друге. Кормчему нужен кораблестроитель, и дровосек, и кузнец, и смолокур; также и сеящему что-либо нужны земля, растения, семена и вода для полива; и кузнецу для работы нужен материал и тот, кто построит кузницу. И свое орудие нужно для каждого дела — какое кому больше годится. А творец великий ни в орудии не нуждается, ни в материале, ни вообще в чем-либо. Другим созидателям нужен материал и орудие, а также время, труд, умение, старание, а богу — только его воля. Ибо все, что захотел господь, то и сотворил — в море и во всех безднах, как говорят чистые слова. Захотел же он сотворить не столько, сколько мог бы, но столько, сколько знал, что нужно. Мог бы легко он сотворить вселенных таких, что зовутся миром, и десяток тысяч, и два десятка великих светил. Это и значит: творение много легче хотения. Нам вот легче всего захотеть что-нибудь, а не сотворить, ибо мы не можем творить все, что хотим. А богу-творцу по силам все, чего бы он ни пожелал. Ибо божие желание сопряжено с силой сотворения того, что хочется. Из сотворенного же одно видим мы и чувствуем, другое мыслим. Область мысленных созданий — эфир и небо. Одно — земное, другое — небесное. Как и надлежало, он и живые существа сотворил: одни чувственные, а другие мысленные. Мысленным дал он для житья небо и эфир, а земным землю и море. Некоторые же из мысленных созданий совратились на зло и были изгнаны из небесных жилищ; и он выделил им часть в воздухе и на земле — не для того, чтобы они совершали зло, какое умыслят на людей: препятствует им в этом ангельское охранение и стража,— но чтобы по этой перемене было понятно, какое зло влекут за собой гордыня и обман. И сотворил он род чувственных, разделив его надвое, сделав одних осмысленными и словесными, а других без смысла. И подчинил бессмысленные существа осмысленному роду. Однако же некоторые из бессловесных пакости творят и, сопротивляясь, восстают на своих властителей. Но ведь и властители их то же делают: приняли почесть владения смыслом и словом и восстают на творца своего. Потому-то и бессловесные эти восстают, что они сами так поступают. Отсюда понятно, какое зло кому бы то ни было нарушать свой чин и безбоязненно преступать установленные ему пределы. Надлежит знать, как бездушные вещи соблюдают эти установленные пределы.

Море бо, бурями мутимо и надымающися на сусѣду землю и проливаемо, пѣска ся стыдитъ и нарочитых предѣлъ не рачитъ преступати, но яко конь текий и воздержается уздою, сице ти море, неписанный законъ видя, пѣском написанъ, и възвращается. Сице ти и рѣки текутъ, яко же суть учинены исперва; и студенцы истичютъ, и кладязи даютъ человѣкомъ иже на потребу; и лѣта вся часы другъ друга по чину преминуют; по сему закону и дние, и нощи хранятъ чинъ той, и продолжаеми не хвалятся, ни укращаеми не тужатъ, но, другъ от друга годъ приемлюще, паки бес пря долгъ отдающе приемлютъ. Се же *такожде* творчюю премудрость кажет и силу. Ни земля бо, в тысущих лѣт орема, и сѣема, и садима, и кормяще плоды, перома и копаема, и дождемъ мочима и снѣгомъ, и жьгома, оскудѣния никако же не приа, но плод земным дѣлателемъ неудръжанъ приноситъ. Ни море, оттуду облакомъ вземлющемъ водное естество и дождя ражающе и земли даемы, не охудѣ, ни пресхну николи же, ни паки возрасте, приемля бещисмени рѣки, втичающая в то. И се глаголю: откуду убо истоки рѣчныя истичютъ? Недовѣдомо бо ми и се помышление: како солнце мокротное сущее *не* может иссучити удобь зело? Иже хощетъ разумѣти: не бо оно сушить тины, и водныя соборы пресушаетъ, и наша телеса минуетъ. Видѣти же рѣки худѣюща, егда же, оставивъ южныя страны, и на сѣверныя преходитъ, и жатву творитъ. Сего ради и Нила мѣнятъ не в той же год воднящася, в он же и иныа рѣкы, но у полы жатвы напаяютъ Египетъ, им же солнце тогда по сѣверному поясу ходитъ, и инѣмъ рѣкамъ притужает, а от сего кромя ся отдаливши. Аще ли же ины вины мѣнят, ими же ся сводить, то нынѣ нѣсть ти ни *на* кою же потребу.

Чюжду же ся азъ, како ся не коньчаетъ, ни оскудѣет воздушное естество, толицѣмъ человѣкомъ, но и толицѣмъ же безсловеснымъ животом дышащем беспрестани, толицѣ же луцѣ солнечнѣи, и тако зѣло теплѣ сквозѣ не проходящи, к тому же и лунѣ и звѣздамъ тожде творящим. Но выше чюдеси чюдо! Но се да и залѣзу, реки*й*, яко нѣсть чюдно чюдо: богу убо что-либо творящею не подобаетъ намъ чюдитися, но хвалити паче и славити его. Тому бо удобь творити еже ему на потребу. Вложи же в ты твари елико же веляше состоатися лѣтъ силу доволну. Сего ради и земля пребываеть, яко же исперва сътворена есть, и море ни худиет, ни увеличится, и въздух, яко же исперва приа естество, тако же еи и доселѣ хранит: и солнце же не может растопити небесных твердий, и твердь не разлѣяся водная, бывши преж. Но пребывает твердь, яко же ей причастие творець видѣлъ. И супротивнагo естества — мокраго и сухаго, и пакы студенаго и теплаго — съвокупи творец на едино сътворение и любовь. Егда бо от сих кождо видѣмъ ти солнце

Так, море, мутимое бурями, воздымаясь на соседку землю и обрушиваясь, стыдится песка и не любит преступать определенных границ; но как конь бегущий удерживается уздою, так и море, видя неписаный закон, песком начертанный, возвращается в свои пределы. И реки, как устроены сначала, так и текут; и ключи бьют, и колодцы дают потребное мужам и женам. И все часы времени по порядку друг за другом проходят; по тому же закону и дни, и ночи хранят тот чин, и будучи удлиняемы, не хвалятся, а сокращаемы, не тужат; но, друг от друга приемля пору, вновь без споров отдают должное и приемлют. И вот что показывает премудрость и силу творца: ведь ни земля, тысячи лет возделываемая, и засеваемая, и засаживаемая, и кормящая плоды, и толкаемая, и копаемая, и дождем мочимая и снегом, и опаляемая, нисколько не оскудела, но приносит земледельцам изобильные плоды; ни море, откуда облака берут водную стихию, и дожди рождают, и земле дают, не уменьшилось, не высохло нисколько, и так же не выросло, принимая бесчисленные реки, втекающие в него. И вот что скажу: а откуда истоки рек истекают? Непонятно мне и такое явление: почему солнце не может с великой легкостью высушить все то, что мокро? Ведь не сушит оно ни тины, ни водоемы, минует и наши тела. Реки кажутся меньше, когда оно, оставив южные страны, переходит в северные и производит лето. Потому и наводнения Нила, считают, происходят не в то время, что у других рек, ибо он напояет Египет в середине лета, в то время когда солнце ходит по северному поясу и угнетает иные реки, а от этих краев отдаляется. Хотя существуют и другие мнения о том, чем это объясняется, но сейчас они тебе ни к чему.

Дивлюсь я и тому, как не кончается, не оскудевает воздушное естество, когда столько людей, а кроме того, и бессловесных тварей, дышат непрестанно, и столько лучей солнечных, таких горячих, проходит сквозь него, а ведь еще есть и луна, и звезды. Высшее из чудес чудо! Но, смею сказать, не удивительное чудо. Ведь когда бог творит что-либо, нам не удивляться подобает, но скорее хвалить и славить его. Ибо он с легкостью творит, что ему требуется. В создания же те он вложил силу достаточную, чтобы они существовали столько лет, сколько он им повелел. Потому-то и земля пребывает такой, какой изначально сотворена, и море не убывает и не увеличивается, и воздух, как изначально принял естество, так доселе его и хранит, и солнце растопить не может небесные тверди, и водная не разлилась твердь, бывшая прежде, но пребывает твердь в той участи, какую дал ей творец. И противоположное по природе — мокрое и сухое, а также холодное и теплое — совокупил творец воедино ради созидания и любви. Каждое же из творений видя: солнце,

овогда по севѣрным странамъ, овогда по южьным, овогда же посреду небесе ходящу, и луну растущу, и худѣющу, и звѣзды в годы своя въсходяща и заходяща, и жатвеныя годы, и сѣтвеныа назнаменующе, и по водамъ плавающимъ и бурю и утишье възвѣшающа,— то все видяще, мы, господи мой, хвалимъ творца, иже такы доброты сътворилъ есть, и сими видимыми к невидѣмому грядемъ.

Нъ не шествѣе ны есть требѣ, но вѣра — тою бо можемъ видѣти того. Егда же видѣмъ, в годы и в часы приступающа и дождь дающа, и сию растящу, и травою покрываему, и нивы волнующася, и зеленующася дубравы, и обрастъша горы, и родивша овоща, пустимъ на хвалу языкъ, и рцѣмъ съ божественым Давидомъ, и с тѣмъ воспоимъ, рекуще, яко: «Возвеличишася дѣла твоя, Господи. Вся премудростию сътворилъ еси». Егда слышимъ пѣснивыя птица, различными гласы поюща красныа пѣсни, славиа же звѣждуща, косы же и соя, иволгы, и желны, и щуры же, и изокы, ластовици же и враньца, и ины птица, яже бесчисмене — симь ся глумимь славяще творца.

Не яцѣ же бо суть инии творци — тии бо готовою вещью творят, а сий вся от небытиа изведе и дасть небывшимъ бытие. Удобь бо ему от небытиа творити. Сице бо и древле сътвори, спроста же рещи, и по вся дни творить. Не бо но от готовых творить телесъ животомъ телеса, и от небывших творить душа, но не всѣмъ животомъ, но точью человѣкомъ. И птицами творит птиц, а плавающими плавающая, и инѣхъ родовь кьихъждо своимъ родомъ премѣняеть. Тако же и земными плоды, и ораными, и садимыми приносить человѣкомъ. Преж земля ни орана, ни сѣяна прорасти всякого сада имена и образы плежущаго, и четвероногаго рода, и водное естество роди, яко же повелѣно ему бысть, и иже в водахъ живуть животная *и иже* по воздуху проходять. А саму же ту землю, небо и воздух, и водное естество, и огненый свѣтъ не вещи повелѣ извести, нъ не бывша николи же, и изведе от небытия в бытие, самъ творитель бывъ кораблю сему великому, рекше твори сея, сам же править и премудра съсудѣ корабля. Се ны сказа верховный его пророкъ Моисей, от сего премудраго творца господа бога и владыкы приимъ на горѣ Синайстѣй.

Си же словеса шесть, господи мой, не о себе мы есмы сътворили, но ово от Ексамера святаго Василиа истовая словеса, ово же и разумы от него приемлюще, тако же и от Иоанна, а другое от других: аще есмы кождо что почитали иногда, тако же есмы сплатили се.

Яко же се бы кто минуемь владыкою, аще мимоходящу владыцѣ, восхотѣлъ бы храмъ ему сътворити. Не имущу же ему чимъ сътворити, шедъ бы к богатымъ и спросилъ бы от них — от ового мраморъ, а от другаго бръселиа, ти стѣны бы возградилъ, и мраморомъ помостилъ прошениемъ

то по северной стороне, то по южной, то посреди небес ходящее, луну, растущую и убывающую, звезды, в сроки свои восходящие и заходящие, время жатвы и сева указывающие и по водам плавающим бурю и тишь возвещающие,— все это видя, господин мой, мы хвалим творца, все блага эти сотворившего, и через это видимое восходим к невидимому.

Но не восшествие нам требуется, а вера, ибо благодаря ей мы можем увидеть его. Когда же увидим его, в сроки свои приступающего и дождь земле дающего, а ее растящую и травой покрываемую, и нивы волнующиеся, и зеленеющие дубравы, и порастающие лесом горы, и зреющие плоды, то восхвалим господа и скажем с божественным Давидом, воспоем с ним, говоря: «Возвеличились дела твои, господи! Все премудростью сотворил еси!» Когда слышим, как певчие птицы поют всякими голосами прекрасные песни, соловьиные трели, голоса дроздов и соек, иволг и дятлов, кузнечиков и цикад, ласточек и жаворонков, и иных птиц, а они бесчисленны,— тогда мы, умиляясь, славим творца.

Не как все другие творцы, что создают из готовой материи; этот все вывел из небытия и дал бытие небывшим. Легко ведь ему из небытия творить. Так он в древности мир сотворил, так, попросту сказать, и во всякий день творит. И не из готовых тел творит он тела живым; а из небытия творит души, но не всем живущим, а только человеку. И делает птицами птиц, а плавающих плавающими, и иных родов каждого — применительно к его роду. Так же и земные плоды, сеянные и садимые, приносит людям. Прежде, чем начали пахать и засевать землю, он прорастил все виды растений и создал пресмыкающихся и четвероногих, и водное естество родил таким, каким повелено ему быть, и тех, что в воде живут, и существа, что передвигаются по воздуху. А сами эти землю, небо, воздух, воду, огонь не материи он повелел произвести, но сам их, никогда не бывших, вывел из небытия в бытие, сам творцом явившись этому великому кораблю, то есть творению этому, сам же и правит снастями корабля. Так нам сказал верховный его пророк Моисей, восприняв это от премудрого творца, господа бога и владыки, на Синайской горе.

Эти же шесть слов, господин мой, не сам я сочинил, но иное взял из верных слов Шестоднева святого Василия, а иное по смыслу у него заимствовал, также и у Иоанна, а другое у других: что мне когда-либо приходилось читать, то я и соединил.

Это похоже на то, как если бы кто-нибудь, видя, как господин его, ходя мимо, минует его, захотел бы хоромы ему построить. Не имея же из чего строить, пошел бы он к богатым людям и попросил бы у них — у одного мрамор, у другого бревна, и возвел бы стены, а мрамором, выпрошенным

от богатыхъ. И покрыти хотящу, и не имущу противу стѣнамъ тѣмъ и помосту мраморному достойна покрова лѣсу бы исплелъ потонку храму тому, и створилъ, и покрылъ соломою. И двери наплѣталъ терниемъ, и тако затворъ сотворил. Сице бо достоить неимущему в дому своемь ничто же.

Сице бо есть нищий нашь умъ: да не имы в дому своемъ ничто же, чюжими возгради словесы, приложи же и от нищаго дому своего, но акы солому и лѣсы — словеса своя. Аще владыка, милуяй его, все то акы своя труды приемлеть его, ему же владыцѣ господь богъ надъ владыками даждь сию жизнь добрѣ угаждающу тебѣ рая доити съ преподобными мужи всѣми.

Аминь.

СЛОВО ШЕСТАГО ДНИ

Яко же смердъ и нищь человѣкъ и страненъ, пришед издалеча к преворамъ княжа двора и видѣвъ я, дивится и, приступивъ къ вратомъ, чюдится, въпрашая, и вънутрь въшед, видѣть на обѣ странѣ храмы стояща украшены камениемъ и древомъ истесаны, и прочее, въ дворець въшед и узрѣвъ полаты высокы, и церкви издобрены без года, камениемъ и древомъ и шаромъ, изутрь же мраморомъ и мѣдью, съребром же и златом, таче не съвидый, чьсому приложити их, нѣсть бо того видѣлъ на своей земли развѣ хызъ лѣпленъ и убогъ, ти акы погубивъ си умъ чюдиться имъ ту. Но аще ся прилучится ему и князь видѣти, сѣдяща въ срачицѣ бисеромъ покыданѣ, гривну цатаву на выи носяща и обручи на руку, и поясомъ вольрьмитомъ поясана, и мечь златъ при бедрѣ висящь, обаполы его боляры стояща въ златыхъ гривнах и поасѣх и обручих, ти его аще его кто вопрашаеть, възвращьшася на свою землю, рекый: «Что видѣ тамо?», — рече: «Не вѣдѣ, како вы повѣдѣ того. Свои бы бѣсте очи умѣлѣ достоинѣ чюдитися той красотѣ». Тако же и азъ не могу достойнѣ тоя доброты и чина сказати, но самъ кождо васъ, очима плотныма видя и умомъ *безплотнымъ* домышляя, паче ся можеть извѣстнѣе чюдитися. Свои бо очи никому же сължетѣ, аще и тѣ ся другоици блазнитѣ. Но обаче тѣ извѣстнѣиши есть иного. Видя бо небо утворено звѣздами, солнцем же и мѣсяцемъ, и землю злакомъ и древомъ, и море рыбами всяцѣми исполнено, бисеромь же и всяцѣми рунесы пиньскыми, пришед же къ человѣку, и умъ си акы погублю, чюдяся, и недомышлюся: въ коль малѣ тѣлѣ толика мысль, обыидущи всю землю и выше небесъ възыдущи, гдѣ ли есть привязанъ умъ тъй? Како ли изыдый ис тѣла проидеть кровы насобыя, проидеть въздух и облакы минеть, солнце и мѣсяць и вся поясы, и звѣзды, ефиръ же и вся небеса, и въ томъ часѣ пакы въ тѣлѣ ся своемъ обрящеть?

у богатых, вымостил бы пол. И захотел бы те хоромы покрыть. Но не имея материала, достойного бревен стен и мрамора пола, сплел бы сетку на том доме и покрыл бы его соломой, а двери сплел бы из прутьев и такой же сделал бы запор. Так ведь остается поступить не имущему в своем доме ничего.

Таков же и нищий наш ум: не имея у себя дома ничего, строит он из чужих слов, добавляя понемногу из своего нищего дома. Но вроде соломы и прутьев — свои слова. Если владыка, снисходя к нему, все эти труды его примет, то дай, господь бог, над владыками владыка, владыке тому угодить тебе в этой жизни и со всеми преподобными мужами до рая дойти. Аминь. ⟨...⟩

СЛОВО ШЕСТОГО ДНЯ

Как смерд и нищий человек или странник, придя издалека к ограде княжеского дворца и увидав его, удивляется и, подойдя к воротам, восхищается, расспрашивая, и, внутрь войдя и видя с обеих сторон хоромы, украшенные камнем и деревом резным, а затем во дворец войдя и увидав высокие палаты и церкви, богато украшенные камнем, деревом и живописью, а изнутри мрамором, медью, серебром и золотом, не знает, чему их приравнять, ибо не видел он в своей земле ничего, кроме жалких и убогих хижин, и как безумный удивляется этому тут. А если случится ему и князя увидеть сидящего в облачении, осыпанном бисером, с гривной изукрашенной на шее и обручами на руке, поясом красным препоясанного и с мечом золотым, при поясе висящим, с двух сторон его бояр, стоящих в золотых гривнах, поясах и браслетах, тогда если кто спросит его по возвращении в свою землю, говоря: «Что ты там видел?»,— скажет: «Не знаю, как вам рассказать о том. Лишь своими глазами можно достойно подивиться той красоте». Так же и я не могу достойно сказать о том хорошем устроении и чине, но каждый из вас сам, очами телесными видя и умом бестелесным домышляя, больше и с лучшим знанием дела может удивляться себе. Свои ведь очи никому не солгут, хотя и те иной раз ошибаются. Однако же они извещают лучше прочего. Увидав же небо, украшенное звездами, солнцем и месяцем, и землю — злаками и деревьями, и море, рыбами всякими исполненное, бисером и разными чудесами, и переходя к человеку, как бы ума лишаюсь от удивления и не могу понять, откуда в таком малом теле столь высокая мысль, способная обойти всю землю и выше небес взойти. К чему привязан тогда ум тот? Как, исходя из тела, проходит он сферы одну за другой, проходит воздух и минует облака, солнце, месяц, и все пояса, и звезды, эфир, и все небеса, и в тот же час вновь оказывается в своем теле?

Кыима крилома възлѣтѣ? Кыим ли путемъ прилетѣ? Не могу ислѣдѣти. И точию се вѣдѣ рещи съ Давидомъ: «Удивися разумъ твой, мною укрѣпися, не возмогу противу ему», «Възвесели мя, господи, тварью твоею, и дѣломъ руку твоею възрадуюся», яко же «Възвеличишася душа твоя, господи, вся премудростию сътвори».

На каких крыльях он взлетел? Каким путем прилетел? Не могу проследить. Только и знаю, что говорить вместе с Давидом: «Удивился разум твой, мною укрепился, не возмогу против него», «Возвеселил меня, господи, творением твоим, и делам рук твоих я возрадуюсь», ибо «Возвеличились дела твои, господи; всё премудростию сотворил».

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ

КНИГЫ ВАРЛААМ. ИЗОБРАЖЕНИЕ ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ИЗ УТРЕНЯЯ ЕФИОПЬСКЫЯ СТРАНЫ, ГЛАГОЛЕМЫЯ ИНДИСКЫЯ СТРАНЫ, ВЪ СВЯТЫЙ ГРАД ПРИНЕСЕНО ИОАНОМЬ МНИХОМЪ И МУЖЕМЪ ЧЕСТНЫМ И ДОБРОДѢТЕЛЬНЫМЪ СУЩАГО ОТ МАНАСТЫРЯ СВЯТОГО САВЫ

...Иньдейскаа глаголемаа страна далече бо прилежить Егупта, велика бо сущи и многочеловечьна... Въста нѣкый царь в той странѣ именемъ Авениръ, великий бо бысть богатствомъ и силою... зѣло о бесовьстѣй прелести прилежа... Родися ему отроча отнуд красно... Иоасафъ нарече ему имя... Въ той же праздникь рожение отрочяте приидоша къ царевѣ изьборнии мужи яко до пятидесять и пять, от халдѣян наученѣ мудростию о звѣздныихъ течений... Единъ же от звѣздословникъ с ними сы старѣй же всѣхъ и мудрѣй рече: «Яко научають мя звѣзднаа течениа, о царю, поспѣшение... нынѣ родившюся отрочяте твоему не въ твое царство будеть, нъ въ ино в лучше... Мню же и тобою гонимѣй крестьяньстѣй вѣрѣ прияти его...»

Царь же, яко услышавъ сиа, печаль ему бысть въ веселиа мѣсто. Въ градѣ Домосѣ полату създавъ осъбъ красну... ту отроча всели по скончании перваго въздраста, не исшествовану ему быти ничего же повелѣ, пѣстунѣя же и слугы престави юны въздрастомь и образомъ красны, запретивъ имъ ничесо же житиа сего явите ему, ни скорбна сътворити..., да... отнуд ни худымъ глаголомъ о Христѣ и учении его и о законѣ да услышить...

Бысть в то время мнихъ етеръ премудръ о божественыхъ, житиемъ и словомъ украшенъ... Варламъ бѣ имя сему старцю. Се убо откровениемь некоторымъ от бога бысть ему увѣдити о сынѣ царевѣ. Изьшедшю ему ис пустынѣ, ...в ризы же мирскыя облекся и в лодию всѣдь, прииде въ царствие Индиское и створився купцемъ, в град той приде, иде же царев сынъ полату имяше... Пришед особь, глагола: «Купец семь азъ... имамъ камыкъ честный, ему же подобие

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ

КНИГИ, НАЗЫВАЕМЫЕ ВАРЛААМ. ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНАЯ, ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЭФИОПСКОЙ СТРАНЫ, НАЗЫВАЕМОЙ ИНДИЕЙ, В СВЯТОЙ ГРАД ИЕРУСАЛИМ ПРИНЕСЕННАЯ ИОАННОМ, МОНАХОМ, МУЖЕМ ЧЕСТНЫМ И ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМ, ИЗ МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО САВВЫ

⟨...⟩ Страна, называемая Индийской, лежит далеко от Египта, велика и многонаселенна. ⟨...⟩ Правил в той стране некий царь по имени Авенир, великий богатством и могуществом. ⟨...⟩ Весьма привержен он был бесовской прелести. ⟨...⟩ Родился у него прекрасный сын. ⟨...⟩ Иоасафом назвал его царь. ⟨...⟩ В самый праздник рождения отрока пришли к царю пядьдесят пять избранных мужей, наученных халдейской мудрости звездочетства. ⟨...⟩ Один из этих звездочетов, самый старый и мудрый, сказал: «Как говорят мне движения звезд, о царь, преуспеяние ныне родившегося сына твоего не в твоем царстве будет, но в ином, в лучшем. Думаю я, что примет он гонимую тобою христианскую веру». ⟨...⟩

Царь, услышав об этом, впал в печаль вместо радости. Выстроив в городе Домосе уединенный прекрасный дворец, он поместил туда сына, как только тот вышел из детского возраста; и повелел, чтобы царевич не выходил никуда, и приставил к нему воспитателями и слугами молодых и самых красивых людей, запретив им рассказывать ему о жизни, о горестях ее, чтобы не услышал он ни одного слова о Христе, учении его и законе. ⟨...⟩

Был в то время некий монах, умудренный божественным учением, украшенный святой жизнью и красноречием. ⟨...⟩ Варлаам было имя тому старцу. Божественным откровением дано было ему узнать о царском сыне. Покинув пустыню, ⟨...⟩ оделся он в мирскую одежду и, сев на корабль, прибыл в Индийское царство, прикинулся купцом и пришел в тот город, где жил во дворце царевич. ⟨...⟩ Придя однажды, Варлаам сказал: «Я купец, ⟨...⟩ есть у меня драгоценный камень, подобного

нигдѣ же не обретеся, ... можеть слѣпыя сердцемъ свѣть даровати премудрый и глухыимъ уши отверзати и нѣмымь глас дасть...»

Глагола Иасафъ къ старцю: «Покажи ми многоцѣннаго камыка... Ищю слова слышати нова и блага...»

И Варлам вѣща: «...Бѣ бо нѣкый царь велий и славенъ, бысть же ему шествовати на колесницѣ позлащенѣ и окрестъ его оружници, яко же подобаеть царемъ; усрести два мужа растерзанами ризами и скверными оболчена суща, худа же лицемъ и зѣло поблѣдѣвша. Бѣ же царь сею зная, телеснымъ си томлениемъ и постнымъ трудом и потомъ тѣлу изѣдаему. Яко же узри я, съскочи абие с колесница и падь при землѣ, поклонися има и, вставъ, обьятъ я с любовию и лобызаа ею. Велможе его и князѣ негодоваша о семъ, яко недостойно царьскыя славы се створити доумевающимъ. Не дерзающе же пред лицемъ обличити, искреному брату его глаголаша, да глаголеть къ царевѣ да не досажати высоту и славу царьскаго вѣнца. Сему же си къ брату глаголющю, негодующю ему тщеславиа его худаго, дасть ему отвѣтъ царь, его же брать не разумѣ.

Обычай же бѣ тому царю, егда отвѣтъ смертный которому даяше, проповедникы къ вратомъ его посылаше, въ трубе смертнѣй увѣдати глаголемое, и гласомъ трубныимъ разумяху вси, яко виновать смерти тъ есть. Вечеру убо наставшю, посла царь трубу смертную въструбити при дверехъ дому брата своего. Яко же услыша онъ трубу смертную, недоумѣваше о своемъ животѣ и размышляше о себѣ всю нощь. Утру же наставшю, оболкъся в худыя и в плачаныя одежа, купно с женою и с чады иде къ полатѣ царевѣ и ста при дверехъ, плачяся и рыдая.

Въведе же его царь к себѣ и тако видивъ и рыдая, глагола к нему: «О неразумне и безумне, яко ты тако устрашися преподобника подобнорожена ти и подобночестна своего брата, к нему никако же весма себѣ съгрѣшивша вѣдая, како на мя зазрѣние наведе, въ смирении цѣловавшю ми и проповидника бога моего гласнѣе трубы наречествовавшю ми смерть и страшнаго усрѣтениа владыкы моего, яко многа и велия в себѣ грѣхы свѣдая. Се убо нынѣ твоего обличяя неразумиа, таковымъ образомъ замыслихъ, тако же с тобою свѣщавшиимъ еже о мне зазора, скоро наявѣ обличю». И тако угодивъ брату своему и показавъ, пусти в свой домъ.

Повелѣ же царь створити ковчеги четыре от древа, два же обложи златомъ и костѣ мертвыя смердяща вложити в ня, златыими же гвозды загвозди а. Другою же двою помазавъ смолою и попелом и наполни а камыкъ честных и бисеръ многоцѣнныихъ, всѣхъ вонь благоуханных исполнивъ. Власяными ужи обязая и призвав вельможи, зазрѣвъшиим царя от двою оною мужю смиреною сретшею, и постави пред ними

которому нет нигде; может он тем, кто слеп сердцем, даровать свет мудрости, глухим открыть уши, немым дать голос». ⟨...⟩

Сказал Иоасаф старцу: «Покажи мне драгоценный камень ⟨...⟩ Хочу услышать слово новое и доброе». ⟨...⟩

И Варлаам отвечал: «⟨...⟩ Был некий царь великий и славный, ехал он однажды на золотой колеснице и в окружении стражи, как и подобает царям; встретились ему два человека, одетые в рваные и грязные одежды, с изможденными и бледными лицами. Знал царь их, истощивших свою плоть телесным изнурением, трудом и потом поста. Как только увидел он их, сошел тотчас с колесницы и, пав на землю, поклонился им; поднявшись, обнял их с любовью и облобызал их. Вельможи его и князья вознегодовали на это, полагая, что сделал он это недостойно царского величия. Не смея обличить его прямо, уговорили они брата его родного сказать царю, чтобы тот не оскорблял величия и славы царского венца. Когда брат сказал об этом царю, негодуя на неуместное его унижение, дал ему ответ царь, которого брат не уразумел.

А у того царя был обычай: когда он выносил кому-либо смертный приговор, то посылал к дверям этого человека глашатая с трубой смерти возвестить приговор, и по звуку трубы узнавали все, что тот осужден на смерть. И когда настал вечер, послал царь трубу смерти трубить у дверей дома брата его. Когда же услышал тот трубу смерти, то отчаялся в своем спасении и всю ночь провел в мыслях о себе. Когда настало утро, то, одевшись в жалкие и траурные одежды, вместе с женой и детьми отправился он к царскому дворцу и встал у дверей, плача и рыдая.

Ввел его царь к себе и, видя его рыдающим, сказал ему: «О глупый и безумный, если ты так устрашился глашатая единоутробного и равного тебе честью брата, перед каковым не знаешь никакой своей вины, то как же мог ты укорять меня за то, что я смиренно приветствовал глашатаев бога моего, громче трубы возвещающих мне смерть и страшное предстание перед владыкой моим, перед которым сознаю в себе многие и тяжкие грехи. Таким образом и задумал я поступить с тобой, чтобы ныне обличить твое неразумие, а также заодно с тобой советовавших укорить меня скоро открыто обличу». И так вразумив брата своего, отпустил его в дом его.

И повелел царь сделать четыре ковчега из дерева, два позолотить и вложить в них смердящие кости мертвецов, забив золотыми гвоздями; два же других, обмазав смолою и дегтем, наполнить драгоценными камнями, дорогим жемчугом, умастив их всякими благовониями. Обвязав ковчеги волосяными веревками, призвал царь вельмож, осуждавших его за смиренное приветствие тех двух мужей, и поставил перед ними

четыре ковчегы, да судять, колику достойна еста златаа, колику же смоленая. Онѣ же двою златою осудиша я къ множеству цѣны достойна еста, мняхуть бо, яко царьстии вѣнци и поясы вложенѣ в ня. Смолою же помазаная и пепелом малы и худы цѣны достойна еста глаголаху. Царь же глагола к нимъ: «Видяхъ азъ, яко тако вамъ глаголати, чювьственыма очима чювьственый образь разумеете, еще же не тако подобаеть творити, нъ внутренима очима внутрь лежащее подобаеть видѣти, ли честь, ли бесщестие».

И повелѣ царь отврѣсти златаа ковчега. Отверзенома же ковчегома, злый смрадъ повѣа из нею и некраснаа видѣна бысть видь. Рече убо царь: «Се образъ есть въ светлыя и славныя оболченыимъ, много славою и силою гордящиимься, и вънутрь суть мертве смердящаа кости и злыихъ делъ исполнь». Таче повелѣ отверсти осмолена и бекомъ помазана. Сима же отверзенома сущиимъ вся възвеселиста о лежащиихъ в нею светлости, и благоухание изиде от нею. Глагола же к нимъ царь: «Весте ли, коликому подобна еста ковчега си? Подобна еста смиреным онѣма и в худыя ризы оболченома, ихъ же вы внешний образъ видяще, досажение въменисте лица ею мое поклоняние до земля. Азъ же разумныма очима доброту ихъ и честь душевную разумѣвъ, чюдився ею прикасание, лучше вѣнца и лучше царскаго обдѣ честнейшая вменихъ». Тако осрами велможа своа и научи я о видимыхъ не блазнитися, нъ и разумных вниматися».

Иоасафъ же к нему отвѣща: «Велия и дивьныя вещи глаголеши ми, о человече... Что подобаеть сътворити намъ да избѣгнути уготованыихъ мукъ грѣшникомъ и сподобится радости праведникъ?»...

Варламъ же купно отвѣщаваше: «...Сущему бо вь неразумении божии тма есть и смерть душевная или работати идоломъ на погыбелие естественое... Кому уподоблю и како ти образъ неразумѣющихъ предпоставлю, нъ притчю ти приложю, нѣкорымъ мужемь премудрыимъ изглаголано ко мнѣ. Глаголаше бо, яко подобнѣ суть идоломь кланяющиися человеку липителю, иже устроивъ лѣпа, ятъ единъ от малых птиць, соловей сию наричють. Приим же ножь, закалаеть ю на ядь, дасться соловьевѣ глас язычный, и глагола к лѣпителю: «Кая ти полза, человече, о моемь заколении? Не возможеши бо мною наполнити своего чрева, нъ аще от сихъ узъ свободиши мя, дам ти заповѣди три. Аще хранишин, то велика полза ти будеть паче живота своего». Онъ же чюдивься о глаголанию птици, воскорѣ свободить ю от узъ. Възвративъ же ся, соловей глагола человеку: «Никогда же ничто же от неприиманныхъ начни приимати, начнеши яти, и не буди каяся о вещи

четыре ковчега, чтобы оценили они достоинства позолоченных и осмоленных ковчегов. Они же оценили два позолоченных как достойные самой высокой цены, ибо полагали, что в них вложены царские венцы и пояса. О ковчегах же, обмазанных смолой и дегтем, сказали, что они достойны малой и ничтожной цены. Тогда царь сказал им: «Знал я, что так скажете, ибо, поверхностное имея зрение, воспринимаете вы лишь внешний образ; но не так следует поступать, а внутренним зрением подобает видеть сокрытое внутри — ценное оно или не имеющее цены».

И велел царь открыть позолоченные ковчеги. Как только раскрыли ковчеги, страшный смрад повеял оттуда и безобразное открылось взорам. И сказал царь: «Это подобие тех, кто облечен в сверкающие и дорогие одежды и горд своей славой и могуществом, внутри же полон мертвых и смердящих костей и злых дел». Затем повелел открыть ковчеги, покрытые смолою и дегтем. И когда их раскрыли, все поразились прекрасным видом лежащего в них, и благоухание исходило из них. И сказал царь вельможам: «Знаете ли, кому подобны эти ковчеги? Подобны они тем двоим смиренным и в жалкие одежды облеченным; вы же, видя их наружный образ, поносили меня за то, что я до земли поклонился перед лицом их. Я же, разумными очами познав благородство их и красоту душевную, почел за честь для себя прикоснуться к ним, считая их дороже царского венца и лучше царской одежды». Так устыдил царь своих вельмож и научил их не обманываться видимым, а внимать разумному».

Иоасаф же ему отвечал: «Великие и дивные слова говоришь ты, человек. ⟨...⟩ Что же должны делать мы, чтобы избежать мук, уготованных грешникам, и удостоиться радости праведников?» ⟨...⟩

Варлаам вновь отвечал: «⟨...⟩ Тот, кто не ведает бога, пребывает во тьме и смерти душевной и в порабощении идолам на погибель всей природы. ⟨...⟩ Чтобы уподобить и выразить неведение таких людей, поведаю тебе притчу, рассказанную мне одним мудрейшим человеком. Он говорил, что поклоняющиеся идолам подобны птицелову, который, устроив силки, поймал однажды малую птицу, называемую соловей. Взяв нож, собрался он уже заколоть ее, чтобы съесть, как вдруг соловей заговорил человеческим голосом и сказал птицелову: «Какая тебе польза, человече, если убьешь меня? Ведь не сможешь даже наполнить мною свой желудок, но если из силков освободишь меня, то дам тебе три заповеди. Соблюдая их, великую пользу приобретешь себе во всю твою жизнь». Подивился птицелов речи соловья и обещал, что освободит его от уз. Обернувшись, соловей сказал человеку: «Никогда не стремись достичь невозможного, не жалей о том,

мимоходящи, и невѣрну слову никогда ими вѣру. Си убо три заповѣди храни, и добро ти будеть».

Радуяся мужь о добрѣ видении и о разумнемъ глаголании, раздрешивъ от узъ, на аеръ пусти. Соловѣй же убо, хотя увѣдити, аще разумѣ мужь глаголаныих ему силу глаголъ и аще ли наплодися кою любо ползу от нихъ, глагола к нему парящи птица на аерѣ: «Въздохни о своемъ несъвѣщании, человече, каково бо днесь съкровище погуби. Есть бо внутренихъ бисеръ преимѣя величествомъ струфокамиловыих яиць».

Яко же услыша си лѣпитель, печаленъ бысть, каяся, како избѣжа соловей тъ и из руку его, и хотя абие яти ю, рече: «Прии в домь мой, и друга створившему тя с честию отпущю». Соловѣй же рече к нему: «Нынѣ убо крѣпко не разумѣ. Приимъ бо глаголанное к тебѣ с любовию и съ сладостию послуша, ни единоя же от нѣхъ пользы стяжа си. Рекохъ ти — не кайся о вещи мимоидущи, и бысть ти печаль, яко от руку твоею избѣгохъ, каяся о вещи мимошедьши. Глаголахъ ти — не начни от неприатыхъ приимати, и хощеши яти мя, не могый приимати моего шествиа. К симъ же и невѣрна глагола не ими вѣры, глаголахъ ти, нъ се веру ятъ, яко есть вънутренихъ моих бисеръ паче възраста моего, и недомыслися разумѣти, яко весь азъ не могу прияти в себѣ толико великыхъ яиць струфокамиловыихъ и како бисера толика вмѣстити имамъ в себѣ». Тако убо не разумѣють надѣющися на идолы своя...»

Иоасафь рече: «Хотяхъ путь обрести хранити истинно и повѣлѣниа божиа и не уклонитися от нихъ...»

Варлам же глагола: «...Связанѣ житейскыми вещьми и своих прилежа печалий и мятежа и въ пищи живя... подобнѣ суть мужю, бѣгающю от лица бѣсующюмуся инорогу, яко не терпящу гласа въпля его и рютна его страшнаго, нъ крѣпко отбѣгь, да не будеть ему ядь. Текущю же ему борзо, в великъ ровъ впаде. Впадающю же ему, руцѣ простеръ, за древо твердо ятъся, держащю же ся ему крѣпко, яко на степенѣ нозѣ утвердивъ, мняше миръ уже есть и твердынѣ. Възрѣвъ же убо, видѣ двѣ мышѣ, едину белу, а другую черну, ядуща беспрестанѣ корень древа, идѣ же бѣ держася, и елма же приближающися да погрызета древо. Възревъ въ глубину рва и змѣя види страшна образомь и огнемъ дышюща и горко взирающа, усты же страшно зѣвающа и пожрети его хотяща. Възрѣвъ же абие на степень онъ, иде же нозѣ его утверженѣ бѣста, четыре главы види аспидовы, из стены исходяща, иде же бѣ утвердился. Възрѣвъ очима, видѣ из вѣтвий древа того мало медъ. Оставивъ убо расмотряти одержащиихъ его напастей, яко внѣуду бо инорогъ злѣ бѣсуяся искаше его на ядь, долѣ же злый змий зѣяя да пожреть его, древо же, о немь же ятся, уже пастися

что прошло мимо, и не верь никогда сомнительному слову. Храни эти три заповеди и будешь благоденствовать».

Обрадовался птицелов удачной встрече и разумным словам и, освободив птицу из силков, выпустил ее на воздух. Соловей же захотел проверить, уразумел ли человек смысл сказанных ему слов и получил ли какую-нибудь пользу от них, и сказала ему птица, паря в воздухе: «Пожалей о своем неразумии, человече, ведь какое сокровище упустил ты ныне. Есть внутри у меня жемчуг, превосходящий величиною страусово яйцо».

Услышав это, опечалился птицелов, сожалея, что упустил соловья из рук, и, желая снова поймать его, сказал: «Приди в дом мой, и, приняв тебя как друга, с честью отпущу». И ответил ему соловей: «Ныне оказался ты весьма неразумным. Ведь приняв сказанное тебе с любовью и охотно выслушав, никакой пользы не получил ты от этого. Сказал я тебе — не жалей о том, что прошло мимо, а ты печалишься, что выпустил меня из рук, жалея об упущенном. Сказал тебе — не стремись достичь невозможного, а ты хочешь поймать меня, не будучи в силах догнать. К этому же сказал я тебе — не верь невероятному, но ты поверил, что внутри меня есть жемчуг больше меня самого, и не сообразил ты, что весь я не могу вместить в себе такое большое страусово яйцо; как же может быть внутри меня жемчуг такой величины?» Таковы неразумием и те, кто надеется на идолов своих».〈...〉

И сказал Иоасаф: «Я желал бы обрести путь, чтобы хранить в чистоте заповеди божии и не уклоняться от них». 〈...〉

Варлаам же отвечал: «〈...〉 Те, что связаны житейскими делами, и заняты своими заботами и волнениями, и живут в наслаждениях 〈...〉 подобны человеку, убегающему от разъяренного единорога: не в силах вынести звука рева его и рычания его страшного, человек быстро мчался, чтобы не быть съеденным. А так как он бежал быстро, то упал в глубокий ров. Падая, простер он руки и ухватился за дерево, и, крепко держась, уперевшись ногами на выступ, считал он себя уже в покое и безопасности. Взглянув вниз, увидел он двух мышей, одну белую, а другую черную, грызущих непрерывно корень дерева, за которое он держался, и уже почти сгрызших корень до конца. Взглянув в глубину рва, увидел он дракона, страшного видом и дышащего огнем, свирепо глядящего, страшно разевающего пасть и готового проглотить его. Посмотрев же на выступ, в который уперся ногами, увидел он четыре змеиных головы, выходящих из стены, о которую он опирался. Подняв глаза, увидел человек, что из ветвей дерева понемногу капает мед. Забыв и думать об окружающих его опасностях: о том, что снаружи единорог, свирепо беснуясь, стремится растерзать его; внизу злой дракон с разинутой пастью

хотяше, нозѣ же на колзание и нетвердо степенѣ утверженѣ, толикы убо и таковыихъ злыхъ забывъ, потща себе на сладость горкаго оного меду.

Се подобие въ прелести сущимъ сего жития створившемъ. Сию истину изглаголю ти мира сего прелщающихся, его же сказание ныне реку ти. Ибо инорогъ образъ есть смерти гоняй выину и яти послѣдьствуеть Адамля рода. Ровъ же весь миръ есть, исполнь сы всѣхъ злыхъ и смертоносныхъ сѣтей. Древо же, от двою мышу беспрестанѣ грызаемо, иже створихомъ путь есть, яко жившю комуждо ядомы и гибляя и час радѣ дневныхъ и нощныхъ и усѣкновение коренное приближается. Четырѣ же аспиды еже о прегрѣшеных и безмѣстныхъ стухый и съставлено человечьское тѣло съставляется, ими же бещиньствующемь и мятущемься телесный раздрушается съставъ. К симъ же огненый онъ и немилостивый змий страшное изобразуеть адово чрево, зѣвающю приати же сущихъ красотъ паче будущихъ блахъ изволѣша. Медвеная же капля сладость пробовляеть всего мира сладкыхъ, им же онъ прелща злѣ своя другы и оставляеть я прилежания творити о спасении своемь...

Абие подобнѣ суть възлюбившеи всего мира красоту и сладости его насладившеся, паче же будущихъ и недвижимыхъ мимотекущая и немощна пречестнаа изволѣша человеку, три другы имущю, в нихъ бо двою с любовию чтяше и зѣло любовию въсприимаше, даже и до смерти ихъ подвизаяся и ею радѣ бѣды терплю глаголаше, на третьемь же много небрежение имяше, ни чти, ни яко достояше его сподобити когда любо чти и любве, мало нѣкое и ничесо же рещи на нь творяше дружбу.

Въ единъ от дний дойдуть к нему страшнѣи нѣции и грозниии воиници, тщашеся скоростию велѣею сего вести къ царю, слово да дасть, имъ же есть долженъ тмою талантъ. Унывшю же бывшю ему, искаше помощника, да заступить его къ страшному цареву отвѣту, текъ же убо къ первому своему и всѣх искренѣша друга, глагола: «Свѣдаеши, о друже, яко выину полагахъ душю свою тебе ради. Нынѣ же требую помощи въ день сей от одержащаа мя радѣ бѣды и нужа. Тако убо исповѣжь, заступиши ли мя ныня и каа от тебе будеть ми надежа, о друже възлюбление». Отвѣщавъ убо, онъ глагола: «Нѣсмь тебѣ другъ, человече, ни свѣдаю, кто ты еси, ины бо имамъ другы, с ними же ми днесь веселитися и другыя на прочее створити. Се дамъ ти сукняницѣ двѣ, да имаеши на путѣ, амо же шествуеши, от нею же ти будеть никакая же полза, иноя же ни единоя не чай от мене надежа».

Сия услышавъ онъ и недоумѣваяся о отвѣтѣ семъ, ея же помощѣ надѣяшеся от него, и тече къ етерому другу и глагола к нему:

готов проглотить его; дерево, за которое он держится, готово упасть, а ноги стоят на скользком и непрочном основании,— забыв об этих столь великих напастях, предался он наслаждению этим горьким медом.

Это подобие тех людей, которые поддались обману земной жизни. Эту истину о прельщающихся этим миром изложу тебе, смысл этого подобия сейчас расскажу тебе. Ибо единорог — это образ смерти, вечно преследующей род Адама и наконец пожирающей его. Ров же — это весь мир, полный всяких злых и смертоносных сетей. Дерево, непрерывно подгрызаемое двумя мышами,— это путь, который совершаем, ибо пока каждый живет, поглощается и гибнет сменой часов дня и ночи, и усекновение корня приближается. Четыре же змеиных головы — это ничтожные и непрочные стихии, из которых составлено человеческое тело; если они приходят в беспорядок и расстройство, то разрушается телесный состав. А огнедышащий и беспощадный дракон изображает страшное адово чрево, готовое пожрать тех, кто предпочитает наслаждения сегодняшней жизни благам будущей. Капля меда изображает сладость удовольствий этого мира, которыми он зло прельщает любящих его, и они перестают заботиться о спасении своем.〈...〉

Возлюбившие же удовольствия этой жизни и наслаждающиеся ее сладостями, те, кто предпочитает быстропроходящее и непрочное будущему и надежному, подобны человеку, имевшему трех друзей; из них двух он весьма почитал и очень любил, говорил, что готов принять смерть и вынести любые испытания ради них; третьим же весьма пренебрегал, не уважал и никогда не удостоил его оказать ему честь и любовь, проявлял совсем малую дружбу, если не сказать — никакую вообще.

Однажды пришли к этому человеку страшные и грозные воины, чтобы немедля отвести его к царю отвечать за долг в десять тысяч талантов. Опечалившись, стал он искать заступника, чтобы помог ему ответить перед царем, и пошел к своему первому и самому близкому другу, говоря ему: «Ты знаешь, друг, что всегда готов был я душу положить за тебя. Ныне же и сам я нуждаюсь в помощи в постигших меня горе и нужде. Так скажи, поможешь ли ты мне теперь и на что я могу надеяться от тебя, любезный друг?» Тот же ему сказал в ответ: «Я не друг тебе, человек, и не знаю, кто ты; есть у меня иные друзья, с ними буду я сегодня веселиться и сделаю их друзьями и впредь. Тебе же дам два рубища, чтобы имел их в пути, которым пойдешь, но не будет тебе от них никакой пользы, а иной никакой не жди от меня помощи».

Услышав это и отчаявшись в ответе того, на чью помощь он надеялся, отправился человек ко второму другу и сказал ему:

«Помниши, о друже, колико от мене приа честь и добрыхь ученѣй. Днесь же и въ печаль впадь и въ напасть великую, требую съпоспѣшителемъ. Како убо можеши со мною потрудитися, о сихь да разумѣю». Другъ же отвѣща: «Се празднень днесь с тобою потружатися, въ печалѣ бо и азъ и въ напастехъ впад, въ скорби есмь. Обаче мало с тобой пойду, аще обаче на ползу ти не буду и скоро обращаюся от тебе зде, своими печялми пекыйся».

Тщама же рукама оттуду възвратився человекъ той и о всѣхъ недоумѣвая, рыдаа себѣ о суетнѣй надежде неразумныхъ своихъ другъ и непромысленъ страды своея, ихъ же онѣхъ ради любве потерпи, таже иде къ третьему своему другу, ему же никогда же створи, ни зва, и глагола к нему осрамленом лицемъ и долу зря: «Не имамъ устъ развести к тебѣ, свѣдаа истинною, яко не помниши мене никогда же добро створшю ти, аще и дружбу приложихъ к тебѣ. То зане напасть ятъ мя лютая. Никако же весма от другъ моихъ обретохъ надежю о спасении моемъ, придохъ к тебѣ, моляся, аще есть ти възможно малу нѣкую помощь да подаси ми, не отрицайся, помня моего неразума». Онъ же рече тихимъ лицем и с радостию: «Подоба есть друга своего искрняго глаголю тя суща и малое помню твое оно добродѣяние, съ прилежаниемь днесь въздаваю ти, изъумолю о тебе царя. Не бойся убо, ни устрашайся, азъ бо преже тебе дойду къ царю и не предамъ тебе в рукы врагъ твоихъ. Дерзай убо, возлюбленне друже, и не буди въ скорбѣ и печалѣ». Тогда умилився он глаголаше съ слезами: «Увы ми, како преже поплачюся о любвѣ, юже на непамятивую и неблагодарьственую и лживу дружбу оною ли вредоумную поплачю недоумѣвание, еже нъ и истиннаго сего искреняго показа друга».

Иоасафь же, и сего слова приимь, чюдися, извѣтованиа искаше, и глагола Варламъ: «Первый убо другъ есть богатое имѣние, еже и златолюбезно желание, его же радѣ многыя человекы впадають в бѣды и многыя терпять страды. Пришедши же послѣднѣй смертнѣй кончинѣ ничто же от всѣхъ тѣхъ со събою възметь, токмо еже на провожение безуспѣшных другъ. Вторый же другъ нареченъ бысть жена и чада и прочаа ужикы и свои, тѣх же любовѣ прилѣпнѣ есмь, злѣ отринутися имамъ самой души и тѣлу любвѣ ихъ радѣ призираемому. Каа же есть нѣкая от нихъ добродѣтельствуеть в час смертный, нъ токмо еже и до гроба провожают, абие же обращаеться, своихъ имуть печалѣ и напастѣ, не имее забыти память ли тѣло, некогда възлюбленаго погребше въ гробѣ. Третѣй же друг есть мимотекый временный неприкосновеный, нъизбежный и яко же от побѣды, иже добрыми дѣлы ликъ пребываеть, еже есть вѣра, надежда, любы, милостынѣ,

«Помнишь ли, друг, сколько видел от меня чести и добрых советов? Ныне же и я в печали и в напасти великой и нуждаюсь в помощнике. Как можешь разделить со мною мои трудности, хочу знать». Друг же ответил: «Нет у меня времени сегодня делить с тобой трудности, ибо я сам в печали и напастях, одолевших меня, и в скорби. Впрочем, немного пройду с тобой, и если не смогу помочь тебе, то сразу вернусь от тебя сюда, свои имея заботы».

Возвратившись и от второго друга с пустыми руками, тот человек и совсем отчаялся, оплакивая пустую надежду на помощь от своих неблагодарных друзей и бессмысленные труды, которые претерпел прежде ради любви к ним; и пошел он к третьему своему другу, которому он никогда не услужил, не приглашал, и обратился к нему со смущенным лицом и глядя вниз: «Не смею и раскрыть уст перед тобой, зная истинно, что не вспомнишь ты, чтобы я когда-нибудь сделал тебе добро или проявил дружбу. Теперь же напала на меня беда злая. Не получив совсем никакой надежды на спасение от моих друзей, я пришел к тебе и молю, если только можешь, помоги мне хоть немного, не откажи мне, памятуя о моем неразумии». Тот же отвечал с ласковым и радостным лицом: «Я считаю тебя ближайшим моим другом и, помня небольшое твое ко мне благодеяние, сторицею сегодня воздам тебе, попрошу за тебя царя. Не бойся и не страшись, ибо я пойду вперед тебя к царю и не предам тебя в руки врагов твоих. Мужайся, любезный друг, и не будь в скорби и в печали». Тогда, раскаявшись, сказал тот человек со слезами: «Увы мне, о чем прежде плакать мне — о любви ли, что была у меня к той забывчивой, неблагодарной и лживой дружбе, или оплачу сводящее с ума отчаяние, которое, однако, показало этого истинного и близкого друга?»

Иоасаф, выслушав и эту притчу, удивился и попросил разъяснения, и сказал Варлаам: «Первый друг — это богатство и стремление к накоплению золота, из-за чего многие люди впадают в беды и многие терпят несчастья. Когда же приходит смертная кончина, то ничего из всего богатства не возьмет с собой человек, только на проводы напрасных друзей. Второй же друг — это жена и дети и другие родственники и домашние, к чьей любви привержены мы и ради любви к которым готовы отречься от собственных души и тела. Никакой нет от них пользы в час смертный, но до могилы только проводят, а затем сразу возвращаются, имея свои заботы и печали, похоронив память в забвении, как тело некогда любимого погребли в могиле. Третий же друг, мимо которого проходим, считаем временным, пренебрегаем им, избегаем его и которым в конце концов достигаем победы,— это лик добрых дел, а именно: вера, надежда, любовь, милосердие,

человеколюбие и прочихъ добродѣтелныхъ полкъ, могый предь нами шевствовати, егда же исходимъ от тѣла, нас радѣ помолитися къ богу и от врагъ нашихъ насъ избавити, от злых истяжатель словодатие намъ горко есть на аерѣ движющемъся и яти горко искуще. Се есть доброразумный другъ и благый, иже горкое наше доброжитие в память износя, с любовию и с лихвою намъ вся отдаваа».

Абие убо Иоасафъ вѣща: «...Убо еще изобразуй ми образъ суетнаго сего мира, како убо кто с миромъ и твердынею сего придеть».

Въсприимъ же слово Варламъ глагола: «Послушай убо и сей притчи подобие. Градъ некый великый слышахъ, его же гражане тако обычай имяху от древнихъ приимати чюжа нѣкоего мужа, ни разумѣющю о законѣ града того, ни обычая ихъ весма разумѣющю, и сего царемь поставиша у себе и всю власть приимшю и свою волю невъзбранимо держа, дондеже скончася едино лѣто. Таче внезапу в ты ся дни сущю ему бес печалѣ, питающю же ся ему обило беспрестанѣ, мнящю же ему царствие в вѣкы пребывати, въсташа на нь и царьскую одежю снемше с него, нага поругаша по всему граду, на озимьствование послаша его далече в великий нѣкый островъ пустый, в нем же ни пища имея, ни одежа, злѣ стража, не надѣющю же ся ему пища и веселиа, абие въ скорбѣ ни чаяния, ни надежа послано.

Полѣдьствующе же убо обычай граждань тѣхъ поставленъ бысть нѣкый мужь въ царствие то же, разума много и промышлениа имы в себѣ, да тако же не восхищенъ будеть, еже внезапу бывьшю ему обилие ни иже преже его царьствовавнимъ и злѣ изгнаномъ, не печалованиа, възьревнововавъ печалѣ имяше душею подвижение. Тако убо о себе добрѣ исправить, частого же совета истова увѣда нѣкыимь премудрымъ съветникомъ обычай гражанъ тѣхъ и мѣсто озимьствованое, яко же подобаеть ему твердо бес прелсти увѣдати. Яко же убо сиа увидѣ, яко коли любо в томь же островѣ быти ему, сущю же ему чюжю царьствиа, отвръзъ сокровища своа, их же еще въ областѣ имяше и невъзбраньно требование, веземъ на требование злато и сребро и камыкь честныхъ и веле ихъ множество верным своимь рабомь дасть, во онъ островъ посла, иде же ему послану быти.

Скончавшюся реченому лѣту вставьше гражане, яко же и на перваго царя, нага на озимьствование послаша. Прочии бо неразумнии цареве злѣ въ гладѣ пребываху, се же богатьства оного преже пославый въ обилии выну живяше и пищю неизьѣдому имяше, страха всего отвергъ невѣрныхъ гражанъ онѣхъ, мудрою ихъ хваляше добраго съвъта.

Град убо разумѣй суетнаго сего мира. Гражанѣ же начялствие и властѣ бѣсовъ миродержьца тмѣ вѣка сего,

человеколюбие и остальной строй добродетелей, которые могут идти впереди нас при исходе души из тела, помолиться за нас к богу и избавить нас от врагов наших, от злых истязателей, которые движутся в воздухе, требуя безжалостно отчета от нас и непреклонно стремясь завладеть нами. Это благоразумный и добрый друг, который, помня и малое наше благотворение, воздает нам с лихвою».

Тогда Иоасаф сказал: «〈...〉 Еще покажи мне образ этого суетного мира и как мирно и безопасно пройти эту жизнь».

Вняв ему, Варлаам сказал: «Выслушай пример и этой притчи. Слышал я про некий великий город, жители которого издавна имели обычай выбирать царем какого-нибудь чужестранца, не знакомого ни с законом того города, не знающего ничего об обычаях жителей, и ставили они его у себя царем, и принимал он всю власть и беспрепятственно выполнял свою волю до истечения одного года. Тогда неожиданно в те самые дни, когда он жил без печали, в непрестанной обильной роскоши и думал, что царствование его будет вечно, они нападали на него и, сорвав царские одежды, нагого водили с позором по всему городу, изгоняли его и отправляли его в изгнание далеко на некий большой пустынный остров, на котором, не имея ни еды, ни одежды, горько страдал он, не надеясь уже на роскошь и веселье, но в скорби не было ему ни чаяния, ни надежды.

И вот по обычаю тех горожан был поставлен царем некий человек, весьма разумный и заботящийся о том, чтобы не быть ему таким же образом лишенным царства, чтобы внезапно выпавшее ему богатство, как и у царствовавших прежде него и безжалостно изгнанных, не сменилось на печаль; и, опечалившись, возревновал он об этом. Чтобы обезопасить себя, часто советовался он и истинно узнал от одного премудрого советника об обычае тех горожан и о месте изгнания, как и подобало ему без заблуждения знать. И когда он узнал, что ему на том острове предстоит быть, когда он будет лишен царства, открыл он свои сокровища, которые имел в своем распоряжении невозбранно, и, взяв сколько нужно золота, серебра и драгоценных камней, велел множество их отдать верным своим рабам, послав их на тот остров, куда ему предстояло отправиться.

По окончании года горожане подняли мятеж и, как и прежних царей, послали его нагим в изгнание. Прежние неразумные цари тяжко страдали от голода; этот же, послав заранее богатые запасы, жил в изобилии, имея нескончаемую роскошь, отбросив всякий страх перед теми коварными горожанами, и радовался своему мудрому и правильному решению.

Так вот, под городом разумей этот суетный мир. Горожане — это власть и господство бесов, владетелей тьмы этого мира,

лстящем насъ сладкимъ исправлением, яко нетлѣнное вкладающемъ размышляти намъ тлѣнныхъ и мимотекущих, яко же въ вѣкы пребывати с нами и бесмертна всѣмъ пребывающим въ сладости. Тако убо отложившемь намъ и никако же о великыхъ онѣхъ и вѣчныхъ съвѣтовавьше напрасно придеть на ны погыбелие смерти. Тогда бо, тогда нагыя насъ отсюду злѣ и горции поимше гражане тмѣ, яко онѣ все время свое пребыша, водять в землю тмы вѣчныя, иде же нѣсть свѣтъ, ни видити житиа человечьскаго, ни съвѣтника блага, истовыхъ всѣхъ показающему и спасенаа научивше, начиная к мудрому царю, моея приимай малыя низости, яко благый путь и несоблазненый показати ти приидохъ въ вѣчныхъ же и бесконечныхъ въводя...

Притча о иномь царѣ и о убагом. Слышахъ бо царя нѣкоего бывьша, зѣло добрѣ сматряюща своего царствиа, кротокъ же и милостивь под нимь сущемь людемь. Симь бо единимъ блазнимься, яко же не имать богоразумнаго просвѣщениа, нъ блазнию идольскою диржимь бяше. Имяше же нѣкоего съвѣтника блага и всякымь украшена еже к богу благочестие и прочее всею добродетѣлною премудростию, печалуяся и скорбя о прелщении царевѣ и хотя его о семъ обличити. Удержашется от таковыа вещи бояся да не злу съходатай себѣ же и своей дружинѣ будеть и бываемѣй имь многымъ на ползу усѣкнеть, обаче же искаше время доброугодное да привлечеть его на благое.

Вѣща убо единою въ днехъ царь нощию к нему: «Приди да изыдевѣ и походимъ по граду, егда что на ползу узрѣмъ Ходящема же има по граду видиста свѣтлу зарю от оконца сиающю и к тому оконцю очи преложивша, узрѣста под землею мѣсто, яко вертепъ жилище, в немъ же сѣдяще мужь въ послѣднѣй нищетѣ живяху и худыми рубами оболчена. Предстояшеть же ему жена его, вино черплющи ему. Мужю же чашю приимъшю сладкою пѣснь поющи, веселие ему творяше, пляшющи и мужевѣ похвалами хвалящи. Окрестъ же царя сущии в часъ велий сиа слышащемъ чюдишася, яко в такой тяжьций нищетѣ сущема, яко ни дому имѣюща, ни ризъ, такымь веселомь житиемь пребывашета.

И глагола царь к первому совѣтнику своему: «Оле чюдо, друже, яко мнѣ и тебѣ никогда наше житие тако изволѣ в такой славѣ и пищи сиающема, яко худое се каянное житие таковых и неразумныхъ насладити и веселить тихимъ и веселъ острый сей ненавидимаа жизнь является». Удобный же часъ приимъ, первосвѣтникъ глагола: «А тебѣ, царю, како таковыхъ являеться житие?» Рече царь: «Всѣхъ, елико когда видѣхъ, нелѣпын и тяжкыи насмисана же и безьнравна». Тогда глагола к нему первопервосвѣтникъ: «Тако убо добръ разумнѣй, о царю, и болма разлѣемо есть наше житие

обольщающих нас покоем удовольствий и внушающих нам, чтобы тленное и преходящее мы принимали бы за вечно пребывающее с нами и считали бы, что все пребывающие в сладости бессмертны. И вот нас, живущих в заблуждении и никак не думающих об этом великом и вечном, внезапно постигает погибель смертная. Вот тогда-то злые и жестокие горожане тьмы, все свое время пребывавшие с нами, взявши нас, нагими отведут отсюда в страну вечного мрака, где нет света, не видно жилья человеческого, нет советника доброго, открывшего все истинное и научившего спасению мудрого царя,— под советником этим понимай мое ничтожество, ибо пришел к тебе, чтобы указать истинный путь, ведущий к вечным и бесконечным благам. ⟨...⟩

Притча о другом царе и о нищем. Слышал я о некоем царе, мудро правившем своим царством; был он кроток и милостив к своему народу. В одном только заблуждался он, ибо не имел света истинного богопознания, но одержим был заблуждением идолопоклонства. Был у него советник добрый и украшенный всяким благочестием к богу и всей остальной добродетельной премудростью, который печалился и скорбел о заблуждении царя и желал обличить его в этом. Но медлил с этим, боясь повредить себе и своим близким и лишиться приносимой им для многих пользы, и искал он благоприятного времени, чтобы привлечь царя к истинному благу.

И сказал ему однажды ночью царь: «Давай выйдем и походим по городу, не увидим ли что-нибудь полезное». Идя по городу, увидели они луч света, исходящий из небольшого оконца, и, заглянув в это оконце, увидели они жилище под землею вроде пещеры, в котором сидел человек, живущий в крайней нищете и одетый в убогое рубище. Перед ним стояла жена его, наливая вино в чашу. И когда муж принимал от нее чашу, она пела, увеселяя его, и плясала, и ублажала мужа похвалами. Все, кто были вокруг царя, слыша это, дивились тем, кто среди столь тяжкой нищеты, не имея ни дома, ни одежды, пребывает в такой веселой жизни.

И сказал царь первому советнику своему: «О чудо, друг, ведь ни мне, ни тебе, живущим в такой славе и роскоши, жизнь никогда не была столь мила, как ничтожная и жалкая жизнь этих неразумных людей наслаждает их и тихо веселит, и радостной кажется эта злая и незавидная жизнь». Воспользовавшись удобным случаем, советник сказал: «А какою кажется тебе, царь, жизнь этих людей?» Ответил царь: «Из всех жизней, какие мне пришлось видеть, это самая тяжкая, нелепая, поруганная и безобразная». Тогда сказал ему советник: «Так знай же, царь, что наша жизнь гораздо хуже жизни тех,

учителей видящимъ вѣчное оного житиа и славу всѣхъ убо превосходящихъ благъ, а иже домове блещащимься златомь и свѣта и одежа и прочаа пища житиа сего подзери еже и омрачениа суть очима некрашьшее видѣвшиимъ неизвъщанныхъ добротъ сущихъ на небесе нерукодѣланыхнъ кущь и боготканныа же одежа и нетлѣнный вѣнець...

Слышахомъ убо, глагола Варламъ, сему царю благочстиво и вѣрно живша на прочее и без буря шествовавша и сущаго житиа прешедша, будущаго же житиа не уполучивша блаженьства...»

...Иоасафъ глагола къ старцю: «...Поимъ же мя с собою и изыдевѣ отсуду...»

Глагола же Варламъ к нему: «Младенець серний питаше нѣкый от богатыхъ. Възрастъши же ей пустыни желаше видити, роднымъ обычаемъ влекома. И шедьши убо единою, обрете стадо сернъ пасомо и держашеся ихь, пребываше в пажитехъ селныхъ, вечеръ же обращашеся в домъ, иде же бяше въспитана, купно же пакы наутръя исходящи непризираниемь служаще о ней и с дивными въ стадѣ пребывающи. Стаду же далече пришедъшю пасущеся послѣдова же и та с ними. Богатаго же слуги се ощютивше, въсѣдавше на конѣ, погнаша въследь ихъ, свою бо уловивше, възвратишася, оттолѣ не исшествовати ей прочее створиша, прочее же стадо овы избиша, другыя же злѣ разгнаша, уязвивше. Сим же образомъ боюся, да не будеть на нась, аще съ мною послѣдьствовати имаши, да не излѣшен буду твоего сужительствиа и многомъ зломъ ходатай буду другомъ моимъ...»

...По отшествии Варламовѣ ...Арахия... яко второй от царя саномъ, вѣща царю: «Азъ старца свѣдаю единого пустынника, Нахорь нарицаемъ, подобникъ Варламу всимь... нашея веры и учителя моего въ учении бывша... Сего поставимъ яко Варламъ именовати его... Таче многымъ со прѣниемъ побѣжаемъ весма побѣжень будеть. И сиа видя, царевъ сынъ, яко Варламъ побежѣнъ бысть, ... прелстивша его истовьствуеть».

...Тогда бо повелъ царь всѣмъ собратися идолослужителемь и христианомъ... Въведенъ же убо бысть Нахорь въ Варлама мѣсто отвещѣвати. Глагола царь к вѣтиямь своимъ и премудрым: «Се бо подвигъ предълежить ...подобаеть бо которому быти днесь в нас или наша утвердити, блазнитися Варламомъ и же с нимъ. Аще же обличите я, то вѣнци побѣдными вѣнчаномъ быти. Аще ли побѣженѣ будете, ...злою смертию умретѣ».

...Сынъ его ...явлениемь ему от бога сномъ... превращение разумѣвъ... глагола къ Нахору: «...Аще ли побѣженъ будеши... руками своима сердце твое и языкъ твой искоренивъ, псомь на снѣдь сия сь прочимь тѣломь твоимь дам, да устрашятся вси тобою не прелщати сына царевы». Сия глаголы услышавъ, Нахоръ унылъ бысть зѣло и осраменъ, видя себе впадша в ровъ,

у кого мы должны учиться, кто видит истину вечной жизни и славу превосходящих все благ; домá же, сверкающие золотом и светом, одежда и прочая роскошь этой жизни неприемлемы, мрачны и некрасивы для глаз тех, кто видел несказанные красоты небесных нерукотворных жилищ, боготканых одежд и нетленных венцов. 〈...〉

«Слышал я,—сказал Варлаам,—что этот царь жил далее в истинной вере и благочестии, и спокойно прожил, и окончил свою жизнь, достигнув блаженства будущей жизни». 〈...〉

Сказал Иоасаф старцу: «〈...〉 Возьми меня с собой и уйдем отсюда». 〈...〉

Ответил ему Варлаам: «Один богатый человек вскормил молодую серну. Когда она подросла, то затосковала по свободе, влекомая прирожденным стремлением. Выйдя однажды, увидала она стадо пасущихся серн и пристала к ним; бродила она с ними по полям, а вечером возвращалась в дом, в котором была вскормлена, утром снова выходя, по недосмотру слуг, чтобы снова пастись со стадом диких серн. Когда однажды стадо отошло далеко, последовала и она за ним. Слуги богатого человека, увидев это, сели на коней и погнались за стадом; поймав свою серну, они вернули ее домой и заперли, чтобы не смогла выйти; из остального же стада они кого убили, кого разогнали, поранив. Боюсь, чтобы не было таким же образом и с нами, если ты последуешь за мной, чтобы не лишиться мне твоего сожительства и не причинить многих бед товарищам моим». 〈...〉

После того, как ушел Варлаам, Арахия, второй после царя саном, сказал царю: «Знаю я одного старца-пустынника по имени Нахор, который весьма похож на Варлаама. 〈...〉 Он нашей веры и мой учитель. 〈...〉 Представим Нахора за Варлаама. 〈...〉 В состязании с нашими мудрецами о вере он окажется побежденным. Царевич же, увидев это, поймет, что Варлаам ввел его в заблуждение».

〈...〉 Тогда повелел царь собраться всем, и идолопоклонникам, и христианам. 〈...〉 И приведен был Нахор, мнимый Варлаам, для спора. И сказал царь ораторам и мудрецам своим: «Предстоит вам подвиг... подобает сегодня ему быть нашим и утвердить нашу веру, а Варлаам, и те, кто с ним, окажутся заблуждающимися. Если обличите его, то будете увенчаны победными венцами. Если же будете побеждены, то умрете жестокой смертью».

Сын царя, узнав об обмане через посланный ему от бога сон, сказал Нахору: «Если будешь побежден 〈...〉, то своими руками вырву я сердце твое и язык и отдам на съедение псам вместе с остальным твоим телом, чтобы устрашились все твоим примером совращать царских сыновей». Услышав это, Нахор стал весьма уныл и пристыжен, видя, что упал в яму,

иже створи... Размысливь убо себе приложитися паче ко цареву сыну и его вѣру утвердить... отверзъ уста своа, яко же Валамль оселъ яже непреложнаа рещи и та изглагола, и глагола къ царю:

«Азъ, царю, прилежаниемь божиемь приидохъ в миръ и видивь небо и землю и море, солнце и луну и прочая, чюдихся красоту сихъ. Видивь же всего мира и сущая вся в немь, яко нужею и движема суть, разумѣхъ движащему и одержащю я есть богъ. Все бо подвижаа крѣпкое есть движемаго и одержителнаго крѣплѣе держимо есть. Тому убо глаголю богъ есть въставившему вся и одержащему, безначална и вѣчна, бесмертна и не требуя ничто же, вышѣ всѣхъ грѣховъ и прегрѣшений, гнѣва же и забвение и творимая недоумѣвание и прочаа. Всяческая имь съставлена быша. Не требуеть ни жертвы, ни требища, ни всихъ видимыхъ, вси же его требують.

Сия тако глаголана о бозѣ, яко же въ мне вмѣститися о немъ глаголати, придемь же от человеческаго рода яко да видимъ, которѣи их держать истинну и которѣи соблазнь. Явѣ бо есть нам, о царю, яко три родѣ суть человечестии в семь мирѣ, в них же суть поклонителе вама глаголемыхъ богъ, июдеяне, християне. Тѣ же пакы, иже многыя чтяще богы, на три роды раздѣляются, на халдѣяны и на еллины и на егуптяны, си бо быша начальници и учителе и прочимь языкомь, многоименных богъ служителе. Видимь убо, которѣи ихъ держатся истинны и которѣи прелсти.

Ибо халдѣяне иже не вѣдающе бога прелщенѣ быша послѣдовати стихий и начаша честити тварь паче створившаго ихъ, ихъ же образъ нѣкоторыхъ створше, нарекоша от изображениа небесного и земьнаго, и морю, солнцю же и луне и прочимъ стухиамъ и звѣздамъ и поставивше я в кипищехъ, и кланяются, богы наричающе, ихъ же и стрегуть с твердию да не уныримм будуть от разбойникъ, и не разумѣша, яко стрѣгий выще стрегомаго есть и творяй творимаго есть, ибо аще невозможнѣ бозѣ ихъ о своемь спасении, како инѣмь спасение даровати имуть. Блазнию бо великою соблазнишася халдѣяне, чтяще кумиры мертвеца и не позна я. И дивовати ми ся хощеть, о царю, тако глаголемии премудрии ихъ не разумѣша, яко и та стухиа тлѣеми суть бози, како кумиры, яже створена в честь ихъ, бози суть.

Придемъ убо, царю, и на сиа стихиа, яко да явимъ о нихъ, яко не суть бози, но тлѣема измѣняема, от небытиа въ бытие створена повелениемъ истинным богомъ, иже есть нетлѣемый, неизмѣнуемый и невидимъ, самь же всяческаа видить и яко же хощеть именуеть и прелагает. Что убо глаголемь о стихиях?

которую сам вырыл ⟨...⟩. Размыслив, он решил стать на сторону царевича и утвердить его веру ⟨...⟩; отверз он свои уста, как некогда Валаамова ослица, решив изречь непреложное, и сказал, обращаясь к царю:

«Я, о царь, по промыслу божию пришел в мир и, увидев небо и землю, и море, солнце и луну, и все остальное, изумился красоте их. Увидев, что мир и все сущее в нем движутся по необходимости, уразумел я, что движущий и держащий все есть бог. А все движущее сильнее движимого и держащее крепче держимого. Поэтому и утверждаю я, что бог есть тот, кто создал все и устроил, он безначален и вечен, бессмертен и не зависит ни от чего, он выше всех грехов и прегрешений, гнева и забвения, того, что творит неведение, и всего остального. Все существует только через него. Он не нуждается ни в жертвах, ни в возлияниях, ни во всем остальном внешнем, но все нуждаются в нем.

После того, как я сказал о боге то, что он удостоил меня сказать о нем, перейдем теперь к человеческому роду и увидим, кто обладает истиной, а кто пребывает в заблуждении. Известно нам, царь, что есть три рода людей в мире: почитатели ваших так называемых богов, иудеи и христиане. В свою очередь, те, кто почитает многих богов, разделяются на три рода: халдеи, эллины и египтяне; эти три народа были родоначальниками и учителями прочих народов, почитающих многих богов. Посмотрим же теперь, кто постиг истину и кто заблуждается.

Халдеи, не знающие истинного бога, будучи введены в заблуждение из-за существующих стихий, начали почитать сотворенное более творца; сделав некоторые изображения, они назвали их подобиями неба и земли, и моря, и солнца, и луны, и остальных стихий и звезд, и, поставив их в храмах, поклоняются им, называя их богами, и охраняют их надежно, чтобы не украли их грабители; и не сообразили они, что стерегущий сильнее охраняемого и создавший выше созданного; если же не в силах их боги охранять самих себя, то как же могут даровать спасение другим? Итак, в великое заблуждение впали халдеи, почитающие мертвых и бесполезных идолов. И дивлюсь я, о царь, как те, кто называются у них мудрецами, не смогли понять, что если те стихии тленные не являются богами, то как же идолы, сделанные в их честь, могут быть богами?

Перейдем теперь, о царь, к самим стихиям, чтобы показать, что не боги они, но тленны и изменяемы, вызваны из небытия в бытие повелением истинного бога, который нетленен, непреложен и невидим, сам же все видит и как хочет именует и изменяет. Что же скажу о стихиях?

Мняще небо есть богъ блазняться. Видимь бо его прелагаема и нужею движима и многыми уставлена, имь же красота же строй есть нѣкоего художника, устроено же начало и конець ими есть. Небо движется нужею светилома своима, ибо звѣзды чиномь и преступлениемь водими суть, знамениа въ знамение, ови бо заходять, и друзии же восходять и по вся лѣта шествование творять да совершать жатву и зиму, яко же повелѣно имъ есть от бога, и не преступають своихъ повелений по разрушению естественою нужею с небесною красотою. Тѣмь явѣ есть, яко нѣсть небо богъ, но дѣло божие.

Мнящеи же землю есть богъ либо богыню, и тии соблазнишася. Видимь бо ю человекы досожаема и обладаема и возмѣшаема и копаема ими, и неключима бываема. Аще бо испечена будеть, то мертва будеть, ибо от скудѣли прозябаеть ничто же. Еще же наипаче мочима будеть, тлѣеться и сама, и плодъ ея. Топчема же человекы и прочихъ скотинъ, кровию убиенныхъ оскверняется, рыема наполняема мертвыхъ телесъ ковчегъ бываеть. Симь такомь сущемь не подобаеть земли богыни быти, но дѣло божие на требование человеком.

Мнящеи же воду бога суща соблазнишася. И та бо на требование человекомь бысть и одаляема ими, оскверняется и тлеема есть, измѣняется варима и вапы же размесима, и студеньствомь мразима, и кровию оскверняема и на нечистоту всякую на омывание и на опирание носима. Сего радѣ невозможно водѣ быти богомь.

Огнь бо бысть на требование человекомь и одаляемь и мимоносимь от мѣста на мѣсто на варитву и на печитву всякимь мясомь, еще же и мертвыми телесы. Тлѣемь есть и многыми образы от человекъ огашаемь есть. Сего ради не подобаеть огню богомь быти, нъ дѣло божие.

Мняще же человека суща бога блазнятся. Видимъ бо его движема нужею и питуема и състарѣющася и не хотящю ему. И когда бо радуется, когда же печаленъ будеть, требуя пища и питиа и одежа. Сущю же ему гнѣвливу и невниму, небрегому и прѣгрѣшениа многа имуща, гыблема же многими образы от стихий и животинами и от предлежащаа смерти. Неподобаеть убо человеку быти богомь, но дѣло божие. Блазнятся убо прелестию велиею прелщени быша халдѣяне, послѣдующе желаниемь своимъ. Вѣрують бо во тлимаа стухиа и мертвыхъ кумиръ и не разумѣюще сиа богы творять.

Придемь убо къ елиномъ, что ти домышляються о бозѣ. Убо еллини премудрии глаголюще суще уродѣви быша, хужьше халдѣянъ, приводяще богомь многомь бывшемъ мужьскы полъ, и другыя и женьскыхъ полъ всяческыми грѣхи

Считающие небо богом заблуждаются. Ибо видим мы, что оно изменяется и движется по необходимости и состоит из многих частей, а красота есть устройство некоего искусного мастера; все устроенное имеет начало и конец. Движется же небесный свод по необходимости со своими светилами; звезды же движимы по порядку и пути своему, от созвездия к созвездию, одни заходят, другие восходят, и во все времена года совершают они свой путь, меняя лето и зиму, как повелено им богом, и не преступают своих пределов, не нарушают естественного течения в соответствии с небесным порядком. Откуда явствует, что небо не бог, но творение божие.

Считающие землю богом или богиней также заблуждаются. Ибо видим мы, что она оскверняется людьми, находится во владении у них, они размешивают и копают ее, и становится она непригодной. Если ее жечь, то делается мертвой; так, из черепицы ничто не произрастает. Если же, в особенности, намокает, истлевает сама и плод ее. Топчут ее и люди, и животные, оскверняют кровью убитых, роют ее, и становится она ковчегом мертвых тел. И поскольку так обстоит все это, то невозможно, чтобы земля была богом, но она есть творение божие на пользу людям.

Считающие воду богом заблуждаются. Ведь и она также существует на пользу людям; они распоряжаются ею, она оскверняется и уничтожается ими и изменяется; ее кипятят и меняют цвет ее красками, и твердеет она от холода, и оскверняется кровью, и употребляется для мытья всего нечистого, и носят ее для стирки. Поэтому невозможно воде быть богом.

Огонь также создан на пользу людям, они распоряжаются им и переносят его с места на место для жарения и варения всякого мяса, а также для сожжения мертвых тел. Он уничтожаем, и многими способами люди погашают его. Поэтому не подобает огню быть богом, он лишь творение божие.

Считающие человека богом заблуждаются. Ибо видим, что и он подчиняется необходимости, и употребляет пищу, и стареет против своей воли. Он то радуется, то печалится, нуждаясь в пище, питье и одежде. При этом он бывает гневен, ревнив, бывает в пренебрежении, имеет многие недостатки; он уничтожим разными способами, от стихий и животных и от предстоящей ему смерти. Поэтому нельзя считать человека богом, но лишь творением божиим. Итак, в великое заблуждение впали халдеи, следуя своим выдумкам. Ведь почитают они тленные стихии и мертвых идолов и не понимают, что сами творят из них богов.

Перейдем теперь к эллинам, что же они думают о боге. Эллины, считающие себя премудрыми, еще более оглупели, чем халдеи, утверждая, что существуют многие боги, одни мужского пола, другие женского, являющиеся творцами всяких грехов

и всякы дѣлы безаконными. Тѣмъ смѣшеныхъ и уродивыхъ и нечестивыхъ глаголъ въведоша елини, о царю, не сущихь богъ нарекоша богы по желанию своему злому, да суперникы сиа имуть от злыхь дѣяний и о злобѣ прелюбы творят, въсхыщають, прелюбодеяние съ убийствомъ купно творять. Ибо бози ихъ таковаа створиша. От таковыхъ убо начинаниа прелестных ключися человекомъ брань имѣти и крамолъ частыхъ и закалание, и убийство, и пленение горкое. Нъ и по единому богомъ ихъ узриши безмѣстие и сквернаа дѣла ихъ, яже быша ими.

Преже всѣхъ богъ бысть им Кронь, и сему жертву творять своа чада, иже имѣяше детищь много от Рее жены, и възбесився изьядая чяда своя. Глаголють же урѣза ти истеса своя и въврещи в море, тѣмь Афродѣи бысть лжа. Связавъ убо своего отца, Зеусъ вложи его въ тимение. Видиши прелесть и блазнь и скверное зазрѣние ихъ и блудъ, его же воводять на богъ свой? Подобаеть ли и богу связаному быти истесомъ урѣзана? Оле неразумие разума имѣющимь сиа имаеть изглаголати.

Вторый же въводим есть Зеусъ, ему же глаголють царствовавша богомъ ихъ и преображатися во животины, яко да прелюбы творить с мертвыми женами. Въводять сего преобразившюся въ юнець къ Европии, а въ злато къ Данаинѣ, или коствоваником къ Антиопии, и въ градъ къ Емелини. Таче быти от тѣхъ женъ чада многа, Диониса, Изофона и Афиона, Ираклина и Аполона, и Артемина и Персѣяна, Кастера же и Елина, Поледевки и Миноя, и Радаманфина, и Сарпидона, и девять дщерий, ихь же нарекоша богынѣ. По семь же вводять яже о Ганимидинѣ. О царю, человекомъ подоблятися сиимъ всимъ и быти прелюбодѣйцемь и ко мужескому полу бѣсование и иныхъ злых дѣлъ дѣлателемь подобьствию бога ихъ. Како убо довлити богу быти прелюбодѣяннику и къ мужескому полу похотника ли отцьубийца?

Съ сими же Ифестона нѣкоего приводять бога, держаща млатъ и клѣщѣ и кующу пищѣ радѣ. Убо требует ли богъ, иже не подобаеть богу си творити ли у человекъ просяща?

Таче Ермия въводять бога суща, желателя и тати и хыщника и вълъхва и сухорука, словесемь толковати, еже не довлеть богу быть таковымь.

Асклипия же въводять бога суща и врача и строителя былиемь и помазателя пищи ради, проситель бо бѣ, послѣдь же поражену ему быти Диемь Дара ради Лакодемонова сына и умрети. Аще Асклипий богъ сый пораженъ не возможе себѣ помощи, и како инѣмъ помощи можеть?

Арѣй же въводится богъ сы воиникъ и ревнитель и желатель скотинамъ и иному пленению, послѣди же ему прелюбодѣяние

и беззаконных дел. Поэтому смешные, глупые и нечестивые речи, о царь, говорят эллины, провозглашая несуществующих богов по своим собственным дурным страстям, чтобы, имея их защитниками злых деяний и злобы, могли бы они прелюбодействовать, красть, творить прелюбодеяния вместе с убийствами. Ибо боги их совершали таковые дела. Вот от этих-то заблуждений и начались у людей войны, и частые мятежи, и убийства, и тяжкие пленения. Но и по каждому из их богов увидишь бессмыслие и дурные дела, которые пошли от них.

Первый из всех богов у них Кронос, и ему приносят они в жертву детей своих; у него было много сыновей от жены Реи, но, впадая в безумие, съедал он детей своих. Говорят, что он отрезал свой детородный член и бросил в море, откуда, как рассказывают в баснях, и появилась Афродита. Связав своего отца, Зевс вверг его в тартар. Видишь теперь, как они заблуждаются и обманываются, приписывая распутство богам своим? Подобает ли, чтобы бог был связан и лишен детородного члена? О неразумие, кто из имеющих разум может сказать такое?

Вторым почитается у них Зевс; о нем говорят, что он царствует над богами и превращается в животных, чтобы прелюбодействовать со смертными женщинами. Рассказывают, что он превращался в быка ради Европы, в золото ради Данаи, в сатира ради Антиопы и в молнию ради Семелы. От этих женщин родилось потом у Зевса много детей: Дионис, Зет, Амфион, Геракл, Аполлон, Артемида, Персей, Кастор и Елена, Полидевк, Минос, Радамант, Сарпедон и девять дочерей, которых называют музами. Потом рассказывают они о Ганимеде. Так вот, царь, люди стали подражать всему этому и впали в разврат и в преступную страсть к мальчикам и в другие дурные дела, по подобию богов их. Как может быть богом прелюбодеец и мужеложник или отцеубийца?

Вместе с теми почитают они богом и некоего Гефеста, владеющего молотом и клещами и занимающегося кузнечным ремеслом ради пропитания. Разве требуется что-нибудь богу и может ли быть, чтобы бог занимался таковым делом и просил у людей пропитания?

Далее, почитают они богом Гермеса, лихоимца, вора, гадателя и увечного, истолкователя снов, но не подобает, чтобы таковым был бог.

Почитают они бога Асклепия, врача, составляющего лекарства и притирания пропитания ради, ибо и он в нужде, а потом Зевс поразил его насмерть из-за Тиндарея-лакедемонянина, и умер он. Если Асклепий, будучи богом, не смог помочь самому себе, пораженный громом, то как может он помочь другим?

Арес почитается ими как бог, воитель, завистник, жадный до стад и другого имущества; затем его, прелюбодействовавшего

створившю съ Афродитиею, связану ему были от дѣтищю Еротомь и Ифестом. Како убо богъ бысть желатель и воиникъ, связанъ и прелюбодѣиць?

Деониса же воводять бога суща, на нощныя праздникы вводя и учителя пианьствию и исхытающа искрених своихь жень, и бѣсующася и бегающа. Послѣди же убиену быти от титанъ. Аще убо Дионисъ от убийства себъ не возмоглъ помощи, нь бѣсуяся бысть пианица и бѣгатель, како бысть богъ?

Ираклея же воводять бога суща. Упившюся ему бѣсоватися и чада своа закалати, таче огнемь съжену быти и умрѣти. Како убо богъ бысть пияница и чадоубийць и съженъ, како ли инѣмъ помощи хощеть, себѣ помощи не возмогый?

Аполона же въводять бога суща, ревнителя еще же и стрелца и тулъ держаща, овогда же гудуща и пѣснотвора, и волхвующа человекомъ мзды ради. Убо проситель есть, яко же не подобаеть богу просителю быти и ревнителю и гудцю.

Артемию же воводять, сестрѣ его сущи, ловящи и лукъ имущи с туломъ, и сей ристати по горамъ едино со псы, яко да уловить елень ли нънорогъ. Како убо есть богыни таковая жена и ловителница рищющи со псы?

Афродитию же глаголють и си богыни сущи, прелюбодеица, овогда же имяше прелюбодѣйника Ариа, овогда же Анхисина, овогда же Аданина, его же искаше, смерть плачющи рачителя своего, иже глаголють, и въ адъ съшедъшю, яко да искупить Адонона от Персофонъ. Видѣ ли, о царю, вящьща сего безумиа, богыни воводити убийци, прелюбодѣиць, рыдающи и плачющи?

Адона же воводять бога суща, ловца и злою смертию умрѣти, уязвѣна от сына и не могша помощи окаяньствию своему. Како убо человекомъ прилѣжание сътворити можеть прелюбодѣйникъ и ловець и злосмертный?

Сия вся и много таковых, много множайша и сквернейша и злѣйша въведоша еллини, царю, от богъ своихъ, ихъ же поистѣнѣ недостоить глаголати, ни в память приносити. Тѣмь приемше человеци таковыя вины от богъ своихъ творяху всякого безакониа и скверненое зазрѣние и бесчестие, оскверняюще землю и воздухъ злыми своими дѣянии.

Егуптяне же безумнѣйше и неразумнѣйше сихъ, уродѣвѣйше суще языкъ всѣхъ облазнишася ибо не доволнѣ быша халдѣйсти и елиньстѣй вѣрѣ и покланянию, нъ еще и неразумныхъ скотинъ въведоша, богы наричаще, земныя бо и водныя, и древа, и зелиа, всякымъ бѣсовьствиемъ и скверныимъ зазрѣниемь хужьше всѣхъ языкъ сущихъ на земли. Изначала бо вѣроваху въ Исону, имущи мужа и брата Осерна именемъ, заколена братомъ своимъ Туфоном, и сего ради бѣгаеть Исиа съ Оромъ сыномъ своимъ увидивъ суръстѣй,

с Афродитой, связали Эрот и Гефест. Как же может быть богом алчный воитель, заключенный в оковы, и развратник?

Почитают бога Диониса, устроителя ночных празднеств, научившего пьянству, увлекающего за собой чужих жен, впадающего в безумие и беглеца. Убит он был потом титанами. Если же Дионис не мог себя спасти от убийства и был безумцем, и пьяницей, и беглецом, то как может он быть богом?

И Геракла почитают они как бога. Он же, опьянев, беснуется и убивает своих детей, а затем сгорел в огне и умер. Как же может быть богом пьяница и детоубийца, сгоревший в огне, как же может помочь другим тот, кто не смог защитить себя?

Считают они богом Аполлона, завистника, держащего лук и колчан, иногда играющего и сочиняющего песни, и гадающего людям за плату. Стало быть, он в нужде, но не подобает, чтобы богом был нуждающийся, и завистник, и играющий.

Почитают они Артемиду, сестру Аполлона, охотницу, обладательницу лука с колчаном, носящуюся по горам со сворой собак, чтобы выследить лань или вепря. Как же может быть богиней такая женщина и охотница, бегающая со сворой псов?

Об Афродите говорят, что и она богиня и прелюбодеица, ибо творит она прелюбодеяния то с Аресом, то с Анхизом, то с Адонисом, смерть которого оплакивает она в поисках своего возлюбленного; рассказывают, что и в ад спускалась она, чтобы выкупить Адониса у Персефоны. Видел ли ты, о царь, большее безумие, ведь вводят они в качестве богини убийцу, прелюбодеицу, рыдающую и плачущую.

Считают они богом Адониса, охотника, который погиб тяжкой смертью, убитый сыном, и не смог помочь несчастью своему. Как же может позаботиться о людях прелюбодей и охотник, погибший насильственной смертью?

Все это и много подобного и великое множество ужасного и дурного придумали эллины, о царь, о богах своих; о них поистине грешно и говорить, и держать их в памяти. А люди, беря такие примеры со своих богов, творят всякие беззакония, и скверные и злые дела, и бесчестие, оскверняя землю и воздух злыми своими деяниями.

Египтяне же еще более глупы и неразумны, впали в заблуждение хуже всех остальных народов, ибо они, не довольствуясь халдейской и эллинской верой и поклонением, стали поклоняться еще и лишенным разума животным, земным и водным, называя их богами, и деревьям, и травам; своим всяким безумием и скверными делами они хуже всех народов, сущих на земле. Сначала веровали они в Изиду, имеющую брата и мужа по имени Озирис, убитого братом своим Тифоном, и потому бегает Изида с сыном своим Ором по сирийской земле,

исщущи Осирида и горко рыдающи, дондеже възрасте Оръ и уби Туфона. Да не возможе Исиа помощи брату своему ни мужю, ни Осиръ убиемы Туфономъ възможе заступити его, Туфонъ же братоубийца, погубляемъ Оромъ и Исидою, не можеть себе избавити от смерти. Таче таковымъ бытиемъ вѣдоми суще ти бози от неразумныхъ егуптянъ въмѣними быша и не о сѣх еже доволнѣ быша ли прочиихъ вѣръ язычных и неразумных скотинъ въведоша богы суща, нъ неции от них овцамъ, ини же козломъ, етерѣи же телцемъ и коркодилу, змии и псу, и влѣку, и курицы, и тряпяску, и аспиду, и лукуду, и плейму, и чесновитку, и неразумеша, окаании, о всѣхь сихъ, яко ничто же могуть.

Приидемъ убо, о царю, и к июдеомъ, яко да видим, что мыслять о бозѣ. Си бо Авраамова ищадиа и Исакова и Яковля, суть пришѣльствова въ Егупетъ, оттудѣ, же изведе я богъ рукою крепкою и мышцею высокою, Моисѣемъ законодавцемъ ихъ и чюдесы многыми и знамениемъ показана имъ свою силу, нъ неразумнѣи явишася и непохвалнѣ и многажды служиша языческу покланянию и вѣрѣ и посланымъ къ нимъ пророкы и праведникы избиша. Таче яко изволѣ сынъ божий прити на землю, негодовавше на нь, предаша и Пилату игѣмону римьскому, и осудивше, распяша и, не постыдившѣмъся добродътельствиа его и бесчисленыхъ чюдесъ, ихъ в них сътвори. И погыбоша своимъ безакониемъ, вѣрующе бо и нынѣ богу единому вседержителю, нъ не с разумомъ, Христа бо отмѣтаются сына божиа, и суть безаконици. Симь бо егда како приближатися истѣнѣ мнять, от нея же удалишася. О июдѣехъ бо тако есть.

Крестияне же родословять поченъше от господа Иисуса Христа. Се же сынъ божий вышняго исповѣдаемъ есть, духомь святымъ с небесе сшед спасения ради человечьскаго, от девы святыя рожься без сѣмени же и без истлѣниа плоть въсприим и явися человекъ, яко да от многобожныя прелести възвратити человекы, и кончавъ дивнаго своего смотрения и распятиемъ смерть вкуси волею своею смотрениемъ великымъ. По трехъ же днехъ вьскресе и на небеса взиде. Его же слава пришествиа его от самех христианъ нарицаемое евангельское Писание подобаеть ти разумѣти, царю, аще бесѣдовати хощеши разумети. Се Христосъ 12 имяше ученикъ, си по вознесении его еже на небеса изидоша в начальствие всея вселеныя и научиша величествиа его. Единъ же от нихъ приде в нашю страну повеление проповѣдаа истины. Тѣмъ еще на службу оправданиемъ проповѣданиемь ихъ нарицаются крестияне, паче всѣхъ языкъ обретше истину. Свѣдають бо бога творца и съдѣтеля, имъ же всяческаа быша сыномъ единочядымъ и духомъ святымъ. Иного бога паче сего не чтять

ища Озириса и горько плача, пока не возрос Ор и не убил Тифона. И ни Изида не могла помочь своему брату и мужу, ни Озирис, убиваемый Тифоном, не мог противостоять ему; ни Тифон-братоубийца не смог избавить себя от смерти, погубляемый Ором и Изидой. И пребывающие в таковых несчастьях, были они признаны богами неразумными египтянами; и египтяне, не довольствуясь этими или другими предметами поклонения язычников, также ввели в качестве богов и лишенных разума животных, ибо некоторые из них поклоняются овце, другие козлу, иные тельцу, другие крокодилу, змее, и собаке, и волку, и курице, и обезьяне, и аспиду, и луку, и терну, и чесноку, и не поняли, окаянные, что не могут они ничего.

Перейдем теперь, о царь, и к иудеям, и посмотрим, что они мыслят о боге. Ибо они — потомки Авраама, Исаака и Иакова, пришли в Египет, откуда вывел их бог рукою крепкою и мышцею высокою через Моисея, законодателя их, многими чудесами и знамениями показал им свою силу, но они оказались неразумными и неблагодарными и часто служили языческому поклонению и вере, а посланных к ним пророков и праведников убивали. После же того, как сын божий соизволил прийти на землю, они, отвергнув его, предали его Пилату, начальнику римскому, и, осудив, распяли его, не устыдившись благодеяний его и бесчисленных чудес, которые он сотворил для них. И погибли они через беззаконие свое, хотя и веруют они ныне в единого бога-вседержителя, но не с разумом, ибо отвергают Христа, сына божия, будучи беззаконными. Ибо как же думают они, что близки к истине, на самом деле удалившись от нее? Вот это об иудеях.

Христиане же ведут свой род от господа Иисуса Христа. Он исповедуем как сын бога всевышнего, через духа святого сшедший с небес ради спасения людей, рожден от девы святой без зачатия и без истления, восприял плоть и стал человеком, чтобы вернуть людей от многобожного заблуждения к истине, и, совершив свой дивный промысел, принял смерть через распятие по своей воле, по великому предопределению. По истечении трех дней он воскрес и взошел на небеса. Славу же пришествия его подобает тебе знать, о царь, из книг, называемых самими христианами евангельским Писанием, если захочешь побеседовать об этом. Христос имел двенадцать учеников, которые, по вознесении его на небеса, разошлись по областям всей вселенной, чтобы учить о величии его. Один из них пришел и в нашу страну, проповедуя учение истины. Откуда и пошло, что те, кто служат учению проповеди их, называются христиане, более всех других народов обрели они истину, познали ведь бога, творца и создателя всего, через сына единородного и духа святого. Иного бога они не почитают

ни кланяются, имѣють же заповѣди господа Иисуса Христа въ сердци ихъ написана, тыя храняще, чяють въскресение мертвымъ и жизнь будущаго вѣка. Не имуть прелюбодѣяти ни любодѣяти, ни лжесвѣдительствують, не вжелають чюжаго, чтуть отца и матерь и искрених другъ, праведно судять елико не хотять себѣ имъ да будеть, и иному не творять, обидящаа ихъ призывают тѣшаще и другы себѣ творять, на добродѣтельствиа тщаться; кротци суть и милостиви; от всякого счетаниа безаконна и от всея нечистоты въздержаться; вдовици не презрять, сиротамъ скорби не творять; имея неимеющему безь зависти подаваеть. Странна аще узрять, под кровь воводять и радуются о немъ яко о братѣ истѣннѣмъ, ибо не по плъти их братию нарицають, нъ сердцемъ и душею. Готовѣ суть Христа ради душа своя предложити; повелениа же его твердо хранят, преподобно и праведно живуще, яко же господь богъ имъ повелѣ, благодарствующе его въ вся часы о всякой пищи и питии и прочихъ благъ. Поистинѣ убо тъ есть истинный, елико же ихъ шествують по немъ, руководствуеть въ вѣчное царствие, обѣтованую Христомь в будущую жизнь.

И да вѣдай, царю, яко не о себѣ сиа глаголю, приклонився въ книгы крестианьскы, обрящеши ничто же, кромѣ истино мя глаголюща. Добрѣ убо разумѣ и сынь твой поистинѣ научи служити истинному богу и спастися в будущий вѣкь шествующу ему. Яко велиа бо и чюдна християны глаголемая и творима, ибо не человечьских глаголъ глаголють, нъ божиа. Прочии же языцѣ блазнятся и блазнять себе и слушающимъ ихъ, шествующе бо во тмѣ падуть самѣ, яко пиани суще. Доселѣ к тебѣ мое слово, о царю.

Иже поистинѣ разумомъ моимъ изглаголана, сего ради да умолкнуть неразумнии твои премудрии, в пустошь бо глаголють на господа. Подобаеть бо бога творца чтуще и кланяющеся и нетлѣнныхъ его глаголъ внушити, да суда избѣгше и мукъ, жизни негыблющиа явитеся наслѣдници».

и никому другому не поклоняются; заповеди же господа Иисуса Христа имеют записанными в своих сердцах и, сохраняя их, ожидают воскресения мертвых и жизни будущего века. Не прелюбодействуют они, не предаются блуду, не лжесвидетельствуют, не желают чужого, почитают отца и мать и близких друзей, судят по справедливости: то, чего себе не желают, того и другим не делают; обижающих их призывают, утешая, и делают их друзьями своими, стараются творить добро; кротки и милостивы, воздерживаются от всякого беззаконного сожительства и от всякой нечистоты; вдовиц не презирают, сирот не обижают; имущий неимущему подает без сожаления. Если увидят странника, принимают под свой кров и радуются ему как родному брату, ибо не по плоти называют людей своими братьями, но сердцем и душой. Они готовы ради Христа души свои положить, твердо соблюдают его заповеди, живя благочестиво и праведно, как повелел им господь бог, благодаря его во всякое время за пищу и питье и прочие блага. Поистине это верный путь; всех, кто идет им, Христос ведет в вечное царство, в обещанную им будущую жизнь.

И чтобы ты знал, царь, что не от себя говорю это, то, посмотрев в книги христианские, не найдешь ты там ничего, кроме сказанной мною истины. Поэтому правильно уразумел сын твой и верно научился почитать истинного бога, чтобы спастись в будущей жизни. Ибо велико и чудесно то, что говорят христиане и делают, ибо не человеческие слова говорят они, но божии. Остальные же народы заблуждаются и вводят в заблуждение и себя, и тех, кто слушает их, ибо идут во тьме и падут сами, словно пьяные. Вот мое к тебе слово, царь.

Перед тем, что произнесено истиною через разум мой, пусть умолкнут неразумные твои мудрецы, ибо пустословят они, рассуждая о боге. Ведь подобает, почитая бога-творца и поклоняясь ему, вслушиваться в бессмертные его слова, чтобы, избегнув Страшного суда и вечных мук, стали бы вы наследниками негибнущей жизни».

СКАЗАНИЕ ОБ ЕВСТАФИИ ПЛАКИДЕ

В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. ПИСАНИЕ ЖИТИА И МУКИ СВЯТАГО ЕУСТАФИА И ЖЕНЫ ЕГО ФЕОПЕСТЕА, И ЧАДУ ЕЮ АГАПИА И ФЕОПИСТА

Во дни царствиа Траианя, идольстии жертвѣ одержащи, бѣ етеръ стратилатъ, именемъ Плакида, добра рода и славна, богатъ же зѣло паче всѣхъ златомъ и прочею службой; еллинъ же бѣ вѣрою, а дѣлы праведными украшашеся, алчющая насыщая, жажющая напаая, нагиа одѣвая, впадающимъ в бѣду помагая, ис темница изимая, и всѣмъ людемъ отнудъ помогая. Имѣ же и жену тояжде вѣры и си же дѣла творящю. Родиста же два сына и въспитаста я̂ в той же добрѣй воли. Бѣ же тако прослулъ мужь сей добродѣтелию и крѣпостию и силою, яко вси погании и варвари именованиемъ токмо бояхуся его. Бѣ бо храборъ велий и ловець художъ, по вся дни весело ловя. Человѣколюбець же богъ, призвавый всегда везде сущая достойны его, не позрѣ его въ тмѣ идольскихъ жертвъ, но яко же писано есть: яко всякъ человѣкъ боияся бога въ всякомъ языци приатъ имъ есть, въсхотѣ сего спасти сицемъ образомъ: отшедшю бо ему въ единъ отъ дни по обычаю на ловь свой и со слугами своими, явися ему стадо елений ходяще; и растроивъ воя, и нача гонити. И видѣ елень болий въ всемъ стадѣ и краснѣй; отлучи же ся елень той отъ стада, отлучи же ся и Плакида с маломъ чади, и начатъ с ними гонити по немъ. Гонящим же имъ, изнемогоша вси, Плакида же единъ начатъ гонити по немъ, отлучи же ся далече отъ дружины. Долго же гонящю ему, елень той взиде на камень высокъ и ста на немъ. Приѣхавъ же близъ стратилатъ, не сущю ни единому с нимъ отъ слугъ, помышляше же в себѣ, которымъ образомъ уловилъ бѣ. Богъ же, содержай и устрояй всяческыя пути на спасение человѣкомъ, той паче улови

СКАЗАНИЕ ОБ ЕВСТАФИИ ПЛАКИДЕ

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. ОПИСАНИЕ ЖИТИЯ И МУЧЕНИЯ СВЯТОГО ЕВСТАФИЯ, И ЖЕНЫ ЕГО ФЕОПИСТИИ, И ДЕТЕЙ ИХ АГАПИЯ И ФЕОПИСТА

В дни правления Траяна, когда приносили жертвы идолам, был некий стратилат по имени Плакида, человек высокого и славного рода, имеющий более других золота и всякого добра; он был язычником, но украшал себя праведными делами, кормил голодных, поил жаждущих, одевал нагих, помогал бедствующим, освобождал из темниц и вообще стремился помочь всем людям. Была у него жена, тоже язычница, но, как и он, творила она добрые дела. У них родились два сына, и они воспитали их в тех же добрых обычаях. И так как этот муж прославился не только добродетелями, но и храбростью и доблестью, то все чужестранцы и варвары боялись одного только его имени. Он был храбрый воин и искусный охотник и всегда развлекался охотой. Человеколюбец бог, всегда и везде призывающий к себе достойных себя, не посмотрел на то, что он находится во тьме идолопоклонства,— ведь сказано в Писании: «Человек, боящийся бога, в любом народе, приятен ему»,— захотел спасти его следующим образом: когда однажды Плакида отправился, как обычно, на охоту со своими слугами, появилось стадо бегущих оленей, Плакида расставил охотников и начал гон. И увидел он оленя, самого крупного и самого красивого во всем стаде, и отделился тот олень от стада, Плакида тоже отделился с небольшой свитой от остальных и стал с ними преследовать этого оленя. Пока они его преследовали, все обессилели, и Плакида один продолжал гнаться за оленем, и вскоре оказался далеко от своей дружины. Долго гнал он оленя, вдруг олень вскочил на высокую скалу и стал на ней. Стратилат подъехал ближе, обдумывая, каким бы ему образом поймать оленя, ведь слуг с ним не было. Но бог предопределяет различные пути для спасения людей: уловил он

явлениемъ своимъ, не якоже Корнилиа Петромъ, но якоже Павла гоняща. Долго же стоящу Плакидѣ и зрящу и дивящуся, показа ему богъ чюдо сицемъ образомъ, да якоже при Валамѣ проглагола оселъ его человѣчески. Такожде и сей показа над рогама же еленема образъ святаго креста, свѣтящься паче солнца, посредѣ же рогу образъ святаго тѣла Христова. Гласъ же человѣческъ богъ вложи въ елень, и рече ему, глаголя: «О Плакидо! Что мя гониши? Се тебе ради пришелъ есмь на животнѣмъ семъ явитися тебѣ. Азъ есмь Иисусъ Христосъ, егоже ты нынѣ не вѣдый чтеши. Добрыя бо твоя дѣтели, яже ты твориши нищимъ, взидоша предъ мя, да того ради приидохъ явитися тебѣ на животнѣмъ семъ възловить тебѣ, нѣсть бо праведно моему приятелю вязити в сѣти неприязненѣ». Си слышавъ стратилатъ и пристрашенъ бѣ, спаде с коня; годинѣ же минувши въста, хотя истѣе видѣти, и рече: «Кто есть гласъ сей, иже слышу, явися мнѣ глаголяй, да вѣрую в тя!» Рече же к нему господь: «Разумѣй, Плакидо, азъ есмь Иисусъ Христосъ, сотворей небо и землю отъ не сущихъ; азъ есмь сотворей солнце на просвѣщение дни, луну же и звѣзды въ просвѣщение нощи; азъ есмь создавый человѣка отъ земля и спасениа ради человѣческа явихся плотию, пропятие же пострадавъ и погребение, и въ третий день въскресохъ». Си слышавъ Плакида, паде на земли, глаголя: «Вѣрую в тя, господи, яко ты еси творець всяческимъ и животворець мертвымъ». Рече же к нему пакы господь: «Аще вѣруеши в мя, иди въ градъ, и приступи къ иерею христианьску, и проси у него крещениа». Рече же Плакида: «Господи! Велиши ли си повѣдати женѣ моей и чадома моима, да и тѣ вѣру имуть?» Рече же господь: «Повѣжь, и крещьшеся истребитеся отъ грѣхъ вашихъ. И прииди сѣможде, да тебѣ явѣ сотворю спасеныя тайны». Сошедъ же Плакида, уже вечеру сущю, начатъ повѣдати женѣ своей великая чюдеса Христова, яже видѣвъ. Егда же сконча глаголя, възопи жена его, глаголющи: «О господи мой! Пропятаго ли видѣлъ еси, егоже христиане чтуть? Тъй бо есть богъ истинный, спасаай тацѣми знамении вѣрующая в онь». Еше же възопи, глаголющи: «Помилуй мя, господи Иисусе Христе, и оба младенца моя!» Рече же къ мужю: «И азъ в мимошедшую нощь видѣхъ и́, въ снѣ глаголющь: утрѣ ты и мужь твой и обѣ чадѣ твои приидѣте ко мнѣ и разумѣете, яко азъ есмь Иисусъ Христосъ. Пойди убо в сию нощь, да идемъ и крестимся: симъ бо крещениемъ свои ему будемъ». И рече к ней Плакида: «Се же бо и мнѣ рече явлий ми ся». И егда полунощи бысть, тай поимъша оба младенца и мало отъ отрокъ, приидоша к иерѣю. Оставльше же внѣ слугы и възвѣстиша иереови вся видѣниа ею, исповѣдавше же ся вѣровати во господь нашь Иисусъ Христосъ, молиша и́, да дасть имъ знамение крещениа Христова.

своим явлением ловца Плакиду — не так, как Корнилия — Петром, а как Павла-гонителя. Долго так стоял Плакида, смотрел и удивлялся, и показал бог чудо так, как некогда Валааму, когда осел заговорил по-человечески. Над рогами оленя показался святой крест, светящийся как солнце, и между рогами — образ святого тела Христова. И дал бог человеческий голос оленю, который сказал ему: «О Плакида! Зачем ты меня гонишь? Это ведь ради тебя пришел я, чтобы явиться тебе в образе этого животного. Я — Иисус Христос, которого ты почитаешь, не ведая. Твои добрые дела, что творишь ты нищим, дошли до меня, и из-за этого я пришел явиться тебе в образе этого животного и уловить тебя, так как несправедливо, чтобы любящий меня увяз в дьявольской сети». Услышав это, стратилат, объятый страхом, упал с коня; через некоторое время он встал и, желая лучше увидеть, сказал: «Кто ты, голос, который я слышу? — явись мне, говорящий, чтобы я уверовал в тебя!» Сказал ему господь: «Знай, Плакида, я Иисус Христос, сотворивший небо и землю из ничего; я, сотворивший солнце, чтобы дать свет дню, и луну и звезды, чтобы дать свет ночи; я, создавший человека из земли, ради спасения человека явился во плоти, претерпел распятие и погребение и в третий день воскрес». Услышав это, Плакида упал на землю и сказал: «Верую в тебя, господи, верую, что ты творец всего и животворец мертвых». И снова сказал ему господь: «Если веруешь в меня, иди в город, обратись к христианскому священнику и проси у него крещения». Плакида же сказал: «Господи! Велишь ли сказать об этом моей жене и детям моим, чтобы и они уверовали?» Сказал господь: «Расскажи им; крестившись, вы очиститесь от ваших грехов. А потом приди сюда, я тебе раскрою тайны спасения». Вернувшись домой, когда уже был вечер, Плакида стал рассказывать жене своей о великих чудесах Христа, которые он видел. Когда он кончил, жена воскликнула: «О господин мой! Ты видел распятого, которого чтут христиане? Он есть бог истинный, такими знамениями спасающий верующих в него!» И еще она воскликнула: «Помилуй меня, господи Иисусе Христе, и обоих моих младенцев!» И сказала она мужу: «И я прошлой ночью видела его во сне, и он сказал: «Завтра ты, и муж твой, и дети придете ко мне и поймете, что я есть Иисус Христос». Давай пойдем этой ночью и крестимся: этим крещением мы станем ему свои». И сказал ей Плакида: «То же самое сказал мне тот, который мне явился». И когда наступила полночь, с обоими младенцами и несколькими слугами пришли они к священнику. Оставив слуг снаружи, они вошли к священнику и рассказали ему обо всех видениях; объявили себя верующими в господа нашего Иисуса Христа и просили его свершить над ними таинство крещения.

Он же радъ бывъ и прославль господа Иисусъ Христа, хотящаго всякого человѣка спасти и в разумъ истинный привести, и поимъ я́, молитву створи надъ ними и научи я́ вѣре, крести же въ имя отца и сына и святаго духа. Плакиду же нарече Еустафиа, а жену его Татьяну нарече Феопесту, сына же перфеньца нарече Агапиа, а меншаго нарече Феописта; и дасть имъ отъ святаго причастиа святаго тѣла и крове господа нашего Иисусъ Христа, и отпусти а́, рекъ: «Богъ буди с вами и царство свое даждь вамъ! Азъ бо разумѣхъ, яко рука господня над вами есть. Вы же, егда вѣдворитеся в раи пища, помянете душю мою Иоаннову, ей, молюся вамъ».

Утру же бывшю, и поимъ Еустафий мало снузникъ с собою, взиде на гору. Близъ же бывъ мѣста, идѣже бѣ видѣние видѣлъ, отсла слуги, рекъ: «Поищете лова». Он же мало претерпѣвъ, паде ниць, вопиа и глаголя: «Молюся тебѣ, господи Иисусе Христе, разумѣхъ, яко ты еси Христосъ, сын бога живаго, и вѣрую въ отецъ и сынъ и святый духъ; и нынѣ придохъ и молюся божеству твоему, да ми вѣсто сотвориши, еже ми еси реклъ». Рече же к нему господь: «Блаженъ еси, Еустафие, приимъ баню благодати моеа; нынѣ совлеклъся еси истлѣннаго человѣка и оболкъся еси в неистлѣннаго. Нынѣ имать явитися дѣло твоея вѣры. Понѣже оставилъ еси диавола, ищеть на тя напасти етеры; сю же аще претерпиши, приимеши вѣнець побѣды. Се бо възнеслъся еси богатьствомъ житиа, и смиритися имаши богатьствомъ духовнымъ; и не мози въспятитися, поминая на древнюю славу свою, и якоже угодилъ еси земному царю, такоже подщися побѣдити диавола и хранити мою вѣру: другый бо Иовъ явитися имаши в напастехъ. Блюди убо, да не възыдеть на сердце твое хула. Егда бо смиришися, прииду к тебѣ и устрою тя въ славѣ твоей первѣй». И си рекъ господь, взыде на небеса, рекъ ко Еустафиеви: «Нынѣ ли хощеши, да ти приидеть напасть, или в послѣдняа дни?» Рече же Еустафий: «Молюся тебѣ, господи, аще нѣкако да мимоидеть реченное, нынѣ повелѣ, да приидеть напасть. Но даждь, господи, силу и сохрани ны отъ зла помышлениа, да не смутятся сердца наша». Рече же к нему господь: «Подвизайся и крѣпися, Еустафие, благодать моя с вами буди».

Съшедъ же с горы, вниде в домъ и повѣда женѣ своей. Поклонше же колѣна, моляхуся богу, глаголюще: «Господи, твоя воля буди!» Малу же дни мимошедши, вниде моръ в домъ его, изомроша вси раби его. Сему же бывшю, ощути Еустафий реченой напасть; приим же ю́ с похвалою, тѣшаше жену свою не изнемощи. Не по многу же времени, тожде моръ вниде и въ скотъ его, и изомроша вси кони и скоти его. Приим же сию напасть с похвалою. И отъиде из дому своего тай на ино мѣсто единъ со женою и съ сынъма. Видѣвше же татие отшествие ихъ, в нощи въсхитиша имѣния ихъ, злато же и сребро,

Священник обрадовался и прославил господа Иисуса Христа, который хочет спасти всякого человека и привести его к истине, сотворил он над ними молитву, научил их вере и крестил их во имя отца и сына и святого духа. Плакиду он назвал Евстафием, а жену его Татьяну — Феопистией, сына — первенца — Агапием, а меньшого — Феопистом; и причастил их святого тела и крови господа нашего Иисуса Христа, и отпустил их, сказав: «Бог да будет с вами и да даст вам царствие свое. Я понял, что рука господня над вами. Вы же, когда будете в раю, помяните мою душу, Иоанна, прошу вас!»

Наступило утро, и Евстафий, взяв с собой нескольких всадников, поехал на гору. Около того места, где ему было видение, он отослал слуг, сказав им: «Поищите лова». И, немного подождав, упал ниц, восклицая: «Молюсь тебе, господи Иисусе Христе! Знаю, что ты Христос, сын бога живого, верую в отца и сына и святого духа; а теперь я пришел и молюсь божеству твоему, чтобы ты открыл мне то, о чем говорил тогда!» И сказал ему господь: «Блажен ты, Евстафий, ибо принял баню моей благодати; теперь ты стряхнул с себя тленного человека и облекся в нетленного. Ныне же проявится дело твоей веры. Поскольку ты отошел от дьявола, он стремится устроить тебе какое-нибудь бедствие; если перенесешь эти несчастья, примешь венец победы. Ты вознесся богатством житейским, а теперь должен смириться богатством духовным; не вздумай отступить, вспомнив свою прежнюю славу,— как ты угодил земному царю, постарайся победить дьявола и хранить веру: ты будешь вторым Иовом в несчастьях. Опасайся, чтобы хула не вошла в твое сердце. Когда смиришься, приду к тебе и устрою тебя в прежней славе». И, сказав это, господь взошел на небеса, и сказал Евстафию: «Хочешь ли, чтобы несчастье пришло к тебе сейчас или в последние дни?» Сказал же Евстафий: «Молю тебя, господи, если никак нельзя избежать предначертанного, пусть ныне придет бедствие. Но дай мне, господи, силу и сохрани от злого помышления, и пусть не смутятся наши сердца!» Сказал ему господь: «Борись и крепись, Евстафий, с вами будет моя благодать».

Сойдя с горы, Евстафий вернулся домой и рассказал все жене своей. И, преклонив колени, они молились господу, говоря: «Господи, да будет воля твоя!» Когда прошло немного дней, мор вошел в его дом, и умерли все рабы. Когда все это случилось, Евстафий понял, что это та предсказанная напасть, и принял ее с благодарностью, ободряя свою жену, чтобы она не пала духом. Но прошло еще немного времени, и опять настал мор, от которого пали все кони и скотина. И эту напасть он принял с благодарностью. Тайно ушел он из своего дома с женой и сыновьями. И воры, заметив их уход, ночью украли все их имущество: забрав и золото, и серебро,

и челядь, и все богатьство. Во дни же ты праздньство творяше царь, зане бѣ побѣдилъ воя перьскыя; подобаше же обрѣстися ту и стратилату, зане бѣ честнѣй всея суньклитиа. Искаше же его и не обрѣтоша; и вси жаловаху, како толь скоро имѣние его погыбе, и сам же не обрѣташеся; и жаловаше же и царь и вси сущии о немъ.

Жена же Плакидина рече к нему: «Доколѣ ждемъ здѣ, господи мой? Приидѣ, да поими обѣ чадѣ наю: ти бо оставленѣ есте наю; и да отъидевъ отъ сея земля, яко поношение быховѣ знающимъ ны». В нощи же въставша, поимша обѣ отрочатѣ свои, идяшета въ Егупетъ. Два же дни шедша, приидоста на море; обрѣтша же корабль стоящь в пристанищи, влѣзоша в онь. Бѣ же господинъ корабля того варваръ сверѣпъ; влѣзше же поплуша. Видѣвъ же науклиръ жену Еустафиеву, яко красна бѣ лицемъ зѣло, възлюби ю; и егда преидоша на онъ полъ, прошаше у него мзды. Не имущима же има что дати, удержа жену Еустафиеву за мыто. Противящу же ся Еустафию и молящуся еа ради, *помапу* науклиръ кораблеником, да ю в море ввергуть. Разумѣ же Еустафий, не по воли остави жену свою; поимъ же обѣ отрочатѣ свои, идяше, и плачася и глаголя: «Увы мнѣ и вама, яко мати ваю издана есть мужеви иноплеменнику!» Грядый же слезенъ доиде етеры рѣки; видѣв же ю водну, убоася вкупѣ пренести обѣ отрочатѣ. Взем же на рамо отроча преплуть рѣку, ось поль другое оставль; принесъ же положи на земли и възвратися, хотя другое пренести. И внегда бысть посреде рѣкы, видѣ, яко левъ восхити отроча его, бѣжить. Видѣв же се и възвратися къ другому, чаяние свое имѣя; видѣв же такожде и то волкомъ въсхищено. И видѣвъ чадѣ свои звѣрма въсхищенѣ, торгая власы своя и плачася горко, хотяше ся утопити в рѣцѣ; но не дасть ему богъ того сътворити, и изыде из рекы. Левъ же выше преплувъ рѣку, идяше в пустыню, нося отроча божиею волею здраво. Видѣвше же пастуси отроча живо носимо, гониша со псы по львѣ. Убоявь же ся левъ, поверьже отроча здраво и отииде. Другое же отроча такожде волкомъ въсхыщено, видѣвше же ратаи етери здраво носимо отроча, въскричаша по немь, онъ же повергъ отроча, побѣже; ратаи же и пастыри изъ единоя вѣси бѣша, и поимше отрочатѣ, въспиташа и. Сего же Еустафий не видяше; но идяше по пути, плачася и сице глаголя: «Увы мнѣ, иногда яко цвѣтущу, нынѣ же обнажену! Увы мнѣ, иногда богату бывшю, нынѣ же аки плѣнену сущю! Увы мнѣ, иногда тма людий служаше ми, нынѣ же единъ есмь оставленъ, ни понѣ чадцю свою имый!

и челядь, и все богатство. В те дни царь устроил праздник, ибо одержал победу над персидским войском; следовало присутствовать там и стратилату, ведь он был самым почетным в синклите. Его искали и не нашли; и все сетовали, как внезапно погибло его богатство и он сам пропал; очень о нем жалели царь и все, кто там был.

Жена сказала Плакиде: «Долго ли еще будем ждать здесь, господин мой? Давай возьмем детей наших — ведь они одни нам оставлены — и уйдем из этой земли,— ведь здесь мы — поношение всем, знающим нас». Ночью они встали, взяв своих двух мальчиков, и отправились в Египет. Два дня они шли, и пришли к морю, и увидели корабль, стоящий в гавани, и зашли на него. Хозяином корабля был свирепый варвар; итак, они сели на корабль и поплыли. Судовладелец увидел жену Евстафия, которая была очень красива, и она ему полюбилась; а когда они приплыли на другую сторону, владелец корабля потребовал плату за переезд. И так как у них не было, чем заплатить, он забрал жену Евстафия вместо платы. А когда Евстафий стал противиться этому и просить за нее, хозяин корабля кивнул матросам, чтобы они бросили ее в море. Понял это Евстафий и поневоле должен был оставить свою жену; взяв обоих мальчиков своих, он сошел на берег, плача и говоря: «Горе мне и вам! Ваша мать отдана мужу-иноплеменнику!» Так, плача, он дошел до какой-то реки; река была многоводна, и он побоялся перенести через нее обоих мальчиков сразу. Одного он взял на плечи, чтобы с ним вместе переплыть реку, а другого оставил на берегу; перебравшись, Евстафий посадил ребенка на землю и вернулся, желая перенести и другого. Когда он был на середине реки, он увидел, что лев схватил его сына и убежал. Увидев это, он обратился к другому, имея намерение и его перенести, и увидел, что и того мальчика уносит волк. Увидев, что его детей утащили звери, он горько плакал, рвал свои волосы и хотел утопиться в реке,— но бог этого не допустил, и он вышел из реки. А между тем лев, переплыв реку выше, пошел в пустыню, неся ребенка, божьей волей невредимого. Пастухи увидели, что лев несет живого ребенка, погнались за львом с собаками. Лев испугался, бросил ребенка невредимого и убежал. А что касается другого мальчика, унесенного волком, некие пахари увидели, что зверь несет живого ребенка, стали кричать ему вслед, тот бросил мальчика и убежал; эти пастухи и пахари были из одного села, они приняли мальчиков и воспитали их. Евстафий этого не видел; он шел по дороге, плакал и так говорил: «Горе мне! когда-то дела мои процветали, а ныне я лишился всего! Горе мне! Когда-то я был богат, а ныне я будто в плену! Горе мне! когда-то множество людей мне служили, а теперь я остался один и даже детей своих потерял!

Но не остави мене, господи, господи, до конца, ни моихъ слезъ мози презрѣти; помяни, господи, рекьша тя: приати имаши напасть, якоже Иовъ, но се боле Иова мнѣ бысть. Онъ бо аще имѣниа лишенъ бысть, но на своемъ смѣтище сѣдяше: аз же на страннѣ земли муки приемлю; онъ приателя имѣше утѣшающая и́: мое же утѣшение дѣтное звѣрие дивии на пустыни сей отъяша; онъ аще и отъ ветвий лишенъ бысть, но корене женьскаго зря утѣшашеся; аз же окаанный отвсюду искорененъ быхъ и якоже трость в пустыни бурею неприазненою колѣблюся. Но не отверзи мене, господи Иисусе Христе, раба твоего, много глаголющи: болѣзнию бо сердца, не волею се глаголю; положи, господи, сохранение устомъ моимъ и двери огражены о устнахъ моихъ; да не уклонится сердце мое въ словеса лукавна, да не отверженъ буду отъ твоего лица». И си глаголя со въздыханиемъ и слезами, дойде етеры веси, нарицаемыя Вадисонъ. Вшедъ же в ню, дѣлаше и взимаше дневную пищу. Пожив же в ней много лѣтъ, умоли мужа тоя веси и да устроиша хранить жита ихъ; взимаа же мьзду свою, пожи 15 лѣтъ.

Сына же его въспитѣна быста въ друзѣй веси, не знающа себе, яко брата си еста. Науклиръ же онъ иноплеменникъ веде жену Еустафиеву на свою землю; богу же сице изволшю, умреть иноплеменникъ той, не прикоснувся ей: свободь же бывше, живяше тако.

Воеваше же иноплеменници ти на Римъ и отъяша многу страну. Многу же печаль имѣ о томъ царь, и помяну Плакиду, зане бѣ доблий храборъ. Воспомянув же, зѣло дивляшеся о измѣнении бывшимъ ему внезапу. Избрав же воя, хотя воевати; и пекыйся о Плакидѣ, въпрошаше когождо его ради: живъ ли есть или умерлъ? И заповѣда всѣмъ искати его, аще живъ есть. И посла по всему царству своему искать его, рекь: «Аще кто обрящетъ и повѣсть и́ мнѣ, сотворю ему честь велию и приложю къ уроку его». Два же етера вьина, имаже есте имени си Антиохъ и Акакий, яже служашета всегда Плакидѣ, идоста взыскати его. Обьшедша же всю землю, прийдоста в весь, в ней же живяше Еустафий не вѣдущи. Видѣвша же и́, не мысляшета въпросити его. Еустафий же издалеча я́ позна. И въспомянувь древнее свое житие, начатъ плакати и молитися, глаголя: «Господи боже милостивый, избавляай отъ всякоя скорби уповающая на тя! Якоже есмь внезапу видѣлъ бывшаа со мною древле, сподоби мя видѣти рабу твою, а жену мою. Нищии бо мои чадѣ видѣ, яко звѣрие суть снѣли злыхъ ради моихъ дѣлъ. Даждь же, господи боже истинный Христе, да поне въ день въскресениа узрю чадѣ свои». Си же глаголющу ему, услыша гласъ с небесе, глаголющь ему:

Но не оставь меня, господи! Посмотри на мои слезы! Вспомни, господи, что ты сказал мне: примешь напасть, как Иов,— но мне выпало больше, чем Иову. Он, хотя и лишился богатства, но сидел на своем гноище, а я терплю муки в чужой стране; у него были друзья, которые его утешали; мое же утешение, моих детей, отняли дикие звери в пустыне; он, хотя и лишенный ветвей, утешался тем, что видел корень — жену свою; я же, окаянный, отовсюду искоренен, и колеблет меня враждебная буря, как тростник в пустыне. Но не отвергни меня, господи Иисусе Христе, твоего раба, который так много говорит — от боли сердечной, а не по воле я это говорю; положи, господи, охрану устам моим и огради двери уст моих, не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым, да не буду отвержен от лица твоего». И говоря это с воздыханиями и слезами, дошел он до некоего селения, называемого Вадисон. Поселившись там, он стал работать, зарабатывая себе пропитание. Прожив там много лет, он упросил жителей того селения, чтобы они позволили ему сторожить их посевы; получая плату за это, он прожил пятнадцать лет.

Сыновья же его были воспитаны в другом селении; они не знали, что они братья. А корабельщик-иноплеменник привел жену Евстафия в свою землю; но бог так пожелал, чтобы этот иноплеменник умер, не коснувшись ее: она стала свободна и так жила.

Иноплеменники же воевали с Римом и завоевали много областей. Об этом весьма печалился царь, и вспомнил он Плакиду, который был доблестным и храбрым воином. Вспомнил и весьма удивился внезапно случившемуся с ним. Стал царь набирать воинов, готовясь к войне, и забеспокоился о Плакиде, спрашивая о нем у всех, жив ли он или умер. Он приказал всем искать его, если он жив. И послал по всему своему царству искать его, и сказал: «Если кто найдет его и скажет мне о нем, воздам тому честь великую и увеличу жалованье». Два воина — имена их были Антиох и Акакий,— которые всегда служили Плакиде, отправились искать его. Обойдя всю страну, они пришли в селение, где жил, ничего не зная, Евстафий. Увидев его, они не догадались расспросить его. Евстафий же издали их узнал. И вспомнил он свою прежнюю жизнь, и стал плакать и молиться, говоря: «Господи боже милостивый, избавляющий от всякой скорби надеющихся на тебя! Неожиданно вспомнил я все бывшее со мною раньше — удостой меня увидеть твою рабу, а мою жену! Видел я своих несчастных детей, которые стали пищей для зверей из-за злых моих дел! Дай, господи боже истинный Христе, хоть в день воскресения мне увидеть их!» Когда он так молился, услышал он глас с небес, обращенный к нему:

«Дерзай, Еустафие! В се бо время пакы устроенъ будеши въ древнюю свою честь, и жену свою приимеши и сына своя. На въскресение же болша узриши, и наслаждение же вѣчныхъ благъ получиши, и имя твое величано будеть в роди и родомъ». Си слышавъ Еустафий и пристрашенъ бывъ, сѣде; видѣв же въина приближающася к нему, съшедъ с мѣста, идеже сѣдяше, и ста при пути противу има. Близъ же бывшима има его, не познаста его. Рѣста же к нему: «Радуйся, друже!» Онъ же к нима: «Миръ буди вама, брата!» Рѣста же к нему: «Рци нама, аще знаеши зде етера странна, именемъ Плакиду, со женою и со двѣма отрочатма? И аще покажеши и́ нама, дадивѣ ти злата много». Онъ же рече к нимъ: «То чесо ради ищета его?» Она же рѣста: «Другъ наю есть и имавѣ многа лѣта не видѣвша его, да того ради хощевѣ и́ видѣти». Рече же к нима: «Не знаю такого мужа здѣ. Но всяко препочийта понѣ мало в хижици моей, и азъ бо странникъ есмь». Веде же ю́ в хижицю свою, и иде купить вина, да я́ напоить зноя ради. Рече же къ господину дома того, в нем же самъ живяше: «Знаема ми еста мужа сиа, да того ради приидоста ко мнѣ. Даждь ми убо хлѣба и вина, да предложю има, и въздам ти въ время дѣла моего». Он же дасть ему, елико хотяше. Пьющимъ же имъ и ядущимъ, напаяа же а́ Еустафий, не можаше терпѣти, помышляа древнее истое житие; но слезы ся ему възвертѣша. Излазя же вонъ, плакашеся и умываше си лице; и влазя паки, служаше има. Она же зряща его, начаста по малу познавати его. Рѣста же к себѣ едина: «Колми подобенъ есть мужь сей искомому нама». Рече же единъ къ другу своему: «Зѣло подобенъ к нему есть. Но азъ вѣдѣ, яко мало есть знамение вреда на выи его, бывшии ему на брани. Да вѣдѣвѣ, аще имать знамение то, тъ той есть ищемый нама». Зрѣвша же прилѣжно, видѣста знамение то на выи его; и абие въскочиста, облобызаста и́, и со слезами въпрашаста и́, аще той есть бывый иногда стратилатъ Плакида. Онъ же прослезися, рече к нима, яко нѣсмь азъ. Показающема же има знамение на выи его и кланяющимася има, яко ты еси стратилатъ Плакида, въпросиста же и о женѣ его и о сыну ею, и ина многа въспоминашета. И тогда исповѣда, яко азъ есмь. О женѣ же своей и о сынову рече к нима, яко умроша. Сим же бесѣдующимся, вси людие тоя веси стекошася, яко на велико чюдо. Воина же утолша молву, начаста повѣдати людемъ дѣание и житие и храборьство и гордыню его. Слышавше же се людие, плакахуся, глаголюще: «О каковъ мужъ великъ наимникъ бысть!» Тогда воина показаста ему букви царя, а оболкъша и́ в ризы, поимша, поидоша. Вся же весь провожаше и́; он же утѣшь, възврати а́.

Идущим же имъ повѣда има, како видѣ Христа, и яко нареченое ему есть имя въ крещении Еустафий; и вся приключьшаася ему

«Мужайся, Евстафий! В свое время снова обретешь свою прежнюю честь, и жену свою найдешь, и сыновей. А в день воскресения ты большее увидишь и получишь вечное блаженство, и имя твое будет прославляться из рода в род». Устрашенный, сидел Евстафий, слыша это; когда он увидел, что воины приближаются к нему, он сошел с того места, где сидел, и вышел им навстречу. Даже приблизившись к нему, они его не узнали и сказали ему: «Радуйся, друг!» Он же им: «Мир вам, братья!» Они сказали: «Скажи нам, не знаешь ли здесь некоего чужестранца по имени Плакида с женой и двумя детьми? Если покажешь его нам, дадим тебе много золота». Он же сказал: «А зачем вы его ищете?» Они же сказали: «Он наш друг, мы не видели его много лет, поэтому хотим его видеть». Он сказал им: «Я не знаю здесь такого человека. Но все же отдохните немного в моей хижине, я тоже здесь чужестранец». Привел он их в свою хижину и пошел купить вина, чтобы напоить их, ведь было очень жарко. Он сказал хозяину дома, в котором жил: «Эти люди — мои знакомые, и поэтому они пришли ко мне. Дай мне хлеба и вина, чтобы угостить их, я расплачусь с тобой своей работой». И тот дал ему, что он просил. И когда они пили и ели, не мог Евстафий сдержаться, вспоминая о своей прежней жизни, слезы наворачивались у него на глаза. Он выходил из дома и плакал, потом умывал лицо и возвращался, чтобы служить им. Они же, глядя на Евстафия, начали понемногу узнавать его. Один из них подумал: «Как похож он на того, кого мы ищем». И сказал другу своему: «Очень он похож на него. Но я знаю, что у него на шее есть небольшой след от раны, полученной в бою. Давай узнаем: если у него есть этот знак, значит он тот, кого мы ищем». Посмотрев внимательно, они увидели этот рубец на шее, и тогда вскочили, обняли его, и со слезами спросили, не он ли Плакида, бывший некогда стратилатом. Он же, прослезившись, сказал им: «Нет, не я». Но когда они показали ему знак на шее и, кланяясь ему, сказали: «Ты стратилат Плакида», и спросили его о жене и сыновьях, и вспомнили много другого, тогда он признался: «Да, это я». О своей жене и о детях он сказал, что они умерли. Пока они так беседовали, все жители того селения собрались, как на великое чудо. Воины, успокоив шум, стали рассказывать людям о его жизни и деяниях, о его храбрости и гордости. И, слышав об этом, люди плакали, говоря: «Какой великий человек был у нас наемником!» Тогда воины показали ему царское послание, и одели его в дорогие одежды, и, взяв с собой, отправились в путь. Все селение провожало их, и он, успокоив их, отправил по домам.

По пути он рассказал воинам, что видел Христа и что наречено в крещении ему имя Евстафий, и все, что случилось,

повѣда има. Шедша же 15 днии, приидоша ко царю. Влѣзъша же, повѣдаста, како обрѣтоста Плакиду. Изиде же царь въ срѣтение ему, и облобыза й; и много прослежь, въпроси отъ него вины отшествиа его. Онъ же по ряду повѣда къ царю и къ всѣмъ другомъ и о женѣ своей, яко в море оста, и о сынову своею, како звѣремъ стравленѣ быста. Бысть же радость велика о обрѣтении его. Умоли же й царь, да ся препояшеть мечемъ; и препоясася, якоже и первѣе стратилатъ сый.

Видѣвь же воя, яко не довлѣють противу варваромъ, повелѣ тироны собрати; и написаны быша книгы отъ царя въ вся грады и въ вся веси Римьскыя области. Приключи же ся и в ту весь, идѣже бѣста въспитана сына Еустафьева, доити написанию цареву. Вси же сущии в той веси оба юноши та, якоже странна сущи, предаша я́ воиномъ; бѣста же растомъ и видѣниемъ красна зѣло. Собраномъ же всѣмъ тирономъ, и приведеномъ бывшемъ къ стратилату, видѣвь я́ вся учинены на нумеры, видѣв же она юноши оба паче всѣхъ краснѣйша, учини а́ себѣ на службу. Зря же ею тако красну, повелѣ има всегда ѣсти с собою на трапезѣ. И расчинь воя, иде на брань; и страну, юже бяше первѣе отъяли варвари, свободи; оны же побѣждь, преѣде рѣку, нарицаемую Идаспая. Преѣхавъше же, внидоша в Вышнюю страну варварьскую, и ту побѣдиша. Мысляше же ѣхати и на другую, божии же воли водящи и, идѣже бѣ жена его сохранена отъ иноплеменника того. Умершю бо ему, отшедши и хижину створши, стрѣжаше вертограды тѣхъ людий. Пришедъ же в ту весь стратилатъ и повоевавь ю́, препочи с вои в ней три дни. Приключи же ся колимогу его близъ хижа еа поставлену быти при вертоградi, иже храняше жена его. Юноши же она обитаста въ хижицы жены тоя, не вѣдущи, яко мати има есть. В полудни же сѣдяща, повѣдашета о младеньствѣ своемъ: помняшета бо мало что. Мати же ею послушаше. Рече же старѣй брать, яко: «Азъ иного не помню ничтоже развѣ се, яко отецъ мой стратилатъ бѣ, мати же моя зѣло красна; имѣста же два сына: мене и инъ мнѣ мене, русъ власы, красенъ зѣло. И поимша ны, изыдоста из дому в нощи и влѣзоста в корабль с нама. Не вѣмъ, камо хотяща ити. Внегда же излѣзохомъ ис корабля, мати же наю не бѣ с нами, и не вѣмъ, како в мори оста. Отець же взят ны на рамѣ, и идяше, плачася. Приидохом же на етеру рѣку, и пренесе меньшаго брата, а мене остави на семъ полу. Хотящу же възвратити, да мя пренесетъ, левъ прииде и въсхищь мя идяше, пастырие же овчии отъяша мя у лва, и въспитѣша мя въ веси, в ней самъ вѣси. Боле сего юже не вѣмъ». Слышавъ

рассказал им. Через пятнадцать дней пришли они к царю. И, придя к нему, рассказали, как они нашли Плакиду. Царь вышел навстречу ему, поцеловал его и, сильно прослезившись, спросил его о причинах ухода. Евстафий же по порядку рассказал царю и всем друзьям о своей жене, оставшейся в море, и о сыновьях, съеденных зверями. Все радовались, что он нашелся. Царь просил его опоясаться мечом; он принял меч и стал, как прежде, стратилатом.

Увидев же, что войска недостаточно для войны против варваров, Евстафий велел собрать новобранцев; и были разосланы царские грамоты во все города и селения Римской империи. Случилось же так, что в то селение, где были воспитаны сыновья Евстафия, дошло царское послание. Жители селения отдали воинам этих двух юношей, так как они были чужеземцами; оба они были рослые и очень красивые. Когда все новобранцы были собраны и приведены к стратилату и все распределены по отрядам, он увидел этих двух юношей, которые были прекраснее всех, и назначил их к себе на службу. Видя, как они красивы, он велел им всегда быть вместе с ним за трапезой. И, распределив воинов, пошел на войну; освободил местность, которую прежде завоевали варвары, победив, он перешел реку, называемую Идаспая. Совершив переход, он вошел в Верхнюю страну варваров и ее победил. Задумал он, руководимый божьей волей, напасть и на ту страну, где жила жена Евстафия, избегнув того иноплеменника. Когда тот умер, она ушла в другое селение, построила себе хижину и стерегла сады тамошних жителей. Когда стратилат пришел в то селение и захватил его, он остался в нем со своим войском на три дня для отдыха. И так случилось, что шатер стратилата был поставлен около ее хижины возле сада, который охраняла жена его. А юноши те жили в хижине той жены, не зная, что она — их мать. Однажды в полдень они сидели и беседовали, рассказывая о своем детстве: они мало что помнили. А мать слушала. И сказал старший брат: «Я ничего не помню, кроме того, что мой отец был стратилат, а мать очень красива. У них было два сына — я и другой, младше меня, русоволосый, очень красивый. Однажды они взяли нас и ночью ушли из дома, сели на корабль вместе с нами. Я не знаю, куда они хотели плыть. Когда мы вышли на землю с корабля, матери с нами не было; я не знаю, каким образом она осталась в море. Отец взял нас на плечи и пошел, плача. Пришли мы на какую-то реку, и он перенес младшего брата, а меня оставил на этом берегу. Когда он хотел вернуться, чтобы перенести меня, пришел лев и убежал, похитив меня; овечьи пастухи отняли меня у льва и воспитали в том самом селении, где и тебя. Кроме этого, я ничего не знаю». Услышав

же си словеса менший братъ, воскочи, и плачася глаголаше: «Тако ми сила Христова! Братъ мнѣ еси ты. Познахъ бо яже ми повѣда; такожде бо ми суть повѣдали иже въспитѣша мя, яко вълку тя отъяхомъ». Приимше лобызаше и́. Слышавши же се мати, и познавши бесѣду реченую до корабля, и разумѣвши, съжали си зѣло, наипаче лобызающеся видящи, и плачющеся, помышляюще, егда то еста сына ея, паче же слышавшиа, яко отецъ има стратилатъ бѣ. Въ другый же день прииде къ стратилату жена та, глаголющи: «Молюся тебѣ, господи мой, азъ римлянынѣ сущи, плѣнена есмь сѣмо, да веди мя на свою землю». И се глаголющи жена, зряше знамениа сущаго на мужи ея. И познавши и́, бояшеся въпросити его. Дерзнувше же, припаде к нему, глаголющи: «Молюся тебѣ, господи мой, не мози ся гнѣвати на рабу твою, но кротко послушай. Повѣждь мнѣ древнее твое житие: азъ бо мню, яко ты еси стратилатъ Плакида, именовавыйся въ крещении Еустафий, емуже Христосъ явися еленемъ, вѣровавый в онь и впадавый в напасти, поимый жену свою и обѣ чади свои Агапиа и Феописта, и въсхотѣ ити въ Египетъ; овогда же плаваховѣ в корабли, науклиръ варваръ поят мя, иже мя приведе на сю землю. Свѣдитель же ми есть Христосъ, яко ни тъй, ни инъ никтоже не оскверни мене до днешняго дне. Аще бо ты еси, его же азъ познахъ знамениими, повѣждь ми. Тако ти сила Христова». Слышавше же се Еустафий отъ нея, и той такожде позна ю́. Възрадовавъ же ся, плакася велми и рече: «Азъ есмь, его же ты глаголеши». И въста абие и облобызашетася, славяще Христа господа, избавляющаго рабы своя от многыхъ скорбей. Рече же к нему жена его: «Господи мой! Есте здѣ чади наю». Он же рече: «Звѣремъ стравлена еста». И повѣда си, како я́ погуби. Она же рече: «Да хваливѣ Христа господа, да якоже нама дасть обрестися, такожде нама имать дати чадѣ наю». Рече же к ней Еустафий: «Рѣхъ ти, яко звѣрми стравленѣ бысте». Рече же к нему жена его: «Вчера сѣдящи въ вертоградѣ, слышахъ етера юноши два к себѣ глаголюща о младеньствѣ своемъ и познахъ я́, яко та еста сына наю. Но и та не знаяшетася, яко брата си бяше, токмо повѣстию старшѣйшаго брата. Аще бо до днешняго дне сего нѣси видѣлъ, разумѣй, колика есть милость Христова! Слыши же отъ нею, и речета ти». Призвав же оба юноши стратилатъ, вопроси я: «Кто еста и что ся есть приключило вама?» Повѣдаста же ему все, и позна я́, яко та еста сына наю. Приим же а́ Еустафий, облобыза я́; такожде же я́ и мати облобызаше со слезами, хвалящи бога о славнѣмъ обрѣтени ихъ. Отъ вторыя же годины до шестыя прослу чюдо се по всѣмъ воемъ; и собрашася вои, веселяхуся о обрѣтени ихъ паче,

его рассказ, младший брат вскочил и, заплакав, сказал: «Такова сила Христова! Ты — мой брат! Я знаю то, о чем ты рассказал. Воспитавшие меня тоже сказали, что они отняли меня у волка». И они поцеловались. А мать, слушая это и поняв все, что было рассказано до событий на корабле, очень растрогалась, особенно же, когда она увидела, что они заключили друг друга в объятья; и заплакала, подумав, не ее ли это сыновья, тем более услышав, что отец их был стратилат. На другой день эта женщина пришла к стратилату и сказала: «Умоляю тебя, господин мой, я римлянка, и здесь я в плену,— отведи меня на родину». Так говоря, увидела она шрам, который был на ее муже. Узнав его, она побоялась спрашивать. Потом, осмелившись, бросилась к нему в ноги, говоря так: «Умоляю тебя, господин мой, не гневайся на свою рабу, выслушай меня терпеливо. Расскажи мне о своей прежней жизни, потому что мне кажется, что ты — стратилат Плакида, названный при крещении Евстафием, которому Христос явился в виде оленя, он уверовал в него и затем впал в бедствия; взяв жену свою и двоих детей, Агапия и Феописта, захотел отправиться в Египет; а когда мы плыли на корабле, судовладелец-варвар забрал меня и привел в эту землю. Но Христос мне свидетель, что ни он, ни кто другой не осквернили меня до сегодняшнего дня. Если действительно ты тот, кого я узнала по приметам, скажи мне! Такова сила Христова!» Услышав же все это, Евстафий тоже узнал ее. Обрадовался он, заплакал и сказал ей: «Да, я тот, о ком ты говоришь!» Он тотчас вскочил, и они расцеловались, славя Христа бога, избавляющего своих рабов от многих скорбей. Сказала Евстафию жена его: «Господин мой! Наши дети здесь!» Он же сказал: «Их съели звери!» И рассказал, как он погубил детей. Она же сказала: «Восхвалим же Христа господа, пусть он даст нам найти наших детей, так же как дал нам найти друг друга!» Сказал ей Евстафий: «Я же тебе сказал, их съели звери». Но поведала ему жена: «Вчера, сидя в саду, я слышала, как два некие юноши говорили между собой о своем детстве, и я узнала, что это наши сыновья. Но и они не знали, что они братья, и догадались об этом благодаря рассказу старшего брата. Если ты до сегодняшнего дня этого не видел, пойми теперь, как велика милость Христова! Послушай их самих, они скажут тебе». Позвав юношей, стратилат спросил их: «Кто вы такие и что с вами было?» Они рассказали ему все, и он понял, что они — его сыновья. Обнял их Евстафий, расцеловал; так же и мать их целовала со слезами, благодаря бога за их чудесное обретение. От второго до шестого часа стало известно это чудо всему войску, собрались воины, и все радовались их счастливой встрече более,

нежели о бывший побѣдѣ на варварѣхъ. Праздньство же велико сотвори Еустафий о познани ихъ, во другий же день бога призвавъ и гласы похвалны въ славу Христову о велицемъ человѣколюбии его. Побѣждьше всю страну варварьску, възвратишася с побѣдою велиею, обьдо много несый, боле же плѣнникы ведый.

Уключи же ся, даже Еустафий не възвратися со брани, умреть царь Траианъ. Поставленъ же бысть инъ царь в него мѣсто, именемъ Андрѣанъ, еллинъ и той такожде, лющий всѣхъ царь древнихъ. Възвращьшю же Еустафию с побѣдою, срѣте й царь, якоже есть обычай римляномъ. Увѣдѣв же побѣду, юже створи, и обрѣтение жены его и сынову его, болшими радоваше и иде въ церковь неприазнену жертвы принести идоломъ. Влазящу же ему въ церковь Аполлонову, не вниде с нимъ въ церковь Еустафий, но внѣ оста. Призвав же царь, рече: «Почто не пожреши богомъ, приѣхавъ с побѣды? Достоитъ бо тебѣ не побѣды ради токмо, но и обрѣтениа ради жены твоеа и сынову жертвы сотворити». Рече же Еустафий къ царю: «Азъ Христу своему въсылахъ и вьслю молитвы и молениа: иного же бога ни знаю, ни чту, токмо сотворшаго словомъ всяческая». Тогда повелѣ царь изврещи и́ отъ чести тоя, стати же предъ нимъ, яко простому человѣку; жену же его привести и сына его и тако испытати а́. Видѣв же царь непреложную вѣру его, повелѣ самого и жену его и дѣти его пустити къ звѣри. Тек же левъ и ста близъ блаженныхъ, и поклонься имъ, отъиде, хотя излѣсти изъ игралища; и изыде ис позорища. Тогда царь, видѣвъ дивное то чюдо, яко не прикоснуся ихъ звѣрь, повѣле же ражжещи волъ мѣдянъ и възврещи святыя в онь. Собравше же ся вси вѣрнии отъ еллинъ немало, хотяще видѣти вмѣтаемыя въ мѣдь. И егда близъ придоша, въздѣвше рукы своя на небо, помолишася, глаголюще: «Господи, боже силъ, и всѣмъ невидимъ, намъ же видимъ! Якоже въсхотѣлъ еси, послушай насъ молящихся тебѣ! Се бо молитва наша скончася, зане совокупихомся. И сподобил ны еси части святыхъ твоихъ: яко и трие отроци въверженни в Вавилонѣ въ огнь и не отвергьшеся тебе, тако и нынѣ насъ сподоби скончатися огнемъ симъ, и да приати тобою будемъ, яко жертва благоприатна. Даждь же, господи боже, всякому поминающему память нашю участие въ царствии небеснѣмъ твоемъ, ярость же огня сего преложи на хладъ и сподоби ны, да в немъ скончаемся. Еще же, господи, сподобиши, да не разлучатся телеса наша, но да вкупѣ лягуть». Сице же помолшимся имъ, гласъ бысть съ небеси, глаголя: «Буди тако, якоже просисте. И боле вамъ будетъ, яко многи напасти

чем победе над варварами. Великий праздник устроил Евстафий в честь такого события, а на другой день он хвалебными словами принес молитву богу, прославив Христа за его великое человеколюбие. Завоевав всю страну варваров, возвратились они с победой великою, захватив богатую добычу и особенно приведя много пленников.

Случилось же так, что до возвращения Евстафия с войны умер царь Траян. Вместо него стал царь по имени Адриан, язычник, самый свирепый из всех древних царей. Когда Евстафий вернулся с победой, царь встретил его по римскому обычаю. Узнав о совершенной Евстафием победе, а также о том, что он нашел жену и сыновей, обрадовался царь и отправился в храм, чтобы принести нечестивые жертвы идолам. Когда же царь вошел в храм Аполлона, Евстафий не последовал за ним в храм, а остался снаружи. Призвал его царь и сказал: «Почему ты не приносишь жертвы богам, приехав с победой? А ведь тебе надлежит не только ради победы, но и ради обретения жены и сыновей совершить жертвоприношения». Сказал же Евстафий царю: «Я Христу своему воссылал и буду воссылать молитвы и моления, иного же бога не знаю и не чту, кроме того, который сотворил словом все». Тогда велел царь лишить Евстафия всех почестей и стать ему простым человеком, а также приказал привести жену его и сыновей и их испытать. Но, видя их твердую веру, повелел царь его с женой и детьми отправить в цирк на съедение зверям. Выбежал лев и встал около блаженных, поклонился им и отошел, стремясь выбраться с арены, и ушел из цирка. Тогда царь, который видел это удивительное чудо, что зверь не прикоснулся к ним, повелел раскалить медного быка и бросить туда святых. Собрались вокруг все христиане и многие язычники, желая видеть тех, которых ввергали в раскаленную медь. Но когда они приблизились, осужденные воздели руки к небу и помолились так: «Господи, боже сил, для всех невидимый, нами же зримый! Поскольку ты соблаговолил к нам, послушай нас, молящихся тебе! Наша молитва теперь кончилась, ибо мы соединились. Ты удостоил нас участи святых твоих: как три отрока в Вавилоне были брошены в огонь и не отреклись от тебя, так нас ныне удостой скончаться в этом огне — да будем мы приняты тобою как угодная тебе жертва. Подай, господи боже, всякому, поминающему нашу память, быть в твоем царствии небесном; ярость же этого огня преврати в холод и сподоби нас в нем скончаться. А еще, господи, удостой нас того, чтобы тела наши не разлучались, пусть их вместе положат!» Когда они так помолились, раздался голос с небес, говорящий: «Пусть будет так, как вы просите. И более этого будет вам дано, потому что многие напасти

претерпѣсте и не побѣждени бысте; идете в миръ, приимѣте вѣнца побѣдныя, почивайте въ вѣкы вѣкомъ за страсти ваша». И си слышавше святии, с радостию предашася огню. И ако ввержени быша во огнь, и абие огнь угасе. Прославльше же пресвятую троицю, предаша в миръ душа своя, и не прикоснуся огнь ни понѣ власѣхъ. По трех же днехъ приде нечестивый царь на мѣсто то, и повѣлѣ отврьсти мѣдяный тъй волъ, да видить, что есть сотворено телесемъ святыхъ мученикъ. Обрѣте же цѣла телеса ихъ и мнѣ, яко живи суть. Изнесъше же, положиша я́ на земли; дивиша же ся вси стоящии, яко и власехъ ихъ не прикоснуся огнь; свѣтяху же ся телеса ихъ паче снѣга. Убояв же ся скверненый царь, обиде. Людие же възопиша: «Въ истинну велий есть богъ христианескъ! Единъ истиненъ богъ Иисусъ Христосъ и нѣсть инъ, иже сохрани святыя своя!» Христиане же тай украдше телеса святыхъ мученикъ, положиша въ честнѣ мѣстѣ; и егда преста гонение, храмъ честенъ создаша христиане, и положиша телеса святыхъ мученикъ, славяще господа нашего Иисуса Христа, ему же слава, честь и покланяние съ безначалным отцемъ и пресвятымъ духомъ, и нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомъ. Аминь.

перенесли вы и не были ими побеждены; ныне же примите мир, получите венцы победные и почивайте во веки веков за ваши страдания». И, услышав это, святые с радостью пошли в огонь. И когда были они ввержены в огонь, огонь вдруг угас. Прославляя пресвятую троицу, предали они в мир души свои; не прикоснулся к ним огонь, ни единого волоса не тронул. Через три дня нечестивый царь пришел на то место, велел открыть медного быка, чтобы увидеть, что случилось с телами святых мучеников. Он увидел тела их невредимыми, и показалось ему, что они живы. Их вынесли и положили на землю; удивились все стоящие, что огонь не коснулся даже волос их, тела же их светились ярче снега. Испугался нечестивый царь и ушел. Люди же воскликнули: «Воистину велик бог христианский! Один истинный бог — Иисус Христос, нет другого бога, который бы сохранял святых своих». Христиане же, украв тела святых мучеников, тайно похоронили их в почитаемом месте, а когда кончились гонения, построили там храм честен и положили в нем тела святых мучеников, славя господа нашего Иисуса Христа, ему же слава, честь и поклонение со безначальным его отцом и пресвятым духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ

Синагрипъ цесарь Адоровъ и Наливьской страны, в того время азъ, Акиръ, книгьчий бѣх. И речено ми *бысть* от бога: «От тебе чадо не родиться». Имѣние же имѣх паче всѣх человѣкъ, поях жену и устроихъ домъ и жихъ 60 лѣт, и не бы ми чада. И создах требники и *възгнѣтих* огнь и рѣх: «*Господи* боже мой! Аще умру и не будеть ми наслѣдника, и рчуть человѣчи: «Акиръ праведенъ бѣ и богу истиньно служаше. Аще умреть, не обрящется мужьскъ полъ, иже постоитъ на гробѣ его, ни дивическъ полъ, иже бы его оплакалъ, ни иже по нем задницю възметь и будеть наслѣдникъ». И нынѣ прошю *у* тебе, господи боже мой, дай же ми *чадо* мужьскъ полъ. Егда *преставлюся*, да всыплѣть ми персть на очи мои». И господь послуша моления моего, и глас ми *приде* съ небесъ, глаголя: «Акире! Всяко ти прошение створю, а еже о чядѣ, то не проси у мене. Се сестрицичь твой Анаданъ, и сего поими въ *сына* мѣсто». И яко услышах глас *от* господа и пакы възъпих: «Господи, боже мой! Аще бы у мене мужьскый полъ, и въ день смерти моея въсыпалъ *бы* персти на очи мои. Аще бы до смерти своея *вдалъ бы* на день *кеньтинарь* злата на потрѣбу собѣ, не истощилъ бы дому *моего»*. И не бысть ми глас, и прияхъ рѣчь господню, и прияхъ сестричица своего Анадана въ сына мѣсто. И младъ бѣ, и дах одоити и, *воскормих* и медом и вином, и одѣхъ и... бебромъ и брачиномъ, и *яко* възрасте, и научихъ и всякой грамотѣ.

И царь ми тако рече: «О, Акире, *премудрый* книгъчие, свѣтниче мой! Аще *состарѣешися и* прѣставишися, кого обрящю свѣтьника моего?». И тако отвѣщахъ: «Цесарю, въ вѣкы живы! Есть у мене сынъ, якоже есмь азъ: уму и всякой прѣмудрости

ПОВЕСТЬ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ

Во времена Синагрипа, царя Адорской и Наливской земли, был я, Акир, у него советником. И было возвещено мне от бога: «У тебя сына не родится». Богатства же имел я больше всех иных людей, взял жену себе и устроил дом свой, и прожил шестьдесят лет, а не было у меня сына. И воздвиг жертвенники, и возжег огонь, и вопросил: «Господи боже мой! Если умру и не оставлю наследника, то скажут люди: «Акир праведником был и богу честно служил. А умрет, и не окажется ни сына, который постоял бы у гроба его, ни дочери, чтобы его оплакала, никого, кто бы имущество его принял и стал бы его наследником». И теперь прошу тебя, господи боже мой, даруй мне дитя мужского пола. Когда преставлюсь, пусть он посыплет прахом очи мои». И внял господь молитве моей, и глас сошел ко мне с неба, и возвестил: «Акир! Всякую просьбу твою исполню, а о сыне не проси меня. Но вот племянник твой Анадан, его и возьми себе вместо сына». И как услышал я глас бога моего, то снова возопил: «Господи боже мой! Если бы был у меня сын, в день смерти моей посыпал бы прахом очи мои. Если бы до дня смерти своей ежедневно тратил бы он по пуду золота на нужды свои, то и тогда не истощил бы богатства моего». Но не ответил мне глас, и послушался я слов бога, и взял племянника своего Анадана вместо сына. Был он еще юн тогда, и приказал растить его, и вскормил его медом и вином, и одел его в шелка и в парчу, а когда подрос он, научил его всякой премудрости.

И царь мне сказал так: «О Акир, премудрый книжник и советник мой! Когда состаришься ты и умрешь, кто же станет советником моим?» И я так отвечал: «Царь мой, живи вовеки! Есть у меня сын, мне самому подобен: умен он, и всякой премуд-

и книгам научихъ и». И отрече ми цесарь: «Приведи ми сына своего, да вижю и, аче можеть предо очима моима угодити, да тя тогда отпущу домовь, и въ старости дний своихъ въ покои живеши». И пояхъ сына своего ... Анадана, и приведохъ и къ царю. И узрѣ цесарь и отвѣща, рька: «Благословенъ буди дньшний день, Акирови, яко прѣдстави сына своего прѣд мною в животѣ моемь». И поклонихся цареви: «*Ты самъ* вѣси, како есмь служилъ отцю твоему и тобѣ. И нынѣ дѣчьства отрочати сего пожди ми, и да будеть милость твоя на *старости* моей». И яко услыша от мене рѣчь мою царь и клять ми ся, ркя, яко *«задница* твоея *никтоже ины не приимет»*.

И азъ, *Акир, не* оставихъ сына си и от учения своего. Егда насытихъ и, яко хлѣба и воды, учения моего, и глаголахъ ему тако:

«Человѣче, внимай глаголы моя, господину мой Анадане! Всякому наказанью *яснъ* буди во всѣх днехъ жития твоего. Аще что слышиши от царя или видиши в дому его, да съгниеть въ сердци твоемь, и не извѣстиши его человѣкомъ. Аще ли исповѣси, чи будуть ти угле горящи и послѣдокъ ожещися, и тогда тѣло твое *с* порокомъ будет. Сыну, аще что слышиши, не повѣдай никому, аще что *узриши*, не обавляй. *Увязана* ужа не отрѣшай, а отрѣшена не завязяй. Сыну, не взирай на красоту женьскую и сердцемь не жадай ея. Аще и все *имѣниѣ* даси ей, тоже *никоторыя ползы* обрящеши от нея, но паче къ богу въ *грѣхъ* въпадеши. Чадо, не буди жестокъ, якоже кость человѣча, но буди, *яко бобъ*, мякокъ. Сыну, очи твои *да будета* долу зряща, глас твой *обниженъ*; аще бо и великымъ гласомъ храминѣ ся создати, оселъ бы риканиемь своимь 2 храмѣнѣ въздвиглъ *единым* днемь. Сыну, уне есть *со умным* каменъ двигнути, *нежели* съ *безумнымъ* вино пити. С разумнымъ безумья не твори, и с безумным не яви ума своего. Не буди сладокъ без мѣры, но егда когда *пожруть* тя, *не буди без* мѣры горекъ, да не отбѣжить от тебѣ другъ твой. Сыну, ѣдну сущю на нозѣ твоей, не *велми* въступай на ню, и уготова путь сыномъ и дъщеремъ своимь. Сыну, богата мужа сынъ змию снѣл и ркоша ему людие: «*Целбы* дѣля снѣл ю есть», а *убога* мужа сынъ змию снѣл есть, и ркоша ему людие: «*Гладенъ* бѣ и *снѣл* есть ю». Сыну, свое участье дай, а чюжего не заимай. Иже свѣта не приемлеть муж, то с тѣмъ на пут не ходи и со облестивым на *трапезѣ* не *яждь*. Чадо, аще вышеши тебѣ отпадеть, не велми ся *обрадуй*, ни въздай же глас пред други своими, да не явить ти глаголи твои, егда како, въставъ, мужь въздасть ти. Сыну, егда мужь възвелицится, то не завиди ему,

рости и наукам обучил я его». И отвечал мне царь: «Приведи ко мне сына своего, чтобы увидел я его, и если сможет он угодить мне, тогда отпущу тебя в дом твой, и в покое проведешь дни старости своей». Взял я сына своего Анадана и привел его к царю. И увидел его царь, и сказал мне в ответ: «Благословен будет день этот, ибо представил ты, Акир, сына своего мне при жизни моей». И поклонился я царю: «Ты сам ведаешь, как служил я отцу твоему и тебе. А ныне подожди, пока возмужает отрок сей, и да будет милость твоя со мной во все дни старости моей». И когда услышал царь эти слова мои, пообещал мне, так говоря: «Никто иной не станет твоим наследником».

И я, Акир, не переставал учить сына своего. Когда же, словно хлебом и водой, насытил его наставлениями своими, то сказал ему так:

«О человек, слушай слова мои, господин мой Анадан! Всякий совет со вниманием выслушай во всякий день жизни своей. Если услышишь что от царя или увидишь что в дому его, то пусть истлеет это в сердце твоем и не поведаешь об этом никому из людей. Если же проговоришься, то станут эти слова твои, как угли раскаленные, и обожгут потом тебя, и тело твое изранено будет. Сын мой, что услышал ты, о том не говори никому, а что увидел, то скрой. Завязанного узла не развязывай, а распутанного не завязывай. Сын мой, не прельщайся красотой женщины и в сердце своем не вожелай ее. Если и все богатства отдашь ей, и тогда никакого блага от нее не обретешь, только еще больше согрешишь перед богом. Чадо мое, не будь черствым, как тверда кость человеческая, но будь мягким, словно боб. Сын мой, склони очи свои долу, а голоса не возвышай; если бы криком строили дома, то осел бы ревом своим по два дома воздвигал бы на день. Сын мой, лучше с умным камни носить, чем с глупым вино пить. При умном не делай глупостей, а перед дураком не раскрывай ума своего. Не будь сладок чрезмерно, не то съедят тебя, но не будь и чрезмерно горек, чтобы не отшатнулся от тебя друг твой. Сын мой, если сапог на твоей ноге, попирай терн и протаптывай путь сыновьям и дочерям своим. Сын мой, богача сын змею съел, и сказали о нем люди: «Чтобы исцелиться, съел он ее», а сын бедняка съел змею, и сказали о нем люди: «Голоден был, вот и съел». Сын мой, свою долю ешь, а чужого не занимай. Если муж не слушает советов, с таким не отправляйся в путь и с обманщиком не садись пировать. Чадо, если окажется в немилости тот, кто знатнее тебя, не слишком радуйся и не говори о нем ничего друзьям своим, да не припомнит он тебе слов этих, когда вновь восстанет, и не отомстит тебе. Сын мой, когда муж в честь войдет, не завидуй ему,

аще злоба придеть, то не порадуйся. Сыну, не прикасайся женѣ безумнѣ, и язычнѣ, и величавѣ, и женьстѣй красотѣ не *жадай*: тоя бо красота слабость язычная. Сыну, аще другъ твой възненавидить тя, начнеть кляти и камение метати, а ты и хлѣбомь срящи; и оба *приимета* отвѣтъ в день судный. Сыну, безумен муж падеть, а *праведный* востанеть. Сыну, аще *от* биения сына своего не воздержайся, оже бо рана сынови, *то* яко *вода на* виноград *възливается*... Сынъ бо ти от раны не умреть, аще ли его *небрега* будеш, иную кую либо вину приведеть на тя. Чадо, сына своего *от* дѣтьска укроти, аще ли его не укротищи, то преже *дний* своихъ *состарѣеться. Сыне,* не *купи* раба *величава,* ни рабы тативы, *да тѣ* имѣния не *расточать*. Чадо, аще кто навадить на друга твоего, не послушай его, и твою бо вину ко иному понесеть. Чадо, аще тя кто срѣтъ, възмолвить к тобѣ, со въздержаниемь отвѣщяй ему, зане напрасно человѣкъ ... *въборзѣ* изронить слово и послѣ каеться. Чадо, *лживъ* человѣкъ исперва възлюбленъ будетъ и наконѣчь въ *смѣсѣ будет* и въ укоризнѣ бываеть. *Лжива* человѣка речь, яко птича шептания суть, и безумнии послушають его. Чадо, отца своего *почти*, яко *все стяжание* оставляеть тобѣ. Сыну, отца и матере *клятвы* не приимай, егда и *от* чад своихъ не приимеши радости. Егда на тя найдеть гнѣвъ ... золъ, не молви зла, егда когда безуменъ наречешися. Сыну, безъ оружьи в ночь не ходи, кто бо свѣсть, кто тя срящеть. Чадо, древо с плъдомъ прегне е с *твердостию* своею, тако въ красѣ пребываеть, такоже и съ ближними своими и другъ со другом своимь, такоже суть. Яко левъ въ твердости своей страшенъ есть, тако и мужь въ близоцѣхъ своихъ честенъ есть. Иже *родомъ* скуденъ есть и детми и *близоки*, то пред врагы своими хуленъ есть, и подобенъ есть древу стоящю при пути, *яко вси* мимоходящеи сѣкуть е. Сыну, не рци, яко «Мой осподин безуменъ есть, азъ *уменъ* есть». Наказание осподина своего приими, и помилованъ будеши, и своей мудрости не надѣйся. Елико можеши терпѣти — *терпи*, а зла не глаголи. Сыну, немногорѣчивъ буди, ибо пред господиномъ своимъ согрѣшиши. Чадо, аще тя на посолъ послуть, не *медли* чресъ годину, да не ины послуть въ слѣдъ тебе. Сыну, да не речеть осподинъ твой тобѣ: «Отида от мене, *оскорбѣеши*»; нъ да бы ти реклъ: «Приступи близъ, и обрадуешися». Сыну, въ святый день церкви не лишися. Чадо, идеже *в дому* печаль будеть, оставль ту бѣду, а на чюжь обѣдъ не ходи, но преже посѣтивъ, толи на обѣдъ иди и помяни, яко тобѣ умреты же есть.

а когда обрушатся на него невзгоды, то не радуйся. Сын мой, не приближайся к женщине глупой, и болтливой, и гордячке и не возжелай красоты женской: красота женщины в ее скромности. Сын мой, если друг твой возненавидит тебя, и станет клясть тебя, и швырять в тебя камнями, то ты все равно его хлебом-солью встречай, и по делам вашим обоим вам воздастся в день судный. Сын мой, глупого мужа ожидает унижение, а праведника — почет. Сын мой, не воздерживайся от наказания сына своего, ибо побои сыну, словно дождь, орошающий сад. Сын ведь от побоев не умрет, а если станешь пренебрегать воспитанием его, то какое-нибудь горе навлечет на тебя. Чадо мое, сына своего с детских лет смиряй, если же не укротишь нрава его, то раньше времени он состарится. Сын мой, не покупай ни раба дерзкого, ни рабыни вороватой, чтобы они богатств твоих не раскрали. Чадо, если кто-либо станет наговаривать на друга твоего, не слушай его, а не то и о твоих грехах другим расскажет. Чадо, если кто-либо, повстречав тебя, обратится к тебе, то отвечай ему подумав, ибо человек поспешит обронить слово, а после кается. Чадо, лживый человек поначалу всеми любим, а потом над ним же смеются и укоряют его. Речь лгуна словно птичий щебет, и только глупцы его слушают. Чадо, отца своего почитай, ибо все богатство свое он тебе оставляет. Сын мой, бойся, чтобы не прокляли тебя отец и мать, а не то и ты от своих детей не узнаешь радости. Когда в гневе ты, не говори грубого слова, иначе глупцом тебя назовут. Сын мой, не ходи ночью без оружия, ибо кто знает, с кем ты встретишься. Чадо, древо, отягченное плодами, склоняется, хоть и могучий ствол у него,— в этом и есть красота его; таким и ты будь, окруженный родней и друзьями. Как лев страшен силой своей, так и мужа чтут из-за родни его. Чей род скуден, у кого мало детей и близких, тот и перед лицом врагов своих слаб, и подобен дереву, растущему у дороги, которое обламывают все, кто ни пройдет мимо. Сын мой, не говори: «Господин мой глуп, а я умен». Послушай совета господина своего и милости его удостоишься, а на свой ум не рассчитывай. Сколько можешь терпеть — терпи, а грубого слова не изрекай. Сын мой, не будь болтлив, иначе согрешишь перед господином своим. Чадо, если тебя послом пошлют, не мешкай, а не то других пошлют за тобою следом. Сын мой, пусть не скажет тебе господин твой: «Отойди от меня и пребудь в печали», но пусть лучше скажет тебе: «Стань рядом со мной и возрадуйся». Сын мой, в праздничный день не проходи мимо церкви. Чадо, если в чьем-либо дому горе, то, оставив их в беде, не иди на пир к другим, но прежде посети тех, кто скорбит, а потом уже иди пировать и помни, что и тебе суждена смерть.

Сыну, коня не имѣя, на *чюжемь* не ѣзди, аще бо опѣшаеши, и посмѣють ти ся. И, чреву не алчющю, не яжь брашна, егда обьястливъ *наречешися.* Со *силнийшими* себе брани не въздвизай, тобѣ не вѣдущу, не вѣси что *възъдвигнуть* на тя. Сыну, аще храм твой высокъ есть, обнизи стену его, и тако влази во нь, и умомъ своимъ *возвышися.* Сыну, *гнѣва* своего устягни, и за *терпѣнье* приимиши благодать от бога. Сыну, велику *мѣру* вземъ, а в малу не продай, не рчи, яко «тъ *ми* есть *прибытокъ*»: зло бо то дѣло есть. Кто бо вѣсть, чи и богъ, узривъ, разгнѣваеться на тя и потребить домъ твой акы безаконьника. Чадо, божиимъ именемъ не клѣнися во лъжю, да не умалится число дний твоихъ. Сыну, аще что просиши *у* бога, то не забывай, и не буди яко небрегый, но *помни, внимай,* благословенъ будеши. Чадо, старѣйшаго сына възлюби, а меншааго не *отрѣй.* ... Аще бо ти не вѣдно от бога будеть, тъщивъствомь не обрящеши; убогъ богатъ бываеть, *а богатъ убогъ бываеть*, и высокъ обнижается и низокъ възноситься. Чадо, к печалному *прихажай и утѣшеная* словеса глаголи: уне бо то есть многа злата. Сыну, облакомився на злато и на сребро, не въсхощеши оклеветати, от бога бо противо тому и от человѣкъ приимеши. Сыну, без *вины* крови не проливай, яко мьститель сему богъ есть. *Сыне*, удержи уста от зла, а руцѣ твои от татбы: иже украдеть злато или ризы, от обоего едина *хула* есть. Сыну от *блудниць* удалися, паче же и от *мужатиць*, да не приидет на тя гнѣвъ божи. Сыну, аще кто *послушаеть* умна человѣка, то якоже въ день жадания студеные воды напиеться. Сыну, аще напасть и печаль приидеть на тя, бога не *укаряй*, яко ничтоже не *одолѣеши* ему, но *услышит* укоризну твою и отвѣщаеть ти по истинѣ. Сыну, правъ судия буди, и на старость твою честенъ будеши. Сыну, языкъ твой сладокъ буди, и устнѣ твоеи добром *отверзай*. Чадо, умну мужю речеши слово, и поболить сердцемь, а безумнаго, аше кнутомъ бьеши, не вложиши во нь ума. Сыну, умна мужа пославъ на путь, не много ему кажи, а безумнаго пославъ, то самъ по нем иди, да не въведеть тебе въ *срамъ.* Сыну, друга своего не искушай *брашномъ* и виномъ, и тогда на болше попустится. Сыну, аще тя позовуть на обѣдъ, по первому *зову* не ходи, и аще взовуть тя *другое*, тогда вижь, яко *честенъ* еси, и въ честь придеши. Сыну, не *приемляй* мьзды, ибо мьзда очи *ослѣпляеть* судиямъ. Золчи и горести *вкушах,* и не бысть пуще убожьства. Сыну, соль и олово льжѣе ся мнить *понести, нежели въпятити скотъ, егоже въземиши.* Сыну, желѣзо и камень подъяхъ,

Сын мой, не имея коня, на чужого не садись, если сбросит он тебя, то посмеются над тобой. Если ты не голоден, не насдайся, а не то прослывешь обжорой. С тем, кто сильнее тебя, не ссорься, ты же не знаешь, что замыслит он против тебя. Сын мой, если дом твой слишком высок, пусть стены его будут пониже, и в такой входи, а умом своим воспари ввысь. Сын мой, гнев свой обуздай и за воздержанность свою удостоишься благодати от бога. Сын мой, не бери от других с большим весом и не отдавай с малым весом и не говори —«в этом прибыль мне», дурное это дело. Кто знает: увидит это бог, разгневается на тебя и разорит дом твой как беззаконника. Чадо, божьим именем не скрепляй ложной клятвы, чтобы не сократились за это дни жизни твоей. Сын мой, если испросил что-либо у бога, не забывай об этом, не будь к тому невнимателен, но помни и внимай ему, и будешь благословлен им. Чадо, старшего сына люби, а младшего от себя не оттолкни... Если тебе не дано чего-либо от бога, то как ни старайся — не получишь; и бедный богатым может стать, а богач — обеднеть, и знатный впасть в уничижение, а низкий родом — возвыситься. Чадо, приди к скорбящему со словом утешения — это дороже, чем груда золота. Сын мой, не оклевещи кого-нибудь, позарившись на золото и серебро, против этого и бог и все люди. Сын мой, не пролей крови безвинного, ибо бог отомстит за это. Сын мой, воздержи язык свой от хулы, а руки — от воровства: одинаково позорно, если кто украдет золото или одеяния. Сын мой, сторонись блудниц, а особенно — замужних женщин, чтобы не прогневил ты этим бога. Сын мой, если кто послушает речь умного человека, то, словно изнывая от жажды, напьется студеной воды. Сын мой, если горе и печаль обрушатся на тебя, не укоряй бога, тщетны против него твои усилия, а он услышит укоры твои и воздаст тебе должное. Сын мой, будь судьей справедливым и до старости будешь в почете. Сын мой, пусть слова твои приятны будут, и уста открывай только для доброго слова. Чадо, умному мужу что ни скажешь — примет это в сердце свое, а глупца, хоть кнутом его бей, ничему не научишь. Сын мой, умного мужа, посылая куда-либо, не обременяй советами, а если глупого послал, сам иди за ним следом, а не то осрамит он тебя. Сын мой, друга своего не искушай яствами и вином, иначе он и большего возжелает. Сын мой, если позовут тебя на пир, то по первому зову не иди, а если снова позовут тебя, тогда знай, что тебя там почитают и достойно примут. Сын мой, не бери взяток, ибо взятка ослепляет очи судей. Пробовал я и горькое и кислое, но ничто не может сравниться с бедностью. Сын мой, легче нести соль или олово, чем отдать долг, тобой взятый. Сын мой, поднимал я и камень и железо,

и легчи ми ся мнить, нежели мужеви, вѣдущему законъ, тязатися со ближнимь своимь. Сыну, аще въ знаемых людехъ сѣдя, *худобы* своея не являй, егда како *поругаются* и не послушають наказания твоего. Чадо, люби жену свою от всего сердца, яко та есть мати дѣтем твоим и в животѣ твоемъ похоть твоя есть. Чадо, егда учиши сына своего, то *наиболее въздержанию* учи и; емуже бо наученъ будеть, в тѣхъ прѣбудеть. Сыну, в дому твоемь не сущи винѣ никоейже, не възмущай дому своего, егда поносъ приимеши от сусѣдъ своихъ. Сыну, уне есть послушати пиана мудра, нежели трезва безумна. Чадо, уне есть слѣпъ очима, неже *слѣпъ* сердцемъ: слѣпъ бо очима, аще по пути ходить, обыкнеть и начнет обрѣтати стезя своя, *а слѣпъ* си сердцемь, совращяся со пути своего, *заблудиться*. Сыну, уне есть женѣ, дабы свой сынъ умерлъ бы ей, нѣли дабы ей чюжь кормити, зане еже ей добро створити, зломъ въздасть. Сыну, уне есть вѣренъ рабъ, *негли* свободенъ невѣренъ. Чадо, уне есть другъ, иже близъ тебе живеть, *негли ближьший*, иже далече прѣбываеть. Сыну, имя и слава чьстьнѣе есть человѣку, нежели красота личная, зане слава въ вѣкы прѣбываеть, а личе по умертвии увядаеть. Сыну, уне есть человѣку добра смѣрть, *негли* золъ живот. Сыну, уне есть овча нога въ своею руку, негли плече в чюжей руцѣ, и ближнее овча уне есть, негли далней волъ. Уне есть единъ врабьи, иже в ручѣ держиши, *негли* тысяща птича, летеща по аеру. Уне есть конопянъ портъ, иже имѣешь, *негли* брачиненъ, егоже не имѣеши. Сыну, еда призовеши на честь друга своего, веселомъ личемъ прѣдстой ему, да онъ веселом сердцемъ отидеть в дом свой. Егда обѣд твориши пред другом, не стани посупленъ личемъ, да не будеть ти обѣдъ *в* посрамление, егда неблагъ наречешися. Сыну, не благослови человѣка, а другаго не клени, не свѣдая дѣла его, но, испытавъ, то же *отвѣщай*. Сыну, уне есть огнем *болѣти*, али трясавичею, негли жити со злою женою: да не будеть ти свѣта в дому твоемь, и сердецнаго ей не вѣщай. Сыну, аще слово хощеши рещи кому, то напрасно не глаголи, но размысли въ сердци си, да еже ти на потрѣбу, то глаголи, зане уне ти есть ногою подъкнутися, негли языкомъ. Сыну, егда будеши въ чади, то же приступивъ к нимъ не смѣйся: въ смѣсѣ бо безумье исходить, а в безумьи сварь бываеть, а въ сварѣ *тязание* и бой, а в бою смерть, а въ смерти грѣхъ свершаеться. Сыну, аще хощеши мудръ быти, *да* егда *упьешися виномъ*, не глаголи много и уменъ наречешися. Сыну, аще права суда не *усудиши*, то лицемѣръ наречешися, и дные его прикратятся. Сыну, безумному человѣку не смѣйся, но отступи паче от него и *боголишиву* не смѣйся, яко *такъ* же человѣкъ *есть*. Сыну, скота своего безъ *послуха* не дай въ тъщету

и казалось мне это легче, чем мужу, знающему законы, вести тяжбу с ближним своим. Сын мой, если сидишь в кругу знакомых, не дай им узнать о бедности твоей, а не то посмеются над тобой и не прислушаются к словам твоим. Чадо, люби жену свою всей душой, ибо она — мать детей твоих и услада жизни твоей. Чадо, когда станешь воспитывать сына своего, то всего более учи его воздержанию; как будет он воспитан, так и жизнь свою проведет. Сын мой, если нет к тому повода, не начинай ссоры в дому своем, а не то посмеются над тобой соседи твои. Сын мой, лучше послушать пьяного мудреца, чем трезвого дурака. Чадо, лучше слепой глазами, чем слепой сердцем: незрячий, ходя по дороге, привыкнет и научится сам находить путь свой, а слепой сердцем собьется с пути своего и заблудится. Сын мой, для женщины лучше, чтобы ее сын умер, чем чужого кормить, ибо если она ему добро сделает, он ей злом воздаст. Сын мой, лучше верный раб, чем лживый свободный. Чадо, лучше друг, живущий рядом с тобой, чем родственник, живущий вдали. Сын мой, доброе имя и слава почетнее для человека, чем красота лица его, ибо слава вечно живет, а лицо после смерти истлеет. Сын мой, лучше человеку умереть в славе, чем жить в нужде. Сын мой, лучше баранья нога в твоих руках, чем лопатка баранья в руках чужих, лучше овца рядом, чем вол вдалеке. Лучше один воробей, да в твоих руках, чем тысяча птиц, летящих под облаками. Лучше посконные одежды, да твои, чем шелковые, но которых у тебя нет. Сын мой, когда позовешь друга своего на пир, то встречай его с веселым лицом, тогда и он веселым возвратится к себе домой. Когда пируешь с другом, не сиди с недовольным лицом, да не будет пир этот тебе на посрамление и не назовут тебя неучтивым. Сын мой, не расхваливай одного и не осуждай другого, не зная сути дела, но, лишь обо всем разузнав, говори о них. Сын мой, лучше в горячке лежать или в лихорадке, чем жить со злой женой: не увидишь и света в доме своем, а того, что на сердце у тебя, ей не открывай. Сын мой, если хочешь кому-либо сказать слово, то не спеши, а поразмысли в сердце своем и скажи то, что нужно, лучше ведь ногой споткнуться, чем языком. Сын мой, когда будешь среди друзей, не смейся: в смехе рождается глупость, а из глупости — ссора, а из ссоры — свара и драка, а в драке — смерть, а смерть — это тяжкий грех. Сын мой, если хочешь слыть мудрым, то, напившись вина, не болтай лишнего, и тогда умным тебя назовут. Сын мой, если не будешь судить справедливо, то прослывешь лицемером и дни твои сократятся. Сын мой, над глупцом не смейся, но отойди от него, и над несчастным не смейся, ибо он такой же человек. Сын мой, денег своих без свидетеля не отдавай понапрасну,

да не *испортиши* его. Сыну, аще хощеши умна послушати, безумнаго не прикладай, нѣсть бо ти в *нем* потребы. Сыну, перваго друга не отганяй, не *согрѣшившю* ти *ничтоже*, да и новый не отбѣгнеть от тебе. Сыну, на обѣдѣ седъ, другу своему не помышляй зла, егда огорцает *ти* брашно въ устѣх твоих. Сыну, господина своего чти, великы не *обнизи, ни* низъкия не възвышай, но еже ти речеть, то твори. Сыну, в *судиинъ* виноград не входи и съ безумною женою не сходися и *свѣта* с нею не твори. Сыну, лживо слово, якоже и олово тяжело есть, *а напослѣдокъ* по водѣ *плаваеть*. Сыну, искуси друга своего, и яви ему тайну свою и, мимошедшимъ днемъ многымъ, сварися с ним, и аще не явить твоея тайны, то *люби* и от всего сердца, яко извѣстенъ ти есть другъ; аще ли *явит* тайну твою, *отвратися* от него и пакы не възратися к нему. Чадо, уне есть, да инъ у тебе украдеть, *негли* ты татемь наречешися. Сыну, аще пред царемь друга своего ради помощно слово induced речеши, и будеши, яко от устъ лвов *изьятъ* овча носимо. Сыну, аще на путь *идеши*, не надѣйся *о* чюжемь брашнѣ, но свое да имѣеши, аще ли *и* не имѣеши своего и ходити начнеши — и въ укоризнѣ будеши. Сыну, друг твой, иже ненавидить тебѣ, аще умреть, и *то* не порадуйся, но дабы живъ былъ, и обнизилъ и богъ, дабы от тебе прощение приимал, и подай же ему: и того ради приимеши от бога благодать. Сыну, стара узрѣвъ, въстани ему, аще ти противу тому не отдасть, да от бога благословление приимеши. Сыну, друга на обѣдъ звавъ, к *иному дѣлу* не прѣставляй его, то аки *ложь* наречешися. Сыну, егда вода *воспять* потечеть или птиця опять полетит, или синечь или срачининъ *побѣлѣеть,* ли желць, аки прѣсный мед, усладѣеть, *тогда* безумный уму научится. Сыну, аще к сусѣду званъ *будеши* и, влѣзъ въ храмину, не глядай по угломъ: беществено бо ти есть. Сыну, его же богъ обогатить, то не завиди ему, но боле, елико мога, почьсти и. Сыну, егда внидеши в *печаленъ* домъ, то о *питии* и о *яденьи* не молви; егда сядеши на радостнѣ *обѣдѣ*, тогда бѣды не *поминай*. Сыну, человѣчи ти очи яко источники кыпя, и скота не насытистася, но когда умреть, и *перьсти* насытится. Сыну, *имѣние* имѣя, не умаряй ... *себя* гладомъ и жежею: умершю бо тобѣ, инъ *приимет* и начнет веселитися всемъ, а ты *всуе тружалъся* будеши. Сыну, аще *человѣкъ* въ убожествѣ украдеть, то прочее помилуй его, зане не онъ то створилъ: убожество принудило и будеть. Сыну, на брак шед долго не сѣди, егда преже похода твоего иженуть тя. Сыну, къ другу своему не *часто* ходи, егда бе-щьсти внидеши. Сыну,

а не то потеряешь их. Сын мой, если хочешь умного послушать, не подзывай глупца, без надобности он тебе. Сын мой, старого друга от себя не отгоняй, если он не провинился перед тобой, а не то и новые друзья бросят тебя. Сын мой, сидя на пиру, не думай дурного о друге своем, иначе не почувствуешь вкуса яств на губах своих. Сын мой, господина своего почитай, знатных не унижай, а незнатных не возноси, но что говорит тебе господин, то и делай. Сын мой, не ходи в сад судьи и с глупой женщиной не знайся и не советуйся с ней. Сын мой, лживое слово лишь на первый взгляд тяжело, словно олово, а потом всплывает. Сын мой, испытай друга своего: доверь ему тайну свою, и когда минет немалый срок, поссорься с ним, и если он сохранит твою тайну, то возлюби его всем сердцем, ибо это настоящий друг, если же разболтает тайну твою, отвернись от него и не возвращайся к нему. Чадо, лучше, если кто-либо у тебя украдет, чем тебя назовут вором. Сын мой, если перед царем за друга своего заступишься, уподобишься тому, кто из пасти льва вырвал овцу. Сын мой, когда отправляешься в путь, не рассчитывай на чужую еду, а свое имей, а если пойдешь, своего не имея, все тебя укорят. Сын мой, если умрет друг твой, который тебя невзлюбил, не радуйся: лучше, если бы он остался жив и кару принял от бога, а ты бы простил его и помог бы ему; и за это получил бы ты благодать от бога. Сын мой, увидев старца, встань перед ним, а если он и не поблагодарит тебя, то бог тебя благословит. Сын мой, если зовешь друга на пир, с другим делом не подступай к нему, а не то обманщиком тебя посчитают. Сын мой, когда вода вверх потечет или птица хвостом вперед полетит, эфиоп или сарацин посветлеют, и желчь станет сладкой, как разбавленный мед,— тогда глупец поумнеет. Сын мой, если к соседу позовут тебя, то, войдя в дом его, не зевай по углам: это не делает тебе чести. Сын мой, если бог пошлет кому богатство, не завидуй ему, но еще больше, насколько можешь, почитай его. Сын мой, когда входишь в дом, где случилось горе, то не говори о еде и питье, а если сидишь на веселом пиру, то не вспоминай о печальном. Сын мой, глаза человеческие — словно озера: сколько ни бросай в них злата — не насытятся, а умрет человек, и пылью сыт будет. Сын мой, если ты богат, не мори себя голодом и жаждой: умрешь ты, все иному достанется, и начнет он жить припеваючи, а ты — окажется — всуе трудился. Сын мой, если человек от бедности украдет, то прости его, ибо не он это сделал, а бедность его к тому принудила. Сын мой, придя на пир, долго не засиживайся, не то, не дождавшись, когда ты сам соберешься уйти, прогонят тебя. Сын мой, к другу своему не ходи слишком часто, не то перестанут тебя уважать. Сын мой, когда ты нарядишься

в новъ портъ облачася, и възраченъ будеши, и иному имѣющю не завиди, егоже порты свѣтлы, того и рѣчь чистна есть. Сыну, аще имѣя или не имѣя, то не прѣбывай в печали, *кую* бо ти *ползу принесет* печаль? Сыну, аще песъ, отставъ господина по *тебѣ* поиде въ слѣд, то обрящься, вземь камень и *удари* и, такоже бо и тя оставивъ, по иномь потечеть. Сыну, аще тебе сусѣдъ не любити начнеть, но ты паче люби и, да не приведеть на тя досажения, тобѣ не вѣдущи. Сыну, аще зломысль ... твой въсхощет ти добра творити, и то вборзѣ не ими ему вѣры, да не, прѣльстивъ тебе, свой гнѣвъ свьршить на тя. Сыну, аще человѣкъ согрѣшить ти грѣха ради, то не глаголи, яко без лѣпа казнять и, да не впадеши в такую же казнь. Сыну, уне есть от премудра бьену быти, неже от безумна масломъ помазану быти, зане уменъ, аще ударить тя, тако мнится ему, яко сам ся ударяеть, и напослѣдь размышляеть, како бы тя утѣшить, а *безумный единою цаты мѣры* масла *помазавъ* тя, тысящу хощеть приати злата.

Сыну, еже тя научихъ, то с *прикупом* въздай же ми от своего и ... от моего».

И сему всему научих азъ, Акиръ, *сестричича* своего Анадана. Азъ, Акиръ, тако рѣх въ сердци своемь, яко «Сынъ мой Ананданъ моего наказания послушаеть, и представлю и царю въ свое мѣсто». Не увѣдѣх, яко Анаданъ не послушаеть рѣчи моея. Азъ тщахся научити и, а онъ помышляше *о* смерти моей. И *тако* дѣяшеть: «Отець мой старъ есть, и ближе ему къ смѣрти, а уже умом скуденъ есть». И нача Анаданъ ... растачати домъ мой безъ милости, и бияше рабы моя и рабыни моя, и милыя моя прѣд очима моима великими ранами, и коня и ослята моя умаряюще безъ милости. И яко видѣх Анадана тако дѣющя и възнегодовах, съжалих си и пощадѣхъ имѣния моего, рѣх: «Сыну, не порти ми скота моего, поистѣнѣ бо въ писании та мнить: о немже ся кто не труди, то того не рядить».

Шедъ възвѣстих Синагрипу, царю своему, и тако ми отвѣща царь: «*До живота твоего,* Акире, да не *обладаеть* домомъ твоимь инъ». Анаданъ, узрѣвъ *брата* своего, егоже такоже кормях в дому своемь, и нача от того дни завидити и ... гняти, рька: «Еда Акиръ, отечь мой, отженеть мя и оному задничю *дасть»*. Яко учютих и тако мысляща, и сварих и, *сице* рѣкъ: «Како *попортил* ми еси *наказания* моя, и скотъ мой испортилъ еси!». И се слыша *от* мене сынъ мой *Анаданъ, яростью разгнѣвався* и иде в дом царевъ и, уловль годину, написа грамотѣ 2. К ратному *цареви перскому,* емуже имя Алонъ, и тако написа, рекий:

в новые одежды и всем покажешься пригожим, другому нарядному не завидуй; у кого одежда изящна, у того и слова должны быть красивы. Сын мой, имеешь ли ты что-либо или не имеешь, все равно не печалься: какая польза тебе от печали? Сын мой, если пес, бросив своего хозяина, пойдет за тобой следом, то обернись, возьми камень и швырни в него камнем, ибо и тебя также оставив, за другим побежит. Сын мой, если сосед тебя разлюбит, то ты еще больше его люби, чтобы, рассердившись на тебя, не сотворил бы неожиданно какой-либо пакости. Сын мой, если недруг твой захочет облагодетельствовать тебя, не спеши ему довериться, а не то так, обманув тебя, всю злобу свою на тебя обрушит. Сын мой, если человек грешит из-за дурного нрава своего, то не говори, что его безвинно наказывают, а не то и сам так же согрешишь. Сын мой, пусть лучше тебя побьет умный, чем глупец умастит тебя елеем, ибо если умный ударит тебя, то чувствует себя так, словно сам себя бьет, и станет потом размышлять, как бы тебя утешить, а глупец, потратив на тебя наперсток елея, рассчитывает получить взамен груду золота.

Сын мой, за все, чему научил я тебя, воздай мне сторицею, соедини свою мудрость с моею».

И всему этому научил я, Акир, племянника своего Анадана. Я, Акир, так сказал себе в сердце своем: «Сын мой Анадан советы мои усвоит и будет вместо меня предстоять царю». Не думал я, чтоб Анадан не внял словам моим. Я старался наставить его, а он помышлял о смерти моей. И так говорил: «Отец мой стар, и уже близок к смерти, уже умом оскудел». И стал Анадан бездумно расточать богатства мои, и жестоко истязать рабов моих, и рабынь, и любимцев моих на глазах у меня, и коней и ослов моих безжалостно мучить. Когда же увидел я, что творит Анадан, вознегодовал, и опечалился, и пожалел богатства свои, и сказал: «Сын мой, не расточай сокровищ моих, поистине в Писании говорится: что не своим трудом заработано, того и не жалеют».

Пошел я и рассказал обо всем Синагрипу, царю своему, и ответил мне царь так: «Пока жив ты, Акир, никто другой не станет хозяином в доме твоем». Анадан же стал подумывать о брате своем, которого я также воспитывал в доме своем, и начал с той поры завидовать ему, говоря: «Что если Акир, отец мой, прогонит меня и тому наследство оставит?» Когда догадался я, что он задумал, то стал укорять его, говоря ему так: «Почему презрел ты все наставления мои и богатства мои расточил?» Услышав эти слова мои, сын мой Анадан пришел в ярость, отправился в царский дворец и, выбрав удобное время, написал две грамоты. Врагу нашему, царю персидскому, имя которого Алон, так написал:

«Синагрипа царя книжникъ и свѣтник азъ, Акиръ, перьскому цесарю Алону радоватися! Во нь же день приидет грамота сия, готовъ буди со своими вои. Азъ ти *предамъ Адорьскую* землю. И приимеши ю, не побѣдився ни с кым же». И другую *грамоту* къ егупетьскому царю *Фараону*, тако река: «Якоже придет грамота си к тобѣ, тако готовъ буди и прииди на поле Егупетьское мѣсяца августа въ 25 день, и азъ тя въведу въ Аналивьскый град, и преимеши *предѣлы* его не бивъся».

И в то врѣмя царь бѣ распустилъ воеводы своя, и царь единъ бѣ въ тъ *чинъ*. И грамоты написалъ бѣ моемь писмянем, и *моимъ* перьстьнем *запечата*, и прия у себе обѣ грамоти, жда годины, како бы вдати цареви. И написа паки и ину грамоту, река тако: «От царя Синагрипа къ Акирови, свѣтнику моему. Им же дни придет грамота си, сбери воя моя и воеводы моя, и пристрой я. И готовъ буди мѣсяца *августа* 25 день на поли Егупетьстѣ. И когда аз *выйду*, тогда пристрой воя, аки на бранъ, яко есть у мене посол *Фараоновъ*, и хощю, да *видить* воя моя».

И вда сынъ мой Анаданъ грамоту со двѣма отрокама, присла ко мнѣ, творя я от царя. Анаданъ, сынъ мой, предстояше цареви и принесе обѣ грамотѣ пред царемь, еже бѣ написалъ к ратнымъ царемь, и рече: «Царю, въ вѣки живи! Се грамота отца моего Акира, и азъ не приях совѣта его, но се принесохъ к тобѣ грамотѣ его, зане ялъ есмь брашно твое, и не достоить ми тьбѣ зла мыслити. Послушай *рѣчи* моея, господи царю! Ты отца моего Акира *възвыси* и възвелици паче велможь своих, и се вижь, что писа на тя и на царство твое». И се рекъ, вда цареви грамоты.

И яко слыша царь и велми оскорбѣ и рече: «Господи боже! Кое зло створих Акирови, да селико зло помысли на мя и на царство мое?». Отвѣща ему *Анаданъ*, рече: «Царю мой! Что то есть, да оклеветанъ будеть. Но мѣсяца августа дабы шелъ на поле Егупетьское, тогда *бы* увидилъ, аще есть истина». И послуша царь сына моего. *Приде царь на поле Егупетеское, и сынъ мой* Анаданъ бѣ со царемь. И яко узрѣхъ царя приближающася и уготовахъ воя, яко въ день брани по реченому писанью. И *не* вѣдяхъ, яко сынъ мой Анаданъ подо мною ровъ копаеть. Яко узрѣ мя царь с вои *уготовившася*, великимъ страхомъ обьяся и рече, яко «Вся глаголаная Анаданом истина суть». И отвѣща Анаданъ: «Господи мой царю! Се уже видилъ еси своима очима, еже створи отець мой Акиръ. И уже *възвратися* отсюду, азъ иду къ *отцю* моему Акиръви и развѣщаю

«Царя Синагрипа мудрец и советник, я, Акир, пишу: персидскому царю Алону радоваться! В тот день, когда придет к тебе эта грамота, изготовь войско свое. Я предам в твои руки Адорскую землю. И овладеешь ею без боя». И другую грамоту написал к египетскому царю Фараону, а в ней говорилось: «Когда придет к тебе грамота моя, будь готов прийти на поле Египетское месяца августа в двадцать пятый день, и я введу тебя в Наливский город и овладеешь им без боя».

А в это время царь распустил воевод своих, и оставался тогда царь совсем один. И грамоты написал Анадан моим почерком, и запечатал моим перстнем, и оставил их у себя, выжидая часа, когда бы предъявить их царю. И написал еще такую грамоту: «От царя Синагрипа к Акиру, советнику моему. В тот день, когда придет к тебе эта грамота, собери воинов моих, и воевод моих, и уряди полки. И будь готов месяца августа в двадцать пятый день явиться на поле Египетское. А когда я прибуду, построй полки, словно готовишься к бою, так как находится у меня посол Фараона и хочу я, чтобы он увидел войско мое».

И отдал сын мой Анадан грамоту эту двум отрокам и отослал ее ко мне как бы от имени царя. А сам Анадан, сын мой, предстал перед царем и отдал те два письма царю, которые написал к враждебным нам царям, и сказал: «Царь мой, живи вовеки! Вот грамота отца моего Акира, но я не согласился с замыслом его и принес тебе его грамоты, ибо я ем хлеб твой и не подобает мне злоумышлять против тебя. Послушай, что скажу я, господин мой царь! Ты отца моего Акира возвысил и возвеличил более всех вельмож своих, и вот посмотри, что задумал он против тебя и против царства твоего». И, сказав так, передал царю грамоты.

Как услышал все это царь, то огорчился безмерно и воскликнул: «Господи боже! Какое же зло причинил я Акиру, если он такое злодеяние задумал против меня и царства моего?» Отвечал ему Анадан: «Царь мой! А что если он оклеветан? Но если в месяце августе придешь ты на поле Египетское, то тогда и увидишь, правда ли все это». И послушался царь сына моего. Пришел царь на поле Египетское, и сын мой Анадан был с царем. И когда увидел я, что приближается царь, то построил полки, словно готовясь к битве, как и было приказано мне в той грамоте. И не подумал я, что сын мой Анадан подо мной ров копает. Как только увидел царь меня с изготовившимися полками, охватил его страх, и решил он, что все сказанное Анаданом — правда. И сказал ему Анадан: «Господин мой, царь! Вот ты и увидел своими глазами, что сделал отец мой Акир. И поспеши уйти отсюда, а я пойду к отцу моему Акиру, и разрушу

мысль его злую, и распущу воя, и самого, увѣщавъ добрыми словесы, *приведу* к тобѣ, и тогда судиши ему противу дѣломъ его».

Обращающися цареви, и се сынъ мой Анаданъ приде ко мнѣ и, человавъ мя, и рѣче: «Здравъ буди, *отче* Акире! Се царь мой прислалъ мя к тобѣ и реклъ ти: «Благословенъ буди, Акире, яко угоди мнѣ въ днешний день и представи *воя* моя, яко ти бѣх велѣлъ. И се възвелицихся пред послы *Фараоновы.* И сам ко мнѣ приди». И по речению распусти воя и идохъ съ сыномъ своимъ Анаданомъ къ цареви.

Узрѣв мя царь и рече: «Приде ли, Акире, свѣтнице мой, книгцие мой? *Аз* тя бѣхъ възвысилъ въ честь и в славу, ты же въздвиже рать на мя». И се рекъ, вда ми грамоту. И видихъ, яко *подобно* моему *писанию* и печатано *моим* перьстнемъ. Яко *прочьтох* и *составы* костий моих *разслабѣша* и связяся языкъ мой. И взисках премудрости в собѣ, и не обрѣтеся мнѣ, зане ужасъ великъ наиде на мя. И тогда сынъ мой Анаданъ. ... егоже бѣх поставилъ пред цесаремь, тако ми рече: «Старѣй несмысленая! Почто не отвѣщаеши пред царемь? Се нынѣ по дѣлом твоимь обрѣлъ еси собѣ». И тако ми рече сынъ мой Анаданъ: «Тако велит царь: руци твои на связание предадутся, нозѣ твои на окованье, и потом да усѣкнут главу твою от телѣсѣ твоего и, отнесше 100 локотъ от тѣла твоего, да повергуть ю». И приях отвѣтъ царевъ и падохъ и поклонихся цареви и рекох: «Господи мой, царю! Въ вѣкы живы! Како мя хощеши погубити, не слышавъ от мене отвѣта? Но богъ вѣсть, яко царству твоему не согрѣшилъ есмь. Но уже суд твой да збудеться, но повели, да быша мя *погубили* въ дому моемь, да погребеться тѣло мое».

И повели ми царь, и преда мя мужеви, с нимже имѣх любовь исперва, и пристави отроки своя, и *отпусти* мя на погубление. И послах в дом мой преди и рекох женѣ *своей: «Изыди*... противу мнѣ и поими 1000 дивиць целяди моея, иже мужа не знают, *одѣвша* а и в беберъ и въ бранину, да мя *оплачють,* зане суд смертный приалъ ... от царя. И повели, да уготовають тряпезу чади *моей,* и да введиши чадь сию в дом мой, да нели азъ, вшед бых в дом свой, с ними вкусилъ брашна и испилъ вина и потом рценый суд приалъ». И все твори жена моя, якоже повѣлѣл *ей.* И пришедши въсрѣте ны, и *вшед* я в домъ мой, и введша мя с собою, и представлену бывшю брашну, и начаша пити и ѣсти и упишася, и леже кождо ихъ спати.

И тогда азъ, Акиръ, въстона из глубины сердца своего и рѣхъ къ другу своему, емуже мя велилъ погубити, и рѣх ему: «Възри на небо, убойся бога, в *сей* час помяни, яко дружбою живяховѣ дни многи, помяни, яко царь,

его злой замысел, и распущу войско, и его самого, улестив, приведу к тебе, и тогда осудишь его за все содеянное!»

Возвратился царь, а сын мой Анадан пришел ко мне и, поцеловав меня, сказал: «Будь здоров, отец мой Акир! Вот царь мой прислал меня к тебе и велел передать так: «Будь благословен, Акир, ибо угодил мне сегодня и показал войско мое, как я тебе повелел. И предстал я во всей славе перед послами Фараоновыми. Ты же сам ко мне приди». И по этому повелению распустил я воинов и с сыном своим Анаданом отправился к царю.

Увидев меня, сказал царь: «Ты ли это пришел, Акир, советник мой и мудрец мой? Я тебя возвысил и прославил, а ты войско поднял против меня». И, сказав так, отдал мне те послания. И увидел я, что почерк похож на мой и запечатаны они моим перстнем. Когда же прочел я их, то подкосились ноги мои и отяжелел язык мой. И воззвал я к мудрости своей и не обрел ее, ибо охватил меня великий ужас. И тогда сын мой Анадан, которого я же представил царю, обратился ко мне со словами: «Старец безумный! Почему же не отвечаешь царю? Вот теперь по деяниям твоим и воздастся тебе!» И так сказал мне сын мой Анадан: «Вот что приказал царь: руки твои да будут связаны, ноги твои — окованы, и потом отсекут голову твою от тела твоего и отнесут на сто локтей от тела твоего и повергнут в прах». И, услышав волю царя, упал я, и поклонился ему, и сказал: «Господин мой, царь! Вовеки будь жив! Как можешь меня погубить, не выслушав моего оправданья? Но видит бог, что не виновен я перед царем моим. Пусть же свершится суд твой, повели лишь, чтобы казнили меня в доме моем и чтобы погребено было тело мое».

И приказал царь передать меня в руки мужа, с которым издавна связывала нас любовь, и приставил воинов своих, и отправил меня на казнь. Я же послал в дом свой, чтобы предупредили жену мою: «Выйди мне навстречу и возьми тысячу девиц из рабынь моих, не познавших мужа, и одень их в шелка и в парчу, чтобы оплакали меня, ибо осужден я царем на смерть. И прикажи, чтобы приготовили пир для домочадцев моих, и пусть соберутся они в доме моем, чтобы я, придя в дом свой, вкусил с ними яств и испил вина и потом уже принял бы смерть». И сделала все жена моя, как я ей приказал. И пришли мы, и встретили нас, и вошел я в дом свой, и расставлены были яства, и стали все пить и угощаться, и, перепившись, улеглись спать.

И тогда я, Акир, застонал из глубины сердца моего и, обратившись к другу своему, которому царь поручил меня казнить, сказал: «Взгляни на небо, побойся бога, вспомни в этот час, что многие годы связывала нас дружба, вспомни, как царь,

Синагрѣповъ отець, въдалъ тя бѣ мнѣ на усѣчение и бывши винѣ на тя, и азъ удержах тя и исправих, яко без вины, и схраних тя, дондеже взыска тобе царь. И *се* нынѣ молю ти ся, *зане* азъ преданъ тобѣ, и нынѣ молю ти ся: «Не погуби *мене,* но съблюди мя, якоже и азъ тя соблюдохъ, створи милось свою со мною, от царя не устрашайся. Се бо есть мужь у мене в темницѣ, емуже имя Арапаръ, образомъ *сличенъ* мнѣ и *повиненъ* есть *смерти.* Да *совлек* ризы с мене, облече и, и изведъ и вонь, и извѣсти други своѣ, и, приближающимся имъ, посѣщи и, и отнеси главу его 100 лакотъ, яко ти есть повелѣлъ царь».

И яко услыша от мене рѣць сию, прискорбна бысть душа его, и рече ми: «Великъ суд цесаревъ — како могу ослушатися его? Но за любовь твою, якоже ми рече, тако створю. Писано бо есть: «Иже любит другъ друга своего, положит душю свою за нь». И азъ нынѣ соблюду *тя.* Аще ны обличить цесарь, да погибну с тобою». И се рекъ, взя порты моя *и възложи ризы моя на Арапара,* и выведъ вонъ, извѣсти *други* своя, и рече имъ: «Видите: се усѣкаю и». И, приближающимъся онемъ, усѣце главу его и отнесъ от тѣла 100 лакотъ. И не вѣдаша, яко не азъ бѣхъ, но мнѣша, яко *мою* главу.

Промчеся слово то по всей земли Адорьстѣй и *Наливстѣй,* яко Акир книгций убиенъ бысть. И тогда другъ мой и жена моя уготоваста ми мѣсто в земли — 4 локотъ въ долготу, 4 в ширину, 4 въ глубину, и ту внесоша ми хлѣбъ и воду. И, шедъ, другъ мой възвѣсти Синагрипу царю, яко «Акиръ усѣкновенъ *бысть,* якоже еси повелѣлъ». Вси людии слышавше въсъплакашася, и жены ихъ сѣтовахуся и глаголаху: «Акиръ Прѣмудрий, книгций земля нашея, убоенъ бысть; иже бѣ твердь градомъ нашимъ, и си аки убийца *убиенъ* бысть. Отселѣ такого не имамъ налѣсти».

И посем рече царь сыну моему Анадану: «Иди в домъ, сѣтуй отца своего и, минувшимъ днемъ сѣтования, възратися и приди ко мнѣ». И прииде сынъ мой Ананданъ в дом мой и не прият сѣтования, отинудь ничтоже ни помышляше *о* смерти моей, но паче собра игрѣца и *гудца* в дом *мой,* и начя творити пиры великыя с веселиемь. И рабы моя умаряше — нача казнит казнями великими и *муками* лютими мучаху. И то не довляшеть ему, но и к женѣ моей глаголюще, яко быти ей с ним. И аз Акиръ лежах во тмѣ и сѣни смертнѣй, слышах, якоже творяше сынъ мой Анаданъ в дому моемъ, и въздыхах въ *горести* сердца своего, и не можах ничтоже створити. Изнеможе тѣло мое от бѣды, юже видихъ. И посемь другъ мой приде посѣтить мене. И, влѣзшу ему ко мнѣ, сѣдъ у мене, начя тѣшити. И рѣхъ азъ другу своему: «Исходящю тобѣ *от* мене, помолися

Синагрипов отец, велел мне тебя казнить, и был осужден ты, но я спас тебя, установив твою невиновность, и сохранил тебе жизнь до той поры, пока не вспомнил о тебе царь. А вот теперь прошу тебя, раз уж предан я в твои руки, и ныне молю: не погуби меня, но спаси, как и я тебя спас, сжалься надо мною, а царя не бойся. Есть муж в моей темнице по имени Арпар, с виду он похож на меня и обречен на смерть. Так сними с меня одежды мои, и одень его в них, и изведи его из темницы, и возвести друзьям своим, и когда будут приближаться они, отсеки ему голову и отнеси ее на сто локтей, как приказал тебе царь».

И когда он услышал эти слова мои, запала скорбь в душу его и сказал мне: «Страшусь я суда царского, как мне ослушаться его? Но за любовь твою ко мне сделаю так, как ты сказал. Говорится в Писании: «Если любит друг друга своего, то положит душу свою за него». И я теперь спасу тебя. А если узнает царь, то погибну с тобой». И сказав так, взял одежды мои, и одел в них Арпара, и вывел его, и объявил друзьям своим: «Видите, я казню его». И еще до того, как подошли они, отсек тому голову и отнес ее от тела на сто локтей. И не узнал никто, что это был не я, а подумали, что моя то голова.

Разнеслась по всей земле Адорской и Наливской весть, что казнен Акир-мудрец. И тогда друг мой и жена моя приготовили мне убежище в земле: четыре локтя в длину, четыре в ширину, четыре в глубину, и принесли мне туда хлеб и воду. И пошел друг мой и возвестил Синагрипу-царю, что казнен Акир по его повелению. И все люди, услышав об этом, возрыдали, и жены их горевали, и говорили все: «Акир премудрый, мудрец земли нашей, казнен, а был он — стена городов наших, а теперь казнен, словно преступник. Отныне нам такого больше не найти».

И тогда сказал царь сыну моему Анадану: «Иди в дом, оплачь отца своего, а когда минут дни траура, возвратишься и придешь ко мне». И пришел сын мой Анадан в дом мой, но не стал печалиться и вовсе не вспоминал о смерти моей, но, напротив, собрал музыкантов и песенников в доме моем и стал пировать с пышностью и веселием. И рабов моих истязал — стал казнить их казнями страшными и мучить лютыми муками. И этого ему было мало, но и к жене моей стал приставать, требуя, чтобы она отдалась ему. И я, Акир, лежал в тьме и могильном мраке, слышал, что творит сын мой Анадан в дому моем, и вздыхал от сердечной муки, и не мог ничего поделать. Иссохло все тело мое от бед, которые я видел. А потом друг мой пришел навестить меня. И влез он ко мне, сел подле меня и стал утешать. И сказал я другу своему: «Когда выйдешь ты отсюда, то помолись

за *мя* к богу». И рѣх тако: «Святъ еси, господи, и праведенъ, истиненъ. И ныня помяни раба своего и изведи ис тѣмницѣ сея, и на тя възложилъ упованье свое. Егда бо бѣхъ въ сану своемь, телци *упитанныя и* агнеци *приношах ти*, владыко... И се ныне яко мерьтвѣць в земли погребенъ бысть и не видить свѣта твоего. Нынѣ, господи боже, призри, изведи мя ото рва сего, послушай молитвы сея, еюже молюся тобѣ».

И яко слыша егупетъский царь Фараонъ, яко Акиръ убиенъ бысть, и възрадовася радостью великою ... И посла Фараонъ царю Синагрипу, написа грамоту, а рка тако: «От егупечкаго царя Фараона Адарьскому и Наливьскому царю, радоватися! Хощу дѣлати домъ межу небомъ и землею. Да посли ми мудра дѣлателя, да здѣлают ми и устроять я, якоже ми годѣ будет. И ину мудрость, прошу, да ми отвѣщаеть. Аще ми пришлешь толь мудра дѣлателя, аще ми створит, елико ему рку — 3 лѣта дани моей прислю ти. Аще ли ми не пришлеши *такова мужа* прѣмудра, или въспросу моему не *отвѣщаеть* — 3 лѣта дани *земли* своея да прислеши ми». И *яко* прочтоша грамоту сию пред царемъ Синагрипом, призва умники земля своея, и прочте пред ними грамоту, присланую от Фараона. И рече имъ цесарь: «Хто есть от вас, да идет въ Египетьскую землю къ царю Фараону, *и отвѣты добры да* створить Фараону?». И рѣша ему умнии земля его: «Ты, царю, самъ вѣси: въ дни твоя и во дни отца твоего кое любо слово премудрый Акыръ исправляше. *А се* ныне сынъ его Анаданъ, иже наученъ от него всякой премудрости книжнѣй, и тотъ да идеть». Яко се слыша *Анаданъ*, великим гласомъ ... рече: «Господи мой, царю! Егоже *Фараон* просит, то поне бози могуть створити и како могут человѣчи?».

Се слыша царь, велми оскорбѣ, и съступи съ престола своего златого, и облечеся въ вретище, и нача скорбѣти, рца: «О, како тя погубих, Акире, премудрый книгцие моея земля, *дѣтьска* послушавъ! Въ единъ час погубих тя! И ныне подобна тебѣ не могу обрести, егоже быхъ послалъ к Фараону. Гдѣ ныне обрящу тя, о Акире! И яко въ едино помышление свое погубихъ тя!». И яко слыша другъ мой *от* царя рѣць сию, и, падъ, поклонися цареви и глагола ему: «Иже не створить повеленья господиня своего, *повиненъ есть смерти. Преступих, царю, заповѣдь твою*, и ныне повели, да мя погубять: зане ты ми повелѣ погубити *Акиря, а* азъ схраних, и се живъ есть». И отвѣща ему царь, рек: «Глаголи, глаголи, угоднице мой! Якоже глаголюще по правдѣ, представиши ми Акира жива, и вдамъ ти дары: 100 кентинарь злата, 1000 сребра, 5 ... свит златых вдам ти». И отвѣща другъ мой, рече цареви:

за меня богу». И сказал я так: «Свят ты, господи, и справедлив и истинен. И вспомни ныне о рабе своем и изведи из темницы этой, на тебя возложил надежду свою. Когда был я в славе и чести, то быков упитанных и баранов жертвовал тебе, владыка. И вот теперь, словно мертвец, в земле погребен и не вижу света твоего. Ныне, господи боже, вспомни обо мне, выведи меня изо рва этого, услышь молитву эту, с которой обращаюсь к тебе».

Когда же узнал египетский царь Фараон, что Акир убит, то возрадовался радостью великою. И отправил Фараон к царю Синагрипу грамоту, написав в ней так: «От египетского царя Фараона Адорскому и Наливскому царю, радоваться! Хочу построить дом между небом и землей. Так пришли же ко мне искусного строителя, пусть сделают и устроят все так, как мне угодно. И на другие мудреные вопросы мои пусть ответит. Если мне пришлешь такого искусника, который все сможет сделать, что ему ни скажу, то трехлетние доходы свои пришлю тебе. Если же не найдешь такого мудрого мужа или не сможет он ответить на мои вопросы, то пришлешь трехлетние доходы своей земли». И когда прочли грамоту эту перед царем Синагрипом, то созвал он мудрецов своей земли и прочел перед ними грамоту, присланную Фараоном. И сказал им царь: «Кто из вас пойдет в Египетскую землю к царю Фараону и сумеет достойно ему ответить?» И отвечали ему мудрецы земли его: «Ты сам, царь, ведаешь: в дни царствования твоего и в дни отца твоего во всех трудных делах помогал премудрый Акир. А сейчас вот сын его Анадан, наученный им всей премудрости книжной, пусть он и идет». Как услышал это Анадан, возопил во весь голос: «Господин мой, царь! То, о чем Фараон просит, одни боги смогут совершить, а как же смогут люди?»

Услышав это, очень опечалился царь, и сошел с престола своего золотого, и оделся в грубые одежды, и начал стенать в горе: «О, как же погубил тебя, Акир, премудрый книжник земли моей, юнца послушав! В один час погубил тебя. А теперь не смогу найти равного тебе, кого бы послать к Фараону. Где теперь найду тебя, о Акир! И как это я, не раздумывая, погубил тебя!» Когда услышал друг мой эти слова царевы, пал ниц, поклонился царю и сказал ему: «Кто не исполнит повеления господина своего, тот повинен смерти. Нарушил я, царь, приказ твой, и прикажи ныне, чтобы меня казнили: ибо ты повелел мне погубить Акира, а я спас его, и он жив». И воскликнул царь в ответ: «Говори же, говори, спаситель мой! Если говоришь ты правду и представишь мне Акира живым, то одарю тебя — дам сто кентинариев злата, тысячу — серебра, и пять одеяний, расшитых золотом, подарю тебе». И друг мой в ответ сказал царю:

«*Покляни ми* ся, царю, яко не створиши ему вины никоторыяже в сей винѣ, в нейже есть нынѣ! Аще ли ти вину иную створить, то тогда сам отвѣщает за дѣла своя». И *поклятся* ему царь, во *той* час посла царь по Акира и повелѣ прѣвести.

И азъ, Акиръ, придох предъ цесаря и падох ниць пред царемь. И бяху власи главнии ниже чреслъ моих, и брада моя ниже *персей моихъ* сошла бѣ. И тѣло мое в персти прѣмѣнилося бѣ. Ногти мои подобни бяхуть оръловымъ. Якъ узря мя царь, великимъ плацемъ въсплакася, и устыдѣся царь мене, зане преже *в* велицѣ чти имяше мя. И минувшу часу, и отвѣща ми царь, рече: «О, Акире! Азъ не согрѣших, но сынъ твой Ананданъ: си вся приведе на тя». И отвѣщах, рѣхъ цареви: «Господи мой, царю! Уже есмь видилъ лице твое, *то* уже бѣды не поднялъ есмь никоеяже». Отвѣщав ми царь и рече: «Иди нынѣ в домъ свой, и прибуди 40 днии, и тогда приди ко мнѣ».

И азъ Акиръ идох в домо свой и пребысть 40 дний. И измѣнися тѣло мое, и бых, яко и преже, и придох пред царя. И рече ми царь: «Не слыша ли Акыре, что *писа* египетьскыя царь на Адорьскую землю и Наливъсию и вси людие слышавшеи убоашеся того и отбѣгоша от пределъ своих?» И отвѣщавъ, рѣхъ: «Господи мой, *царю*! Въ твоя день тако есмь сотворилъ, яже будяше человѣку какая люб вина велика, и азъ прииди тя и оправда их. И яко слышаша погубление мое и не бѣ такого убѣжника людемъ, и за то вси разыдошася. Нынѣ повели, царю, да възвѣстят людем, яко Акиръ живъ есть и предстоит цареви, и да услышавше мя, зберутся. А о писании, еже ... ти писа Фараонъ, то не печаленъ буди: азъ бо шед и отвѣщаю ему, а 3 лѣта дани земля его, въземъ, принесу *ти*». Яко се слышавъ царь, възрадовася радостию великою, и съзва умники земля своея, и вда ми дары *велики*, и друга моего, иже мя избавилъ от смерти, выше *велможь* своих посади.

Тогда азъ Акиръ послах в домъ свой и рькох: «Налѣзите ми орлица двѣ и въскормите я. Рцѣте ястребникомъ моимъ и да научать я горѣ възлѣтати. И устройте *клѣтку*, и обрящеть у домачадець моих дѣтя ясно, и всадите въ клѣтку къ орлицама. И тако учите я възлѣтати, отрочя научите глаголати: «Понесите извисть и камение, се дѣлатели *доспѣли* суть». И привяжѣте вервь к ногама има.

И устроиша отроци, якоже имъ повелѣх. И посемь собрашася адорьстии и наливьстии людие в домы своя. Рекох: «Нынѣ посли мя, царю, да иду къ египетьскому царю Фараону». Яко посла мя царь, пояхъ воя своя съ собою,

«Поклянись мне, царь, что не накажешь ничем его за ту провинность, в которой обвинен он ныне! Если же еще в чем перед тобой провинится, то тогда пусть сам и ответит за дела свои». И поклялся ему царь, и в тот же час послал за Акиром и повелел его привести.

И я, Акир, предстал пред очами царевыми, и пал ниц перед царем. И отросли волосы на голове моей ниже бедер моих, и борода моя ниспадала ниже груди. И тело мое в земле иссохло. Ногти мои уподобились когтям орла. Как увидел меня царь, восплакал плачем великим, и устыдился царь вида моего, ибо прежде очень чтил меня. И потом обратился ко мне царь со словами: «О, Акир! Не я виноват, но все сын твой Анадан — это он оклеветал тебя». И я в ответ сказал царю: «Господин мой, царь! Раз уже я вижу лицо твое, то уже не помню никакого горя». И отвечал мне царь: «Иди сейчас в дом свой, и пробудь там сорок дней, и тогда снова придешь ко мне».

И я, Акир, пошел в дом свой и пробыл там сорок дней. И изменило вид свой тело мое, и снова стал я таким, каким был прежде, и пришел к царю. И сказал мне царь: «Слышал ли ты, Акир, что писал египетский царь нам, в Адорскую и Наливскую землю, и что все люди, услышав об этом, испугались и покинули дома свои?» И сказал я в ответ: «Господин мой, царь! В дни царства твоего я так поступал: если бывал в чем-либо повинен человек, то приходил к тебе и оправдывал его. И когда услышали люди о казни моей и о том, что нет больше такого их заступника, тогда все разбежались. А ныне повели, царь, пусть возвестят людям, что Акир жив и снова предстоит царю, и, услышав обо мне, все возвратятся. А о послании, которое написал тебе Фараон, не печалься, ибо я пойду и отвечу ему, и трехлетний доход с земли его получу и принесу тебе». Как услышал все это царь, пришел в радость великую, и созвал мудрецов земли своей, и поднес мне дары богатые, и друга моего, который избавил меня от смерти, посадил выше всех вельмож своих.

Тогда я, Акир, послал к домочадцам своим и наказал им: «Найдите мне двух орлиц и вскормите их. И скажите сокольничим моим, чтобы научили их взлетать вверх. И изготовьте клетку, и отыщите среди домочадцев моих умного мальчика, и посадите его в клетку, носимую орлицами. И научите их взлетать с клеткой, а мальчика научите кричать: «Несите известь и камни, уже строители готовы». А к ногам орлиц привяжите веревку».

И сделали слуги мои все так, как я повелел. И после этого возвратились жители Адорской и Наливской земли в свои дома. Я сказал: «Теперь отправляй меня, царь, пойду я к египетскому царю Фараону». Послал меня царь, и взял я с собою воинов

и *дошедшю* ми близ Фараона, не дошедшю ми градъ, и повелѣх *превабливати* орлица, и видѣх, яко угодно пред очима моима. И внидох въ град и послѣх ко Фараону и рѣх: «Възвѣстите Фараону царю: егда еси писал къ Синагрипу царю, река: «*Посли* ми мужь, иже отвѣщаеть *всякой* рѣчи моей, егоже въспрошю». И се мя прислалъ есть». И повелѣ царь и вда *ми* мѣсто обитати. И въведе мя царь пред ся, и целовах царя. И въпраша мя царь, рече: «*Како ти* есть имя?» И не повѣдах имени своего и рече: «Имя ми есть Абесамь, единъ есмь от конюх его азъ». *Яко* се слыша от мене Фараонъ, ярости исполнися, рече ми тако: «Како ли аз царя твоего хужши есмь, да конюси свои слете ко мнѣ? Да с тобою и мнѣ деньину рѣчь глаголати?». И пусти мя царь въ *обитель* свою и рече ми: «Придеши въ утрий день и тогда отвѣщаеши въпросу моему. Аще ли не угониши гаданий моих, тогда предамъ тѣло твое птицамъ небесным и звѣремь земным».

И наутрия повелѣ ми царь *предстати* пред собою. И самъ сѣде на престолѣ своемь златом, одѣявся въ свиту черлену, одѣ велможа своя въ свиты различны. И представшю мнѣ, и рече ми царь: «Обекаме! Рци ми нынѣ: кому уподобихся азъ, и кому ли уподобишася велможи мои?». И отвѣщавъ къ царю: «Ты, царю, уподобихся солнцу, а велможи свои уподобилъ еси лучам солнечным». И се услышавъ от мене царь, помолчавъ, ми рче, глаголя: «Обекаме! Поистинѣ есть умник царь твой, оже прислалъ тя, яко угону». И на гадания тако предложшу ми: ово бо ся уподобляшет лунѣ, а велможи свои звѣздам, ово уподобляшется зраку дубравному, а велможи *свои* — цвѣту травному. И симъ подобнаа гадания многа *предложившу* ему, азъ изгадах.

И послѣди рече ми царь: «Обекаме! ... Писалъ есмь царю твоему, то здѣлай ми дворъ межю небом и землею». Тогда послах, и *принесоша ми* орлиця, яже научил бѣах. Стоящу цареви и всѣм людем с ним, въспустих орлица горѣ, и отроча над нею. Въсходящема орлома, въспи отрочище, глаголя, якоже наученъ: «Се дѣлатели доспѣли! Понесите камение и *извѣсть*». И тогда цареви рѣхъ: «Повели, царю, да понесуть камение и извѣсть, да не медлять дѣлатели!». И отвѣщавъ рече царь: «Кто может на толику высоту въздати?». И отвѣщавъ, рѣх цареви: «Азъ *дѣлатели* въспустилъ, а ты камения и извѣсти аще не въспустиши, то не до нас вина есть». И не може ми царь отвѣщати что. «Се дѣлатели доспѣли суть, понесите *камение* и керемиду и кал». Они же *недужи* быша воздати камения и керемиды и кала. И азъ, Акиръ, вземъ пруть начах бити, и побѣгоша дружина Фараонова и бояре его.

своих, и когда пришел в страну Фараона, то, еще не дойдя до его города, приказал принести орлиц и увидел, что все сделано так, как я и хотел. И вошел в город, и послал к Фараону, и сказал: «Возвестите царю Фараону: «Писал ты некогда к Синагрипу-царю, требуя: «Пошли ко мне мужа, который бы ответил на всякое слово мое, о чем бы я ни спросил». И вот он прислал меня». И приказал царь указать мне место, где я могу остановиться. И приказал ввести меня к себе, и приветствовал я царя. И обратился ко мне царь и спросил: «Каково имя твое?» И не назвал ему имени своего, а сказал: «Имя мое Обекам, я один из конюхов царских». Когда услышал Фараон слова мои, то пришел в ярость и сказал так: «Разве я хуже царя твоего, что он шлет ко мне своих конюхов? Да с тобой мне и говорить-то не о чем». И отпустил меня царь в пристанище мое, и сказал мне: «Придешь завтра и тогда ответишь на вопрос мой. Если же не отгадаешь загадок моих, тогда отдам тело твое птицам небесным и зверям земным».

И наутро повелел мне царь предстать перед ним. Сам он сел на своем престоле золотом, одевшись в одеяние червленое, а вельмож своих одел в разноцветные одежды. И когда предстал я перед ним, сказал мне царь: «Обекам! Скажи мне сейчас: на что похож я и на что похожи вельможи мои?» И отвечал я царю: «Ты, царь, подобен солнцу, а вельмож своих уподобил лучам солнечным». Услышал слова мои царь и, помолчав, сказал мне: «Обекам! Поистине мудр царь твой, что прислал тебя, ибо отгадал ты». И другие загадки также предложил мне: то уподоблял себя луне, а вельмож своих — звездам, то уподоблялся дереву, а вельможи его — цветущей траве. И много подобных загадок предложил он мне, и я их отгадал.

И наконец сказал мне царь: «Обекам! Писал я царю твоему, чтобы построил мне дворец между небом и землей». Тогда повелел я, и принесли мне обученных орлиц. И на глазах у царя и всех приближенных его выпустил я орлиц в поднебесье и мальчика с ними. Когда же взлетели орлицы, то закричал мальчик, как его научили: «Вот строители готовы! Несите же камни и известь». И тогда сказал я царю: «Прикажи, царь, пусть принесут камни и известь, чтобы не мешкали мастера!» Но возразил мне царь: «Кто же может на такую высоту поднять?» А я ответил царю: «Я мастеров отправил, а если ты камня и извести не подашь им, то это не наша вина». И не смог мне царь ничего ответить. А мальчик кричал: «Вот уже строители готовы, так несите же камни, и плиты, и глину». Они же не могли поднять ни камней, ни плит, ни глины. И я, Акир, взяв палку, стал их бить, и обратилась в бегство дружина Фараонова и бояре его.

И видѣ Фараонъ, прогнѣвася на мя и рече мне тако: «Ци потворы дѣеши, оже биеши люди моя без *лѣпа.* Кто может тамо взъдати камение и калъ?». И рекох ему тако: «Азъ ни потворы дѣю силы тыи, оже еси задѣлъ мнѣ *небылное* дѣло дѣлать. Оже бы хотелъ *Синагрипъ* царь, одининимъ днемъ 2 двора створь, тому бо не дивно: оже хощеть, то створить». И рече ми Фараонъ: «Ослабимь дѣла сего дворнего». И рече ми: «Иди во обитель си, и приидии утро рано».

И азъ рано приидох и влѣзох пред него, и рече ми: «Акире, исправи ми се слово: како оже твоего князя ориве ржють на *Адорстѣй* и *Наливстѣй* землѣ, то наши *кобылы* жеребята измещуть на сей землѣ». И якоже рѣчь *сию* слышах, вылѣз от Фараона и рекох отроком своимъ: «Имше дохорь живъ, принесети ми». И отроци шедше, *яша* дхорь жив и принесоша ко мнѣ. И рекох имъ: «Бийте, донелѣже Егупетьская земля слышиить». И почаша отроци мои бити и́. И слышавше людие, повѣдаша Фараону: «*Акиръ разбуявся* пред нашима очима: нашимъ *богом* посмѣяся, пред нашим жертвищем потворы дѣеть». Яко слыша Фараонъ, възва мя к собѣ и рече ми: «Како что дѣля пред нашима очима нашима богомъ посмѣяся?». И рекох Фараону тако: «Въ вѣкы живъ буди! А сей дхоре велику пагубу сотворилъ, а *не* малу. Царь мой Синагрипъ вдалъ ми бѣ кочет на руци, *того* дѣля бѣ вдал ми, понеже бѣ пѣти гораздъ... Егда же хотях, въ *той* час пояше, и убужахся и идяхъ пред свой князь. Въ *той* же год *николѣ* не согрѣших. В сю *же* нощь иде *дхоре* си во *Аливскую* землю и во *Адорскую* и угрызе кочету моему главу и прииде семо». И рече ми Фараонъ: «Вижю тя, Акире, состарѣлся еси, умъ твой охудѣлъ еси: от Егупта до Адорькыи землѣ есть 1000 и 80 верстъ, да како сий дхорь шедъ одиной нощи и угрызе кочету твоему главу и прииде опять той нощы?». И рекох ему тако: «Како слышавъ: на Адорьсти землѣ оже оревѣ ржють, и сде твоя кобылы жеребята измещют. А ты дѣеши изъ Егупта до *Адорскьи* землѣ 1000 и 80 верстъ естъ». Якоже слыша Фараонъ у мене рѣчь сию, подивовася.

И рече ми тако Фараонъ: «Исправи ми се слово. Есть одино бервно дубово, а на том бервнѣ 12 соснѣ по 30 колесъ, а на колесѣ по *две* мыши — одина *черна,* а другаа *бѣла*». И рекох ему тако: «Се, егоже у мене *вопрошаеши,* в *Наливстѣй земли* и въ *Адорстѣи* конюси то вѣдают». И рекох ему тако: «Оже то дѣеши бервно то есть лѣто, а еже то дѣеши 12 соснѣ *на* нем, то есть 12 мѣсяца в лѣтѣ. Еже

И видя это, разгневался на меня Фараон и сказал мне так: «Сам чародействуешь, а людей моих избиваешь без повода. Кто же может поднять туда камни и глину?» И сказал ему так: «Я не чародействую: но ты сам поручил мне заняться таким небывалым делом. Если бы захотел царь Синагрип, то в один день два дворца построил бы, и то ему не диво: что хочет, то и сделает». И сказал мне Фараон: «Оставим дело это с постройкой дворца». И добавил: «Иди в пристанище свое и приходи завтра рано утром».

И я пришел рано утром и вошел к Фараону, и сказал он мне: «Акир, разреши мне такую задачу: когда кони твоего повелителя ржут в Адорской и Наливской земле, то наши кобылы жеребят рожают в нашей земле». И как только услышал я эти слова, вышел от Фараона и велел отрокам своим: «Поймав живого хорька, принесите мне». И отроки, отправившись, поймали живого хорька и принесли мне. И приказал я им: «Бейте его, пока вся Египетская земля того не услышит». И начали отроки мои избивать его. Люди же, услышав об этом, сказали Фараону: «Акир буйствует на наших глазах: оскорбляет наших богов, перед нашими жертвенниками бесчинствует». Как услышал об этом Фараон, призвал меня к себе и сказал мне: «Зачем ты на наших глазах издеваешься над нашими богами?» И ответил так Фараону: «Будь жив вечно! Но хорек этот великое зло причинил, а не малое. Царь мой Синагрип подарил мне петуха, и того ради подарил мне его, что больно он петь горазд... Когда я захочу, в тот час и поет, и просыпаюсь я, и иду пред очи своего повелителя. И за все время я ни разу не опоздал. А в эту ночь твой хорек добежал до Наливской и Адорской земли, отгрыз петуху моему голову и вернулся сюда». И сказал мне Фараон: «Вижу, что состарился ты, Акир, и умом поглупел: от Египта до Адорской земли тысяча и восемьдесят верст, так как же хорек мог дойти туда за одну ночь, отгрызть голову твоему петуху и вернуться назад в ту же ночь?» И ответил я ему так: «А я так слышал, что когда в Адорской земле кони ржут, то здесь твои кобылы жеребят рожают. Но ты же говоришь, что от Египта до Адорской земли тысяча и восемьдесят верст». Услышал Фараон слова мои и удивился.

И сказал мне Фараон так: «Отгадай такую мою загадку. Есть одно бревно дубовое, а на том бревне двенадцать сосен с тридцатью колесами, а на каждом колесе по две мыши — одна черная, а другая белая». И ответил я ему так: «То, о чем ты спрашиваешь меня, в Наливской земле и в Адорской даже конюхи знают». И так сказал ему: «То, что называешь ты бревном, это год, а далее говоришь, что двенадцать сосен на нем, так это двенадцать месяцев в году. А что ты

дѣеши 30 колесъ, а то есть 30 дни въ мѣсяци, а еже то дѣеши 2 мыши — *едина* бѣла, а другая чернаа — то есть день и нощь».

И рече ми тако Фараонъ: «Акире! Совѣй ми 2 ужа пѣском 5 лакот вдоле же, а вътнѣе — перста». И рекох ему тако: «Повели тивуном своим, да вынесут уж тѣм же лицем ис полаты, да и азъ в того же образ совью». И рече ми Фараонъ: «Не слушаю твоего слова и ... не *съвиеши* ми тако ужа, да нѣсть ти нести дани египетскыя къ своему *царю*». Потом азъ, Акиръ, помыслих въ сердци своемъ, идох на требище фараоне и провертѣх оконце противу солнца вътнѣе, якы перстъ внидет. И якоже солнце взыде и вниде во оконце, и *потом* азъ, Акыръ, веземъ горсть мягкого пѣску и *всуну* въ *оконце*. Възвертѣся въ солнци, яко уже. И потом кликнух и рѣх Фараону: «Послы отрок, да согублют уже сего, а другое *в* того мѣсто совию». Якъ се видѣ Фараонъ, посмѣяся рече ми тако: «*Днешным* днем буди, Акире, възялъ пред ... богомъ, яко тя видих жива, яко изучил мя еси мудром словом». И потомъ сотвори ми Фараонъ пиръ велик и вда ми 3 лѣта дань египетскою, и почти мя, и пусти мя къ своему *царю* Синагрипу.

И придох къ царю, и якоже *слыша* мя *идуща*, и *изыде* противу мнѣ, и сотвори великъ день, и посади мя выше велмож своихъ, и рече ми: «Акире! Егоже хощеши, вдам ти. А проси у мене!» И рекох ему тако: «Царю, покляняю *ти ся,* понеже твой живот, егоже ми хощеши дати, то дай *Набугинаилу* ... другу моему: от того бо ми живот. И *вдай* ми сына моего Анадана; научил бо и бѣх уму своему и *мудрости*, и нынѣ вижю, яко забылъ есть первая словеса и прежнюю мудрость».

И потом царь повелѣ, и приведоша *ко мнѣ. И рече ми царь:* «Се ти сестричичь твой Анаданъ в руцѣ твои, да еже ти любо, то же да сотвориши над ним, никтоже бо может изяти его изъ твоею руку».

И потом азъ, Акир, поим сына своего и приведох и́ в дом свой, и възложих на нь уже желѣзно 9 кинтинарь *вѣсом*, и въ проскѣпъ руцѣ его вльжих, и на выю кладу ему *навязах*, и дах ему по хребту 1000 ранъ, а по чреву 1000 ранъ. И посадих и под сѣнми своими, и дах ему хлѣба и воды в мѣру, и поручих... отроку своему блюсти и́, имя ему Анабугилъ. И ркох ему тако: «Еже ти азъ, вылѣзъ и влѣзъ, молвлю къ Анадану, ты то пиши». И потомъ азъ *начахъ* молвити къ Анадану, сыну своему:

говоришь про тридцать колес, то тридцать дней в месяце, что ты называешь двумя мышами — одна черная, а другая белая — так это день и ночь».

И так мне сказал Фараон: «Акир! Свей мне две веревки из песка, длиною по пять локтей, а толщиной в палец». И сказал я ему: «Прикажи ключникам своим, пусть вынесут мне такую же веревку из дома, тогда и я по ее образцу сплету». И сказал мне Фараон: «Не слушаю я возражений твоих. Не совьешь мне такой веревки, тогда и не отнесешь дани египетской своему царю». Потом я, Акир, пораскинул умом своим, пошел в храм Фараонов и провертел в стене его дырочку на солнечной стороне, так чтобы палец в нее входил. И когда взошло солнце и попали лучи его в дырочку, тогда я, Акир, взял горсть мягкого песка и высыпал в отверстие. Закружился песок в луче солнца, словно веревка. И тогда позвал я всех и сказал Фараону: «Пошли отроков своих, чтобы унесли веревку эту, а я другую тем временем совью». Как увидел это Фараон, посмеявшись, сказал мне так: «Сегодня приходи ко мне, Акир, всем ты взял перед богом, и рад я, что увидел тебя живого, что наставил ты меня своими мудрыми словами». И потом устроил мне Фараон пир великий, и дал мне трехлетнюю дань с Египта, и почтил меня, и отпустил меня к моему царю Синагрипу.

И вернулся я к царю, и когда услышал он о моем приходе, то вышел мне навстречу, и устроил великий праздник, и посадил меня выше всех вельмож своих, и сказал мне: «Акир! Все, что хочешь, то дам тебе. Проси же у меня!» И сказал я ему так: «Царь мой, прошу я тебя, чтобы сокровища свои, которыми хочешь ты наградить меня, отдал ты Набугинаилу, другу моему: тот сохранил мне жизнь. И дай мне сына моего Анадана, я ведь учил его мудрости своей и поведал ему знания свои, а теперь вижу, что забыл он слова мои прежние и всю мудрость».

И потом приказал царь, и привели его ко мне. И сказал мне царь: «Вот племянник твой Анадан, отдается в руки твои, да что тебе по душе, то и сделай с ним, ибо никто не посмеет отнять его из твоих рук».

И потом я, Акир, взял сына своего, и привел его в дом свой, и возложил на него цепь железную девяти кентинарей весом, и руки его вложил в колодки, и на шею ему привязал деревянный обруч, и нанесли ему тысячу ударов по спине и тысячу по животу. И посадил его под крыльцом своим, и дал ему хлеба и воды сколько потребно, и поручил стеречь его отроку своему, по имени Анабугил. И приказал ему так: «Если я, входя в дом или выходя из него, скажу что-либо Анадану, то ты все это записывай». А потом я начал говорить Анадану, сыну своему:

«Иже не слышить ушима своима, да шеею своею слышалъ будет». И потом Анаданъ сице ми отрече: «Да почто еси сестричича въ сына мѣсто приалъ?». Азъ рекох тако: «И язъ тя посадих на столѣ честнѣ, а ты мя еси сверглъ съ стола моего *ниц*. И потом мя исправи правда моя *от* твоего зла помышления. Был ми еси, сыну, яко змыя, *усрѣтши* иглу, клюну ея, и рече ей игла: «Уклюнула мя еси острѣиши собе». Был ми еси, *сыне, яко* коза нача ясти черленое зелие, и рече ей зелие: «Почто мя *яси*? Оже ты умреши, чимъ хотять кожю твою червити?». Рече ему коза: «Понеже тя ѣмъ за живота своего, да оже я умру, да твое корение копаа, и начнут кожю мою червити». Был ми еси, сыну, акы человѣкъ стрѣливый ко небеси, и стрѣла та къ небеси не долетѣла, и от бога собѣ грѣх взялъ. Был ми еси, сыну, аки онъ, иже друга своего *видѣ* озябша, и, принесъ, възлѣя на *нь* кнею воды студены. Тако вѣжь; аже будет свиный хвостъ 7 локотъ водлѣе, не может с коневим хвостом на ладу быти. Аще будет свинаа шерсть мягче бумаги, николиже не могут в ней боярѣ собѣ портъ створити. Сыну, тако бях мыслилъ, яко тобѣ было прияти мое мѣсто, и дом ... мой пристроити, и скотъ мой, имѣние мое соблюсти, *но бог* не хотѣлъ твоего зломышления, и не послуша твоего *злоумышления*. Подобенъ еси, сыну, оному лютому звѣри, иже устрѣлъ осла и рече ему тако: «По здорову ли еси пришелъ?». И рече ему оселъ: «Тому буди мое здравие, иже мою ногу не твердо связалъ, да бых яз тебе не узрѣлъ». Сыну, яко ина сѣть *лежала* и на пѣсцѣ, и прииде *заець* к ней и рече: «Что дѣеши здѣ?». И рече ему сѣть: «Кланяюся богу». И рече к ней зяяць: «Что дръжиши въ устѣх?». И рече ему сѣть: «Укрух хлѣба держю». И потом приступивъ заяць, хотѣ взяти укрух и углоби си ногу в сѣти свою. И рече ... заяць: «Оже укрухо сь сице клюкавъ, то твоего кланяния не приемлет богъ николиже». Сыну, *подобенъ* еси ... олени, иже противляяся горѣ, рога своя сломи. Сыну, былъ ми еси, якоже котлу прикованѣ золотѣ колцѣ, а дну его не избыти черности. Сыну, был ми еси, яко ратай, оравый ниву, и въсѣя на ней 12 кадий. И рече ратай к нивѣ своей: «Аже есмь болша не добылъ на тобѣ, а еже всѣял, то и добылъ». Был ми еси, сыну, яко и грець в теплъ храм влѣз согрѣтся и яко согрѣвся, начнет на *государь* свой лаяти. Был ми еси, сыну, якоже свиния пошла с боляры мытся в баню, и яко доиде калу, и леже в нем, и рече боярем: «Вы *идите* в баню мытся, а я хочю зде мытися». Был ми еси,

«Кто не слышит ушами своими, тот шеей своею пусть слушает». И на это Анадан так мне ответил: «Так зачем же племянника взял вместо сына?» Я ответил так: «Я посадил тебя на престоле почетном, а ты меня сверг на землю с моего престола. И лишь потом спасла меня невиновность моя от задуманного тобою зла. Был ты для меня, сын, как змея, которая, увидев иглу, ужалила ее, и сказала ей игла: «Ужалила меня, а я ведь тебя острее». Был ты для меня, сын, словно коза, которая стала есть красную траву, и сказала ей трава: «Зачем же поедаешь меня? Когда ты умрешь, чем же станут руно твое красить?» Отвечала траве коза: «Потому-то я и ем тебя при жизни своей, ибо когда я умру, то, выкапывая корни твои, начнут окрашивать ими мою шерсть». Был ты для меня, сын, как тот человек, который выстрелил в небо, и стрела та до неба не долетела, и только согрешил перед богом. Был ты для меня, сын, как тот, кто, увидев друга своего замерзающим, принес и вылил на него кувшин воды холодной. Так знай же, если и будет свиной хвост длиною в семь локтей, то и тогда не сможет сравняться с хвостом коня. Если и будет свиная щетина мягче бумаги, то все равно не смогут из нее бояре одежды сшить. Сын мой, так думал я, что ты займешь мое место, и дом мой наследуешь, и богатство мое, и имущество мое сохранишь, но бог не захотел, чтобы свершилось твое злоумышление, и не послушал злых намерений твоих. Подобен, сын мой, ты тому хищному зверю, который встретил осла и сказал ему так: «Здоров ли ты, пришедший сюда?» И ответил ему осел: «Тому я желаю здравия, кто ноги мои не крепко спутал, чтобы мне тебя больше и не увидеть». Сын мой, лежал как-то силок на песке, и подошел к нему заяц и сказал: «Что делаешь здесь?» И отвечал ему силок: «Кланяюсь богу». И сказал ему заяц: «А что держишь во рту своем?» И отвечал силок ему: «Ломоть хлеба держу». И потом приблизился заяц, хотел взять ломоть, и запуталась в силке нога его. И сказал заяц: «Если ломоть этот такой коварный, то молитв твоих никогда не послушает бог». Сын мой, уподобился ты оленю, который, бодая скалу, рог свой сломал. Сын мой, был ты у меня, словно котел, прикованный золотыми кольцами, а дно его не избавится от черноты. Сын мой, ты словно пахарь, который вспахал поле и посеял на нем двенадцать мер. И сказал пахарь полю своему: «Не добыл на тебе большего, а что посеял, то и собрал». Был ты для меня, сын, словно пес, который зашел в теплый дом погреться, а когда согрелся, стал на хозяина своего лаять. Уподобился ты, сын мой, свинье, которая пошла с боярами мыться в баню, а как дошла до лужи, то и улеглась в ней, и сказала боярам: «Вы идите в баню мыться, а я здесь хочу помыться». Был ты для меня,

сыну, яко оно древо, емуже рекли: «Хочю тя посѣци». *Оно же* рече: «Оже не бых в твоею руку; то не приитти бь на мя николиже». Сыну, был ми еси, яко *птенець*, спад из гнѣзда на землю, и нашедши дхорь и рече ему: «Оже бых не аз, да зло бы было тобѣ». И рече ему птенець: «Даже бых не яз, что было тобѣ ясти?» Был *ми* еси, сыну, ако тать и ркли ему: «Останися татбы своея». И рече им: «Оже быста ми златы очи, а руци *сребренѣ*, не хочю остатися николиже». Сыну, *аз* видих, оже приведут овча от стада зарѣзат и аще не *будет* года зарѣзати, да пустит *опят*, да видит *агнятка своего*. Сыну, *аз не* видих жребя, погубляюще матерь свою. Сыну, иже на сем свѣтѣ сладкаго, тѣм тя вскормих, а ты мя достроилъ, яко хлѣб свой в земли ядях; и аз тя поих ветхим вином, а ты мне воды в мѣру *не* напояше; и аз тя помазах маслом честным, а ты мое тѣло в земли исказилъ еси, аз тя въсклопотилъ есмь яко и сосну, а ты достроил мя еси гроба и кости моя. Сыну, устроилъ тя есмь аки дворъ, да реклъ есмь: «Оже ратници приидят, то вниду во нь и *разсилнѣю* в нем». И ты узрѣ ратныя, въвръже мя пред ня. Был ми еси, сыну, аки крот, иже противу солнца *леглъ*, и прилетѣвъ орел взя й».

И отрече ми сынъ мой Анаданъ, и рече ми тако: «Недостойно ти, Акире, господине мой, боле сего словеси рещи, но милуй мя! Оже къ богу согрѣшит человѣкъ, и простить й. И ты такоже мя прости; коня твоего говна кидаю, любо свиныям твоим пастух буду». И рекох ему тако: «Был ми еси, сыну, яко *яворово* древо, росло бо есть над рѣкою, да оже ражалося на нем ягода, то впадала в рѣку. И пришед к нему господинъ и рече: «Хочю тя посѣчи». И рече древо: «На другое лѣто на мнѣ вишни възрастут». И рече ему тако *господинъ* его: «Своее ягоды не возрастивъ, можеши ли чюжа агоды возрастити на собѣ?». Сыну, ркли суть волку: почто ходиши по овчах, а прах ти летит въ очи?». Он же рече имъ тако: «Порох овчии здравие есть очима моима». Сыну, волчье дѣтя дали учити книгамъ, и *рекли ему* тако: «Рчи — аз, буки». Он же рече: «Ягнятка, козлятка». Сыну, из негоже тя есмь *учил*, се еси умыслилъ на мя. Да противу тому богъ есть, еже добро творить, *тому* добро будеть, правды моея дѣло, и тя по твоему зломышленью хочетъ погубить. Ослу голову возложили на *злато* блюдо и *свалися* доловь в попел. И *рекли* ей тако: «Своей головѣ не смыслиши добра, оже изъ чести

сын, как то дерево, которому сказали: «Хочу тебя срубить». Оно же отвечало: «Если бы не было меня в руках твоих, то никогда бы ты не пришел ко мне». Сын мой, был ты, словно птенец, который упал из гнезда на землю, и подбежал к нему хорек, и сказал ему: «Если бы не я, то худо было бы тебе». И ответил ему птенец: «Если бы не я, то что бы ты ел?» Был ты мне, сын, словно вор, которому сказали: «Брось воровство свое». И ответил им: «Если были бы у меня глаза из золота, а руки из серебра, то и тогда не оставил бы своего промысла». Сын мой, видел я, как приведут овцу из стада резать, и если не настал еще срок убоя, то отпускают назад, чтобы увидела она ягняток своих. Сын, не видел я жеребенка, который бы погубил мать свою. Сын мой, всем, что есть на свете сладкого, тем я тебя кормил, а ты подстроил мне, что я и хлеб свой ел в подземелье; и я поил тебя старым вином, а ты не давал мне и воды напиться вволю; и я умащивал тебя дорогими маслами, а ты тело мое в подземелье иссушил; я тебя вырастил, словно сосну, а ты жаждал увидеть гроб с костями моими. Сын мой, я видел в тебе крепость свою и говорил сам себе: «Если враги придут, то войду в нее и там обрету свою силу». А ты, увидев врагов, бросил меня в руки их. Был ты, сын мой, словно крот, который лег на солнце, и орел прилетел и схватил его».

И ответил мне сын мой Анадан, и сказал так: «Не достойно тебя, Акир, господин мой, далее говорить слова подобные, но пощади меня! Когда человек согрешит перед богом, то простит его бог. И ты также меня прости: навоз после коней твоих буду убирать, либо свиней твоих пасти буду». И ответил ему так: «Был ты, сын мой, словно дерево явор, росло оно над рекой, и ягода, что на нем вызревала, вся падала в реку. И пришел к дереву хозяин его и сказал: «Хочу тебя срубить». И ответило дерево: «На следующий год вишни на мне вырастут». И так сказал хозяин ему: «Своей ягоды не сохранив, можешь ли ты чужую ягоду на себе вырастить?» Сын мой, говорили волку: «Что ты ходишь следом за овечьим стадом, а пыль от него летит тебе в глаза?» Он же отвечал им так: «Пыль от стада овечьего на здоровье глазам моим». Сын мой, волчонка отдали учиться чтению и сказали ему так: «Скажи — «аз», «буки». Он же отвечал: «Ягнята, козлята». Сын, из того, чему я тебя обучил, ты все и обратил против меня. И бог против такого, а кто добро творит, тому и благо будет, я прав останусь, а тебя, за твои злоумышления, погубит он. Ослиную голову положили на золотое блюдо, и упала она на землю, в пыль. И сказали ей так: «Не видишь ты, где благо для тебя, если с почетного места

валишися в попелъ». Сыну, иже ркли суть в повѣстехъ: «Оже родивше, то сыномь звать, а еже скотъ даявше, то холопомъ звать». Богъ, иже мя въскресилъ, то буди межю нама пря».

В той час надувся Анаданъ, яки кнея, и пересѣдеся на полы.

Иже добро творить, тому добро будеть, а иже яму копаеть подъ другомъ, да самъ в ню впадеть.

падаешь в пыль». Сын мой, как говорится в притчах: «Кого родил, того сыном звать, а кого за деньги приобрел, того холопом зови». Бог, который вернул меня к жизни, тот и будет между нами судьей».

И тогда надулся Анадан, словно кувшин, и лопнул.

Кто добро делает, тому и благо будет, а кто под другом своим яму копает, тот сам в нее и упадет.

ПОСЛАНИЕ КЛИМЕНТА СМОЛЯТИЧА

ПОСЛАНИЕ НАПИСАНО КЛИМЕНТОМЪ МИТРОПОЛИТОМ РУСКЫМ ФОМѢ ПРОЗВУТЕРУ, ИСТОЛКОВАНО АФОНАСИЕМЬ МНИХОМЪ.

Господи, благослови, отче

Почетъ писание твоея любве, яже аще и медмено бысть, почюдихся и, въ чинъ въспомяновения приникъ зѣло, дивихся благоразумию твоему, возлюбленный ми о господе брате Фомо. Имать писание твое наказание с любовию к нашему тщеславию, и таку съ радостию прочет пред многыми послухи и пред князем̑ъ Изяславомъ тобою преславною къ мнѣ писание. И вину ми исповѣдавшу, его же ради пишеши, ты же, любимиче, не тяжько мни мною восписаною ти хартиею. Localized Речеши ми: «Славишися пиша, философ ся творя», а первие сам ся обличаеши: егда к тобѣ что писахъ, нъ не писахъ, ни писати имамь. А речеши ми: «Философиею пишеши», а то велми криво пишеши, а да оставль азъ почитаемая писания, азъ писахъ от Омира, и от Аристоля, и от Платона, иже во елиньскых нырѣхъ славнѣ бѣша; аще и писахъ, но не къ тебѣ, но ко князю, и к тому же нескоро. А еже сожалил еси, оже тя есмь вмѣнилъ, а богъ свѣдѣтель, яко не искушая твоего благоумия, но яко просто писавъ, да аще того не моглъ еси разумѣти. То всуе приводиши на мя учителей своего Григоря, речеши бо, «У Григоря бесѣдовалъ есмь о спасении душевнѣмь», а еда коли порекохъ ли укорихъ Григоря, но еще исповѣдаю, яко не токмо праведенъ, но и преподобенъ, нъ аще дерзо рещи, святъ есть, но обаче того аще не училъ тя, то, не вѣдѣ, откуду хощеши поручившаяся тебѣ душа руководити, Григорю бо и тебѣ того не вѣдати. Но чюдо речеши мнѣ: славишися, да скажю ти сущихъ славы хотящихъ, иже прилагают домъ к дому, и села к селомъ, изгои же и сябры, и бърти, и пожни, ляда же и старины. От нихъ же окаанный Климь зѣло свободенъ, нъ за домы и села,

ПОСЛАНИЕ КЛИМЕНТА СМОЛЯТИЧА

ПОСЛАНИЕ, НАПИСАННОЕ КЛИМЕНТОМ, МИТРОПОЛИТОМ РУССКИМ, СВЯЩЕННИКУ ФОМЕ И ОБЪЯСНЕННОЕ АФАНАСИЕМ-МОНАХОМ

Господи, благослови, отче!

Прочтя письмо твоей милости, хотя и с медленьем, восхитился я, и, попутно в память свою углубясь совершенно, был изумлен я благомыслием твоим, возлюбленный мне о господе брат Фома! Есть в письме твоем дружеское порицание нашему тщеславию, и о том с удовольствием прочел я перед многими свидетелями и пред князем Изяславом твое преславное ко мне послание. И хотя осознал я причину, по которой ты пишешь, ты, любимый, не строго суди это, составленное для тебя мое послание. Говоришь ты: «Прославляешь себя писанием, философом себя почитая», но тут и сам себя обличаешь: когда я тебе так писал? Не писал и писать не хотел! Говоришь мне: «Философию излагаешь»,— и это совсем несправедливо ты пишешь, будто, оставив Священное писание, излагал я Гомера, и Аристотеля, и Платона, которые средь греческих столпов славнейшими были; если же и писал, то не тебе, а князю, да и то не часто. А коли огорчен ты, что тебя я затронул, бог свидетель, не испытывал я твоего благомыслия, но только открыто писал все, в чем не мог разобраться. И напрасно сравниваешь меня с учителем своим Григорием, когда говоришь, что «с Григорием беседовал я о душевном спасении», — но разве я порицал или укорял Григория? Еще и признаюсь, что не только праведен он, но и преподобен, если дерзко сказать — то и свят он! Да и к тому же, если он не учил тебя, то не знаю, откуда хочешь поручившиеся тебе души наставлять, ибо Григорию и тебе многое не известно. Но удивительно говоришь ты мне: «Прославляешься», а я объясню тебе, кто такие славолюбцы — которые присоединяют дом к дому, и села к селам, изгоев, и общинников, и борти, и пожни, и поля, и пустоши, — но от них-то я, грешный Клим, как раз и свободен; вместо домов, и сел,

и борти, и пожни, сябръ же и изгои землю 4 лакти, идѣже гробъ копати. Ему же гробу самовидци мнози; да аще гробъ свой вижю по вся дни седмь краты, не вѣмь, откуду славити ми ся, не бо ми рече мощно иного пути имѣти до церкви, кромѣ гроба. Аще похотѣлъ быхъ славы, по велику златоязычнику, то не чюдо: мнози богатьство прѣзрѣша, славы же ни единъ, а первое искалъ бых власти по своей силѣ. Нъ съвѣдый сердца и обистья, тъ единъ съвѣсть, но елико молихся, да быхъ избавился власти! Пакы ли по его смотрению, а случить ми ся супротивити ми ся ему нѣсть лѣпо. Отселѣ, любимиче, отвѣта да не сотворяю ти, но на въпрос твое благоумие понужаю: Нѣсть ли лѣпо пытати потонку божестьвныхъ писаний? Торчивѣ блаженному Соломону, рекущу въ притчахъ: «Аще утвердиши к нему око свое, никако же сравнить ти ся». Уже и Соломонъ, славы ища, тако пишеть или: «Премудрость созда себѣ храм и утверди седмь столпов», а то славы же ли ища пишеть? Се бо глаголеть Соломон: «Премудрость созда себѣ храмъ». Премудрость есть божество, а храмъ человѣчьство, аки во храмъ бо вселися въ плоть, юже приятъ от пречистыя владычица нашея богородица истинный нашь Христосъ богъ. А еже «утвердивъ седмь столповъ» сирѣчь седмь соборовъ святыхъ и богоносных наших отець.

Что ж пакы сего Соломона родивый, «яко благоволиша раби твои камение, и персть его ущедрят», да о каменьи ли богъ отець или о персти глаголеть? То коли ми велиши, любимиче, разумѣти, камение ти персть. Се бо богъ отець о апостолехъ глаголеть, аще ли почитаю бытийскых книгъ, боговидица Мосия: «Рече бо господь богъ: Се бысть Адамъ, яко и мы, и яко единъ от насъ, и нѣнѣ да не простеръ руку возметь от дрѣва жизни» — ни ли того почитати тщеславия ради? ...

Но обаче не обрѣменися прегрѣшении нашими, яко глаголють нѣции, их же конець сътнаа пагуба, но паче самъ облегчи от бременъ тяжькых хребетъ нашь. Богъ бо ревнивь сы, не дасть славы своея иному укланяющаяся от него въ разньствие, поженеть съ творящими безаконие. Нѣсть бо неправды у бога, реку же: не будет! Испытает бо сердца и утробы, яко богъ есть праведенъ. Расмотряти ны есть лѣпо, возлюблении, и *разумѣти*. Вижь бо, яко же се огнь от камения исѣкаемъ и от дрѣва исходяй же, составляемъ есть и сългнѣщаемъ человѣчьскыми вещественными руками; гда же силу из горѣния приимет огнь, смотри, како ти человѣчьскыми хытростьми чистѣйшаа вещь влагаема въ нь, очищается! Рекше злато или сребро, аще наполнено будеть каа любо скверны, рекше мѣса, ти влагаемо будеть кънзньнивъше огнь, и изжагается огненымь разгорѣниемь и очищается въложное то злато и сребро, и отдавается вложившему его и чисто, и без врѣда, а вмѣшеная

и бортей, и пожен, людей же и изгоев у меня земли четыре локтя, чтобы вырыть могилу. Эту гробницу видели многие, если ж ее вижу каждый день по семь раз, не знаю, с чего промышлять мне о славе,— ведь нет мне иного пути до церкви, кроме гробницы. Захотел бы я славы, то, по словам Златоуста, не диво: многие богатство презрели, славы же — ни один, и прежде искал бы я власти по силе своей. Но только, постигший сердца и души, ведает он один, как молился я, чтобы избавиться власти! Однако все по божьему усмотрению, и коли случится — нелепо ему сопротивляться. Поэтому, милый, ответа тебе не даю, но на вопрос обращаю твое внимание: не пристало ли тщательно вникать в божественное Писание? Последуем блаженному Соломону, сказавшему в притчах: «Если обопрешь око свое на него, ни с кем не сравниться тебе». Уже Соломон, славы ища, так пишет! Или: «Премудрость создала себе храм и воздвигла семь столпов»; а то, славы ли себе ища, говорит Соломон: «Вот премудрость создала себе храм.» Премудрость — это божество, а храм — человечество, ибо, как в храм, вселился бог в плоть человеческую, которую принял от пречистой владычицы нашей богородицы истинный наш Христос бог. Что же касается «утвердив семь столпов» — это значит семь соборов святых и богоносных наших отцов.

Что же касается этого Давида, будто «возлюбили рабы твои каменья, и о прахе его жалеют» — да о прахе ли бог отец или о камне говорит? Если позволишь мне, любимый, истолковать,— камень и есть прах. Ибо вот бог отец об апостолах говорит, если вчитаться в Книгу Бытие, у свидетеля бога, Моисея: «Ибо сказал господь бог: вот Адам стал как и мы, как один из нас, и теперь, не простирая руки, пусть возьмет от дерева жизни» — не то ли это, что читаю я тщеславия ради? 〈...〉

Но, однако, не перегружайся прегрешеньями нашими, как изрекают некие, в конце пути которых — печальная гибель, но лучше сам облегчи от бремени тяжкого нашу спину, ибо ревностен бог: не даст славы своей никому, кто вступает с ним в спор, изгонит вместе с творящими беззаконие. Нет же неправды у бога; добавлю я: и не будет! Ибо испытает сердца и души, так как праведен бог. Рассуждать нам следует, дорогие, и понять. Посмотри-ка, вот как огонь, высекаемый камнем и выходящий из дерева, возникает и разгорается под плотскими руками человека, но стоит лишь силу огню увеличить в горенье, взгляни: любая, в человеческом искусстве чистейшая вещь, брошенная в огонь, очищается; так золото или серебро, если содержит в себе грязные примеси, помещенное в искусный огонь, выжигается огненным пламенем, и так очищается внесенное золото и серебро, возвращаясь положившему его чистым и нерушимым, тогда как ненужная

та в нечерность без врѣда погибнеть. Да ели то огнь вещественъ сы, иже богомь сотворенъ на службу умну, и смыслену, и словесну человѣку...

Се бо и въ Евангелии указаеть господь нашь Иисусъ Христос глаголя: «Человѣкъ схожaаше от Иерусалима на Ерихонъ и в разбойники впаде, и съвлекъше и, язви возложиша на нь». Едемъ убо Иерусалимъ сказаеться, Иерихонъ же миръ, человѣкъ же исходяй Адамъ, разбойници же бѣси, прелщениемь бо тѣхъ боготканыя одежда обнажися, раны же глаголеть грѣхы,— что философию писахъ, не свѣмь. Христосъ реклъ святым ученикомъ и апостоломъ: «Вам есть дано вѣдати тайны царствия, а прочимъ въ притчахъ»,— то ли, любимиче, философия, ею же славы ищу от человѣкъ? Списающимъ еуаггелистомъ чюдеса Христова хощу разумѣвати праведно и духовнѣ. Что мнѣ дщерию Аира князя? Прашаю праведнѣ, и речеть ми: то и то есть. Что ми дщерию Ханаоныня? — но хощу увѣдати духовнѣ. Что ми кровоточивою, но ищу силы слову; что ми пятью хлѣбъ и двѣма рыбама,— прашаю еуаггелиста; что ми о усшей смокви,— прашаю силы слову; что ми старицею оною, въвергъшею двѣ мѣдници въ святилище? — но молю ся, да темная ми душа будеть вдовица, и въвержет двѣ мѣдницы во святилище: плоть цѣломудриемъ, душю же смирением. Что ми о ловитвѣ рыб, но прашаю еуагелиста; что ми воднотрудоватым ицѣлѣвшим, хотящю вѣдѣти и праведнѣ. Си же вся божествьная, господа нашего Иисуса Христа, знамения же и чюдотворения, иже въ святѣмь еуаггелии поминает, волею помянухъ, иже святии и божествении отци наши подобная ко господьским словесем, приложиша сказати и истолковати то и то. Зѣло полезно и добро, и похвально, то не толма чюдна, и славна, елма же та сама истинна, иже господь нашь дѣлом чюдо и знамение сотворивъ показа: въскресивъ Аира князя дщерь, мертву сущу отинудь и издъхшу; аще ли и ханаоныню помянем и кровоточивую, и пятью хлѣбъ и двѣ рыбѣ, и о усшей смокви, или ону старицю, въвергшую двѣ мѣдници въ святилище, и о ловитвѣ рыбъ, иже от Лукы, и о воднотрудоватѣм ицѣлѣвшем,— си бо вся по истиннѣ тако суть была, яко же и еуаггелист сказаеть, еже господь нашь не притчею, но дѣлом божествьная своа знамениа и чюдеса показа...

Повѣсть ти Соломон реклъ, даже часть седми, таче и осмому; ища сего по тонку, тщеславити ли ся велиши, любимиче? Поминаю же пакы реченаго тобою учителя Григориа, его же и свята рекъ не стыжюся. Но не судя его, хощу рещи, но истиньствуа, Григорей зналъ алфу, яко же и ты, и виту, подобно и всю, 20 и 4 словесъ грамоту. А слышиши ты ю у мене, мужи, им же есмь самовидець, иже может единъ

примесь бесследно исчезнет. Если же так, то огонь — вещество, сотворенное богом на службу умному и рассудительному, одаренному словом человеку. ⟨...⟩

Вот же и в Евангелии отмечает господь наш Иисус Христос, говоря: «Некий человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду и изранили его», ибо Иерусалим понимается как Эдем, Иерихон же — как мир. Некий же человек — это Адам, разбойники — бесы, обманом которых лишился Адам боготканых одежд; раны же, понимай, — грехи. Какую философию я изложил — не пойму. Христос сказал святым ученикам и апостолам: «Лишь вам дано знать тайны царства небесного, прочим же — в притчах», — это ли, милый, философия, которою и ищу я славы у людей? Как описали евангелисты чудеса Христовы, хочу я понять правильно и сердцем. Что мне видеть под дочерью Иаира? — спрашиваю я справедливо, и отвечает мне: то-то и то-то. Что мне понимать под дочерью хананеянки? — хочу я сердцем понять. Что значит: кровоточивая? — ищу я значения слова; что такое «пятью хлебами и двумя рыбами»? — спрашиваю я евангелиста; что такое засохшая смоковница?—спрашиваю о значении слова; что в этой вдове, бросившей два медяка на святилище? и умоляю, чтобы лишенная света душа моя стала этой вдовицей и бросила два медяка на святилище: плоть — целомудрием, душа же — смиреньем; что мне в ловле рыб — и спрашиваю евангелиста; как понимать исцеленье расслабленного, хочу я знать верно. Все эти божественные господа нашего Иисуса Христа явления и чудеса, которые в святом Евангелии поминаются, по воле своей я напомнил, — те, что святые и божественные отцы наши, подражая словам господним, добавили, чтобы объяснить и растолковать то и это. Очень полезно, и хорошо, и похвально, и не столь чудесно и славно, сколько верно все то, что господь наш, на деле чудеса и явления совершив, показал воскрешение дочери Иаира, бывшею мертвой совсем и лишенной души; если же вспомним дочь хананеянки и кровоточивую, пять хлебов и две рыбы, и засохшую смоковницу, или эту вдовицу, бросившую два медяка на святилище, или ловлю рыбы, или исцелевшего расслабленного, — все это так действительно было, как говорит Евангелие, ибо господь наш не притчею, но делом божественные свои явления и чудеса показал.

⟨...⟩ Все, что сказал я тебе, изрек Соломон, пока семь частей, а потом и восьмую. Изучая все это со тщаньем, назовешь ли ты это тщеславием, милый? Вспоминаю я снова названного тобою учителя Григория, которого я, не стыдясь, назвал и святым. Но, не осуждая его, скажу по правде: Григорий знал альфу, как и ты, и виту, хоть и всю, письмо в двадцать четыре буквы. А знаешь, есть люди, и я их видел, которые могут

рещи алфу, не реку на сто или двѣстѣ, или триста, или 4 ста, а виту тако же. Расматряй, любимиче, расматряти велит и разумѣти, яко вся состоатся, и съдержатся, и поспѣваются силою божиею; ни едина бно помощь, развѣ помощи божиа, ни едина ж сила, развѣ силы божиа, вся бо рече, елико восхотѣ, и сътвори на небеси и на земли и в мори, и въ всѣхъ безнахъ, и прочее...

По велику, брате, дивлюся, аще тако улучилъ тя Григоръ, аще бо о всемъ не далъ ти выникнути, от дивлюся!

Написалъ есмь 16 словесъ, яже чюдна и хвалы достойна, яже не суть прѣдана церовьному прочитанию за величьство разума, и глубину сокровенныхъ ради и дивныхъ словесъ.

сказать альфу, чтоб не солгать, на сто, или двести, или триста, или четыреста, а виту — также. Размышляй, милый, размышлять надлежит и знать, как все существует, и управляется, и совершенствуется силой божьей: никакой нет силы, кроме силы божьей, никакой нет помощи, кроме помощи божьей, ибо все, как сказано, что пожелал он, все создал на небесах, и на земле, и в море, во всех безднах, и прочее.

⟨...⟩ Очень, брат, удивляюсь я, чего достиг с тобою Григорий, если обо всем том не дал тебе и представления, вот уж дивлюсь!

⟨...⟩ Изложил я шестнадцать рассказов, удивительных и похвалы достойных, которые не даются в церковном чтении из-за величия мысли и глубину, за сокровенный смысл и глубокий.

ИЗ «ПРИТЧ» И «СЛОВ» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

КИРИЛА МНИХА ПРИТЧА О ЧЕЛОВѢЧЬСТѢИ ДУШИ И О ТЕЛЕСИ, И О ПРЕСТУПЛЕНИИ БОЖИЯ ЗАПОВѢДИ, И О ВОСКРЕСЕНИИ ТЕЛЕСЕ ЧЕЛОВѢЧА, И О БУДУЩЕМЬ СУДѢ, И О МУЦѢ

Господи, благослови, отче!

Добро убо, братье, и зѣло полезно, еже разумѣвати нам божественных писаний учение: се и душу цѣломудрену створяеть, и к смирению прилагаеть ум, и сердце на реть добродѣтели извоостряеть, и всего благодарьствена человѣка створяеть, и на небеса ко владычним обѣщанием мысль приводить, и к духовным трудом тѣло укрѣпляеть, и приобидѣние сего настоящаго жития, и славы и богатьства творить, и всея житискыя свѣта сего печали отводить. Того ради молю вы, потщитеся прилѣжно почитати святыя книги, да ся божиихъ насытивше словес и будущаго вѣка неизреченных благъ жадание стяжите: она бо аще и невидима суть, но вѣчна и конца неимуща, тверда же и недвижима. Да не просто претецѣмь языкомъ пишемая глаголюще, но съ расмотрениемь внемлюще, потщимся дѣлом створити я. Сладко бо медвеный сотъ и добро сахаръ, обоего же добрѣе книгий разум: сия убо суть скровища вѣчныя жизни. Аще бо сде кто обрѣлъ бы земное скровище, то не бы на се дерзнулъ, но единъ точью честный камень взял бы,— уже бес печали питаеться, яко до конца богатьство имый. Тако обрѣтый божественныхъ книгъ скровище, пророческых же и псаломьских и апостольских и самого спаса Христа спасеных словес истиньный с расужениемь разум,— уже не собѣ единому бысть на спасение, но и инѣмь многимъ послушающим его. Сему случается еуаггельская притча глаголющи: «Всяк книжникъ, научися царствию небесному, подобенъ есть мужу домовиту, иже износить от скровищь своих ветхая и новая»; аще ли тщеславиемь сказаеть болшимъ угажая, а многи меншая презрить, буестью крыя господню мнасу, недадый жизньнымъ торжником, да удвоить царьское сребро, еже суть человѣчскыя душа, и видѣвъ господь горды его ум, возметь

ИЗ «ПРИТЧ» И «СЛОВ» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

КИРИЛЛА-МОНАХА ПРИТЧА О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ, И О ТЕЛЕ, И О НАРУШЕНИИ БОЖЬЕЙ ЗАПОВЕДИ, И О ВОСКРЕСЕНИИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО, И О СТРАШНОМ СУДЕ, И О МУЧЕНИИ

Господи, благослови, отче!

Хорошо же, братья, и очень полезно понимать нам Святого писания смысл: это и душу делает целомудренной, и на смирение направляет ум, и сердце на стремление к добродетели изостряет, и самого человека делает благодарным, и на небеса к божьим заветам мысль устремляет, и к духовным трудам тело укрепляет, и пренебрежение к этой земной жизни, и богатству, и славе дает, и все житейского мира печали отводит. Потому и прошу вас, постарайтесь прилежно читать святые книги, чтобы, божьим насытясь словом, вечной жизни несказанного блаженства достичь: если она и невидима, зато вечна и конца не имеет, прочна и недвижима. Давайте не просто проговорим языком, написанное произнося, но, с рассужденьем вчитавшись, постараемся делом исполнить это. Ибо сладко — медвяный сот, и хорошо — сахар, обоих же лучше книжное знание: потому что оно — сокровище вечной жизни. Если бы здесь кто нашел земное сокровище, то на все и не посягнул бы, но лишь один драгоценный камень взял бы — и вот уже без печали питается, как до самой смерти богатство имеющий. Так и нашедший сокровище священных книг, а также пророческих, и псаломских, и апостольских, и самого спасителя Христа сохраненных речей, ум истинный, размышляющий, — уже не себе одному на спасение, но и многим другим, внимающим ему. Сюда и подходит евангельская притча, говорящая: «Всякий книжник, познавший царство небесное, подобен мужу домовитому, который из сокровищ своих раздает и старое, и новое»; если же от тщеславия, большим угождая, малыми пренебрегает, дерзко скрывает серебро господина, не пустив его в оборот при жизни, чтобы удвоить царское серебро — человеческие души, то, узря горделивый его ум, возьмет господь

10*

свой от него талантъ; сам бо прозоривымъ противится, смиренымъ же даеть благодать. Аще бо мира сего властели учитися в нихъ и всѣмъ сердцемъ взискати ихъ, свидѣния и в житискыхъ тружающеися вещехъ человѣци прилѣжно требуують книжнаго поучения, колма паче нам подобаеть словес божиих, о спасени душь нашихъ писаныхъ. Но тружается мой мутны ум, худ разумъ имѣя, немогый порядних словесъ по чину глаголати, но яки слѣпъ стрѣлець смѣху бываеть, немоги намѣренаго улучити. Но не буди намъ особь подвигнути ненаказанъ языкъ, но от божественыхъ вземлюще писаний; со многою боязнью еуаггельскых касаемся бесѣдовати словес, приводнѣ господню притчю сказающе, юже Матфѣй церкви предасть.

Зачало. Рече господь: «Человѣкъ нѣкто домовит бѣаше, иже насади виноградъ, и остѣни его оплотом, и ископа точило, и остави входъ, и створи врата, но не затвори входа. И отходя в домъ свои, «Кого,— рече,— оставлю стража моему винограду? Аще оставлю отъ служащихъ ми рабъ, то свѣдуще мою кротость, истеряють благая моя. Но сице створю: приставлю ко вратомъ хромца и с нимъ слѣпца. Да аще кто от врагъ моихъ въсхощеть окрасти мой виноград, то хромець убо видить, слѣпець же чюеть. Аще ли от сею всхощеть внити кто в виноград, хромець убо не имать ногу доити внутрених; слѣпець же аще поидеть, то заблудивъ в пропастехъ убьеться». И посадивъ я у врат, дасть има власть на всѣх внѣшних; пищю же и одѣнья нетрудну съготова. «Точью,— рече,— внутрениихъ без моего не коснитеся повелѣнья». И тако отиде, повѣдѣвъ има свой по времени приходъ и тогда мьзду стражбы ради обѣщав има взяти, попрѣти же и мучениемь, аще его преступита заповѣдь. Си же до зде оставлеше, паки въсприимем еуаггельское слово, плодъ устенъ на умнѣй тряпезѣ вашего ока предлагающе.

Отвѣтъ. Человѣкъ домовит — бог всевидець и вседержитель, створивы вся словомъ, видимая же и невидимая. Домовит же ся именуеть,— яко не един домъ имать, по писанию. Глаголеть бо пророк: «Твоя суть небеса и твоя земля; вселеная и конець ея ты основа». И паки: «Небо ми — престол, а земля — подножие ногама моима». Моисий же пол вод под твердию сказуеть, а Давыдъ превыши небес воду повѣдуеть. Но смотри в писания, разумѣи: вездѣ сы домы божиа, не токмо в твари, но и в человѣцѣхъ. «Вселю бо ся,— рече,— в ня». Яко же и быст: сниде бо и вселися в плоть человѣчю и взнесе ю от земля на небеса,— да престол есть божий человѣча плоть; на вышнемь же небеси престол его стоить. А еже насади виноград — рай глаголеть:

от него свой талант; ибо сам он гордым противится, смиренным же дает благодать. Если же мира сего властелины и в житейских делах погрязшие люди усердно требуют книжного знания, насколько больше следует нам учиться у них и всем сердцем в него погрузиться, познавая речи господни, о спасении душ наших писанные! Но затрудняется мой неясный ум, слабый разум имея, не может нужных слов по порядку изложить и подобен слепому стрелку, над которым смеются, ибо не может попасть в свою цель. Пусть же не от себя изложу я необученным языком, но из священных извлекая писаний; с великой боязнью евангельских решаюсь коснуться речей, для начала господню притчу сказав так, как Матфей ее церкви донес.

Начало. Сказал господь. Был один домовитый человек; он насадил виноградник, и оградил оплотом, и выкопал яму для отжимки вина, оставил вход, — устроил и ворота, но не затворил входа. И возвращаясь домой, сказал он: «Кого оставлю я сторожем моего виноградника? Если оставлю кого-либо из служащих мне рабов, то, зная мою снисходительность, расточат они мое добро. Но вот что сделаю: приставлю к воротам хромца и слепца. Если кто из врагов моих захочет обокрасть мой виноградник, то хромец увидит, а слепец услышит. Если же кто-нибудь из них двоих захочет войти в виноградник, то хромец, не имея ног, не сможет проникнуть внутрь; слепец же, если и войдет, то, заплутав, в пропасти расшибется». И, посадив их у ворот, дал им власть надо всем, что вокруг виноградника, и пищу и одежду приготовил легкую. «Только, — сказал, — того, что внутри виноградника, не касайтесь без моего повеления». И потом ушел, сказав, что вернется со временем и тогда плату им за работу с собой принесет, но пригрозил им наказанием, если те запрет его преступят. Оставив их здесь, снова обратимся к словам Евангелия, словесный плод на умственном пиршестве вашим очам предлагающего.

Истолкование. Домовитый человек — бог всевидец и вседержитель, сотворивший все словом, видимое и невидимое. Домовитым он называется, ибо имеет не только дом, согласно Писанию. Говорит ведь пророк: «Твои небеса и твоя земля: вселенную и пределы ее ты основал», и еще: «Небо мне — престол, а земля — подножие ногам моим». Моисей же под твердью понимает дно вод, а Давид ставит воду превыше небес. Но посмотри в Писание и вдумайся: везде дома божьи, и не только в твари, но и в людях. «Ибо вселюся я, — сказал, — в них». Так же и было: сошел он, и вошел в плоть человеческую, и вознес ее от земли до небес, и престолом божьим стала плоть человеческая; на вышнем небе престол тот стоит. А что насадил виноградник — так это рай:

того бо то есть дѣло. Пишеть бо ся: «И насади бог рай в едемѣ». А иже остѣни его, рече, оплотомъ — своимь страхомъ. «Страхом бо его,— рече пророк,— движется земля, расѣдается камение, животная трепещють, горы куряться, свѣтила раболѣпно служать, облаци и вся вздушная тварь повелѣная творять». Стѣна бо — законъ речется. Закон же всему заповѣдь божия есть. «Предѣлъ бо,— рече,— положи и, его же не преидуть, ни обратяться». Остави же вход — сирѣчь свидѣния разум: вся бо тварь не преступаеть божия повелѣния: «Вся бо,— рече,— от тебе чають: даси имъ пищю въ время». Пища же не брашно речеться, но слово божие, имь же питается тварь. Глаголеть бо Моисѣй: «Не о хлѣбѣ единомь живъ будеть человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящимь из уст божии». Незатвореная же врата — дивныя божия твари устроение и над тѣми божия существа познанье. «От твари бо,— рече,— творца разумѣй: не качьство, но величьство и силу, славу же и благодать, юже творить угажая всѣмъ вышним и нижнимъ, видимымъ и невидимым. Аще бо и нарицаеться Христос человѣкомъ, то не образом, но притчею: ни единого бо подобья имѣеть человѣкъ божья. Не сумнить бо ся писание и ангелы человѣкы нарицати,— но словомъ, а не подобиемь. Аще бо блазняться етери, слышаще Моисѣя глаголюща: «Рече бог: створим человѣка по образу нашему и подобию»,— и прилагаютъ к бесплотному тѣло, не имуще стройна разума, и есть си ересь и донынѣ человѣкообразно глаголющим бога, иже никако не описается, ни мѣры качьству имать. Но си оставль, о первѣмь възглаголю.

И отходя в свои домъ, «Кого,— рече,— оставлю стрещи труда моего?» Сия совпрашания — отца и сына и святаго духа не о твари, но о владущеимъ тварью, сирѣчь о владыцѣ, ему же въсхотѣ предати землю и всяко дыхание поработити; не ангеломъ бо покори вселеную, и прокая. «Оставлю,— рече,— у врат хромца и с нимь слѣпца». Что же есть хромець и слѣпець? Хромець есть тѣло человѣче, а слѣпець есть душа. Преже бог созда тѣло Адамле безъдушно, потом же душю. По создании бо тѣла, глаголеть писание: «И дуну на лице его дух животенъ». Тѣм же тѣло без душа хромо есть и не наричеться человѣкъ, но труп. Смотри сдѣ и разумей от бытийскых книг. Створи бог тѣло внѣ рая и внесе е в едемъ, а не в рай. Едемъ же речеться — пища. Яко се кто бы на пир зовый преже уготоваеть обильну пищю, ти потом приведеть званаго — тако и бог преже уготоваеть ему жилище едемъ, а не рай. Рай бо мѣсто есть свято, яко же церкви олтарь. Церкви бо всѣмъ входна. Та бо ны есть мати, поражающи вся крещениемъ и питающи живущая в ней нетрудно, одѣвающи же и веселящи вся

ибо это и есть его труд. Пишется же: «И насадил бог рай в эдеме». А что оградил его,—говорит,—оплотом—своим устрашеньем. «Устрашением его,— говорит пророк,— движется земля, рассыпаются камни, животные трепещут, горы дымятся, светила раболепно служат, облака и воздушные твари предначертанное исполняют». Оплот же — значит закон. Закон — всем божий завет. «Предел же, — сказал, — положил, которого не перейдут и не передвинут». Но оставил вход, то есть знание разуму: никакая тварь не нарушит божьего повеления. «Все ведь, — сказал, — от тебя ожидают: ты дашь им пищу, и вовремя». Пищей же не еда называется, но слово божие, которым всякая тварь питается. Ибо говорит Моисей: «Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из божьих уст». Незапертые же ворота — чудесных божьих созданий порядок, и чрез это — познание сущности бога. «Через создание же, — сказал, — творца познай: не свойство, но величие, и силу, и славу, и благодать, которую творит самовластно, угождая всем вышним и нижним, видимым и невидимым. Если же и зовется Христос человеком, то не по виду, а иносказательно: никакого подобия божьего не может иметь человек. Решается же Писание и ангелов людьми называть, — но словом, а не подобьем. Если же соблазняются некие, слушая Моисея, говорившего: «Сказал бог: сотворим человека по образу нашему и подобию»,— и прикладывают к бесплотному тело без пригодного разума, то есть это ересь и доныне у тех, кто считает бога подобным человеку, который никак не описывается и пределов свойств не имеет. Однако, это оставив, о прежнем скажу.

И возвращаясь домой, «кого, — сказал он, — оставлю я сторожем дела моего?» Эти вопросы — отца и сына и святого духа — не о созданиях, но о владельце созданий, то есть о господине, которому пожелал передать землю и все живое покорить; не ангелам же предназначил он вселенную, и так далее. «Приставлю, — сказал, — к воротам хромца и с ним слепца». Кто это — хромец и слепец? Хромец — это тело человеческое, слепец же — душа. Сначала бог создал тело Адама бездушным, потом же — душу. Создав же тело, говорит Писание: «И вдунул в лицо его жизненный дух». Оттого-то тело без души хромо и не зовется человеком, но трупом. Проследи здесь и пойми Книгу Бытие. Сотворил бог тело вне рая и внес его в эдем, а не в рай. Эдем же и значит пища. Как и всякий, зовущий на пир, прежде приготовит обильную пищу и потом лишь приведет званого, — так же и бог сначала приготовил ему для жилья эдем, а не рай. Рай ведь — место святое, как и в церкви алтарь. Церковь же для всех открыта. Она всем нам мать, порождающая всех крещением и легко питающая всех в ней живущих, одевающая и радующая всех,

вселшаяся в ню. Глаголеть бо пророкъ: «Се работающии церкви ясти имуть и насытяться». И пакы: «О, чада церковная, съсущеи от сесцю ея тукъ и масть, помажете веселиемь главы своя». И Давыд: «Упиються, рече, от обилья дому твоего и потоком пищи твоея напоиши я». И пакы о одежи священьникъ и оболчении мних: «Иерѣи твои, господи, облекуться в правду», и прочая. Мниху же: «Соодѣлъ мя еси нужныя и нелѣпыя одежа и оболкъ мя в спасение и препоясал мя еси веселиемь». Въспойте же, рече, господеви пѣснь нову, хваления в церквах преподобными его. И се явѣ есть: от клиросник — епископа и от монастыря — мнихъ. Вижь, яко епископия и манастырь — едемъ есть, сирѣчь нетрудная жизнь; олтарь же святъ, сирѣчь едемьскы рай,— неудобь въходим, аще и врата незаключена имать. Тако бѣ посажен хромець с слѣпцемь у врат стрещи внутренихъ, яко же приставлени суть патриарси, архиепископи, архимандрити межю церковью и олтаремь стрещи святых тайн от враг Христов, сирѣчь от еретик и зловѣрных искусник, нечестивых грѣхолюбець, иновѣрных скверникъ. Послушайте же со вниманиемь, да по ряду бесѣду скажемь, и вы со вниманиемь смотрите. Аще бо и мутен имею умъ и язык груб, но ваших недѣяйся молитвахъ прошю дара слову. Аще и недостоин есмь о сих глаголати, но ползы ради послушающих пишем. Аще ли кто зла слуха имать, то не ищеть что бы ему на ползу обрѣсти, но зазираеть, чимь же бы нас потязал и укарял.

Сѣдящема же има етеро время, рече слѣпець к хромцю: «Что убо благоухание се изутрь врат помѣтаеть мя?» Отвѣща хромець: «Многа благая наю господина внутрь суть, их же вкушения — неизреченна сладость. Но понеже премудр есть наю господин,— посади тебе здѣ слѣпа, мене же хромого и не можевѣ никакоже тѣх насытитися благынь». Отвѣща глагола слѣпець: «То почто сего давно нѣси ми повѣдал, да быховѣ не жадали, но к сим даным нам в область и она особь въсхытивѣ! Аще бо аз слѣпъ есмь, но имамь нози и силенъ есмь, моги носити тебе и бремя». (Вижь, душевное бремя грѣхъ; того ради глаголеть пророкъ: «Яко бремя тяшко отягтѣся на мнѣ»). Рече же слѣпець: «Возми убо кошь и всяди на мя, и аз тя ношю, ты же показай ми путь, и вся благая господина наю обьемлевѣ; не мню бо, яко придеть сѣмо наю господин». Се помышления суть ищющихъ не о бозѣ свѣта сего санов и о телеси токмо пекущихся, не чающихъ отвѣта о дѣлѣхъ въздати, но акы суетну пару свою душу в вѣтръ полагающем. Того ради глаголеть Исайя: «Зависть приимуть люди ненаказаныя», завидим мы, грѣшнии, чести и славѣ праведныхъ, а не преже творим дѣлесъ их. «Аще ли,— рече,— придеть наю господин сѣмо

вошедших в нее. Ибо говорит пророк: «Вот служащие церкви поедят и насытятся». И снова: «О чада церковные, сосущие из сосцов ее жир и масло, окропите радостью ваши головы», и Давид: «Напьются, — сказал, — от обилия дома твоего, и потоком пищи твоей напоишь их». И еще об облачении священников и одежде монахов: «Служители твои, господи, облекутся в правду», и прочее. Монаху же: «Снял с меня тягостные и уродливые одежды, и одел меня в спасение, и препоясал меня радостью». Воспойте же, сказано, господу новую песнь — хвалите в церквах его добродетельными. И вот действительно так: из священников — епископ, и из монастыря — монах. Видишь теперь, что епископия и монастырь — эдем, то есть беспечальная жизнь; алтарь же свят как эдемский рай, в который трудно войти, хотя и ворота незамкнутые имеет. Так был посажен хромец со слепцом у ворот стеречь то, что внутри, как приставлены и патриархи, архиепископы, архимандриты меж церковью и алтарем стеречь святые тайны от врагов Христовых, то есть от еретиков и зловерных искусителей, нечестивых грехолюбцев и неверных осквернителей. Послушайте же со вниманием, мы по порядку речь нашу скажем, а вы со вниманием следите. Хотя беспорядочный ум у меня и язык грубоват, но, надеясь на ваши молитвы, прошу дара слова. Хотя и недостоин я об этом говорить, но для пользы слушающих напишу. Если же кто с пристрастием слушает, тот не ищет, что бы на пользу ему отыскать, но обдумывает, в чем бы нас обвинить и за что укорить.

После того, как они сидели некоторое время, сказал слепец хромцу: «Что это за благоухание из ворот виноградника овевает меня?» Отвечал хромец: «Много доброго внутри виноградника есть у господина нашего, а на вкус — несказанно приятного. Но так как господин наш мудр, посадил тебя здесь слепого и меня хромого, и не можем никак насытиться добрыми плодами». Отвечал слепец, говоря: «Что же ты давно не сказал мне этого, мы бы не терпели, но это, данное нам во владенье, давно бы разобрали! Хоть я и слеп, но имею ноги и силен, могу носить и тебя, и груз». (Понимай, что грех есть духовный груз; потому и пророк говорит: «Бремя тяжкое отяготило меня».) И сказал слепец: «Бери корзину и садись на меня; я тебя понесу, ты же указывай путь, и все добро господина нашего мы оберем; не думаю я, что придет сюда наш господин». Вот представления не бога ищущих, но о мирских чинах и о теле только пекущихся, не жаждущих воздать ответ за дела свои, но как будто суетный пар свою душу на ветер пускающих! Потому говорит Исайя: «Зависть восприимут люди неученые», завидуем мы, грешные, чести и славе праведных вместо того, чтобы подражать их делам. «Если же, — добавил слепец, — придет сюда наш господин,

укрыеться от него наю дѣло. Аще бо мене въспросить о тадбѣ, аз рку: «Ты вѣси, господине, яко слѣпъ есмь». Аще ли тебе въспросить, ты рцы: «Хромъ есмь и не могу доити», и тако премудруевѣ наю господина и приимевѣ мьзду наю стражбы». Въсѣдъ же хромець на слѣпца и дошедша окрадоста вся внутрьняя господина своего благая.

То не воюйте, братье, на мою грубость, нелѣп образ писания поставляющи ми. Яко же бо и по ногу вязяши птицѣ нѣст мощно на аиерьскую възлетѣти высоту, тако и мнѣ в телесныхъ вязящю похотех, невозможно о духовных бесѣдовати: не сольнуть бо ся грѣшнича словеса, не имуща благодати святаго духа. Обаче на предъреченая възвратимся, разрѣшающе притча соузъ.

Т. Сѣдящема же има, рече, долго время. Что есть долго время? — бестрашие божия заповѣди и о телеси печение, нерожение же о своей души. Никто же бо страх божий имѣя, в плотьскых прельститься; никто же правовѣренъ, чрес закон священьскаго ищеть взяти сана; никто же смерти чая и по смерти пакы въскресения, — тѣ в злых пребывають дѣлѣхъ. Но пакы то же реку разума дѣля. Рече слѣпець к хромцю: «Что убо благоухание изутрь помѣтает мя?» — и прочая. Се надмение Адамова высокомыслья, яко всѣми обладая земными, животными, морем же и в немь сущею тварью, в едемѣ благыхъ насыщаяся, преже освящения на святая дерзнув, из едема бо вниде в рай. Сего ради Писание глаголеть: «Изгна бог Адама из рая и осуди его дѣлати землю, от нея же взят быст». Вижь, яко не тамо повелѣно ему бѣ жити, отнелѣже его изгна. Тако бо вниде, яко же се церковникъ, недостоинъ ерѣиства и утаив грѣхъ свой, не брег же о божии законѣ, но имене дѣля высока и славна житья на епископскыи взиде санъ. Слогы подобны. Того ради смертью Адама осуди, понеже коснуся древа разумѣния добра и зла. Древо бо разумѣния добра и зла — есть разумны грѣх и волное богоугодья дѣлатель. Пишеть бо ся: «Горе в разумѣ согрѣшающим!» Сего ради погубив дуновениемь духа животнаго, его же вдхну бог на лице его, еже есть несвершен дар священия. Пишеть бо ся: «И дуну на лице его дух животен». Тако бо и Христос дунув на лице апостолом: «Приимѣте, — рече, — дух святы» — несвершен дар, точью обѣт священия; ждати бо им повелѣ самого святаго духа: «Иже пришед, — рече, — до конца освятить вы». Сице и святители святять падьяки и четции и дьяконы — несвершен даръ, но обѣт священия, да ся приготовають на свершеное святительство. Ничто же бо богови тако любо, яко же не възноситися в санѣхъ, ничто же тако не мерзить ему, яко же самомнимая величава гордость

укроется от него наше дело. Коли он меня спросит о покраже, я скажу: «Ты знаешь, господин, что я слеп». Если же спросит тебя, ты скажи: «Хром я и не могу войти внутрь», — и так перехитрим мы нашего господина и сами получим плату за свою работу». И сел хромец на слепца, и, войдя внутрь виноградника, обокрали все бывшее там добро господина своего.

Однако не негодуйте, братья, на мое невежество, из-за которого и повесть моя недостойный вид принимает. Ибо как и по ногам повязанной птице невозможно в воздушную взмыть высоту, так и мне, в телесных погрязшему желаньях, нельзя о духовном беседовать: не достигнут цели слова грешника, лишенные благодати святого духа. Все же к прежде сказанному вернемся, разъясняя сей притчи смысл.

Толкование. Сидели они, как сказано, долгое время. Что это — долгое время? — презрение к божьей заповеди и о теле забота, безразличие же к своей душе. Ибо никто, страх божий имея, плотским не прельстится, никто из искренне верующих незаконно не пытается получить сана — никто, ожидая смерти и после смерти опять воскресенья; другие же в злых погрязают делах. И снова то же скажу поучения ради. Сказал слепец хромцу: «Что это за благоухание из ворот овевает меня?» — и так далее. Вот раздувание Адамова высокоумия, который, владея всем земным, животными, морем и в нем находящейся тварью, в эдеме насыщаясь благости, до повеления бога на святое дерзнув, из эдема прошел в рай. Потому Писание говорит: «Изгнал бог Адама из рая и осудил его обрабатывать землю, из которой и взят был». Вдумайся: не там было повелено ему жить, откуда его изгнал. Но так же вошел, как и этот церковник, недостойный священства и утаивший грех свой, пренебрег божьим заветом, но ради высокого сана и славы земной взошел на епископский стол. Сравнение. За то Адама смертью осудил, что тот прикоснулся древа познания добра и зла. Древо же познания добра и зла — это познанный грех и добровольное действие в угождение богу. Ибо пишется: «Горе сознательно согрешающим!» Этим погубляет дуновенье животворного духа, который вдохнул в него бог, что есть несвершенная благость освящения. Ибо пишется: «И вдунул в него животворный дух». Так же и Христос, дунув на лица апостолам: «Примите, — сказал, — духа святого», — несовершенную благодать, всего лишь залог посвящения; ибо ждать повелел им самого святого духа: «Который, прийдя, — сказал, — до конца освятит вас». Так и святители освящают иподьяконов, чтецов и дьяконов, — несвершенный дар, но залог посвящения, чтоб могли себя приготовить на окончательное святительство. Ничто так не любо богу, как не возноситься в чинах, и ничто столь не омерзительно ему, как высокомерная заносчивая хвастливость

о взятии сана не о бозѣ. Смотри же оного слѣпца с хромцемь, како преобидѣста господина своего заповѣдь и прещение: взем бо хромца и бремя понесе, и дошед внутренихъ, приближися к древу, вкуси плода, и се добро зѣло, и тако окрадоста, их же повелено има стрещи. Привод. Того древа вкуси Каин; не сый священый на священьчскый дерзну чинъ, поревнова священному Авелю, его же уби завистью. Того древа вкусиша сынове Корѣови, иже с Дафаном и Авироном; взем бо кадилницю и поидоша в скинию неосвящении суще,— и пожре я земля. Того древа вкуси Или жрець, иже вѣдый своя сына безаконьствующа во иерѣйствѣ, не отлучи ею священства. Того древа вкусиша еретици, иже злохитрьемь аки вѣдуще душевный путь заблудиша и не приимше покаяния погибоша. Но сия сократив, на первое взвратимся сказание.

Аще и отнемогл есть моего глагола уд, но пророк взущаеть мя, такоже глаголя: «Утрудихся вопия, измолче ми гортань».

Обличение грѣхъ. Слышавъ же господин, яко окраден есть виноград его, повелѣ изринути от врат хромца и изгнати от стражбы слѣпца.

Разумѣите же нынѣ, безумнии в людех сановници, буии во иерѣехъ! Когда умудритеся? Навсажи ухо не слышит ли? И создавы око не смотрит ли? Наказая языкы не обличит ли? Учай человѣка разуму не уразумѣет ли нашего грѣхопадения? Господь бо свѣсть злохытрыхъ помышления, яко суть лестна, и тъ изъмѣтаеть неправедныя изъ власти и изгонить нечестивыя от жертвеника. Никий же бо санъ мира сего от муки избавить преступающих божия заповѣдии. Но молю вашю любовь, со вниманиемь пишемых смотрите и яже слышите разумѣите.

Повелѣ бог изринути из рая Адама, понеже неповелѣнаго ему коснуся, сирѣчь преже велѣния вниде в мѣсто святое. И усели противу райстѣй пищи,— «Еда како,— рече,— простре руку и возметь от древа породнаго и жив будеть в вѣки»,— сирѣчь некли помянеться и смирився покаеться, о них же согрѣши. Оле многое владычне человѣколюбие! И казнить ны и милуеть, грѣха ради озлобляеть ны — и паки покаянья ради приемлеть; не хощеть бо смерти грѣшнича, но обратитися велить и живу ему быти.

Что есть древо животное? — Смиреномудрие, ему же корень исповѣданье. «Исповѣмь бо,— рече,— на мя безаконье мое, и ты отпустил еси нечестье сердца моего». Того корене стебло — благовѣрье. «Вѣра бо твоя,— рече,— спасеть тя»; все бо вѣрующему даеться. Того стебла многи и различны вѣтви — мнози бо, рече, образи покаяния: слезы, пост, молитва чиста, милостыни, смирение, вздыхания и прокая. Тѣх вѣтвий

в захвате сана не по-божьи. Посмотри на того же слепца с хромцом, как пренебрегли господина своего приказом и запрещеньем: взяв же хромца и груз, понес, и, зайдя внутрь, приблизился к древу, вкусил плод, а он весьма хорош, и так обокрали то, что велено было стеречь им. Сопоставление. От того древа вкусил Каин; не будучи посвящен, на святительский посягнул сан, позавидовав священному Авелю, которого по зависти и убил. Того древа вкусили сыновья Корея, бывшие с Дафаном и Авироном: взяв же кадильницы, пошли в скинию, будучи непосвященными, — и поглотила их земля. Того же древа вкусил жрец Илий, который, зная, что его сыновья нарушают закон иереев, не отлучил их от священного сана. Того древа вкусили еретики, которые в обмане, будто зная духовный путь, заблуждались и, не раскаявшись, погибли. Но это все сокращая, к прежнему возвратимся рассказу.

Хоть и изнемог язык мой, но пророк вдохновляет меня, так же говоря: «Изнемог я от вопля, охрипла моя гортань!»

Обличение грехов. Услышал же господин, что обокраден его виноградник, повелел отбросить от ворот хромца и изгнать из сторожей слепца.

Понимайте же теперь, безрассуднейшие из сановников, глупейшие из священников! Когда поумнеете? Давший ухо не слышит ли? Создавший око не смотрит ли? Повелевающий народами не обличит ли? Поучающий человека разуму не уразумеет ли нашего заблуждения? Господь ведь постигнет обманные помыслы, как лживые, и извергнет неправедных от власти, отгонит нечестивых от жертвенника. Ибо никакой сан в этом мире не избавит от мучений нарушающих божии заповеди. Но прошу вашей милости, внимательно всмотритесь в написанное и все, что слышите, обдумайте.

Повелел бог изгнать из рая Адама, потому что запретного коснулся, то есть до разрешения вошел в освященное место. И поселил его рядом с райской пищей. «Лишь только, — сказал, — протянет руку и вкусит с райского древа, и жить будет вечно», — если, конечно, опомнится и, смирившись, покается в том, что согрешил. Но велико человеколюбие бога! И казнит нас, и милует, за грехи порицает и — вновь в покаянье принимает; не желает он смерти грешника, но повелевает исправиться и в жизни пребыть.

Что такое древо жизни? Смиренномудрие, начало которому покаяние. «Признаюсь же, — сказал, — в беззаконье моем, и ты простил мне нечестье сердца моего». Ствол того корня — благоверие. «Вера же твоя, — сказал, — спасет тебя», все же верующему дастся. От того ствола много различных ветвей, много ведь, сказано, видов покаяния: слезы, пост, чистая молитва, милостыни, смирение, воздыхание и прочее. Тех ветвей

добродѣтелий плод: любы, послушанье, покорение, нищелюбье — мнози бо суть путье спасения. Вижь, яко не в раи бѣ животное древо, ни в едемѣ, но во оземьствии, рекше отлучении сана. Изрину паки и Каина, въпросивъ его убийства братня, и по обличении показа ему животное древо, рек сице: «Будий стоня и трясайся», сирѣчь покайся о злобѣ, о зависти, о льсти, о убийствѣ, о лжи, смирися, постися, бди, на земли лежи. Но понеже сего не створи, но изыде от лица божия — недальствомь земля, но неимѣньемь страха божия при свои души. Благым дѣлом не сущим в насъ, ни покаянию о грѣсѣхъ, в коем си сану будем, далече бога есмы. Близь бо господь скрушеных сердцемь; смиреныя духом спасеть, волю боящихся его створить. Лице же господне на творящая злая: потребити от земля память ихъ. Сице и Павел изринулъ от святаго жертвеника Уменѣя и Филита и съблудившая в Коринфи священникы и оземьствова я противу святу олтарю, сирѣчь постави я с клирики, рек: «Имѣйте таковыя на студ, но утвердите к ним любовь, да не погрязнуть злою печалью, но да ся покають — и живи будуть!» Не всхотѣ сего древа животнаго вкусити Александро ковачь, о нем же рече Павел: «Да вздасть ему господь в день судный по злобѣ его». Не вкуси того древа Трефис ефесин и Николае, быв от семи дьякон, иже отвергъся Христа и быв кумирожрець в Селуни, а он предаяше мучителем крестьяны; о нею же пишеть Иоан, глаголя: «От нас изидоша и быша на ны». Того породнаго не приимше еретици; прокляти быша и умроша душевною смертью, не разумѣша бо пророка глаголюща: «Вкусите и видите, яко благ господь!» Нѣст бо грѣха, иже сдолѣеть божии милости. Точию не отчаим себе, яко Июда; ни невѣруим телесному въскресению, аки садукѣи,— но покаяньем толцѣмь в божия двери, дондѣже отверзеть нам райская врата. Не лож бо рекы господь: «Толцѣте, отверзется вамъ; ищѣте и обрящете, просите и дасться вамъ». Но да не предложениемь словес умножю писанье и зѣло предолжю бесѣду, но на предъ реченая възвратимъся.

Видѣв же онъ человѣкъ свой украденъ виноград, въсхотѣ отлучити слѣпца от хромца,— повелѣ первое привести слѣпца, да его опытаеть, кто есть преслушалъ заповѣдь его и присягл к невходьным бес повелѣния его. Ничто же бо възможет божия таитися ока, и никто же насъ тако свѣсть себе, яко же бог всѣхъ нас свѣсть.

Т. Повелѣ разлучити бог душю от тѣла. Словом бо божиимь исходить от тѣла душа: «И отимеши бо,— рече,— дух ихъ и ищезнуть и в персть свою възвратяться». Да егда видиши тѣло погребено в земли, не мни ту суща и душа: не от земля бо есть душа, ни в землю входить. Но аще

добродетельный плод: любовь, послушанье, покорение, нищелюбье, — много путей спасения. Видишь: не в раю было древо жизни, не в эдеме, но в изгнанье, то есть в отлучении от сана. Изринул он также и Каина, узнавши об убийстве им брата, и, обличив, показал ему древо жизни, сказав так: «Стенай и содрогайся!», то есть покайся в злобе, в зависти, в обмане, в убийстве, во лжи, смирись, постись, бодрствуй, лежи на земле. Но так как ты этого не совершил, то отошел от лица божьего — не отдаленностью земли, но отсутствием страха божья в своей душе. Если благих дел нет в нас и нет покаянья в грехах, то в каком бы мы ни были чине, далеко от бога мы. Только близ сокрушенных сердцем господь; смиренных духом — спасет, желанья страшащихся его — исполнит. Лицом же господь обращен на злодеев, чтоб истребить на земле и память о них. Так и Павел отогнал от священного жертвенника Именея и Филита и наблудивших в Коринфе священников, и поместил их рядом со святым алтарем, то есть поставил их средь освященных, сказав: «Стыдите их, но возлюбите, чтобы не погибли в злой доле, пусть покаются — и живы будут!» Не захотел этого древа жизни вкусить кузнец Александр, о котором сказал Павел: «Да воздаст ему господь в день судный по греху его!» Не вкусил того древа и Трефис из Эфеса, и Николай, один из семи дьяконов, которые отреклись от Христа, ставший жрецом в селунской кумирне, который предавал христиан мучителям; о них же обоих пишет Иоанн, говоря: «Из нас вышли и встали на нас». Того райского древа не приняли и еретики, прокляты были и умерли духовной смертью, не постигнув пророка, сказавшего: «Вкусите и признайте, что — благ господь!» Ибо нет греха, который преодолел бы божьи милости. Но только не отчаемся, подобно Иуде; не усомнимся в вокресении плоти, подобно саддукеям,— но покаяньем постучимся в божьи врата, пока не откроет нам райские двери. Не ложно сказал господь: «Постучитесь — и откроется вам! ищите — и обрящете! просите — и дастся вам!» Но не буду умножать повесть изложением речей, что затянет беседу; давайте к сказанному уже возвратимся.

Увидел же тот человек, что обокраден его виноградник, и пожелал разлучить слепца и хромца; и велел сначала привести слепца, чтобы его допросить, кто нарушил его приказание и посягнул на запретное без его повеленья. Ибо ничто не сможет утаиться от божьего ока, и никто из нас так не знает себя, как бог всех нас знает.

Толкование. Повелел разлучить бог душу с телом. Словом же божьим исходит из тела душа: «И отнимешь, — сказал, — дух их, и исчезнут они, и в персть возвратятся». Когда же видишь тело, в земле погребенное, не думай, что здесь же и душа, ибо не от земли душа и не в землю входит. Но если же

и святыхъ видиши чюдотворныя мощи, не ту ихъ твори душа, но божию разумѣй благодать, тако прославляющю своя угодники: «Славящая бо мя,— рече,— прославлю». Повелѣ привести слѣпца: по ищезновении от тѣла душа всякого человѣка пред богъ приходить с приставленым к ней ангелом, вѣрнаго же и невѣрнаго, сущаго в законѣ и всякого безаконника. «Господь бо,— рече,— испытаеть праведнаго и нечестиваго»; вси бо роди языкъ от единоя быша крове рожении и рассѣяшася жити по лицю всея земля, им же бог створи себе благотворити, дая дождь с небеси и времяна обильная. «Сияеть бо,— рече,— солнце свое на добрыя и злыя», и прокая. Но никто же о глаголѣхъ сих да не зазрить ми,— но испытайте писания и обрящете мя от божиихъ вземлюща книг. Пишить бо Моисий: «Постави предѣлы языком по числу ангел божии». Иеремѣя же: «Единъ есть,— рече,— господь всѣх, иже под небесемь язык», аще бо остави я в своей когождо прельсти, но душа ихъ пред нимь явиться, и тъ судить по дѣломъ их. Павел же: «Что бо мнѣ,— рече,— внѣшним судити, но утреним и вы судите, а внѣшним бог судить». Утрьни глаголеть в законѣ а внѣшныя — безаконнии языкы. Слышати бо подобаеть божие имя нынѣ разлучающимся от телес душам, да и в послѣдни день въскресше с телесы неблазньно поклоняться богови, а не им же ныня работаша прельщени бѣсом, по апостолу глаголюща: «И тогда увидить всяко око, и всякъ языкъ поклониться, исповѣдая, яко господь Исус Христос в славѣ бога отца един». Но си вси учившеися вѣдять,— аз же о слѣпцѣ початую бесѣду противу силѣ по вмѣщению ума въкратцѣ скажю, аще и поимы творящих ми дозрю; вѣдѣ бо, яко не суть от премудрости, но от грубости сия сказания. Но обаче на основании пророчестѣ и апостольстѣ зижем, имуще уголника самого Христа.

Приведену же бывъшу слѣпцю, быст опытание. «Не добра ли тя,— рече,— стража створихъ моему винограду? То почто его еси окрал?» Отвѣща ему слѣпець: «Господи, ты вѣси, яко аз слѣпъ есмь и не вижю без водящаго мя камо ити, и не вѣдѣ ни единого мѣста, аще и хотѣлъ бых. Ни чюх же никого же минующа мене враты, да быхъ крѣпко въ слѣд его въпил. Но мню, господи, яко хромець есть крал». Вижь ложное нынѣ спирание души пред богом и клеветание на тѣло.

Т. Сице же есть душевъны глагол: «Господи, аз духъ есмь. Да ни ясти ни пити хотѣл есмь, ни чьсти ни славы земныи искалъ есмь, ни телесное не разумѣх похоти, ни дьяволи створих воли,— но та вся тѣло есть створило!»

и святых видишь чудотворные мощи, не тут их осталась душа, но божию разумей благодать, столь восславившую своих угодников: «Славящих меня, — сказал, — прославлю». Повелел привести слепца: отойдя от тела, душа всякого человека пред богом является с приставленным к ней ангелом, человека верующего и неверующего, живущего праведно и неправедного. «Господь же, — сказано, — допросит праведного и нечестивого», ибо все племена народов от одной были крови рождены и распространились жить по лицу всей земли, и бог им назначил благотворить его тем, что давал дождь с небес и счастливую пору урожая. «Направляет же,— сказано,— солнце свое на добрых и на злых», и прочее. Пусть никто за слова эти не осуждает меня, — но взгляните в Писание и найдете, что я из святых черпаю книг. Пишет же Моисей: «Поставил пределы народам по числу ангелов божьих». Иеремия же: «Один лишь господь, — сказал, — у всех поднебесных народов», хотя и оставил их каждого в его заблужденье, но души их перед ним предстанут, и он рассудит по делам их. Павел: «Зачем же мне, — говорит, — внешних судить, ведь внутренних вы сами судите, а внешних судит бог». Внутренними называет он тех, кто в вере, а внешними — языческие народы. Слышать же подобает божье имя теперь расстающимся с телами душам, чтоб в Судный день, воскреснув в теле, негреховно поклониться богу, — и не подобает душам, прельщенным дьяволом, плоти своей служить, ибо говорит апостол: «И тогда увидит любое око, и всякий народ поклонится, признавая, что господь Иисус Христос в славе бога отца — един». Но это всякий учившийся знает,— я же о слепце начатую беседу по силе моего разумения вкратце истолкую, хотя и предвижу попреки, ко мне обращенные; знаю ведь, что не от мудрости, но от невежества это мое повествованье. Однако тут на основе пророческой и апостольской строим, за краеугольный камень полагая самого Христа.

Когда же приведен был слепец, начался допрос. «Не поставил ли я тебя, — сказал господин, — как доброго сторожа моему винограднику? Зачем же ты его обокрал?» Отвечал ему слепец: «Господин! ты знаешь, что я слеп и без поводыря не вижу, куда идти, и не знаю ни одного места, если бы и хотел пойти. Не слыхал я, чтобы кто-нибудь шел мимо меня в ворота, иначе вслед ему я начал бы громко кричать. Но вот что я думаю, господин, что хромец своровал». Узнай в этом лживый разговор души перед богом и клевету на тело.

Толкование. Так же есть духовное слово: «Господи, я — дух. И ни есть и ни пить не желал я, ни чести, ни славы земной не искал я, и плотских устремлений не понимал, и дьявольской воле не потворствовал, — все это делало тело!»

Тогда повелѣ господин блюсти слѣпца во укромнѣ мѣстѣ, идеже сам вѣсть, дондѣже придеть сам к винограду и призоветь хромца, и тогда судить обѣма.

Того ради до второго пришествия Христова нѣст суда ни мучения всякой души человѣчи, вѣрнаго же и невѣрнаго. Вѣруйте же в правду въскресению человѣчьскых телес. «Послеши бо,— рече,— дух свой, и създижються, и обновиши лице земли». В Иезекили бо нам въскресения надежю показал есть. «Прорци,— рекъ,— сыне человѣчьскъ на мертвыя сия кости, да будуть на них телеса и опнется на нихъ кожа, да придеть дух от четырь вѣтръ и внидеть в мертвыя си, да оживуть!» Се же все самъ творець дѣйствуеть, не инако чина превращая, но инако исконьное дѣло свое понавляя. Преже бо созда тѣло Адамле, ти потомъ вдуну душю. Тако во утробѣ женьстѣй: перво от сѣмени зижеть тѣло, по пяти мѣсяць творить душу. Во крещении же первое поражаеть водою, потомь же обнавляеть духомь от тлѣнья грѣховьнаго. Тако и в послѣдни день: первое обновить землю и сбереть персть человѣчю и съзижеть всѣх нас телеса в мегновеньи ока, потом душа наша в свою когождо внидуть храмину,— по Павлю глаголющю, яко сам господь в гласѣ архангеловѣ, в трубѣ божии сниде с небеси, и мертви о Христѣ воскреснуть преже, потом же и мы живии. Кто суть мертвии? Вси языци, не бывъше под божиимь закономь, ни приимше крещенья. «Елико, бо,— рече,— безаконьно съгрѣшиша, безаконьно погибнуть». Живыя же крестьяны нарицаеть. Вижь всѣхъ человѣкъ телесем въскреснути и вѣруим Павлову послушеству, словесем господним глаголющем: «Иже ли не створить искони богом создана человѣка, то не разумѣеть и крещениемь в животъ порожена; тѣм же и не чаеть послѣдняго с телесы въскресения въстающим всѣмъ человѣком в бесконечны живот — овѣмъ в честь и славу, овѣмъ в студ и в муку». Но да и прокое речем.

Егда приде господин взяти плод от винограда и видѣвъ его окрадена, и призва хромца и совъкупи с слѣпцемь, и начаста сама ся обличати. Хромець глаголаше слѣпцю: «Аще не бы ти мене носил, никако же аз могл быхъ тамо доити, понеже хромъ есмь». Слѣпець же глаголаше: «Аще не бы ты мнѣ пути казал, не быхъ тамо аз доити могл». Тогда господин сѣд на судьнѣмъ столѣ и начатъ има судити. И рече: «Яко же еста крала, тако да сядьть хромець на слѣпца». Всѣдшю же хромцю, повелѣ пред всѣми своими рабы немилостивно казнити в кромѣшней мученья темницѣ.

Разумѣйте же, братья, сея притча сказание. Человѣкъ есть домовит — бог отец, всячьскых творець. Его же сын добра рода — господь наш Исус Христос. А виноград — землю и миръ нарицаеть.

Тогда повелел господин постеречь слепца в тайном месте, о котором сам знал, пока не вернется в виноградник и не призовет хромца — и тогда будет судить обоих.

Потому до второго пришествия Христа нет ни суда, ни мучения никакого человеческой душе, верующей и неверующей. Веруйте же в истину воскресения человеческой плоти. «Пошлешь же, — сказано, — дух свой; и соединятся, и обновишь лицо земли». На примере Иезекииля показал нам надежду воскресением. «Предреки,— сказал,— сын человеческий, мертвым этим костям, чтоб наросла на них плоть и натянулась кожа, чтобы явился дух от четырех ветров и вошел в этих мертвых — пусть оживут!» Это все сам творец совершает, не изменяя порядка, но все же первоначальный свой труд обновляя. Сначала он создал тело Адама и только потом вдохнул ему душу. Так и в утробе женской: сперва из семени образуется тело, через пять месяцев создаст он душу. В крещении же сначала порождает водою, потом — возрождает духом от тленья греховного. Так же и в Судный день: сначала возродит землю, и соберет прах человеческий, и создаст все наши тела во мгновение ока, потом и души наши — каждая войдет в свое вместилище, — по Павлу, говорящему, что сам господь в архангельских кликах, под божьи трубы сошел с небес, и мертвые во Христе воскреснут раньше, потом же и мы, живые. Кто эти мертвые? Все народы, не принявшие божьего закона, не познавшие крещенья. «Кто же, — говорится, — беззаконно согрешил, тот беззаконно погибнет». Живыми же христиан называет он. Смотри же: плотью все люди воскреснут, и верим мы показанию Павла, сказавшего по божьему слову: «Кто не постигнет от начала богом созданного человека, тот не поймет и порожденного в жизнь крещением; потому и не верит он в последующее во плоти воскрешение встающих на вечную жизнь всех людей: тех — в честь и славу, этих — в поругание и мучение». Но скажем же и об остальном.

Когда пришел господин взять плоды в винограднике и увидел его обокраденным, призвал хромца и соединил его со слепцом, и начали они обличать друг друга. Хромец говорил слепцу: «Если бы ты меня не понес, никак бы я не мог туда добраться, так как я хром». Слепец же говорил: «Если бы ты не показывал мне дорогу, то никак бы я не мог добраться туда». Тогда господин, сев на судейское кресло, начал судить их обоих. И сказал: «Как вы крали, так и теперь — пусть сядет хромец на слепца». И когда хромец воссел, приказал перед всеми рабами нещадно наказывать во внешней мученья темнице.

Познайте же, братья, толкование этой притчи. Человек домовитый — бог отец, творец всех. Его же сын доброго рода — господь наш Иисус Христос. А виноградник — это земля и мир.

Оплотъ же — закон божий и заповѣди. Слугы же сущая с нимь — ангели глаголеть. Хромець же есть — тѣло человѣче. Слѣпца же душю его мѣнить. А иже я посади у врат — человѣку бо предаеть бог в область всю землю, дав ему закон заповѣди. Преступившю же человѣку повелѣние божие и того ради смертью осужену бывшю, первое душа к богу приводится и спирается глаголющи: «Не аз, но тѣло есть створило». И того ради нѣст мучения душам до второго пришествия, но блюдомы суть, иже богъ вѣсть. Егда же придеть обновити землю и въскресити вся умершая, яко же самъ бог преже глагола, тогда «вси сущи в гробѣхъ услышать глас сына божия и оживуть, изидуть створше благая въскресение живота, а створши злая — въскрешение суда». Тогда бо души наши в телеса внидуть и приимуть въздание кождо по своим дѣломъ — праведници в вѣчную жизнь, а грѣшници в бесконечную смертную муку. Ими же согрѣшить кто, тѣмь и мученъ будеть.

Сице же и мнѣ о сих сказавъшю не от умышленья, но от святых книг. Да нѣст се мое слово, но бесѣда; нѣсмь бо учитель, яко же они церковни и священнии мужи.

А оплот виноградника — закон божий и заповеди. Слуги же, сущие с ним, — ангелы. Хромец — это тело человека. А слепец — душа его. А что их посадил у ворот — это значит, что он отдал во власть человека всю землю, дав ему закон и заповеди. Когда же человек преступил заповедь божью и за это осужден на смерть, то сначала душа его к богу приводится и оправдывается, говоря: «Не я, но плоть согрешила». Потому и нет мучения душам до второго пришествия, но они сохраняются,— бог знает, где. Когда же он придет обновить землю и воскресить всех умерших, как сам нам предрек, тогда: «Все сущие в гробах услышат голос сына божия, и оживут, и выйдут сотворившие благо в воскрешение жизни, а сотворившие зло — в воскрешенье суда». Тогда же души наши войдут в тела и каждый получит воздаяние по делам своим: праведники — вечную жизнь, а грешники — бесконечную и бессмертную муку: «Чем же кто согрешит, тем же и муку примет».

Все это я истолковал не по своему замышлению, но по святым книгам. И это не слово мое, но только беседа, ибо я не такой учитель, как те церковные и священные мужи.

СВЯТОГО КИРИЛА МНИХА СЛОВО О СЪНЯТИИ ТѢЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА И О МИРОНОСИЦАХ, ОТ СКАЗАНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКААГО, И ПОХВАЛА ИОСИФУ ВЪ НЕДѢЛЮ ТРЕТЬЮЮ ПО ПАСЦѢ

Праздьникь от праздника честьнѣй приспѣлъ есть, подавая благодать божиию святѣй церкви. Яко же бо и пленица златы, растворены жьньчюгомъ, съ многоцѣньнымь каменьемь, веселять зрящих на ня очи,— нъ паче сих духовьная нам красота, праздьници святии, веселяще вѣрьных сердца и душа освящающе. Пьрвое бо въскрьсениемь Христовомь просвѣтися мир и пасъка бысть, вся вѣрныя освящающи; таче Фоминомь испытаниемь ребр господень обновися тварь: коснувшю бо ся ему рукою язвах, всѣм извѣсто бысть телесьное въстание.

Ныня же Иосифа благообразьнаага с мюроносицами похвалим, послуживъшааго по распятии тѣлу Христову, его же евангелист богата нарицаеть, пришьдьша от Аримафѣя. Бѣ бо, рече, и тъ ученикъ Исусов и чая царствия божия. И въ время страсти вольныя спасовы видѣ страшьная в твари чюдеса: солнце помьркъше и землю трясущюся, страха исполнивъся и дивяся приде въ Иерусалим. И обрѣте тѣло Христово на крестѣ наго и прободено висяше и Марию матерь его съ единѣмь ученикомь тому прѣдъстоящю, яже от болѣзни сердца горцѣ рыдающи сице глаголааше: «Тварь съболѣзнуеть ми, сыну, твоего зрящи бес правды умьрщвения. Увы мнѣ, чадо мое, свѣте и творче тваремъ! Что ти ныня въсплачю? Заушения ли, ци ли за ланиту ударения и по плещема биения, уз же, и тьмницѣ, и заплевания святаго ти лица, яже от безаконьникъ за благая приятъ? Увы мнѣ, сыне! Не повиньнъ сы поруган бысть и на крестѣ смерти въкуси. Како тя тьрниемь вѣнчаша, и зълчи с оцтомь напоиша, и еще и пречистая ти ребра копиемь прободоша! Ужаснуся небо и земля трепещеть, июдѣйска не тьрпяше дерзновения; солнце помьрче и камение распадеся, жидовьское окаменение являюще. Вижю тя, милое мое чадо, на крестѣ: нага висяща, бездушна, безрачна,

СВЯТОГО КИРИЛЛА-МОНАХА СЛОВО О СНЯТИИ ТЕЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА И О МИРОНОСИЦАХ НА ТЕМУ ЕВАНГЕЛЬСКУЮ, И ПОХВАЛА ИОСИФУ АРИМАФЕЙСКОМУ В НЕДЕЛЮ ТРЕТЬЮ ПО ПАСХЕ

После прошедшего праздника праздник достойней приспел, доставляя божию благость святой церкви. Ибо если и цепи златые, унизанные жемчугом, с драгоценным каменьем, радуют очи глядящих на них,— тем выше духовная нам красота, праздники святые, что радуют сердца верующих и души освящают. Так сначала воскресением Христовым очистился мир и настала Пасха, освящая всех в вере; затем Фоминым опознаньем ребер Христа возродилось творенье: как только коснулся рукою он ран, всем подтвердилось Христа воскресение во плоти.

Ныне же Иосифа благообразного с мироносицами восславим, послужившего после распятия телу Христову; его евангелист называет богатым, родом из Аримафеи. Был, говорит, и он ученик Иисусов, ожидавший царства божия. Пока длились добровольные страдания спасителя, он увидел ужасные перемены в творенье: померкшее солнце, сотрясенную землю, — и страха исполнясь и удивляясь, пришел в Иерусалим. И нашел он тело Христово уже на кресте, нагим и пробитым, а пред ним, с единственным учеником Иисуса, Марию, мать его, которая с болью сердца, горько рыдая, так говорила: «Мир соболезнует мне, сын мой, видя неправду казни твоей. Увы мне, чадо мое, свет и создатель творенья! Как же оплачу я ныне тебя? Закланье ли, или удар по щекам, и битье по плечам, цепи твои и темницу, или плевки в святое лицо, что от хулителей принял за доброе дело? Увы мне, мой сын! Неповинный, ты поруган и принял смерть на кресте. Как тебя терньем венчали, напоили желчью с уксусом, а еще и пречистые ребра твои копьем прокололи! Содрогнулось небо и земля трепещет, иудейской не перенеся дерзости; солнце померкло и камни распались, еврейское окаменение являя. Вижу тебя, милое чадо мое, на кресте: наг ты висишь, бездыханен,

не имуща видѣния, ни доброты, и горько уязвляюся душею. И хотѣла быхъ с тобою умрети,— не терплю бо бездушьна тебе зрѣти. Радость мнѣ отселѣ никако же прикоснеться,— свѣтъ бо мой и надежда и живот, сын и бог, на древѣ угасе. Где ми, чадо, благовѣствование, еже ми древле Гаврилъ глаголаше: «Радуйся, обрадованная, с тобою господь!» — цесаря тя и сына вышняаго нарицая, спаса миру, и животворца всѣмь, и грѣхомъ потребителя! Ныня же зрю тебе акы злодѣя, межю двѣма повѣшьна разбойникома и копием прободена въ ребра мьртвьца, и сего ради горко измемагаю. Не хощю бо жити, нъ варити тя в адѣ. Ныня моего чаяния, радости же и веселия, сына и бога лишена быхъ. Увы мнѣ! О страньнѣм ти рожествѣ тако не болѣх, яко же ныня, владыко, растьрзаюся утробою, твое видящи тѣло пригвождено к дрѣву. Твое бѣ преславьно рожество, Исусе, и ныня страшьно умерщвение: — единъ от несѣяныя проиде утробы, цѣлы печати моего съблюд дѣвьства и матерь мя своего въплъщения показав, и пакы дѣвою схрани. Знаю твое за Адама пострадание, нъ душевьною рыдаю объята горестию, дивящися твоего таиньства глубинѣ. Слышите, небеса и море с землею, внушайте моих сльзъ рыдание: се бо творець вашь от священик страсть приемлеть, единъ праведьнъ за грѣшникы и безаконьникы убиен бысть. Днесь, Симеоне, постиже мя проречение: копие бо мою ныня проходить душю, твоего от воинъ зрящи поругания. Увы мнѣ! Кого к рыданию призову? Или с кымь моихъ сльзъ излѣю потокы! Вси бо тя оставиша, ужикы же и друзи, твоихъ, Христе, насладивъшеся чюдес. Где нынѣ ликъ седмьдесятныхъ ученик? Кдѣ ли верховьнии апостоли? Ов бо тя льстию фарисѣомъ предасть, другый же страха ради пред архиерѣи с клятвою отвержеся, не зная тебе человѣка. И едина, боже мой, раба твоя, рыдающи предъстою с хранителемь твоих словес и възлюбленымь ти наперсникомъ. Увы мнѣ, Исусе мой, драгое имя! Како стоить земля, чюющи тя на себе на крестѣ висяща, иже на водахъ ту въ начатьцѣ основал еси, иже многыя слѣпьца просвѣтив, и мьртвыя словомь въскрѣсивъша твоего божества мановениемь? Придѣте, видите божия смотрения таиньство, како оживлий вся проклятою умерщвен бысть смертию».

И си слышавъ Иосиф приближися къ горко рыдающей матери,— его же видѣвъши мольбьными тому оплѣташеся глаголы: «Потъщися, благообразне, къ Пилату безаконьному судии, и испроси съ креста съняти тѣло учителя своего, моего же сына и бога. Подвигнися и прѣдъвари, причастьниче Христову учению, тайный апостоле, обещьниче божию царствию, и испроси уже бездушьное тѣло, пригвожденнное к дрѣву и прободеное в ребра. Спостражи, благовѣрьне, сугубаго ти ради вѣнца, его же по въскрьсении Христовѣ въсприимеши: от всѣхъ конец земля чьстьную славу и поклонение

незряч, не имея ни облика, ни красоты, и, горькая, я уязвляюсь душою. Как хотела бы я с тобой умереть — не могу бездыханным видеть тебя. Никакая больше меня не коснется радость, ибо свет мой, надежда и жизнь, сын и бог, на кресте угас. Где же, чадо, та весть, что некогда мне предрек Гавриил: «Радуйся, благодатная, с тобою господь!» — царем тебя называя и сыном всевышнего, спасителем мира, и всего животворцем, и грехов победителем! Ныне же вижу тебя, как злодея, распятого меж двух разбойников и копьем пробитого в ребра — мертвого, и вот почему я в горести силы теряю. Не хочу я жить, но — встретить тебя в подземном царстве. Теперь моей надежды, радости и веселья, сына и бога я лишена. Увы мне! При чудесном твоем рождении так не страдала, как теперь, владыка, разрываюсь я чревом, видя тело твое пригвожденным к кресту. Преславно было твое рождение, Иисусе, умерщвленье же ныне — ужасно: единственный ты от бессеменной утробы родился, не нарушив печати моего девства, и, избрав меня матерью в своем воплощенье, все-таки девою сохранил. Знаю твое за Адама страдание, но, душевною горестью объята, рыдаю, дивясь твоего таинства глубинам. Слушайте, небеса, и море с землею, внемлите слезному моему рыданию: ибо это творец ваш от жрецов страданье приемлет, одинокий праведник за грешников и беззаконников убит. Сейчас, Симеон, я постигла твое предсказанье: копье ведь мою теперь пробивает душу, видя твое поруганье воинами. Увы мне! Кого призову я к стенанью? Или с кем моих слез изолью я потоки? Ибо все оставили тебя — родные, друзья, твоих, о Христос, насладившись чудес. Где ныне сонм семидесяти учеников? И где властительные апостолы? Тот обманом тебя фарисеям предал, другой же в страхе пред жрецами отрекся, под присягой сказав, что не знает тебя. И вот одна я, боже мой, раба твоя, рыдая, стою пред тобою с хранителем твоего учения и с любимым твоим сподвижником. Увы мне, Иисусе мой, милое имя! Как стоит земля, на водах вначале тобой утвержденная, если на себе ощущает тебя на кресте пригвожденным, тебя, божества мановеньем многих слепых осветившего и мертвых словом воскресившего? Приходите и взирайте на таинство божьего промысла: как все оживляющий — сам умерщвлен был проклятой смертью!»

И это услышав, Иосиф приблизился к горько рыдающей матери, — а та его увидела и обратилась с мольбой: «Устремись, благоподобный, к Пилату, преступному судье, и попроси с креста снять тело учителя твоего, моего же сына — и бога. Потрудись и устрой, причастник Христову учению, тайный апостол, ожидающий божьего царства, испроси бездушное уже тело, пригвожденное к кресту и пробитое в ребра. Спострадай, благоверный, ради двойного венца, который по воскресении Христа ты получишь: от всех концов земли честную славу и поклонение,

и на небеси бесконьчьную жизнь». Умилив же ся Иосиф плачевными тоя глаголы, не рече: «Жьрци на мя въстануть и озлоблять, июдѣи въскрамолять и побиють мя, фарисѣи разграбять мое богатьство, буду же и сборища отлучен». Ничто же сих не рече, нъ вся уметы створи и о своемь бо не родив животѣ, да Христа приобрящеть. Дерзнув вънидe къ Пилату и въпроси глаголя: «Дажь ми, огѣмоне, тѣло страньнаго оного Исуса, распятого межю двѣмя разбойникома, оклеветанаго от архиерѣи завистию и поруганаго от воин бес правды. Дажь ми тѣло оного Исуса, его же сыномь божиемь нарицяхуть книжьници и цесарьмь повѣдаху фарисѣи; ему же ты повелѣ над главою дъску прибити, имущю писание: «Се есть сын божий и цесарь Израилевъ». Дажь ми тѣло, его же свой ученикъ жьрцем льстию на сребрѣ прѣдасть, о нем же провидя Захария тако написа: «Дадите ми цѣну мою,— ли отрцѣтеся»; и поставиша 30 срьбрьник, цѣну цѣньнаго от сыновъ Израилев. О томь молю ти ся телеси, о немь же прорече Каияфа, тому единому за вьсь миръ умрети; не просто сего прорече, нъ жрьць бѣ сего лѣта, о нихь же рече Иеремия: «Пастуси просмрадиша виноград мой». И пакы псалом глаголеть о них: «Князи людьстии събьрашася на господа и на Христа его». Си бо рече Соломон: «Помыслиша — и прѣльстишася, ослѣпи бо я злоба их»; рекоша бо: «Уловимъ правьдника, руганиемь и ранами истяжем его и смертию безлѣпотьною осудим его». Сего прошю Исусова телесе, иже противу твоему отвѣща въпросу: «Аз есмь живот и истина». И: «Не имаши на мнѣ власти никоея же, аще не бы ти дано съвыше», его же ради и тебе моляше своя жена, глаголющи: «Ничто же не створи праведьнику тому; много бо пострадах его ради въ снѣ». Дажь ми сего распятаго, ему же въходящю въ Иерусалим, съ вѣтвьми младеньци сърѣтахути и глаголюще: «Осана, сыну Давыдов!»; его же гласъ слышав, ад отпусти душю Лазоря, уже четвьродневна умьрша; о семь же писа в законѣ Моиси: «Узрите живот вашь прямо очима вашима висящь». Сего хощю мьртваго телесе, его же мати не позънавши мужьска ложа дѣвицею породи; о немь же Исаия къ Ахазу глаголаше: «Се дѣвица, зачнеть в чревѣ и родить сына, ему имя: С нами бог»; о немь же Давыд прорече, глаголя: «Прогвоздиша руцѣ мои и нозѣ мои и вся кости моя ищьтоша». Дажь ми сего уже умьршаго на крестѣ, о нем же ты рече къ просящим его у тебе на смерть жидомъ: «Чист есмь от кръви праведника сего»,— умыв же руцѣ и бив прѣдасть его; о немь же глаголеть пророк: «Аз же не противлюся, ни прѣкы глаголю; плещи мои дахъ на раны и ланитѣ на ударение, лица же моего не отвратих от студа запльвания». Сего прошю назарянина телесе, ему же от изумѣвъшихъся избѣгающе въпияху бѣси: «Что

а на небесах — вечную жизнь». Иосиф, умилившись столь слезным прошением, не сказал: «Жрецы на меня поднимутся и озлобятся, иудеи вознегодуют и побьют меня, фарисеи разграбят мое имущество, и буду я отлучен от их общества». Нет, ничего подобного он не сказал, но всем пренебрег и, о жизни своей не заботясь, решил Христа отыскать. Дерзко вошел он к Пилату и попросил, говоря: «Дай мне, наместник, тело странника Иисуса, распятого меж двух разбойников, оклеветанного жрецами по зависти и поруганного воинами неправедно. Дай мне тело того Иисуса, которого сыном божиим называют книжники, а фарисеи объявляли царем; над его головою ты велел прибить доску с надписью: «Вот сын божий и царь Израиля». Дай мне тело того, которого собственный ученик жрецам обманом за серебро предал, и о ком, предрекая, Захария так написал: «Дадите цену мою — или не давайте»; и назначили цену в тридцать сребреников, цену ценнейшему из сынов Израиля. О том прошу я тебя теле, о котором пророчил Каиафа, что ему одному умереть предстоит за весь мир; а не простое то было пророчество, ибо был он в тот год жрецом, о которых сказал Иеремия: «Пастухи истребили сад мой». И также псалом говорит о них: «Князья мирские сошлись на господа и на Христа его». Они, как сказал Соломон, «задумали — и обманулись, ибо ослепила их злоба», и сказали: «Схватим праведника, глумленьем и ранами измучим его, и смерти бессмысленной осудим его». Того прошу Иисуса тело, который на твой отвечал вопрос: «Я — жизнь и правда». И еще: «Не возьмешь надо мною власти больше данной тебе свыше»; за него же молила тебя и жена твоя, говоря: «Ничего не делай праведнику тому, ибо много претерпела я за него в сновиденье». Дай мне того распятого, которого, когда он входил в Иерусалим, ветвями младенцы встречали, восклицая: «Осанна, сын Давидов!»; которого голос услышав, ад отпустил душу Лазаря, уже четыре дня как умершего; о котором в Завете писал Моисей: «Увидите жизнь вашу, пред глазами вашими висящую»; то хочу мертвое тело, которое мать, не познавшая мужа, родила, оставаясь девою; о котором Исайя Ахазу пророчил: «Вот дева, в чреве зачнет и сына родит, которому имя — Эммануил»; о котором Давид предрек, говоря: «Пригвоздили руки мои и ноги мои, и все кости мои пересчитали»; дай мне того уже умершего на кресте, о ком сказал ты евреям, просящим у тебя его смерти: «Не повинен я в крови праведника этого», — а, руки умыв, предал его на убийство; о котором говорит пророк: «Я же не возражаю и не противоречу; плечи мои дал я на раны и щеки мои — на удары, лица своего не отвернул от постыдных плевков». Того прошу назарянина тело, которому, извергаясь из исступленных, кричали бесы: «Что

есть намъ и тобѣ, Исусе сыне божий? Вѣмы тя, кто еси святый божий: пришьлъ еси преже времене мучит насъ»; о нем же и сам бог отець съ небесе, на Иерданѣ крестящюся ему, послушьствоваше, глаголя: «Се есть сынъ мой възлюбленый, о немь же благоизволихъ»; о немь же дух святый Исаиемь глаголеть: «Яко овча на заколение веденъ бысть», от беззаконьныхъ людий прѣдан бысть на смьрть. Дажь ми тѣло съняти с креста, хощю бо его в своемь положити гробѣ. Уже бо вся о немь испълнишася пророчества: сь бо наша болѣзни понесе и за ны пострада; раною его вси ицѣлѣхом, зане прѣдана бысть на смерть душа его и с безаконьникы вмѣнен бысть; истрѣбим бо, рѣша, память его от земля живущих, и имя его не помянеться к тому; сего ради хощеть бог отяти болѣзни от душа его и дати ему крѣпкых користь, пишеть бо ся о немь: «И ты въ кръви завѣта своего испустил еси ужникы своя от рова, не имуща воды».

И си вся слышав от Иосифа Пилат дивися, и призва сътьника въпроси и: «Аще уже умреть пропятый Исус?» И увѣдав, дасть тѣло Иосифу, да его погребеть, яко же хощеть.

И купив плащаницю сънятъ тѣло Исусово съ креста. Приде же и Никодим, несы исмѣшение изъмюрно и алойно, достойно цѣны литръ ста; обиста тѣло Христово, помазавше е мюромь. Въпияше же Иосиф, глаголя сице: «Солнце незаходяй, Христе, творче всѣхъ и тваремъ господи! Како пречистѣмь прикоснуся тѣлѣ твоемь, неприкосновьньну ти сущю небесным силам, служащим ти страшьно? Кацѣми же плащаницами обию тя, повивающаго мьглою землю и небо облакы покрывающаго? Или какы воня възлѣю на твое святое тѣло, ему же дары съ вонями пьрсьстии принесъше цесари, яко богу покланяхуся, преобразующе твое за вьсь миръ умьрщвение? Кыя ли надгробьныя пѣсни исходу твоему въспою, ему же въ вышьних немолчьными гласы серафимы поють? Како ли понесу тя на моею пьрстьною руку, носящаго тварь всю, невидимаго господа? Како ли въ моемь худѣмь положю тя гробѣ, небесный круг утвердивъшаго словомь и на хѣровимѣхъ с отцемь и съ святымь почивающаго духомь? Обаче си вся смотрениемь твориши и вся си своею волею претерпѣлъ еси; идеши бо в ад, да Адама от ада с Евгою, падъша преступлениемь, пакы въведеши в рай и прочая с нима въскрѣсиши мьртвьца, своего божества силою. Тѣмь же сице възглашая погребу тя, милостиве, якоже святымь наученъ бых духом: «Святый боже, святый крѣпъкый, святый бесмьртьне, помилуй нас!»

И положиша и въ гробѣ, и привалиша камень великъ къ двірем гробу. Мария же Магдалыни и Мария Ияковля зряста, где и полагаху.

И минувъши суботѣ и солнцю уже въсиявъшю, вся въкупѣ жены с мюромь, се уже чьтвьртое, придоша. Първое бо,

ты нам и мы — тебе, Иисусе, сыне божий? Знаем мы, кто ты, святый божий: пришел раньше времени мучить нас»; о котором сам бог отец с небес, когда в Иордане крестился он, свидетельствовал, говоря: «Вот сын мой возлюбленный, которому я благоволил»; о котором дух святой устами Исайи говорит: «Как агнец на заклание приведен», беззаконниками предан смерти. Дай мне тело снять с креста, потому что хочу его в своей положить гробнице. Ибо уже все о нем исполнились пророчества: ведь и боль нашу он перенес и за нас пострадал; раной его мы все исцелели, потому что предана смерти душа его и к беззаконным причислен он был; истребим же, сказали, его в памяти на земле живущих, и имя его никогда не помянется; поэтому изымет бог из души его боль и даст ему твердых силу, ибо пишется о нем: «И ты в крови Завета твоего освободил узников изо рва, не имеющего воды».

И услышав все это от Иосифа, Пилат удивился, и призвал сотника, и спросил его: «Умер ли уже распятый Иисус?» И, удостоверившись в этом, отдал тело Иосифу, дабы его схоронил, как пожелает.

Купив полотна, снял он тело Иисуса с креста. Пришел и Никодим, принесший состав из мирры и алоэ, ценою в сто гривен; вдвоем обвили тело Христа пеленами и помазали миррой. И воскликнул Иосиф, говоря так: «Солнце незаходящее, Христос, творец всех и повелитель творения! Как святого смел я коснуться тела твоего, если не могут тебя коснуться небесные силы, что со страхом служат тебе? Какими пеленами обовью тебя, обвивающего землю мглою и небо облаками покрывающего? Или какие благовония возолью на твое святое тело, которому, дары с благовониями принесши, персидские цари как богу поклонялись, предвидя твое за весь мир умерщвление? Какие погребальные песни исходу твоему воспою, если в вышних немолчным гласом поют уже серафимы? Как понесу я на тленных моих руках несущего все творение незримого господа? Как в моей жалкой положу я гробнице тебя, небесный круг утвердившего словом своим и на херувимах с отцом и святым возлежащего духом? Но все по предначертанию делаешь ты, и все претерпел ты по воле своей: ибо идешь ты в ад, чтобы Адама из ада и Еву, падших в грехе, снова в рай возвести, и прочих с ними умерших воскресить силой твоего божества. Поэтому, так возглашая, я тебя погребу, наученный духом святым: «Святый боже, святый сильный, святый бессмертный — помилуй нас!»

И положили его в гробницу, и привалили камень огромный к дверям гробницы. Мария же Магдалина и Мария Яковлева обе смотрели, где его полагали.

И когда минула суббота, и солнце уже воссияло, все вместе женщины с благовониями, и это уже в четвертый раз, пришли. Ибо

яко же глаголеть Матфѣи: «Вечер в суботу придоша двѣ женѣ видѣтъ гроба; при нею же трус бысть, егда ангел отвали камень от двьрий, и от отраха его омьртвѣша стрѣгущеи». Тѣма тъгда и сам Исус явлься рече: «Радуйтася, идѣта к братии моей, да идуть в Галилѣю, и тамо видять мя». И пакы полунощи ины придоша испытать бывъшаго, яко же от Магдалынѣ о въскрьсении Христовѣ слышаша; о тѣхъ бо Лука написа тако: «Зѣло рано придоша жены к гробу и обрѣтоша камень уже отвальнъ», и два ангела в них ставъша глаголаста: «Что ищете живаго с мьртвыми? Нѣсть сде, нъ въскрьсе».

По семь прѣдъ зорями друзѣи придоста женѣ, и тѣ видѣста утрь в гробѣ два ангела, идеже бѣ лежало тѣло Исусово; тѣмь же Иоан Фелогъ рече: «От тою слышав, Петр съ другымь ученикомь тече к гробу, и еще сущи тьмѣ». Марко же о всѣхъ повѣдаеть мюроносицах, яже с вонями въ суботу придоша: и вълѣзъше въ гроб, видѣша уношю, одесную сѣдяща, и ужасошася. Он же рече имъ: «Не ужасайтеся! Не вам бо есть страхъ, нъ беззаконьным жьрцьмъ, съ стрѣгущи сде войны. Вы же видете тъщь гроб и рьцѣте апостолом: «Христос въскресе!» Видите,— без телесе есть плащаница, и о плотьномь Исусовѣ хвалитеся въстании; будѣте благовѣстьцѣ человѣчьскому спасению, рьцѣте апостолом: «Днесь спасение миру!» Уже не скърбите, ни сѣтуйте, яко мьртвьца, нъ радуйтеся и веселитеся о бозѣ живѣ. Вам хощю тайны повѣдати божия человѣколюбия, яже за Адама въ тлю падша пострада; того бо ради с небесе сниде и въплътивъся бысть человѣкъ, да истьлѣвъшаго обновить и на небеса възведеть. Он послушавъ свѣта вражия, въсхотѣ быти бог — и проклятъ бысть; сь же послушавъ отца, бог сы бысть человѣк, да змия погубить и человѣка обожить. Он, простер руцѣ къ древу възбраньному, смертьное утръже ядро, и быв раб грѣху, съниде от едема въ адъ; Христос же, на крестѣ простер, осужения грѣховнаго и от смерти человѣкы свободи. Неповиньн сы продан бысть, да проданыя грѣхомь от дьяволя работы да избавить. На тръсти губою оцьта съ зоlчию въкуси, да загладить рукописание человѣчьскых съгрѣшений. Копиемь въ ребра прободен бысть, да пламеньное оружие отложить, бранящее человѣком вълхода в рай. Кръвь с водою из ребр источи, има же телесную всю скверну очистив и душа человѣча освятил есть. Съвязан бысть и тьрниемь вѣнчанъ бысть, да раздрѣшить от уз дьяволь человѣкы и тьрние прельсти вражия искоренить. Солнце помрачи и землею потрясе, и твари всей плакатися створи, да адьская раздрушить скръвища, и тамо сущих душа свѣтъ видѣша, и Евжин плачь

в первый раз, как говорит Матфей: «Вечером в субботу пришли две женщины взглянуть на гробницу; при них же тогда произошло землетрясение, когда ангел отвалил камень от входа, и, этого устрашась, омертвели стражники». К ним же тогда и сам Иисус, явившись, сказал: «Радуйтесь, обе ступайте к братье моей, пусть идут в Галилею и там увидят меня». И снова, около полуночи, другие пришли увериться в случившемся, потому что от Магдалины о воскресении Христовом прослышали; об этих Лука написал так: «Очень рано пришли женщины к гробнице и нашли камень уже отваленным», и два ангела, став перед ними, сказали: «Зачем ищете живого средь мертвых? Нет его здесь, но воскрес».

Потом, пред зарею, и другие пришли женщины, и они увидели внутри гробницы двух ангелов, где лежало прежде тело Иисуса; об этом Иоанн Богослов сказал: «От тех услышав, Петр с другим учеником поспешил к гробнице, когда еще тьма была». Марк же обо всех повествует мироносицах, которые с благовониями в субботу пришли; и, войдя в гробницу, увидели юношу, сидящего справа, и ужаснулись. Он же сказал им: «Не ужасайтесь! Ибо не вам теперь страх, но беззаконным жрецам со стерегущими здесь воинами. Вы ж осмотрите пустую гробницу и передайте апостолам: «Христос воскрес!» Видите, без тела уже пелена, возносите хвалу о воскресении Иисуса во плоти, будьте благовестницами человеческого спасения, скажите апостолам: «Сегодня спасение миру!» Уже не скорбите, не сетуйте как будто по мертвом, но радуйтесь и веселитесь о боге живом. Вам сообщу я тайны божьего человеколюбья, ради которого за Адама, в тление падшего, он пострадал; ибо для того с небес он сошел, и воплотился, и был человеком, дабы истлевшее обновить и на небеса возвести. Адам, послушав вражьих советов, захотел стать богом — и проклят был; этот же, послушав отца, из бога стал человеком, чтобы змея погубить и человека приблизить к богу. Тот, простерши руки к древу запретному, смертоносный сорвал с него плод и, став рабом греха, сошел от эдема в ад; Христос же руки простер на кресте, от греховного осуждения и от смерти людей освободив. Неповинный, он предан был, чтобы избавить от рабства преданных дьяволу за грехи. На трости с губки, пропитанной уксусом, желчи вкусил, чтоб уменьшить список грехов человеческих. Пробиты ребра его копьем, чтобы отстранить огненные мечи, возбраняющие людям вступление в рай. Кровь с водой из ребер источил, чтобы, телесную грязь очистив, освятить души людские. Связан был и терновником венчан, чтоб разорвать дьявольские узы на людях и вражьих обманов шипы уничтожить. Солнце погасил и землею потряс, и все живое ввел он в плач, чтобы адские разрушить хранилища и души там сущих вывести к свету, рыдание Евы

на радость прѣложи. Въ гробѣ яко мьртвъ положен бысть — и от вѣка умьршим гробьным живот дарова. Каменьемь с печатьми утвьржен бысть, да адова врата и вѣрѣя от основания скрушить. Стражьми стрѣгомь бѣ всѣми видимо, нъ невидимо съшьдъ в ад съвязя сотону. Ангельская бо воиньства съ нимъ текуще зъваху: «Възмѣте, врата, князи ваши, да вънидеть цесарь славы!» И ови съвязаныя душа рѣшаче от тьмниць пущаху; друзии же противныя силы вяжюще глаголаху: «Кде ти, смерти, жало? Кде ти, аде, побѣда?» Къ ним же оцѣпѣвъше бѣси възпияху: «Кто се есть цесарь славы, с толикою на ны пришел властию?» Погубил есть князя тьмы и вся его въсхытил скровища, разби смертьный град адово чрѣво, извоева плѣньникы, иже съ Адамомъ съде, сущая грѣшныхъ душа. Въскрьсе цѣлом печатемъ у гроба, тако бо и рожься неврѣди матьрня дѣвства печати. Да нѣсть вам страха,— нъ омьртвѣвъшим войномъ. Уже бо вся съвьршивъ Исус, въскрьсе боголѣпьнѣ, и показася прѣже вас приходивъшимъ женамъ, възывая красно: «Радуйтася!» И апостоломъ своим в Галилѣю ити повелѣ, да вся тамо с вами освятив с плътию на небеса възидеть, с нею же и пакы придеть судитъ мирови».

Си же вся от ангела реченая к мюроносицам о Христѣ съказахомъ.

Похвалим ныня Иосифа приснопамятнаго, благообразьнаго же и досточюдьнаго. Блажен еси поистинѣ, преславьный и досточюдный Иосифе, толика блага и велика богатьства на земли и на небеси сподобльсяǃ Достойно послуживъ, яко и херовими, божию телеси; нъ они невидимо на своею дьржаще раму, страхомь своя покрываютъ лица, ты же радуяся на своею руку Христа бога носил еси. Блажен еси, Иосифе, паче патриарха Аврама, Исака и Якова! Его же бо они глас точию слышавъше, чьстьнии и славьни паче всѣхъ явишася, того же ты въ плащаницю обил еси тѣло. Блажю руцѣ твои, Иосифе, на нею же сына божия и всѣхъ творца дьржалъ еси тѣло; его же образа не тьрпя зрѣти въ Хоривѣ Моиси, под каменьемь скрывъся слыша: «Задьняя моя узриши»; тѣма и на Фаворѣ съ Илиею видѣвъ Христа, послушьствоваста того суща бога — и человѣка. Блажен еси паче Давыда цесаря, великый Иосифе! Давыд бо от Силома кивот съ божиемь словом принесе, нъ въ своемь убояся поставити его дому; ты же не скинию с закономь, нъ самого бога прием от крьста, въ своемь гробѣ радуяся положил еси. Блажен и преблагословенъ тобою, Иосифе, ископаный гроб, въ немь же полежа Христос спас наш! Уже бо нѣсть гроб, нъ прѣстол божий, олтарь небесный, покоище святаго духа и одр небеснаго цесаря, о немь же рече Соломон, стоять сильнии ратоборьци, изучени брани, имуще оружия обоюдуостра; си глагола назнаменуя святых чины, борющихъся съ еретикы и съ жиды по Христѣ. Блажен еси, Иосифе, съвершителю божию таиньству

в радость обратив. В гробнице как мертвый положен был — и обреченным на смерть жизнь даровал. Камнем с печатями был укреплен, чтобы адские ворота и запоры до основания разрушить. Всем видимо стражники его стерегли — но невидимо, сошедши в ад, он связал сатану. Ангельское же воинство, за ним поспешая, взывало: «Возьмите, врата, ваших князей, пусть внидет царь славы!» И одни, освобождая связанные души, из темниц выпускали; другие, связавши враждебные силы, говорили: «Где твое, смерть, жало? Где твоя, ад, победа?» К ним оцепеневшие бесы взывали: «Кто этот царь славы, с такою на нас наступивший властью?» Погубил князя тьмы и, все похитив его сокровища, разгромил смертоносный град, утробу ада, отвоевал пленников, с Адамом здесь бывших, грешников души. Воскрес он, не тронув печати гробницы, как и родился, не повредив своей матери девства печати. Да не будет вам страха — но обмершим стражникам! Ибо уже, все совершив, Иисус воскрес боголепно и показался прежде вас приходившим женам, взывая величаво: «Радуйтесь обе!» И апостолам своим в Галилею идти повелел, чтобы там, вас всех освятив, взойти на небеса во плоти, в которой он снова придет судить мир».

Вот и все, ангелом сказанное мироносицам о Христе, передал я.

Восхвалим теперь Иосифа вечночтимого, благовидного и досточудного. Блажен ты воистину, преславный и досточудный Иосиф, такого блаженства и великого счастья на земле и на небе сподобившись! Достойно послужил, как и херувим, божьему телу; но те невидимо, на своих держа раменах, от страха свои прикрывают лица, ты же в радости на своих руках Христа бога носил. Блажен ты, Иосиф, более патриархов Авраама, Исаака и Иакова! Ибо они только голос его слышали — и в чести и славе над всеми возвысились, ты же обвил пеленами божие тело. Восславлю руки твои, Иосиф, на которых божьего сына и творца всей вселенной держал ты тело; лик его не осмелившись видеть, в Хориве Моисей, под камнем укрывшись, услышал: «Сзади меня ты увидишь», потому и на Фаворе с Илиею увидев Христа, свидетельствовал, что тот бог — и человек. Блажен ты более царя Давида, великий Иосиф! Ибо Давид от Силома киот с божьим словом принес, но в своем убоялся поставить его доме; ты ж не шатер с Заветом, но самого бога, приняв от креста, в гробнице своей, радуясь, положил. Блажен и благословен тобою, Иосиф, приготовленный склеп, в нем ведь пребыл и спаситель Христос наш! И это уже не гробница, но божий престол, небесный алтарь, покоище духа святого и ложе небесного царя, и окрест же, сказал Соломон, стоят могучие воины, искушенные в брани, имея мечи обоюдоостры; так говорил он, объявляя лики святых, борющихся с еретиками и с иудеями за Христа. Блажен ты, Иосиф, совершитель божьего таинства,

и пророчьскыхъ гаданий раздрѣшителю! О немь же бо закон и пророци притчами написаша, сего ты явьствьно измюрною по святым мазаше язвам. Блажен еси, Иосифе, иже вся ожививъшаго словомь и водами покрывъшаго твердь небесную, сего, яко мьргвьца, каменемь покрыл еси въ гробѣ, чая тридневнаго въскресения! Блажен убо и град твой Аримафѣй, из него же ты приде послужит сыну божию! Кую похвалу створим достойну твоего блаженьства, ли кому уподоблю сего праведника? Како начну или како разложю? Небомь ли тя прозову? Нъ того свѣтьлѣй бысть благочьстьемь, ибо въ врѣмя страсти Христовы небо помрачися и свой свѣгъ скры, ты же тогда радуяся на своею руку бога носяше. Землю ли тя благоцвѣтущую нареку? Нъ тоя честьнѣй ся показа; тъгда бо и та страхомь трясашеся, ты же с веселиемь божие тѣло съ Никодимомь въ плащаницю съ вонями обив положил еси. Апостоломь ли тя именую? Нъ и тѣх вѣрнѣе и крѣпъчею обрѣтеся; егда бо они страха ради жидовьска разбѣгошася, тъгда ты без боязни и бесумнѣния послужил еси Хрисгови. Святителя ли тя и старѣйшину прозову? Тѣмь бо образ своея службы предал еси, обиходя и кадя и кланяяся съ молитвами пречистому тѣлу Христову глаголя: «Въскресни, господи, помози нам, избави нас имени твоего ради!» Священомученикомь ли тя нареку, яко толику показал еси любовь къ Христови? Аще бо и не въгрузися в твоя пьрси оружие, ни пролья твоя от меча кръвь, нъ изволением и вѣрою по Христѣ положил еси душю. Поразили бо тя быша и на удеса расѣкли, нъ съхрани тя от тѣхъ Исус, его же ты храняше тѣло, не убоявъся гнѣва жидовьска, ни прещения жречьска, ни напрасно убивающих войн не устрашися, не пожали си по мнозѣмь богатьствѣ, не родив ни о своемь животѣ, чая тридневнаго въскресения. Нъ паче всѣхъ святых подвизалъся еси, богоблаженый Иосифе, и паче всѣхъ имаши дерзновение къ Христу, къ нему же молися и о нас, хвалящих тя, и чтущих твою с мюроносицами память, и твой украшающих праздьникъ.

Подаждь, святе, всѣмъ нам твою помощь, буди покрѣвъ граду нашему от всякого зла, подавая князю на противныя побѣду и заступая его от всѣхъ видимых и невидимых врагъ, мир же глубокъ, и съдравие телеси, купно же и души его проси спасения. И нас избави от всякоя нужа, и печали, и бѣды, и всѣхъ лютыхъ напастий и многымъ грѣхомъ отпуста испроси своими къ богу молитвами, да избавить ны от бескончьныя мукы и причастьникы створить ны будущихъ благъ вѣчныя жизни, благодатию и человѣколюбиемь господа и бога, и спаса нашего Исуса Христа, ему же слава с отцемь и съ пресвятымь и благымь и животворящимь духомь, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ.

исполнитель пророческих предсказаний! Ибо кого Завет и пророки притчами живописали, того ты въявь миррой по святым мазал ранам. Блажен ты, Иосиф, ибо того, кто дал жизнь словом и водами покрыл твердь небесную, его, как мертвеца, камнем прикрыл ты в гробнице, веря в трехдневное воскресение! Блажен же и город твой, Аримафей, из которого ты пришел послужить сыну божьему! Какую похвалу воздадим, достойную твоего блаженства, и с кем сравним праведника? Как начну и как я продолжу? Небом ли тебя назову? Но неба светлее ты благочестьем, ибо во время страданий Христа небо померкло и свет свой закрыло, ты же тогда торжественно на своих руках бога носил. Землею ли благоцветущею тебя назову? Но и той ты честнее себя показал, ибо тогда и она от страха тряслась, ты же торжественно божие тело, с Никодимом пеленами благовонными обвив, положил. Апостолом ли тебя наименую? Но и тех ты вернее и тверже оказался; когда те, страшась иудеев, разбежались, тогда ты без боязни и без сомнений послужил Христу. Святителем ли тебя и старейшиной назову? Ты ведь пример своей службы передал им, обходя и кадя, и с молитвами кланяясь пречистому телу Христа со словами: «Воскресни, господи, помоги нам, избавь нас именем твоим!» Священномучеником ли тебя назову, такую показал ты любовь к Христу? Хотя и не пронзена оружием грудь твоя, не пролилась от меча твоя кровь, но предпочтеньем и верою за Христа положил ты душу. И тебя поразили бы и на части рассекли, но сохранил тебя от этого Иисус, ибо, погребая тело его, не побоялся ты ни гнева иудейского, ни угроз жрецов, ни жестоко убивающих воинов не устрашился, не сожалел о большом богатстве своем, не берег своей жизни, веря в трехдневное воскресенье. Но более всех святых трудился ты, богоблаженный Иосиф, и более всех имеешь ты веры в Христа, ему же молись ты и за нас, славящих тебя, и чтущих твою с мироносицами память, и твой празднующих праздник!

Подай, святой, всем нам твою помощь, будь защитой городу нашему от всякого зла, подавая князю победу над противником и охраняя его от всех видимых и невидимых врагов; мир же и здоровье телу, а с тем вместе и душе испроси спасения. И нас избавь от всякой нужды, и печали, и бед, и всех злых напастей, и многих грехов отпущенье испроси своею молитвой у бога, чтобы избавил он нас от вечных мучений и сделал сопричастниками будущих благ вечной жизни, благодатью и человеколюбием господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа, которому слава с отцом, и с пресвятым, и благим, и животворящим духом, и теперь, и всегда, и во веки веков.

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

В лѣто 6683. Убьенъ бысть великии князь Аньдрѣи Суждальскии, сына Дюрдева, внукъ Володимеря Мономаха месяца июня вь 28-й день *на* канунъ святыхъ апостолъ. День бѣ тогда субота. Создалъ же бяшеть собѣ городъ каменъ, именемь Боголюбыи, толь далече, якоже Вышегородъ от Кыева, тако же и Боголюбыи от Володимѣря. Сын благовѣрныи и христолюбивыи князь Аньдрѣи от млады верьсты Христа возлюбивъ и прѣчистую его матерь, смыслъ бо оставивъ и умъ, яко полату красну душю украсивъ всими добрыми нравы, уподобися царю Соломану, яко домъ господу богу и церковь преславну святыя Богородица рождества посредѣ города камену создавъ Боголюбомъ и удиви ю паче всихъ церквии; подобна тоѣ святая святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрыи создалъ, тако и сии князь благовѣрныи Андрѣи и створи церковь сию в память собѣ и украси ю иконами многоцѣньными, златомъ и каменьемъ драгымъ, и жемчюгомъ великымъ безцѣньнымъ, и устрои ѣ различными цятами и аспидными цатами украси и всякими узорочьи, удиви ю свѣтлостью же, нѣ како зрѣти, зане вся церкви бяше золота. И украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣньными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могуть сказати изрядныя красоты ея, *и* златомъ и финиптомъ, и всякою добродѣтелью, и церковнымь строеньемь украшена и всякыми сосуды церковнымы, и ерусалимъ злать с каменьи драгими и рѣпидии многоцѣньными, каньдѣлы различными *извну* церкви от верха и до долу, и по стѣнамъ, и по столпомъ ковано золотомъ, и двѣри же и ободвѣрье церкви златомъ же ковано. Бяшеть же и сѣнь златомь украшена от вѣрха и до дѣисиса и всею добродѣтелью церковною исполнена, изьмечтана всею хытростью.

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

В год 6683(1175). Убит был великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха июня месяца в 28-й день, в канун праздника святых апостолов. И была тогда суббота. Создал же он себе городок каменный, под названием Боголюбово, столь же далеко Боголюбово от Владимира, как и Вышгород от Киева. Благоверный и христолюбивый князь Андрей с юных лет Христа возлюбил и пречистую его мать; знанье же отринув и рассужденья, и, как хоромы чудесные, душу украсив всеми благими желаньями, уподобился царю Соломону, когда, храм господу богу и церковь преславную Рождества святой богородицы посреди Боголюбова в камне создав, разукрасил ее больше всех церквей: подобна она той Святая Святых, которую царь Соломон премудрый создал; так и этот князь, благоверный Андрей, создал церковь такую на память о себе, и украсил ее драгоценными иконами, золотом и дорогими каменьями, и жемчугом крупным бесценным, и снабдил украшеньями разными, и украсил плитами из яшмы, и всяким узорным литьем, — блеском осыпав ее так, что больно смотреть, ибо вся она в золоте стала. И украсил ее, и осыпал утварью золотой, драгоценной, всем входящим на удивленье, так, что всякий, видевший это, не может выразить словом невероятной ее красоты; золотом и эмалью, и всякими драгоценностями, и церковным имуществом украшена, и всякой церковной утварью — золотая дарохранительница с дорогими каменьями, с опахалами ценными и кадилами разными, и снаружи от верха до пола по стенам и столбам тоже золотом крыто, и двери, и своды у церкви также золотом крыты, и купол златом украшен от верха до деисуса, и разным церковным добром переполнена, украшена всяким художеством!

Князь же Андрѣи бѣ городъ Володимѣрь *силно устроилъ*, к нему же ворота златая доспѣ, а другая серебромъ учини, и доспѣ церковь камену сборъную святыя Богородица, пречюдну велми, и всими различными виды украси ю от злата и сребра, и 5 вѣрховъ ея позолоти, двѣри же церковьныя троѣ золотомъ устрои. Каменьемъ дорогымь и жемчюгомъ украси ю мьногоцѣньнымъ, и всякыми узорочьи удиви ю, и многими поникадѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь, а онъбонъ от злата и серебра устрои, а служебныхъ *съсудъ* и рипидьи и всего строенья церковьнаго златомъ и каменьемь драгимъ и жемчюгомъ великимъ велми много, а трие ерусалимъ велми велиции, иже от злата чиста, от каменья многоцѣньна устрои: и всими виды и устроеньемь подобна быста удивлению Соломоновѣ святая святыхъ. И вь Боголюбомъ, и въ Володимѣрѣ городѣ вѣрхъ бо златомь устрои и комары позолоти и поясъ златомъ устрои, каменьемь усвѣти, и столпъ позлати, и изовну церкви и по комаромъ же поткы золоты и кубъкы, и вѣтрила золотомъ устроена постави, и по всеи церкви и по комаромъ около.

Посемь же иныи церкви многы камены постави различнѣ и монастырѣ многи созда, на весь бо церковьныи чинъ и на церковникы отвѣрълъ бяше богъ сердечнѣ очи. Не помрачи ума своего пьяньствомь, и кормитель бяшеть черньцемь и черницамъ, и убогымъ, и всякому чину яко вьзлюбленыи отець бяшеть, паче же милостынею бяше милостивъ, слыша господа глаголюща: «Аще створите братьи меньшии моѣи, то мнѣ створисте», и пакы Давидъ глаголеть: «Блаженъ мужь милуя и дая весь день, о господѣ не поткнется». Мужьство и умъ в нѣмъ живяше, правда же истина с нимь ходяста. И иного добродѣяния много в нем бяше, и всякъ обычаи добронравенъ имѣяшеть: в нощь въходяшеть в церкьвь и свищи въжигивашеть сам и, *видя* образъ божии, на иконахъ написанъ, взирая, яко на самаго творця; и вси святѣѣ написаны на иконахъ видя, смиряя образъ свои скрушеномь сердцемъ и уздыханье от сердца износя, и слезы от очью испущая, покаянье Давидово приимая, плачася о грисѣхь своихъ, възлюбивъ нетлѣненая паче тлѣньныхъ и небесная паче врѣмѣненыхъ и царство *съ* святыми у вседержителя бога паче притекущаго сего царьства земльного, и всею добродѣтелью бѣ украшенъ, вторыи мудрыи Соломонъ бяшеть же.

И сю добродѣтель имѣя: веляшеть по вся дни возити по городу брашно и питие разноличное болнымъ и нищимъ на потребу, и, видя всякого нища приходящего к собѣ просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако, ѣда «се есть Христосъ пришедъ испытать мене», и тако приимаше всякого приходящего к нему, яко же Христосъ заповѣда, рече: «Аще симь меньшимъ створисте братьи моеи, то мнѣ створисте», и то помняше слово

Князь Андрей и город Владимир неприступным сделал, к нему он ворота золотые соорудил, а другие — серебром отделал, и создал соборную каменную церковь в честь святой Богородицы, прекрасную весьма, и разными украшеньями осыпал ее из золота и серебра, и пять куполов ее вызолотил, а все три церковные двери золотом выложил и дорогими каменьями, и жемчугом украсил ее драгоценным, и всяким узорным литьем расцветил, и обильем светильников золотых и серебряных ее осветил, и амвон из золота и серебра поставил, а служебные сосуды и опахала и другие украшения церковные — все золотом и драгоценным каменьем, и жемчугом крупным в обилье осыпал. Три же дарохранительницы, очень большие, из чистого золота, из камней драгоценных поставил: и видом своим, и работой до удивленья подобны они Святая Святых Соломона. И в Боголюбове, и в городе Владимире купола золотые поставил, и своды позолотил, и стены внутри каменьем по злату осыпал, столбы позлатил, и снаружи ее и по сводам птиц золотых, и кубки, и паруса, из золота литые, поставил по церкви по всей и по сводам кругом.

Но, кроме того, и другие он многие церкви поставил различные в камне, и монастыри он создал, почему на весь церковный синклит и на церковников всех и обратил бог свой взор; и не отягчил своей памяти пьянством, и кормильцем был для монахов и монахинь, и нищих, и всякого звания людям он был как любимый отец, — но больше всего он милостив был подаяньем, слыша голос господень: «Все, что творите вы малым сим, то мне вы творите». А также Давид говорит: «Блажен помогающий нищим, дающий всегда — от господа он не отступится», сила и разум в нем жили, и верная правда ходила с ним рядом. И прочих достоинств много в нем было, любую привычку он делал достойной: ночами входил он в церковь и свечи запаливал сам, и, видя образ божий, на иконах написанный, вглядывался как в самого творца, и изображенья святых на иконах встречая, смирял свой вид, сокрушенный сердцем, испуская вздохи из глубины и слезы из глаз испуская, в раскаянье Давиду подражал, оплакивая множество грехов своих, возлюбив бессмертное выше тленного и небесное более, чем кратковременное, и жизнь со святыми у вседержителя бога больше этого царства земного, он всяким достоинством, точно мудрый второй Соломон, был украшен.

И такое достоинство имел: велел каждый день возить по городу еду и питье различное, больным и нищим на пользу, и, видя всякого нищего, к нему приходящего с просьбой, подавал им по прошению их, так говоря, будто «это Христос, пришедший проверить меня»,— и так принимал он любого, к нему приходящего, как Христос завещал, сказавший: «Если малым сим сотворите — то мне вы сотворите!» И держал то слово

в сердци всегда. Тѣмь достоино от бога побѣдныи вѣнѣць приялъ еси, княже Андрѣю, мужьству тѣзоимените братома благоумныма, святыма страстотерпцема въслѣдовалъ еси, кровью умы вся страдания ти. Аще бо не напасть, то не вѣнѣць, аще ли не мука, то ни дарове: всякыи бо държася добродѣтели, не можеть бо безо многихъ врагъ быти. Князь же Андрѣи, вражное убииство слышавъ напередѣ до себе, духомъ разгоресе божественымъ, и ни во что же вмѣни, глаголя: «Господа бога моего вседержителя и творьца своего возлюблении людье на крестѣ пригвоздиша, глаголюще: «кровь его буди на насъ и на чадѣхъ нашихъ»; и пакы глаголющее слово усты святыхъ еуангелистъ: «Аще кто положить душю свою за другъ свои, можеть мои ученикъ быти». Сеи же боголюбивии князь не за друга, но за самого творца, создавьшаго всячькая от небытия вь бытье, душю свою положи, тѣмь в память убьенья твоего, страстотерпче княже Андрѣю, удивишася небеснии вои, видяще кровь, проливаему за Христа, рыдаеть же множество правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя, омрачнымъ звѣзду свѣтоносну помрачаему; оканеныѣ же убиицѣ огнемь крѣстяться конѣчнымь, и сожигаеть всякого грѣха купину, рекьше дѣянья. Ты же, страстотерпьче, молися ко всемогущому богу о племени своемь и о сродницѣхъ, и о землѣ руськои дати мирови миръ.

Мы же на преднее възвратимся.

Се же бысть вь пятницю на *обѣдни съвѣтъ* лукавыи пагубоубиистьвеныи. И бѣ у него Якимъ, слуга, вьзлюблены имъ. И слыша от некого, аже брата его князь велѣлъ казнити, и устрѣмися дьяволимь научениемь и рече, вопия кь братьи своеи, къ злымъ свѣтникомъ, якоже Июда къ жидомъ, тъсняся угодити отцю своему сотонѣ, и почаша молвити: «Днесь того казнилъ, а насъ завутра, а промыслимы о князѣ семь». И свѣщаша убииство на ночь, якоже Июда на господа.

И пришедъши нощи, они же устрѣмивьшеся, поимавъше оружья, поидоша на нь, яко звѣрье свѣрьпии, и идущимъ имъ к ложници его, и прия ѣ страхъ и трепетъ. И бѣжаша сь сѣнии, шедше в медушу и пиша вино. Сотона же веселяшеть ѣ в медуши и, служа имъ невидимо, поспѣвая и крѣпя ѣ, яко же ся ему обѣщали бяхуть. И тако упившеся виномъ, поидоша на сѣни. Началникъ же убиицамъ бысть Петръ, Кучьковъ зять, Анбалъ, ясинъ ключникъ, Якимь, *кучьковичи,* а всихъ невѣрныхь убиицъ 20 числомъ, иже ся бяху *спали* на оканьныи съвѣтъ томь дни у Петра у Кучкова зятя, постигъши бо ночи суботнии на память святую апостолу Петра и Павла.

Вземъше оружье, яко звѣрье дивии, пришедъшимъ имъ к ложници, идеже блаженыи князь Андрѣи лежить, и рече одинъ стоя у двѣрии: «Господине, господине...» — и князь

в сердце всегда, потому и достойно от бога смертный венец восприял ты, княже Андрей, мужеством именитым братьям, благоразумным святым страстотерпцам равный, последовал ты, кровью омыв все страданья свои. Ибо если бы не беда — не было б венца, если бы не мука — не было бы благодати: всякий, живущий добродетельно, не может быть без множества врагов. Князь же Андрей, о готовящемся злодейском убийстве своем узнав заранее, духом воспламенился священным и ни на что не рассчитывал, говоря: «Господа бога, моего вседержителя и творца своего, избранный народ на кресте пригвоздил, сказав: «Пусть кровь его будет на нас и на детях наших», а также и слово, сказанное устами святых евангелистов: «Если кто положит душу свою за други своя — может учеником моим быть». Этот же боголюбивый князь не за друга, но за самого творца, возведшего все из небытия в бытие, душу свою положил. Потому-то, узнав об убийстве твоем, страстотерпец княже Андрей, изумились небесные силы, глядя на кровь, за Христа проливаемую; рыдает народ православный, видя отца сирот и кормильца, омраченную тьмою звезду светоносную; а убийцы проклятые огнем окрещаются вечным, что пожигает тернье любого греха, то есть любое деянье. Ты ж, страстотерпец, проси всемогущего бога за потомство свое, и за родичей, и за Русскую землю — миру мир даровать.

Мы же к прежнему возвратимся.

Итак, состоялся в пятницу на обедне коварный совет злодеев преступных. И был у князя Яким, слуга, которому он доверял. Узнав от кого-то, что брата его велел князь казнить, возбудился он по дьявольскому наущению и примчался с криками к друзьям своим, злым сообщникам, как когда-то Иуда к евреям, стремясь угодить отцу своему, сатане, и стал говорить: «Сегодня его казнил, а завтра — нас, так промыслим о князе этом!» И задумали убийство в ночь, как Иуда на господа.

Как настала ночь, они, прибежав и схвативши оружие, пошли на князя как дикие звери, но, пока шли они к спальне его, пронзил их и страх, и трепет. И бежали с крыльца, спустясь в погреба, напились вина. Сатана возбуждал их в погребе и, служа им незримо, помогал укрепиться в том, что они обещали ему. И так, упившись вином, взошли они на крыльцо. Главарем же убийц был Петр, зять Кучки, Анбал, яс родом, ключник, да Яким, да Кучковичи — всего числом двадцать зловредных убийц, вошедших в греховный заговор в тот день у Петра, у Кучкова зятя, когда настала субботняя ночь на память святых апостолов Петра и Павла.

Когда, схватив оружие, как звери свирепые приблизились они к спальне, где блаженный князь Андрей возлежал, позвал один, став у дверей: «Господин мой! Господин мой...» И князь

рече: «Кто *есть?*», и онъ же рече: «Прокопья», и рече князь: «О, паробьче, не Прокопья!» Они же, прискочивше кь двѣремъ, слышавше слово княже, и почаша бити вь двѣри и силою выломиша двѣри. Блаженыи же вьскочи, хотѣ взяти мечь, и не бѣ ту меча, бѣ бо томъ дни вынялы Амбалъ ключникъ, его то бо мечь бяшеть святого Бориса. И вьскочиша два оканьная и ястася с нимь, и князь повѣрже одиного подъ ся и, мневше князя повѣржена и уязвиша и свои другъ, и по семь, познавша князя, и боряхуся с нимь велми, бяшеть бо силенъ. И сѣкоша и мечи и саблями, и копииныя язвы даша ему, и рече имъ: «О, горе вамъ, нечестивии, что уподобистеся Горясѣру? что вы зло учинихъ? Аще кровь мою прольясте на землѣ, да богъ отомьстить вы и мои хлѣбъ!» Си же нечестивии, мнѣвьша его убиена до конца, и вьземше друга своего и несоша вонъ, трепещющи отидоша. Онъ же в оторопѣ выскочивъ по нихъ, и начатъ ригати и глаголати, и вь болѣзни сердца иде подъ сѣни. Они же, слышавше гласъ, возворотишася опять на нь. И стоящимъ имъ, и рече одинъ, стоя: «Видихъ *окъномь* князя идуща сь сѣнии доловь». И рекоша: «Глядаите его!»— и текоша позоровати его, оже нетуть, идеже его отошли, убивше. И рекоша тотъ: «Есме погибохомъ! Вборзѣ ищете его!» И тако вьжеґъше свѣщи, налѣзоша и по крови.

Князь же, узрѣвъ я, идуща к собѣ, и вьздѣвъ руцѣ на небо, помолися богу, глаголя: «Аще, господи, и в семь *осуженъ* конѣць, приимаю. Аще и много согрѣшихъ, господи, заповѣди твоя не схранивъ, но вѣдѣвъ, яко милостивъ еси плачюща видиши и противу течеши, обращая блудьнаго». И вьздохнувъ из глубины сердечныя и прослѣзися, и помяну вся Иовова, и размышляше вь сердци своемь, и рече: «Господи, аще во время живота моего мало и полно труда и злыхъ дѣлъ, но отпущение ми даруи и сподоби мя, господи, недостоинаго прияти конѣць сѣи, якоже вси святии, тако и толикы страсти и различныя смерти на правѣдникы находилы суть и *яко* святии пророци и апостоли с мученикы вѣнчашася, по господѣ крови своя прольяша и *яко* и святии священномученици и приподобнии отци и горькыя мукы различныя смерти прияша и съкрушени быша от дьявола, яко злато в горнилѣ, ихъ же молитвами, господи, избраномъ твоемъ стадѣ съ десными овцами причти мя, и *яко* святии правовѣрнии цари прольяша крови, стражюще за люди своя, и ѣще же и господь нашь Иисусъ Христосъ искупи мира от прельсти дьяволя чьстьною кровью своею». И тако глаголя тѣшашеся, пакы же глаголаше: «Господи, призри на немощь мою и вижь смиренье мое, и злую мою печаль, и скорбь мою, одержащюю мя нынѣ! Да уповая терпьлю о всихъ сихъ. Благодарю тя, господи,

отозвался: «Кто здесь?»— тот же сказал: «Прокопий...», но в сомненье князь произнес: «О, малый, не Прокопий...» Те же, подскочив к дверям и поняв, что князь здесь, начали бить в двери и силой выломили их. Блаженный же вскочил, хотел схватить меч, но не было тут меча, ибо в тот день взял его Анбал-ключник, а был его меч мечом святого Бориса. И ворвались двое убийц, и набросились на него, и князь швырнул одного под себя, а другие, решив, что повержен князь, впотьмах поразили своего; но после, разглядев князя, схватились с ним сильно, ибо был он силен. И рубили его мечами и саблями, и раны копьем ему нанесли, и воскликнул он: «О, горе вам, бесчестные, зачем уподобились вы Горясеру? Какое вам зло я нанес? Если кровь мою прольете на земле, пусть бог отомстит вам за мой хлеб!» Бесчестные же эти, решив, что убили его окончательно, взяв раненого своего, понесли его вон и, вздрагивая, ушли. Князь же, внезапно выйдя за ними, начал рыгать и стонать от внутренней боли, пробираясь к крыльцу. Те же, услышав голос, воротились снова к нему. И пока стояли они так, сказал один: «Стоя там, я видел в окно князя, как шел он с крыльца вниз». И воскликнули все: «Ищите его!»— и бросились все взглянуть, нет ли князя там, где, убив его, бросили. И сказали: «Теперь мы погибли! Скорее ищите его!» И так, запалив свечи, отыскали его по кровавому следу.

Князь же, увидев, что идут к нему, воздев руки к небу, обратился к богу, говоря: «Если, боже, в этом сужден мне конец — принимаю его... Хоть и много я согрешил, господи, заповедей твоих не соблюдая, знаю, что милостив ты, когда видишь плачущего, и навстречу спешишь, направляя заблудшего». И, вздохнув от самого сердца, прослезился, и припомнил все беды Иова, и вникнул в душу свою, и сказал: «Господи, хоть при жизни и сотворил я много грехов и недобрых дел, но прости мне их все, удостой меня, грешного, боже, конец мой принять, как святые принимали его, ибо такие страданья и различные смерти выпадали праведникам; и как святые пророки и апостолы с мучениками получили награду, за господа кровь свою проливая; как и святые мученики и преподобные отцы горькие муки и разные смерти приняли, и сломлены были дьяволом, и очистились, как золото в горниле. Их же молитвами, господи, к избранному тобой стаду с праведными овцами причти меня, ведь и святые благоверные властители пролили кровь, пострадав за народ свой, как и господь наш Иисус Христос спас мир от соблазна дьявольского священною кровью своею». И, так говоря, ободрялся, и вновь говорил: «Господи! взгляни на слабость мою и смотри на смиренье мое, и злую мою печаль, и скорбь мою, охватившую ныне меня! Пусть, уповая, стерплю я все это... Благодарю тебя, господи,

яко смирилъ еси душю мою, и в царьствии твоемь причастьника мя створи! И се ныне, господи, аще и кровь и мою прольють, и причти мя вь ликы святыхъ мученикъ твоих, господи!»

И то ему глаголавшю и моливьшюся о грѣсѣхъ своихъ к богу и сѣдящю ему за столпомъ вьсходнымь, и на дблзѣ ищющимъ его, и узрѣша и сѣдяща, яко агня непорочно. И ту оканьии прискочиша и *приканчаше его,* Петръ же оття ему руку десную. Князь же вьзрѣвъ на небо и рече: «Господи, в руцѣ твои предаю тобѣ духъ мои» — и тако успе. Убьенъ же бысть в суботу на нощь, и о свѣте заутра в недѣлю, на память 12 апостолу.

Оканьнии же оттуда шедше, убиша Прокопья, милостьника его, и оттуда идоша на сѣни и выимаша золото и каменье дорогое, и жемчюгъ, и всяко узорочье, и до всего любимаго имѣния, и вьскладаше на милостьныѣ конѣ, послаша до свѣта прочь. А сами, воземьше на ся оружья княже милостьное, почаша совокупити дружину кь собѣ, ркуче: «Ци жда на насъ приѣдуть дружина Володимиря?» — и скупиша полкъ, и послаша кь Володимѣрю: «Ти что помышляете на насъ? А хочем ся с вами коньчати, не насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть же в тои же думѣ!» И рѣкоша володимѣрьци: «Да кто с вами в думѣ, то буди вамъ, а намъ не надобѣ» — и разиидошася, и вьлегоша грабитъ, страшно зрѣти.

И тече на мѣсто Кузмище киянинъ: «Оли нѣтуть князя, убиенъ!» И почаша прошати Кузмище: «Кдѣ есть убитъ господинъ?» — и рекоша: «Лежить ти выволоченъ в огородъ, но не мози имати его! Тако ти молвять, вси хочемы и вывеpечи псомъ! Оже ся кто прииметь по нь, тотъ нашь есть ворожьбить и того убьемъ!» И нача плакати надъ нимь Кузмище: «Господине мои! Како еси не очютилъ скверныхъ и нечестивыхъ, пагубоубииственыих ворожьбить своихъ, идущихъ к тобѣ? Или како ся еси не домыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣжая полкы поганыхъ болгаръ?» — и тако плакася и. И прииде Амбалъ ключникъ, ясинъ родомъ, тотъ бо ключь держашеть у всего дому княжа и надо всими волю ему далъ бяшеть. И рече, вьзрѣвь на нь, Кузмище: «Амбале, вороже! Сверзи коверъ ли, что ли, что постьлати или чимъ прекрыти господина нашего». И рече Амбалъ: «Иди прочь! Мы хочемь вывеpечи псомъ». И рече Кузмище: «О, еретиче! уже псомъ вывеpечи! Помнишь ли, жидовине, вь которыхъ порътѣхъ пришелъ бяшеть? Ты нынѣ в оксамитѣ стоиши, а князь нагь лежить, но молю ти ся: свѣрьзи ми что любо!» — и сверже коверъ и корзно. И, обѣртѣвъ и, и несе и в церковь, и рече: «Отмъкнете ми церковь!» — и рекоша: «Порини и ту вь притворѣ, печаль ти имъ!» — уже бо пьяни бяхуть. И рече Кузмище: «Уже тебе, господине, поробьци твои тебе не знають; иногда бо аче и гость приходилъ изь Царягорода,

что смирил ты душу мою и в царстве твоем сонаследником сделал меня! Вот и ныне, господи, если кровь мою и прольют, то причти меня к лику святых твоих мучеников, господи!..»

И пока он так говорил и молился о грехах своих богу, сидя за лестничным столбом, заговорщики долго искали его — и увидели сидящим подобно непорочному агнцу. И тут проклятые подскочили и прикончили его. Петр же отсек ему правую руку. А князь, на небо взглянув, сказал: «Господи, в руки тебе предаю душу мою»— и умер. Убит был с субботы в ночь, на рассвете, под утро уже воскресенья — день памяти двенадцати апостолов.

Проклятые же, возвращаясь оттуда, убили Прокопия, любимца его, оттуда прошли в палаты и забрали золото, и дорогие камни, и жемчуг, и всякие украшения,— все, что дорого было князю. И погрузив на лучших его лошадей, до света еще отослали себе по домам. А сами, схватив заветное княжье оружье, стали собирать воинов, говоря: «Ждать ли, пока пойдет на нас из Владимира дружина?»— и собрали отряд, и послали к Владимиру весть: «Не замышляете ли чего против нас? Хотим мы с вами уладить: ведь не только одни мы задумали так, и средь вас есть наши сообщники». И ответили владимирцы: «Кто ваш сообщник — тот пусть будет с вами, а нам без нужды» — и разошлись, и ринулись грабить: страшно глядеть!

Прибежал на княжий двор Кузьма-киевлянин: «Уже нету князя: убит!» И стал расспрашивать Кузьма: «Где убит господин?»— и ответили ему: «Вон лежит, выволочен в сад! Но не смей его брать, все решили бросить его собакам... Если же кто приступит к нему — тот враг нам, убьем и его!» И начал оплакивать князя Кузьма: «Господин мой! Как ты не распознал мерзких и бесчестных врагов своих, идущих тебя убить? И как это ты не сумел победить их, некогда побеждавший полки неверных болгар?»— и так оплакивал он князя. И подошел ключник Анбал, родом яс, управитель всего княжьего дома, надо всеми власть ему дал князь. И сказал, взглянув на него, Кузьма: «Анбал, вражий сын! Дай хоть ковер или что-нибудь, чтобы постлать или чем накрыть господина нашего». И ответил Анбал: «Ступай прочь! Мы хотим бросить его собакам». И сказал Кузьма: «Ах, еретик! уже и собакам бросить! Да помнишь ли ты, жид, в каком платье пришел ты сюда? Теперь стоишь ты в бархате, а князь лежит наг, но прошу тебя честью: сбрось мне что-нибудь!» И сбросил тот ковер и плащ. И, обернув ими тело, понес Кузьма в церковь и сказал: «Отоприте мне церковь!»— и ответили: «Брось его тут, в притворе, что тебе за печаль!»— ибо все уже были пьяны. И подумал Кузьма: «Уже, господин, и холопы твои знать тебя не хотят; бывало, купец приходил из Царьграда

и от *иныхъ* странъ, изь рускои земли, аче латининъ, и до всего христьяньства, и до всеѣ погани, и рече: *въведѣте* и вь церковь и на *полаты,* да видять истиньное христьяньство — и крѣстяться и болгарѣ, и жидове, и вся погань, видивше славу божию, и украшение церковьное! И тѣ болма плачють по тобѣ, а сии ни вь церковь не велять вължити!»

И тако положивы и вь притворѣ у церкви, прикрывы и корьзномь, и лежа ту 2 дни и ночи. На третии день приде Арьсѣнии, игуменъ святую Кузмы и Демьяна, и рече и: «Долго намъ зрѣвшимъ на старѣишиѣ игумени, и долго сему князю лежати? Отомькните ми церковь, да отпою надь нимъ, вложимы и любо си в буди гробъ. Да коли престанеть злоба си, да тогда, пришедъ из Володимеря, и понесуть и тамо». И пришедъше клирошани боголюбьскыи, веземше и, внесоша и въ церковь, и вложиша и вь гробъ каменъ, отпѣвше надъ нимъ погрѣбалное со игуменомь Арсѣньемь.

Горожанѣ же боголюбьци розграбиша домъ княмжь и дѣлатели, иже бяху пришли к дѣлу,— золото и серебро, порты и наволокы, имѣние, емуже не бѣ числа. И много зла створися вь волости его: посадниковъ и тивуновъ домы пограбиша, а самѣхъ и дѣтскиѣ его, и мечникы избиша, а домы ихъ пограбиша, не вѣдуще глаголемаго: «Идеже законъ, ту и обидъ много». Грабители же и ись селъ приходяче *грабяху.* Тако же и Володимири, оли же поча ходити Микулица со святою Богородицею в ризахъ по городу, тожь почаша не грабити. Пишеть апостолъ Павелъ: «Всяка душа властемъ повинуется», власти бо от бога учинены суть; естествомъ бо царь земнымъ подобенъ есть всякому человѣку, властью же сана вышьши, яко богъ. Рече великий Златоустець: «Иже кто противится власти, противится закону божью. Князь же не туне носить мечь божии, ибо слуга есть».

Мы же на преднее възвратимся.

Въ 6 день, въ пятницю, рекоша володимѣрцѣ игумену Феодулови и Луцѣ деместьвянику святоѣ Богородицѣ: «Нарядита носилицѣ, ать поѣдомь возмемь князя, а господина своего Андрѣя». А Микулицѣ рекоша: «Събери попы, вси, оболокше в ризы, выидѣте жь передъ Серебрѣная ворота съ святою Богородицею — ту князя дождеши». И створи тако *Феодулъ*, игуменъ святоѣ Богородицѣ Володимерьскои, съ крилошаны *и* с володимѣрцѣ ѣхаша по князь во Боголюбое и, веземше тѣло его, привезоша Володимѣрю со честью съ плачемь великымъ.

И бысть по малѣ времени, поча выступати стягъ от Боголюбого, и людье не могоша ся ни мало удержати, но вси вопьяхуть, от слезъ же не можаху прозрити, и вопль далече *бяше* слышати. И поча весь народъ плача молвити: «Уже ли Кыеву поѣха, господине, в ту церковь, тѣми Золотыми вороты, ихже дѣлатъ послалъ бяше тои церкви

иль из иной стороны, из Русской земли, и католик, и христианин, и язычник любой, и ты говорил: «Введите в церковь его и в палаты, пусть видят истинное христианство!» — и принимали крещенье и болгары, и евреи, и любые язычники, увидев славу божью и украшенье церковное! И те теперь больше оплачут тебя, а эти и в церковь не дают положить».

И так положил его в притворе, накрыв плащом, и лежало тут тело два дня и две ночи. На третий день пришел козьмодемьянский игумен Арсений и сказал: «Хотя мы и долго взирали на старших игуменов, но долго ли этому князю лежать так?! Отоприте мне церковь, отпою его и положим в гроб. А когда уляжется эта смута, то, придя из Владимира, перенесут туда князя». И пришли клирошане боголюбские, взявши, внесли тело в церковь и вложили в каменный гроб, отпев над ним погребальные песни с игуменом Арсением вместе.

Жители же Боголюбова разграбили княжеский дом и строителей, которые сошлись на строительство зданий, — золото, и серебро, и одежды, и ткани, и добро, которому нет числа. И много случилось бед в его области: дома посадников и управителей пограбили, а самих их, и слуг, и стражей убили, дома их пограбили, не ведая сказанного: «Где закон — тут и обид много». Грабители приходили грабить и из деревень. Грабежи начались и в самом Владимире, пока не стал ходить Микула с образом святой богородицы в ризах по городу — тогда пресеклись грабежи. Пишет апостол Павел: «Всякая душа властям повинуется», ибо власти богом поставлены; природой земной царь подобен любому человеку, но властию сана он выше — как бог. Сказал великий Иоанн Златоуст: «Если кто противится власти — противится закону божьему. Князь не напрасно носит меч — он ведь божий слуга».

Мы же вернемся к прежнему.

На шестой день, в пятницу, сказали владимирцы игумену Феодулу и Луке, начальнику хора в храме святой Богородицы: «Приготовьте носилки, да поедем — возьмем князя и господина своего Андрея». А Микуле сказали: «Собери священников, все, облачась в ризы, выходите за Серебряные ворота с иконой святой богородицы — тут князя дождешься». И сделал так Феодул, игумен храма святой Богородицы Владимирской, с клирошанами и с владимирцами поехали за князем в Боголюбово и, взяв тело его, привезли во Владимир с честью и с плачем великим.

И так, через некое время, как стало шествие двигаться из Боголюбова, народ не мог никак удержаться, но все вскричали, от слез же не могли и смотреть, а вопли их издалека было слышно. И начали все люди, рыдая, говорить: «Уже ведь не к Киеву, господин наш, ты поехал! В ту церковь Владимирскую над Золотыми воротами, которую сделать велел подобною

на велицѣмь дворѣ на Ярославлѣ, а река: «Хочю создати церковь таку же, ака же ворота си золота — да будеть память всему отечьству моему!» И тако плакася по нѣмь весь градъ и, спрятавше тѣло его, съ честью и с писньми благохвальными положиша его у чюдноѣ, хвалы *достоинои*, у святоѣ Богородицѣ златоверхой, юже бѣ самъ создалъ.

Се бо князь Андрѣи нѣ вда въ животѣ своѣмь тѣлу своему покоя и очима своима дрѣманья — донелѣ же обрете домъ *истиныи*, прибижище всим христьяномъ: царици небесныхъ чиновъ и госпожи всея вселеныя вьсякого человѣка и многими путьми ко спасенью приводящи. Яко же апостолъ учитъ: «Его же любить господь, того же и казнить», и бьеть же всякого сына, егоже приемлеть; аще бо наказанья терпите, яко сыномь вамъ обрѣтается богъ. Не постави бо богъ прѣкраснаго солнца на единомь мѣстѣ, и доволѣюща и *оттуду* и всю вселеную освѣтяща, но створи ему устокъ и полдне, и западъ. Тако и угодника своего, Андрѣя князя, не привелъ его к собѣ туне, а могущаго таковымь жьтиемь и тако душю спасти, но кровью мученьчскою умывся пригрѣщении своихъ, и со братома своима с Романомъ и съ Давидомъ единодушно ко Христу богу притече. И въ раистии пищи водворяяся неизреченьно с нима, ихже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку възыиде, яже уготова богъ любящимъ его, тѣхь благъ сподобився видѣти, въ вѣки радуешися, Андрѣю княже великыи. Дерзновенье имѣя ко всемогущему и богатыхъ богатѣшему на высокыхъ сѣдящему богу молися помиловати братью свою, подасть имъ побѣду на противныѣ и мирную державу и царство честьно и многолѣтно во вся вѣки вѣкомъ. Аминъ.

той, что стоит на великом дворе Ярославлеве, сказав: «Построю церковь такой золотой же, как и ворота — пусть будет во славу всей моей родине!» И так плакал по нем весь город, и, тело его убрав, с честью и с песнями, хвалящими бога, положили его в дивной, достойной похвал, церкви святой Богородицы златоверхой, которую сам он создал.

Так вот князь Андрей при жизни не дал телу своему покоя и глазам своим сна — пока не обрел настоящего дома, прибежища всех христиан: царица небесных собраний и госпожа всей вселенной всякого человека разным путем ко спасенью приводит. Как учит апостол: «Кого любит бог — того и наказывает», и побивает всякого сына, какого приемлет; ибо коль наказанья претерпите — точно сыном становитесь богу! Ибо бог не поставил прекрасного солнца на месте одном, чтоб оттуда могло освещать всю вселенную, но устроил ему восхожденье, зенит и заход. Точно так и слугу своего, князя Андрея,— не взял к себе князя Андрея безмездно, а дал ему подвигом душу спасти, кровью омыв прегрешенья свои, и с братьей своей, с Романом, с Давыдом, согласно к богу пришел. И, в блаженство рая вселяясь безмолвно с ними, которых око не видит и ухо не слышит (сердцем нельзя осознать, что бог приготовил для верных своих), те блага сподобившись видеть, вечно радуйся ты, Андрей, князь великий. Дерзай всемогущего, из богатейших богатого, на высоких престолах сидящего бога просить, чтоб простил он братий твоих, победу им дал над врагами и мирное царство, правленье почетное и многолетнее, во веки веков. Аминь.

СЛОВО
О КНЯЗЬЯХ

НЕДЕЛЯ 18 ПО ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ
СЛОВО О КНЯЗЬЯХЪ

Слышите князи противящеся старѣишей братьи и рать въздвижуще и поганыя на свою братию возводяще, не обличилъ ти есть богъ на страшнѣмъ судищи. Како святыи Борисъ и Глѣбъ претерпѣста брату своему не токмо отъятие власти но отъятие живота. Вы же до слова брату стерпѣти не можете и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете, помощь приемлете от поганыхъ на свою братию. Нѣколи чающимь израильтяномъ рати халдѣискыя на Иерусалимъ послаша къ фараону Егупеть помощи просяще да быша халдѣи не плѣнили Иерусалима. Богь посла пророка к ызраильтяномъ глаголя: «Понеже не уповасте на бога създавшего вы, но надежю всю возложивше на египтяны, халдѣя же отвожду от васъ но от египтянъ плѣнени будете на них же уповасте, от тѣхъ погыбнути вы велю», якоже и бысть. Апостолу Павлу глаголющу: «Братия, тако ли не имате вѣры межю собою, и могуща вы родити яко пред невѣрныя грядете на судъ собѣ». И еуангелисту Иоанну глаголющу: «Аще кто глаголить, яко бога люблю, а брата своего ненавижю, ложь есть». Сам же господь рече: «О семъ знають вси яко мои есте ученици, аще любовь имате междю собою», познаите князи свое величество и свою честь. Князя дѣда имать святаго Володимера, приведъше къ богу тысяща тысящами и тьмы тьмами душь праведных. Каку братию имате сиа великыя чюдотворца Бориса и Глѣба. Сима поревнуите сею образ имѣите, сима накажетеся. Аще ли сотона коли вражду вверҗеть между братьею да помянеть сею святою како смерть улюбита паче прияти, нежели вражду удержати. И то кто претерьпить и миръ п еже начнеть то сима от бога равну мъзду прииметь.

СЛОВО
О КНЯЗЬЯХ

НЕДЕЛЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ ПОСЛЕ ДНЯ ВСЕХ СВЯТЫХ. СЛОВО О КНЯЗЬЯХ

Одумайтесь, князья, вы, что старшей братии своей противитесь, рать воздвигаете и поганых на братью свою призываете,— пока не обличил вас бог на Страшном своем суде! Как святые Борис и Глеб претерпели от брата своего старшего не только лишение власти, но и смерть. Вы же и слова единого от брата старшего стерпеть не можете, за малую обиду вражду смертоносную воздвигаете, помощь от поганых принимаете на свою братию. Некогда израильтяне, рати ожидая халдейской на Иерусалим, послали в Египет к фараону просить помощи, чтобы халдеи не попленили Иерусалима. Тогда бог послал пророка к израильтянам и велел сказать им: «За то, что вы не уповали на бога, создавшего вас, но всю надежду возложили на египтян,— халдеев я от вас отведу, но в плен будете взяты египтянами: от тех, на кого уповаете, и погибнете». Так и было. Павел-апостол спрашивает: «Разве нет среди вас, братья, ни одного верного, кто мог бы рассудить вас, что идете вы на суд перед неверными?» А евангелист Иоанн говорит: «Кто скажет, что бога любит, а брата своего ненавидит,— лжец тот». И сам господь говорит: «О том, что вы мои ученики, узнают все, если любовь иметь между собою будете». Познайте, князья, свое величество и честь свою. Князя деда имеете святого Владимира, который к богу привел тысячи тысяч и тьмы тем душ праведных! Вспомните и о том, каких братьев имеете — великих чудотворцев Бориса и Глеба! Им подражайте и следуйте, их примером научитесь! Когда сатана посеет вражду между братьями, помяните этих святых,— как предпочли они лучше смерть принять, чем держать вражду против брата. Кто из вас обиду стерпит и первый мира будет искать, тот равную с ними награду от бога получит.

Скажю же вы притчю о семъ, не в чюже странѣ бывшю. Давидъ Святославичь а Святославъ Ярославичь святаго Бориса и Глѣба братъ, тотъ Давидъ ни с кѣмъ не имѣаше вражды. Аще кто на нь рать въздвигнеть, он же покорениемъ своимъ рать уставляше, княжаше в Черниговѣ въ большемъ княженьи, понеже бо старии братьи своеи. Аще кто кривду створяше к нему от братьи он же все на собѣ притираше. Кому ли крѣстъ цѣловаше, въ весь животь свои не ступаше. Аще кто къ нему не исправляше цѣлованиа, он же единако исправляше, никого приобидѣ ни зла створи. Братья же его видяще тако суща, вси слушахуть его, яко отца, и покоряются ему, яко господину. Въ велицѣ тишинѣ бысть княжение его. Егда же изволи богъ пояти душу его от тѣла и болѣвшу ему недолго, позна епископъ Фектистъ, яко уже князь преставитися хощеть, повѣлѣ пѣти канунъ крѣсту, единою рассѣдеся верхъ теремцю, и вси ужасошася. И влетѣ голубь бѣлъ, и сѣде ему на грудехъ. И князь душу испусти, голубь же невидимъ бысть. И наполнися храмъ благыа воня. И несоша князя въ Спасъ святыи долго по вечернѣ. Пришедши звѣзда ста над крѣстомъ. Оттолѣ несоша и въ церьковь Бориса и Глѣба създаную от него, звѣзда же от Спаса преступи над мученическую церковь. Пѣвшу епископу над княземъ гробъ недокончянъ бысть. Епископу рекшу: «Се уже солнце заходить, заутра похоронимъ и». Всѣмъ сѣдящимъ над княземъ, шедъше въ церковь повѣдаша епископу: «Солнце не заходить но во единомъ мѣстѣ стоить». Епископъ же удивився и похвали бога. Дондеже камень сровнаша и. князя вложиша въ грабъ, тогда солнце заидеть.

Разумѣите чядо, како богъ прославляетъ своа угодники и ходящая в повелѣниихъ его и сдѣ таковыми чюдесы: аггелъ явися въ голубинѣ образѣ, благоухание от тѣла, явися звѣзда с небеси пришедши, над тѣломъ ста, солнце заити не смѣашѐ повелѣниемъ владычьнимъ, дондеже въ гробъ тѣло святое вложено бысть. Каку славу приемлеть на небеси!

Речеть ли кто, яко жены нѣ имѣ, но и дѣти имѣаше. Преподобныи Никола Святоша его сынъ бѣ и ина два сына. Или речеть кто, яко дому не имѣ, того ради заповѣдь господню исправити возможе? Многажды бо слышахъ нѣкыя невѣгласы глаголюща: «Съ женою и съ чяды своими не можем спастися». Се бо князь не единъ домъ имѣаше но многи, князь всеи земли черниговьскои. Заповѣдь владычню исправи в семъ животѣ своемъ, ни с кѣмъ вражды имѣ. Постыдитеся враждующи на братию свою и на единовѣрникы своя. Въстрепещете, въсплачете пред' богом пакы славы отпадаете за едино злопомнение. Но не даи же вы господь,

Еще скажу вам притчу о том, что не в чужой земле приключилось. Давыд Святославич, сын Святослава Ярославича, брат святых Бориса и Глеба,— Давыд этот ни к кому не имел вражды. Когда кто рать на него воздвигал, он рать ту покорностью своей умирял. Княжил в Чернигове он, в большом княжении, ибо старший был меж братией своей. Если кто кривду какую ему чинил из братьев, он вину на себя перелагал. Когда крест кому целовал, крепко держал слово. Когда кто нарушал целованье крестное, он и тогда клятвы не преступал, никого не обижал и зла не творил. Братья, видя такое его беззлобие, слушались его, как отца, и покорялись ему, как господину своему. В великой тишине княжил он. Когда же порешил бог взять душу его от тела, епископ Феоктист, видя, что князь — недолго он болел — уже преставиться хочет, повелел петь канон кресту,— и вдруг верх терема расселся, и ужаснулись все. Влетел в терем голубь белый, сел князю на грудь. И князь испустил душу, голубь невидим стал. А терем наполнился благоуханием. И после вечерни понесли князя в святой Спас. Появилась звезда и стала над крестом. Когда перенесли князя в построенную им церковь Бориса и Глеба,— звезда перешла от Спаса к церкви мучеников святых. Отпел епископ князя, а гроб ему еще не был готов. Сказал тогда епископ: «Уже солнце заходит,— завтра похороним его». Услышав эти слова, сидящие у князя вышли и, назад вернувшись в церковь, поведали епископу: «Солнце не заходит, но во едином месте стоит». Подивился епископ и восхвалил бога. Когда камень сровняли и положили князя в гроб,— тогда солнце зашло.

Видите, дети мои, как бог и здесь, на земле, прославляет угодников своих, исполняющих повеления его. Такие чудеса творил он: ангел божий в образе голубином явился, терем благоуханием от тела наполнился, явилась звезда, с небес пришедшая и над телом стала, солнце повелением владыки нашего зайти не посмело, пока не положено было тело святое во гроб. Какую славу получит он на небесах!

Может, кто скажет, что князь Давыд жены не имел? Но он и детей имел. Блаженный Никола Святоша был сын его, и еще два сына было у него. Или скажет кто, что дома не имел он, потому заповедь господню и исполнил? Не раз слышал я, как невежи некие говорят: «С женою-де и с детьми своими спастись невозможно». Этот князь не один дом имел, а много — всей земли Черниговской был он князем. А заповедь господню исполнил, в своей жизни земной ни с кем никогда не враждовал он. Постыдитесь же вы, враждующие с братией своей, с единоверцами своими! Вострепещите, восплачьте пред богом,— бог отымет славу за единое злопамятство! Да поможет вам бог и да не отпадете вы,

се слышавшимъ отпасти славы съ сима страстотерпцема, ею же днесь убиениа празднуемъ, ею же чюдеса предъ очима вашима предлежитъ. Сею прославимъ и сею възвеличимъ, сима въспоимъ. Приди, Давиде, и рци: «Радуитеся, праведнии о господѣ». Воспои, Соломане: «Праведници въ вѣкы живуть и от господа мъзда ихъ». Се бо сам богъ прославляеть сею святою, глаголя: «Праведници просвѣтятся яко солнце въ славѣ отца ихъ. Идѣ же буду азъ, и ти будуть съ мною. Гдѣ Христос съ отцемъ на престолѣ и си святая у престола съ архаггелы безъ престани поють пѣснь аггельскую: «Святъ отець, святъ сынъ и пресвятыи духъ въ единомъ божествѣ въ бесконечныя вѣкы».

все это слышавшие, от славы, уготованной тем святым братьям, день убиения которых мы нынче поминаем и чудеса которых явны очам нашим. Прославим же их, возвеличим и воспоем хвалу им. Приди, Давид песнотворец, и воспой: «Радуйтесь, праведные, о господе!» Скажи, Соломон: «Праведные живут вечно, и в господе награда их». А вот и сам господь прославляет святых этих, говоря: «Праведники просветятся, как солнце, во славе отца своего. Где я буду, там и они будут со мною». Где Христос с отцом на престоле, там и эти святые с архангелами непрестанно поют у престола песнь ангельскую: «Свят, отец, свят, сын и пресвятой дух во едином божестве, всегда и во веки бесконечные!»

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Въ лѣто 6691. Мѣсяца февраля въ 23 въ 1-ю недѣлю поста придоша измалтяне безбожнѣи половци на Русь воеватъ ко Дмитрову съ оканьным Кончакомъ и съ Глѣбомъ Тириевичемь, и божьемь заступлениемь и не бысть пакости от нихъ. Князь *же* Святославъ Всеволодичь, сгадавъ со сватомъ своимъ Рюриком, поидоша на половцѣ и сташа у Олжичь, ожидающе Ярослава и-Щернигова. И устрѣте *я* Ярославъ и рече имъ: «Нынѣ, братья, не ходите, но срекше веремя, оже дасть богъ, на лѣто поидемь». Святослав же и Рюрикъ, послушавша его, возвратишася. Святославъ же посла сыны своя с полкы своими *полем* ко Игореви, веля ему ѣхати в себе мѣсто, а Рюрикъ посла Володимѣра Глѣбовича с полкы своими. Володимѣръ же Глѣбовичь посла ко Игореви, прося у него ѣздити напереди полкомъ своимъ: князи бо русции *дали* бяхуть напередѣ ѣздити в Руской земли. Игорь же не да ему того. Володимерь же разгнѣвався и возъвратися. И оттолѣ идя, иде на северьскиѣ городы, и взя в них много добытокъ. Игорь же возвороти киевьскии полки и пристави к нимъ Олга, сыновца своего Святослава, абы како довести полкъ цѣлъ, а самъ ѣха, поима со собою брата своего Всеволода, и Святославича Всеволода, и Андрѣя с Романомъ, и нѣколко от черного клобука с Кулдюремь и с Кунътувдѣемь, и придоша к рѣцѣ к Хырии. И бысть тоиѣ ночи тепло и дождь рамянъ, и умножися вода, и не бысть имъ куда перѣхати, а половцѣ, котории утягли переити вежами, спасошася, а которѣи не утягли, а тѣхъ взяша; рекоша же, ако в ту рать вежѣ и кони *и* скоти мнози потопли суть в Хирии, бѣгаюче передъ русью. ⟨...⟩

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В год 6691 (1183). Месяца февраля в двадцать третий день, в первую неделю поста, измаилтяне, безбожные половцы, пришли войной на Русь, к Дмитрову, с окаянным Кончаком и с Глебом Тириевичем, но по божьему заступничеству не принесли они беды. Князь же Святослав Всеволодич посоветовался со сватом своим Рюриком, и пошли они против половцев и остановились у Олжич, поджидая Ярослава из Чернигова. Встретил их Ярослав и сказал им: «Сейчас, братья, не ходите, но, сговорившись о времени, если бог даст, пойдем на них летом». Святослав же и Рюрик, послушавшись его, возвратились. Святослав послал сыновей своих с полками своими степью к Игорю, велев ему ехать вместо себя, Рюрик же послал со своими полками Владимира Глебовича. А Владимир Глебович послал к Игорю, испрашивая у него разрешения выйти вперед со своим полком, ибо князья русские поручали ему передовые полки в Русской земле. Но Игорь не разрешил ему этого. Разгневался Владимир и возвратился. И идя оттуда, напал на города северские и захватил в них большую добычу. Игорь же повернул назад киевские полки и поставил над ними Олега и племянника своего Святослава, чтобы довели они войско без потерь, а сам поехал, взял с собой брата своего Всеволода и Всеволода Святославича, и Андрея с Романом, и некоторое число воинов из черных клобуков с Кулдюрем и с Кунтувдеем, и пришли они к реке Хоролу. И было в ту ночь тепло, шел сильный дождь, и поднялась вода, и не удалось им найти брода, а половцы, которые успели переправиться со своими шатрами — те спаслись, а какие не успели — тех взяли в плен; говорили, что во время этого похода и бегства их от русских немало шатров, и коней, и скота утонуло в реке Хороле. ⟨...⟩

Того же лѣта богъ вложи въ сердце Святославу, князю Киевьскому и великому князю Рюрикови Ростиславичю ... поити на половцѣ. И посласта по околниѣ князи, и совкупишася к нима Святославича Мьстиславъ и Глѣбъ, и Володимѣръ Глѣбовичь ис Переяславля, Всеволодъ Ярославичь из Лучьска с братомъ Мьстиславомъ, Романовичь Мьстиславъ, Изяславъ Давыдовичь и Городеньский Мьстиславъ, Ярославъ, князь Пиньский с братомъ Глѣбомъ, из Галича от Ярослава помочь, а своя братья не идоша, рекуще: «Далече ны есть ити в низъ Днѣпра, не можемь своѣе землѣ пусты оставити; но *еже* поидеши на Переяславль, то совокупимся с тобою на Сулѣ». Святослав же, не любуя на свою братью, поиде, поспѣшая путь свой и поущаемь божиимъ промысломъ, тѣмь старѣйшии его сынове не утягоша от Черниговьской сторонѣ. Идущю же ему по Днепру, и ста ту, идеже нарѣцаеться Инжирь бродъ, и ту перебродися на ратьную сторону Днѣпра и 5 *дней* искаша ихъ. Ту же отряди моложьшеѣ князѣ передъ своими полки: отряди же Володимера Переяславьского, и Глѣба, и Мьстислава, сына своего, и Романовича Мьстислава и Глѣба Гюрговича, князя Дубровицького, и Мьстислава Володимерича и берендѣевъ с нимь было 2100. Половци же, узрѣвше Володимерь полкъ, крѣпко идущь на нихъ, и побѣгоша, гоними гнѣвомъ божиимъ *и* святѣй богородицѣ. Оним же, ѣхавшимъ по нихъ, не постигъше, возворотишася русь, и стояша на мѣстѣ, нарѣцаемемь Ерель, егоже русь зоветь Уголъ.

Половецький же князь Кобякъ, мнѣвъ толко руси, возвратися и погна во слѣдъ ихъ. Идущим же имъ по нихъ, узрѣша полци рустѣи, начаша ся стрѣляти о рѣку и начаша межи собою перегонити, и бысть имъ того надолзѣ. Слышав же Святославъ и Рюрикъ и пустиста имъ болшиѣ полкы на помочь, а сама поидоста за ними поспѣвающа. Якоже узрѣша половци помочныя полкы и мнѣша ту Святослава. и *Рюрика*, абье поскочиша. Русь же, приимше помощь божию и възвѣртѣшася в нѣ, и начаша ѣ сѣчи *и* имати. И тако створи господь милость хрестьяномъ, в тый же день возвеличи богъ князя Святослава и Рюрика за вѣру ею.

И ту яша Кобяка Карлыевича со двѣима сынома, Билюковича Изая и Товлыя *съ* сыномъ, и брата его Бокмиша, Осалука, Барака, Тарха, Данила и Съдвака Кулобичкого яша жь, и Корязя Калотановича ту убиша и Тарсука, а инѣхъ бещисла. Створи же богъ побѣду сю мѣсяца июля въ 30 в понедѣлникъ, в память святаго Ивана Воиника. Великий же князь Святославъ Всеволодичь и Рюрикъ Ростиславичь приемше от бога на поганыя побѣду и возвратишася восвояси съ славою и честью великою.

В том же году побудил бог Святослава, князя Киевского, и великого князя Рюрика Ростиславича пойти войной на половцев. И послали они к соседним князьям, и собрались к ним Мстислав и Глеб Святославичи, и Владимир Глебович из Переяславля, Всеволод Ярославич из Лучьска с братом Мстиславом, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович и Мстислав Городенский, Ярослав, князь пинский, с братом Глебом, и из Галича пришла помощь от Ярослава, а свои братья не пришли, говоря: «Далеко нам идти к низовьям Днепра, не можем свою землю оставить без защиты, но если пойдешь через Переяславль, то встретимся с тобой на Суле». Святослав же, рассердившись на братьев своих, поспешно отправился в путь, побуждаемый божественным промыслом; потому-то старшие сыновья его и не поспели из Черниговщины. Двинулся он вдоль Днепра и достиг того места, которое называется Инжир-бродом, и тут перешел на вражеский берег Днепра и пять дней искал половцев. Тогда отправил младших князей перед своими полками: послал Владимира Переяславского, и Глеба, и Мстислава, сына своего, и Мстислава Романовича, и Глеба Юрьевича, князя дубровицкого, и Мстислава Владимировича, и берендеев было с ним две тысячи сто. А половцы, увидев отряд Владимира, смело идущий им навстречу, побежали, гонимые гневом божьим и святой богородицы. Русские, погнавшись за ними, не догнали, возвратились и остановились на месте, называемом Орель, которое на Руси зовется Угол.

Половецкий же князь Кобяк, решив, что это и есть все русское войско, возвратился и стал преследовать его. Когда половцы, преследуя, увидели полки русские, то начали перестреливаться через реку и старались обойти друг друга, и так продолжалось немалое время. Узнав об этом, Святослав и Рюрик отправили им на помощь основные силы, а сами спешно двинулись следом. Когда же половцы увидели полки, пришедшие на помощь, то решили, что с ними и Святослав и Рюрик, и тотчас же повернули назад. Русские же, укрепившись божьей помощью, прорвали их строй и начали их сечь и пленить. И так проявил господь милость свою христианам, в тот день возвеличил бог Святослава и Рюрика за благочестие их.

И взяли в плен тогда Кобяка Карлыевича с двумя сыновьями, Билюковича Изая, и Товлыя с сыном, и брата его Бокмиша, Осалука, Барака, Тарха, Данила и Содвака Кулобичского также пленили, и Корязя Калотановича тут убили и Тарсука, а прочих — без счета. Даровал бог победу эту месяца июля в тридцатый день, в понедельник, в день памяти святого Ивана Воиника. А великий князь Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич, получив от бога победу над погаными, возвратились по домам со славой и с честью великой.

Того же лѣта слышавъ Игорь Святославличь, оже шелъ Святославъ на половцѣ, призва к собѣ брата своего Всеволода и сыновця Святослава и сына своего Володимѣра, молвяшеть бо ко братьи и ко всѣй дружинѣ: «Половци оборотилися противу рускимъ князем, и мы без них кушаимся на вежах ихъ ударити». Да яко бысть за Мѣрломь, и срѣтеся с половци, поѣхалъ бо бяше Обовлы Костуковичь в четырѣхъстѣхъ воеватъ к Руси, и ту абье пустиша к нимъ кони. Половци же побѣгоша божьимь повеленьемь, и русь погнаша ѣ, и ту побѣдиша ѣ, и возвратишася восвояси.

В то же время Володимеръ Ярославичь Галичьский, шюринъ Игоревъ, бяшеть у Игоря, зане выгнанъ бяшеть отцемь своим из Галича. То же Володимѣръ приде преже ко Володимѣру к Романови. Романъ, блюдяся отца его, не да ему опочити у себе. Оттолѣ же иде ко Инъгварови Дорогобужю, и тотъ, блюдяся отца его, и не прия его. И онъ оттолѣ ѣха ко Святополку Турову, и тый такоже отпусти его; ко Давыдови Смоленьску — Давыдъ же отпусти, в Суждаль ко Всеволоду, уеви своему. Володимеръ же Галичькый ни тамо обрѣте собѣ покоя, приде к зяти своему Путивлю, ко Игореви Святославичю. Той же прия с любовью и положи на немь честь велику, и за двѣ лѣтѣ держа й у себе, и на третьее лѣто введе й в любовь со отцемь его и посла с нимъ сына своего, зятя Рюрикова, Святослава. ⟨...⟩

В ъ л ѣ т о 6692. Пошелъ бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончакъ со мьножествомь половець на Русь, похупаяся, яко плѣнити хотя грады рускыѣ и пожещи огньмь, бяше бо обрѣлъ мужа таковаго бесурменина, иже стрѣляше живымъ огньмь. Бяху же и у нихъ луци тузи самострѣлнии, одва 50 мужь можашеть напрящи. Но всемилостивый господь богъ гордымъ противиться и свѣты ихъ раздруши. Пришедъ бо, ста на Хоролѣ, послалъ же бяшеть с лестью ко Ярославу Всеволодичю, мира прося. Ярославъ же, не вѣды лѣсти ихъ, посла к нимъ мужь свой Ольстина *Олексича*. Святославъ же Всеволодичь слашеть къ Ярославу, река: «Брате, не ими имъ вѣры, ни своего мужа шли, яз на ны поиду». Святославъ же Всеволодичь и Рюрикъ Ростиславичь со всими своими полкы, не стряпя, поиде противу имъ. Рюрикъ же и Святославъ отрядиста Володимѣра Глѣбовича, върядиша в *наворопъ*, и Мьстислава Романовича, а самъ Рюрикъ и Святославъ поидоста задѣ ихъ. Ѣдущим же имъ, и устрѣтоста гости, идущь противу себе ис Половець, и повѣдаша имъ, яко половци стоять на Хоролѣ. Святослав же и Рюрикъ то слышавша и рада быста, и поидоста к нимъ. Володимѣръ же и Мьстиславъ, слышавше, придоша к мѣсту тому,

В это же время Игорь Святославич, услышав, что Святослав отправился на половцев, призвал к себе брата своего Всеволода, и племянника Святослава, и сына своего Владимира и обратился к братии своей и ко всей дружине: «Половцы выступили против русских князей, и мы без них попытаемся напасть на их вежи». И когда переправились за Мерлу, встретились с половцами — ехал Обовлы Костукович с четырехстами воинами воевать на Русь, и тут помчались им навстречу на конях. Половцы же, по повелению божьему, обратились в бегство, и русские погнались за ними, и победили их тут, и возвратились восвояси.

В это же время Владимир Ярославич Галицкий, шурин Игорев, находился у Игоря, так как был изгнан отцом своим из Галича. Тот Владимир прежде всего отправился во Владимир к Роману, но Роман, боясь его отца, не разрешил ему поселиться у себя. Оттуда направился к Ингварю в Дорогобуж, и тот, из страха перед отцом его, не принял Владимира. И он оттуда поехал в Туров, к Святополку, и тот также не пустил его, к Давыду в Смоленск — и Давыд его не пустил, в Суздаль к Всеволоду, дяде своему. Но и там Владимир Галицкий не обрел покоя и пришел в Путивль, к зятю своему Игорю Святославичу. Тот же встретил его радушно и с честью великою и два года держал у себя, а на третий год примирил его с отцом и послал с ним сына своего, зятя Рюрикова, Святослава. 〈...〉

В г о д 6692 (1184). Двинулся окаянный и безбожный и трижды проклятый Кончак с бесчисленными полками половецкими на Русь, надеясь захватить и пожечь огнем города русские, ибо нашел он некоего мужа басурманина, который стрелял живым огнем. Были у них и луки-самострелы, едва пятьдесят человек могли натянуть у них тетиву. Но всемилостивый господь бог противится гордецам и козни их разрушает. Кончак же, придя, стал на Хороле и послал с хитростью к Ярославу Всеволодовичу, предлагая ему мир. Ярослав же, не подозревая обмана, направил к половцам мужа своего Ольстина Олексича. А Святослав Всеволодович послал к Ярославу, говоря ему: «Брат мой, не верь им и своего мужа не посылай, я на них войной иду». Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич со всеми полками своими без промедления двинулись на половцев. Рюрик и Святослав отрядили Владимира Глебовича в передовой полк и Мстислава Романовича с ним, а сами Рюрик и Святослав двинулись следом за ними. Когда они были в пути, встретились им купцы, шедшие навстречу из Половецкой земли, и сказали, что половцы стоят на Хороле. Святослав и Рюрик, услышав об этом, обрадовались и направились туда. А Владимир и Мстислав, узнав об этом, пришли на место,

идеже указаша гостье. Пришедши же на мѣсто то, идѣже *стояли*, и не видиша никогоже, шли бо бяхуть на ино мѣсто възлѣ Хоролъ. Наворопници же, перешедше Хоролъ, взиидоша на шоломя, глядающе, кдѣ узрять ѣ. Коньчакъ же стоялъ у лузѣ. Его же, ѣдуще по шоломени, оминуша, иныѣ же *ватагы* узрѣвше, udариша на нихъ. Кончакъ же то видивъ, за нѣ утече чересъ дорогу, и мьншицю его яша и оного бесурменина яша, у негоже бяшеть живый огонь. То и того ко Святославу приведоша со устроенымъ, прочая же воя ихъ — онихъ избиша, а конѣ и оружье многое множество и ополонишася.

Въ лѣто 6693. Съдѣя господь спасение свое — дасть побѣду князема рускыма — Святославу Всеволодичю и великому князю Рюрикови Ростиславичю мѣсяца марта в 1 день. Увѣдавъша же Кончака бѣжавша, посласта по немь Кунътугдыя въ 6000. Тот же, гнавъ, самого не обрѣте, бяшеть бо тала стопа за Хороломъ. Святослав же и великый князь Рюрикъ побѣду приемша молитвами *святою* мученику Бориса и Глѣба и поидоша когождо восвояси, славяще бога во троицѣ — отца и сына и святаго духа.

Князь же Ярославъ Черниговьский не шелъ бяше с братомь, со Святославомъ, молвяшеть бо тако: «Азъ есмь послалъ к нимъ мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свой мужь поѣхати», тѣмь отречѣся брату своему Святославу. Игорь же молвяшеть Святославлю мужеви: «Не дай богъ, на поганыѣ ѣздя, ся отрещи: поганы есть всимъ намъ обьчий ворогъ!». Потом же гада Игорь с дружиною, куды бы переѣхати полкы Святославлѣ. Рекоша ему дружина: «Княже, потьскы не можешь перелетѣти: се приѣхалъ к тобѣ мужь от Святослава в четвергъ, а самъ идеть в недѣлю ис Кыева, то како *можеши*, княже, постигнути?». Игореви же бяшеть нелюбо, оже ему тако молвять дружина, хотѣ же ѣхати полемь перекъ, возлѣ Сулу. И бяшеть серенъ великъ, акоже вои не можахуть зрѣима переити днемь до вечера, тѣмь никуда же не може пути собѣ налѣсти ѣхати по Святославѣ.

Тоѣ же веснѣ князь Святославъ посла Романа Нездиловича с берендичи на поганѣѣ половцѣ. Божиею помочью взяша вежѣ половецькѣи, много полона и коний, мѣсяца априля въ 21, на самый Великъ день. Тогда же Святославъ князь иде въ вятичѣ хъ Корачеву орудѣй дѣля своихъ.

В то же время Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха из Новагорода мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ, поимяи со собою брата Всеволода ис Трубечка, и Святослава Олговича, сыновця своего, изъ Рыльска, и Володимѣра, сына своего, ис Путивля. И у Ярослава испроси помочь —

указанное купцами. Но когда пришли туда, где стояли половцы, то не увидели никого, ибо те перешли на другое место на берегу Хорола. Передовой же полк, переправившись через Хорол, поднялся на холм, чтобы оттуда заметить врага. А Кончак стоял в долине. И ехавшие по холмам миновали его, а другие полки половецкие — увидели и напали на них. Кончак же за их спиной бежал на ту сторону дороги, и лишь наложницу его захватили и того басурманина, у которого был живой огонь. И привели его к Святославу со всем устройством, а прочих воинов их, кого перебили, а кого взяли в плен, с конями и со множеством всякого оружия.

В год 6693 (1185). Даровал господь избавление — дал победу русским князьям, Святославу Всеволодовичу и великому князю Рюрику Ростиславичу, месяца марта в первый день. Узнав о бегстве Кончака, послали за ним следом Кунтугдыя с шестью тысячами воинов. Но тот, преследуя, не смог его догнать, ибо помешала распутица за Хоролом. Святослав же и великий князь Рюрик одержали победу по молитвам святых мучеников Бориса и Глеба и пошли каждый восвояси, славя бога в троице — отца и сына и святого духа.

А князь Ярослав Черниговский не пошел с братом своим Святославом, говоря так: «Я послал к половцам мужа своего Ольстина Олексича и не могу пойти войной на своего мужа»; этим и оправдался перед братом своим Святославом. Игорь же отвечал Святославову мужу: «Не дай бог отказаться от похода на поганых: поганые всем нам общий враг!» Потом стал совещаться Игорь с дружиной: каким путем поехать, чтобы соединиться с полками Святослава. Отвечала ему дружина: «Князь наш, не сможешь ты перелететь как птица: вот приехал к тебе муж от Святослава в четверг, а сам он идет из Киева в воскресенье, то как же ты сможешь, князь, догнать его?» Игорю не по душе пришлись эти слова дружины, хотел он ехать по степи прямиком, по берегу Сулы. Но была распутица, так что войско за целый день не смогло бы преодолеть и поля от края и до края, поэтому Игорь и не мог выступить со Святославом.

А на ту же весну князь Святослав послал Романа Нездиловича с берендеями на поганых половцев. С божьей помощью захватили вежи половецкие, много пленных и коней, двадцать первого апреля, на самый Великий день. В ту пору князь Святослав отправился по своим делам в землю вятичей, к Корачеву.

А в это время Игорь Святославич, внук Олегов, выступил из Новгорода месяца апреля в двадцать третий день, во вторник, позвав с собой брата Всеволода из Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника своего, из Рыльска, и Владимира, сына своего, из Путивля. И у Ярослава попросил на помощь

Ольстина Олексича, Прохорова внука, с коуи черниговьскими. И тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою, бяхуть бо и у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ к Донцю рѣкы в годъ вечерний, Игорь жь возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць. И рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: «Видите ли? Что есть знамение се?» Они же узрѣвше и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «Княже! Се есть не на добро знамение се». Игорь же рече: «Братья и дружино! Тайны божия никтоже не вѣсть, а знамению творѣць богъ и всему миру своему. А намъ что створить богъ или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити».

И то рекъ, перебреде Донѣць и тако приида ко Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода: тотъ *бяше* шелъ инемь путем ис Курьска. И оттуда поидоша к Салницѣ. Ту же к нимь и сторожеви приѣхаша, ихже бяхуть послалѣ языка ловитъ, и рекоша, приѣхавше: «Видихомся с ратными, ратници ваши со... доспѣхомъ ѣздять, да или поѣдете борзо, или *возворотимся* домовь, яко не наше есть веремя». Игорь же рече с братьею своею: «Оже ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ ны будеть пуще и смерти; но како ны богъ дасть». И тако угадавше, и ѣхаша чересъ ночь.

Заутра же, пятъку наставшу, во обѣднее веремя, усрѣтоша полкы половѣцькиѣ, бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ — вежѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся от мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлия. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву брата его — Всеволожь, а по лѣву — Святославль, сыновця его, на передѣ ему, сынъ Володимѣрь и другий полкъ Ярославль, иже бяху с Ольстиномъ коуеве, а третий полкъ напереди же — стрѣлци, иже бяхуть от всихъ князий выведени. И тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: «Братья! Сего есмы искалѣ, а потягнемы!». И тако поидоша к нимъ, положаче на бозѣ упование свое. И яко быша к рѣцѣ ко Сюурлию, и выѣхаша ис половѣцькихъ полковъ стрѣлци и пустивше по стрѣлѣ на русь, и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюрлия, поскочиша же и ти *полци* силы половѣцькии, которие же далече рѣкы стояхуть.

Святослав же Олговичь, и Володимѣрь Игоревичь, и Ольстинъ с коуи стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не роспустяста полку своего. Передниии же ти русь биша ѣ, имаша. Половцѣ же пробѣгоша вежѣ, и русь же дошедше вежь и ополонишася. Друзии же ночь приѣхаша к полкомъ с полономъ. И яко собрашася *полци* вси, и рече Игорь

Ольстина Олексича, Прохорова внука, с ковуями черниговскими. И так двинулись они медленно, на раскормленных конях, собирая войско свое. Когда подходили они к реке Донцу в вечерний час, Игорь, взглянув на небо, увидел, что солнце стоит словно месяц. И сказал боярам своим и дружине своей: «Видите ли? Что значит знамение это?» Они же все посмотрели, и увидели, и понурили головы, и сказали мужи: «Князь наш! Не сулит нам добра это знамение!» Игорь же отвечал: «Братья и дружина! Тайны божественной никто не ведает, а знамение творит бог, как и весь мир свой. А что нам дарует бог — на благо или на горе нам,— это мы увидим».

И, сказав так, переправился через Донец, и пришел к Осколу, и ждал там два дня брата своего Всеволода: тот шел другой дорогой из Курска. И оттуда пришли к Сальнице. Здесь приехали к ним разведчики, которых посылали ловить языка, и сказали, приехав: «Видели врагов, враги ваши во всем вооружении ездят, так что либо поезжайте без промедления, либо возвратимся домой: не удачное сейчас для нас время». Игорь же обратился к братии своей: «Если нам придется без битвы вернуться, то позор нам будет хуже смерти; так будет же так, как нам бог даст». И, так порешив, ехали всю ночь.

Наутро же, в пятницу, в обеденное время, встретились с полками половецкими; успели подготовиться половцы: вежи свои отправили назад, а сами, собравшись от мала до велика, стали на противоположном берегу реки Сюурлий. А наши построились в шесть полков: Игорев полк посередине, а по правую руку — полк брата его Всеволода, по левую — Святослава, племянника его, перед этими полками — полк сына его Владимира и другой полк, Ярославов,—ковуи с Ольстином, а третий полк впереди — стрелки, собранные от всех князей. И так построили полки свои. И обратился Игорь к братии своей: «Братья! Этого мы искали, так дерзнем же!» И двинулись на половцев, возложив на бога надежды свои. И когда приблизились к реке Сюурлию, то выехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле на русских, ускакали. Еще не успели русские переправиться через реку Сюурлий, как обратились в бегство и те половецкие полки, которые стояли поодаль за рекой.

Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями-стрелками бросились их преследовать, а Игорь и Всеволод двигались медленно, держа строй своих полков. Передовые полки русских избивали половцев и хватали пленных. Половцы пробежали через вежи свои, а русские, достигнув веж, захватили там большой полон. Некоторые с захваченными пленниками лишь ночью вернулись к своим полкам. И когда собрались все полки, обратился Игорь

ко братома и к мужемь своим: «Се богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на нас честь и слава. Се же видихомъ полки половѣцькии, оже мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили. Нынѣ же поѣдемы чересъ ночь, а кто поѣдѣть заутра по насъ, то ци вси поѣдуть, но лучьшии коньници переберуться, а самѣми как ны богъ дасть». И рече Святославъ Олговичь строема своима: «Далече есмь гонилъ по половцехъ, а кони мои не могуть, аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико ми будеть на дорозѣ остати». И поможе ему Всеволодъ, якоже облечи ту. И рече Игорь: «Да не дивно есть разумѣющи, братья, умрети». И облегоша ту.

Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци половецкии, акъ боровѣ. Изумѣшася князи рускии, кому ихъ которому поѣхати: бысть бо ихъ бещисленое множество. И рече Игорь: «Се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю — Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича и Терьтробича». И тако угадавше, вси сосѣдоша с коний, хотяхуть бо бьющеся доити рѣкы Донця; молвяхуть бо, оже побѣгнемь — утечемь сами, а черныя люди оставимъ, то от бога ны будеть грѣхъ: сихъ выдавше, поидемь. Но или умремь, или живи будемь на единомь мѣстѣ». И та рекше, вси сосѣдоша с конѣй и поидоша бьючеся. И тако божиимъ попущениемь уязвиша Игоря в руку и умртвиша шюицю его. И бысть печаль велика в полку его. И воеводу имяхуть — тотъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до *вечера*, и мнози ранени и мертви быша в полкохъ руских.

Наставши же нощи суботнии, и поидоша бьючися. Бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася ковуеве в полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть в то время на конѣ, зане раненъ бяше, поиде к полку ихъ, хотя возворотити к полкомъ. Уразумѣв же, яко далече шелъ есть от людий, и, соимя шоломъ, погънаша опять к полкомъ, того *дѣля,* что быша познали князя и возворотилися быша. И тако не *возворотися* никтоже, но токмо ... Михалко Гюрговичь, познавъ князя, возворотися. Не бяхуть бо добрѣ смялися с ковуи, но мало от простыхъ, или кто от отрокъ боярьскихъ, добри бо вси бьяхуться, идуще пѣши, и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство *показа.* И яко приближися Игорь к полкомъ своимъ, и перехаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одале от полку своего. Держим же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко, борющася, и проси души своей смерти, яко дабы не видилъ падения брата своего. Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста. И бьяху бо ся, идуще в кругъ при езерѣ.

к братии своей и к мужам своим: «Вот бог силой своей обрек врагов наших на поражение, а нам даровал честь и славу. Но видим мы бесчисленные полки половецкие — чуть ли не все половцы тут собрались. Так поедем же сейчас, ночью, а кто утром пустится преследовать нас, то разве все смогут: лишь лучшие из половецких конников переправятся, а нам самим — уж как бог даст». Но сказал Святослав Ольгович дядьям своим: «Далеко гнался я за половцами, и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». Согласился с ним Всеволод и предложил заночевать здесь. И сказал Игорь: «Не удивительно, братья, все обдумав, нам и смерть будет принять». И заночевали на том месте.

Когда же занялся рассвет субботнего дня, то начали подходить полки половецкие, словно лес. И не знали князья русские, кому из них против кого ехать — так много было половцев. И сказал Игорь: «Вот думаю, что собрали мы на себя всю землю Половецкую — Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича, и Тертробича». И тогда, посоветовавшись, все сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донца, ибо говорили: «Если поскачем — спасемся сами, а простых людей оставим, а это будет нам перед богом грех: предав их, уйдем. Но либо умрем, либо все вместе живы останемся». И сказав так, сошли с коней и двинулись с боем. Тогда по божьей воле ранили Игоря в руку, и омертвела его левая рука. И опечалились все в полку его: был у них воевода, и ранили его прежде других. И так ожесточенно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в русских полках.

Когда же настала ночь субботняя, все еще шли они сражаясь. На рассвете же в воскресение вышли из повиновения ковуи и обратились в бегство. Игорь же в это время был на коне, так как был ранен, и поспешил к ним, пытаясь возвратить их к остальным полкам. Но заметив, что слишком отдалился он от своих, сняв шлем, поскакал назад к своему полку, ибо уже узнали бежавшие князя и должны были вернуться. Но так никто и не возвратился, только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся. А с ковуями не бежал никто из бояр, только небольшое число простых воинов да кое-кто из дружинников боярских, а все бояре сражались в пешем строю, и среди них Всеволод, показавший немало мужества. Когда уже приблизился Игорь к своим полкам, половцы, помчавшись ему наперерез, захватили его на расстоянии одного перестрела от воинов его. И уже схваченный, Игорь видел брата своего Всеволода, ожесточенно бьющегося, и молил он у бога смерти, чтобы не увидеть гибели брата своего. Всеволод же так яростно бился, что и оружия ему не хватало. И сражались, обходя вокруг озеро.

И тако во день святаго воскресения наведе на ня господь гнѣвъ свой, в радости мѣсто наведе на ны плачь, и во *веселиа* мѣсто желю на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣи Игорь: «Помянухъ азъ грѣхы своя пред господомь богомъ моимъ, яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьяньстѣй, якоже бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля. Тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии хрестьяни: отлучаеми отець от рожений своих, братъ от брата, другъ от друга своего, и жены от подружий своихъ, и дщери от материй своихъ, и подруга от подругы своея. И все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшюю, живии мертвымъ завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святѣи, огнемь от жизни сея искушение приемши. Старцѣ порѣвахуться, уноты же лютыя и *немилостивыя* раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и расѣкаеми бывають, жены же осквѣрняеми. И та вся створивъ азъ,— рече Игорь,— не достойно ми бяшеть жити! И се нынѣ вижю отместье от господа бога моего: гдѣ нынѣ возлюбленый мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо рожения моего? гдѣ бояре думающеи? гдѣ мужи храборьствующеи? гдѣ рядъ полъчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? Не ото всего ли того обнажихся! И *связана* преда мя в рукы безаконьнымъ тѣмь. Се возда ми господь по безаконию моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою. Истиненъ господь, и прави суди его зѣло. Азъ же убо не имамъ со живыми части. Се нынѣ вижю другая мучения вѣньца приемлюще; почто азъ единъ повиньный не прияхъ страсти за вся си? Но, владыко господи боже мой, не *отрини* мене до конца, но яко воля твоя, господи, тако и милость намъ, рабомъ твоимъ».

И тогда *кончавшюся* полку, розведени быша, и поиде *кождо* во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именемь Чилбукъ, а Всеволода, брата его, ялъ Романъ Кзичь, а Святослава Олговича — Елдечюкъ въ Вобурцевичехъ, а Володимера — Копти в Улашевичихъ. Тогда же на полъчищи Кончакъ поручися по свата Игоря, зане бяшеть раненъ. От толикихъ же людий мало ихъ избысть нѣкакомъ получениемь, не бяшеть бо лзѣ ни бѣгаючимъ утечи, зане, яко стѣнами силнами, огорожени бяху полки половѣцьскими. *Но наших руси* съ 15 мужь утекши, а ковуемь мнѣе, а прочии в морѣ истопоша.

В то же время великый князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть в Корачевъ и сбирашеть от Вѣрхъних земль вои, хотя ити на половци к Донови на все лѣто. Яко возворотися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверьского,

И так в день святого воскресения низвел на нас господь гнев свой, вместо радости обрек нас на плач и вместо веселья — на горе на реке Каялы. Воскликнул тогда, говорят, Игорь: «Вспомнил я о грехах своих перед господом богом моим, что немало убийств и кровопролития совершил на земле христианской: как не пощадил я христиан, а предал разграблению город Глебов у Переяславля. Тогда немало бед испытали безвинные христиане: разлучаемы были отцы с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими, дочери с матерями своими, подруга с подругой своей. И все были в смятении: тогда были полон и скорбь, живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики, в огне очистились от скверны этой жизни. Старцев пинали, юные страдали от жестоких и немилостивых побоев, мужей убивали и рассекали, женщин оскверняли. И все это сделал я,— воскликнул Игорь,— и не достоин я остаться жить! И вот теперь вижу отмщение от господа бога моего: где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо, мною рожденное? где бояре, советники мои? где мужи-воители? где строй полков? где кони и оружие драгоценное? Не всего ли этого лишен я теперь! И связанного предал меня бог в руки беззаконникам. Это все воздал мне господь за беззакония мои и за жестокость мою, и обрушились содеянные мною грехи на мою же голову. Неподкупен господь, и всегда справедлив суд его. И я не должен разделить участи живых. Но ныне вижу, что другие принимают венец мученичества, так почему же я — один виноватый — не претерпел страданий за все это? Но, владыка господи боже мой, не отвергни меня навсегда, но какова будет воля твоя, господи, такова и милость нам, рабам твоим».

И тогда окончилась битва, и разлучены были пленники, и пошли половцы каждый к своим вежам. Игоря же взял в плен муж именем Чилбук из Тарголовцев, а Всеволода, брата его, захватил Роман Кзич, а Святослава Ольговича — Елдечук из Вобурцевичей, а Владимира — Копти из Улашевичей. Тогда же на поле битвы Кончак поручился за свата своего Игоря, ибо тот был ранен. И из стольких людей мало кто смог по счастливой случайности спастись, невозможно было скрыться беглецам — словно крепкими стенами окружены были полками половецкими. Но наших русских мужей пятнадцать убежало, а ковуев и того меньше, а остальные в море утонули.

В это время великий князь Святослав Всеволодович отправился в Карачев и собирал в Верхних землях воинов, намереваясь на все лето идти на половцев к Дону. Когда уже на обратном пути оказался Святослав у Новгорода-Северского, то

и слыша о братьи своей, оже шли суть на половци, утаившеся его, и не любо бысть ему. Святослав же идяше в лодьяхъ, и яко приде к Чернигову, и во тъ годъ прибѣже Бѣловолодъ Просовичь, и повѣда Святославу бывшее о половцѣхъ. Святослав же, то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своих и рече: «О, люба моя братья, и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ! Дал ми богъ притомити поганыя, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю. Воля господня да будеть о всемь! Да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болми по Игорѣ, братѣ моемь».

Посем же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера в Посемье. То бо слышавше, возмятошася городи посемьские, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемь Посемьи и в Новѣгородѣ Сѣверьскомъ и по всей волости Черниговьской: князи изымани и дружина изымана *и* избита. И мятяхуться, акы в мутви, городи воставахуть, и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душь своих, жалующе по князихъ своихъ. Посем же посла Святославъ ко Давыдови Смоленьску, река: «Рекли бяхомъ поити на половци и лѣтовати на Донѣ, нынѣ же половци се побѣдилѣ Игоря и брата его *и съ сыномъ,* а поеди, брате, постерези землѣ Рускоиѣ». Давыдъ же приде по Днепру, придоша же ины помочи, и сташа у Треполя, а Ярославъ в Черниговѣ, совокупивъ вои свои, стояшеть.

Поганыи же половци, побѣдивъше Игоря с братьею, и взяша гордость велику и скупиша весь языкъ свой на Рускую землю. И бысть у нихъ котора; молвяшеть бо Кончакъ: «Поидемъ на Киевьскую сторону, гдѣ суть избита братья *наша* и великый князь нашь Бонякъ», а Кза молвяшеть: «Поидем на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и ... дѣти: готовъ намъ полонъ собранъ, *емлем* же *городы* без опаса». И тако раздѣлишася надвое: Кончакъ поиде к Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту весь день. Володимеръ же Глѣбовичь бяше князь в Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ к рати, выеха из города и потче к нимъ. И по немь мало дерьзнувъ дружинѣ. И бися с ними крѣпко, и обьступиша мнозии половцѣ. Тогда прочии, видивше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася из города и тако отьяша князя своего, язьвена сущи треми копьи. Сий же добрый Володимеръ язвенъ, труденъ въѣха во городъ свой, и утре мужественаго *поту* своего за отчину свою... Володимеръ же слашеть ко Святославу и ко Рюрикови и ко Давыдови и рече имъ: «Се половьци у мене, а помозите ми». Святослав же слашеть ко Давыдови, а Давыдъ стояшеть у Треполя со смолняны. Смолнянѣ же почаша вѣчѣ дѣяти рекуще: «Мы пошли до Киева, даже бы

услышал о братьях своих, что пошли они втайне от него на половцев, и был он этим очень раздосадован. Святослав в то время плыл в ладьях; когда же прибыл он в Чернигов, прибежал туда Беловод Просович и поведал Святославу о случившемся в Половецкой земле. Святослав, узнав об этом, вздохнул тяжело и сказал, утирая слезы: «О дорогая моя братия, и сыновья, и мужи земли Русской! Даровал мне бог победу над погаными, а вы, не удержав пыла молодости, отворили ворота на Русскую землю. Воля господня да будет во всем! И как я только что досадовал на Игоря, так теперь оплакиваю его, брата своего».

После этого послал Святослав сына своего Олега и Владимира в Посемье. Узнав о случившемся, пришли в смятение города посемские, и охватила их скорбь и печаль великая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и во всей земле Черниговской: князья в плену, и дружина пленена или перебита. И метались люди в смятении, в городах брожение началось, и не милы были тогда никому и свои близкие, но многие забывали и о душе своей, печалясь о своих князьях. Затем послал Святослав к Давыду в Смоленск, со словами: «Сговаривались мы пойти на половцев и лето провести на берегах Дона, а теперь половцы победили Игоря, и брата его, и сына; так приезжай же, брат, охранять землю Русскую». Давыд же приплыл по Днепру, пришли и другие на помощь, и расположились у Треполя, а Ярослав с полками своими стоял в Чернигове.

Поганые же половцы, победив Игоря с братией, немало возгордились и собрали всех людей своих, чтобы пойти на Русскую землю. И начался у них спор; говорил Кончак: «Пойдем к Киеву, где была перебита братия наша и великий князь наш Боняк»; а Гза говорил: «Пойдем на Сейм, где остались их жены и дети: там для нас готовый полон собран; будем города забирать, никого не опасаясь». И так разделились надвое: Кончак пошел к Переяславлю, и окружил город, и бился там весь день. Владимир же Глебович, князь Переяславля, был храбр и силен в бою, выехал он из города и напал на врагов. И лишь немногие из дружины решились ехать за ним. Жестоко бился он и окружен был множеством половцев. Тогда остальные переяславцы, видя, как мужественно бьется их князь, выскочили из города и выручили князя своего, раненного тремя копьями. А славный воин этот, Владимир, тяжело раненный, въехал в город свой, утер мужественный пот за отчину свою. И послал Владимир к Святославу, и к Рюрику, и к Давыду, с просьбой: «Половцы у меня, так помогите же мне». Святослав послал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя со смоленцами. Смоленцы же начали совещаться и сказали так: «Мы пришли к Киеву, если бы

была рать, билися быхом, намъ ли иноѣ рати искати, то не можемь, уже ся есмы изнемоглѣ». Святослав же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпрь противу половцемь, а Давыдъ возвратися опять со смолняны. То слышавше половци и возвратишася от Переяславя. Идущи же мимо, приступиша к Римови. Римовичи же затворишася в городѣ и возлѣзъше на заборолѣ, и тако божиимъ судомъ летѣста двѣ городници с людми тако к ратнымъ. И на прочая гражаны наиде страх, да которѣи же гражанѣ выидоша изъ града и бьяхуться, ходяще по Римьскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ в городѣ, а тѣ вси взяти быша. Володимеръ же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ к собѣ, да быша ему помоглѣ. Он же опоздися, сжидающе Давыда *с* смолняны. И тако князѣ рускиѣ опоздишася и не заѣхаша ихъ. Половци же, вземше городъ Римовъ, и ополонишася полона и поидоша восвояси, князи же возворотишася в домы своя, бяхуть бо печални и со сыномъ своимъ Володимѣромъ Глѣбовичемъ, зане бяшеть *раненъ* велми язвами смертьными, и хрестьянъ плененыхъ от поганыхъ.

И се богъ, казня ны грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганыя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны к покаянью, да быхом ся востягнули от злыхъ своих дѣлъ. И симъ казнить ны нахожениемь поганыхъ, да некли *смирившеся* воспомянемься от злаго пути.

А друзии половцѣ идоша по оной сторонѣ к Путивлю. Кза у ... силахъ тяжькихъ и повоевавши волости их и села ихъ пожгоша. Пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася восвояси.

Игорь же Святославличь тотъ годъ бяшеть в Половцехъ, и глаголаше: «Азъ по достоянью моему восприяхъ побѣду от повеления твоего, владыко господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ. Не жаль ми есть за свою злобу прияти нужьная вся, ихже есмь приялъ азъ». Половци же, аки стыдящеся воевъдъства его, и не творяхуть ему, но приставиша к нему сторожовъ 15 от сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20, но волю ему даяхуть: гдѣ хочеть, ту ѣздяшеть и ястрябомъ ловяшеть, а своих слугъ съ 5 и съ 6 с нимь ѣздяшеть. Сторожевѣ же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ послашеть кого — бесъ пря творяхуть повелѣное им. Попа же бяшеть привелъ из Руси к собѣ со святою службою, не вѣдяшеть бо божия промысла, но творяшеться тамо и долъго быти. Но избави их господь за молитву хрестьяньску, имже мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него.

Будущю же ему в половцехъ, тамо ... налѣзеся мужь, родомъ половчинъ, именемь Лаворъ. И тотъ приимъ мысль благу

была там сеча — сражались бы, но зачем нам другой битвы искать, не можем — устали уже». А Святослав с Рюриком и с другими, пришедшими на помощь, пошли по Днепру против половцев, Давыд же возвратился назад со своими смоленцами. Половцы, услышав об этом, отступили от Переяславля. И, проходя мимо Римова, осадили его. Римовичи затворились в городе и заполнили все заборолы, и, по воле божьей, рухнули две городницы с людьми на сторону осаждавших. На остальных же горожан напал страх, кто из них выбежал из города и бился в болотах подле Римова, те и спаслись от плена, а кто остался в городе — тех всех пленили. Владимир же посылал к Святославу Всеволодичу и к Рюрику Ростиславичу, призывая их к себе на помощь. Но Святослав задержался, ожидая Давыда со смоленцами. И так опоздали князья русские и не догнали половцев. Половцы же, взяв город Римов, с полоном отправились восвояси, а князья вернулись по своим домам, печалясь о сыне своем Владимире Глебовиче, получившем тяжелые смертельные раны, и о христианах, взятых в полон погаными.

Вот так бог казнит нас за грехи наши, привел на нас поганых не для того, чтобы порадовать их, а нас наказывая и призывая к покаянию, чтобы мы отрешились от своих дурных деяний. И наказывает нас набегами поганых, чтобы мы, смирившись, опомнились и сошли с пагубного своего пути.

А иные половцы двинулись по другой стороне Сулы к Путивлю. Гза с большим войском разорил окрестности его и села пожег. Сожгли половцы и острог у Путивля и вернулись восвояси.

Игорь же Святославич в то время находился у половцев, и говорил он постоянно: «Я по делам своим заслужил поражение и по воле твоей, владыка господь мой, а не доблесть поганых сломила силу рабов твоих. Не стою я жалости, ибо за злодеяния свои обрек себя на несчастия, которые я и испытал». Половцы же, словно стыдясь доблести его, не чинили ему никакого зла, но приставили к нему пятнадцать стражей из числа своих соплеменников и пять сыновей людей именитых, и всего их было двадцать, но не ограничивали его свободы: куда хотел, туда ездил и с ястребом охотился, а своих слуг пять или шесть также ездило с ним. Те стражи его слушались и почитали, а если посылал он кого-либо куда-нибудь, то беспрекословно исполняли его желания. И попа привел из Руси к себе с причтом, не зная еще божественного промысла, но рассчитывая, что еще долго там пробудет. Однако избавил его господь по молитвам христиан, ибо многие печалились о нем и проливали слезы.

Когда же был он у половцев, то нашелся там некий муж, родом половчин, по имени Лавр. И пришла тому мысль благая,

и рече: «Поиду с тобою в Русь». Игорь же исперва не имящеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышляшеть бо, емше мужь, и бѣжати в Русь, молвяшеть бо: «Азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда от дружины, и нынѣ неславнымъ путемь не имамъ поити». С нимъ бо бяшеть тысячского сынъ и конюший его, и *та* нудяста и глаголюща: «Поиди, княже, в *землю* Рускую, аще *восхощет* богъ — избавить тя». И не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но якоже преже рекохомъ, возвратишася от Переяславля половци, и рекоша Игореви думци его: «Мысль высоку и не угодну господеви имѣешь в собѣ: ты ищеши няти мужа и бѣжати с нимъ, а о семь чему не разгадаешь, оже приедуть половци с войны, а се слышахомъ, оже избити им князя и васъ и всю русь. Да не будеть славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь приимъ во сердцѣ свѣтъ ихъ, уполошася приѣзда ихъ, и возиска бѣжати.

Не бяшеть бо ему лзѣ бежати в день и в нощь, имъже сторожевѣ стрежахуть его, но токмо и веремя таково обрѣтѣ в заходъ солнца. И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: «Перееди на ону сторону Тора с конемь поводнымъ», бяшеть бо свѣчалъ с Лавромъ бѣжати на Русь. В то же время половци напилися бяхуть кумыза. А и бы при вечерѣ пришедъ конюший повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Се же въставъ, ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу божию и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! Аще спасеши мя, владыко, ты недостойнаго!» И возмя на ся крестъ *и* икону, и подоима стѣну, и лѣзе вонъ, сторожем же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сий же пришедъ ко рѣцѣ, и перебредъ, и всѣде на конь, и тако поидоста сквозѣ вежа.

Се же избавление створи господь в пятокъ в вечерѣ. И иде пѣшь 11 денъ до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ, и обрадовашася ему. Из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярослав же обрадовася ему и помощь ему ... обѣща. Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву, к великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, такъже и Рюрикъ, сватъ его.

и сказал он Игорю: «Пойду с тобою в Русь». Игорь же сначала не поверил ему, к тому же лелеял он дерзкую надежду, как это свойственно юности, замышляя бежать в Русь вместе со своими мужами, и говорил: «Я, страшась бесчестия, не бросил тогда дружину свою, и теперь не могу бежать бесславным путем». С Игорем же были сын тысяцкого и конюший его, и те убеждали князя, говоря: «Беги, князь, в землю Русскую, если будет на то божья воля — спасешься». Но все не находилось удобного времени, какого он ждал. Однако, как говорили мы прежде, возвратились половцы из-под Переяславля, и сказали Игорю советчики его: «Не угоден богу твой дерзкий замысел: ты ищешь случая бежать вместе с мужами своими, а что же об этом не подумаешь: вот приедут половцы из похода, и, как слышали мы, собираются они перебить и тебя, князь, и мужей твоих, и всех русских. И не будет тебе ни славы, ни самой жизни». Запал князю Игорю в сердце совет их; испугавшись возвращения половцев, решил он бежать.

Но нельзя ему было бежать ни днем, ни ночью, потому что стерегли его стражи, но показалось ему самым удобным время на заходе солнца. И послал Игорь к Лавру конюшего своего, веля передать: «Переезжай на тот берег Тора с конем поводным», ибо решился он бежать с Лавром в Русь. Половцы же в это время напились кумыса. Когда стало смеркаться, пришел конюший и доложил князю своему Игорю, что ждет его Лавр. Встал Игорь в страхе и в смятении, поклонился образу божьему и кресту честному, говоря: «Господи, в сердцах читающий! О, если бы ты спас меня, владыка, недостойного!» И, взяв с собой крест и икону, поднял стену шатра и вылез из него, а стражи тем временем забавлялись и веселились, думая, что князь спит. Он же, подойдя к реке, перебрался на другой берег, сел на коня, и так поехали они с Лавром через вежи.

Принес ему господь избавление это в пятницу вечером. И шел Игорь пешком до города Донца одиннадцать дней, а оттуда — в свой Новгород, и все обрадовались ему. Из Новгорода отправился он к брату своему Ярославу в Чернигов, прося помочь ему в обороне Посемья. Обрадовался Игорю Ярослав и обещал помощь. Оттуда направился Игорь в Киев, к великому князю Святославу, и рад был Игорю Святослав, а также и Рюрик, сват его.

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В то же лѣто богъ вложи ... в сердце княземъ русскымъ; ходиша бо князи русстии вси на половци: Святославъ Всеволодичь, Рюрикъ Ростиславичь, Володимеръ Глѣбовичь, Святославичь Глѣбъ, Гюргевичь Глѣбъ Туровьскый, Романовичь Мстиславъ, Давыдовичь Изяславъ, Всеволодъ Мстиславичь и галичьская помочь и володимерьская и лучьская. И *поидоша* к ним вкупѣ вси, и, перешедше Уголъ рѣку, 5 дний искаша ихъ. Володимеръ же Глѣбовичь, внукъ Юргевъ, ѣздяше напереду в сторожих с переяславци, и берендѣевъ было съ нимь 2000 и 100.

Половци же услышавше русь, оже пришли на них, ради быша, надѣющеся на силу, рекоша: «Се богъ вдалъ есть князи русскиѣ и полкы ихъ в руцѣ наши». Устремишася на бой, не вѣдуще глаголемаго, яко: «Нѣсть мужьства, ни есть думы противу богови». Поидоша противу Володимеру, кличючи, яко пожрети хотяще. Володимеръ же божьею помочью и святое богородици и дѣда своего *святою* молитвою укрѣпляем и отца своего, поиде противу им. Испросилъся бяше у Святослава, рекъ: «Моя волость пуста от половець; пусти мя, отче Святославе, напередъ с сторожи». Князи же русстии не утягли бяху с Володимеромъ. Половци же, узрѣвше полкъ Володимерь крѣпко идущь на них, побѣгоша гоними гнѣвомъ божьимъ и святое богородици.

Наши же погнаша, сѣкуще я, 7 тысячь руками изъимаша ихъ, князий одинѣхъ было *половецкихъ* 400 и 17: Кобяка руками яша, Осолука, Барака, Тарга, Данила, Башкърта, Тарсука, Изу, Глѣба Тирьевича, Ексна, Алака и Толгыя, Давыдовича тести, с сыном, Тѣтия с сыном, Кобякова тьсти Турундая. И поможе богъ и святая богородица Володимеру мѣсяца *иуля* въ 31 день в понедѣлник, на память святаго Евдокима Новаго.

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В то лето бог вложил в сердце русским князьям мысль — ходили все князья русские на половцев: Святослав Всеволодович, Рюрик Ростиславич, Владимир Глебович, Глеб Святославич, Глеб Юрьевич Туровский, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович, Всеволод Мстиславич и помощь из Галича, Владимира и Лучьска. И пошли все вместе на половцев, и перешли реку Угол, и пять дней искали их. Владимир же Глебович, внук Юрия, ездил впереди в сторожевом полку с переяславцами, и берендеев было с ним две тысячи сто.

Половцы же, услышав, что русские пришли на них, обрадовались, надеясь на силу свою, и сказали: «Вот бог отдал князей русских и полки их в руки наши». Бросились в битву, не ведая, что говорится: «Тщетно мужество и умысел, если бог противится». Пошли они против Владимира, с кликами, словно пожрать его хотели. А Владимир, с помощью божьей и святой богородицы и укрепляем молитвой деда своего и отца своего, пошел им навстречу. Он упросил Святослава, говоря: «Волость моя опустошена половцами, пусти меня, отец мой Святослав, с передовым сторожевым полком». А князья русские не поспели за Владимиром. Половцы же, увидев полк Владимира, храбро на них идущий, побежали, гонимые гневом божиим и святой богородицы.

Наши же погнали их, и рубили их, и семь тысяч взяли в полон, одних князей половецких было четыреста семнадцать, и Кобяка схватили, Осолука, Барака, Тарга, Данилу, Башкорта, Тарсука, Изу, Глеба Тириевича, Ексна, Алака и Толгыя, тестя Давыдова, с сыном, Тетия с сыном, Кобякова тестя Турундая. И помог бог и святая богородица Владимиру месяца июля в тридцать первый день, в понедельник, в день памяти святого Евдокима Нового.

Сдѣя господь спасенье велико нашим князем и воемъ ихъ надъ врагы нашими, побѣжени быша иноплеменьници ... кумани, рекше половци. И рече Володимеръ: «Сь день, иже створи господь, възрадуемся и възвеселимся в онь, яко господь избавилъ ны есть от врагъ наших и покори врагы наша под нозѣ наши, и скруши главы змиевыя». И бысть радость велика: дружина ополонишася и колодникы поведоша, оружья добыша и конь, и възвратишася домовь, славяще бога и святую богородицю, скорую помощницю роду хрестьяньску.

В лѣто 6694. Мѣсяца мая въ 1 день на память святаго пророка Иеремия, в середу на вечерни бы знаменье въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти человѣкомъ, въ очью, яко зелено бяше, и въ солнци учинися яко мѣсяць, из рогъ его яко угль жаровъ исхожаше. Страшно бѣ видѣти человѣкомъ знаменье божье.

В то же лѣто, того же мѣсяца мая въ 18 день на память святаго мученика Потапья в суботу родися сынъ у великаго князя Всеволода и нарекоша имя ему в святѣмь крещении Костянтинъ.

Того же лѣта здумаша Олгови внуци на половци, занеже бяху не ходили томь лѣтѣ со всею князьею, но сами поидоша о собѣ, рекуще: «Мы есмы ци не князи же? Такыже собѣ хвалы добудем!». И сняшася у Переяславля Игорь съ двѣма сынома из Новагорода Сѣверьскаго, ис Трубѣча Всеволодъ, *братъ* его, Олговичь Святославъ из Рыльска и черниговьская помочь. И внидоша в землю ихъ. Половьци же, услышавше, поидоша, рекуще: «Братья наша избита и отци наши, а друзии изъимани, а се нонѣ на нас идут». Послашася по всей земли своей, а сами поидоша к симъ, и ждаша дружины своея, а си к ним идуть, к вежамъ ихъ. Они же не пустячи в вежѣ, срѣтоша ихъ, а дружины не дождавъше и сступишася. И побѣжени бывше половци, и биша и до вежь, множество полона взяша, жены и дѣти, и стояша на вежах 3 дни веселяся, а рекуще: «Братья наша ходили с Святославомъ, великим князем, и билися с ними, зря на Переяславль, а они сами к ним пришли, а в землю ихъ не смѣли по них ити. А мы в земли их есмы, и самѣхъ избили, а жены их полонены, и дѣти у насъ. А нонѣ поидемъ по них за Донъ и до конця избьемъ ихъ. Оже ны будет ту побѣда, идем по них и луку моря, гдѣже не ходили ни дѣди наши, а возмем до конца свою славу и честь». А не вѣдуще божья строенья.

А остатокъ бьеных тѣх бѣжаша дружинѣ своей, гдѣ бяху переже вѣсть послали, и сказаша имъ свою погыбель.

Даровал господь победу великую нашим князьям и воинам их над врагами нашими, побеждены были иноплеменники куманы, или половцы. И сказал Владимир: «В этот день, дарованный нам господом, возрадуемся и возвеселимся, ибо господь избавил нас от врагов наших и поверг врагов наших под ноги наши, и сокрушил головы змиевы». И была радость великая: дружина обогатилась пленниками, и колодников повели, оружье добыли и коней, и возвратились домой, славя бога и святую богородицу, скорую на помощь роду христианскому.

В год 6694 (1186). Месяца мая в первый день, в день памяти святого пророка Иеремии, в среду, под вечер было знаменье на солнце, и так сильно потемнело, что можно было людям увидеть звезды, и в глазах все позеленело, а солнце превратилось как бы в месяц, а в рогах его словно горящие угли. Страшно было видеть людям знамение божие.

В тот же год, того же месяца в восемнадцатый день, в день памяти святого мученика Потапия, в субботу, родился сын у великого князя Всеволода, и нарекли имя ему в святом крещении Константин.

В том же году надумали внуки Ольговы пойти на половцев, так как не ходили в прошлом году со всеми князьями, но сами по себе пошли, говоря: «А что, мы разве не князья? Такую же себе славу добудем!» И встретились у Переяславля Игорь с двумя сыновьями из Новгорода-Северского, брат его Всеволод из Трубчевска, Святослав Ольгович из Рыльска и пришедшие на помощь к ним из Чернигова. И вошли в землю половцев. Те же, услышав, пошли навстречу, говоря: «Братия наша перебита и отцы наши, а другие в плену, а теперь вот на нас идут». Послали весть по всей земле своей, а сами пошли навстречу и поджидали войска свои, а наши к ним идут, к вежам их. Половцы встретили их, не подпустив к вежам, и, не дожидаясь остальных войск, сошлись в битве. И побеждены были половцы, и гнали их до веж, и взяли русские полон — жен и детей, и стояли три дня в вежах их, веселясь и говоря: «Братия наша ходила со Святославом, великим князем, и бились с половцами на виду у Переяславля, те сами к ним пришли, а в землю Половецкую не посмели за ними пойти. А мы в земле их, и самих перебили, и жены их полонены, и дети их у нас. А теперь пойдем следом за ними за Дон и перебьем их всех без остатка. Если же и тут одержим победу, то пойдем вслед за ними и до лукоморья, куда не ходили и деды наши, а славу и честь свою всю возьмем до конца». Но не знали о предначертании божьем.

А остатки разбитых половцев бежали к войску своему, куда прежде весть посылали, и рассказали им о своем поражении.

Они же, слышавше, поидоша к ним, а по друзи *послаша*. И снявшася с ними стрѣлци, и бишася 3 дни стрѣлци, а копьи ся не снимали, а дружины ожидаючи, а к водѣ не дадуче имъ ити.

И приспѣ к ним дружина вся, многое множство. Наши же, видѣвше ихъ, ужасошася, и величанья своего отпадоша, не вѣдуще глаголемаго пророкомъ: «Нѣсть человѣку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы противу господеви». Изнемогли бо ся бяху безводьемь и кони и сами, в знои и в тузѣ, и поступиша мало к водѣ, по 3 дни бо не пустили бяху ихъ к водѣ. Видѣвше ратнии, устремишася на нь, и притиснуша и к водѣ, и бишася с ними крѣпко и бысть сѣча зла велми. Друзии конѣ пустиша к нимъ съсѣдше, и кони бо бяху под ними изнемогли, и побѣжени быша наши гнѣвом божьимъ. Князи вси изъимани быша, а боляре и велможа и вся дружина избита, а другая изъимана и та язвена. И възвратишася с побѣдою великою половци, а о наших не бысть кто и вѣсть принеса за наше согрѣшенье.

Гдѣ бо бяше в нас радость — нонѣ же въздыханье и плачь распространися! Исайя бо пророкъ глаголеть: «Господи, в печали помянухом тя», и прочая.

И *поиде* путем гость, они же казаша, рекуще: «Поидѣте по свою братью, али мы идем по свою братью к вам». Князем же всѣм слышавше таку погыбель о братьѣ своей и до бояръ, возпиша вси, и бысть плачь и стенанье: овѣмъ бо братья избита и изъимана, а другымъ отци и ближикы. А князь Святославъ посла по сыны своѣ и по всѣ князи. И собрашася к нему г Кыеву и выступиша г Каневу. Половци же, услышавше всю землю Русскую идуще, бѣжаша за Донъ. Святослав же, слышавъ ихъ бѣжавших, възвратися г Кыеву со всею князьею, и разидошася в страны своя.

Половци же, услышавше ихъ отшедших, гнаша отай к Переяславлю, и взяша всѣ городы по Сулѣ, и у Переяславля бишася весь день. Володимеръ же Глѣбовичь, видѣ острогъ взимаем, выѣха из города к ним в малѣ дружинѣ, и потче к ним, и бишася с ними крѣпко, и обиступиша князя злѣ. И видѣвше горожане *изнемагающа* своих и выринушася из города и бишася, одва изотяша князя, боденаго треми копьи. А дружины много избьено. И вбѣгоша в городъ и затворишася. А они възвратишася со многым полоном в вежѣ.

И по малых днѣхъ ускочи Игорь князь у половець — не оставить бо господь праведнаго в руку грѣшничю: очи бо господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ! Гониша бо по нем и не обрѣтоша, якоже и Саулъ гони Давыда, но богъ избави и, тако и сего богъ избави из руку поганых.

Те же, услышав, пришли к ним на помощь и за другими послали. И сошлись с русскими стрельцы, и бились три дня стрельцы, а в копейном бою не сходились, ожидая свою дружину, а к воде не дали им подойти.

И подошло к ним войско все, бесчисленное множество. Наши же, увидев их, ужаснулись и забыли о похвальбе своей, ибо не ведали сказанного пророком: «Тщетны человеку и мудрость, и мужество, и замысел, если бог противится». Изнемогли от безводия и кони и сами, в жаре и в муках, и наконец пробились к воде, а то три дня не подпускали их к воде. Видев это, враги устремились на них, и прижали их к воде, и яростно бились с ними, и лютая была битва. Сменили половцы коней своих, а у наших кони изнемогли, и были побеждены наши гневом божьим. Князей всех в плен взяли, а из бояр и вельмож и дружины всей,— кто убит, другие в плен взяты или ранены. И возвратились с победой великой половцы, а о наших не ведомо кто и весть принес, а все за грехи наши.

Где же радость наша — теперь вздохи и плач повсюду! Исайя же пророк говорит: «Господи, в печали вспомнил тебя», и прочее.

Шел своей дорогой купец, и половцы приказали ему передать: «Идите за своей братией, или мы идем за своей братией к вам». Князья же все, услышав о таком несчастии с братией своей и с боярами, застенали все, и повсюду был плач и рыдания: у одних братья погибли или в плен попали, у других отцы или близкие. А князь Святослав послал за сыновьями своими и за всеми князьями. И собрались к нему в Киев, и выступили к Каневу. Половцы же, услышав, что вся земля Русская идет против них, бежали за Дон. Святослав же, узнав, что они бежали, возвратился со всеми князьями к Киеву, и разошлись все по своим землям.

А половцы, услышав, что они отошли, внезапно напали на Переяславль, и взяли все города по Суле, и у Переяславля бились весь день. Владимир же Глебович, видя, что они сейчас захватят острог, выехал из города с небольшой дружиной, и напал на них, и смело сразился с ними, они же, на беду, окружили князя. Но горожане, видя, что свои изнемогают в бою, выскочили из города и в бою едва отняли князя, раненного тремя копьями. А из дружины его многие погибли. И поспешили в город, и затворились в нем. А половцы возвратились с большим полоном в вежи.

Вскоре бежал Игорь от половцев — ибо господь не оставит праведника в руках грешников: взирает господь на тех, кто боится его, и прислушивается к молитвам их! Гнались за ним и не догнали; как Саул преследовал Давида, но бог избавил того, так и Игоря бог избавил от рук поганых половцев...

А они вси держими бяху твердо, и стрегоми, и потвержаеми многими желѣзы и казньми.

Се же... здѣяся грѣх ради наших, зане умножишася грѣси наши и неправды. Богъ бо казнить рабы своя напастьми различьными, огнемь и водою и ратью, и иными различными казньми, *хрестьяномъ* бо многыми напастьми внити въ царство небесное. Согрѣшихом — казними есмы, яко створихом, тако и приязхом, но кажет ны добрѣ господь нашь, но да никтоже может рещи, яко ненавидит нас богъ — не буди токого! Тако любить, якоже ны възлюбилъ е, и страсть приятъ, нас ради, да ны избавить от неприязни.

А остальных держали строго и сторожили, угрожая цепями и муками.

Все это свершилось из-за грехов наших, так как умножились грехи наши и преступления. Бог ведь казнит рабов своих различными напастями, и огнем, и водой, и войной, и иными различными бедами; христианам, многое перенесшим, суждено будет войти в царство небесное. Согрешили и казнимы, как поступали, за то и получили, но наказывает нас справедливо господь наш, и пусть никто не посмеет сказать, что ненавидит нас бог — не будет этого! Так любит, как возлюбил нас, когда муки принял нас ради, чтобы избавить нас от дьявола.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

СЛОВО О *ПЛЪКУ* ИГОРЕВѢ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянъ бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы, помняшеть бо, *рече*, първыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди *пѣснь* пояше старому *Ярославу*, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не 10 соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сиа плъкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы!

Пѣти было *пѣснь* Игореви, того внуку: «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому». Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче: «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыевѣ!».

Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый — ты, Игорю! Оба есвѣ

СЛОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе Игоревом, Игоря Святославича? Начаться же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову.

Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, зарезавшему Редедю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. А Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который обуздал ум своею доблестью и поострил сердца своего мужеством, преисполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

О Боян, соловей старого времени! Если бы ты полки эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умом под облака, свивая славы вокруг нашего времени, возносясь по тропе Трояновой с полей на горы!

Так бы петь песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону великому». Или так пел бы ты, вещий Боян, внук Велеса: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве!»

Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле, Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй-Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы

Святъславлича! Сѣдлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копия въскръмлени; пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени. Сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ».

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бързыя комони да позримъ синего Дону». Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. «Хощу бо,— рече,— копие приломити конець поля Половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше, нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ въста, *збися* Дивъ, кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, *Тьмутороканьскый* блъванъ. А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому: крычатъ *телѣгы* полунощы, рци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птиць по *дубию*, влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь *мрькнетъ*. Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славий успе, говоръ галичь *убудися*. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю — славы.

Съ зарания въ *пятъкъ* потопташа поганыя плъкы половецкыя, и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами, и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было *онъ* обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати,

Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже оседланы у Курска. А мои куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью все его войско прикрыто. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу,— сказал,— копье преломить на границе поля. Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться чужой земле: Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону великому: скрипят телеги в полуночи, словно лебеди встревоженные.

Игорь к Дону войско ведет. Уже гибели его ожидают птицы по дубравам, волки грозу навывают по яругам, орлы клекотом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

Долго темная ночь длилась. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный затих, галичий говор проснулся. Русичи широкие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранку в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и рассыпались стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Покрывалами, и плащами, и одеждами, и всякими нарядами половецкими стали мосты мостить по болотам и топям. Червленый стяг, белое знамя, червленый бунчук, серебряное копье — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь прокладывает к Дону великому.

На другой день раным-рано кровавые зори рассвет возвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям преломиться,

ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго.

О Руская землѣ! Уже *за* шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ: «Половци идуть»; отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ рускыя плъкы *оступиша.* Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,— тамо лежатъ поганыя головы половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! Кая *рана* дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая!

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ, *той* же звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ *Всеволодъ,* а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплъкь *полелѣя* отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святѣй Софии къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие.

То было въ ты рати, и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано! Съ зарания до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли!

Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кровавого вина не доста, ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

тут саблям иступиться о шеломы половецкие, на реке на Каяле, у Дона великого.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

А вот уже ветры, Стрибожьи внуки, повеяли с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги вещают: «Половцы идут!»,— от Дона, и от моря, и со всех сторон обступили они русские полки. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Яр-Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, осыпаешь воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, Тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая,— там лежат головы поганых половцев, расщеплены саблями калеными шлемы аварские от твоей руки, Яр-Тур Всеволод! Какая рана удержит, братья, того, кто забыл о почестях и богатстве, забыл и города Чернигова отцовский золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку!

Были века Трояна, минули годы Ярослава, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом раздоры ковал и стрелы по земле сеял. Вступает он в золотое стремя в городе Тмуторокани, звон же тот слышал давний великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. Бориса же Вячеславича жажда славы на смерть привела и на Канине зеленую паполому постлала ему за обиду Олега, храброго и молодого князя. С такой же Каялы и Святополк бережно повез отца своего между венгерскими иноходцами к святой Софии, к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче сеялись и прорастали усобицы, гибло достояние Даждь-Божьих внуков, в княжеских распрях век людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили, собираясь лететь на поживу.

То было в те рати и в те походы, а о такой рати и не слыхано! С раннего утра и до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья булатные в поле чужом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костьми посеяна, а кровью полита; бедами взошли они на Русской земле!

Что шумит, что звенит в этот час рано перед зорями? Игорь полки заворачивает, жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не хватило, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево от печали к земле приклонилось.

Уже бо, братие, невеселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука, *вступила* дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону, плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати, а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече заиде соколъ, птиць бья,— къ морю. А Игорева храбраго плъку не крѣсити! За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу *людемъ* мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены руския въсплакашась, аркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!» А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу *убудиста которою; ту* бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозный великый Киевскый грозою, бяшеть *притрепалъ* своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота. А поганаго Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихръ, выторже. И падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче.

А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ. «*Синочи* съ вечера *одѣвахуть* мя,— рече — чръною паполомою на *кровати* тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено, сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю нощь съ вечера *бусови* врани възграяху у Плѣсньска на *болоньи,* бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а *самою опуташа* въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца

Вот уже, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась Обида среди Даждь-Божьих внуков, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском вспугнула времена обилия. Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц,— к морю. А Игорева храброго полка не воскресить! Вслед ему завопила Карна, и Жля помчалась по Русской земле, сея горе людям из огненного рога. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни очами не увидать, а золота и серебра и в руках не подержать!» И застонал, братья, Киев в горе, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль потоками потекла по земле Русской. А князья сами себе невзгоды ковали, а поганые сами в победных набегах на Русскую землю брали дань по белке от двора.

Ведь те два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, непокорством зло пробудили, которое усыпил было отец их,— Святослав грозный великий киевский,— грозою своею, усмирил своими сильными полками и булатными мечами; вступил на землю Половецкую, протоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из Лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем вырвал. И повержен Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, который погрузил богатство на дно Каялы, реки половецкой — русское золото рассыпал. Тогда Игорь-князь пересел из золотого седла в седло невольничье. Уныли городские стены, и веселие поникло.

А Святослав тревожный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня,— говорил,— черною паполомою на кровати тисовой, черпали мне синее вино с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых и утешали меня. Уже доски без конька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, и из дебри Кисановой понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе разум нам застилает. Вот ведь слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмуторокани либо испить шеломом Дону. Уже соколам крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно стало на третий день: два солнца

помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ *нима* молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса Дивь на землю. Се бо готския красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий *Святъславъ* изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и *многовоя* брата моего Ярослава, съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы. Тии бо бес щитовь, съ засапожникы, кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: «Мужаемѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю *си* сами подѣлимъ». А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло — княже ми непособие; наниче ся години обратиша. Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великый княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти — удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде! Не ваю ли *вои* злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата *стремена* за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча *бремены* чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, *отворяеши* Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака,

померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними два молодых месяца тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла; по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок гепардов, и великую радость пробудили в хинове. Уже пала хула на хвалу, уже ударило насилие по воле, уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, позванивая русским золотом, поют они о времени Бусовом, лелеют месть за Шарукана. А мы, дружина, уже невеселы».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами терзать, а себе искать славу. Но не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили. Ваши храбрые сердца из твердого булата скованы и в дерзости закалены. Что же учинили вы моим серебряным сединам!

А уже не вижу власти сильного и богатого брата моего Ярослава, с воинами многими, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Все они и без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звеня прадедней славой. Но сказали вы: «Помужествуем сами: прежнюю славу сами похитим, а нынешнюю меж собой разделим». Но не диво, братия, старику помолодеть! Когда сокол возмужает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот мне беда — княжеская непокорность, вспять времена повернули. Вот у Римова снова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Горе и беда сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод! Не помыслишь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол поберечь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы невольница по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, храбрый Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле чужом? Вступите же, господа, в золотые стремена за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды рядя до Дуная. Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака,

поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носитъ *ваю* умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи *паворзи* подъ шеломы латинскими. *Тѣм* тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулици своя *повръгоша*, а главы своя *подклониша* подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже, княже, Игорю *утрьпѣ* солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони: по *Роси* и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плъку не крѣсити! Донъ ти, княже, кличетъ и зоветь князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребии собѣ власти расхытисте! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грозным полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи. *Исхыти* юна кров, а тьи рекъ: «Дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не *бысть* ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелие. Унылы голоси, пониче веселие. Трубы трубятъ городеньскии.

Ярославе и вси внуце Всеславли! Уже *понизите* стязи свои, *вонзите* свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Русскую, на жизнь Всеславлю: *которою* бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ, утръже *вазни* с три кусы: *отвори* врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ

поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоревы, храброго Святославича!

А ты, храбрый Роман, и Мстислав! Храбрые замыслы влекут ваш ум на подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в дерзости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи под шлемами латинскими. Потому и дрогнула земля, и многие народы — хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы — копья свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже поспели на брань.

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — не худого гнезда шестокрыльци! Не по праву побед расхитили себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и копья польские, и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Вот уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет у тех грозных полочан под кликами поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен... И сказал: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали». Не было тут ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода, так он один и изронил жемчужную душу из храброго своего тела через золотое ожерелие. Приуныли голоса, сникло веселье. Трубы трубят городенские.

Ярославовы все внуки и Всеславовы! Не вздымайте более стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся, ибо потеряли уже дедовскую славу. В своих распрях начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславово. Из-за усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна бросил Всеслав жребий о девице ему милой. Тот хитростью поднялся... достиг града Киева и коснулся копьем своим золотого престола киевского. А от них бежал, словно лютый зверь в полночь из Белгорода, бесом одержим в ночной мгле; трижды добыл победы: отворил ворота Новгороду, разбил славу Ярославову, скакнул волком на Немигу с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не на добро засеяны, засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до рассвета дорыскивал до

Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ *дрѹзѣ* тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!»

О, стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей!» Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нъ *розно* ся имъ хоботы пашутъ. Копиа поютъ.

На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею *незнаема* рано кычеть. «Полечю,— рече,— зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «О *вѣтре* вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ *горѣ* подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?»

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле, аркучи: «О, Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ *въ* Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче».

Прысну море полунощи; идутъ сморци мьглами. Игореви князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ Великаго Дону до Малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою — велить князю разумѣти: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся половецкии *подвизаша*. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, *възвръжеся* на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О, Донче!

Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перебегал. Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку молвил, смысленый: «Ни хитрому, ни удачливому ...суда божьего не избежать!»

О, печалиться Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне одни стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, и порознь их хоругви развеваются. Копья поют...

На Дунае Ярославнин голос слышится, чайкою неведомой она рано кличет. «Полечу,— говорит,— чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле».

Ярославна с утра плачет на стене Путивля, причитая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, так сильно веешь? Зачем мечешь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна с утра плачет на стене города Путивля, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе ладьи Святославовы до стана Кобякова. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я спозаранку к нему слез на море».

Ярославна с утра плачет в Путивле на стене, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! Почему же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки расслабило, горем им колчаны заткнуло».

Вспенилось море в полуночи, в тучах движутся вихри. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спит и не спит: Игорь мыслию поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой — велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь горностаем прыгнул в тростники, белым гоголем — на воду, вскочил на борзого коня, соскочил с него бо́сым волком, и помчался к лугу Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, отряхивая с себя студеную росу: загнали они своих быстрых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Разве не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!» Игорь сказал: «О Донец!

Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнию зелену древу. Стрежаше *его* гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ». Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена к усту, уношу *князя Ростислава* затвори днѣ *при* темнѣ березѣ. Плачется мати *Ростиславля* по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли *прѣклонилося*.

А не сорокы втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, *полозие* ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми *пѣсньми* свѣтъ повѣдаютъ. Млъвитъ Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,— соколича ростaxрѣляевѣ своими злачеными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею». И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына Святъславля, *пѣснотворца* стараго времени Ярославля: «Ольгова коганя хоти! Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы»,— Руской земли безъ Игоря!

Солнце свѣтится на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи — вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти! Слава Игорю *Святъславличю*, Буй Туру *Всеволоду*, Владимиру Игоревичу! Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава а дружинѣ!

Аминь.

Разве не мало тебе величия, что лелеял ты князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Стерег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями в ветрах». Не такая, говорят, река Стугна: бедна водою, но, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, а дерево в тоске к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не каркали, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит — расстреляем соколенка своими злачеными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы и станут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына Святославовы, песнотворцы старого времени Ярославова: «О жена когана Олега! Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы». Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом — молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй-Тур Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, выступая за христиан против полков поганых! Князьям слава и дружине! Аминь.

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧЕНИКА, ЕЖЕ НАПИСА СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВОЛОДИМЕРОВИЧЮ

Въструбимъ, яко во златокованыя трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребреныя арганы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех. Востану рано, исповѣмъ ти ся. Да разверзу въ притчах гаданиа моя и провѣщаю въ языцѣх славу мою. Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою и мудростию.

Бысть языкъ мои трость книжника скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость. Сего ради покушахся написати всякъ съузъ сердца моего и разбих злѣ, аки древняя младенца о камень.

Но боюся, господине, похулениа твоего на мя.

Азъ бо есмь, аки она смоковница проклятая: не имѣю плода покаянию; имѣю бо сердце, аки лице безъ очию; и бысть умъ мои, аки нощный вранъ на нырищи, забдѣх; и расыпася животъ мои, аки ханаонскыи царь буестию; и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона.

Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своея.

Но видих, господине, твое добросердие к собѣ и притекох къ обычнеи твоеи любви. Глаголеть бо въ Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царствия небеснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и тои тя препитаеть въ вѣки.

Азъ бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застѣнии, на ню же ни солнце сиаеть, ни дождь идет; тако и азъ всѣмъ обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа, яко плодомъ твердым.

Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, аки мати на младенецъ. Возри на птица небесныа,

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА, НАПИСАННОЕ ИМ СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВЛАДИМИРОВИЧУ

Вострубим, как в златокованые трубы, во все силы ума своего, и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью. Восстань, слава моя, восстань в псалтыри и в гуслях. Встану рано и расскажу тебе. Да раскрою в притчах загадки мои и возвещу в народах славу мою. Ибо сердце умного укрепляется в теле его красотою и мудростью.

Был язык мой как трость книжника-скорописца, и приветливы уста мои, как быстрота речная. Того ради попытался я написать об оковах сердца моего и разбил их с ожесточением, как древние — младенцев о камень.

Но боюсь, господине, осуждения твоего.

Ибо я как та смоковница проклятая: не имею плода покаяния; ибо имею сердце — как лицо без глаз; и ум мой — как ночной ворон, на вершинах бодрствующий; и закончилась жизнь моя, как у ханаанских царей, бесчестием; и покрыла меня нищета, как Красное море фараона.

Все это написал я, спасаясь от лица бедности моей, как рабыня Агарь от Сарры, госпожи своей.

Но видел, господине, твое добросердечие ко мне и прибег к всегдашней любви твоей. Ибо говорится в Писании: просящему у тебя дай, стучащему открой, да не отвергнут будешь царствия небесного; ибо писано: возложи на бога печаль свою, и тот тебя пропитает вовеки.

Ибо я, княже господине, как трава чахлая, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит; так и я всеми обижаем, потому что не огражден я страхом грозы твоей, как оплотом твердым.

Не смотри же на меня, господине, как волк на ягненка, а смотри на меня, как мать на младенца. Посмотри на птиц небесных —

яко тии ни орють, ни сѣють, но упоВають на милость божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоея.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣи смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ на нем сѣдя плачь горкии; и кому ти есть Новъгород, а мнѣ и углы опадали, зане не процвите часть моя.

Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многоразличных брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обрѣтаются и паки помагающе подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣютъ ми ся. Тѣмъ же не ими другу вѣры, ни надѣися на брата.

Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лѣпше смерть, ниже продолженъ животъ в нищети. Яко же бо Соломонъ рече: ни богатества ми, ни убожества, господи, не даи же ми: аще ли буду богатъ — гордость восприиму, аще ли буду убогъ — помышляю на татбу и на разбои, а жены на блядню.

Тѣмъ же вопию к тобѣ, одержимъ нищетою: помилуи мя, сыне великаго царя Владимера, да не восплачюся рыдая, аки Адамъ рая; пусти тучю на землю художества моего.

Зане, господине, богат мужь везде знаем есть и на чюжеи странѣ друзи держить; а убогъ во своеи ненавидим ходить. Богат возглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облакъ; а убогии возглаголеть — вси на нь кликнуть. Их же ризы свѣтлы, тѣх рѣчь честна.

Княже мои, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от устъ лвовъ.

Азъ бо есмь, княже, аки древо при пути: мнози бо посѣкають его и на огнь мечють; тако и азъ всѣм обидимъ есмь, зане огражен̄ъ есмь страхом грозы твоеа.

Яко же бо олово гинеть часто разливаемо, тако и человѣкъ, приемля многия бѣды. Никто же может соли зобати, ни у печали смыслити; всякъ бо человѣкъ хитрить и мудрить о чюжей бѣди, а о своеи не можеть смыслити. Злато съкрушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо много мучима чистъ хлѣбъ являеть, а в печали обрѣтаеть человѣкъ умъ свръшенъ. Молеве, княжи, ризы ѣдять, а печаль человѣка; печалну бо мужу засышють кости.

Аще кто в печали человѣка призрит, какъ студеною водою напоить во зноиныи день.

Птица бо радуется весни, а младенець матери; весна украшаеть цвѣты землю, а ты оживляеши вся человѣкы милостию своею, сироты и вдовици, от велможь погружаемы.

не пашут они, не сеют, но уповают на милость божию; так и мы, господине, ищем милости твоей.

Ибо, господине, кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро, а мне, на нем живя, плач горький; кому Новый Город, а у меня в доме и углы завалились, так как не расцвело счастье мое.

Друзья мои и близкие мои отказались от меня, ибо не поставил перед ними трапезы с многоразличными яствами. Многие ведь дружат со мной и за столом тянут руку со мной в одну солонку, а в несчастье становятся врагами и даже помогают подножку мне поставить; глазами плачут со мною, а сердцем смеются надо мной. Потому-то не имей веры к другу и не надейся на брата.

Не лгал мне князь Ростислав, когда говорил: «Лучше мне смерть, нежели Курское княжение»; так и мужи говорят: «Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете». Как и Соломон говорил: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, господи: если буду богат,— гордостью вознесусь, если же буду беден,— задумаю воровство или разбой», как женки распутство.

Вот почему взываю к тебе, одержим нищетою: помилуй меня, потомок великого царя Владимира, да не восплачусь, рыдая, как Адам о рае; пусти тучу на землю убожества моего.

Ибо, господине, богатый муж везде вéдом — и на чужбине друзей имеет, а бедный и на родине ненавидим ходит. Богатый заговорит — все замолчат и после вознесут речь его до облак; а бедный заговорит — все на него закричат. Чьи одежды богаты, тех и речь чтима.

Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утенка от когтей ястреба, как овцу из пасти львиной.

Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь кидают; так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей.

Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек, когда он много бедствует. Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть; всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может рассудить. Злато плавится огнем, а человек напастями; пшеница, хорошо перемолотая, чистый хлеб дает, а человек в напасти обретает ум зрелый. Моль, княже, одежду ест, а печаль — человека; печаль человеку кости сушит.

Если кто в печали человеку поможет, то как студеной водой его напоит в знойный день.

Птица радуется весне, а младенец матери; весна украшает землю цветами, а ты оживляешь людей милостию своею, сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.

Княже мои, господине! Яви ми зракъ лица своего, яко гласъ твои сладокъ и образ твои красенъ; мед истачають устнѣ твои, и послание твое аки раи с плодом.

Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлѣбъ ядуща; или пиеши сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена; егда лежиши на мяккых постелях под собольими одѣялы, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми аки стрѣлами сердце пронизающе.

Да не будет, княже мои, господине, рука твоа согбена на подание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманиемъ твоего дому истощити. Яко же бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздаваи людем.

Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть; тако и ты, княже, многими людми честенъ и славенъ по всѣмъ странам. Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго и показа им множество злата и сребра; они же рѣша: нашь царь богатѣи тебе не множеством злата, но множеством воя; зане мужи злата добудуть, а златом мужеи не добыти. Яко же рече Святославъ князь, сынъ Олъжинъ, ида на Царьград с малою дружиною, и рече: братиа! намъ ли от града погинути, или граду от нас пленену быти? Яко же бог повелить, тако будеть: поженет бо единъ сто, а от ста двигнется тма. Надѣяся на господа, яко гора Сионъ не подвижится въ вѣки.

Дивиа за буяном кони паствити, тако и за добрымъ князем воевати. Многажды безнарядиемъ полци погибають. Видих: великъ звѣрь, а главы не имѣеть; тако и многи полки без добра князя.

Гусли бо страяются персты, а тѣло основается жилами; дубъ крѣпокъ множеством корениа; тако и градъ нашь твоею дръжавою.

Зане князь щедръ отець есть слугамъ многиим: мнозии бо оставляють отца и матерь, к нему прибѣгают. Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится болшеи роботы. Зане князь щедръ, аки рѣка, текуща без береговъ сквози дубравы, напаяюще не токмо человѣки, но и звѣри; а князь скупъ, аки рѣка въ брезѣх, а брези камены: нѣлзи пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладяз сладокъ при пути напаяеть мимоходящих; а бояринъ скупъ, аки кладязь сланъ.

Не имѣи собѣ двора близъ царева двора и не дръжи села близъ княжа села: тивунъ бо его аки огнь трепетицею накладенъ,

Княже мой, господине! Покажи мне лицо свое, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен; мед источают уста твои, и дар твой как плод райский.

Когда услаждаешься многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего; или когда пьешь сладкое питье, вспомни меня, теплую воду пьющего в укрытом от ветра месте; когда же лежишь на мягкой постели под собольими одеялами, меня вспомни, под одним платком лежащего, и от стужи оцепеневшего, и каплями дождевыми, как стрелами, до самого сердца пронзаемого.

Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить. Как невод не удерживает воды, а только рыб, так и ты, княже, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям.

Паволока, расшитая разноцветными шелками, красоту свою показывает; так и ты, княже, множеством своей челяди честен и славен во всех странах являешься. Некогда ведь похвалился царь Иезекииль перед послами царя вавилонского и показал им множество злата и серебра; они же сказали: «Наш царь богаче тебя не множеством золота, но множеством воинов; ибо воины золото добудут, а золотом воинов не добыть». Как сказал князь Святослав, сын Ольгин, когда шел на Царьград с небольшою дружиною: «Братья! нам ли от этого города погибнуть или городу от нас быть пленену?» Как бог повелит, так и будет; погонит один сто, а от ста побегут тысячи. Тот, кто надеется на господа, не дрогнет вовек, как гора Сион.

Славно за бугром коней пасти, так и в войске хорошего князя воевать. Часто из-за беспорядка полки погибают. Видел: огромный зверь, а головы не имеет, так и многие полки без хорошего князя.

Гусли ведь настраиваются перстами, а тело крепится жилами; дуб силен множеством корней, так и град наш — твоим управлением.

Ибо щедрый князь — отец многим слугам: многие ведь оставляют отца и матерь и к нему приходят. Хорошему господину служа, дослужиться свободы, а злому господину служа, дослужиться еще большего рабства. Ибо щедрый князь — как река, текущая без берегов через дубравы, поит не только людей, но и зверей; а скупой князь — как река в берегах, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. Боярин щедрый — как колодезь с пресной водой при дороге: прохожих поит; а боярин скупой — как колодезь соленый.

Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ княжого села: ибо тиун его — как огонь, на осине разожженный,

и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искоръ не можеши устречися и сождениа портъ.

Господине мои! Не лиши хлѣба нища мудра, ни вознесе до облакъ богата несмыслена. Нищь бо мудръ, аки злато в кални судни; а богат красенъ и не смыслить, то аки паволочито изголовие соломы наткано.

Господине мои! Не зри внѣшняя моя, но возри внутреняя моа. Азъ бо, господине, одѣниемъ оскуденъ есмь, но разумом обиленъ; унъ възрастъ имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ. Бых мыслию паря, аки орелъ по воздуху.

Но постави сосуд скуделничь под лѣпокъ капля языка моего, да накаплють ти слажше меду словеса устъ моих. Яко же Давидъ рече: сладка сут словеса твоя, паче меда устомъ моимъ. Ибо Соломонъ рече: словеса добра сладостью напаяють душу, покрываеть же печаль сердце безумному.

Мужа бо мудра посылаи и мало ему кажи, а безумнаго посылаи, и самъ не лѣнися по немъ ити. Очи бо мудрых желают благых, а безумнаго дому пира. Лѣпше слышати прѣние умных, нижели наказаниа безумных. Даи бо премудрому вину, премудрие будеть.

Не сѣи бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных. Безумных бо ни сѣють, ни орють, ни в житницю сбирают, но сами ся родят. Какъ в утелъ мѣх лити, такъ безумнаго учити; псомъ бо и свиниамъ не надобѣ злато, ни сребро, ни безумному драгии словеса; ни мертвеца росмѣшити, ни безумнаго наказати. Коли пожреть синиця орла, коли камение въсплавлет по водѣ, и коли иметь свиниа на бѣлку лаяти, тогды безумныи уму научится.

Или ми речеши: от безумиа ми еси молвилъ. То не видал есмь неба полъстяна, ни звиздъ лутовяных, ни безумнаго, мудрость глаголющь. Или ми речеши: сългалъ еси аки песъ. Добра бо пса князи и бояре любят. Или ми речеши: сългалъ еси аки тать. Аще бых украсти умѣлъ, то толко бых к тобѣ не скорбилъ. Дѣвиця бо погубляеть красу свою бляднею, а мужь свое мужество татбою.

Господине мои! То не море топить корабли, но вѣтри; не огнь творить ражежение желѣзу, но надымание мѣшное; тако же и князь не самъ впадаеть въ вещь, но думци вводять. З добрымъ бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихимъ думцею думая, меншего лишенъ будеть.

Глаголеть бо в мирскых притчах: не скотъ въ скотѣх коза; ни звѣрь въ звѣрех ожь; ни рыба въ рыбах ракъ; ни потка въ потках нетопырь; не мужь в мужех, иже кимъ своя жена владѣеть; не жена в женах, иже от своего мужа блядеть; не робота в роботах под жонками повозъ возити.

Дивнѣи дива, иже кто жену поимаеть злобразну прибытка дѣля.

и рядовичи его — что искры. Если от огня и устережешься, то от искр не сможешь устеречься и одежду прожжешь.

Господине мой! Не лиши хлеба нищего мудрого, не вознеси до облак глупого богатого. Ибо нищий мудрый — что золото в грязном сосуде, а богатый разодетый да глупый — что шелковая подушка, соломой набитая.

Господине мой! Не смотри на внешность мою, но посмотри, каков я внутри. Я, господине, хоть одеянием и скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар смысл во мне. Мыслию бы парил, как орел в воздухе.

Но поставь сосуд гончарный под капельницу языка моего, да накаплет тебе слаще меду слова уст моих. Как Давид сказал: «Сладки слова твои, лучше меда они устам моим». Ибо и Соломон сказал: «Слова добрые сладостью напояют душу, покрывает же печаль сердце безумного».

Ибо мудрого мужа посылай — и мало ему объясняй, а глупого посылай — и сам вслед не ленись пойти. Очи мудрых желают блага, а глупого — пира в доме. Лучше слушать спор умных, нежели совета глупых. Наставь премудрого, и он еще мудрее станет.

Не сей на межах жита, ни мудрости в сердцах глупых. Ибо глупых не сеют, не жнут, ни в житницу не собирают, но сами себя родят. Как в дырявые меха лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупому — мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупого не научишь. Коли пожрет синица орла, коли поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится.

Неужели скажешь мне: от глупости все мне это наговорил? Не видел ты неба холстяного, ни звезд из лучинок, ни глупого, говорящего мудро. Неужели скажешь мне: солгал как пес? Но хорошего пса князья и бояре любят. Неужели скажешь мне: солгал как вор? Если бы украсть умел, то к тебе бы и не жаловался. Девица ведь губит красоту свою прелюбодейством, а муж свое мужество — воровством.

Господине мой! Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаясь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишится.

Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах — для женок повоз возить.

Дивней дивного, кто в жены возьмет уродину прибытка ради.

Видѣх жену злообразну, приничюще к зерцалу и мажущися румянцемъ, и рѣх еи: не зри в зерцало, видѣвше бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль примешити.

Или ми речеши: женися у богата тьстя чти великиа ради; ту пии и яжь. Ту лѣпше ми волъ буръ вести в дом свои, нѣже зла жена поняти: волъ бо ни молвить, ни зла мыслить; а зла жена бьема бѣсѣться, а кротима высится, въ богатествѣ гордость приемлеть, а в убожествѣ иных осужаеть.

Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бѣсовская. Что есть жена зла? Мирскии мятежь, ослѣпление уму, началница всякои злобѣ, въ церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада от спасениа.

Аще которыи муж смотрить на красоту жены своеа и на я, и ласковая словеса и льстива, а дѣлъ ея не испытаеть, то даи богъ ему трясцею болѣти, да будеть проклят.

Но по сему, братиа, расмотрите злу жену. И рече мужу своему: господине мои и свѣте очию моею! Азъ на тя не могу зрѣти: егда глаголеши ко мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздеръжат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю.

Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужь женѣ своеи. Жены же у церкви стоите молящеся богу и святѣи богородици; а чему ся хотите учити, да учитеся дома у своих мужеи. А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не борзо обрѣсти добры жены.

Добра жена вѣнець мужу своему и безпечалие; а зла жена лютая печаль, истощение дому. Червь древо тлить, а зла жена домъ мужа своего теряеть. Лутче есть утли лодии ездѣти, нежели злѣ женѣ таины повѣдати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить. Лѣпше есть камень долоти, нижели зла жена учити; желѣзо уваришь, а злы жены не научишь.

Зла бо жена ни учениа слушаеть, ни церковника чтить, ни бога ся боить, ни людеи ся стыдить, но всѣх укоряет и всѣх осужаеть.

Что лва злѣи в четвероногих, и что змии лютѣи в ползущих по земли? Всего того злѣи зла жена. Нѣсть на земли лютѣи женскои злобы. Женою сперва прадѣдъ нашь Адамъ из рая изгнанъ бысть; жены ради Иосифъ Прекрасныи в темници затворенъ бысть; жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша, и лви ему нози лизаху. О злое, острое оружие диаволе и стрѣла, лѣтящеи с чемеремъ!

Нѣ у кого же умрѣ жена; онъ же по матерных днех нача дѣти продавати. И люди рѣша ему: чему дѣти продаешь? Он же рече: аще будуть родилися в матерь, то, возрошьши, мене продадут.

Видел жену безобразную, приникнувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: «Не смотрись в зеркало — увидишь безобразие лица своего и еще больше обозлишься».

Неужели скажешь мне: «Женись у богатого тестя, чести ради великой; у него пей и ешь»? Лучше бы уж мне вола бурого ввести в дом свой, чем злую жену взять: вол ведь не говорит, ни зла не замышляет, а злая жена, когда ее бьешь, бесится, а когда кроток с ней — заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности других злословит.

Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кощунница бесовская. Что такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, заграда от спасения.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай бог ему лихорадкой болеть, и да будет он проклят.

Вот и распознайте, братия, злую жену. Говорит она мужу своему: «Господине мой и свет очей моих! Я на тебя и взглянуть не могу: когда говоришь со мной, тогда смотрю на тебя, и обмираю, и слабеют все члены тела моего, и падаю на землю».

Послушайте, жены, слова апостола Павла: крест — глава церкви, а муж — жене своей. Жены, стойте же в церкви и молитесь богу и святой богородице, а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жен своих, ибо нелегко найти хорошую жену.

Хорошая жена — венец мужу своему и беспечалие, а злая жена — горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни священника не чтит, ни бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Сперва из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен; из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где львы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

У некоего человека умерла жена, он же по смерти ее начал продавать детей. И люди сказали ему: «Зачем детей продаешь?» Он же ответил: «Если родились они в мать, то, как подрастут, меня самого продадут».

Еще возвратимся на предняя словеса. Азъ бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цвѣтом, совокупляя медвеныи сотъ; тако и азъ, по многим книгамъ исъбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мѣх воды морскиа.

Да уже не много глаголю. Не отмѣтаи безумному прямо безумию его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану с нимъ много глаголати. Да не буду аки мѣх утелъ, роня богатство в руци неимущим; да не уподоблюся жорновом, яко тии многи люди насыщают, а сами себе не могут насытитися жита; да не възненавидим буду миру со многою бесѣдою, яко же бо птиця, частяще пѣсни своя, скоро възненавидима бываеть. Глаголеть бо в мирскых притчах: рѣчь продолжена не добро, добро продолжена паволока.

Господи! Даи же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову и умножи, господи, вся человѣкы под нози его. Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣк.

Но вернемся к прежнему. Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела — припадая к разным цветам и собирая мед в соты; так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их и собрал, как в мех воды морские.

Скажу не много еще. Не запрещай глупому глупость его, да не уподобишься сам ему. Не стану с ним много говорить. Да не буду как мех дырявый, роняя богатство в руки неимущих; да не уподоблюсь жерновам, ибо те многих людей насыщают, а сами себя не могут насытить житом; да не окажусь ненавистным миру многословною своею беседою, подобно птице, частящей свои песни, которую вскоре же ненавидеть начинают. Ибо говорится в мирских пословицах: длинная речь не хороша, хороша длинная паволока.

Господи! Дай же князю нашему силу Самсона, храбрость Александра, разум Иосифа, мудрость Соломона, искусность Давида и умножь, господи, всех людей под пятою его. Богу нашему слава, и ныне, и присно, и вовеки.

ПОУЧЕНИЯ К ПРОСТОЙ ЧАДИ

ПОУЧЕНИЕ МОИСѢЯ О БЕЗЪВРЕМЕНЬНѢМЬ ПИЯНЬСТВѢ

Богъ вложилъ есть всякое похотѣнье человѣку духовнымь и телеснымь дѣломь: спанию время и мѣра, похотѣнию ѣдению время и мѣра, питию врѣмя и мѣра, женоложью похотѣнию врѣмя и мѣра,— что ли боле въ имена писати? Всему есть похотѣнию время и мѣра уречено, живущему въ вѣрѣ честьнѣй, въ крестьяньствѣ. Да аще вся та похотѣния дѣяти будеть безъ времене и без мѣры, то грѣхъ будеть въ души, а недугъ в телеси. Недугъ всь ражаеться въ телеси человѣчи, въ кручинѣ. Кручина же съсядеться от излишнаго пития и ѣдения, и спания, и женоложья, иже без времене и без мѣры. Кручины же три въ человѣцѣ: желта, зелена, черна; да от желтое огньная болѣзнь, а от зеленое зимная болѣзнь, а от черное смерть, рекши души исходъ; дьяволъ же тогда радуеться о погыбели человѣчи. Того же недуга богъ не створи, нъ самъ в себе створяеть недугъ безвременьнымь дѣяниемь и безмѣрьнымь, и самъ ся осужаеть на муку; аще ся не покаеть, ни въстягнеться от того. И творилъ бы в подобно время и въ мѣру, и спасенъ бъ былъ. Да всякому вѣрному человѣку держати той норовы: похотѣнию время, а на излишное похотѣние мѣру налагати узду въздержания; аще будеть похотѣние безъ времене, то въздержатися; аще ли въ время похотѣние будеть, то твори, его же хощеши, нъ въ мѣру, а не без мѣры. Колико больше суть кони, колико ны вышии есть песъ, и коеждо бо от тѣхъ животныхъ видимъ, ѣдъша или пивша, чересъ сыть не брегуть: аще и тмами нудящеи будуть, не хощеть излише мѣры прияти — не убо ли сихъ и конь хужьши мы? Аще видимъ и скота грязяща, тъ не презримъ, егда ли видимъ друга, всегда погружаема, то посмѣемъся. Нъ мы, братье, не створимъ тако, да не будемъ осужени в муку: вѣкъ бо сий коротокъ, а мука долга и бес конца грѣшьному.

ПОУЧЕНИЯ К ПРОСТОЙ ЧАДИ

ПОУЧЕНИЕ МОИСЕЯ О ЧРЕЗМЕРНОМ ИЗЛИШЕСТВЕ

Бог вложил человеку любое желанье духовных и плотских поступков: сну свое время и мера, желанию пищи и время, и мера, и питью свой срок и умеренность, потребности женщин время и мера,— стоит ли дальше слова продолжать? Любому желанию время и мера назначены живущему в вере одной, в христианстве. Но если же все те желанья исполнить кто хочет без меры и времени — грех будет в душе, а в теле недуг. Рождается всякий недуг в человеческом теле из желчи. Желчь же свернется от чрезмерной еды и питья, и лежанья, и от женской ласки без меры и срока. Желчи же три в человеке: желта́, зелена́ и черна́; от желтой — горячка, зеленая даст лихорадку, от черной же — смерть, то есть кончина души; дьявол тогда возликует о гибели человека. Такого недуга бог не создал, но сам в себе человек создает тот недуг непотребным поступком без меры и сам осуждает себя на мученье; и коль не покается, то не удержится он от того. А делал бы в нужное время и в меру, и был бы спасен. Пусть каждый, веры достойный, обычая держится так: желанию — время, а на избыток желанья узду налагать воздержанья; если же будет желание впору, то делай что хочешь — но в меру, а не безмерно. Насколько больше нас кони, насколько быстрее нас пес, а каждый из этих животных, как видим, в еде и в питье пренебрегает обжорством: хоть не раз понуждаемы будут, не захочет сверх меры принять,— неужели коней тех мы хуже? Если видим: скотина завязла — не отвергаем ее; если же видим друга постоянно в шатанье — лишь посмеемся. Так не сделаем, братья, мы так, дабы не быть осужденным на муку: жизнь коротка, а мучение — долго и бесконечно для грешных!

СЛОВО ОТЦА МОИСѢЯ О РОТАХЪ И О КЛЯТВАХЪ

Пророкъ глаголеть: того ради завяза небо, не пустить дъждя на землю, занѣ человѣци кленуться богомъ и его святыми, и другъ друга догонять до клятвы, и церковь святую невѣсту христову ротою скверняще. Приводяще, закалають сына предъ матерью. Слугы же тоя матере своего брата, рожьшагося по духу святымь крещениемь, пиють кровь заколенаго сына матери тоя. И того ради вся силы небесныя трепещють страхомь, занеже господь богъ не велить догонити человѣка до клятвы и до роты. Тому же подобна и другая вина: жертву приносят бѣсомъ, и недугы лѣчать чарами и наузы; немощнаго бѣса, глаголемаго Трясцю, прогонять нѣкыми писмены лживыми; проклятыхъ бѣсовъ елиньскыхъ, пишюще на яблоцѣхъ и покладають на святѣй трапезѣ в годъ святыя литургия. И тогда ужаснуться страхомъ ангельская воиньства, и того ради богъ гнѣваяся не пущаеть дъждя на землю, занеже не велить богъ недугъ лѣчить чарами и наузы, ни бѣсъ искати — или на ловы идуще, или куплю дѣюще, или милости от царя хотяще. Горе крестьяномъ тако дѣющи, и мука горши поганыхъ, аще ся не останутъ того и придуть на покаяние, то вѣкъ сь коротокъ, а мука долга и бес конца.

ПОУЧЕНИЕ ФИЛОСОФА, ЕПИСКОПА БѢЛГОРОДЬСКАГО

Придете вси мужи вкупѣ и жены, попови и людье, и мниси, и бѣлци, богати и убозии, домашнии и пришельци, сберитеся и послушайте менѣ, аще бо нѣсмь пастырь вашь, но нѣ вѣдь откуду рещи. Пастыри бо утроби прилежю, в пастыря бо мѣсто оставленъ есмь вамъ, да ничтоже чюжего творю, аще вся вижю закалаема и на земли оканьни падающа — и теку на помощь: да бы когда варило милосердие божие и мертви въскреснутъ, и богъ въ тѣхъ прославится, но который рабъ во истину любить свой господинъ, видя и беществуема, ни во что же мѣнима, не болѣзнуеть ли сердцемъ? И аще иного ничтоже не можеть творити, но обаче покажеть свой успѣхъ, яко не терпѣть зрѣти толька приобидѣния и беславья своего господина? И вы же вси, елико васъ душю имуть человѣчьскую и нѣсть отинудь звѣрообразни, егда видить коего домъ от пожара оступаемъ, ти яко хотящю ему уже погибнути, не успѣшно ли обѣма рукама востанеть и течеть, тщашеся угасити огня и пламяни? Како убо видя азъ ни едины храмины, но вьсь градъ, не точью градъ, но и кромѣ града погарающа, вся ижьжена, не яко же огня древо, но от пламяни изгыбающе, то не болю ли душею, елико ми сила есть

ПОУЧЕНИЕ МОИСЕЯ О ПРИСЯГАХ И КЛЯТВАХ

Пророк говорит: оттого закрылись небеса, не пуская дождя на землю, что люди клянутся богом и его святыми, и друг друга понуждают на клятвы, и церковь святую, невесту Христову, оскверняют присягой. Приведя, приносят в жертву сына на глазах матери. Слуги этой матери и брата своего по крещенью святому и духу пьют кровь закланного сына той матери. И вот почему все силы небесные объяты ужасом, ведь бог запрещает понуждать человека на присягу и клятву. Похожа на то и другая причина: жертву приносят языческим богам и болезни лечат колдовством и заклятьем; бессильного демона, называемого Трясцей, изгоняют какими-то лживыми знаками; отверженных бесов языческих, на шарах их рисуя, помещают на священном столе во время святой литургии. И тогда содрогается в ужасе множество ангелов, и бог потому, прогневясь, не пускает на землю дождя, что не велит бог болезни лечить колдовством и заклятьем, ни бесов просить — на охоту идя, или торгуя, или милости царской надеясь. Беда христианам, так поступающим, и мученье страшнее языческого, если того не оставят и не покаются! Ибо век этот короток, а мука долга и бесконечна!

ПОУЧЕНИЕ МУДРОГО ЕПИСКОПА БЕЛГОРОДСКОГО

Приблизьтесь, все мужи вместе и жены, церковные и светские, монахи и попы, богатые и бедные, местные и чужеземцы, соберитесь и послушайте меня, хотя я и не пастырь ваш и не знаю, как начать. Ибо только нахожусь я рядом с пастырем и вместо пастыря оставлен вам я, но ничего враждебного не совершу, хотя вижу всех убиваемых и на земле несчастной падающих — и спешу на помощь. Ибо если оберегает милосердие божье — и мертвые воскреснут, и бог в них восславится, но если раб действительно любит своего господина, то, видя его в позоре, в пренебрежении, не сочувствует ли он сердцем? И, если другого ничего не может сделать, не выкажет ли он свою поспешность в том, что не сможет видеть столько унижений и бесславья своего господина? И вы же все, сколько вас душу имеет человеческую и еще не совсем звероподобны, если видите, чей дом пожаром занимается и когда он совсем уже пропадает, не со рвением ли обеими руками поднимаетесь и спешите, стараясь загасить огонь и пламя? Как же я, видя не одни лишь дома, но весь город, не только город, но и окрестности его погорающими, полностью сожженными, и не как от огня дерево, но от пламени погибающих,— то не восскорблю ли душою и, насколько есть во мне силы,

потьщатися угасити пламень? Кый ли то есть пламянь? Вы рцѣте ми, не то ли, егда пиете вино и медъ, или иное питие чрез сытость и наполняетеся и, то како мните внутрь себе имѣти, не яко от огня нѣкоего изгараеть? Тако бо родомъ хмель: съгрѣвая и распаляя вьнутрьняя, то бо есть убо душа погубьляяй пламяни. Пьяницѣ бо царьствия божия не приемлють, то не тако ли явѣ есть, яко всякъ пьяница погыбаеть, и от бога отлучаются, и в негасимый вѣчный огнь посылаеми бывають. Азъ же, убо вѣру имете ми, ужасаюся, помышляя, како васъ бѣси ликують и сотона во васъ играеть и красуеться пьяньству, во васъ чтему, яко нѣкоторого бога, всимъ имущимъ его; яко и дѣти ваша нудити покланятися пьяньству. И то мните празникъ великъ, егда вси лежать, яко мертви от пьяньства, яко идоли уста имуще и языкъ не глаголющь, очи имуще и не видяще, нозѣ имуще и не ходяще. Кто достойно васъ оплачеть, тако умильно от пьяньства гыбьнущимъ? Нѣсть человѣка оканьнее пьяницѣ: пьяница живота своего лишаеться, и тамъ сущаго здѣ живота паче умерлъ есть, и тамо живота не сподобится! А васъ мню услышати господу глаголющю, яко «не пребудеть духъ мой въ человѣцѣхъ сихъ», зане плоть суть, гдѣ бо суть духъ во пьяницахъ: дымъ прогонитъ пчелы, а пьяньство святого духа прогонить, пьяница весь плоть есть и весь страстехъ исполненъ; пьяница ничто же блага не помышляеть. Устрашаюся, вѣру имѣте ми, како святое крещение стужаетъ си пияньствомъ вашимъ, крещение бо на святыни почиваеть, а во пьяницѣ святыни отинудь нѣсть. Стужаю си, како паче Христа изволисте дьявола, празники бо его творите дьяволя. Егда бо упиваетеся, тогда блудите, и играете, плищете, поете, пляшете, в сопѣли сопете, завидите, рано пьете, обьѣдаетеся, упиваетеся, блюете, льстите, злопоминаете, гнѣваетеся, лаетеся, хулите, осержаетеся, лжете, горьдите, кощуняете, срамословите, кличете, сваритеся, море вамъ до колѣна, смѣетеся, крадете, бьетеся, деретеся, празднословите, смерти не поминаете, спите много, осужаете, вадите, божитеся, укаряете, клеплете,— не по истиннѣ ли святое крещение стужитъ си пьяньством вашимъ? А и плясавица есть сатанина невѣста, супружница диавола, всѣмъ мужемъ тѣмъ зрящимъ ее, жена скверно же и скаредно и своему мужу; образъ божий нося, съ женою своею совокупитися во плясании,— аще и въ церковь входите! Повѣдите ми, како убо вы бога прославите? Повѣдите ми, яко пьяного смрадомъ отрыгающа, богъ толма ненавидить, яко же мы пса мертва смердяща гнушаемся! Увы мнѣ! увы мнѣ! како сотвори господь богъ тако во дни, в няже не чаяхъ, яко вижу человѣки, чтуща дѣла сатанина, и не стыдящася о томъ, но и паче хвалящеся?

не попытаюсь ли загасить пламя? Что же это за пламень? Скажите вы мне: не тот ли, которым вы наполняетесь, когда пьете вино и мед или иные напитки безмерно, так что как будто от какого огня выгораете? Таков по рождению хмель: согревает и разжигает нутро, как будто душу изгубляющее пламя. Пьяницы ведь царства божьего не получат — и не так ли уж ясно, что всякий пьяница погибает: и от бога они отгоняются, и в негасимый вечный огонь посылаемы. Я же, поверьте мне, ужасаюсь, раздумывая, как и вас бесы ликуют и сатана торжествует в вас и радуется пьянству, чтимому вами; все будто богом неким захвачены им, и детям своим вы велите поклоняться пьянству. И тот лишь считаете праздник славным, если лежат все, будто мертвые спьяну, как идолы,— с разверстыми ртами, но языками безгласными, с очами открытыми, но не видящими, с ногами, которые не могут ходить! Кто по достоинству вас оплачет, столь горестно от пьянства гибнущих? Нет человека несчастнее пьяницы: пьяница жизни своей лишается — для загробной жизни он больше чем умер, но жизни и там не сподобится! О вас хотел бы услышать, как бог говорит, что «не пребудет дух мой в людях таких»,— так как плоть лишь у пьяниц там, где должен быть дух; дым отгоняет пчел, а пьянство духа святого прогонит; пьяница — весь из плоти, весь пороков исполнен и нечистот, пьяница ни о каком благе не помышляет. Боюсь я, верьте мне, что крещенье угнетается вашим пьянством, ибо крещенье святое на святыне основано, а пьянице же святыни нет никакой. Я рыдаю и плачу оттого, что больше Христа вам угоден дьявол, ибо ему вы творите радость. Когда вы упьетесь, тогда вы блудите и скачете, кричите, поете и пляшете, и в дудки дудите, завидуете, пьете чуть свет, объедаетесь и упиваетесь, блюете и льстите, злопамятствуете, гневитесь, бранитесь, хулите и сердитесь, лжете, возноситесь, срамословите и кощунствуете, вопите и ссоритесь, море вам по колено, смеетесь, крадете, бьете, деретесь и празднословите, о смерти не помните, спите много, обвиняете и порицаете, божитесь и укоряете, доносите,— ну как же святому крещенью не тужить из-за вашего пьянства? Да и плясунья жена — сатанина невеста, супруга дьяволу: когда каждый мужчина глядит на такую жену, для мужа ее непристойно то и бесстыдно; образ божий нося на груди, с женою своею в пляске сойтись! — и вы еще входите в церковь! Так скажите же мне, как вы бога восславите? Ведь ясно, что пьяного, смрадом рыгающего, бог так же не любит, как сами гнушаемся мертвого пса мы смердящего. Горе мне! горе мне! каким образом устроил это господь бог в те дни, в какие не ждал я, что увижу людей, чтящих деяния беса?! И совсем того не стыдящихся, но даже гордящихся!

Останите, братие, окаяннаго пьяньства, яко на веселие намъ богъ питие далъ есть, и тожде в подобно время, а не пьяньство. Увы мнѣ! увы мнѣ! яко оставляете бога сотворившаго васъ и прилѣпяетеся пияньству горше идолъ. Рцете ми, чимъ есте отложени от невѣрныхъ, аще до пьяньства упиваетеся? Они убо служать зданию, а медъ что есть, не здание ли божие? И глаголете, яко тогда имамъ праздникъ честенъ, егда по многи дни упиваемся. Разумѣйте сами, что глаголите, яко оставльше праздникъ, а диаволу угождаете! Окамени бо душу вашу сатана! Иже что много глаголю? Покайтеся, и лишитеся таковаго празднования, еже упиватися по праздникомъ, и плачитеся, кающеся о пьяньствѣ вашемъ, яко бо затворяетеся от небеснаго царьства пьяньства ради, аще же не покаетеся, ни останетеся таковаго творения, то мучими будете в бесконечныя вѣки в негасимомъ огни. Богу нашему слава и держава со отцемъ и святымъ духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Прекратите, братья, проклятое пьянство, ибо на радость нам дал бог напитки, а также в угодное время, а не на пьянство. Горе мне! горе мне! зачем бога, создавшего вас, покидаете и предаетесь пьянству, которое идолов хуже? Скажите мне: чем отличаетесь вы от неверных, когда напиваетесь до опьянения? Они ведь служат созданию, а мед — что такое, не есть ли создание божье? И говорите: «Тогда только праздник хорош, если на несколько дней мы упьемся!» Подумайте сами, что говорите: ведь, отвлекаясь от праздника, дьяволу вы угождаете! Как очерствил сатана вашу душу! Но зачем так много я говорю? Раскайтесь! откажитесь от такого веселья, что велит напиваться по праздникам, и восплачьте, каясь в ваших излишествах, иначе закроется царство небесное. Если, покаясь, не оставите подобных поступков, то будут вас мучить бесконечное время в негасимом огне! Богу нашему слава и власть с отцом и с духом святым и теперь, и всегда, и во веки веков. Аминь.

«СЛОВО» МОИСЕЯ ВЫДУБИЦКОГО

СЛОВО ИГУМЕНА О ПОСТРОЕНИИ СТЕНЫ В ВЫДУБИЧАХЪ

Дивна днесь видиста очи наши, мнози бо, преже насъ бывшеи, желаше видити, яже мы видихомъ — и не вѣдѣша и слышати не сподобишася, яже богъ намъ дарова твоимъ княжениемь! Не токмо ибо отялъ еси уничижения наша, но и со славою приятъ ны, поставивъ на пространѣ нозѣ рабъ твоихъ. Мы же, смирении, что воздамъ ти противу благодѣянию ти, яже твориши и створилъ еси к намъ? И самъ бо имъ не трѣбуеши, но точию воздыхания и молитвы о здравьи и о спасеньи твоемъ. Богъ же милости воздасть ти противу *трудомъ* твоимъ, и архистратигъ Михаилъ, емуже еси послужилъ нелестно, но о Христѣ державно милосердуя и о всѣхъ. По обычаю благому и нашея грубости писание приими, акы даръ словесенъ — на похваление добродѣтели: во газъфулакию бо княжения твоего любовь и хотѣнье ввергъше, акы вдовица она двѣ мѣдницѣ, прочее на милость твою надѣющеся.

Слову ятися о господѣ дерзаемъ, то же не от скудости нашего нищетоумья, но от дѣлъ твоихъ причту приобрѣтше. И со преподобнымъ Мефедьемь глаголемь, днесь бо събытье божественыхъ словесъ его, яже положи въ своихъ ему написаниихъ вѣщая: «Малое небо, богомудрого душа, воину повѣдающи славу божию правостью вѣры, и словесы истѣньными, и дѣлы добрыми. Небеса бесловесное естьство суще, и сочювьствено, и самовластьно, но точью свѣтлостью солнца, и растѣниемь луны, украшениемь звѣздъ, и непременьно хранящe уставы временемь владычня повеления, повѣдають славу его». Яко же всимъ, добрѣ смотрящимъ творца, о томъ похвалити добраго ради уряжения, здѣ же преболе *намъ* того о тобѣ является: словеса бо честьна, и дѣла благолюбна, и держава самовластна, ко богу изваяная, славою паче звѣздъ небесныхъ, не токмо

«СЛОВО» МОИСЕЯ ВЫДУБИЦКОГО

СЛОВО ИГУМЕНА О ПОСТРОЕНИИ СТЕНЫ В ВЫДУБИЦАХ

Дивное сегодня увидели очи наши; столь многие, прежде нас жившие, желали бы видеть то, что увидели мы,— и не видели, и даже слышать не пришлось им о том, что нам бог даровал княженьем твоим! Ибо не только не отринул ты ничтожества наши, но и со славой нас принял, по свободной стезе направив рабов твоих. Мы же, смиренные, чем воздадим тебе в ответ на благодеянье твое, которое ты творишь и уже сотворил нам? Ибо сам ничего не требуешь ты,— но лишь воздыханья и молитвы о здравье и о спасенье твоем. Бог тебе милость воздаст по заботам твоим, и архистратиг Михаил, которому ты послужил непритворно, о Христе державно заботясь и обо всех. По благому обычаю и невежества нашего слово прими как словесный подарок — на похвалу добродетели, ибо в сокровищницу твоего правленья любовь и желанье вложим, как та вдовица — две медных монеты, в остальном надеясь на снисхожденье твое!

Словом коснуться бога дерзаем — не от скудости нищего нашего разума, но делами твоими себе пример получив. И с преподобным Мефодием скажем (ибо сейчас — исполненье святых его слов, что начертал он, в своих предписаньях вещáя): «Малое небо, душа богомудрого, величие бога всегда раскрывает достоинством веры, истинным словом и добрым деяньем. Небеса бессловесны по сути своей, не ощутимы, свободны — но только сиянием солнца, измененьем луны, красотою звезд и незыблемой точностью времени по божьему слову раскрывают величье его». Как всем, глубоко познающим творца, хочется славить чудесное то устроенье, так и здесь о тебе нам больше того выявляется: потому что достойное слово, и боголюбивое дело, и свободная сила, устремленные к богу, величием выше небесных звезд, не только

в рускыхъ концехъ вѣдома, но и сущимъ в морѣ далече. Во всю бо землю изиидоша, по пророку, богомирная словеса твоя, христолюбовная дѣла, ими же о всихъ владыка твои славиться, да видѣвше бо вѣща еуаггелистъ: «Дѣла ваша добрая прославять отца вашего, иже есть на небесѣхъ». От днесь бо мнозии боголюбци познаються, без лѣности тещи во слѣдъ тебе ревнующе, обрѣтше тя проводника, яко Моисѣа, новыи сии Израиль изводящаго из работы немилосердья и от мрака скупости. Отселѣ бо не на брезѣ ставше, но на стѣнѣ твоего создания, пою ти пѣснь побѣдную, аки Мариамъ древле. Днесь, по Исаи, понавляються острови а рекуть праведныхъ душа, видяще поновление честьнаго храма господня утвержениемь твоимъ о господѣ. Яко и при *Зороавели* свобожьшеися от вавилоньска нечаяния, днесь и множьство вѣрныхъ кыянъ, и населники ихъ болше потщание и любовь ко архистратигу господню имѣти начинають и не токъмо ради спасения своего, но и новаго ради чюдеси, иже во дни царства твоего свѣршися. Утверждающе бо *неподвижно* нозѣ свои на удобренемь ти зданьи и очима си любезно смотрящи, отвсюду веселие души привлачаще, и мняться яко аера достигше, а тако любовью отходять, похваляюще богомудрество твое. Блажении же, не видивше, но вѣрующе радуються, якоже вѣща Соломонъ: «Похваляему правѣдному веселяться людье». Днесь *отъяшася* от многъ сердець помышления суетьная и глаголи маловѣрнии — овии бо глаголаху, яко златомъ власомъ поверзена есть церкви от небесе, и тѣмь же утверждена, а ови, яко поступаеть церкви в монастырь, инако же мнози, — и ни от единѣхъ же бѣ помощи истѣньны утѣшению, дондеже *придеть* ему же, щадено бысть благодать и милость во преподобьныхъ его и посѣщение во избраныхъ его. Еще же и мы дольжнии ти милостивници, нашь приспыи господине, единомысльно суще ко избраньному сему мѣсту надѣемься, не *забытно* жажюще от тебе милости, якоже елень на источникы водныя. И богъ милости и отець щедротамъ, и любы единочадаго сына его, и причастье святаго духа да будеть съ царьствомъ твоимъ, купь съ любыми тобою. Архистратигъ Михаилъ, покрываи храня кровомъ крилу твоею, нынѣ и присно, и въ будущия вѣкы, аминъ.

и русских пределах известна, но и тем, кто в море далече! По всем сторонам разошлись, по пророку, мирные в боге слова твои и дела благочестья, которыми всюду владыка твой славится, ибо, увидев, возвестил евангелист: «Дела ваши добрые прославят отца вашего, который на небесах». Отныне все христолюбцы познаются в том, что ревностно устремятся вслед за тобой, вождя признавая в тебе, как Моисея, новый народ Израиль изводящего из рабства, жестокости и из мрака скудости. Ибо теперь, не на берег став, но на стену, тобою построенную, пою тебе славу победную, как некогда Мариам. Ныне, по слову Исайи, «острова создаются», а праведных души ликуют, зря обновленье священного храма господнего твоим укрепленьем о господе! Как и при Зоровавели освобожденные от вавилонского плена, так и сегодня многие из киевлян благоверных и жителей местных сильнее стремленье и любовь к архистратигу господню нести начинают — не только ради спасенья души, но и из-за чуда, что в правленье твое совершилось: твердо ноги свои поставляя на укрепленной тобою подпоре и очами с весельем взирая, душой насыщаются миром окрест, и кажется им, будто неба достигли, и так, в умиленье, уходят, восславляя твое богомыслье. А блаженные, даже не видев, но, веруя, радуются, как сказал о том Соломон: «Радуются люди, когда хвалят праведного!» Сегодня отъяты из многих сердец помышления суетные и слова маловерия — ведь те говорили, что золотым волоском привязан наш храм к небесам и на то опирается, а другие — что вдвигается он в монастырь, и по-разному многие,— но ни от кого действительно не было помощи, пока не пришел тот, кому уже приготовлены милость и благодать среди, как и он, добродетельных, и проявление благости средь избранных, как и он. Мы также в долгу пред тобой, богомольцы, к нам наш господин подоспевший! Единой душой уповая на это священное место, всегда ожидали всех благ от тебя, как олень — источников водных. И милостный бог, наш щедрый отец, и любовь единородного сына его, и причастие духа святого — да будут в правленье твое вместе с твоими близкими! Архистратиг Михаил да охранит тебя, покрывая крылами своими — ныне, и присно, и во веки веков! Аминь.

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК

ПАТЕРИКЪ ПЕЧЕРСКЫЙ, ИЖЕ О СОЗДАНИИ ЦЕРКВИ, ДА РАЗУМЕЮТЬ ВЪСИ, ЯКО САМОГО ГОСПОДА ПРОМЫСЛОМЪ И ВОЛЕЮ И ЕГО ПРЕЧИСТЫА МАТЕРЕ МОЛИТВОЮ И ХОТѢНИЕМЬ СЪЗДАСЯ И СЪВРЪШИСЯ БОГОЛѢПНАА, НЕБЕСИ ПОДОБНАЯ, ВЕЛИКАА ЦЕРКВИ БОГОРОДИЧИНА, АРХИМАНДРИТИА ВСЕЯ РУСКЫА ЗЕМЛЯ, ЕЖЕ ЕСТЬ ЛАВРА СВЯТАГО И ВЕЛИКАГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИА

СЛОВО 1. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ

Бысть въ земли Варяжьской князь Африканъ, братъ Якуна Слѣпаго, иже отбѣже от златыа луды, биася полком по Ярославѣ съ лютымъ Мьстиславомъ. И сему Африкану бяше два сына: Фриандъ и Шимонъ. По смерти же отца ею изгна Якунъ обою брату от области ею. Прииде же Шимонъ къ благовѣрному князю нашему Ярославу; его же приимъ, въ чести имяше и дасть его сынови своему Всеволоду, да будеть старѣй у него; приатъ же велику власть от Всеволода. Вина же бысть такова любве его къ святому тому мѣсту.

При благовѣрномъ и великомъ князи Изяславѣ въ Киевѣ половъцемъ пришедшимъ на Рускую землю, в лѣто 6576, и изыдоша трие Ярославичи въ срѣтение имъ: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, имый съ собою и сего Шимона. Пришедши же имъ ко великому и святому Антонию, молитвы ради и благословениа, старец же отвръзъ неложнаа своа уста и хотящую имъ быти погыбель ясно исповѣдаше. И сий же варягъ, пад на ногу старца, молящеся съхранену ему быти от таковыа бѣды. Блаженый же рече тому: «О чадо, яко мнози падуть остриемъ меча, и бѣжащим вамъ от супостатъ вашихъ, попрани и уязвени будете и во воде истопитеся; ты же, спасенъ бывъ, зде имаши положенъ быти в хотящой създатися церкви».

Бывшимъ же имь на Алте, съступишася полци обои, и гнѣвом божиим побѣжени быша христиане, и бѣжащимъ имъ, *убьени* быша и воеводы съ множеством вои, егда же съступишася. Ту же и Шимонъ лежаше язвенъ посрѣдѣ ихъ. Възрѣв же горѣ на небо и видѣ церковъ превелику, яко же преже виде на мори, и воспомяну глаголы спасовы и рече: «Господи, избави мя от горкыа сеа смерти молитвами

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК

ПАТЕРИК ПЕЧЕРСКИЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ СОЗДАНИЮ ЦЕРКВИ, ЧТОБЫ ЗНАЛИ ВСЕ, КАК САМОГО ГОСПОДА ПРОМЫСЛОМ И ВОЛЕЮ И ЕГО ПРЕЧИСТОЙ МАТЕРИ МОЛИТВОЙ И БЛАГОВОЛЕНЬЕМ СОЗДАЛАСЬ И СВЕРШИЛАСЬ БОГОЛЕПНАЯ, НЕБУ ПОДОБНАЯ, ВЕЛИКАЯ ПЕЧЕРСКАЯ ЦЕРКОВЬ БОГОРОДИЦЫ, АРХИМАНДРИТИЯ ВСЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЛАВРОЙ СВЯТОГО И ВЕЛИКОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ

СЛОВО 1. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ

Был в земле Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепого, который в битве потерял свой золотой плащ, сражаясь на стороне Ярослава с лютым Мстиславом. У этого Африкана было два сына — Фрианд и Шимон. Когда умер их отец, Якун изгнал обоих братьев из их владений. И пришел Шимон к благоверному князю нашему Ярославу; тот принял его, держал в чести и отослал его к сыну своему Всеволоду, чтобы был он у него старшим, и принял Шимон великую власть от Всеволода. Причина же любви Шимона такова к святому тому месту.

Во время княжения благоверного и великого князя Изяслава в Киеве, когда пришли в 6576 (1068) году половцы на Русскую землю и пошли трое Ярославичей — Изяслав, Святослав и Всеволод — навстречу им, с ними был и этот Шимон. Когда же пришли они к великому и святому Антонию для молитвы и благословения, старец отверз неложные свои уста и ожидающую их погибель без утайки предсказал. Варяг же этот, пав в ноги старцу, молил, чтобы уберечься ему от такой беды. Блаженный же сказал ему: «О чадо! Многие падут от острия меча, и, когда побежите вы от врагов ваших, будут вас топтать, наносить вам раны, будете тонуть в воде; ты же, спасенный там, будешь положен в церкви, которую здесь создадут».

И вот, когда они были на Альте, сошлись оба войска, и по божию гневу побеждены были христиане, и, когда обратились в бегство, были убиты воеводы и множество воинов в этом сражении. Тут же и раненый Шимон среди них лежал. Взглянул он вверх на небо и увидел церковь превеликую — такую, какую уже прежде видел на море, и вспомнил он слова спасителя и сказал: «Господи! избавь меня от горькой этой смерти

пречистыа твоеа матере и преподобною отцу Антониа и Феодосиа». И ту абие нѣкаа сила възятъ его изъ срѣды мертвых, и абие исцѣлѣ отъ ранъ, и вся своа обрѣть цѣлы и здравы.

Пакы възвратися въсвояси и прииде къ блаженному Антонию, сказа ему вещь дивну, тако глаголя: «Отець мой Африканъ сьдѣла крестъ и на немь изообрази богомужное подобие Христово написаниемь вапнымъ, ново дѣло, яко же латына чтуть, велик дѣлом, яко 10 лакот. И сему честь творя, отець мой възложи поясъ о чреслѣхъ его, имуще вѣса 50 гривенъ злата, и венець златъ на главу его. Егда же изгна мя Якунъ, стрый мой, от области моеа, аз же взяхъ поясъ съ Исуса и венець съ главы его, и слышахъ глас от образа обративсе къ мнѣ и рече ми: «Никако же сего възложи, человѣче, на главу свою, неси же на уготованное мѣсто, идѣ же зиждеться церковъ матере моеа от преподобнаго Феодосиа, и тому в руцѣ въдаждь, да обѣсится над жрътовником моимъ». Аз же от страха падохся и оцѣпнѣвъ лѣжахъ акы мертвъ, и въставъ, скоро внидохъ въ корабль.

И пловущимъ нам, бысть буря велиа, яко въсѣмъ намъ отчаатися живота своего, и начах въпити: «Господи, прости мя, яко сего ради пояса днесь погыбаю, понеже възяхъ отъ честнаго твоего и человѣкоподобнаго ти образа». И се видѣхъ церковъ горѣ и помышляхъ, каа си есть церковъ. И бысть съвыше глас къ намъ, глаголяй: «Иже хощеть създатися от преподобнаго во имя божиа матере, в ней же и ты положенъ имаши быти». И яко же видѣхомъ, величествомъ и высотою, размеривъ поясомъ тѣмъ златымъ, 20 въ ширину и 30 въ дьлину, а 30 въ высоту стены, съ връхомъ 50. Мы же вси прославихомъ бога и утѣшихомъся радостию великою зѣло, избывше горкыа смерти. Се же и донынѣ не свѣдях, гдѣ хощеть създатися показаннаа ми церкви на мори и на Альтѣ, и уже ми при смерти сущу, дондеже слышахъ отъ твоихъ честныхъ устъ, яко здѣ ми положену быти, въ хотящои създатися церкви». И иземъ, дасть поясъ златый, глаголя: «Се мѣра и основание, сий же вѣнець да обѣшанъ будеть надъ святою трапезою».

Старець же похвали бога о семъ, рекъ варягови: «Чадо, отселѣ не наречется имя твое Шимонъ, но Симонъ будеть имя твое». Призвав же Антоний блаженаго Феодосиа, рече: «Симоне сий хощеть въздвигнути таковую церковъ», и дасть ему поясъ и вѣнець. И оттолѣ велику любовъ имѣше ко святому Феодосию, подавая ему имѣниа многа на възграждение манастырю.

Нѣкогда же сему Симонови пришедши къ блаженному и по обычней бѣсѣде рече къ святому: «Отче, прошу у тебе дара единаго». Феодосий же рече к нему: «О чадо, что просить твое

молитвами пречистой твоей матери и преподобных отцов Антония и Феодосия!» И тут вдруг некая сила исторгла его из среды мертвецов, он тотчас исцелился от ран и всех своих нашел целыми и здоровыми.

И он вернулся назад, и пришел к блаженному Антонию, и поведал ему историю дивную, так говоря: «Отец мой Африкан сделал крест и на нем изобразил красками богомужное подобие Христа, образ новой работы, как чтут латиняне, большой величины — в десять локтей. И воздавая честь ему, отец мой украсил чресла его поясом, весом в пятьдесят гривен золота, и на голову возложил венец золотой. Когда же дядя мой Якун изгнал меня из владений моих, я взял пояс с Иисуса и венец с головы его и услышал глас от образа; обратившись ко мне, он сказал: «Никогда не возлагай этого венца, человече, на свою голову, неси его на уготовленное ему место, где созидается церковь матери моей преподобным Феодосием, и тому в руки передай, чтобы он повесил над жертвенником моим». Я же упал от страха и, оцепенев, лежал, как мертвый; затем, встав, я поспешно взошел на корабль.

И когда мы плыли, поднялась буря великая, так что все мы отчаялись в спасении, и начал я взывать: «Господи, прости меня, ибо ради этого пояса погибаю за то, что взял его от честного твоего и человекоподобного образа!» И вот увидел я церковь наверху и подумал: «Что это за церковь?» И был свыше к нам голос, говорящий: «Та, что будет создана преподобным во имя божией матери, в ней же и ты положен будешь». И видели мы ее величину и высоту, если размерить ее тем золотым поясом, то двадцать мер — в ширину, тридцать — в длину, тридцать — в вышину стены, а с верхом — пятьдесят. Мы же все прославили бога и утешились радостью великой, что избавились от горькой смерти. И вот доныне не знал я, где создастся церковь, показанная мне на море и на Альте, когда я уже находился при смерти, пока не услыхал я из твоих честных уст, что здесь меня положат в церкви, которая будет создана». И, вынув золотой пояс, он отдал его, говоря: «Вот мера и основа, этот же венец пусть будет повешен над святым жертвенником».

Старец же восхвалил бога за это и сказал варягу: «Чадо! С этих пор не будешь ты называться Шимоном, но Симон будет имя твое». Призвав же блаженного Феодосия, Антоний сказал: «Симон этот такую вот церковь хочет построить», и отдал ему пояс и венец. С тех пор великую любовь имел Симон к святому Феодосию и давал ему много денег на устроение монастыря.

Однажды этот Симон пришел к блаженному и после обычной беседы сказал святому: «Отче, прошу у тебя дара одного». Феодосий же спросил его: «О чадо, что просит твое

величество от нашего смирениа?» Симонъ же рече: «Велика паче и выше моеа силы трѣбую азъ от тебе дара». Феодосий же рече: «Съвѣси, чадо, убожество наше, иже иногда многажды и хлѣба не обрѣстися въ дневную пищу, иного же не свѣмъ, аше и что имѣю». Симонъ же глагола: «Аще хощеши подаси ми, можеши бо по даннѣи ти благодати от господа, иже именова тя преподобнымъ. Егда бо снимахъ вѣнець съ главы Исусовы, тъ ми рече: «Неси на уготованное мѣсто и вдай же в руцѣ преподобному, иже зиждеть церковь матере моеа». И се убо прошу у тебе: да ми даси слово, яко да благословить мя душа това яко же въ животѣ, тако и по смерти твоей и моей». И отвѣщавъ святый: «О Симоне, выше силы прошение, но аще узриши мя отходяща отсюду свѣта сего и по моемъ отшествии сию церковь устроену, и уставы преданныа съвръшаться в той, извѣстно ти буди, яко имамъ дрьзновение къ богу; нынѣ же не свѣмъ, аще приата ми есть молитва».

Симон же рече: «От господа свѣдѣтельствованъ еси, сам бо от пречистых устъ святого образа слышахъ о тебѣ, и сего ради молю ти ся, яко же о своих черноризцехъ, тако и о мнѣ грѣшнѣмъ помолися и о сыну моемъ Георгии, и до послѣдних рода моего». Святый же яко обѣщася и рече: «Не о сихъ единѣхъ молю, но и о любящихъ мѣсто сие святое мене ради». Тогда Симонъ поклонився до земля и рече: «Не изыиду, отче, от тебе, аще написаниемъ не извѣстиши ми».

Принужен же бывъ любве его ради преподобный, и пишеть тако, глаголя молитву: «Въ имя отца и сына и святого духа», иже и донынѣ вълагають умершимъ в руку таковую молитву. И оттолѣ утвердися таковое написание полагати умершимъ, прежде бо сего инъ не сътвори сицевыа вещи в Руси. Пишеть же и сие въ молитвѣ: «Помяни мя, господи, егда приидеши въ царствии си и въздати хотя комуждо по дѣломъ его, тогда убо, владыко, и раба своего Симона и Георгиа сподоби одесную тебе стати въ славѣ твоей и слышати благый твой глас: «Приидете благословении отца моего, неслѣдуйте уготованное вамъ царство искони мира»».

И рече Симонъ: «Рьци же и к симъ, отче, и да отпустяться грѣси родителма *моима* и ближнимъ моимъ». Феодосий же въздвигъ руцѣ свои и рече: «Да благословить тя господь от Сиона, и узрите благаа Иерусалиму во вся дни живота вашего и до послѣдних рода вашего». Симон же примъ молитву и благословление от святого, яко нѣкый бисеръ многоцѣнный и даръ. Иже бывъ прежде варягь, нынѣ же благодатию христовою христианинъ, наученъ бывъ святымъ отцемъ нашимъ Феодосиемъ, оставивъ латынскую буесть и истиннѣ вѣровавъ въ господа нашего Исуса Христа

величие от нашего смирения?» Симон же сказал: «Великого, выше силы моей, прошу я от тебя дара». Феодосий же ответил: «Ты знаешь, чадо, убожество наше: часто и хлеба недостает в дневную пищу, а другого не знаю, что и имею». Симон же сказал: «Если захочешь одарить меня, то сможешь по данной тебе благодати от господа, который назвал тебя преподобным. Когда я снимал венец с главы Иисуса, он мне сказал: «Неси на приготовленное место и отдай в руки преподобному, который строит церковь матери моей». Вот чего прошу я у тебя: дай мне слово, что благословит меня душа твоя как при жизни, так и по смерти твоей и моей». И отвечал святой: «О Симон, выше силы прошение твое, но если ты увидишь меня, отходящего отсюда, из мира этого, и если по моем отшествии церковь эта устроится и данные ей уставы будут соблюдаться в ней, то, да будет тебе известно, что имею я дерзновение у бога, теперь же не знаю, доходит ли моя молитва».

Симон же сказал: «От господа было мне свидетельство, я сам слышал о тебе это из пречистых уст святого его образа, потому и молю тебя — как о своих черноризцах, так и обо мне, грешном, помолись, и о сыне моем Георгии, и до последних рода моего». Святой же, обещавши ему это, сказал: «Не о них единых молюсь я, но и обо всех, любящих это святое место ради меня». Тогда Симон поклонился до земли и сказал: «Не уйду, отче, от тебя, если писанием своим не удостоверишь меня».

Преподобный же, побуждаемый любовью к нему, написал такую молитву: «Во имя отца и сына и святого духа», что и доныне вкладывают умершим в руку. И с тех пор утвердился обычай класть такое письмо с умершим, прежде же никто не делал этого на Руси. Написано же было и это в молитве: «Помяни меня, господи, когда придешь во царствие твое, чтобы воздать каждому по делам его, тогда, владыка, и рабов своих, Симона и Георгия, сподоби справа от тебя стать, в славе твоей, и слышать благой твой глас: «Придите, благословенные отцом моим, наследуйте уготованное вам царство от создания мира».

И попросил Симон: «Прибавь к этому, отче, чтобы отпустились грехи родителям моим и ближним моим». Феодосий же, воздев руки к небу, сказал: «Да благословит тебя господь от Сиона, и да узрите вы благодать Иерусалима во все дни жизни вашей и до последнего в роду вашем!» Симон же принял молитву и благословение от святого как некую драгоценность и дар великий. Тот, кто прежде был варягом, теперь же благодатью Христовой стал христианином, просвещенный святым отцом нашим Феодосием; оставил он латинское заблуждение и истинно уверовал в господа нашего Иисуса Христа

и со всѣмь домомъ своим, яко до 3000 душь, и съ иереи своими, чюдесъ ради бывающихъ отъ святою Антониа и Феодосиа. И сий убо Симонъ пръвый положенъ бысть в той церкви.

Оттолѣ сынъ его Георгий велику любовъ имѣяше къ святому тому мѣсту. И бысть посланъ от Владимера Мономаха в Сужьдальскую землю сей Георгий, дасть же ему на руцѣ и сына своего Георгиа. По лѣтех же мнозѣхъ сѣде Георгий Владимеровичь во Киевѣ, тысяцькому же своему Георгиеви, яко отцу, предасть область Суждальскую.

СЛОВО О ПРИШЕСТВИИ МАСТЕРЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ОТ ЦАРЯГРАДА КЪ ОНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ. СЛОВО 2

И се вы, братие, скажу ино дивно и преславно чюдо о тъи богоизбраннѣй церкви богородичинѣ.

Приидоша от Царяграда мастери четыре церковнии, мужие богати велми, въ печеру къ великому Антонию и Феодосию, глаголюща: «Гдѣ хощета начати церковь?» Она же к ним рѣста: «Идѣ же господь мѣсто наречеть». Сии же рѣста: «Аще смерть собѣ проповѣдасте, мѣста ли не назнамѣнавше, толикое злато вдавше намъ?» Антоний же и Феодосие, призвавше всю братию, и въпросиста грекъ глаголюще: «Скажите истинну, что се бысть?»

Сии же мастери рѣста: «Нам спящимъ в домѣхъ своих, рано, въсходящу солнцу, приидоша къ комуждо нас благообразни скопци, глаголюще: «Зоветь вы царица Влахерну». Намъ же идущимъ, пояхомъ съ собою другы и южикы своя, и обрѣтохомся равно пришедше вси, и стязавшееся, едину рѣчь *царицину* слышавше, и едини зватаеве быша у нас. И видѣхом царицю и множество вои о ней, поклонихомся ей, и та рече к намъ: «Хощу церковь възградити себѣ въ Руси, въ Киевѣ, велю же вамъ, да возмѣте злата себѣ на три лѣта». Мы же поклонившеся рѣхомъ: «О госпоже царице, въ чюжу страну отсылаеши нас, къ кому тамо приидем?» Она же рече: «Сею посылаю *ко Антонию и Феодосию*». Мы же рѣхомъ: «То что, госпоже, на три лѣта злата даеши намъ, сима прикажеши о насъ, что есть на пищу намъ вся потребная, сама же вѣси, чимъ нас дарствовати». Царица же рече: «Сий Антоний, точию балгословивъ, отходить свѣта сего на вѣчный, а сий Феодосий во 2-ое лѣто по немъ идеть къ господу. Вы же възмѣте до избытка вашего злата, а еже почтити вас, тако не можеть никто же: дамъ вамъ, еже ухо не слыша и на сердце человѣку не взыде. Прииду же и сама видѣти церкве и в ней хощу жити». Вдасть же намъ мощи святыхъ мученикъ: Артемиа и Полиекта, Леонтиа, Акакиа, Арефы, Якова, Феодора,

со всем домом своим, около трех тысяч душ, и со всеми священниками своими, ради чудес бывших от святых Антония и Феодосия. Этот Симон был первым погребен в той церкви. С тех пор сын его, Георгий, великую любовь имел к святому тому месту. Этого Георгия послал Владимир Мономах в Суздальскую землю и поручил ему сына своего, Георгия. Спустя много лет сел Георгий Владимирович в Киеве; тысяцкому же своему Георгию, как отцу родному, поручил область Суздальскую.

СЛОВО О ПРИХОДЕ МАСТЕРОВ ЦЕРКОВНЫХ ИЗ ЦАРЬГРАДА К АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ. СЛОВО 2

И это вам, братья, расскажу другое дивное и преславное чудо о той богоизбранной церкви богородичной.

Пришли из Царьграда четыре мастера церковных, люди очень богатые, в пещеру к великому Антонию и Феодосию, и спросили они: «Где хотите ставить церковь?» Те же им ответили: «Там, где господь место обозначит». Пришедшие же сказали: «Как же так,— свою собственную смерть предвидя,— места еще не назначили, столько золота вручив нам?» Тогда Антоний и Феодосий, призвав всю братию, стали расспрашивать греков, говоря: «Скажите истину: как это было?»

Мастера же эти рассказали: «Однажды, когда мы еще спали в домах своих, рано, на восходе солнца, пришли к каждому из нас благообразные скопцы, говоря: «Зовет вас царица во Влахерну». Когда мы пошли, взяв с собою друзей и ближних своих, то пришли все в одно время и рассудили, что одно и то же повеление царицы слышал каждый из нас и одни и те же посланцы были у нас. И вот увидели мы царицу и множество воинов при ней, мы поклонились ей, и она сказала нам: «Хочу церковь построить себе на Руси, в Киеве, повелеваю же это вам, возьмите золота себе на три года». Мы же, поклонившись, сказали: «О госпожа царица! В чужую страну посылаешь ты нас,— к кому мы там придем?» Она же сказала: «К ним посылаю, к Антонию и Феодосию». Мы же сказали: «Зачем же, госпожа, на три года золота даешь нам? Им и прикажи о нас, чтобы на пропитание от них нам было потребное, а одаришь нас, чем сама захочешь». Царица же сказала: «Сей Антоний, только благословив, отойдет из этого мира на вечный покой, а сей Феодосий через два года после него отойдет к господу. Вы же возьмите золота с избытком, а что до того, чтобы почтить вас, то не может так никто, как я: дам вам, чего и ухо не слыхало и что на сердце человеку не всходило. Я и сама приду посмотреть церковь и в ней буду жить». Дала она нам и мощи святых мучеников: Артемия и Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Якова, Феодора,

рекши намъ: «Сиа положите въ основании». Възяхом же злато и лише потребы. И рече къ намъ: «Изыдите наасно и видѣте величьство». И видѣхомъ церковъ на въздусѣ, и въшедше, поклонихомся ей и въпросихомъ: «О госпоже, каково имя церкви?» Она же рече, яко имя себѣ хощу нарещи. Мы же не смѣхомъ ея въспросити, како ти имя. Си же рече: «Богородичина будеть церкви» и дасть намъ сию икону: «Та намѣстнаа, рече, да будеть». Ей же поколнившеся, изыдохом въ домы своа, носяще сию икону, ю же приахом от рукы царицину».

И тогда вси прославиша бога и того рождьшую. И отвѣща Антоний: «О чада, мы николи же исходихомъ от мѣста сего». Грѣци же съ клятвою рѣша: «Яко от вашею руку злато възяхомъ пред многыми свѣдѣтели, но и до кorабля съ тѣми ваю проводихом, и по ваю отшествии мѣсяць единъ пребывше, пути ся яхомъ: и се есть день десятый, отнеле же изыдохомъ от Царяграда. Въпросихом же царица величества церкве, и та рече нам: «Мѣру убо послахъ поясъ сына моего, по повелѣнию того».

И отвеща Антоний: «О чада, великы благодати Христос сподобил васъ, яко того воли съвершители есте. Суть васъ звавщеи они благообразнии скопци — пресвятии аггели, а еже Влахернѣ царица — сама чювственаа явившися вамъ пресвятаа, чистаа и непорочнаа влдычица наша богородица и приснодѣвица Мариа, и еже о той вои предстоаще суть бесплотныа аггельскыа силы. Наю же подобие и дание вамъ злата богъ вѣсть, яко же самъ сътвори и изволи о своею рабу. Благословенъ приход вашь и добру съпутницю имѣете, сию честную икону госпожину, и та отдасть вамъ, яко же обѣщася, еже ухо не слыша и на сердце человѣку не възыде: того же никто же можеть дати развѣ тоя и сына ея, господа бога и спаса нашего Исуса Христа, его же поясъ и вѣнець от варягъ принесенъ бысть, мѣра сказася широты и долготы и высоты тоя пречестныа церквѣ, гласу таковому от небеси пришедшю от велелѣпныа славы».

Грѣци же съ страхом поклонишася святым и рѣша: «Гдѣ мѣсто таковое да видимъ?» Антоний же рече: «3 дни пребудемъ молящеся, и господь явит намъ». И в тую нощь, молящуся ему, и явися ему господь глаголя: «Обрѣлъ еси благодать предо мною». Антоний же рече: «Господи, аще обрѣтох благодать пред тобою, да будеть по всей земли роса, а на мѣсте, иде же волиши освятити, да будеть суша». Заутра же обрѣтоша сухо мѣсто, идѣ же нынѣ церкви есть, а по всей земли роса. Въ другую же нощь, тако же помолився, рече: «Да будеть по всей земли суша, а на мѣстѣ святѣмъ роса». И шедше, обрѣтоша тако. Въ третий же день, ставше на мѣстѣ том, помольшеся и благословивъ мѣсто,

сказав нам: «Это положите в основание». Мы же взяли золота с избытком. И сказала она нам: «Выйдите наружу, посмотрите церковь». И увидели мы церковь на небе, и, вернувшись, поклонились царице, и спросили: «О госпожа, каково имя церкви?» Она же сказала, что хочет ее своим именем назвать. Мы же не посмели ее спросить: «Как твое имя?» Она же сказала: «Богородицына будет церковь», и дала нам эту икону, говоря: «Она будет наместной». Мы же, поклонившись ей, пошли в дома свои, неся эту икону, полученную из рук царицы».

И тогда все прославили бога и ту, которая его родила. Антоний же ответил: «О чада, мы никогда не выходили из места сего». Греки же клятвенно говорили: «Из ваших рук взяли мы золото перед многими свидетелями, и до корабля с ними вас проводили, и через месяц после вашего ухода отправились в путь, и вот сейчас десятый день, как мы вышли из Царьграда. Спрашивали мы царицу о величине церкви, и она сказала нам: «Я меру послала — пояс сына моего,— по его повелению».

И отвечал Антоний: «О чада, великой благодати Христос удостоил вас, ибо вы его воли вершители. Звавшие вас, те благообразные скопцы — пресвятые ангелы, а царица во Влахерне — сама, зримо явившаяся вам, пресвятая, чистая и непорочная владычица наша, богородица и приснодева Мария, стоявшие же при ней воины — бесплотные ангельские силы. Подобные же нам, и данное вам золото — то бог ведает, так как он сам сотворил и свершил это со своими рабами. Благословен приход ваш, и добрую спутницу имеете вы, эту честную икону госпожи, и она даст вам, как обещала, чего ухо не слышало и что на сердце человеку не всходило: этого никто не может дать, кроме нее и сына ее, господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа, пояс которого и венец, принесенные сюда варягами, являются мерой ширины, и длины, и высоты той пречестной церкви,— голос с неба известил это от великой славы».

Греки же со страхом поклонились святым и сказали: «Где то место? Покажите». Антоний же сказал: «Три дня будем молиться, и господь обозначит нам». И в первую ночь, когда он молился, явился ему господь и сказал: «Обрел ты благодать передо мной». Антоний же сказал: «Господи! если я обрел благодать перед тобой, пусть будет по всей земле роса, а место, которое тебе угодно освятить, пусть будет сухо». Наутро нашли сухим то место, где ныне церковь стоит, а по всей земле была роса. На другую же ночь, также помолившись, Антоний сказал: «Пусть будет по всей земле сухо, а на месте святом роса». Пошли и нашли так. В третий же день, ставши на месте том, помолившись и благословив место это,

и измѣриша златымъ поясомъ широту и долготу. И въздвигъ руцѣ на небо Антоний, рече великым гласомь: «Послушай мене, господи, днесь, послушай мене огнемъ, да разумѣють вси, яко ты еси хотяй сему». И абие спаде огнь съ небесе и пожьже вся древа и терние, и росу полиза, долину створи, яко же ръвомъ подобно. Сущии же съ святыми от страха падоша яко мертвии. И оттуду начатокъ тоя божественыа церкве.

СЛОВО ЕЖЕ КОГДА ОСНОВАННА БЫСТЬ ЦЕРКВИ ПЕЧЕРСКАА. 3

Основана же бысть сиа божественаа церкви богородичина в лѣто 6581. Въ дьни благовѣрнаго князя Святослава, сына Ярославля, нача здатися церкви сиа, иже своима рукама нача ровъ копати. Христолюбивый князь Святославъ вдав же 100 гривенъ злата въ помощь блаженному и мѣру положьше златым поясом по оному гласу, еже от небесъ слышанный на мори. Въ Житии бо святого Антониа сего пространнѣе обрящеши. Въ Феодосиевѣ же Житии всѣм явленна сут, како столпъ огнѣнъ явися от земля до небеси, овогда же облакъ, иногда же яко дуга от връха оноя церкви на сие мѣсто, многожды же и иконѣ преходити, аггелом ту носящимъ, на хотящее быти мѣсто.

Что сего, братие, чюднѣе? Прошедъ убо книги ветхаго и новаго закона, нигдѣ же убо таковых чудесъ обрящеши о святых церквах, яко же о сей: от варягъ и от самого господа нашего Исуса Христа и честнаго его и божественаго и человѣкообразного подобиа — и святыя главы Христовы венець, и богозвучный глас слышахом от Христова подобиа, нести веляще на уготованное мѣсто и того поасом измѣрити по небесному гласу, иже видѣна бысть преже начатиа. Тако же и от грѣкъ иконѣ пришедши с мастеры, и мощи святых мученикъ подо всѣми стѣнами положены быша, идѣ же и сами написаны суть над мощми по стенамъ.

Должно же есть похвалити прежде отшедших балговѣрных князий и христолюбивых боляръ и честныхъ мних и всѣхъ християнъ православных. Блаженъ и треблаженъ сподобивыйся положенъ быти, великы балгодати и милостии от господа достоинъ бысть молитвами святыа богородица и всѣх святых. Блаженъ и треблаженъ сподобывыйся в тъй написанъ быти, яко оставление приимет грѣхом и мзды небесныа не погрѣшит. Радуйтеся бо, рече, и веселитеся, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ: церкве бо си богови любльши есть небесе. И того рождьшиа изволи сию съдѣлати, яко же обѣщася Влахерне мастеръм, сицѣ рекши: «Иду видѣти церкве и в ней хощу жити». Добро убо и зѣло добростою въдворятися въ святѣй ея и въ божественѣй церкви, и какое славы

измерили золотым поясом ширину и длину. И, воздев руки к небу, сказал Антоний громким голосом: «Услышь меня, господи, ныне отметь место огнем, пусть разумеют все, что тебе оно угодно». И тотчас пал огонь с неба и пожег все деревья и терновник, росу полизал и долину выжег, рву подобную. И все бывшие со святыми от страха упали, как мертвые. Так положено было начало той божественной церкви.

СЛОВО О ТОМ, КОГДА ОСНОВАНА БЫЛА ЦЕРКОВЬ ПЕЧЕРСКАЯ. 3

Основана же была сия божественная церковь Богородицы в 6581 (1073) году. В дни княжения благоверного князя Святослава, сына Ярославова, была заложена церковь эта, и сам он своими руками начал ров копать. Христолюбивый князь Святослав дал сто гривен золота в помощь блаженному и размеры определил золотым поясом, как повелел голос, услышанный с небес на море. В Житии святого Антония найдешь об этом подробнее. Из Жития же Феодосия всем известно, как являлся столп огненный от земли до неба, иногда же облако или же радуга сходили с верха старой церкви на это место, много раз и икона переходила,— ангелы переносили ее в то место, где ей надлежало быть.

Что, братия, чудеснее этого? Перелистав все книги Ветхого и Нового заветов, нигде не найдешь таких чудес о святых церквах, как об этой: от варягов, и от самого господа нашего Иисуса Христа, и честного его и божественного и человекообразного изображения — святой головы Христовой венец, и божественный голос слышали от Христова изображения, повелевший венец нести на уготованное место, и небесный голос велел поясом этим измерить церковь, которую видели еще до ее созидания. А из Греции икона пришла с мастерами, и мощи святых мучеников положены были подо всеми стенами, и были изображены эти святые над мощами по стенам.

Должно же нам похвалить прежде отшедших благоверных князей, и христолюбивых бояр, и честных иноков, и всех христиан православных. Блажен и преблажен, сподобившийся погребенным быть здесь, великой благодати и милости господней удостоится он молитвами святой богородицы и всех святых. Блажен и преблажен, тут в поминание записанный, ибо примет он отпущение грехов и награда небесная его не минует. Ведь сказано: «Радуйтесь и веселитесь, ибо имена ваши написаны на небесах» — церковь эта любима богом паче небесной. Родившая его пожелала ее создать, как обещала во Влахерне мастерам, так сказав: «Приду, чтобы видеть эту церковь, и буду в ней жить». Доброе и предоброе это дело — находиться в ее святой и божественной церкви, и какую славу

и похвалы улучить положеный в тъй и написанный в неи въ животныа книгы, и еже пред тоя очима поминаему быти всегда.

И еще вы, възлюблени, предложу слово на утвержение ваше. Что сего злѣе, еже от таковаго свѣта отпасти и тьму любити, и себе измѣтати богонареченныя церкве, еже оставити богом създанную и искати человѣкы створенныа от насилиа и грабления, еже та сама въпиет на создавшаго ю. Сея же зижитель, и хитрець, и художникъ, и творець — богъ, иже огнемъ божества своего попали вѣщи тлѣнныа, дрѣвеса же и горы и путь равнаа дому матере своея, на пренесение рабом своим. Разумѣйте, братие, основание и начало ея: отець свыше благословил росою и столпом огненымъ и облакомъ свѣтлымъ; сынъ мѣру даровалъ своего поаса, еще бо и дрѣво бяше существом видимо, но божиею силою одѣано есть; святый же духъ огнем невещественым яму ископа на водружение корение, и на семъ камени съгради господь церковъ сию, и врата адова не удолѣють ей. Что же и богородица: на 3 лѣта злата дасть мастеръм и своего пречестнаго образа икону даровавши и ту намѣстницу постави, от неа же чюдеса многа сътворяются.

СЛОВО О ПРИШЕСТВИИ ПИСЦЕВЪ ЦЕРКОВНЫХ КѢ ИГУМЕНУ НИКОНУ ОТ ЦАРЯГРАДА. 4

И се дивно чюдо, еже сказаю вамъ. Приидоша от того же богохранимаго Констянтина града къ игумену Никону писци иконнии, глаголюще сице: «Постави рядца наша, хощеве ся истязати: намъ показаша церковъ малу, и тако урядихомъ ся предо многыми свѣдѣтели, сиа же церковь велика велми; и се ваше злато възмѣте, а мы идемъ къ Цариграду». И отвѣща игуменъ: «Какови бяше ряд дѣявше съ вами?» Писци рѣша подобие и образъ, имена Антониа и Феодосиа. И рече имъ игуменъ: «О чада, намъ не мощно вамъ яити тѣх, прежде бо 10 лѣт отъидоша свѣта сего, и суть непрестанно молящеся за ны, и неотступно хранять сию церковъ, и съблюдають свой монастырь, и промышляютъ о живущих в нем».

И сие слышавше грѣци, и ужасни быша о отвѣте, приведоша же и инѣх купець много, иже бѣша оттуду пут шествовавшии с тѣми грѣци и обези. И глаголааху: «Перед сими рядъ сътворихом, злато взяхом от руку ею, и ты не хощеши намъ явити ею. Аще ли преставилася есть, яви нам образъ ею, да и сии видять, аще тая еста». Тогда игуменъ изнесе пред всѣми иконѣ ею. Видѣвши же греци и обѣзи образа ею, и поклонишася, глаголюще, яко сии еста воистинну, и вѣруемъ,

и похвалу обретет положенный здесь и записанный в ней в поминальные книги — перед ее очами будет он поминаться всегда.

И еще, возлюбленные мои, предложу вам слово, чтобы укрепить вас. Нет того злее, чем от такого света отречься, и возлюбить тьму, и отвергнуть богонареченную церковь, оставить богом построенную и искать людьми сотворенную за мзду от насилий и грабежей, что сама взывает к богу на строителя своего. Этой же церкви создатель, и устроитель, и художник, и творец — сам бог, который своим божественным огнем спалил вещи тленные, деревья же и горы сравнял для дома матери своей на благо рабов своих. Разумейте, братья, основание и начало ее: бог-отец свыше благословил росой, и столпом огненным, и облаком светлым, бог-сын меру дал своим поясом: хотя и деревянный был крест, но божиею силою облечен; святой же дух огнем невещественным ров ископал, где положить основание, и на таком камне создал господь церковь эту, что и врата адовы не одолеют ее. Так же и богородица: на три года золота дала строителям, и своего пречистого образа икону даровала и ее наместной поставила,— от иконы этой чудеса многие свершаются.

СЛОВО О ПРИХОДЕ ИКОНОПИСЦЕВ К ИГУМЕНУ НИКОНУ ИЗ ЦАРЬГРАДА. 4

И вот еще дивное чудо, о котором расскажу вам. Пришли из того же богохранимого града Константинополя к игумену Никону иконописцы и стали говорить: «Поставь перед нами тех, с которыми мы рядились, хотим с ними тяжбу вести: нам они показали церковь малую, так мы и урядились с ними перед многими свидетелями, эта же церковь очень уж велика; вот возьмите ваше золото, а мы вернемся в Царьград». В ответ на это игумен спросил: «А кто рядился с вами?» Иконописцы рассказали, на кого они похожи и каков облик их, и назвали имена Антония и Феодосия. И сказал им игумен: «О чада, не в силах мы показать их: десять лет тому как отошли они из этого мира, и теперь непрестанно молятся за нас, и неотступно хранят эту церковь, и заботятся о своем монастыре, и пекутся о живущих в нем».

Услышав такой ответ, греки, ужаснувшись, привели и других многих купцов, греков и кавказцев, которые пришли вместе с ними из тех земель. И сказали они: «Вот перед ними рядились мы и золото взяли из рук тех старцев, а ты не хочешь позвать их сюда. Если же они умерли, то покажи нам изображение их: пусть все увидят, те ли это?» Тогда игумен вынес перед всеми иконы их. Увидев лики святых, греки и кавказцы поклонились, говоря: «Воистину, это они, и мы веруем,

яко жива еста и по смерти, и можета помогати и спасати и заступати прибѣгающих къ нима. Въдавше же и мусию, иже бѣша принесли на продание, ею же святый олтарь устроиша.

Писци же начаша каатися своего съгрѣшениа. «Егда,— рече,— приидохомъ въ Каневъ в лодиахъ, и се видѣхомъ церковь сию на высотѣ. Въпросихом же сущих с нами, кая си есть церкви, и рѣша: «Печерьскаа, ей же вы есте писци». Разгнѣвавъши же ся, хотѣхом бѣжати вънизъ. Въ ту же нощъ бысть буря велика на рѣцѣ. Заутра же въставше, обрѣтохомся близъ Треполя, и лодиа сама идяше горѣ, аки нѣкаа сила влечаашеть ю. Мы же нужею удержахом ю, и стоавше весь день, размышляюще, что се будеть, яко толикъ путь преидохом единою нощию, не грѣбуще, еже съ трудом едва треми деньми доходять друзии. В другую же нощь видѣхом сию церковь и чюдную икону намѣстную, глаголющу намъ: «Человѣци, что всуе мететеся, не покоряющеся воли сына моего и моей, и аще мене преслушаетеся и бѣжати въсхощете, вся вы въземше и съ ладиею поставлю в церкви моей. И се да увѣстѣ, яко оттуду не изыдете, но ту в монастыри моем остригшися и животъ свой скончаете, и азъ вамъ дамъ милость въ будущемъ вѣцѣ строителю сею ради Антониа и Феодосиа». Мы же, заутра въставше, хотѣхом бѣжати внизъ и много трудившеся грѣбуще, а лодиа горѣ идяше противу. Мы же, повинувшеся воли и силе божии, дахомся, и скоро под манастыремъ сама лодиа приста».

Тогда купно вси черноризци и грѣкы, мастери же и писци, прославиша великаго бога и того пречистую матерь, чюдную икону и святаа отца Антониа и Феодосиа. И тако обои живот свой скончаша въ Печерскомъ монастыри, мастери же и писци, въ мнишескомъ житии, и суть положени въ своемъ притворѣ, суть же и нынѣ свиты ихъ на полатах и книгы ихъ грѣческыя блюдомы въ память таковаго чюдеси.

Егда же Стефанъ игуменъ, демественикъ, изъ монастыря изгнанъ бысть и видѣвъ преславная чюдѣса, како мастери приидоша, икону носяще, и царицино видение еже Вълахернѣ повѣдашя, и сего ради самъ Влахернъскую церковъ на Кловѣ създа. Благовѣрный же князь Владимеръ Всеволодовичь Манамахъ, юнь сый, и самовидець бывъ тому дивному чюдеси, егда же огнь с небесе спаде и выгорѣ яма, идѣ же основание церковное положися поасом. И се слышаша по всей земли Руской. Сего же ради Въсеволод съ сыномъ своимъ Владимеромъ ис Переяславля приеха видѣти такого чюдеси. Тогда Владимеръ, боленъ сый и тѣмъ поясомъ златымъ обложенъ бысть, и ту абие здравъ бысть молитвами святую отцю нашею Антониа и Феодосиа.

что они живы и по смерти, и могут помогать, и спасать, и охранять прибегающих к ним». И они отдали в монастырь мозаику, которую принесли было на продажу, ею теперь святой алтарь украшен.

Иконописцы же начали каяться в своем согрешении. «Когда,— говорили,— пришли мы в Канев на ладьях, то увидели в высоте эту церковь. И спросили мы бывших с нами: «Какая это церковь?» И нам ответили: «Печерская, которую вы должны расписывать». Мы же рассердились и хотели плыть назад. И той же ночью поднялась буря сильная на реке. Утром же когда мы проснулись, то увидели, что находимся у Треполя, и ладья сама шла против течения, как будто сила некая влекла ее. Мы же с трудом удержали ее и простояли весь день, размышляя, что бы это значило, что прошли мы за одну ночь, не гребя, такой путь, какой другие в три дня с трудом проходят? На другую же ночь снова увидели мы эту церковь и чудную икону наместную, говорившую нам: «Люди, зачем напрасно мечетесь, не покоряясь воле сына моего и моей; если не послушаетесь меня и захотите бежать,— я возьму всех вас и прямо в ладье поставлю в церкви моей. И то знайте, что вы оттуда не выйдете, но, в монастыре моем постригшись, там и скончаетесь, и я вам дарую милость в будущем веке ради строителей этой церкви, Антония и Феодосия». Мы же, на другой день вставши, хотели плыть вниз и гребли изо всей силы, а лодка шла вверх, против течения. Тогда мы, повинуясь воле и силе божьей, покорились, и вскоре ладья под монастырем сама пристала».

Тогда все вместе, черноризцы и греки, мастера и иконописцы, прославили великого бога и его пречистую мать, чудотворную икону, и святых отцов Антония и Феодосия. И со временем те и другие, мастера и иконописцы, окончили жизнь свою в монашеском чину в Печерском монастыре и положены в своем притворе; свиты их и ныне лежат на полатях, и книги их греческие хранятся в память такого чуда.

Когда игумен Стефан, демественник, который был изгнан из монастыря, увидал преславные чудеса — как пришли мастера, принесли икону, рассказали о видении царицы во Влахерне, то сам создал на Клове церковь по подобию Влахернской. Благоверный же князь Владимир Всеволодович Мономах, тогда еще юный, самовидцем был того дивного чуда, когда пал с неба огонь и выгорела яма, где потом заложено было основание церкви по размерам пояса. Слух об этом разошелся по всей земле Русской. Поэтому-то Всеволод с сыном своим Владимиром приехал из Переяславля, чтобы видеть то великое чудо. Тогда Владимир был болен, и тем золотым поясом опоясали его, и он тотчас же выздоровел молитвами святых отцов наших, Антония и Феодосия.

И въ своемъ княжении христолюбецъ Владимеръ, въземъ мѣру божественыа тоя церкве Печерскыа, всѣм подобиемъ създа церовь въ градѣ Ростовѣ, въ высоту и в широту и въ долготу, но и писмя на хартии написавъ, иде же кыиждо праздникъ в коемъ мѣстѣ написанъ есть, и сиа вся въ чинъ и въ подобие сътвори по образу великыя тоа церкве богознаменаныа. Сынъ же того Георгий князь, слышавъ от отца Владимера еже о тъй церкви сътворися, и тьи въ своемь княжении създа церковъ в градѣ Сужьдали въ ту же мѣру, яже по лѣтехъ вся ты распадошася, сиа же едина богородичина пребываеть въ вѣкы.

О ИОАННѢ И СЕРГИИ ЧЮДО ИЗРЯДНО ВЪ БОЖЕСТВЕНОЙ ПЕЧЕРЪСКОЙ ЦЕРКВИ БЫСТЬ ПРЕД ЧЮДНОЮ ИКОНОЮ БОГОРОДИЧИНОЮ. СЛОВО 5

Быста два мужа нѣкая от великых града того, друга себѣ, Иоаннъ и Сергий. И сиа приидоста въ церковъ богонареченную и видѣста свѣт паче солнца на иконѣ чюднѣй богородичинѣй, и въ духовное братство приидоста.

По многѣхъ же лѣтех Иоанъ, разболѣвся, остави сына своего Захарию 5 лѣт суща. И призва игумена Никона и раздаа имѣние свое нищим, и часть сыновню дасть Сергию: 1000 гривенъ сребра и 100 гривенъ злата. Предастъ же и сына своего Захарию, юна суща, на соблюдение другу своему, яко брату вѣрну, заповѣдавъ тому, яко: «Егда възмужаетъ сынъ мой, дай же ему злато и сребро».

Бывъшю же Захарии 15 лѣт, въсхоте възяти злато и сребро отца своего у Сергиа. Сий же, уязвенъ бывъ от диавола и мнѣвъ приобрѣсти богатство и хотѣ животъ съ душею погубити, глаголеть юноши: «Отець твой все имение богови издалъ, у того проси злата и сребра, тъи ти должень есть, аще тя помилуеть. Аз же не повиненъ есмъ ни твоему отцу, ни тебѣ ни во едином златницѣ. Се ти сътвори отець твой своимъ безумиемъ, раздаавъ все свое въ милостыню, тебе же нища и убога оставилъ».

Сиа же слышавъ, юноша нача плакатися своего лишениа. Посылает же юноша с молбою къ Сергию, глаголя: «Дай же ми половину, а тебѣ половина». Сергий же жестокыми словесы укоряше отца его и того самого. Захарие же третиее части проси, таче десятые. Видѣв же себе лишена всего, глаголеть Сергию: «Прииди и клени ми ся въ церкви Печерской прѣд чюдною иконою богородичиною, идѣ же и братъство възя съ отцемъ моимъ».

Сей же иде въ церковъ и ста пред иконою богородичиною, отвѣща кленыйся, яко не взяхъ 1000 гривенъ сребра,

И по время своего княжения христолюбец Владимир, взяв размеры той божественной церкви Печерской, создал во всем подобную церковь в городе Ростове такой же вышины, ширины и длины и на хартии записал, где и в каком месте церкви какой праздник изображен, и все это было повторено по образцу той великой, богом ознаменованной церкви. Сын же его, Георгий-князь, слышавший от своего отца Владимира о всем, что было с этой церковью, и сам в своем княжении построил в городе Суздале церковь в ту же меру. И все те церкви со временем разрушились; эта же, Богородицына, одна пребывает вовеки.

ОБ ИОАННЕ И СЕРГИИ ЧУДО НЕОБЫЧНОЕ В БОЖЕСТВЕННОЙ ПЕЧЕРСКОЙ ЦЕРКВИ, СВЕРШИВШЕЕСЯ ПЕРЕД ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНОЙ БОГОРОДИЦЫ. СЛОВО 5

Были два неких человека именитых из города того, друзья между собой, Иоанн и Сергий. Однажды пришли они в церковь богонареченную и увидели свет, ярче солнечного, на чудной иконе богородицы, и в духовное братство вступили.

Спустя много лет Иоанн разболелся, а у него оставался пятилетний сын, Захария. И вот больной призвал игумена Никона и раздал свое имущество нищим, а сыновнюю часть, тысячу гривен серебра и сто гривен золота, дал Сергию. Малолетнего же сына своего, Захарию, отдал на попечение другу своему, как брату верному, завещав ему: «Когда возмужает сын мой, отдай ему золото и серебро».

Когда исполнилось Захарии пятнадцать лет, захотел он взять у Сергия золото и серебро отца своего. Тот же, подстрекаемый дьяволом, задумал приобрести богатство, решившись ради этого жизнь с душою погубить, и сказал он юноше: «Отец твой все богатство свое богу отдал, у того и проси золото и серебро: он тебе должен, может быть и помилует тебя. Я же ни твоему отцу, ни тебе не должен ни одной златницы. Вот что сделал с тобой отец твой по безумию своему, раздав все свое имущество в милостыню, а тебя нищим и убогим оставив».

Выслушав это, юноша стал тужить о своем лишении. Обратился он с мольбой к Сергию, говоря: «Дай мне хоть половину, а половину оставь себе». Сергий же жестокими словами укорял отца его и его самого. Захария же стал просить третью часть и даже десятую. Наконец, видя, что он лишился всего, сказал Сергию: «Приди и поклянись мне в церкви Печерской, перед чудотворной иконой богородицы, где ты вступил в братство с отцом моим».

Тот же пошел в церковь и, став перед иконой богородицы, сказал, клянясь, что не брал ни тысячи гривен серебра,

ни 100 гривенъ злата, и хотѣ цѣловати икону, и не възможе приближитися къ иконѣ. И исходящу ему изъ дверий, нача въпити: «О святаа Антоние и Феодосие, не велита мене погубити аггелу сему немилостивому, молита же ся святѣй богородици, да отженеть от мене многыа бѣсы, имъ ж есмь преданъ. Възмѣте же злато и сребро запечатленно въ клѣти моей». И бысть страхъ на всѣхъ. И оттолѣ не дадяху клятися святою Богородицею никому же.

Пославше же, възяша съсуд запечатанъ и обрѣтоша в немъ 2000 гривенъ сребра и 200 гривенъ злата: тако бо усугуби господь отдатель милостивыхъ. Захариа же все дасть игумену Иоанну, да растрошит, яко же хощеть. Сам же постригся, сконча животъ свой ту. Им же златом и сребром поставлена бысть церкви святого Иоанна Предтечи, удуж на полата въсходят, въ имя Иоанну болярину и сынови его Захарии, ею же бысть злато и сребро.

СКАЗАНИЕ О СВЯТЕЙ ТРАПѢЗѢ И О СВЯЩЕНИИ ТОЯ ВЕЛИКИА ЦЕРКВИ БОЖИА МАТЕРЕ. СЛОВО 6

Священна бысть церкви Печерская в лѣто 6597, въ пръвое лѣто игуменъства Иоаннова. Не бысть же доскы камены на положение трапезѣ. И много убо поискавше, да будеть съдѣлана трапеза камена, и не обрѣтеся мастеръ ни единъ, древеней же дъсцѣ съдѣланнѣ положиша. Иоаннъ же митрополитъ не восхотѣ древянѣй трапезѣ быти въ таковѣй велицѣй церкви, и сего ради игуменъ въ велицѣй печали бысть. И преидѣ неколико дний, не бывшу священию. Въ 13-й же день августа вънидоша иноци въ церковъ по обычаю пѣти вечерню и видѣша у олтарныа ограды доску камену положену и столпци на устроение трапѣзѣ. И скоро възвѣстиша митрополиту такую вещь. Он же похвали бога и повелѣ быти священию и вечерни.

Много же поискавше, откуду и кыимъ принесена бысть таковая дьска и како въ церковь вънесена бысть, заключенѣ ей сущи. И всюду же пытавше, по водѣ же и по суху же, откуду привезена бысть, никако же обрѣтеся слѣд тѣхь и стопъ възившихь ю. Пославше же убо тамо, идѣ же дѣлаются таковыя вещи, 3 гривны сребра, да тоя мастеръ възмет за свой труд. Заповѣди же всюду прошедши, и не бысть дѣлатель. Но хитрець и промысленикъ всѣхъ, богъ сътворивый ту, дѣлавъ и положивъ и утвердивъ рукама святительскыма на предложение своему пречистому тѣлу и святѣй крови, изволив на той святѣй трапезѣ, юже самъ дарова, за весь миръ по вся дьни заклатися.

Въ утрий же день приидоша съ митрополитом Иоанном епископъ Иоаннъ Черниговскый, Исаиа Ростовскый, епископъ Антоний

ни ста гривен золота, и хотел поцеловать икону, но не мог приблизиться к ней. И когда выходил он из дверей, то стал вопить: «О святые Антоний и Феодосий, не велите погубить меня этому ангелу немилостивому, помолитесь святой богородице, чтобы отогнала она от меня бесчисленных бесов, которым я предан. Возьмите золото и серебро: оно спрятано в доме моем». И страх охватил всех. С тех пор никому не давали клясться той иконой святой богородицы.

Послали в дом к Сергию, взяли сосуд запечатанный и нашли в нем две тысячи гривен серебра и двести гривен золота: так вот удвоил господь богатство, вознаграждая творящих милостыню. Захария же все деньги отдал игумену Иоанну, чтобы тот употребил их, как хочет. Сам же постригся и жизнь окончил здесь. На серебро же и золото это построена была церковь святого Иоанна Предтечи, где всход на полати, в память Иоанна-боярина и сына его Захарии, чьих было золото и серебро.

СКАЗАНИЕ О СВЯТОМ ЖЕРТВЕННИКЕ И ОБ ОСВЯЩЕНИИ ТОЙ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. СЛОВО 6

Освящена была церковь Печерская в 6597 (1089) году, в первый год игуменства Иоанна. И не было плиты каменной для сооружения жертвенника. И долго разыскивали, кто бы мог сделать жертвенник каменный и не нашли ни одного мастера; тогда сделали деревянную доску и положили ее. Но митрополит Иоанн не хотел, чтобы в столь великой церкви был деревянный жертвенник, и из-за этого игумен пребывал в большой печали. Прошло несколько дней, а освящения все не было. В тринадцатый день августа вошли иноки в церковь петь, по обычаю, вечерню, и увидели, что у алтарной ограды лежит каменная плита и подпоры для устроения жертвенника. Тотчас дали знать об этом митрополиту. Он же восхвалил бога и повелел свершить освящение и вечерню.

Долго разыскивали, откуда и кем принесена была эта плита и как в церковь внесена, когда она заперта была? И всюду расспрашивали, откуда она привезена была, водой ли или по суше, и нигде не нашлось никаких следов тех, кто привез ее. Послали туда, где делаются такие вещи, три гривны серебра, чтобы мастер взял деньги за свой труд. Посланные обошли все места и не нашли мастера. Мудрый создатель и помощник всех, бог, сотворивший это чудо, жертвенник сделал, и положил, и утвердил его руками святительскими на приношение своего пречистого тела и святой крови, возжелав, чтобы его за весь мир во все дни приносили в жертву на том жертвеннике, который сам даровал.

На другой день пришли с митрополитом Иоанном епископ Иоанн Черниговский, Исайя Ростовский, епископ Антоний

Юрьевскый, епископъ Лука Бѣлградскый, никим же звани бывше, и обрѣтошася въ чинъ священиа. И въпроси тѣх блаженый митрополитъ: «Что ради приидосте, не звани бывше?» И отвѣщаша епископи: «От тебе, владыко, присланый пришедше глаголаше намъ, яко 14 августа освящается церкви Печерьская, готови вси будете съ мною въ врѣмя литургиа. Мы же не смѣвше преслушати твоего словеси, и се есмы». И отвѣща Антоний, епископъ юрьевьскый: «Азъ бѣх боля, сея же нощи вниде чернець ко мнѣ и глагола ми: «Заутра освящаеться церкви Печерьскаа, да будеши тамо». Яко же точию слышахъ — и тако здравъ бых, и се есмъ по повелению вашему».

Святитель же хотѣ изыскати таковыхъ человѣкъ, кто суть звавшеи тѣхь, и ту абие глас таковь: «Ищезоша испытающий испытаниа». Он же пакы простеръ руцѣ на небо и рече: «Пресятаа богородице! яко же въ свое преставление апостолы от конець вселенныа събравши въ честь своему погрѣбению, тако и нынѣ въ освящение своея церкве събравши тѣхъ намѣстникы и наши служебники!»

И вси въ ужасти быша отъ великых чюдес. Обышедши же церковъ 3-жды и начаша пѣти «Възмѣте, врата, князи ваши», и не бысть никого же въ церкви, иже бы отпѣлъ «Кто сей есть царь славы», бѣ бо ни единаго въ церкви оставиша, дивящим бо ся имъ епископьску приходу. Многу же млъчанию бывшю, и бысть глас изъвнутрь церкви яко аггелескъ: «Кто сей есть царь славы». Възискани же бывше таковии гласи, кто суть и чии суть. Внидоша же въ церковь, дверемь всѣмь затвореным сущим, и ни единъ человѣкь обрѣтеся въ церкви. Разумно бысть всѣм, яко все строится божиимъ промысломъ, еже о той святѣй и божественѣй церкви.

Тѣмь же и мы рцѣмь: «О глубина богатьства и сило и разума! Кто изслѣдить умъ господень или кто съвѣтникъ бысть ему?» И господь да съхранить вы и съблюдеть въ вся дьни живота вашего и молитвами пречистыа богородица и преподобных и блаженых отець наших печерьскых *Антониа и Феодосиа* и святых черноризець монастыря того. С ними же буди и намь получити милость въ сий вѣкь и въ будущий о Христѣ Исусѣ, господи нашем, ему же слава съ отцемь и съ святым духом нынѣ и присно и в вѣкы вѣком. Аминь.

НЕСТОРА, МНИХА ОБИТЕЛИ МАНАСТЫРЯ ПЕЧЕРЬСКАГО, СКАЗАНИЕ, ЧТО РАДИ ПРОЗВАСЯ ПЕЧЕРЬСКЫЙ МАНАСТЫРЬ. СЛОВО 7.

Въ княжение самодръжца Рускыа земля, благовѣрнаго великаго князя Владимера Святославича, благоволи богъ явити свѣтилника Рустѣй земли и наставника иночьствующим, яже о немь нам сказание.

Юрьевский, епископ Лука Белгородский, никем не званные, пришли они на чин освящения. И спросил их блаженный митрополит: «Почему пришли вы, когда вас не звали?» И отвечали епископы: «Владыка, посланец от тебя сказал нам, что четырнадцатого августа будет освящение церкви Печерской, и мы все должны быть с тобой на литургии. Мы не смели ослушаться твоего слова, и вот мы здесь». Антоний же, епископ Юрьевский, сказал: «Я был болен, и вот этой ночью вошел чернец ко мне и сказал мне: «Завтра освящается церковь Печерская, будь там». И только что услышал я это, как сразу выздоровел, и вот я здесь по повелению твоему».

Святитель хотел разыскать тех людей, которые звали их, и вдруг раздался голос: «Да исчезнет испытывающий предначертанное!» Тогда митрополит воздел руки к небу и сказал: «Пресвятая богородица! как на успение свое ты со всех концов вселенной собрала апостолов, в честь своего погребения, так и ныне, на освящение своей церкви, созвала ты их наместников и наших сослужебников!»

И все в ужасе были от великих чудес. Обошли вокруг церкви трижды и начали петь: «Поднимите, врата, верхи ваши», и не было никого в церкви, кто бы мог отпеть: «Кто есть сей царь славы?», потому что все до одного вышли из церкви, дивясь приходу епископов. После долгого молчания вдруг из церкви раздался голос, похожий на ангельский: «Кто есть сей царь славы?» Стали искать, что это за голоса, откуда они и чьи. Когда же вошли в церковь, то все двери были затворены, и ни одного человека не нашлось в ней. И стало ясно всем, что все свершается божьим промыслом о той святой и божественной церкви.

После этого и мы скажем: «О бездна богатства, и премудрости, и ведения божия! Кто познает ум господен или кто может быть соратником ему?» Господь да сохранит вас и будет блюсти вас во все дни жизни вашей молитвами пречистой богородицы и преподобных и блаженных отцов наших печерских, Антония и Феодосия, и святых черноризцев монастыря того. С ними же да удостоимся и мы получить милость в этом веке и в будущем о Христе Иисусе господе нашем, ему же слава с отцом и со святым духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

НЕСТОРА, ИНОКА ОБИТЕЛИ МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКОГО, СКАЗАНИЕ О ТОМ, ПОЧЕМУ МОНАСТЫРЬ БЫЛ ПРОЗВАН ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 7

Во время княжения самодержца Русской земли, благоверного великого князя Владимира Святославича, соблаговолил бог, чтобы появился просветитель Русской земли и наставник иноков, о котором и будет это сказание.

Бысть убо нѣкый благочестивый муж от града Любеча, яже въ нь измлада вселися страх божий, желааше же въ иноческый облещися образь. Человѣколюбивый же господь възложи сему ити въ страну Гречьскую и тамо острыщися. Абие путьному шествию устремився, странствуа за страньствовавшего господа и труждьшагося нашего ради спасениа, и достиже царствующаго града. И въ Святую Гору доиде и обьшед святаа монастыря, яже на Афонѣ, и видѣ монастыря, сущаа ту на Святѣй Горѣ, и пребывание тѣх отець выше человѣчьскаго естества, въ плоти житие аггельское подражающе, паче ражьжеся христовою любовию, жалаа тѣх отець житию поревновати. Прииде въ единь манастырь от сущих тамо манастыревъ и моли игумена, дабы на нь възложилъ аггельскый образь иночьскаго чина. Игумень же, прозря яже в нем хотящаа быти добродѣтели, послушавъ, постриже его и нарече имя ему Антоние, наказавь и научи его иночьскому житию. Антоний же въ всемь богу угаждаа, на прочаа подвизаася въ покорении же и въ послушании, яко всѣм радоватися о нем. Рече же ему игумень: «Антоние, иди пакы въ Русию, да тамо прочиим на успѣх и утвръждение будеши, буди ти благословение Святыя Горы».

Антоний же прииде въ град Киевъ, мысляше, где пребыти. И походи по манастырем и не възлюби ни въ едином же где бы жителъствовати: богу не волящу. И нача ходити по дебрем и по горам и по всѣм мѣстом, и на Берестово прииде и обрѣтъ печеру, и вселися въ ню, ю же бѣша ископали варязи, и в ней пребысть въ велицѣм въздръжании. По сих же преставлъшуся великому князю Владимеру, и приа власть безбожный окаанный Святополкъ, и сѣде въ Киевѣ, нача избивати братию свою, и уби святого Бориса и Глѣба. Антоний же, видя таково кровопролитие, иже сдѣа окаанный Святополкъ, пакы бѣжа въ Святую Гору.

Егда же благочестивый князь Ярославь побѣди Святоплъка, и сѣде въ Киевѣ. Боголюбивому же князю Ярославу любящу Берестово и церковь святых Апостолъ, священникы многы набдящу. В нем же бѣ презвитерь именемь Иларионь, муж благочестивь, божественным писанием разумень и постникъ. И хожааше съ Берестова над Днѣпръ, на хлъмь, где нынѣ ветхый манастырь Печеръскый, и ту молитвы творяше, бѣ бо тамо лѣсь великь, и ископа ту печерку малу дву саждень и, приходя с Берестова, псалмопѣние пояше, моляшеся богу въ тайнѣ.

По семь же благоволи богъ възложити на сердце благовѣрному великому князю Ярославу, и събравъ епископы, в лѣто 6559, и поставиша его митрополитом въ святѣй Софии, а сии его печерка оста.

Жил в городе Любече некий благочестивый муж, в которого смолоду вселился страх божий, и захотел он стать иноком. Человеколюбивый же господь вложил в его душу желание идти в страну Греческую и там постричься в монахи. Немедля устремился он в путь, странствуя за странствовавшего и трудившегося ради нашего спасения господа, и достиг Царьграда. И пришел он на Святую Гору, и обошел афонские святые монастыри, и, увидев эти монастыри на Святой Горе и жизнь монахов, превосходящую человеческие возможности,— оставаясь во плоти, они подражали ангельскому житию,— еще сильнее воспылал он любовью ко Христу и захотел повторить подвиги этих монахов. Пришел он в один из тамошних монастырей и умолил игумена, чтобы тот возложил на него ангельский образ иноческого чина. Игумен же, прозрев, что он свершит великие добрые дела, послушал его, постриг под именем Антония, наставив и обучив иноческому житию. Антоний же, угождая во всем богу, в остальном подвизался в покорности и послушании, так что все радовались за него. И сказал ему однажды игумен: «Антоний, иди снова на Русь, да будешь там и другим примером их успеха и утверждения в вере, и будет с тобой благословение Святой Горы».

Антоний же пришел в город Киев и стал думать, где бы ему жить. Походил он по монастырям и не пожелал ни в одном из них поселиться: потому что бог не хотел. И стал он ходить по лесам, и по горам, и по разным местам, и, придя в Берестово, нашел пещеру, которую когда-то выкопали варяги, и поселился в ней, и жил в ней в великом воздержании. Через некоторое время после этого умер великий князь Владимир, и захватил власть безбожный и окаянный Святополк, и, сев в Киеве, стал избивать братьев своих, и убил святых Бориса и Глеба. Антоний же, увидев такое кровопролитие, содеянное окаянным Святополком, снова удалился на Святую Гору.

Когда благочестивый князь Ярослав победил Святополка, то сел он в Киеве. И так как полюбил боголюбивый князь Ярослав Берестово и тамошнюю церковь святых Апостолов, то многих священников содержал при ней. Был между ними пресвитер, именем Иларион, муж благочестивый, знаток божественного Писания и постник. И ходил он с Берестова к Днепру, на холм, где ныне старый монастырь Печерский, и здесь молился, ибо был тогда там лес дремучий, и выкопал он тут маленькую двусаженную пещерку, и, приходя из Берестова, пел псалмы, и молился богу втайне.

И, по прошествии некоторого времени, бог вложил в сердце благоверному великому князю Ярославу благую мысль: собрал он в 6559 (1051) году епископов и поставил Илариона митрополитом в святой Софии, а пещерка его сохранилась.

Антонию же сущу въ Святѣй Горѣ, въ манастыри, идѣ же острыжеся, и бысть отъ бога възвѣщение игумену: «Пусти, рече, Антониа въ Русию, яко требую его». Призвав же его и рече ему: «Антоние, иди пакы въ Русию, богу тако хотящу, и буди благословение от Святыя Горы, яко мнози от тебе имуть черноризци быти». Благословивъ его, отпусти и, рекъ ему: «Иди съ миром».

Антонию же пришедшу къ Киеву, и прииде на хлъмь, идѣ же бѣ Иларион печерку ископаль малу, и възлюби мѣсто то, и въселися в нем. И нача молитися богу съ слезами глаголя: «Господи, утвръди мя въ мѣсте сем и да будеть благословение на мѣстѣ семъ Святыя Горы и молитва моего отца, иже мя постриглъ». И нача жити ту, моля бога. Ядъ же его бѣ хлѣбь сух и воды въ мѣру въкушаа, и копаше печеру и не дааше собѣ покоя въ дьне и в нощи, въ трудѣх же пребывая, въ бдѣниих и въ молитвах. По сем же увѣдаша его людие, прихождааху къ нему, приносяще яже на потрѣбу. И прослу яко же и Великый Антоний, и приходяще к нему, просяаху от него благословениа.

По сем же, преставльшуся великому князю Ярославу, приять власть сынъ его Изяславъ и сѣде в Киевѣ. Антоний же прославлень бысть въ Рустѣй земли. Князь же Изяславъ, увѣдавъ житие его, прииде к нему съ дружиною своею, прося у него благословениа и молитвы. И увѣдань бысть всѣми великый Антоний и почитаем всѣми. И начаша приходити к нему пострыщися боголюбивии нѣции, он же приимаше их и пострызаше. И събрася братии к нему числомъ 12. К нему ж и Феодосие пришед и пострыжеся. И ископаша печеру велику, и церковь, и келиа, яже суть и до сего дьни въ печерѣ под ветхым монастыремь.

Съвъкупленнѣй же братьи сущи, и рече имъ великый Антоние: «Се богъ нас, братие, съвъкупиль, и от благословениа есте Святыя Горы, им же мене игумень пострыже Святыя Горы, аз же вас постригох, и буди благословение на вас прьвие от бога и пречистыя богородица, второе отъ Святыа Горы». И рече имъ сице: «Живите себѣ, и азь поставлю вам игумена, а самъ хощу въ ону гору ити и тамо сѣсти един. Яко же и прежде рѣх, обыклъ уединився». И постави им игумена именем Варлаама, а сам иде въ гору, ископа печеру, яже есть под новым манастырем, и в ней скончa живот свой, живь въ добродѣтели лѣть 40, не исходя ис печеры, въ ней же лежать честныя мощи его, чюдеса творяще и до сего дьне.

Игумень же и братиа живяху въ печерѣ. И умножившимся братии и не могущим въ печеру въмѣститися, помыслиша вънѣ печеры поставити манастырь. И прииде игумень и братиа къ святому Антонию и рекоша ему: «Отче! умножилося есть

Когда Антоний находился на Святой Горе, в монастыре, где свершилось его пострижение, то было от бога возвещение игумену: «Отпусти, сказал он, Антония на Русь, я его требую». Призвал его игумен и сказал ему: «Антоний! Иди снова на Русь, такова воля бога, и будет с тобой благословение от Святой Горы, и многие от тебя черноризцами станут». Благословив, отпустил он его и сказал ему: «Иди с миром!»

Когда же Антоний вернулся в Киев и пришел на холм, где Иларион вырыл малую пещерку, полюбилось ему место это, и поселился он здесь. И начал молиться богу со слезами, говоря: «Господи, утверди меня на месте этом, и да будет благословение на нем Святой Горы и молитва отца моего, который постриг меня». И стал он жить тут, молясь богу. Пищей же его был хлеб сухой, и воды пил в меру, и копал он пещеру, и, не давая себе покоя ни днем, ни ночью, так жил в постоянных трудах, пребывая в бдении и молитвах. Потом узнали о нем люди, стали приходить к нему и приносили, что было нужно. И прошла о нем слава, как о великом Антонии, и начали приходить к нему, прося от него благословения.

Потом же, когда умер великий князь Ярослав, принял власть сын его Изяслав и сел на киевский стол. Антоний к тому времени уже прославился по Русской земле. Князь же Изяслав, прослышав о житии его, пришел к нему с дружиной своей, прося у него благословения и молитвы. И сделался известен всем великий Антоний, и почитали его все. И начали приходить к нему боголюбивые люди, чтобы постричься, и он принимал их и постригал. И собралась у него братия в двенадцать человек. И Феодосий, к нему придя, постригся. И выкопали они пещеру большую, и церковь, и келии, которые целы и теперь в пещере, под старым монастырем.

Когда собралась братия, сказал им великий Антоний: «Это, братия, бог объединил нас, и благословение на нас Святой Горы, с которым меня постриг игумен Святой Горы, я же вас постриг, и да будет же на вас благословение, во-первых, от бога и пречистой богородицы, во-вторых, от Святой Горы!» И сказал он им еще: «Живите теперь сами по себе, и я поставлю вам игумена, а сам пойду на другую гору и там останусь один. Ведь я уже и прежде привык уединяться». И поставил он игуменом Варлаама, а сам пошел на гору и выкопал себе другую пещеру, которая теперь под новым монастырем, в ней он и умер, живши в добродетели сорок лет, не выходив из пещеры, в ней же лежат честные мощи его, творящие чудеса и доныне.

Игумен же и братия продолжали жить в пещере. И умножилось их число, и не могли они уже в пещере вместиться, и задумали они рядом с пещерой поставить монастырь. И пришли игумен и братия к святому Антонию, и сказали ему: «Отче!

братии и не можем въмѣститися въ печерѣ, дабы богъ повелѣль и пречистаа богородица и твоя молитва, да быхом поставили церковицю внѣ печеры». И повелѣ имъ преподобный. Они же поклонишася ему до земля и отъидоша. И поставиша церковицю малу над печерою въ имя святыа богородица Успѣние.

И нача богъ умножати чръноризца молитвами пречистыа богородица и преподобнаго Антониа, и съвѣть сътвориша братиа съ игуменомь поставити манастырь. И идоша пакы къ Антонию и рѣша ему: «Отче! братии умножаеться и хотѣли быхом поставити манастырь». Антоний же рад бывь и рече: «Благословень богъ о всемь, и молитва святыа богородица и сущих отець, иже въ Святѣй Горѣ, да будеть с вами». И сиа рекь, посла единаго отъ братия къ князю Изяславу, рекь тако: «Княже благочестивый, богъ умножаеть братию, и мѣстьце мало, просим у тебе, дабы еси нам дал гору ту, иже над печерою». Князь же Изяславь, сиа слышав, зѣло радостень бысть, и посла к ним болярина своего, дасть имъ гору ту.

Игуменъ же и братия заложиша церковь велику и манастырь, оградиша стлъпиемь и келиа поставиша многы, и церковь поставиша и украсиша иконами. И оттолѣ начашеся звати Печерьскый манастырь, понеже бѣаху жили чрънорizци преже въ печерѣ. И оттолѣ прозвася Печерьскый манастырь, иже есть от благословениа Святыя Горы.

Манастыру же съвръшену, игуменьство дръжащу Варлааму, князь же Изяславь постави манастырь святого Дмитреа и выведе Варлаама на игуменьство къ святому Дмитрею, хотя сътворити свой манастырь выше Печерьскаго манастыря, надѣася на богатьство. Мнози бо манастыреве от царь и отъ боляръ и отъ богатьства поставлении, но не суть таковии, яковии же суть поставлении слезами и пощением, молитвою и бдѣнием. Антоний не имѣ злата и сребра, но стяжа слезами и пощением, а яко же глаголаах.

Варлааму отшедшю къ святому Дмитрею, и совѣт сътворьше, братия идоша къ старцю Антонию и глаголаста ему: «Отче, постави нам игумена». Он же рече имъ: «Кого хощете?» Они же глаголаста ему: «Кого хощет богъ и пречистаа богородица и ты, честный отче». И рече имь великый Антоние: «Кто таковь есть въ вас, яко же есть блаженный Феодосие, послушливый, кроткый и смиренный сый? Да будет вам игумень». Братиа же вси, ради бывше, поклонишеся ему до земля, и поставиша Феодосиа игуменом. Сущи братии тогда числомь 20.

Феодосию приимшу монастырь, нача имѣти въздръжание велико, пощение и молитвы съ слезами. И съвъкупляти начать многы чрънориzца, и съвъкупи въсѣх братии числом 100. И нача възыскати правила чернечьскаго, и обрѣтеся тогда

братии стало так много, что не можем поместиться в пещере, да благословит бог и пречистая богородица, и твоя молитва, чтобы нам поставить маленькую церковь вне пещеры». И разрешил им преподобный. Они же поклонились ему до земли и вышли. И поставили церковку маленькую над пещерой во имя Успения святой богородицы.

И стал бог, молитвами пречистой богородицы и преподобного Антония, умножать черноризцев, и братия, посоветовавшись с игуменом, решили построить монастырь. И пошли опять они к Антонию, и сказали ему: «Отче, братия умножается, и хотим мы построить монастырь». Антоний же возрадовался и сказал: «Благословен бог за все, молитва святой богородицы и отцов Святой Горы да будет с вами!» И сказав это, послал одного из братий к князю Изяславу, говоря так: «Княже благочестивый, бог умножает братию, а местечко маленькое, просим у тебя, чтобы дал ты нам гору ту, что над пещерой». Князь же Изяслав, услышав это, обрадовался и послал к ним боярина своего, чтобы передать им гору ту.

Игумен же и братия заложили церковь большую и монастырь, обнесли оградой, и много келий поставили, и, поставив церковь, украсили ее иконами. И с тех пор прозвался монастырь Печерским, потому что черноризцы прежде жили в пещере. И с тех пор называется он Печерским монастырем, и на нем благословение Святой Горы.

Когда монастырь уже был основан, а игуменствовал в нем Варлаам, князь Изяслав поставил монастырь святого Димитрия и перевел Варлаама на игуменство в монастырь святого Димитрия; надеясь на богатство, он хотел сделать свой монастырь выше Печерского. Многие монастыри поставлены царями, боярами и богатством; но не таковы они, как поставленные слезами и пощением, молитвою и бдением. Антоний вот не имел ни золота, ни серебра, а все приобрел слезами и постом, как я уже рассказал.

Когда Варлаам ушел в монастырь святого Димитрия, то братия, посоветовавшись, пошли к старцу Антонию и сказали ему: «Отче, поставь нам игумена». Он же спросил их: «Кого хотите?» Они же ответили ему: «Кого хочет бог, и пречистая богородица, и ты, честной отче». И сказал им великий Антоний: «Кто еще есть среди вас столь послушлив, кроток и смирен, как блаженный Феодосий? Пусть он и будет вам игуменом». Все братья рады были, поклонились ему до земли, и поставили Феодосия игуменом. Было тогда братии двадцать человек.

Принявши монастырь, Феодосий ввел в нем воздержание строгое, пощение и молитвы со слезами. И стал принимать он многих черноризцев, и собрал братии сто человек. И начал он разыскивать устав монастырский, а в это время оказался

честный инокь Михаиль, монастыря Студийскаго, иже бѣ пришел из Грекь съ митрополитом Георгием. И нача его въпрощати о уставѣ отець студийскых, и обрѣте у него, иcписа. И устави въ манастыри своем, како пѣти пѣниа манастырьскаа и поклоны како дръжати, и чтениа почитати, и стоание въ церкви, и все уряждение церковное, и на трапезѣ сѣдание, и что ядение в кыя дьни. Все съ уставлением Феодосий тъй изъобрѣть, предасть манастыру своему, от того же манастыря прияша вси манастыреви рустии устав. Тѣм же почтенъ бысть манастырь Печерьскый, иже пръвие всѣх и честью выше всѣх.

Феодосию же живущу въ манастыри и правящу добродѣтельное житие и иночьское правило, и примающу всякого приходящаго к нему, приидох же и азъ к нему, худый и недостойный азъ рабь Несторъ, и приять мя, тогда лѣт ми сущу 17 от рождениа моего. Се же написах и положих, иже в кое лѣто начат быти манастырь и что ради и зоветься Печерьскый. А о Феодосиевѣ житии пакы скажем ⟨...⟩

АВГУСТА 14. СЛОВО 9 НЕСТОРА, МНИХА МАНАСТЫРЯ ПЕЧЕРЪСКАГО, О ПРЕНЕСЕНИИ МОЩЕМЬ СВЯТАГО ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИА ПЕЧЕРЪСКАГО.

«С похвалами бывающаа памяти преподобных възвелесятся людие», рече премудрый Соломонь. Обычай бо есть въ божественѣм празника тръжествѣ духовнѣ ликоствовати богоименитым людемъ, по речению премудраго Соломона: «Праведникь, аще умрет, живь будет, и душа праведных в руцѣ божии суть». Прославляеть бо господь славящаа его, яко же въ истинну сего блаженаго добляго мужа, высокаго житием, чюднаго въ добродѣтелех, изряднаго въ чюдесѣх, блаженаго Феодосиа. Благоволи богъ явити своего угодника, иже истинно сътворивый богъ сице по 18 лѣт преставлениа преподобнаго.

В лѣто 6599 събрашася пречистыя Печеръскыа лавры множество иночьствующих съ наставникомь игуменом их въкупѣ, единоравнѣ съвѣт сътвориша еже принести мощи преподобнаго Феодосиа.

Тѣм же лѣпо есть приглашати вам: Въ истину блажени есте, отци, добро съвѣщание ваше. О богосъбранный личе! О постничьскый великый съборе! О пречестный полче! О благо съвъкупление, еже богоотца пѣсненое вѣщание събывшееся на вас, реченое: «Се коль добро и что красно, еже быти братии въкупѣ». Въ истинну добръ съвѣт вашь, отци, велегласнѣйши трубы глаголь съвѣщаний ваших. Истиннаго своего пастыря желающе, яко ту не глаголаху: «Лишаемы есмы отца и учителя!» И вси, яко единѣми усты, рекше: «Възмем честныя мощи любимаго отца нашего Феодосиа,

тут честной инок Михаил из монастыря Студийского, который пришел из Греции с митрополитом Георгием. И решил Феодосий расспросить его о уставе иноков студийских, и найдя у него устав, списал его. И установил в монастыре своем, как петь пение монастырское, как поклоны держать и чтение читать, как стоять в церкви, и весь порядок церковный, и как за трапезой сидеть, и что есть в какие дни. Все это по уставу Феодосий определил и ввел в своем монастыре, а от Печерского монастыря переняли все русские монастыри этот устав. Потому и честь Печерскому монастырю, так как древнее он всех и честью выше всех.

И так, когда жил Феодосий в монастыре, ведя добродетельную жизнь, соблюдая иноческое правило и принимая всякого, приходящего к нему, пришел к нему и я, грешный и недостойный раб Нестор, и он принял меня, а было мне тогда семнадцать лет от роду. И вот я написал это и изложил, в каком году возник монастырь и почему называется Печерским. А о житии Феодосия ниже расскажем ⟨...⟩

АВГУСТА 14. НЕСТОРА, ИНОКА МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКОГО, СЛОВО О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО. 9

«Когда умножаются праведники, веселится народ»,— сказал премудрый Соломон. Обычай ведь есть в божественный праздник торжества духовного ликованию предаваться богоименитым людям, по словам премудрого Соломона: «Праведник, если и умрет,— жив будет, и души праведных в руке божьей». Прославляет господь славящих его, как воистину этого блаженного и доблестного мужа, высокого житием, чудного добродетелями, неутомимого в чудесах, блаженного Феодосия. Соблаговолил бог явить своего угодника, что воистину и свершилось по воле божьей через восемнадцать лет после преставления преподобного.

В 6599 (1091) году все иноки пречистой Печерской лавры, собравшись вместе со своим наставником игуменом, единодушно порешили перенести мощи преподобного Феодосия.

Подобает за это хвалу принести им: Воистину блаженны отцы, и мудро решение ваше. О богом собранный совет! О постнический великий собор! О пречестное воинство! О благое объединение, ведь сбылось на вас изречение бога отца, сказавшего: «Что может быть лучше и прекраснее, чем единение братии». Воистину добр замысел ваш, отцы, громогласнее трубы слова решений ваших. С истинным своим пастырем пожелали быть всегда вместе,— нельзя было не воскликать: «Лишены мы отца и учителя!» И все, как едиными устами, сказали: «Возьмем честные мощи любимого отца нашего Феодосия,

нѣсть бо нам лѣпо пастыря лишеным быти, ни пастырю подобно есть богом порученых овець оставляти, да не дивий звѣръ пришед распудит стадо Христово словесных овець, но да приидеть пастырь въ свою ограду и духовною цевницею божественѣ въструбить, да пастырьскаа сопль отгонить звѣря мысленаго нападение и съблюстителя живота нашего и хранители аггели призовут». И вси единогласно другь другу вѣщающе: «Лѣпо есть намь, братие, всегда пред очима нашима честную раку отца нашего Феодосиа имѣти и достойно поклонение всегда тому приносити, яко поистиннѣ отцю и учителю. Неудобно бо есть пребывати преподобному отцю нашему Феоодсию кромѣ манастыря и церкви своея, понеже тъй основаль ю есть и чръноризца съвъкупиль».

И съвѣть сътворше, абие же повелѣша устроити мѣсто на положение мощем святаго и раку камену поставиша. Бѣ бо приспѣ празникь, пречестное Успение святыя владычица богородица, и прежде триех дьний праздника божиа матере повелѣ игумень въ печеру ити, да мѣсто назнаменують, идѣжде суть мощи святаго отца нашего Феодосиа. Егда же благому изволению и азъ грѣшный Несторь сподоблень бых и первие самовидець святых его мощей, по повелѣнию игуменю. Еже истинно извѣстно вамь повѣм, не от инѣх бо слышах, но самь началникь бых тому.

Пришед бо игумень, рече ми: «Грядивѣ, чадо, въ печеру къ преподобному отцю нашему Феодосию». И приидохомъ въ печеру, не свѣдущи никому же. Расмотрив же, кудѣ раскоповати и назнаменавши мѣсто, гдѣ раскоповати, кромѣ устиа, тажде рече къ мнѣ игумень: «Да не повѣси никому же, развѣе пойми, его же волиши, да поможеть ти, и развѣи того да не увѣсть ни единь от братии, дондеже святаго мощи вынесем пред печеру». Азъ же пристроих въ *семь* днии рогалиа, им же копати. Бяше же день вторникь. Въ вечерь глубокь поях съ собою два мниха, чюдна мужа в добродѣтелѣх, иному же не вѣдущю никому же, и яко приидохом въ печеру, молитвы и молениа сътворше с поклонением и псаломьское пѣние пѣвше, тажде прияхомся дѣлу. Начах копати и потруждься много, и въручих другому брату, и раскоповающе до полунощи, и не могохом обрѣсти мощи святаго. Начахом зѣло скръбѣти и слезы от очию испущаховѣ, помыслих, егда святый не волить себе явити, и другаа мысль прииде ми, егда како на страну копаем. Азъ же възях рогалиа, начах прилѣжно копати. Иже съ мною сущему мниху предстоящу пред печерою, и яко же услыша било церковное заутрении, възгласи къ мнѣ брат, яко удариша въ церковное било. Аз же прокопах над мощми святаго, и оному къ мнѣ рекшу о билном ударении, мнѣ же к нему отвѣщающу: «Прокопах, брате». Егда же прокопах над мощьми святаго, и абие велий страх

не подобает нам быть без пастыря, а пастырю не подобает богом порученных ему овец оставлять, чтобы страшный зверь не пришел и не разогнал стадо Христово словесных овец; пусть придет пастырь в свою ограду и цевницею духовной божественно вострубит, пусть пастырская свирель оградит нас от нападения коварного зверя и блюстителя жизни нашей и ангелов-хранителей призовет». И все единогласно друг другу говорили: «Подобает нам, братья, всегда пред очами своими честную гробницу отца нашего Феодосия видеть и достойное поклонение всегда ему творить, как истинному отцу и учителю. Негоже лежать преподобному отцу нашему Феодосию вне монастыря и церкви своей, потому что он основал ее и черноризцев собрал».

И совет сотворив, не медля повелели устроить место, где положить мощи святого, и гробницу каменную поставили. В это время приспел праздник пречестного Успения святой владычицы богородицы, и за три дня до праздника божьей матери повелел игумен в пещеру идти, чтобы то место отметить, где лежат мощи святого отца нашего Феодосия. По благому изволению и по повелению игумена я, грешный Нестор, сподобился быть первым, кто увидел святые мощи Феодосия. Да будет вам известно, что истинную правду поведаю я, так как не от кого-то другого это слышал, но сам был зачинщиком этого дела.

Пришел игумен и сказал мне: «Пойдем, чадо, в пещеру к преподобному отцу нашему Феодосию». И пришли мы в пещеру втайне от всех. Когда рассмотрели мы, куда копать, и обозначили место, где раскапывать,— в стороне от входа,— то сказал мне игумен: «Никому не сообщай об этом, кроме того, кого по своему желанию возьмешь в помощники, и пусть не знает об этом ни единый из братии, пока не вынесем мощи святого из пещеры». Я же приготовил в тот день мотыги, чтобы копать. Был вторник. Поздно вечером взял я с собою двух монахов, мужей особо добродетельных, и втайне от всех пришли мы в пещеру, и, сотворивши с поклонами молитвы и отпев псалмы, принялись за дело. Начал копать я и, потрудившись много, поручил продолжать другому брату, и так раскапывали мы до полуночи и не могли обнаружить мощей святого. И начали мы тужить, и, плача, решили, что не хочет объявить себя святой; и тут пришла мне на ум мысль, что не в ту сторону копаем. И я, взяв мотыгу, начал снова усердно копать. Монах же, который был со мной, стоял перед пещерой, и, когда услыхал он, как ударили к заутрене в било, сказал мне брат: «Ударили в церковное било!» Я же в это время докопался до мощей святого, и, когда он мне говорил о том, что бьют в било, я сказал ему: «Докопался я, брат!» И когда раскопал я мощи святого, то великий страх

обиат мя, и начах звати: «Преподобнаго ради Феодосиа, господи, помилуй мя!» Въ тожде врѣмя бѣста два мниха въ манастыри бдяща, стрегуще, егда игумень, устаився нѣ с кыми, и мпринесеть мощи преподобнаго отай, и зряста прилѣжно к печерѣ. Егда же удариша въ церковное било заутрении, и видѣша три столпы, яко дугы зарении, и стоавше, приидоша на верхъ церкви пречистыя, идѣ же положень бысть преподобный Феодосие. И се видѣша вси мниси, иже къ заутрении идуще, такоже и мнози благочестивии въ градѣ. Бѣаше бо им прежде възвѣщено бысть о пренесении мощей святаго, и рѣша: «Се есть преносят мощи честныа преподобьнаго Феодосиа от печеры». Утру же бывшу и дьни освитающу, и слышано бысть по всему граду, и множество людий приидоша съ свѣщами и фимьяном.

Досточюдный же именитый Стефан, яже преже реченый въ житии блаженаго, иже бысть в него мѣсто игумень, пакы по отшествии из манастыря състави на Кловѣ свой манастырь и по сем, благоволением божиим, бысть епископъ града Владимеря, и в то врѣмя бывь въ своем манастыри, видѣ в нощи чресь поле зарю велику над печерою. Мнѣвь, преносять честныа мощи святаго Феодосиа, бѣ бо ему прежде възвѣщено пред единым дьнем, и съжаливси зѣло, яко безъ него преносять мощи святаго, в той час всяде на конь, вборзѣ женый къ печерѣ, поим съ собою Климента, его же постави игуменом в себѣ мѣсто. Грядущима же има, зряще зарю велику над печерою, и приближишася близь печерѣ и не видѣста ничьто же, разумѣвше, яко аггельскаа свѣтлость бѣ.

И яко приидоста къ дверем печеры, нам же сѣдящимь у мощей святаго. Аз же, егда *прокопах,* послах къ игумену, глаголя: «Прииде, отче, да изнесем мощи преподобнаго», и прииде игумень съ двѣма братома. И яко же *прокопах* вельми, и преклоншеся, и видѣхом его лежаща мощи святолѣпно, но и състави его цѣли бѣаху вси и тлѣнию непричастни, власи же главнии присхли бяше къ главѣ его, лице же преподобнаго свѣтлостъно, очи съмжанѣ и устнѣ доброглаголивыя съединенѣ. И тако възложивше на одръ святыа и честныа его мощи, и изнесохом пред печеру. Въ другый же день, изволением божиим, съвъкуплъшеся епископи вси въкупѣ, и приидоша в печеру, и им же суть имена: Ефрѣм Переяславъскый, Стефань Владимерьскый, Иоанъ Черьниговьскый, Маринь Юрьевьскый, Антоний Пороскый, Игумени вси от всѣх манастырей съ множеством черноризець приидоша, и людие благовѣрнии, и взяша перечестныа мощи святаго Феодосиа от печеры, съ множеством свѣщь и фимьаном; яко же преди речено, изыдоша же от града народи въ срѣтение святому, свѣщи въ руках держаще и принесше его въ богосъзданную

охватил меня, и стал я взывать: «Преподобного ради Феодосия, господи, помилуй меня!» В это самое время два монаха в монастыре не спали, и стерегли, когда игумен, утаившийся с кем-то, будет тайно переносить мощи преподобного, и прилежно наблюдали за пещерой. И как ударили в церковное било к заутрене, то увидели они три столпа, как радуга сияющие, которые, постояв, перешли на верх церкви пречистой, где потом положен был преподобный Феодосий. И это увидели все монахи, которые шли к заутрене, а также многие благочестивые люди в городе. Было им до этого извещение о перенесении мощей святого, и сказали они: «Это переносят мощи честные преподобного Феодосия из пещеры». Когда наступило утро и уже занялся день, то слух об этом распространился по всему городу, и множество людей пришло со свечами и фимиамом.

Великий же и преславный Стефан, о котором уже говорилось в житии блаженного, бывший игуменом после Феодосия, а по отшествии из монастыря поставивший на Клове свой монастырь, и потом по благословению божьему ставший епископом города Владимира, в это самое время находился в своем монастыре, и увидел он ночью за полем зарево великое над пещерой. Подумал он, что это переносят честные мощи святого Феодосия, а его накануне известили об этом, и, сильно огорчившись, что без него переносят мощи святого, он в тот же час сел на коня и быстро поскакал к пещере вместе с Климентом, которого он поставил игуменом на свое место. И пока они ехали, то видели яркое сияние над пещерой, а когда подъехали к пещере и не стало ничего видно, то догадались, что то был ангельский свет.

Когда подошли они к дверям пещеры, мы сидели у мощей святого. Я же, когда докопался до мощей, послал к игумену, говоря: «Приди, отче, да вынесем мощи преподобного», и пришел игумен с двумя иноками. И когда раскопали как следует и наклонились, то увидели, что лежат его мощи достойно его святости и все части тела целы и тление не тронуло их, волосы присохли к голове его, лицо же преподобного светло, очи закрыты и доброгласные уста его сомкнуты. И так, возложив на одр святые его и честные мощи, вынесли их из пещеры. На другой же день, изволением божьим, собрались вместе епископы и пришли к пещере, имена же их: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, Антоний Поросский. И игумены из всех монастырей с множеством черноризцев пришли, и люди благочестивые, и взяли пречестные мощи святого Феодосия из пещеры с множеством свечей и фимиамным каждением; как уже говорилось выше, множество народа со свечами в руках пришло из города встречать святого, и принесли его в богосозданную

и пречистую церковь, и възрадовася и пречистаа церкви, въсприимши своего служителя. И бѣ видѣти въ церкви, покрываему дьневному свѣту свѣщным свѣтомь, прикасающеся святителие, облобызающе мощи святаго, припадающе ерѣи, любезнѣ цѣлующе, притѣчющи же с народом иноци, прикасающеся отметы одежди святаго, пѣсни духовныа богу възсылающе, благодарьственаа хваленіа святому приносяще. И тако положиша въ своей ему церкви божиа матере, *въ притворѣ* на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 день, в четверток, въ 1 час дьне, и тако праздноваша свѣтло тъй день.

В лѣто 6616 Феоктисть игумен нача понужати благовѣрнаго великаго князя Святополка съ мольбою, да поминають имя святаго и преподобнаго отца нашего Феодосиа, игумена печеръскаго, в синоникѣ. Богу тако изволъшу. Святополкъ же рад бывь, обѣщася сътворити, съвѣдый же житие его, и нача Святополкъ повѣдати всѣмь житие преподобнаго Феодосиа. Еже и сътвори митрополить, повелѣ въписати въ синодикь. Митрополить же повелѣ всѣмь епископомъ вписати имя святаго Феодосиа въ синодикь. Вси же епископи съ радостию въписаша имя святаго преподобнаго отца нашего Феодосиа, и поминають его на всѣх съборѣх и донынѣ.

О прореченіи святаго. И се же достоить не молчанием прѣити, но повѣм вамъ мало нѣчто, еже събысться пророчение святаго отца нашего Феодосиа.

Еще бо в жизни сей и сущу великому Феодосию, игуменьство съдръжащу и правящи еже богомь порученое ему стадо, иже не точию черноризци единѣми, но и мирьскыми печашеся, о душах их, како бы спаслися, паче же о сыновох своих духовных, утѣшаа и наказуя приходящаа к нему, иногда же и в домы их прихождаше и благословение им подавая. Нѣкый же благочестивый вельможа, духовный сынь святому, именем Янь тако нарицаем. Единою же пришедшу ему в дом къ Янови и къ подружию его Марии, оба благочестива суща, въ цѣломудрии живуща, по божественному Павлу, бракь честень храняще. Сего ради любяше их блаженый Феодосие, понеже живяста в заповѣдех господних и в любви между собою пребываста.

И абие же пришедшу ему к нима, учаше их о милостыни къ убогым и о небеснѣм царствии, еже приати праведным, а грѣшным муку, и о смертнѣм часѣ, аще же ему глаголющю и ина множайшаа божественаа писаниа, дондеже к нему доиде словеси, еже глаголаше има о положении тѣла въ гробѣ има. Благочестиваа же жена, въсприимши рѣчь от преподобнаго, рече къ нему Яневаа: «Отче честный Феодосие, кто вѣсть, гдѣ мое тѣло положено будеть?» Богодухновеный же Феодосие, пророчьскаго дара исполнень сый, рече ей: «Поистинѣ глаголю ти, идѣ же тѣло мое положено будеть, тамо и ты по прешедших временех почиеши». Еже и събысться по 18 лѣт

и пречистую церковь, и возрадовалась пречистая церковь, восприяв своего служителя. И было видно в церкви, как свет свечей сиял ярче дневного света; прикасаясь к святому, святители лобызали мощи его, иереи, припадая к нему, с любовью целовали, пришедшие же вместе с народом иноки прикасались к остаткам одежды святого, песни духовные к богу воссылая и благодарственные хваления святому принося. И так положили его в его церкви Божьей матери в притворе на правой стороне в четырнадцатый день месяца августа, в четверг, в час дня, и светло отпраздновали день тот.

В 6616(1108) году игумен Феоктист начал с мольбою просить благоверного великого князя Святополка, чтобы стали поминать имя святого и преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, в синодике, ибо бог так соизволил. Святополк с радостью обещался сделать так; зная житие его, Святополк сам начал всем рассказывать о деяниях преподобного Феодосия. И свершил это митрополит, повелев всем епископам вписать имя святого Феодосия в синодик. И все епископы с радостью вписали имя святого преподобного отца нашего Феодосия в синодик и поминают его на всех соборах и доныне.

О пророчении святого. И этого нельзя молчанию предать, но поведаю вам вкратце о сбывшемся пророчестве святого отца нашего Феодосия.

Еще при жизни великого Феодосия, когда он игуменствовал и управлял порученным ему богом стадом, то пекся он не только о единых черноризцах, но и о мирянах заботился, о душах их, как бы им спастись; особенно же о детях своих духовных, утешая и поучая приходящих к нему, а иногда и сам домой к ним приходил, чтобы дать благословение. И был некий благочестивый вельможа, духовный сын святого, по имени Ян. И вот однажды пришел Феодосий в дом к Яну и жене его Марии, а оба они были благочестивы и, по заветам божественного Павла, жили целомудренно, сохраняя супружескую верность. Потому-то и любил их блаженный Феодосий, что жили они по заповедям господним и в любви меж собой пребывали.

И когда пришел он к ним, то стал учить их о милостыни к убогим, о небесном царствии, ожидающем праведников, и о муках грешников, и о смертном часе, и о многом говорил он еще от божественного Писания, в конце концов дойдя и до слов о том, когда положены будут тела их во гроб. Благочестивая жена Яна, выслушав поучения преподобного, спросила его: «Отче, честной Феодосий, кто знает, где меня похоронят?» Боговдохновенный же Феодосий, даром пророческим исполненный, ответил ей: «Поистине возвещаю тебе — где мое тело положено будет, там и тебя через некоторое время погребут». И сбылось это через восемнадцать лет после

по преставлении святаго. Преподобному бо Феодосию прѣставльшуся прежде 18 лѣт пренесениа тѣлеси его; егда же прѣнесоша мощи святаго, и тогда, того лѣта и мѣсяца, преставися Яневаа, именем Мариа, мѣсяца августа въ 16 день. И пришедше черноризци, пѣвше обычныа пѣсни и принесше, положиша ю въ церкви святыа Богородица Печерьскыа противу гробу Феодосиеву, на шуей странѣ. И преподобный положень бысть въ 14 августа, и сиа въ 16.

Вижьте ми досточюднаго сего мужа, еже събысться проречение преподобнаго Феодосиа, добляго пастыря, иже пасяше словесныа овца нелицемѣрно, съ кротостию и съ расмотрениемь съблюдаа их и бдя за ня, и моляся за порученное ему стадо и за вся православныа христианы, и за землю Русскую. Иже и по отшествии своем от сея жизни молиться за люди вѣрныа и за своя ученикы, иже и възирающе на честную его раку и поминающе учениа его и въздръжание, прославляють бога.

Азъ же, грѣшный и недостойный рабъ его и ученикъ Нестерь, недоумѣю, како похвалити добраго его житиа и въздръжаниа, но сиа реку мало нѣчто. Радуйся, отче нашь и наставниче, иже мирьскыа плища отринувъ и молчание възлюби! Радуйся, богу послуживый в тишинѣ и въ мнишеском житии, всяко в себѣ принесение божественое принеслъ еси! Радуася, отче, пощением превъзвышься и плотскыа страсти възненавидѣ и мирьскую красоту и желание вѣка сего отринув! Радуйся, послѣдовавый стопамь высокомысленым, ревнуя отцем, молчанием възвышаася и смирением украшаася, въ словесех книжных веселуася! Радуйся, укрѣпивыйся надеждею вѣчных благъ, их же и приалъ еси! Радуйся, умертвивый плотское мудрование, обличивый безаконие и мятежь укротиль еси, преподобне! Радуйся, иже бесовъскых козней извѣгь и сътей его! Радуйся, иже съ правѣдными, отче, почиль еси, въсприем трудовь своих възмездие! Радуйся, отцем наставникь бывь, их же послѣдова учению и нраву и въздръжанию и божественному въ молитвѣ их прѣдстоянию, паче же ревноваше Великому Феодосию, обычаем и житием подобяся житию его и послѣдствуа пребыванию его, преходя от дѣла въ труды уньшаа, обычныя мольбы къ богу въздаа въ воню благоюханиа, принося кадило молитвеное, фимъянь благовонный! Радуйся, побѣдивый мирьскыя похоти и миродержьца, князя тмы вѣка сего! Радуйся, съпротивника поправый диавола и козни его побѣди, явлься противным его стрѣламь, иже крѣпкым помыслом ста противно! Радуйся, укрѣпивыйся оружием крестным и вѣрою непобѣдимою, божиею помощию!

Тѣм же, о честный пастырю христова стада, Феодосие богомудре, молися за ны и за мя, раба твоего Нестора, избавленым

преставления святого. Преподобный Феодосий умер за восемнадцать лет до перенесения из пещеры тела его, а когда перенесли мощи святого, то тогда же, в этот год и месяц, преставилась жена Яна Мария, в шестнадцатый день месяца августа. И пришли черноризцы, отпели обычные песнопения, и принесли и положили тело ее в церкви святой Богородицы Печерской напротив гробницы Феодосия, на левой стороне. Преподобный положен был четырнадцатого августа, а она — шестнадцатого.

Вот каков был досточудный этот муж — сбылось пророчество преподобного Феодосия, истинного пастыря, пасшего словесных овец нелицемерно, с кротостью и со вниманием наблюдая за ними и оберегая их, молясь за порученное ему стадо, и за всех православных христиан, и за землю Русскую. И по отшествии своем из сего света молится он за людей верных и за своих учеников, которые, взирая на его гробницу и вспоминая поучение его и воздержание, прославляют бога.

Я же, грешный и недостойный раб его и ученик Нестор, недоумеваю, как достойно восхвалить доброе его житие и воздержание, но скажу хотя бы немного. Радуйся, отче наш и наставник, мирскую суету отвергнув и молчание возлюбив! Радуйся, послуживший богу в тишине и в монашеском житии, преисполнившись божественным даром! Радуйся, отче, пощением вознесшийся, и плотские страсти возненавидивший, и мирские наслаждения и желания света сего отринувший! Радуйся, идущий по стопам высокомысленным вослед отцов, молчанием возвышаясь и смирением украшаясь, в словах книжных находя веселие! Радуйся, укрепившийся надеждой вечных благ, которые и восприял! Радуйся, преподобный, умертвивший плотское мудрствование, обличивший беззаконие и мятеж усмиривший! Радуйся, козней и сетей бесовских избегший! Радуйся, что с праведными, отче, почил, восприяв за труды свои награду! Радуйся, будучи наставником отцов печерских, ты сам следовал святых отцов учению, и нраву, и воздержанию, и божественному их молитве предстоянию, более же всего подражал Великому Феодосию, обычаем и житием уподобившись житию его и следуя его привычкам, стремясь от одного дела к другому, лучшему, обычные молитвы к богу вознося как благоуханный аромат, как ладан благовонный, кадилом молитвенным! Радуйся, победивший мирские похоти и миродержца-князя тьмы века сего! Радуйся, поправший сопротивника дьявола и козни его победивший, твердым помыслом оградившись от вражеских его стрел! Радуйся, укрепившийся оружием крестным: непобедимой верой и помощью божьей!

О честный пастырь Христова стада, богомудрый Феодосий! молись за нас и за меня, раба твоего Нестора, чтобы избавились

намъ быти от сѣти неприязнины, и от противнаго врага съблюди ны твоими молитвами о Христѣ Исусѣ, о господѣ нашем. Ему же подобает честь и слава и поклоняние съ безначалнымь его отцемь и съ пресвятым и благым и животворящим его духом нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомь. Аминъ.

О ПОКОВАНИИ РАЦѢ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИА ПЕЧЕРЬСКАГО. СЛОВО 10

По врѣмени нѣколицѣ въсхотѣ Георгий, сынь Симоновъ, внукъ Африкановь, оковати раку преподобнаго отца Феодосиа, еже и сътвори.

Посла убо единаго от бояръ своих, сущих под ним, именемь Василиа, от града Суждаля въ богоименитый град Киевъ, въ Печерьскый манастырь, оковати раку преподобнаго Феодосиа, и сему въдасть Георгий 500 гривен сребра и злата 50 гривень на окование рацѣ преподобнаго. Приим же убо сие Василие, и неволею емлеться пути, проклинаа живот свой и день рожениа своего, и глаголаше въ умѣ си: «Что се смыслиль князь толико богатьство погубити, и каа мьзда сего ради будет ему, еже мертваго гробь оковати, но яко туне добыто, туне же и повръжено. Лютѣ же мнѣ единому, не смѣавшу преслушатися господина. Что ради дом мой оставих и кого ради путь сей горькый шествую? От кого ли пакы честь прииму: къ князю есмь не послань, ни къ иному вельможи? Что реку или что възглаголю къ оной корстѣ каменой, и кто ми дасть отвѣть? Кто ли не посмѣется моему безумному приходу?» Сиа же глаголаше къ сущим с нимь и инаа множайшаа сих.

Святый же явися ему въ снѣ, кротъцѣ глаголя: «О чадо, хотѣх ти въздати мьзду труда ради твоего, но аще не покаешися, многа зла имаши подъяти». Василие же не персташе ропща, и многу бѣду наведе на нь господь грѣх ради его: кони бо вси изомроша и прочаа суть в них покрадоша, и все взяша у них татие, развѣ посланнаго в них съкровища. Отверзъ же Василие посланное имь съкровище на окование рацѣ святаго, и взят оттуду пятую часть злата и сребра, и истроши сие на потребу себѣ и конемь, и не разумѣ бывшаго гнѣва хулы его ради.

Бывшу же ему въ Черниговѣ, спаде с коня и разбися, яко же не мощи ему ни рукою двигнути. Сущии же с нимь, вложивше его въ насад, и привезоша его под Киевъ, вечеру же бывшу. В ту нощь явися ему святый, глаголя: «Василие, не слышалъ ли еси господа глаголюща: «Сътворите себѣ другы от мамоны неправедныа, да егда оскудѣете, приимут вы въ вѣчныа кровы». Добрѣ убо помысли сынь мой Георгие рекша господа: «Приемляй праведника въ имя праведниче, мьзду праведничю приемлет». Ты же труда ради твоего вѣнчанъ хотяше быти, яко же такыя славы никто же получи,

мы от сети вражеской, и от дьявола охрани нас своими молитвами о Христе Иисусе, господе нашем. Ему же подобает честь и слава и поклонение с безначальным его отцом, и с пресвятым, и благим, и животворящим его духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!

О ТОМ, КАК БЫЛА ОКОВАНА РАКА ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО. СЛОВО 10

Через некоторое время после кончины Феодосия захотел Георгий, сын Симона и внук Африкана, оковать гробницу преподобного отца Феодосия, что и сделал.

Послал он одного из подручных бояр своих, именем Василия, из города Суздаля в богоименитый город Киев, в Печерский монастырь, чтобы оковать гробницу преподобного Феодосия, и дал ему Георгий пятьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота на окование гробницы преподобного. Василий взял деньги и нехотя отправился в путь; проклиная жизнь свою и день рождения своего, так говорил он в уме своем: «Что это задумал князь столько богатства погубить и какая награда ожидает его за то, что он окует гроб мертвеца,— но что даром получено, то даром и брошено. Хуже всех же мне одному, не смеющему ослушаться господина. Чего ради я дом свой оставил, для кого в этот горький путь иду? И от кого честь приму: не к князю я послан и не к иному вельможе. Что я скажу, или разговаривать, что ли, стану я с этим гробом каменным, и кто ответит мне? Кто не посмеется моему безумному приходу?» Это говорил он своим спутникам, и многое другое.

Святой же явился ему во сне и кротко сказал: «О чадо, я хотел тебя вознаградить за труд твой; но если не покаешься, тяжкие ждут тебя испытания». Однако Василий не переставал роптать, и великую беду навел на него господь за грехи его: кони все у них пали и все, что у них было, украли воры, кроме посланного с ними сокровища. Василий же открыл сокровище, посланное на окование раки святого, и взял оттуда пятую часть золота и серебра, и истратил на себя и на коней; и не уразумел он, что гнев претерпел за хулу свою.

И когда приехал он в Чернигов, то упал с коня и так разбился, что не мог и рукой пошевелить. Бывшие с ним положили его в ладью и привезли его под Киев, когда наступил уже вечер. И в ту же ночь явился ему святой, говоря: «Василий, не слышал разве ты господа, говорящего: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители». Хорошо уразумел сын мой Георгий слова господа, сказавшего: «Кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника». Ты же за труд свой увенчан был бы, и такой славы никто еще не удостаивался,

ея же ты хотяше съобещьникь быти с ним; нынѣ же всего обнажень еси, но обаче не отчай живота своего. Инако бо не можеши исцѣлѣти, аще ся не покаеши о съгрѣшении том: повели убо, да внесут тя в Печерьский манастырь, въ церковъ святыа Богородица, и да положат тя на раку мою, и здравь будеши, и растрошенное тобою злато и сребро цѣло обрящеши». Се же явѣ бысть Василию тоя нощи, и а не во снѣ, въ нь же вечерь явися ему преподобный Феодосие.

На утрий же прииде к нему Георгий князь Владимеричь съ всѣми боляры, и видѣвь его съкрушенна вельми, и печалень бывь его ради, и отъиде.

Василий же вѣрова видѣнию святаго и повелѣ вести ся в Печерскый манастырь. Бывшим же на брезѣ, и въниде нѣкто незнаем къ игумену, глаголя: «Скоро шед на брег, възведи Василиа и сего положи на гробѣ преподобнаго Феодосиа, и еже дасть съкровище, обличи его предо всѣми, яко взяль еси пятую часть от него, и аще ся покаеть, отдай же ему». Сиа рекъ, невидимь бысть. Игумен же поискавь таковаго человѣка, явлъшагося ему, и никто же видѣ его входяща или исходяща. Шед же къ Днѣпру, възведе на гору Василиа, и положиша его на рацѣ святаго, и тако въста цѣлъ и здравъ бысть всѣмь тѣлом, и въдасть же игумену 400 гривенъ сребра и 40 гривень злата. Игумен же рече к нему: «И чадо, гдѣ еще 100 гривень сребра и 10 злата?» Василий же нача каатися, глаголя: «Азъ взях и истощих, пожди ми, отче, все ти отдам, хотѣх убо утаити и не явити сего, мнях сие укрыти от всевидящаго бога». Тогда иссыпаша от съсуду, в нем же бѣ запечатлѣнно, и предо всѣми изъчетьше, обрѣтоша все полно: 500 гривень сребра, а 50 злата, и вси прославиша бога и святаго Феодосиа. И тогда начаша Василий вся по ряду исповѣдывати явление святаго и дѣаниа.

Заутра же князь поимъ съ собою лѣчьци и прииде въ предреченное мѣсто, хотяй врачевати Василиа, и не обрѣте его. Увѣдав же, яко в Печерьский манастырь отвезень бысть и мнѣвь его яко уже умерша, и скоро еха въ манастырь, обрѣте его здрава, яко николи же болѣвша. И слышавь от него князь дивна чюдеса и ужасеся, радости же духовныа исполнився, пришед поколнися чюдотворному гробу великаго Феодосиа, и отъиде.

Сиа слышавъ Симоновичь Георгий, тысяцькый, приложився душею къ святѣй богородици и святому Феодосию, и къ многому подаанию и вдаст гривну, юже ношаше, в ней же вѣса 100 гривенъ злата, и тако написа сице: «Азъ Георгий, сынъ Симоновь, рабь пресвятыа владычица богородица

какую принял бы ты вместе с Георгием, ныне же всего этого лишился ты, однако не отчаивайся за жизнь свою. Но не иначе ты исцелишься, как покаявшись в согрешении своем: прикажи, чтобы отнесли тебя в Печерский монастырь, в церковь святой Богородицы, и пусть положат тебя на гробницу мою, и ты будешь здоров, а истраченное тобой золото и серебро найдешь целым». И все это наяву произошло с Василием в ту ночь, а не во сне, когда являлся ему преподобный Феодосий.

Утром же пришел к нему князь Георгий Владимирович со всеми боярами, и, видя его в столь горестном состоянии, опечалился за него и ушел.

Василий же поверил видению святого и велел свезти себя в Печерский монастырь. Когда они были уже на берегу, вошел некто неизвестный к игумену, говоря: «Скорее иди на берег, приведи Василия и положи его на гроб преподобного Феодосия, и, когда он отдаст сокровище, обличи его перед всеми, сказав, что он взял себе пятую часть из него, если же он покается, то верни ему». И сказав это, сделался невидим. Игумен стал искать, что за человек являлся ему, и никто не видал, ни как он входил, ни как вышел. Тогда игумен пошел к Днепру, ввел Василия на гору и положил его на гробницу святого, и встал Василий цел и здоров всем телом, и подал он игумену четыреста гривен серебра и сорок гривен золота. Игумен же сказал ему: «Чадо, а где еще сто гривен серебра и десять — золота?» Василий же начал каяться, говоря: «Я взял и растратил; подожди, отче, все тебе отдам; я хотел скрыть и не объявлять этого, думая утаить от всевидящего бога». Тогда высыпали деньги из сосуда, в котором они были запечатаны, сосчитали перед всеми, и оказалось все сполна: пятьсот гривен серебра и пятьдесят — золота,— и все прославили бога и святого Феодосия. И тогда начал Василий рассказывать все по порядку: явление святого и деяния его.

На другой день князь, взявши с собой лекарей, пришел в то место, где был прежде Василий, чтобы лечить больного, и не застал его. Узнавши же, что Василия отвезли в Печерский монастырь, и подумав, что он уже умер, князь поспешно отправился в монастырь и нашел его здоровым, как будто он никогда и не болел. И, услышав от него о дивных чудесах, князь поразился, и, радостию духовной преисполнясь, поклонился чудотворному гробу великого Феодосия, и ушел из монастыря.

Узнав о случившемся, Симонович Георгий, тысяцкий, приложился еще больше душой к святой богородице и святому Феодосию, и к обильному своему подаянию прибавил гривну, которую носил, весом в сто гривен золота, и написал так: «Я, Георгий, сын Симонов, раб пресвятой владычицы богородицы

и святаго Феодосиа, благословень бывь святою его рукою: нѣкогда болѣх 3 лѣта очима и не видѣх ни луча солнечнаго, словом же его ислцѣлѣх, слышах бо от усть его «прозри», и прозрѣх. И сего ради пишу епистолию сию послѣднему роду своему, да никто же отлученъ буди дому пресвятыя владычица богородица и преподобных Антониа и Феодосиа. Аще ли кто и въ послѣднее убожество приидет, не могый что дати, да поне в селѣх церкви тоя положень будет, вездѣ бо молитва Антониева и Феодосиева заступаеть. Егда бо приидохом на Изяслава Мьстиславича с половци, и видѣхом град высокь издалеча, и абие идохом на нь, и никто же знааше, кий то есть град. Половци же бишася у него, и мнози язвени быша, и бѣжахом от града того. Послѣди же увѣдахомь, яко село есть святыа богородица обители Печерьскыя, града же николи же ту нѣсть бывало, ниже тии сами сущии в селѣ том разумѣша бывшаго, но изшедше заутра, видѣша кровопролитие и почюдишася бывшему. И сего ради пишу вам, яко вси вы вписаны въ молитву святаго Феодосиа, тъй бо обѣщася отцю моему Симонови, яко же о своих черноризцѣх, тако и о нас молитися. Сию же молитву повелѣ отець мой вложити в руку свою, егда хотяше въ гробъ положен быти, чаа обѣта святаго, иже и извѣстно явися нѣкоему от богоносных отець тѣх, глагола ему тако: «Рци сынови моему Георгию, яко вся въсприах благаа молитвъ ради святаго, подщися и ты, чадо, приити въ слѣд мене добрыми дѣлы». Кто же ли не въсхощеть молитвы и благословениа святаго отца Феодосиа и от него уклонится, възлюбит же клятву, и да приидеть ему». И сего ради правнуци его любовь имѣють къ святому Дмитрею, ту бо имѣють мѣсто свое в нем, и иже аще кто ихъ лишится, и сии под клятвою суть своих прародитель и отець, иже своею волею отмещутся молитвы святаго и благословениа и обѣта преподобнаго отца Феодосиа.

ПОХВАЛА ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦЮ НАШЕМУ ФЕОДОСИЮ, ИГУМЕНУ ПЕЧЕРЬСКОМУ, ИЖЕ ЕСТЬ ВЪ БОГОСПАСАЕМОМ ГРАДѢ КИЕВѢ. СЛОВО 11

Похвалаему праведнику възвеселятся людие. Радости бо есть день и веселиа, егда мужь праведень и преподобень конець житиа въсприемлет, егда покой трудов своих узрить, егда печаль оставя и на веселие грядеть, егда землю оставивь и земнаа вся, на небеса идеть, егда человѣкы оставль и съ аггелы въдворяеться и бога зрѣти сподобляется. В сий бо день учитель нашь, наставник же и пастырь преставися въ вѣчный животь, великий въ отцѣх отець Феодосие, прежний свѣтильникь, трудоположникъ же и чюдотворецъ въ земли Рустѣи.

и святого Феодосия, благословен был святою рукой его: некогда болел я три года глазами, так что и луча солнечного не видел, и по его слову исцелился, услышав из уст его: «Прозри», и прозрел. И вот поэтому пишу грамоту сию до последнего в роду моем, чтобы никто не был отлучен от дома пресвятой владычицы богородицы и преподобных Антония и Феодосия. Если же кто и в крайнее убожество впадет и не сможет ничего дать, пусть будет положен в пределах церкви той: везде ведь молитва Антониева и Феодосиева помогает. Когда мы приходили с половцами на Изяслава Мстиславича, увидали мы издали ограду высокую и быстро пошли туда, а никто не знал, какой это город. Половцы же бились под ним и многие ранены были, и побежали мы от города того. После уже узнали мы, что это было село обители святой Богородицы Печерской, а города тут никогда и не бывало, и сами, живущие в селе том, не знали о случившемся, и, лишь на другой день вышедши, увидали, что произошло кровопролитие, и подивились бывшему. Я пишу вам об этом потому, что все вы вписаны в молитву святого Феодосия; он обещал отцу моему Симону как о своих черноризцах, так и о нас молиться. Молитву эту велел отец мой, веря в обет святого, вложить в руку его, когда будет в гроб положен, и открыто явился он одному из тех богоносных отцов, и сказал ему так: «Передай сыну моему Георгию, что я получил все блага по молитве святого, постарайся и ты, сын мой, идти по моим следам добрыми делами». Если же кто не захочет молитвы и благословений святого отца Феодосия и уклонится от него, возлюбя проклятие, да получит возмездие». И вот поэтому правнуки Симона любовь имеют к храму святого Дмитрия,— у них в нем место свое есть, и если кто-нибудь из них лишится его, тот проклят своими прародителями и отцами, ибо своей волей такой отрекается от молитв, и благословения, и обещания преподобного отца Феодосия.

ПОХВАЛА ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ ФЕОДОСИЮ, ИГУМЕНУ ПЕЧЕРСКОМУ, МОНАСТЫРЬ КОТОРОГО В БОГОСПАСАЕМОМ ГОРОДЕ КИЕВЕ. СЛОВО 11

Когда воздается похвала праведнику, то веселится народ. Радости и веселия наполнен день, когда муж праведный и преподобный оканчивает свой жизненный путь, когда успокоение трудам своим видит, когда, печаль оставив, к радости стремится, когда, землю оставив и земное все, на небеса идет, когда людей оставляет, и с ангелами водворяется, и бога зреть сподобляется. В сей день преставился в жизнь вечную учитель наш, наставник и пастырь, великий среди отцов отец Феодосий, первый светильник, защитник и чудотворец земли Русской.

Гдѣ бо радости сея болши, еже сподобихомся видѣти отца и учителя нашего отшествие къ господу, и приимша вѣнець нетлѣниа и нѣгде близь престола владычня предстояща всегда и дрьзновение имуща молити о нас владыку? Ибо радуется не точию сынь, но и раби, видяще господина своего, предстоание имуща у земнаго царя по многых трудѣх и побѣдах на врагы царевы. Мы же, сынове и раби господина своего, ликуимь и весело празднуим, хваляща его подвигъ и побѣду на духы нечистыя, и честь многу приимша у господа вседержителя, и многым исходатайствующа жизнъ некончаему. И убо кто достойно похвалить или възвеличить земнаго аггела и небеснаго человѣка?

Ибо людие, сѣдящеи въ тьмѣ и в сѣни далече, видѣхом свѣт вѣры апостолом нашим, посланным от бога, князем Владимером: самь бога познав святым крещением, и намъ того показавъ, покровъ невидѣниа от душь наших отъятъ, свѣтлостию трисъставнаго божества озарени быхом. Другый же путь, иже Христос учеником показа, рекь: «Аще кто оставить отца и матерь, грады и села стократицею прииметь зде, в будущий вѣкь — царство небесное». От кого же увѣдѣхом сий путь и бремя легкое Исусово и кто есть показавый взяти кресть и послѣдовати Христу? Точию сий преподобный отець нашь Феодосие! Бѣша бо и прежде сего отходяще от мира и узкым путем грядуще, но от сего чинь и устроение всѣм въ Русии манастыремь *предасться*. Ни бо инъ никто же съвершенаго умрьщвениа преже его показа, яко же сей съ учителем своим, блаженым Антонием, ибо исполни притъчю господню, юже рече: «Аще зерно пшенично впадет въ землю, не умрет, то едино пребывает; аще ли умретъ, то многъ плод сътворит». Умертви бо ся всему миру, оживе же Христу и плод многъ принесе, его же породи духом и упасе преподобием и правдою, и умножи талантъ, данный ему от бога, и слышить реченое от господа: «Благый рабе, вѣрный, въ малѣ бысть вѣрень, и над многыми тя поставлю». О сем бо рече Христос: «Мнози будут послѣднии первии и первии послѣднии».

Сий, аще въ послѣдняа роды обрѣтеся, но крѣпость и любовь божиа многых преже его бывших премину, яже в немъ сиаше. Аще бо въ юностѣмь възрастѣ сый, земных гнушашеся и небеснаа мудрьствоваша младъ, ис чрева матеня чистъ бысть съсуд святому духу, не възлюби славы мира сего, нищету же вълную приимъ и въ всем подобяся господу своему. Добротъ мимотекущих ни въ что же вымѣнивь, единого точию желаа, когда приити, явитися лицю божию, единому съ единѣм бесѣдовати молитвою. Иже от матере многы и люты раны приемля, и сим хотяше

Где еще есть сей радости большая, чем то, что сподобились мы видеть отшествие к господу отца и учителя нашего, принявшего венец нетления и близ престола владыки предстоящего всегда и дерзновение имеющего молить о нас владыку? Ведь радуется не только сын, но и рабы, видя господина своего в милости у земного царя за многие рати и победы над врагами царя. Мы же, сыновья и рабы господина своего, ликуем и радостно празднуем, восхваляя его подвиг и победу над духами нечистыми, и то, что он великую честь получил у господа-вседержителя и для многих исходатайствовал жизнь вечную. И кто сможет достойно восхвалить или прославить земного ангела и небесного человека?

Люди, пребывающие во тьме и в глубокой тени, увидели свет веры через апостола нашего, посланного богом,— князя Владимира: сам бога познав святым крещением, он и нам его открыл, покров неведения с душ наших сорвав; светлостью в троице славимого божества просвещены мы были. Другой же путь Христос своим ученикам указал, сказавши: «Всякий, кто оставит отца и мать, земли и жилища свои ради имени моего, получит во сто крат, а в будущей жизни наследует царство небесное». От кого же мы узнали сей путь и бремя легкое Иисусово и кто показал нам, как взять на себя крест и последовать за Христом? Только этот преподобный отец наш Феодосий! Были и прежде Феодосия уходящие от мирской жизни и шедшие трудным путем к спасению, но от него порядок и устройство всех в Руси монастырей происходят. Нет ведь никого другого, кто бы раньше него смог такое самоотречение проявить, как он с учителем своим, блаженным Антонием, ибо исполнил он притчу господа, который сказал: «Если зерно пшеничное, падши в землю, не умрет, то одно останется; а если умрет, то много плода принесет». Умертвившись для всего мирского, ожил он во Христе и обильный плод принес, породив его духом и сохранив добродетелью своею и правдой, и умножил он талант, данный ему богом, и сбылось над ним сказанное господом: «Добрый и верный раб, в малом ты был верен, над многим тебя поставлю». О таких, как он, сказал Христос: «Многие же будут последние первыми, а первые последними».

Сей, хотя и в нынешние времена явился, но крепость и любовь к богу, которые в нем сияли, многих, прежде него бывших подвижников, превзошли. Уже в юном возрасте он земных благ гнушался и о небесном помышлял, от чрева матери был чистым сосудом для святого духа, невзлюбил он славу мира сего, нищету добровольно воспринял и во всем уподобился господу своему. Красоты мимотекущие ни во что вменив, об одном только помышлял,— как бы прийти, предстать пред лицом бога, наедине с ним общаться в молитве. И от матери многие и жестокие истязания принял он, ибо этим хотел

отвратити его злый врагъ нашь от добраго помысла святаго отрока; видяше бо окаанный льстець, яко от сего хотяше побѣжень быти, тѣм же и многы бѣды наведе на нь. Благодать же божиа *вѣдяше* его тамо, идѣ же яко солнце въсиа на тверди небеснѣи, лучами просвѣти весь мирь, и дѣанное приим, видѣниа не лишень бысть, умомь въсходя елико дьний на лучшее, по апостолу,— «задняя забываа и на предняа простираася». Въ послушании искусенъ рожьшеи, но паче ведяшеся на божественаа повелѣниа: разумѣвъ мудростию духа святаго, яко спона есть миръскыми пекущуся заповѣди божественаа исправити, вся отвергь, бѣгу се вдасть, помысли в себѣ глаголя: «Лучьше есть матерь оскръбити на мало врѣмя, егда дасть ей господь разум суетных отлучитися, нежели царства господня лишену быти».

Въ град Киевъ прииде, вожда искаше и правителя, дабы сказалъ ему незаблудно путь божественый; и много искавь, и обрѣте,— не лишить бо господь желающих полезнаа. Мужа бо чюдна обрѣте, съвершена смыслом зѣло и многоразумна, и пророчьства дар имуща, нарицаемаго Антониа. К сему прииде блаженый Феодосие, млад сый възрастом, разумом же старъ, вся повелѣннаа ему учителем усердно творяше и к повелѣнным прилагаше, и бысть, по Иеву рещи,—«око слѣпым и нога хромым», апостольское слово присно въ сердци дръжа, еже рече: «Другь другу тяготы носите, и тако скончаете законь Христовъ». Сий же блаженый ни единою или двою понесе тяготу, но всея братиа служение приим и всѣм льготу творяше собою. Мнозии от них покой приимаху подвигомь его. Богу помагающу ему и крѣпость телесную подавающу, се же творяше по вся дьни, и николи же събора церковнаго отлучися и правила келейнаго николи же преступи, къ уставу отеческому, еже написаше приходящим къ доброму труду и благому послушанию, велико прилежание творя. Тѣм же и господь превъзнесе его.

Им же работаше, яко послѣдний хужьжий всѣх, и всѣм слуга въменяшеся, тѣм же пастырь и отець и учитель поставлень бысть. Варлааму бо игумену князем изведену и инде устроену, Феодосий же много не хотѣвь, не могый же въ ослушании быти своему учителю Антонию, и познавъ, яко божий съвѣт се, прияся и неволею, и в болший труд вдасть себе, помышляя, аще и телесною потрѣбою много печахся, боле паче душевнѣи прилежати. И глаголаше святый къ себѣ Феодосие: «Приложи къ трудом труды и к подвигом подвигы,— како явитися своему владыцѣ, стада его добрѣ не упась, како или речеши: «Се азъ и дѣти, яже ми еси далъ, боже!» Тѣм же по вся

отвратить враг наш святого отрока от доброго помысла; предвидя, окаянный льстец, что от него побежден он будет, многие беды обрушил он на него. Благодать же божия вела его туда, где, как солнце, воссиял он на тверди небесной, лучами своими просветив весь мир, и, видения не лишенный, предначертанное свыше принял, разумом восходя ежедневно на высшее, по апостолу,—«забывая заднее и вперед простираясь». Был он послушлив безмерно родившей его, но более того стремился исполнить божественные повеления; уразумев мудростью духа святого, что препятствуют заботы о мирском заповеди божественные исполнить, все отверг он и на бег устремился, помыслив в себе и говоря: «Лучше мать огорчить на малое время, пока наконец не даст ей господь разум суетным пренебречь, нежели царства господнего лишиться».

Пришел он в город Киев, наставника ища и учителя, который ясно открыл бы ему путь божественный; и, долго искав, нашел,— не оставляет господь без наград стремящихся к доброму. Мужа чудного встретил он, совершенного в рассуждении, и многоразумного, и пророческим даром обладающего, которого звали Антоний. К нему пришел блаженный Феодосий, юный возрастом, разумом же старый, все повеленное ему учителем усердно исполнял он и больше того, и был, если сказать по Иову,— «око слепым и нога хромым»; апостольское слово, в котором сказано: «Носите бремена друг друга и так исполните закон Христов», всегда в сердце держал. Сей же блаженный не за одного или за двух понес бремя, но всей братии служил и всем помощь оказывал. Многие из них покой обретали служением его. С помощью бога, который даровал ему силу телесную, творил он это во все дни, и никогда службы церковной не пропускал и правила келейного никогда не нарушал, и к уставу монастырскому, который написал приходящим для доброго труда и благого послушания, с великим прилежанием относился. За это господь и возвеличил его.

Тем же, кому он служил как самый последний из всех, и тот, кто всем слугой служил, над всеми ними пастырем, и отцом, и учителем поставлен он был. Когда князь перевел Варлаама-игумена из Печерского монастыря в другой, Феодосий, хотя он очень и не хотел этого, но не смея ослушаться своего учителя Антония и убедившись, что это божье произволение, принял на себя игуменство неволею и еще большему труду предался, помышляя печься по мере сил своих о нуждах монастыря, а еще более того о духовном деле заботиться. И говорил себе святой Феодосий: «Приложи к трудам труды и к подвигам подвиги, а то как предстанешь перед своим владыкой, если стада его в целости не сохранишь, или как скажешь: «Вот я и дети, которых ты мне дал, господи!» После того все

нощи без сна пребываше, ово въ молитвѣ предстоя, овогда же по келиамъ ходя и братию на молитву възбуждаше. Иже въ старѣйшинъствѣ сый, добраго начинаниа не лишися, иногда бо воду нося, иногда же дрова сѣкый, и тако всеи братии собою образь подаваше. И егда приспѣваше великый постъ, тогда храборъ Христовъ Феодосие всѣх земных вещей гнушашеся, съвъкуплениа отлучашеся, исхожаше от братии и в печерѣ единъ затворяшеся, и тамо всю четверодесятницю пребываше и единъ къ единому молитвою бесѣдоваше. Кто же исповѣсть труды и болѣзни и рыданиа слезнаа, и пост крѣпкый, и бран с лукавыми духы? и егда приближашеся свѣтлый день въскресениа господа нашего Исуса Христа, тогда преподобный прихождаше, яко Моисѣй с горы Синайскыа, душею сиая паче лица Моисѣова, и въ вся лѣта устава своего не преступи.

Тогда и откровениа божиа сподбися и исход свой увѣде, яко от сего свѣта на бесконечный повелѣнно бысть ему прейти, не утаив сего от друговъ и ученикъ своих, яко къ богу идеть и бога умолити обѣщавается о дому пречистыа божиа матере и о стадѣ чад своих и до пришествиа господа бога нашего. Яко же обѣщася, тако и сътвори.

Елико болъших сподобился дарований от бога, толику и милость господню подастъ нам на всяко врѣмя и лѣто, приходя и посѣщаа, заступаа и съхраняа, съблюдаа стадо свое от враг душь наших. Кто бо коли, полезных просив еже къ спасению у ракы святаго, и погрѣшив надежду, или кто, призвавъ съ вѣрою имя его святое, и не избавленъ ли бысть язвы душевныя и болѣзни телесныа исцѣляа? Се нам апостолъ и проповедникъ, съй нам пастырь и учителъ, съй нам вождъ и правитель, съй намь стѣна и ограждение, похвала наша великаа и дръзновение наше къ богу.

Днесь нам, братие, радоватися и веселитися духовно подобаеть и благоукрашатися и праздновати радостно, имуще всегда пред очима нашима раку преподобнаго отца нашего Феодосиа, в ней же днесь положено бысть многострадалное и святое тѣло, испущающи луча чюдесь въ вся конца Рускыа земля. Сиа рака приатъ съкровище некрадомо, съсуд святаго духа, органъ божественый, честное тѣло отца нашего и учителя. Сию смотряюще, яко на самого възираем, ибо аще и въ гробѣ положенъ бысть святый, но духом с нами всегда и видит. Аще по заповѣди его живем и повелѣниа его хранимъ, то радуеться и милостивно приближается к нам, хранить и блюдет, яко чада възлюбленнаа; аще ли нерадити начнем о своем спасении и наказаниа словесъ его не храним, то сами помощи его лишаемся.

Но, о святый отче Феодосие! Сам наполъни недостаткы наша своими добродѣтельми, бес твоеа бо помощи нѣсмы мощни

ночи без сна пребывал он, то на молитве стоя, то по келиям ходя и братию на молитву поднимая. И, в старейшинстве пребывая, не оставил он своих благих привычек: иногда воду носил, иногда же дрова колол, подавая собой пример всей братии. А когда приспевал великий пост, тогда воин Христов Феодосий от всех земных дел отстранялся, общение с людьми прекращал, уходил от братии и в пещере один затворялся, и, пребывая там все сорок дней великого поста наедине, с богом через молитву беседовал. Кто сможет поведать его подвиги, и страдания, и рыдания слезные, и пост жестокий, и борьбу с лукавыми духами? А когда приближался светлый день воскресения господа нашего Иисуса Христа, тогда преподобный приходил как Моисей с горы Синайской, душою сияя ярче лица Моисеева, и во все годы жизни своей этого обычая он не нарушил.

В таком пребывании и откровения божьего сподобился он и о дне исхода своего узнал, в который из сего света в жизнь бесконечную повелено ему уйти, и не утаил от друзей и учеников своих, что к богу идет, и обещался молиться богу о доме пречистой божьей матери и о стаде чад своих до самого пришествия господа бога нашего. И как обещался, так и сделал.

И каких великих сподобился наград от бога, такую и милость господню подает нам во все времена и годы, приходя и посещая, обороняя и сохраняя и оберегая стадо свое от врагов душ наших. Кто, молив о спасении у гробницы святого, не получил надежды, или кто, призвав с верою имя его святое, не избавился от горести душевной и не исцелился от болезни телесной? Это нам апостол и проповедник, сей нам пастырь и учитель, сей нам вождь и руководитель, сей нам стена и ограда, похвала наша великая и дерзновение наше к богу.

Сегодня нам, братья, радоваться и веселиться духовно подобает, и благоукрашаться, и праздновать радостно, имея пред очами нашими гробницу преподобного отца нашего Феодосия, в которую ныне положено многострадальное и святое тело, излучающее чудеса во все концы Русской земли. Эта гробница приняла сокровище бесценное, сосуд святого духа, орудие божественное, честное тело отца нашего и учителя. На нее смотря, как на самого взираем, ибо если и в гробе лежит святой, но духом с нами всегда и нас видит. Если по заповеди его живем и повеления его сохраняем, то радуется он и милостиво приближается к нам, хранит и блюдет нас, как детей возлюбленных; если же перестанем радеть о своем спасении и наставления его не сохраним, то и сами помощи его лишимся.

О святой отче Феодосий! Сам восполни недостатки наши своими добродетелями, без твоей ведь помощи не сможем мы ничего

благо что сътворити, но въ день преставлениа твоего любовию ликь съставльше, възвываем ти. Радуйся, просвѣщение Рускыа земля, ибо яко деньница, на западѣ явлься, от въстока провъсиа, всю Рускую землю просвѣти! Радуйся, прописателю и образе пути истинному, вождю и правителю и наставниче мнишескому житию! Радуйся, начальниче и поборниче, поспѣшителю и пособниче хотящим спастися! Радуйся, умноживый стадо словесных овець в дому божиа матере, яко ни одинъ преже тебе, ни по тебѣ въ земли нашей обрѣтеся! Радуйся, насадителю винограда Христова, яко простротася розгы его до моря и до рѣкь отрасли его, нѣсть бо страны тоя, ни мѣста, идѣ же не бысть лоза винограда твоего! Радуйся, откровениа божиа приателище и дому пречистыа матере божиа строителю, юже създа и величеством украси и в даръ богородици принесе! Радуйся, умноживый таланть господу своему, иже десять талантъ приемь и тысящу ими приобрѣте! Радуйся, пажити винограда Христова напитавый до избытка словесныя овца, ея же въкусивше и чюждестраннии овци в дому божиа матере затворишася и въкупѣ с вѣрными с твоими чады съвокупишася! Радуйся, источнице сладкый, от него же пивше, полци мнишестии хлад божественый приаша и без труда путь тѣсный преидоша и вселишася при исходищих вод превыспрених! Радуйся, пастырю и учителю, иже съблюд стадо от волка разумнаго непорочно и неклосно, *начальнику* пастырем Христу приведе! Радуйся, столпе огненый свѣтлѣе паче иже при Моисѣи бывшаго: онъ бо просвѣщаше телеснѣ, тыйжде духовно просвѣти новаго израиля, пустыню проведе съблазнъ житиа пустошнаго и амалика мысленнаго лучами духа устраши, и в землю обѣтованную въведе, паче же реку, райскыа пища, идѣ же ученици твои ликують! Радуйся, земный аггеле и небесный человѣче, рабе и слуго прѣчистыа божиа матере, иного бо не обрѣте строителя дому своему развѣ тебе, его же възлюби и обѣщася присѣщати благодатию даровъ, яко же и бысть! Радуйся, отче Феодосие, наша похвала и великолѣпие!

Лавра твоа хвалиться о тебѣ, и въ концѣх вселенныя славно бысть наречение ея. Страны дивяться отцемъ бывшим в ней, како просияша яко звѣзды на твердѣ церковнѣй, дѣлатели заповѣдем божиимъ явишася, чюдотворци показашася и пророчъству от бога исподобишася, прозрѣнию от святаго духа даръ приаша и словеси божественому быша учители. Притекоша царие и поклонишася князи, покоришася вельможа и вътрепеташа сильнии, ужасошася иноязычници, видяще человѣкы небесныа по земли ходящаа. И яко престолу господню въ домъ божиа матере *събирающеся,*

благого свершить, и в день преставления твоего с любовью, вместе собравшись, взываем к тебе. Радуйся, просвещение Русской земли, ибо как утренняя звезда, на западе появившаяся и с востока воссиявшая, всю Русскую землю просветил ты! Радуйся, учитель и образец пути истинного, вождь, и путеводитель, и наставник иноческого жития! Радуйся, начальник и поборник, помощник и пособник хотящим спастись! Радуйся, умноживший стадо словесных овец в доме божьей матери, какого ни одного ни до тебя, ни после тебя в земле нашей не было! Радуйся, насадитель виноградника Христова, побеги которого протянулись до моря и до рек разрослись ветви его, нет ведь стороны такой, ни места такого, где бы не было лозы виноградника твоего! Радуйся, откровения божьего вместилище и строитель дома пречистой матери божьей, который ты создал и великолепием украсил и в дар богородице принес! Радуйся, умноживший талант господу своему, от которого десять талантов получил и тысячу на них приобрел! Радуйся, на духовном пастбище сада Христова вскормивший множество словесных овец, с него же вкусивши, и иных земель овцы в доме божьей матери остались, и вместе с верными твоими детьми духовными соединились! Радуйся, источник сладкий, испив из которого, целые полки иноков божественную жажду утолили, и без труда путь жестокий прошли, и вселились при истоках вод превысочайших! Радуйся, пастырь и учитель, сберегший стадо от волка мысленного непорочным и невредимым, и начальнику пастырей, Христу, приведший его! Радуйся, столп огненный, светлее, чем явившийся при Моисее: тот освещал как свет обычный, ты же духовно просветил новых израильтян, через пустыню соблазна житейского провел их, и амалекитян мысленных духовными лучами устрашил, и в землю обетованную вывел, скажу точнее,— в райские пределы, где ученики твои ликуют! Радуйся, земной ангел и небесный человек, раб и слуга пречистой божьей матери, которая не нашла другого, кроме тебя, строителя дома своего, его же она возлюбила и обещалась оказывать милость ему благодатию даров своих, что и сбылось! Радуйся, отче Феодосий, наша слава и великолепие!

Лавра твоя славится тобою, и во всех концах вселенной почитается имя ее. Народы дивятся отцам, бывшим в ней, которые воссияли, как звезды, на тверди церковной: исполнителями заповедей божиих явились они, чудотворцами стали, и даром пророчества бог сподобил их, дар прозрения от святого духа восприняли и слова божественного были учителями. Приходили в нее цари и поклонялись князья, покорялись вельможи и трепетали сильные мира сего, ужасались иноязычники, видя людей небесных, по земле шествующих. И, как к престолу господню, в дом божьей матери собирались иноки,

пѣснь аггельскую пояху беспрестани; и съ аггелы въкупѣ въдворяющеся къ жеръственику господню, овѣх убо извѣстно видяще аггельскый зракъ, инѣх же мысленѣ и душевнѣ с ними бесѣдующа и знающаа духомъ, егда божиих аггелъ приход бываше; и инѣи же чювъственѣ духы лукавыя прогоняста и страшни им показашася.

Таковии суть отрасли твоего винограда, таци суть вѣтви твоего корене, такови суть столпи твоеа храмины, такова суть чада твоего порождениа, таци суть отци твоея лавры. Ибо, отче, подоба бѣ такымь учеником от таковаго учителя быти, ибо въистинну рѣка святаго духа истекъши изъ устъ твоих, юже намени сам Христос, сынь божий, егда глаголаше, уча иудѣа: «Вѣруяи въ мя — рѣкы истѣкут ис чрева его воды живы». Се же глаголаше о дусѣ, его же хотяху приимати вѣрующии в него. Тажде рѣка, нѣгдѣ ставящися, беспрестани напаяетъ чада твоя и до вѣка лѣтом. Ту рѣку испустивше, апостоли приведоша вся языкы къ богу, ту рѣку пивше, мученици небрегоша телесъ своих, но предаша я̓ на раны и на мукы различныа; сию рѣку пивше, отци оставиша грады и села, богатъство и домы, и вселишася въ горы и въ верьтепы и въ пещеры земныа; сию рѣку пивше, ученици твои небрегоша земных, но весь умъ имуще къ небеси, и въсприаша их же желаху, и вселишася въ свѣт божественый, идѣ же лици бесплотных. Им же мы послѣдующе, прибѣгохом в дом божиа матере и въ твою надѣжду и въ твое ограждение, възложьше все упование наше на прѣчистую дѣву богородицю и на тя, преблажене отче Феодосие!

Аще и не достигнем грясти путем прежних твоих ученикъ, но поминающе еже рекоша святаа твоя уста: «Аще кто скончаетъ животь свой в дому пречистыя богоматере и въ моей надѣжи, аще чим не достигнутъ на подвигы, азъ сие наполню и бога умолю о них»,— тѣм же тому словеси надѣющеся, молебно призываем тя. Сам вѣси, преподобне, аще и намъ молчащим, яко дьние наши ищезоша въ пустошних мира сего, и мало въсклоншеся, и приахом иго Христово и прибѣгохом в дом пречистыа владычица наша богородица и въ ограду святую твою. Не предай же нас врагомь душь наших, ибо въоружишася на нас и плѣняють ны на всякъ час и различными помыслы стрѣляють сердца наша и отводят ны божиа разумѣниа и любити нудят ны мимотекущаа и тлѣннаа, и до конца погружают ны въ глубинѣ грѣховнѣй. Но тебе, корьмьчию, обрѣтохом, направи нас къ пристанищу тихому и буру мысленную утиши и умоли о нас общаго владыку, да подаст намъ глаголъ и слово, мыслъ и дѣаниа вся заповѣди его творити. Аще бо и от пути заповѣдей господних уклонихомся и устава тобою преданнаго лѣностию не исправихомь,

воспевая песнь ангельскую беспрестанно; и с ангелами вместе сходились они у жертвенника господня, одних ясно видя ангельский образ, с другими же мысленно и духовно беседовали и узнавали душой, когда приходили божии ангелы; и многие из них въяве духов лукавых изгоняли и страшны были для них.

Таковы вот отрасли твоего виноградника, таковы ветви корня твоего, таковы столпы твоего храма, таковы дети, тобой порожденные, таковы отцы твоей лавры. Ибо, отче, подобает таким ученикам от такого учителя быть, ибо воистину истекла из уст твоих река святого духа, которую указал сам Христос, сын божий, когда сказал, уча иудеев: «Кто верует в меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой». Это же сказал он о духе, который хотели принять верующие в него. Та река, нигде не останавливаясь, беспрестанно утоляет жажду чад своих до скончания лет. Ту реку изливая, апостолы привели все народы к богу; из той реки пия, мученики пренебрегли плотью своей и предали тела свои на истязание и на муки различные; из той реки пия, святые отцы оставили города и села, богатство и дома свои, и стали жить в горах, и в дебрях, и в пещерах земных; из той реки пия, ученики твои пренебрегли всем земным, и устремились к небесному, и получили то, к чему стремились,— вселились в селения бога, где пребывают сонмы бесплотных. И вот мы, им последуя, пришли в дом божьей матери под твое покровительство и твою защиту, возложив все упование наше на пречистую деву богородицу и на тебя, преблаженный отче Феодосий!

Если мы и не сподобимся идти путем первых твоих учеников, но помня, что сказали святые твои уста: «Если кто окончит жизнь свою в дому пречистой богоматери, уповая на мою помощь, хотя и не свершит подвигов, я это возмещу и бога умолю о них»,— на эти слова надеясь, с мольбою призываем тебя. Сам знаешь, преподобный, хотя мы и молчим, что дни наши пропали в суетности мира этого, и, лишь образумившись, возложили мы на себя иго Христово, и пришли в дом пречистой владычицы нашей богородицы, в ограду святую твою. Не предай же нас врагам душ наших, ибо ополчились они на нас, и пленяют нас беспрестанно, и различными помыслами поражают сердца наши, и совращают нас с пути божьего разумения, и побуждают нас стремиться к мимотекущему и тленному, и вконец низвергают нас в глубину греховную. Но тебя, кормчий, обрели мы, направь нас к пристани тихой, и бурю душевную успокой, и помолись за нас общему владыке, чтобы подал он нам слово, мысль и деяние на свершение всех заповедей его. Если мы с пути заповедей господних отклонились и по лености своей нарушаем устав монастырский, тобою составленный,

но единыа ради вѣры нашея, еже къ пречистѣй дѣвѣ и к тобѣ, отче святый Феодосие, да причтет ны къ лику чад твоих, еже ходиша бес порока по стезям правды, и неразлучьны сътвори ны зрѣниа свѣтообразнаго своего лица, егда отсюду поиметь ны.

Еще же въ житии сем намь сущим, да посѣщаеши нас и съблюдаеши от всякыа козни неприязнены и дѣлъ, яже отводять от бога, но молитвою ти подай же нам житие чисто и богоугодно, въздвигнеши умъ нашь, падший лѣностию на земли, бодрость подаси и стражу вънутреную и древним грѣхом отдание. Аще бо небрежение ума нашего *преможе* ны, но тебе имуще пособника и помощника лаврѣ твоей пребывающа, надѣемся тобою свободни пред богомь явитися и не обладани врагы видимыми и невидимыми. Самь бо своим учеником реклъ еси, егда отсуду ити богом повеленно ти бысть: «Извѣстно вы буди, чада, аще по отшествии моем къ господу начнеть мѣсто сие умножатися мнихы и потребными изобиловатися, и от сего разумно буди вамъ, яко дрьзновение имѣю у бога, молитва моа приятна есть от него». Мы же, отче преподобне, извѣстно вѣмы по равноаггельскому житию и по страстотрьпческому подвигу, яко прежде исхода своего дрьзновение имѣаше къ вседержителю богу. Кольми паче по исходѣ пророчьство показаа, яко хощеть мѣсто сие пречистыа богородица и твоа святаа лавра възвеличитися и възрастити славою и величиством. Се назнаменуа, яко беспрестани хощеши молитися о оградѣ святѣй твоей, яко же и съвершися истинное твое и неложное обѣщание, и по преставлении твоем не обладано бысть, ни раздрушено от кого мѣсто твое, но от лѣта растяще и превъсхожаше.

Егда же умножишася грѣсѣ наши и съвръшишася безакониа наша, и злоба наша бога прогнѣва, и тогда божиим попущением, грѣх ради наших, раздрушишася домове божествении и манастыреве разорени быша, и гради плѣнени суть, и села опустѣша от языка незнаема, от языка немилостива, от языка студа *неимуща,* ни бога боащася, ни утробы человѣколюбивы держаща. Тѣм же и еще от них в работѣ суще, и въ озлоблении злѣ и въ томлении лютѣ, припадаем ти, млъбу приносяще: въздвигни руцѣ твои о нас къ владычицѣ дѣвѣ и пречистѣй богородици, да помянет милости своя древняа о оградѣ сей, еже дасть ей в достоание, и ослабу подасть нам от скрушениа горькаго, и отженеть врагы лукавыя и хулникы нашей православнѣй вѣрѣ, и сътворить необориму церковь свою святую, юже сама изволи въздвигнути въ жилище собѣ, и умножить стадо ограды твоея и присѣщаеть, яко же и прежде, съблюдающи и утвержающи, заступающи и хранящи от врагь видимых и невидимых, да свободни

то за нашу веру к пречистой деве и к тебе, отче святой Феодосий, да причтет нас господь к сонму чад твоих, которые шествовали безупречно по стезям правды, и не отлучит нас от лицезрения сияющего лика своего, когда возьмет нас отсюда.

И еще при жизни нашей будь с нами и сохрани от многоразличных козней и дел вражеских, которые отвлекают от бога, молитвою своей помоги нам жить беспорочно и богоугодно, подними души наши, погрязшие из-за лености в земном, подай бодрость и крепость духовную и старые грехи отпусти. Хотя нерадение духа нашего все пересилило, но, имея тебя пособником и помощником и в лавре твоей находясь, надеемся с твоей помощью чистыми перед богом предстать и не попасть во власть врагов видимых и невидимых. Сам ведь ты своим ученикам сказал, когда богом повелено тебе было покинуть мир этот: «Да будет вам известно, чада, если по отшествии моем к господу начнет в месте сем число иноков увеличиваться и монастырские достатки станут умножаться, то пусть это будет вам свидетельством, что угоден я богу и молитва моя принята им». Мы же, отче преподобный, достоверно знаем по равноангельскому житию твоему и по страстотерпческому твоему подвигу, что еще до исхода своего из сей жизни угоден ты был вседержителю богу. Еще сильнее по исходе своем ты подтвердил пророчество, что должно место это пречистой богородицы и твоя святая лавра процвести славою и величеством. Ты сказал, что беспрестанно будешь молиться о святой обители своей, и свершилось истинное и неложное обещание твое, и после преставления твоего никем не захвачено и не разрушено было место твое, но с каждым годом росло и расширялось.

Когда же умножились грехи наши, и свершились беззакония наши, и злоба наша бога прогневала, то тогда божиим попущением, из-за грехов наших, разрушены были храмы и монастыри разорены были, и города пленены, и села опустошены народом незнаемым, народом немилостивым, народом бесстыдным, который бога не боится, ничего человеческого в себе не имеет. И до сих пор мы в рабстве у них, и в обиде злой, и в муке лютой, и припадаем мы к тебе, с мольбой взывая: простри руки свои с молитвой к владычице деве и пречистой богородице, да вспомнит она милости свои прежние об обители сей, которые она даровала ей, и освободит нас от печали горькой, и отгонит врагов лукавых и хулителей нашей православной веры, и сделает неодолимой церковь свою святую, которую она сама пожелала воздвигнуть в жилище себе; пусть умножит она стадо обители твоей и оказывает ей милость, как и раньше, соблюдая и укрепляя, заступаясь и храня от врагов видимых и невидимых, чтобы свободными

обрѣтъшися душами и телесы, въ свѣтѣ семь временнѣм богоугодно поживем, не обладани никым же, развѣ пречистою богородицею, яко же и преже отци наши, и тобою, приподобне Феодосие.

Вѣдаа твое легкосердие, дрьзнух простерти языкъ свой на твое похваление, не яко по достоанию хвалу ти принося, но собѣ успѣх чаа приобрѣсти от тебе, отче, и ослабу грѣхом своим на прочаа съблюдениа и неподобнаа обучениа. Ибо прославиша тя небесныа силы и приаша тя апостоли, и присвоиша тя пророци, обьяша тя мученици, сърадуютьтися святители, срѣтоша тя лици черноризець, възвеличи тя и сама царица пречистаа, мати господня, и зѣло превъзнесе и знаема показа от конець вселенныя до конець земли, вѣрный рабе господень!

Аз же по достоанию како възмогу похвалити тя, и скверна уста имѣя и нечистъ языкъ? Но, не имый что принести тобѣ въ день преставлениа твоего, сие малое похваление, яко маль и смердящь потокъ къ ширинѣ морьстѣй приливаася, не да море наполнить, но да смрада очистится. Тѣм же, о честнаа главо, святый отче, преподобне Феодосие, не прогнѣвайся на мя грѣшнаго, но помоли о мнѣ, рабѣ твоем, да не осудит мене въ день пришествиа своего господь нашъ Исус Христос, ему же слава подобает съ безначалным его отцем и съ пресвятым и благым и животворящимь духом нынѣ и присно.

О СВЯТЫХ БЛАЖЕНЫХ ПЕРВЫХ ЧЕРНОРИЗЦѢХ ПЕЧЕРЪСКЫХ, ИЖЕ В ДОМУ ПРЕЧИСТЫА БОЖИА МАТЕРЕ ВЪ БОЖЕСТВЕНЫХ ДОБРОДѢТЕЛЕХ ПРОСИЯВШИХ, ВЪ ПОЩЕНИИ ЖЕ И ВЪ БДѢНИИ И ВЪ ПРОРИЦАНИИ ДАРА, ВЪ СВЯТѢМ МАНАСТЫРИ ПЕЧЕРЬСКОМ. СЛОВО 12.

Бѣ въ истинну предивно чюдо видѣти, братие, съвъкупи бо господь такы черноризци въ обители матере своея. Яко пресвѣтлаа свѣтила въ Руской земле сиаху: ови бо бяху постници, другыа же на бдѣние, инии же на колѣнопоклонение, овии же на пощение чресь день или чресь два дьни, инии ядяхут хлѣб с водою, инии же зелие варено, друзии же сурово; и вси в любви пребывающе, меньшии покоряющеся старѣйшим, не смѣюще пред ними глаголати, но все съ покорением и послушанием великым, тако же и старѣйшии имѣаху любовь к меньшим, наказующе их и утѣшающе, яко чада своя възлюбленнаа. И аще который брать впадаше в нѣкое съгрѣшение, и утѣшаху его и того единого епитемию раздѣляху любо трие или четыре, за великую любовь. Такова бяшеть божественнаа любовь в той святѣй братии, въздръжание же и смирѣние.

мы стали духом и телом, чтобы в свете сем временном могли мы жить богоугодно, не обладаемые никем, кроме как пречистой богородицей и тобою, преподобный Феодосий, как и прежде отцы наши.

Зная о твоем милосердии, дерзнул я составить тебе похвалу, не потому, что я в силах достойную тебе похвалу написать, но надеясь награду от тебя получить, отче, и прощение грехов своих заслужить. Ибо прославили тебя небесные силы, приняли апостолы, приблизили к себе пророки, заключили в объятия мученики, вместе с тобой возрадовались святители, встретили сонмы черноризцев, возвеличила тебя и сама царица пречистая мать господа, и прославила, и сделала известным от одного конца вселенной до другого, верный раб господен!

Как же я смогу достойно восхвалить тебя, греховные уста имея и порочный язык? Но не имея ничего, чтобы мог я принести тебе в день преставления твоего, приношу эту скромную похвалу, которая, как жалкий и зловонный ручей, вливаясь в просторы морские, не столько море наполняет, но от своего зловония очищается. Поэтому, о честной и святой отче, преподобный Феодосий, не прогневайся на меня, грешного, но помолись обо мне, рабе твоем, чтобы не осудил меня в день пришествия своего господь наш Иисус Христос, ему же подобает слава с безначальным его отцом и с пресвятым, и благим, и животворящим духом ныне и присно.

О ПЕРВЫХ СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ, КОТОРЫЕ В ДОМЕ ПРЕЧИСТОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ, В СВЯТОМ МОНАСТЫРЕ ПЕЧЕРСКОМ, ПРОСИЯЛИ БОЖЕСТВЕННЫМИ ДОБРОДЕТЕЛЯМИ, ПОСТОМ, БДЕНИЕМ И ДАРОМ ПРОРИЦАНИЙ. СЛОВО 12

Поистине предивное чудо, братия, проявилось в том, что собрал господь воедино таких черноризцев в обители матери своей. Как пресветлые светила сияли они в Русской земле: одни были постниками, другие подвизались в бдении, иные в земных поклонах, некоторые постились через день или через два, иные питались лишь хлебом и водой, а другие только вареными или сырыми овощами, и все в любви жили: меньшие покорялись старшим и не смели при них говорить, и все это делали с покорностью и с великим послушанием; также и старшие имели любовь к младшим, наставляя и утешая их, как детей своих возлюбленных. И если какой брат впадал в какое-нибудь прегрешение, другие утешали его, и по великой любви своей епитимию, наложенную на одного, разделяли трое или четверо. Такова-то была божественная любовь меж той святой братией и такое воздержание и смирение.

И аще нѣкый брат отхождаше от манастыря, вся братиа о том имѣаху печаль и посылаху по нь, призывающе въ манастыръ брата, дабы възвратилъся, и егда прихожаше брат, и шедше къ игумену, поклоняахуся за брата и умоляху игумена, абие же примаху брата с радостию въ манастырь. Такови бо бяху тогда чръноризци, постници, въздержьници. От них же наменю нѣколико мужь чюдных.

Яко се убо бысть первый Дамианъ презвитерь. Бяше таковь постъникъ, яко развѣ хлѣба и воды ничто же ядяше до дьне смерти своея. И аще убо когда приносяше кто дѣтищь болень, каковѣмь убо недугом одръжим бяше, приношаху въ манастыръ къ преподобному Феодосию, той же повелѣваше сему Дамиану молитву творити над болящим. И абие творяше и маслом святым помазываше, и приимаху исцѣление приходящии к нему.

Единою же разболѣвшуся сему блаженому Дамиану и конець житию приати хотящу, и лежащу ему в немощи, и прииде к нему аггель въ образѣ Феодосиевѣ, обѣщаа ему царство небесное за труд его. По сем же прииде къ нему великый Феодосие з братиею и присѣдяще у него, оному же изнемогающу. Възрѣвь же на игумена, рече: «Не забывай, отче, еже ми еси обѣщалъ в сию нощь». Разумѣв же великый Феодосие, яко видѣние видѣ, и рече ему: «Брате Дамиане, еже ти есмъ обѣщалъ, то ти будеть». Он же смѣживь очи свои, и предасть духъ в руцѣ божии. Игумен же и вся братиа погребоша тѣло его честно.

Тако же бѣ и другый брать, Иеремѣя именемь, иже помняше крещение Рускыа земля, и сему даръ от бога данъ, провидяше бо хотящая быти. И аще кого видяше въ помышлении, то обличаше его въ тайнѣ и наказываше блюстися от диавола; и аще который брат умышляше ити из манастыря, он же пакы, пришед к нему, обличаше его мыслъ и утѣшаше брата, и аще кому глаголаше что добро или зло, то събывашеся слово старче.

Бѣ же инъ старець, именемъ Матфѣй; бѣ бо прозорливь. Единою же стоащу въ церкви на мѣстѣ своем, възвед очи свои и позрѣ по братии, иже стоятъ по обѣма странама поюще, и видѣ бѣса, обьходяща въ образѣ ляха и въ приполцѣ носяща цвѣткы, иже глаголются лѣпкы: възимаше и нѣкакой з лона цвѣтокъ и верзаше и на кого любо. И аще кому прильпяше цвѣтокь стоящих от братии, то мало постоявъ и раслабѣвь умомь, вину собѣ притворивь какову убо, исхождаше ис церкви, и шед спаше и не възвращашеся на пѣние. Аще ли же верзаше на другаго от стоащих и не прельпяше ему цвѣтокь, крѣпко стоаше въ пѣнии своем, дондеже отпояху утренюю, и тогда идяху кождо въ келиа своя.

И если какой-нибудь брат уходил из монастыря, вся братия сильно печалилась о том, и посылали за ним, призывая в монастырь этого брата, чтобы он возвратился; и если возвращался такой брат, то шли к игумену, кланялись и просили за брата игумена, и принимали брата этого в монастырь с радостью. Вот какие были тогда черноризцы-постники, подвижники! Из них же вспомяну о некоторых чудных мужах.

Вот первый из них — Дамиан-пресвитер. Был он такой постник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до самой смерти. И если когда кто-нибудь приносил больного ребенка, одержимого каким-либо недугом, в монастырь к преподобному Феодосию, то тот повелевал Дамиану сотворить молитву над больным. И тотчас, как он помолится и помажет елеем больного, то сразу выздоравливали приходящие к нему.

Когда разболелся блаженный Дамиан и, ожидая своей кончины, лежал в немощи, пришел к нему ангел в обличии Феодосия и обещал ему царство небесное за труды его. Вскоре затем пришел к нему и сам великий Феодосий с братией, и сели все у постели. Он же, взглянув на игумена, сказал: «Не забудь, отче, что ты мне обещал нынче ночью». И уразумел великий Феодосий, что тот видение видел, и сказал ему: «Брат Дамиан! Что я тебе обещал, то и сбудется». Он же закрыл очи и предал дух свой в руки божии. Игумен же и вся братия похоронили тело его честно.

Был также и другой брат, Иеремия именем, который еще помнил крещение Русской земли, и был ему дан от бога дар предсказывать будущее. Когда он прозревал в ком-нибудь дурные помыслы, то обличал его втайне и наставлял, как уберечься от дьявола, а если какой-нибудь брат задумывал уйти из монастыря, он, сразу же прийдя к нему, обличал замысел его и утешал брата; и если кому-нибудь предсказывал он — хорошее ли или дурное, — всегда сбывалось слово старца.

И еще другой брат, именем Матфей, был прозорлив. Однажды, стоя в церкви на месте своем, поднял он глаза и оглядел братию, стоящую по обеим сторонам клироса и поющую, и увидал, как по церкви ходит бес в образе ляха, держа под полой цветы шиповника, и бес вынимал из-под полы цветок и бросал на кого хотел. Если к кому-либо из стоявших иноков прилипал цветок, тот, немного постояв, начинал дремать, придумывал какую-нибудь причину, и уходил из церкви, чтобы поспать, и уже не возвращался до конца службы. Если же бросал на кого-либо другого из стоящих и к тому не прилипал цветок, то тот крепко оставался стоять на службе, пока не отпоют заутреню, и уже только после этого уходил в келью свою.

Обычай же бѣ сему старцу, по отпѣнии утреняа братии отходящимь по келиам своим, сий же блаженый старець послѣди всѣх исхождаше из церкви. Единою же идущу ему и сѣде под клепаломь, хотяй опочинути, бѣ бо келиа его подале от церкве, и видѣ се яко толпа велика идяше от вратъ. И възвед очи свои, и видѣ единого бѣса, сѣдяща на свиньи и величающася, и другыа округъ его множество текуще. И рече имъ старець: «Камо идете?» и рече бѣс, сѣдяй на свиньи: «По Михаля по Тобольковича». Старец же знаменася крестом и иде въ келию свою. И яко же бысть освитающу дьню, разумѣ старець видѣние и рече ученику своему: «Иди, въпрошай, есть ли Михаль въ келии?» И рече ему: *«Даве* изыйде по заутрени за ограду манастырьскую». Старець же повѣда видѣние игумену и старѣишеи братии, еже видѣ, и призвав же игумень брата и утвръди его.

При сем же преподобнѣм Матфѣи блаженный игумень Феодосие преставися, и бысть Стефань игуменом въ его мѣсто, и по сем Никонъ, и сему же старцю и еще въ житии сущу. *Стоящую ему на заутренѣи, возрѣвъ, видѣ бѣса, на игуменѣ мѣстѣ стояща, и разумѣвъ старець, яко игуменъ не всталъ есть.*

И ина многа видѣниа провидяше, и почи старець о господѣ въ добрѣ исповѣдании въ Печерьском святѣмъ манастыри.

О БЛАЖЕННѢМЬ НИФОНТѢ, БЫВШУ ЕПИСКОПУ НОВАГРАДА, КАКО ВЪ СВЯТѢМ МАНАСТЫРИ ПЕЧЕРЬСКОМЬ ВЪ БОЖЕСТВЕНѢМЬ ОТКРОВЕНИИ, ВИДѢ СВЯТАГО ФЕОДОСИА. СЛОВО 13

Блаженый Нифонтъ бысть убо черноризець Печерьскаго манастыря, тѣх святых отець житию поревнуя, и за многую его добродѣтелъ поставленъ бысть епископъ Новуграду. Бѣ велию вѣру и любов имѣя къ пресвятѣй Богородици и къ преподобным отцем Печерьскым Антонию и Феодосию. Абие же слыша, яко от вселеньскаго патриарха в Русию иде Костянтинь митрополит, радости же духовныя исполнився, помысли в себѣ, яко да обое съвръшит: в дому пречистыа будеть и преподобным поклонится, и от святителя благословение прииметь, и таковыа ради вины прииде къ граду Киеву в лѣто 6664. И пребывающу ему, ожидающу митрополита пришествие, бѣаше бо ему вѣдомо, яко извѣстно от царствующаго града выйде митрополит.

Тогда же Клим митрополит столъ святительскы приим не патрияршемь благословениемь Царяграда. Сего блаженаго епископа Нифонта принужаше Клим служити съ собою; он же глаголаше ему: «Понеже не приялъ еси благословениа от святаго вселеньскаго патриарха Царяграда, за сие

Был обычай у этого старца: отстоявши заутреню, когда уже братия расходилась по кельям своим, этот блаженный старец последним выходил из церкви. Однажды вышел он так и присел отдохнуть под билом, ибо келья его была далеко от церкви,— и вот видит он, как большая толпа идет от ворот. Поднял он глаза и увидел беса, сидящего, подбоченясь, верхом на свинье, а множество других идут около него. И спросил их старец: «Куда идете?» И сказал бес, сидевший на свинье: «За Михалем Тобольковичем». Старец же осенил себя крестным знамением и пошел в келию свою. А так как уже наступало утро, то уразумел старец видение и сказал ученику своему: «Пойди и спроси — в келии ли Михаль?» И сказали ему: «Он давеча, после заутрени, ушел за ограду монастырскую». И поведал старец о видении этом игумену и старейшей братии, и призвал игумен инока Михаля, и строго поучил его.

При этом преподобном Матфее преставился блаженный игумен Феодосий, его место занял игумен Стефан, а после того — Никон, а старец все еще жил. Однажды, стоя на заутрене, поднял он глаза и увидел, что на игуменском месте стоит бес,— и уразумел старец, что еще не проснулся игумен.

И другие видения были ему, и почил старец о господе в добром исповедании в Печерском святом монастыре.

О БЛАЖЕННОМ НИФОНТЕ, ЕПИСКОПЕ НОВГОРОДСКОМ, КАК В СВЯТОМ МОНАСТЫРЕ ПЕЧЕРСКОМ, В БОЖЕСТВЕННОМ ОТКРОВЕНИИ, ВИДЕЛ СВЯТОГО ФЕОДОСИЯ. СЛОВО 13

Блаженный Нифонт был черноризцем Печерского монастыря и подражал житию святых отцов, и за свои многие добродетели поставлен был епископом Новгорода. Безграничную веру и любовь имел он к пресвятой богородице и к преподобным отцам печерским Антонию и Феодосию. Однажды услышал он, что от вселенского патриарха идет на Русь митрополит Константин, и, духовной радости исполнившись, помыслил в душе, что сразу сможет два благих дела свершить: в доме пречистой побывать и преподобным поклониться и благословение от святителя принять; и вот по этой причине пошел он в 6664(1156) году в Киев. И пока оставался он там, ожидая прихода митрополита, стало ему известно, что митрополит уже вышел из Царьграда.

В то время Клим-митрополит стол святительский занял без благословения царьградского патриарха. И принуждал Клим блаженного епископа Нифонта совершать службу вместе с ним. Нифонт же сказал ему: «Раз ты не принял благословения от святого вселенского царьградского патриарха, то не

не хощу служити с тобою, ни въспоминати тебе въ святѣй службѣ, но поминаю святаго патриарха Царяграда». Климу же велми принужающу его, научающу на нь князя Изяслава и своя поборникы, и не възможе ему зла сътворити ничто же.

Патриархъ же Царяграда слыша яже о немь, присла к нему послание, сице блажа его о величествѣ разума его и крѣпости и причитая его къ прежьним святым, иже твердѣ о православии ставших. Он же патриарше написание прочесть и зѣло вельми крѣпостию себе утвръждаше, любов же имяста съ князем Святославом съ Олговичем, бѣ бо преже того Святославъ сѣде въ Новгородѣ.

Бывшу же сему блаженому епископу Нифонту въ святѣм Печерьском манастыри, велию же вѣру имѣя къ преподобным, яко же прѣжде реченно бысть, не по мнози же врѣмени постиже его болѣзнъ. Дивно же видѣние повѣда: «Прежде болѣзни своея трѣми деньми пришедшу ми, рече, съ заутрении и мало опочивающу, абие в тонокъ сонь сведенъ бых. И се обрѣтохся въ церкви Печерьской на Святошинѣ мѣстѣ, и молящу ми ся много съ слезами пречистѣй богородици, да бых видѣль святаго преподобнаго отца Феодосиа. И събирающимся многым братиам въ церковь, и приступивь къ мнѣ единъ от братии и рече ми: «Хощеши ли видѣти святаго отца нашего Феодосиа?» Мнѣ же отвѣщавшу: «Зѣло желаю, аще възможно ти есть, покажи ми его». И поим мя, въведе въ олтаръ и тамо показа ми святаго отца Феодосиа. Аз же видѣх преподобнаго и от радости притек, пад на нозѣ его и поклонихся ему до земля. Онъ же въстави мя и нача благословяти, и обьять мя рукама своима, нача любезно лобзати мя и рече ми: «Добрѣ прииде, брате и сыну Нифонте, отселѣ будеши с нами неразлучно». И дръжащу преподобному в руцѣ своей свитокъ, мнѣ же просящу его, и яко вда ми, и разгнух, прочтох. Бяше в немъ написанно въ началѣ сице: «Се азъ и дѣти, яже ми есть далъ богъ». И оттолѣ възбнух, и нынѣ вѣм, яко сиа болѣзнъ посѣщение от бога».

Болѣвшу же ему 13 дьни, и тако успе съ миром мѣсяца априля въ 8 Свѣтлыа недѣли. И положень бысть честно в печерѣ Феодосиевѣ, къ любимому прииде, яко же обѣщася ему Феодосие преподобный, въкупѣ владыцѣ Христу предстоаще, наслажающеся неизреченных онѣх небесных красоть и о нас молящеся, о своих чадѣх.

Сицевыи чюднии мужи въ томъ въ святѣм Печерьском манастыри быша, иже мнози от них апостолом причастници быша и престолом ихъ намѣстници, яко же настоящее слово въ послании семъ извѣстъно явить нам.

буду ни служить с тобой, ни поминать тебя на святой службе, так как поминаю святого царьградского патриарха». И хотя Клим сильно гневался на Нифонта, подбивал князя Изяслава и своих сторонников осудить его, но не смог зла ему сотворить никакого.

Патриарх же Царьграда, узнав о нем, прислал к нему послание, в котором восхвалял его за величие разума и непреклонность и приравнивал его к древним святым, которые твердо стояли за православную веру. Он же, прочитав патриаршее послание, с еще большей крепостью утвердился, был же он в великой дружбе с князем Святославом Ольговичем, ибо прежде того Святослав княжил в Новгороде.

И вот, когда пребывал этот блаженный епископ Нифонт в святом Печерском монастыре, безграничную веру имея к преподобным, о чем уже говорилось выше, вскоре постигла его болезнь. И рассказал он о дивном видении. «Когда за три дня до своей болезни пришел я,— рассказывал он,— с заутрени, прилег ненадолго, то сразу же уснул чутким сном. И очутился я в Печерской церкви стоящим на месте Святоши, и стал я горячо со слезами молиться пречистой богородице, чтобы увидеть мне святого, преподобного отца нашего Феодосия. И когда собралось много братии в церковь, один из братии, подойдя ко мне, сказал мне: «Хочешь увидеть святого отца нашего Феодосия?» Я же ответил: «Очень хочу, если можешь сделать это, покажи мне его». И он, взяв меня за руку, ввел в алтарь и там показал мне святого отца Феодосия. Я же, увидев преподобного, от радости бросился к нему, пал ему в ноги и поклонился ему до земли. Он же поднял меня, благословил и, обняв руками своими, поцеловал меня и сказал: «Хорошо, что пришел, брат и сын Нифонт, теперь будешь с нами неразлучно». А в руке своей преподобный держал свиток, и я попросил его, он дал мне, я развернул и прочел. И было в нем в начале написано так: «Это я и дети, которых мне дал бог». И проснулся я и теперь понимаю, что болезнь эта от бога».

Болел же он тринадцать дней и почил с миром восьмого апреля, в Светлую неделю. И был положен честно в пещере Феодосиевой, прийдя к любимому, как и обещал ему Феодосий преподобный; вкупе они перед владыкой Христом предстоят, наслаждясь неизречимыми небесными красотами, и о нас, о своих чадах, молятся.

Таковы-то вот чудные мужи в том в святом Печерском монастыре были, так что многие из них апостолам уподобились и престолов их наместниками явились, о чем следующее слово в послании этом наглядно покажет нам.

ПОСЛАНИЕ СМИРЕННАГО ЕПИСКОПА СИМОНА ВЛАДИМЕРЬСКАГО И СУЖДАЛЬСКАГО К ПОЛИКАРПУ, ЧЕРНОРИЗЦУ ПЕЧЕРЬСКОМУ. СЛОВО 14

Брате! Сѣд в безмолвии, събери си ум свой и рьци к себѣ: «О убогый иноче, нѣси ли мира оставилъ и по плоти родитель господа ради?» Аще же и зде, пришед на спасение, а не духовнаа твориши, и что ради в чернеческое имя облъкся еси? И не избавят тебе муки черныя ризы. Се же вѣжь, яко блажим еси здѣ от князь и от болярь и от всѣх друговь своих, глаголють бо «Блажень есть, яко възненавидѣ мира сего и славы сея и к тому не печеться земными, но небесных желаеть». Ты же не чернечьскыи живеши. Велика срамота обьдержит мя тебе ради. Аще же блажащеи нас зде предваряютъ ны въ царствии небеснѣм, и тии въ покой обрящуться, мы же горко мучими възопием? И кто помилуеть тя, самому себе погубившу?

Въспряни, брате, и попецися мыслено о своей души, работай господеви съ страхом и съ всякою смиреною мудростию. Да днесь кротокь — и утро яръ и золъ, въмалѣ молчание — и пакы роптание на игумена и на того служебникы. Не буди лживь — виною телесною събора церковнаго не отлучайся: якожде бо дождъ растить сѣмя, тако и церкви влечеть душю на добрыа дѣтели. Все бо, елико сътвориши в келии, ничто же суть: аще Псалтырь чтеши или обанадесять псалма поеши, то ни единому «Господи помилуй» — уподобиться съборному. О семь, брате, разумѣй, яко верховный апостоль Петрь, самъ церкы сый бога жива, и егда ятъ бысть от Ирода и всажень въ темницю, не от церкви ли бывающиа молитвы избавиша его от руку Иродову? И Давидъ бо молиться, глаголя: «Единого прошу у господа, того възыщу, да живу въ дому господни вся дьни живота моего, да узрю красоту господню и посѣщаю церкве святыя его». Самъ бо господь рече: «Домъ мой — дом молитвы наречеться». «Идѣ же бо, — рече, — два или три събрани въ имя мое, ту есмъ посрѣди их». Аще ли же толикъ съборъ, боли ста братий съберется, толикь паче вѣруй, яко ту есть богъ нашь. И того божественаго огня тѣх обѣд сътворяеться, его же азъ желаю единыя крупица паче всего сущего иже предо мною обѣда. Свидетелъ ми есть о том господь, яко ничему же бы причаститься иному брашну, развѣ укруха хлѣба и сочиву, устроенаго на святую ту братию.

Ты же, брате, не днесь похваляа лежащихъ на трапезѣ, и утро на варящаго и на служащаго брата ропщеши, и сим старѣйшинѣ пакость твориши, и обрящешися мотыла ядый, яко же въ Отечьницѣ писано. Егда бо видѣ онъ старець

ПОСЛАНИЕ СМИРЕННОГО ЕПИСКОПА СИМОНА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО К ПОЛИКАРПУ, ЧЕРНОРИЗЦУ ПЕЧЕРСКОМУ. СЛОВО 14

Брат! Сидя в безмолвии, соберись с мыслями и скажи себе: «О, инок убогий, не ради ли господа оставил ты мир и родителей своих?» Если же ты сюда пришел для спасения, а сам не духовное творишь, то ради чего облекся во иноческие ризы? От мук тебя не избавят черные ризы. Знай, что почитают тебя здесь князь, и бояре, и все друзья твои, которые говорят о тебе: «Блажен он, что возненавидел мир сей и славу его, и поэтому уже не печется он о земном, помышляя только о небесном». Ты же не по-иночески живешь. Великий стыд за тебя охватывает меня! Что, если те, которые почитают нас здесь, предварят нас в царствии небесном и будут они упокоены, а мы в горьких муках возопием? И кто помилует тебя, самого себя погубившего?

Воспрянь, брат, и позаботься мысленно о своей душе, служи господу со страхом и не возносись в уме своем. Не будь таким, что нынче кроток, а завтра яр и зол; немного помолчишь, а потом снова ропщешь на игумена и его служителей. Не будь лжив — под предлогом телесной немощи от церковного собрания не отлучайся: как дождь растит семя, так и церковь влечет душу на добрые дела. Все, что творишь ты в келии, маловажно: Псалтырь ли читаешь, двенадцать ли псалмов поешь,— все это не может сравняться с одним соборным: «Господи, помилуй!» Вот что пойми, брат: верховный апостол Петр сам был церковь бога живого, а когда был схвачен Иродом и посажен в темницу, не молитва ли церкви избавила его от руки Ирода? А Давид молился, говоря: «Одного прошу я у господа и того только ищу, чтобы пребывать мне в доме господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту господню и посещать святой храм его». Сам господь сказал: «Дом мой домом молитвы наречется». «Где,— говорит он,— двое или трое собраны во имя мое, там и я посреди них». Если же соберется такой собор, в котором будет более ста братий, такому еще больше веруй, что тут бог наш. И его божественным огнем приготовляется пища их, я бы единую крупицу пищи этой предпочел всей моей нынешней трапезе. Свидетель мне в том господь, что не вкусил бы я никакой еды, если б только был у меня ломоть хлеба и чечевица, приготовленные на святую ту братию.

Не делай же ты так, брат, чтобы ныне хвалить сидящих за трапезой, а завтра на повара и на служащего брата роптать,— этим ведь ты старейшему пакость делаешь и окажешься сам нечистоты вкушающим, как об этом в «Отечнике» написано. Ибо дано было увидеть одному старцу,

хулящих брашно мотыла ядущих, а хвалящих — мед ядущи, яко же бо провидѣ тъйжде старець различнаа брашном. Ты же, егда яси или пиеши, благохвали бога, ибо изчезновениа собѣ творить хуляй, по апостолу: «Аще убо ясте или пиете, все въ славу божию творите». Терпи же, брате, и досажение, претерпѣвый бо до конца, тъй спасеться, таковый бо и бес труда спасеться. Аще бо и ключить ти ся озлоблену быти, и пришед нѣкто възвѣстит ти, яко онь сице потяза тя злѣ, рци же възвѣстившему ти: «Аще укори мя, но брат ми есть, и достоинъ есмъ того, не о собѣ же творить, но врагъ диаволъ поустиль есть его на се, да вражду сътворить межи нами. Господь же да проженеть лукаваго, брата же да помилует». Речеши же, яко в лице ми досади предо всѣми: не скорбенъ о том буди, чадо, ни скоро подвигнися на гнѣвъ, но пад наклонися брату до земля, глаголя: «Прости мя, брате». И исправи въ собѣ прегрѣшение, и тако побѣдиши всю силу вражию, аще ли потязань сопротивишися, сугубо собѣ досадиши. Ты ли еси больши Давида царя? Ему же Семей досажаше в лице, единъ же от слугъ царевь, не тръпя укоризны царевы, «Иду, рече, отъиму главу его, по что песь мертвый проклинает господа моего царя». Но что Давидъ к нему рече? «О сыну Сарушь, не дѣй его проклинати Давида, да видит господь смирение мое и въздаст ми благаа клятвы его ради». Помысли, чадо, и больши сих, како господь нашь смири себе, бывь послушлив до смерти своему отцю; досаждаем — не прещаще, слышася «бѣсъ имаши», по лицу бием и заушаем и оплеваем — не гнѣвашеся, но и о распинающих его моляшеся. Тако и нас научиль есть: «Молите бо, рече, за врагы ваша и добро творите ненавидящим вас, и благословите кленущаа вы».

Довольно же ти бути, брате, твоего круподушиа сътворенное дѣло. Тѣм же ти плакатися подобаеть, яко оставиль былъ еси святый честный манастырь Печерьскый святых отець Антониа и Феодосиа Печерьскых и святых отець черноризець, иже с ними, и ялъ ся еси игуменити у святую безмѣзнику Козмы и Дамиана. Но нынѣ добрѣ еси сътворилъ, лишив ся таковаго начинаниа пустошнаго, и не даль плещу врагу своему, ибо вражие желание погубити тя хотяше. Не вѣси ли, яко древо, часто не напояемо, паче же прѣсажаемо, скоро исъхнет? И ты от послушаниа отча отлучися и братии своих оставлъ свое мѣсто, въскорѣ хотяше погыбнути таковый. Овча бо, пребываа въ стадѣ, неврежено бываеть, а отлучившееся въскорѣ погыбает и волкомь изъедено бываеть. Подобаше бо ти прѣжде рассудити, что ради въсхотѣлъ еси изыити от святаго и честнаго и спасеннаго того мѣста Печерьскаго, в нем же дивно есть всякому хотящему спастися. Мню, брате, яко богъ сътвори се, не тръпя гордости твоея: низвръже тя,

как различалась одна и та же еда: хулящие пищу — ели нечистоты, а хвалящие — мед. Ты же, когда ешь или пьешь, славь бога, потому что себе же вредит хулящий, о чем и апостол сказал: «Едите ли, пьете ли — все во славу божию делайте». Терпи, брат, и досаждения: претерпевший до конца — спасется, такой и без труда спасется. Если случится, что кто-нибудь похулит тебя, а другой придет и расскажет, что такой-то зло порицал тебя,— ответь сказавшему тебе это: «Хотя он и укорял меня, но он мне брат, видно, я достоин того: он же не от себя делает так, а враг-дьявол подстрекнул его на это, чтобы посеять вражду между нами. Да прогонит господь лукавого, а брата да помилует!» Говоришь, что он хулил тебя перед всеми: не скорби о том, чадо, и не поддавайся скорому гневу, но, падши, поклонись брату до земли и скажи: «Прости меня, брат!» Исправь свои прегрешения и победишь тем всю силу вражию; если же на укоризны будешь возражать, то только себе досадишь. Или ты больше Давида-царя? Его Семей поносил при всех, и один из слуг царя, не стерпев обиды царю своему, сказал: «Пойду, сниму с него голову: за что он, пес смердящий, проклинает господина моего, царя!» И что же Давид сказал ему? «О сын Саруш! Оставь его проклинать Давида, да увидит господь смирение мое и воздаст мне добром за его проклятия». И больше того: подумай, чадо, как господь наш смирил себя, быв послушным до самой смерти своему отцу: злословили на него, и он не противился; когда говорили, что он одержим бесом, били его по лицу, и заушали его, и оплевывали,— он не гневался, но даже за распинавших его молился. Тому же и нас научил он: «Молитесь,— сказал,— за врагов ваших, и добро творите ненавидящим вас, и благословляйте клянущих вас».

Довольно, брат, и того, что ты по своему малодушию сделал. Тебе теперь следует оплакивать то, что ты оставил было святой честной монастырь Печерский святых отцов Антония и Феодосия Печерских и святых черноризцев, которые с ними, и взялся игуменствовать у святых бессребреников Козьмы и Дамиана. Но ныне хорошо ты сделал, отказавшись от такого суетного начинания, и не поддался врагу своему, ибо это было вражие желание, которое погубило бы тебя. Или ты не знаешь, что дерево, если не поливать его и часто пересаживать, скоро засыхает? И ты, отлучившись от послушания отца и братии и оставивши свое место, вскоре погиб бы. Овца, пребывая в стаде, в безопасности, а отбившись от него, быстро погибает, и волк съедает ее. Следовало бы тебе сначала рассудить, чего ради хотел ты уйти из святого, и честного, и спасенного того места Печерского, в котором так благодатно всякому желающему спастись. Думаю, брат, что сам бог устроил так, не терпя гордости твоей: он извергнул тебя,

яко же преже сатану съ отступными силами, зане не въсхотѣль еси служити святу мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту Акиндину Печерьскому. Печерьскый бо, ма̀настырь море есть и не держить в себѣ гнилаго, но измещеть вънь.

А еже въписал ми еси досаду свою — лютѣ тобѣ: погубиль еси душю свою! Въпрошаю же тя, чимь хощешь спастися? Аще и постникь еси или трезвитель о всем, и нищь, и безь сна пребываа, а досажениа не терпя, не узриши спасениа. Но радуется о тобѣ нынѣ игумень и вся братиа и мы же, слышавше яже о тобѣ, и вси утѣшахомься о тобѣ и о обрѣтении твоем, яко погыблъ бѣ и обрѣтеся. Попустих же и еще твоей воли быти, а не игумени: въсхотѣль еси пакы игуменити у святаго Дмитриа, а не бы тебе принудиль и князь и азь, и се яко искусиль еси. Разумѣй брате, яко неугодно богу твое старѣйшинъство, и сего ради дарова ти господь оскудѣние очию. Но ты никако съдрогнуся, идѣ же бо подоба рещи: «Благо мнѣ, яко смирил мя еси, да научюся оправданием твоим». Разумѣх бо тя санолюбца, и славы ищещи от человѣкь, а не от бога. Не вѣруеши ли, окаанне, написанному: «Никто же възмет чести о собѣ, но званный от бога». Аще ли апостолу не вѣруеши, то ни Христу имеши вѣры. Что от человѣкъ сану ищеши, а не от бога, сущим же от бога не хощеши повинутися и мыслиши высокаа? Иже древле таковии съ небесь съвержени быша. Азь бо, рече, нѣсмь ли достоинъ увѣритися таковому начинанию сана, или хуждьши есмъ иконома сего или его брата спѣюща?» Сам, не получивь желаниа, мятешися, хощеши же часто исходити от келиа в келию и сваждати брата съ братом, глаголя неполезнаа: «Или мнит себѣ, рече, сиа игумень и сий икономь, яко зде точию богу угодити и инде же невъзможно спастися? А нами что ми не разумѣють?» Сиа ди̇авольскаа начинаниа, сии тощна тобѣ изящьства. Аще же и самъ кое предспѣание получиши, яко стати ти на вышнѣм степени то не забывай смиреныа мудрости, да егда прилучит ти ся съступити степени, то обрящеши путь свой смиренный, не впадеши в различныа скорби.

Пишеть же ми княгини Ростиславля Верхослава, хотящу тя поставлену быти епископъмь или Новуграду на Антониево мѣсто, или Смоленьску на Лазарево мѣсто, или Юрьеву на Алексѣево мѣсто и аще ми, рече, и до 1000 сребра расточити тебе ради и Поликарпа. И рѣх ей: «Дъщи моа Настасие! Дѣло не богоугодно хощеши сътворити, но аще бы пребыл въ манастыри неисходно, съ чистою съвѣстию, въ послушании игумени всеа братиа, трезвяся о всемъ, то не токмо въ святительскую одеждю оболченъ, но и вышняго царства достоинъ бы быль».

как прежде сатану с отступниками, потому что не захотел ты служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту печерскому Акиндину. Печерский монастырь — это море, не держит оно ничего гнилого, но извергает вон.

А что писал ты ко мне про свою обиду,— горе тебе: погубил ты душу свою! Спрашиваю я тебя, чем ты хочешь спастись? Если и постник ты, и рассудлив во всем, и нищ, и сну не предаешься, а упреков не терпишь, то не узришь спасения. Но ныне радуется за тебя игумен и вся братия, и мы, слышав о тебе, все возрадовались о тебе и обретении твоем: ты пропал и нашелся. И еще раз поступил ты своевольно, а не по благословению игумена: снова захотел игуменствовать — у святого Димитрия, и не принуждал тебя к этому ни князь, ни я,— и вот ты вновь впал в искушение. Пойми же, брат, что не угодно богу твое старейшинство, для того и послал он тебе слабость зрения. Но ты не содрогнулся и не сказал, как бы следовало: «Благо мне, что смирил ты меня, да научусь я уставам твоим!» Убедился я, что ты санолюбец и славы ищешь от людей, а не от бога. Или не веруешь ты, окаянный, написанному: «Никто сам собой не приемлет чести, но призываемый богом». Если же ты апостолу не веруешь, то и Христу не поверишь. Зачем ищешь ты сана от людей, а не от бога, поставленным от бога повиноваться не хочешь и думаешь о себе так высоко? Таковые в первые времена свержены были с небес. «Разве я,— говоришь ты,— не достоин такого сана, что не могу принять его, или хуже я эконома этого, или его брата, который тоже начальствует?» Сам же, не получив желаемого, смуту сеешь, часто ходишь из келии в келию и ссоришь брата с братом, говоря неполезное: «Или, говоришь, этот игумен и эконом этот думают, что только здесь и можно угодить богу, а в другом месте и спастись нельзя? А мы, что же, ничего уж и не разумеем?» Все это дьявольские начинания, скудоумные твои измышления. Если же и сам ты получишь какую-нибудь почесть и займешь высокое место, не забывай смиренномудрия, и тогда, если случится тебе лишиться этого места, ты снова пойдешь по смиренному пути своему и не впадешь в различные скорби.

Пишет ко мне княгиня Ростиславова, Верхослава, что она хотела бы поставить тебя епископом или в Новгород, на место Антония, или в Смоленск, на место Лазаря, или в Юрьев, на место Алексея. «Я, говорит, готова до тысячи серебра издержать для тебя и для Поликарпа». И я сказал ей: «Дочь моя, Анастасия! Дело не богоугодное хочешь ты сотворить: если бы пребывал он в монастыре неисходно, с чистой совестью, в послушании игумена и всей братии, в совершенном воздержании, то не только облекся бы в святительскую одежду, но и вышнего царства достоин был».

Ты же, брате, епископъству ли похотѣл еси? Добру дѣлу хощеши! Но послушай Павла, глаголюща къ Тимофѣю, и почет разумѣеши аще еси что от того исправиль, какову епископу подабаеть быти. Но аще бы ты былъ достоинъ таковаго сана, то не бых тебе пустиль от себе, но своима рукама съпрестольника тя себѣ поставиль бых въ обѣ епископьи, Владимерю и Суждалю, яко же князь Георгий хотѣль, но азъ ему възбраних, видя твое малодушие. И аще мене преслушаешися, каковѣй любо власти въсхощеши или епископъству или игуменъству повинешися, буди ти клятва, а не благословение. И к тому не внидеши въ святое и честное мѣсто, в не же еси остриглъся. Яко съсуд непотребень будеши, извержень будеши вънь и плакатися имаши послѣжде много безь успѣха.

Не то бо есть съвръшение, брате, еже славиму быти от всѣх, но еже исправити житие свое и чиста себе съблюсти. От того, брате, Печерьскаго манастыря пречистыа Богоматере мнози епископи поставлени быша, яко же и от самого Христа бога нашего апостоли въ всю вселенную послани быша, и яко свѣтила свѣтлаа освѣтиша всю Рускую землю святым крещением. Первый — Леонтие, епископъ ростовьскый, великый святитель, его же богъ прослави нетлѣнием, и се бысть первый престолникь, его же невѣрнии много мучивше, бивше, и се третий гражданинь бысть Рускаго мира, съ онѣма варягома вѣнчася от Христа, его же ради пострада. Илариона же митрополита и сам челъ еси въ Житии святаго Антониа, яко от того пострижень бысть и тако священьства сподоблень. По сем же: Николае и Ефрѣм — Переяславлю, Исаиа — Ростову, Германь — Новуграду, Стефанъ — Владимеру, Нифонтъ — Новуграду, Маринь — Юрьеву, Мина — Полотску, Никола — Тьмутороканю, Феоктисть — Чернигову, Лаврентий — Турову, Лука — Бѣлуграду, Ефрѣм — Суждалю. И аще хощеши вся увѣдати, почти лѣтописца старого Ростовьскаго, есть бо всѣх болѣ 30, а иже потом и до нас грѣшных, мню, близь 50.

Разумѣй же, брате, колька слава и честь манастыря того! И постыдѣвся и покайся, изволи си тихое и безмятежное житие, к нему же господь призвал тя есть. Азъ бы рад оставиль свою епископью и работалъ игумену въ том святѣм Печерском манастыри. И се же глаголю ти, брате, не сам себе величаа, но тебѣ възвѣщаа. Святительства нашего власть сам вѣси. Кто не вѣсть мене, грѣшнаго епископа Симона, сея съборныа церкве, красоты Володимеръскыя, и другыа Суждальскыа церкве, ю же сам създах?. Колико имѣета градовь и селъ, и десятину събирают по всей земли той, — и тѣм всѣм владѣет наша худость. И сиа вся бых оставиль,

А ты, брат, не епископства ли захотел? Доброе дело! Но послушай, что апостол Павел говорит Тимофею, и, прочитавши, ты поймешь, исполняешь ли ты сколько-нибудь то, что следует епископу. Да если бы ты был достоин такого сана, я не отпустил бы тебя от себя, но своими руками поставил бы сопрестольником себе в обе епископии — во Владимир и в Суздаль,— как и князь Георгий хотел; но я воспрепятствовал ему в этом, видя твое малодушие. И если ты ослушаешься меня, захочешь власти, сделаешься епископом или игуменом,— проклятие, а не благословение будет на тебе! И после того не войдешь ты в святое и честное место, в котором постригся. Как сосуд непотребный, будешь ты извержен вон, и после много плакаться будешь, но безуспешно.

Не в том совершенство, брат, чтобы славили нас все, но чтобы правильно вести житие свое и чистым себя соблюсти. Поэтому-то, брат, из Печерского монастыря пречистой богоматери многие епископы поставлены были, как от Христа, бога нашего, во всю вселенную посланы были апостолы, и, как светила светлые, осветили они всю Русскую землю святым крещением. Первый из них — Леонтий, епископ ростовский, великий святитель, которого бог прославил нетлением, он был первопрестольник; его, после многих мучений, убили неверные,— это третий гражданин русского мира с теми двумя варягами увенченный от Христа, ради которого пострадал. Про Илариона же, митрополита, ты и сам читал в житии святого Антония, что им он пострижен был и святительства сподобился. Потом были епископами: Николай и Ефрем — в Переяславле, Исайя — в Ростове, Герман — в Новгороде, Стефан — во Владимире, Нифонт — в Новгороде, Марин — в Юрьеве, Мина — в Полоцке, Николай — в Тмуторокани, Феоктист — в Чернигове, Лаврентий — в Турове, Лука — в Белгороде, Ефрем — в Суздале. Да если хочешь узнать всех, читай старую Ростовскую летопись: там их всех более тридцати; а после них и до нас грешных будет, я думаю, около пятидесяти.

Разумей же, брат, какова слава и честь монастыря того! И, устыдившись и покаявшись, возлюби тихое и безмятежное житие, к которому господь призвал тебя. Я бы с радостью оставил свою епископию и стал бы служить игумену в том святом Печерском монастыре. И говорю я это тебе, брат, не для того, чтобы возвеличить самого себя, а чтобы только возвестить тебе об этом. Святительства нашего власть ты сам знаешь. И кто не знает меня, грешного, епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владимира, и другой, Суздальской церкви, которуя я сам создал? Сколько они имеют городов и сел, и десятину собирают с них по всей земле той,— и этим всем владеет наше ничтожество. И все бы это оставил я,

но вѣси, какова велиа вещь духовнаа обьдержить мя, и молюся господеви, да подаст ми благо время не управление.

И съвѣсть тайнаа господь: истинно глагою ти, яко всю сию славу и честь въскорѣ яко калъ вънѣниль бых, и аще бы ми *трескою торчати за враты или* сметием помятену быти въ Печерьском манастыри и попираему человѣкы, или едину быти от убогых пред враты честныа тоя лавры и сътворитися просителю,— то лучьши бы ми временныа сея чести. Единь день в дому божиа матере паче тысяща лѣть, и в нем изволиль бых пребывати паче, нежели жити ми въ селѣх грѣшничих. Въ истинну глаголю ти, брате Поликарпе: гдѣ слыша сих дивнѣйших бывших в том святѣм манастыри Печерьском чюдесъ? Что ли блаженѣйши сих отцевъ, иже в конца вселенныа просиявше подобно лучамъ солнечным? О них же достовѣрно повѣдаю ти настоащем писанием к сим же, иже к тобѣ реченным. И се ти, брате, скажю, что ради мое тщание и вѣра къ святому Антонию и Феодосию.

СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМЕРЬСКАГО И СУЖДАЛЬСКАГО, О СВЯТЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРЬСКЫХ, ЧТО РАДИ ИМѢТИ ТЩАНИЕ И ЛЮБОВЬ КЪ ПРЕПОДОБНЫМ АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ, ОТЦЕМЬ ПЕЧЕРЬСКЫМ. СЛОВО 15

Слышах вещь предивну от блаженых тѣх старець, яко рѣша слышавше от самовидець тѣх таковаго чюдеси, бывшаго при игуменъствѣ Пиминовѣ в Печерьском святѣмь манастыри.

Бысть мужь съвершень въ всякой добродѣтели, именемь Онисифоръ, презвитеръ саном, и прозорлива дара исподобися от бога, еже видѣти на всяком человѣцѣ съгрѣшениа. И ина исправлениа того повѣдують, но се едино скажю.

Бысть сему блаженому Онисифору сынъ духовный, черноризець нѣкто, другь по любви, иже не истинною подражаше житие того святаго, постъникъ сый являяся лжею и цѣломудръ ся творя, в тайнѣ же ядый и пиа и скврьно живый. И тако препроводи лѣта своа. Се же утаися духовнаго того мужа, и ни един же от братиа сего разумѣ.

Въ един же день, здравъ сый, напрасно умре. Не можаше же ни единь телѣси его приближитися смрада ради бывающаго от него. Приятъ же страх вся, и нужею сего извлекше, и не можаху пѣниа над нимъ сътворити смрада ради. Положивше того особъ и ставше издалеча, пѣние обычьное сътворше, нѣции же, заимше ноздри своа. И, сего внесъше внутръ печерѣ, положиша, и толми въсмерьдѣся, яко же и безъсловесным

но ты знаешь, сколь великое дело духовное лежит на мне, и молю господа, да подаст он мне благое время исполнить его. Но ведает тайное господь: истинно говорю тебе — всю эту славу и честь сейчас же за ничто посчитал бы, лишь бы колом торчать за воротами или валяться сором, попираемым людьми, в Печерском монастыре, или быть одним из убогих, просящих милостыню у ворот честной той лавры,— все это лучше было бы для меня временной сей чести. Один день пребывания в доме божьей матери лучше, чем тысяча лет обычной жизни, и в нем хотел бы я находиться, а не жить в селениях грешников. Поистине говорю тебе, брат Поликарп: где слышал ты о более дивных чудесах, чем те, какие свершались в святом Печерском монастыре? Где еще встречались столь блаженные отцы, озарившие все концы вселенной подобно лучам солнечным? О них же достоверно поведаю тебе этим писанием, в добавление к тем, о которых я тебе уже сказывал. И о том тебе, брат, расскажу, почему я имею такое усердие и веру к святым Антонию и Феодосию.

СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО, О СВЯТЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ, О ТОМ, ПОЧЕМУ ДОЛЖНО ИМЕТЬ УСЕРДИЕ И ЛЮБОВЬ К ПРЕПОДОБНЫМ АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ, ОТЦАМ ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 15

Слышал я предивную вещь от блаженных старцев печерских; они же говорили, что слышали от очевидцев этого чуда, случившегося во времена игуменства Пимена в Печерском святом монастыре.

Был там в это время муж, совершенный во всякой добродетели, именем Онисифор, пресвитер саном, и сподобился он от бога дара прозорливости, так что видел согрешения человека всякого. Рассказывают и о других его подвигах, но я об одном расскажу.

Был у этого блаженного Онисифора сын духовный и любимый друг, некто из черноризцев, который лицемерно подражал житию этого святого: притворялся постником и целомудренником, втайне же ел и пил и жил распутно. И так проводил лета свои. И утаилось это от духовного того мужа, и никто из братий сего не знал.

В один день, совсем здоровый, внезапно он умер. И никто не мог приблизиться к его телу из-за смрада, исходящего от него. И напал страх на всех, и насилу вытащили его, но отпевания из-за смрада не могли над ним свершить. Положили тело в стороне и, ставши поодаль, творили обычное пение, иные же затыкали ноздри свои. И, внесши его внутрь пещеры, положили там, и пошел такой смрад, что и бессловесные твари

бѣгати тоя печеры. Многажды же и вопль слышашеся горекь, яко нѣции мучаще того.

И явися святый Антоние презвитеру Онисифору, съ прещениемь глаголя: «Почто се сътвориль еси? Таковаго скврнаго, и нечистаго, и безаконнаго, и многогрѣшнаго здѣ положилъ, яко же таковъ не бысть положень никто же, иже оскврънилъ есть святое мѣсто сие». Възбнув же от видѣниа и пад на лици своемъ, моляшеся богу, глаголя: «Господи, что ради съкрылъ еси от мене дѣла человѣка сего»? И приступль, аггель глаголя ему: «На показание всѣмь съгрѣшающимь и не кающимься бысть се, да видѣвше, покаються». И сие рекъ, невидим бысть. Тогда презвитер шед, възвѣсти вся сиа игумену Пимину. И пакы въ другую нощь тожде видѣ: «Изверзи его,— рече,— вонь въскорѣ на снѣдение псом, недостоинь бо есть прѣбывания зде». Презвитерь же пакы на молитву обратися, и бысть к нему глас, глаголя: «Аще хощеши, помози ему».

Съвѣт же сътворше съ игуменомь, да нужею приведут нѣкыя, извлекут вонъ и въвергнуть й въ воду, волею бо никто не можаше горѣ той приближитися, идѣ же бѣ печера. Пакы же явися имъ святый Антоние, глаголя: «Смили ми ся душя брата сего, понеже не могу преступити обѣта моего, еже к вам обѣщахся, яко всякь положеный здѣ помилованъ будеть, аще и грѣшень есть. Не суть бо хуждьшии, иже съ мною зде в печерѣ отци, бывших прежде закона и по законѣ угодивших богу. Молих бо ся господу богу моему и пречистой его матере, да ни единь от сего манастыря осуждень будеть въ муку. Господь же рече ми, яко же слышати ми глас его: «Азъ, есмь, рекый Аврааму: двадесяти ради праведникь не погублю града сего,— то колми паче тебе ради и иже сущих с тобою помилую и спасу грѣшника; аще зде постигнеть умрѣти, в покои будеть». Сиа же слышавь Онисифоръ от святаго, вся видѣнная и слышаннаа възвѣсти игумену и всей братии. От них же азъ обрѣтох единаго, иже исповѣда ми вещь сию от тѣх первых черноризець.

Пиминъ же игуменъ, въ мнозѣ недоумѣнии бывь о страшнѣй сей вещи, съ слезами моляше бога о спасении души братнѣй. И бысть ему явление нѣкое от бога, тако глаголюще: «Понеже здѣ мнози грѣшнии положени быша, вси прощени бышя ради угодивших ми святых, иже в печерѣ, и сего же окааннаго душю помиловах Антониа ради и Феодосиа, рабу моею, и сущих съ нима святых черноризець молитвою. И се ти знамение буди измѣнению: смрад бо на благовоние преложися». И сие слышав, игумен радости исполнився, съзва всю братию, сказа имъ явление и иде с ними к печерѣ видѣти бывшаго, и обоняша вси балгоюханиа от телеси его, злосмрадие же и воплъ никако же слышашеся. Вси насладившеся доброvoниа, прославиша

бегали от той пещеры. Много раз слышался и вопль горький, словно кто-то мучил его.

И явился святой Антоний пресвитеру Онисифору, с гневом говоря ему: «Что это ты сделал? Такого скверного, и порочного, и лживого, и многогрешного здесь положил, какого еще никогда не было положено, так что осквернил он святое место сие». Очнувшись от видения и пав ниц, Онисифор взмолился богу, говоря: «Господи! зачем скрыл ты от меня дела человека этого?» И приступил к нему ангел, и сказал: «В назидание всем согрешающим и не покаявшимся было это, чтобы, видевши, покаялись». И сказав сие, сделался невидим. Тогда пресвитер пошел и возвестил все это игумену Пимену. Потом в другую ночь то же увидел Онисифор: «Выбрось его скорее вон на съедение псам,— сказал Антоний,— недостоин он пребывать здесь». Пресвитер же снова стал молиться, и был к нему голос: «Если хочешь,— помоги ему».

Посоветовавшись с игуменом, решили насильно привести когонибудь, чтобы вытащить вон это тело и бросить его в воду, так как добровольно никто не мог приблизиться к той горе, где была пещера. И снова явился святой Антоний, и сказал: «Смиловался я над душой брата этого, потому что не могу нарушить обета моего: я обещался вам, что всякий, положенный здесь, помилован будет, хотя бы и грешен он. Ведь не хуже отцы, положенные со мною в пещере, тех, что были прежде закона и после закона, но угодили богу. Молился я господу моему и пречистой его матери, и потому никто из монастыря этого не будет осужден на муку. Господь говорил ко мне, и я слышал голос его: «Я тот, который сказал Аврааму: «ради двадцати праведников я не погублю города сего»,— тем более тебя ради и тех, которые с тобою, помилую и спасу грешника: если здесь постигнет его смерть,— спасен будет». Услышав это от святого, Онисифор возвестил все виденное и слышанное игумену и всей братии. Одного из них встретил и я, и он рассказал мне историю эту от тех первых черноризцев.

Игумен же Пимен в великом недоумении был из-за такого страшного события и со слезами молил бога о спасении души брата. И было ему видение от бога, и слышал он: «Так как уже здесь многие грешные положены были, и все прощены были ради угодивших мне святых, лежащих в пещере сей, и этого окаянного душу помиловал я ради Антония и Феодосия, рабов моих, и молитвою спасшихся с ними святых черноризцев. И вот тебе знамение прощения: смрад в благовоние превратился». Услышав это, игумен исполнился радости, созвал всю братию и, рассказав им о явлении, пошел с ними к пещере, чтобы увидать случившееся, и обоняли все благоухание от тела умершего, а злосмрадия и вопля никакого не было слышно. И все насладились благоухания и прославили

бога и святыа его угодникы, Антониа и Феодосиа, о спасении братнѣ.

И сего ради азъ грѣшный, епископъ Симонъ, тужу и скорблю и плачу, да бых точию положенъ былъ въ божественѣй той персти и малу отраду приалъ бых многых ми грѣховъ, молитвъ ради святых отець о Христѣ Исусѣ, о господѣ нашем, ему же слава нынѣ.

О БЛАЖЕНѢМ ЕВСТРАТИИ ПОСТНИЦѢ. СЛОВО 16

Нѣкый человѣкъ прииде с Киева в печеру, хотя быти черноризець; *и повелѣ игуменъ его пострищи и нарече имя ему Евстратие. Онъ же* раздаав все имѣние свое убогым, мало нѣчто оставивь ближним своим, да по нем раздают. Бысть же сий черноризецъ Еустратий постникъ и послушникъ ко всѣм.

Тойжде блаженый съ инѣми христианы плѣнень бысть и проданъ бывъ нѣкоему жидовину съ инѣми многыми. Уча и моля плѣньникы, наказоваше, глаголя: «Братие, елико вас крестися и въ бога вѣровасте, не будем отметници своего обѣта, еже въ святѣм крещении. Христос бо ны искупи от клятвы и породи водою и духом, сыны и наслѣдникы нас сътвори: то аще умрем — господеви умрем, аще ли живем — бытию долъжнаа послужим, аще за Христа умрем — смертию животь купим, и тъй животь вѣчный дасть нам».

Не по мнозѣх же дьнех изомроша от глада и истаавшаа жаждею: овии по трех дьнехъ, инии же по четырех дьнех, инии же по седми дьнех, крѣпции же по 10 дьнех, скончашася вси гладом и жажею. Бѣ же их числом 50: от манастырьскых работникь 30, от Киева 20.

Минувшим же дьнем 14, оста мних единъ живъ, бѣ бо постьникъ от владых ногоτь. Видѣв же жидовинь, яко сий мних вина бысть погыбели злата его, еже на плѣненых вдасть, и съдѣа на нем Пасху свою. Наставшу же дьню въскресениа Христова, поругание сътвори святому Еустратию: по писанному въ Еуангелии, иже сътвориша на господа нашего Исус Христа и поругашася ему, тако и сего блаженаго пригвоздиша къ кресту. И благодаряше бога на немь, и живь бысть 15 дьний.

Жидове же рѣщя ему: «Нынѣ насытися законныа пища, безумне, да живь будеши, ибо Моисий, законъ прием от бога, нам дасть, и се въ книгах речено бысть: «Проклят всякь, висяй на древѣ». Мних же рече: «Великы благодати сподобилъ мя есть богъ днесь пострадати. И рече ми, яко и разбойнику: «Днесь съ мною еси в раи», самь бо разори клятву законную и въведе благословение. О нем же рече Моисий: «Узрите живот вашь, висящь прямо очима вашима»; Давидъ же:

бога и святых его угодников, Антония и Феодосия, за спасение брата.

Оттого-то и я, грешный, епископ Симон, тужу, и скорблю, и плачу, чтобы только там положенным быть, в божественной той земле, и принять малую отраду от многих грехов моих, молитв ради святых отцов, о Христе Иисусе, господе нашем. Ему же слава ныне.

О БЛАЖЕННОМ ЕВСТРАТИИ-ПОСТНИКЕ. СЛОВО 16

Некий человек пришел из Киева в пещеру, желая стать черноризцем; и повелел игумен его постричь, и дал имя ему Евстратий. Он же роздал все имение свое убогим, оставив немного ближним своим, чтобы они за него раздавали. Был же этот черноризец Евстратий постник и послушлив всем.

Этот блаженный с другими христианами взят был в плен, и продали его со многими другими одному иудею. Поучая и умоляя пленников, он наставлял их, говоря: «Братия, вы, которые крестились и в бога веруете, не будьте отступниками от обета, данного при святом крещении. Христос нас искупил от проклятия и освятил водою и духом, сынами и наследниками нас сотворил: так что, если умрем,— в господе умрем; если же жить будем,— исполним службу нашу; если за Христа умрем — то смертию жизнь купим и Христос жизнь вечную даст нам».

Через несколько дней стали умирать пленники, мучимые голодом и жаждой: иные через три дня, иные через четыре, другие через семь дней, крепкие же — через десять, и так все скончались от голода и жажды. Было же их числом пятьдесят: из монастырских работников тридцать, да из Киева двадцать.

По прошествии же четырнадцати дней остался в живых один только Евстратий, потому что был он постником с самых юных лет. Иудей же, видя, что монах этот был виновником погибели золота его, которое он уплатил за пленных, решил принести его в жертву на Пасху свою. Когда наступил день воскресения Христова, надругался он над святым Евстратием так, как, по писаному в Евангелии, надругались иудеи над господом нашим, Иисусом Христом: пригвоздил этого блаженного к кресту. А тот славил бога на кресте и оставался жив и в пятнадцатый день.

Иудеи же говорили ему: «Безумец, прими наш закон и будешь жив: ведь Моисей от бога принял закон, который дал нам, и вот в книгах сказано: «Проклят всякий, висящий на древе». Инок же сказал: «Великой благодати сподобил меня господь — в нынешний день пострадать. И скажет он мне, как и разбойнику: «Ныне же будешь со мною в раю». Он сам уничтожил закон и ввел благодать. Это о нем сказал Моисей: «Увидите жизнь вашу, висящую пред очами вашими»; Давид же:

«Пригвоздиша руцѣ мои и нозѣ» и пакы: «Раздѣлиша ризы моя собѣ и о матизмѣ моей металиа жребиа». О сем же дьни глаголеть: «Сий день, иже сътвори господь, възрадуемся и възвеселимся въ нь». Ты же и иже с тобою жидове днесь въсплачете и възрыдаете, яко прииде на вы отвѣть от бога, крове ради моея и всѣх християнъ, яко субот ваших ненавидит господь и преложи праздникы ваша в сѣтование, яко убиенъ бысть началникь вашего безакониа».

Слышав же сиа жидовинъ, яко распят сый поносит ему, и възем копие, прободе его, и тако предасть душю свою господеви. И бѣ видѣти душю преподобнаго, носиму на колесници огненѣ, и кони огнени, и глас бысть глаголя греческыи: «Се добрый небеснаго града гражданинъ нареченны!» И сего ради протостраторъ зоветься в поминании вашем.

И ту абие вѣсть бысть от царя на жиды том дьни, да ижденуть вся жиды, имѣниа их отъемше, а старѣйшины их избиють. Бысть убо сицева вещь. Нѣкто от жидовъ крестися, богат сый и храборъ велъми, и сего ради приать его царь, по малѣх же дьнех сътвори его епархом. Он же, получивь санъ, в тайнѣ бывает отметъникъ Христа и его вѣры, и дасть дерзъновение жидом по всей области Греческаго царства, да купят християны въ работу себѣ. Обличенъ же бывь нечестивый сей епархъ, и убиенъ бысть, по словеси блаженаго Еустратиа, и ту сущаа жиды, иже озимъствоваша в Корсуни, и имѣниа отъимше того жидовина, и съдѣавшаго на блаженаго повѣсиша: «Обратися болѣзнъ его на главу его, и на връх его неправда снидет».

Тѣло же святаго въ море вержено бысть, идѣ же множество чюдесъ сътворяеться. Поискани же быша вѣрными святыа его мощи, и не обрѣтены, не въсхотѣ бо святый от человѣкъ славы, но от бога. Окааннии же жидове, видѣвше чюдо страшно, и крестишася.

О СМИРЕННѢМ И МНОГОТЕРПѢЛИВѢМ НИКОНѢ ЧЕРНОРИЗЦѢ. СЛОВО 17

Другый же мних, именем Никонъ, въ плѣнении сый, окованъ дръжим бяше. И прииде нѣкто от Киева искупити его. Сий же не ради о том, бѣ бо от великых града. Той же христолюбець искупи многы плѣньникы, възвратився. Слышавше же, свои ему съ многым имѣнием идоша искупити его. Мних же рече к ним: «Никако же всуе истощите имѣниа вашего. Аще бы хотѣлъ господь свободна мя имѣти, не бы мя предалъ въ руцѣ безаконным сим и лукавнѣйшим паче всея земля. Той рече: «Азъ есмъ предаа священникы въ плѣнъ». Благаа ли въсприяхом от рукы господня,— злых ли не терпим?» Сии же, укоривше его отъидоша, носяще съ собою богатьства много.

«Пригвоздили руки мои и ноги мои», и еще: «Разделили ризы мои между собой и об одежде моей метали жребий». О нынешнем же дне говорит: «Вот день, который сотворил господь! Возрадуемся и возвеселимся в день этот». Ты же и другие иудеи с тобой заплачете ныне и зарыдаете: пришло вам время дать ответ богу за кровь мою и кровь всех христиан, потому что субботы ваши возненавидел господь и преложил праздники ваши в сетование, ибо убит начальник вашего беззакония».

Иудей же, слыша, как распятый поносит его, взяв копье, пронзил его, и тот предал душу свою господу. И видели все, как в огненной колеснице несли душу преподобного огненные кони, и раздался голос, говоривший по-гречески: «Вот добрый гражданин небесного града!» И потому протостратором зовется он в поминании вашем.

И вдруг в тот же день пришло об иудеях повеление от царя, чтобы изгнать всех иудеев, отнявши у них имение, а старейшин их казнить. Случилось же вот что. Некий иудеянин, богатый и отважный, крестился, и ради этого приблизил его к себе царь и вскоре назначил его епархом. Он же, получив сан, втайне оставался отступником от Христа и его веры и дал свободу иудеям по всему царству Греческому покупать себе христиан в рабство. И обличен был этот нечестивый епарх и убит, как предсказал блаженный Евстратий, и с ним все иудеи, которые зимовали в Корсуни; а у того иудея, который замучил блаженного, отняли имение и самого повесили. «Обратилась злоба его на главу его, и на его темя злодейство его пало».

Тело же святого было брошено в море, где множество чудес свершается им. Верные искали его святые мощи, но не нашли, не от людей, а от бога желал славы святой. Окаянные же иудеи, видев страшное чудо, крестились.

О СМИРЕННОМ И МНОГОТЕРПЕЛИВОМ НИКОНЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ. СЛОВО 17

Другой инок, именем Никон, был также взят в плен, и держали его в оковах. И пришел некто из Киева выкупить его. Но он не радел о том, хотя и был из знатных людей города. Христолюбец же тот, выкупив многих других пленников, возвратился домой. Услышавши об этом, родственники Никона со многим богатством пошли выкупать его. Инок же сказал им: «Не тратьте всуе богатства вашего. Если бы хотел господь, чтобы я был свободным, то не предал бы он меня в руки этих людей беззаконных и самых коварных во всей земле. Господь сказал: «Я предаю в плен и священников». Благое приняв от руки господней,— неужели не стерпим зла?» Родственники же, укоряя его, ушли, унося с собой большое богатство.

Половци же, видѣвше лишение своего желаниа, начаша мучити мниха велъми немилостивно. За 3 лѣта по вся дьни озлобляем и вяжем, на огни пометаемь, ножи разрѣзаем, окованнѣ имый руцѣ и нозѣ на солнци пребываа жгом, от глада и от жажи скончаваем, овогда бо чресь день, овогда же чресь два дьни или за 3 дьни ничто же вкушаа. И благодаряше бога о всѣх сих, и моляшеся безпрестани. Зимѣ же на снѣгу и на студени помѣстаем. Се же все творяхут ему окаании половцы, да дасть на собѣ искупъ многъ. Онъ же глаголаше к ним, яко: «Христос избавит мя туне от рукъ вашихъ, уже бо извѣщение приахъ, яви бо ми ся брат мой, его же продасте жидом на распятие. И тии бо осудяться съ рекшими: «Възьми, възьми, распни его, кровъ его на нас и на чадѣх наших»,— вы же, окааннии, съ Иудою мучими будьте в вѣкы, яко предатели нечестивии и безаконници. Тако бо ми рече святый Герасим, яко: «Въ третий день имаши въ манастыри быти, молитвъ ради святых Антониа и Феодосиа и святых черноризець, и иже с ними». Слышав же половчинь, мнѣвь, бѣжати хощет, и подрѣза ему лыста, да не убѣжит, и стрѣжахуть его крѣпко. Въ третий же день, всѣмъ присѣдящим у него въ оружии, въ 6 же час абие невидим бысть, и слышаша глас глаголющь: «Хвалите господа!» — съ небесь.

И тако въ церковь Печерьскую пресвятыа Богородица принесенъ бысть невидимо въ врѣмя, егда начаша кинаникь пѣти. Вся же братиа стекошася к нему и въпрошааху его, како сѣмо прииде. Он же исперва хотя утаити преславное тое чюдо. Видѣше же на нем желѣза тяжка и раны неисцѣлны, и все тѣло съгнившеся ранами, и самого суща въ юзах, и еще крови каплющи от прерѣзаниа лыстовъ,— и не яша вѣры.

Послѣди же яви имъ истинну, и не дасть отняти желѣза от руку и от ногу. Игумен же рече: «Брате, аще бы хотѣль господь въ нужди тя имѣти, не бѣ тя извель оттуду; нынѣ повинися воли нашей». Снемше с него и сковаша еже на потрѣбу олтареви.

По дьнех же мнозѣх прииде онъ половчинь въ Киевъ мира ради, иже дръжавый блаженаго сего, и вниде в манастырь Печерьский. Видѣв же старца, и сказа игумену все и братии, иже о нем, и к тому не възвратися въспять, но крестися и бысть мних, и с родом своим, и ту живот свой скончаша в покаании, работающе плѣннику своему, суть положени въ своем притворѣ.

Многа же и ина исправлениа того блаженаго Никона повѣдують, о них же нѣсть нынѣ время писати, но се едино ти скажу. Егда бѣ въ плѣнении блаженый сей, разболѣвшимься нѣкогда плѣнником от глада и от нужа. Заповѣда им

Половцы же, видя, что не осуществилось их желание, начали мучить инока без всякой милости. Три года каждый день издевались над ним и связывали его, бросали в огонь, резали ножами, с закованными руками и ногами оставляли под палящим солнцем, голодом и жаждой морили; так что он иногда день, иногда два и три оставался без всякой пищи. И за все это благодарил он бога и молился беспрестанно. Зимой же на снег и на мороз выбрасывали его. Все это делали окаянные половцы, чтобы он дал за себя большой выкуп. Он же сказал им: «Христос даром избавит меня от рук ваших; я уже получил извещение об этом: являлся мне брат мой, которого вы продали иудеям на распятие. Осудятся они с сказавшими: «Возьми, возьми, распни его, кровь его на нас и на детях наших»,— вы же, окаянные, вечно будете мучиться с Иудою, как предатели нечестивые и беззаконники. И вот что сказал мне святой Герасим: «Через три дня ты будешь в монастыре по молитвам святых Антония и Феодосия, и святых черноризцев, и всех, кто с ними». Услышав же это, половчанин подумал, что тот бежать хочет, и подрезал ему голени, чтобы он не убежал, и крепко стерегли его. В третий же день все с оружием в руках сидели около него,— вдруг в шестом часу он сделался невидим, и все услыхали голос, произнесший с небес: «Хвалите господа!»

И так перенесен был он невидимо в Печерскую церковь пресвятой Богородицы в то время, когда начали петь канон. И стеклась к нему вся братия, и спрашивали его, как он сюда пришел? Он же сперва хотел утаить преславное то чудо. Но все видели на нем железа тяжкие, и раны неисцелимые, и все тело, гноившееся от ран, и сам он был в оковах, и кровь еще капала из перерезанных голеней, и не поверили ему.

Наконец поведал он им истину и не давал снять оков с рук и ног своих. Игумен же сказал: «Брат, если бы хотел господь в беде тебя оставить, то не вывел бы он тебя оттуда, теперь же подчинись воле нашей». И, снявши с него оковы, перековали их на вещи, нужные для алтаря.

Спустя долгое время половчанин, державший в плену этого блаженного, пришел в Киев для переговоров о мире, и зашел он в монастырь Печерский. И увидел тут этого старца, и рассказал о нем все игумену и братии, и после того уже не вернулся назад, но вместе с родом своим принял крещение и сделался иноком; и здесь, в монастыре, окончили они жизнь свою в покаянии, служа пленнику своему, и положены в своем притворе.

И о многих других деяниях того блаженного Никона рассказывают; о них нет времени теперь писать, но об одном я все же тебе расскажу. Когда был в плену этот блаженный, заболели однажды пленники от голода и нужды. И велел им

блаженый не въкусити ничто же от поганых, сам же, сый въ юзах, молитвою вся исцѣли и бѣжати сътвори невидимо.

Пакы же тому половчину умрѣти хотящу, заповѣда женам своим и дѣтем, да сего мниха распнуть над ним. Сий же блаженый помолився и исцѣли и: прозрѣ того послѣднее покаание, себе же избави горкыя смерти. Сий же убо Никонъ «Сухый» именуеться въ поминании нашем: истекь кровию и изгнивъ от рань, и исхну.

К Поликарпу. Како възмогу, брате, исповѣдати святых мужь, бывших въ честнѣм том и блаженнѣм манастыри Печерьском! Их же ради добродѣтельнаго житиа и погании крестишася и быша мниси, яко же оного ради блаженаго, предреченаго Христова мученика Герасима жидове крестишася, сего же ради страстотерпъца Никона половци быша черноризци. Многа же и паче сих слышаль еси от мене, грѣшнаго епископа Симона, и хуждьшаго въ епископѣх, недостойна суща тѣх святых чрънsocризець подножиа, им же, мню, и весь мирь не достоинъ, ни тому самому списателю, исписати могущу тѣх чюдесь. К тѣм бо рече господь: «Тако да просвѣтится свѣт вашь пред человѣкы, да видятъ добраа ваша дѣла и прославят отца нашего, еже есть на небесѣх». Что же убо и бысть измѣнение нашего обѣщаниа и претворение житиа от таковыа высоты въ глубину житейскую въпадшим? Началникы и наставникы имамы, равны бесплотным, первыа же молитвъникы и ходатаа къ творцю, подобни бо суть аггелом и мученичьскыми увязени венцы.

О СВЯТѢМ СВЯЩЕННОМУЧЕНИЦѢ КУКЪШИ И О ПИМЕНѢ ПОСТЪНИЦѢ. СЛОВО 18

Волею како премину сего блаженаго и священномученика, тогожде манастыря Печерьскаго черноризца, Кукшу, его же вси свѣдают, како бѣсы прогна, и вятичи крьсти, и дождь съ небеси съведе, и озеро исъсуши, и многа чюдеса сътворивь, и по многых муках усѣченъ бысть съ учеником своим. С нима и Пиминь, блаженный постникъ, въ единь день скончася, проувѣдѣвь свое отхождение къ господу прежде двою лѣту, и многа ина пророчьствовавъ, недужныа исцѣли. И посрѣдѣ церкви велегласно рекъ: «Брать нашь Кукша противу свѣту убиенъ бысть». И то рекъ, преставися въ единъ час с тѣма святыма.

Къ Поликарпу прилогь. Оставлю убо много глаголати еже о святых. Аще ли не довлѣеть ти моа бесѣда, иже слыша от устъ моих, то ни самое писание на увѣрение тя приведет; аще ли же сим не вѣруеши, то аще от мертвых кто въскреснеть, не имеши вѣры.

блаженный ничего не принимать в пищу от поганых, сам же, в узах, молитвою всех исцелил, и бежали они, став невидимыми.

Однажды, когда тот половчанин стал умирать, велел он женам своим и детям распять над его могилой Никона. Тогда блаженный помолился и исцелил его: он провидел его будущее покаяние и себя избавил от горькой смерти. Этот Никон «Сухим» именуется в поминании нашем: истек он кровью, сгнил от ран и иссох.

К Поликарпу. Как смогу я, брат, достойно прославить святых мужей, бывших в честном том и блаженном монастыре Печерском?! Ради добродетельного жития их и поганые крестились, и монахами становились,— так, ради того блаженного Христова мученика Герасима Евстратия иудеи крестились, а ради этого страстотерпца Никона половцы сделались иноками. Многое же, и больше этого, слышал ты от меня, грешного епископа Симона, худшего из епископов, недостойного быть подножием тех святых черноризцев; да их, думаю, и весь мир недостоин, и нет такого книжника, который бы мог описать все чудеса их. Это им сказал господь: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли отца небесного». Что же может нарушить наш обет, переменить жизнь нашу, с такой высоты в глубину житейскую павших? Ведь мы начальников и наставников имеем, равных бесплотным, первых молитвенников и ходатаев пред творцом, подобных ангелам, мученическими венцами увенчанных!

О СВЯТОМ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЕ КУКШЕ И О ПИМЕНЕ ПОСТНИКЕ. СЛОВО 18

Как добровольно можно умолчать об этом блаженном черноризце того же Печерского монастыря, священномученике Кукше, о котором всем известно, как он бесов прогнал, и вятичей крестил, и дождь с неба свел, и озеро иссушил, и много других чудес сотворил, и после многих мучений убит был с учеником своим. В один день с ними скончался и блаженный Пимен Постник, который предсказал за два года свое отшествие к господу, и о многом другом пророчествовал, и недужных исцелял. И вот посреди церкви, во всеуслышание, сказал он: «Брат наш Кукша нынче на рассвете убит». И сказавши это, умер в одно время с теми двумя святыми.

К Поликарпу поучение. Не стану я много говорить тебе о святых. Если не довольно тебе моей беседы, того, что ты слышал из уст моих, то и мое писание не убедит тебя; если этому не веруешь, то и тому, что человек из мертвых воскрес,— не поверишь.

О СВЯТѢМ АФАНАСИИ ЗАТВОРНИЦѢ, ИЖЕ УМЕРЪ И ПАКЫ ВЪ ДРУГИЙ ДЕНЬ ОЖИВЕ И ПРЕБЫСТЬ ЛѢТЪ 12. СЛОВО 19

Бысть убо и се в том же святѣем манастыри. Брать единь, живый свято и богоугодно житие, именем Афанасие, болѣвь много, умре. Два же брата оterше тѣло его мертво и отъидоста, увивше его, якожде подобаеть мертваго. По прилучаю же пришедше нѣции, видѣвша того умерша, и отъидоша. Пребысть же мертвый весь день не погребенъ, бѣ бо убогъ зѣло и не имѣа ничто же мира сего, и сего ради небрегом бысть: богатым бо всякъ тъщиться послужити и в животѣ и при смерти, да наслѣдит что.

В нощи же явися нѣкто игумену, глаголя: «Человѣкъ божий сей имат два дьни непогребенъ, ты же веселишися». И увѣдавъ же игуменъ о сем, въ утрий день съ всею братиею прииде къ умершему, и обрѣтоша его сѣдяща и плачюща. Ужасошася, яко видѣвше того оживша, и въпрошахут того, глаголюще: «Како оживе или что видѣ?» Сей же не отвѣщаваше ничто же, точию: «Спаситеся!» Они же моляхуться ему услышати что от него, да и мы, рече, пользуемься. Он же рече к ним: «Аще вы реку, не вѣруете ми». Братиа же к нему съ клятвою рѣша, яко: «Съхраним все, еже аще induschi нам». Он же рече им: «Имѣйте послушание въ всем къ игумену, и кайтеся на въсякъ час, и молитеся господу Иисусу Христу и пречистѣй его матере и преподобным Антонию и Феодосию, да скончаете живот свой зде и съ святыми отци погребены быти сподобитеся в печерѣ. Се бо болѣи всѣх вещей три сиа вещи суть, аще ли кто постигнет сиа вся исправити по чину,— точию не възносися. И к тому не въпрошайте мене, но молю вы ся, простите мя».

Шед же в печеру и заградивъ о себѣ двери, и пребысть, не глаголя никому же ничто же, дванадесять лѣт. Егда же хотяше преставитися, призвавь всю братию, тожде имъ глаголаше, еже исперва, о послушании и о покаянии, глаголя: «Блажень есть, иже зде сподобивыйся положенъ быти». И сие рекь, почи съ миром о господѣ.

И бѣ нѣкто брать единь, боляй лядвиами от лѣт многъ, и принесень бысть надо нь; обоим же тѣло блаженаго, и исцѣлѣ от того часа, и дажде до дьне смерти своея никакожде поболѣ лядвиами, ниже инѣм чимъ. Сему же исцѣлѣвшему имя Вавила. И тъй сказа братии сице: «Лежащу ми, рече, и въпиющу от болѣзни, и абие вниде сий блаженый и глаголя ми: «Прииди, исцѣлю тя». Азъ же хотя того въпрашати, когда и коли сѣмо прииде, он же абие невидимъ бысть». И оттолѣ разумѣша вси, яко угоди господеви, никогда же бо изыйде

О СВЯТОМ АФАНАСИИ ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ УМЕР, А НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СНОВА ОЖИЛ И ПРОЖИЛ ПОТОМ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ. СЛОВО 19

Вот что еще случилось в том святом монастыре. Брат один, именем Афанасий, проводивший жизнь святую и богоугодную, после долгой болезни умер. Два брата омыли тело его мертвое и ушли, спеленав его, как подобает покойника. Случайно пришли к нему другие иноки, но, увидя, что он умер, также ушли. И оставался покойник весь день без погребения: был он очень беден, и никаких сбережений не имел, и потому был в небрежении: богатым-то всякий старается послужить как в жизни, так и при смерти, чтобы получить что-нибудь в наследство.

Ночью же явился некто игумену, говоря: «Человек божий этот второй день лежит непогребенным, а ты веселишься». Узнавши об этом, игумен утром со всею братией пришел к умершему, и увидели его сидящим и плачущим. И ужаснулись все, видя, что он ожил, и стали спрашивать его: «Как ты ожил и что видел?» Он же не отвечал ничего и повторял только: «Спасайтесь!» Они же умоляли его рассказать о случившемся, говоря, что и им это будет на пользу. Он же сказал им: «Если я вам расскажу, не поверите мне». Братия же поклялась ему: «Соблюдем все, что бы ты ни сказал нам». Тогда он сказал им: «Во всем слушайте игумена, во всякое время кайтесь, молитесь господу Иисусу Христу, и пречистой его матери, и преподобным Антонию и Феодосию, чтобы окончить вам жизнь здесь и сподобиться погребения в пещере, со святыми отцами. Вот три самые важные вещи из всего, если только исполнять все это по чину, не возносясь. Более не спрашивайте меня ни о чем, и молю вас простить меня».

После этого ушел он в пещеру, заложил за собой дверь и пробыл в ней, никогда и ни с кем не говоря, двенадцать лет. Когда же пришло время преставления его, он, призвав всю братию, повторил сказанное прежде о послушании и о покаянии, добавив: «Блажен, кто здесь сподобится положенным быть». И, сказав это, почил с миром о господе.

Был же между братией некто, уже много лет страдавший болью в ногах; и принесли его к умершему; он же обнял тело блаженного и исцелился с того часа, и до самой смерти никогда уже не болели у него ни ноги, ни что другое. Имя этому исцелившемуся — Вавила. И вот что он рассказал братии: «Лежал я,— рассказывал он,— и стенал от боли, и вдруг вошел этот блаженный и сказал мне: «Приди, я исцелю тебя». Я же хотел его спросить, когда и как он сюда пришел, но он мгновенно сделался невидим». И уразумели все после этого, что угодил он господу: не выходил он из пещеры

и видѣ солнца въ 12 лѣт, и плачася не преста день и нощь, ядяше бо мало хлѣба и воды поскуду пиаше, и то чресь день. И се слышах от того Вавилы, исцѣлѣннаго имъ.

Аще ли кому невѣрно мнится се написание, да почтет житиа святых отець наших Антониа и Феодосиа, началника рускым мнихом, и тако да вѣрует. Аще ли ни тако премениться, неповинни суть, подобает бо събытися притьчѣ, реченнѣй господомъ: «Изыйде сѣяй сѣяти сѣмени своего, и ова паде при пути, и другое въ терний» — иже печальми житийсками подавляются, о них же пророкъ рече: «Одебеле сердце людий сих, ушима тяжко слышаша»; другый же: «Господи, кто вѣрова слуху нашему?»

Къ Поликарпу. Ты же, брате и сыну, симъ не въслѣдуй, не тѣх бо ради пишю сие, но да тебе приобрящу. Съвѣт же ти даю: благочестием утвердися въ святѣм том манастыри Печерьском, не всхощи власти, ни игуменьства, ни епископъства, и доволѣеть ти къ спасению, еже кончати жизнь свою в немъ. Вѣси сам, яко могу сказати всѣх книгь подобнаа, уне ми, и тобѣ полезнаа, еже от того божествьнаго и святаго манастыря Печерьскаго съдѣаннаа и слышаннаа от многых мало сказати.

О ПРЕПОДОБНѢМЬ СВЯТОШИ, КНЯЗИ ЧЕРНИГОВСЬКОМ. СЛОВО 20

Сей блаженый и благовѣрный князь Святоша, именемъ Николае, сынъ Давидовъ, внукъ Святославль, помысли убо прелесть житиа сего суетнаго и яко вся, яже и зде, мимо текут и мимо ходять, будущаа же благаа непроходима, вѣчна суть, и царство небесное бесконечно, еже уготова богъ любящим его,— остави княжение, честь и славу и власть, и вся та ни въ что же вмѣнивь, и пришед в Печерьскый манастырь, и бысть мних, в лѣто 6614, февруария 17.

Его же вси свѣдають ту сущий черноризци добродѣтелное его житие и послушание. Пребысть же убо в поварнии 3 лѣта работаа на братию, и своима рукама древо сѣкаше на потребу сочиву, многажды же и съ брега на своею раму ношаше дрова, и едва отстависта брата его Изяславъ и Владимеръ от таковаго дѣла. Сей же истинный послушникъ съ молбою испроси, да едино лѣто еще в поварни поработает на братию. И тако сий яко искусенъ и съвершенъ въ всем, и по сем приставиша его къ вратом манастыря, и ту пребысть 3 лѣта, не отходя никамо же, развѣ церкве. И оттуду бо повелѣно бысть ему служити на трапезѣ. И тако игуменовою волею и всея братиа, принуженъ бысть келию собѣ имѣти, юже сътвори, яже и донынѣ есть зовома «Святошина», и оград, его же своима рукама насади.

и не видел солнца двенадцать лет, плакал беспрестанно день и ночь, ел немного хлеба и чуть-чуть пил воды, и то через день. И это слышал я от самого Вавилы, исцеленного им.

Если кому невероятным покажется то, о чем я пишу, пусть прочтет жития святых отцов наших Антония и Феодосия, зачинателей русских монахов, и тогда уверует. Если же и тогда не переубедится, не его вина: должно сбыться притче, сказанной господом: «Вышел сеятель сеять семя свое, и иное упало при пути, другое в терние» — в сердца тех, кто лишь заботами житейскими поглощен, о них же пророк сказал: «Окаменело сердце людей сих, и им трудно слышать ушами»; другой же: «Господи, кто поверит слышанному о нас?»

К Поликарпу. Ты же, брат и сын мой, не следуй их примеру; не для них пишу я это, но чтобы тебя приобресть. Совет же даю тебе: благочестием утвердись в святом том монастыре Печерском, не желай власти, ни игуменства, ни епископства: довольно тебе для спасения окончить жизнь свою в нем. Ты сам знаешь, что много подобного могу я рассказать тебе из разных книг; но лучше, и для тебя будет полезнее, если я расскажу даже малое из того многого, что слышал о содеявшемся в том божественном и святом монастыре Печерском.

О ПРЕПОДОБНОМ СВЯТОШЕ, КНЯЗЕ ЧЕРНИГОВСКОМ. СЛОВО 20

Этот блаженный и благоверный князь Святоша, в иночестве Николай, сын Давыда, внук Святослава, уразумев обманчивость этой суетной жизни, и что все, что здесь, протекает и проходит мимо, будущие же блага непреходящи и вечны, и бесконечно царство небесное, приготовленное богом, любящим его,— оставил княжение, и честь, и славу, и власть, и все то ни во что вменив, пришел в Печерский монастырь и сделался иноком в 6614(1106) году, февраля 17.

Все бывшие при нем черноризцы были свидетелями его добродетельного жития и послушания. Три года пробыл он на поварне, работая на братию; своими руками колол дрова для приготовления пищи, часто с берега на своих плечах носил дрова; и с трудом братья его, Изяслав и Владимир, отговорили его от такого дела. Однако этот истинный послушник с мольбою упросил, чтобы ему еще один год поработать в поварне на братию. После же этого, так как во всем был он искусен и совершенен, приставили его к монастырским воротам, и пробыл он тут три года, не отходя никуда, кроме церкви. После этого велено ему было служить в трапезной. Наконец волею игумена и всей братии принудили его завести свою келию, которую он сам и построил, и доныне эта келия зовется «Святошиной», как и сад, который он своими руками насадил.

Глаголют же о нем и се, яко вся лѣта чернечьства его не видѣ его николи же никто праздна, но всегда имяше рукодѣлие в руках своих, и сим доволне быти одежи его от таковаго рукодѣлиа. Въ устѣх же всегда имяше молитву Исусову беспрестани: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй мя». Не въкуси же иного ничто же, токмо от манастырьскыа яди питашеся; аще и много имяше, но та вся на потребу странным и нищим подаваше, и на церковна строение. Суть же и книгы его многыя и донынѣ.

Имѣа же блаженый князь Святоша, еще въ княженьи сый, лѣчьца хитра вельми, именем Петра, родом сирианина, иже прииде с ним въ манастырь. Видѣв же сего Петрь волную нищету, в поварници же и у врат присѣдяща, лишився его и живяше в Киевѣ, врачюя многы. Прихождаше же часто къ блаженому, видя сего въ мнозѣ злострадании и безмѣрнѣм пощении, увѣщаваше его, глаголя: «Княже, достоит ти смотрити о своем здравии, да не тако погубиши плоть свою многымь трудом и въздержанием, иже иногда изнемогшу ти, не мощи имати понести наложеннаго ти ярма, его же еси изволилъ бога ради. Не хощет бо богъ чресь силу поста или труда, но точию сердца чиста и съкрушена, ниже обыклъ еси той нужди, юже твориши работаа, яко нужный рабь. Но и благочестиваа твоа братиа Изяславъ и Владимеръ велику укоризну имѣета собѣ нищетою твоею. Како от таковыа славы и чести въ послѣднее убожество прииде, еже уморяти тѣло свое и датися в недугь неподобныа пища. Дивлюся утробнѣй ти влазѣ, иже иногда отягченѣ бывши от сладкыа пища, нынѣ же убо суровое зелие и сухый хлѣбъ приемлющи терпить. Блюди, да не когда недугъ всюду събрався и не имущу ти крѣпости, скоро живота гоньзнеши, мнѣ же не могущу ти помощи, и оставиши плачь неутѣшим братома своима. Се бо и боляре, иногда служившии тобѣ, мнящеся велиции быти и славнии тебе ради, нынѣ же, лишени твоея любве, желетвѣ: домы великы сътворше, и сѣдять в них въ мнозѣ унынии. Ты же не имаши где главы подклонити, на смѣтьищи семъ сѣдя, и мнять тя яко изумѣвшася. Кый убо князь се сътвори? Ли блаженый отець твой Давыдъ, или дѣдъ твой Святославь, или кто въ болярех се сътвори, или сего пути въжелѣ, развѣ Варлама, игумена бывшаго здѣ? И аще мене преслушаешися, прежде суда суд приимеши».

Се же и многажды глаголаше ему, овогда в поварни съ нимь сѣдя, иногда же у врать, научен бывъ братома его. И отвѣща блаженый: «Брате Петре! Многажды смотрих и рассудих не пощадѣти плоти моеа, да не пакы въставлю

Говорят также о нем и то, что во все годы монашества его никто никогда не видал его праздным: всегда в руках у него было рукоделье, чем он и зарабатывал себе на одежду. На устах же его постоянно была молитва Иисусова, беспрестанно повторяемая: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня!» Никогда не вкушал он ничего иного, кроме монастырской пищи; хотя он и много имел, но все то на нужды странников и нищих отдавал и на церковное строение. Книги же его многие сохранились и доныне.

Еще во время княжения имел этот блаженный князь Святоша лекаря весьма искусного, именем Петра, родом сирийца, который пришел с ним в монастырь. Но этот Петр, видя его добровольную нищету, службу на поварне и у ворот, ушел от него и стал жить в Киеве, врачуя многих. Он часто приходил к блаженному и, видя его во многом злострадании и безмерном пощении, увещевал его, говоря: «Княже, следовало бы тебе подумать о своем здоровье, чтобы не погубить плоть свою безмерным трудом и воздержанием: ты когда-нибудь изнеможешь так, что не в силах будешь нести лежащее на тебе бремя, которое сам принял на себя бога ради. Не угоден ведь богу сверх силы пост или труд, а только от сердца чистого и раскаявшегося; ты же не привык к такой нужде, какую переносишь теперь, работая как подневольный раб. И благочестивым твоим братьям, Изяславу и Владимиру, в великую укоризну нищета твоя. Как ты от такой славы и чести мог дойти до последнего убожества, ведь ты изнуришь тело свое и в болезнь впадешь из-за такой неподходящей пищи. Дивлюсь я твоему чреву, которое раньше отягощалось сладкой пищей, а теперь, сырые овощи и сухой хлеб принимая, терпит. Берегись! Когда-нибудь недуг охватит тебя всего, и ты, не имея крепости, скоро жизни лишишься, и нельзя уже мне будет помочь тебе, и повергнешь ты в плач неутешный братьев своих. Вот также и бояре твои, некогда служившие тебе, думали когда-нибудь сделаться чрез тебя великими и славными; ныне же лишены твоей любви и пеняют на тебя: поставили себе дома большие, а теперь сидят в них в великом унынии. Ты сам не имеешь куда голову приклонить, сидя на этой куче мусора, и многие считают, что ты лишился ума. Какой-нибудь князь поступал так? Блаженный ли отец твой, Давыд, или дед твой, Святослав, или кто из бояр делал это, или хотя желание имел идти по этому пути, кроме Варлаама, бывшего здесь игуменом? И если ты меня не послушаешь, то прежде божьего суда осужден будешь».

Так вот, и неоднократно, говорил он ему, иногда в поварне с ним сидя, иногда у ворот, подученный на это братьями его. Блаженный же отвечал ему: «Брат Петр! Много размышлял я и решил не щадить плоти своей, чтобы снова не поднялась

брани на ся, да съгнѣтаема многым трудом, смириться. Силѣ бо,— рече,— брате Петре, в немощи подобно съвершитися. Не суть бо страсти нынѣшняго времене точны будущей славѣ, хотящей явитися в нас. Благодарю же господа, яко свободилъ мя есть от мирьскыя работы и сьтвориль мя есть слугу рабом своим, блаженым симь черноризцем. Брата же моа да внимаета себѣ, кождо бо свое бремя понесет, и довлѣеть има моа власть. Сиа же вся Христа ради оставих: жену и дѣти, дом и власть, и братию, и другы, рабы и села, и того ради чаю жизни вѣчныя наслѣдникь быти. Обьнищах же — бога ради, да того приобрящу. И ты убо, егда врачюеши, не гнушати ли ся велиши брашенъ? Мнѣ же умрети за Христа — приобрѣтение есть, а еже на смѣтьиши седѣти — съ Иевом ся *творя* царствуя. Аще ни единь князь сего не сътворилъ преже мене,— предвождай да явлюся имъ: кто же ли поревнуеть сему, и да въслѣдуеть сему и мнѣ. Прочее же внимай себѣ и научившим тебе».

И егда убо разболяшеся сий блаженый, и видѣв же его, лѣчець приготовляет зелие на потребнаа врачеваниа, на кийждо недугь, когда бѣаше или огненое жежение или теплота кручиннаа, и преже пришествиа его здравъ бываше князь, никако же дадый себе врачевати. И се многажды сътворися. Нѣкогда же тому Петрови разболѣвшуся, посла к нему Святоша, рече: «Аще не пиеши зелиа, скоро исцѣлѣеши; аще ли мене преслушаешися, много имаши пострадати». Он же, хытръ ся творя и болѣзни гоньзнути хотя, мало живота не погрѣши, растворниа вкусивь. Молитвою же святаго исцѣлѣ.

Пакы же сему разболѣвшюся, нарѣчие посылаеть к тому святый, глаголя, яко: «Въ 3 дьни исцѣлѣеши, аще не врачюешися». Послушав же его сурианинъ, въ 3 день исцѣлѣ, по словеси блаженаго. Призвав же его, святый глаголя ему острищися: «По трех бо мѣсяцѣх, рече, отхождю свѣта сего». Се же рече, назнаменуя ему смерть. Сириянин же не разумѣвъ хотящаа ему быти, сий же Петръ пад пред ногами его, съ слезами глаголя: «Увы мнѣ, господине мой и добродѣтелю мой и драгый мой животе! Кто призрить на страньствие мое, и кто напитаеть многую чадь требующих, и кто заступить от обидимых, кто помилуеть нищих? Не рѣх ли, о княже, оставити имаши плач неутѣшимый братома си? Не рѣх ли ти, о княже, не тако ли мя словом божиим исцѣли и силою, яко же твоею молитвою? Гдѣ нынѣ отходиши, пастырю добрый? Повѣждь мнѣ, рабу своему, язву съмертную, да аще азь не изврачюю, да будет глава моа за главу твою и душа моа за душю твою. Не молча отъиди от мене, но яви ми, господине, откуду ти таковаа вѣсть,

во мне борьба: пусть под гнетом многого труда смирится она. Ведь сказано, брат Петр, что силе совершаться подобает в немощи. Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас. Я же благодарю господа, что освободил он меня от мирских забот и сделал слугой рабам своим, этим блаженным черноризцам. Братья же мои пусть о себе подумают: каждый свое время должен нести и довольно с них и моей волости. Все же это: жену, и детей, и дом, и власть, и братьев, и друзей, и рабов, и села,— оставил я ради Христа, чтобы чрез то сделаться наследником жизни вечной. Я обнищал ради бога, чтобы его приобрести. Да и ты, когда врачуешь, не воздерживаться ли велишь в пище! Для меня же умереть за Христа — приобретение, а на мусорной куче сидеть, подобно Иову,— царствование. Если же ни один князь не делал так прежде меня, то пусть я послужу примером им: может быть, кто-нибудь из них поревнует этому и последует за мной. До прочего же тебе и научившим тебя дела нет».

Когда бывал болен этот блаженный, лекарь, видя то, начинал приготовлять врачебное зелье против той болезни, которая тогда случалась — огненного ли жжения или болезненного жара, но прежде чем он приходил, князь уже выздоравливал и не давал лечить себя. И много раз так бывало. Однажды разболелся сам Петр, и Святоша послал к нему, говоря: «Если не будешь пить лекарства,— быстро поправишься, если же не послушаешься меня,— много страдать будешь». Но тот, рассчитывая на свое искусство и думая избавиться от болезни, выпил лекарство и едва жизни не лишился. Только молитва блаженного и исцелила его.

Снова разболелся лекарь, и святой послал объявить ему: «В третий день ты выздоровеешь, если не будешь лечиться». Послушался его сириец и в третий день исцелился по слову блаженного. Призвав же его, святой велел ему постричься в монахи и сказал: «Через три месяца я отойду из этого мира». Говорил же он это, предсказывая смерть Петру. Сириец Петр, не уразумев же того, что это с ним должно случиться, пал к ногам князя и со слезами стал говорить: «Увы мне, господин мой и благодетель мой, дороже мне самой жизни! Кто посмотрит на меня, чужеземца, кто напитает многих людей, нуждающихся в пище, и кто будет заступником обиженных, кто помилует нищих? Не говорил ли я тебе, о княже, что оставишь ты по себе плач неутешный братьям своим? Не говорил ли я тебе, о княже, что ты меня не только словом божиим и силою его исцелил, но и молитвою своею? Куда же теперь отходишь, пастырь добрый? Открой мне, рабу своему, язву смертную, и, если я не вылечу тебя, пусть будет голова моя за голову твою и душа моя за душу твою! Не отходи от меня молча, открой мне, господин мой: откуда тебе такая весть,

да дам животъ свой за тя. Аще же извѣстилъ ти есть господь о том, моли его, да азь умру за тя. Аще ли же оставляеши мя, то где сяду и плачюся своего лишениа, на смѣтьищи ли сем, или въ вратѣх сих, идѣ же пребываши? Что ли имам наслѣдовати твоего имѣниа? Самому ти нагу сущу, но и отходящу ти, в сих исплатаных рубищах положень будеши. Даруй ми твою молитву, яко же древле Илиа Иелисеови милоть, да раздражю глубину сердечную и проиду въ мѣста райскаа крова дивна дому божиа. Вѣсть же и звѣрь по възшествии солнца събратися и на ложах своих лягут, и бо птица обрѣте себѣ храмину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣ же положи птенца своя; ты же 6 лѣт имаши в манастыри и мѣста своего не позна».

Блаженый же рече к нему: «Добро есть уповати на господа, нежели надѣатися на человѣка; вѣсть же господь, како препитати всю тварь, могый заступати и спасати бѣдныа. Брата же моа, не плачита мене, но плачита себѣ и чад своих. Врачеваниа же в животѣ не трѣбовах, мертвии бо живота не имут видѣти, ни врачеве могуть въскресити». Исходя же с ним в печеру, ископа гробь себѣ и рече сириянину: «Кто наю паче възлюбит гробъ сий?» Сирианин же рече: «Вѣдѣ, яко аще кто хощеть, но ты живи еще, а мене здѣ положи». Блаженый же рече: «Буди тобѣ, яко же хощеши». И тако остригся, пребысть плачася день и нощь не престаа за 3 мѣсяци. Блаженый же утѣшаа его, глаголаше: «Брате Петре, хощеши ли, да поиму тя съ собою?» Он же съ плачем рече к нему: «Хощу, да мене пустиши, и азъ за тя умру, ты же моли за мя». И рече к нему блаженый: «Дръзай, чадо, готовъ буди, въ 3 бо день отъидеши». И тако, причастився божественых и животворящих тайнъ бесмертных, и възлег на одрѣ, и опрятався, и простеръ нозѣ, предасть душю в руцѣ господеви.

Блаженый же князь Святоша по том пребысть лѣт 30, не исходя из манастыря, дондеже преставися въ вѣчный живот. И въ день преставлениа его мало не весь град обрѣтеся.

И се увѣдавъ брат его, приславъ с мольбою къ игумену, глаголя, прося себѣ на благословение креста, иже у парамандии его, и възглавница и кладкы его, на ней же кланяшеся. Игумень же дасть ему, рекъ: «По вѣрѣ твоей буди тобѣ». Сей же, прием, честно имяше, и вдасть игумену 3 гривны злата, да не туне възмет знамение братьне. Сему же Изяславу нѣкогда разболѣвшуся, и уже в нечаании от всѣх бывша, и при смерти суща того видѣвше, присѣдяху ему жена его и дѣти, и вси боляре. Сий же, мало въсклонився, проси воды Печерьскаго кладезя, и тако онемѣ. Пославше же и взяша воды; отерше гробь святаго Феодосиа, дасть же игумен и власеницю Святошину, брата его, да облекуть его в ню. Прежде дажде не вниде носяй

да отдам я жизнь мою за тебя. Если же известил тебя господь о том, моли его, чтобы я умер за тебя. Если оставляешь ты меня, то где сесть мне, чтобы оплакать свою утрату; неужели на этой мусорной куче, или в воротах этих, где ты живешь? Что достанется мне в наследство из твоего богатства? Ты сам почти наг, и когда умрешь, то положат тебя в этих заплатанных рубищах. Подари же мне твою молитву, как в древности Илия Елисею милоть, чтобы проникла она в сердце мое и дошел я до райских мест крова дивного дома божия. Знает и зверь, где скрыться, когда взойдет солнце, и ложится в логовище свое, и птица находит себе дом, и горлица гнездо себе, в котором кладет птенцов своих,— ты же шесть лет живешь в монастыре, и места своего нет у тебя».

Блаженный же сказал ему: «Лучше уповать на господа, нежели надеяться на человека: ведает господь, как пропитать всю тварь и может защищать и спасать бедных. Братья же мои пусть не обо мне плачут, а о себе и о детях своих. В врачевании же я и при жизни не нуждался, а мертвые не оживают, и врачи их воскресить не могут». И пошел он с ним в пещеру, вырыл могилу себе и сказал сириянину: «Кто из нас сильнее возжелает могилу сию?» И сказал сириец: «Пусть будет, как кто хочет, но ты живи еще, а меня здесь положи». Тогда блаженный сказал ему: «Пусть будет, как ты хочешь». И так постригся сириец, и три месяца день и ночь пребывал в постоянном плаче. Блаженный же утешал его, говоря: «Брат Петр! Хочешь ли, я возьму тебя с собою?» Он же со слезами отвечал ему: «Хочу, чтобы ты отпустил меня, и я за тебя умру, ты же молись за меня». И сказал ему блаженный: «Дерзай, чадо, и будь готов: через три дня умрешь». И вот, причастился тот божественных и животворящих, бессмертных тайн, лег на одр свой, оправил одежды свои и, вытянув ноги, предал душу в руки господа.

Блаженный же князь Святоша жил после того тридцать лет, не выходя из монастыря до самого преставления в вечную жизнь. И в день преставления его чуть ли не весь город пришел.

И когда узнал об этом брат Святоши, то прислал с мольбой к игумену, прося себе на благословение крест от парамана Святоши, подушку и кладку его, на которой он преклонял колена. Игумен дал это князю, сказав: «По вере твоей да будет тебе!» Князь же, приняв дар, бережно хранил его и дал игумену три гривны золота, чтобы не безвозмездно взять знамение братнее. Этот Изяслав однажды так разболелся, что все уже отчаялись за него и считали, что он при смерти, и сидели возле умирающего жена его, и дети, и все бояре. Он же, приподнявшись немного, попросил воды из печерского колодца и онемел. Послали и набрали воды; игумен же, взяв власяницу Святошину, отер ею гроб святого Феодосия и велел облечь в нее князя, брата Святоши. И еще прежде чем вошел несший

воду и власяницю, и абие проглагола князь: «Изыдѣте скоро пред град на срѣтение преподобныма Феодосию и Николѣ». Въшедшу же посланному съ водою и съ власяницею, и възопи князь: «Никола, Никола Святоша!» И давше ему пити, и облекоша его въ власяницю, и абие здравъ бысть. И вси прославиша бога и угодникы его. Ту же власяницю взимаше на ся, егда разболяшеся, и тако здравь бываше. Въ всяку рать сию власяницю на собѣ имѣаше, и тако без вреда пребываше. Съгрѣшившю же ему нѣкогда, не смѣ възяти ея на себе, и тако убиень бысть в рати, и заповѣда в той положитися.

Многа же ина исправлениа о том мужи повѣдають. Иже и донынѣ свѣдають ту сущии черноризци о блаженнѣмь князи Святоши.

К Поликарпу. И пакы обрящу к тобѣ слово. Что ты таковое сдѣа? Богатество ли остави? — но не имѣ его. Славу ли? — но не постиже ея, но от убожества въ славу прииде и все благое. Помысли сего князя, его же ни единъ князь в Руси сътвори, волею бо никто же вниде в чернечество. В истинну сей болѣй всѣх князей рускых. Како же сравнаеться твоа укоризна того власяници? Ты бо в наготу позвань еси — и се ризами красными украшаешися, и сих ради обнажень имаши быти и нетлѣнныа одежда и, яко не имѣа брачныа ризы, сирѣчь смирениа, осудишися. Но что пишеть блаженый Иоанъ иже в Лѣствици: «Жидовинъ жадает брашна, да празднуеть по закону». Ты же, сим подобяся, попечение твориши о питии и о ядении, и сим славенъ ся творя. Послушай блаженаго Евагриа: «Мних, аще съгрѣшить, праздника на земли не имать». Не питай тѣла своего, да не супостат ти будет, ни выше мѣры начни высокых: егда не възмогъ, укоризну себѣ приимеши. Буди подражатель святых отецъ, да не будеши лишень божественыа славы тоя. Аще не постигнеши съ совершеными вѣнчань быти, поне съ угодившими похваленъ быти потьщися. Вчера пришелъ еси в чернечьство, и уже обѣщаваеши и преже навыкновениа епископъству хощеши, и законодавець крѣпокь показуешися, и прежде своего покорениа всѣх смирити хощеши, мудръствуеши высокаа, съ гордыми повелѣваа, съпротивно отвѣщаваа. Сиа вся навыкох от усть твоих, яже помышляеши о земных, а не о небесных, о плотьскых, а не о духовных, о похотѣх, а не о въздержании, о богатьствѣ, а не о нищетѣ. Свѣта отступи, а въ тьму далъ ся еси, жизнь отвръгъ и муку себѣ вѣчную уготоваль еси, и приим оружие на врага, и то въ свое сердце вънзиль еси. Въспряни, брате, и разумѣй опасно о своем житии, неподвижну мысль имѣя и умъ от святаго мѣста того.

Но се ти, брате, исповѣм подобно твоему тьщанию о Еразмѣ черноризцѣ.

воду и власяницу, князь вдруг проговорил: «Выходите скорей за город встречать преподобных Феодосия и Николу». Когда же вошел посланный с водой и власяницей, князь воскликнул: «Никола, Никола Святоша!» И дали ему пить, и облекли его во власяницу, и он тотчас выздоровел. И все прославили бога и угодников его. И всякий раз, как Изяслав заболевал, то облачался он в эту власяницу и так выздоравливал. Во всех битвах надевал он эту власяницу на себя и оставался невредим. Однажды же, согрешивши, не посмел надеть ее и был убит в битве; и завещал он в той власянице похоронить себя.

И о многих других деяниях этого святого рассказывают. И доныне еще знают черноризцы печерские о блаженном князе Святоше.

К Поликарпу. И опять к тебе обращу я слово. Свершил ли ты что-нибудь подобное? Богатство ли оставил?— но ты не имел его. Славу ли?— но ты не пользовался ею, а от убожества можно к славе прийти и ко всему доброму. Подумай об этом князе — такого ни один князь на Руси не сделал: по своей воле никто не вступил в иночество. Воистину он выше всех князей русских! Что же значат твои обиды перед его власяницей? Ты вот к нищете призван, а нарядными одеждами украшаешься, и за то лишен будешь нетленной одежды и, как не имеющий брачной ризы, то есть смирения,— осудишься. Вот что пишет блаженный Иоанн в своей Лествице: «Иудей радуется субботе, чтобы по закону отпраздновать ее едой». И ты, подобясь ему, заботишься о питье и о еде, и в том полагаешь свою славу. Послушай блаженного Евагрия: «Монах если согрешит — не имеет праздника на земле». Не насыщай тела своего, чтобы не стало оно твоим супостатом, но и не начинай подвига выше меры: если не осилишь — только укоризну себе примешь. Подражай святым отцам и не лишишься божественной славы. Если не удостоишься быть увенчанным с совершенными, то хотя бы с угодившими богу старайся удостоиться похвалы. Вчера вступив в монашество, ты уже даешь обеты и, не привыкнув к иноческой жизни, хочешь епископства, и законодавцем строгим показываешь себя; сам не выучившись покорности, всех смирить хочешь; мудрствуешь о высоком, с гордынею повелевая и с дерзостью возражая. Все это привык я слышать из уст твоих, потому что помышляешь ты о земном, а не о небесном; о плотском, а не о духовном; о страстях, а не о воздержании; о богатстве, а не о нищете. От света отступил ты и во тьму впал; блаженство отверг и муку вечную себе уготовил, и, вооружившись на врага, то оружие в свое сердце вонзил. Воспрянь, брат, и поразмысли внимательно о своей жизни, чтобы мысль твоя и ум твой были твердо обращены к этому святому месту.

Но вот, брат, расскажу я тебе историю о Еразме-черноризце, которая подобна одному твоему благому деянию.

О ЕРАЗМѢ ЧЕРНОРИЗЦѢ, ИЖЕ ИСТРОШИ ИМѢНИЕ СВОЕ КЪ СВЯТЫМ ИКОНАМЪ И ТѢХ РАДИ СПАСЕНИЕ ОБРѢТЕ. СЛОВО 21

Бысть черноризець именем Еразм в том же Печерьском манастыри, имѣа богатство много, и все, еже имѣа, на церковную потребу истроши, и иконы многы окова, иже и донынѣ суть у вас над олтарем. И сий обнища велми, и небрегом бысть никым же, в нечаание себе въвръгъ, яко не имѣти ему мьзды истрошеннаго ради ему богатьства, еже въ церковь, яко не въ милостыню сътвори. Сиа диаволу ему вложившю въ сердце, нача нерадением жити, въ всякомъ небрежении и бещинно дьни своа проводи.

Разболѣвся зѣло и наконець пребысть нѣмъ и не зря 8 дьни, и мало дыхание въ персѣх имый. Въ 8 же день приидоша к нему вся братиа, и видяще страшное издыхание, чюдящеся глаголаху: «Горе, горе души брата сего! Яко въ лѣности и въ всякомь грѣсѣ пожит, и нынѣ нѣчто видить и мятеться, не могый изыити».

Сей же Еразмъ, яко же николи же болѣвь, воставь, и сѣдѣ, и рече имъ: «Братие и отци, послушайте, въ истинну тако есть. Яко же вси вы вѣсте, ако грѣшникь есмь и не покаахся и донынѣ. И се днесь явиста ми ся святаа Антоние и Феодосие, глаголюще ми: «Молиховѣся къ богу, и дарова тобѣ господь врѣмя покаанию». И се видѣх святую богородицю, имущу на руку сына своего, Христа бога нашего, и вси святии с нею. И глагола ми: «Еразме! понеже ты украси церковь мою и иконами възвеличи, и азъ тя прославлю въ царствии сына моего, убогыя бо всегда имате съ собою. Но вьставъ и покайся, и прийми великый аггельскый образъ, и въ 3 день поиму тя чиста къ себѣ, възлюблешего благолѣпие дому моего».

И сиа рекъ братии, нача исповѣдати грѣхы своа, елико сътвори, пред всѣми нестыдно, радуася о господѣ, и пострыженъ бысть въ схиму, и 3 день къ господу отъиде въ добрѣ исповѣдании. Се слышах от тѣх и свидѣтель святых и самовидець, блаженых старець.

К Поликарпу. Да се вѣдый, брате, не мни: «Въсуе истрошив еже имѣ», яко все пред богомъ изочтено есть и до мѣдници. Чай от бога милости труда ради твоего. Двои двери доспѣль еси тои святѣй велицѣй церкви святыа Богородица Печерьскыя, и та отверзеть ти двери милости своея, ибо иереи въпиють о таковых всегда в той церкви: «Господи, освяти любящаа благолѣпие дому твоего и тыя прослави божественною силою твоею». Помяни же и оного патрикиа, иже кресть повелѣ сковати от злата чиста. Ему же възревьнова юноша, и мало

О ЕРАЗМЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ РАСТРАТИЛ ИМЕНИЕ СВОЕ НА СВЯТЫЕ ИКОНЫ И ЗА НИХ СПАСЕНЬЕ ПОЛУЧИЛ. СЛОВО 21

Был в том же монастыре Печерском черноризец, по имени Еразм; он был очень богат, и все, что имел, на церковную утварь истратил и оковал много икон, которые и доныне стоят у вас над алтарем. И дошел он до последней нищеты, и все стали пренебрегать им, и стал он отчаиваться, что не получит награды за истраченное богатство, потому что в церковь, а не на милостыню роздал его. И так как дьявол вложил это ему в сердце, перестал он радеть о житии своем, во всяком небрежении и бесчинстве проводил дни свои.

Разболелся он сильно, вконец онемел и ослеп и лежал так восемь дней едва дыша. На восьмой же день пришла к нему вся братия, и, видя страшное его мучение, удивлялись и говорили: «Горе, горе душе брата сего! В лености и во всяком грехе пребывала она и теперь видит что-то, мятется и не может выйти».

Еразм же этот встал, будто никогда и болен не был, сел и рассказал им: «Братия и отцы, послушайте, истинно все так. Как вы все сами знаете, грешен я и доныне не покаялся. И вот сегодня явились мне святые, Антоний и Феодосий, и сказали мне: «Мы молились богу, и даровал тебе господь время покаяться». И вот увидал я святую богородицу, держащую на руках сына своего, Христа, бога нашего, и все святые были с ней. И сказала она мне: «Еразм! За то, что ты украсил церковь мою и иконами возвеличил ее, и я тебя прославлю в царствии сына моего, убогие же всегда рядом с вами. Только, вставши от болезни, покайся и прими великий ангельский образ: в третий день я возьму тебя, чистого, к себе, возлюбившего благолепие дома моего».

И, сказав это братии, Еразм начал перед всеми исповедоваться в грехах своих, не стыдясь, а радуясь о господе, и пострижен был в схиму, и в третий день отошел к господу в добром исповедании. Об этом слышал я от святых и блаженных старцев, бывших тому свидетелями и очевидцами.

К Поликарпу. Ведая это, брат, не думай: «Напрасно истратил, что имел», так как перед богом сочтено все, до последнего медяка. Надейся же на милость божию за труд свой. Твоими стараниями сооружено двое дверей в той святой, великой Печерской церкви святой Богородицы, и та отворит тебе двери милости своей, ибо иереи за таких всегда молятся в той церкви: «Господи, освяти любящих благолепие дома твоего и прославь их божественною твоею силою!» Вспомни также и того вельможу, который велел сковать крест из чистого золота. Один юноша, возревновав ему, приложил немного

своего злата приложивь, наслѣдникь бысть всему имѣнию его. Ты же, аще изнуриши сущее на славу божию и пречистой его матере, не погубиши мьзды своея, но рци съ Давидом: «Приложу на всяку похвалу твою», да к тобѣ речеть господь: «Прославляющаа мя прославлю». Понеже сам ми рекъ: «Уне ми, еже имѣю, то все на церковную потребу истрошу, да не напрасно ратию или татьми или огнем взято будет». Азъ же похвалих доброе произволенне твое. «Обѣщайтеся бо ся,— рече — и въздадите». Уне бо есть не обѣщатися, нежели обѣщавшуся, не въздати.

Аще ли что такому улучиться когда ли ратию, ли татьми окрадену быти, никако же похули, ни смутися, но благохвали бога о семъ, съ Иевомь рьци: «Господь дасть, господь взять».

И еще ти к сему исповѣмь о Арефѣ чрънориздѣ.

О АРЕФѢ ЧЕРНОРИЗЦѢ, ЕМУ ЖЕ ТАТЬМИ УКРАДЕННОЕ ИМѢНИЕ ВЪ МИЛОСТИНЮ ВЪМѢНИСЯ, И СЕГО РАДИ СПАСЕСЯ. СЛОВО 22

Бысть убо черноризець в том же Печерьскомъ манастыри именем Арефа, родом полочанинъ. Много богатъство нмѣ в келии своей и никогда же подаде ни единое цяты убогому, ниже хлѣба, и тольма бѣ скупь и немилосердъ, яко и самому гладом умирати.

Въ едину же нощь пришедше татие и покрадоша все имѣние его. Сий же Арефа от многыа скръби, яже от злата, хотя сам ся погубити, и тяжесть велику възложи на неповинныа и многы мучивъ бес правды. Мы же вси молихомься ему престати от възыскания, он же никако же послушаше. Старци же блаженнии тии, утѣшающе его, глаголаху: «Брате, възверзи на господа печаль свою, и тъй тя препитаеть». Сий же жестокыми словесы всѣм досаждаше.

По малѣх же днех впаде в недугъ лют, и уже при концы бывъ, и ни тако преста от роптаниа и хулы. Но иже всѣх господь, хотяй всѣх спасти, и показа ему аггельское пришествие и бѣсовьский полкъ, и начат звати: «Господи, помилуй! Господи, съгрѣших,— твое есть, не жалю си». Устрабив же ся от болѣзни, сказаше нам явление. «Егда,— рече,— приидоша аггели, внидоша же и бѣси, и начаша стязатися о украденномь богатьствѣ, и *глаголаша бѣси*: «Яко не похвали, но похули, и се нашь есть и намъ преданъ бысть». Аггелом же глаголющим къ мнѣ: «О окаанный человѣче, аще бы еси благодарил бога о сем, и се бы ти вънѣнилося, яко же Иеву. Аще бо кто милостиню творит — велие пред богом есть, но своею волею сътвори; а взятое насилием аще благодарить бога, болий милостини есть: хотѣль убо диаволъ

и своего золота, и за то сделался наследником всего имения его. И ты, если истратишь добро свое на славу бога и пречистой его матери, не лишишься награды своей, но говори с Давидом: «Буду умножать всякую хвалу тебе»,— и скажет тебе господь: «Прославляющих меня прославлю». Ты сам мне говорил: «Лучше мне все, что имею, на церковные нужды истратить, чтобы не пропало понапрасну от рати, от воров или от огня». И я похвалил доброе желание твое. Сказано: «Если обещали — исполняйте». Лучше не давать обещания, чем, обещавшись, не исполнить.

Если же случится, что пропадет что-нибудь от рати или ворами украдено будет, отнюдь не хули и не смущайся, но хвали бога за это и с Иовом говори: «Господь дал, господь и взял». И еще расскажу я тебе об Арефе-черноризце.

ОБ АРЕФЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КАК УКРАДЕННОЕ У НЕГО ВОРАМИ БОГАТСТВО В МИЛОСТЫНЮ ЕМУ ВМЕНИЛОСЬ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ ОН ПОЛУЧИЛ СПАСЕНЬЕ. СЛОВО 22

Был черноризец в том же Печерском монастыре, именем Арефа, родом полочанин. Много богатства имел он в келии своей, и никогда ни одной цаты, ни даже хлеба не подал убогому, и так был скуп и немилосерд, что и сам почти от голода умирал.

И вот однажды ночью пришли воры и украли все богатство его. Арефа же этот так сильно жалел о потере золота, что хотел сам себя погубить, тяжкие обвинения возвел на неповинных и многих ни за что мучил. Мы все молили его прекратить розыск, но он и слушать не хотел. Блаженные же старцы, утешая его, говорили: «Брат! Возложи на господа печаль свою, и он поддержит тебя». Он же досаждал всем жестокими словами.

Через несколько дней впал он в недуг лютый и уже при смерти был, но и тут не унялся от роптания и хулы. Но господь, который всех хочет спасти, показал ему пришествие ангелов и полки бесов, и начал он взывать: «Господи, помилуй! Господи, согрешил я, все твое, и я не жалуюсь». Избавившись же от болезни, рассказал он нам, какое было ему явление. «Когда,— говорил он,— пришли ангелы, то пришли также и бесы, и начали они спорить об украденном богатстве моем, и сказали бесы: «Так как не обрадовался он, но возроптал, то теперь он наш и нам предан». Ангелы же говорили мне: «О окаянный человек! Если бы ты благодарил бога о своей потере, то вменилось бы тебе это, как Иову. Если кто милостыню творит,— великое это дело пред богом, но творят по своей воле; если же кто за взятое насилием благодарит бога, то это больше милостыни: дьявол, делая это, хочет довести

в хулу въврѣщи человѣка, се сътворивъ, той же богови все предасть, и сего ради паче милостини есть съ благодарением». Сиа аггелом рекшим къ мнѣ, и азь възопих: «Господи, помилуй! Господи, прости! Господи, съгрѣщих! Господи, твое есть, не жалю си». И ту абие бѣси ищезоша, и аггели възрадовашеся, и вписавше ми въ милостиню погыбшее сребро».

Мы же, сиа слышавше, прославихомъ бога, извѣстившаго намъ си. Рассудивше блажении тии старци, и рѣша: «Въ истинну достойно и праведно при всем благодарити бога». Мы же того по вся дни видяще славяща и хваляще бога, и удивихомся премѣнению того ума же и нрава: иже прежде никто же можаше его отвратити от хулы, нынѣ же присно Иевовъ глас зоветь: «Господь даст, господь възять; яко господеви годѣ, тако и бысть. Буди имя господне благословено въ вѣкы». И аще не бы видѣлъ аггелскаго явлѣниа и слышал тѣх словесь, никако же бы престаль ропъща, и мы вѣровахом истиннѣй быти вещи. И аще бы се было мало, не бы онъ старець, иже в Патерицѣ молилъся богови, да приидут на нь разбойници и вся его възмут: услышан же бывъ, и вся сущаа в руцѣ их предасть.

Къ Поликарпу. И се уже, брате, всяцѣми наказании наказах тя. Проси у господа бога, да ту жизнь свою скончаеши в покаании и послушании игумена своего Акиньдина. Сиа 3 вещи болѣи всѣх добродѣтелий суть, яко же Афанасие Затворникъ свѣдителъствова.

И се ти еще ино дивно чюдо скажю, еже сам видѣх. Сице убо сътворися в том же святѣмь манастыри Печерьском.

О ДВОЮ БРАГУ, О ТИТѢ ПОПѢ И ЕВАГРИИ ДИАКОНѢ, ИМѢВШИМ ВРАЖДУ МѢЖДУ СОБОЮ. СЛОВО 23

Два брата бѣста по духу: Евагрий диаконъ Тить же поп. Имяста любовъ велику и нелицемѣрну между собою, яко всѣм дивитися единоумию их и безмѣрней любви. Ненавидяй же добра диаволъ, иже всегда рыкаеть, яко левъ, ища кого поглотити, и сътвори има вражду, и тако ненависть вложи има, яко и в лице не хотяху видѣти другъ друга. Многажды же братиа моливше ею, еже смиритися има межи собою, они же ни слышати хотяху.

Егда же стояше Евагрий въ церкви, идущу Титови с кадилницею, отбегаше Евагрий фимиана; егда же ли не бѣжаше, то преминоваше его Титъ, не покадивъ. И пребыста много врѣмя въ мрацѣ грѣховнѣм. Титъ убо служаше, прощениа не възма, Евагрий же комкаше гнѣваася. На се врагу въоруживше их.

до хулы человека, а он все с благодарением предает господу,— так вот это более милостыни». И вот, когда ангелы сказали мне это, я воскликнул: «Господи, помилуй, господи, прости! Господи, согрешил я! Господи, все твое, а я не жалуюсь». И тотчас бесы исчезли, и ангелы, возрадовавшись, вписали мне в милостыню пропавшее серебро».

Мы же, услышав это, прославили бога, давшего нам знать о сем. Блаженные же те старцы, рассудивши происшедшее, сказали: «Воистину достойно и праведно за все благодарить бога». Мы же, видевши, что Арефа во все дни славил и хвалил бога, удивлялись изменению его ума и нрава: тот, кого прежде никто не мог отговорить от хулы, ныне же все время с Иовом взывает: «Господь дал, господь и взял; как господу угодно, так и будет. Будь благословенно имя господне вовеки!» Если бы не видел он явления ангелов и не слышал их речей, никак не перестал бы он роптать, и мы веровали, что истинно было так. И если бы было не так, то не было бы и старца, о котором сказано в Патерике, что он молился богу, чтоб пришли к нему разбойники и взяли бы у него все, и услышал его бог, и отдал старец разбойникам все, что у него было.

К Поликарпу. И вот уже, брат, всевозможные наставления дал я тебе. Проси у господа бога, чтобы в этом монастыре жизнь свою окончить, в покаянии и в послушании игумену своему Акиндину. Эти три вещи больше всех добродетелей, как свидетельствовал Афанасий-затворник.

И еще расскажу тебе об ином дивном чуде, которое я сам видел. Вот что случилось в том же святом монастыре Печерском.

О ДВУХ БРАТЬЯХ, О ТИТЕ-ПОПЕ И О ЕВАГРИИ-ДИАКОНЕ, ВРАЖДОВАВШИХ МЕЖДУ СОБОЙ. СЛОВО 23

Были два брата по духу, Евагрий-диакон и Тит-поп. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились единодушию их и безмерной любви. Ненавидящий же добро дьявол, который всегда рыкает, как лев, ища кого поглотить, посеял между ними вражду, и такую ненависть вложил он в них, что они и в лицо не хотели видеть друг друга. Много раз братья молили их примириться между собой, но они и слышать не хотели.

Когда Евагрий стоял в церкви, а Тит в это время шел с кадилом, то Евагрий отбегал от фимиама; если же Евагрий не отбегал, Тит проходил мимо него, не покадив. И так пробыли они много времени в мраке греховном. Приступали к святым тайнам,— Тит, не прося прощения, а Евагрий,— гневаясь. До того вооружил их враг.

Нѣкогда же сему Титови разболѣвшуся вельми и уже в нечаании лежащу, нача плакатися своего лишениа, и посла съ умилениемь къ диакону, глаголя: «Прости мя, брате, бога ради, яко гнѣвахся на тя». Сей же жестокыми словесы проклинаше его. Старци же тии, видѣвше Тита умирающа, влечааху Евагриа нуждею, да проститься съ братом. Больный же, видѣв брата, мало въсклонься, паде иниць пред ногама его, съ слезами глаголя: «Прости мя, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отвръжеся пред всѣми нами, глаголя: «Николи же хощу с ним прощениа имѣти, ни в сий вѣкъ, ни въ будущий», исторгъся от руку старець тѣх, а абие падеся. И хотѣвшимь намъ въставити его, и обрѣтохомь его умрьща, и не могохом ему на рукы протягнути, ни устъ свести, яко давно уже умерша. Болный же скоро въставъ, и яко николи же болѣвъ.

Мы же ужасохомся о напрасной смерти его и о скорѣм исцѣлѣнии сего, и много плакавше, погребохом Евагриа, отверьсты имый уста и очи, и руцѣ растяженѣ.

Въпросихом же Тита: «Что се сътворися?» Титъ же сказаше нам, глаголя: «Видѣх,— рече,— аггелы отступлъше от мене и плачющася о души моей, бѣси же радующеся о гнѣвѣ моем, и тогда начах молити брата, да простит мя. Егда же его приведосте къ мнѣ, и видѣх аггела немилостива, держаще пламенное копие, и егда же не прости мене, удари его, и падеся мертвъ, мнѣ же подасть руку и въстави мя». Мы же, сиа слышавше, убояхомься бога рекшаго: «Оставите — и оставяться вам». Рече бо господь: «Всякъ, гнѣваайся на брата своего без ума, повинень есть суду». Ефрѣм же: «Аще кому случиться въ враждѣ умрѣти, неизмолим суд обрящют таковии».

Аще ли же сий святых ради Антониа и Феодосиа отрады не прииметь, лютѣ человѣку тому, сицевою страстию побѣжену быти.

Къ Поликарпу. От нея же и ты, брате, блюдися, не дай же мѣста гнѣвливому бѣсу, ему же бо кто повинеться, тому и поработиться, но скоро падь поклонися враждующему на тя, да не предань будеши аггелу немилостивому, да и тебе съхранить господъ от всякого гнѣва. Тъй бо рече: «Да не зайдет солнце въ гнѣвѣ вашем». Тому слава съ отцем и съ святым духом нынѣ и присно.

ВТОРАГО ПОСЛАНИА, ЕЖЕ КЪ АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРЬСКОМУ АКИНДИНУ, О СВЯТЫХ И БЛАЖЕНЫХ ЧЕРНОРИЗЦѢХ ПЕЧЕРЬСКЫХ, БРАТИИ НАШЕЙ, СПИСАНО ПОЛИКАРПОМ, ЧЕРНОРИЗЦЕМ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРЬСКАГО МАНАСТЫРЯ. СЛОВО 24

Господу поспѣшествующу и слову утверждающу, къ твоему благоумию, пречестный архимандрите всея Руси, отче и господине мой Акиндине. Подай же ми благоприатнаа твоа

Однажды этот Тит сильно разболелся и, лежа уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении, и послал со смирением к диакону, говоря: «Прости меня, брат, ради бога, что я гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы же те, видя, что Тит умирает, привели Евагрия насильно, чтобы помирился он с братом. Больной же, увидев брата, приподнялся немного, пав ниц ему в ноги, говоря со слезами: «Прости меня, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми нами, сказав: «Никогда не хочу примириться с ним, ни в этой жизни, ни в будущей», и, произнеся это, вырвался из рук старцев и вдруг упал. Хотели мы поднять его, но увидали, что он уже мертв, и не могли мы ему ни рук расправить, ни рта закрыть, как будто он уже давно умер. Больной же вскоре встал, как будто никогда и болен не был.

И ужаснулись мы внезапной смерти одного и скорому исцелению другого, и со многим плачем погребли мы Евагрия, рот и глаза у него так и остались открыты, а руки растянуты.

Тогда спросили мы Тита: «Что случилось?» Тит же рассказал нам так: «Видел я,— говорил он,— ангелов, отступивших от меня и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся гневу моему, и тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел ангела немилостивого, держащего пламенное копье, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвым, мне же он подал руку и поднял меня». Мы же, услышавши это, убоялись бога, сказавшего: «Прощайте — и прощены будете». Ведь сказал господь: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». Ефрем же говорит: «Если кому случится во вражде умереть, то неумолимый суд ждет таких».

И если этот Евагрий, ради святых Антония и Феодосия, прощения не получит — горе лютое ему, побежденному такою страстью!

К Поликарпу. Берегись ее и ты, брат, и не дай места бесу гнева: кто подчинится ему, тот и порабощен им. Но скорее пойди и поклонись вражду имеющему на тебя, да не будешь предан ангелу немилостивому, пусть и тебя господь сохранит от всякого гнева. Он ведь сказал: «Да не зайдет солнце во гневе вашем». Слава ему с отцом и со святым духом ныне и присно!

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРСКОМУ АКИНДИНУ О СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ, БРАТИИ НАШЕЙ. НАПИСАНО ПОЛИКАРПОМ, ЧЕРНОРИЗЦЕМ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ. СЛОВО 24

С помощью господа, утверждающего слово, к твоему благоумию обращу его, пречестный архимандрит всея Руси, отец и господин мой, Акиндин. Приклони же ко мне благосклонный твой

слуха, да в ня възглаголю дивных и блаженых мужь житиа, дѣаниа и знамениа, бывших въ святѣм семь манастыри Печерьском, еже слышах о них от епископа Симона Владимерьскаго и Суждальскаго, брата твоего, черноризца бывшаго того же Печерьскаго манастыря, иже сказа мнѣ грѣшному о святѣм и велицѣм Антонии, бывшаго началника руским мнихом, и о святѣм Феодосии, и иже по них святых и преподобных отець житиа и подвигы, сконьчавшихся в дому пречистыа божиа матере. Да слышит твое благоразумие моего младоумиа и несвершенна смысла.

Въспросиль мя еси нѣкогда, веля ми сказати о тѣх черноризець сдѣаннаа; съвѣдый мою грубость и *неизящное* нрава, иже всегда съ страхом въ всякой повѣсти бѣсѣдую пред тобою,— то како могу ясно изрещи сотвореннаа ими знамениа и чюдеса преславнаа? И мало нѣчто сказах ти от тѣх преславных чюдес, а множайшаа забых от страха, стыдяся твоего благочестиа, неразумно исповѣдах. Понудихся писанием извѣстити тобѣ, еже о святѣй блаженнѣй братии нашей, да и сущии по нас черноризци увѣдят благодать божию, бывшую въ святѣмъ сем мѣсти и прославят отца небеснаго, показавшаго таковыа свѣтилникы в Руской земли, в Печерьском святѣм манастыри.

О НИКИТЕ ЗАТВОРНИЦЕ, ИЖЕ ПО СЕМ БЫСТЬ ЕПИСКОПЪ НОВУГРАДУ. СЛОВО 25

Бысть въ дни преподобнаго игумена Никона брать єдинь, Никита именем. Сей, желаа славим быти от человѣкъ, дѣло велие не бога ради замысливъ, нача просити игумена, да в затворъ внидет. Игумен же възьбраняше ему, глаголя: «О чадо, нѣсть ти пользы праздну сѣдѣти, понеже юнъ еси; уне ти есть, да пребудеши посрѣдѣ братиа и работаа тѣмь, не погрѣшиши мьзды своея. Самь видѣль еси брата нашего, святаго Исакиа Печерника, како прелщень бысть от бѣсовъ. Аще не бы велиа благодать божиа спасла его и молитвъ ради преподобных отець Антониа и Феодосиа, иже и донынѣ чюдеса многа творят». Никита же глаголаше: «Никако же прелщуся таковою вещию. Прошу же у господа бога, да и мнѣ подасть чюдотвореніа даръ». Отвѣщав же Никонъ рече: «Выше силы прошение твое; блюди, брате, да не вознесъся, ниспадешися. Велит ти наше смирение служити на святую братию, ихъ же ради вѣнчанъ имаши быти за послушание твое». Никита же никако же внят глаголемым от игумена, но еже, въсхотѣ, то и сътвори, заздавь о себѣ двери и пребысть не исходя.

Не по мнозѣх же днех прельщенъ бысть от диавола. Въ врѣмя бо пѣниа своего слышаше глас молящься с ним и обоняше

слух, и я стану говорить тебе о жизни, деяниях и знамениях дивных и блаженных мужей, живших в этом святом монастыре Печерском, как слышал я о них от брата твоего Симона, епископа Владимирского и Суздальского, бывшего раньше черноризцем того же Печерского монастыря; он рассказывал мне, грешному, о святом и великом Антонии, положившем начало русским монахам, и святом Феодосии, и о житии и подвигах, бывших после них, святых и преподобных отцов, почивших в дому пречистой божией матери. Да послушает твое благоразумие моего младоумия и несовершенного разума.

Вопросил ты меня некогда, велев рассказать о деяниях тех черноризцев; но ты знаешь мою простоту и невежество: ибо всегда со страхом, о чем бы ни шла речь, говорю с тобою, поэтому как же могу я внятно рассказать тебе о сотворенных ими знамениях и преславных чудесах? Кое-что из тех преславных чудес я поведал тебе, но гораздо больше забыл от страха и, стыдясь твоего благочестия, рассказывал невразумительно. И понудил я себя писанием изложить тебе о святой и блаженной братии нашей, чтобы и будущие после нас черноризцы узнали о благодати божьей, бывшей в святом этом месте, и прославили отца небесного, показавшего таких светильников в Русской земле, в Печерском святом монастыре.

О НИКИТЕ-ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ ПОТОМ БЫЛ ЕПИСКОПОМ НОВГОРОДА. СЛОВО 25

Был во дни преподобного игумена Никона брат один, Никита именем. Этот инок, желая, чтобы славили его люди, дело великое не бога ради замыслив, начал проситься у игумена войти в затвор. Игумен же не разрешил ему, говоря: «О чадо! нет тебе пользы праздно сидеть, потому что ты еще молод, лучше тебе оставаться среди братии, и, работая на них, ты не лишишься награды своей. Сам ты видел брата нашего, святого Исаакия Пещерника, как прельщен он был от бесов. Только и спасла его великая благодать божия и молитвы преподобных отцов, Антония и Феодосия, которые и доныне чудеса многие творят». Никита же сказал: «Никогда не прельщусь я, как он. Прошу же у господа бога, чтобы и мне подал он дар чудотворения». Никон в ответ ему сказал: «Выше силы прошение твое; берегись, брат; вознесешься и упадешь. Велит тебе наше смирение служить святой братии, ради них и будешь увенчан за послушание твое». Никита же никак не хотел внять словам игумена, но, как захотел, так и сделал: заложил за собой двери и неисходно пребывал в келье.

Прошло несколько дней, и прельстил его дьявол. Во время пения своего услышал Никита голос молящегося с ним, и почуял

благоухание неизреченно, и сим прельстися, глаголя в себѣ: «Аще не бы сей аггель былъ, не бы молился съ мною, ни духа святаго обоняние бы было». И нача прилѣжно молитися, глаголя: «Господи, яви ми ся сам разумно, да вижю тя». Тогда глас бысть к нему: «Не явлюся тобѣ, зане юнъ, еси да не вънесъся, ниспадеши». Затворкникъ же съ слезами рече: «Никако же, господи, прельщюся, наученъ бо бых от игумена моего не внимати прельсти диаволи, тобою же вся велимаа ми сътворю». И тогда душепагубный змий приим область над ним и рече: «Не възможно человѣку, въ плоти сущу, видѣти мене, и се посылаю аггелъ мой, да пребудет съ тобою, и ты буди волю его творя». И абие ста пред ним бѣсь въ образѣ аггела. Пад убо мних, поклонися ему, аки аггелу. И глагола ему бѣсь: «Ты убо не молися, но буди почитаа книгы, и сими обрящешися съ богом бѣсѣдуя, да от них подаси слово полезно приходящим к тобѣ. Аз же присно буду моля о спасении твоемъ творца своего». Прельстив же ся, мних никако же помолися, но прилежаше чтению и поучению, бѣса же видяше беспрестани молящеся о нем, и радовашеся яко аггелу, творящу молитву за нь. Бѣсѣдоваше же о пользѣ души приходящим к нему, и нача пророчествовати, и бысть о нем слава велика, яко всѣм дивитися събытию словесъ его.

Посылаеть же Никита къ князю Изяславу, глаголя, яко: «Днесь убиенъ бысть Глѣбъ Святославичь въ Заволочии, скоро посли сына своего Святополъка на столъ Новуграду». И яко же рече, тако и бысть: по малѣх же днех увѣдана бысть смерть Глѣбова. И от сего прослу затворникь, яко пророкъ есть; велми послушаху его князи и боляре.

Бѣсь убо приходящаго быти не вѣсть, но еже самъ сдѣя и научи злыа человѣкы, или убити, ли украсти, сиа възвѣщаеть; Егда бо прихождаху къ затворнику словеси утѣшениа слышати от него, бѣсъ же, мнимый аггелъ, повѣдаше ему вся случившаася имъ, тъй же пророчествоваше — и биваше.

Не можаше же никто же истязатися с ним книгами Ветъхаго закона, весь бо изоустъ умѣаше: Бытие, и Исход, Левгыты, Числа, Судии, Царства и вся Пророчьства по чину, и вся книгы жидовъскыа свѣдаше добрѣ. Еуаггелиа же и Апостола, яже въ благодати преданныа нам святыа книгы на утвръжение наше и на исправлениа, сих николи же въсхотѣ видѣти, ни слышати, ни почитати, ни иному дасть бесѣдовати к себѣ. И бысть разумно всѣмъ от сего, яко прельщень есть от врага.

И сего не тръпяще преподобнии тии отци: Никонъ игумень, Иоанъ, иже по нем бысть игумен, Пиминъ Постникъ, Исаиа, иже бысть епископъ граду Ростову, Матфѣй Прозорливець,

благоухание неизреченное, и, прельстившись этим, говорил сам себе: «Если бы это был не ангел, то не молился бы со мною и не было бы здесь благоухания духа святого». И стал он прилежно молиться, говоря: «Господи, явись мне сам воочию, чтобы я мог видеть тебя». Тогда был голос к нему: «Не явлюсь тебе, ибо ты еще юн и, вознесшись, падешь». Затворник же со слезами ответил: «Нет, господи, не прельщусь я, ведь игумен мой научил меня не внимать обольщениям дьявола, все же, что ты повелишь мне, я исполню». И тогда душепагубный змей, приняв власть над ним, сказал: «Невозможно человеку видеть меня и остаться в живых, поэтому посылаю я ангела моего: он пребудет с тобой, и ты станешь исполнять волю его». И тотчас стал перед ним бес в образе ангела. Пав ниц, поклонился ему инок, как ангелу. И сказал ему бес: «Ты не молись, а только читай книги, и таким путем будешь беседовать с богом, и из книг станешь подавать полезное слово приходящим к тебе. Я же постоянно буду молить о спасении твоем творца своего». Прельстившись, монах перестал молиться, а прилежно занимался чтением и книжной премудростью; видя же беса, постоянно молящегося о нем, радовался ему, как ангелу, творящему молитву за него. С приходившими же к нему Никита беседовал о пользе души и начал пророчествовать; и пошла о нем слава великая, и дивились все, что сбываются предсказания его.

Послал однажды Никита к князю Изяславу, говоря: «Ныне убит Глеб Святославич в Заволочье, скорее пошли сына своего Святополка на княжеский стол в Новгород». Как он сказал, так и было: через несколько дней пришла весть о смерти Глеба. И с тех пор прослыл затворник пророком, и охотно слушались его князья и бояре.

Но бес будущего не знал, а то, что сам делал или на что подбивал злых людей,— убить ли, украсть ли,— то и возвещал. Когда приходили к затворнику, чтобы услышать от него слово утешения,— бес, мнимый ангел, рассказывал, что случилось его деяниями, а Никита об этом пророчествовал,— поэтому сбывалось.

Не мог никто также померяться с ним в знании книг Ветхого завета, он его весь наизусть знал: Бытие, Исход, Левит, Числа, Книгу Судей, Книгу Царств и все Пророчества по порядку, и все книги иудейские знал хорошо. Евангелия же и Апостола, этих святых книг, господом в благодати переданных нам на наше утверждение и исправление, он не хотел ни видеть, ни слышать, ни читать и другим не разрешал беседовать с собою о них. И из этого все поняли, что прельщен он врагом.

Не могли стерпеть этого преподобные те отцы: Никон-игумен, Иоанн, который после него был игуменом, Пимен Постник, Исайя, что был епископом в Ростове, Матфей Прозорливец,

Исакый святый Печерникь, Агапитъ Лечець, Григорий Чюдотворець, Никола, иже бысть епископъ Тмутороканю, Нестеръ, иже написа Лѣтописець, Григорий, творець каноном, Феоктистъ, иже бысть епископъ Черниговскый, Онисифоръ Прозорливець. Сии вси богоносци приидоша къ прелщенному и помольшеся богови, отгнаша бѣса от него, и к тому не видѣ его. Изведоша же его вонъ и въпрошаху его о Ветъсѣмь законѣ, хотяще слышати от него что. Сий же кленяшеся, яко николи же читавъ книгъ: иже прежде умѣаше изоустъ жидовскыа книгы, нынѣ же ни единого слова не свѣсть, и спроста рещи, ни единого слова знаяше. Сии же преблажении отци едва научиша его грамотѣ.

И оттуду дасть себе на въздръжание и послушание и чистое и смиренное житие, яко превъзыти ему всѣх добродѣтелию; его же послѣде поставиша епископом Новуграду за премногую его добродѣтель. Иже и многа чюдеса сътворивъ: нѣкогда бо бездождию бывшу, и помолився богу, дождь с небеси сведе, и пожарь граду угаси. И нынѣ съ святыми чтуть его, святаго и блаженаго Никыту.

О ЛАВРЕНТИИ ЗАТВОРНИЦѢ. СЛОВО 26

По семъ инъ нѣкто брат, именем Лавреньтий, сей въсхотѣ въ затворъ внити. Сему же святии отци отинудь не повелѣша сего сътворити. Сий же Лаврентий шед къ святому Дмитрию въ Изяславль манастырь и затвори себе. И крѣпкаго ради его житиа дарова ему господь благодать исцѣлѣнием.

И к сему приведенъ бысть нѣкый человѣкъ от Киева бѣснуяся, его же не възможе затворникъ изгнати, бѣ бо бѣсъ лютъ зѣло: яко дрѣво, неудобь носимо десятию мужь, он же единь земь заверзаше. Пребывшю же ему много врѣмя неисцѣлѣвшу, и повелѣ затворникъ вести его в Печерьскый манастырь. Тогда бѣсный нача въпити: «Х кому посылаеши мя? Азъ бо не сьмѣю приближитися къ печерѣ, святых ради положеных в ней, в манастыри же триидесятих единѣх боюся, съ прочими же борюся». Влекущии же его вѣдяху, яко николи же былъ в Печерьском манастыри и никого же знаеть въ нем, въпросиша его: «Которыи суть, их же ты боишися?» Бѣсный же нарече их всѣх по имени: «Сии 30, рече, словом единым ижденуть мя». Бѣ бо тогда всѣх черноризець в печерѣ 100 и 80.

И глаголаша бѣсному: «Мы хощемь в печерѣ затворити тя». Бѣсный же рече: «Каа полза мнѣ съ мертвыми братися? Тии бо нынѣ большее дрързновение имуть къ богу о своих черноризцех молитися и о приходящих к ним. Но аще хощете брань мою видѣти, ведѣте мя въ манастырь». И нача

Исакий святой Пещерник, Агапит Целитель, Григорий Чудотворец, Никола, бывший после епископом Тмуторокани, Нестор, который написал Летопись, Григорий, творец канонов, Феоктист, бывший после епископом Черниговским, Онисифор Прозорливец. И все эти богоносцы пришли к прельщенному и, помолившись богу, отогнали беса от него, и после того он не видал его более. Потом вывели его из пещеры и спрашивали о Ветхом завете, чтобы услышать от него что-нибудь. Никита же клялся, что никогда не читал книг, и тот, кто прежде наизусть знал иудейские книги, теперь не ведал ни одного слова из них, да, попросту сказать, вообще ни одного письменного слова не знал, те блаженные отцы едва его научили грамоте.

После этого предался Никита воздержанию, и послушанию, и чистому и смиренному житию, так что всех превзошел в добродетели; и впоследствии был поставлен епископом Новгорода за премногую его добродетель. И много чудес сотворил он: однажды во время бездождия, помолившись богу, дождь с неба свел, потом пожар в городе загасил. И ныне со святыми чтут его, святого и блаженного Никиту.

О ЛАВРЕНТИИ-ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 26

Потом и другой брат, именем Лаврентий, захотел также в затвор войти. Святые те отцы никак не позволяли ему делать этого. Тогда Лаврентий ушел к святому Димитрию, в монастырь Изяславов, и затворился там. И за твердое житие его даровал ему господь благодать исцеления.

Однажды привели к нему одного бесноватого из Киева, и не мог затворник изгнать из него беса,— очень лют был: бревно, которое десять человек снести не могли, он один, подняв, забрасывал. После того, как он оставался долгое время неисцеленным, велел затворник вести его в Печерский монастырь. Тогда бесноватый начал вопить: «К кому посылаешь меня? Я не смею приблизиться к пещере ради святых, положенных в ней, в монастыре же только тридцати иноков боюсь, а с прочими могу бороться». Ведшим же его было известно, что он никогда в Печерском монастыре не был и никого там не знает, и спросили его: «Кто же те, которых ты боишься?» Бесноватый же назвал их всех по именам: «Эти тридцать,— сказал он,— одним словом могут изгнать меня». Всех же черноризцев в Печерском монастыре было тогда сто восемьдесят.

И сказали бесноватому: «Мы хотим в пещере затворить тебя». Бесноватый же отвечал: «Что мне за польза с мертвецами бороться? Они теперь имеют у бога большее дерзновение молиться за своих черноризцев и за приходящих к ним. Но если хотите борьбу мою видеть, ведите меня в монастырь». И начал он

глаголати жидовьскыи и потом латыньскы, таже греческыи, и спроста рещи, всѣми языкы, их же николи же слышалъ, яко боятися и водящим его измѣнению языка и разногласию. И преже вшествиа в манастырь исцѣлѣ и добрѣ нача смыслети. Прииде игуменъ съ всею братиею, и не знааше игумена исцѣлѣвый и ни единого от тѣх 30, их же нарече бѣсуайся тогда. Въпросиша же того приведшии: «Кто есть исцѣливый тя?» Сий же, възираа на икону Богородичину чюдотворную, и глаголаше: «Яко съ сею усрѣтоша нас, по имени святии отци 30 числом, и тако исцѣлѣх». Имена же всѣм убо свѣдаше, самѣх же ни единаго от тѣх старець не знааше. И тако вси купно славу въздаахуу богови и пречистѣй его матери и блаженым угодником его.

И сего ради вписах ти, господине Акиндине, да не покрыю тмою невидѣниа дивнаа чюдеса блаженых онѣх и преподобных отець наших знамениа и чюдеса и справлѣниа. Да и прочии увѣдят святое житие братии нашеа, еже быти тацѣм мужем въ едино врѣмя, яко до 30, могущим словомь изгонити бѣсы. Къ печерѣ же, рече, не смѣти ни приближитися бѣснующимься положеных ради в ней святых отець Антониа и Феодосиа и прочих святых черноризець, их же имена вписанна суть въ книгы животныа.

Блаженъ, иже с тѣми сподобивыйся положенъ быти, блаженъ и спасенъ, иже с тѣми сподобивыйся написанъ быти, с ними же и мене господь да сподобить милости въ день судный молитвами твоими. Аминь.

О СВЯТѢМ И БЛАЖЕНѢМ АГАПИТѢ, БЕЗМѢЗДНОМЪ ВРАЧИ. СЛОВО 27

Бѣ нѣкто от Киева пострижеся, именем Агапитъ, при блаженѣм отци нашем Антонии, иже и послѣдствоваше житию его аггельскому, самовидець бывь исправлением его. Яко же бо онъ, великый, покрываа свою святость, болныа исцѣляше от своея яди: мняся тѣм врачевное зелие подаваа, и тако здрави бываху молитвою его; тако и сий блаженый Агапитъ, ревнуа святому тому старцю, помагаше болным. И егда кто от братиа разболяшеся, и тако остави келию свою, прихожаше къ болящему брату и служаше ему,— и не бѣ бо ничто же крадомаго в келии его,— подымаа же и полагаа его, и на свою руку износя, и подаваа ему от своея ади, яже варяше зелие, и тако здравъ бываше болный молитвою его. Аще ли продолъжишеся недугь его, сице богу благоволящу, да вѣру и молитву раба своего умножит, сий же блаженый Агапитъ пребываше неотступно, моля за нь бога непрестанно,

говорить по-еврейски, потом по-латински, потом по-гречески, и, попросту сказать, на всех языках, а прежде никогда и не слыхал их, так что испугались ведщие бесноватого такому изменению языка его и тому, что заговорил он на разных наречиях. И не успел он еще подойти к монастырю, как сразу исцелился и стал все хорошо понимать. И пришел игумен со своею братией, исцелившийся же не знал ни игумена и ни одного из тех тридцати, имена которых назвал во время беснования. И спросили его приведшие: «Кто исцелил тебя?» Он же, смотря на чудотворную икону богородицы, сказал им: «С нею встретили нас святые отцы,— и назвал по имени тридцать числом,— и я исцелился». И знал он имена всех их, а самих старцев тех не знал ни одного. И так все вместе воздали славу богу, и пречистой его матери, и блаженным угодникам его.

Для того и я написал тебе, господин мой Акиндин, чтобы не покрыть тьмою неведения дивные чудеса блаженных и преподобных отцов наших, их знамения, и чудеса, и подвиги. Пусть и другие узнают святое житие братии нашей, и то, что в одно время было в монастыре том до тридцати таких мужей, которые одним словом могли изгонять бесов. К пещере же, сказал бесноватый, он не смел и приблизиться, из-за положенных в ней святых отцов, Антония и Феодосия, и прочих святых черноризцев, имена которых вписаны в книгу жизни.

Блажен, сподобившийся быть положен с ними, блажен и спасен, сподобившийся быть написан с ними, с ними и меня господь да сподобит милости в день судный, молитвами твоими. Аминь.

О СВЯТОМ И БЛАЖЕННОМ АГАПИТЕ, БЕСКОРЫСТНОМ ВРАЧЕ. СЛОВО 27

Некто из Киева, именем Агапит, постригся при блаженном отце нашем Антонии и последовал житию его ангельскому, будучи самовидцем подвигов его. Как тот великий, скрывая свою святость, исцелял больных пищей своей, а они думали, что получают от него врачебное зелье и выздоравливали его молитвою, так и этот блаженный Агапит, подражая святому тому старцу, помогал больным. И когда кто-нибудь из братии заболевал, он, оставив келию свою,— а в ней не было ничего, что можно было бы украсть,— приходил к болящему брату и служил ему: подымал и укладывал его, на своих руках выносил, давал ему еду, которую варил для себя, и так выздоравливал больной молитвою его. Если же продолжался недуг болящего, что бывало по изволению бога, дабы умножить веру и молитву раба его, блаженный Агапит оставался неотступно при больном, моля за него бога беспрестанно,

дондеже господь здравие подасть болящему молитовъ ради его. И сего ради прозванъ бысть Лѣчець, сему бо дарова господь даръ исцѣлѣниа. И слышано бысть о немъ въ градѣ, яко нѣкто въ манастыри лѣчець, мнози болящии прихождаху к нему и здрави биваху.

Бысть же въ врѣмя сего блаженаго человѣкъ нѣкый, арменинъ родом и вѣрою, хытръ же бѣ врачеванию, яко таковъ не бѣ преже его: иже толико видѣвъ болящаго, познаваше и повѣдаше ему смерть нарекъ ему день и час,— никако же изменяшеся слово его, и сего уже никако же врачюет. От сих единъ болный принесенъ бысть въ Печерьскый манастырь, иже первый бысть у князя Всеволода, его же аръменинъ в нечаание въведе, прорекъ ему по осми дьний смерть. Блаженый же Агапитъ, давъ тому зелиа, еже сам ядяше, и здравъ сътвори его. И промъчеся о нем слава по всей земли той.

Арменинъ же уязвенъ бысть завистною стрѣлою и нача укоряти блаженаго, и некого осужденна на смерть посла в манастырь, повелѣ дати тому съмертнаго зелиа, да пред ним вкусивъ, пад умреть. Блаженый же, видѣвъ сего умирающа, дасть ему манастырскыа яди и здава сътвори его молитвою своею, и от смерти избави повиннаго смерти. И оттолѣ въоружаеться на нь иновѣрный той арменинъ, и научи на святаго Агапита единовѣрьникы своя дати ему испити смертоноснаго зелиа, хотя его сим зелием уморити. Блаженый же пиаше без пакости, ничто же зла пострадавъ, вѣсть бо господь благочестивыя от смерти избавляти: «Иже,— рече,— аще смертно что испиють, ничто же ихъ вредить, на недужныа рукы възложать, и здрави будут».

В ты же дни разболѣся князь Владимир Всеволодович Мономахъ, и прилежаше ему арменинъ, врачюя его, и ничто же успѣ, но паче недугъ биваше болий. И уже при конци бывъ, посылаеть мольбу къ Иоанну, игумену Печерьскому, да понудит Агапита прийти до него, бѣ бо тогда княжя в Черниговѣ. Игумен же, призвавъ Агапита, велить ему ити в Черниговъ. И отвѣщавъ блаженый: «Аще къ князю иду, то и къ всѣм иду; не буди мнѣ славы ради человѣчьскыа прѣд манастырьскаа изыити врата и преступником быти обѣта своего, еже обѣщахся пред богом быти ми в манастыри и до послѣдняго издыханиа. Аще ли изгониши мя, иду въ ину страну, потом възвращюся, дондеже вещь си минеть». Не бѣ бо николи же исходилъ из манастыря. Видѣв же посланный от кназа, яко не хощеть ити, молит мниха, да поне зелиа дасть. Принуженъ же бысть игуменом, дасть ему зелие от своея яди, да дасть болящему. И егда же князь вкуси зелиа, и ту абие здравъ бысть.

Прииде же Владимиръ в Киевъ и вниде в Печерьскый манастыръ, хотя почтити мниха и видѣти, кто есть даровавый тому

пока господь не возвращал здоровья болящему ради молитвы его. И ради этого прозван он был «Целителем», потому что господь дал ему дар исцеления. И услышали в городе, что в монастыре есть некто целитель, и многие больные приходили к нему и выздоравливали.

Был же, во времена этого блаженного, человек некий, армянин родом и верою, столь искусный во врачевании, как еще никто не бывал прежде него: только увидит он больного, сразу узнает и объявит ему смерть, назначив день и час, и не было случая, чтобы не исполнилось слово его,— и такого уже он не лечил. Один из таких больных, первый у князя Всеволода, принесен был в Печерский монастырь: армянин привел его в отчаяние, предсказав ему через восемь дней смерть. Блаженный же Агапит дал ему еды, которой сам питался, и тот выздоровел. И промчалась о нем слава по всей земле той.

Армянин же, уязвленный стрелой зависти, стал укорять блаженного и некоего осужденного на смерть послал в монастырь, повелев дать ему смертного зелья, чтобы тот, принявши яд перед Агапитом, пал мертвым. Блаженный же, видя, как тот умирает, дал ему монастырской пищи, и он стал здоров молитвою его, и так избавил от смерти осужденного на смерть. После этого ополчился на него иноверный тот армянин и наустил на святого Агапита единоверцев своих, чтобы они дали ему выпить смертного зелья, хотя его тем зельем уморить. Блаженный же испил без вреда и никакого зла не претерпел, ибо ведает господь, как благочестивых от смерти избавлять: «Если,— говорит апостол,— что смертоносное выпьют они, не повредит им; возложат они руки на больных, и те здоровы будут».

В те же дни разболелся князь Владимир Всеволодич Мономах, и усердно лечил его армянин, но безуспешно, и только усиливался недуг. Будучи уже при конце жизни, посылает князь молить игумена Печерского Иоанна, чтобы он понудил Агапита прийти к нему,— он княжил тогда в Чернигове. Игумен же, призвав Агапита, велит ему идти в Чернигов. И сказал блаженный: «Если мне к князю идти, то и ко всем идти; нельзя мне ради людской славы выйти за монастырские ворота и нарушителем стать обета, который я дал перед богом, чтобы быть мне в монастыре до последнего вздоха. Если же ты изгонишь меня, я пойду в другое место и возвращусь после того, как минет эта беда». Никогда еще блаженный не выходил из монастыря. Посланный же князя, видя, что не хочет идти инок, стал молить его, чтобы он хотя зелья дал. И тот, будучи принужден игуменом, дал ему для больного зелья от своей еды, чтобы дали болящему. И только что князь принял это зелье, как тотчас выздоровел.

После этого, будучи в Киеве, Владимир пошел в Печерский монастырь, желая почтить инока и увидеть того, кто дал ему

зелие и здравие съ богомъ,— не бѣ бо его николи же видалъ,— мня сего имѣнием подарити. Агапитъ же, не хотя славим быти, съкрыся. Князь же принесенное ему злато дасть игумену. Потом же посла Владимеръ къ блаженному Агапиту единого от боляръ своих съ многыми дары. Его же посланный болярин обрѣте в келии, и принесь, положи пред нимь принесенныа дары. И отвѣща: «О чадо, николи же и ни от кого же что взях,— нынѣ ли погублю мьзду свою злата ради, его же не требую ни от кого же?» И отвѣща болярин: «Отче, вѣсть пославый мя, яко не требуеши сего, но мене ради утѣши сына своего, ему же о бозѣ даровалъ еси здравие; се прийми и дай же нищим». И отвѣща старець: «Съ радостию сие прийму тебе ради, яко требе ми суть. Рьци же пославшему тя: «Все, еже имѣлъ еси, чюжа бяху, тобѣ же отходящу, не могущу взяти ничто же съ собою, нынѣ же раздай все требующим, еже имаши, яко сего ради избавилъ тя господь от смерти, азъ бо ничто же ти бых успѣлъ, и не мози ослушатися мене, да не тожде постраждеши». И взем Агапит принесенное злато, изнесъ вне кѣлиа, поверже, сам же скрыся. И изшед болярин, видѣвъ поверженно принесеньное и дары, и взем все, дасть игумену Иоанну, и сказа все князю, еже о старци. И разумѣша вси, яко рабъ божий есть. Князь же не смѣ преслушатися старца, и все имѣние свое издасть нищим, по словеси блаженаго.

По сих же разболѣся сий черноризець Агапитъ, и прииде к нему пред реченный арменинъ посѣтити его. И нача стязатися с ним о врачевнѣи хытрости, глаголя, ким зелиемъ цѣлится какий недуг? И отвѣща блаженый: «Им же господь подасть здравие». И разумѣв же арменинъ отинуд невѣжу его суща, и глагола къ своим: «Не умѣеть сий ничто же». И емъ его за руку, рече, яко въ третий день сий умреть. «Се же истинна есть, и не измѣниться слово мое; аще ли не будет тако, и азъ буду мних».

Блаженый же съ яростию глагола тому: «Сицева ли суть твоего врачеваниа образи: смерть ми повѣдая, а помощи ми не можеши! Аще еси худогь, то дай же животъ, аще ли симъ не владѣеши, то почто мя укаряеши, осуждаа въ третий день умрѣти ми? Мнѣ же извѣстилъ есть господь въ 3-й мѣсяць умрети». Глаголеть же ему арменинъ: «Яко се уже разумѣлъ ся еси, то уже никако же преидеши третиаго дня», бѣ бо изболѣлъ велми, яко не мощи ему ни двигнути собою.

И тогда принесоша нѣкоего болна от Киева, въстав же Агапитъ, яко не болѣвъ, взя зелие, еже сам ядяше, показа лѣчьцю, глаголя: «Се есть зелие, разумѣй и виждь». Видѣв же лечець, глагола мниху: «Нѣсть се от наших зелий, но мню, яко се от Александриа приносят». Посмѣав

зелья и возвратил здоровье с помощью божьей,— никогда он его не видал,— и хотел одарить его. Агапит же, избегая славы, скрылся. И принесенное для него золото князь отдал игумену. Потом послал Владимир к блаженному Агапиту одного из бояр своих со многими дарами. Посланный боярин нашел его в келии, и принес, и положил перед ним принесенные дары. И сказал инок: «О чадо! никогда и ни от кого ничего не брал я,— неужели теперь губить мне дар свой ради золота, которого ни от кого не требую?» И отвечал боярин: «Отче! знает пославший меня, что не требуешь ты награды, но, для меня, утешь сына своего, которому ты даровал, о боге, здоровье, возьми это и раздай нищим». И отвечал ему старец: «С радостию приму сие ради тебя, как будто бы мне требуется. Пославшему же тебя скажи: «Все, что ты имел, было чужое, и, отходя из этого мира, ты ничего не можешь взять с собой,— раздай же теперь нуждающимся все, что имеешь, ибо ради этого избавил тебя господь от смерти, а я ничего бы не смог сделать, и не думай ослушаться меня, чтобы, как прежде, не пострадать». И взял Агапит принесенное золото, вынес вон из келии, бросил его, а сам скрылся. Боярин, вышедши, увидал брошенным принесенное им золото и дары, взял и отдал все игумену Иоанну, и рассказал князю о старце. И поняли все, что то истинный раб божий. Князь же не посмел ослушаться старца и все имение свое роздал нищим по слову блаженного.

После этого разболелся Агапит, и пришел посетить его армянин, о котором мы говорили прежде. И начал он беседовать с иноком о врачебном искусстве, спрашивая его, каким зельем какой недуг лечится? И отвечал блаженный: «Каким господь подаст здоровье». Армянин понял, что он нисколько не сведущ в этом, и сказал своим: «Ничего он не знает». Потом взял его руку и сказал, что через три дня он умрет. «И это истинно,— прибавил врач,— и не изменится слово мое; если же будет не так, то я сам стану монахом».

Блаженный же с негодованием сказал ему: «Так вот в чем суть твоего врачевания: смерть мне предсказываешь, а помочь не можешь! Если ты искусен, то дай мне жизнь, а если этим не владеешь,— за что же укоряешь меня, осуждая на смерть через три дня? А меня господь известил, что я через три месяца умру». И сказал ему армянин: «Раз сам ты уже понял, что умрешь, то никак не переживешь третьего дня», а блаженный изболел уже весь так, что сам и двинуться не мог.

В это время принесли одного больного из Киева, и Агапит встал, как будто вовсе и не болел, взял зелье, которое сам ел, и показал лекарю, говоря: «Вот целебное зелье, смотри и разумей». Лекарь посмотрел и сказал иноку: «Это не из наших зелий, думаю, что его из Александрии приносят». Посмеялся

же ся блаженый невѣждьству его, дасть зелие болящему и того здрава сътвори. Глаголет же къ лечьцю: «Чадо, яж, не жалуй, понеже убози есмы, не имам чимъ напитати тя». Арменинъ же рече к нему: «Нынѣ, отче, 4 дни постимся мы сего мѣсяца». Въпроси же его блаженый: «Кто еси ты и коея вѣры еси?» Лѣчець же рече к нему: «Не слышалъ ли еси мене, яко арменинъ есмь?» Блаженый же рече к нему: «То како смѣлъ еси внити и осквърнити келию мою и дръжати за грѣшную мою руку? Изыйди от мене, иновѣрне и нечестиве». Осрамленъ же бывъ арменинъ, и отъиде. Блаженый же Агапитъ, пребывъ 3 мѣсяци, мало поболѣвъ, къ господу отъиде.

По смерти же его прииде арменинъ въ манастырь и глагола игумену: «Отселе уже и азъ буду черноризець и оставляю арменьскую вѣру, истинно вѣрую въ господа Исус Христа. Яви бо ми ся блаженый Агапитъ, глаголя: «Обѣщалъся еси въсприати мнишескый образъ, и аще сълъжеши, съ животом и душею погыбнеши». И тако вѣрую. Но аще бы сий блаженый хотѣлъ на много врѣмя жити здѣ, не бы богь преставиль его от свѣта сего; аще же и приать его господь, но вѣчный живот дарова ему, и мню, яко своею волею отьиде от нас, небеснаго царства желаа, могый и еще жити с нами. Яко же и азъ разумѣх, 3 дни не бѣ преити ему, и сего ради приложи собѣ 3 мѣсяци, и аще бы реклъ 3 мѣсяци, но и 3 лѣта бы пребылъ. Но аще и умре сий, но вселися въ обители, пребывающиа въ вѣчны живот, и тамо живъ есть». Таже и сий аръменинъ пострижеся в Печерьском манастыри, и ту животъ свой сконча въ добрѣ исповѣдании.

Таковаа и больша сихъ съдѣашася от тѣх святых черноризець их же въспомянувъ добродѣтелное житие, дивлюся, како премолъчана быша великаа исправлѣниа *преподобнаго отца нашего* Антония? То аще толико свѣтило угасе нашим небрежением, то како от него луча въсиають, сих мню преподобных отець и братии наших? Но яко же рече господь: «Ни который же пророкъ приатенъ есть въ отечествии своем».

Аще бых ти написалъ, честный архимандрите, господине Акиндине, преже назнаменаных святых и преподобных отець овых чюдотвориа, инѣх же исправлениа, другых же крѣпкое въздръжание, овых же послушьное, другых прозоръство,— и сии вси послушествовани вѣрою, знамении и чюдесы от твоего черноризца, а от моего господина, епископа Симона. Другым убо неприатна мнятся быти глаголемаа величества ради дѣлъ, вина же есть невѣрованию — мене грѣшнаго сущаго съвѣдять Поликарпа. Но аще повелить твое преподобьство написати, их же умъ постигнеть и память принесеть. Аще ти непотребно будеть, да и сущимь по нас ползы ради оставим, яко же блаженный

блаженный невежеству его, дал зелье больному, и тот стал здоров. Потом сказал лекарю: «Сын мой, поешь и ты, но не погневайся: убоги мы, и нечем нам угостить тебя». Армянин же сказал ему: «Теперь, отче, четыре дня этого месяца мы постимся». Блаженный же спросил его: «Кто же ты и какой веры?» Лекарь же ответил ему: «Разве ты не слыхал, что я армянин?» И сказал ему блаженный: «Как же смел ты войти, и осквернить мою келью, и держать мою грешную руку? Иди прочь от меня, иноверный и нечестивый!» Армянин, посрамленный, ушел. Блаженный же Агапит прожил три месяца, потом, немного поболевши, отошел к господу.

После смерти его пришел армянин в монастырь и сказал игумену: «С этих пор и я буду черноризцем, и отрекаюсь от армянской веры, и истинно верую в господа Иисуса Христа. Явился мне блаженный Агапит, говоря: «Ты обещался принять иноческий образ, и если солжешь, то с жизнью и душу погубишь». И так я уверовал. Но если бы этот блаженный захотел долгое время жить здесь, то бог не взял бы его к себе из этого мира, но, принявши его, господь даровал ему жизнь вечную, и думаю я, что отошел он от нас по своей воле, желая небесного царства, а мог бы и еще жить с нами. Так как я узнал, что жить ему не больше трех дней,— он прибавил себе три месяца; а если бы я сказал: три месяца,— он три года бы прожил. Хотя и умер он, но вселился в обители пребывающих в жизни вечной и там жив». И постригся этот армянин в Печерском монастыре, и тут кончил жизнь свою в добром исповедании.

Вот такие дела,— и больше этих,— делались теми святыми черноризцами. Вспоминая же их добродетельное житие, дивлюсь я, почему остались замолчаны великие дела преподобного отца нашего Антония? Если такое светило угасло из-за нашего небрежения, то как же воссияют от него лучи?— разумею преподобных отцов и братьев наших. Поистине, как сказал господь: «Никакой пророк не признается в отечестве своем».

Я бы написал тебе, честной архимандрит, господин Акиндин, о прежде упомянутых святых и преподобных отцах,— одних чудотворения, иных — подвиги, других — твердое воздержание, тех — послушание, иных — прозорливость, и все эти знамения и чудеса засвидетельствованы верою твоего черноризца, а моего господина, епископа Симона. Но иные не признают истины моих сказаний из-за величия описанных в них дел, и причина этого недоверия та, что они как грешника знают меня, Поликарпа. Но, если повелит твое преподобие написать это, я исполню, как мой ум постигнет и память припомнит. Если не пригодится тебе, то пусть останется написанное на пользу тем, которые будут после нас, как сделал блаженный

Нестерь въ Лѣтописци написа о блаженых отцѣх, о Дамияне, Иеремии, и Матфѣи, и Исакыи. Въ Житии же святаго Антониа вся житиа ихъ вписанна суть, аще и въкратцѣ реченна.

Но паче преже реченнии черноризци ясно реку, не в тайнѣ, яко же и прѣжде: аще бо азъ премолчю, от мене до конца забвенна будут и к тому не помянуться имена их, яко же было и до сего дьни. Се же речеся въ 15 лѣто твоего игуменства, еже не бысть помяновениа за 100 и 60 лѣт, нынѣ же, твоея ради любве, утаеннаа слышанна быша, и память любящим бога присно чтома и хвалима, яко тому угождьшеи от него вѣнчася. Мнѣ же таковыми краситися величие есть, и сим мню ся покрыти студа моего дѣла: еже токмо въспомяну слышанна, и творю, и мню, яко от мене изысканьну быти чюдоворию тѣх.

Яко же бо рече господь,—«Радость бываеть на небеси о едином грѣшницѣ кающемься», то кольма паче о толицѣх праведницѣх аггелом веселитися, яко тѣх житиа на небеси поживша, и тѣх славы достоить тѣм наслѣдником быти. Аще бо здѣ о плоти не радиша, но яко бесплотни земнаа преобидѣша и вся житийскаа акы уметы вмѣниша, да единаго Христа приобрящут, того бо единого възлюбиша и любве его привязашася, и тому всю волю свою предаша, да от него обожение приимут, и тъй дарова им на земли противу трудом ихъ чюдотвориа дары възмѣздие, и въ будущем же неизреченною славою прославить. Безъ святаго бо духа ничто же человѣку дасться на земли, аще не будет дано ему свыше.

Тѣм же и азъ грѣшный Поликарпъ твоей воли работаа, дръжавный Акиндине, и сиа ти написах. Но рци, и еще ти исповѣм мало нѣчто о блаженѣм и преподобнѣм отци нашем Григории Чюдотворци.

О СВЯТѢМ ГРИГОРИИ ЧЮДОТВОРЦИ. СЛОВО 28

Сей блаженный Григорие прииде к святому отцю нашему Феодосию в Печерьскый манастыръ и от него наученъ бысть житию черническому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродѣтелем. Молитвам же паче прилежаше, и сего ради приать на бѣсы побѣду, еже и далече сущим им въпити: «О Григорие, изгониши ны молитъвою своею!» Имѣаше бо блаженный обычай по всяком пѣнии запрещалныа творити молитвы.

Не терпя же старый врагь прогонениа от него, не могый чимъ инѣм житию его спону сътворити, научи злыа человѣкы, да покрадут его. Не бѣ бо иного ничто же имѣа развѣ книгъ. Въ едину же нощь приидоша татие и стрежаху страца, да егда изыйдеть на утреню, и шедше възмуть вся его. Ощутивъ же

Нестор,— написал в Летописи о блаженных отцах — о Дамиане, Иеремии, и Матфее, и Исаакии. И в «Житии святого Антония» все их жития вписаны, хотя и вкратце.

Постараюсь я подробнее, чем об упомянутых черноризцах, поведать, ничего не утаивая, как и до этого делал: ведь если я умолчу и предам их полному забвению, то и совсем не вспомнятся имена их, как было и до сего дня. Это говорится в пятнадцатый год твоего игуменства, а за сто шестьдесят лет не вспоминали о них, и только теперь, твоей ради любви, утаенное услышалось, и память любящих бога постоянно почитаема и хвалима, так как угодившие ему, они им и увенчаны. Для меня же величие — украшать труд их именами — это, надеюсь, оправдает недостатки труда моего, я же только вспомнил слышанное и пересказал разысканные мною чудеса их.

Если, как сказал господь, «радость бывает на небесах и об одном грешнике кающемся», то сколь радостнее веселие ангелов о таких праведниках, житие которых подобно на небесах живущим, и достойны они их славы быть наследниками. Здесь о плоти не радели они, и, как бесплотные, земным пренебрегали, и все житейское за ничто вменяли, чтобы единого Христа приобрести; его одного возлюбили они, и к любви его привязались, и ему волю свою предали, чтобы чрез него приблизиться к богу; и он здесь, на земле, в возмездие за труды их, дал им дар чудотворения, а в будущем прославит их неизреченною славою. Без духа святого ничто не дается человеку на земле, если не дано это свыше.

Потому и я, грешный Поликарп, покоряясь воле твоей, державный отец Акиндин, это и написал тебе. Но повели, и еще расскажу тебе нечто — о блаженном и преподобном отце нашем Григории Чудотворце.

О СВЯТОМ ГРИГОРИИ ЧУДОТВОРЦЕ. СЛОВО 28

Этот блаженный Григорий пришел в Печерский монастырь к святому отцу нашему Феодосию и от него научился житию иноческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродетелям. Особенное прилежание имел он к молитве, и за то получил власть над бесами, так что, находясь даже вдали от него, они вопили: «О Григорий, изгоняешь ты нас молитвою своею!» У блаженного был обычай после каждого пения творить запретительные молитвы.

Не желая более терпеть гонений от инока, древний враг, не в силах ничем навредить ему, наустил злых людей обокрасть его. Он же не имел ничего, кроме книг. Однажды ночью пришли воры и подстерегали старца, чтобы, когда он пойдет к заутрене, войти и взять все его имущество. Но почуял

Григорие приход ихъ,— всегда бо по вся нощи не спаше, но пояше и моляшеся беспрестани посрѣдѣ келии своея. Помоли же ся и о сих, пришедших красти: «Боже, дай же сонъ рабомъ твоим, яко утрудишася въсуе, врагу угажающе». И спаша 5 дний и 5 нощий, донде же блажений, призвавь братию, възбуди их, глаголя: «Доколѣ стрежете въсуе, покрасти мя *хотяще?* Уже отъидете в домы своя». Въставше же, и не можаху ити, бяше бо изнемогли от глада. Блаженый же давь им ясти и отпусти их.

И се увѣдавъ градскый властелинъ и повелѣ мучити татие ти. Стужив же си Григорие, яко его ради предани суть, и шед, дасть книгы властелину, татие же отпусти. Прочаа же книгы продавъ, и раздасть убогым, рекъ тако: «Да не како в бѣду впадут хотящии покрасти я». Рече бо господь: «Не скрывайте собѣ съкровища на земли, идѣ же татие подкопываютъ и крадут; съкрывайте же собѣ сокровище на небесѣх, идѣ же ни тля тлить, ни татие крадуть. Идѣ же бо съкровище ваше, ту и сердца ваша». Татие же тии, покаавшеся чюдеси ради бывшаго них, и к тому не възвратишася на перваа дѣла своя, но пришедше в Печерьскый манастыръ, вдашася на роботу братии.

Имѣаше же сей блаженый малъ оградець, идѣ же зелие сѣяше и дрѣва плодовита. И на се пакы приидоша татие, и егда възяша бремена своя, хотяще отъити, и не възмогоша. И стояша два дни неподвижими и угнѣтаемы бремены, и начаша въпити: «Господине Григорие, пусти ны, уже покаемся грѣховъ своих, и к тому не створим сицевы вещи». Слышавше же черноризци, и пришедше яша их, и не могоша свести ихъ от мѣста того. И въпросиша их: «Когда сѣмо приидосте?» Татие же рѣша: «Два дьни и двѣ нощи стоим здѣ». Мниси же рѣша: «Мы всегда выходяще, и не видѣхом вас здѣ», Татие же рѣша: «Быхом мы видѣли вась ту, убо молилися быхом вам съ слезами, дабы нас пустилъ. Се уже изнемогше, начахомъ въпити, нынѣ же молите старца, да пустить нас».

Григорий же пришед и глагола им: «Понеже праздны пребысте весь живот свой, крадуще чюжаа труды, а сами не хотяше тружатися, нынѣ стойте ту праздны прочаа лѣта до кончины живота своего». Они же съ слезами моляху старца к тому не сътворити им таковаго съгрѣшениа. Старець же умилися о них и рече: «То аще хощете дѣлати и от труда своего инѣх питати, то уже пущю вы». Татие же съ клятвою рѣша: «Никако же преслушаемся тебе». Григорий же рече: «Благословенъ богъ! Отселѣ будѣте работающе на святую братию, и от своего труда на потребу их приносите». И тако отпусти их. Татие же скончаша животъ свой в Печеръском манастыри, оград предержаще; их же, мню, исчадиа и донынѣ суть.

Григорий приход их,— обычно он целые ночи проводил без сна, пел и молился беспрестанно, стоя посреди келии своей. Помолился он и о пришедших обокрасть его: «Боже! дай сон рабам твоим, ибо утрудились они всуе, врагу угождая». И спали они пять дней и пять ночей, до тех пор, пока блаженный, призвав братию, не разбудил их, говоря: «Долго ли будете вы стеречь напрасно, думая обокрасть меня? Идите теперь по домам своим». Они встали, но не могли идти, так как изнемогли от голода. Блаженный же дал им поесть и отпустил их.

Об этом узнал властитель города и велел наказать воров тех. И затужил Григорий, что из-за него осуждены они; он пошел, отдал свои книги властителю, а воров отпустил. Остальные же книги продал, а деньги роздал убогим, говоря так: «Да не впадет кто-нибудь в беду, думая украсть их». Ведь сказал господь: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небесах, где ни моль не истребляет и где воры не крадут. Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Воры же те, ради чуда, бывшего с ним, покаялись и более не возвращались к прежним делам своим, но, пришедши в Печерский монастырь, стали работать на братию.

Имел этот блаженный Григорий маленький палисадник, где выращивал овощи и плодовые деревья. И на это опять позарились воры, и когда, взвалив на себя ношу, хотели идти, то не смогли. И стояли они два дня неподвижно, под гнетом своей ноши, и начали они вопить: «Господин наш Григорий, пусти нас, мы покаемся в грехах своих и не сделаем больше такого». Услышали это монахи, пришли и схватили их, но не могли свести с места. И спросили они их: «Когда пришли вы сюда?» Воры же отвечали: «Два дня и две ночи стоим мы здесь». Монахи же сказали: «Мы все время тут ходим, но вас здесь не видали». Воры же сказали: «Если бы и мы вас видели тут, то со слезами молили бы вас, чтобы он нас отпустил. Но вот, уже изнемогши, начали мы кричать. Попросите теперь старца, чтобы он отпустил нас».

И пришел Григорий, и сказал им: «Так как вы всю жизнь свою пребывали праздными, расхищая чужие труды, а сами не хотите трудиться, то теперь стойте здесь праздно и дальше, до конца жизни». Они же со слезами молили старца, обещая, что больше не совершат такого греха. Старец же смилостивился и сказал: «Если хотите работать и трудом своим других кормить, то я отпущу вас». Воры клятвенно обещались: «Ни за что не ослушаемся тебя». Тогда Григорий сказал: «Благословен бог! Отныне будете вы работать на святую братию: приносить от труда своего на нужды ее». И так отпустил их. Воры же эти окончили жизнь свою в Печерском монастыре, занимаясь огородом; потомки их, думаю я, живут еще и доныне.

Иногда же пакы приидоша трие нѣции, хотяще искусити сего блаженнаго. И два от них молиста святаго, ложно глаголюще: «Сий другъ нашь есть, и осужденъ есть на смерть. Молим же тя, потшися избавити его, дай же ему чим искупитися от смерти». Григорий же въсплакався жалостию, провидѣ бо о нем, яко приспѣ конець житию его, и рече: «Лютѣ человѣку сему, яко приспѣ день погыбели его!» Они же рѣша: «Ты же, отче, аще даси что, то сий не умрет». Се же глаголаху, хотяще у него взяти что, да раздѣлять. Григорий же рече: «И азъ дамъ, а сий умреть». И въпроси их: «Коею смертию осужденъ есть?» Они же рѣша: «На дрѣвѣ повѣшенъ хощеть быти». Блаженый же рече имъ: «Добрѣ осудисте ему, заутра бо сий повѣситься». И пакы сниде в погребъ, иде же молитву творяше, да не како умъ ему слышить земнаго что, ниже очи его видита что суетных,— и оттуду изнесь оставлъшаа книгы, дасть им, рекъ: «Аще не угодно будеть, възвратите ми». Они же, веземще книгы, начаша смѣатися, глаголюще: «Продавше сие, и раздѣлим собѣ». Видѣвше же древеса плодовита, и рѣша к собѣ: «Приидем в сию нощь и обьемлем плоды его».

Наставши же нощи, приидоша сие трие и запроша мниха в погребѣ, идѣ же бѣ моляся. Един же, его же рѣша на дрѣвѣ повѣсити, възлѣзь горѣ, нача торгати яблоки, и яся за вѣтвь: оной же отломльшися, а сии два устрашившася отбѣгоша, сий же летя, яться ризою за другую вѣтвь и, не имѣа помощи, удавися ожерелием.

Григорий бо запренъ бѣ, и не обрѣтеся прийти къ сущии братии въ церковъ. Изшедше же вонъ из церкви и вси видѣша висяща человѣка мертва, и ужасошася. Поискавше же Григориа, и обрѣтоша его в погребѣ затворенна. Изшедше же убо оттуду, блаженный повелѣ сняти мертваго и къ другом его глаголаше: «Како се убо събысться ваша мысль! Богъ бо непоругаем бываеть. Аще бысте мя не затворили, то азъ пришед снялъ бых его съ древа, и не бы сей умерлъ. Понеже врагъ вы научи хранити суетнаа лжею, тѣм же милость свою оставили есте». Слышавше же ругателе та събытья словесь его, пришедше, падоша на ногу его, просяще прощениа. Григорий же осуди их в работу Печерьскому манастырю, да к тому тружающеся, свой хлѣбъ ядят и доволни будут инѣх напитати от своих трудовъ. И тако тии скончаша животъ свой, и с чады своими работающе в Печерьском манастыри рабом пресвятыа богородица и ученикомъ святаго отца нашего Феодосиа.

Подобно же и се сказати о нем, юже претерпѣ блаженый страсть смертную. Нѣкакова вещь манастырьскаа приключися: от падениа животнаго осквернену быти съсуду, и сего ради преподобный Григорие сниде къ Днепру по воду. В той же

В другой раз снова пришли трое неизвестных, надеясь обмануть этого блаженного. Двое из них стали молить святого, ложно говоря: «Вот это друг наш, и осужден он на смерть. Молим тебя, помоги спасти его — дай ему, чем откупиться от смерти». Заплакал Григорий от жалости, провидя, что на самом деле приспел конец жизни того, и сказал: «Горе человеку этому, ибо приспел день погибели его!» Они же сказали: «Но если ты, отче, дашь что-нибудь, то он не умрет». Говорили же они это, чтобы получить от него что-нибудь и разделить между собой. Григорий же сказал: «Я дам, но он все равно умрет». И спросил он их: «На какую смерть осужден он?» Они отвечали: «Будет повешен на дереве». Блаженный сказал им: «Точно присудили вы ему, завтра он повесится». После этого сошел он в пещеру,— где обыкновенно молился, чтобы не слышать ничего земного и очами не видеть ничего суетного,— и, вынесши оттуда оставшиеся книги, отдал им, сказав: «Если это вам не пригодится, то возвратите мне». Они же, взяв книги, стали смеяться, говоря: «Продадим их, а деньги разделим». И увидели они плодовые деревья, и решили: «Придем нынче ночью и оберем плоды его».

Когда настала ночь, пришли эти трое и заперли инока в пещере, где он был на молитве. Один же из них, тот, о котором они говорили, что его на дереве повесят, взлез на верхушку дерева и начал обрывать яблоки, и ухватился он за одну ветку, а она обломилась; те двое испугались и побежали, а он, падая вниз, зацепился одеждою за другую ветку и, оставленный без помощи, задушился воротом. Григорий же был заперт и не смог прийти в церковь, на молитву со всей братией. Когда стали выходить из церкви, то все увидали висящего на дереве мертвого человека, и ужас напал на них. Стали искать Григория и нашли его в пещере запертым. Вышедши же оттуда, блаженный велел снять мертвого, друзьям же его сказал: «Вот и сбылась ваша мысль! Бога обмануть нельзя. Если бы вы не заперли меня, я пришел бы и снял его с дерева и он бы не умер. Но так как враг научил вас покрывать суетное ложью, то бог и не помиловал вас». Обманщики же те, видя, что сбылось слово его, пришли и упали ему в ноги, прося прощенья. И Григорий осудил их на работу Печерскому монастырю, чтобы теперь, трудясь, свой хлеб ели они, и достанет им, чтобы и других питать от своих трудов. И так они и окончили жизнь свою, с детьми своими работая в Печерском монастыре на рабов пресвятой богородицы и учеников святого отца нашего Феодосия.

Подобает же рассказать и о том, как претерпел блаженный муку смертную. Случилось однажды в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного; и по этому случаю преподобный Григорий пошел к Днепру за водой. В то же

час приспѣ князь Ростиславъ Всеволодичь, хотя ити в Печерьскый манастыръ молитвы ради и благословениа, бѣ бо идый противу ратным половцем съ братомъ своим Владимером. Видѣвше же отроци его старца сего, начаша ругатися ему, метающе словеса срамнаа. Разумѣв же мних всѣх при смерти суща, и нача глаголати: «О чада, егда бѣ требѣ умиление имѣти и многы молитвы искати от всѣх, тогда же вы паче злое творите, яже богови неугодна суть. Но плачитеся своея погыбели и кайтеся своих съгрѣшений, да поне отраду приимете въ страшный день, уже бо вы постиже суд, яко вси вы въ водѣ умреет и съ князем вашим». Князь же, страха божиа не имѣа, ни на сердци собѣ положи сего преподобнаго словесъ, мнивь его пустошь глаголюща, яже пророчьствоваше о нем, и рече: «Мнѣ ли повѣдаеши съмерть от воды, умѣющу бродити посрѣди ея?» И тогда разгнѣвася князь, повелѣ связати ему руцѣ и нозѣ и камень на выи его обѣсити, и въврещи въ воду. И тако потопленъ бысть. Искавше же его братиа два дни и не обрѣтоша, въ третий же день приидоша в келию его, хотяще взяти оставлъшаа его, и се мерьтвый обрѣтеся в келии связанъ, и камень на выи его, ризы же его еще бяху мокры, лице же бѣаше свѣтло, сам же акы живъ. И не обрѣтеся кто принесый его, но и келии заключенѣ сущи. Но слава о сем господу богу, творящему дивнаа чюдеса своих ради угодникъ. Братиа же, изънесше тѣло его, и положиша в печерѣ честно, иже и за многа лѣта пребысть цѣло и нетлѣнно.

Ростиславъ же, не пщевавь вины о грѣсѣ и не иде въ манастырь от ярости. И не въсхотѣ балгословениа, и удалися от него; възлюби клятву, и прииде ему. Владимер же прииде въ манастыръ молитвы ради. И бывшим имъ у Треполя и полкома снемъшимася и побѣгоша князи наши от лица противных. Владимеръ же прѣеха рѣку, молитвъ ради святых и благословениа, Ростиславъ же утопе съ всѣми своими вои, по словеси блаженаго Григориа: «Им же бе, рече, судом судите — судиться вам, в ню же мѣру мѣрите — възмѣриться вам».

Разумѣйте опасно, обидящии, притчю, раненную господем въ святѣмъ Еуаггелии, судию немилостиваго и вдовицю обидимую, къ нему же прихождаше часто и стужаше ему, глаголющи: «Мьсти мене от суперника моего». Глаголю бо вам, яко сътворить господь въскорѣ месть рабом своим, тъй бо рече: «Мнѣ месть — и азъ отмъщю». Глаголеть господь: «Не приобидѣте единого от сих малых, яко аггели их всегда видять лице отца моего, иже есть на небесѣх». Яко праведенъ господь и правду възлюби, и праваа видѣ лице его. Еже бо человѣкъ всѣеть, то и пожнет. Сицева гордымъ отмъщениа, им же господь противиться, смиренным же дает благодать. Тому слава съ отцемь и съ святым духом нынѣ и присно и въ вѣкы вѣком. Аминь.

время проходил здесь князь Ростислав Всеволодич, шедший в Печерский монастырь для молитвы и благословения: он, с братом своим Владимиром, шел в поход против воевавших с Русью половцев. Увидали княжеские слуги старца и стали издеваться над ним, выкрикивая срамные слова. Инок же, провидя, что близок их смертный час, стал говорить им: «О чада! В то время как вам следовало бы быть благочестивыми и призывать всех молиться за вас, вы великое зло творите,— не угодно богу это. Плачьте о своей погибели и кайтесь в своих согрешениях, чтобы хотя в страшный день принять отраду, ведь вас уже постиг суд: все вы и с князем вашим умрете в воде». Князь же, страха божия не имея, не внял сердцем словам преподобного, а подумал, что лишь пустые речи — пророчества его, и сказал: «Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я плавать умею!» И рассердившись, князь велел связать старцу руки и ноги, повесить камень на шею и бросить в воду. Так был он потоплен. Братия же два дня искала его и не находила, на третий же день пришли в келью его, чтобы взять оставшееся после него, и мертвый оказался в келье, связанный, с камнем на шее, одежды же его были еще мокры, лицо же светло и сам, как живой. И не нашли того, кто принес его, а келья была заперта. Слава господу богу, творящему дивные чудеса ради угодников своих! Братья же, вынесши тело преподобного, честно положили его в пещере, и многие годы пребывает оно там цело и нетленно.

Ростислав же не счел за вину греха своего и не пошел в монастырь от ярости. Не захотел он благословения, и оно удалилось от него; возлюбил проклятие, и проклятие пало на него. Владимир же пришел в монастырь для молитвы. И были они у Треполя, и произошло сражение, и побежали князья наши от лица врагов. Владимир, по молитвам и благословению святых, переехал реку, Ростислав же, по слову святого Григория, утонул со всем своим войском. «Каким,— сказано,— судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такою будут мерить и вам».

Подумайте как следует, обидчики, над притчей, сказанной господом в святом Евангелии о судье немилостивом и вдове обиженной, как она часто приходила к нему и докучала ему, говоря: «Защити меня от противника моего». Говорю вам, что вскоре сотворит господь отмщение рабам своим, ибо он сказал: «Мне отмщение, и я воздам». Говорит господь: «Не обижайте ни одного из малых сих, ибо ангелы их на небесах всегда видят лицо отца моего небесного». Ибо праведен господь и правду возлюбил, и праведники увидят лицо его. Что человек посеет, то и пожнет. Таково гордым отмщение, которым господь противится, а смиренным дает благодать. Слава ему с отцом и святым духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О МНОГОТЕРПѢЛИВѢМ ИОАННѢ ЗАТВОРНИЦѢ. СЛОВО 29

Подобообразиа и равнострастие имѣти роженнымъ на земли перваго человѣка, ибо, видѣвъ красоту овоща, не удръжася и бога ослушася, и страстьное житие приать. Ибо егда създанъ бысть, не имѣ порока на собѣ, яко божие създание есть: господь бо богъ нашь, персть въсприим от земля, рукама пречистыма, непорочныма създавъ человѣка блага и удобрена, но онъ, аки калъ, земнаа любя, къ сласти поплъзеся, и сласти ему преложишася, и обладанъ бысть оттолѣ род человѣчь страстию, и въ ины сласти уклонися, и боримы есмы всегда.

От тѣх единъ азъ побѣжаюся, им же и работаю, смущаемъ помыслы душа моея, и страстнѣ тѣм касаася и неослабно хотѣние имый къ сътворению грѣха, и тѣм нѣсть мнѣ подобна иже на земли всѣх за многаа сългрѣшениа моя, в них же и до сего часа пребываю.

Но тъй единъ, иже от всѣх обрѣте истину, себе отлучив на божию волю и того заповѣди непорочно съхранивъ, въ чистотѣ же съблюд тѣло свое и душю кромѣ всякыя скверны плотьскыа и душевныя. Сего мѣню Иоанна преподобнаго, затворившаго себе в тѣснем мѣстѣ единомь от печеры. И пребысть въ велицѣ въздержании лѣт 30, и многым постом удручаа и томя тѣло свое и желѣза тяжка на всем тѣлѣ своем носяˑ

К сему нѣкто от братиа часто прихождаше, томим бѣ от дѣйства диаволя на въжделение плотьское, и сей моляше блаженнаго Иоанна молити бога за нь, да господь подасть ему ослабу страстем и утолить хотѣние плотьское. И се многажды приходя глаголаше. Блаженый Иоаннъ глаголаше тому: «Брате, мужайся и крѣпися, потръпи господа и потщися съхранити пути его, и тъй не оставить тя в руку его и не предасть нас в ловитву зубом их». И отвѣща брат къ затворнику: «Вѣру ими ми, отче, аще не подаси ми ослабы, то не почию, от мѣста на мѣсто прѣходя». Блаженный же Иоаннъ рече к нему: «Почто хощеши себе предати на снѣдь врагу? И уподобишися мужю, стоащю близъ пропасти, и егда врагь его пришед внезапу съвержет его долу, и бываеть падение таковаго люто, яко не мощи ему въстати. Аще же зде пребудеши въ святѣм и блаженѣм манастыри сем, подобенъ еси мужю, стоящю далече пропасти, да и врагь трудиться, влекый тя в ню, и не възможет, дондеже господь изведет тя терпѣнием твоим от рова страстей и от брениа тименна и поставить на камени нозѣ твои. Но послушай мене, чадо, да ти исповѣм случившее ми ся от юности моея.

Много бо пострадах томим на блуд и не вѣм что, сьдѣах ради своего спасениа: два дни или три пребывах не ядый,

О МНОГОТЕРПЕЛИВОМ ИОАННЕ ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 29

Все рожденные на земле первому человеку подобны образом и все равную с ним страсть приняли, ибо, увидев красоту запрещенного плода, не удержался он, и ослушался бога, и был порабощен страстями. Когда создан он был, то не имел на себе порока, как божие создание: господь бог наш, взяв прах земной своими руками пречистыми и непорочными, создал человека благого и исполненного добром, но он, из грязи созданный, возлюбил земное, за наслаждениями земными погнался, и наслаждения эти овладели им, и с тех пор страсти владеют родом человеческим, и к новым наслаждениям стремятся люди, и побеждаются ими всегда.

И я один из них — побеждают меня страсти, и порабощен я ими, смущают помыслы душу мою, и покоряюсь я им и неодолимое желание влечет ко греху, и нет мне подобного на земле по множеству грехов моих, в которых я и до сего часа пребываю.

Но тот один из всех обрел истину, предав себя божьей воле и заповеди его сохранивши непорочно, в чистоте сохранил он свое тело и душу, чуждый всякой скверны плотской и духовной. Я разумею Иоанна преподобного, затворившегося в тесном месте пещеры. Там пребывал он в великом воздержании тридцать лет, многим постом обуздывая и терзая тело свое и нося на всем теле своем тяжкие вериги.

Часто приходил к нему один из братии, томимый, по действию дьявола, вожделением плотским, и просил он блаженного Иоанна молить бога за него, чтобы господь избавил его от страстей и утолил похоть плотскую. И много раз приходил он с этой просьбой. Блаженный Иоанн говорил ему: «Брат, мужайся и крепись, потерпи господа ради и старайся сохранить пути его, и он не оставит тебя в руках врагов и не предаст нас на растерзание зубов их». И отвечал брат затворнику: «Поверь мне, отче, если не облегчишь муку мою, то я покоя не найду и стану переходить с места на место». Тогда блаженный Иоанн сказал ему: «Зачем хочешь ты предать себя на съедение врагу? Уподобишься ты человеку, стоящему на краю пропасти, и когда враг подойдет внезапно, столкнет его вниз, и люто будет падение его, так что не сможет он уже встать. Если же здесь останешься, в святом и блаженном монастыре сем,— подобен будешь мужу, стоящему далеко от пропасти, и враг будет стараться спихнуть тебя в нее и не сможет, пока господь не извлечет тебя терпением твоим из рва страстей и грязной тины, и утвердит на камне ноги твои. Но выслушай меня, чадо: я расскажу тебе все, что случилось со мной в юности моей.

Много страдал я, томимый нечистым желанием, и не знаю, чего только не делал я для своего спасения; по два, по три дня

и тако 3 лѣта скончах, многажды же и всю недѣлю ничто же въкушах, и без сна пребывах по вся нощи, и жаждею многою уморяхся, и желѣза тяжкаа на собѣ нося, и пребых в таком злострадании до трею лѣт, но ни тако покоя обрѣтох. И идох убо в печеру, идѣ же лежить святый отець нашь Антоние, и ту на молитву обратихся, и прѣбых день и нощь у гроба его моляся. И слышах его глаголюща къ мнѣ: «Иоанне, Иоанне! подобаеть ти здѣ затворитися, и невидѣнием и молчанием брань упраздниться, и господь поможеть ти молитвами преподобных своих». Аз же, брате, от того часа здѣ вселихся в тѣсное и скоръбное сее мѣсто, и есть ми се 30-тое лѣто, и вмалѣ лѣт покой обрѣтох.

Весь же животъ свой страстнѣ брався с помыслы телесными. И жестоко пребывах, проводя толико животь свой пищею. И потом, не вѣдый, что створити, не могый трьпѣти брани плотскыя, и умыслих нагь жити и брони тяжкы възложити на тѣло свое, яко же оттолѣ и донынѣ на мнѣ, студению и желѣзом истончаваем. И ину вещь сътворих, ея ради пользу обрѣтох. Ископавъ убо яму, до раму досяжущу, приспѣвшим же днемъ святаго поста, и внидох въ яму и своима рукама осыпався перьстию, яко толико имѣти свободнѣ руцѣ и главу, и тако угнѣтаем злѣ, пребыхъ весь пость, не могый двигнути ни единым съставом,— но ни тако стремление плоти и ражжение телеси преста. Но и к сему врагъ диаволъ страхованиа ми творя, хотя мя оттуду отгнати, и ощутих его злодѣйство. Нозѣ бо мои, иже въ ямѣ, изо дну възгорѣшася, яко и жилам скорчитися и костем троскотати, уже пламени досязающи до утробы моея, и удове мои изгорѣша, азъ же забых лютую ту болѣзнь и порадовахся душею, яко та ми чиста съблюденна есть от таковыа скверны, и се изволих изгорѣти въ огни зѣло господа ради, нежели изыити ми изъ ямы тоа. И се видѣх змиа страшна и люта зѣло, всего мя пожрети хотяща, и дышуща пламенем и искрами, пожигаа мя. И се въ многы дни творяше ми, хотя мя прогнати. Приспѣвши же нощи въскресениа Христова, внезаапу нападе на мя лютый той змий, и главу мою и руцѣ мои въ уста своа вложи, и опалѣша ми ся и власи на главѣ и на брадѣ, яко же видиши мя нынѣ. Азъ же уже у гортани бых, и възопих изъ глубины сердца моего. Молитва: «Господи боже, спасе мой! въскую мя еси оставил, ущедри мя, владыко, яко ты еси единъ человѣколюбець. Спаси, мя грѣшнаго, едине боже безгрѣшне! Избави мя от скверны беззакониа моего, да не увязну в сѣти неприязненѣ въ вѣки вѣком. Избави мя от усть врага сего, се бо яко левъ рыкаа ходить, хотя мя поглотити. Въздвигни силу твою и прииди, да мя спасеши, блесни молниа твоя и иждени, да изчезнеть от лица твоего».

оставался без пищи, и так три года провел, часто и по целой неделе ничего не ел, и без сна проводил все ночи, и жаждою многою морил себя, и тяжкие вериги на себе носил, и провел я в таком злострадании года три, но и тут покоя не нашел. И пошел я в пещеру, где лежит святой отец наш Антоний, стал на молитву и молился день и ночь у гроба его. И услышал я голос его ко мне: «Иоанн, Иоанн! нужно тебе здесь затвориться, и невидением и молчанием борьба прекратится, и господь поможет тебе молитвами преподобных своих». С того часа, брат, поселился я здесь в этом тесном и скорбном месте, и вот уже тридцатый год, как я живу здесь, и только немного лет назад нашел успокоение.

Всю жизнь свою неутомимо боролся я с помыслами плотскими. И сначала жестокой я сделал жизнь свою воздержанием в пище. И потом, не зная, что еще сделать, не в силах терпеть борьбы с плотью, задумал я жить нагим, и надел на себя вериги тяжкие, которые с тех пор и доныне остаются на теле моем, и сушит меня холод и железо. Наконец прибег я к тому, в чем и нашел пользу. Вырыл я яму, глубиною до плеч, и, когда пришли дни святого поста, вошел я в яму и своими руками засыпал себя землей, так что свободны были только руки и голова, и так, под этим тяжким гнетом, пробыл я весь пост, не в силах шевельнуть ни одним суставом, но и тут не утихли желания плоти моей. К тому же враг-дьявол страхи разные наводил на меня, чтобы выгнать меня из пещеры, и ощутил я его злодейство. Ноги мои, засыпанные землей, начали снизу гореть, так что жилы скорчились и кости затрещали, потом пламень достиг до утробы, и загорелись члены мои, я же забыл лютую ту боль и порадовался душою, что она очистит меня от такой скверны, и желал лучше весь сгореть в огне том, господа ради, нежели выйти из ямы той. И вот увидал я змея, страшного и свирепого, который хотел всего меня пожрать, дыша пламенем и обжигая меня искрами. И так много дней мучил он меня, чтобы прогнать из пещеры. Когда же наступила ночь воскресения Христова, вдруг напал на меня лютый тот змей и пастью своей ухватил голову и руки мои, и опалились у меня волосы на голове и бороде, как ты можешь видеть и теперь. Я же в пасти змея того уже был и возопил из глубины сердца своего. Молитва: «Господи боже, спаситель мой! Зачем ты меня оставил! Сжалься надо мной, владыко, так как ты единый человеколюбец. Спаси меня, грешного, единый боже безгрешный! Избавь меня от скверны беззакония моего, да не увязну в сети вражеской во веки веков! Избавь меня от зубов врага сего! Вот он, рыкая как лев, ходит, желая меня поглотить. Воздвигни силу свою и прийди, чтобы спасти меня; блесни молнией своей и прогони его: пусть исчезнет он от лица твоего!» И когда я окончил

И яко скончах молитву, и абие бысть молниа, и лютый той змий изчезнет от мене, и к тому и не видѣх его и донынѣ.

И оттолѣ свѣт божественный осиа яко солнце, и слышах глас, глаголющь къ мнѣ: «Иоанне, Иоанне! помощь ти бысть, прочее же внимай собѣ, да не горѣе тобѣ что будеть, и постражеши что зло въ будущемъ вѣцѣ». Азъ же поклонився, рѣх: «Господи, почто мя остави злѣ мучиму быти?» И отвѣща ми, глаголя: «Противу силѣ терпѣниа твоего наведох на тя, да ижженъ будеши яко злато. Не попущаеть бо богъ чресь силу напасти человѣку, егда како изнеможеть, но, яко господинь, рабомь крѣпкым и могущим тяжкаа и великаа дѣла вручаеть, немощным же и слабым худаа и легкаа дѣла замышляеть. Тако разумѣй: при брани страстнѣи, ея же ради ты молишися, о себѣ сущему мертвецю помолися, противу тебе, да ти облегчить от брани блудныа, сей бо болѣи Иосифа сътвори и можеть помагати стражющим бѣднѣ такою страстию». Аз же, не съвѣдый таковому имени, и начах звати: «Господи, помилуй мя».

Послѣди же увѣдах, яко се бысть Моисей, угринъ родом. И прииде на мя свѣт неизречененъ, в нем же и нынѣ есмъ и не требую свѣщи в нощи и въ дьни; но и вси достойнии насыщаються таковаго свѣта, приходящеи къ мнѣ, и зрять явѣ таковаго утѣшениа, еже явѣ нощию освѣти, надежа ради оного свѣта. Мы же умъ погубили къ плотолюбию, и страсть попущает на ны, сътворяя праведное, Христосъ, николи же нам плода сътворшим. Но, брате, азь ти се глаголю: «Помоливѣся сему преподобному Моисиови, и тъй поможеть ти».

И изем же едину кость от мощий его святаго, и вдасть ему, рекъ: «Да приложиши къ телеси своему». И ту абие преста страсть и удове ему омерътвѣша, и оттолѣ не бысть ему пакости. Купно же благодаряше бога, прославляющаго святыа своя: еже в житии ему угодиша, сих и по смерти исцѣлѣний дары обогати и вѣнцы нетлѣнныя украси, и царствию своему сподоби. Ему же слава съ отцем и съ святым духом нынѣ и присно и въ *вѣки вѣкомъ. Аминь.*

О ПРЕПОДОБНѢМЪ МОИСИИ УГРИНѢ. СЛОВО 30

Увѣдано бысть о сем блаженѣм Моисии Угринѣ, яко любимъ бѣ святым Борисом. Сей бо бысть родом угринь, брат же Георгиа, на него же святый Борись възложи гривну злату; его же и убиша съ святым Борисом на Алтѣ и главу его отрѣзаша златыа ради гривны. Сей же Моисий единъ избывъ от горькыа смерти и горкаго заколениа избѣжа, и прииде къ Предиславѣ, сестрѣ Ярославли и бысть ту. И въ дьни тыи нельзѣ бѣ преходити никамо же,

молитву, вдруг блеснула молния, и лютый тот змей исчез от меня, и после того я не видел его и доныне.

Тогда свет божественный, как солнце, осиял меня, и услышал я голос, говоривший мне: «Иоанн, Иоанн! вот тебе помощь, прочее же от тебя зависит: следи за собой, чтобы не было с тобой чего-нибудь горше, и не пострадать бы тебе в будущем веке». Я же поклонился и сказал: «Господи! Зачем же оставил ты меня в такой злой муке?» И отвечал мне, говоря: «По мере силы терпения твоего я навел на тебя искушение, чтобы ты очистился чрез него, как золото в огне. Господь не посылает человеку испытания выше силы, чтобы он не изнемог; но, как хозяин, рабам крепким и сильным тяжкие и большие дела поручает, немощным же и слабым определяет малые и легкие. Знай же вот что: при борьбе с плотской страстью, о которой ты молишься, молись лежащему против тебя мертвецу, чтобы он облегчил тебя от блудной брани; сей более Иосифа сделал и может помогать сильно страждущим такою страстью». Я же, не зная имени, начал взывать: «Господи, помилуй меня!»

Уже потом узнал я, что это Моисей, венгр родом. И пришел на меня свет неизреченный, в котором и ныне пребываю, и не имею нужды в свече ни ночью, ни днем; да и все достойные, приходя ко мне, наслаждаются этим светом и ясно видят утешение его, осветившего мне ночь, ради надежды на свет будущий. Мы погубили ум свой плотолюбием, и творящий праведное Христос посылает страсть на нас, погрязших в грехе, чтобы нас испытать. Но, брат мой, я говорю тебе: «Помолись этому преподобному Моисею, и он поможет тебе».

И взявши одну кость от мощей этого святого, Иоанн подал ее брату и сказал: «Приложи ее к телу своему». Тот сделал так, и тотчас утихла страсть, омертвели члены его, и с тех пор не было ему искушения. И возблагодарили они вместе бога, прославляющего святых своих, угодивших ему при жизни, и по смерти наградил он их даром исцеления и венцами нетленными украсил, и царства своего сподобил. Слава ему с отцом и святым духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О ПРЕПОДОБНОМ МОИСЕЕ УГРИНЕ. СЛОВО 30

Вот что известно об этом блаженном Моисее Угрине, которого любил святой Борис. Был он родом венгр, брат того Георгия, на которого святой Борис надел гривну золотую и которого убили со святым Борисом на Альте и отрубили голову изза золотой гривны. Этот же Моисей один избавился тогда от гибели, избежав горькой смерти, и пришел он к Предславе, сестре Ярославовой, и оставался там. И так как в то время нельзя было никуда пойти,— он, крепкий душою, оставался здесь

и бѣ моляся богу крѣпкый той душею, донде же прииде благочестивый князь нашь Ярослав, не стерпѣвъ теплоты душевныя еже къ братома си, на безаконнаго, и побѣди безбожнаго и гордаго и окааннаго Святополъка. Сему же бѣжавшу въ Ляхы, и прииде пакы съ Болеславом и изъгна Ярослава, а самъ сѣде в Киевѣ. И възвращься Болеславъ в Ляхы, поять съ собою обѣ сестрѣ Ярославли и изъима же и боляре его, с ними же и сего блаженнаго Моисея ведяше окованна по руцѣ и по нозѣ желѣзы тяжкыми, его же твердо стрежаху, бѣ бо крѣпокъ тѣлом и красенъ лицемъ.

Сего же видѣвши жена нѣкаа от великых, красна сущи и юна, имущи богатьство много и власть велию. И та убо, приимши въ умѣ видѣниа доброту, уязвися въ сердци въжделѣнием, еже въсхотѣти сему преподобному. И нача лестными словесы увѣщати его, глаголющи: «О человѣче, всуе таковыа мукы подъемлеши, имѣа разум, им же бы мощно избыти таковаго окованиа и страданиа». Рече же къ ней Моисий: «Богу тако извольшу». Жена же рече к нему: «Аще ми покоришися, азъ тя избавлю и велика сътворю въ всей Лядской земли, и обладати имаши мною и всею областию моею».

Разумѣв же блаженый въжделение ея скверное, и рече к ней: «То кый муж, поимъ жену и покорився ей, исправился есть? Адамъ когда пръвозданный женѣ покорився, из раа изгнанъ бысть. Самсонъ, силою паче всѣх преспѣвъ и ратным одолѣвъ, послѣди же женою преданъ бысть иноплеменником. И Соломонъ премудрости глубину постигь, женѣ повинувся, идоломь поклонися. И Ирод многы побѣды сътворивь, послѣди же, поработився, Предтечу Иоанна усѣкну. То како азъ, свобод сый, рабъ ся сътворю женѣ, ея же от рождениа не познах?» Она же рече: «Азъ тя искуплю и славъна сътворю тя, и господина всему дому моему устрою, и мужа тя имѣти собѣ хощу, токмо ты волю мою сътвори и въжделение души моей утѣши и подай же ми твоея доброты насладитися. Доволна бо есть твоея похоти, не могу бо терпѣти красоты твоея, без ума погубляемы, да и сердечный пламень престанеть, пожигая мя. Азъ же отраду прииму помыслу моему и почию от страсти, и ты убо насладися моеа доброты, и господинь всему стяжанию моему будеши, и наслѣдникъ моея власти, и старѣйшина боляром». Блаженный же Моисей рече к ней: «Добрѣ вѣждь, яко не сътвору воли твоея, ни власти твоея, ни богатьства хочу, но всего сего лучьши душевнаа чистота, паче же и телеснаа. Не буди мнѣ труда погубити 5 лѣт, еже ми господь дарова терпѣти въ узах сихъ. Не повиненъ сый сицевым мукам, их же ради уповаю избавленъ быти вѣчныхъ мукъ».

и пребывал в молитве к богу до тех пор, пока благочестивый князь наш Ярослав, побуждаемый горячей любовью к убитым братьям, не пошел на их убийцу и не победил безбожного, и жестокого, и окаянного Святополка. Но тот бежал в Польшу, и пришел опять с Болеславом, и изгнал Ярослава, а сам сел в Киеве. Болеслав же, возвращаясь в Польшу, захватил с собой обеих сестер Ярославовых и многих бояр его, с ними же и этого блаженного Моисея, и вели его закованного по рукам и по ногам в железа тяжкие, и крепко стерегли его, потому что он был крепок телом и прекрасен лицом.

И увидела его одна знатная женщина, красивая и молодая, имевшая богатство большое и власть. И поразилась она красоте этого юноши, и уязвилось сердце ее вожделением, и захотела она склонить к тому же преподобного. И стала она увещевать его льстивыми словами, говоря: «Юноша, зачем ты напрасно переносишь такие муки, когда имеешь разум, который мог бы избавить тебя от этих мук и страданий». Моисей же отвечал ей: «Богу так угодно». Она же сказала ему: «Если мне покоришься, я избавлю тебя и сделаю великим во всей Польской земле, и будешь ты владеть мною и всеми поместьями моими».

Уразумел блаженный вожделение ее нечистое и сказал ей: «Какой муж, взявши женщину и покорившись ей, спасся? Адам первозданный покорился женщине и из рая изгнан был. Самсон, превзойдя всех силою и всех врагов одолев, после женщиной предан был иноплеменникам. И Соломон постиг глубину премудрости, а, повинуясь женщине, идолам поклонился. И Ирод многие победы одержал, поработившись же женщине, Иоанна Предтечу обезглавил. Как же я, свободный, сделаюсь рабом женщины, если я со дня рождения своего с женщинами не сближался?» Она же сказала: «Я тебя выкуплю, сделаю знатным, господином над всем домом моим поставлю, и будешь ты мужем моим, только исполни мою волю, утоли вожделение души моей, дай мне красотой твоей насладиться. Для меня довольно твоего согласия, не могу я перенести, что гибнет даром твоя красота, и сердечный пламень, сжигающий меня, утихнет. И перестанут мучить меня помыслы, и успокоится страсть моя, а ты насладишься моей красотой и будешь господином всему богатству моему, наследником моей власти, старшим между боярами». Блаженный же Моисей сказал ей: «Твердо знай, что не исполню я воли твоей; я не хочу ни власти твоей, ни богатства, ибо для меня лучше всего этого душевная чистота, а более того телесная. Не пропадут для меня втуне те пять лет, которые господь даровал мне претерпеть в оковах этих. Не заслужил я таких мук и потому надеюсь, что за них избавлен буду мук вечных».

Тогда жена, видѣвши себе лишену таковыа красоты, и на другый съвѣт диаволь приходит, помысливши сице, яко: «Аще искуплю его, всяко и не волею покорить ми ся». Посылает же къ дръжащому того, да възмет у нея елико хощет, Моисея же прѣдасть ей. Он же видѣвь улучение времени и богатьства приобрѣтение, и взя у нея яко до 1000 *гривенъ сребра,* Моисеа же предасть ей. И съ нужею бестудне влечаше его на дѣло не преподобно. Яко се власть приимши на немь и повелѣвает ему причтатися себе, и раздрѣшивши же его от узъ и въ многоцѣнныа ризы его облъкъши и сладкыми брашны того кормяще, и нуждением любовным того обьемлющи, на свою похоть нудящи.

Сей же преподобный, видѣвъ неистовьство жены тоя, молитвѣ и посту прилежаше паче, вкушаа въ бдѣнии, и. изволивь паче сухый хлѣбъ бога ради и воду съ чистотою, нежели многоцѣнное брашно и вино съ скверною. И не токмо себе срачици единоя съвлече, яко же Иосифъ, но и всѣх ризь себе съвлече, и избѣжа от грѣха и ничто же вънѣни житие мира сего, и на таку ярость подвиже жену, яко и гладом уморити его.

Богъ же не оставляеть рабъ своих, уповающих к нему. Нѣкотораго бо от рабь жены тоа на милость преколни, и в тайнѣ подаваше ему пищю. Друзии же, того увѣщавающе, глаголаху: «Брате Моисею! Что възбраняеть ти женитися? Еще бо юнъ еси, и сиа вдова сущи, бывши с мужем лѣто едино, и есть красна паче иных женъ, богатство имущи бесчисленно и власть велию в Лясѣх, и аще бы сиа въсхотѣла нѣкоему князю, то не бы ея гнушался; ты же, плѣнникъ сый и неволенъ от жены сея, и господинъ ей быти не хощеши! Аще ли же глаголаше: «Не могу преступити заповѣди Христовы», то не глаголеть ли Христос въ Еуангелии: «Сего ради оставить человѣкь отца своего и матерь и прилѣпиться къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину, уже бо нѣсть два, но плоть едина». Апостолъ же: «Унее есть женитися, нежели раждизатися»; вдовицам же велит второму браку причтатися. Ты же, не имѣа обычаа мнишеска но свобод сый того, почто злым и горкым мукамъ вдаешися, или что ради стражеши? Аще ти ся лучить умрѣти въ бедѣ сей, то кою похвалу имаши? Кто же ли от прьвых и донынѣ възгнушася женъ, развѣ чернець? Авраамъ и Исаакъ и Ияковъ? Иосифъ же в малѣ побѣдивъ и пакы женою побѣжень бысть. Ты же нынѣ аще съ животомъ гоньзнеши, женою же пакы обладанъ будеши, и кто не посмѣеться твоему безумию? Уне ти есть покоритися женѣ сей и свободну быти, и господину быти всему».

Он же глагола им: «Ей, братие и добрии мои друзи, добрѣ ми съвѣщаваете. Разумѣю, яко лучши змиина нашептаниа, еже в раи Евзѣ, словеса предлагаете ми. *Нудите* ми

Когда женщина эта увидела, что лишена такой красоты, то, по дьявольскому внушению, пришла к такой мысли: «Если я выкуплю его, он поневоле покорится мне». И послала она к владельцу юноши, чтобы тот взял у нее денег, сколько хочет, только продал бы ей Моисея. Он же, видя подходящий случай для приобретения богатства, взял у нее около тысячи гривен серебра и уступил Моисея ей. И насильно без всякого стыда повлекли его на дело нечестивое. Получив власть над ним, эта женщина велит ему сочетаться с собой, она освобождает его от оков, в многоценные одежды одевает, сладкими кушаньями кормит, объятиями и любовными обольщениями понуждает его утолить ее страсть.

Преподобный же, видя неистовство женщины этой, стал еще прилежнее молиться и изнурять себя постом, предпочитая лучше, бога ради, есть сухой хлеб и пить воду с чистотою, нежели многоценное кушанье и вино со скверною. И не только одну сорочку, как Иосиф, совлек он с себя, но и всю одежду сбросил, избегая греха, и ни во что вменил жизнь здешнего мира; и в такую ярость привел он эту женщину, что хотела она голодом уморить его.

Но бог не оставляет рабов своих, надеющихся на него. Он преклонил на милость одного из слуг женщины той, и тот тайно давал Моисею пищу. Другие же увещевали преподобного, говоря: «Брат Моисей! что мешает тебе жениться? Ты еще молод, а эта вдова, прожившая с мужем только один год, прекраснее многих других женщин, и богатство имеет бесчисленное, и власть великую в Польше; если бы она захотела выйти за какого-нибудь князя, и тот бы ею не погнушался; а ты, пленник и невольник женщины этой, господином ее стать не хочешь! Если же скажешь: «Не могу преступить заповеди Христовой», то не говорит ли Христос в Евангелии: «Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут оба единой плотию; так что они уже не двое, а одна плоть». И апостол говорит: «Лучше вступить в брак, нежели распаляться». Вдовам же велит вступать во второй брак. Зачем же ты, когда ты не инок и свободен, предаешь себя на злые и горькие муки, чего ради страдаешь? Если придется тебе умереть в беде этой, какая тебе похвала будет? Да и кто же от первых людей доныне гнушался женщин, кроме монахов? Авраам, и Исаак, и Иаков? И Иосиф сначала победил женскую любовь, а потом и он женщине покорился. И ты, если теперь жив останешься, все равно же потом женишься, и кто тогда не посмеется твоему безумию? Лучше тебе покориться женщине этой и стать свободным, и господином быть всему».

Он же отвечал им: «Ей, братья и добрые друзья мои, добрые вы мне советы даете! Понимаю я, что слова ваши лучше тех, что нашептывал змей в раю Еве. Вы убеждаете меня

покоритися женѣ сей, но никако же съвѣта вашего прииму. Аще ми ся лучить и умрѣти въ юзах сихъ и горкых муках, всяко чаю от бога милость прияти. Аще и вси праведници спасошася съ женами, азъ же единь грѣшенъ есмь, не могу съ женою спасатися. Но аще бы Иосифъ повинулъ ся женѣ Петеръфиинѣ, то не бы сий потом царствовалъ: видѣв же богъ терпѣние его и дарова ему царство, тѣм же и въ роды хвалим есть, яко цѣломудръ, аще и чада прижит. Азъ же не Египетъскаго царства желаю приати и обладати властьми, и велику быти в Лясѣх, и честну явитися въ всей Руской земли,— но вышняго ради царства вся си приобидѣх. Аще же съ животом избуду от рукы жены сея, то чернець буду. Что же убо въ Еуангелии Христос рече? «Всякъ, иже оставит отца своего и матерь и жену и дѣти и домъ, тъй есть мой ученикъ». Христа ли паче послушати или вас? Апостолъ же глаголеть: «Оженивыйся печеться, како угодити женѣ, а не оженивыйся печеться, како угодити богу». Въпрошу же бо вас: кому подобаеть паче работати — Христу или женѣ? Пишет же: «Раби, послушайте господий своих на благое, а не на злое». Буди же разумно вам, держащим мя, яко николи же прельстит мя красота женьскаа, ниже отлучить мене от любве Христовы».

Си слышавши жена, помыслъ лукавъ въ сердци си приимши, въсажаеть его на кони, и съ многыми слугами, и повелѣ водити его по градом и по селом, яже довлѣють ей, глаголющи ему: «Сиа вся твоа суть, яже угодна суть тобѣ; твори яже хощеши о всем». Глагола же и к людем: «Се господинъ вашь, а мой муж, да вси срѣтающе поклоняйтеся ему». Бяху бо мнози служаще той рабы и рабыня. Посмѣяв же ся блаженый безумию жены, и рече ей: «Въсуе тружаешися, не можеши бо мене прельстити тлѣнными вещьми мира сего, ни окрасти ми духовнаго богатьства. Разумѣй и не трудися въсуе».

Жена же рече ему: «Не вѣси ли, како проданъ ми еси, и кто измет ту от руку моею? И жива тебе никако же отпущу; по многых муках смерти тя предамь». Он же безъ страха отвѣща ей: «Не боюся еже ми речено, но предавый мя тобѣ болий грѣх имать. Азъ же отселѣ, богу волящу, буду мних».

В ты же дьни прийде нѣкто мних от Святыя Горы, сыном иерѣй, богу наставляющу его, и прииде къ блаженному и облече и въ аггельскый образь, и много поучивъ его о чистотѣ, еже не предати плещий своих врагу и тоа сквернавыа жены избавитися, и сиа рекъ, отъиде от него. Възыскан же бысть таковый, и не обрѣтенъ.

Тогда же жена, отчаавшися своея надежа, раны тяжкы възлагаеть на Моисеа: растягши, повелѣ бити его жезлием, яко

покориться этой женщине, но я никак не приму вашего совета. Если и придется умереть мне в этих оковах и страшных муках — знаю я, что за это от бога милость приму. Пусть все праведники спаслись с женами, я один грешен и не могу спастись с женой. Ведь если бы Иосиф покорился жене Потифара, то не царствовал бы он после: бог, видя стойкость его, даровал ему царство; за то и прошла слава о нем в поколениях, что остался целомудренным, хотя и детей прижил. Я же не Египетского царства хочу и не власти, не хочу быть великим между поляками, почитаемым во всей Русской земле сделаться — ради вышнего царства я всем этим пренебрег. Если же я живой избавлюсь от руки женщины этой, то монахом стану. А что в Евангелии Христос говорит? «Всякий, кто оставит отца своего, и мать, и жену, и детей, и дом, тот есть мой ученик». Христа ли мне больше слушаться или вас? Апостол же говорит: «Женатый печется о том, как угодить жене, а неженатый думает, как угодить богу». Спрошу я вас: кому больше следует служить,— Христу или жене? Написано ведь: «Рабы должны повиноваться господам своим на благое, а не на злое». Пусть же будет известно вам, заботящимся обо мне, что никогда не прельстит меня красота женская, никогда не отлучит от любви Христовой».

Услыхала об этом вдова и, затаив в сердце лукавый помысел, повелела предоставить Моисею коней и в сопровождении многочисленных слуг возить его по городам и селам, принадлежащим ей, сказав ему: «Тут все, что тебе угодно,— твое; делай со всем этим что хочешь». Людям же говорила: «Это господин ваш, а мой муж, встречая его, кланяйтесь ему». А в услужении у ней было множество рабов и рабынь. Посмеялся блаженный безумию этой женщины и сказал ей: «Всуе трудишься: не можешь ты прельстить меня тленными вещами мира сего, ни отнять у меня духовного богатства. Пойми это и не трудись всуе».

Она же сказала ему: «Или ты не знаешь, что ты мне продан, кто избавит тебя от рук моих? Я ни за что тебя живого не отпущу; после многих мук смерти тебя предам». Он же без страха отвечал ей: «Не боюсь я того, что ты говоришь; но на предавшем меня тебе больше греха. Я же отныне, если богу угодно, стану иноком».

В те дни пришел один инок со Святой Горы, саном иерей; по наставлению божию, пришел он к блаженному и облек его в иноческий образ, и, много поучив его о чистоте, о том, как избавиться от этой скверной женщины, чтобы не предать себя во власть врага, он ушел от него. Стали искать его и нигде не нашли.

Тогда женщина эта, потеряв всякую надежду, подвергла Моисея тяжким истязаниям: распластав его, повелела бить палками,

и земли наполнитися крови. И биющи глаголаху ему: «Покорися госпожи своей и сътвори волю ея. Аще ли преслушаешися, то на уды раздробим тѣло твое; не мни бо, яко избѣжиши сих мукъ, но по многых муках горцѣ предаси душю свою. Но помилуй сам себе и отложи изможданлныа сиа ризы и облецися въ многоцѣнныа ризы, и избуди ожидающих тебе мукъ, донелѣже не коснемься плоти твоей». И отвѣща Моисей: «Братие, повеленное вамъ творити — творите, никако же медляще. Мнѣ же никако же мощно есть еже отрѣщися мнишества и любве божиа. Никакое же томление, ни огнь, ни мечь, ни раны не могут мене разлучити от бога и сего великаго аггельскаго образа. И сиа бестуднаа и помраченнаа жена показа свое бестудие, не токмо убоявшися бога, но и человѣчьскый срам преобидѣвши, без срама нудящи на осквернение и прелюбодѣание. Ни ей покорюся, ни тоа окаанныа волю сътворю»!

Многу же печаль имущи жена, како бы себе мьстити от срама, посылает къ князю Болеславу, сице глаголющи: «Сам вѣси, яко мужь мой убиенъ бысть на брани с тобою, ты же ми далъ еси волю, да его же въсхощу, поиму себѣ мужа. Аз же възлюбих единого юношу от твоих плѣнникъ, красна суща, и искупивши, поях его в домъ свой, давши на нем злата много, и все сущее въ дому моем злато и сребро и власть всю даровах ему. Он же сиа вся ни въ что же вънѣнивъ. Многажды же и ранами и гладом томящи того, и недовольно бысть ему. 5 лѣть окованну бывшю от пленивьшаго его, и се шестое лѣто пребысть у мене, и много мученъ бысть от мене преслушаниа ради, еже самъ на ся привлече по жестосердию своему; нынѣ же пострижень бысть нѣ от коего черноризца. Ты же что велиши о нем сътворити, да сътворю».

Он же повелѣ ей приехати к собѣ и Моисея привести съ собою. Жена же прииде къ Болеславу и Моисея приведе съ собою. Видѣв же преподобнаго Болеславъ и много нудивъ его пояти жену, и не увѣща. И рече к нему: «Кто тако нечювьственъ, яко же ты, иже толиких благъ и чести лишаешися и вдалъ ся еси в горькыа сиа мукы. Отнынѣ буди вѣдаа, яко животь и смерть предлежить ти: или, волю госпожа своея сътворшю, от нас чесну быти и велику власть имѣти, или, преслушавшю, по многых муках смерть приати». Глагола же и къ женѣ: «Никто же от купленых тобою плѣнникъ буди свобод, но, акы госпожа рабу, створи еже хощеши, да и прочии не дерьзнут преслушатися господий своих».

И отвѣща Моисей: «Что убо глаголеть господь: «Каа убо полъза человѣку, аще и весь мирь приобрящет, *а душю свою отъщетить,* или что дасть измѣну на души своей?» Ты же что ми обѣщаваеши славу и честь, ея же ты сам скоро отпадеши,

так что и земля напиталась кровью. Избивая его, говорили ему: «Покорись госпоже своей и исполни волю ее. Если не послушаешься, то на куски раздробим тело твое; не думай, что избежишь этих мучений; нет, во многих и горьких муках предашь душу свою. Помилуй сам себя, сбрось эти измочаленные рубища и надень многоценные одежды, избавь себя от ожидающих тебя мук, пока мы еще не начали терзать тело твое». И отвечал Моисей: «Братья, повеленное вам исполнять — исполняйте, не медлите. А мне уже никак нельзя отречься от иноческой жизни и от любви божией. Никакие истязания, ни огонь, ни меч, ни раны не могут отлучить меня от бога и от великого ангельского образа. А эта бесстыдная и безумная женщина показала свое бесстыдство, не только не побоявшись бога, но и человеческий срам презревши, без стыда принуждая меня к осквернению и прелюбодеянию. Не покорюсь я ей, не исполню волю окаянной!»

Много думая о том, как отомстить за свой позор, женщина эта посылает к князю Болеславу, так говоря: «Ты сам знаешь, что муж мой убит в походе с тобою, и ты дал мне волю выйти замуж за кого захочу. Я же полюбила одного прекрасного юношу из твоих пленников, и, заплативши за него много золота, выкупила его, взяла его в свой дом, и все, что было у меня,— золото, серебро и всю власть свою даровала ему. Он же все это ни во что вменил. Много раз и ранами и голодом томила я его, но ему и того мало. Пять лет пробыл он в оковах у пленившего его, и вот шестой год находится у меня и за свое непослушание много мук принял от меня, которые сам на себя навлек из-за непреклонности сердца своего; а теперь какой-то черноризец постриг его в монахи. Что повелишь ты мне сделать с ним, так я и сделаю».

Князь велел ей приехать к себе и Моисея привезти с собою. Она же пришла к Болеславу и Моисея привела с собою. Увидав преподобного, Болеслав долго принуждал его взять за себя эту вдову и не уговорил его. И сказал он ему: «Можно ли быть таким бесчувственным, как ты; стольких ты благ и какой чести лишаешь себя и отдаешься на горькие муки! Отныне да будет тебе ведомо, что жизнь или смерть ожидают тебя: если волю госпожи своей исполнишь, то от нас в чести будешь и великую власть примешь, если ослушаешься, то после многих мук смерть примешь». Ей же сказал: «Пусть никто из купленных тобою пленных не будет свободен, но делай с ними, что хочешь, как госпожа с рабами, чтобы и прочие не дерзали ослушаться господ своих».

И ответил Моисей: «А что говорит господь: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит или какой выкуп даст человек за душу свою?» Что ты мне обещаешь славу и честь, которых сам ты скоро лишишься,

и гробъ тя приимет, ничто же имуща! И сиа скверная жена злѣ убиена будеть». Яко же и бысть по пророчению преподобнаго.

Жена же, вземши на нем власть большую, бестудно влечаше его на грѣх. Единою же повелѣ его нужею положити на одрѣ своем съ собою, лобызающи и обьимающи, но не може ни сею прелѣстию на свое желание привлещи его. Рече же к ней блаженный: «Въсуе труд твой, не мни бо мя яко безумна или не могуща сего дѣла сътворити, но страха ради божиа тебе гнушаюся, яко нечисты». И си слышавши, жена повелѣ ему по сту ранъ даяти на всякъ день, послѣди же повелѣ ему тайныа уды урѣзати, глаголющи: «Не пощажю сего доброты, да не насытяться инии его красоты». Моисей же лежаше аки мертвъ от течениа крови и мало дыханиа в себѣ имый.

Болеслав же, усрамився величьства жены и любве прьвыа, потакви ей творя, въздвиже гонение велие на черноризци и изгна вся от области своея. Богь же сътвори отмьщение рабом своим въскорѣ. Въ едину убо нощь Болеславъ напрасно умре, и бысть мятежь великъ въ всей Лядской земли, и въставше людие избиша епископы своя и боляре своя, яко же в Лѣтописци повѣдаеть. Тогда и сию жену убиша.

Преподобьный же Моисей, възмогъ от ранъ, прииде къ святѣй богородици в Печерьскый святый манастырь, нося на собѣ мученичьскыа раны и вѣнець исповѣданиа, яко побѣдитель храборъ Христовъ. Господь же дарова ему силу на страсти.

Нѣкый бо брать, борим бывъ на блуд, и пришед, моляше сего преподобнаго помощи ему: «И аще ми, рече, что речеши, имам съхранити и до смерти таковаго обѣта». Блаженный же рече тому: «Да николи же речеши слова никацѣй женѣ в животѣ своем». Он же обѣщася с любовию. Святый же, имѣа жезлъ в руцѣ своей, бѣ бо не могый ходити от онѣх ранъ, и симь удари его в лоно, и абие омертвѣша уды его, и оттолѣ не бысть пакости брату.

Се же вписанно есть в житии святаго отца нашего Антониа, еже о Моисеи, бѣ бо пришелъ блаженный въ дьни святаго Антониа и скончася о господѣ въ добрѣ исповѣдании, пребывъ в манастыри лѣт 10, а въ пленении страдав-въ узах 5 лѣт, 6-е лѣто за чистоту.

Помянух же и чернеческое изгнание в Лясѣх преподобнаго ради пострижениа, еже вдатися богу, его же възлюби. Сие же вписано есть в житии святаго отца нашего Феодосиа. Егда изгнанъ бысть святый отець нашь Антоние князем Изяславом Варлаама ради и Ефрема, княгыни же его, ляховица сущи, възбрани ему, глаголющи: «Ни мысли, ни сътвори сего. Сице бо сътворися нѣкогда в земли нашей: нѣкоея ради вины изгнани быша черноризци от предѣлъ земли нашея,

и гроб примет тебя, ничего не имеющего! И эта скверная женщина жестоко убита будет». Так потом и было, как предсказал преподобный.

Женщина же эта, приобретя над ним еще бо́льшую власть, бесстыдно влекла его на грех. Однажды велела она насильно положить его на постель с собою, целовала и обнимала его; но и этим соблазном не смогла привлечь его к себе. Блаженный же сказал ей: «Напрасен труд твой, не думай, что я безумный или что не могу этого дела сделать: я, ради страха божия, тебя гнушаюсь, как нечистой». Услышав это, вдова приказала давать ему по сто ударов каждый день, а потом велела обрезать тайные члены, говоря: «Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другие». И лежал Моисей, как мертвый, истекая кровью, едва дыша.

Болеслав же, по прежней любви к этой женщине потакая ей, воздвиг великое гонение на черноризцев и всех их изгнал из земли своей. Но бог скоро отмстил за рабов своих. Однажды ночью Болеслав внезапно умер, и поднялся великий мятеж во всей Польской земле: восставший народ побил своих епископов и бояр, как и в Летописце рассказано. Тогда и эту вдову убили.

Преподобный же Моисей, оправившись от ран, пришел к святой богородице, в святой Печерский монастырь, нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и воин Христов. И господь даровал ему силу против страстей.

Некто из братий, одержимый плотской страстью, пришел к этому преподобному и молил его помочь ему, говоря: «Даю обет сохранить до смерти все, что ты велишь мне». Блаженный же сказал ему: «Никогда за всю свою жизнь ни с одной женщиной не говори ни слова». Он же с любовью обещался исполнить это. У святого же в руке был посох, без которого он не мог ходить от тех ран, ударил он им в лоно пришедшего к нему брата, и тотчас омертвели члены его, и с тех пор не было искушения этому брату.

О том, что случилось с Моисеем, записано и в житии святого отца нашего Антония, так как во времена святого Антония пришел блаженный; и скончался он о господе в добром исповедании, пробыв в монастыре десять лет, а в плену страдал пять лет в оковах, шестой же год за чистоту.

Я упомянул и о изгнании чернецов из Польши, за пострижение преподобного, предавшегося богу, которого он возлюбил. Об этом рассказано в житии святого отца нашего Феодосия. Когда святой отец наш Антоний был изгнан князем Изяславом из-за Варлаама и Ефрема, жена князя, полячка, удерживала его от этого, говоря: «И не думай поступать так. То же было некогда в нашей земле: некоей ради вины изгнаны были черноризцы из пределов земли нашей,

и велико зло сдѣася в Лясѣх». Сего ради Моисеа се сътворися, яко же преди написахом.

И се убо еже постигохом. Сие написахом о Моисеи Угринѣ и Иоаннѣ Затворницѣ, еже сдѣа ими господь въ славу свою, прославляа их, терпѣниа их ради, и дары чюдотвориа обогати. И тому слава нынѣ и *присно и въ вѣки вѣкомъ. Аминь.*

О ПРОХОРѢ ЧЕРНОРИЗЦѢ, ИЖЕ МОЛИТВОЮ ВЪ БЫЛИИ, ГЛАГОЛЛЕМѢЙ ЛОБОДА, ТВОРЯШЕ ХЛѢБЫ И ВЪ ПЕПЕЛУ СОЛЬ. СЛОВО 31

Яко же изволися человѣколюбцю бгу о своей твари, на вся времена и лѣта промышляа роду человѣчьскому и полезнаа даруя. Ожидаа нашего покааниа, наводит на ны овогда глад, овогда ли рати за неустроение сущаго властелина. Симь бо приьодить владыка нашь человѣчьское нерадение на добродѣтель, на память дѣлъ неподобных, ибо дѣлающаа злаа и неподобная дѣла предани будуть злым и немилостивым властелинам, грѣх ради наших, но ни тии убѣжат суда: суд бо безъ милости не сътворшему милости.

Бысть убо въ дьни княжениа Святополча въ Киевѣ. Много насилиа людемъ сътвори Святополкъ, домы бо силных до основаниа без вины искоренивъ и имѣниа многым отъемъ. Сего ради попусти господь поганым силу имѣти надъ нимъ, и быша брани многы от половець. К сим же и усобица бысть в та времена, глад крѣпокъ, и скудость велиа при всем в Руской земли.

Бысть же въ дьни тыи прииде нѣкый человѣкъ от Смоленьска къ игумену Иоанну, хотя быти мних, его же и постригъ, Прохора того именова. Сей же убо, бывъ черноризець, вдасть себе в послушание и въздръжание безмѣрное, яко и хлѣба себе лишивъ. Събирает убо лободу и своима рукама стираа, хлѣбь себѣ творяше и симь питашеся. И се приготовляше до году, и въ преидущее лѣто то же приготовляше, яко доволну ему быти безъ хлѣба весь живот свой.

И видѣ господъ терпѣние его и великое въздержание, преложи ему горесть ону на сладость, и по печали бысть ему радость, по реченному: «Вечерь въдвориться плачь, и заутра радость». И сего ради прозванъ бысть Лобедникъ, ибо николи же хлѣба въкуси, развѣ просфоры, ни овоща никакова же, ни питиа, но точию лободу и воду, яко же и вышеречеся. Сий не поскорбѣ николи же, но всегда работаше господеви радуася. И не устрашися николи же находящиа рати, зане бысть житие его, яко единому от птиць, не стяжа бо селъ, ни житница, идѣ же съберет благаа своа. Сий не рече, яко же богатый: «Душе, имаши многа благаа, лежаща на многа лѣта, ежь, пий, веселися!»

и великое зло тогда сделалось в Польше!» Из-за Моисея это произошло, как уже прежде рассказано.

И вот то, что мы узнали, то все и написали о Моисее Угрине и Иоанне Затворнике, о том, что сделал чрез них господь во славу свою, прославляя их за терпение, и дарами чудотворения наделил их. Слава ему ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

О ПРОХОРЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ МОЛИТВОЮ ИЗ ТРАВЫ, НАЗЫВАЕМОЙ ЛЕБЕДА, ДЕЛАЛ ХЛЕБЫ, А ИЗ ПЕПЛА СОЛЬ. СЛОВО 31

Такова воля человеколюбца-бога о своем творении: во все времена и лета заботится он о роде человеческом и дарует ему полезное. Ожидая нашего покаяния, наводит он на нас иногда голод, иногда рати за межусобные распри властелина. Этим владыка наш направляет человеческое нерадение к добродетели, напоминая суть неподобных дел, ибо делающие злые и неподобные дела преданы будут злым и немилостивым властелинам за грехи свои, но и те не избегнут суда: суд бывает без милости тому, кто сам не творит милости.

Произошло это во дни княжения Святополка в Киеве. Много насилий делал людям Святополк, без вины искоренил до основания семьи многих знатных людей и имение у них отнял. И за то попустил господь взять поганым силу над ним: и много тогда было войн с половцами. К тому же были в те времена усобицы и голод сильный, и во всем была скудость великая в Русской земле.

В те дни пришел некий человек из Смоленска к игумену Иоанну, желая стать иноком; игумен постриг его и назвал Прохором. Став черноризцем, Прохор предал себя на послушание и такое безмерное воздержание, что отказался даже от хлеба. Он собирал лебеду, растирал ее своими руками, делал из нее хлеб и этим питался. И заготовлял он себе ее на год, а на следующее лето собирал новую, и так довольствовался он лебедой вместо хлеба всю жизнь свою.

И господь, видя терпение его и великое воздержание, превратил ему горечь ту в сладость, и была ему радость после печали, по сказанному: «Вечером водворяется плач, а наутро радость». И ради этого прозвали его Лебедником, потому что, как сказано выше, никогда он не вкушал ни хлеба, кроме просфоры, ни овощей никаких, ни напитков, но только лебеду и воду. И не роптал он никогда, но всегда служил господу с радостью. И не страшился он никогда никаких бед, потому что жил, как птица: не приобретал ни сел, ни амбаров, где бы хранить добро свое. Он не говорил, как тот богач: «Душа! много добра лежит у тебя на многие годы: ешь, пей, веселись!»

Иного бо не имяше, развѣ точию лободу, но се приготовляше токмо на преидущее лѣто, глаголаше же къ собѣ: «Человѣче, в сию нощь душю твою истяжут от тебе аггели, а яже приготованнаа лобеда кому будеть?» И сий дѣлом исполнивъ слово господне реченное, еже рече: «Възрите на птица небесныя, яко ни сѣють, ни жнут, ни в житницю събираюпь, но отець вашь небесный питаеть их». Симь ревнуа, сий преподобный Прохоръ легко прѣходя путь, идѣ же бываше лобода, то оттуду на свою раму, яко на крылу, въ манастыръ приношаше, на свою кормлю готовляше: на неоранѣй земли ненасѣаннаа пища бываше ему.

Гладу же велику приспѣвшу и смерти належащи глада ради бывающаго на вся люди, блаженный же дѣло свое съдержаше, събираа лобеду. Сего видѣвъ нѣкый человѣкъ събирающа лобеду, начатъ и тъй събирати лобеду, себе же ради и домашних своих, да тѣм прѣпитаються въ гладное врѣмя. Сему же тогда блаженому паче умножашеся лобеда на пищю, и болий труд собѣ творяше в тыи дьни, събираа таковое зелие, яко же и преже рѣх, и своима рукама стираа, творяше хлѣбы и раздаваше неимущимь и от глада изнемогающимъ. Мнози же бяху тогда к нему приходяще въ гладное врѣмя,— он же всѣмь раздаваше, и всѣм сладко являшеся, яко с медомъ суще, и не тако хотѣти кому хлѣба яко же от руку сего блаженнаго сътвореннаго от дивиаго зелиа приати. Кому бо даяше съ благословениемъ, то свѣтелъ и чистъ являшеся и сладокъ бываше хлѣбъ; аще ли хто взимаше отай, обрѣташеся хлѣбъ аки пелынь.

Нѣкто бо от братиа в тайнѣ украд хлѣбъ, безъ того повелѣниа ясть, и не можаше ясти, зане обрѣташеся в руку его акы пелынь, и горекъ паче мѣры являшеся. И се сътворися многажды. Стыдяше же ся, от срама не могый повѣдати блаженному своего съгрѣшениа. Гладенъ же бывъ и не могый терпѣти нужда естѣственьныа, видя смерть пред очима своима, и приходить къ Иоанну игумену, глаголя, повѣдаа събывшееся, прощениа прося о своемь съгрѣшении. Игумен же, не вѣровавъ реченным, повелѣ иному брату се сътворити: въ тайнѣ хлѣбъ взяти, да разумѣють истинно, аще тако есть. И принесену бывшу хлѣбу, и обрѣтеся такожде, яко же и крадый повѣда брат, и не можаше никто же въкусити его от горести. Сему же сущю и еще в руках его, посла игуменъ испросити хлѣбъ, да от руку его, рече, възмѣте, и отходяще же от него, и другый хлѣбъ украдите. Сима же принесеныма бывшима, украденый же хлѣбъ пред ними пременися, и бысть яко прьсть горекъ, акы и первый, а взятый же хлѣбъ от руку его — аки мед, и свѣтелъ явися. И сему чюдеси бывшу, прослу таковый муж всюду, и многы прекормив алъчныа, и многымъ на ползу бывъ.

Не имел он ничего, кроме лебеды, да и ту приготовлял только на один год, говоря себе: «Человече! В эту ночь возьмут от тебя душу твою ангелы, так кому же останется приготовленная тобой лебеда?» Он на деле исполнил слово господа, который сказал: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и отец ваш небесный питает их». Подражая им, преподобный Прохор легко проходил путь до того места, где росла лебеда, и оттуда на своих плечах, как на крыльях, приносил ее в монастырь и приготовлял себе в пищу: на непаханой земле несеяный хлеб был ему.

Настал великий голод, и смерть из-за голода нависла над всеми людьми; блаженный же продолжал дело свое, собирая лебеду. Увидев его, собирающим лебеду, один человек и сам стал собирать лебеду для себя и для домашних своих, чтобы пропитаться ею в голодное время. Блаженному же тогда пришлось гораздо больше собирать лебеды на пищу, и принял он на себя в те дни еще больший труд: собирая это зелье и, как я уже говорил, растирая его своими руками, делал из него хлебы и раздавал их неимущим и от голода изнемогающим. Многие приходили к нему в это голодное время, и он всех оделял этими хлебами, и сладкими, как с медом, казались они всем; и никому так настоящего хлеба не хотелось, как руками этого блаженного приготовленного из дикого зелья. И если он сам давал с благословением, то светел, и чист, и сладок бывал его хлеб; если же кто брал тайком, то оказывался хлеб горек, как полынь.

Некто из братии потихоньку украл хлеб, и стал есть его без благословения того старца, и не мог его есть, потому что в его руках он сделался как полынь и без меры горьким. И так повторялось не раз. Но стыдился брат, от срама не мог открыть блаженному своего согрешения. Однако будучи голоден, не стерпев естественной нужды и видя смерть пред глазами своими, пришел он к Иоанну-игумену и, прося прощения за свое согрешение, рассказал ему о случившемся. Игумен не поверил рассказанному и, чтобы узнать, подлинно ли это так, велел другому брату сделать то же: взять хлеб тайно. Принесли хлеб, и оказалось то же, что говорил укравший брат: никто не мог есть его от горечи. Держа этот хлеб в руках, игумен послал попросить хлеб у блаженного. «Один хлеб,— сказал он,— возьмите из рук его, а другой хлеб, уходя от него, украдите». Когда принесли эти хлебы, украденный изменился пред всеми и сделался как прах, и был горек, как и первый, а хлеб, взятый из рук блаженного,— светел и сладок, как мед. После такого чуда повсюду прошла слава об этом муже, и многих голодных прокормил он, и многим был полезен.

Егда Святополкъ съ Давыдом рать зачаста и про Василькову слѣпоту, еже ослѣпи Святополкъ, послушавъ Давыда Игоревича, с Володарем и самѣм Васильком, и не пустиша гостей из Галича, ни лодий от Перемышля, и не бысть соли въ всей Руской земли. Сицеваа неуправлениа быша, к сему же и грабления безаконнаа, яко же и пророкъ рече: «Снѣдающа люди своа въ хлѣба мѣсто, господа не призваша». И бѣ видѣти тогда сущаа люди въ велицѣй печали и изнемогших от глада и от рати, и не имяху бо ни пшеница, ниже соли, чим бы скудость препроводити.

Блаженый же тогда Прохоръ, имѣа келию свою, и събра множество пепелу от всѣх келий, не вѣдущу сего никому же, и се раздаваше приходящим, и всѣмь бываше чиста соль, молитвами его. И елико раздаваше, толико паче множашеся. И ничто же взимаа, но туне всѣм подаваше, елико кто хотяше, и не токмо манастырю довольно бысть, но и мирьскаа чада, к нему приходяще, обильно възимаху на потребу домом своим. И бѣ видѣти торжище упражняемо, манастыр же полнъ приходящих на приатие соли. И от того въздвижеся зависть от продающих соль, и сътворися им неполучение желаниа. Мнѣвше собѣ в тыи дьни богатьство много приобрѣсти в соли, бысть же им о том печаль велиа:• юже бо преже драго продаваху, по двѣ головажни на куну, нынѣ же по 10, и никто же възимаше.

И въставше вси, продающии соль, приидоша къ Святополъку и навадиша на мниха, глаголюще, яко: «Прохоръ чернець, иже есть в Печерьском манастыри, отъять от нас богатьства много: даеть соль всѣм к нему приходящим невъзбранно, мы же обнищахом». Князъ же, хотя им угодити, двое же помысли в собѣ: да сущую млъву в них упразднить, собѣ же богатьство приобрящет. Сию мысль имѣа въ умѣ своем, съвѣщавъ съ своими съвѣтникы цѣну многу в соли, да емъ у мниха, продавца ей будет. Тогда крамолникомь тѣмъ обѣщавается, глаголя: «Вас ради пограблю черньца», крыа в собѣ мысль приобрѣтениа богатьства. Сим же хотя мало угодити имъ, паче же многу им спону творя, зависть бо не вѣсть предпочитати еже полезное сътворити.

Посылает же князь, да възмут соль всю у мниха. Привезенѣй же бывши соли, и прииде князь, хотя видѣти ю, и с тѣми крамолникы, иже навадиша на блаженаго, и видѣша вси, яко пепель есть видѣти очима. Много же дивившеся: что, рече, се будеть, и недоумѣахуся. Извѣстно же хотя увѣдѣти, что будеть таковое дѣло, обаче же повелѣ ю съхранити до 3 дьний, да разумѣють истинно. Нѣкоему же повелѣ вкусити, и обрѣтеся пепель въ устѣх его.

Приходящимь же по обычаю множество народа, хотяще взимати соль у блаженнаго, и увѣдавше пограбление старьче,

Когда Святополк, в союзе с Володарем и самим Васильком, пошел ратью на Давыда Игоревича в отместку за Василька, которого ослепил он, подстрекаемый Давыдом Игоревичем, не стали пускать ни купцов из Галича, ни ладей из Перемышля, и не было соли во всей Русской земле. Наступило трудное время, начались беззаконные грабежи, как сказал пророк: «Съедающие народ мой, как едят хлеб не призывающие господа». И были все люди в великой печали, изнемогли от голода и от войны, не имели ни пшеницы, ни даже соли, чем бы преодолеть скудость свою.

Блаженный Прохор тогда имел уже келью свою; и собрал он к себе изо всех келий множество пепла, но так, что никто не знал, и раздавал его приходящим к нему, и для всех, по молитве его, делался он чистой солью. И чем больше он раздавал, тем больше у него становилось. И ничего не брал за это, а всем даром давал, сколько кому нужно, и не только монастырю было довольно, но и мирские люди приходили к нему и обильно брали, сколько кому требовалось для дома своего. Торжище опустело, а монастырь был полон приходящими за солью. И пробудило это зависть у продавцов соли, потому что не получили они, чего желали. Они думали приобрести в это время большой барыш от соли, и впали они в великую печаль: то, что они прежде продавали по дорогой цене, за куну — две меры, теперь же, за ту же цену, и десяти мер никто не брал.

И собрались все, продававшие соль, пришли к Святополку и стали наущать его против инока, говоря: «Прохор, чернец Печерского монастыря, отнял у нас богатства много: дает соль всем приходящим к нему безотказно, и мы от того обнищали». Князь же, хотя им угодить, и о другом про себя подумал: между ними прекратить ропот, а себе богатство приобрести. Обдумав это, решил он со своими советниками, что цена на соль будет высокая и, отнявши у инока, сам будет продавать ее. Крамольников этих он успокоил, сказав: «Ради вас пограблю чернеца», а сам таил мысль о приобретении богатства себе. Он хотел хотя бы немного угодить им и только больше вреда сделал: ибо зависть никакой пользы принести не может.

Послал князь взять всю соль у инока. Когда привезли соль, князь с теми крамольниками, которые наущивали его против блаженного, пошел посмотреть ее, и увидели все перед глазами своими, что это пепел. Сильно удивились все, говоря — что бы это значило? — и недоумевали. Желая узнать доподлинно, в чем дело, князь велел хранить ее три дня. И повелел он одному человеку отведать, и оказался пепел в устах у того.

Как обычно, множество народа продолжало приходить к блаженному, желая получить соль, и, узнав, что старец ограблен,

възвращающеся тщама рукама, проклинающе сътворшаго сие. Блаженый же тѣмъ рече: «Егда исъсыпана будет, и тогда шедше разграбите ю». Князь же, державъ ю до 3-хъ дьний, повелѣ нощию изъсыпати ю. Изъсыпану же бывшю попелу, и ту абие преложися в соль. И се увѣдавше, гражане пришедше разграбиша соль.

И сему дивному чюдеси бывшю, ужасеся сътворивый насилие: не могый же скрыти вещи, зане *прѣд* всѣм *градом* сътворися, и нача испытывати, что есть дѣло се. Тогда сказаша князю ину вещь, еже сътвори блаженый, кормя лобедою множество народа, и въ устѣх их хлѣбъ сладокъ бываше; нѣкотории же взяша единъ хлѣбъ безъ его благословениа, обрѣтеся аки перьсть и горекъ аки пелень въ устѣх ихь. Си слышавъ князь и устыдѣвся о сътвореннѣм, и шед въ манастырь къ игумену Иоанну, покаася къ нему. Бѣ бо преже вражду имѣа на нь, зане обличаше его несытьства ради, богатъства и насилиа ради. Его же емъ, Святополкъ в Туровъ заточи, и аще бы Владимеръ Мономах на сего не въсталъ, его же убоався Святополкъ въстаниа на ся, скоро възврати съ честью игумена в Печерьскый манастырь.

Сего же ради чюдеси великую любовъ нача имѣти къ святѣй богородици и къ святым отцемь Антонию и Феодосию, черноризца же Прохора оттолѣ вельми чтяше и блажаше, вѣдый его въ истинну раба божиа суща. Дасть же слово богови к тому не сътворити насилиа никому же. Еще же и се слово утверди к нему князь, глаголя: «Аще убо азъ, по изволению божию, преже тебе отъиду свѣта сего, и ты своима рукама въ гробъ положи мя, да сим явиться на мнѣ безъзлобие твое; аще ли ты преже мене преставишися и поидеши къ неумытному судии, то азъ на раму своею в печерю внесу тя, да того ради прощение господь подасть ми о многосътвореннѣм къ тобѣ грѣсѣ». И си рекъ, отъиде от него.

Блаженный же Прохоръ многа лѣта поживъ и в добрѣ исповѣдании, богоугодным, чистым и непорочным житием. Посем же разболѣся святый, князю же тогда на войнѣ сущу. Тогда святый наречение посылает к нему, глаголя, яко: «Приближися час исхода моего от тѣла; аще хощеши, прииди, да прощение възмѣвѣ и скончаеши обѣщание свое, да приимеши отдание от бога и своима рукама вложиши мя въ гробъ. Се бо ожидаю твоего прихода, да аще умедлищи, и азъ отхожю, и не тако исправит ти ся брань, яко же пришедшу ти къ мнѣ». И сиа слышавъ, Святополкъ в той час воа распустивъ и прииде скоро къ блаженому. Преподобный же, много поучивъ князя о милостини и о будущем судѣ, и о вѣчнѣй жизни, и о бесконечнѣй муцѣ, давъ ему благословение и прощение, и цѣловавъ вся сущаа

возвращались с пустыми руками, проклиная сделавшего это. Блаженный же им сказал: «Когда выбросят ее, тогда идите и заберите себе». Князь продержал ее три дня, потом велел ночью выбросить ее. Высыпали пепел, и он сразу же превратился в соль. Горожане же, узнавши об этом, пришли и разобрали соль.

От такого дивного чуда пришел в ужас сделавший насилие: не мог он скрыть происшедшего, потому что свершилось это на глазах всего города, и стал князь выпытывать, что бы это значило. Тогда рассказали князю и о другом чуде, которое сотворил блаженный, кормя лебедой множество народа, и в устах их она становилась хлебом сладким; когда же некоторые брали хлеб без его благословения, то оказывался он как прах и на вкус горек, как полынь. Услышавши это, устыдился князь содеянного им, пошел в монастырь к игумену Иоанну и покаялся перед ним. Прежде же он питал к нему ненависть из-за того, что игумен обличал его за ненасытную жадность к богатству и за чинимые насилия. Святополк тогда схватил его и заточил в Туров; но поднялся на него Владимир Мономах, и Святополк, испугавшись гнева его, скоро с честью возвратил игумена в Печерский монастырь.

Теперь же, ради такого чуда, воспылал князь великой любовью к обители святой Богородицы и к святым отцам Антонию и Феодосию, черноризца же Прохора он с этих пор сильно почитал и восхвалял, так как убедился, что он воистину раб божий. И дал он слово богу не делать более никому насилия. И старцу князь дал крепкое слово, сказав: «Если по изволению божию я прежде тебя отойду из света сего, то ты своими руками в гроб положи меня, и да явится в этом твое беззлобие ко мне; если же ты прежде меня преставишься и пойдешь к неподкупному судии, то я на плечах своих в пещеру внесу тебя, чтобы господь подал мне прощение в великом грехе моем перед тобой». Сказав это, князь пошел от него.

Блаженный же Прохор еще много лет прожил в добром исповедании, богоугодным, чистым и непорочным житием. И вот разболелся святой, а князь в это время на войне был. Тогда святой извещение послал к нему, говоря: «Приблизился час исхода моего из тела; прийди, если хочешь, да простимся с тобой, и исполнишь обещание свое — своими руками положишь меня в гроб и прощение примешь от бога. Я только ожидаю твоего прихода, и если помедлишь, я отойду; и не опасайся — война окажется для тебя успешной, если ты придешь ко мне». Услышав это, Святополк тотчас же воинов распустил и пришел без промедления к блаженному. Преподобный же долго наставлял князя о милостыне, и о будущем суде, и о вечной жизни, и о бесконечной муке, потом дал ему благословение и прощение, простился со всеми, бывшими

съ княземъ, и въздѣвъ руцѣ горѣ, предасть духъ. Князъ же, веземъ святаго старца, и несе й в печеру, и своима рукама въ гробъ положи.

И по погребении блаженнаго поиде на войну, и многу побѣду сътворивъ на безбожныа агаряны, и взя всю землю их, и приведе въ свою землю их. Се бо бысть богом дарованьнаа побѣда в Руской земли, по проречению преподобнаго.

И оттолѣ убо Святополъкъ, егда исхождаше или на рать или на ловы, и прихождаше въ манастырь съ благодарениемъ, покланяася святѣй богородици и гробу Феодосиеву, и вхожаше в печеру къ святому Антонию и блаженному Прохору, и всѣмъ преподобным отцем покланяяся, исхожаше в путь свой. И тако добрѣ строашеся богомъ набдимое княжение его. Самъ свѣдителъ бывъ, ясно исповѣдаа чюдеса же и знамение, яже быша преславнаа Прохора же и инѣх преподобных, с ними же буди всѣм улучити милость о Христѣ Исусѣ, господѣ нашем, ему же слава съ отцем и съ святымь духом нынѣ и присно.

О ПРЕПОДОБНЫМ МАРЬЦѢ ПЕЧЕРНИЦѢ, ЕГО ЖЕ ПОВЕЛѢНИА МЕРТВИИ ПОСЛУШАХУ. СЛОВО 32

Древних убо святых подражающе мы грѣшьнии писанию, еже они изъясниша и многым трудом възыскаша въ пустынях и горах и пропастех земных; и инѣх убо сами видѣвше, инѣх же слышавше житиа и чюдеса и дѣлеса богоугоднаа преподобных мужь написаша; и инѣхъ же слышавше преже их бывших житиа же и чюдеса и дѣаниа, еже есть Патерикь, в том же сложьше и сказаша о них отци, еже мы почитающе, наслаждаемся духовных тѣх словесъ.

Азъ же недостойный ни разума истинны не постигъ и ничто же от тѣх таковаго видѣх, но слышанию послѣдуа, еже ми сказа преподобный епископъ Симонъ, и сиа написах къ твоему отечеству. И нѣсмъ николи же объходилъ святых мѣсть, ни Иерусалима видѣх, ни Синайскыя горы, да бых что приложилъ к повѣсти, яко же обычай имуть хытрословесьници симъ краситися. Мнѣ же да не буди похвалитися, но токмо о святѣм семъ манастыри Печерьском и в нем бывших святых черноризець, и тѣх житием и чюдесы, их же поминаю радуася, желаю бо азъ грѣшный святых тѣх отець молитвы. Отсюду убо начало положю повѣсти еже о преподобнѣм Марцѣ Печерницѣ.

Бяше бо сий святый Марько житие имѣа в печерѣ, и при сем изнесенъ бысть святый отець нашь Феодосие от печеры въ святую и великую церковъ. Сий же преподобный Марко многа мѣста в печерѣ своима рукама ископавъ, на своею плещю пръсть износя, и бѣ по вся дьни и по вся нощи тружаася о дѣле божии. Ископа же и мѣста многа на погребение братии, и от сего ничто

с князем и, подняв руки к небу, испустил дух. Тогда князь, взяв святого старца, отнес его в пещеру и своими руками в гроб положил.

После погребения блаженного он пошел на войну, и великую победу одержал над безбожными агарянами, покорил всю землю их, и привел много пленных. Это была богом дарованная победа в Русской земле, предсказанная преподобным.

С тех пор Святополк, шел ли на войну или на охоту, всегда приходил в монастырь с благодарением, поклонялся святой богородице и гробу Феодосиеву, потом входил в пещеру к святому Антонию и блаженному Прохору и, всем преподобным отцам поклонившись, шел в путь свой. И процветало оберегаемое богом княжение его. Сам будучи свидетелем, он открыто возвещал о чудесах и знамениях преславного Прохора и других преподобных, да получим и мы все с ними милость о Христе Иисусе, господе нашем, слава ему с отцом и со святым духом, ныне и присно.

О ПРЕПОДОБНОМ МАРКЕ ПЕЩЕРНИКЕ, ПОВЕЛЕНИЙ КОТОРОГО МЕРТВЫЕ СЛУШАЛИСЬ. СЛОВО 32

Мы, грешные, подражаем писаниям древних святых, в которых они нам изъясняли и написали о житии и чудесах и делах богоугодных преподобных мужей, которых с великим трудом обрели в пустынях, и в горах, и в ущельях, одних они сами видели, а о других лишь слышали; слыхали мы и о житии, чудесах и деяниях тех, кто жил еще прежде них, о каковых, Патерик сложив, поведали отцы, а мы читаем его, наслаждаясь духовными словами.

Я же, недостойный, и разума истины не постиг и ничего такого не видел, а последую слышанному мной; то, что мне рассказал преподобный епископ Симон, то я и написал твоему преподобию. И никогда не обходил я святых мест, не видел ни Иерусалима, ни Синайской горы и не могу приложить чего-нибудь к повести для прикрасы, как это в обычае у хитрословесников. Я не буду хвалиться ничем, кроме этого святого монастыря Печерского, и бывшими в нем черноризцами, их житием и чудесами, их же поминаю я радуясь, и уповаю я, грешный, на молитву тех святых отцов. Отсюда положу начало повести о преподобном Марке Пещернике.

Этот святой Марко жил в пещере, при нем перенесен был святой отец наш Феодосий из пещеры во святую и великую церковь. Этот преподобный Марко много могил в пещере своими руками выкопал, вынося землю на своих плечах, и так трудился он днем и ночью для дела божия. Выкопал он много могил на погребение братии и ничего

же възимаше, но еже кто сам что дааше ему, и се приимъ, убогым раздаваше.

Единою же ему копающу по обычаю, и утрудився, изнеможе, остави мѣсто уско и неразширено. Лучи же ся единому от братиа болѣвшу и къ богу отъити в той день, и не бѣ иного мѣста, развѣ того тѣснаго. Принесен же бысть мертвый в печеру, и нудима сего вложиша тѣсноты ради. Роптание же бысть на Марка от братии, понеже не можаху мертваго опрятати, ни масла на нь възлиати, зане бѣ мѣсто узко. Печерникъ же, смирением всѣм покланяяся, глаголаше: «Простите мя, отци, за немощь недокончах». Они же больша укоряху его, досажающе ему. Марко же глаголаше мертвому: «Ибо тѣсно есть мѣсто се, самъ, брате, покропися и приимъ масло, възлей на ся». Мертвый же простеръ руку, мало въсклонъся, взем масло, възлиа на ся креста образно, на перси и на лице, съсуд же отдасть; самъ же, предо всѣми опрятався, възлегъ, успе. И сему чюдеси бывшю, приатъ вся страх и трепетъ о сътвореннѣм.

Пакы же инъ брат, много болѣвъ, умре. Нѣкто же от другъ ему и губою отеръ его, иде в печеру, хотя видѣти мѣсто, иде же положитися хощеть тѣло любимаго им, и въпроси блаженнаго сего. К нему же отвѣща преподобный Марко: «Брате, иди, рьци брату — пожди до утриа, да же ископаю ти мѣсто, и тако отъидеши на онъ житиа покой». Пришедый же брат глагола ему: «Отьче Марко, азъ и губою отрох тѣло его, мертво суще, кому ми велиши глаголати?» Марко же пакы рече: «Се мѣсто, видиши, некончано. Велю ти, иди и рьци умрьшему: «Глаголеть ти грѣшьный Марко, брате, пребуди еще сий день, и утро отъидеши къ желаемому господу нашему. Донележе уготоваю ти мѣсто в положение и пришлю по тя».

Пришедый же братъ, послушавъ преподобнаго, прииде въ манастырь и обрѣть всю братию, обычное пѣние над ним съвершающю. И ставъ у мертваго, и рече: «Глаголеть ти Марько, яко мѣсто нѣсть ти уготовано, брате, но пожди еще до утриа». И удивишася вси словеси сему. И егда сиа изрече брат предо всѣми, и ту абие прозрѣ мертвый, и душа его възвратися во нь, и пребысть день тъй и всю нощь, отверьстѣ имый очи, и ничто же глагола никому же.

Заутра же братъ онъ, приходивый прежде, иде въ печеру, хотя увѣдѣти, аще мѣсто уготованно есть. К нему же рече блаженый: «Шед и рци умрьшему: «Глаголеть ти Марко — остави животъ сий врѣменный и приди на вѣчный, се бо мѣсто уготованно ти есть на приятие тѣлу твоему, отдай же богови духъ твой, тѣло же твое съ святыми отци здѣ да положено будет в печерѣ». Пришед же брат, вся сиа изглагола ожившему,

не брал за это, а если же кто сам что-нибудь давал ему, он принимал и раздавал убогим.

Однажды копал он, по обычаю, и, много трудившись, изнемог, и оставил могилу узкой и не расширенной. Случилось же, что один больной брат отошел к богу в этот день, и не было другой могилы, кроме той — тесной. Принесли мертвого в пещеру и от тесноты едва уложили его. И стала братия роптать на Марка, потому что нельзя было ни одежд поправить на мертвом, ни даже елея на него возлить, так узка была могила. Пещерник же со смирением кланялся всем, говоря: «Простите меня, отцы, за немощью не докончил». Они же еще больше стали укорять его. Тогда Марко сказал мертвому: «Так как тесна могила эта, брат, окропись сам: возьми елей и возлей на себя». Мертвый же, приподнявшись немного, протянул руку, взял елей и возлил себе крестообразно на грудь и на лицо, потом отдал сосуд и перед всеми сам оправил на себе одежды, лег и снова умер. И когда произошло это чудо, охватил всех страх и трепет от свершившегося.

Потом другой брат, после долгой болезни, умер. Некто из друзей его отер тело губкой и пошел в пещеру посмотреть могилу, где будет лежать тело друга его, и спросил он о ней блаженного. Преподобный же Марко ответил ему: «Брат, пойди, скажи брату: «Подожди до завтра, я выкопаю тебе могилу, тогда и отойдешь от жизни на покой». Пришедший же брат сказал ему: «Отче Марко, я уже губкой отер мертвое тело его, кому мне велишь говорить?» Марко же опять сказал: «Видишь, могила не докончена. И как велю тебе, иди и скажи умершему: «Говорит тебе грешный Марко: брат, поживи еще этот день, а завтра отойдешь к возлюбленному господу нашему. Когда я приготовлю место, куда положить тебя, то пришлю за тобой».

Послушался пришедший брат преподобного, и когда пришел в монастырь, то нашел братию совершающей обычное пение над умершим. Он же, став пред мертвым, сказал: «Говорит тебе Марко, что не приготовлена еще для тебя могила, брат, подожди до завтра». Удивились все словам таким. Но только что произнес их пред всеми пришедший брат, тотчас мертвый открыл глаза и душа его возвратилась в него, весь тот день и всю ночь пробыл он с открытыми глазами, но никому ничего не говорил.

На другой день тот брат, который ходил к Марку, пошел в пещеру, чтобы узнать, готово ли место. Блаженный же сказал ему: «Пойди и скажи умершему: «Говорит тебе Марко — оставь эту временную жизнь и перейди в вечную, вот уже место готово для принятия тела твоего, предай богу дух свой, а тело твое положено будет здесь, в пещере, со святыми отцами». Пришел брат, сказал все это ожившему,

и ту абие смѣжи очи свои и предасть духъ — предо всѣми, пришедшими посѣщениа ради его. И тако честнѣ положенъ бысть въ пред реченнѣм мѣстѣ в печерѣ. И сему чюдеси вси удивишася: тако словом блаженаго оживе мертвый, и пакы повелѣнием преставися.

Пакы же ина два брата бѣста в том же велицѣм манастыри Печеръском, съпряжена любовию сердечною от юности и единоумие имуще и едину волю еже къ богу. Сии умолиста блаженнаго Марка, да имъ устроить мѣсто обще, и ту абие положена будета, егда господь повелить.

По времени же мнозѣ Феофилъ, старѣйший брат, отъиде нѣкамо потребы дѣля; юный же разболѣся и отъиде на онъ житиа покой, и положенъ бысть на уготованном мѣстѣ. По дьнех же нѣколицѣхъ прииде Фиофилъ. *Увѣдѣвъ* о братѣ, съжалиси зѣло и, поимъ нѣкыа съ собою, иде в печеру, хотя видѣти умрьшаго, гдѣ и на коем мѣстѣ положенъ бысть. Видѣв же его положена на вышнем мѣстѣ, негодоваше и ропташе много на Марка, глаголя: «Почто его положилъ еси? Яко азъ старѣйши его есмъ, ты же положилъ его на моем мѣстѣ». Печерникъ же, муж смиренъ сый, кланяяся тому, глаголаше: «Прости мя, брате, съгрѣших к тобѣ». И сиа рекъ, глагола умершему: «Брате, въстани, дай же мѣсто не умрьшему брату, сам же лязи на нижнем мѣстѣ». И ту абие, словомъ преподобнаго, въста мертвый и леже на нижнѣмъ мѣстѣ предо всѣми пришедшими. И бѣ видѣти чюдо страшно и ужасти полно.

Тогда же брат, роптавый и которавый на блаженаго положениа ради братня, припад к ногама Марковыма, глагола ему: «Отче Марко, съгрѣших, подвигнувъ брата с мѣста. Молю ти ся, повели ему, да пакы ляжеть на своем мѣстѣ». Блаженный же рече ему: «Господь отъятъ вражду межю нама. Се сътвори роптаниа ради твоего, да не въ вѣкы враждовалъ, съблюдеши злобу на мя. Но и тѣло бездушное являеть сущую любовъ к тобѣ, подаваа тобѣ и по смерти старѣйшинъство. Хотѣх, да не изыйдеши отсуду, да свое старѣйшинъство наслѣдиши, и в сий час здѣ положенъ былъ, но поне же неготовъ еси на исход, но иди, попецися о своей души, и по малѣх дьний сѣмо принесенъ будеши. Иже бо мертвых въставляти божие дѣло есть, азъ же человѣкъ грѣшенъ есмь. Но и сей мертвый, бояся твоего досаждениа и моего укорениа, еже от тебе не терпя, оставилъ ти есть полъ мѣста, объще вамъ уготованнаго. Бог бо можеть въздвигнути его, азъ бо не могу рещи умершему: въстани и пакы лязи на вышнѣм мѣстѣ. Въспрѣти ему ты и рци, егда тебе послушаеть, яко же и нынѣ». Сиа слышавъ, Фиофилъ оскорбѣ зѣло от страшных словесь Марковых и мнѣвъ, яко ту абие пад умрет, не вѣдый, аще доидет до манастыря.

и тот пред всеми, пришедшими посетить его, тотчас сомкнул глаза и испустил дух. И положили его честно, в предназначенном ему месте в пещере. И дивились все такому чуду: как по одному слову блаженного ожил мертвец и по повелению его снова преставился.

Были еще два брата в том же великом монастыре Печерском, с юности связанные сердечной любовью, и имели одни мысли, одни желания, обращенные к богу. И умолили они блаженного Марка, чтобы сделал он им общую могилу, где бы лечь вместе, когда господь повелит.

Спустя долгое время Феофил, старший брат, отлучился куда-то по надобности; меньшой же разболелся и отошел на покой, в иную жизнь, и его положили в приготовленном месте. Через несколько дней возвратился Феофил. Узнавши о брате, он сильно горевал и, взяв с собой некоторых из иноков, пошел в пещеру посмотреть, где и на каком месте положен умерший. Увидав же, что его положили на верхнем месте, вознегодовал и роптал много на Марка, говоря: «Зачем ты положил его здесь? Я старше его, а ты положил его на моем месте». Пещерник же, человек смиренный, кланяясь ему, говорил: «Прости меня, брат, согрешил я перед тобой». И, промолвив это, сказал умершему: «Брат! встань и дай место неумершему брату, а сам ляг на нижнем месте». И вдруг по слову преподобного встал мертвец и лег на нижнем месте на глазах у всех пришедших. И видели все чудо страшное и полное ужаса.

Тогда брат, роптавший и сердившийся на блаженного за то, как он положил умершего брата, припал к ногам Марка, говоря ему: «Отче Марко, согрешил я, подняв брата с места. Молю тебя: вели ему опять лечь на своем месте». Блаженный же сказал ему: «Господь пресек вражду между нами. Он сделал это из-за твоего роптания, чтобы ты не враждовал вечно и не хранил злобу на меня. Вот и бездушное тело показывает любовь к тебе, почитая и по смерти твое старшинство. Я хотел, чтобы ты, не выходя отсюда, воспользовался своим старшинством, и теперь же и положен был бы здесь, но так как ты еще не готов к исходу, то иди, позаботься о своей душе, и через несколько дней сюда принесен будешь. Воскрешать же мертвых есть дело божие, а я человек грешный. И этот мертвец, боясь твоей обиды и укоров мне, которые он не стерпел бы от тебя, оставил тебе половину места, приготовленного для вас обоих. Бог может поднять его, а я не могу сказать умершему: «Встань», а потом: «Опять ляг на верхнем месте». Вели ему ты и скажи — может быть, тебя послушается, как теперь». Услышав это, Феофил стал сильно скорбеть от таких страшных слов Марковых и думал, что тут и упадет мертвым, не зная, дойдет ли до монастыря.

И пришед въ свою кѣлию, приять его плачь неутѣшим. Раздаав же все свое, даже и до срачица, токмо остави собѣ едину свиту, таже и мантию, и бѣ ожидаа часа смертнаго. И никто же можаше его уставити от горкаго плача и никогда же кто можаше его принудити сладкых брашенъ вкусити. Дьни убо наставшю, глаголаше к собѣ: «Не вѣм, аще постигну до вечера»; нощи же пришедши, плачася глаголаше: «Что сътворю, аще доиду до утриа? Мнози бо, въставше, вечера не достигоша и, на ложех своих легше, не въсташа от ложь своих: то како азъ, иже извѣщение приим от преподобнаго, яко помалѣ скончати ми ся?» И моляшеся богови съ слезами даровати ему врѣмя покаанию.

И сице творяше на всякъ день, алъча, моляся и плача, на всякъ час ожидаа отинуть дьне и часа смертнаго. Чаа от тѣла разлучениа, и тольма плоть свою истни, яко и съставомъ его всѣм изочтеном быти. Мнози же, хотѣвше утѣшити сего, и на большее рыдание приведоша его. И от многаго плача изгуби си очи, и тако пребысть въ вся дьни живота своего въ велицѣ въздръжании, богови угажаа добрым житием.

Преподобный же Марко, увѣдавъ час иже къ господу отшествиа своего, призвавъ Феофила и рече ему: «Брате Фиофиле, прости мя, понеже оскорбих тя на многа лѣта! Се бо уже отхожю свѣта сего, моли о мнѣ; азъ же, аще прииму дерзновение, не забуду тебе, да сподобит ны господь мало-видѣниа и обрѣстися въ мѣстѣ отца Антония и Феодосиа». Феофилъ же съ плачем отвѣща тому, глаголя: «Отче Марко, почто мя оставляеши? Или поими мя съ собою, или даруй ми прозрѣние». Марко же к нему рече: «Брате, не скорби, понеже бога ради ослѣпися очима телесныма, но духовныма на разум того прозрѣлъ еси. И азъ бых, брате, вина твоему ослѣплению: повѣдах ти смерть, хотя души твоей пользу сътворити и высокый твой разум на смирение привести, сердца бо съкрушенна и смиренна богъ не уничижит». Фиофилъ же рече ему: «Видѣ, отче, яко грѣх ради моих падся пред тобою, умеръ бых в печерѣ, егда мертваго въстави, но господь святых ради твоих молитвъ дарова ми животь, покааниа моего ожидаа. Нынѣ же сего прошю у тебе, да с тобою отъиду къ господу или даруй ми прозрѣти». Марко же рече: «Нѣсть ти требѣ видѣти маловрѣменнаго свѣта сего, проси у господа, да тамо узриши славу его; ниже смерти желай, приидеть бо, аще и не хощеши. Но се ти буди знаменание твоего отшествиа: преже бо треи дьний твоего преставлениа прозриши, тако къ господу отъидеши, и тамо узриши свѣт нескончаемый и славу неизреченную». И сиа рекъ, блаженый Марко преставися о господѣ, и положенъ бысть в печерѣ, идѣ же самъ собѣ ископа.

И когда пришел он в свою келью, то охватил его плач неутешный. Роздал все до последней рубашки, оставив себе только одну свитку да мантию, и стал ожидать часа смертного. И никто не мог его остановить от горького плача, и никто никогда не мог принудить его принять сладкой пищи. Когда наступал день, говорил он сам себе: «Не знаю, доживу ли до вечера»; приходила ночь, и он плакал и говорил: «Что мне делать, если доживу я до утра? Многие ведь, встав утром, не доживали до вечера, ложились на ложах своих и уже не вставали с них; как же быть мне, получившему извещение от преподобного, что скоро кончится жизнь моя?» И он молил бога со слезами дать ему время на покаяние.

Так проводил он каждый день, изнуряя себя голодом, и молясь и плача, все время ожидая дня и часа смертного. В этом ожидании разлучения с телом до того истомил он плоть свою, что можно было счесть все его кости. Многие хотели утешить его, но только доводили до большего рыдания. Наконец от многих слез ослепли очи его, и так проводил он все дни жизни своей в великом воздержании, угождая богу добрым житием.

Преподобный же Марко, узнав о часе отшествия своего к господу, призвал Феофила и сказал ему: «Брат Феофил, прости меня, что я огорчил тебя на много лет! Вот я отхожу из мира этого, молись обо мне; если же я получу милость у бога, то не забуду тебя, да сподобит нас господь свидеться там и быть вместе с отцами нашими, Антонием и Феодосием!» С плачем отвечал ему Феофил, говоря: «Отче Марко, зачем ты меня оставляешь? Или возьми меня с собой, или дай мне прозрение». Марко же сказал ему: «Брат, не скорби, потому что бога ради ослеп ты очами телесными, но духовными на разумение его прозрел. Я, брат, был виною твоей слепоты: предсказав тебе смерть, хотел я сделать душе твоей пользу и высокоумие твое на смирение обратить, ибо сердца сокрушенного и смиренного бог не отвергнет». Феофил же сказал ему: «Я знаю, отче, что за грехи мои я пал бы мертвый перед тобой в пещере, когда ты мертвеца поднял, но господь, ради святых твоих молитв, даровал мне жизнь, покаяния моего ожидая. Теперь же вот чего прошу у тебя: или с тобой отойду к господу, или даруй мне прозрение». Марко же сказал: «Нет тебе нужды видеть маловременный свет этот, проси у господа, чтобы там увидеть славу его; и смерти не желай: придет, хотя бы ты и не хотел. Но вот тебе знамение твоего отшествия: за три дня до преставления своего ты прозришь, и так отойдешь к господу, и увидишь там свет нескончаемый и славу неизреченную». И сказав это, блаженный Марко преставился о господе, и был положен в пещере, где сам себе вырыл могилу.

Феофилъ же сугубъ рыдание въсприим, и язву въ сердци имѣа о отчии разлучении, и проливаше источникъ слезъ, ему же паче множашеся. Имѣаше же съсуд, и егда упражняшеся на молитву, прихожаху ему слезы, и постави съсуд и над тѣмъ плакаше, и того наполнивъ слезъ многа лѣта, бѣ бо по вся дьни ожидаа проречениа преподобнаго.

Егда же разумѣ еже о бозѣ ему скончание, и моляшеся богови прилѣжно приатным быти слезам его прѣд ним, и въздѣвъ руцѣ горѣ, начать молитися, сице глаголя. Молитва: «Владыко господи, человѣколюбче Исусе Христе, мой царю пресвятый, не хотя смерти грѣшником, но ожидаа обращениа, съведый неможение наше, утѣшителю благый, болящим здравие, грѣшником спасение, изнемогающим укрѣпителю, падающим въстание! Молю ти ся, господи, в час сий, удиви на мнѣ недостойнѣмъ милость свою и излѣй благоутробиа твоего неисчерпаемую пучину, еже не искусити ми ся от възъдушных князь мытаръствы и не обладану быти ми ими, молитвами угодникъ твоих, великых отець наших Анътониа и Феодосиа, и всѣх святых, иже от вѣка угодивших ти. Аминь».

И ту абие нѣкто красень ста пред нимъ и рече к нему: «Добрѣ помолися, но что ся хвалиши о тьщетѣ слезъ?» И взять съсуд, паче болий того, благоуханиа исполненъ, яко миро благовонно: «Се, рече, от твоих же слезъ, еже въ молитвѣ къ богу излиалъ еси от сердца, еже рукою или убрусом или ризою отре, или на землю отпаде от очию твоею, и сиа вся събрах в сем съсудѣ и съкрых, повелениемъ творца нашего, и нынѣ посланъ есмъ повѣдати тобѣ радость, и съ веселием отъидеши къ нему, тъй бо рече: «Блажени плачющеи, яко тии утѣшаться». И сие рекъ, невидим бысть от него.

Блаженный же Фиофилъ призва игумена и сказа ему явление аггела и глаголание, и съсуда два показа ему: единъ исполненъ слезъ, другый же бывъ паче араматы благыа воня, еже и повелѣвъ излѣати на тѣло свое. Сам же въ третий день къ господу отъиде. И сего достолѣпно въ печерѣ положиша близъ Марка Печерника, помазавше того от съсуда аггелова, яко и всей печерѣ наполнитися благоуханиа, и слезный же съсуд на нь възлиавше, да сѣявый съ слезами пожнеть в радости рукоати своя: плакаху бо ся, рече, вмѣтающе сѣмена своа, сии о Христѣ утѣшени будут, ему же слава съ отцем и съ святым духом.

СЛОВО О СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦѢХЪ ФЕДОРѢ И ВАСИЛИИ. СЛОВО 33

Яко же реченно есть, мати всѣм благыням нестяжание, тако же и корень есть и мати всѣм злымъ — сребролюбие. Яко же рече Лѣствечникъ: «Любяй събирати имѣние, сицевый иглы ради до

Разлука с отцом Марком уязвила сердце Феофила и удвоила его рыдания; целые источники слез проливал он, и слезы все умножались ему. Он имел сосуд, и, когда становился на молитву и приходили ему слезы, он ставил сосуд и над ним плакал; и за много лет наполнил его слезами, потому что всякий день ожидал исполнения пророчества преподобного.

Когда же почувствовал он свою кончину о господе, то стал прилежно молиться богу, чтобы угодны были слезы его пред ним, и, воздев руки к небу, стал молиться, так говоря. Молитва: «Владыко-человеколюбец, господи Иисусе Христе, царь мой пресвятой, ты не хочешь смерти грешников, но ожидаешь их обращения, ведая немощь нашу, утешитель благой, больным здравие, грешникам спасение, изнемогающим укрепитель, падающим восстание! Молю тебя, господи, в час сей покажи мне, недостойному, милость свою и излей неисчерпаемую пучину милосердия твоего, избавь меня от искушений врагов на мытарствах и не дай им овладеть мной, по молитвам угодников твоих, великих отцов наших, Антония и Феодосия, и всех святых, от века угодивших тебе. Аминь».

И тут вдруг некто, прекрасный видом, стал перед ним и сказал ему: «Ты хорошо помолился, но зачем хвалишься тщетой слез?» И, взяв сосуд гораздо больше Феофилова, благоухания исполненный, как мирра благовонного, он сказал: «Это часть твоих же слез, которые в молитве к богу излил ты от сердца,— те, которые ты отер рукою, или платком, или одеждою, или которые на землю упали из глаз твоих. Все их, по повелению творца нашего, я собрал и сохранил в этом сосуде, и ныне я послан поведать тебе радость: с веселием отойдешь к тому, который сказал: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». И сказав это, сделался невидим.

Тогда блаженный Феофил призвал игумена и поведал ему явление ангела и речи его, и показал ему оба сосуда: один был полон слез, другой же благовония, несравнимого ни с какими ароматами, и попросил он вылить их ему на тело. Через три дня он отошел к господу. И положили его достолепно в пещере, около Марка Пещерника; когда тело его помазали из ангелова сосуда, вся пещера наполнилась благоуханием; вылили и сосуд слез на него, чтобы сеявший слезами в радости пожал плод дела рук своих: сказано — сеющие со слезами о Христе утешены будут,— ему же слава с отцом и со святым духом!

СЛОВО О СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦАХ ФЕОДОРЕ И ВАСИЛИИ. СЛОВО 33

Сказано: как мать всему благому есть нестяжание, так корень и мать всему злому — сребролюбие. Лествичник говорит: «Любящий собирать имение готов за иглу до смерти

смерти тружаеться, а не любяй имѣниа, сей господа възлюби и заповѣди его съхрани. Таковый блюсти имѣниа не может, но расточаеть боголѣпно, всѣмъ требующим подаваа, яко же господь рече въ Иеуаггелии: «Человѣкъ, аще не отречется всего сущаго не можеть быти мой ученикъ».

И сему словеси послѣдова Феодоръ, оставль убо мирьскаа и богатьство разда нищим, и бысть мних и добрѣ подвизася на добродѣтель. Повелѣнием же игуменим бысть житель в печерѣ, еже зоветься Варяжскаа, и в той многа лѣта сътвори въздержася.

И сему принесе врагъ стужение и печаль не малу имѣниа ради, разданнаго им нищим, яко помышляше долготу лѣт и изнеможение плоти, яко недовольну ему быти манастырьскою ядию. Искушение бо то врагь ему принесе, он же не рассуди въ собѣ, ни помяну господа рекшаго: «Не пецѣтеся о утренем, что ямы или что пием, или въ что облецѣмся; възрите же паче на птица небесныа, яко ни сѣють, ни жнут, и отець вашь небесный питаеть их». Многажды же смущаше того врагъ, къ отчаанию хотя его привести нищеты ради истощеннаго богатьства, еже убогым вданное. И сие въ многы дьни помышляя, помрачаем врагом недостатка ради, и къ своим другом свою скръбъ ясно исповѣдаа.

Единь же нѣкто от съвершенѣйших, именемъ Василие, того же манастыря мних, рече ему: «Брате Феодоре, молю ти ся, не погуби мьзды своея. Аще ли имѣнию хощеши, все, еже имамъ, дам ти, токмо ты рьци пред богом: «Вся, яже раздах, твоа буди милостыни»,— и ты бес печали буди, приим имѣние свое, но блюди, аще стерпить ти господь?» Сиа слышавъ Феодоръ и убоася страхом великым гнѣва божиа. Иже слышавъ от того сътворшееся въ Костянтинѣ градѣ раскааниа ради еже о златѣ, иже въ милостыню раздааннѣм: како пад посрѣди церкве, умре, и обоего себе лиши, съ златом бо животъ погуби. Сиа въ умѣ приимъ, Феодоръ плакаше своего съгрѣшениа и брата ублажаше, въздвигшаго его от таковаго недуга. О таковых бо рече господь: «Аще кто изведеть достойнаа от недостойнаго, яко уста моа суть». И оттолѣ възрасте велика любовъ межю ими. Сему же убо Феодору добрѣ спѣющу въ заповѣдех господнихъ и тому угоднаа свершающю, велика язва бысть диаволу, яко не възможе того богатьства имѣниемъ прельстити, и пакы въоружаеться противный и ину кознь своея погыбели тому представляеть.

Василий убо посланъ бываеть игуменом на нѣкое дѣло, и врѣмя покосно врагъ обрѣт своего зломудриа, преобразився в того брата подобие и входить к печернику, преже полезнаа глаголя: «Феодоре, како нынѣ пребываеши? Или преста

тягаться, а тот, кто не любит богатства, господа возлюбит и заповеди его сохранит». Такой сберечь имения не может, но растрачивает его благопристойно, всем нуждающимся подавая; так и господь сказал в Евангелии: «Если человек не отрешится от всего, что имеет, не может быть моим учеником».

Последуя этому слову, Феодор оставил все мирское, богатство роздал нищим и стал иноком и крепко подвизался в добродетели. По повелению игумена стал он жить в пещере, называемой Варяжской, и провел в ней много лет в великом воздержании.

И вот, по вражьему наваждению, стал он тужить и сильно печалиться о богатстве, которое роздал нищим: приходило ему на мысль, что если он долго проживет и изнеможет телом, то не сможет довольствоваться монастырской пищей. В такое искушение его враг вводил, он же не поразмыслил, не помянул господа, сказавшего: «Не заботьтесь о завтрашнем дне и не говорите: «Что нам есть?» или «Что пить?», или: «Во что одеться?» Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, и отец ваш небесный питает их». И много раз смущал его враг, желая привести его в отчаяние тем, что обнищал он, раздав богатство свое убогим. И многие дни проводил он в таких мыслях, помраченный врагом из-за своей бедности, и открыто высказывал скорбь свою перед друзьями.

И вот однажды некто Василий, один из совершеннейших иноков того же монастыря, сказал ему: «Брат Феодор, молю тебя, не погуби мзды своей. Если ты хочешь богатства, то все, что у меня есть, я отдам тебе, только скажи перед богом: «Пусть все, что я роздал, твоей будет милостыней», и живи тогда без печали, получив снова богатство свое; но берегись: простит ли тебе это господь?» Услышав это, убоялся Феодор страхом великим гнева божия. Услышал он также от этого Василия о том, что сделалось в Константинополе с пожалевшим розданное в милостыню золото: упав посреди церкви, умер он и лишился того и другого — с золотом и жизнь свою погубил. Поразмыслив об этом, Феодор стал оплакивать свое согрешение и брата благодарить, избавившего его от такого недуга. О таких сказал господь: «Если кто извлечет драгоценное из ничтожного, то будет как мои уста». И с тех пор зародилась великая любовь между ними. И преуспевал Феодор в заповедях господних, и творил угодное господу, и это было великим огорчением для дьявола, что он не смог прельстить Феодора богатством,— и вот опять вооружается супостат и иную кознь придумывает ему на погибель.

Игумен послал Василия по некоторому делу из монастыря, тогда, найдя удобное время для своего злого замысла, враг принял облик Василия и вошел к пещернику; сначала он говорил ему доброе: «Как живешь теперь, Феодор? Отступила

от тебе рать бѣсовъскаа, или еще пакости творять люблениемь имѣниа, память приносяще ти раздааннаго ради имѣниа?» Не разумѣв же Феодоръ бѣса его суща, мнѣвъ, яко братъ ему сие глаголеть, к нему же отвѣща блаженный: «Твоими, отче молитвами нынѣ добрѣ спѣетъ ми ся; тобою утверженъ бых и не имам послушати бѣсовъскых мыслей. И нынѣ, аще что велиши, съ радостию сътворю и не преслушаюся тебе, зане великую ползу обрѣтох души твоим наказанием». Бѣсъ же, мнимый брат, приим дерзновение — зане не помяну господа бога — и глагола ему бѣсъ: «Другый съвѣт даю ти, им же покой обрящеши и въскорѣ въздание приимеши; токмо ты проси у него, и дасть ти злата и сребра множество, и не дай же въходити к собѣ никому же, ни сам исходи ис печеры своеа». Печерник же яко обѣщася. Тогда отъиде от него бѣсь.

И се невидимо помышлениа приношаше ему, пронырливый, о сокровищи, яко подвигнути его на молитву, просить у бога злата, и аще получит, то въ милостыню раздасть. И се видѣ въ снѣ бѣса, свѣтла же и украшенна, аки аггела, являющи тому съкровища в печерѣ,— и се многажды видѣ Феодоръ. Дьнем же многымъ минувшим, пришед на показанное мѣсто и нача копати, обрѣте съкровище, злата жа и сребра множество и съсуди многоцѣннии.

И в то врѣмя пакы приходит бѣсъ въ образѣ брата и глаголеть печернику: «Гдѣ есть съкровище данное тобѣ? Се бо, явивыйся тобѣ, той ми сказа, яко множество злата и срѣбра дасть ти ся по твоей молитвѣ». Феодоръ же не хотя тому показати съкровища. Бѣсъ же явѣ убо печернику глаголаше, въ тайнѣ же тому помышлении влагаше, яко въземши злато и отъити на ину страну. И глаголеть: «Брате Феодоре, не рѣх ли ти, яко въскорѣ отдание приимеши, тъй бо рече: «Аще кто оставитъ домъ или села или имѣниа мене ради, сто кратицею приимеиь и животъ вѣчный наслѣдит». И се уже в руку твоею есть богатство, сътвори о немъ, яко же хощеши». Печерник же рече: «Сего ради просихъ у бога, то аще ми дасть, сие все въ милостыню раздамъ, яко сего ради и дарова ми». Супостатъ же глаголеть ему: «Брате Феодоре, блюди, да не пакы врагъ стужить ти раздааниа ради, яко же и преже, но се дасть ти въ оного мѣсто раздааньнаго тобою убогым. Велю ти, да възем сие, идеши на ину страну и тамо притяжеши села, еже на потребу, можеши бо и тамо спастися и избыти бѣсовских козней, и по своем отшествии дати сиа имаши, амо же хощеши, и сего ради память ти будет». Феодоръ же к нему рече: «То не стыжюся ли, яко оставивъ мирь и вся, яже в немъ, и обѣщахся богови зде животъ свой скончати в печерѣ сей, и нынѣ бѣгунъ бываю и миръскый жителинъ? Аще ли ти годѣ есть, да въ манастырѣ живу и все, елико речеши, то сътворю».

ли от тебя сила бесовская или еще смущают они тебя любовью к богатству, напоминая о розданном имении?» Не понял Феодор, что то был бес, думая, что брат говорит ему это, и отвечал ему блаженный: «Твоими, отче, молитвами хорошо мне теперь; ты утвердил меня, и я не буду больше слушать бесовского нашептывания. И теперь, если ты велишь мне что-нибудь, я с радостью исполню, не ослушаюсь тебя, потому что великую пользу для души нашел я от твоего наставления». Бес, мнимый брат, взял силу над ним, так как Феодор не помянул господа бога, и сказал ему: «Даю тебе теперь другой совет, благодаря которому обретешь покой и скоро воздаяние получишь; только попроси у бога, и он даст тебе золота и серебра множество; и не разрешай никому входить к себе и сам не выходи из пещеры своей». Пещерник обещался сделать так. И отошел от него бес.

И вот невидимо стал внушать ему помышления, пронырливый, о сокровище так, что подвиг блаженного на молитву просить у бога золота и, получив его, раздать в милостыню. И вот увидел он во сне беса, как ангела светлого и прекрасного, показывающего ему сокровище в пещере,— и много раз виделось это Феодору. Наконец, спустя много времени, пришел он на указанное место, стал копать и нашел сокровище — множество золота и серебра и сосуды многоценные.

Тогда опять пришел к нему бес, в образе брата, и стал говорить пещернику: «Где сокровище, данное тебе? Являвшийся к тебе мне сказал, что дано тебе множество золота и серебра по молитве твоей». Феодор же не хотел показывать ему сокровища. Бес явно говорил с пещерником, а втайне влагал ему мысль, взявши золото, уйти в иную страну. И говорит он: «Брат Феодор! Не говорил ли я тебе, что скоро ты примешь воздаяние? Господь сказал: «Всякий, кто оставит дом и земли или имение ради меня, получит во сто крат и жизнь вечную наследует». И вот уже в руках твоих богатство, делай с ним что хочешь». Пещерник же сказал: «Я просил у бога для того, что, если мне даст, то все в милостыню раздать; для этого он и даровал мне». Супостат же сказал ему: «Брат Феодор! Берегись, чтобы тебе опять по действию бесовскому не затужить, как прежде, о розданном,— это дано тебе взамен того, что ты роздал убогим. Я велю тебе: возьми это, иди в иную страну и там купи себе села и все, что будет тебе нужно, и там ты можешь спастись и избавиться от бесовских козней; после же смерти ты отдашь свое богатство куда захочешь, и это будет в память по тебе». Феодор же сказал ему: «Не стыдно ли мне будет, что я, оставив мир и все, что в нем, и, обещавшись богу здесь жизнь свою кончить, в пещере этой, сделаюсь беглецом и мирским жителем? Все, что тебе угодно, то и будет, и все, что ты скажешь, сделаю, но живя в монастыре».

Бѣсъ же, мнимый брат, рече: «Утаити не можеши съкровища,— увѣданно будет всяко и взято будет, но приими мой съвѣт, еже ти велю. Аще бы се не угодно было богу, не бы тобѣ даровалъ, ни мнѣ извѣстил».

Тогда печерникъ вѣровавъ яко брату, и готовить свое исхожение печеры, пристроивъ возы и ларца, в ня же съкровище съберешь, да изыйдеть амо же хощет повелением бѣсовьскым, да сътворить ему что зло своим козноде́йством, еже от бога отлучити и святаго мѣста, и от дому пречистыа и преподобных отець наших Антониа и Феодосиа. Богъ же, не хотя ни единому погыбнути от сего святаго мѣста, и сего спасе молитвами святых своих.

И в то врѣмя прииде Василей от посланна игуменя, иже преже спасый печерника от помышлениа злаго. Прииде сий в печеру, хотя видѣти живущаго ему в ней брата, глаголет ему: «Феодоре брате, како о бозѣ прѣбываеши нынѣ?» Удивив же ся Феодоръ въпрошению, что вѣщаеть тако, яко долго врѣмя не видѣвъся, и рече ему: «Вчера и ономъ дьни всегда бѣ съ мною и поучаа мя, и се иду, амо же велиши ми». Василий же рече: «Рци, ми, Феодоре, что се есть глаголъ, еже глаголеши: «Вчера и оном дьни всегда бѣ съ мною и поучаа мя?» Егда что бѣсовъское привидѣние есть? И не утаи мене бога ради». Феодоръ же съ гнѣвом рече ему: «Что мя искушаеши и почто смущаеши душю мою, овогда сице ми глаголя, овогда же инако, и коему словеси вѣру яти?» И тако отгна его от себе, словеса жестокаа давъ ему.

Василие же, сиа вся прием, иде въ манастыръ. Бѣсъ же пакы въ образѣ Василиевѣ прииде к нему и рече ему: «Погубилъ ти, брате, окаанный умъ. Не въспомянух досады твоея, еже от тебе в сию нощь приахъ, но се *ти глаголю:* изыди скоро в сию нощь, възем обрѣтенное». И сиа изъглаголавъ, бѣсъ отъиде от него.

Дьни же убо наставшю, пакы прииде Василей к нему, поем нѣкыа съ собою от старець, глагола печернику: «Сиа приведох в послушество, яко три мѣсяци суть, отнели же с тобою видѣхся, и се третий день имам въ манастыри,— ты же глаголеши «Вчера и оном дьни». Яко нѣчто бѣсовъское есть дѣйство. Но тому приходящю, не дай же ему бѣсѣдовати съ собою преже даже молитву сътворит, и тогда рузмѣеши, яко бѣсъ есть». Сътвори же молитву запрещению, святыа призвавъ на помощь, и отъиде въ свою келию, утвердивъ печерника.

Бѣсъ же к тому не смѣ явитися печернику, и разумѣся лесть диаволя Феодору. И оттолѣ всякого приходящаго к нему преже помолитися нудяше, и такое бесѣдоваше с ним. И оттолѣ укрѣпися на врагы и разумѣ проныръство их, и господь избави его от мысленых звѣрѣй и работну не быти им, яко же многым

Бес же, мнимый брат, сказал: «Утаить сокровища ты не можешь,— непременно узнают о нем и возьмут, прими мой совет, который я тебе даю. Если бы это не угодно было богу, то не даровал бы тебе богатства и меня не известил бы».

Тогда пещерник поверил ему, как брату, и стал готовиться выйти из пещеры: приготовил возы и ящики, чтобы, собрав в них сокровище, уйти, куда захочет, повелением бесовским; хотел бес причинить ему какое-нибудь зло своим козндейством, отлучивши его от бога и святого места, и от дома пречистой и преподобных отцов наших Антония и Феодосия. Но бог, не хотящий погибели ни одного человека из сего святого места, спас и этого молитвами святых своих.

В это время возвратился посланный игуменом Василий, который прежде уже спас пещерника от помышления злого. Пришел он в пещеру, желая увидеть живущего в ней брата, и сказал ему: «Феодор, брат, как в боге живешь ныне?» Удивился Феодор вопросу, что говорит так, как будто долгое время не виделись,— и сказал ему: «Вчера и третьего дня ты постоянно был со мною и поучал меня, и вот я иду, куда ты велишь мне». Василий же сказал: «Скажи мне, Феодор, что значат эти слова, которые ты говоришь: «Вчера и третьего дня все время был со мною и поучал меня?» Уж не бесовское ли это мечтание? Не утаи от меня бога ради». Феодор же с гневом сказал ему: «Что искушаешь меня и зачем смущаешь душу мою, то так мне говоришь, то иначе, и какому же слову верить?» И так прогнал его от себя с жестокими словами.

Василий же, все это выслушав, пошел в монастырь. Бес же опять пришел к Феодору в образе Василия и сказал ему: «Потерял ты, брат, из-за сомнений свой разум. Но не попомнив обиды твоей, которую принял от тебя сегодня ночью, снова тебе говорю: уходи скорее, в эту ночь, взяв найденное». И, сказав это, бес ушел от него.

Когда же настал день, снова пришел Василий к нему, взяв с собой некоторых из старцев, говоря пещернику: «Их привел я в свидетели, что три месяца прошло с тех пор, как я виделся с тобой, и в монастыре я третий день, ты же говоришь: «Вчера и третьего дня». Здесь какое-то бесовское действо. Когда тот придет к тебе, не дай ему беседовать с тобой, прежде чем не сотворит он молитву, и тогда уразумеешь, что это бес». И, сотворив запрещальную молитву, призвав святых в помощь, он ушел в свою келью, утвердив пещерника.

Бес же после этого не смел явиться к пещернику, и уразумел Феодор, что то была лесть дьявола. И с тех пор всякого, кто приходил к нему, он заставлял сначала помолиться и тогда уже беседовал с ним. И после этого укрепился он на врагов и узнал пронырство их, и господь избавил его от воображаемых чудищ и не допустил его быть рабом их, что случается

случаеться въ пустыни пребывающим или в печерах или въ затворѣх живущимъ особѣ. Велико утвержение трѣбѣ есть, да не погыбнет от бѣсовъ, яко же и сего хотѣша погубити, но избави его господь.

Обрѣтенное же съкровище, ископавъ яму глубоку и тамо вложь и, засыпа, еже от дьний тѣх и донынѣ никто же съвѣсть, идѣ же сокровенно есть.

Сам же вдасть себе в работу велию, да не пакы, праздьнъ бывъ, мѣсто дасть лѣности, и от того родиться безъстрашие, и пакы та же дерзость бѣсом будеть. Постави же в печерѣ жерновы и оттолѣ нача работати на святую братию: от сусѣка пшеницю взимаа и ту своима рукама измилаше, чрезъ вся нощи без сна пребываше, тружаася в дѣлѣ и молитвѣ, заутра же убо въ сусѣкъ муку отдаваше и пакы взимаше жито. И се въ многа лѣта творяше, работаа на святую братию, и легота бываше рабом, и не стыдяшеся о таковѣ работѣ и моляше бога беспрестани, дабы отъялъ от него память сребролюбиа. И господь свободи его от таковаго недуга, яко ни помыслити ему к тому о богатьствѣ. Злато и сребро яко калъ вътѣни ему.

Времени же многу минувшю, ему в тацѣй работѣ и злостраданни тружающуся зѣло. Видѣв же сего келаръ, како тружающуся, нѣкогда же привезену житу бывшу от селъ, и посла к нему в печеру 5 возъ, да не всегда приходя възимати жито, стужить си. Сей же, съсыпавъ жито въ съсуды, и нача молоти, поя Псалтырь изоусть; абие утружься, възлеже, мало хотя опочинути. И се вънезаапу гром бысть, и начаша жорновы молоти. И разумѣвъ бѣсовъское дѣйство суще, въстав же блаженый и нача молитися богови прилѣжно, и рече велиим гласом: «Запрещаеть ти господь, вселукавый диаволе!» Бѣсъ же на престаняше меля в жерновы. Феодоръ же пакы рече: «Въ имя отца и сына и святаго духа, съврьгшаго вас съ небесъ и давшаго въ попрание своим угодником, велить ти, мною грѣшным, не престати от работы, дондеже измелеши все жито, да и ты поработаеши на святую братию». И сиа рекъ, ста на молитвѣ. Бѣсъ же не смѣ преслушатися, и измоловъ жито все до свѣта 5 воз мукы. Феодоръ же възвѣсти келареви, да пришлеть по муку. Удивив же ся келар дивному чюдеси, яко 5 возь единою нощию измолото, и вывезе ис печеры 5 возъ мукы, тажь и другаа 5 возъ прибысти мукы.

И се дивно чюдо бысть тогда, и нынѣ слышащим, събысть бо ся реченное въ Еуаггелии, яко: «И бѣси повинуються вам о имени моем». Рече бе: «Дах вамъ власть наступати на змию и на скоропию и на всю силу вражию». И прочее хотѣвши убо бѣси пострашити блаженнаго и съузу себѣ работную поискавша, еже въпити им к тому: «Зде не обрящемься!»

со многими, пребывающими в пустыне, или в пещерах, или в затворах, живущими уединенно. Великая твердость нужна, чтобы не погибнуть от бесов, как хотели они этого погубить, но избавил господь его.

Для найденного же сокровища Феодор вырыл глубокую яму и, положив его туда, закопал, и с того времени и доныне никто не знает, где скрыто оно.

Сам же он предал себя на работу тяжкую, чтобы не облениться, пребывая в праздности, ибо из-за этого пропадает страх божий, а бесы обретают власть. Поставил он в своей пещере жернова и с тех пор начал работать на святую братию: брал из сусека пшеницу и своими руками молол ее, всю ночь проводя без сна, трудясь на работе и на молитве; на другой же день в сусек муку высыпал и опять брал жито. И так много лет делал, работая на святую братию, и облегчение было рабам монастырским, и не стыдился такой работы и молил бога беспрестанно, чтобы отнял у него память сребролюбия. И господь освободил его от такого недуга, так что он и не думал о богатстве. Золото и серебро стали для него подобны грязи.

Прошло много времени, и он в такой работе и злострадании подвизался неустанно. Келарь же, видев, как он трудится, однажды, когда привезли жито из сел, послал к нему в пещеру пять возов, чтобы не утруждался он, постоянно приходя за житом. Он же, ссыпав жито в сосуды, начал молоть, распевая наизусть Псалтырь; наконец, устав, лег, хотя поспать немного. И вот внезапно раздался гром, и начали жернова молоть. И поняв, что это бесовское действо, встал блаженный, и начал молиться богу прилежно, и сказал громким голосом: «Господь велит тебе перестать, вселукавый дьявол!» Бес же не переставал молоть жерновами. Феодор снова сказал: «Во имя отца и сына и святого духа, свергшего вас с небес и предавшего на попрание своим угодникам, велит тебе, чрез меня, грешного, не переставать работать до тех пор, пока не измелешь все жито, да и ты поработаешь на святую братию». И, сказав это, стал на молитву. Бес же не посмел ослушаться и до рассвета измолол на муку все пять возов жита. Феодор же известил келарю, чтобы тот прислал за мукой. И удивился келарь дивному чуду, что пять возов измолото за одну ночь, и вывез пять возов муки из пещеры, и к ним еще пять возов прибавилось муки.

И это чудо удивительно было и тогда и для ныне слышащих,— сбылось сказанное в Евангелии: «И бесы повинуются вам именем моим». Ведь сказано: «Дал вам власть наступать на змею, и на скорпиона, и на всякую силу вражью». Хотели бесы устрашить блаженного, но сами были наказаны тяжелой работой, так, что стали они взывать к нему: «Больше здесь не появимся!»

Феодоръ же и Василие съвѣт богоугоденъ положиста межю собою, иже николи же мысли своея утаити от себе, но сию раздрешити и рассудити еже по божию съвѣту. Василий убо в печеру входит, Феодоръ же старости ради ис печеры исходить, келию собѣ поставити хотя на ветхом дворѣ.

Бѣ бо тогда пожженъ манастыръ, и плотом привезеным на брегъ на строение церкви и всѣм кѣлиам, и извозником наятым возити на гору. Феодоръ же, не хотя быти инѣм тяжекъ, самъ на собѣ нача носити древо; и еже что възношаше Феодоръ, строениа ради келии своей, бѣси же, пакости ему творяще, сметаша с горы: симъ хотяще прогнати блаженнаго. Феодоръ же рече: «Въ имя господа бога нашего, повелѣвшаго вам въ свинья внити, велить вы мною, рабом своимъ, да всяко дрѣво, иже на брезѣ, на гору вънесѣте, да будут бес труда работающи богови, и тѣмъ устроять дом молитвенный святѣй владычици нашей богородици и келии собѣ уготовять. Да престанете пакости им творяще и увѣсте, яко господь есть на мѣстѣ семъ». В ту же нощь не престаша бѣси носяще древесна от Днѣпра на гору, дондеже не остася ни едино дрѣво долѣ, яко сим, възградиша церковъ и келиа, покров же и помостъ, и елико доволно всему манастырю на потребу.

Заутра же въставше извозници и ехаша на брегъ, хотяще возити древо, и ни единаго же обрѣтше на брезѣ, но все суще на горѣ, то же все не во едином мѣстѣ кладено, но все разно, съ чимъ коему быти вмѣсте: покровъ и особъ помостъ, и особно и *великое* дубие, неудобъ носимо за долгость, но все цѣло на горѣ обрѣтеся. Се же дивно бысть всѣмъ видѣвшим и слышащим, еже сътворися, выше человѣчьскыа силы. Се иновѣрным множѣмъ невѣрно мнится, величьства ради чюдеси, но свидѣтели симъ прославиша бога, творящаго предивнаа чюдеса своих ради угодникъ. Яко же рече господь: «Не радуйтеся, яко дуси вам повинуються, радуйте же ся паче, яко имена ваша написана суть на небесѣх». Но се убо съдѣа господь въ славу свою молитвъ ради святых отець наших Антониа и Феодосиа.

Бѣси же не тръпяще укоризны, иже иногда от невѣрных чтомы и покланяемы и мнимы аки бози, нынѣ же от угодникъ Христовых небрегомы и уничижаемы и бесчествуемы, и аки раби куплении работаютъ и древа носять на гору, и от человѣкъ отгоними бывають, боящеся прѣщениа преподобных,— вся бо льсти их Василиемъ и Феодором обличишася. Видяше же бѣсъ себе человѣкы укоряема и въпиаше: «О злаа и лютаа ми супостата, не прѣстаю, ни почию, до съмерти ваю боряся с вами!» Не вѣдый диаволъ, яко болъшюу вѣнцю исходатай будет има. И навади на ня злыа человѣкы погубити ею, иже напрягоша лукъ свой, вещь горьку, и оружие их внидет въ сердца их, еже послѣди скажем.

Феодор же и Василий по богоугодному совету между собой решили, чтобы никогда помыслов своих не таить друг от друга, но вместе обсуждать и решать по божьему совету. И вот Василий вошел в пещеру, Феодор же, по старости, вышел из пещеры, хотя келью себе поставить на старом дворе.

Монастырь был тогда выжжен, и к берегу пригнали плоты для постройки церкви и келий, и наняты были возчики возить лес на гору. Феодор же, не желая быть в тягость другим, сам на себе начал носить лесины; и что приносил Феодор для постройки кельи своей, то бесы, пакость ему творя, сбрасывали с горы, хотели этим прогнать блаженного. Феодор же сказал: «Во имя господа бога нашего, повелевшего вам в свиней войти, повелевает он вам через меня, раба своего, чтобы каждое бревно, которое на берегу, подняли вы на гору, дабы облегчился труд работающих богу, пусть так устроится молитвенный дом святой владычицы нашей богородицы, и иноки кельи себе поставят. И прекратите вы пакости им творить и узнайте, что господь находится в месте этом». В ту же ночь, не переставая, бесы носили бревна от Днепра на гору, пока ни одного не осталось внизу, и все это пошло на постройку церкви, и келий, и кровли, и помоста, и хватило на все, что требовалось монастырю.

Утром же встали возчики и поехали на берег, чтобы возить бревна, и ни одного не нашли на берегу, но все были на горе, и оказались сложенными не в одном месте, а все разобраны по порядку: особо — для кровли и особо — для помоста, и особо — большие бревна, неудобоносимые из-за длины, и все в целости оказалось на горе. И дивились все, видевшие и слышавшие, тому, что сделалось выше человеческой силы. Иноверным многим это невероятным покажется из-за величия чуда, но свидетели его прославили бога, творящего предивные чудеса ради угодников своих. Ведь сказал же господь: «Не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь больше тому, что имена ваши написаны на небесах». Это сделал господь во славу свою, молитв ради святых отцов наших, Антония и Феодосия.

Бесы же, не стерпев обиды, что, некогда почитаемые и ублажаемые неверными и признаваемые за богов, оказались они ныне у угодников Христовых в пренебрежении, и уничижении, и бесчестье, и, как рабы купленные, работают — бревна носят на гору и от людей должны отступаться, боясь угрозы преподобных,— ведь все козни их Василием и Феодором обличены были. И, видя бес себе укоризну от людей, возопил: «О злые и лютые мои супостаты, не отступлюсь, не отдохну, до смерти вашей борясь с вами!» Не ведал дьявол, что этим только еще бо́льшую славу доставит им. И наустил на них злых людей, чтобы погубить их, и те натянули лук свой, орудие зла, но стрела их в их же сердце вонзилась, о чем после расскажем.

И наймити же и извозници въздвигоша крамолу на блаженаго, просяще найма своего, глаголюще тако: «Не вѣмы, какою козниюю сему древу повелѣлъ еси на гору быти». И неправедный же судиа мьзду взятъ от тѣх и повелѣ имъ на преподобнѣм мьзду взяти, тако рекъ: «Да помогут ти бѣси платити, иже тобѣ служать»,— не поминаа на ся осуждениа божиа, еже неправедно судяй самъ осужденъ будет.

И пакы ратникъ диаволъ въздвизаеть бурю на преподобныа: обрѣтаеть нѣкоего от княжих съвѣтник, люта и сверѣпа, и неподобна нравом и дѣломъ и всею злобою. Приходит к сему болярину бѣсъ въ образѣ Василиевѣ, понеже знаем бѣ ему Василий, глаголеть болярину сице: «Иже преже мене, рече, бывый в печерѣ Феодоръ, сей обрѣтъ съкровище злата и сребра множество и съсуди многоцѣннии, и съ всѣм тѣм хотѣ бѣжати на ину страну, азъ же удержах его. И се нынѣ уродствуеть: бѣсом велит молоти и з берега древа носити на гору, и бываеть тако, а съкровище хранить до времене, да мене утаився, и с ним отъидеть, аможе хощеть. Вы же ничто же обрящете».

И то слышавъ бояринъ от бѣса, и мнѣвъ его Василиа суща, приведе его къ кнзю Мьстиславу Святополчичю. Бѣсъ же сиа изглаголавъ князю и больша сих, и рече: «Скоро сего имѣте и сокровища възмѣте. Аще ли не дасть, то ранами попрѣтите ему и муками; аще ли и еще не дасть, предадите его мукам многым; аще ли же и тако не дасть, то мене призовите, и азъ отличю его предо всѣми вами и мѣсто покажу, идѣ же съкровенно есть сокровище». И сице изглаголавъ бѣсъ к нимъ злое съвѣщание, и изыде от очию их.

Рано же князъ, аки на ловъ или на нѣкоего воина крѣпка, сам еха съ множеством вои, и емъ блаженаго Феодора, приведе его в дом свой. И преже убо ласканиемъ въпрошаше того, глаголя: «Отче, повѣжь ми, аще сокровище обрѣте? Се бо, рече, раздѣлю с тобою, и будеши отець отцу моему и мнѣ». Бяше бо Святополкъ в Туровѣ. Феодоръ же рече: «Ей, обрѣтох и нынѣ съкровенно есть в печерѣ». Князь же рече: «Много ли, отче, злата и сребра и сосудовъ, и кимъ, слышиться, то съкровенно есть?» Феодоръ же рече: «Въ Житии святаго Антониа повѣдаеть, Варяжскый поклажей есть, понеже съсуди латиньстии суть, и сего ради Варяжьскаа печера зоветься и донынѣ. Злата же и сребра бесчисленно множество». Князъ же рече: «Что ради не даси мнѣ, сыну своему? Собѣ же възми, елико хощеши». Феодоръ же рече: «Азъ от сего не требую ничто же, или велиши ми възяти, еже ми не на пользу, не трѣбую бо сих, яко свободну ми от сего бывшю. Не помню бо, а все бых вамъ поведалъ, яко сему работаете, азъ же свобод сый от сего».

И нанятые работники и возчики воздвигли крамолу на блаженного, требуя своей платы и говоря так: «Не ведаем, какими кознями велел ты этим бревнам на горе оказаться». Неправедный же судья, мзду взявши с них, велел им получить плату с преподобного, так говоря: «Пусть помогут тебе бесы заплатить, которые тебе служат». Не вспомнил он о божьем суде, о том, что неправедно судящий сам осужден будет.

И снова враг дьявол воздвиг бурю на преподобных: нашел он между княжескими советниками лютого, и свирепого, и непотребного нравом, и делом, и всякой злобой. Пришел к этому боярину бес в образе Василия, потому что был знаком боярину Василий, и сказал боярину: «Феодор, что был до меня в пещере, нашел сокровище,— золота и серебра множество и сосуды многоценные, и со всем этим хотел бежать в иную страну, я же удержал его. И теперь он юродствует: бесам приказывает молоть и с берега бревна носить на гору,— и свершается это, а сокровище скрывает до времени, чтобы тайно от меня уйти с ним, куда задумает. Вы же ничего не получите».

И боярин, услышав это от беса и считая его Василием, привел его к князю Мстиславу Святополчичу. Бес то же самое рассказал князю, и даже больше того, и сказал: «Скорее его схватите и возьмите сокровище. Если же не отдаст, то устрашите его побоями и пытками: если же и тогда не даст, то пытайте его муками многими; а если и после этого не отдаст, то призовите меня и я обличу его перед всеми вами и место покажу, где скрыто сокровище». И давши им такой злой совет, бес ушел с глаз их.

Князь же рано утром, словно на охоту или на какого-нибудь воина грозного, поехал сам со множеством воинов и, схватив блаженного Феодора, привел его в дом свой. И сначала ласково спрашивал его, говоря: «Отче, поведай мне, правда ли ты нашел сокровище? Я,— говорил он,— разделю его с тобою, и будешь ты отец отцу моему и мне». А Святополк был тогда в Турове. Феодор же сказал: «Да, нашел, и теперь оно зарыто в пещере». Князь же сказал: «Много ли, отче, золота, и серебра, и сосудов, и кем, по слухам, сокрыто все это?» Феодор же сказал: «В Житии святого Антония говорится, что это варяжский клад, и действительно там сосуды латинские, из-за этого Варяжской пещера называется и доныне. Золота же и серебра бесчисленное множество». Князь же сказал: «Почему же ты не дашь мне, сыну своему? Себе же возьми сколько хочешь». Феодор же сказал: «Мне из этого не нужно ничего, даже если ты повелишь мне взять, ибо мне это не на пользу, не требуется мне богатства, так как освободился я от него. Не помню ничего, а то о всем бы вам поведал, потому что вы богатству служите, я же свободен от этого».

И тогда князъ съ гнѣвом рече слугам: «Сего мниха, не хотѣвша милости моея, велю оковати по руцѣ и по нозѣ и за три дьни не дати хлѣба и воды». И пакы въпрошенъ бысть: «Повѣжь съкровище». Феодоръ же рече: «Не свѣм, гдѣ съкрых é». Князь же повелѣ мучити его крѣпко, яко омочитися и власеници от крови, и по семъ повелѣ его во дымѣ велицѣ повѣсити, и привязати его опакы, и огнь возгнѣтити. Тогда мнози удивишася терпѣнию мужа, яко в росѣ въ пламени пребываше, но ни власеници его огнь прикоснуся. И нѣкто оттуду прѣдстоащих сказа о Феодорѣ, еже сътвори чюдо. И въ ужасти быв князь, и глагола старцю: «Почто погубляеши себе и не даси сокровища, еже нам достойно?» Феодоръ же рече: «Истинну ти глаголю, молитвою брата моего Василиа тогда спасенъ бых, егда обрѣтох, и нынѣ отъятъ господь память сребролюбиа от мене, и не вѣмь, гдѣ съкрых é».

Князь же скоро посла в печеру по святаго Василиа. Сему же не хотящу приити, нужею приведоша его ис печеры. Князь же рече ему: «Все, еже повелѣлъ ми еси сътворити сему злому, и сътворих, тебе же хощу въ отца мѣсто имѣти». Василие же рече: «Что ти повелѣх сътворити?» Князь же рече: «Еже ми еси повѣдалъ сокровище, сей же не повѣсть его, и мучих его». И отвѣща Василий: «Познах козни злаго бѣса, прельстившаго тя, а на мене сългавша и на сего преподобнаго; мене бо не видѣлъ еси никогда же исходяща ис печеры своея лѣтъ 15». Таже вси предстоащии рѣша: «При нас еси глаголалъ князю». Василий же рече: «Всѣх вас бѣсъ прельстилъ есть, и нѣсмь видѣлъ князя, ни вась».

И разгнѣвав же ся князь, и повелѣ бити его безъ милости. И не стерпѣвъ обличениа, и шуменъ бывъ от вина, и възъярився, възем стрѣлу и уязви Василиа. И егда застрѣли его, Василий же, изем стрѣлу от утробы своея и верже къ князю, и рече: «сею стрѣлою самъ уязвенъ будеши». Еже и събысться по пророчению его.

И повелѣ князь разно затворити ю, да утре мучить ею злѣ, и в ту нощь оба скончастася о господѣ. И се увѣдавше братиа, пришедше, взяша телеса ею мученнѣи и погребоша их честно в печерѣ Варяжьской. В ней же подвизастася, ту же и положена быста въ одежи кровавѣй и власеници, яже и донынѣ цѣла сущи: ея же бѣ постыдѣся огнь, како сиа тлѣнию причастится?

Не по мнозѣх же дънех самъ Мьстислав застрѣленъ бысть въ Володимери на забралех, по прорѣчению Василиеву, бияся съ Давыдомъ Игоревичем. И тогда познавъ стрѣлу свою, ею же застрели Василиа, и рече: «Се умираю днесь преподобных ради Василиа и Феодора».

И тогда князь с гневом сказал слугам: «Этого монаха, отвергшего милость мою, повелеваю сковать по рукам и по ногам и три дня не давать хлеба и воды». И снова спросил: «Открой — где сокровище?» Феодор же сказал: «Не помню, где спрятал его». Князь же велел жестоко мучить его, так что и власяница омочилась кровью; затем велел подвесить его в большом очаге, связав руки назад, и огонь раздуть. И многие удивились тогда терпению этого мужа, который пребывал в пламени, как в росе, а огонь даже власяницы его не коснулся. И некто из стоявших тут рассказал о чуде, сотворенном Феодором. И ужаснулся князь, и сказал старцу: «Зачем ты губишь себя и не отдаешь сокровища, которое нам достойно?» Феодор же сказал: «Истину тебе говорю, что молитва брата моего Василия спасла меня тогда, когда я нашел сокровище, и ныне отнял господь от меня память сребролюбия, и я не помню, где спрятал его».

Князь же тотчас послал в пещеру за святым Василием. Тот не хотел идти, но его насильно привели из пещеры. Князь же сказал ему: «Все, что ты мне велел сделать с этим злодеем, я сделал и хочу, чтобы ты был мне как отец». Василий же сказал: «Что я тебе велел сделать?» Князь же сказал: «О сокровище, про которое ты мне рассказал, он ничего не поведал,— и я пытал его». И ответил Василий: «Вижу козни злого беса, прельстившего тебя, а на меня возведшего ложь и на этого преподобного: меня никто и никогда не видел выходившим из пещеры своей пятнадцать лет». Тогда все, бывшие тут, сказали: «При нас ты говорил князю». Василий же сказал: «Всех вас бес прельстил, а я не видел ни князя, ни вас».

Разгневался князь и повелел бить его без милости. И не стерпев обличения, и захмелев от вина, и разъярившись, взял он стрелу и вонзил ее в Василия. И когда он проткнул его, Василий вытащил стрелу из тела своего, и бросил ее князю, и сказал: «Этой стрелой сам убит будешь». Как и сбылось по предсказанию его.

И повелел князь порознь заключить обоих иноков, чтобы утром предать их злым мукам, но в ту же ночь оба они скончались о господе. И, узнав это, иноки пришли, взяли тела их и погребли их честно в пещере Варяжской. Где они подвизались, там и положены были в кровавых одеждах и власяницах, целы они и доныне: тех, кого постыдился огонь, как тление коснется?

По прошествии немногих дней сам Мстислав, воюя с Давыдом Игоревичем, по предсказанию Василия убит был на городской стене, во Владимире. И тогда признал он свою стрелу, которой пронзил Василия, и сказал: «Это я умираю за преподобных Василия и Феодора».

Да събудеться реченное господемъ: «Всякъ, вьзимаа ножь, и ножемъ умираеть». Понеже безьзаконно убивъ, и сам беззаконно убиен бысть. Сиа же мученичьскый вѣнець приаша о Христѣ Исусѣ господѣ нашем, ему же слава съ отцемь и съ святым духом нынѣ и присно.

О ПРЕПОДОБНѢМ СПИРИДОНѢ ПРОСКУРНИЦѢ И О АЛИМПИИ ИКОННИЦѢ. СЛОВО 34

Всяка душа проста свята есть, не имѣа лукавъства в собѣ, ни льсти въ сердци. Таковый истиненъ есть къ богу и человѣком, сицевый не может съгрѣшити къ богу, паче же не хощеть, яко съсуд божий есть и святому духу жилище бываеть, от того освещаеться душа и тѣло и умъ, яко же рече господь: «Азъ же и отець к нему приидевѣ и обителъ у него сътворимъ. Вселю бо ся, рече, в ня и похожу, и буду им богъ, и тии будуть мнѣ людие». Апостолъ же: «Братие, вы есте церкви бога жива, и духъ святый живеть въ вась». Таковии на земли еггельскы пожиша и на небесѣх с тѣми въ вѣкы радуються: яко же бо въ жизни неразлучени быша от тѣх, сице и по смерти с ними веселяться, еже и на конци слова скажем о семъ.

Сей убо преподобный Спиридонъ бяше невѣжа словом, но не разумомъ, не от града бо прииде в чернечьство, но от нѣкоего села. И въсприать страх божий въ сердци си, и нача учитися книгам, и извыче весь Псалтырь изоустъ. Повелѣнием же игумена Пимина Постника печаше просхвуры, и с нимъ брат нѣкто, именемъ Никодимъ, ему единоуменъ и единонравенъ. Иже добрѣ послужиша в пекленици за многа лѣта, *честно* и непорочно съвръшивше свою службу. Блаженный же Спиридонъ, отнеле же в пекалницю прииде и не измѣни своего подвига и труда духовнаго, но свою работу съвершаше съ всяцѣм говѣнием и съ страхом божиим, жертву чисту от своего труда принося богови. Плод же, иже от устъ его, жива и словесна жертва от того приношашеся о всѣх и за вся всемогущему богу: бес престани бо Псалтырь пояше и ту на всякъ день скончаваа, или дрова сѣкый, или тѣсто мѣся, и се бес престани въ устѣх имѣаше.

И сему нѣкогда обычную работу съвершающу съ всяцѣм говѣнием, прилучися нѣкогда сему блаженному вжещи пещь, яко же и всегда, на испечение просфорам, и от пламени огненаго загорѣся покровъ храмины. Он же, вземъ мантию свою, и закры устие пещи, свитѣ же своей завязавъ рукава и сию взем, течаше на кладязь и ту налиа воды, скоро течаше, зовый братию, да угасять пещь и храм. Братиа же притекше видѣша дивную вещь, како не истече вода от свиты, ею же угасиша силу огнену.

Так сбывается сказанное господом: «Всякий, взявший нож, от ножа погибнет». Как он беззаконно убил, так и сам беззаконно убит был. Блаженные же приняли мученический венец о Христе Иисусе, господе нашем, ему же слава с отцом и святым духом ныне и присно.

О ПРЕПОДОБНОМ СПИРИДОНЕ ПРОСВИРНИКЕ И ОБ АЛИМПИИ ИКОНОПИСЦЕ. СЛОВО 34

Всякая душа простая свята, не имея лукавства в себе, ни лести в сердце своем. Такой человек праведен пред богом и людьми, и не может согрешить богу, и еще больше,— не хочет, потому что он сосуд божий и жилище святого духа, которым освещается его душа, и тело, и ум, как сказал господь: «Я и отец к нему придем и обитель у него сотворим. Вселюсь,— сказал,— в них и буду ходить в них, и буду их богом, и они будут моим народом». Апостол же сказал: «Братья, вы церковь бога живого, и дух святой живет в вас». Такие на земле живут, как ангелы, и на небесах с ними вовеки радуются: ибо как в жизни не отлучались от них, так и по смерти с ними веселятся, о чем мы скажем еще в конце этого слова.

Этот преподобный Спиридон был простец словом, но не разумом; не из города пришел он в чернечество, а из некоего села. И имел он страх божий в сердце своем, и начал учиться книгам, и выучил всю Псалтырь наизусть. Повелением же игумена Пимена Постника, он пек просфоры, а с ним другой брат, именем Никодим, такой же, как и он, умом и нравом. Добросовестно трудились они в пекарне много лет, честно и непорочно совершая свою службу. Блаженный же Спиридон, с тех пор как пришел в пекарню, не нарушал своего обета и труда духовного, но исполнял свою работу с особым благочестием и страхом божиим, жертву чистую от своего труда принося богу. Плод же уст его,— живая словесная жертва,— приносилась от него всемогущему богу обо всем и за всех: беспрестанно пел он Псалтырь, и, в каждый день до конца, дрова ли колол, тесто ли месил, постоянно была она у него на устах.

Однажды сей блаженный, совершая с особым благочестием свою обычную работу, затопил, как всегда, печь для печенья просфор, и вдруг от пламени загорелась кровля пекарни. Тогда он взял мантию свою и закрыл ею устье печи; потом, завязавши рукава у своей рубахи, взял ее и побежал с нею к колодцу, налил там в нее воды и быстро устремился назад, призывая братию гасить печь и пекарню. Иноки прибежали и увидели дивное явление: вода не вытекала из рубахи и Спиридон погасил разгоревшееся пламя.

Многа же тщаниа трѣбѣ, еже въспомянути всѣх и похвалити и ублажити о господѣ скончавшихся здѣ, въ блаженнѣм сем манастыри Печерьском. Давыдскыи рекущи: «Радуйтеся, праведнии, о господѣ, правѣдным подобаеть похвала! Добрѣ пойте ему съ въсклицанием въ десятоструннѣ псалтыри!» Не от перваго убо на десять часа господу помолившеся и тому угоднаа творяще, но от юности богу себе предавше, и многа лѣта пожиша и в добрѣ старости къ господу отъидоша, и ни единаго дьне и часа правила своего измѣниша. Насажени бо быша в дому божиа матере, тии процвѣтут въ дворѣх бога нашего и еще умножатся въ старости маститѣ, яко же и сий блаженный.

Преподобный же Алимпий преданъ бываеть родителема своима на учение иконьнаго писаниа. Егда бо греческыи писци изъ Царяграда волею божиею и пречистыа его матере приведени быша нужею писати церкви Печерьскыа, въ дьни благовѣрнаго князя Всеволода Ярославича, при преподобнѣм игумене Никонѣ, яко же о них сказанно есть в Послании Симоновѣ, еже показа богъ и сътвори чюдо страшно въ церкви своей. Мастером бо олтаръ мусиею кладущимъ, и образъ пречистѣй владычици нашей богородици и приснодѣвѣи Марии сам въобразися, всѣм же сим внутръ сущим олтаря, покладываху мусиею, Алимпий же бѣ помагаа имъ и учася, и видѣвше вси дивное и страшное чюдо: зрящимъ имъ на образъ, и се внезаапу просвѣтися образъ владычица нашея богородица и приснодѣвы Мариа паче солнца, и не могуще зрѣти, падоша ниць ужасни. И мало възникше, хотяху видѣти бывшее чюдо, и се изъ устъ пречистыа богоматере излѣтѣ голубъ бѣлъ и лѣтяше горѣ къ образу спасову и тамо скрыйся. Сии же вси смотряху, аще изъ церкви изълетѣлъ есть, и всѣм зрящим, и пакы голубъ излетѣ изъ устъ спасовых и летяше по всей церкви. И коемуждо святому прилѣтаа, овому на руцѣ сѣдаа, иному же на главѣ, слетѣв же долу, сѣдѣ за иконою чюдною богородичиною намѣстною. Долу же стоящии хотѣша яти голубъ и приставиша лѣствицю, и се на обрѣтеся за иконою, ни за завѣсою. Смотривъше же всюду, не вѣдяху, гдѣ съкрыся голубъ, и стояху вси зряще къ иконѣ, и се пакы пред ними излетѣ голубь изъ устъ богородичинъ и идяше на высоту къ образу спасову. И възопиша горѣ стоащим: «Имѣте!» Они же простроша рукы, хотяху яти его, голубъ же пакы влетѣ въ уста спасова, отнудуже и изыде. И се пакы свѣт паче солнца осѣа тѣх, изимаа зракы человѣчьскыа. Сии же падше ниць и поколнишася господеви. С ними же бѣ и сий блаженный Алипие, видѣвъ дѣтелъ святаго духа, пребывающу в той святѣй и честнѣй церкви Печерьской.

Большое усердие требуется, чтобы достойно помянуть, и восхвалить, и воздать всем должное, о господе скончавшемся здесь, в этом блаженном монастыре Печерском. Скажем словами Давида: «Торжествуйте, праведники, о господе, праведным подобает похвала! Стройно пойте ему с восклицанием на десятиструнной псалтыри». Не от одиннадцатого часа они господу молились и творили ему угодное, но от юности предали себя богу, много лет прожили и в глубокой старости к господу отошли, ни на один день и час не изменивши своему правилу. Насажденные в доме божьей матери, процветут они в чертогах бога нашего и еще умножатся в старости маститой, как и этот блаженный.

Преподобный же Алимпий отдан был родителями своими учиться иконописи. Это было, когда греческие иконописцы из Царьграда волею божиею и пречистой его матери приведены были, против своего желания, расписывать церкви Печерские, во дни благоверного князя Всеволода Ярославича, при преподобном игумене Никоне, это о них рассказано в Послании Симона, когда бог явил и сотворил чудо страшное в церкви своей.

Когда мастера украшали мозаикой алтарь, вдруг образ пречистой владычицы нашей, богородицы и приснодевы Марии, изобразился сам, а они все были заняты укладкой мозаики внутри алтаря, Алимпий же помогал им и учился у них,— и увидели все дивное и страшное чудо: смотрят они на образ, и вот внезапно засиял образ владычицы нашей, богородицы и приснодевы Марии ярче солнца, так что невозможно было смотреть, и все в ужасе пали ниц. Приподнялись они немного, чтобы видеть свершившееся чудо, и вот из уст пречистой богоматери вылетел голубь белый, полетел вверх к образу спасову и там скрылся. Они все стали смотреть, не вылетел ли он из церкви, и на глазах у всех снова голубь вылетел из уст спасовых и стал летать по всей церкви. И прилетая к каждому святому, садился,— одному на руку, другому на голову, слетев же вниз, сел за наместной чудной богородичной иконой. Стоявшие внизу хотели поймать голубя и приставили лестницу, но не нашли его ни за иконой, ни за завесой. Осмотрели всюду, но не нашли, куда скрылся голубь, и стояли все, взирая на икону, и вот снова перед ними вылетел голубь из уст богородицы и поднялся вверх к спасову образу. И закричали стоявшим вверху: «Хватайте!» Те же, простерши руки, хотели поймать его, а голубь вновь влетел в уста спасовы, откуда вылетел. И вот опять свет, ярче солнечного, озарил всех, ослепляя глаза человеческие. Они же, павши ниц, поклонились господу. С ними был и этот блаженный Алимпий, воочию видевший святого духа, пребывающего в той святой и честной церкви Печерской.

Егда же скончаша ю пишюще, тогда блаженный Алимъпие пострижен бысть при игумене Никонѣ. Добрѣ извыкъ хытрости иконнѣй, иконы писати хытръ бѣ зѣло. Сей же хытрости въсхотѣ научитися не богатьства ради, но бога ради се творяше. Работаше бо, елико же доволно бысть всѣм, игумену и всей братии писаше иконы, и от сего ничто же възимаа. Аще ли же когда не имяше дѣла собѣ сей преподобъный, то възимаа възаим злата и срѣбро, еже иконам на потребу, и дѣлаше им же бѣ должен, и отдаваше икону за таковый долгъ. Многажды же моляше другы своя, да въ церкви гдѣ видѣвше обѣтъшавша иконы, и тыа к нему принесут, и сиа обновивъ, поставляше на своих мѣстѣх.

Все же се творяше, да не празденъ будет, понеже святии отци рукодѣлие мнихомъ повелѣша имѣти и велико се пред богом положиша, яко же рече апостолъ Павелъ: «Мнѣ же и сущимъ съ мною послужистѣ руцѣ мои, и ни у единого же туне хлѣба ядох». Тако же сий блаженный Алимъпие. На три части раздѣляше рукодѣлие свое: едину часть на святыа иконы, а вторую часть въ милостиню нищим, а третюу часть на потребу тѣлу своему. И се творяше по вся лѣта и не дадяше собѣ покая по вся дьни: в нощи же на пѣние и молитву упражняшеся, дьни же приспѣвшу, отлучаше себе на дѣло, праздна же николи же бяше видѣти его; но и събора церковнаго вины ради дѣла не отлучашеся николи же. Игуменъ же за многую его добродѣтель и чистое житие постави его священником, и въ таковом чину священъства добро и богоугодно пребысть.

И нѣкто от Киева богатых прокаженъ сый. И много от волъховъ и от врачевъ врачюем бываше, и от иновѣръных человѣкъ искаше помощи, и неполучи, но и горшее собѣ приобрѣте. И нѣкто от другъ его понуди его ити в Печеръскый манастыръ и молити нѣкыа от отець, да помоляться о нем. Оному же приведену бывшу въ манастырь, игумен же повелѣ напоити его от кладезя святаго Феодосиа, главу же и лице ему помазаша. И абие въскыпѣ весь гноемъ за невѣръствие его, яко же бѣгати его всѣм смрада ради. Онъ же възвратися в домъ свой, плачася и сѣтуя и не исходя оттуду въ многы дьни, смрада ради. И глагола другомъ своимъ: «Покры срамота лице мое. Чюждь бых братии моей и страненъ сыном матере моея, понеже не с вѣрою приидох къ святыма Антонию и Феодосию». И бѣ по вся дьни ожидаа съмерти.

И поздѣ нѣкогда прииде в себѣ, помысли своа съгрѣшениа, прииде къ преподобному Алимъпию и покаася к нѣму. Блаженый же рече ему: «Чадо, добрѣ сътворилъ еси, исповѣдавъ богови грѣхы своа пред моимъ недостоинъством, рече бо пророкъ Давыдъ: «Исповѣм на ся безакониа моя господеви, и тъй отпустить нечестие сердца моего». И много поучивъ его еже о спасении души, и възем вапъницю, и шаровными

Когда же окончили расписывать эту церковь, тогда блаженный Алимпий принял пострижение при игумене Никоне. Хорошо выучился он иконописному искусству, иконы писать был он большой мастер. Этому же мастерству он захотел научиться не богатства ради, но бога ради это делал. Работал же он так, что хватало их всем,— и игумену и всей братии писал иконы, и за это ничего не брал. Если же когда у этого преподобного не было работы, то он брал взаймы золото и серебро, что нужно для икон, делал икону тому, кому был должен и отдавал икону заимодавцу. Часто также просил друзей своих: если увидят где в церкви обветшалые иконы, то приносили бы их к нему, и, обновив их, ставил на свои места.

Все это делал он, чтобы не быть праздным, потому что святые отцы велели инокам всегда трудиться и считали это великим делом перед богом, ибо, как сказал апостол Павел: «Мне и бывшим со мною послужили руки мои и ни у кого я задаром хлеба не ел». Так и этот блаженный Алимпий. Он делил заработанное на три части: одну часть на святые иконы, вторую часть на милостыню нищим, а третью часть на нужды тела своего. И так делал он всегда, не давая себе покоя ни в один из дней: ночь проводил в пении и молитве, а когда наступал день, он принимался за работу, праздным же никогда не видали его, но и от собрания церковного из-за работы не уклонялся никогда. Игумен же за многую его добродетель и чистое житие поставил его священником, и в таком чину священства он добросовестно и богоугодно пребывал.

Некто из богатых киевлян был прокаженным. И много лечился он у волхвов и у врачей, и у иноверных людей искал помощи и не получил, но лишь сильнее разболелся. И один из его друзей уговорил его пойти в Печерский монастырь и упросить кого-нибудь из отцов, да помолятся о нем. Когда привели его в монастырь, игумен повелел напоить его из колодца святого Феодосия и помочить ему голову и лицо. И вдруг покрылся он весь гноем за неверие свое, так что все стали избегать его из-за исходящего от него смрада. Он же возвратился в дом свой плача и сетуя и не выходил оттуда много дней, стыдясь смрада. И говорил он друзьям своим: «Покрыл стыд лицо мое. Чужим стал я для братьев моих и незнакомым для сынов матери моей, потому что без веры пришел к святым Антонию и Феодосию». И каждый день ожидал он смерти.

Наконец, со временем, образумился он, размыслил о своих согрешениях и, придя к преподобному Алимпию, покаялся ему. Блаженный же сказал ему: «Чадо, хорошо сделал, исповедав богу грехи свои пред моим недостоинством, ведь пророк Давид сказал: «Исповедаюсь в преступлениях моих пред господом, и он простит нечестие сердца моего». И много поучив его о спасении души, взял преподобный вапницу и разноцветными

вапы, ими же иконы писаше, и симъ лице его украси и струпы гнойныа замазавъ, и сего на первое подобие и благообразие претвори. Приведе его въ божественную, церковъ Печерьскую, дасть ему причастие святых тайнъ и повелѣ ему умытися водою, ею же священници умываються, и ту абие спадоша ему струпи и исцѣлѣ.

Виждь ми разумъ блаженаго! Христу бо уподобися: яко же бо господь прокаженнаго исцѣливъ и повелѣ ему показатися священником и принести даръ за очищение его, сице убо и сий святый бѣгаа величаниа; яко же и Христос слѣпаго исцѣливъ, *и не ту абие прозрѣвъ,* но повелѣ ему ити къ Силуамли купели измытися, такоже и сий блаженный преже вапы украшаеть образъ смердящий невѣриа ради, честь же творить и служителем божиим, да и ти обещеници с нимъ будуть чюдеси. Водою же того омывъ, не токмо телесных проказъ очисти, но и душевных. Того же исцѣленнаго правнукъ окова кивот златом над святою трапезою за очищение того. И сего скорому исцѣлѣнию вси удивишася. Рече же к нимъ преподобный Алимъпий: «Братие! внимайте сему рекшему: «Не может рабъ двѣма господинома работати». Яко же и сий прежде поработися врагу чарованиа грѣхом, послѣди же прииде къ богу, отчаався бо преже спасениа своего, больма проказа нападе на нь невѣрьствиа ради его. «Просите бо,— рече господь,— и не просто просите, но съ вѣрою просите, и приимѣте». И егда же каася къ богу и мене послуха постави, и скорый на милость сего ущедри». И отъиде исцелѣвъ в дом свой, славя бога и того рождъшую пречистую матеръ и преподобных отець наших Антониа и Феодосиа и блаженнаго Алимъпиа. Се бо новый намъ Елисей, иже Неомана Сирианина от проказы исцѣли.

И инъ нѣкто мужь христолюбець от того же града Киева церковъ собѣ постави и въсхотѣ сътворити церкви на украшение великых иконъ: 5 дѣисуса и двѣ намѣстнѣи. Сий же христолюбець вдасть сребро двѣма мнихома манастыря Печерьскаго *и доскы иконныа,* да сътворят рядъ съ Алимъпием, иже хощеть, възметь от иконъ. Сии же мниси ничто же рекоша Алимпиеви, а взяста от мужа елико хотѣста. И тако христолюбець посла къ мнихома, аще иконы его сдѣланы суть. Они же рѣста, яко еще злата требуеть, и пакы узяша у христолюбца злато и истеряста. И пакы наречие въспустиста мужеви, глаголавше на святаго сице, яко и ище просит толико же, елико взят. Он же христолюбець с радостию вдасть. И по малѣ пакы черноризци рекоста: «И еще Алимпий толико же трѣбуеть». Христолюбець же рече: «Аще и до десятижды въпросить, то дамь, токмо благословениа его хощу и молитвы, и дѣла руку его». Алимпиеви же ничьто же вѣдущу о сем, еже мниси тии сътвориста.

красками, которыми писал иконы, раскрасил лицо больного и гнойные струпья замазал, придав прокаженному прежний вид и благообразие. Потом привел его в божественную церковь Печерскую, дал ему причаститься святых тайн, и велел ему умыться водой, которой умываются священники, и тотчас спали с него струпья, и он исцелился.

Зри, каков разум блаженного! Христу уподобился он: как господь, прокаженного исцелив, велел ему показаться священникам и принести дар за очищение свое, так ведь и этот святой избегал славословия; как Христос, слепого исцелив, не тотчас дал ему прозрение, но повелел ему идти к Силоамской купели умыться, так же и этот блаженный сначала разрисовал красками образ, смердящий за неверие, честь же исцеления уступил служителям божиим, чтобы и они были с ним участниками чуда. Водою же больного омыв, не только очистил его от телесной, но и от душевной проказы. За это очищение правнук исцеленного оковал кивот золотом над святым престолом. Все удивились такому скорому исцелению. Преподобный же Алимпий сказал им: «Братья! внимайте сказавшему: «Не может раб служить двум господам». Вот этот прежде служил врагу, пытаясь исцелиться чарованием, а потом пришел к богу, не веря в душе о спасении своем, и сильнее проказа напала на него за его неверие. «Просите,— сказал господь,— и не просто просите, но с верою просите, и получите». Когда же он покаялся перед богом, поставив меня свидетелем, тот, скорый на милость, его исцелил». И отошел исцелившийся в дом свой, славя бога и родившую его пречистую матерь, и преподобных отцов наших, Антония и Феодосия, и блаженного Алимпия. Это нам новый Елисей, который Неемана Сириянина от проказы исцелил.

Другой муж, некий христолюбец из того же города Киева, церковь себе поставил и хотел сделать на украшение церкви большие иконы: пять деисусных и две наместные. И этот христолюбец дал двум инокам Печерского монастыря серебро и доски иконные, чтобы они урядились с Алимпием и заплатили бы ему за иконы, сколько он захочет. Монахи же эти ничего не сказали Алимпию, а от киевлянина взяли сколько захотели. Через некоторое время христолюбец послал к монахам, чтобы узнать, готовы ли его иконы. Те же сказали, что Алимпий еще золота требует, и снова взяли они у христолюбца золото и растратили. И опять послали объявить киевлянину, говоря, что святой еще просит столько же, сколько взял. Христолюбец же этот дал с радостью. Спустя немного времени, черноризцы опять сказали: «Алимпий еще столько же требует». Христолюбец же сказал: «Хотя бы он и десять раз просил, то я дам, только благословения его хочу, и молитвы, и дела рук его». Алимпий же ничего не знал о том, что эти монахи сотворили.

Присылаеть убо мужь, хотя видѣти, аще иконы написаны суть, она же черноризца възвѣстиста ему, тако глаголюще, яко: «Алимпий, поимавъ злато и сребро и с лихвою, и не хощеть писати иконъ твоих». Христолюбець же той прииде въ манастырь съ многою дружиною и входить къ игумену Никону, хотя въздвигнути крамолу на преподобнаго Алимпиа. Игуменъ же призвавъ его и рече ему: «Брате, что се неправда сиа бысть от тебе сынови нашему? Многажды бо моливь тя, даати что хощеши, иногда же туне пишеши». Блаженный же рече: «Отче честный, вѣсть твоа святыни, яко никогда же имѣх лѣности о дѣлѣ сем. Нынѣ же не свѣмъ, о чем глаголеши». Игумен же рече, яко: «Три цены възялъ еси от седми иконъ». И се, яко на обличение тому, повелѣша принести дьскы иконныа, мнихы же призвати, имавшаа цѣну, на обличение его, да пряться с ним.

Послании же видѣша тыа иконы, написаны зѣло хытры, и принесоша пред игумена. Яже видѣвше, вси удивишася и ужасни бывше, съ трепетом ници на земли падоша и поклонишася нерукотворенному образу господа нашего Иисуса Христа и пречистыа его матере и святых его. И промьчеся велика слава о сем въ всѣм градѣ Киевѣ. Приидоша же она мниха, глаголавшаа на блаженаго, не вѣдуще о семъ ничто же, и начаша стязатися съ Алимпием, тако глаголюща, яко: «Три цѣны взялъ еси, иконъ не пишеши». Отвѣщавше же вси тѣм, рѣша: «И се нынѣ иконы богом написани суть». Сии же видѣвше, и ужасошася о бывшем чюдеси.

Сиа же черноризца, крадшаа манастыръ, обличена бывша, и от всѣх вещей отпадоша, и изгнана быста от манастыря Печеръскаго. Но и тако своея злобы не остастася, глаголюще хулу на блаженнаго и всѣмь глаголюще, яко: «Мы есмы написали иконы, господинъ же тѣх не хотя дати нам мьзды, и се замыслилъ есть, лишивъ наю найма, и солгаста на иконы, яко богом написани суть, а не суть нами въображени». И тако устависта народ, притѣкающь на позоръ тѣх, и хотящим имъ поклонитися, сии же възбраняста, и сего ради людие вѣроваша мнихома, облъгающимъ блаженнаго Алимъпиа.

Но богъ прославляеть святыа своа, яко же рече господь въ Еуангелии: «Не может град укрытися, верху горы стоя, ниже вжигають свѣтилника и поставляють под сосудом, но на свѣщницѣ, да свѣтит всѣм приходящим». Тако же и сего преподобнаго Алимпиа не утаися добродѣтельное житие. Дойде же и до князя Владимера чюдо, бывшее о иконах. Бысть же нѣкогда сице. Волею божиею от пожара изгорѣ Подолие все, и та церкви изгорѣ, в ней же бяху иконы тыа. И по пожарѣ обрѣтошася седмь иконъ тѣх цѣлы, а церкви вся изгорѣ. И се слышавъ, князь иде видети бывшаго тамо чюдеси еже о иконах, како единою нощию написашася божиим

Наконец, когда этот человек прислал, чтобы посмотреть, написаны ли его иконы, черноризцы те велели передать ему, так говоря: «Алимпий, взяв золото и серебро, не хочет писать икон твоих». Тогда христолюбец тот пришел в монастырь с многочисленной дружиной и вошел к игумену Никону, чтобы пожаловаться на преподобного Алимпия. Игумен призвал Алимпия и сказал ему: «Брат, как это такую неправду сделал ты сыну нашему? Много раз он молил тебя, давая тебе, сколько ты хотел, а ведь ты иногда и даром пишешь». Блаженный же сказал: «Честной отче, известно твоему преподобию, что я никогда не ленился в этом деле. Не понимаю, о чем теперь ты говоришь». Игумен же сказал: «Три цены взял ты за семь икон». И вот, для обличения его, велели принести доски иконные и призвать монахов, которые брали плату, чтобы они в споре с ним изобличили его.

Посланные же увидели иконы, написанные с великим искусством, и принесли их к игумену. И, видя это, все удивились, в ужасе и трепете пали ниц на землю и поклонились нерукотворному изображению господа нашего Иисуса Христа и пречистой его матери и святых его. И разнеслась громкая слава об этом по всему городу Киеву. Когда же пришли монахи, оговорившие блаженного, то, не зная ничего о случившемся, стали они спорить с Алимпием, говоря так: «Взял тройную плату, а икон не пишешь». И все в ответ сказали им: «А вот теперь иконы эти богом написаны». И ужаснулись они, видя такое чудо.

Черноризцы же эти, обкрадывавшие монастырь, будучи обличены, лишились всего и изгнаны были из монастыря Печерского. Но и тут они своей злобы не оставили, возводили хулу на блаженного и всем говорили: «Мы написали иконы, а владелец их, не хотя платить нам, вот что замыслил, чтобы лишить нас заработанного нами,— придумал ложь, что иконы, мол, богом написаны, а не нами изображены». И так убеждали они народ, приходивший посмотреть на иконы, а тем, кто хотел поклониться иконам, они запрещали это, и оттого люди поверили им, оболгавшим блаженного Алимпия.

Но бог прославляет святых своих, как сказал господь в Евангелии: «Не может город укрыться, на верху горы стоящий, и зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, да светит всем приходящим». Так не утаилось и этого преподобного Алимпия добродетельное житие. Даже до князя Владимира дошла весть о чуде, бывшем с иконами. И вот что случилось некогда. По воле божьей от пожара выгорело Подолье все, и та церковь сгорела, в которой были эти иконы. После пожара эти семь икон оказались целы, а церковь вся сгорела. И, услышав об этом, князь пошел посмотреть на чудо, свершившееся с иконами, написанными по божьему

мановением, и прослави всѣх творца, сдѣвающаго преславнаа чюдеса молитвами угодникъ своих Антониа и Феодосиа. Възем же Владимеръ едину икону, святую Богородицю, и посла въ град Ростовъ, в тамо сущую церков, юже самъ създа, иже и донынѣ стоить, ей же азъ самовидець бых. И се при мнѣ сътворися в Ростовѣ: церкви той падшися, и та икона без вреда пребысть, и внесена бысть въ древяную церковъ, яже изгорѣ от пожара, икона же та без вреда бысть, ни знамениа огненаго на собѣ имущи.

И преидем убо къ иному сказанию, еже о блаженнѣм Алимпии. Инъ нѣкто христолюбець дасть сему блаженному икону намѣстную писати. По малѣх же дьнех разболѣся блаженный Алимьпие, иконѣ же сущи не написанѣ. Боголюбець же притужаше блаженному. Рече же к нему блаженный: «Чадо, не приходи къ мнѣ, ни стужай ми, но възверзи на господа печаль твою, еже о иконѣ, и тъй сътворить, яко же хощет; икона ти въ свой праздникъ на своемь мѣстѣ станет». И порадовася муж, понеже икона до праздника пишеться, и вѣру ем словеси блаженнаго, и отъиде в дом свой радуася. И прииде пакы боголюбець онъ наканунъ Успениа, хотя взяти икону, и видѣ икону, не написану, блаженнаго же Алимъпиа вельми больна суща. И досажаше ему, глаголя: «Почто не възвѣстилъ ми еси своа немощи, и азъ бых далъ икону иному писати, дабы праздникъ свѣтел и честенъ былъ, нынѣ же посармилъ мя еси и удержавъ икону». К нему же блаженый кротцѣ отвѣща: «О чадо, егда лѣностию се сътворих? Или невъзможно богу икону своея матере словом написати? Азъ бо отхожу свѣта сего, яко же яви ми господь, и по моемъ отшествии всяко утѣшит тя богъ». Муж же той отъиде от него печалуа в домъ свой.

По отшествии же его вниде нѣкто уноша свѣтель и, взем вапницю, нача писати икону. Алимпий же мнѣв, яко разгнѣвася на нь господинъ иконы и писца иного прислалъ есть, понеже испервa аки человѣкъ бяше, но скорость дѣла сего бесплотна показа. Овогда убо златом покладываше икону, овогда же на камени вапы тряше, и всѣм писаше, и въ 3 часы икону написа, и рече: «О калугѣре, егда что недостаточно, или чим грѣшихъ?» Преподобный же рече: «Добрѣ сътворилъ еси. Богъ поможеть тобѣ зѣло хытро написати сию икону, и се тобою съдѣлалъ ю есть». Вечеру же приспѣвшу, и се невидим бысть съ иконою.

Господиnъ же иконы без сна пребысть всю нощь от печали, понеже не бысть иконы на праздникъ, недостойна себе и грѣшна нарицаа таковыя благодати. И въставъ убо, иде въ церковъ, да тамо плачеться своего сългрѣшениа, и отверзе двери церкви, и видѣ икону сияющу на мѣстѣ своем, и паде от страха, мнѣв, яко привидѣние нѣкое явися ему. И възбнув же

мановению за одну ночь, и прославил он творца всех совершающего преславные чудеса молитвами угодников своих, Антония и Феодосия. И взял Владимир одну из икон, святую Богородицу, и послал в город Ростов, в тамошнюю церковь, которую он сам создал; икона эта и доныне цела, я сам видел ее. И вот что при мне произошло в Ростове: церковь рухнула, а та икона осталась неповрежденной и перенесена была в деревянную церковь, которая сгорела от пожара, а икона опять осталась невредима, и признаков огня нет на ней.

Перейдем теперь еще к одному сказанию о блаженном Алимпии. Другой христолюбец дал этому блаженному написать икону наместную. Через несколько дней разболелся блаженный Алимпий, и икона осталась ненаписанной. Боголюбец же стал докучать блаженному. Блаженный сказал ему: «Чадо, не приходи ко мне, не понукай меня, но положись в своей печали об иконе на господа, и он сделает, как ему угодно; икона твоя в свой праздник на своем месте станет». И обрадовался этот человек, что икона до праздника напишется, и поверил он слову блаженного, и отошел в дом свой радуясь. И вот снова пришел этот боголюбец накануне Успения, чтобы взять икону, и увидел, что икона не написана, а блаженный Алимпий сильно болен. И стал он укорять его, говоря: «Почему же не известил ты меня о своей немощи, я бы дал писать икону другому, чтобы праздник светел и честен был, а теперь, задержав икону, ты посрамил меня». Блаженный же кротко отвечал ему: «О чадо! Разве я по лености сделал это? Неужели бог не сможет икону своей матери словом написать? Я, как открыл мне господь, отхожу из этого мира, и по моем отшествии всячески утешит тебя бог». И в печали ушел от него муж тот в дом свой.

После же ухода его явился некий юноша светлый и, взяв вапницу, начал писать икону. Алимпий подумал, что заказчик иконы разгневался на него и прислал другого иконописца, потому что тот выглядел как обычный человек, но быстрота, с какой он работал, показала, что это бесплотный. То он золотом покрывал икону, то на камне краски растирал и писал ими, и за три часа написал он икону и сказал: «О калугер! Не хватает ли чего-нибудь или в чем-нибудь я ошибся?» Преподобный же сказал: «Ты хорошо поработал. Бог помог тебе столь искусно написать эту икону, и это тобою сделал он ее». Настал вечер, и юноша стал невидим вместе с иконою.

Владелец же иконы провел без сна всю ночь от печали, что нет иконы на праздник, называл себя грешным и недостойным такой благодати. И, встав, он пошел в церковь, чтобы там оплакать свои согрешения, и когда отворил двери церковные, то увидел икону, сияющую на месте своем, и упал он от страха, думая, что это привиделось ему. Но, оправившись

мало от страха, разумѣв, яко икона есть, въ трепетѣ и ужасти мнозѣ бывъ, помянувъ глаголы преподобнаго, и текъ, възбуди домашняа своа. Они же с радостию текоша въ церковъ съ свѣщами и с кандилы, и видѣша икону, сѣающу паче солнца, и падше ници на земли, поклонишася иконѣ и лобызаша съ веселиемъ душа.

Боголюбець же той прииде къ игумену и нача повѣдати сътворившееся чюдо, еже о иконѣ, и вси вькупѣ идоша къ преподобному Алимпию, и видѣша его уже отходяща свѣта сего. И въпроси его игуменъ: «Отче, како и кимъ написана бысть икона?» Он же повѣда им все, еже видѣ, яко: аггелъ есть, рече, написавый ю, и се предстоить, пояти мя хотя. И сиа рекъ, предасть духъ. И сего опрятавше, несоша въ церковъ, обычное пѣние над нимъ сътворше, положиша его в печерѣ съ преподобными отци, о Христѣ Исусѣ, о господѣ нашем, ему же слава съ отцем и съ святым *духомъ*.

О ПРЕПОДОБНѢМ И МНОГОСТРАДАЛЬНѢМ ОТЦИ ПИМИНѢ И О ХОТЯЩИХЪ ПРЕЖЕ СЪМЕРТИ ВЪ ИНОЧЕСКЫЙ ОБРАЗ. СЛОВО 35

Начало слову еже о Пиминѣ вземше, на исповѣдание снидем того крѣпкаго страданиа, еже съ благодарением тръпѣти болѣзни доблествѣнѣ.

Сий бо блаженный Пиминъ боленъ родися и възрасте, и того ради недуга чистъ бысть от всякыа скверны и от утробы матерня не позна грѣха. И многажды моляше родителя своя, да пострыжется въ иноческый образъ. Они же, яко чадолюбци, надѣахуся, своему житию сего хотѣша наслѣдника имѣти, и възбраняху ему.

Сему же убо изнемогшу *и уже во отчаянии бывшю*, принесенъ бысть в Печеръскый манастырь, да исцѣлѣеть тѣх святых молитвами или от тѣх руку приимет святый аггелъскый образъ. Родителя же его, имуще сердечную любовь к нему, своего чада не остависта, но всѣхь моляще молитися за сына ею, и да исцѣлѣет от недуга. Много же преподобнии тии отци потрудившеся, и ничто же полъзоваша его, сего бо молитва приодолѣваше всѣх, ибо не прошаше здравиа, но приложениа болѣзни, да не како, здравъ бывъ, исторженъ будеть родителема своима от манастыря и не получить мысли своея. Отцю же и матери присѣдящим ему и не дадущимъ его пострищи, и стуживъ си блаженный, нача богови молитися прилѣжно, да исполнить желание его.

И се въ едину нощь, всѣм спящим внѣ, и се внидоша к нему аки скопци свѣтли съ свѣщами, идѣ же лежаше Пиминъ, носяще съ собою Еуаггелие, и свиту, и мантию, и куколь,

немного от испуга и поняв, что это действительно икона, в великий ужас и трепет пришел он, вспомнил слова преподобного и пошел разбудить домашних своих. Они же с радостью пошли в церковь со свечами и кадилами и, видя икону, сияющую светлее солнца, пали ниц на землю, поклонились иконе и приложились к ней в веселии душевном.

Боголюбец же тот пришел к игумену и рассказал о сотворившемся чуде с иконою, и все вместе пошли к преподобному Алимпию и увидели, что он уже отходит из этого мира. И спросил его игумен: «Отче, как и кем написана была икона?» Он же рассказал им все, что видел, говоря: «Ангел написал ее, и вот он стоит возле меня, и хочет меня взять с собою». И, сказав это, испустил дух. Тело его приготовили к погребению, отнесли в церковь, сотворили над ним обычное пение и положили в пещере с преподобными отцами о Христе Иисусе, о господе нашем, ему же слава с отцом и со святым духом.

О ПРЕПОДОБНОМ И МНОГОСТРАДАЛЬНОМ ОТЦЕ ПИМЕНЕ И О ЖЕЛАЮЩИХ ОБЛЕЧЬСЯ В ИНОЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ. СЛОВО 35

Начиная слово о Пимене, приступим к повествованию о тяжком его страдании, и как со смирением и мужеством переносил он болезнь.

Этот блаженный Пимен больным родился и вырос, и из-за этого недуга оставался чистым от всякой скверны, и от утробы матери не познал греха. Много раз просил он у родителей своих позволения постричься в иноки. Они же, любя своего сына, надеясь и желая, чтобы он стал наследником их богатства, запрещали ему это.

Когда же он изнемог так, что отчаялись за его жизнь,— принесли его в Печерский монастырь, чтобы исцелился он молитвами тех святых отцов или от их рук принял святой иноческий образ. Родители же Пимена, сердечно любя его, не оставляли детища своего и всех просили молиться за их сына, чтобы он исцелился от недуга. И много потрудились те преподобные отцы, но ничто не приносило пользы ему, ибо его молитва превозмогала все другие, а он просил себе не здоровья, а усиления болезни, так как боялся, что если он выздоровеет, то родители увезут его из монастыря и не осуществится мечта его. Отец же и мать все время были с ним и не давали его постричь, и блаженный, опечалившись, стал прилежно молиться богу, чтобы он исполнил желание его.

И вот однажды ночью, когда все вокруг спали, вошли со свечами туда, где лежал Пимен, похожие на скопцов светлых, и несли они Евангелие, и рубаху, и мантию, и куколь,

и все, еже на потрѣбу постриганию, и глаголаша ему: «Хощеши ли, пострыжем тя?» Онъ же съ радостию обѣщася им, глаголя: «Господь вы посла, господие мои, исполните желание сердца моего». Они же ту абие начаша въпросы творити: «Что прииде, брате, припадаа къ святому жерьтвеннику сему и къ святѣй дружинѣ сей? Желаеши ли сподобитися мнишескому великому аггельскому образу?» И прочаа вся по ряду сътвориша, яко же есть писанно, таже въ великый образъ постригоша его, и облъкше его въ мантию и въ куколь, и все, еже требѣ, пѣвше, великаго аггельскаго образа управивше и устроивше, и цѣловавше его, Пимина того нарекше, и свѣщу въжегше, и рѣша: «До 40 дьний и нощий сиа свѣща да не угаснет». И сиа вся сдѣавше, и отъидоша въ церковъ, власы же въземше въ убрусѣ, положиша на гробѣ святаго Феодосиа.

Братиа же сущии в келиах, слышаша глас пѣниа, и тии възбудиша сущиих окрестъ себе, мнѣвше, яко игуменъ нѣ с которыми постригаеть и, или уже преставилъся есть, и вси купно приидоша в келию, идѣ же бѣ больный лежа, и обрѣтоша вся спяща, и отца же, и матеръ, и рабы. И с тыми внидоша къ блаженному, и вси исполнишася благоюханиа, и видѣша сего весела и радостна, и облъчена въ одежу мнишескую. И въпросиша того: «И ким постриженъ бысть, и что слышахом глас пѣниа? Сии же родителие твои, у тебе бывше, и ничто же от сего слышавше». Рече же к нимъ больный: «Азъ мню, яко игуменъ, пришед съ братиею, постриже мя и Пимина ми имя нарече. И тѣх пѣниа бываше, еже вы слышасте, и свѣщи рекоста до 40 дьний и нощий горѣти, власы же мои вземше, идоша въ церковь».

Сиа же от него слышавше, идоша, видѣша церковь заключену, и възбужьше же пономаря и въпросиша их, аще кто въходилъ есть въ церковъ послѣ павечерняа молитвы. Они же отвѣщавша рѣкоша, яко никто же входилъ есть в ню, но и ключа у иконома суть. Вземше же ключа, идоша въ церковъ и видѣша на гробѣ Феодосьевѣ въ убрусѣ власы его, и възвѣстиша игумену, и поискавше тѣхъ, кто его постриглъ, и не обрѣтоша. И разумно же бысть всѣм, яко се есть промыслъ, съвыше от бога бывающь.

Разумѣим же добрѣ о бывшем чюдеси, аще вмѣниться, рече, сему въ уставное пострижение? Понеже послушество имѣаше: церкви заключинѣ сущи, и власом ту обрѣтшимся на гробѣ святаго Феодосиа, и свѣща, довольна единаго дьне горѣниа, за 40 дьний и нощий непрестанно горѣ и не изгорѣ, и к тому пострижениа не сътвориша, глаголавше ему: «Довлѣеть ти, брате Пимине, от бога данный ти даръ и нареченное тобѣ имя».

Въпрошаше же его: «Какови бѣша постригшеи тя?» Показавше ему книгы постригания, аще что от сего не суть исправили.

и все, что требуется для пострижения, и сказали ему: «Хочешь, чтобы мы постригли тебя?» Он же с радостью согласился, говоря: «Господь вас послал, повелители мои, исполнить желание сердца моего». И тотчас начали они спрашивать: «Зачем пришел, брат, припадая к этому святому жертвеннику и к святому братству этому? Желаешь ли сподобиться иноческого великого ангельского образа?» И все прочее исполнили по чину, как написано в уставе, потом в великий образ постригли его, и надели на него мантию и куколь, и все, что следует, отпевши, великого ангельского образа сподобили его, и, целовав его, дали ему имя Пимен, и, возжегши свечу, сказали: «Сорок дней и ночей эта свеча не угаснет». Свершив все это, они пошли в церковь, волосы же постриженного взяли с собой в платке и положили на гроб святого Феодосия.

Иноки же, бывшие в кельях, слыша звуки пения, перебудили спавших вокруг, думая, что игумен с кем-то постригает Пимена или что тот уже скончался, и вошли все вместе в келью, где больной лежал, и нашли всех спящими: и отца, и мать, и рабов. И вместе с ними подошли к блаженному, и все ощутили благоухание, и увидели его веселым и радостным и облаченным в иноческую одежду. И спросили его: «Кто тебя постриг и что за пение мы слышали? Вот родители твои были с тобой и ничего этого не слыхали». И сказал им больной: «Я думаю, что это игумен, придя с братиею, постриг меня и дал мне имя — Пимен. Их пение и было то, что вы слышали, и про свечу они сказали, что она будет сорок дней и ночей гореть, взявши же мои волосы, они пошли в церковь».

Услышав это от него, пошли, и увидели, что церковь закрыта, и разбудили пономарей, и спросили их, не входил ли кто в церковь после вечерней молитвы? Они же отвечали, говоря, что никто не входил в нее и что ключи у эконома. Взяв ключи, пошли в церковь и увидели на гробе Феодосия в платке волосы Пимена, и рассказали обо всем игумену, и стали искать, кто постригал Пимена, и не нашли. И поняли все, что то был промысл свыше, от бога.

И стали раздумывать о бывшем чуде, говоря: «Может ли оно засчитаться Пимену за уставное пострижение?» Но так как свидетельство имелось: церковь была заперта, а волосы оказались на гробе святого Феодосия, и свеча, которой хватило бы только на день, сорок дней и ночей непрестанно горела и не сгорала, то и не стали совершать над Пименом пострижения, сказав ему: «Достаточен для тебя, брат Пимен, от бога данный тебе дар и нареченное тебе имя».

И спросил его игумен: «Как выглядели постригавшие тебя?» И показал ему книги, по которым свершается постриг, чтобы убедиться — может быть, что-то было сделано не по ним.

Пимин же рече: «Что мя искушаеши, отче! Ты сам съ всею братиею пришед и сътворивъ еже о мнѣ по написанному книгъ сих, и рек ми, яко: «Подобаеть ти пострадати въ болѣзни, и егда будет исходъ твой, тогда здравие подасться и своима рукама понесеши одръ». Но моли за мя, честный отче, да подаст ми господь терпѣние».

Пребысть же блаженный Пименъ въ тяжцѣй той болѣзни много лѣт, и яко гнушатися его и служащимъ тому, многажды бо оставлыше его гладна и жадна два дьни или три. Сий же вся си съ радостию терпяше и бога о всем благодаряше.

Инъ же нѣкто, тако же боленъ, принесенъ бысть в Печеру и постриженъ. И мниси же на то устроении, болным служити, вземьше и сего, несоша къ Пиминови, да обѣма купно равно послужат. Небрежение же имуще о таковѣй службѣ, и сею въ забытие повергоша, и изнемогоша болнии безводием. Пиминъ же рече болящому: «Брате, понеже гнушаються служащии нама, смрада ради бывающаго от нас, то аще въставить тя господь, можеши ли пребывати въ службѣ сей?» Больный же обѣщася блаженному до смерти своея съ усердием послужити больным. Пиминъ же рече к нему: «Се господь отъемлет болѣзнь твою от тебе, и к тому здравъ бывъ, исполни обѣтъ твой, служай ми и подобным мнѣ. На нерадивыа же о службѣ сей наводить господь болѣзнь люту, яко да тѣм наказани бывше, спасуться». И ту абие въста больный и служаше ему, на нерадивыа же и не хотѣвшаа служити больныим всѣх объятъ недугъ, по словеси блаженнаго.

Исцѣлѣвый же братъ от недуга мало нѣкогда съгнуси в собѣ и уклонься от Пимина, и сего алъчна и жадна остави, смрада ради утробнаго. И леже въ особной храминѣ, и внезаапу огнь зажеже и его, и не могый въстати за три дьни, не стерпѣ жажи водныя, нача въпити: «Помяните мя, господа ради, се бо умираю безводием!» И слышавше в друзѣй келии, приидоша к нему и видѣша его одръжима недугом, възвѣстиша о нем Пимину, яко: «Брат, служай ти, умирает». Рече же блаженный: «Еже человѣкъ сѣеть, то и пожнеть; понеже остави мя гладна и жадна, и самъ въсприалъ есть сие, сългавъ богови и мою худость презрѣвъ. Но обаче учими есмы не въздаати зла за зло, шедше, рците ему: «Зовет тя Пиминъ, и въставъ, прииди сѣмо».

Егда пришедшеи глаголаша ему, тогда больный здравъ бысть, и в той час прииде къ блаженному, никым же водимь. Преподобный же поноси тому, рекъ: «Маловѣрѣ! Се здравъ еси, к тому не съгрѣшай. Не вѣси ли, яко равну мьзду имѣста боляй и служай? Но терпѣние убогых не погыбнеть до конца: здѣ ти убо скорбъ и туга и недугь в малѣ, а тамо радость

Пимен же сказал: «Зачем искушаешь меня, отче! Ты сам со всей братией приходил, и совершил надо мной по написанному в этих книгах, и сказал мне: «Подобает тебе пострадать в болезни, а когда приблизится твоя кончина, тогда обретешь здоровье и своими руками понесешь постель свою». Моли только за меня, честной отец, чтобы господь подал мне терпение».

И пробыл блаженный Пимен в той тяжкой болезни много лет, так что и служившие ему гнушались им, и много раз без пищи и без питья оставляли его по два и по три дня. Он же все с радостью терпел и бога за все благодарил.

Некто другой, больной таким же недугом, принесен был в Печерский монастырь и пострижен. Иноки же, приставленные служить больным, взяли его и принесли к Пимену, чтобы служить обоим одновременно. Но, относясь с пренебрежением к такой службе, они забыли про них, и больные изнемогали от жажды. Наконец Пимен сказал этому больному: «Брат, так как гнушаются нами прислуживающие нам из-за исходящего от нас смрада, то если исцелит тебя господь, сможешь ли ты на себя возложить службу эту?» Больной же обещался блаженному до смерти своей с усердием служить больным. Тогда Пимен сказал ему: «Вот господь снимает с тебя болезнь твою, и как только станешь здоров, исполни обет свой и служи мне и подобным мне. На тех же, которые не радят об этой службе, наведет господь болезнь лютую, чтобы могли, приняв такое наказание, спастись». И тотчас встал больной и начал служить ему, а на всех нерадивых и не хотевших служить больным напал недуг, по слову блаженного.

Исцелившийся же от недуга брат, спустя немного времени, стал втайне гнушаться Пименом из-за его смрада, пренебрег им и оставил его без пищи и без питья. Брат этот лежал в отдельной горнице, и вдруг огнем стало жечь его, так что он не мог встать три дня, и, не стерпев жажды, начал кричать: «Помогите мне, господа ради, умираю от жажды!» Услыхали в другой келье, пришли к нему и, видя его в таком недуге, рассказали о нем Пимену: «Брат, прислуживающий тебе, умирает». Блаженный же сказал: «Что человек посеет, то и пожнет: так как он оставил меня голодным и жаждущим, то и сам получил это, солгав богу и мою немощь презрев. Но так как нас учили не воздавать злом за зло, то подите и скажите ему: «Зовет тебя Пимен, встань и приди сюда».

Когда пришедшие передали эти слова ему, то больной выздоровел и тотчас пришел к блаженному, никем не поддерживаемый. Преподобный же обличил его, говоря: «Маловерный! Вот ты здоров; больше не греши. Разве ты не знаешь, что одинаковую награду получат и больной и тот, кто за ним ходит? Ведь терпение убогих не пропадает бесследно: здесь, на земле, и скорбь, и горе, и недуг на малое время, а там радость

и веселие, идѣ же нѣсть болѣзни, ни печалий, ни въздыханиа, но жизнь вѣчнаа. Того бо ради, брате, сиа терплю. Богъ же, иже тебе мною исцѣливый от недуга твоего, той можеть и мене въставити от одра сего и немощь мою исцѣлити, но не хощю: «Претръпѣвый бо до конца,— рече господь,— той спасеться». И уже ми есть в жизни сей всему изгнити, да тамо плоть моа будеть безъ истлѣниа, и смардное обоняние тамо же благоухание неизреченно. Добро, убо, брате, церковное предстоание, въ свѣтлѣ и чистѣ пресвятем мѣстѣ, и съ аггелъскыми силами невидимо пресвятую пѣснь въсылати вельми благоугодно и благоприатно, церкви бо небо земное нарицаеть, стоащии в той на небеси стояти мняться. Что же ли, брате, темнаа си и смраднаа храмина: не преже ли суда суд и преже бесконечныа мукы мука? Иже болѣзнуай достойнѣ глаголеть: «Тръпя потерпѣх господа, и внят ми». Сих ради апостолъ глаголеть въ плоти болящим: «Аще убо наказание терпите, яко сыновом вамъ обрѣтаеться богъ, аще ли безъ наказаниа есте, рабичища есте, а не сынове». О сих бо рече господь: «Въ терпѣнии вашем стяжите душа ваша».

И в таковѣмь страдании лежа преподобный Пиминъ лѣт 20. Въ врѣмя же прѣставлениа его явишася три столпы над трапезницею и оттуду на верхъ церкви приидоша. О них же реченно бысть в Лѣтописци. Съвѣсть же господь, знамение сие показавый, или сего ради блаженнаго, или ино кое смотрение божие бысть.

В той бо день, въ нь же хотяше преставитися, здравъ бывъ преподобный Пиминъ и обьхожаше вся кѣлиа, и всѣм покланяася до земля, прощениа прошаше, повѣдаа исход свой от житиа своего. Глаголаше братиам: «Друзи и братиа моя! въставше, проводите мя»,— абие словом его отступаше болѣзнь от них, и здрави бываше идоша с ним. Сам же, вшед въ церковъ, причастися животворящих Христовых тайнъ, и тако, взем одръ, несяше к печерѣ, в ней же николи же бывалъ и николи же видѣ ея от рожниа своего, и вшед, поклонися святому Антонию и мѣсто показа, в нем же положитися хотя.

«Зде,— рече,— два брата положисте в сие лѣто, и его же брата без скимы положисте, сего въ скимѣ обрящете. Хотѣ убо многажды пострищися и небрегом бысть от братиа нищеты ради, им же вмѣнися въ грѣх, сей же дѣла достойна показа образу, и сего ради дарова ему господь скиму: имущему бо дѣла добраа — дасться ему, от неимущего же и еже мниться имѣа, и отъиметься от него: имущему убо вездѣ дано будет. Другаго же брата, его же въ скимѣ положисте, взята бысть от него, понеже въ животѣ не въсхотѣ ея, но умираа, рече: «Аще видите мя уже отходяща, и тако постризите мя». И сего

и веселие, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная. Ради того-то, брат, я и терплю все. Бог же, тебя через меня исцеливший от недуга твоего, может и меня поднять с постели этой и немощь мою исцелить, но я не хочу: «Кто претерпит до конца,— сказал господь,— тот спасется». Лучше мне всему изгнить в этой жизни, чтобы там плоть моя была нетленной и смрадный дух обратился бы там в благоухание неизреченное. Хорошо, брат, стоять в церкви, в светлом и чистом пресвятом месте, и с ангельскими силами невидимо воссылать пресвятую песнь — очень это благоугодно и благоприятно: церковь называется небом земным, и стоящие в ней стоят будто на небе. А что же, брат, это темное смрадное жилище: не суд ли прежде суда и не мука ли прежде вечной муки? Ведь больной может по справедливости сказать: «Терпя, обрел я сострадание господа, и он внял мне». Вот почему апостол говорит к страждущим телесными болезнями: «Если вы наказание терпите, то как с сынами поступает с вами бог; если же остаетесь без наказания, то вы рабы, а не сыновья». О них сказал господь: «Терпением вашим спасайте души ваши».

И в таком страдании пролежал преподобный Пимен двадцать лет. Во время же преставления его явились три столпа над алтарем и оттуда на верх церкви перешли. О них сказано и в Летописце. Господь же ведает — ради ли этого блаженного было такое знамение или иное что хотел он означить этим.

В тот же день, когда должен был преставиться, выздоровел преподобный Пимен и обошел все кельи, и, кланяясь всем до земли, прощенья просил, объявляя о своем исходе из этой жизни. И говорил он братии: «Друзья и братья мои! Встаньте и проводите меня». И тотчас, по слову его, отступала болезнь от них, они делались здоровы и шли с ним. Сам же он, войдя в церковь, причастился животворящих Христовых тайн, и потом, взяв свою постель, понес ее к пещере, хотя никогда в ней не бывал и никогда отроду не видал ее, и, войдя, поклонился он святому Антонию и место показал, где положить его.

И сказал он: «Здесь вы положили в нынешнем году двух иноков, и того инока, которого вы без схимы положили, теперь в схиме найдете. Много раз хотел он постричься, но пренебрегала им братия из-за нищеты его, и им вменилось это в грех; он же жил достойно этого образа, и потому даровал ему господь схиму: ибо творящему добрые дела — воздастся, от того же, кто не творит их, но мнит себя добродетельным,— отымется: творящему добро — всегда воздастся. Другого же инока вы в схиме положили, а она взята у него, потому что при жизни он не захотел ее, но лишь, умирая, сказал: «Если увидите, что я уже отхожу, то постригите меня». И потому

ради отъяться от него благодать, и не разумѣ бо рекшаго: «Не мертвии въсхвалят тя, господи, но мы живии благословим господа». «Въ адѣ бо, рече, кто исповѣсть ти ся?» Таковымъ бо пострижение скимное ничто же ползуеть, аще сего дѣла добраа от мукы не избавят. Третий же здѣ от давных лѣть положенъ. Того же скима нетлѣнна есть и блюдеться ему на обличение и на осужение, яко недостойна образу дѣла стяжавша, в лѣности же и въ грѣсѣх житие свое проводивша, не вѣдый рекшаго: «Ему же дасться много, и много истяжут от него». Аще сего Антониева и Феодосиева молитва не предварить, повиненъ есть сицевый суду». И сиа изглаголавъ, рече, къ братии: «Се приидоша постригшеи мя, пояти мя хотяще». И сиа рекъ, възлегъ, успе о господѣ. Его же съ великою честью въ печерѣ положиша. Окопавше же преже реченное мѣсто, и обрѣтоша тако, по словеси блаженнаго, три черноризци: единаго всего истлѣвша, куколь же единъ цѣль бяше; два же мниха, ново умершаа, иже убо въ скимѣ положеный, съ сего скима снята бысть и на другаго положена, иже бѣ не постриженъ. Много дивившеся неизреченному суду божию, и рекоша, яко: «Ты, господи, въздаси комуждо по дѣлом его».

Да отселѣ, братие, мнит ми ся разумѣти: иже въ болѣзни постриженться съ вѣрою, просить у бога живота, да в чернечествѣ поработаеть ему; обладаай же животом и смертию господь, аще сего отведет, то въ 11 час съ пришедшими равна праведным сътворить его господь. А глаголяй же сице: «Аще видите мя умирающа, тогда пострizѣте мя»,— сего суетъна вѣра и пострижение.

О ПРЕПОДОБЪНѢМѢ ПЕЧЕРЬНИЦѢ. СЛОВО 36

Яко въ огни искушаеться злато — человѣци приятни в пещи смирениа. Аще убо господу въ пустыни приступити искуситель не постыдѣся, колико паче человѣку искусы принести хощеть. Яко же и сему бысть блаженному.

Сий убо преподобный отець нашь Исакие, еще ему сущу въ миръстѣм житии, богать бѣ купець, родом торопчанинъ. Сей, помысливъ быти мних, и раздаа все имѣние свое требующимъ и монастырем, прииде к великому Антонию в печеру, моляшеся ему, дабы былъ мних. И приатъ его Антоние, възложи на нь мнишескый образъ и нарече имя ему Исакие, бѣ бо ему имя мирьское Чернь.

Сий же Исакий въсприатъ житие крѣпко и облечеся въ власяницю, и повелѣ купити собѣ козлищь и одрати его мѣхомъ, и возвлече на власяницю, и осъше около его кожа сыра. И затворися в печерѣ въ единой улици, в келии малѣ, яко чотыри лакотъ сущи, и ту моляше бога съ слезами. Снѣдь же его бѣ просфора едина, и то же чресь день, и воды в мѣру пиаше.

отнялась от него благодать, ибо не уразумел он сказавшего: «Не мертвые восхвалят тебя, господи, но мы, живые, благословим господа». «Ибо, сказано, во тлении кто исповедается тебе?» Таким схима не принесет никакой пользы, если добрые дела от муки их не избавят. Третий же здесь с давних лет положен. Его схима нетленна и хранится ему на обличение и на осуждение, потому что дела его были недостойны монашеского образа — жизнь свою проводил он в лености и грехах, не ведая сказанного: «Кому много дается, с того много и спросится». Если такого Антониева и Феодосиева молитва не спасет, то повинен он суду». И, проговорив все это, сказал он братии: «Вот пришли постригшие меня, хотя взять меня». И, сказав это, лег и почил о господе. И с великой честью положили его в пещере. Откопавши же место, о котором он говорил, нашли, по слову блаженного, трех черноризцев: один весь истлел, только куколь цел был; из двух же иноков, недавно умерших, с положенного в схиме она была снята и воздета на другого, который не был пострижен. И много дивились неизреченному суду божию, и говорили: «Ты, господи, воздаешь каждому по делам его».

Из этого, братья, следует, кажется мне, вот что разуметь: если кто в болезни пострижется с верою, прося у бога жизни, тот, как в монашеском подвиге, послужит ему; владеющий же жизнью и смертью господь, если и отведет его от мира, то, подобно работникам нанятым в одиннадцатый час, признает его равным праведникам. Кто же говорит так: «Когда увидите меня умирающим, то постригите меня»,— суетна того вера и пострижение.

О ПРЕПОДОБНОМ ИСАКИИ ПЕЩЕРНИКЕ. СЛОВО 36

Как в огне очищается золото, так люди в горниле смирения. Если к самому господу искуситель не постыдился приступить в пустыне, то насколько же больше искушений приносит он человеку! Так было и с этим блаженным.

Этот преподобный отец наш Исакий, когда он еще жил в миру, был богатым купцом, родом торопчанин. И вот он, решив стать монахом, раздал все имущество свое бедным и монастырям и пришел к великому Антонию в пещеру, умоляя постричь его в монахи. И принял его Антоний, и постриг в монахи, и дал ему имя Исакий, мирское же имя его было Чернь.

И стал этот Исакий вести жизнь строгую, облекся во власяницу, велел купить себе козла и содрать с него шкуру, и надел ее на власяницу, и обсохла на нем сырая шкура. И затворился в пещере, в одном из проходов, в небольшой келии, в четыре локтя, и тут молил бога со слезами. Пищей же ему была одна просфора, и то через день, и воды в меру пил.

Приносяше же ему великый Антоние и подаваше ему оконцемъ, елико рука вмѣститься, и тако приимаше пищю. И в таковѣм житии сътворивь седмъ лѣть, на свѣт не исходя, ни на ребрех възлегъ, но сѣдя мало сна приимаше.

Единою же, по обычаю, наставшю вечеру, нача покланятися, поя псалмы, да иже и до полунощи, и яко утрудися, сѣде на сѣдалѣ своем. Сѣдящу же ему по обычаю свѣщу погасившю, и се внезаапу свѣт възсиа в печерѣ, яко от солнца, яко и зрак человѣку отъимати. И поидоста к нему два уноши прекраснѣ, и облистастася лица ею аки солнце, и рѣша ему: «Исакие, вѣ есва аггела, а се идеть, к тобѣ Христос съ аггелы». И въставъ Исакый, и видѣ толпу бѣсовъ и лица их паче солнца, единъ же посрѣди их сиаше паче всѣх, и от лица его луча исхожааху. И глаголаста ему: «Исакые, сей есть Христос, пад поклонися ему». Исакый же не разумѣ бѣсовъскаго дѣйства, ни памяти имѣ прекрьститися, изъшед ис кѣлиа, поклонися аки Христу бѣсовъскому дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣша: «Нашь еси, Исакые!»

И въведоша его в келию, и посадиша, и начаша садитися около его. И бысть полна келиа бѣсовъ и улица Печернаа. И рече единъ от бѣсовъ, глаголемый Христосъ: «Възмѣте сопѣли и бубны и гусли и ударяйте, а Исакый намъ спляшет». И удариша в сопѣли и в гусли и въ бубны, и начаша имъ играти. И утомивше его, оставиша его еле жива суща, и отъидоша, поругавшеся ему.

Заутра же, бывшю дьни и приспѣвшю вкушению хлѣба, прииде Антоние по обычаю къ оконцю и глагола ему: «Благослови, отче Исакые»,— и не бѣ гласа, ни послушаниа. И многажды глагола Антоние, и не бысть гласа, и рече в собѣ: «Егда преставилъ ся есть?» И посла въ манастырь по Феодосиа и по братию. Пришедши же братиа и откопаша, иде же бѣ заграженo устие, и възяша его, мняще его мертва быти, и изнесъше, положиша его пред печерою, и видѣша, яко живъ есть. И рече игуменъ Феодосий, яко от бѣсовъскаго дѣйства сие бысть ему. И положиша его на одрѣ, и служаше ему святый Антоние.

В тыя же дьни приключися Изяславу приити из Ляховъ, и нача гнѣватися Изяславъ на Антониа про князя Всеслава. И присла Святославъ ис Чернигова в нощи по святаго Антониа. Антоний же пришед к Чернигову и възлюби мѣсто, нарицаемое Болъдины горы, и ископавъ печеру, и вселися ту. И есть ту манастырь святыа Богородица на Болъдиных горах и донынѣ близъ Чернигова.

Феодосий же, увѣдавъ, яко Антоний отшелъ есть к Чернигову, ишѐдъ съ братиею и взя Исакыя, и принесе его в келию свою, и служаше ему. Бѣ бо раслабленъ умом и тѣлом, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни въстати, ни седѣти,

Приносил же это ему великий Антоний и подавал в оконце, куда рука едва проходила, и так принимал он пищу. И в таком житии провел семь лет Исакий, не выходя наружу, не ложился на бок, но сидя спал, понемногу.

Однажды, как обычно, когда наступил вечер, он стал класть поклоны и петь псалмы, и так до полуночи, и, утомившись, сел на сиденье свое. И когда он сидел так, как всегда, свечу погасив, внезапно засиял свет в пещере, как от солнца, такой, что мог ослепить человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных с лицами блистающими, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а вот идет к тебе Христос с ангелами». Исакий встал и увидел толпу бесов, и лица их были ярче солнца, а один среди них светился ярче всех, и от лица его лучи исходили. И сказали ему: «Исакий, это Христос, пав, поклонись ему». Исакий же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, вышел из келии и поклонился, как Христу, бесовскому действу. Тогда бесы воскликнули и сказали: «Теперь ты наш, Исакий!»

Ввели они его в келию, посадили и сами стали садиться вокруг него. И вся келия и проход пещерный наполнились бесами. И сказал один из бесов, тот, что назывался Христом: «Возьмите сопели, и бубны, и гусли и играйте, а Исакий нам спляшет». И грянули они в сопели, и в гусли, и в бубны, и начали им забавляться. И, измучив его, оставили его еле живого, и ушли, надругавшись над ним.

Назавтра же, когда настал день и пришла пора вкушения хлеба, пришел Антоний, как обычно, к оконцу, и сказал: «Благослови, отче Исакий!» И не было никакого ответа. И несколько раз говорил так Антоний, и никто не отвечал, и тогда подумал про себя: «Наверное, преставился он». И послал в монастырь за Феодосием и за братией. Пришла братия, и откопали, где был засыпан вход, и взяли Исакия, думая, что он мертв, и когда вынесли его и положили перед пещерой, то увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосий, что это случилось с ним из-за бесовского действа. Положили его на постель, и стал прислуживать ему святой Антоний.

Случилось, что в это время пришел Изяслав из Польши и стал он гневаться на Антония из-за князя Всеслава. И прислал Святослав за святым Антонием, чтобы увезти его ночью в Чернигов. Антоний же, придя к Чернигову, полюбил место, называемое Болдины горы; он вырыл пещеру и поселился тут. И доныне стоит тут на Болдиных горах, близ Чернигова, монастырь святой Богородицы.

Феодосий же, узнав, что Антоний ушел в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и перенес его в келью свою, и ухаживал за ним. Был тот так расслаблен умом и телом, что не мог ни повернуться с боку на бок, ни встать, ни сесть,

но лежаше на единой странѣ, многажды же и червие въмѣтахуся под бедры ему с мочениа и съ поливаниа. Феодосий же сам своима рукама мыаше и опряташе, и лежа за два лѣта, святый служаше ему.

Се же есть дивно чюдо, яко за два лѣта не въкуси хлѣба и воды, и ни от какого же брашна, ни от овоща, ни языком проглагола, но нѣм и глух лежа за 2 лѣта.

Феодосий же моляше бога за нь и молитву творяше над нимъ день и нощь, дондеже на третие лѣто проглагола и просяше на ногу въстати, аки младенець, и нача ходити. И небрежаше въ церковъ ити, и нужею едва привлаачаху его въ церковъ, и тако по малу нача ходити въ церковъ. И посем нача ходити на трапезницю, и посажаху его кромѣ братиа, полагаху пред нимъ хлѣбъ, и не хотяше взяти его, они же влагаху въ руку его. Феодосий же рече: «Положите пред нимъ хлѣбъ и не влагайте в руку его, да сам ясть». И не ядяше всю недѣлю, и по малу оглядався и вкушаше хлѣба, и тако научися ясти. И сим образом избави его великый Феодосие от козни диаволя и от прелести его. Исакый же пакы въсприят житие жестоко.

Феодосию же преставившюся и Стефану же въ его мѣсто бывшю, Исакый же рече: «Се уже прельстилъ мя еси, диаволе, сѣдяща на едином мѣстѣ, отселе уже не имамъ в печерѣ затворитися, но имамъ тя побѣдити благодатию божиею ходя въ манастыри». И пакы облечеся въ власяницю и на власяницю свиту тѣсну, и нача уродство творити. И нача помогати поваром и работати на братию, и на заутреную преже всѣх входя и стоаше крѣпко и неподвижимо. Егда же приспѣваше зима и мрази лютыи, то стоаше въ плесницах раздраных, яко многажды примерзаху нозѣ его къ камени, и не подвизаше ногами, дондеже отпоаху утренюу. И по заутрени вхожаша в поварню, приготоваше огнь и дрова и воду, и тогда прихожаху прочии от братиа поварове.

Единый же поваръ, такъ же бѣ именем тѣмъ Исакъ и рече посмехаася: «Исакые, оно сѣдить вранъ чернъ, иди, ими его». Онъ же, поклонився до земля, и шед, ятъ врана и принесе его пред всѣми повары. И ужасошася вси о бывшем, и повѣдаша игумену и братии, и начаша братиа оттолѣ честити его. Онъ же, не хотя славы человѣческыа, нача уродство творити и пакостити нача: ово игумену, ово же братии, ово мирьскым человѣком, друзии же и раны ему дааху. И нача по миру ходити, и тако урод ся сътвори.

И пакы вселися в печеру, в ней же и преже былъ,— Антоний бо уже преставися,— и нача събирати к собѣ юных миръскыа чади и възкладаша на них порты черночьскыа. Да ово от игумена Никона раны приимаше, иногда же от родитель дѣтей тѣх. Блаженный же все то терпяше, подъимаше раны и наготу и студень день и нощь.

лишь лежал на одном боку, так что у него часто заводились черви под бедрами из-за того, что он мочился и ходил под себя. Феодосий же сам своими руками обмывал и переодевал его, и тот лежал так целых два года, и святой служил ему.

И это было дивное чудо, что в течение двух лет не брал он в рот ни хлеба, ни воды, ни овощей и никакой пищи не ел, ничего не говорил и лежал нем и глух два года.

Феодосий же молился богу за него и молитву творил над ним день и ночь, пока больной на третий год не заговорил, и попросил поднять его на ноги, как младенец, и начал ходить. Но не стремился он в церковь пойти, и его насильно таскали в церковь, и так мало-помалу стал он ходить в церковь. После этого начал он ходить в трапезную, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, но он не брал его, они же вкладывали его ему в руку. Феодосий же сказал: «Положите перед ним хлеб, а в руку не вкладывайте: пусть сам ест». Он же не ел целую неделю, а потом понемногу огляделся, и стал пробовать хлеб, и так выучился есть. И так избавил его великий Феодосий от козней дьявола и от прельщений его. И снова предался Исакий жестокому воздержанию.

Когда же преставился Феодосий и на его место стал Стефан, Исакий сказал: «Ты, дьявол, прельстил меня, когда я сидел на одном месте, поэтому теперь не затворюсь я в пещере, а буду побеждать тебя благодатью божиею, ходя по монастырю». И снова облекся он во власяницу, а на власяницу надел рубаху грубую и стал юродствовать. Он начал помогать поварам и трудиться на братию, и на заутреню приходил он раньше всех, и стоял твердо и неподвижно. Когда же приспевала зима и наступали морозы лютые, то и тогда стоял он в протоптанных башмаках, так что часто ноги его примерзали к каменному полу, но он не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел он в поварню, разводил огонь, приносил дрова и воду, после чего приходили прочие повара из братии.

Один из поваров, также по имени Исакий, как-то сказал, насмехаясь: «Исакий, вот сидит ворон черный,— поди, возьми его». Он же поклонился до земли, пошел, взял ворона и принес его на глазах у всех поваров. И ужаснулись все они, видя это, и поведали игумену и всей братии, и после этого братия стала почитать его. Он же, отвергая славу человеческую, стал юродствовать и начал глумиться то над игуменом, то над кем-нибудь из братии, то над мирянами, так, что иные даже били его. И стал ходить по миру, также юродствуя.

И поселился он снова в пещере, в которой жил прежде,— Антоний к этому времени уже умер,— и начал собирать к себе детей, и одевал их в монашеские одежды. И его били за это,— то игумен Никон, то родители детей этих. Блаженный же все это терпел, перенося побои, и наготу, и холод днем и ночью.

Въ едину же нощь въжег пещь в пещерѣ, и яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла, и нача пламенъ исходити горѣ утлизнами, оному же нѣчим скважни покрыти, и въступи босыма ногама на пламень, дондеже изгорѣ пещь, и сниде ничим же невреженъ. И ина многа повѣдаху о нем, а иное сам видѣх.

И тако побѣду взя на бѣсы, и яко и мух, ни въ что же имяше устрашениа их и мечтаниа. Глаголаше бо к ним: «Аще бо мя и прельстили бѣсте первѣе, понеже не вѣдах козней ваших и лукавъствиа, нынѣ же имамъ господа Иисуса Христа, бога моего, и на молитвы отца моего Феодосиа надѣюся, имамъ побѣдити вас». Многажды бо ему пакости дѣаху бѣси и глаголаху: «Нашь еси, Исакые, понеже старѣйшинѣ нашему поколнился еси». Онъ же глаголаше: «Вашь старѣйшина антихристъ есть, а вы есте бѣси», и знаменаше лице свое крестным знамением, и тако изчезаху бѣси.

Иногда же пакы прихожаху к нему, страх творяще ему въ мечтѣ, яко се многъ народъ с мотыками и лыскари, глаголюще: «Раскопаем печерю сию и сего загребем здѣ»; инии же глаголаху: «Изыйди, Исакые, хотят тя загрести». Онъ же глаголаше к ним: «Аще бысте человѣци были, то въ дьне ходили бысте, а вы есте тма и въ тмѣ ходите», и знаменався крестом, и исчезаху. Иногда же страшаху его въ образѣ медвежи, овогда же лютым звѣрем, овогда львовым, иногда же змиа ползъзаху, ово ли жабы и мыши и всякъ гад,— и не възмогоша ничто же сътворити ему.

И рекоша: «О Исакые, побѣдил ны еси!» Онъ же отвѣщавше: «Яко же бѣсте вы мене прельстили въ образѣ Иисус Христовѣ и въ аггельстѣм, недостойнѣ суще таковаго сана, но се въ истинну нынѣ являетеся въ образѣ звѣрином и скотиемъ, и змиями и всякимъ гадом, аци же и сами есте». И оттолѣ не бысть ему пакости никоея же от бѣсовъ, яко же и сам повѣдаше, яко се бысть ми, рече, за 3 лѣта брань.

И потом нача крѣпчае жити и въздръжание имѣти, и пощение и бдѣние. И тако живущю ему, и приспѣ конець житиа его. Разболѣвся в печерѣ, и несоша его въ манастырь больна суща, и тако поболѣ до осми дьни, и не преминущим путем къ господу отъиде въ добрѣ исповѣдании. Игуменъ же Иоанъ и вся братиа, опрятавше тѣло его, погребоша честно съ святыми отьци в печерѣ.

Таци бо бѣша мниси Феодосиева монастыря, иже сиають и по смерти яко свѣтила и молять бога за здѣ сущую братию и за вся работающаа в дому божиа матере, и за мирьскую чадь, и за приходящаа и подающа от имѣний своих в манастырь, в нем же и донынѣ добродѣтелное житие живуть обьще, вси купно, въ пѣниих и молитвах и в послушании, на славу

Однажды ночью затопил он печь в пещере, и когда печь разгорелась,— а она была ветхая,— пламя стало вырываться вверх через щели, а заложить их ему было нечем, и встал босыми ногами на огонь, и простоял так, пока не прогорела печь, и сошел, не причинив себе вреда. И многое другое рассказывали о нем, а иное я и сам видел.

И такую силу взял он над бесами, что как мухи были они ему, ни во что не ставил он их стращания и наваждения. Он говорил им: «Если вы и прельстили меня в первый раз, потому что не ведал я козней ваших и лукавства, то ныне со мною господь Иисус Христос, бог мой, и на молитвы отца моего Феодосия надеюсь, и одержу победу над вами». Много раз пакостили ему бесы и говорили: «Наш ты, Исакий, потому что старейшине нашему поклонился». Он же говорил: «Ваш старейшина антихрист, а вы — бесы», и осенял лицо свое крестным знамением, и оттого исчезали бесы.

Иногда же снова приходили они к нему, пугая его видением, как будто пришло много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыпем его здесь»; иные же говорили: «Выходи, Исакий: хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если бы вы были люди, то днем пришли бы, а вы — тьма и во тьме ходите», и когда осенял себя крестным знамением, то они исчезали. Иногда же стращали его то в образе медведя, то лютого зверя, то льва, то вползали к нему змеями, или жабами, и мышами, и всякими гадами, и ничего не могли сделать ему.

И сказали: «О Исакий, победил ты нас!» Он же отвечал: «Когда-то вы прельстили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но не достойны вы были такового сана, а теперь вы являетесь в своем истинном образе, зверином и скотском, и змеями, и разными гадами, какие вы и есть на самом деле». И с тех пор не было ему никакой пакости от бесов, о чем он сам и поведал, говоря, что три года была у него с ними эта борьба.

Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. И так жил он, и пришел конец жизни его. Разболелся он в пещере, и перенесли его, больного, в монастырь, и проболел так до восьмого дня, и путем праведным отошел к господу в добром исповедании. Игумен же Иоанн и вся братия убрали тело его, похоронив честно со святыми отцами в пещере.

Таковы были монахи Феодосиева монастыря, которые сияют и по смерти, как светила, и молят бога за здесь живущую братию, и за всех работающих в доме божьей матери, и за мирскую братию, и за приходящих и жертвующих в монастырь, в котором и доныне добродетельной жизнью живут сообща, все вместе, в пении и молитвах, и в послушании, на славу

всемогущему богу и пречистѣй его матери, и святых отецъ Антониа и Феодосиа молитвами съблюдаеми.

Да и нас сподобить господь молитвами их избыти от сѣти ловящаго нас диавола и обрѣстися въ мѣстѣ отца Антониа и Феодосиа. И призовем, братие, блаженныа тыа отьца и чюдотворца, помощникы и молитвеникы тыа обрѣсти къ господу богу, еже не отлученом намъ быти преподобных тѣх черноризець, ни отторженомъ от блаженнаго и святаго того мѣста и пренепорочныа и пречистыа дѣвы жилища не лишеном быти, еже сама обѣщася, но потщимся и прочаа дьни своа въ покаании препроводити и угодити богу. Буди же всѣмъ нам милость получити и жизнъ вѣчную о Христѣ Иисусѣ, о господѣ нашем, ему же слава и держава съ отьцем и пресвятым и животворящим ти духом.

ВЪПРОСЪ БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА О ЛАТЫНѢХ СЛОВО 37

Приидѣ нѣкогда благовѣрный великый князь Изяславъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимировъ, къ святому отцю нашему Феодосию, игумену Печеръскому, и рече ему: «Исповѣж ми, отче, вѣру варяжскую, какова есть».

Преподобный же отець нашь Феодосие рече: «Послушай, благочестивый княже, еже въпроси благородство твое нашего смирениа».

Вѣра их зла и законъ их нечистъ есть: въ Савелиеву вѣру и въ ины многыа въступили суть ереси и всю землю оскврънили. Ты же, благовѣрный самодержьче, блюди себе от них. Ереси бо их суть сиа: прьвое — иконъ не цѣлують; второе — мощи святых не цѣлують; третие — крестъ на земли написавши, цѣлуют и въставше, попирают ногами; 4-е — в пость мясо ядят; 5-е — опрѣснокы служат; 6-е — попове их крьщають въ едино погружение, а мы въ три, мы же мажем миром крьщающаго и маслом, а они крьщающемуся сыплють соль въ уста, въ имя же святых не наричают, но како възовут родители их, в то имя и крьщають. Сего ради вѣра латыньскыа бѣгати лѣпо есть, ни обычаа их дръжати, и комканиа их не приимати и не послушати реченное ими, зане неправо вѣрують и нечисто живут. Ядят бо съ псы и с кошьками, пиють же свой сець — зло есть и проклято сие — и ядят желви, и дикыа кони, и ослы, и удавленину, и медведину, и бобровину. Первыа же недели великаго поста въ вторникъ пущают мяса, и мнихы их ядят лой, в субботу же постяться. Християном же своих дщерей не достоит давати за них, ни поимати у них за себе, ни брататися с ними,

всемогущему богу и пречистой его матери, соблюдаемые молитвами святых отцов Антония и Феодосия.

Да сподобит и нас господь молитвами их избежать сетей ловящего нас дьявола и оказаться в том месте, где обретаются отцы Антоний и Феодосий. И призовем, братья, блаженных тех отцов и чудотворцев быть помощниками и молитвенниками к господу богу, чтобы не быть нам отлученными от преподобных тех черноризцев и отторженными от блаженного и святого того места, и не лишиться того, чтобы оно оставалось жилищем пренепорочной и пречистой девы, как она сама обещала; да будем стремиться и остальные дни жизни своей проводить в покаянии и угождении богу. Да будет же всем нам милость получить жизнь вечную о Христе Иисусе, о господе нашем, ему же слава и держава с отцом и пресвятым и животворящим духом.

ВОПРОС БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА О ЛАТИНЯНАХ СЛОВО 37

Пришел однажды благоверный великий князь Изяслав, сын Ярослава, внук Владимира, к святому отцу нашему Феодосию, игумену Печерскому, и сказал ему: «Разъясни мне, отче, какова суть веры варяжской?»

Преподобный же отец наш Феодосий сказал: «Послушай, благочестивый князь, про то, о чем хочет узнать твое благородство, от нашего смирения».

Вера их вредная и уставления ее неправедны: в Савелиеву веру и в другие многие ереси впали они и всю землю тем осквернили. Ты же, благоверный самодержец, остерегайся их. Ереси же их таковы: во-первых — икон не целуют; во-вторых — мощи святых не целуют; в-третьих — крест, на земле изобразив, целуют, а встав, попирают ногами; в-четвертых — в пост мясо едят; в-пятых — служат с опресноками; в-шестых — попы их крестят одним погружением в воду, а мы — тремя, мы мажем елеем окрещаемого и маслом, а они сыплют соль в уста, во имя же святых не нарекают, но как назовут родители детей, таким именем и крестят. Поэтому латинской веры следует остерегаться, обычаев их не держаться, причастия у них не принимать, и не слушать сказанного ими, потому что заблуждаются они в вере и нечисто живут. Едят с собаками и кошками, пьют свою собственную мочу,— зло это и проклятию подлежит,— едят черепах, и диких коней, и ослов, и удавленину, и мясо медвежье и бобровое. В первую же неделю Великого поста во вторник разрешают есть мясо, и монахи едят сало, в субботу же постятся. Христианам же своих дочерей нельзя выдавать замуж за них, ни их дочерей брать себе в жены, нельзя с ними брататься,

ни кумитися, ни цѣлованиа с ними имѣти, и не ясти с ними, ни пити изъ единого съсуда. Тѣм же просящим у вас давайте им бога ради ясти, но въ их съсудѣх: аще ли не будеть в них съсуда, въ своем даити и потом, измывши съсуд, молитва дати. А о съгрѣшениих своих не от бога просят прощениа, но прощають их попове по дару их. Попове же их не женяться законною женою, но съ рабынями блуд творят, и службу дѣють, а грѣха собѣ в том не творять. Бискупи же их дръжат наложници и на войну ходять, перьстень на руцѣ носят. Мертвеци кладут на запад ногами, а главою на въстокъ, и руцѣ по длину полагають, очи, уши же и носъ въском залѣпляють. И женящиися поимають сестреници. И мерътвым тѣлом служат, яко мертва господа мняще, мы же службу творим живым тѣлом, самого господа видяще одесную сѣдяща отца и пакы судити приидет живым и мертвым. Они бо латина мерътваа, иже мертву службу сдѣвають; мы же живу богу жертву чисту и непорочну приносяще, животъ вѣчный обрѣсти имамы. Тако бо писанно есть: «Въздасть комуждо по дѣлом его». Брашна же их не приимати, яко многа суть в тѣх злаа и неправеднаа. Развращенна и погыбельна вѣра их, ея же и жидове не творят, то они творят. Множае же въ Савелиеву ересь въступили суть, яко всѣх языкъ поганѣйши и злѣйши суть, зане не мощно блюстися их, а поганых мощно. Латина бо Еуангелие и Апостолъ имѣють, и иконы святыа, и въ церковъ ходять, но и вѣра их и законъ нечистъ. Множеством ереси их всю землю онечествоваша, понеже по всей земли варязи суть. Велика нужа от них правовѣрным христианом, иже между тѣх живущеи въ едином мѣстѣ. А иже кто ублюдеться от них, чисту вѣру нося, пред богом станеть одесную радуася; аще ли самоволием приближиться к ним, то с ними станеть ошуюу, плачася горько. Нѣсть бо жизни вѣчныа живущим въ вѣрѣ латыньстѣй или въ срачиньстѣй, ни части имѣти съ святыми въ будущий вѣкъ. Не подобает же их вѣры хвалити: аще ли кто хвалить их вѣру, таковый обрѣтаеться свою хуля; или начнет хвалити непрестанно чюжаа вѣры, отреченныа православнаго христианьства, таковый обрѣтаеться двоивѣрець и близь ереси есть. Ты же, чадо, таковых дѣаний блюди себе и не присвойся тѣмъ, но бѣгай их, свою вѣру непрѣстанно хвали и, яко же можеши, подвизайся в ней добрыми дѣлы. Милостивъ же буди, христолюбче, не токмо до своих домочадець, но и до чюжих, и аще видиши нага, одежи и́, или гладна или бѣдою одержима, помилуй и́. И аще ти будет от которыа вѣры еретикъ и латининъ, всякого помилуй и от бѣд избави, и мьзды от господа не грѣшиши, богъ бо самъ питает всѣх, и поганыа яко же и христианы. Поганым же и иновѣрным всѣм попечение от бога, въ будущий же вѣкъ чюжди будут въздаании

ни кумиться, ни целоваться с ними, и нельзя есть с ними и пить из одной посуды. Если же они попросят у вас, то дайте им, бога ради, поесть, но в их посуде, если же не будет у них посуды, то можно дать в своей и потом, вымывши посуду, молитву сотворите. А о согрешениях своих они не у бога просят прощения, а попы их прощают за мзду. Попы же их не женятся законным браком, но с рабынями блудят и церковную службу творят, не видя в этом греха. Епископы же их держат наложниц, и на войну ходят, и перстень на руке носят. Мертвецов кладут на запад ногами, а головою на восток и руки вдоль тела укладывают, очи же, уши и нос залепляют воском. И в жены берут сестер. И мертвому телу господню служат, считая его мертвецом; мы же службу творим живому телу господню, самого господа видя сидящим справа от отца, который судить придет живых и мертвых. Они ведь, латиняне, мертвые, потому что мертвую службу творят; мы же, живому богу жертву чистую и непорочную принося, вечную жизнь обретаем. Ведь так написано: «Каждому воздастся по делам его». Пищи же их нельзя вкушать, ибо много в них злого и неправедного. Развращена и гибельна вера их, ибо даже иудеи не делают того, что они творят. Многие же в Савелиеву ересь впали, которая сквернее и злее, чем вера любых других народов, потому что спастись от нее нельзя, а от языческих ересей можно. Латиняне Евангелие и Апостол имеют, и иконы святые, и в церковь ходят, но и вера их и закон ложные. Множество ересей всю их землю осквернили, потому что во всей земле только варяги. Великая беда из-за них правоверным, которые с ними живут в одном месте. Тот же из христиан, который устоит перед ними, сохраняя веру в чистоте, станет перед богом справа, радуясь; если же по доброй воле перейдет в их веру, то будет стоять вместе с ними слева, плача горько. Нет жизни вечной живущим в вере латинской или мусульманской, не будут они вместе со святыми в будущем веке. Веру же их хвалить нельзя: если кто хвалит их веру, то оказывается он хулителем своей; тот, кто начинает хвалить чужие веры, отреченные от православного христианства, такой оказывается двоеверцем и близок он к ереси. Ты же, чадо, храни себя от таких деяний и не придерживайся их, но избегай их, свою веру всегда хвали и, по силе своей, подвизайся в ней добрыми делами. Милостив же будь, христолюбец, не только со своими домочадцами, но и с чужими, и если видишь нагого, одень его, а если голодного или находящегося в беде, помоги такому. И если такой будет иной веры, еретик и латинянин, любому помоги и от бед избавь, тогда воздаяния от бога не лишишься; бог ведь сам всех питает, и поганых так же, как и христиан. О всех, и о язычниках и о иноверных, заботится бог, в будущем же веке лишены они будут воздаяния

благых; мы же, живущеи въ правѣрней вѣрѣ, и зде есмы набдимы богом, въ будущем вѣцѣ спасаеми господем нашим Иисусъ Христом. Аще ли кому по вѣрѣ сей святѣй бога ради умрети, то съ дръзновением да не останеться правыа вѣры, но умрет за Христа, святии бо, рече, за вѣру умроша, да оживут о Христѣ. Ты же, сыну, аще обрящеши иноверникы съ вѣрными прю дѣюща и прельстию хотяща съвести от православныа вѣры правовѣрных, ты же, истинно вѣдый православие, не съкрывай в собѣ, но помози правовѣрныим на зловѣрныа. И аще поможеши, яко добрый пастырь, овца имаши избавити от усть львовъ, аще ли умлъчиши, то яко отъемъ у Христа и предаеши сотонѣ, слово о них въздаси въ день судный. И аще ти речеть кто: «Сию вѣру и ону богъ далъ», ты же рьци ему: «Ты кто еси, кривовѣрне? Мниши бога двовѣрна? Не слыша ли, окаанне и развращеннѣ злою вѣрою, писано бо есть: «Тако глаголеть господь: единъ богъ, едина вѣра, едино крещение». И господь рече тако: «Лѣпо есть намъ исплънити всяку правду», да сиа вся исплънивъ, и пакы възыде на небеса и ученикы своа пославь на проповѣдание въ конца вселенныа. Тѣмъ же ты, зловѣрне, толико лѣтъ дръжавъ православную вѣру, и нынѣ съвратилъ ся еси на зловѣрие и поучение сатанино. То не слышалъ ли еси апостола Павла глаголюща, яко аще и нѣции суть смущающе вы и хотяще превратити благовѣстование Христово, аще и аггелъ, съшед съ небесе, благовѣстить вам паче, не яко же мы благовѣстихом вам, да будет проклят. Вы же, отринувше проповѣдание апостольское и святых отецъ исправление, приасте неправую вѣру и учение развращенно и исполнено погыбели. Того ради от нас отвержени бысте и отлучени, да того ради намъ с вами недостоить житиа приимати и пречистых тайнъ общениа с вами, ни причастие имѣти или приступити вам къ нашей божественѣй службѣ: зане многы ереси в вас».

О ПРЕСТАВЛЕНИИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ПОЛИКАРПА, АРХИМАНДРИТА ПЕЧЕРЬСКАГО, И ВАСИЛИИ ПОПѢ. СЛОВО 38

Преставися блаженый и преподобный отець нашь Поликарпь, архимандрит печерьскый, в лѣто 6690, мѣсяца июлиа въ 24, въ день святых мученикъ Бориса и Глѣба. И съпрятавше тѣло его, и погребоша честно с конечными пѣсньми, яко же и самъ заповѣда. По смерти же его бысть мятежь въ манастыри. По старьци бо оном не могоша избрати собѣ игумена, и бысть скорбъ велиа въ братии, и туга и печаль, и не подобаше бо таковому великому стаду ни единъ час бес пастыря быти.

блаженных; мы же, живущие в правоверной вере, и здесь охраняемы богом и в будущем веке спасены будем господом нашим Иисусом Христом. Если кому-либо по вере сей святой придется бога ради умереть, то не лишится он истинной веры, но умрет за Христа, ибо святые, сказано, за веру умершие, да оживут о Христе. Ты же, сын мой, если встретишь иноверных с правоверными спорящих и обманом стремящихся отвратить от православной веры правоверных, ты же, истинно ведающий православие, не скрывай этого в себе, но помоги правоверным в их споре с зловерными. И если поможешь, то, как добрый пастырь, спасешь овец от пасти львиной; если же промолчишь, то все равно что отнимешь у Христа и предашь сатане, и должен будешь о них ответ держать в день Судный. И если тебе скажет кто-либо: «И эту и ту веру бог дал», то ты ответь ему: «Кто ты такой, кривоверный? Считаешь бога двоеверцем? Не слышал разве, окаянный и развращенный злою верой, что написано: «Так говорит господь: Един бог, едина вера, едино крещение». И так сказал господь: «Подобает нам исполнить всякую правду», и, все это исполнив, он снова взошел на небеса и учеников своих послал проповедовать во все концы вселенной. Как же ты, зловерный, столько лет держался православной веры, а ныне совратился на зловерие и учение сатанинское. Не слышал разве ты апостола Павла, говорящего, что если некие станут совращать вас и перетолковывать благовествование Христово, даже если ангел, сошедший с небес, начнет поучать вас иначе, не так, как мы известили вам, да будет проклят. Вы же отвергли проповедь апостольскую и святых отцов наставления, приняли неправую веру и учение, развращенное и исполненное погибели. Ради этого от нас изгнаны и отлучены, потому что нам с вами не годится ни жить, ни общаться в вере, ни причащаться, а вам присутствовать на нашей божественной службе: так как много у вас ересей».

О ПРЕСТАВЛЕНИИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ПОЛИКАРПА, АРХИМАНДРИТА ПЕЧЕРСКОГО, И О ВАСИЛИИ-ПОПЕ. СЛОВО 38

Преставился блаженный и преподобный отец наш Поликарп, архимандрит Печерский, в 6690(1182) году, в двадцать четвертый день месяца июля, в день святых мучеников Бориса и Глеба. И убрали тело его, и погребли честно с заупокойным пением, как он сам заповедал. После смерти же его начались раздоры в монастыре. После этого старца не могли иноки избрать себе игумена, и охватили братию скорбь, и горе, и печаль,— ведь не подобает такому большому стаду ни единого часа без пастыря оставаться.

Въ вторникъ же убо братиа udariша въ било, и снидошася вси въ церковъ, и начаша мольбы творити къ святѣй богородици. И се дивно бысть дѣло, яко едиными усты мнозѣ рекоша: «Послем къ Василию попу на Щьковицю, дабы былъ тъй нам игумень и правитель иноческому стаду Феодосиева манастыря печерьскаго. И пришедше, вси поколнишася Василию презвитеру и рекоша: «Мы вся братиа иноци кланяемься тобѣ и хощем тя имѣти отца и игумена собѣ».

Попь же Василий въ велицѣ изумлении бывъ, пад поклонися противу им и рече имъ: «Отци и братиа, азъ чернечьство въ сердци токмо имѣлъ есмъ, игуменьства же ради что помыслисте о моей худости»? Много же прѣвся, и обѣщася имъ. Они же, поимше его, идоша с нимъ въ манастырь, въ день пяток. И приеха митрополитъ Никыфоръ на пострыжение его и Лавреньтий, туровъскый епископъ, и Никола, полотьский епископъ, и вси игумени. И постриже его митрополит Никыфоръ своею рукою, и бысть игуменъ и пастырь инокомъ Феодосиева манастыря о Христѣ Исусѣ, о господѣ нашемъ, ему же слава и дръжава съ отцемъ и пресвятым и благым и животворящимъ духомъ нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминъ.

В лѣто 6971 въ Печерьском манастыри сътворися знамение таково. При князи Семене Александровичи и при брате его князи Михаиле, а при архимандрите печерьском Николе, печеру же тогда держалъ нѣкто Деонисие, нарицаемъ Щепа. Сий прииде на Великъ день в печеру покадити телеса усопъших, и прииде, где зовется Община, и покадивъ, рече: «Отци и братие, Христос въскрес! сего дьни есть Великь день». И отвѣща, яко гром тучен: «Въ истинну въскресе Христос».

Милостию божию и пречистыа его матере и помощию святых преподобных отець наших Антониа и Феодосиа Печерьскых написана бысть сиа книга, глаголемаа Патерикъ, в дому пречистыа богородица, еже есть лавра преподобных отець наших Антониа и Феодосиа, у манастыри Печерьском, у богоспасаемом градѣ Киевѣ, при дръжавѣ великаго короля Жикгимонте Августе, при благородном князи Феодоре Глѣбовичи Пронскомъ, въеводѣ киевъском, при митрополите киевъском и галицком и всея Руси кир Макарии, пре честном архимандрите печерском кир Иларионѣ, повелением и замысломъ старца печерьскаго, инока Алексѣя Вълынца. А написася в лѣто 7062, индикту 12, мѣсяца марта 2, рукою многогрѣшнаго и хужшаго во человѣцѣх дьячка Нестерца. Где сь буду, отьци святии, описал, а хто будет по ней говорити, ино бога ради вседръжителя и прѣчистыя его матере мене за то не клените, но исправляй своим добрым разумом, а моему безумию, не поноси, бо есми грѣшный, мало умен былъ.

Во вторник же ударили в било, и вся братия собралась в церкви и стали молиться святой богородице. И вот что было удивительным — как едиными устами многие сказали: «Пошлем к Василию-попу на Щековицу, чтобы был он нам игуменом и правителем иноческого стада Феодосиева монастыря Печерского». И, придя, все поклонились Василию-попу и сказали: «Мы, вся братия, иноки, кланяемся тебе и хотим, чтобы ты был нам отцом и игуменом».

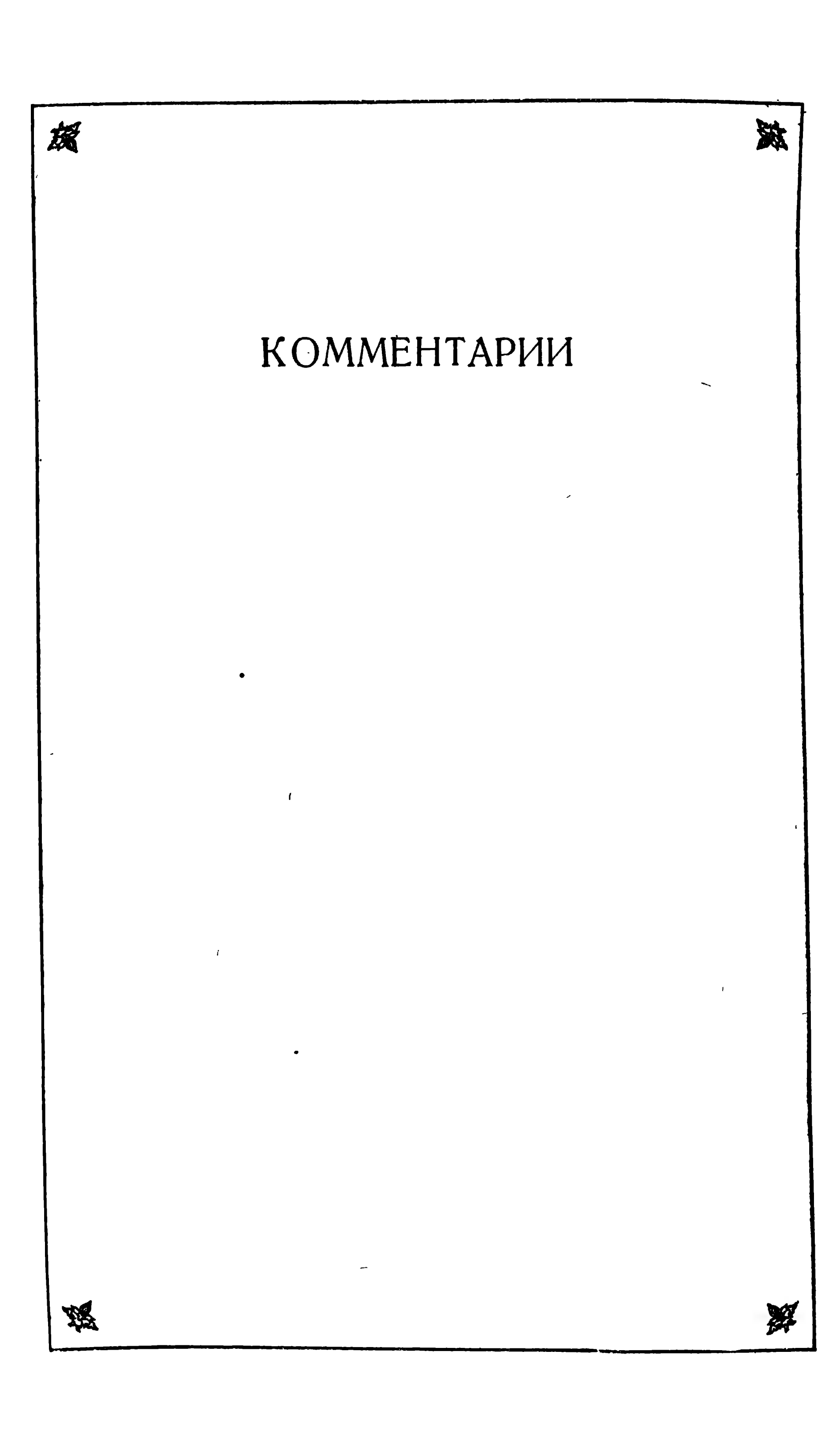
Поп же Василий в великом изумлении, пав, поклонился и сказал им: «Отцы и братья, я о чернечестве только в сердце своем помышлял, ради чего же задумали вы меня, недостойного, поставить игуменом?» После долгих споров согласился он. Они же, взяв его, пошли с ним в монастырь, было это в пятницу. И приехал на пострижение его митрополит Никифор и Лаврентий, туровский епископ, и Никола, полоцкий епископ, и все игумены. И постриг его митрополит Никифор своей рукой, и стал он игуменом и пастырем иноков Феодосиева монастыря о Христе Иисусе, господе нашем, ему же слава и держава с отцом и пресвятым и благим к животворящим духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

В 6971 (1463) году в Печерском монастыре свершилось такое знамение. При князе Семене Александровиче и при брате его князе Михаиле, при архимандрите печерском Николе за пещерой присматривал некто Дионисий, по прозвищу Щепа. Пришел он в Великий день в пещеру покадить тела усопших, и когда дошел до места, которое называется Община, то, покадив, сказал: «Отцы и братья, Христос воскрес! сегодня Великий день». И прогремело в ответ как гром мощный: «Воистину воскрес Христос».

Милостью божиею и пречистой его матери и помощью святых преподобных отцов наших, Антония и Феодосия Печерских, написана была сия книга, называемая Патерик, в дому пречистой Богородицы, которым является лавра преподобных отцов наших Антония и Феодосия, в монастыре Печерском, в богоспасаемом городе Киеве, во время царствования Сигизмунда Августа, при благородном князе Феодоре Глебовиче Пронском, воеводе киевском, при митрополите киевском и галицком и всея Руси кир Макарии и пречестном архимандрите печерском кир Иларионе, повелением и замыслом старца печерского, инока Алексия Волынца. А написана она в 7062 (1554) году, индикта 12, во второй день месяца марта рукою многогрешного и худшего среди людей дьячка Нестерца. И если я, отцы святые, где ошибся, то, кто будет читать по ней, то, бога ради вседержителя и пречистой его матери, не проклинайте меня за это, а исправляйте по своему доброму разумению, а моего невежества не хулите, ибо грешен и мало ума имел.

А хто будет клясти, тому судит вседръжитель милостивый богь и пречистаа его мать, и преподобнии Антоние и Феодосие Печерскыи. А мнѣ, грѣшному, по моим злым дѣлом и такъ будет мучитися съ душами грѣшными у муках вѣчных, есть ли не буду туне помилован от милостиваго вседръжителя бога, господа нашего Исус Христа. Но бога ради исправляйте, а мене грѣшного не клинѣте. А писаль дьячок Нестерец с Сокалья мѣский сын Лукьяновъ.

А кто будет проклинать, того осудит вседержитель милостивый бог, и пречистая его мать, и преподобные Антоний и Феодосий Печерские. А мне, грешному, за мои злые дела и так придется мучиться с душами грешными в муках вечных, если не буду незаслуженно помилован от милостивого вседержителя бога, господа нашего Иисуса Христа. Бога ради исправляйте, а меня, грешного, не ругайте. А писал дьячок Нестерец из Соколья, сын Лукьянов.



КОММЕНТАРИИ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Академии наук СССР, Ленинград. ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва. ГИМ — Государственный исторический музей, Москва. ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград, ОИДР — Общество истории и древностей российских. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. ПСРЛ — Полное собранне русских летописей. ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.

«ХОЖДЕНИЕ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА (Стр. 24)

«Житие и хождение игумена Даниила из Руеской земли» — древнейшее из русских описаний паломничества в Святую землю. Для всех последующих русских хождений этот памятник начала XII века послужил образцом.

Даниил стремится быть как можно более ясным и точным в своих описаниях; чисто литературных задач он не ставит перед собой никаких; ухищрений стиля у него нет. И вместе с тем перед нами прекрасный литературный памятник, проникнутый высоким пафосом радостного узнавания, написанный рукой человека, умеющего быть внимательным и способного описать то, что *он* видел.

Свое путешествие Даниил начинает и оканчивает в Константинополе, ничего совершенно не говоря о пути из Руси и на Русь, каковой, очевидно, представлялся ему всем хорошо знакомым и, во всяком случае, не заслуживающим описания.

Даниил плыл по морю из Константинополя до Яффы в Палестине, посещая по пути острова и приморские города, аккуратно отмечая при этом расстояния между ними и их основные достопримечательности — святыни, промыслы, а также общее их состояние.

Из Яффы с группой паломников (с ним было и несколько русских) Даниил по суше двинулся к Иерусалиму. Описал и этот путь, небезопасный из-за нападений мусульман, которым часто подвергались путешественники; сказал о чувствах, охватывающих паломников при виде города священной истории.

Незадолго до того, в 1099 году, Иерусалимом овладели крестоносцы; побережье они завоевали чуть позже, в начале XII века. В 1100 году Иерусалим стал королевством. Когда туда прибыл Даниил, там правил первый

король крестоносцев Балдуин (Балдвин) I. Даниил характеризует его как человека благочестивого, доброго, скромного, не горделивого, говорит, что тот покровительствовал ему.

В Иерусалиме Даниил поселился в подворье (метохе) палестинского монастыря св. Саввы, где прожил шестнадцать месяцев. Там ему встретился хороший знаток этих мест, прославленных ветхозаветной и новозаветной историей. Не щадя «худого своего добыточка» на оплату провожатых, Даниил совершал путешествия по городу, его окрестностям и по стране, жадно осматривая и очень старательно описывая памятники и достопримечательности — вид, состояние, устройство, размеры, материал, из которого они сделаны, расстояние и направление движения от одного к другому.

Даниил несколько раз ходил к Иордану и Мертвому морю, посетил лавру св. Саввы, Вифлеем, Хеврон и множество других мест. Большое путешествие на север, в Галилею, ему удалось проделать благодаря счастливой оказии — вместе с войском короля Балдуина. Войско шло к Дамаску. Даниил просил и получил позволение присоединиться к нему у самого короля. С крестоносцами Даниил дошел до верховьев Иордана, здесь остался и десять дней, пока король не возвратился, осматривал Галилею вокруг Тивериадского моря, а также Фавор, Назарет, Кану Галилейскую.

Оттуда, тоже с «дружиной многой», Даниил прошел в Акру, недавно (1104) взятую христианами, далее по берегу — до Кесарии и через Самарию вернулся в Иерусалим.

Пользуясь добрым к себе отношением короля Балдуина, Даниил смог поставить на камне гроба господня лампаду «от всея Руськыя земля» и оказался на удобном для обзора месте во время пасхальной службы у гроба, когда «чудесным» образом зажигались стоящие на камне гроба лампады. Эти праздничные события Даниил прекрасно описал в особом рассказе, помещенном в конце «Хождения».

Морем — через Яффу, Кесарию, Акру, Вириту (Бейрут),— проплыв мимо устья Оронта, на котором стояла Антиохия, будучи напоследок ограблен в Архипелаге пиратами, Даниил возвратился в Константинополь.

«Аз же неподобие ходих путем симъ святым, во всякой лѣности и слабости и во пьянствѣ, и вся неподобная дѣла творя»,— сокрушается Даниил. Единственной своей заслугой, хотя опять-таки прося прощения за «худоумие» и простоту, Даниил считает основательность своего знакомства со Святой землей. Многие, пишет он, ходили в святой город Иерусалим торопливо и, «многа добра не видѣвши», собираются идти опять, но опять торопливо, «а сего пути нелзѣ вскорѣ створити». Лишь прожив шестнадцать месяцев в Иерусалиме, Даниил смог хорошо «походити и испытати вся святая си мѣста». Действительно «Хождение» Даниила выделяется среди принадлежащих той же эпохе описаний Святой земли (Зевульф, Иоанн Вирцбургский, Фока) точностью и обстоятельностью наблюдений. Будучи замечательным литературным памятником, оно является в то же время драгоценным источником исторических и археологических сведений о Палестине и Иерусалиме начала XII века.

Путешествие Даниила длилось, очевидно, больше двух лет. Этим временем прежде считали 1113—1115 годы, затем его рассчитали как 1106—1108 го-

ды, а теперь полагают вероятным, что путешествие имело место в 1104—1106 годах.

Очевидно, что Даниил был человек незаурядный по уму, энергии, душевной основательности, и потому вполне вероятно предположение Н. М. Карамзина, что «сей путешествениик мог быть Юрьевским епископом Даииилом, поставлеиным в 1113 году», умершим 9 сентября 1122 года (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II, примеч. 211 и 225). Карамзин имеет в виду южнорусский Юрьев. Иордан Даниил сравнивает с рекой Сновью, в которой видят реку, берущую начало в окрестностях Стародуба и впадающую в Десну. В таком случае Даниил в самом деле был жителем южной России, Черниговских земель.

Находясь в Палестине, Даниил, как он пишет, молитвенио вспомииал имена русских князей, а в лавре св. Саввы и записал их для поминовений,— какие он смог вспомнить. Анализ перечня этих княжеских имен показывает, что Даниил вспомнил и расположил их, по всей видимости, не случайно, но имея в виду систему старшинства, разработанную как средство против усобиц по инициативе Владимира Мономаха на княжеских съездах в конце XI — начале XII века. Упомянул он — причем в порядке старшииства — лишь входивших в верховиую коалицию киязей, иомииальио объедииенных под великим князем киевским. Называя себя «Русьскыя земли игуменом», Даниил, стало быть, мыслил себя в Палестине не частным лицом и представителем не одного лишь своего монастыря или одной области, но действнтельно «всея Русьскыя земля» как некоего полнтнческого целого, за которое он н ставил лампаду.

«Хождение Даниила» было очень популярно в Древней Руси. Оно сохранилось в ряде редакций и во множестве (около 150) списков. Древнейшие из списков восходят, однако же, не к XII веку, но только ко второй половине XV века.

В основу настоящего издания и перевода положен текст первой редакции «Хождения» по одному из древнейших и исправнейших списков — ГПБ, Q.XVII.88, 1495 г. Вставки пропущенных в этом списке отрывков (от слов «и не впусти ея сила святаго духа» до слов «теми вороты исходят к Гепсимании» и от слов «стаащеа на Гробѣ Господни та 3 кандила» до слов «поклонивсся гробу тому святому») сделаны по списку ГБЛ, Рум., № 335, XV—XVI вв. Исправленные и дополненные по смыслу или по другим спискам слова в настоящем издании выделены курсивом.

Стр. 26. *...до Великаго моря.* — Средиземное море.

До Петалы острова... — По-видимому, о. Мармара в Мраморном море.

...на узьцѣм мори... — Мраморное море.

...град Ираклия Великаа. — Гераклея или Ираклия во Фракии.

...святии мученици погружени суть мнози от мучителевъ. — Имеются в виду, по-видимому, какие-то жертвы гонений на христиан либо при языческих римских императорах (I—III вв.), либо при византийских императорах-нконоборцах (VIII—IX вв.).

...до Калиполя... — Город Галлнполи прн входе в Дарданеллы на европейском берегу.

...до Авида града... — Древний Абидос, в Дарданеллах.

...Еуфимие Новый. — Византийский святой (время жизни неизвестно, память 4 января).

...к Святѣй Горѣ... — Полуостров Афон, где находится множество монастырей.

...к Селуню... — Город Фессалоники, Солунь.

...до Тенеда острова... — Остров Тенедос в Эгейском море.

...святый Навгудимос мученикъ. — Византийский святой - мученик Авгудим (III в.).

Стр. 28. *...град великъ... Троада, и ту есть Павелъ апостолъ приходилъ...* — Город в районе древней Трои, в который, как следует из Деяний Апостолов и апостольских Посланий, несколько раз приходил апостол Павел.

...до Метании... А от Мелетиници... — Остров Митилин в Эгейском море.

...святый митрополит Мелетиньскы. — Георгий Исповедник, митрополит Митилинский, пострадавший в первой половине IX в. при византийском императоре-иконоборце Льве V Армянине.

...до Ахия острова... — Остров Хиос.

...святый мученикъ Исидоръ... — Святой-мученик, пострадавший в 252 г. при римском императоре Декии.

...до Ефеса града... — Город Эфес в Малой Азии.

...Иоанна Богословца... — Иоанн Богослов, или Евангелист, предполагаемый автор нескольких книг Нового завета: Евангелия от Иоанна, Трех соборных посланий и Апокалипсиса.

...тѣлеса 7-ми отрок, иже спали 300 и 60 лѣт... — Эфесские святые отроки-мученики Максимилиан, Иамвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Ексакустодиан-Константин и Антонин.

...при Декии цари... — Римский император Декий (249—251), гонитель христиан.

...при Феодосии цари... — Византийский император Феодосий II Младший (408—450).

...святый Александръ... — Какой именно, неизвестно.

...сятии препрѣша Несториа еретика. — Несторий, патриарх Константинополя в 428—431 гг., говорил о раздельном существовании в Иисусе Христе божественной и человеческой природы и называл богоматерь не богородицей — ибо бога, считал он, человек родить не может, — а Христородицей; усилиями александрийского епископа Кирилла и его сторонников учение Нестория было осуждено на 3-м вселенском соборе, состоявшемся в 431 г. в г. Эфесе. Свои дни Несторий окончил монахом в Египте; его последователей называют несторианами.

...баня Диоскоридова, иде же работал Иоаннъ Богослов с Прохором у Романы... Иоанна Богословца море изверже... — Имеются в виду события, описанные в «Житии Иоанна Богослова»: спасение его после кораблекрушения и работа в принадлежавшей городскому старейшине Диоскориду бане под начальством крутой нравом женщины по имени Романа, заведовавшей баней. У Диоскорида погиб в бане сын Домн; Иоанн Богослов воскресил его, чем обратил Диоскорида и Роману к христианству.

...до Сама острова... — Остров Самос.

Стр. 28—30. *...до Кария острова... Таже Род островъ...* — Острова Икария,

Патмос, Лерос, Калимнос, Низиро (Нисера), Истанкой (Кос), Телос (Тилос) и Родос в Эгейском море.

Стр. 30. *И в томъ островѣ был Олегь князь русскый 2 лѣтѣ и 2 зимѣ.* — Михаил-Олег Святославич, черниговский князь; о его ссылке половцами «за море Царюграду» в 1079 г. и о возвращении его «из грек Тмутороканю» в 1083 г. сообщает Лаврентьевская летопись; о пребывании его на о. Родос говорит только Даниил.

...до Макрии... — Город Макрин на берегу Ликии.

...темьянъ черный игоифит. — Фимиам, ладан, древесная ароматическая смола (γομφότις).

Имя древу тому зигия... — Граб (ζυγία).

...рака... — В других списках: стурика, стюряка, турика; имеется в виду дерево стиракс или сторакс (στύραξ).

...попоровъ... — Гусеница.

...до Патера града... — Город Патара, приморский город в юго-западной Ликии.

...до Миръ... — Город Миры на побережье Ликии.

...до Хилидония... — Мыс Хелидони на средиземноморском побережье Ликии.

...святый Епифание... — Епифаний, архиепископ Кипрский, проповедник и писатель (ум. 403).

...апостолъ Варнава... — один из 70 апостолов, киприянин родом.

...святый Зинон... — Либо Зинон пресвитер, замученный в начале IV в., либо мученик Зинон, ученик Иасона и Сосипатра, один из 70 апостолов.

...святый Трифолие епископъ... — Трифиллий, епископ г. Левкосия на о. Кипр в IV в.; в числе первых совершил вместе с матерью паломничество в Святую землю.

...и святый Филагриос епископ... — Епископ Кипра, ученик апостола Павла. Эти слова пропущены в нашем списке; восст. по списку ГБЛ, Рум., № 335.

...святаа Елена крестъ поставила... — Елена — мать византийского императора Константина I; поставленный ею на Кипре крест — по преданиям, тот, на котором был распят один из двух одновременно с Христом казненных разбойников, признавший в Иисусе сына божия и потому называемый благоразумным разбойником.

Стр. 32. *...до святаго Георгиа.* — Византийский святой-великомученик, обезглавленный в 303 г. при императоре Диоклетиане.

...и близь есть Асколонь град... — Город Асколон на берегу Средиземного моря; в то время принадлежал мусульманам и служил им главным опорным пунктом для нападений на христиан; крестоносцы овладели им только в 1154 г. при короле Балдвине III.

...гробъ святаго пророка Самоиля, и отца Елъкана, и Марьи Египтяныни... — Пророк Самуил; о нем говорится в Первой книге Царств; жил в XI в. до н. э.; Елкана — его отец. Мария Египетская — византийская святая, первоначально — блудница в Египте; случайно попав в Иерусалим, она там раскаялась, ушла в пустыню, где и прожила до конца своих дней (ум. 521).

...столпъ Давидовъ... — башня, примыкающая к дому или замку царя Давида, цитадель Иерусалима.

...*Елеоньскую гору...* — Гора, отделенная от Иерусалима потоком Кедрон, место ряда новозаветных событий, связанных с Иисусом Христом.

...*Святаа Святых...* — Мечеть, построенная халифом Омаром I (634—644) на месте древнего иерусалимского храма и обращенная крестоносцами в церковь.

...*Стефана Первомученика...* — Стефан Первомученик, один из семи первых дьяконов, поставленных в Иерусалиме апостолами; в Деяниях Апостолов рассказывается, что Стефан за проповедь учения Иисуса Христа был побит камнями, став таким образом первым христианским святым-мучеником; отсюда и его прозвище «Первомученик».

Стр. 34. ...*от Вифлеома...* — Город Вифлеем в Иудее; согласно Евангелиям — место рождения Иисуса Христа.

...*врата Вениаминова.* — Вениаминовы или Давыдовы — западные ворота Иерусалима.

...*къ святому Въскресению...* — Храм Воскресения господня, сооруженный на месте разрушенного в 1010 г.; в 1130 г. был перестроен крестоносцами.

...*Гроб Господень.* — Пещера посреди храма Воскресения, в которой, по преданию, был похоронен Иисус Христос.

...*Адамово воздвижение...* — Изображение сошествия Христа в ад: Христос за руки «воздвигает» — выводит из ада — Адама и Еву.

...*Възнесение господне...* — Изображение вознесения воскресшего Иисуса Христа на небо.

...*Благовѣщение.* — Событие, о котором говорится в Евангелии от Луки: ангел Гавриил, посланный к деве Марии, обрученной Иосифу из рода Давида, сообщил ей, что ее осенит сила всевышнего и у нее родится сын, которого она назовет Иисусом.

Стр. 36. ...*Пупъ земли...* — «Пуп земной», «середина» или «средоточие» земли — место за алтарем храма Воскресения господня; основанием для такого названия служат слова 73-го псалма: «спасение посреди земли», и фраза библейской Книги Иезекииля: «Это — Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него — земли».

...*до Распятия господня...* — Место распятия Иисуса Христа, Голгофа.

...*до Края...* — То же, что «Крайниево мѣсто, еже есть Лобное мѣсто» (Κρανίου τόπος), о котором дальше идет речь; по Даниилу — нижняя часть Голгофы.

...*прьвозданаго Адама глава...* — Кровью распятого Иисуса Христа, согласно легенде, отразившейся в ряде апокрифических произведений, был омыт череп Адама.

Стр. 38. ...*раздѣлиша ризы его...* — Одежды распятого Иисуса Христа, по рассказам Евангелий, были разделены распявшими его римскими солдатами.

...*вѣнець трьновъ... и в багряницу поругания облекоша.* — Согласно Евангелиям, Иисуса Христа, осужденного римским прокуратором Пилатом на распятие, римские солдаты, чтобы надругаться над ним, облекли в одежду багряного цвета, а на голову одели венок из колючего растения и глумливо воздавали ему почести как царю: багряница изображала царскую мантию, терновый венец — корону.

...*жрьтвенник Авраамовъ... въ Исаака мѣсто...* — Имеется в виду рассказ библейской Книги Бытие о том, что Авраам, повинуясь богу, собрался принести в жертву сына своего Исаака; но, когда он уже взял в руку нож, его

остановил голос ангела с неба; тогда Авраам принес в жертву барана, запутавшегося в чаще рогами.

...*на то же бо мѣсто... нас ради грѣшиых.* — Согласно апокрифической легенде, жертвоприношение Авраама происходило на Голгофе.

...*«Камо идеши... рабѣ своей».* — Слова церковного песнопения, икоса, исполняемого на заутрени в Великую пятницу, то есть в пятницу Страстной седмицы — недели, предшествующей празднику Пасхи.

...*бракъ в Кана Галилеи...* — Свадебный пир в Кане Галилейской, на который, по Евангелию от Иоанна, были приглашены мать Иисуса Христа и он сам со своими ученнками; там не достало вина, тогда Иисус велел наполнить водой шесть каменных водоносных сосудов и обратил эту воду в вино.

...*пророчество Симеоне... сына своего закалаема.* — Пророчество Симеона Богоприимца, о котором говорится в Евангелии от Луки; Симеону было предсказано, что он не умрет, доколе не увидит помазанника («Христа») господня; взяв на руки младенца Иисуса, принесенного матерью по обычаю в храм для обрезания, он пророчествовал о его будущем.

...*Мария Магдалыни и Мария Ияковля и Саломии... издалече мене сташа.* — Говоря о свидетелях распятия, Даниил основывается на Евангелии от Матфея, где говорится, что там «были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых», и на Евангелии от Марка, где сказано, что «между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшого и Иосии, и Саломия»; цитата из 37-го псалма.

...*Спудий...* — Σπουδή от σπεύδω — спешить.

Стр. 40. ...*единого Издеслава.* — Один из спутиков Даниила, вероятно,— упоминаемый далее Изяслав Иванович.

...*дом Уриевъ ...мыющюся в бани.* — Согласно рассказу Второй книги Царств, царь Давид, прогуливаясь по кровле своего дома, увидал красивую женщину, купающуюся в бассейне, послал за ней своих слуг и спал с нею; женщина эта была Вирсавией, женой Урии Хеттеянина; самого Урию царь Давид отправил на войну, написав полководцу письмо с просьбой поставить Урию в самое опасное место, чтобы он был убит; Урия погиб при осаде города аммонитян Раввы.

...*метохия святаго Савы...* — Подворье монастыря св. Саввы, расположенного к юго-востоку от Иерусалима.

...*искуси святаа Елена... вста мертваа дѣвица.* — Речь идет об императрице Елене (ум. 327), матери византийского императора Константина I, предпринимавшей разыскания и бывшей инициатором церковного строительства в Святой земле. Предание рассказывает, что Елена нашла крест, на котором был распят Иисус Христос и, прикоснувшись им к мертвой девице, воскресила ее, убедившись, таким образом, в его подлинности («Житие Константина и Елены»). См. также коммент. к с. 30.

...*притории, идѣ же воини приведоша Христа... и предасть июдеомъ.* — Претория — резиденция прокуратора Понтия Пилата, римского правителя Иудеи, наделенного правом выносить смертный приговор и отдавать приказ о его исполнении; согласно Евангелию, туда был приведен Иисус Христос из дома Каиафы-первосвященника наутро после того, как он был схвачен в Гефсиманском саду; Пилат, первоначально склонный оправдать

Иисуса или отпустить его по обычаю даровать свободу одному из узников перед праздником Пасхи, под давлением возбужденного первосвященниками и старейшинами народа согласился выдать его на казнь и, умыв руки перед народом со словами: «Неповинен я в крови праведника сего; смотрите вы» — на что иудеи ответили: «Кровь его на нас и на детях наших» — предал его солдатам на бичевание и распятие.

...темница июдейска... апостола Петра в нощи. — Имеется в виду рассказ Деяний Апостолов о том, как ангел ночью вывел из темницы заключенного туда царем Иродом Агриппой апостола Петра.

...Христосъ кровоточивую исцѣли. — Согласно Евангелию, женщина, много лет страдавшая кровотечением, исцелилась, подойдя сзади к Христу и прикоснувшись с верой к его одежде.

...ровъ близь, идѣ же ввержень бысть Еремиа пророкъ... — Речь идет о рве, куда, согласно библейской Книге пророка Иеремии, был посажен Иеремия царем Седекией по требованию князей за пророчество о взятии Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором.

...домъ был святаго Иоакима и Анны. — Родителей Марии, матери Иисуса Христа.

Стр. 42. *...Овча купѣль, идѣ же Христосъ разслабленного исцѣли.* — Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна о том, как Иисус Христос исцелил одного из множества больных, лежавших в крытых галереях у бассейна «Овечья купель» и ожидавших возмущения ангелом воды; по поверью, кто успевал, когда вода забурлит, первым сойти в воду, получал исцеление; а этот исцеленный Христом больной, очевидно, парализованный,—он страдал уже тридцать восемь лет,— и сам не мог опередить других, и помощника не имел.

...къ Гепсимании. — Гефсимания, сад на склоне горы Елеонской, где, согласно сведениям синоптических Евангелий, Иисус Христос молился ночью с четверга на пятницу после тайной вечери и где был схвачен.

...убиенъ есть Захария пророкъ... — Имеется в виду отождествляемый с отцом Иоанна Предтечи Захария, о котором в Евангелиях от Матфея и от Луки говорится, что он был убит между храмом и жертвенником.

...камень внѣ пещеры... врата небеснаа суть. — Имеется в виду рассказ библейской Книги Бытие о том, что Иаков на пути из Вирсавии в Месопотамию увидел во сне лестницу, ведущую на небо, и услышал пророчество о распространении потомства его и благословении в нем всех племен земных; проснувшись, Иаков поставил памятником камень, который служил ему изголовьем, возлил на него елей и обещал, что если он благополучно возвратится в дом отца своего, камень этот будет домом божиим. Библейским сюжетом является также рассказ о борьбе Иакова с богом ночью около потока.

И на томъ же камени... азъ согрѣших. — Речь идет о наказании, которое, согласно Второй книге Царств, постигло страну за проведенную царем Давидом перепись населения Израиля и Иудеи.

...старѣишины срациньскаго именемъ Аморъ. — Халиф Омар I (634—644), сподвижник и второй преемник Мухаммеда.

Стр. 44. *...врата зовуться Красная... исцѣлиста хромца одного...* — Имеется в виду рассказ Деяний Апостолов о том, как Петр и Иоанн, идя в храм, исцелили сидевшего при входе нищего, хромого от рождения.

И тѣми враты вшелъ есть Христос... егда въскресила Лазаря Христос. — Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна о том, что Христос пришел в селение Вифания и воскресил там любимого им Лазаря, брата Марии и Марфы, со дня смерти которого прошло уже четыре дня, а после этого, торжественно встреченный народом, вошел в Иерусалим для празднования Пасхи.

Стр. 46. *...Охония жидовинъ хотѣ сврещи... и положи я на нем.* — Даниил опирается на распространенное византийское предание, получившее отражение в литературе и в иконографии (в сюжете успения богородицы).

...до пещеры, иде же преданъ бысть... на 30 сребреницѣх. — Согласно всем четырем Евангелиям, Иуда Искариот, один из ближайших учеников Иисуса Христа, предал своего учителя первосвященникам за тридцать сребреников; пещера — имеется в виду та, где Христос был схвачен.

...помолися Христос отцу своему... чаша си от мене. — Имеется в виду рассказ синоптических Евангелий: Иисус Христос перед тем, как был схвачен, молился в Гефсиманском саду на Елеонской горе о том, чтобы, если возможно, миновала его «чаша сия».

...до гроба Асафатова... дебрь Асафатова. — Иосафат, библейский царь Иудеи, о котором говорит Третья книга Царств, сын царя Асы; *дебрь Асафатова* — Иосафатова долина, где протекает Кедронский поток, отделяющий Иерусалим от расположенной с востока от него Елеонской горы.

...святаго Иякова, брата господня. — Кроме Иакова, Евангелия от Матфея и от Марка упоминают как братьев Иисуса Христа Иосию, Симона и Иуду, а также сестер; согласно преданиям, получившим отражение в византийской учительной литературе, это были дети Иосифа, которых родила ему Мария Клеопова — вдова его бездетного брата Клеопы, взятая им в жены согласно еврейскому закону, чтобы восстановить покойному семя; всего братьев и сестер Иисуса Христа было шесть.

Стр. 48. *...научи ученики своя пѣти «Отче нашь».* — Имеется в виду сообщение Евангелий от Матфея и от Луки о том, что Иисус Христос научил своих учеников молитве «Отче наш».

...и на той трапезѣ литургисають нынѣ. — Используют для совершения церковной службы литургии.

...до Содомскаго моря... — Содомское — Мертвое море.

...кадь... — Старинная мера сыпучих тел.

Стр. 50. *...святыя Пелагеи блудници.* — Византийская святая (ум. в 461 г.).

И ту есть столпникъ близь, муж духовенъ велми. — Отшельник, живший на «столпе», колонне разрушенного здания; речь идет, возможно, о том пустыннике, с которым крестоносцы совещались перед приступом во время осады Иерусалима в 1099 г.

...постился святый Иоакимъ неплодства ради своего... — О посте бездетного дотоле Иоакима, у которого затем родилась Мария, будущая богородица, говорится в апокрифическом Евангелии от Иакова.

Стр. 52. *...Иордан раступися древле... людие по суху...* — Имеется в виду рассказ библейской Книги Иисуса Навина о переходе евреями р. Иордан, расступившейся перед ними при их вступлении после бегства из Египта в Землю обетованную.

...ту же и Елѣсѣй... Иордан по суху... — Пророк Елисей, согласно Четвертой книге Царств, подобрал упавшую с уносимого в огненной колеснице на небо пророка Илии милоть (овчину), ударил ею по воде Иордана, река расступилась перед ним, и он перешел посуху на другой берег.

...и Мария Египтяныни преиде... в пустыню. — Об этом говорится в «Житии Марии Египетской»: отец Зосима, монах, уйдя на Великий пост из монастыря св. Саввы в пустыню, встретил жившую там уже много лет Марию Египетскую.

...яко же Сновь рѣка. — Имеется в виду река Сновь (название — от глагола сновать) Черниговской области, берущая начало в окрестностях г. Стародуба и впадающая в Десну.

...земля Заулоня и Неффалимьля... — Завулон и Неффалим — библейские персонажи, двое из двенадцати детей Иакова-Израиля, чьими именами названы колена Израилевы, каждое из которых получило определенную землю для обитания; земли Завулона и Неффалима — к западу от Галилейского моря.

...Илиа пророкъ всхищенъ бысть на колесници огньнѣй. — Имеется в виду библейский рассказ о вознесении пророка Илии в огненной колеснице на небо.

Стр. 54. *...водокрещеный праздник...* — Праздник Крещения господня в честь крещения Иисуса Христа в р. Иордан Иоанном Крестителем; празднуется 6 января; в этот день совершается церковная служба освящения воды.

...пророкъ Моисий преставился есть, видѣвъ землю обѣтованую. — Пророк Моисей, согласно библейскому рассказу, видел Землю обетованную, в которую он вел свой народ из Египта, но не вошел в нее, так как все евреи, вышедшие из Египта, кроме Халева и Иисуса Навина, за ропот на бога были обречены умереть, не войдя в нее.

...святая богородица съ Иисусом Христомъ... егда бѣжаху въ Египетъ... — Имеется в виду рассказ Евангелия от Матфея о бегстве богородицы с младенцем Христом и обручником ее Иосифом, которому явился ангел во сне и предупредил об опасности, в Египет — чтобы спасти младенца от царя Ирода, узнавшего от волхвов, что в Вифлееме родился царь Иудейский, и старавшегося его убить; с этой целью царь Ирод повелел истребить всех младенцев мужского пола в возрасте до двух лет в городе Вифлееме и его окрестностях. О Иакове как спутнике беглецов в Египет и об остановке беглецов на ночь в «Добром обителище» Евангелие не говорит; это почерпнуто из апокрифических преданий.

...до Иерихона... взял и разорил до конца... — Город Иерихон, который евреи, согласно рассказу библейской Книги Иисуса Навина, взяли первым после перехода Иордана при вступлении в Землю обетованную; Иисус Навин — библейский персонаж, возглавивший евреев после смерти Моисея.

...дом Затхѣевъ... хотя видѣти Христоса. — Имеется в виду рассказ Евангелия от Луки: Закхей, человек маленького роста, в то время, как Христос проходил через Иерихон, влез на смоковницу, чтобы его увидеть; и Христос посетил его дом.

...домъ оноя сумантяныни, идѣ же Иелѣсѣй отрочища въскресилъ. — Имеется в виду рассказ Четвертой книги Царств о воскрешении пророком Елисеем сына сонамитянки (жительницы города Сонам, а не Иерихона), которая заботилась о нем, когда он бывал в ее городе; детей у нее не было, муж

был стар; пророк Елисей в благодариость за заботу обещал ей, что у нее родится сын; сын родился, ио еще ребеиком умер; мать привела в дом пророка Елисея, тот обнял ребенка, согрел его и воскресил.

...воды Иелисѣевы, их же ослади Иелисѣй пророкъ. — Согласно Библии, жители Иерихона пожаловались пророку Елисею на плохую воду и бесплодную землю; тот бросил в источник соли и сделал воду здоровой.

Стр. 56. *...явися святый Михаил архистратиг... на лици своемъ, и поклонися.* — Имеется в виду библейский рассказ о видении Иисусу Навину во время осады Иерихона человека с обнаженным мечом в руке, который назвал себя вождем воинства господня и велел Инсусу Навину снять обувь с ног, «нбо место, на котором ты стоншь,— сказал он,— свято».

Имя мѣсту тому Галганий... прешедше Иордан. — Галгал — место первой остановки израильтян после того, как они во главе с Иисусом Навииом перешли Иордаи при вступлении в Землю обетоваииую. См. также коммеит. к с. 52, к словам «...Иордаи раступисе древле... людие по суху».

...имя горѣ той Гаваонъ... и тогда солнце заиде. — Имеется в виду рассказ Книги Иисуса Навиия о том, как во время битвы евреев с царями Аморрейскими Иисус Навии остаиовил солнце и луну, доколе его иарод мстил врагам своим; но Ог, царь Васанский, согласно библейским Книгам — Книге Числа и Книге Второзакоиие, где о ием идет речь, был побежден ие Иисусом Навиином, как пишет Даниил, а Моисеем.

...постился есть Христос... камение се хлѣби будут. — В Евангелии от Матфея рассказывается о сорокадневном посте Иисуса Христа в пустыне и искушениях его дьяволом; предложение сделать камни хлебами — первое из трех искушений.

...святый Феодосие... — Феодосий Великий (ум. в 529 г.), глава моиашеского общежития в Палестиие.

...святаго Савы... — Савва, моиах, основатель в конце V — начале VI в. знаменитой палестинской лавры, получившей его имя.

Стр. 58. *...святый Иоаннъ епископъ Исихастъ...* — Иоанн Исихаст («Молчальник»), епископ г. Колонии (Аскалона) в V в., затем — отшельник (ум. 558).

...святый Иоаннъ Дамаскинъ... — Иоани Дамаскин (между сер. VII и сер. VIII в.), богослов-систематизатор, философ и поэт-гимиограф, идейный вождь иконопочитателей, противииков иконоборчества; по рождению араб, приближеиный дамасского халифа, затем моиах.

...святый Феодоръ Едесский... и Михаилъ сыновець его... — Феодор, епископ г. Эдессы, и его племянник Михаил (IX в.).

...Афродитианъ святый... — Афродисий Палестинский (VI в.), монах, ученик основателя лавры Саввы.

...смола чермная... — В других списках «черная»; имеется в виду асфальт, извергаемый Мертвым морем, особенно после землетрясений.

...мука под морем тѣмъ. — Очевидио, серинстый запах, исходивший из Мертвого моря с извержениями, побуждал думать, что под морем иаходится место мучений грешников.

Стр. 60. *...манастырь святаго Еуфимья...* — Монастырь, выросший вокруг пещеры аскета — Евфимия Великого (376—477), прославившегося своей строгой жизнью.

...*манастырь святаго Феоктиста...* — Монастырь, основанный в V в. монахом Феоктистом, другом и последователем Евфимия Великого.

...*и того града ветхаго разорил Навходоносоръ, царь вавилонесъ, при Еремѣи пророцѣ...* — Вавилонский царь Навуходоносор (605—562 гг. до н. э.) взял Иерусалим в 586 г. до н. э.: пророк Иеремия был тому свидетелем.

...*Христос умы ногы учеником своим.* — В Евангелии от Иоанна говорится, что во время последнего ужина с учениками, тайной вечери, Христос сам умыл ноги своим ученикам.

...*Христос вечерял со ученики своими... кто ест предаяй тя?* — Имеется в виду тайная вечеря, последняя вечерняя трапеза Иисуса Христа с учениками, о которой речь идет во всех четырех Евангелиях; согласно Евангелию от Иоанна, после слов Христа, что один из присутствующих предаст его, Иоанн, бывший любимым учеником Христа, по знаку другого ученика, Симона-Петра, припал к груди Иисуса и спросил, кто его предаст.

...*сшествие святаго духа бысть на апостолы въ Пентикостию.* — Пентикостия (Πεντηκοστή) — Пятидесятница, пятидесятый день после Пасхи; согласно Деяниям Апостолов, в этот день было сошествие на апостолов святого духа; по сведениям Даниила, это произошло в принадлежащем Иоанну Богослову доме.

...*и в ту храмину прииде Христос... увѣрил есть въ 8-й день.* — Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна о явлении Христа ученикам по воскресении; сомневавшегося в реальности Христова воскресения апостола Фому Христос уверил, дав ему вложить пальцы в свои раны.

...*святый камень... с Синайскиа горы.* — Даниил имеет в виду предание о том, что изъявившей желание посетить гору Синай богородице ангел принес камень с Синайской горы, и этот камень сохранялся в доме Иоанна Богослова.

Стр. 62. ...*домъ Каиафинъ... дондеже куръ възгласит.* — Согласно евангельским рассказам, схваченного на Елеонской горе Иисуса Христа привели в дом первосвященника Каиафы; апостол Петр, вошедший следом во двор, был опознан как ученик Иисуса, но трижды отрекся от своего учителя; в это время запел петух, и Петр вспомнил предсказание Христа, что он, Петр, трижды отречется от него еще до того, как пропоет петух.

...*купѣль Силоамля, где же Христос слѣпцю очи отверзе.* — Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна о том, как Христос исцелил в субботу слепорожденного, плюнув на землю, помазав этим его глаза и велев ему пойти умыться в купальне Силоам.

...*село Скудиельниче... на погребание странным...* — На деньги, заплаченные Иуде первосвященниками за предательство Иисуса Христа и после осуждения Иисуса брошенные Иудой на землю, первосвященники, как говорит Евангелие от Матфея, купили у горшечника землю для погребения странников. Это место, село Скудельниче (т. е. Горшечниково), было местом погребения паломников в течение многих веков.

...*святаа богородица видѣ двои люди, едины смѣющася, а другиа плачющася.* — Об этом видении богородицы говорится в апокрифическом Первоевангелии Иакова и в «Сказании о рождестве богородицы».

...*до гроба Рахилина, матери Иосифовы...* — Рахиль — жена библейского Иакова, сына Исаака; в Библии рассказывается о погребении ее Иаковом на

дороге в Ефрафу, то есть в Вифлеем, и о том, что Иаков установил там надгробный памятиик.

Стр. 64. *И ту есть камень великъ... и от того камени, вставши...* — Сюжет этого рассказа Даниила восходит к апокрифическому «Сказанию о рождестве богородицы».

...мощи святых младенець... — Имеются в виду останки младенцев, избитых по приказу царя Ирода. См. коммент. к с. 54, к словам «святая богородица съ Инсусом Христомъ... егда бѣжаху в Египетъ...».

Стр. 66. *...земле Июдова... тысящах Июдовах...* — Вифлеем называется здесь «землей Июдовой», потому что расположен на территории колена Иудина; «тысящи» — административное деление, восходящее, согласно Книге Чисел, ко временам завоевания израильтянами Святой земли.

...прииде Самоилъ пророкъ и ту помаза... в Саула мѣсто. — Согласно рассказу библейской Первой книги Царств, пророк Самуил в правление царя Саула, повинуясь божьему повелению, пошел в Вифлеем и помазал там елеем (маслом) пастуха Давида, младшего сына Иессея; Давид в дальнейшем — псалмопевец и царь, преемник Саула.

...разорено есть от поганых... — Иерусалим завоевывался в 614 г. — персами, в 638 г. — арабами, в 1070 г. — турками-сельджуками.

...дубъ Мамбрийский. — У дуба Мамврийского, по Книге Бытие, стоял шатер Авраама, когда к нему явился бог в виде трех ангелов (сюжет икон «Троица ветхозаветная»).

...пророкъ глаголеть Давыдъ въ Псалтири... — Имеется в виду царь израильско-иудейского государства Давид (конец 11 в. — ок. 950 г. до н. э.), чьи поэтические произведения составили основу библейской книги Псалтырь; свое название книга получила от струнного музыкального инструмента, аккомпанируя на котором Давид пел свои песни.

Стр. 68. *...убиенъ бысть Авесаломъ... умре на древѣ томъ.* — Авессалом, один из сыновей царя Давида, согласно Второй книге Царств, восстал на своего отца; во время преследования его сторонниками отца в так называемом Ефремовом лесу мул, на котором он ехал, занес его под развесистый дуб; он запутался волосами в ветвях дуба, мул из-под него убежал, Авессалом повис на волосах, и так, висящий, был убит стрелами.

...до клятвенаго кладязя Авраамова... — Имеется в виду колодец, у которого Авраам, согласно библейскому преданию, клялся в дружбе Авимелеху, царю Герарскому, в земле Филистимской, куда он с женой Саррой ушел после гибели Содома и Гоморры.

Стр. 70. *...сын Хамовъ, Ханаонъ... земля та зоветься Хананѣя.* — Имеется в виду сообщение Книги Бытие о том, что потомки Ханаана, сына Хама, так называемые хананеи, расселились «от Сидона к Герару до Газы, отсюда к Содому, Гоморре, Адме и Цевоиму до Лаши»; но гора Хевронская там не указана.

И ту землю обѣща богъ... и азъ буду с тобою. — Согласно библейскому рассказу, после смерти Фарры, отца Авраама, бог явился Аврааму и велел ему покинуть дом отца его, находившийся в Харране, в Междуречье, и идти в землю, какую он ему укажет; когда Авраам проходил землю Ханаанскую, бог явился ему и сказал, что отдаст эту землю его потомству.

И ту есть был домъ Давидовъ... егда бяше выгнал сынъ его Авесалом. — Речь идет о доме царя Давида в Хевроне, где он, согласно Библии, прожил первые семь с половиной лет своего царствования — до того как начал царствовать в Иерусалиме. Даниил ошибается, связывая пребывание Давида в Хевроне с восстанием против него его сына Авессалома.

Ту бо пещеру Сугубую Авраамъ купил у Ефронь Хетфѣянина... всему роду своему. — Согласно библейскому рассказу, Авраам, после смерти жены Сарры, купил в земле Ханаанской у Ефрона Хеттеянина поле с пещерой для погребения.

Стр. 72. *Иосифа Прекрасного гробъ...* — Иосиф, библейский персонаж, сын Иакова, был продан братьями купцам, шедшим в Египет; там он и умер; Моисей, согласно библейской Книге Исход, покидая Египет, вынес оттуда кости Иосифа.

...и на ту гору взиде... да изведуть Лота сыновьца Авраамова. — Даниил пересказывает рассказ Книги Бытие о том, как, отобедав под Мамврийским дубом у Авраама, три ангела отправились в Содом; молитву Авраама он цитирует почти дословно; «сыновец» — племянник.

Стр. 72—74. *А оттуда до Сигора... до Содома есть двѣ верстѣ.* — Сигор — город, в который, согласно библейскому преданию, бежал из Содома Лот с дочерьми; жена Лота, вопреки запрету ангелов обернувшаяся, чтобы в последний раз взглянуть на обреченный город, обратилась в соляной столб.

Стр. 74. *...святаго Харитона.* — Харитон Исповедник (ум. ок. 350), основатель трех общежительных пещерных монастырей в Палестине.

...святый Кириякъ Исповѣдник... — Кириак Исповедник (V в.), палестинский монах.

...Ксенофонтова сына, Иоаннъ и Аркадие... — О них см. ниже — коммент. к с. 82, к словам «...Ксенофонтова сына... учить философии».

...всхищен бысть пророкъ Аввакум... и дасть им обѣд. — Даниил передает библейское сказание о том, как шедшего на поле с обедом для жнецов пророка Аввакума ангел перенес из Палестины в Вавилон к заточенному в ров пророку Даниилу; когда Аввакум Даниила накормил, ангел перенес его обратно на то поле, откуда поднял.

...12 пророка... Амос и Осий. — Аввакум, Наум, Михей, Авдий, Захария, Иезекииль, Амос и Осия — авторы ветхозаветных книг; Варух — писец пророка Иеремии; Измаил — может иметься в виду сын Авраама от служанки-египтянки по имени Агарь (от которых пошли «агаряне» и «измаилтяне»); Иезекий и Савеиль неизвестны.

Стр. 76. *...уби Давыд Голияда.* — Имеется в виду библейский рассказ о том, как юноша Давид камнем из пращи победил в единоборстве тяжеловооруженного гиганта из войска филистимлян по имени Голиаф.

...мощи... святых мученик... Агаиа Мамила. — Даниил имеет в виду жертвы персидского царя Хосроя, взявшего Иерусалим в 614 г.; их останки, по преданию, похоронила женщина по имени Мамиллия; отсюда — название места погребения — «Агиа Мамила», то есть «Святая Мамила»; византийский император Ираклий (610—641) отвоевал Иерусалим у персов в 630 г.

В тот домъ Захариинъ... плод утробы твоея. — Захарий и Елизавета — родители Иоаниа Предтечи; в Евангелии от Луки рассказывается о посещеиии их богородицей.

Стр. 78. *...въ ню же гору прибѣже Иелисавефь... имя мѣсту тому — Орини.* — О бегстве Елизаветы с младенцем Иоанном Предтечей от слуг царя Ирода говорится в апокрифическом Первоеваигелии Иакова.

В ту же гору вбѣглъ Давидъ... от Саула царя. — В Библии говорится, что преследуемый Саулом Давид убежал в пещеру Адолламскую.

...о той Рамѣ... яко не суть. — Даниил мог взять эти слова как из Книги Пророка Иеремии, так и из Евангелия от Матфея, где они процитированы.

И ту Ирод царь... избить святых младенець. — См. коммент. к с. 54, к словам «...святая богородица съ Иисусом Христомъ... егда бѣжаху въ Египетъ...»

...до Елъмауса... в преломлении хлѣба. — Согласно рассказам Евангелий от Марка и от Луки, воскресший Христос явился апостолам Луке и Клеопе, когда они шли из Иерусалима в село Еммаус, но они его узнали ие сразу; лишь в селе они поияли, кто их спутник, по тому, как он благословил, разломил и подал им хлеб; после этого он стал невидим.

Стр. 80. *...в той Лиддѣ Петръ исцѣлилъ есть Ению на одрѣ лежаща.* — Имеется в виду рассказ Деяний Апостолов об исцелении апостолом Петром в Лидде некоего Енея, восемь лет не встававшего с постели.

В том градѣ во Опии святый Петръ апостолъ Тавифу въскресилъ. — Даниил имеет в виду рассказ Деяний Апостолов о том, как апостол Петр, за которым послали из Иоппии в соседнюю Лидду по причине смерти одной из его учениц по имени Тавифа, пришел туда и воскресил ее.

В том же градѣ постившю Петру... ты не оскверняй. — Даниил пересказывает рассказ Деяний Апостолов о видении апостолу Петру спускающегося с неба полотна, наполненного всяческими животными, каковое видение предшествовало появлению посланцев сотника Корнилия, о котором см. след. примеч.

...святый Петръ апостолъ крестилъ Корнилия. — Корнилий, римлянин, центурион Италийской когорты, набиравшейся из уроженцев Италии; когорта стояла в Кесарии (Палестинской; Даниил ошибочно называет ее Филипповой); согласно Деяниям Апостолов, сотнику Корнилию, человеку благочестивому, богобоязненному и милостивому, явился ангел и посоветовал ему пригласить из соседней Иоппии апостола Петра; Петр, явившись, крестил Корнилия, его родственников и близких друзей; это были первые крещенные Петром неиудеи, язычники.

...отецъ Маркиянъ... — Византийский святой Мартиниан (V в.), подвизавшийся в Палестине около г. Кесарии.

...о том Капернаумѣ глаголет пророкъ... и до ада снидеши. — Даниил цитирует здесь — как пророческие — слова Иисуса Христа, приведенные в Евангелиях от Матфея и от Луки; но относятся они там к Капернауму Тивериадскому, у Даниила же применены к одноименному городу на средиземноморском побережье.

Ис того бо града изити хотяшеть антихристъ... — Источник этого поверья неизвестен.

...святый пророкъ Илиа жилъ есть в пещерѣ... по господи бозѣ моем. — Пророк Илия, согласно Библии, скрывался от царя Ахава у потока Хорафа близ Иордана, куда вбороны приносили ему хлеб и мясо. Жрецов же Вааловых, которым покровительствовала Иезавель, дочь царя Сидонского, жена царя Ахава, Илия собрал иа горе Кармил, а заколол у потока Киссон.

Стр. 82. *...Илиа пророкъ въскресилъ сына вдовича.* — По Библии, когда поток Хорафа, где скрывался пророк Илия, высох, он пошел в Сарепту Сидонскую и жил там во время голода у вдовы; у этой вдовы умер сын, и пророк Илия его воскресил.

...до Вирита града... — город Бейрут.

...Ксенофонтова сына... учить философии. — Сенатор Ксенофонт (VI в.) послал сыновей в Бейрут изучать философию. Не имея от них вестей, он отправился их разыскивать и нашел в Иерусалиме монахами. После этого и он оставил свет и поселился с женой поблизости от сыновей.

...Адекия... — Древняя Лаодикия, служившая морской гаванью для Антиохии.

Стр. 84. *...князь Иерусалимьский Балдвинъ...* — Балдуин I (1100—1118), первый король Иерусалимского королевства крестоносцев.

...до Гельвуньских горъ... и сынъ его Анафанъ ту же убиен бысть. — Согласно Библии, царь израильтян Саул и трое его сыновей, в том числе Ионафан, погибли, воюя с филистимлянами, на горе Гелвуйской.

...нѣсть бо росы на них никогда же. — Слова Даниила, возможно, обусловлены словами Второй книги Царств: «Горы Гельвуйские! Да не снидет роса, ни же дождь на вас...»

...в той пещерѣ дал бяше богъ Саула царя в руцѣ Давидови... и покровъ ручный. — Даниил, очевидно, объединяет — и при этом несколько изменяет — два библейских эпизода: как Давид, скрывавшийся со своими сторонниками в пещере, отрезал у преследовавшего его царя Саула край верхней одежды, когда тот зашел в эту пещеру, и как Давид вынес из шатра, где спал Саул, его копье и сосуд с водой.

...и до рова Иосифова... и ввергоша и в ровъ... — Даниил передает библейский рассказ о том, как поступили с Иоснфом Прекрасным из ревности к отцу его старшие братья: посадив его в ров, они затем продали его проходившим мимо купцам, направлявшимся в Египет.

...и у того кладязя... с женою самарянынею. — Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна о том, как Иисус Христос, когда ученики его ушли в город за пищей, беседовал у колодца с женщиной из племени самарян, с которыми иудеи не общались.

Стр. 86. *...темница святаго Иоанна Крестителя... от Ирода царя...* — Согласно евангельским рассказам, Иоанн Креститель был посажен в темницу за то, что говорил царю Ироду, что ему не следует жить с Иродиадой, женой его брата Филиппа; во время празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады Саломея танцевала перед собравшимися и в награду попросила у царя голову Иоанна Крестителя. По приказу царя Иоанну в темнице отрубили голову и принесли ее на блюде дочери Иродиады; тело Иоанна похоронили его ученики.

...святаго Малелеиля. — Бнблейскнй персонаж, сын Каинана, внук Еноса, праправнук Адама.

...*Огъ, царь Васаньский... у Иерихона.* — См. коммент. к с. 56, к словам «...имя горѣ той Гаваонъ... и тогда солнце заиде».

Стр. 86—88. *Въ том же градѣ Васаньстѣмъ... за мя и за ся.* — Даниил объединяет и переносит в Васан, Бейсан, древний Скифополь, два евангельских эпизода; разговор с фарисеями о динарии в Иерусалиме, когда Христа спросили, позволительно ли давать подать кесарю, а он указал им на изображение кесаря на динарии и сказал, что следует отдавать кесарево кесарю, а богово — богу, и чудо со статиром во рту у рыбы, бывшее в Капернауме, когда Христос велел Петру забросить удочку и у первой попавшейся рыбы вынуть из рта статир, чтобы заплатить дань на храм. *«Кинисъ»* — вероятно, Даниилом слиты два употребленных в Евангелиях слова: кинсон — подушная подать, и пенязь — динарий (драхма), серебряная римская монета, которой подушную подать платили; статир — монета стоимостью в 4 драхмы.

Стр. 88. *У того же града Васана Христос ицѣли... въ слѣд его идуща.* — Даниил опять путает место: согласно Евангелиям, Христос исцелил двух слепцов при выходе из Иерихона.

...*до мытници Матфѣевы...* — Имеется в виду место, где евангелист Матфей, служивший, согласно рассказам синоптических Евангелий, мытарем, сборщиком налогов, впервые последовал за Иисусом Христом.

...*из моря Тивириадьскаго...* — Море Киннереф или Галилейское.

Стр. 90. ...*рыбу по въскресении Христос ялъ... одесную страну мрежа.* — О третьем явлении воскресшего Иисуса Христа ученикам — когда они ловили рыбу — сообщает Евангелие от Иоанна.

...*до бани Христовы... и до бани апостольскиа...* — Имеются в виду горячие Аммаусские источники в районе Тивериады.

...*Христос прокаженаго очисти.* — Даниил имеет в виду евангельский рассказ об исцелении Христом прокаженного в Галилее.

...*домъ тещи Петровы апостола... от болѣзни огньныя тещю Петрову.* — Согласно синоптическим Евангелиям, это было в Капернауме.

...*домъ Симона прокаженаго... отпущение бе-щисленых грѣх.* — Дом Симона прокаженного, где, по Евангелиям, блудница возлила на голову Христу драгоценное мирро, омыла ноги его слезами и отерла волосами, находился в Вифании.

...*слукую жену ицѣли...* — Об исцелении Иисусом Христом согбенной женщины, бывшем, однако же, не в Тивериаде, но в Заиорданье, говорится в Евангелии от Луки.

...*одръ свѣсиша с больным отроком, покровъ прокопавше...* — Имеется в виду случай в Капернауме, о котором говорится в синоптических Евангелиях: не будучи в состоянии пронести больного к Христу через дверь, из-за множества народа, его опустили к нему через крышу, проделав в ней дыру.

...*хананоныню помилова.* — Согласно евангельским рассказам, Христос исцелил дочь хананеянки в пределах Тирских и Сидонских, а не в Тивериаде.

...*пещера, и вода в ней сладка зѣло, и студена... царя поставити в Галилеи...* — В Евангелии от Иоанна говорится, что Иисус Христос, узнав, что его хотят сделать царем, удалился один на гору.

Стр. 92. *...Елисѣя пророка, сына Асафатова.* — Имеется в виду ветхозаветный пророк Елисей, сын Сафатов, ученик пророка Илии.

...Иисуса Навгина. — Иисус Навин, предводитель израильтян при завоевании ими Земли обетованной, см. коммент. к с. 54, к словам: «...до Иерихона... взял и разорил до конца...»

...на том камени стоялъ Христос... а от человѣкъ невозможна. — Даниил вольно перелагает евангельские рассказы о хождении Иисуса Христа по воде; цитируемые им слова Христа были сказаны по другому случаю — в ответ на вопрос, может ли вообще кто-нибудь спастись.

...Христос питал народы 5 тысящь... укруховъ 12 коша. — Имеется в виду евангельский рассказ о том, как Христос накормил пятью хлебами примерно пять тысяч человек, оказавшихся с ним в пустынном месте вечером.

...Марии Магдалыни, ту ицѣли... зоветь Магдалия. — Согласно евангельским сказаниям, из Марии Магдалины Иисус Христос изгнал семь бесов; Магдалия — ее родина, город на берегу Тивериадского моря.

...приведе Нафанаила к Петрови и къ Андрѣю. — Подразумевается, что Филипп привел Нафанаила к Христу, за которым уже следовали, согласно Евангелию от Иоанна, братья Андрей и Петр.

Стр. 92—94. *...прииде Христос к Зеведѣеви... идоста в слѣд Христа.* — Даниил имеет в виду сообщение синоптических Евангелий о том, как Христос позвал к себе в ученики рыболовов Симона-Петра, его брата Андрея и сыновей Зеведеевых Иакова и Иоанна.

Стр. 94. *...Христосъ изгна... истопоша свиниа в мори.* — Имеется в виду рассказ Евангелий от Марка и от Луки о том, как Христос изгнал из бесноватого легион бесов, позволил им войти в свиней, и стадо свиней бросилось с обрыва в море и погибло.

...ливанъ и темианъ былый. — Благовония.

...Харъранъ, отнюду же изиде Авраамъ. — Харран в Месопотамии, откуда, по библейской Книге Бытие, Авраам вышел в Ханаанскую землю; см. коммент. к с. 70, к словам: «И ту землю обѣща богъ... и азъ буду с тобою».

Стр. 96. *...преобразился есть Христос...* — Имеется в виду сообщение синоптических Евангелий о том, как Христос с учениками Петром, Иаковом и Иоанном взошел на высокую гору помолиться и во время молитвы преобразился — лицо его и одежда стали ярко блистающими.

...а другаа, во имя святых пророк Моисия и Илии... — По евангельским рассказам, во время преображения ученики Христа увидели беседующими с ним пророков Моисея и Илию.

Стр. 96—98. *...в той пещерици жилъ святый Мелхиседекъ... то бысть начатокъ литургиам хлѣбом и вином...* — Сюжет ряда апокрифов, базирующийся на библейском известии о том, что царь Салима и «священник бога всевышнего» Мелхиседек, когда Авраам возвращался после поражения царей, напавших на Содом и Гоморру и пленивших его племянника Лота, вынес ему хлеб и вино и благословил его.

Стр. 98. *...а не опрѣснокомъ...* — Полемическое замечание, имеющее в виду богослужебную практику католиков, использующих для литургических целей, в отличие от православных, пресный, а не кислый хлеб.

О том пророкъ глаголеть... по чину Мелхиседекову. — Слова из Псалтыри, которые в новозаветном Послании к евреям применяются к Христу.

...святое благовѣщение... от аггела Гавриила... См. коммент. к с. 34, к слову «Благовѣщение».

Стр. 100. *Ту есть мѣсто в той же пещерѣ... иде же стояше Гавриилъ...* — Здесь и далее Даниил следует апокрифическим рассказам о двух явлениях богородице архангела Гавриила — у колодца и в пещере.

Стр. 102. *Акра же град...* — Город на берегу Средиземного моря, древняя Птолемаида; до 1104 г. им владели мусульмане.

...фрязи... — Франки, крестоносцы.

Стр. 102—104. *...Корнилие, его же Петръ апостолъ крестилъ.* — См. коммент. к с. 80, к словам: «...святый Петръ апостолъ крестилъ Корнилия».

Стр. 104. *...Сила бо моя... апостолъ глаголеть Павел.* — Это, как пишет Павел, был ответ ему на молитву об исцелении больной плоти.

Стр. 108. *...въ метохию святаго Савы...* — См. коммент. к с. 40, к словам: «...метохия святаго Саввы...».

Стр. 110. *...паремии тоя суботы великиа...* — Чтение определенных для этого дня отрывков из ветхозаветных книг.

Стр. 112. *...вся дружина, русьстии сынове... и инии мнози, еже то свѣдають о мне худомъ и о сказании семъ.* — По-видимому, спутники Даниила; Изяслав Иванович, возможно, то же лицо, что упомянутый выше Издеслав.

...кондакъ... — Песнопение в честь праздника или святого; здесь — в честь Христова воскресения; исполняется обычно после 6-й песни пасхального канона.

Стр. 114. *...Михаил Святополкъ... Глѣбъ Менский.* — Михаил-Святополк Изяславич, великий князь киевский (1093—1113); Василий-Владимир Всеволодович Мономах, князь переяславский, затем киевский (1113—1125); Давыд Святославич, князь черниговский (ум. 1123); Михаил-Олег Святославич, князь новгород-северский и курский (ум. 1115); Панкратий-Ярослав Святославич, князь муромский и рязанский (ум. 1127); Глеб Всеславич, князь минский (ум. 1119). Судя по всему, Даниил перечисляет князей в порядке старшинства.

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА (Стр. 116)

В древней литературе патериками назывались сборники нравоучительных анекдотов, изречений и новелл из жизни монахов-пустынников, очень популярные и среди светских читателей благодаря их занимательности, отточенной беллетристической форме, разработке ряда вечных и бродячих сюжетов восточной и европейской литературы. Одним из древних, переведенных на славянский язык еще в X веке, был так называемый «Синайский» патерик, который в греческом оригинале назывался «Лугом духовным». Он составлен Иоанном Мосхом (ум. в 622 г.), палестинским монахом, который вместе со своим учеником Софронием много путешествовал; воспоминания о встречах, рассказах и беседах с различными людьми в годы долгих странствий (579—619) послужили материалом для книги; здесь упоминаются реальные города, села, пустыни древней Палестины, Сирии и

Египта. В славянском переводе содержится 335 главок («слов»), которые тематически распадаются на несколько групп: чудесные явления, бытовые повести, рассказы о животных и т. д. Всем им присуща незамысловатость повествования, но очень тонкие, иногда трогательные характеристики героев и психологически оправданные их действия и поведение. Патерики неоднократно перепнсывалнсь и оставались любнмейшнм чтеннем в теченне многих веков. Ряд сюжетов Снпайского патерика впоследствии разрабатывался в новой литературе, в том числе и в русской.

Двенадцать новелл этой книги публикуется по самому древнему славянскому списку, составленному в Древней Руси в конце XI века (ГИМ, Синодальное собрание, 551) — в издании: Синайский патерик. М., 1967, с. 95—96, 133—139, 165—166, 182—187, 197—199, 264—266, 288—289, 296—301, 307—311, 340—342.

Стр. 116. *Фиваида* — безлюдная пустыня в окрестностях Фив, древней столицы Верхнего Египта («пустыня египетская»); место знаменито тем, что именно здесь появились первые в истории христианства пустынножители.

...овѣмъ въ Костянтинъ градъ, овѣмъ въ Александрию... — то есть на север и на юг: Константинград — русское название Константинополя, столицы Византийской империи; Александрия — город и порт в Египте, иа берегу Средиземного моря, осиоваи Алексаидром Македоиским в 331 г. до и. э., впоследствии одии из цеитров распространеиия христиаиства.

Стр. 118. *...господь мой Софроний...* — Софроиий из Дамаска, спутиик Иоанна Мосха в его путешествиях, его ученик, которому автор передал рукопись Патерика перед смертью, впоследствии видный церковный деятель (с 634 г. до смерти в 641 или 644 г. был патриархом Иерусалимским).

...юже създа блажены папа Еулогий... — Знаменитый церковный деятель и писатель Евлогий, родом сириец, был патриархом александрийским в 580—607 гг.

...великаго Тетрафола. — То есть тетрапнла, следовательно, храм окружался четырьмя рядамн колонн.

Стр. 120. *...пророка Иеремия...* — Второй нз четырех велнкнх пророков Ветхого завета, родом нз Иерусалнма; начал учнть евреев в 626 г. до н. э., был уведен в Егнпет, где н умер.

...Александръ зиждитель... — Александр Македонскнй (356—323 гг. до н. э.), основатель города Александрнн в Егнпте.

...о аввѣ Иулиянѣ... епискупѣ Вострѣнемъ. — Вострены (Бостра) — город в Аравнн; Юлнан был епнскопом в Бостре в то время, когда в царствованиe внзантнйского нмператора Анастасня I (491—518) на некоторое время победили сторонники еретического движения в христианстве; епископ Юлиан преследовался и изгонялся из города неоднократно.

Стр. 122. *...отъ единого попьрища...* — Мера пути, по различным источникам разной длины; в переводных памятниках славянское слово заменяло греческий стадий — 185 м (считалось, что это 125 шагов воина).

...авва Герасима нарицаема. — Герой рассказа, один из знаменитых подвижников V в., родом из малоазийской провинции Ликии, основал свой скит иа берегу реки Иордан; умер Герасим 4 марта 475 г.

Стр. 124. *Авва же Севатий киликъ...* — ученик Герасима, родом из Киликии, юго-восточной части Малой Азии.

Стр. 126. *...въ лаврѣ отьца Фирьмина...* — Фирмин, один из учеников основателя древнего монашеского устава Саввы Освященного (ум. в 532 г.), почитаемого и на Руси; Фирмин основал обитель недалеко от Назарета.

...въ Дорофеовъ манастырь въскрай Газы. — Имеется в виду Дорофей, один из известных в древности подвижников, занимавшийся также науками и философией; основал обитель неподалеку от Газы — города в южной Палестине, недалеко от Средиземного моря.

...приде къ Диополу граду... — Город Диосполис, теперь Лидда, на пути из Иерусалима в Иоппию.

...въ прѣдѣлѣхъ Сохуста села — название пустыни.

Стр. 128. *Въ самомь островѣ...* — Описка, имеется в виду о. Самос в Эгейском море, недалеко от побережья Малой Азии.

...мати Павля канъдита... — Кандидат (или квестор) — чиновник при сенате, читавший императорские рескрипты перед сенаторами.

...Ниесиви... цьркы Нисийская... — Нисибия, парфянский город в верховьях р. Тигр (теперь в Курдистане).

Стр. 130. *Идохомъ въ Аскалонъ* — один из пяти главных городов филистимляи на берегу Средиземного моря (сохранились развалины), часто упоминается в Библии; аскалонцы постоянно враждовали с иудеями, а затем и с первыми христианами; город был окончательно разрушен в результате крестовых походов XIII в.

Стр. 132. *...вь Селеукия, близь Антиохия...* — Антиохия, древняя столица Сирии, расположена недалеко от Средиземного моря; в античные времена и в первые века христианства — центр культурной, экономической и административной деятельности; Селевкия — городок около Антиохии.

АПОКРИФЫ

Особое место в литературе Киевской Руси занимают апокрифы. Будучи переводными по происхождению памятниками, они прочно вошли в состав древнерусской литературы наряду с каноническими текстами по ветхозаветной и новозаветной истории и обрели на славянской почве свой круг читателей и свою рукописную традицию. Эта традиция тянется от XI века вплоть до конца XIX, тесно соприкасаясь с традицией устного народного творчества, где древнейшие переводные апокрифы жили в виде легенд и духовных стихов.

«Апокриф» по-гречески означает «тайный, сокровенный», и на начальном этапе своего развития апокрифические тексты, содержащие конкретные подробности о жизни библейских и евангельских персонажей, не известные по другим источникам, предназначались только посвященным. Апокрифические сочинения возникали в эпоху распространения христианского вероучения и, по-видимому, одновременно с теми памятниками письменности, которые в IV веке официально были включены в канон книг Священного писания. В связи с этим событием название «апокриф» приобрело другое зна-

чение — «ложный, отреченный». Апокрифы стали вноситься в специальные списки отреченных книг — индексы. Появление одного из первых таких списков относят к VI веку и связывают с именем Анастасия Синаита. Почти одновременно с первыми переводами апокрифических текстов на Руси появляются и индексы, древнейшие из которых относятся уже к XI веку. Состав апокрифических книг в индексах не был устойчивым — в разное время в них вносились разные «отреченные» тексты. Составители и переписчики индексов не всегда могли провести четкую границу между каноническим и апокрифическим сочинением. Дело не только в дополнительных деталях и сведениях о жизни Иисуса Христа, богородицы, апостолов, библейских лиц. Важное значение для определения текста как «отреченного» приобретала точка зрения его создателя на излагаемые события, их оценка и собственная трактовка известного сюжета, иногда резко расходящаяся с официально-церковной. Эти черты частью отражали взгляды и идеи той среды, откуда вышли апокрифы, частью привносились в текст уже на русской почве. Изучая не только историю создания и распространения апокрифических сочинений в древнерусской письменности, но и историю сложения и изменения индексов (т. е. что именно разрешалось, а что запрещалось читать официальной церковью в разные эпохи), можно составить представление об интересах, литературных вкусах и круге чтения древнерусского книжника.

В апокрифических сочинениях затрагивались вопросы мироустройства, сотворения первых людей, бессмертия, греха и наказания, нравственные проблемы. Они ставились и разрешались часто в занимательной форме, с широким привлечением бытовых и «реалистических» деталей, как в «Хождении богородицы по мукам», и использовали не только христианские, но и фольклорные мотивы и символику, приобретая форму религиозной легенды, как в «Сказании отца нашего Агапия», или устных загадок, как в «Беседе трех святителей». В «Сказании, как сотворил бог Адама» мы встречаемся с иным, нежели в каноническом библейском тексте, дуалистическим, объяснением сотворения первого человека, связанным с так называемой «богомильской ересью», возникшей в Болгарии и получившей отклик на Руси.

Занимательность, некоторая «сказочность», сюжетность многих апокрифов обусловили их долгую жизнь в древнерусской письменности, где они выполняли роль своеобразной народной Библии. В связи с этим достаточно широк был и их «жанровый круг» — нам известны не только апокрифические «сказания», «хождения», «видения», «слова́», но и апокрифические евангелия, такие, как евангелие Никодима, евангелие Фомы, Первоевангелие Иакова, или апокрифические жития, переводы которых наряду с переводами канонических житий сыграли важную роль в формировании агиографического жанра древнерусской литературы.

В настоящем издании представлены тексты и переводы наиболее интересных апокрифических памятников, бытовавших в Киевской Руси. «Сказание отца нашего Агапия» и известное «Хождение богородицы по мукам» интересны с точки зрения представлений древнерусского читателя о рае и аде; «Сказание, как сотворил бог Адама» и «Беседа трех святителей» знакомят современных читателей с некоторыми взглядами древнерусских книжников на устройство и возникновение мира и человека.

Не все эти сочинения дошли до нас в ранних списках. В основу нашего издания положено издание А. Н. Пыпина в «Памятниках старинной русской литературы», т. II, с необходимыми исправлениями и дополнениями по рукописям.

БЕСЕДА ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ (Стр. 136)

«Беседа трех святителей» представляет собой апокрифическое сочинение, известное в переводе на славянский язык уже в XI веке, так как его знает Изборник 1073 года. Вопросно-ответная форма способствовала подвижности текста «Беседы», который вызывал неизменный интерес древнерусских книжников, менялся в объеме, последовательности вопросов и переписывался вплоть до XIX века.

В основе «Беседы» лежит библейская Книга Бытие и ее пересказ, известный в древности по Толковой Палее. Вопросы «Беседы» касаются устройства мира, понятия добра, зла, наказания за грехи, Страшного суда, вопросов ветхозаветной истории и евангельских событий. Особое место занимают в «Беседе» известия о первом человеке — Адаме и о начале мира. В христианстве Адам сопоставлялся с Христом; вокруг Адама собирается целый цикл апокрифических сказаний, некоторые из них были уже в древнейшую эпоху переведены на славянский язык.

В «Беседе» чувствуется стремление древнерусского писателя всему найти объяснение (пусть самое формальное), привести все понятия в определенную систему и найти каждому свое место в этой системе.

Наряду с вопросами и ответами очень конкретными (сколько костей в человеке, как звали разбойников, распятых вместе с Христом, и т. д.) мы находим здесь и вопросы-загадки фольклорного характера, за которыми иногда стоят очень древние представления о мире («Какие два врага борются в мире день и ночь?» Ответ: «Жизнь и смерть»).

Три святителя — это три византийских писателя IV века, чьи сочинения нравственно-дидактического характера и торжественные «слова» и поучения пользовались в Древней Руси большим авторитетом — Иоанн Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов. Наряду с действительно им принадлежащими текстами, в древнерусских рукописных сборниках их именами надписаны многие сочинения, возникшие уже на славянской почве. Имена трех писателей встречаются в названии этого памятника уже в греческом тексте, но, по всей вероятности, он им не принадлежит.

Текст «Беседы» печатается в отрывках по изданию А. Н. Пыпина в «Памятниках старинной русской литературы», вып. 3. СПб., 1862, с. 169—178. Текст сверен с рукописью ГБЛ, собр. музейное № 1835, положенной А. Н. Пыпиным в основу издания, но без указания ее шифра и местонахождения.

СКАЗАНИЕ, КАК СОТВОРИЛ БОГ АДАМА (Стр. 148)

«Сказание, как сотворил бог Адама» — один из древнейших апокрифов, появившийся уже в раннем периоде развития древнерусской литературы.

Многими исследователями он связывается с болгарской ересью «богомилов», названной так по имени ее представителя, болгарского попа Иеремии Богомила, и отразившейся на религиозной жизни Руси. В апокрифе выражен подчеркнуто дуалистический взгляд на мир и на происхождение человека. В его создании, согласно богомильской ереси, участвовали две равные силы — бог и дьявол. Таким образом человек несет в себе духовное (от бога) и материальное (от дьявола) начала. Такой взгляд на происхождение человека отразился и в рассказе «Повести временных лет» под 1071 годом о восстании волхвов, в котором очевидны следы недошедшего до нас апокрифического сказания: «Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отерся вѣхтемъ и верже с небесе на землю. И распрѣся сотона с богомь, кому в немь створити человѣка. И створи дьяволъ человѣка, а богъ душю во нь вложи...»

Рассказ о сотворении первого человека в «Сказании, как сотворил бог Адама» отличается от рассказа об этом событии в Книге Бытие, где бог создает человека по своему образу и подобию.

В «Сказании» бог «строит» человека с помощью окружающей его природы — солнца, моря, ветра, камня, огня. Как справедливо заметил В. В. Кусков, «данный перечень весьма примечателен, в нем отражается поэтическая образность народного мышления. Здесь каждая «часть» содержит метафору, правда еще не развернутую...» [1]. Дополняет создание человека дьявол, наделяющий его 70-ю недугами и выступающий, таким образом, как противодействующая богу сила.

Текст «Сказания, как сотворил бог Адама» издается по списку, опубликованному А. Н. Пыпиным в «Памятниках старинной русской литературы», вып. 3, СПб., 1862, с. 12—14.

СКАЗАНИЕ ОТЦА НАШЕГО АГАПИЯ (Стр. 154)

Этот апокриф интересен тем, что сохранил одно из древнейших на Руси представлений о рае. Его русский перевод с греческого известен в списке XII века, в составе Успенского сборника. Более краткий текст этого «Сказания» с XIII века вошел в русские Прологи. Рай представлялся древнерусским читателям реально существующим прекрасным садом за высокими стенами, полным необыкновенных плодов и цветов, звенящим от пения неземных птиц. В богословских спорах середины XIV века по вопросу о том, существует «рай земной» или только «рай мысленный», новгородский архиепископ Василий в «Послании епископу Федору о земном рае» в подтверждение существования последнего сослался на Агапия [2]. «Сказание» представляет своим описанием рая как бы своеобразный антипод «Хождению богородицы по мукам». «Если «Хождение богородицы» сосредоточивает внимание читателей на характеристике адских мучений, ожидающих грешника после смерти, то «Сказание отца нашего Агапия»

---

[1] В. В. Кусков. История древнерусской литературы, изд. 3-е. М., «Высшая школа», 1977, с. 31.

[2] ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, с. 87—89.

главиым образом показывает трудиость, иеобычиость проиикиовеиия в рай и гораздо меиьше места уделяет описаиию жизни в раю» [1].

«Сказаиие» представляет собой последовательиый рассказ о том, как по велеиию божьему Агапий отправляется в путь, и это оказывается ие только реальиый путь через леса и море в коикретиое место — райский сад, к Хрнсту, но одновременно это путь духовный, путь познання ответа на вопрос, для чего люди оставляют своих блнзкнх н следуют «за господом».

«Сказанне» построено как преодоленне цепн препятствнй на этом путн. Здесь любопытно сочетанне хрнстнанской снмволнкн н фольклорных элементов. Напрнмер, 12 корабельщиков и 12 мужей в светлых одеждах — это 12 апостолов, виноградные гроздья — души человеческне. Для того, чтобы Агапий попал в райский сад, необходимо пересечь большое водное пространство — море (сказочная страна или цель поисков сказочного героя часто находится «на море-на-окияне, на острове-на-Буяне»). В пути Агапию помогают «помощные» персонажи: «детищь малыи» и два мужа, старец, птица — орел. На разных отрезках пути все они ведут Агапия, или указывают ему дорогу. Агапия подстерегает опасность — то в виде диких зверей, прячущихся в морском заливе, то в виде бури. И здесь выручает его волшебный предмет — ломоть хлеба, который он получил в раю. Немаловажную роль в построении сюжета играет исполнение предсказаний и узнавание. Занимательность повествования не могла не привлечь внимания древнерусского читателя, который видел в «Сказании отца нашего Агапня» не только прнмер верного служення богу н награды за это служенне, но н увлекательно построенную народно-хрнстнанскую легенду.

Текст «Сказання» печатается по спнску Успенского сборннка, нзданного в кн.: Успенскнй сборннк XII—XIII вв., под ред. С. И. Коткова. М., 1971, с. 466—473.

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ (Стр. 166)

Известное «Хожденне богороднцы по мукам», о котором упомннает Иван Карамазов в романе Достоевского, сохраннлось в большом колнчестве русскнх спнсков, нз которых древнейшнй относнтся к XII веку. Образ богороднцы — заступннцы рода человеческого перед богом — всегда жнл в древнерусском нскусстве н фольклоре. В «Хожденнн богороднцы» он выступает особенно отчетлнво, где полная сострадання к грешннкам богороднца трнжды молнт бога о дарованнн нм временного покоя от мук. В апокрнфе ясно звучнт сомненне в нзначальной божеской справедлнвостн н мнлосердни. Недаром в древнейшем славянском индексе запрещенных книг он заиимал одио из первых мест. Подвижиая форма «Хождеиия» — путешествие богородицы, сопровождаемой архангелом Михаилом, по аду, давала возможность переписчикам добавлять какие-то новые эпизоды в ряд «адских виденнй», вводнть новых персонажей н даже социально характернзовать нх в завнснмости от того, в какую среду попадал апокриф. «Хождение»

[1] О. А. Белоброва, О. В. Творогов. Переводная беллетристика XI—XIII вв. — В ки.: «Истоки русской беллетристики». Л., «Наука», 1970, с. 151.

нашло отзвук в народном творчестве, в частности, в духовных стихах, где архангел Михаил выступает в роли перевозчика грешных душ через огненную реку, отделяющую земной мир от потустороннего.

Этот потусторонний мир в «Хождении» — особое пространство, определяемое странами света, по которому проходит со своим провожатым богородица. Древнерусский перевод «Хождения» интересен еще и тем, что среди грешников в аду названы язычники, обожествлявшие при жизни силы природы и верившие в своих богов Трояна, Хорса, Велеса и Перуна. Эти имена языческих божеств читаются в древнейшем русском списке апокрифа (XII в.).

Яркие, конкретные картины страшных адских мучений в наказание за грехи человека, вера в христианскую идею «воздаяния» за все содеянное на земле и в заступничество богородицы способствовали неослабевающему интересу древнерусских читателей к этому произведению на протяжении многих столетий.

«Хождение богородицы по мукам» издается по тексту одного из поздних списков, опубликованному А. Н. Пыпиным в «Памятниках старинной русской литературы» (вып. 3, СПб., 1862, с. 118—124), отразившему, однако, полный текст апокрифа. Издаваемый текст сопоставлен и восполнен в местах пропусков с древнейшим, но дефектным списком «Хождения» XII века из собрания ГПБ, ф. 304, Троице-Серг. № 12.

ИЗ «ШЕСТОДНЕВА» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО (Стр. 184)

Иоанн экзарх Болгарский — болгарский писатель и переводчик конца IX — начала X века, поколения, следующего за поколением первых переводчиков с греческого на славянский, Константина-Кирилла и Мефодия. Он перевел «Богословие» и «Философию» Иоанна Дамаскина, перевел также, а отчасти переложил, применяя к славянскому языку, греческую грамматику Иоанна Дамаскина «О восьми частях речи». Написал «Слово на Вознесение господа нашего Иисуса Христа». Ему приписываются также «Слово на Преображение» и сочинение «От сказания евангельского».

«Шестоднев» представляет собой перевод-компиляцию «Шестодневов» Василия Великого, Севериана Гевальского и произведений Иоанна Златоуста, Аристотеля и др., дополненный самим переводчиком-компилятором. О строении своего произведения Иоанн-экзарх говорит в Прологе. «Шестоднев» посвящен Иоанном-экзархом большому любителю литературы и просвещения болгарскому князю Симеону. Этот князь погиб в 927 году в неудачной войне с хорватами. Стало быть, «Шестоднев» создан Иоанном-экзархом до этого года.

«Шестоднев» — рассказ о мире, природе, растениях, животных и человеке, построенный как комментарий к библейскому рассказу Книги Бытие о сотворении мира. Шесть частей-«слов» произведения соответствуют шести дням акта творения. «Шестоднев» являет собой богатое собрание античных и средневековых «естественнонаучных» сведений и «натурфилософских» представлений. Этим сведениям и представлениям всегда свойст-

венно со временем изменяться. Бессмертным остается основной пафос всего произведения Иоанна-экзарха в целом — интерес к природе и человеку и изумление их устройством. Этот пафос прекрасно выражен в публикуемых нами здесь двух самим им написанных предисловиях — ко всему «Шестодневу» и к его шестому «слову», где речь идет о человеке.

Текст публикуется по русскому списку XV века — ГПБ, Соловецкое собрание, № 318/338, лл. 1—6, 192—193 об.

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ (Стр. 196)

Повесть о пустыннике Варлааме и царевиче индийском Иоасафе является одним из самых распространенных произведений в мировой литературе средневековья. Существует более 140 версий этой повести более чем на 30 языках. В славянские литературы «Повесть о Варлааме и Иоасафе» пришла в переводах с греческого языка. Греческая версия повести появилась в начале XI века на Афоне и является в свою очередь переработкой версии грузинской. Древнерусский перевод «Повести...» относится к периоду Киевской Руси; по-видимому, он был сделан во второй половине XI или в самом начале XII века. Этот перевод сразу же вошел своими отдельными частями в состав русского Пролога, из которого заимствовал одну из притч повести Кирилл Туровский. Повесть широко распространилась в древнерусской письменности и в полном виде, и еще более в составе Пролога. В Пролог вошли прежде всего притчи, которые рассказывает Варлаам Иоасафу. Это своего рода небольшие новеллы поучительного содержания; все они восточного происхождения. Мы публикуем семь притч из «Повести...»: 1) О трубе смерти и четырех ковчегах; 2) О соловье; 3) Об единороге; 4) О трех друзьях; 5) О благоразумном царе; 6) О царе и нищем; 7) О молодой серне. Кроме того, автор греческой версии включил в текст повести памятник позднеантичной литературы — «Апологию» Аристида, своего рода «турнир религий». «Апология» вошла и в древнерусский перевод, и ее текст также публикуется. Текст «Апологии» вложен в уста волхва Нахора — язычника и колдуна, тем большую силу приобретает то, что говорит он против своей воли.

По богатству перипетий сюжета, по богатству притч и диалогов «Повесть о Варлааме и Иоасафе» занимает одно из первых мест во всей литературе средневековья. Отрывки из текста «Повести...» издаются по списку Соловецкой библиотеки № 208, хранящемуся в ГПБ. Это самый ранний (начало XVI в.) и самый полный и исправный список древнерусского перевода. Незначительные его лакуны восполнены по рукописи из собрания Ундольского № 241, хранящейся в ГБЛ.

Стр. 214. *...яко же Валамль оселъ...* — Имеется в виду ослица пророка Валаама, которая, как рассказывает библейская Книга Чисел, остановилась, увидев перед собой ангела, и, когда Валаам трижды ударил ее, чтобы заставить двинуться, заговорила человеческим голосом.

Стр. 218. ...*въ юнець къ Европии, а въ злато къ Данаинѣ...* — Греческие мифы рассказывают, что Зевс вступал в любовиую связь с миогими жеищииами, видоизмеияя свой облик.

...*поражену ему быти Диемь Дара ради Лакодемонова сына...* — Асклепий, греческий бог врачевания, мог даже воскрешать мертвых и воскреснл Тиидарея. За это иарушеиие устаиовлеииого богами порядка Зевс умертвил Асклепня молиней.

Стр. 222. *Си бо Авраамова ищадиа и Исакова и Яковля...* — Авраам, Исаак и Иаков — бнблейскне патрнархи, родоиачальникн еврейского народа.

СКАЗАНИЕ ОБ ЕВСТАФИИ ПЛАКИДЕ (Стр. 226)

«Сказание об Евстафии Плакиде» — одно из широко распространенных в древнерусской литературе житий-мартириев.

Этот жанр был заимствован из Византни, где и сложились основные его особенности, определившиеся генетической связью его с поздним греческим романом.

Византийский же роман, который ведет свое происхождение из античности,— это очень распространенный в эллинистическую эпоху беллетристический жанр, отличающийся следующими характерными чертами: на первом плане личная судьба героев, любовная линия со сложными сюжетными переплетениями (странствования, разлуки, неожиданные встречи, борьба с соперниками, похищения и т. п.); всеми событиями управляет верховная власть Судьбы или Рока; все происходящее предопределено (о предопределенности герои часто узнают из примет, предсказаний, вещих снов); все приходит к счастливому концу.

Эти черты византийского романа оказались перенесенными на другой, первоначально небеллетристический жанр — житие и мученичество, и таким образом создались очень своеобразные памятиики, сочетающие в себе особенности и агиографии, и беллетристики. Эти произведения (литературоведы их иногда называют «жития-романы») обладают острым сюжетом с использованием традиционных для романа приемов и строятся по определенной схеме: счастливая жизнь добродетельных героев вначале, потом ряд злоключений, разлука, потеря друг друга, многие испытания (испытания верности в любви и в убеждениях); встреча героев, не узнающих друг друга, узнавание, счастливая развязка. В «житиях-романах», в отличие от романа, сохраняется христианский элемент. Прежде всего это сказывается в том, что герои и все события подчиняются не предопределеииям Рока, а божьей воле, выражеииой также через видеиия, сиы и пророчества. Во-вторых, в житии прибавлен другой конец (после счастливой развязки) — мученнчество героев н нх прославленне в конце. Текст дополняется многочисленными религиозно-нравственными сентенцнямн, цитатами из Священного писання н т. п. Однако этн собственно «житийные» черты не нарушают построення сюжета, не уменьшают заннмательность фабулы, не меняют общего облнка памятника как пронзведення беллетрнстического. Таким образом, памятники подобиого рода, будучи произведениями религиозно-

нравственнымн по существу, фактнчески становились разиовидиостью светского романа, соответствующего лнтературным вкусам поздией аитнчиости. Эти памятники были очеиь популярны. «Жнтие Евстафня Плакнды» — однн из самых распространенных. «Житие...» было переведено в Киевскую эпоху и широко переписывалось древнерусскими кннжниками в теченне несколькнх веков. Оно было включено также в «Велнкне Четьн-Мннен» митрополнта Макарня XVI века — это двенадцатитомная рукописная книга, в которой собраны русские и переводные жития, расположенные в календарном порядке.

Публикация данного текста осуществляется по изданию — «Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием». Издание Археографической комиссии. Сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869, стлб. 1286—1298. «Житие Евстафия Плакиды» помещено под 20 сентября.

Стр. 226. *Во дни царствиа Траианя...* — Траян Марк Ульпий (53—117), римский император, правил с 98 г.

...бѣ етеръ стратилатъ... — Стратилат — военачальник высокого чина.

...яко вси погании и варвари... — В данном контексте слово «погаиые» употребляется как синоним к слову «варвар», то есть чужестранец, иноплеменник, внешний враг. Позднее оно стало синонимом слова «язычник».

Стр. 226—228. *...той паче улови явлениемъ своимъ, не якоже Корнилиа Петромъ, но якоже Павла гоняща.* — Эта сложная по конструкции фраза является творчеством славянского переводчика. В сравнении использованы два новозаветных сюжета — обращение в христиаиство апостолом Петром Корнилия Сотника (Деяния, X) и обращение апостола Павла (Деяния, IX). В первом случае Корнилий стал христианином благодаря апостолу Петру, а во втором случае обращение в христианство совершилось не через человека, а непосредственным божественным явлением — Павел услышал глас с небес. Обращеиие Плакиды, которому бог явился через оленя, противопоставляется поэтому обращению Корнилия и сравнивается с обращением Павла. Сходство усугубляется тем, что тот и другой были обращены во время преследования, и подчеркивается дальнейшим диалогом: в обоих случаях господь сказал: «Что меня гонишь?..»

Стр. 228. *...якоже при Валамѣ проглагола оселъ его человѣчески...* — См. коммент. к с. 214.

...посредѣ же рогу образъ святаго тѣла Христова. — Возможно, что слова «тело Христово» обозначают просфору. Плакида видел два образа — крест и просфору, что следовало понять как призыв к крещению.

Стр. 230. *...нынѣ совлеклъся еси истлѣннаго человѣка и оболкъся еси в неистлѣннаго.* — Здесь выражена мысль, многократно повторенная в Апостоле, о том, что при крещении человек снимает с себя, как ветхую одежду, плотского, тленного человека, и облекается в нового, нетленного. Нетленность нового человека заключается в отречеиии от греха, ибо грех — смерть.

...другый бо Иовъ явитися имаши в напастехъ. — Иов, согласно Библии (Книга Иова), благочестивый и добродетельный человек, перенесший испытание своей веры всеми несчастьями (он потерял богатство, умерли дети, он был поражен страшной болезнью и лежал «на гноище» за городскими воро-

тами и др.), но проявивший долготерпение: остался непоколебимым в вере и не возроптал, за что и был вознагражден богом — ему вернулось былое богатство, семья, почетная жизнь, и он также получил награду на небесах.

Стр. 232. *...подобаше же обрѣстися ту и стратилату, зане бѣ честнѣй всея сунькслитиа.* — Синклит — сенат. Вероятно, здесь имеется в виду не сенат, а собрание в театре, где происходило празднование выдающихся государственных событий и где стратилату полагалось одно из почетных мест.

Стр. 238. *...преѣде рѣку, нарицаемую Идаспая* — река Гидасп, приток Инда.

...внидоша в Вышнюю страну варварьскую... — Верхняя Варвария — местность в Месопотамии.

Стр. 242. *Поставленъ же бысть инъ царь в него мѣсто, именемъ Андрѣанъ...* — Адриан Публий Элий (76—138), римский император, правивший с 117 г.

...Яко и трие отроци въвержении в Вавилонѣ въ огнь... — согласно библейскому рассказу (Книга Даниила, гл. 3), три отрока, Азария, Анания и Мисаил, отказавшиеся по приказу царя Навуходоносора поклониться идолу, были брошены в раскаленную печь, но остались невредимы.

ПОВЕСТЬ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ (Стр. 246)

«Повесть об Акихаре» — прототип славянской повести об Акире, возник, как полагают, в VII веке до н. э., в Ассирии. Сюжет повести был широко распространен на Востоке, сохранились сирийский, арабский и армянский ее варианты. На славянскую почву повесть попала еще в Киевской Руси, при этом, по мнению А. А. Мартиросяна (см. автореферат его докторской диссертации, Ереван, 1970), оригиналом послужил текст армянской версии.

На Руси «Повесть...» была известна в нескольких редакциях. Редакцию, представляющую собой перевод с иноязычного оригинала, именуют Древнейшей, кроме нее существует Соловецкая редакция, а также две редакции XVII века — Краткая и Распространенная. В этих последних редакциях текст «Повести...» по существу пересказан заново: введены новые сюжетные мотивы, отдельные детали и образы сближают эти редакции с русской народной сказкой.

Здесь издается Древнейшая редакция «Повести». Она была известна в новое время в четырех списках: рукописи ГБЛ, собрания Общества истории и древностей российских (ОИДР), № 189, XV в., в списке ГИМ, собр. Вахрамеева, № 427, также XV в., в списке ГИМ, собр. Хлудова, № 240, XVII в.; четвертый список утрачен: это был тот самый сборник А. И. Мусина-Пушкина, в котором читалось и «Слово о полку Игореве». Кроме того, в Соловецком списке XVI—XVII веков, ныне утраченном, но изданном Н. Н. Дурново (Н. Дурново. Материалы и исследования по старинной русской литературе. I. К истории повести об Акире. М., 1915), первые две трети текста также принадлежат к Древнейшей редакции. Списки ОИДР, Вахрамеевский и Хлудовский были изданы в монографии А. Д. Григорьева (А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913).

В основу настоящего издания положен список ОИДР. К сожалению, список этот (единственный полный из всех сохранившихся) изобилует многочис-

ленными ошибками — описками, пропусками слов, механическими повторами и т. д. Такие испорченные чтения, затрудняющие понимание смысла, исправляются на основании Вахрамеевского, Хлудовского и Соловецкого списков; в редких случаях вносятся незначительные буквенные поправки по смыслу. Все исправленные слова выделены курсивом.

Текст издается полностью. Пропущены лишь ошибочно повторенные в списке слова и словосочетания и испорченные чтения, не поддающиеся истолкованию. Во всех этих случаях пропуск обозначается многоточием.

При переводе неясных по смыслу мест учитывались чтения армянской версии «Повести об Акире»; все эти случаи оговорены в примечаниях.

Стр. 246. *Синагрипъ цесарь Адоровъ и Наливьской страны...* — Возможно, имеется в виду Синаххериб (704—681 гг. до н. э.), царь «Ассирии и Ниневии».

...кеньтинарь — мера веса. Точное весовое значение ее для данного текста установить трудно. В XVI в. на Руси «кентарь» (так!) равнялся 2,5 пуда.

Стр. 248. *Сыну, ѣдну сущю... сыномъ и дъщеремъ своимь.* — В русских списках текст испорчен («если рана на ноге твоей, не сильно на нее наступай, и готовь путь...»). Перевод сделан согласно тексту армянской версии.

Стр. 250. *...тоя бо красота слабость язычная.* — Перевод предположителен; в армянской версии говорится, что красота женщины в здравом смысле ее речей.

...в день судный. — В день Страшного суда.

Стр. 252. *Сыну, аще храм твой высокъ есть... тъ ми есть прибытокъ.* — В русских списках текст неясен. В армянской версии это место имеет следующий смысл: «Сын, если твои дверные косяки высоки, если бы даже были они в семь локтей, всякий раз, когда ты входишь, наклоняй свою голову. Сын, не бери от других с большим весом и не отдавай им с малым весом, и не говори: «Я получил выгоду».

Сыну, друга своего... на болше попустится. — Текст испорчен. В армянской версии: «Сын, испытай своего сына голодом и жаждой, и если он в состоянии переносить это, тогда дай твои богатства в его руки».

Сыну, соль и олово льжѣе... егоже възем ши. — В армянской версии смысл иной: «Я поднимал соль, и поднимал свинец, и это не было тяжелее, чем долг»; то есть тяжело осознавать, что ты должник.

Стр. 256. *Сыну, в судиинъ виноград не входи... не твори.* — В армянской версии этот совет звучит так: «Не вступай в разговор с женой судьи».

Сыну, человѣчи ти очи, яко источники кыпя... перьсти насытится. — Перевод сделан с учетом армянской и сирийской версий.

Стр. 266. *Святъ еси, господи... приношах ти, владыко.* — В молитве Акира смешиваются понятия христианского обряда и восточных культов (с жертвоприношениями).

Стр. 268. *...обрящеть у домачадець моих дѣтя ясно...* — Эпизод с мальчиками, носимыми орлицами, в русском тексте изложен очень неясно (то фигурируют два отрока, то один). В армянской версии Акир приказывает найти двух еще не умеющих говорить мальчиков, их и обучают произносить фразу, призывающую подавать наверх строительные материалы.

Стр. 272. *Имше дохорь живъ...* — В армянской версии речь идет о ласке, в арабской и сирийской — о кошке. Имеется в виду, что в Египте кошка почиталась как священное животное.

Стр. 276. *...яко и грець в теплъ храм влѣз...* — В дошедших до нас списках общая ошибка: «и грець» (или даже — «игрець», в значении скоморох?). Имеется в виду «грнчь» — «пес». В армянской версни также речь ндет о собаке.

Стр. 278. *...яворово древо... на мнѣ вишни възрастут.* — На яворе (платане, клене, тополе — этн породы деревьев означалнсь данным древнерусским словом) не растут ягоды — в русском тексте смысл искажен. В армянской версии речь идет о финиковой пальме, которая проснт своего «господнна» пересаднть ее на другое место, чтобы плоды ее не падалн в воду.

ПОСЛАНИЕ КЛИМЕНТА СМОЛЯТИЧА (Стр. 282)

Клнмент Смолятнч, простой монах Зарубского монастыря под Киевом, родом из Смоленска, при киевском киязе Изяславе Мстиславиче 27 июня 1147 года был поставлеи митрополитом и с перерывами был им до 1154 года, нарушив тем самым традицию, согласно которой только грек мог занимать первый церковный пост в государстве. В возникшем по этому поводу расхождении между князьями и иерархами вместе с киевским князем Климент занял активную позицию русской ориеитации, иезависимости от греческого влияния в древнерусском обществе. Выбор самого Климеита объясияется тем, что ои, согласио летописиым свидетельствам, «был киижииком и философом таким, какого иа русской земле не бывало, был очень начитан, имел дар учительства, обладал большими знаниями и, много произведений сочинив, записал их». Из сочииений Климента достоверно известным является его полемическое послание к смоленскому священнику Фоме, который был в числе оппонентов Климента и упрекал последнего в суетной славе и честолюбнн. Посланне Клнмента — образец эпнстолярного жанра, с ярко выраженным отношеннем к адресату, которого автор обличает в невежестве, попутно демонстрнруя собственную начитанность в произведениях, обычно нензвестных священникам, в том чнсле и в античной философнн. Здесь же прнводнтся 16 нллюстрацнй этой занмствованной мудростн, извлеченных нз переводной естественнонаучной и учнтельной литературы, с пренмущественным вниманнем к таннственным н мнстнческнм нсторням (об Ионе в чреве кнта, о саламандре, об алконосте, о восточных мудрецах н Александре Македонском н т. д.). В значительной мере эта часть послания была распространена редактором XIII века, поскольку на месте кратких напоминаний самого Климента в дошедшем до нас тексте находим уже буквальные выдержки из соответствующих древнеболгарских переводов (эта часть послания встречается и отдельно по рукописям). В нашем издании эти вставные эпизоды опущены. Как писатель Климент тяготеет к символическому толкованию лиц и событий священной истории, с непременным увязыванием такого толкования с актуальными и злободневными событиями своего времени; это не церковный, а политический писатель, и притом именно писатель, а не богослов,— его интересует не легендарный факт сам по себе, а возможность исполь-

зовать его как основу для развертывания своего собственного произведения. В этом смысле Климент принадлежит к той же линии древнерусского творчества, что и Иларион, а впоследствии и Кирилл Туровский. В своем послании Климент как раз и подходит к теоретическому обоснованию такой точки зрения на литературу, выступая против буквального понимания Священного писания и доказывая право на самостоятельное существование литературы в то время, когда собственно литературой считалось только Писание.

Послание Климента Фоме публикуется по списку XV века в издании: Н. К. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892, с. 103—136 (с указанными выше опущениями поздних вставок, которые выявляются на осиовании рукописи XIII в., изданной Н. К. Никольским в примечаниях к тексту).

Стр. 282. *...пред князем Изяславомъ...* — Изяслав Мстиславич, киевский князь (1146—1154), единомышленник Климента и его покровитель.

...не къ тебѣ, но ко князю... — Фома напнсал свое посланне Клнменту, обиженный замечаниями Климеита о ием в письме к киязю Ростиславу, брату Изяслава.

...учителей своего Григоря... — Имеется в виду наставник Фомы, видимо, известный и Клименту подвижник; в Древней Руси было несколько философов с именем Григорий.

Стр. 284. *...пытати потонку божестьвныхъ писаний?* — Отсюда начинается та часть послания, которая обосновывает символическое и художественное прочтение тех реальных, как верит Климент, действий, которые описаны в свящеииых текстах.

...седмь соборовъ святыхъ и богоносных нашихъ отець. — Имеются в виду семь вселеиских соборов первых отцов церкви, заложивших осиовы христианской церкви.

...яко же се огнь... — Любимый Климентом образ всеочищающего огня, неоднократно использованный в послании, перекликается с некоторыми языческими представлениями Древней Руси.

Стр. 286. *Едемъ убо Иерусалимъ сказаеться...* — Образец символических интерпретаций Климента (в этом случае вынесенных из греческого источника); он толкует притчу Христа (Лука, X, 30), сначала указывая на соотношение между фактами Ветхого и Нового завета, а затем объясняя их символически как всевременную истину.

Вам есть дано вѣдати тайны царствия... (Лука, VIII, 10). — Лишь апостолы знают царство божие, все остальные получают неполные сведения о нем в сокровенном внде посредством прнтч («так что онн вндя не видят и слыша не разумеют»); отсюда необходимость в расшифровке символических образов Писания как общественный и литературный долг философа, иначе «да не обратятся и прощены будут их грехи» (Марк, IV, 12—14: «И говорит им: не понимаете этой притчи? Как же вам уразуметь все прнтчн? Сеятель слово сеет»).

Что мнѣ дщерию Аира князя? — Здесь н дальше Клнмент перечисляет чудесные явления, описаниые в Еваигелии и требующие по его мнению истолкования: Христос оживил умершую дочь старейшины Иаира, и Климент хо-

тел бы расшифровать слова: «Девица не умерла, но спит»; Христос исцелил бесноватую дочь одной хананеянки, в связи с чем Климента интересует смысл афоризма: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам»; женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, исцелилась, прикоснувшись к одежде Христа, ибо поверила в возможность этого («Вера твоя спасла тебя»); Иисус накормил тысячи людей пятью хлебами и двумя рыбами («И ели все и насытились»); увидев бесплодную смоковницу, голодный Иисус повелел ей засохнуть из-за ее бесполезности («Да не будет же впредь от тебя плода вовек»); бедная вдова положила последние свои медяки рядом с золотыми вкладами богачей («Истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех»), Климент хотел бы даже перевоплотиться в эту женщину, чтобы постигнуть смысл действия; апостолы Петр и Андрей были рыболовами, Христос взял их с собою, сказав: «Я сделаю вас ловцами человеков»; Иисус исцелил расслабленного слугу сотника, по просьбе последнего — заочно («Истинно говорю вам, и в Израиле не нашел я такой веры»). За всеми примерами, приводимыми Климентом в риторической градации, кроме того, стоит факт слепой веры в могучую силу бога.

...*Григорей зналъ алфу, яко же и ты...* — Грамматика являлась основой и первым этапом средневековой науки (дальше следовали философия и др., завершаясь богословием); высказывание Климента имеет в виду, что Фома и его учитель не пошли дальше обычных знаний и не могут «сказать» многие предметы, не входящие в программу их обучения.

Стр. 288. *Написалъ есмь 16 словесъ...* — то есть 16 легендарных сюжетов, толкующих события, доступные только вере как форме познания; в настоящем издании эти извлечения из других книг, попавшие в послание Климента, опущены.

ИЗ «ПРИТЧ» И «СЛОВ» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Кирилл Туровский (1130—1182), родом из знатной семьи, рано увлекся «почитанием книжным» и получил высокое по тому времени образование, учась у отечественных и иноземных книжников, знал языки, в том числе и греческий, изучал все средневековые науки, превосходно владел словом, был блестящим проповедником и писателем, снискав славу русского Златоуста. Уйдя от светской жизни в монастырь, посвятил себя аскезе, но со временем включился в идеологическую и политическую борьбу своего времени на стороне Киева и туровского князя Юрия Ярославича, по желанию последнего был поставлен в епископы (ок. 1169—1182 гг.) г. Турова, в котором Кирилл родился, прожил всю жизнь и умер. Сохранилось много произведений, принадлежащих Кириллу и приписываемых ему. Здесь публикуются образцы основных жанров, в которых работал писатель и которые прославили его имя: публицистическая «беседа» (повесть) о слепце и хромце и торжественное «слово» (ораторская проза). Известны его послания к современным ему политическим и церковным деятелям, а также службы святым и молитвы.

Ф. Энгельс в статье «Крестьянская война в Германии» дал классическое объяснение тому, что в эпоху средневековья «во всех областях умственной деятельности» преобладало «господство богословия» — это было «необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» (Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7. М., 1956, с. 360—361). Нас не обманывают религиозная форма средневековых произведений и факты, обильно черпаемые средневековыми писателями из Писания: за религиозной оболочкой стоят реальные факты жизни современного писателю общества, жестокая борьба социальных и культурных тенденций, удивительным образом преломлявших идущие из древности расхожие цитаты из Писания. В известном смысле обращение к традиционным сюжетам при изложении злободневных вопросов позволяло внести элемент обобщения, подчеркнуть типичность происходящего, обосновать актуальность поднятой темы и, пользуясь традиционными художественными средствами, доступными для понимания многих, создать оригинальное художественное произведение. Свое значение имеет и личность художника. Большинство средневековых авторов и компиляторов ограничивалось комбинациями известных мотивов и композиций, создавая свой труд. Кирилл — оригинальный мыслитель и художник. Пожалуй, вплоть до Державина в русской литературе не появлялся писатель такой силы, значительности и высоты нравственного чувства, как Кирилл — совесть своего нелегкого и бурного времени. Он тонко использует массив традиционных поэтических средств для создания полифоничного по смыслу и ощущению текста. Здесь высокий и житейский планы как бы сосуществуют, знаменуя бесконечную борьбу добра со злом.

«Притча о человеческой душе и теле» имеет и другое название — «Повесть о слепце и хромце». Эта апокрифическая притча использована автором как образное *основание* художественной ткани произведения, на котором рассматривается философская проблема соотношения духовного и телесного, небесного (высокого) и земного (низкого) в человеке и в человеческой жизни, размышления и деятельности, как необходимых, хотя и противоположных друг другу сфер человеческого существования. Этот сквозной диалектический спор составляет идейный *смысл* повести. Однако для писателя XII века, как уже сказано, *аргументом* в споре могли быть (и потому стали) богословские проблемы, связанные с указанным смыслом повествования. Как настоящий художник, Кирилл не ограничивается схоластическими аналогиями из священных книг, а апеллирует к человеческой психологии, тонко варьируя оттенки поведения действующих лиц, которых, как в романе, оказывается немало: это и слепец с хромцом, и бог, и бесы, и сам Кирилл со всеми авторскими отступлениями, и многие не названные по именам, но известные современникам личности, в их числе князь Андрей Боголюбский («хромец»; кстати, князь Андрей действительно был хром) и его епископ Феодор («слепец», см. ниже). *Целью* повествования является публицистическое рассуждение о взаимоотношении церковной и светской власти, актуальном в те времена. Кирилл выступает сторонником идеи «одного господина» — непосредственно перед монголо-татар-

скнм нашествнем прнзыв к еднненню Русн был патрнотнческнм, эту мысль вместе с Кнрнллом разделялн все его прогресснвные современнкн. Таким образом, злободневные для своего времени действия владимирского князя и ростовского епископа стали *поводом* для размышлений Кирилла, обращенных ко всем русским людям; текст имел сразу несколько адресатов — отсюда ненавязчивая вариация на одну и ту же тему: так Кирилл пишет для Феодора, совсем другим образом — для князя Андрея, для широкого круга мирян — совсем иначе; это туго свитая пружина с вариациями темы, разработанной до предела, до логического и художественного конца. Народный жанр притчи способствует раскрытию темы, поскольку позволил создать подтекст, свободный от прямолинейных толкований (кстати, сами слова «толкование», «сравнение» и др., донесенные до нас древнейшими списками повести, вряд ли принадлежат самому Кириллу). Да и в своей богословской части повествование содержит тот минимум церковных знаний, который был известен каждому начинающему христианину, и со временем вошел в общераспространенный народный миф: бог насылает дождь, он карает неправедных, душа покидает тело умершего, и т. д. Это не теоретический спор богословов, а художественная попытка связать воедино несколько самостоятельных мифологических систем: народное язычество, первоначальное христианство, интеллектуальный уровень средневекового художника. Ценность повести, таким образом, заключается и в массе косвенных сведений о быте, морали и чаяниях людей XII века. Это исключительно «авторское» произведение — большая редкость для XII века: Кирилл проявляет себя не только подбором мифологических и исторических аналогий, характерными для него толкованиями и сравнениями, но также и прямыми обращениями к читателю, в которых откровенно высказывается о смысле своей повести и при этом (из осторожиости ссылаясь иа Писаиие) проводит вполие еретическую мысль о иеобходимости творчески, «с разумеиием» вчитываться в священные книги, видя в них лншь прецеденты злободневным поступкам людей н событням.

И в других произведениях Кирилла изложенне ведется сразу в нескольких планах: конкретно-реалнстическом (эпическая основа сюжета), нравоучительном илн полемнческом — н в снмволнческом, отражающем общечеловеческне н вневременные ценностн мнра и человеческой жизнн. Текст и подтекст объедннены у автора общностью темы н композицией, но противопоставлены стилистически и по языку. Советский исследователь творчества Кирилла профессор И. П. Еремин основным принципом стиля «Слов» Кирилла, подчиияющим себе все изложеиие, считал риторическую амплификацию: тема иепрестаиио словесио варьируется, распростраияется включеиием все иовых персоиажей и цитат, привлекаются все иовые обосиоваиия темы,— до тех пор, пока содержаиие темы ие будет полностью исчерпано; она развертывается во всех своих смысловых и эмоциональных оттенках — необычайно картинно, с использованием точной реалистической детали, в многозначности слова, которым Кирилл владел как никакой другой писатель домонгольского периода. Хотя многие сюжеты Кирилл по традиции заимствовал из известиых источников (их перечень показывает осведомленность Кирилла в литературе, истории и науке того времеии),

обработка их является оригииальной, это художник, который может вдохнуть новую жизнь и в вечный сюжет мировой лнтературы — об умнрающем и воскресающем боге (как в четвертом «Слове»), о преступленнн н наказании (как в «Повести о слепце и хромце»). Из чнсла рнторических пронзведенний Кнрнлла публнкуется «Слово», нанболее полно отразнвшее связь с некоторымн жанрамн народного творчества, формы которого Кнрилл нскусно использовал; народный плач, философская речь на диспуте, вдохновенное пророчество умело вплетены в эпически последовательный ряд событий. Передать всю тонкость и красочность древиерусского языка Кирилла и иервиый, сбивчивый ритм его прозы иа современиый язык почти иевозможио, поэтому при чтении необходимо следить за оригинальным текстом.
Текст «Притчи о человеческой душе и о теле» («Повесть о слепце и хромце») дается по изданию: И. П. Еремнн. Лнтературное наследне Кнрнлла Туровского. — ТОДРЛ, т. XII. М. — Л., 1956, с. 340—347; текст «Слова в неделю третью по Пасхе» — по нзданню: И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XIII. М. — Л., 1957, с. 419—426.

ПРИТЧА О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ И ТЕЛЕ (Стр. 290)

Стр. 290. *...буестью крыя господню мнасу* — то есть мину, серебряную монету; согласио притче Христа (Лука, XIX, 12—26), господии дал трем рабам десять мии с тем, чтобы в его отсутствие оии пустили их в торговый оборот; оказалось, что одии из рабов приумиожил капитал в десять раз, другой в пять, третий же раб сохраиил получеииую моиету, завериув ее в платок.

Стр. 290—292. *...возметь свой от него талантъ...* — Талаит — вес и моиета; согласио другой еваигельской притче, как и в предыдущем случае, господии дал восемь талаитов трем рабам, и только одии из иих не пустил свою долю в оборот, закопав талаит в землю. Имеино этого раба ожидало суровое наказаиие.

Стр. 292. *...господню притчю сказающе...* — В эпической основе этой повести лежит притча о слепце и хромце, восходящая к древией восточиой версии (как считают учеиые, талмудической: «Беседа императора Аитоиииа с раввииом») и представлеииая во миогих памятииках мировой литературы, ср. сборник «Тысяча и одиа ночь», «Gesta Romanorum» и т. д. Славянская версия появилась в Восточной Болгарии в X в. и широко распространилась в Древней Руси. В изложении Кирилла, в соответствии с его замыслом и системой доказательств, наблюдается стилизация под евангельские притчи, имеются и частные текстуальные заимствования из Матфея, XXI, 33 и Марка, XII, 1—2, из евангельских текстов, только внешне похожих на притчу о слепце и хромце.

...внутрених... внѣшних... — Это противопоставление пронизывает весь текст повести; автор, развертывая тему, постоянно обогащает антитезу, используя многозначность этих слов в древнерусском языке: *внешнее* — форма, наружное, неизвестное, чужое, церковь, эдем, светское, иноверное, тьма и т. д.; *внутреннее* — соответственно содержание, вмещаемое, познанное, свое, алтарь, рай, церковное, христианское, свет. В переводе каждый раз приводится буквальное значение слова в соответствующем контексте.

«Твоя суть небеса...» — Псалтырь, 88, 12. Здесь, как и во многих других местах повести, Кирилл цитирует неточно, возможно, по памяти, и всегда приноравливает текст к цели своего повествования.

Стр. 296. *Вижь, яко...* — Обращение к оппоненту, употребляется в тексте повести при переходе к полемическим частям повествования.

Се помышления суть ищющихъ не о бозѣ свѣта сего санов... — Первый определенный выпад автора против епископа Феодора (см. ниже).

Стр. 298. *...чрес закон священьскаго ищеть взяти сана...* — Обличение честолюбивого епископа Феодора Ростовского (по летописи — «Федорца, еретика епископа»), при поддержке князя Андрея Боголюбского добившегося независимости ростовской епархии от киевской митрополии, что соответствовало сепаратистским устремлениям самого князя, деятельность которого с 1160 г. была направлена на отделение ростово-суздальских земель от киевской верховной власти. Попытка разъединения Руси в это тревожное время встретила осуждение со стороны общественного мнения, отраженного, в частности, в данном произведении Кирилла. Самозваный узурпатор «святительского сана» Феодор был выдан киевскому митрополиту и в 1169 г. подвергнут суровой казни как еретик. Повесть Кирилла насыщена выпадами против Феодора, ср.: «Се церковник недостоинъ ерѣйства...», «Ничто же богови тако любо...», и другие места повести.

Стр. 300. *Того древа вкуси Каин...* — Земледелец Каин убил своего брата, пастуха Авеля, когда бог принял жертву не от него, а от Авеля (Книга Бытие); в соответствии со своей темой, Кирилл отмечает не факт убийства (первого, совершенного человеком), а зависть Каина к посвященному Авелю. Здесь следует развернутый ряд отрицательных примеров, сопоставляемых с поступками Феодора: левит Корей с прочими восстал против Моисея, утверждая, что все люди святы, а не только святители вроде Моисея; чтобы проверить это, Моисей предложил им совершить службу вместо него, но по слову разгневанного бога земля поглотила не только отступников, но и их семьи, дома и имущество (Книга Чисел); сыновья жреца Илии на глазах молящихся поедали жертвенное мясо и творили другие бесчинства, оскорблявшие чувства верующих (Первая книга Царств) и т. д.

«Утрудихся вопия, измолче ми гортань». — Как обычно, неточная цитата из Псалтыри, 68, 4: «...я изнемог от вопля, засохла гортань моя». Стилистически Кирилл приближает цитируемые тексты к общему строю повести.

Разумѣйте же нынѣ, безумнии в людех сановници, буии во ерѣехъ! — обращение к Андрею Боголюбскому (светский сановник) и к Феодору Ростовскому (сановник церковный). Андрей Боголюбский в год казни Феодора при поддержке одиннадцати князей пошел войной на Киев, с бою взял его, разорил и ограбил, однако на киевском престоле не остался, по-прежнему желая самостоятельности Ростово-Суздальского княжества. Особенно болезненное отношение представителя Туровского княжества к проискам суздальского князя объясняется двойной зависимостью Турова и от суздальских, и от киевских князей (Андрей некоторое время номинально был туровским князем). Упрекая суздальские власти за попытки раскола Русской земли, Кирилл отражает общерусские интересы того времени; он писал и личные послания князю Андрею, которые не сохранились.

Стр. 302. *Сице и Павел изринулъ от святаго жертвеника...* — Кирилл перечисляет нераскаявшихся новозаветных лиц: Именея и Филита, которые утверждали, что воскресение уже было и поэтому не следует ждать конца света (II Послание к Тимофею), блудных священников в Коринфе (I Послание к коринфянам), медника Александра, нанесшего апостолу Павлу какую-то личную обиду (II Послание к Тимофею). Слова апостола Павла Кирилл немного распространяет в соответствии со своей темой: Павел не говорил о «судном дне», и т. д.

Не вкуси того древа Трефис ефесин и Николае... — В некоторых неканонических текстах рассказывается о христианах, отрекшихся от Христа и потому лишивших себя пребывания в раю: Трефисе из Эфеса, об одном из семи дьяконов-отступников Николае.

Точию не отчаим себе, яко Июда... — Иуда, предавший Христа, получил тридцать сребреников, которые хотел положить в храме во искупление крови; жрецы не приняли этих денег, и тогда, в отчаяньи их бросив, Иуда ушел и удавился. В Евангелии рассказывается также о саддукеях, религиозной секте в Израиле, которые не верили в воскресение после смерти и потому, в частности, требовали женитьбы на жене умершего брата.

Стр. 304. *Пишить бо Моисий...* — Даются выдержки из речей Моисея, пророка Иеремии и апостола Павла о «пределах народам» и общности всех народов перед лицом бога.

Стр. 306. *В Иезекили бо нам въскресения надежю показал есть.* — В Книге пророка Иезекииля говорится о видениях и словах пророка, который повелением бога дал надежду на восстановление Израиля, несмотря на разрушения, болезни и гонения, которые претерпел народ за свои страшные грехи. Здесь Кирилл упоминает слова Иезекииля, который оживил поле, полное сухих костей: «И когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них». Когда же по слову бога под действием четырех ветров «вошел в них дух,— и они ожили, и стали на ноги свои...».

Се же все самъ творець дѣйствуеть... — Согласно христианскому учению, жизнь движется по модели, обозначенной богом: сначала появляется материя, затем ее оплодотворяет дух — смысл соотношения этих субстанций постоянен, но применительно к каждому конкретному случаю он является новым; антитеза души и тела — основное содержание символической части повести — на это указывает и заглавие ее.

...в кромѣшней мученья темницѣ. — Обычная для Кирилла игра слов: *кромешный* — это внешний, в данном случае внешним является мир по отношению к небесам, тело по отношению к душе, княжеская власть по отношению к божеской и т. д., а также и *хромец* — *вне сада.*

СЛОВО О СНЯТИИ ТЕЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА (Стр. 310)

Стр. 310. *Праздникь от праздника честьнѣй приспѣлъ есть...* — Четвертое «Слово» Кирилла входит в его цикл торжественных декламаций по поводу пасхальных праздников, для восточных славян совпавших с языческим

праздником весны; в начале «Слова...» перечисляются предшествующие события, изложенные в трех других словах: на Вербницу, на Пасху и на Новую неделю.

...таче Фоминомь испытаниемь... — См. коммент. к с. 60, к словам: «...и в ту храмину прииде Христос...».

Ныня же Иосифа благообразьнаато с мюроносицами похвалим... — Эпическая основа «Слова...» такова: Иосиф из Аримафеи, член иерусалимского совета и тайный приверженец Христа, просил Пилата отдать ему тело казненного Иисуса и получил разрешение. Вместе с другим тайным сторонником Христа, Никодимом, Иосиф похоронил тело учителя в семейном своем склепе, вырубленном в скале. Склеп помещался в саду Иосифа, недалеко от места казни, что позволило быстро совершить погребение, и притом на глазах стражников, еще до наступления праздника Пасхи, когда запрещено прикасаться к мертвому телу. Жены, приносившие благовония, чтобы почтить умершего, и иекоторые из учеников Христа видели после воскресения Христа двух ангелов, чудесиого юиошу, истолковавшего им суть происходящих событий. Поэтический плач богородицы, обличительная речь Иосифа перед Пилатом, его же надгробное слово, сказание юноши при гробе Христа, похвала Иосифу полиостью приидлежат Кириллу, причем только речь Иосифа перед Пилатом и похвала Кирилла иасыщены библейскими и евангельскими цитатами, иесколько измеиеииыми или сокращеииыми Кириллом в соответствии с содержаиием текста.

Стр. 312. *Ныня же зрю тебе, акы злодѣя...* — По требоваиию жрецов, Иисус был распят между двумя разбойииками, взамеи третьего, Вараввы, которого, по обычаю, помиловали в честь наступающего праздника Пасхи.

О страньнѣм ти рожествѣ тако не болѣх... — Согласно древией легеиде, отраженной и в Евангелии, бог на земле рождается у девственницы, не знавшей мужчины (см. и ниже в тексте).

Днесь, Симеоне, постиже мя пророчение... — Благочестивому жителю Иерусалима Симеону было предсказано, что ои ие увидит смерти, пока ие повстречается со Спасителем; когда он увидел в храме младенца Христа с Иосифом и Марией, то, вдохновенно признав в младенце Спасителя, произнес знаменитую речь, начииающуюся словами: «Ныие отпущаеши раба твоего, владыко, по слову твоему». В числе пророчений, связанных с искупительной жизнью Христа, Симеон дал Марии и следующее: «И тебе самой оружие пройдет душу,— да откроются помышления многих сердец». Эти слова Симеона и обыгрываются в плаче богородицы, получая новый смысл.

Вси бо тя оставиша... — Напуганные возможными карами, ученики и друзья Инсуса покннулн его, предалн (как Иуда) нлн отреклнсь (как Петр). Похвала Иоснфу, которой кончается слово, отмечает мужество Иоснфа, который не устрашнлся возможного наказания за свои действия: во всей античной литературе подобные действия считались героическими.

Стр. 314. *...его же сыномь божиемь нарицяхуть книжьници...* — Намек иа споры о божествеином или царском раиге Спасителя.

...о нем же, провидя, Захария тако написа... — В Кииге Пророка Захарии говорится о «высокой цене, в какую оии оцеиили меия» — тридцать среб-

ренников, которые Захария по велению бога бросил в храм для горшечника. В этих монетах видят прообраз тех тридцати сребреников, которые получил Иуда за предательство Христа, хотя сребреники Иуды в храме не приняли; на них купили землю горшечника (скудельника), чтобы хоронить там нищих.

...о немь же прорече Каияфа... — Иерусалимский первосвященник Каиафа во время разбирательства дела Христа сказал: «Лучше для нас, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб», и предсказал, «что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад божьих собрать воедино» — «с этого дня положили убить его»,— добавляет евангелист. Тема неотвратимой жертвенности, основная в этом «Слове...» Кирилла, обосновывается всесторонне и тщательно.

...о нихь же рече Иеремия... — В Книге Пророка Иеремии говорится о том, что пастухи (т. е. скотоводы) растоптали и разрушили сады (творение рук земледельцев): «Истоптали ногами участок мой, любимый участок мой, сделали пустой степью, сделали его пустынею, и в запустении он плачет, передо мною вся земля опустошена, потому что ни один человек не прилагает этого к сердцу... они сеяли пшеницу, а пожали терны; измучились и не получили никакой пользы...» Кирилл относит эту характеристику к первосвященнику Каиафе, «пастуху», истребившему «ниву божью».

И пакы псалом глаголеть о них... — В начале Псалтыри говорится о царях земных, которые сговариваются против бога и Христа, чтобы свергнуть гнет духовной власти, «свергнуть с себя оковы их». В Псалтыри этот мотив повторяется неоднократно.

Си бо рече Соломон... — Многомудрый царь Соломон, предполагаемый автор некоторых текстов Библии.

«Аз есмь живот и истина». — Здесь и ниже речь идет о словах Иисуса, заявившего, что Пилат не имеет власти судить его.

...моляше своя жена, глаголющи... — Во время суда над Иисусом Пилат получил известие от жены, что во сне она видела дурное предзнаменование на случай, если он осудит Христа.

...ему же въходящю въ Иерусалим... — Когда Иисус прибыл в Иерусалим на молодом осле, народ восторженно встретил его; поэтическая картина этого события дана Кириллом Туровским в его «Слове на антипасху».

...ад отпусти душю Лазоря... — Речь идет о нищем Лазаре из Вифании, которого Иисус воскресил из мертвых; об этом рассказывается в Евангелиях от Луки и от Иоанна.

...писа в законѣ Моиси... — В Пятой книге Моисея (Второзаконии) говорится о возможном проклятии Израиля богом в случае непослушания: «Жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей. От трепета сердца твоего, которым ты будешь объят, и от того, что ты будешь видеть глазами твоими, утром ты скажешь: «О, если бы пришел вечер!», а вечером скажешь: «О, если бы наступило утро!» Позднее символом жизни, висящей перед глазами, церковь сделала Христа на кресте — на это и намекает Кирилл.

...о немь же Исаия къ Ахазу глаголаше... ему имя: С нами бог»... — Бог устами пророка Исайи предрек иудейскому царю Ахазу рождение Христа

непорочной девой: «И нарекут имя ему: Еммануил», что значит: «С нами бог».

...о немь же Давыд прорече... — В Псалтыри царь Давид говорит: «Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои, а они смотрят и делают из меня зрелище...» — как и в прочих ссылках этой речи Иосифа, Кирилл относит эти слова к распятому Христу.

...о немь же глаголеть пророк... — Приводятся слова пророка Исайи, но в оригинальном словесном оформлении самого Кирилла, а не в древнерусском переводе.

...избѣгающе въпияху бѣси... — Слова, приводимые в тексте, согласно Евангелию, произносили бесы, изгоняемые из бесноватых повелением Христа.

Стр. 316. *...на Иерданѣ крестящюся ему...* — Приводимые слова сказаны богом в момент крещения Христа в реке Иордан.

«Яко овча на заколение веденъ бысть». — Слова сказаны пророком Исайей; оттуда же взята и следующая цитата о страданиях, понесенных Спасителем за людей (Исайя, 53, 4, 5, 12).

«И ты въ кръви завѣта своего испустил еси ужникы своя...» — Цитата из Книги Пророка Захарии — намек на бесполезность тела распятого Христа для Пилата.

...пьрсьтии принесъше цесари... — После рождения Христа убедиться в его появлении пришли восточные цари (волхвы), наведенные на ясли младенца светом вифлеемской звезды.

И положиша и въ гробѣ, и привалиша камень великъ къ дверем гробу. — По приказанию Пилата у склепа на три дня была поставлена стража, а вход в нее — запечатан, чтобы тело не могли выкрасть и потом фальсифицировать воскресение из мертвых. Кирилл не останавливается на этом факте, но замечает, что две Марии наблюдали за погребением издали, что *каменьемь с печатьми утвьржен бысть,* что *стражьми стрѣгомъ* был Иисус, но вышел, не тронув печатей, *к омьртвѣвъшим войномъ.* Считая известной слушателям и читателям эпическую основу этих событий, Кирилл касается их только намеками, оценкой различных действующих лиц. Монологическая форма изложения и символический подтекст композиции требовали устранения или редукции фактической основы повествования.

Мария же Магдалыни и Мария Ияковля зряста... — У разных евангелистов содержатся различные сведения о личности второй Марии; стилистическое предпочтение Кирилла символике числа три ведет его к необходимости избрать вариант с тремя Мариями, одна из которых — богородица (в Евангелии от Иоанна речь идет только об одной Марии, пришедшей к гробу Христа).

...вся въкупѣ жены с мюромь... — Среди женщин, приходивших к гробнице, перечисляются Мария Магдалина, Мария, мать Иакова и Иосии, а также Саломия и Иоанна.

Стр. 318. *...яко же глаголеть Матфѣй... ...о техъ бо Лука написа тако... Марко же о всѣхъ повѣдаеть...* — Кирилл перечисляет евангелистов, которые различным образом повествуют об описываемых событиях.

...тѣмь же Иоан Фелогъ рече... — Речь идет об Иоанне Богослове, почитаемом на Руси отцом церкви.

...яже за Адама въ тлю падша пострада... — Согласно христианскому учению, Христос пришел на землю, чтобы искупить своей смертью грехи первого человека — Адама.

На тръсти губою оцьта съ золчию въкуси... — Через несколько часов после распятия Инсус воскликнул, что жаждет. Вкусив уксуса, поднесенного к его устам в губке на копье, он умер. Солдаты пронзили ему копьем ребра, и из ран потекла лимфа (вода) с кровью. На конкретной картине казни Кирилл еще раз строит развернутый символический образ искупления.

Стр. 320. *Блажен еси, Иосифе, паче патриарха Аврама, Исака и Якова!* — Перечисляются наиболее чтимые иудейские патриархи, упомянутые в Библии.

...его же образа не тьрпя зрѣти въ Хоривѣ Моиси... — В молодости Моисей, пася овец у горы Хорив, впервые услышал голос бога из неопалимой купины; Моисей закрыл лицо руками, боясь увидеть бога.

...тѣма и на Фаворѣ съ Илиею видѣвъ Христа... — В Евангелии от Матфея рассказывается, как Христос повел на высокую гору Фавор трех апостолов и те увидели рядом с ним патриархов Илию и Моисея; это преображение Инсуса убедило апостолов, что Христос — сын божий.

Давыд бо от Силома кивот съ божиемь словом принесе... — Не Давид, а Самуил перенес ковчег с заветом из Силома на место сражения иудеев с филистимлянами (Первая книга Царств, гл. 4); смешение имен возникло от того, что в исходе этой войны именно благодаря Давиду была достигнута победа иудеев над врагами.

Стр. 322. *Подаждь, святе, всѣмъ нам твою помощь...* — Заключительная молитва святому за город, князя и народ,— факт, необычный для торжественных «Слов» Кирилла и известный только в этом Слове.

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО (Стр. 324)

Андрей Боголюбский (ок. 1110—1174 гг.), второй сын Юрия Долгорукого от половецкой княжны, с 1158 года великий князь владимирский и суздальский, в истории известен деятельностью по перенесению центра русской государственности на северо-восток, стремлением объединить Русь под главенством владимирских князей. Погиб в результате дворцового заговора в своей резиденции недалеко от Владимира. Повествование об этом событии содержит множество конкретных подробностей (подтвержденных впоследствии и раскопками могилы князя), которые выдают в авторе очевидца описываемых событий. Возможным автором поэтому и называют одного из действующих лиц повести, изображенного здесь сторонником князя и его политической линии: игумена Феодула, что наименее вероятно (хотя под его руководством составлялся в 1177 году летописный свод, включивший в себя повесть); киевлянина Кузьму, слугу князя или одного из мастеровых («златокузнец»), приглашенных Андреем на строительство Боголюбова; выходца из Вышгорода, главу капитула Успен-

ского собора во Владимире Микулу (который был автором и других произведений, в том числе, возможно, и широко известного «Сказания о чудесах Владимирской богоматери»); особенно вероятен в качестве автора Микула — противник усобиц и боярской знати, повинной в убийстве князя, сторонник владимирских горожан. Автор составил текст в духе южиорусских биографических повестей XI—XII веков, с подражаниями или прямыми цитатами из Житий Владимира, Бориса и Глеба, но в интересах нового политического центра Руси. Например, здесь четко и последовательно проведено противопоставление Киева — Владимиру, Боголюбова — Вышгороду, Золотых и Серебряных ворот одного города — таким же воротам другого, мученической смерти Андрея — такой же кончине Бориса и Глеба, и т. д., вплоть до смешеиия Владимира и Киева в тексте народиой притчи, входящей в повесть.

Полиый текст «Повести...» сохраннлся в Ипатьевской летопнсн под 1175 годом, тогда как во Владимнрском летопнсном своде 1177 года помещен сокращенный н переработанный ее варнант или части ее (см. Лаврентьевскую летопись в списке 1377 г.); по некоторым соображениям, она могла быть написана между 1174 и 1177 годом.

В «Повести...» умело и тонко сплетены две линии: мирская и земиая, поданиая в действии (в событиях),— и церковная, духовиая, поданная в размышлениях кияз и комментариях автора. Психологические детали повествования и образная народиая речь реалистически видоизменяют намеренно идеализированиый образ кияз, иавеяиный традицией житий. Действия живого князя не совпадают с авторскими разъяснениями в отношении этих действий; впечатление такое, будто повесть в ее полном варианте писали два автора.

Текст публикуется по Ипатьевской летописи в изданин: ПСРЛ, том второй. Изд. 2-е. СПб., 1908, с. 580—595.

Стр. 324. *...якоже Вышегородъ от Кыева, тако же и Боголюбыи от Володимѣря.* — Вышгород, резиденция киевских князей, находился в семи верстах от Киева, Боголюбово — в одиннадцати верстах от Владимира; в 1149 г., после вступления в Киев, Андрей получил от отца во владеиие Вышгород, но предпочел удалиться иа север и заложил Боголюбово.

...и церковь преславну святыя Богородица рождества... — Покидая Вышгород, Андрей взял с собою и древнюю икону богородицы, написанную, по преданию, евангелистом Лукой (теперь известна как Владимирская Богоматерь) и считавшуюся чудотворной. Согласно легенде, повозка, в которой везли реликвию, остановилась за несколько верст от Владимира, и ее не могли сдвинуть с места. Здесь Андрей и основал Боголюбово, поставив церковь Рождества Богородицы (разрушена в начале XVIII в.); во Владимире Андрей построил храм Успения Богородицы (1158—1160 гг., сохранился до настоящего времени); об этих церквах и говорится в похвальной части повести. В Боголюбове сохранились также «сени» — лестничная башня, в которой был добит князь Андрей.

...от вѣрха и до дѣисиса... — от вершины купола до деисуса; здесь деисус — вероятно, иконостас. См. также коммент. к с. 592.

Стр. 326. *«Аще створите братьи меньшии моѣи, то мнѣ створисте»* (то же повторяется и ниже). — Пересказ евангельских слов: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей».

Стр. 328. *...мужьству тѣзоимените братома благоумныма, святыма страстотерпцема...* — Здесь и ниже мучение Андрея сопоставляется с убийством младших сыновей князя Владимира — Бориса и Глеба в 1015 г.; ниже говорится о мече Бориса, который мог бы спасти Андрея.

«Аще кто положить душю свою за другъ свои...» — евангельский текст, ср.: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн, 15, 13).

...Анбалъ, ясинъ ключникъ... — Ясы — русское название алан (ныне осетины), живших на Северном Кавказе. Из других заговорщиков упомянуты: Яким из дома богатых бояр Кучковичей (сестра Якима была первой женой Андрея Боголюбского) и его зять Петр.

Стр. 330. *«...что уподобистеся Горясѣру?»* — Горясер — убийца младшего из сыновей Владимира — Глеба.

...и помяну вся Иовова... — См. коммент. к с. 230, к словам: «...другый бо Иовъ...».

Стр. 332. *...побѣжая полкы поганыхъ болгаръ?* — Речь идет о победоносном походе Андрея Боголюбского иа камских болгар в 1164 г.

Стр. 334. *...Арьсѣнии, игуменъ...* — Здесь и ниже игумеиом называется ие настоятель монастыря, а священник.

«Идеже законъ, ту и обидъ много». — Как обычно у автора, перефразировка хорошо известиых текстов Нового завета, ср. в Послании Павла римлянам: «Где нет закона, нет и преступления».

«Всяка душа властемъ повинуется». — Свободное изложение мысли того же апостола Павла в Послании Титу: «Повиноваться и покоряться начальству и властям».

«...Князь же не туне носить мечь божии, ибо слуга есть». — В тексте Библии такие слова не встречаются.

...Серебрѣная ворота... — Белокаменные ворота в восточной части Владимира.

Стр. 336. *«Его же любить господь, того же и казнить».* — В Книге Притчей Соломоновых сказано: «Ибо кого любит господь, того наказывает, и благоволит к тому, как отец к сыну своему» — это место передано наиболее точно по сравнению с прочими цитатами из Библии (в Апостоле такого места иет совсем), ио искажеио по смыслу.

...со братома своима с Романомъ и с Давидомъ... — Христианские имена Бориса и Глеба, убитых братом их Святополком.

СЛОВО О КНЯЗЬЯХ (Стр. 338)

Комментарии составлены И. П. Ереминым. См.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., ГИХЛ, 1957, с. 330—333. В комментарии внесены отдельные изменения в соответствии с принципами данного издания.

«Слово о князьях» — литературный памятник второй половины XII века. В рукописях «Слово» иногда называется и так: «Похвала и мучение святых

мученик Бориса и Глеба», «Слово похвальное на перенесение (мощей) святых страстотерпец Бориса и Глеба, да и прочии не враждуют на братию свою».

«Слово» действительно приурочено ко дню церковной памяти князей Бориса и Глеба (2 мая) и представляет собою торжественную проповедь в честь и похвалу этих очень почитаемых на Руси святых.

В центре внимания автора, однако, не Борис и Глеб, вероломно убитые родным братом Святополком Окаянным, не прошлое, а современность. Церковный праздник явился для автора только поводом, чтобы начать речь о злобе дня.

Основная тема «Слова» — современные княжеские усобицы, княжеские братоубийственные войны, раздирающие единство Русской земли. Автора глубоко печалит тот факт, что князья постоянно нарушают ими же установленный порядок, по которому младшие князья подчиняются старшим в роде, а старшие строго выполняют свои обязанности по отношению к своим вассалам — младшим князьям. В нарушении этого порядка, освященного именами Бориса и Глеба [1], автор усматривает основную причину всех современных ему неурядиц на Руси. Он обращается к князьям с горькими упреками. Младшие князья даже малой обиды не хотят стерпеть от старшего: тотчас же начинают войну «смертоносную» и даже накликают на Русь половцев, рассчитывая с их помощью расправиться с «братией».

Автор «Слова» призывает князей одуматься, не враждовать между собою, не пользоваться услугами иноземцев в своих корыстных расчетах, вспомнить свое «величество» и свою «честь» — славное прошлое своего рода и то высокое место, какое занимают они, как самим богом поставленные правители Русской земли.

Желая указать князьям на пример, достойный всяческого подражания, он рассказывает «притчу» о покойном князе черниговском Давыде Святославиче. В изображении автора «Слова» Давыд Святославич (ум. в 1123 г.) — высокий образец идеального князя-правителя. В «великой тишине» княжил он в Чернигове. Старший в роде, он никогда не обижал младших князей, ни с кем не враждовал, всегда крепко держал раз данное слово. За его праведность и миролюбие бог его и наградил, как не награждал и святых. В доказательство этого последнего утверждения автор напоминает князьям чудесные обстоятельства кончины Давыда Святославича — не лишенную поэзии легенду о его смерти.

Для тех, кому нарисованный им высокий идеал показался бы хорошим, но не осуществимым в практике повседневной жизни, автор «Слова» счел полезным дать особое разъяснение: чтобы творить добрые дела, жить в мире и любви, совсем не обязательно от всего отрешиться; «заповедь господню» исполнить можно и в миру, владея «домом», с женою и детьми. Только невежи могут думать, что добро — удел отшельников. Зло ничем не может быть оправдано.

---

[1] О политическом содержании культа Бориса и Глеба в Древней Руси см.: Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, с. 87—90.

Небольшое по объему «Слово» написано в лучших традициях избранного автором жанра. В композиционном отношении оно построено очень четко; обрамляется вступлением и заключением, «высокая» риторика которых подчеркивает важность и серьезность темы. Большое место в «Слове» занимают повествовательные эпизоды, обнаруживающие руку искусного мастера краткого рассказа.

В научной литературе высказывалось предположение, что «Слово» было написано в 1175 году по поводу конфликта между черниговским князем Святославом Всеволодовичем и его двоюродным братом князем новгород-северским Олегом Святославичем[1]. Так это или не так, сказать трудно: в тексте «Слова» нет указания на конкретные имена. Не исключена возможность, что «Слово» обобщает факты — имеет в виду не какой-либо один определенный эпизод из истории феодальных войн XII века, а многие.

В той своей части, где автором сурово осуждаются княжеские усобицы, «Слово о князьях» перекликается по содержанию со «Словом о полку Игореве».

Перевод «Слова о князьях» сделан по тексту, изданному Х. М. Лопаревым по рукописи XV в. ГПБ, собр. Погодина № 1024 («Слово похвальное на перенесение мощей святых Бориса и Глеба». Неизданный памятник литературы XII века. Сообщение Х. Лопарева. Памятники древней письменности XCVIII, 1894, с. 15—18). Отсутствующее в этом списке вступление, восполненное И. П. Ереминым по другим спискам «Слова», изданным Х. М. Лопаревым, опускается. В основу перевода положен перевод И. П. Еремина.

Стр. 340. ...*княжаше в Черниговѣ въ большемъ княженьи, понеже бо старии братьи своей.* — Черниговская земля делилась на несколько княжеств; в системе этих княжеств Черниговское занимало центральное место. Княжил в Чернигове обычно старший в роде из князей черниговской династии — потомков Святослава Ярославича. После смерти своих братьев — Глеба (ум. в 1078 г.) и Романа (ум. в 1079 г.) — Давыд Святославич был старшим в роде. Под словом «братьи» имеются в виду не только братья Давыда Святославича — Олег (ум. в 1115 г.) и Ярослав (ум. в 1129 г.), но и его племянники.

...*епископъ Феоктистъ...* — Игумен Печерского монастыря, занявший епископскую кафедру в Чернигове в 1112 г. (ум. в 1123 г.).

...*канунъ...* — церковная похвальная песнь.

...*Спасъ святыи...* — Спасо-Преображенский собор в Чернигове, главный храм Черниговской земли.

---

[1] П. Голубовский. Опыт приурочения древнерусской проповеди «Слово о князьях» к определенной хронологической дате. — Древности. Труды Археографической комиссии имп. Московского Археологического общества, т. I, вып. 3. М., 1899, стлб. 491—510.

...церьковь Бориса и Глѣба... — Борисоглебская церковь, построенная Давыдом Святославичем в первой четверти XII в. (около 1115 г.); служила усыпальницей черниговских князей.

...Преподобныи Никола Святоша... — Святослав Давыдович (ум. в 1143 г.); в 1106 г. постригся в монахи Печерского монастыря и после смерти был причислен к лику печерских святых; при пострижении получил имя Николай. О нем см. Киево-Печерский патерик (с. 498—506).

...и ина два сына. — Всего сыновей у Давыда Святославича было пять или шесть; здесь речь идет, видимо, о Владимире (ум. в 1151 г.) и Изяславе (ум. в 1161 г.), надолго переживших своего отца.

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ (Стр. 344)

Публикуемый фрагмент из южнорусского летописного свода конца XII века повествует о событиях, предшествовавших походу на половцев князя Игоря Святославича в 1185 году, и о самом походе. Летописный рассказ отличается особой обстоятельностью и чертами несомненной литературной обработки. Исследователи обратили внимание на сходство летописной повести о походе Игоря со «Словом о полку Игореве» — на сюжетные и текстуальные параллели.

Текст публикуется по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи, по рукописи БАН № 16.4.4, первой четверти XV века. Слова, исправленные по другим спискам этой летописи (а в двух случаях по смыслу: в летописи написано «половци» вместо «полци»), выделены курсивом.

Стр. 344. *...измалтяне...* — В Древней Руси кочевников Востока называли «агарянами» или «измаилтянами»; считалось, что они происходят от библейского персонажа — Измаила, сына Авраама и его наложницы-египтянки Агари.

...ко Дмитрову. — К городу в Переяславском княжестве, южнее Путивля.

Кончакомъ. — Кончак, сын Отрока, внук Шарукана, один из влиятельнейших половецких ханов.

...Святославъ Всеволодичь, сгадавъ со сватомъ своимъ Рюриком... — Святослав (ум. в 1194 г.) и Рюрик Ростиславич (ум. в 1212(?) г.) с 1180 г. были князьями-соправителями Киевской земли; однако «Слово о полку Игореве» называет именно Святослава великим князем Киевским.

...у Олжичь — селения, расположенного у места впадения Десны в Днепр.

...ожидающе Ярослава... — Ярослава Всеволодовича, князя черниговского (ум. в 1198 г.), брата Святослава Киевского.

...ко Игореви — к Игорю Святославичу, князю Новгорода-Северского (ум. в 1202 г.), герою «Слова о полку Игореве».

...Володимѣра Глѣбовича — князя переяславского (ум. в 1187 г). Переяславское княжество располагалось на левом берегу Днепра, юго-восточнее Киевской земли; центром княжества был город Переяславль-Южный (ныне Переяслав-Хмельницкий).

...на сѣверьскиѣ городы... — города Северской земли (ныне это территория Черниговской и Сумской областей), удела Игоря Святославича.

...Олга, сыновца своего Святослава... — Олега Святославича, сына Святослава Киевского (ум. в 1204 г.) и Святослава Ольговича Рыльского, племянника Игоря.

...брата своего Всеволода... — Всеволода Святославича, князя трубчевского и курского (ум. в 1196 г.); «Слово» называет его Буй Тур Всеволод.

...от черного клобука... — Черные клобуки — собирательное наименование племенного объединения (торков, береидеев и других тюркских племен); являясь вассалами русских князей, черные клобуки участвовали в их войнах с половцами.

...к Хырии — к Хоролу, правому притоку реки Псел.

...переити вежами... — то есть с шатрами, повозками, имуществом.

...бѣгаюче передъ русью. — Далее в летописи рассказывается о смерти полоцкого епископа Дионисия и о пожаре во Владимире-Суздальском; этот фрагмент мы опускаем.

Стр. 346. *...из Галича от Ярослава...* — от Ярослава Владимировича, князя галицкого (ум. в 1187 г.), тестя Игоря Святославича («Ярослава Осмомысла»).

...своя братья... — Имеются в виду, вероятно, брат Святослава — Ярослав Черниговский и двоюродные братья Святослава — Игорь и Всеволод.

...на Сулѣ — левом притоке Днепра.

...Инжирь бродъ. — Брод на Днепре близ впадения в него Сулы.

...берендѣевъ. — Берендеи — кочевое племя тюркского происхождения, союзники русских князей.

...на мѣстѣ, нарѣцаемемь Ерель, егоже русь зоветь Уголъ. — Вероятно, это район при впадении в Днепр его левого притока — реки Орель.

Кобякъ — хан лукоморских половцев, кочевавших в низовьях Днепра и по берегам Черного и Азовского морей. О пленении Кобяка Святославом в 1184 г. вспоминает и «Слово о полку Игореве».

Стр. 348. *...ко братьи...* — Здесь, как и в «Слове о полку Игореве», «братья» — это и собственно братья и шире — соратники.

...за Мѣрломь — за Мерлой, притоком Ворсклы.

...Володимеръ Ярославичь Галичьский, шюринъ Игоревъ... — Игорь был женат на его сестре, дочери Ярослава Осмомысла.

...ко Володимѣру к Романови... ко Всеволоду, уеви своему. — Изгнанник посещает Владимир-Волынский, Дорогобуж (на реке Горыни, юго-восточнее города Ровно), Туров (на Припяти), Смоленск и, наконец, Суздаль, где княжил Всеволод, брат его матери Ольги.

...сына своего, зятя Рюрикова, Святослава. — Святослав Игоревич в 1187 г. женился на Ярославне, дочери Рюрика Ростиславича.

Въ лѣто 6692. — Перед этими словами в летописи повествуется о пожаре в городе Гродно и об освящении в Киеве церкви Василия. Этот фрагмент мы опускаем.

...бесурменина, иже стрѣляше живымъ огньмь. — «Бесурмении» — мусульмании. «Живым огнем» летописец называет какое-то военное приспособление (катапульту?) для метания сосудов с зажигательной смесью.

...въряднша в наворопъ... — Наворопом называли отряды, высылавшиеся впереди основных сил для разведки и внезапного нападения на противника.

Стр. 350. *...ватагы.* — Ватага — место расположения войска и само войско или его отряд.

Въ лѣто 6693. — В Древней Руси год начинался 1 марта; следовательно, события февраля 6692 г. и марта 6693 г. происходят, в переводе на наше летосчисление, весной 1185 г.

И бяшеть серенъ великъ, якоже вои не можахуть зрѣима переити днемь до вечера... — «Серен» — наст, мокрый снег; по словам В. И. Даля, «коню он подрезывает и кровянит щетки, коннице нет ходу»; «зрѣима перентн» — пройтн то расстояние, которое можно окннуть взором.

Великъ день — Пасха.

...въ вятичѣ хъ Корачеву... — Ныне город Карачев, к востоку от Брянска.

...из Новагорода — Новгорода-Северского, стольного города Игоря Святославнча (на крайнем востоке современной Черннговской области).

...ис Трубечка — Трубчевска, города на Десне, в южной части Брянской области.

...изъ Рыльска — города на западе Курской области.

Стр. 352. *...коуи.* — Ковуи — кочевое племя тюркского происхождения; ковуи были вассалами черниговских князей.

Игорь жь возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць. — Лаврентьевская летопись указывает и на день затмения — 1 мая. Затмение 1185 г. подтверждается и расчетами современных астрономов.

...приида ко Осколу... — левому притоку Северского Донца.

...к Салницѣ. — Сальница — небольшая речка, левый приток Северского Донца, протекавшая по территории, где ныне расположен город Изюм.

...на оной сторонѣ рѣкы Сюурлия. — По мнению Н. В. Сибилева, М. Ф. Гетманца и др., Сюурлий — это река Голая Долина, протекающая в районе города Славянска (Донецкой области).

Стр. 354. *...а кто поѣдѣть заутра... как ны богъ дасть.* — Фраза недостаточно ясна; в переводе отражено одно из возможных ее толкований: только «лучшие конники» из половецкого (а не русского) войска смогут догнать ушедшие за ночь русские полки и переправиться вслед за ними (через Донец?).

...Кончака, и Козу Бурновича... и Терьтробича. — Помимо Кончака и Гзака (Гзы) перечисляются другие половецкие роды (орды) или их вожди.

Стр. 356. *...на рѣцѣ Каялы.* — Существует большая литература о местонахождении этой реки. Некоторые исследователи полагают, что «Каяла» — метафорическое название реки «печали», от глагола «каяти» (см.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2. Л., 1967, с. 179—180). Присоединяемся к тем исследователям, которые считают название Каяла (Каялы) тюркским гидронимом и ищут ее в районе города Славянска, отождествляя, например, с рекой Макатихой, притоком реки Голая Долина, впадающей в реку Сухой Торец.

...взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля. — О разгроме Глебова упоминается только в покаянной речи Игоря; можно предполагать, что это явилось местью за разорение Владимиром Переяславским городов Север-

ской земли. Что это за город Глебов — неясно: в летописи упоминается город Глебов в верховьях Сулы, но он далеко отстоит от Переяславля.

...по свата Игоря... — Не обязательно думать, что дочь Кончака и сын Игоря были к этому времени уже помолвлены: возможно, что летописец просто опережает события; в то время, когда составлялась летопись, князь и хан действительно стали сватами — Владимир был обвенчан с дочерью Кончака после возвращения из плена в 1187 г.

...а прочии в морѣ истопоша. — Едва ли имеется в виду Азовское море, как полагают некоторые исследователи; скорее всего речь идет о каком-то большом озере в районе битвы (см. выше: «И бьяху бо ся, идуще в кругъ при езерѣ»).

...от Вѣрхъних земль... — Верхние земли — район верховий Днепра; здесь имеется в виду Брянщина.

Стр. 358. *Посемье* — земли по берегам Сейма, левого притока Десны.

...у Треполя — города на Днепре, южнее Киева (ныне Триполье).

...Бонякъ. — Половецких ханов Боняка и Шарукана разгромили в 1107 г. объединенные силы русских князей — Святополк Изяславич Киевский, Владимир Мономах, Олег Святославич и другие.

Стр. 360. *...к Римови* — городу Римову в Переяславском княжестве.

...возлѣзъше на заборолѣ... летѣста двѣ городници... — По верху земляного оборонительного вала (или крепостной стены), окружавшего древнерусские города, сооружались крытые галереи, защищенные с внешней стороны деревянным бруствером — заборолы; с них отстреливались от осаждающих защитники крепости. Городница — башня или часть городской стены.

...князи же возворотишася... плененыхъ от поганыхъ. — Фраза испорчена, быть может, в результате неудачного слияния двух источников. Перевод ее условен.

Попа же бяшеть привелъ... со святою службою... — Перевод предположителен: «с причтом» или, быть может,— с предметами, необходимыми для богослужения.

Лаворъ. — В «Слове о полку Игореве» он назван Овлур; эта форма более соответствует этимологии тюркского имени, но возможно, что «Овлур» — это измененное в половецком произношении имя «Лавр».

Стр. 362. *...мышляшеть бо, емше мужь, и бѣжати в Русь* (ср. также далее: *ты ищеши няти мужа и бѣжати с нимъ...):* — Текст неясен: Игорь «мышляшеть» бежать, но не хочет «неславным путемь... поити»; перевод исходит из предположительного понимания текста (так же толкует его и В. И. Стеллецкий в своем издании «Слова о полку Игореве», 1965 г.): Игорь хотел бежать не один, а с другими пленниками, но эта надежда была нереальной («...мысль высока... уности»).

...на ону сторону Тора... — Тор — приток Северского Донца (Казенный Торец, или нижнее течение этой реки от впадения в нее Сухого Торца и до устья); на берегах Тора находились вежи Кончака.

...города Донця... — пограничного русского города на реке Уды; городище Донца расположено вблизи Харькова.

...Рюрикъ, сватъ его. — См. коммент. к с. 348.

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ (Стр. 364)

Из Лаврентьевской летопнсн публнкуется фрагмент, в котором повествуется о походе русскнх князей на половцев в 1184 году н о походе Игоря Святославнча в 1185 году (в этой летопнси годовая сетка ошибочно сдвннута на год и о событнях рассказано соответственно в статьях 1185 и 1186 годов). Изложение здесь не только значительно короче, чем в Киевском летописном своде (в составе Ипатьевской летописи), но в ряде случаев, видимо, не точно фактически: едва ли достоверны упоминание о встрече Игоря с другими участниками похода у Переяславля-Южного, сведения о том, что Игорь взял с собой в поход двух сыновей — Владимира и малолетнего Олега, рассказ о том, как после победы над половцами Игорь три дня «веселился» на захваченных вежах, и т. д. Тем не меиее этот рассказ интересеи, так как отражает ту версию событий, которая вошла в большинство русских летописей последующего времени.

Текст публикуется по Лаврентьевскому списку 1377 года (ГПБ, шифр F. п., № 2). Рукопись была изготовлена по заказу суздальского и нижегородского великого князя Дмитрня Константиновнча; однн из переписчиков и, вероятно, организатор этой работы — монах Лаврентий — завершил текст своей припиской. По его имени летопись и именуется Лаврентьевской. Оригиналом для переписки послужил Тверской летопнсный свод 1305 года.

Исправленные слова в публнкуемом тексте выделены курсивом. Ошнбочно повторенные или излишние (то есть нскажающне строй фразы) слова опущены; такие пропуски обозначены многоточием.

Стр. 364. *В то же лѣто...* — Цитнруется статья 1185 (фактически — 1184) г.

...Святославъ Всеволодичь, Рюрикъ Ростиславичь... — См. коммент. к с. 344.

Володимеръ Глѣбовичь. — См. коммент. к с. 344.

...помочь и володимерьская и лучьская. — Вспомогательные отряды из Владимира-Волынского и Лучьска (ныне — Луцк).

...Уголъ рѣку... — Угол (или Угла) — река Орель, левый приток Днепра. Ипатьевская летопись (см. коммент. к с. 346) именует «Углом» район при впадении в Днепр Орели.

...внукъ Юргевъ — внук Юрия Владимировича (Юрия Долгорукого), князя владимиро-суздальского.

Стр. 366. *...бы знаменье въ солнци...* — См. коммент. к с. 352.

...у великаго князя Всеволода... — у владимиро-суздальского киязя Всеволода Большое Гиездо.

Игорь съ двѣма сынома... — Ипатьевская летопись в рассказе о походе иазывает и иеодиократио упомииает лишь одиого сыиа Игоря — Владимира. «Слово о полку Игореве» в символической картине («Два солица померкоста... с иима молодая мѣсяца...») говорит о двух киязьях и двух княжичах, однако иазывая при этом Святослава и Олега, а не Владимира, бесспорно в походе участвовавшего. Мало вероятно, чтобы Игорь взял с собой в дальний и опасный поход мальчика Олега (он роднлся в 1174 г.). Поэтому скорее можно допустить, что источник рассказа Лаврентьевской летопнси располагал неточными данными, а в тексте «Слова» мы нмеем дело с ошнбоч-

ной глоссой (припиской на поле), впоследствии вставленной в текст, и речь в «Слове» идет о Владимире Игоревиче и Святославе Ольговиче Рыльском.

...ис Трубѣча... из Рыльска... — См. коммент. к с. 350.

...зря на Переяславль... — Вероятно, это насмешливый намек на то, что русские князья не рисковали углубляться в половецкую степь, а сражались на границах Переяславского княжества.

...поидемъ по них за Донъ.. — Дон, как цель похода Игоря, называется в «Слове о полку Игореве», но путь русских войск, описанный в Ипатьевской летописи, убеждает, что события происходили вблизи реки Северский Донец. Однако летописец, видимо, приписывает Игорю намерение дойти до нижнего течения Дона и побережья Азовского моря (лукоморья).

Стр. 368. *...г Каневу* — городу на Днепре, ниже по его течению от Киева.

...якоже и Саулъ гони Давыда... — Вспоминается эпизод из Библии (Первой книги Царств) о преследовании царем Саулом юноши Давида.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ (Стр. 372)

«Слово о полку Игореве» было написано в конце XII века. Поводом для создания произведения явился неудачный поход на половцев князя Новгорода-Северского Игоря Святославича в 1185 году: русское войско потерпело поражение, а возглавлявшие его князья и оставшиеся в живых воины оказались в плену. Об этом походе рассказывается также в современных событиям летописях (см. отрывки из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, публикуемых выше).

Однако автор «Слова» создал не воинскую повесть, а произведение совершенно особого жанра. Злосчастный поход Игоря Святославича явился поводом для глубоких раздумий о судьбах Русской земли, о пагубности феодальных междоусобиц, вызвал воспоминания о прошлом — о славных и о трагических периодах русской истории. К. Маркс писал о произведении: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием... монгольских полчищ»[1].

В «Слове» сочетаются как бы две художественные стихии — книжная, близкая по системе образов и поэтическим приемам к ораторскому слову, и фольклорная, причем эта последняя объединяет в себе элементы разных жанров — «плачей» и «слав». Яркий язык «Слова», его образная система, ритмический строй, сочетание тонкого лиризма и гражданского пафоса — все эти черты памятника выделяют его среди других произведений русской литературы XII века и в то же время роднят с ними, поскольку те же художественные приемы и те же образы, хотя и не в такой концентрации и не в столь же совершенной форме, мы встречаем и в русских летописях, и в «Словах» Кирилла Туровского, и в таких произведениях XII—XIII веков, как «Моление Даниила Заточника» или «Слово о погибели Русской земли».

Рукописная судьба «Слова» сложилась крайне неблагоприятно. До нового времени сохранился лишь один список памятника. Он входил в состав

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 29, с. 16.

сборника, принадлежавшего известному ценителю русских древностей, графу А. И. Мусину-Пушкину. Но в 1812 году вся коллекция рукописей графа погибла в пожаре Москвы. Сгорел и сборник, содержавший «Слово о полку Игореве». Мы располагаем сейчас только изданием памятника, осуществленным в 1800 году А. И. Мусиным-Пушкиным, А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским, а также копией с текста «Слова», изготовленной не позднее 1793 года для Екатерины II. Сравнение первого издания (оно обозначается в дальнейшем буквой П) и Екатерининской копии (Е), а также сравнение языка «Слова» с языком других древнерусских памятников позволило исследователям установить, что издатели в ряде случаев не только недостаточно точно передали текст, подновив его орфографию и пропустив немало опечаток, но и не поняли смысла отдельных слов и фраз, не сумели разобраться в написаниях рукописи. Поэтому, положив в основу текст первого издания «Слова», мы устраняем некоторые явные опечатки, иначе, чем в издании 1800 года, делим текст на слова, а также исправляем ошибки рукописи и восстанавливаем написания, неверно прочтенные издателями. Подавляющее большинство таких исправлений (конъектур) принято во всех современных изданиях «Слова» и лишь некоторые из них остаются спорными. Все исправленные слова выделены курсивом, спорные чтения оговариваются в примечаниях.

Комментарии к тексту «Слова» по необходимости кратки. Интересующихся отсылаем к комментированным изданиям памятника: изданию 1950 года в серии «Литературные памятники», изданиям 1952 и 1967 годов в Большой серии «Библиотеки поэта», изданиям Детгиза с комментариями Д. С. Лихачева (последние издания 1972 и 1975 гг.), изданию, подготовленному В. И. Стеллецким (М., «Просвещение», 1965), а также к Словарю-справочнику «Слова о полку Игореве» (вып. 1—5, М. — Л., Л., 1965—1978).

Стр. 372. ...*Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова.* — Игорь Святославич (1151—1202) был сыном черниговского князя Святослава Ольговича и внуком Олега Святославича («Слово» называет его Олегом Гориславичем).

Боянъ. — Боян был, возможно, певцом при дворе князя Святослава Ярославича (ум. в 1076 г.): он слагал песни о его отце, дяде, сыне, обращался к жене его сына Олега (см. коммент. к с. 386). Возможно, что Боян творил в традициях норманнских поэтов — скальдов. По мнению исследователей, на это указывают образы «древа», «волка» и «орла», с помощью которых автор «Слова» характеризует творчество Бояна.

...*старому Ярославу...* — Ярославу Владимировичу (ум. в 1054 г.), великому князю киевскому в 1019—1054 гг.

...*храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми...* — О поединке черниговского и тмутороканского князя Мстислава Владимировича с князем касогов (предков современных черкесов) Редедей рассказывается в статье 1022 г. «Повести временных лет».

...*красному Романови Святъславличю.* — Князю тмутороканскому, сыну Святослава, брату Олега.

...*отъ стараго Владимера...* — Одни исследователи видят здесь упоминание

Владимира Святославича (ум. в 1015 г.), другие Владимира Мономаха (ум. в 1125 г.).

Стр. 372—374. *О Бояне, соловию стараго времени!.. а князю славѣ.* — Этот фрагмент в П и Е читается ниже, после слов: «...а любо испити шеломомь Дону». А. И. Соболевский, Н. К. Гудзий, В. Н. Перетц, И. П. Еремин, В. П. Адрианова-Перетц и другие исследователи полагают, что фрагмент этот при переписке «Слова» ошибочно попал не на свое место. За правомерность предлагаемой перестановки фрагмента говорит несколько фактов. Прежде всего, первая фраза переставленного фрагмента продолжает предшествующий текст («...наведе... плъкы... А бы ты сиа плъкы ущекоталъ...»); во-вторых, о затмении солнца при перестановке будет говориться в одном месте: Игорь видит затмение («Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...»), решает пренебречь им, пускается в путь, но грозное предзнаменование как бы преследует его («Солнце ему тъмою путь заступаше...»). Если произвести перестановку, то оба соседствующих фрагмента начинаются одинаково: «Тогда Игорь възрѣ...», «Тогда въступи Игорь...» В-третьих, в начале подражающей «Слову» «Задонщины» последовательность параллельных со «Словом» чтений соответствует тексту «Слова» с предложенной перестановкой.

Стр. 372. *...по мыслену древу...* — Метафора в стиле песен Бояна. Образ «мирового древа», соединяющего небо и землю, знаком скандинавскому эпосу.

...рища въ тропу Трояню... — Троян четырежды упомянут в «Слове» (см. также: «вѣчи Трояни», «на землю Трояню», «на седьмомъ вѣцѣ Трояни»). Видимо, Троян — языческое божество; он упомянут в числе других языческих богов в «Хождении богородицы по мукам» (см. выше, с. 168).

...Игореви, того внуку... — В П и Е после слова «того» в скобках написано «Ольга». По свидетельству Н. М. Карамзина, этого слова не было в рукописи, и, как можно его понять, оно добавлено издателями «для большей ясности речи»; однако, может быть, это была глосса (разъясняющая помета писца) на полях рукописи, и издатели лишь внесли ее в текст.

...Велесовь внуче... — По вероятной догадке И. М. Кудрявцева (высказанной им Д. С. Лихачеву) речь идет о Бояне — внуке Велеса. Следовательно, языческое божество Велес, по представлениям автора «Слова», был также покровителем музыки или поэзии.

...за Сулою... — За Сулой (левым притоком Днепра) начиналась половецкая степь.

...въ Новѣградѣ... въ Путивлѣ... — Из Новгорода-Северского отправился в поход Игорь, в Путивле к нему присоединился сын его Владимир.

...Буй Туръ... — Тур — дикий бык, зубр; тур выступает здесь как олицетворение мужества и силы.

...мила брата Всеволода. — См. коммент. к с. 344.

Стр. 374. *...възрѣ на свѣтлое солнце... воя прикрыты.* — Речь идет о затмении 1 мая 1185 г.

...копие приломити... — вступить в битву; здесь, как и во многих других местах «Слова», мы встречаемся с традиционными воинскими метафорами или символами, такими, как «главу приложити» — погибнуть в бою, «испити шеломомь» из реки на вражеской земле — одолеть, победить врага.

...збися Дивъ... — В П «въ стазби Дивъ»; чтение «збися» предложено В. Н. Перетцем. Див — видимо, фантастическое существо (вещая птица?).

...Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню... — Автор как бы указывает крайние пункты огромной территории, которая разбужена предостережением Дива, и откуда спешат навстречу Игорю половецкие войска. Поморие — побережье Азовского моря, Посулие — левобережье Днепра, Сурож (ныне Судак) и Корсунь (Херсонес, близ нынешнего Севастополя) — города в Крыму.

...Тьмутороканьскый блъванъ — вероятно, античная статуя или языческий идол, вблизи города Тмуторокани, на Таманском полуострове.

...чрълеными щиты. — Археологические раскопки и миниатюры древнерусских рукописей подтверждают, что щиты русских воинов окрашивались в красный цвет.

...паволокы, и драгыя оксамиты. — Шелковые ткани.

Орьтъмами, и япончицами, и кожухы... — Ортьма и епанча — разновидности покрывал, плащей; кожух — кафтан на меховой подкладке.

Гзакъ... Кончакъ — половецкие ханы.

Стр. 376. *...на рѣцѣ на Каялѣ...* — См. коммент. к с. 356.

...Стрибожи внуци... — Стрибог — языческое божество древних славян.

...мечи харалужными. — Харалуг — сталь особой выделки (булат?).

...своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая... — Дорогой княжеский шлем мог быть позолоченным, но характерно, что в «Слове» «золотыми» именуются многие предметы, относящиеся к быту русских князей (шлем, седло, стремя, княжеский престол).

...поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя... — Половецкие шлемы состояли из деревянных лубков, скрепленных металлическим навершием, поэтому ударом сабли их можно было «поскепать» — «расщепить»; шлемы названы аварскими, возможно, потому, что были сделаны по типу шлемов авар, обитавших на территории современного Дагестана.

...града Чрънигова отня злата стола... — Отец Игоря и Всеволода — Святослав Ольгович был черниговским князем.

...красныя Глѣбовны... — Всеволод был женат на сестре Владимира Глебовича Переяславского, внучке Юрия Долгорукого, дочери Глеба Юрьевича.

Были вѣчи Трояни... плъци Олговы, Ольга Святьславличя. — Сопоставляются древние времена язычества, времена Ярослава Мудрого и годы, когда зачинщиком бесконечных междоусобиц выступал князь тмутороканский и черниговский Олег Святославич — дед Игоря (ум. в 1115 г.).

Ступаетъ въ златъ стремень... въ Черниговѣ. — Некоторые комментаторы «Слова» предлагают читать «Ярослав(ъ), а сынъ Всеволожь Владимиръ...» и видят здесь упоминание Ярослава Мудрого, который будто бы еще за два десятилетия до походов Олега (Ярослав умер в 1054 г.) предугадывал раздоры, которые возбудит этот князь. Такому пониманию текста, на наш взгляд, противоречит смысл всего пассажа, где рассказывается об одном эпизоде — войне 1078 г. Тогда Олег явился на Русь из Тмуторокани («Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ...») и вместе с Борисом Вячеславичем напал на Всеволода Ярославича. На Нежатиной ниве, под Черниговом, против Олега и Бориса выступили

Всеволод, его сын Владимир Мономах, Изяслав Ярославич и сын последнего Ярополк. Речь идет, видимо, не о Ярославе, а о Всеволоде Ярославиче (форму «Всеволожь» исправляем на «Всеволодъ») и о сыне его Владимире. Смысл слов «по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ» остается неясным; вероятно, здесь имеются в виду какие-то военные мероприятия Мономаха: во время описываемых событий, по сообщению летописи, он овладел оборонительными укреплениями Чернигова. В следующей фразе продолжено описание того же военного столкновения, во время которого погибли Борис Вячеславич и Изяслав Ярославич.

...на Канину... Съ тоя же Каялы... — Неясно, встречаем мы здесь осмысленное упоминание Каялы (параллелизм с событиями 1185 г.) или описку вместо «съ... Канины». Канин — ручей или река близ Чернигова, упоминаемый в Лаврентьевской летописи.

...Святоплъкь полелѣя отца... ко святѣй Софии къ Киеву. — Святополк назван здесь, вероятно, ошибочно: в летописи говорится, что тело убитого Изяслава сопровождал в Киев его сын Ярополк. Указание «Слова» на погребение Изяслава в соборе святой Софии подтверждают Софийская первая, Новгородская четвертая и другие летописи. Угорские иноходцы — венгерские лошади, обученные особой ходьбе, при которой делается шаг попеременно то обеими правыми, то обеими левыми ногами. На носилках, укрепленных между двумя лошадьми, перевозили раненых.

Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. — Этот текст перекликается с рассказом Ипатьевской летописи: Игорь поскакал к обратившимся в бегство отрядам ковуев, пытаясь вернуть их назад («плъкы заворочаетъ»), на обратном пути он был пленен, в этот момент увидел отчаянно сражавшегося Всеволода и «проси души своей смерти, яко дабы не видилъ падения брата своего» («жаль бо ему мила брата Всеволода»).

...падоша стязи... — Выражение «падоша стязи» означает, что войско потерпело поражение.

...кроваваго вина не доста... сваты попоиша... — Автор «Слова» использует эпический образ «битвы-пира».

Стр. 378. *Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука... въсплескала лебедиными крылы...* — Обида (оскорбление, нанесенный Руси ущерб) здесь персонифицируется; изображение девы — олицетворения беды, встречается в миниатюре Радзивиловской летописи XV в.

Карна, и Жля... — олицетворение скорби, горя; «карити», видимо, не просто оплакивать, но именно «оплакивать умерших» (см. в статье 1262 г. Ипатьевской летописи); слово «желя», в значении «плач по умершему, скорбь», также известно древнерусским памятникам.

...смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. — Этот метафорический образ не совсем ясен; выражение «смагу мыкать» — «терпеть лишения», «испытывать невзгоды» до сих пор сохранилось в народных говорах Брянщины.

...емляху дань по бѣлѣ отъ двора. — Половцы, разумеется, не собирали податей, они расхищали имущество, уводили пленных; здесь выражение «по беле со двора» — поэтический символ унижений, притеснений от иноплеменников.

...отецъ ихъ Святъславь... — Святослав был двоюродным братом Игоря и Всеволода, «отцом» он назван как старший по положению — киевский князь.

...наступи на землю Половецкую... — Имеется в виду поход Святослава на половцев в 1184 г. (см. с. 348—350).

А поганаго Кобяка из лукуморя... — Возможно, что Кобяк был ханом лукоморских половцев, обитавших в низовьях Днепра и далее на восток до побережья Азовского моря.

...градомъ забралы... — См. коммент. к с. 360.

...великый женчюг... дьскы безъ кнѣса... — По народным поверьям, видеть во сне крупный жемчуг предвещает слезы, а перерубленный или утраченный конек или кнес (матица, балка, скрепляющая доски крыши) — смерть. Паполома — погребальное покрывало, саван.

Всю нощь... бусови врани... къ синему морю. — Одно из наиболее трудных для понимания мест «Слова». *Плесеньск,* как полагают, селение под Киевом, *болонье* — низкий берег Днепра, где располагался киевский Подол; «дебрь Кисаня», по догадке Н. В. Шарлеманя, ошибочно вместо «дебрь Кияня» — овраг в окрестностях Киева, конец фразы часто исправляют: «и несошася к синему морю», но и в этом случае и грамматическая конструкция и смысл фразы остается неясным.

Стр. 378—380. *...два солнца помѣркоста... прострошася половци...* — Символическая картина рисует поражение князей Игоря и Всеволода (два солнца) и двух княжичей — видимо, Владимира Игоревича и Святослава Рыльского (два молодых месяца). Однако текст испорчен и, по мнению большинства комментаторов, требует перестановки нескольких слов. В П это место читается так: «Два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца, Олег и Святославъ, тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть хинови». Ясно, что в море погрузились не одолевшие в битве половцы, а побежденные князья. В Ипатьевской летописи (см. выше, с. 356) тоже говорится, что русские воины «в море истопоша». Едва ли имена Олега и Святослава присутствовали в первоначальном тексте «Слова»: странно упоминание имен княжичей в символической картине, где имена старших князей правомерно заменены символами («два солнца»). Кроме того, едва ли автор «Слова» имел здесь в виду Олега, участие которого в походе предположительно (см. коммент. к с. 366), а не Владимира Игоревича. Поэтому в переводе эти имена опускаем.

Стр. 380. *...пардуже гнѣздо...* — Половцы сравниваются с выводком гепардов, хищников, отличающихся быстротой бега. Гепардов знали на Руси; прирученных гепардов князья держали для охоты.

...великое буйство подасть Хинови. — Хинова упоминается также в числе народов, «подклонивших главы под мечи» русских; «хиновские стрелы» летят на воинов Игоря. Однако какой именно народ имеется в виду — неясно; одни исследователи полагают, что речь идет о каком-то восточном народе, другие видят в хинове венгров.

...готския красныя дѣвы... — Существует мнение, что имеются в виду готы, жившие на Таманском полуострове и в Крыму.

...поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. — Согласно общепринятой точке зрения, здесь говорится об антском короле Бозе (IV в.), казненном

готским королем Виннтаром; но эта гипотеза представляется весьма спорной; более допустимо, что здесь имеется в виду какой-то половецкий хан, тем более что далее назван Шарукан, дед Кончака, разбитый русскими князьями в 1106 г.

...Ярослава, съ черниговьскими былями... ольберы. — Здесь перечисляются, видимо, роды ковуев, кочевников тюркского происхождения, находившихся на службе у черниговских князей; ср. подобные перечисления родов и орд половцев в Ипатьевской летописи.

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ... — Имеется в виду не период линьки (когда сокол «мытится»), а сокол в зрелом возрасте. Характерно, что в поздней редакции «Повести об Акире», отразившей этот образ «Слова», говорится о соколе «трех мытей» — то есть в расцвете сил.

Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми... — О захвате половцами Римова и истреблении его жителей говорится в Ипатьевской летописи (см. с. 360).

...Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову! — Владимир Глебович был тяжело ранен, когда оборонял свой Переяславль от половцев. См. об этом в Ипатьевской летописи (с. 358).

Великый княже Всеволоде! — Обращение к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, князю суздальскому.

Ты бо можеши Волгу веслы раскропити... — Намек на походы Всеволода против волжских болгар.

...чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. — Ногата и резана — мелкие монеты; имеется в виду, что в случае победы над половцами пленники (кощеи) и пленницы (чаги) были бы очень дешевы.

...живыми шереширы стрѣляти — удалыми сыны Глѣбовы. — Как полагают, имеются в виду рязанские князья, сыновья Глеба Ростиславича, зависимые от Всеволода Юрьевича; значение слова «шерешир» неизвестно.

...Рюриче, и Давыде! — Рюрик и Давыд Ростиславичи. Рюрик был соправителем Святослава Киевского, Давыд — княжил в Смоленске.

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! — Обращение к Ярославу Галицкому, на дочери которого был женат Игорь. Смысл прозвища Ярослава неясен.

...горы Угорскыи... — Карпаты.

...меча бремены... — Как понимать этот поэтический образ — неясно; речь идет, видимо, о могуществе Ярослава Осмомысла.

...стрѣляеши... салтани за землями. — Во времена «Слова» европейские страны готовились к походу против султана Саладина, но крестовый поход 1193 г. произошел уже после смерти Ярослава (в 1187 г.), и летописец, упоминая о самом походе, не сообщает об участии в нем галичан. Смысл намека автора «Слова» нам до конца не ясен.

Стр. 382. *...Романе, и Мстиславе!* — Роман — князь Владимира Волынского; какой именно Мстислав (Мстислав Ярославич Пересопницкий или Мстислав Всеволодович Городенский) имеется в виду — неясно.

...желѣзныи паворзи подъ шеломы латинскими. — «Паворзи» — ремешки, удерживающие шлемы; у шлемов европейского образца («латинских») они покрывались металлическими пластинками. Упоминание о «латинских шлемах» — намек на связи волынских князей с Польшей.

...Ятвязи — литовское племя.

...Деремела — возможно, также литовское племя.

...сулици — короткие метательные копья.

...по Роси и по Сули... — Рось — правый, а Сула — левый приток Днепра, впадающие в него южнее Киева.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи... — волынские князья.

...шестокрилци... — эпитет соколов (крыло сокола состоит как бы из трех частей), с соколами в «Слове» часто сравниваются воины.

Загородите полю ворота... — Здесь имеется в виду вся степь, земли, населенные половцами.

...Изяславъ, сынъ Васильковъ... — один из полоцких князей.

Исхыти юна кров, а тьи рекъ... — одно из возможных прочтений этого испорченного места в «Слове» (в П и Е: «и схотн ю на кровать, н рекъ»); смысл текста остается неясным, н перевод его не дается.

...Брячяслава... Всеволода... — Брячнслав н Всеволод — сыновья Васнлька Рогволодовнча, полоцкого князя.

Трубы трубятъ городеньскии. — Имеется в виду город Городень (ныне — Гродно в Белорусснн). Неизвестно, какое событие имеется здесь в виду; возможно, что фраза оборвана.

Ярославе и вси внуце Всеславли! — По предположению Д. С. Лихачева, речь может идти о двух противоборствующих группировках русских князей: потомках Ярослава Владимировича и Всеслава Брячиславича (внука Владимира Святославича); в этом случае следовало бы читать: «Ярославли вси внуци и Всеславли!»

Всеславъ — Всеслав Брячиславич, полоцкий князь (ум. в 1101 г.). Далее упоминаются различные эпизоды его бурной жизни: кратковременное правление в Киеве в 1068 г., когда он лишь «дотчеся» («дотронулся») копьем до великокняжеского стола, тайный побег князя от своего войска из Белгорода перед битвой с Изяславом, овладение Новгородом, битва на Немиге (под Черниговом).

Тъй клюками подпръся о кони... — Чтение неясное, в переводе его опускаем.

Стр. 384. *...Хръсови...* — Хорс — древнерусское языческое божество; видимо, Хорс считался богом солнца.

...въ Полотскѣ... у святыя Софеи... — в Софийском соборе в Полоцке.

Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ... — Летопись сообщает, что Всеслав родился «от волхвования»; возможно, что ему приписывались какие-то сверхъестественные способности.

...ни птицю горазду... — Эти слова не понятны, предлагали читать «птицегоразду» — то есть умеющему гадать по полету птиц.

...стараго Владимира... — Какой Владимир имеется здесь в виду: Владимир I Святославич или Владимир Мономах, остается спорным.

...стязи Рюриковы... имъ хоботы пашутъ. — Развевающиеся порознь бунчуки («хоботы») стягов Рюрика Ростиславича и Давыда Ростиславича Смоленского — символ княжеского «непособия»: Давыд отказался помочь брату в борьбе против половцев (см. Ипатьевскую летопись, с. 358—361).

Копиа поютъ. — Слова эти непонятны, возможно, что фраза оборвана.

На Дунаи... — Здесь и далее («полечю... по Дунаеви», «девнцы поютъ на Дунаи») названне Дунай употреблено как поэтическое наименование реки вообще,

...Ярославнынъ гласъ... — Ярославна, дочь Ярослава Осмомысла, жена Игоря Святославича.

...зегзицею... кычеть... — У исследователей нет единого мнения о том, с какой птицей сравнивается Ярославна: с кукушкой или с чайкой. Слово «зегзица» в древнерусском языке действительно обозначает кукушку, но в народных говорах на территории бывшей Северской земли оно применимо именно к чайке; контекст «Слова» скорее указывает на чайку, птицу, живущую у воды.

...бебрянъ рукавъ... — Н. А. Мещерский показал, что «бебрян» означало не «бобровый», а изготовленный из «бебра» — особого вида шелковой ткани.

Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова. — Ярославна вспоминает победоносный поход Святослава на лукоморских половцев (см. коммент. к с. 346). Носады — речные суда с высокой носовой частью; на них перевозили воинов.

...отъ Великаго Дону до Малаго Донца. — Игорь находился в плену в вежах Кончака на реке Тор (правом притоке Северского Донца), поэтому Малым Донцом здесь названа, видимо, река Уды, а Великим Доном — среднее течение реки Донец.

Овлуръ — половец, помогший Игорю бежать из плена; в летописи он назван Лавром.

Стр. 386. *...рѣка Стугна: худу струю имѣя... днѣ при темнѣ березѣ.* — В П и Е иначе: «...и стругы ростре на кусту... затвори Днѣпрь темнѣ березѣ». Принятая конъектура отвечает и грамматической конструкции фразы, и ее смыслу. Здесь вспоминается эпизод, рассказанный в «Повести временных лет» под 1093 г.: при переправе через реку Стугну (правый приток Днепра), которая в то время неожиданно разлилась («наводнилася велми» — говорит летописец, «рострена к усту» — скажет автор «Слова»), утонул молодой князь Ростислав Всеволодович. Слово «стругы» значит здесь не «лодки», как думали некоторые комментаторы, а «потоки».

...полозие. — В Ц «полозию», с переводом — «по сучьям»; полагают, что здесь упомянуты полозы — крупные змеи.

...соколца опутаевѣ красною дивицею. — Речь идет о сыне Игоря — Владимире. Будучи в плену, он женился на дочери Кончака. Ипатьевская летопись под 1187 г. сообщает: «...приде Володимѣрь ис Половѣць с Коньчаковною, и створи свадбу Игорь сынови своему и вѣнча его и с дѣтятемь».

Рекъ Боянъ и Ходына... Ольгова коганя хоти! — Это место одно из труднейших для толкования. В П читается: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти». Видеть здесь рядом с Бояном второго певца — Ходыну предложил еще И. Забелин, но лишь недавно Д. М. Шарыпкин показал, что если считать Бояна певцом скальдического типа, то для скальдов исполнение произведения двумя певцами прием традиционный (см. Д. М. Шарыпкин. «Рек Боян и Ходына...». — В кн.: Скандинавский сборник, XVIII. Таллин, 1973). Полагают, что Боян и Ходына обращаются к жене Олега Святославича: «Ольгова коганя хоти!» Каган — титул хазарских владык, применявшийся по отношению к русским князьям. Это истолкование, при всей своей гипотетичности, наиболее приемлемое, оно не противоречит и грамматической структуре фразы.

...къ святѣй Богородици Пирогощей. — Церковь Богородицы Пирогощей находилась в Киеве, на дороге, по которой князь Игорь должен был проезжать, направляясь из Чернигова в киевский кремль, к Святославу.

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА (Стр. 388)

К числу наиболее интересных и вместе с тем наиболее загадочных литературных произведений Древней Руси принадлежит памятник, в первой своей редакции обычно называемый «Словом Данинла Заточннка», а во второй — «Моленнем Даннила Заточника». Неясен прежде всего адресат этого пронзведення: ученые относят отдельные его редакцнн то к сыновьям Владнмнра Мономаха — Юрню Долгорукому нлн Андрею Владнмнровнчу Доброму, то к сыну Всеволода Большое Гнездо — Ярославу Всеволодовнчу, и т. д. Неясна также и сама личность Даниила: одни из исследователей считают его дворянином, другие — дружинником князя, третьи — холопом, четвертые — ремесленником. Говорилось и о том, что Даниил вообще не имел устойчивого социального положеиия. Не решеи вопрос и о том, был ли Даиинл заключеи, был ли Даиинл одии или было двое Даииилов; иакоиец, есть и такая точка зрения, что за произведеиием этим вообще нет какой-либо реальной основы, что Даниил — это чисто литературный образ.

Каковы бы ни были споры по поводу этого пронзведения, ясио следующее: «Слово» или «Молеиие» — памятник исключительно своеобразный, свидетельствующий о высокой литературной культуре домонгольской Руси.

Основная часть «Слова» или «Моления» состоит из своеобразных, ритмически организованных строф, с ассонансами и общим повторяющнмся обращеннем вначале: «Княже мой, господнне». Строфы распадаются на излюбленные в средневековой лнтературе афористнческне изречення, пословицы и небольшне рассуждення. В подборе кннжного матернала автор выказывает себя шнроко образованным пнсателем, человеком из утончеиной литературной среды, который не боялся остаться непонятым,— следовательно, нмел образованных, сведущнх чнтателей.

В своей образной снстеме «Слово» нлн «Моленне» Даннила Заточннка больше, чем какое-либо другое пронзведенне русской лнтературы XI—XIII веков, опнрается на явлення русского быта. Даннил как бы щеголяет своей грубостью, нарочнтой снnженностью стнля, не стесняясь бытового словаря, н, не задумываясь, пароднрует даже Священное писание, переделывая цитаты из псалмов, и вольно обращается с летописным материалом Порой перед нами явно проступают скоморошеские приемы.

Юмор Даиниа — это скоморошье балагурство. Он пересыпает свою речь различными небылицами, рисует бытовые сценки; есть у него и сатирические выпады против бояр, против богатых вообще.

Книжные элементы у Даниила занимают очень солидное место. Он не чуждается книжных образов, книжных тем. Произведение Даниила, безусловно, книжное, хотя и возникшее на началах народного творчества.

Кем бы Даннил нн был — холопом нлн «дворяннном» (в значеннн, свойственном XII—XIII вв., — то есть членом княжеского «двора»), он, во вся-

ком случае, вышел нз ннзшнх слоев общества, прннадлежа к тем его представнтелям, которые называлнсь княжескнми «милостниками» и которые энергично поддерживали в это время сильную княжескую власть в ее борьбе с боярством.

Текст «Слова» печатается по публикации Н. Н. Зарубина: «Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам». Л., 1932. В основу положена основная редакция XII века.

Стр. 388. *Псалтырь.* — Здесь — музыкальный инструмент (см. коммент. к с. 66).

Трость (отточенный кусок тростннка) — однн нз ннструментов для пнсьма в Внзантнн, а отчастн, по-вндимому, н в Древней Русн в XI—XII вв.

...древняя младенца о камень. — Библейский символ младенцев, разбиваемых о камень, выражает высшую степень народного несчастия.

...аки она смоковница проклятая... — Согласно Евангелию, Иисус Христос, входя в Иерусалим, проклял смоковницу (фиговое дерево), не дававшую плодов.

...и расыпася животъ мои, аки ханаонскыи царь буестию... — По-видимому, имеется в виду взятие ханаанского города Иерихона. Стены Иерихона рассыпались от трубного звука и кликов еврейского войска.

...аки Чермное море фараона. — Согласно Библии, когда израильтяне бежали из Египта, Красное море расступилось перед ними и позволило им перейти его. Фараон с египтянами, преследовавшие израильтян, вступили за ними на морское дно, но море сомкнулось и поглотило фараона со всем войском.

...аки Агарь рабыни от Сарры... — Согласно Библии, Сарра, жена Авраама, была бесплодна и предложила Аврааму взять в супружество служанку свою Агарь. Агарь, сделавшись женою Авраама и видя, что скоро станет матерью, стала презирать Сарру. Сарра, с позволения Авраама, «смиряла» Агарь, и та убежала. На пути Агари явился ангел и вернул ее к Аврааму.

Стр. 390. *Лаче озеро* — озеро Лаче на севере Новгородской области.

Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение... — Приводимые слова были сказаны, согласно летописи, не Ростиславом, а переяславским князем Андреем Владимировичем Добрым (см. Лаврентьевскую летопись под 1139 г.). Возможно, автор «Слова» имеет в виду здесь, что Ростислав (по-видимому, сын Юрия Долгорукого — Ростислав Юрьевич) только передал слова, сказанные Андреем Добрым.

...сыне великаго царя Владимера... — Под Владимиром здесь мог разуметься Владимир Мономах или какой-либо другой князь Владимир: например, внук Мономаха — Владимир Мстиславич.

Стр. 392. *Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго...* — Езекия — еврейский царь; согласно библейской легенде, вместо того чтобы прославить бога за свое чудесное выздоровление, показывал свои богатства послам вавилонского царя Меродах Валадана, пришедшим справиться о его здоровье. Тогда пришел к Езекии пророк Исайя и предрек, что все это взято будет вавилонянами, и даже дети его будут отведены в Вавилон.

...Святославъ князь, сынъ Олъжинъ... — Имеется в виду знаменитый Святослав Игоревич, сын княгини Ольги. Приводимые здесь слова Святослава в летописи отсутствуют.

Сионъ — гора близ Иерусалима. Здесь цитата из псалма 124-го («Надеющийся на господа, как гора Сион»).

Дивиа за буяном кони паствити... — Пасти коней, наблюдая за ними с бугра, удобно в нескольких отношениях: с бугра хорошо видны все кони, издалека может быть замечено приближение неприятеля, и за бугром легче найти укрытие во время непогоды.

Стр. 392—394. *...тивунъ бо его аки огнь трепетицею накладенъ и рядовичи...* — Рядовичи — закабаленные люди, заключившие «ряд» (договор) со своим господином и работающие у него по этому «ряду». Смысл сравнения в том, что княжеский управляющий (тиун), как огонь, сыплющий искры («на осине разожженный»), распространяет вокруг себя закабаление.

Стр. 394. *...повозъ возити* — обязанность доставлять дань или оброк в назначенное место.

Стр. 396. *...жены ради Иосифъ Прекрасныи в темници затворенъ бысть...* — Иосифа Прекрасного (персонаж Библии) пыталась соблазнить жена его господина Пентефрия. Когда ей это не удалось, она оклеветала Иосифа, и Пентефрий заключил Иосифа в темницу.

...жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша... — Здесь в «Слове» неточность. По библейскому преданию, пророк Даниил был ввергнут в ров со львами, но причиной этого была не женщина.

ПОУЧЕНИЯ К ПРОСТОЙ ЧАДИ (Стр. 400)

Среди древнерусских поучений, адресованных простому люду, не искушенному в книжной премудрости, особое место занимают краткие увещевательные «Слова», направленные против языческих пороков в среде ранних славянских христиан. Произнесенные на понятном разговорном языке своего времени, русскими по рождению людьми, в своеобразной поэтической форме, лаконично и в народном ритме, они затрагивают нравственные проблемы общего значения и до сих пор сохраняют свою художественную ценность. Их особенность — в полном отсутствии цитат из Священного писания, что так характерно для торжественного красноречия, и в той системе эмоциональных доказательств, которые диктуются простой и понятной житейской мудростью умудренного опытом человека.

Слова об излишествах и об языческих клятвах приписываются новгородскому игумену Моисею, умершему в 1187 году; они публикуются по пергаменному сборнику XIV века — ГИМ, Хлудовское собрание, 30-д, в издании: А. И. Соболевский. Материалы и заметки по древнерусской литературе. — «Известия ОРЯС», т. XVII, кн. 3, с. 77—80 (СПб., 1912).

Слово против пьянства приписывается Григорию, жившему в конце XII века, которого рукописи называют философом (мудрецом). Согласно традиции, его считают епископом Белгорода — городка под Киевом; в домонгольской Руси такой епископ считался вторым в церковной иерархии лицом и обычно заменял митрополита в отсутствие последнего — это случалось довольно часто и подолгу. В «Слове» содержится несколько мест, показывающих, что Григорий воспользовался таким случаем и произнес свое

непритязательное слово перед прихожанами знаменитой Софии киевской. Издается оно по публикации: А. И. Соболевский. Два русских поучения с именем Григория. — «Известия ОРЯС», т. XII, кн. 1, с. 254—258 (СПб., 1907).

«СЛОВО» МОИСЕЯ ВЫДУБИЦКОГО (Стр. 408)

10 июля 1198 года была заложена, а 24 сентября того же года завершена и освящена подпорная стена, удерживавшая древний (заложенный еще отцом Владимира Мономаха) Михайловский собор на осыпающемся берегу Днепра. Строил стену известный мастер Милонег (Петр) на средства киевского князя Рюрика Ростиславича. В день открытия величественного сооружения игумен Выдубицкого монастыря (которому принадлежал собор) Моисей произнес торжественную речь, «Слово» (некоторые ученые считают, что это была кантата, составленная Моисеем, но исполненная монашеским хором), восхваляя щедрость князя и отмечая важность постройки. Этой торжественной и красочной речью завершается Киевский летописный свод 1198 года, составителем которого считают того же Моисея. Ему же приписывают и некоторые другие древнерусские произведения, но публикуемое «Слово», несомненно, является самым ярким образцом его творчества и вместе с тем выдающимся произведением этого жанра вообще. «Слово» игумена Моисея печатается по тексту Ипатьевской летописи под 1199 годом в издании: Полное собрание русских летописей, том второй. СПб., 1908, с. 712—715.

Стр. 408. *...и архистратигъ Михаилъ...* — Поскольку опорная стена укрепляла храм, посвященный святому архангелу Михаилу — патрону князя, строившего его.

...акы вдовица она... — См. коммент. к с. 286.

...со преподобнымъ Мефедьемь... — Речь идет о почитаемом за свои пророческие писания Мефодии Патарском (выписки из его сочинений содержатся и в «Повести временных лет»).

Стр. 410. *«Дѣла ваша добрая прославять отца вашего, иже есть на небесѣхъ»* — слова из Евангелия.

...яко Моисѣа... — В одной из книг Библии рассказывается об уходе евреев из египетского плена под водительством Моисея.

...аки Мариамъ древле. — В Библии рассказывается о благодарственной песне пророчицы Мариам и других женщин в честь бога, утопившего войско фараона, когда оно преследовало уходивших из египетского плена евреев (см. коммент. к с. 388).

...по Исаи... — В Книге Пророка Исайи бог говорит о своей власти реки превратить в острова, а озера — иссушить.

Яко и при Зороавели... — Правитель Иудеи Зоровавель по голосу бога приступил к обновлению Иерусалимского храма после вавилонского плена.

«Похваляему правѣдному веселяться людье». — В Псалтыри, 63, 11, сказано: «А праведник возвеселится о господе и будет уповать на него; и похвалятся все правые сердцем».

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК (Стр. 412)

Патериками (*греч.* πατερικὸν, от πατήρ — отец, отсюда русское название «Отечник») назывались сборники назидательных рассказов об «отцах церкви» — подвижниках монашеской и отшельнической жизни. Уже в начальный период возникновения древнерусской литературы на Руси появились переводные патерики. Первым оригинальным русским патериком был Киево-Печерский патерик — сборник рассказов о Киево-Печерском монастыре, возникшем в середине XI века. В этом русском патерике нашли отражение традиции переводных патериков, но от них он отличается и литературным характером, и своей связью с реальным бытом, и историческими личностями XI—XII веков, н исторней своего возникновення.

Пострнженик Киево-Печерского монастыря, Владимиро-Суздальский епископ Симон, в 20-х годах XIII века написал послание монаху этого монастыря Поликарпу, в котором он упрекал Поликарпа в чрезмерном честолюбии, несовместимом с иноческими идеалами (Поликарп добивался высокой церковной должности). Желая наглядно показать святость и богоизбранность Киево-Печерского монастыря, Симон присоединил к своему посланию девять рассказов о подвигах печерских иноков. Еще до этого послания Симон описал историю создания Печерской Успенской церкви. В те же 20-е годы XIII века, возможно, побужденный посланием Симона, Поликарп пишет послание игумену монастыря Акиндину, сопровождая свое послание одиннадцатью рассказами из жизни монастыря. В XIII же веке к этим текстам было присоединено «Слово о первых черноризцах печерских» из «Повести временных лет». Объединение этих произведений воедино явилось первоначальным ядром Киево-Печерского патерика. До нас Патерик дошел в более поздних редакциях, дополненных новыми рассказами. Все дополнительные рассказы относятся ко времени до XIII века.

Древняя, дошедшая до нас датированная редакция Патерика, была составлена по инициативе тверского епископа Арсения в 1406 году (Арсениевская редакция). Составитель включил в Патерик «Житие Феодосия Печерского», написанное Нестором, «Похвалу Феодосию» и «Сказание о начале Печерского монастыря» (предположительно также принадлежит перу Нестора). Одновременно в этой редакции основной текст подвергся некоторым сокращениям.

Независимо от Арсениевской редакции в 1460 и 1462 годах в стенах Киево-Печерского монастыря были созданы первая и вторая Кассиановские редакции Патерика (в их создании принимал участие инок монастыря Кассиан). В этих редакциях текст пополнился новыми статьями. По предположению А. А. Шахматова источником дополнений Кассиановских редакций послужила Печерская летопись, составленная в начале XII века. Вторая Кассиановская редакция получила наибольшее распространение в письменности Древней Руси, она легла в основу всех дальнейших переработок этого памятника.

В эпоху средневековья, как писал Энгельс, «во всех областях умственной деятельности» должно быть отмечено «господство богословия» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, изд. 2-е. М., 1956, с. 360). Совершенно есте-

ственно поэтому, что в сборнике рассказов о жизни монахов, о истории создания Киево-Печерского монастыря «господство богословия» ярко проявляется в морали каждого рассказа, в наличии многочисленных ссылок на библейские тексты, в сравнениях героев повествования с библейскими персонажами, с общехристианскими подвижниками, в объяснении всего происходящего божественным предопределением. Но все это по существу отступает на второй план перед «прелестью простоты и вымысла» рассказов Патерика, которую отмечал в свое время Пушкин в письме к Плетневу 1831 г. (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. X. М. — Л., 1951, с. 347).

Все рассказы Патерика остросюжетны, элемент чудесного в них носит сказочный характер. Различные сюжеты преследуют своей целью проиллюстрировать ту или иную христианскую добродетель, показать подвиг монаха во славу христианской морали. Однако объективное содержание этих сюжетов, основанное на устных преданиях, воссоздает перед нами картины реальной жизни монастыря и Киева той эпохи, реальных взаимоотношений между монахами, между монастырем и миром. И перед читательским взором возникают яркие картины живых человеческих страстей, обуревающих и тех, кто отрекся от мира и посвятил себя служению богу. Большое место в рассказах Патерика занимают вопросы взаимоотношений монастыря с киевскими князьями. И здесь предстают выразительные ситуации, показывающие всю сложность этих отношений, их вполне земной, подчас весьма жестокий характер. Наконец специфической особенностью Киево-Печерского патерика является тесная связь в нем сказочно-фантастического с исторической действительностью XI—XII веков. Это проявляется и в сюжетах целых рассказов, как, например, в рассказе о Моисее Угрине, и в отдельных эпизодах, фразах, намеках едва ли не каждого рассказа. Все это делает Киево-Печерский патерик живым литературным памятником и для современного читателя.

Текст Киево-Печерского патерика публикуется по списку 1554 года, второй Кассиановской редакции, по изданию Д. И. Абрамовича (Д. Абрамович. Києво-Печерський патерик. У Києві, 1931). Внесенные исправления в основной текст по данным других списков (приведенным в издании Д. И. Абрамовича в разночтениях) обозначаются курсивом. В тексте настоящего издания Киево-Печерского патерика опущено 8-е «Слово» — «Житие преподобного отца нашего Феодосиа, игумена Печерьскаго манастыря». Это житие, написанное Нестором, включено в первую книгу «Памятников литературы Древней Руси».

Стр. 412. *Феодосий* — один из основателей Киево-Печерского монастыря, игуменом монастыря был с 1062 по 1074 г. Житие Феодосия, написанное Нестором в 80-х гг. XI в., послужило одним из источников Патерика, а позже было включено в состав его.

...Африканъ, братъ Якуна Слѣпаго, иже отбѣже от златыа луды... — Имена Африкан, Фрианд и Шимон известны только по Киево-Печерскому патерику. В данном эпизоде имеется в виду битва Ярослава с Мстиславом 1024 г. Якун (Гакон) — предводитель отряда варягов, участвовавших в

этом сражении на стороне Ярослава. В «Повести временных лет» сказано: «...и бѣ Якунъ сь лѣп, луда бѣ у него золотомъ истъкана» (и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан). Симон, автор этого рассказа Патерика, неверно понял текст своего летописного источника, объединив в одно слово словосочетание «сь лѣп». Луда — плащ, верхняя одежда. Есть и другие толкования этого слова — маска, шлем, латы.

Ярослав — Ярослав Мудрый, сын Владимира I Святославича. Победив Святополка в битве на реке Альте в 1019 г., занял великокняжеский киевский стол и княжил до 1054 г. Его княжение ознаменовалось укреплеием государственного и политического положения Киевской Руси, расцветом культуры.

...изыдоша трие Ярославичи... Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ... — Еще при жизни Ярослав Мудрый дал «ряд» на княжения своим сыновьям: старший, Изяслав,— получал Киев, Святослав — Чернигов, Всеволод — Переяславль-Южный, Ростов, Суздаль и Белоозеро. После смерти отца эти три князя заключили союз и совместно вели военные действия против внешних врагов, согласовывали свою внутреннюю политику. В 1068 г. они выступили против половцев и в битве на реке Альте (приток реки Трубеж на юго-восток от Киева) потерпели поражение. Поражение на Альте вызвало восстание киевлян, потребовавших дать им оружие, чтобы продолжить борьбу с половцами. Изяслав на это не решился, тогда киевляне изгнали Изяслава и посадили на киевский княжеский стол Всеслава Полоцкого, который находился в это время в заточении в Киеве, плененный в междоусобной распре ярославичами. Изяслав бежал в Польшу, откуда вернулся в 1069 г. и снова занял киевский стол. В 1073 г. триумвират ярославичей распался. Святослав в союзе с Всеволодом изгнал из Киева Изяслава, который бежал в Польшу. На киевский стол сел Святослав Ярославич. После смерти Святослава (1077) киевский стол получил Всеволод Ярославич, но он добровольно уступил его Изяславу, а сам сел в Чернигове. После гибели Изяслава в междоусобной войне (1078) Всеволод Ярославич занял киевский стол и княжил до 1093 г.

Антоний. — Об Антонии (ум. в 1072 или 1073 г.), первом основателе Печерского монастыря, подробно рассказано в 7-м «Слове» Патерика (см. с. 432—440). Существовало Житие Антония, до нас не дошедшее, к которому восходят многие рассказы Патерика.

Стр. 414. *...10 лакот.* — «Локоть» — мера длины, определяемая расстоянием от локтя до конца вытянутого среднего пальца. Сопоставляя метрические величины с их определением в «локтях», можно считать его равным 46 см.

Гривна — единица денежного счета, равная определенному весу драгоценного металла.

Стр. 418. *...сѣде Георгий Владимеровичь во Киевѣ...* — Юрий Владимирович Долгорукий, сын Владимира Мономаха. Ростово-Суздальская земля была закреплена за ним еще при жизни отца. В 1146 г. умер Всеволод Ольгович, владевший Киевом. Киевский стол занял его брат Игорь Ольгович, но вскоре был смещен Изяславом Мстиславичем, внуком Владимира Мономаха. За Киев началась междоусобная распря, в результате которой в 1149 г. киевский стол у Изяслава Мстиславича захватил Юрий Влади-

мирович, но в 1151 г. Изяслав Мстиславич вернул себе Киевское княжение. В 1151 г. Юрий Долгорукий снова захватил Киев и был киевским князем до 1157 г. (см. также коммент. к с. 454, к словам: «Егда бо приндохомь иа Изяслава Мьстиславича»).

«Зоветь вы царица Влахерну». — Влахерна — местность в Константинополе, около константинопольской гавани, где находилась церковь Богородицы с «чудотворной» иконой богоматери. Отсюда название церкви и иконы.

Стр. 420. *«Та намѣстнаа... будеть».* — Наместными назывались иконы, находящиеся по обеим сторонам царских врат в церкви (царские врата — двери посередине иконостаса, против престола).

Стр. 422. *...Святослава, сына Ярославля...* — См. коммент. к с. 412, к словам «изыдоша трие Ярославичи...»

Прошедъ убо книги Ветхаго и Новаго закона... — Книги Ветхого закона — Библия, Нового закона — Евангелие.

Стр. 424. *...и на семъ камени съгради господь церковъ сию, и врата адова не удолѣють ей.* — В этой фразе об утверждении Печерской церкви реминисценция из Евангелия от Матфея: Христос, обращаясь к Петру, говорит: «Ты — Петр, и на сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее» (Петр, по-гречески,— камень).

Стр. 426. *Канев* — город на Днепре, южнее Киева.

Треполь — город на Днепре, расположенный между Киевом и Каневом.

...Стефанъ игуменъ, демественикъ... — Стефан был игуменом Печерского монастыря после Феодосия, с 1074 г. (по какой год точно неизвестно), затем игуменствовал в созданном им Влахернском монастыре (назван так в честь Влахернской константинопольской церкви) на Клове (урочище на ручье Клове между Киевом и Печерским монастырем), потом стал епископом Владимира Волынского. Демественик — доместик — руководитель церковного хора. Почему Стефан был изгнан из монастыря — неизвестно. Приселков предполагает, что из-за неприязненного отношения к Стефану князя Изяслава Ярославича (см. М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913).

...Владимеръ Всеволодовичь Манамахъ — сын Всеволода Ярославича, внук Ярослава Мудрого, Мономахом прозван по имени матери, дочери византийского императора Константина Мономаха. Выдающийся государственный деятель и полководец, вел активную борьбу с половцами, сыграл большую роль в урегулировании межкняжеских отношений в первой четверти XII в., писатель (см. первый выпуск «Памятников литературы Древней Руси»). Княжил в Чернигове, с 1078 по 1094 г., Переяславле, с 1094 по 1113 г., Киеве, с 1113 по 1125 г.

Стр. 428. *Сынъ же того Георгий...* — См. коммент. к с. 418, к словам «...сѣде Георгий Владимеровичь во Киевѣ».

И призва игумена Никона... — Никон был игуменом Печерского монастыря после Стефана, с 1077 по 1087/88 гг. Никон, по прозвищу Великий, был сподвижником Антония и Феодосия. Играл большую роль в политической жизни Киевской Руси 60—70-х гг. XI в., принимал активное участие в ведении русского летописания. М. Д. Приселков предполагает, что Никон — иноческое имя Илариона, первого русского митрополита, по-

стригшегося в Печерском монастыре после того, как он вынужден был оставить киевскую митрополию.

Стр. 430. *...въ пръвое лѣто игуменьства Иоаннова.* — Иоанн был игуменом Печерского монастыря после Никона, с 1088/89 г. До какого года он игуменствовал — точно неизвестно.

Трапеза — жертвенник, престол — сооружение в виде стола, стоящее в левой стороне алтаря, на котором приготавливается «бескровная жертва» — хлеб и вино, для совершения церковного обряда евхаристии — причащения. Причащение состоит в том, что, съедая хлеб и выпивая вино, которые во время «таинства» над ними, совершаемого священником на алтаре, превращаются в «истинное тело» и «истинную кровь Христа», причащающиеся тем самым соединяются с Христом, становясь сопричастниками «жизни вечной».

Иоаннъ же митрополитъ... — С 1080 по 1089 гг. киевский митрополит, грек. В «Повести временных лет» в похвальном слове отмечается его высокая образованность.

Стр. 432. *Нестор* — монах Киево-Печерского монастыря. Автор «Повести временных лет», «Чтения о Борисе и Глебе», «Жития Феодосия Печерского». С именем Нестора, кроме «Жития Феодосия», в Патерике связываются: «Сказание, что ради прозвася Печерский монастырь», рассказы о первых черноризцах печерских (Дамиане, Иеремии, Матфее, Исаакии), рассказ о перенесении мощей Феодосия из пещеры в Успенскую церковь.

Владимир Святославич — киевский князь (980—1015). Княжение Владимира I ознаменовалось усилением Киевской Руси как в международном плане, так и во внутренней жизни страны. При Владимире I в 988 г. на Руси было принято христианство как единая официальная религия.

Стр. 434. *Любеч* — город на Днепре, недалеко от Чернигова.

И въ Святую Гору доиде... — Святая Гора — Афон. Своеобразная монашеская республика из православных монастырей. Находится на восточном выступе Халкидонского полуострова в Эгейском море. Первый монастырь был основан в 962 г. греком Афанасием. В 1172 г. на Афоне возник первый русский (Пантелеймонов) монастырь. Связь русской церкви с Афоном играла большую роль в церковно-религиозной жизни Древней Руси.

Берестово — село под Киевом, принадлежавшее киевскому князю; здесь находились княжий двор, монастырь и церковь Спаса, церковь Святых Апостолов.

...безбожный окаанный Святополкъ... — сын Владимира I Святославича. После смерти Владимира в 1015 г., убив братьев Бориса, Глеба и Святослава, захватил киевский престол. После длительной борьбы за Киевское княжение Ярослава Святославича со Святополком, последний потерпел в 1019 г. окончательное поражение, бежал и погиб. Об убийстве Святополком Бориса и Глеба, перипетиях борьбы с ним Ярослава подробно рассказывается в «Повести временных лет» и в «Сказании о Борисе и Глебе» (см. первый выпуск «Памятников литературы Древней Руси»).

Иларионь — пресвитер при церкви в княжеском селе Берестове, был первым киевским митрополитом из русских. Его поставление в митрополиты в 1051 г. связано с попыткой Ярослава Мудрого освободить русскую цер-

ковь от подчинения ее Византии. Однако Константинопольская патриархия не утвердила Илариона на митрополичьей кафедре. Сведений о митрополитстве Илариона и о его судьбе после 1055 г. в источниках нет. Иларион — автор «Слова о законе и благодати» — раннего памятника русского ораторского красноречия, в котором провозглашалось равноправие русской церкви и русского народа с остальным христианским миром (см. также коммент. к с. 428, к словам: «...и призва игумена Никона»).

Стр. 436. *Великий Антоний* — христианский подвижник III—IV вв., основатель и идеолог отшельнической монашеской жизни.

...приять власть сынъ его Изяславъ... — См. коммент. к с. 412, к словам: «...изыдоша трие Ярославичи...»

И постави им игумена именем Варлаама... — В Несторовом «Житии Феодосия» говорится, что Варлаам был поставлен игуменом монастыря при Изяславе Ярославиче, то есть после 1054 г. Варлаам был сыном боярина Иоанна. В одно время с Варлаамом в монастыре был пострижен «каженик» (скопец) Ефрем, также знатного происхождения, близкий к князю Изяславу Ярославичу человек. Эти пострижения вызвали такое недовольство Изяслава, что Антоний с частью монахов вынужден был временно бежать из монастыря. Подробно эти события описаны в «Житии Феодосия Печерского» (см. первый выпуск «Памятников литературы Древней Руси»).

Стр. 438. *...манастырь святого Дмитреа...* — Где находился этот монастырь — точно неизвестно. Есть предположение, что монастырем Дмитрия является постройка в Киеве, считающаяся собором Михайловского Златоверхого монастыря.

Стр. 440. *...монастыря Студийскаго...* — Студийский монастырь в Константинополе. С 798 по 826 г. настоятелем монастыря был Феодор Студит, идеолог монашества. Он составил особо суровый монастырский устав (обязательный труд, общежительство, отсутствие личной собственности). Принятый Киево-Печерским монастырем Студийский монастырский устав стал образцом для всех русских монастырей.

...пришел из Грекь съ митрополитом Георгием. — Георгий, родом грек, прибыл на Русь около 1062 г., занимал митрополичью кафедру до 1073/74 г.

А о Феодосиевѣ житии пакы скажем... — «Житие Феодосия Печерского», написанное Нестором, включенное в Киево-Печерский патерик как «Слово 8-е», напечатано в первом выпуске «Памятников литературы Древней Руси».

Стр. 442. *Било* — металлическая или деревянная доска, в которую ударяли для созыва братии.

Стр. 444. *Досточюдный же именитый Стефан... бысть епископъ града Владимеря...* См. коммент. к с. 426, к словам: «Стефан игуменъ, демественикъ».

Стр 446. *...Феоктисть игумень...* — Был игуменом монастыря после Иоанна, по одним источникам с 1103 г., по другим — с 1108 по 1112/13 гг.

...нача понужати... князя Святополка... — Святополк Изяславич, сын Изяслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, князь полоцкий (1069—1071), новгородский (1078—1088), туровский (1088—1093), великий князь киевский (1093—1113).

Синодик — поминальная книга с перечнем имен умерших (иногда с их краткими характеристнкамн), помннаемых на лнтургнях и вселенских панихидах.

Стр. 448. *Великий Феодосий* — хрнстианский подвижник V—VI вв., положивший начало монашеским скитам в Палестине.

Стр. 452. *...прииде к нему Георгий князь Владимеричь...* — См. коммент. к с. 418, к словам: «...сѣде Георгий Владнмнровнч во Киевѣ».

...вдаст гривну, юже ношаше... — Грнвной называлась не только денежная еднннца, но н драгоценное украшение, надевавшееся на шею.

Стр. 454. *Егда бо придохомь на Изяслава Мьстиславича...* — Имеется в виду поход на Киев Юрия Долгорукого в 1149 г. Изяслав Мстиславич, сын Мстислава Владимировича, внук Владимира Мономаха, занимал киевский велнкокняжескнй стол с 1146 по 1149 г. и с 1151 по 1154 г. (см. также коммент. к с. 418, к словам «...сѣде Георгий Владнмирович во Киевѣ).

...правнуци его любовь имѣють къ святому Дмитрею... — Предполагают, что под «святым Дмитрием» подразумевается церковь св. Дмитрия, построенная суздальским епископом Ефремом, постриженком Печерского монастыря (см.: И. Малышевский. Варяги в начальной истории христианства в Киеве. К., 1887).

Стр. 460. *...яко Моисѣй с горы Синайскыа, душею сиая паче лица Моисѣова...* — В библейских рассказах о Моисее сообщается, что после беседы Моисея с богом иа Синайской горе, когда он сошел вниз, лицо его было озарено сняннем.

Стр. 462. *Радуйся, столпе огненый свѣтлѣе паче иже при Моисѣи... и амалика мысленнаго лучами духа устраши...* — В библейском рассказе об «исходе» евреев из Египта говорнтся, что идущнм по пустыне в «обетованную землю» евреям путь указывал сам бог, который шел впереди их «днем в столпе облачном, а ночью в столпе огненном». Во время шествия по пустыне произошло сражение евреев с племенами амалекитян, окончившееся, благодаря божественной помощи, поражением последних.

Стр. 466. *Егда же умножишася грѣсѣ наши...* — В данном отрывке, вероятнее всего, имеется в виду монголо-татарское нашествие на Русь. Киев был захвачен и разгромлен монголо-татарами в 1240 г.

Стр. 472. *...Нифонтѣ, бывшу епископу Новаграда...* — Нифонт был епископом Новгорода с 1130 по 1156 г.

...в Русию иде Костянтинь митрополит... — В 1147 г. киевский князь Изяслав Мстиславич, без санкции константинопольского патриарха, поставил митрополитом киевским и всея Руси Клима (Климента) Смолятича, монаха Зарубского монастыря. Русские епископы разделились на две группы — одни признавали Клима митрополитом, другие — иет, в числе последних был Нифонт. После смерти Изяслава (1154) Клим вынужден был оставить митрополию. В 1156 г. константинопольский патриарх поставил иа киевский митрополичий стол грека Константниа.

Стр. 474. *...любов же имяста съ князем Святославом съ Олговичем...* — Святослав Ольгович был новгородским князем с 1135 по 1138 и с 1139 по 1141 гг., принимал активное участие в борьбе с Изяславом Мстиславичем на сторонe Юрия Долгорукого, с 1154 по 1164 г. — князь черниговский.

...Свѣтлыа недѣли. — Пасхальная неделя.

Стр. 476. *...апостоль Петръ, самъ церкы сый бога жива, и егда ятъ бысть от Ирода...* — См. коммент. к с. 424, к словам: «...и на семъ камени съгради господь церковь сию...» В Деяниях Апостолов рассказывается, что Ирод заключил Петра в темницу под крепкую стражу. «Церковь,— говорится здесь,— прилежно молилась о нем богу». Ночью к Петру явился ангел и вывел его из темницы.

...яко же въ Отечьницѣ писано. — В данном случае имеется в виду эпизод, сюжет которого изложен Симоном, из так называемого Скитского патерика (сборника изречений и повестей из жизни восточных монахов IV—V вв).

Стр. 478. *Ты ли еси больши Давида царя? Ему же Семей досажаше...* — Имеется в виду эпизод из Второй книги Царств (гл. 16) Библии. Когда Давид с народом и воинами уходил из Иерусалима, захваченного его сыном Авессаломом, то Семей из рода Саула насмехался над Давидом и его спутниками. Один из слуг Давида, Авесса, сын Саруйн, хотел убить Семея, но Давид остановил его, сказав: «Пусть он злословит, ибо господь повелел ему злословить Давида».

...и ялъ ся еси игуменити у святую безмѣзнику Козмы и Дамиана. — Поликарп некоторое время игуменствовал в киевских монастырях Козмодемьянском и Дмитровском, но затем снова вернулся в Печерский монастырь.

Стр. 480. *...архимандриту Акиндину...* — О нем нам известно только по упоминанию его имени в Патерике.

...иконом. — Эконом, монах, ведающий хозяйством монастыря.

...княгини Ростиславля Верхослава... — Верхуслава-Анастасия, дочь князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, жена князя Ростислава Рюриковича (сын великого князя киевского Рюрика Ростиславича).

Стр. 482. *...послушай Павла, глаголюща къ Тимофѣю...* — Имеется в виду первое Послание апостола Павла к Тимофею (3-я глава Послания, в которой говорится о том, каким должен быть епископ).

...яко же князь Георгий хотѣль... — Юрий Всеволодович, сын Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, великий князь владимирский с 1212 по 1238 г. (погиб в битве с монголо-татарами на реке Сити).

Первый — Леонтие, епископъ ростовьскый... — Леонтий был епископом Ростова с середины до 70-х гг. XI в. О том, что он был мучеником за веру, сообщается только в послании Симона. В «Житии Леонтия Ростовского» говорится, что он, крестив ростовцев, «с миром к господу отиде».

...съ онѣма варягома вѣнчася от Христа... — Имеется в виду рассказ «Повести временных лет» под 983 г.: киевляне, еще язычники, по выпавшему жребию собирались принести своим богам в жертву юношу-варяга, исповедовавшего с отцом христианство. Отец отказался выдать сына, обличая языческих богов и проповедуя христианство. Оба были убиты.

...сея съборныа церкве, красоты Володимеръскыя и другыа Суждальскыа церкве... — Владимирская — Успенский собор во Владимире, построен князем Андреем Боголюбским в 1158—1161 гг., в 1185—1189 гг., после пожара 1185 г., был перестроен; Суздальская — собор Рождества Богородицы в Суздале, построенный в 1222—1225 гг. князем Юрием Всеволодовичем и освященный Симоном, в 1528 г. был перестроен. Эта фраза сви-

детельствует, что послание Симона написано в период с 1225 по 1226 г. (год смерти Симона).

Стр. 484. *...при игуменъствѣ Пиминовѣ...* — Точных данных о игуменстве Пимена нет, был игуменом после Тимофея, предположительно с 1132 по 1141 г.

Стр. 486. *«Азъ, есмь, рекый Аврааму: двадесяти ради праведникь не погублю града сего...»* — Имеется в виду библейский эпизод (Книга Бытие). Бог говорит Аврааму, что хочет уничтожить за грехи людей город Содом. Авраам спрашивает у бога,— неужели он погубит с грешниками и праведных людей, если их будет пятьдесят? Бог отвечает, что если в Содоме окажется пятьдесят праведников, то он пощадит весь город. Тогда Авраам начинает называть все меньшие и меньшие цифры праведников: сорок пять, сорок, тридцать, двадцать, десять. Сказав, что он пощадит город, если в нем будет хотя бы десять праведников, бог умолкает и уходит.

Стр. 488. *И рече ми, яко и разбойнику: «Днесь съ мною еси в раи...»* — В Евангелии от Луки рассказывается, что один из разбойников, рядом с которыми был распят Христос, издевался над Христом и говорил ему: «Если ты Христос, спаси себя и нас». Другой же укорял первого разбойника за эти слова и попросил Христа благословить его. В ответ на это Христос сказал ему: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю».

Стр. 490. *...протостраторъ...* — первоподвижник.

...Епарх — эпарх, наместник, правитель города.

Корсунь — древнерусское название греческой колонии в Крыму Херсонеса (в настоящее время западная окраина Севастополя).

Стр. 498. *Святоша* — Святослав Давыдович (род. ок. 1080 г. — ум. в 1142 г.), сын князя Давыда Святославича, князь черниговский и луцкий, при пострижении в 1106 г. получил имя Николай.

...брата его Изяславъ и Владимеръ... — Владимир Давыдович княжил в Чернигове с 1139 по 1151 г. Был убит в битве на реке Руте, выступая на стороне Юрия Долгорукого, когда произошло столкновение Юрия с Изяславом Мстиславичем за киевское княжение. Изяслав Давыдович занял черниговский стол в 1151 г., после смерти Владимира. В 1154 г. сел на киевский стол, в 1155 г. уступил его Юрию Долгорукому. В 1157 г., после смерти Юрия Долгорукого, вновь занял киевский стол. В 1161/62 г. был убит в междоусобной брани за Киев с Ростиславом Мстиславичем (сын Мстислава Владимировича, князь смоленский, затем киевский, до 1169 г.).

Стр. 500. *...сего пути въжелѣ, развѣ Варлама, игумена бывшаго здѣ?* — См. коммент. к с. 436, к словам: «И постави им игумена, именем Варлаама».

Стр. 502. *...на смѣтьиши седѣти — съ Иевом ся творя царствуя.* — Иов — библейский персонаж, являющийся примером терпения и преданности богу в постигших его несчастиях, в конечном счете был возвышен и вознагражден за все свои страдания. Пораженный проказой, «взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел».

Стр. 504. *...яко же древле Илиа Иелисеови милоть...* — Милоть — плащ из овечьей шкуры, овчина. Елисей — пророк, сподвижник пророка Илии. Когда Илья был вознесен в огненной колеснице на небо, его милоть упала

к ногам Елисея как знак духовной преемственности Елисеем земной миссии Илии (Библия, Четвертая Книга Царств).

...прося... креста, иже у парамандии его... — Параман или анклав — четырехугольный нагрудник из ткани с изображением креста и других символов страстей Христовых, носимый монахами.

Стр. 506. *...и тако убиень бысть в рати...* — См. коммент. к с. 498, к словам «...брата его Изяславъ и Владимеръ».

...что пишеть блаженый Иоанъ иже в Лѣствици... — Иоанн Лествичник, синайский подвижник середины XV в., автор книги, в которой представлено тридцать ступеней (отсюда ее название «Лествица») духовного восхождения к совершенству.

Евагрий — ученик Григория Богослова, автор ряда сочинений о монашестве (конец IV — начало V в.).

Стр. 508. *...великый аггельскый образъ...* — высшая ступень монашества, великая схима.

Стр. 508—510. *Ему же възревьнова юноша, и мало своего злата приложивь...* — Имеется в виду 281-е Слово Синайского патерика: юноша, подмастерье золотых дел мастера, делая по заказу богача-вельможи золотой крест для церкви, добавил из благочестивых побуждений к данному заказчиком золоту немного собственного золота, скрыв это. Когда открылась истина, вельможа усыновил юношу и сделал его своим наследником.

Стр. 510. *Цата* — мелкая монета.

Стр. 512. *...старець, иже в Патерицѣ молилъся богови, да приидут на нь разбойници...* — Имеется в виду 294-е Слово Синайского патерика: старец, к которому в келью пришли разбойники и все забрали, отдал им и не замеченную ими вещь. Другой старец, услышав об этом, стал молить бога, чтобы и к нему пришли разбойники. Его молитва была услышана, и он с радостью отдал все имеющееся у него пришедшим грабителям.

...яко же Афанасие Затворникъ свѣдителъствова. — См. Слово 19, с. 496—498.

Стр. 514. *Ефрем* — Ефрем Сирин, церковный писатель IV в., автор толкований Священного писания, песнопений и статей, обличающих ереси.

Стр. 516. *О Никите Затворнице...* — Никита был после монашества в Печерском монастыре епископом Новгорода с 1096 по 1108 г.

Стр. 518. *«Днесь убиенъ бысть Глѣбъ Святославичь въ Заволочии...»* — Глеб Святославич, сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, княжил сначала в Тмуторокани, а потом в Новгороде. Убит в 1078 г. Заволочье — новгородская область (Двинская земля).

...посли сына своего Святополъка... — См. коммент. к с. 446.

Стр. 520. *...шед къ святому Дмитрию въ Изяславль манастырь...* — См. коммент. к с. 438, к словам «...монастырь святого Дмитреа».

Стр. 524. *...первый бысть у князя Всеволода...* — Всеволод Ярославич. — См. коммент. к с. 412, к словам: «...изыдоша трие Ярославичи...»

Стр. 536. *И бывшим имъ у Треполя... Ростиславъ же утопе...* — Во время нашествия половцев в 1093 г. (воспользовавшихся смертью Всеволода Ярославича) в союзе против них выступили Святополк Изяславич, занявший киевский стол, Владимир Мономах, княживший в это время в Чернигове, и младший брат Владимира Ростислав Всеволодович, княживший в Пе-

реяславле. Битва произошла у города Треполя (недалеко на юг от Киева), на реке Стугне. Потерпев поражение, русские, отступая, должны были переправляться через Стугну. Во время переправы погибло много русских воинов. О гибели Ростислава, утонувшего на глазах у старшего брата в Стугне, подробно рассказывается в «Повести временных лет» (под 1093 г.). Это событие нашло отражение и в «Слове о полку Игореве». В «Повести временных лет» и в «Слове» о гибели юного Ростислава рассказывается с большим сочувствием.

Стр. 542. *...сей бо болѣи Иосифа сътвори...* — См. коммент. к с. 396.

О преподобнѣмъ Моисии Угринѣ. — Рассказ о Моисее Угрине восходит к «Житию Антония», в котором сообщалось больше подробностей исторического характера, чем дошло до нас в Патерике (об этом можно догадываться по летописным записям, также восходящим к «Житию Антония»). Моисей был братом Георгия, убитого вместе со своим князем Борисом по приказанию Святополка (см. «Житие Бориса и Глеба»). В 1016 г. произошло первое столкновение Ярослава со Святополком, окончившееся победой Ярослава и бегством Святополка в Польшу. В 1018 г. Святополк при помощи польского короля Болеслава I Храброго (Святополк был женат на его сестре) снова захватил киевский стол. Польские войска, пришедшие с Болеславом и Святополком, были размещены «на покорм» по киевским городам. Против поляков начались народные выступления, и в том же 1018 г. Болеслав с остатками своего войска и русскими пленниками вернулся в Польшу. В числе пленников, уведенных Болеславом, были сестры Ярослава, одна из которых, Предслава, была сделана Болеславом наложницей. Моисей Угрин входил в число лиц, близких к Предславе (он спасся у нее после убийства Бориса и избиения его отроков).

Стр. 546. *И не токмо себе срачици единоя съвлече, яко же Иосифъ...* — См. коммент. к с. 396, к словам: «Се бо болѣи Иосифа сътвори».

Иосифъ же в малѣ побѣдивъ и пакы женою побѣжень бысть. — После того как заключенный в темницу Иосиф истолковал сны фараона, тот возвысил Иосифа и женил его на дочери илиопольского жреца.

Стр. 552. *Въ едину убо нощь Болеславъ напрасно умре, и бысть мятежь великъ въ всей Лядской земли...* — Болеслав I умер в 1025 г. Но в «Повести временных лет» о его смерти и мятеже в Польше сообщается под 1030 г. На основании польских источников известно о восстании 1031 г. И «Повесть временных лет», и Киево-Печерский патерик пользовались данными жития Антония. В каком виде эти данные были представлены там, мы не знаем.

...яко же в Лѣтописци повѣдаеть. — Имеется в виду запись под 1030 г. «Повести временных лет».

Егда изгнанъ бысть... Антоние князем Изяславом Варлаама ради и Ефрема... — См. коммент. к с. 436, к словам: «И постави им игумена имением Варлаама».

Стр. 554. *...въ дьни княжениа Святополча въ Киевѣ.* — См. коммент. к с. 446, к словам: «Святополк Изяславич».

Стр. 558. *Егда Святополкъ съ Давыдом рать зачаста и про Василькову слѣпоту...* — После Любечского съезда князей в 1097 г., на котором была сделана попытка урегулировать междукняжеские отношения и был за-

ключен договор, закреплявший за князьями их владения, сразу произошло нарушение этого договора: Святополк Изяславич, князь киевский, и Давыд Игоревич, князь Владимира-Волынского, хитростью захватили Василька Теребовльского и ослепили его, обвиняя его в притязаниях на их земли. Это событие вызвало ряд столкновений между князьями. Об ослеплении Василька и о последовавших за этим событиях подробно и красочно рассказано в «Повести временных лет» под 1097 г. Здесь имеется в виду один из эпизодов межкняжеских распрь после ослепления Василька: выступление Святополка Изяславича в союзе с ослепленным им Васильком и его братом Володарем против своего бывшего союзника Давыда Игоревича в 1099 г. Главным виновником ослепления Василька считался Давыд Игоревич, уговоривший Святополка ослепить Василька.

Стр. 560. *Его же емъ, Святополкъ в Туровъ заточи...* — В начале княжения Святополка Изяславича в Киеве отношения монастыря с князем резко обострились. Игуменствовавший в это время Иоанн обличал князя в насилиях над населением Киева и в недостаточной борьбе с половцами. Святополк сослал Иоанна в Туров. Разрыв Святополка с монастырем продолжался до 1098 г. Заинтересованный в духовной помощи монастыря, Святополк возвращает Иоанна из ссылки, примиряется с монастырем и начинает покровительствовать ему.

Стр. 562. *И по погребении блаженнаго поиде на войну, и многу побѣду сътворивъ...* — Вероятнее всего, в виду имеется поход на половцев 1103 г., после Долобского съезда князей, на котором, по предложению Владимира Мономаха, было принято решение об этом походе. На территории половецких земель, на реке Сутень, объединенные силы русских князей нанесли сокрушительное поражение половцам.

Стр. 570. *Яко же рече Лѣствечникъ...* — См. коммент. к с. 506, к словам: «...что пишеть блаженый Иоанъ иже в Лѣствици».

Стр. 572. *Иже слышавъ от того сътворшееся въ Костянтинѣ градѣ...* — Передаваемый сюжет является содержанием Слова Пролога под 19 января: «О спасшемся от болезии милостыни ради, и паки раскаявся умре».

Стр. 578. *...келарь* — в древнерусском монашестве монах, ведающий монастырскими вотчинами и светскими делами монастыря.

Стр. 580. *Бѣ бо тогда пожженъ манастыръ...* — Имеется в виду нападение на Киево-Печерский монастырь половцев 20 июля 1096 г. Монастырь был выжжен и разграблен. Это событие подробно описано его очевидцем Нестором (см. «Повесть временных лет» под 1096 г.).

Стр. 582. *Мстислав Святополчич* (ум. в 1099 г.) — сын князя Святополка Изяславича от наложницы, князь Владимира-Волынского.

Стр. 584. *...Власяница* — одежда из грубой шерсти или необработанного волоса, надеваемая на тело для «усмирения плоти».

Не по мнозѣх же дънех самъ Мьстислав застрѣленъ бысть въ Володимери... — Мстислав был убит стрелой при осаде Владимира в 1099 г. Давыдом Игоревичем (во время княжеских распрь после ослепления Василька Теребовльского).

Стр. 588. *...въ десятоструннѣ псалтыри!* — Здесь «псалтырь» — десятиструнный древнееврейский музыкальный инструмент.

Стр. 590. *...и възем вапъницю...* — Вапница — какой-то сосуд или ящик для хранения красок.

Стр. 592. *Се бо новый намъ Елисей...* — Пророк Елисей излечил от проказы Неемана, военачальника сирийского царя (Библия, Четвертая книга Царств, гл. 5).

Деисус — от греческого слова, означающего «моление». Деисус — композиция, состоящая из трех икон. На центральной изображен Христос, судящий людей после конца мира. По сторонам от иконы Христа — икона богоматери и икона Иоанна Крестителя, которые изображены заступниками за грешников, молящими Христа о милости. В деисусе по сторонам Христа могут быть изображены еще и другие святые. Деисусом иногда называется и весь иконостас вообще.

Стр. 594. *...изгорѣ Подолие все...* — Подол — район Киева. Здесь имеется в виду большой пожар 1124 г.

Стр. 600. *...власы же въземше въ убрусѣ...* — При посвящении в монахи остригались волосы, отсюда и термин — «пострижение».

Стр. 606. *...то въ 11 час съ пришедшими равна праведным сътворить его господь.* — Имеется в виду притча из Евангелия от Матфея, в которой «царствие иебесное» уподобляется «хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой». Работники нанимались хозяином в течение дня несколько раз, и последние были наняты в 11 часов. Когда хозяин стал расплачиваться с работниками, то нанятые последними первыми получили плату и плата их была такая же, как и нанятых рано утром. Работники, пришедшие первыми, стали роптать, говоря: «...эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной». В ответ на это хозяин сказал ропщущему: «Я не обнжаю тебя: не за днинарий лн ты договорился со мною? Возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе. Разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив от того, что я добр?»

...родомъ торопчанинъ... — из города Торопца.

Стр. 608. *...и нача гнѣватися Изяславъ на Антониа про князя Всеслава.* — См. коммент. к с. 412, к словам: «...изыдоша трие Ярославичи...»

...манастырь святыа Богородица на Болъдиных горах... — Болдины горы — гористая местность в западной части Чернигова.

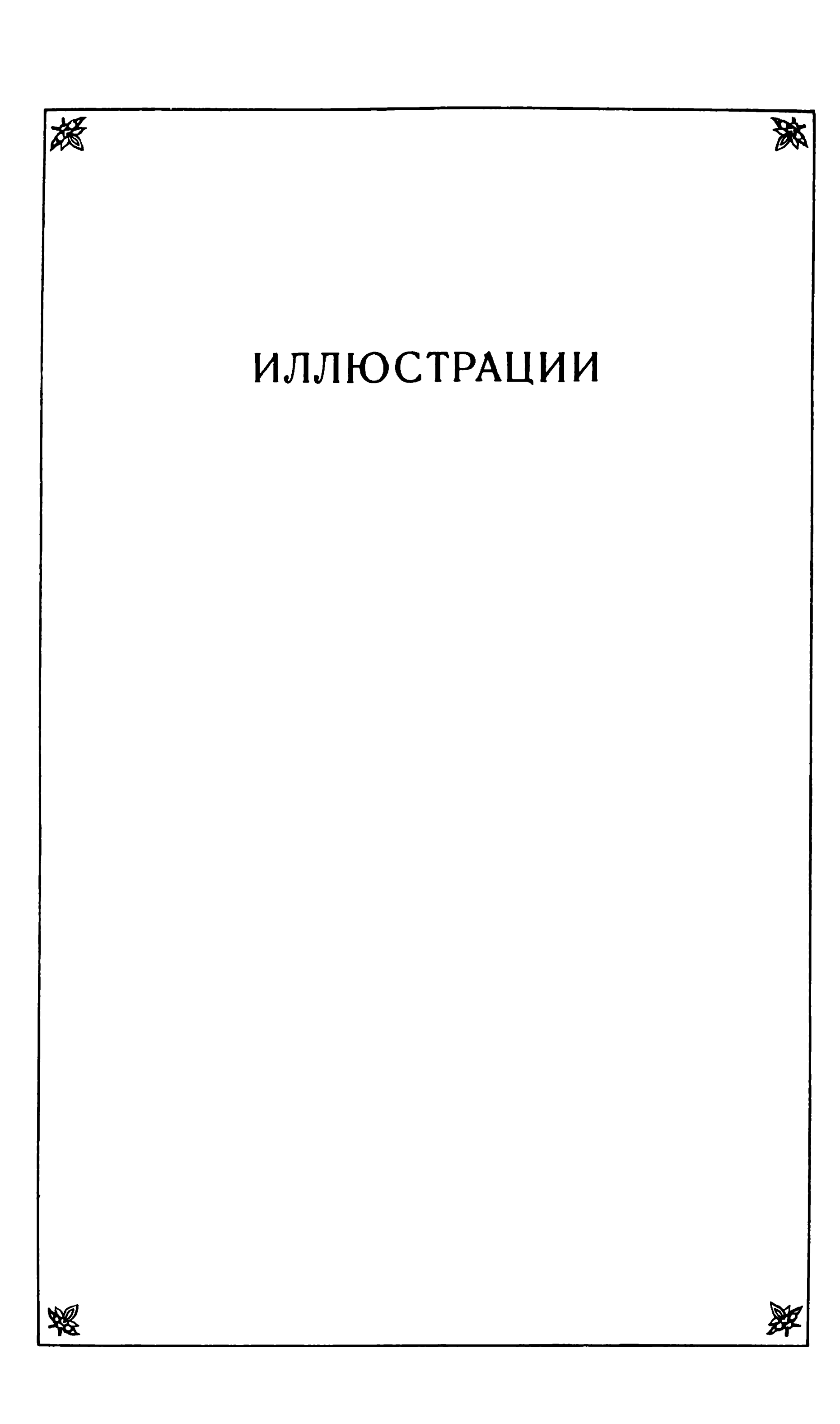
Стр. 614. *...въ Савелиеву вѣру...* — Савелиева ересь. Названа так по имени некоего Савелия (середина III в.), толкование которым сущности Троицы было признано еретическим.

Стр. 620. *Щековица* — урочище в Киеве.

В лѣто 6971 въ Печерьском манастыри... — Отсюда и до конца идет текст только данного списка.

При князи Семене Александровичи и при брате его князи Михаиле... — Сыновья князя Александра Владимировича, правнуки Ольгерда. Семен Александрович (Олелькович) был последним киевским князем (ум. в 1471 г.). Его брат Михаил — князь литовский.

...при дръжавѣ великаго короля Жикгимонте Августе... — Сигизмунд II Август, король польский и великий князь литовский в 1548—1572 гг.



ИЛЛЮСТРАЦИИ

Подбор иллюстраций
О. А. Белобровой

Успенский собор во Владимире. XII в.

Дмитровский собор во Владимире. 1193—1197 гг

Рельефы Дмитровского собора во Владимире. 1194—1197 гг.

Золотые ворота во Владимире. XII в.

Церковь Покрова на Нерли. 1165 г. *(Фотоархив ЛОИА)*

Пятницкая церковь в Чернигове. Конец XII — начало XIII в.
Реконструкция П. Д. Барановского.

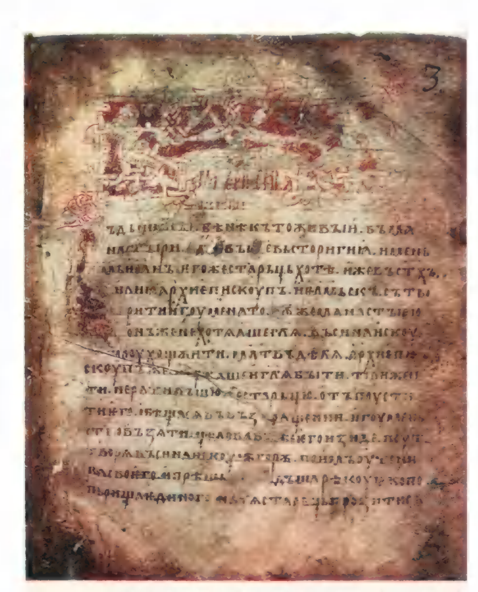
Св. Никита бьет беса.
Гравированное изображение на иконке XIV в
(Загорский музей-заповедник)

Св. Евстафий Плакида на коне. Каменная резная иконка. XV в. *(Вологодский областной краеведческий музей)*

Вифания же от града Иерсма вдале двою вер
сту. за горою во удолнем месте. И есть
Вифания городом на полудни лицо от Иеру
салима. и вне ходяче ворота города святого.
на десно от руки церковь пещера. и в той пещере
есть гроб святого Лазаря. и в той нисхождение Лазарь
болевъ. тут и умер лежавы. И есть посреди
города святого церковь велика вверху создана.

«Хождение» игумена Даниила. Миниатюра: Город Вифания.
Рукопись XVII в. *(Москва, ГИМ)*

«Хождение» игумена Даниила. Миниатюра: Дуб мамврийский. Рукопись XVII в. *(Москва, ГИМ)*



Синайский патерик. Начальный лист с заставкой.
Пергаменная рукопись XI—XII вв. *(Москва, ГИМ)*

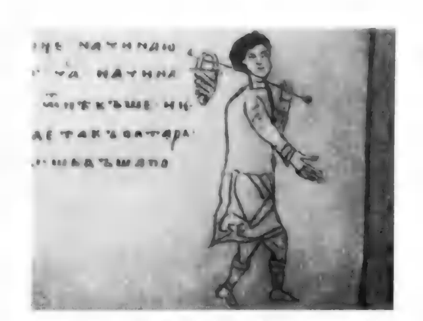
Иоанн Предтеча в пустыне. Икона начала XVII в. *(Москва, ГТГ)*

Шестоднев. Икона круга Дионисия. Начало XVI в. *(Москва, ГТГ)*

Притча о сладости мира. Васильевские врата Покровского собора в г. Александрове. 1336 г. Деталь.

Повесть о Варлааме и Иоасафе. Миниатюра: Царевич Иоасаф беседует с Варлаамом. Рукопись XVII в. *(Ленинград, БАН)*

Повесть о Варлааме и Иоасафе. Миниатюра: Царевич Иоасаф беседует с отцом своим царем Авениром. Рукопись XVII в. *(Ленинград, БАН)*



Странник. Рисунок на полях Типографского устава. 1-я половина XII в. *(Москва, ГТГ)*

Делатель трудися. Рисунок на полях Типографского устава. 1-я половина XII в. *(Москва, ГТГ)*

Весна. Миниатюра. Месяцеслов XVII в.
(Ленинград, Древлехранилище Пушкинского дома)

Летописная повесть о походе Игоря. Набег половцев на русскую землю и сопротивление русских князей. Миниатюра. Радзивиловская летопись XV в. *(Ленинград, БАН)*

Летописная повесть о походе Игоря. Первая битва с половцами. Миниатюра. Радзивиловская летопись XV в. *(Ленинград, БАН)*

Летописная повесть о походе Игоря. Вторая битва с половцами и поражение войска Игоря. Миниатюра. Радзивиловская летопись XV в. *(Ленинград, БАН)*

Летописная повесть о походе Игоря. Набег половцев на русскую землю и сопротивление русских князей. Миниатюра. Радзивиловская летопись XV в. (*Ленинград, БАН*)

Игорь у великого князя Святослава. Миниатюра. Радзивиловская летопись XV в. *(Ленинград, БАН)*

Икона «Богоматерь Печерская (Свенская)», около 1288 г. с изображением св. Антония и Феодосия Печерских *(Москва, ГТГ)*

Спас Нерукотворный. Икона XII—XIII вв. *(Москва, ГТГ)*

Прославление креста. Оборот иконы Спас Нерукотворный. XII—XIII вв.
(Москва, ГТГ)

Лист с заставкой. Киево-Печерский патерик. Список 1406 г.
(Ленинград, ГПБ)

Киево-Печерский патерик. Исакий пляшет под музыку бесов. Миниатюра. Радзивиловская летопись XV в. *(Ленинград, БАН)*

СОДЕРЖАНИЕ

П15 Памятники литературы Древней Руси: XII век. /Вступит. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; Оформл. худож. В. Вагина. — М.: Худож. лит., 1980. — 704 с. (Памятники лит-ры Древней Руси).

В книгу вошли разнообразные по тематике и жанровым признакам произведения, появившиеся на Руси, охваченной процессом феодального дробления; среди них такие известные, как «Хождение» игумена Даниила, отрывки из Синайского патерика, Киево-Печерский патерик, летописные повести о походе Игоря, а также жемчужина древней русской литературы — «Слово о полку Игореве».

П $\frac{70301\text{-}356}{028(01)\text{-}80}$ 50-79 **Р1**

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
XII ВЕК

Редакторы
Г. Бажанова и Ю. Козловский

Художественный редактор
Г. Масляненко

Технический редактор
О. Ярославцева

Корректор
Л. Коншина

ИБ № 807

Сдано в набор 20.07.78. Подписано к печати 18.06.79. Формат 60×90[1]/16. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. 44+альбом=46 усл. печ. л. 46,464+альбом=47,957 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 125. Цена 4 р. 80 к.

Издательство
«Художественная литература»
107078, Москва, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

4р. 80к.